

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1884 г.

	стр.
I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). Н. Ѳ. Сумцова	1
II. КОВЗАРИ И ЛИРНИКИ. (<i>Очерки I—III</i>). В. Горленка	21
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Маркович). Ал. Лазаревского	50
IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). И. Левицкаго	83
V. ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИИЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ. Съ предисл. и примѣч. В. Ястребова	111
VI. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ.	135
VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІИ. Н. С—ко	143
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1883 г.— <i>В. Г—ко</i> .—б) Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева, Харьковъ. 1883 г.— <i>Ело-же</i> .—в) Юмористическіе рассказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта В. П. Жуковского. Кіевъ, 1883 г.— <i>Ело же</i> .—в) Демидовъ Санъ-Донатто. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г.	149
XIX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еврейскій плѣнъ въ Запорозьѣ 1770—1772 гг.— <i>А. Скальковскаго</i> .—б) Волянская бывальщина.— <i>П. О</i> .—в) Живой упырь въ борьбѣ съ умершимъ упыремъ.— <i>К. Кошовика</i> .—г) Образчикъ малорусской «покормежной».—д) Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ.—е) Последнія домогательства малороссійскаго шляхетства.—ж) Изъ писемъ помѣщиковъ кіевской губерніи къ кіев. гражд. губернатору Папкратеву.—Сообщ. <i>А. А—скій</i> .—з) Пѣсенный отголосокъ давно явившей уніи.—Сообщ. <i>М. Крашиновскій</i>	159

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1884 г. продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

Я Н В А Р Ъ .

1884 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 24-го декабря 1883 года.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“
ВЪ 1884 ГОДУ.

Журналъ „**Кіевская Старина**“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроникн, дневники, воспоминаія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Въ 1883 году въ „**Кіевской Старинѣ**“ помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. П. Костомарова. *Печерскіе антики*, П. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣнь*, Ѳ. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. П. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в.*, *Записки барскаго конфедерата Карла Хосекаго*, *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому*, *Письма С. Т. Аксакова, Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу*. *Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы*, *День интермедіи 1619 г.*, *сооб. М. Т—въ*, *Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и*

II

малоросс. шляхетства о возстановленіи привилегій Малороссіи, Судъ надъ вѣдьмами, П. С. Ефименка, *Неизвѣстный доселѣ истманъ*, Вл. Б. Антоновича, *Судьба одного галицко-русскаго ученаго*, Я. Г., *Изъ архива Забылы и Галагановскій архивъ*, съ пред. А. М. Лазаревскаго, *Румянцевская Опись*, Д. Н. Багалъя, *Займанщина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст.*, его-же, *Второбрачіе южно-русскихъ священниковъ XVIII ст.*, С. Ц., *Кулетныя формы народной южнорусской пѣсни*, Ц. Г. Неймана, *Смѣна народностей въ Россіи*, Пр. Житецкаго, *Украинскія женщины XVI и XVII ст.*, Д-ра А. Г. и проч.

Сверхъ того. въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софій, жены Гонта и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Съ январской книжки начата печатаніемъ повѣсть П. Нечуя (Левицкаго); *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, равно пойдуть и другія, обѣщанныя нами, но не вошедшія въ изданіе этого года статьи и матеріалы. Изъ числа новыхъ назовемъ: *О змѣвахъ валахъ*, В. В. Антоновича, *Юанникій Галитовскій*, Н. О. Сумцова, *Малороссійскія города XVII и XVIII ст.*, Д. Н. Багалъя, *Послѣдніе кіевскіе войты*, П. М. Каманина, *Дневникъ князя Б. П. Куракина*, сподвижника Петра I-го, *Мемуары гетмана Петра Апостола* и *Записки б. кіев. губерн. предводителя дворянства П. Д. Селецкаго*. Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кіевск. воеводы Адама *Киселя*.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пореслыкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. высылаются по той же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію „Кіевской Старины“*, Кіевъ, Софійская площадь; д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **В. Г. Лебединцевъ.**

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ началѣ XVII вѣка южно-русскіе писатели въ своей ученой дѣятельности постоянно имѣли въ виду народныя потребности и нужды. Научная дѣятельность развивалась преимущественно въ Острогѣ и въ Вильнѣ подъ защитой братствъ. Въ большей части дошедшихъ до насъ научныхъ и литературныхъ памятниковъ начала XVII ст. языкъ простой, ясный, сильный, довольно близкій къ народной рѣчи; въ нихъ много живости, бойкости, исторической документальности. Таковы: „Перестрога“, Посланія Іоанна Вишенскаго, „Өрипось“ М. Смотрицкаго и нѣкот. друг.

Около половины XVII ст. украинская наука поселяется въ мрачныхъ аудиторіяхъ кіево-могилянскаго коллегіума. Въ количественномъ отношеніи она сильно разростается; въ качественномъ отношеніи падаетъ, понижается. Въ южно-русской литературѣ, развившейся подъ вліяніемъ могилянскаго коллегіума, слишкомъ много вустословія, витіеватости, искусственности. Сочиненія главныхъ писателей этой эпохи: Барановича, Галятовскаго, Гизеля, Радивиловскаго, наглядно показываютъ, до какой степени оскуднѣнія можетъ дойти научная мысль, протянутая черезъ узкія, тенденціозно сколоченныя школьныя рамки.

Трудно выдѣлить Галятовскаго, при первомъ чтеніи его сочиненій, изъ ряда современныхъ ему южнорусскихъ писателей. Его „Души“ наводятъ на читателя невыносимую скуку, а „Мессія“ валится изъ рукъ. Нужно ознакомиться съ его „Бесѣдой“ и „Фундаментами“, нужно сопоставить эти маленькія, дѣльно написанныя книжки съ объемистыми сочиненіями Барановича, Гизеля и Радивиловскаго, чтобы оцѣнить превосходство Галятовскаго надъ этими писателями;

по умственнымъ дарованіямъ и начитанности, Галыатовскій болѣе всякаго другаго можетъ быть названъ представителемъ южно-русской литературы второй половины XVII ст. Всѣ недостатки этой литературы ясно сказались въ его сочиненіяхъ; лучшія литературныя произведенія этой эпохи принадлежатъ перу Галыатовскаго. Въ Галыатовскомъ южная Россія нашла талантливаго ученаго дѣятеля, отчасти дѣятеля политическаго, вообще умѣлаго и опытнаго бойца за южнорусскую народность, точнѣе сказать, за главное въ XVII в. ея проявленіе,—православіе.

Личность Галыатовскаго до послѣдняго времени оставалась въ тѣни: сочиненія его не были подробно обслѣдованы. Причина—крайняя скудость письменныхъ, документальныхъ свѣдѣній о Галыатовскомъ. Въ силу этой скудости, изслѣдователь не можетъ ни освѣтить достаточнымъ количествомъ фактовъ личность этого писателя, ни объяснить его политическую дѣятельность въ связи съ современнымъ ему состояніемъ южной Россіи¹⁾.

О мѣстѣ и времени рожденія Галыатовскаго, о его родителяхъ и первоначальномъ воспитаніи ничего не извѣстно. Извѣстно только, что онъ учился въ кіево-могилянскій коллегіи. Здѣсь онъ увидѣлъ свѣтъ науки, точнѣе сказать, ея блѣдный отблескъ, пробившійся черезъ дремучія дебри схоластики. Къ Галыатовскому болѣе, чѣмъ къ кому-бы то ни было, идетъ названіе питомца кіевской коллегіи, такъ какъ онъ всосалъ въ себя всѣ ея духовныя соки, и хорошіе, и дурныя.

Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія юго-западной Россіи съ 20 годовъ XVII ст. Насадителями школьной науки и литературы тутъ явились кіево-печерскіе архимандриты: Плетенецкій, Копыстенскій и въ особенности Петръ Могила. Петръ Могила въ юго-

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о Галыатовскомъ 1) Въ его сочиненіи «Stary kosciol. 1678; 2) Письмахъ Лазаря Барановича. Изд. 2. 1865 г.; 3) Памятникахъ кіевск. временной комисіи для разбора древнихъ актовъ, 1846 г. II. 223—226; 4) Актахъ южной и западной Россіи, т. IX, XI и XII; 5) непечатанныхъ письмахъ Галыатовскаго къ царю, хранящихся въ бібліотекѣ московскаго общества исторіи и древностей подъ № 98; 6) Исторія русской іерархіи, Амвросія, въ 6 томѣ, и 7) Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета. М. Евгений, Аскоченскій, Костомаровъ, Вишневскій новыхъ свѣдѣній о жизни Галыатовскаго не представилъ.

западную русскую образованность внесъ западно-европейскія схоластическія начала, подѣйствовавшія на южно-русскую національную мысль, какъ „смертоноснымъ ядомъ устроенный хлѣбъ“. Греческія и протестантскія вліянія были устранены. Кіевскій коллегіумъ построенъ всецѣло по образцу іезуитскихъ коллегій. Нѣкоторые изслѣдователи, панегиристы Петра Могилы, полагають, что „всѣ заимствованія Могилы изъ іезуитской педагогикки ограничивались лишь формами, которымъ сообщался другой духъ и характеръ ¹⁾“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ области умственныхъ отношеній и интересовъ содержаніе и форма сливаются нераздѣльно и одно другое обусловливаетъ и опредѣляетъ. Съ заимствованиемъ ви́шнихъ формъ іезуитской педагогикки незамѣтно было воспринято въ русскую жизнь и схоластическое латинское содержаніе, выразившееся въ напыщенномъ „казаннѣ“, вытѣснившемъ скромную „омилію“, въ стремленіи высшаго духовенства поработить мірянъ, въ усиленіи сервиліума, въ особомъ толкованіи ученія о времени пресуцественія св. Даровъ.

Кіево-могилянская коллегія выдѣлилась изъ ряда братскихъ школъ характеромъ своей педагогикки. Отличительными чертами педагогикки кіевской коллегіи служатъ съ дидактической стороны строгій схоластическій методъ преподаванія всѣхъ наукъ и преобладаніе латинскаго языка, а со стороны воспитательной строгая школьная дисциплина.

Въ коллегіи было восемь классовъ: 1) фара, или аналогія, 2) инфима, 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) поэзія, 6) риторика, 7) философія и 8) богословіе.

Въ первое время существованія коллегіи, во время обученія въ ней Галятовскаго, фара была элементарнымъ, подготовительнымъ классомъ; учили въ ней только латинскому и славянскому чтенію и письму. Въ XVIII столѣтіи занятія въ фарѣ значительно усилились.

Въ инфимѣ ученики начинали говорить по латыни, переводили съ латинскаго языка на русскій и обратно, писали небольшія классныя упражненія, или экзерциціи. Наставникомъ Галятовскаго въ инфимѣ былъ Лазарь Барановичъ.

¹⁾ Линчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи» 1870 г., VII. 473.

Въ грамматикѣ и синтаксимѣ ученики одолѣвали грамматику Альвара, трудились надъ оккупаціями, или домашними письменными упражненіями въ латинскомъ языкѣ, говорили исключительно по латыни.

Трудно сказать, что въ первыхъ четырехъ классахъ коллегіи преподавалось, кромѣ латинскаго языка: русскій и греческій языки, повидимому, были на заднемъ планѣ; съ ариѳметикой, священнои исторіей и краткимъ катехизисомъ въ низшихъ классахъ коллегіи знакомили лишь слегка. Строго говоря, все обученіе вертѣлось на латинской грамматикѣ. „Одну и ту-же грамматику, что писалъ краковскій профессоръ математики Брожка (Броціусъ) въ сочиненіи „*Gratis*, или Разговоръ гражданина съ священникомъ, іезуиты разбили на множество частей—инфиму, грамматику, синтаксиму. А это простымъ и перазсудительнымъ родителямъ кажется превосходнымъ: думаютъ они, что сынъ ихъ, слушая науки въ 1, 2, 3 и 4 школѣ (т. е. классахъ), уже сдѣлался греческимъ или римскимъ императоромъ или полководцемъ, или получилъ премію, или схватилъ какой-нибудь образокъ; а развѣ этого мало?... При этомъ не замѣчаютъ, что во всѣхъ этихъ классахъ одна наука, одна только грамматика ¹⁾“.

Самый учебникъ латинскаго языка, составленный Альваромъ, отличался, по словамъ Брожки, крайней темпотою. Альваръ въ іезуитскихъ школахъ держался отъ XVI до XIX ст. Въ кіево-могилянскій академіи и въ семинаріяхъ по этому отупляющему учебнику учились болѣе ста лѣтъ. Въ великорусскихъ семинаріяхъ въ XVIII в. грамматика Альвара пользовалась уваженіемъ и восхвалялась до небесъ. Наставники семинаріи изображали эту грамматику въ видѣ дерева и писали ему похвалу: „Высоко это древо и досягаетъ до неба, ибо Творецъ неба, самый сый премудрость, любить ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви“ и т. д. ²⁾.

Поэзія и риторика во время Галятовскаго преподавались въ одномъ классѣ и въ теченіи одного года. Въ XVII ст. предметы

¹⁾ Пекарскій, Кіев. наука, въ «Отечеств. Запискахъ» 1862. II, 563.

²⁾ Знаменскій, Духовныя школы, 437.

ети раздѣлились на два класса и проходились въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ шитикой понималось искусство плести вирши (*ars pangendi versus*); подъ риторикой—игра въ прозаическія словесныя формы, наборъ механическихъ рецептовъ, какъ составлять періоды, писать письма и ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни. Въ поэзіи и риторикѣ ученики уже заявляли свою ученость виршами и ораціями въ школѣ и внѣ школы. По словамъ Теофана Прокоповича, грубой XVII в. благоговѣль передъ такими пустяками, какъ схоластическія вирши и ораціи ¹⁾.

Мифологія, считавшаяся необходимой принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитою обширностью и съ малѣйшими подробностями. Званіе этой науки было до того развито въ наставникахъ и воспитанникахъ, что, кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всѣми богами языческаго Олимпа, не свободны были отъ мифологическихъ примѣненій даже такія сочиненія, которыя легко могли-бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозревая ни мало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній. Такъ, Сильвестръ Коссовъ на 10 страницъ своего Патерика (1635) сравниваетъ печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ ²⁾. Изъ кievскихъ ученыхъ и писателей второй половины XVII в. Галятовскій обнаруживаетъ наибольшую склонность къ мифологіи. Въ „Ключѣ“ прообразами Христа являются Юпитеръ и аѳинскій царь Кодръ.

Наставникомъ Галятовскаго въ риторикѣ былъ Л. Барановичъ, о чемъ говоритъ самъ Галятовскій въ началѣ „Стараго Костела“.

Ученики первыхъ 6-ти классовъ составляли младшее братство, *sodales minoris congregationis*; ученики двухъ высшихъ классовъ—старшее братство, *sodales majoris congregationis*. Первые назывались учениками, вторые студентами; существенное отличіе двухъ высшихъ классовъ состояло въ наукахъ. Здѣсь преподавались философія и богословіе, дававшіе воспитанникамъ острое оружіе, которымъ они отражали нападенія иновѣрныхъ враговъ. Коллегіальская философія была въ полномъ смыслѣ философія схоластическая,

¹⁾ Ливчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи», 1870, Авг. 468.

²⁾ Аскоченскій, Кіевъ, I. 135 и примѣч. стр. 332.

ancilla theologiae. Аристотель процвѣталъ въ коллегіи и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона, а Франція Декарта. Дошедшія до нашего времени руководства по философіи, относяціяся къ XVII в., составлены по одному образцу, и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: философію умственную или логику, естественную или физику и божественную или метафизику. Первой части почти всегда предшествовала діалектика, заключающая теорію доказательства, или силлогистическихъ умозаключеній. Логика примѣняла законы мышленія къ разнымъ случайностямъ умственного дѣланія. Физика трактовала о матеріи и формѣ вещей, природѣ и свойствахъ видимыхъ предметовъ, времени и пространствѣ и о душѣ. Метафизика учила о безтѣлесныхъ существахъ. По замѣчанію историка кievской коллегіи, „суровая строгость и голололомная сухость философской науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украины, они уважали ее, даже поставляли себя за честь отличиться діалектическими тонкостями, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно, всей душой привязанія къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея ни у кого не доставало охоты“¹⁾).

Богословіе въ кievской коллегіи читалось съ величайшей обширностью и отчетливостью. Полный курсъ богословія оканчивали въ 4 года. Въ виду религиозныхъ споровъ, волновавшихъ юго-западный край, преподаваніе богословской науки неизбѣжно приняло характеръ полемическій. И въ богословской наукѣ господствовала Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формами своей методики. Образцомъ богословствованія считался Тома Аквинскій.

Старинная кievско-могилянская академія не развивала мышленія. Вниманіе учащихса было обращено на формы, а не на сущность предметовъ. Все коллегіумское образованіе клонилось къ тому, чтобы приготовить искусныхъ льстецовъ и умѣлыхъ полемистовъ. Преподаваніе богословія не столько утверждало учениковъ въ истинахъ христіанства, сколько пріучало ихъ къ религиозному ханжеству и внѣшней обрядности, укрѣпляло ихъ въ предрассудкахъ и суевѣріяхъ. Преподаваніе піитики и реторики развивало въ ученикахъ склонность къ составленію панегириковъ, которые вредно-

¹⁾ Аскоченскій, Кіевъ, I. 139.

дѣйствовали и на хвалителей и на хвалимыхъ,—первыхъ приучали къ постыдному ласкательству, во вторыхъ развивали несумѣренное самомиѣненіе и гордость.

Дурныя стороны кіево-могилянської педагогіи, вытекавшія изъ группировки учебныхъ предметовъ и способовъ ихъ преподаванія, усиливались и осложнялись, вслѣдствіе крайняго преобладанія началъ юридическихъ надъ началами собственно педагогическими. Воспитаніе обращалось въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Командирство охватывало всѣ школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ, префектъ, профессора, преподаватели, тайные и явные визитаторы, цензоры, инспекторы, аудиторы, школьный *senatus* и *populus*—чрезвычайно длинная вереница начальствующихъ и подчиненныхъ, весьма сложная организація началъ зависимости и повиновенія. Всѣ приемы кіево-могилянської педагогіи какъ будто были рассчитаны на то, чтобы вытравить въ учащихся чувство дружбы, товарищества и любви. Ученики, соперничая другъ съ другомъ, писали сочиненія *de loco, de pane, de calceis, de candela, de indusio*, и написавшій лучшее сочиненіе садился, съ вѣдома и при содѣйствіи начальства, впереди своего побѣжденнаго товарища, отнималъ у него булку или получалъ право завладѣть его свѣчей. Какъ въ іезуитскихъ школахъ, такъ и въ кіево-могилянської академіи въ высшей степени было развито шпионство. Учителя слѣдили за учениками, ученики другъ за другомъ, подглядывали, подслушивали, шептали въ уши начальства и выслуживались ¹⁾).

Изъ сочиненій Галятовскаго видно, что онъ основательно усвоилъ коллегіумскую премудрость. Нужно допустить, что Галятовскій въ академіи слышалъ о многихъ древнихъ и средневѣковыхъ писателяхъ. Для его живаго, любознательнаго ума на первое время достаточно бы однихъ именъ авторовъ, однихъ указаній на нихъ, чтобы впослѣдствіи воспользоваться этими указаніями для самообразованія.

¹⁾ О внутренней жизни коллегіумскихъ учениковъ, времени занятій, развлеченій, наградахъ и наказаній, играхъ, микротапѣ см. въ статьѣ Липчевскаго въ «Трудахъ кіевской духовной академіи», 1870, августъ.

Южно-русскіе ученые XVII ст.: Бронскій, Смотрицкій, Коныстенскій, Барановичъ, Галытовскій, Радвилловскій, постоянно дѣлають указанія на источники. Такъ въ „Апокрисисѣ“ насчитывается 60 пособій автора, во „Фриносѣ“ 145, въ „Палинодіи“ 142. Указанія на пособія находятся или въ началѣ книги, послѣ предисловія, или въ книгѣ на поляхъ или вставлены въ самый текстъ. Одни писатели, напр. Барановичъ, ссылаются исключительно на духовныхъ писателей; другіе, напримѣръ Смотрицкій и Галытовскій, часто приводятъ имена писателей свѣтскихъ. Галытовскій охотно указываетъ на прочитанныя имъ сочиненія. Эти указанія довольно любопытны для историка юго-западной науки и литературы, такъ какъ открываютъ, какія книги вращались въ кievскомъ ученomъ мiрѣ двѣсти лѣтъ назадъ и какъ пользовались ими южно-русскіе писатели.

Почти на каждой страницѣ сочиненій Галытовскаго находятся ссылки на священное писаніе. Подобно другимъ схоластическимъ писателямъ XVII вѣка, Галытовскій часто беретъ не цѣлый библейскій текстъ, заключающій въ себѣ полную мысль, а отрывочныя мѣста, нерѣдко даже отдѣльныя слова. Къ апокрифическимъ рассказамъ Галытовскій относится съ полнымъ довѣріемъ и охотно ими пользуется.

Галытовскому были извѣстны „De vita contemplativa“ Филона (I вѣка), сочиненія Юсифа Флавія († 93), Діонисія Ареопагита, Климента Александрійскаго и Иринея ліонскаго (II вѣка). Составляя сочиненіе о „Мессіи правдивомъ“, Галытовскій пользовался преимущественно сочиненіемъ христіанскаго писателя II в. Юстина: „Разговоръ съ Трифономъ“. Галытовскій дѣлаетъ обширныя заимствованія изъ первой части „Разговора“, гдѣ говорится, почему христіане не исполняютъ Моисеева закона, и беретъ кое-что изъ второй и третьей частей, трактующихъ о воплощеніи, крестной смерти Спасителя и о томъ, что вѣрующіе во Христа, по пророчествамъ, наследуютъ обѣтованія Божіи.

Изъ духовныхъ писателей III—XI вѣковъ Галытовскому были извѣстны: Оригенъ († 254), сочиненіе священника Ипполита „De nativitate Christi“, которое въ старое время ученые, въ томъ числѣ Галытовскій, ошибочно приписывали Кипріану Коринтскому, „De fine saeculi“ мученика Меодія († 303), книги Тертуліана про-

тивъ Маркіона, изданнїя въ 208 г., іерусалимскіе патріархи IV в. Кирилль и Іоаннъ, Клавдіанъ, Лактанцій, блаженный Іеронимъ, Епифаній Кипрскій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій и Аѳанасій Александрійскій († 373). Аѳанасію Александрійскому Галятовскій, съ общаго голоса ученыхъ XVII вѣка, приписывалъ составленіе символа вѣры *Quicumque*, составленнаго въ V вѣкѣ Вигиліемъ Мансійскимъ¹⁾. Галятовскому были извѣстны сочиненія кесарійскаго епископа Евсевія Памфила († 340) и епископа Гипанскаго Августина († 403). Въ „Мессіи“ Галятовскій указываетъ на сочиненіе Августина „*De cantico novo ad Catechumenos*“, какъ на одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ. Въ другомъ мѣстѣ „Мессіи“ упоминается сочиненіе Августина о Рождествѣ, вѣроятно, „*De genesi contra Manicheos, lib. 2*“²⁾. Галятовскій въ „Мессіи“ кое-что заимствовалъ изъ сочиненія александрійскаго епископа Кирилла († 444) „о святой вѣрѣ христіанской“, именно, изъ 6 книги (о крестномъ знаменіи) и изъ 8 и 9 (пророчества). Крімъ того, Галятовскій пользовался сочиненіями церковнаго писателя V вѣка Юліана Померія (на него ссылки въ „Мессіи“, „Ключѣ“ и „Небѣ“), Созоменомъ († 450) и Теодоритомъ († 457), продолжавшими церковную исторію Евсевія, сочиненіемъ Флавіана „*Libellus fidei Theodosio imp. id petenti oblatus*“, сочиненіемъ Іоанна Кассіана († 448) (*Collationes Patrum*³⁾), „*Adversus Eutychen et Nestorium de duabus naturis et una persona*“ Боэція († 526), „*De duabus Christi naturis*“ папы Геласія († 596), „*Poematum libri II praemissa ad Gregorium Turonensem epistola dedicatoria*“ Фортуната († 600)⁴⁾, сочиненіями Григорія Двоеслова (конца VI вѣка), іерусалимскаго патріарха Софронія († 636) и Іоанна Златоустаго (рѣдкія ссылки). Почти во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчается „Лимонарь“ Іоанна Мосха (VII вѣка). Въ „Мессіи“, „Ключѣ“ и „Небѣ“ встрѣчается знаменитый авторъ „*Historiae sive annalium Francorum*“ Григорій Турскій († 595). Галятовскій ссылается на его трактатъ „*De gloria Martyrum, lib. 2*“. Въ „Мессіи“ находится ссылка на первую часть

1) Филаретъ, Истор. уч. объ отцахъ церкви §§ 112—117; Арсенія, лѣтон. церк. соб. 135—159.

2) Caue, *Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria*. I. 175—183.

3) Caue, I.^o 410.

4) Caue, I 530, 497. Филаретъ, § 191.

„Ad Monitum“ Фульгенція († 593), гдѣ говорится о предназначеніи людей, однихъ на вѣчную славу, другихъ на муку вѣчную. Галятовскій пользовался сочиненіями Іоанна Дамаскина († 777), Павла діакона († 767), „Исторіей“ Никифора († 818), обзорѣвающей событія со смерти Маврикія до Константина, сына Ирины, сочиненіями Люндспранда и Свиды (конца X вѣка). По Теофилакту болгарскому (конца XI вѣка) Галятовскій объяснялъ классическія мѣста Евангелія, касающіяся святаго апостола Петра. Особеннымъ вниманіемъ Галятовскаго, какъ и многихъ другихъ южно-русскихъ писателей, Смотрицкаго, Барановича, пользовался писатель первой половины X вѣка Симеонъ Метафрастъ. Ему приписываютъ 539 житій, изъ которыхъ только 122 составлены имъ, а остальные 417 лишь обработаны.

Галятовскому были извѣстны сочиненія многихъ западно-европейскихъ схоластическихъ писателей XII—XV в.: „Dialogus adversus Iudeos“ испанскаго писателя XII в. Петра Альфонса, сочиненія Петра Ключійскаго, Граціана, Ансельма Кентерберійскаго (XII в.), Альберта Великаго († 1280 г.). Попадается изрѣдка въ сочиненіяхъ Галятовскаго *doctor angelicus et divinus* Тома Аквинскій (р. 1224 г., † 1274 г.) и *doctor subtilis* Іоаннъ Дунсъ-Скотъ (конца XIII ст.)¹⁾. Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ нѣсколько ~~разъ~~ упоминается „Зерцалло исторіи“ Викентія. Это Vincentius Bello vacensis Burgundus, болѣе извѣстный подъ именемъ Винкентія изъ Бове († 1264 г.), авторъ „Speculum quadruplex historicum“, гдѣ находится историческій обзоръ событій отъ сотворенія міра до 1254 г.²⁾ Въ „Мессіи“, „Фундаментахъ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ Галятовскій пользуется сочиненіями Тома Брукселенскаго или Кантипрата († 1263 г.), не смотря на то, что самъ-же въ „Фундаментахъ“ (стр. 66) указалъ на многія ошибочныя показанія Кантипрата о православіи. Однимъ изъ главныхъ источниковъ Галятовскаго при составленіи „Мессіи правдиваго“ были противоеврейскія сочиненія еврея выкреста Николая де Лиры или Лирануса († 1340 г.): „Disputatio contra perfidium Iudaeorum“ и „Tractatus contra Iudeum quendam“³⁾.

¹⁾ Филаретъ, § 259, 267, 294; Caue, I. 595, 493, 502; II. 297.

²⁾ Rousselot, Études de la philosophie dans le moyen âge II. 177; Caue, II. 299.

³⁾ Caue, II. 309, 22—23.

Изъ писателей XIV—XV ст. Галятовскому были извѣстны: константинопольскій патріархъ Каллистъ, Энній Сильвій Пикколомини († 1464 г.) и венгерскій хроникеръ Бонфинъ († 1502 г.)¹⁾.

Особенно большую начитанность обнаружилъ Галятовскій въ европейской богословской и исторической литературѣ XVI и XVII ст. Ему были извѣстны „Хроника баварскихъ герцоговъ“ нѣмецкаго богослова, историка и естествовѣда Тритсмія († 1516 г.), историческія сочиненія нѣмецкаго писателя Альберта Кранція († 1517 г. Кранцій упоминается и во „Өриносѣ“ Смортицкаго), „De veritate fidei christianae“ испанскаго писателя Іоанна Людовика Вивеса († 1537 г.)²⁾, сочиненіе Павла Іовія († 1552 г.) о посольствѣ въ Москву, составленное по рассказамъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова³⁾, сочиненія чешскаго писателя Дубровія († 1553 г.), сочиненія знаменитаго въ XVI ст. нѣмецкаго историка, оффиціального протестантскаго историографа Яна Слейдана⁴⁾; сочиненіе французскаго ученаго XVI в. Жана Бодэна въ защиту вѣры въ существованіе демоновъ и вѣдьмъ⁵⁾, превосходное сочиненіе Вейера, или Писцинаріуса „De praestigüs daemonum“ 1563 г., гдѣ опровергается вѣрованіе въ демоновъ и вѣдьмъ⁶⁾, „Исторія мусульманъ“ нѣмецкаго гуманиста Леонклавіуса (Löwenklau, † 1593 г.), сочиненіе іезуита Турселина († 1609 г.) „Historiarum a condito mundo lib. X“, которое въ голландскихъ университетахъ было принято, какъ учебникъ по исторіи⁷⁾, сочиненія Корнелія и Ляпиде, о которыхъ Теофанъ Прокоповичъ отзывался очень неблагоклонно⁸⁾. Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ встрѣчаются ссылки на сочиненіе Сягопія „о влосскомъ королевствѣ“. Въ концѣ XVI ст. въ Польшѣ былъ

1) Rieger, Słownik nauczny; Cave, II 176.

2) Caue, II 242, 237; Rieger, Słown. nauczny.

3) Бестужевъ-Рюминъ, Русск. Исторія. I. 181.

4) Rieger, Słown. nauczny. Главное сочиненіе Слейдана о положеніи религіи и государства при Карлѣ V издавалось 80 разъ; сочиненіе о 4 главныхъ имперіяхъ издавалось 60 разъ.

5) Soldan, Geschichte d. Hexen processe. 261.

6) Объ этомъ соч. см. въ моей брошюрѣ «Очеркъ исторіи колдовства въ зап. Европѣ».

7) Rieger, Słown. nauczny. IV.

8) Мацѣвльчъ, «Труды кiev. дух. акад.» 1871 г. IV. 210.

переводчикъ аристотелевой риторики Сигоній. Современники приписывали ему сочиненіе „De Senatu romano“, написанное Яномъ Замойскимъ ¹⁾). Вѣроятно, и Галатовскій по ошибкѣ сочиненіе Замойскаго приписалъ Сигонію. Въ „Ключѣ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ довольно часто встрѣчаются ссылки на италіанскаго писателя конца XVI ст. Яна Ботера, котораго сочиненіе въ польскомъ переводѣ Ленчицкаго 1609 г. носитъ названіе „Relatiae powszechne abo powinu rospolite“. Тутъ говорится 1) о космографіи, 2) гидрографіи, 3) монархологіи, 4) религіозныхъ сектахъ и 5) американскихъ суевѣріяхъ ²⁾). Кромѣ Галатовскаго, Ботеромъ пользовался еще Захарія Копыстенскій при составленіи „Паливодіи“ ³⁾). Белларминъ рѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ Галатовскаго; за то Бароній встрѣчается чуть не на каждомъ шагѣ. Послѣ книгъ св. Писанія, „Анналы“ Баронія у Галатовскаго занимаютъ первое мѣсто. Въ „Мессіи“, въ изъясненіи 48 пророчества Галатовскій называетъ Баронія достовѣрнѣйшимъ историкомъ. „Я, говоритъ Галатовскій въ началѣ „Мессіи“, зъ латинскаго Бароніуша зупелного писалемъ, а въ польскомъ Баронѣушѣ не зупелномъ не все тое знайдешъ“. Кромѣ Галатовскаго, на Баронія часто ссылаются Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи“ ⁴⁾, Евсевій Пиминъ (Петръ Могила) въ „Ливошѣ“ ⁵⁾, Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія“, Стефанъ Яворскій въ проповѣдяхъ. Въ московскомъ публичномъ музеѣ находится два рукописныхъ экземпляра Бароніевыхъ лѣтописей въ польскомъ сокращеніи Скарги. Русскій переводъ относится къ концу XVII в. ⁶⁾. Въ синодальной бібліотекѣ подъ № 729 находится „Баронѣуша наука“, переводъ съ малорусскаго языка ⁷⁾. Въ 1719 г. „Анналы“ Баронія были переведены съ польскаго языка на русскій, съ пропускомъ противныхъ восточной церкви толкованій, и напечатаны въ московской синодальной типографіи въ 2 частяхъ церковнымъ

¹⁾ Wiszniewski, Histor. literat. IV. 168, 143.

²⁾ Maciejowski, Piśmen. polskie. III. 72; Wiszniewski, Hist. literat. VII, 561.

³⁾ Русск. Историч. Библіот. IV.

⁴⁾ Тамъ-же, 327.

⁵⁾ Літоз, або каміен. 1610 г. -стр. 3 и 4.

⁶⁾ Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. музея.

⁷⁾ Савва, Указатель. 160.

прифтомъ, подъ заглавіемъ „Дѣянія церковныя и гражданскія“. „Анналы“ Баронія вышли въ 12 томахъ въ Римѣ въ 1588—1607 годахъ и имѣли много изданій. Въ 1646 г. онѣ были продолжены Одораціемъ Райнольди. Продолженіе это было извѣстно Галятовскому.

Галятовскій обнаружилъ довольно обширное знакомство съ польской литературой, преимущественно исторической. Такъ, у него встрѣчаются ссылки на Длугоша († 1480 г.), Матвѣя Мѣховита († 1523 г.), Гваньини († 1614 г.), Кромера († 1589 г.), автора тридцатитомной, панегирической исторіи польскаго народа ¹⁾, затѣмъ на „Всемирную исторію“ Мартина Бѣльскаго († 1575 г.). Изъ польскихъ историковъ Стрыйковскій въ особенности часто встрѣчается у Галятовскаго. Ссылки на „Kronika polska“ (1582 г.) Стрыйковскаго встрѣчаются во всѣхъ сочиненіяхъ Галятовскаго. При составленіи „Хроники“ Стрыйковскій пользовался Длуготемъ, Мѣховитомъ, Кромеромъ, Бѣльскимъ, русскими и ливонскими лѣтописями и даже сербскими народными пѣснями ²⁾. Крупные польскіе проповѣдники конца XVI ст., Петръ Скарга и Яковъ Вуекъ, авторъ знаменитаго сочиненія „Janua linguarum“ (1631 г.), переведеннаго на 12 европейскихъ и 4 восточныхъ языка, Комменій, переводчикъ Аристотеля Себастьянь Петрицій († 1626 г.), биографъ М. Смотрицкаго и І. Кунцевича Суша († 1685 г.), польскій богословъ, профессоръ краковской академіи Адамъ Опатовичъ (XVII в.) ³⁾ были извѣстны Галятовскому. На Скаргу и Вуйка ссылаются нѣкоторые другіе южно-русскіе писатели, напр. Зах. Копыстенскій въ „Палинодіи“ ⁴⁾. Въ „Лебедѣ“ и „Небѣ“ упоминается нѣкогда весьма популярное въ Польшѣ и западной Россіи „Путешествіе въ сев. землю“ (1582 г.) Николая Радзивилла ⁵⁾. Въ „Мессіи“ Галятовскій ссылается на сочиненіе „О ждахъ“ Симона Сиренія. Сиренскій (Simon Sirenus Sacranus), докторъ философіи и медицины въ кра-

¹⁾ Вестужевъ-Рюминъ, Русск. ист. I. 184; Wiszniewski, Hist. liter. VII. 385—404; IX, 11, 168, 274; Кондратовичъ, Ист. польск. литер. II. 164.

²⁾ Wiszniewski, VI. 469—492; Maciejowski, I. 556—573.

³⁾ Wiszniewski, VI 423, 489, 598; VII. 155, 165. IX. 53, 54, 180, 208, 241, 303; VII. 452; VIII. 348; VI. 302.

⁴⁾ Русск. Истор. библ. IV. 327.

⁵⁾ Maciejowski, Pism. polskie III. 497; Wiszniewski, VII. 566.

ковскомъ университетѣ, оставилъ сочиненіе „Zielnik, to jest opisanie własne imion, kształtu y mocy zioł, wszelakich drzew, krzewin... Przytem o ziemiach y glinkach różnych, o zwierzętach czworonogich, ptactwie, rybach (напечатано въ 1613 г. послѣ смерти Сиренія, † 1611 г.). На 1536—1540 страницахъ „Зельника“ находится собраніе свѣдѣній о евреяхъ ¹⁾. Въ ряду многихъ сочиненій о евреяхъ, которыми пользовался Галятовскій при составленій „Мессіи“, заслуживаетъ вниманія „Rozmowa theologa katolickiego z rabinem żydowskim“ (напечатано во Львовѣ 1645 г.) западно-русскаго писателя первой половины XVII ст. Марка Короны. Цѣль „Розмовы“ та-же, что и цѣль „Мессіи“, обращеніе еврея къ надлежащему пониманію христіанской религіи. Что Галятовскій пользовался не только католическими, но и еретическими сочиненіями, выходящими въ Польшѣ, видно изъ ссылки его въ „Алфавитѣ“ на сочиненіе знаменитаго соцініанскаго писателя Смальція, „De filio Dei“, подъ которымъ, нужно думать, Галятовскій разумѣлъ „De Christo vero et naturali Dei filio“ 1616 г. Смальцій жилъ въ Раковѣ и написалъ 29 сочиненій. Писалъ онъ по нѣмецки и по латыни. Въ Англіи при Кромвелѣ его катехизисъ былъ сожженъ рукой палача ²⁾. Галятовскій зналъ о еретичествѣ Смальція. Въ „Алфавитѣ“ въ числѣ еретиковъ находится и Смальцій.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго встрѣчаются ссылки на римскихъ писателей, именно: на Овидія, Виргилія, Плинія, Цицерона, Сенеку, Квинта Курція, Валерія Флакка, Флора и Евтропія.

Изъ русскихъ сочиненій у Галятовскаго упоминаются: Патерикъ печерскій, словено-россійскій лексиконъ Памвы Беринды, Синописисъ Ин. Гизеля и описанія разныхъ чудотворныхъ иконъ.

Въ сочиненіяхъ Галятовскаго можно насчитать до сорока совершенно неизвѣстныхъ писателей. Встрѣчаются ссылки на сочиненія какихъ-то раввиновъ Моисея, Самуила; встрѣчаются на поляхъ имена Корозеля, Карданія, Альтенстанга, Маіолуса, Іоанна Мѣрина (вѣроятно Іоаннъ Маро конца VI вѣка), Таксія, Лина, Тиріуса, Брадена и друг.

¹⁾ Grabowski, Starożytności. I. 403—413.

²⁾ Maciejowski, III. 815, 816.

³⁾ Maciejowski, ibid. 508.

Можно вполнѣ повѣрить Галятовскому, замѣтившему въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, что онъ съ большимъ стараніемъ собиралъ книги по городамъ и монастырямъ. Лазарь Барановичъ, относительно добыванія книгъ, поставленъ былъ въ очень выгодное положеніе, какъ черниговскій архієпископъ и мѣстоблюститель кіевской митрополіи и, однако, онъ жаловался на недостатокъ книгъ¹⁾. Сравнительно съ Галятовскимъ, Барановичъ обнаружилъ весьма незначительное знакомство съ западною схоластическою литературою. Масса прочитанныхъ книгъ свидѣтельствуєтъ о любознательности Галятовскаго, о его научномъ усердіи. Такъ какъ большая часть сочиненій Галятовскаго вышла въ Черниговѣ и Новгородѣ-сѣверскомъ (въ типографіи Барановича), гдѣ не было богатыхъ книгохранилищъ, то нужно допустить, что Галятовскій и въ концѣ своей жизни, во время пребыванія въ Черниговщинѣ, сохранялъ тѣсныя научныя связи съ кіевскою академіею и пользовался ея бібліотекою. Несомнѣнно, онъ пользовался также бібліотеками крупныхъ западно-русскихъ братствъ: виленскаго, луцкаго, слуцкаго, о чемъ самъ мимоходомъ упоминаєтъ въ „Старомъ Костелѣ“. Въ этомъ сочиненіи Галятовскій заявляєтъ, что свои доводы объ исхожденіи святаго Духа исключительно отъ Отца онъ извлекъ изъ разныхъ книгъ, отысканныхъ имъ въ бібліотекахъ „Кіева, Чернигова, Львова, Луцка, Слущка и другихъ городовъ“. Галятовскій замѣчаєтъ, что приводимыя имъ доводы списаны съ книгъ разными писцами и проситъ у читателя извиненія въ ошибкахъ въ обозначеніи тома или страницы пособия, ошибкахъ, происшедшихъ отъ переписчиковъ. Это заявленіе Галятовскаго интересно въ двухъ отношеніяхъ. Оно показываєтъ, гдѣ находились кладези книжной мудрости южно-русскихъ писателей, и затѣмъ уясняєтъ, какъ пользовались южно-русскіе ученые этими кладезями мудрости. Не трудно догадаться, что рѣчь идетъ о братскихъ книгохранилищахъ, и что этими книгохранилищами любознательные люди пользовались не только лично, но и черезъ переписчиковъ, которыми могли быть грамотные православныя братчики.

Нельзя сказать, чтобы Галятовскій дѣльно и толково воспользовался прочитанными имъ книгами. Чтеніе было небрежное; кри-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, § 97.

тики у Галятовскаго не было. Писатели діаметрально противоположнаго направленія, наприкладъ Бодэнъ и Вейеръ, укладывались въ его головѣ спокойно, не споря другъ съ другомъ. Они не возбуждали въ Галятовскомъ какихъ либо спорныхъ религіозныхъ или общественныхъ вопросовъ. Кіевская коллегія пріучала учениковъ поклоняться авторитетамъ, безусловно вѣрить имъ; духъ критики и анализа всецѣло былъ подавленъ духовной субординаціей. Любопытные южно-русскіе ученые XVII вѣка постоянно учились усердно и вѣчно, оставались учениками. Они говорили на профессорскихъ кафедрахъ, издавали въ свѣтъ сочиненія, и все *in verba magistri*. Съ теченіемъ времени они накопляли знанія. Знанія нарастали механическимъ путемъ, прилѣпляясь одно къ другому посредствомъ случайной, вѣшной связи. Галятовскій былъ самый начитанный человекъ своего времени, и, однако, область его свѣдѣній была незначительна, кругозоръ узокъ. Дѣло въ томъ, что Галятовскій читалъ книги съ предвзятой цѣлью, выбиралъ изъ нихъ только то, что такъ или иначе относилось къ занимавшему его вопросу, напр. объ исхожденіи святаго Духа, или о главенствѣ римскаго папы. Мысль писателя вращалась въ рѣзко очерченной и ограниченной области религіозныхъ вопросовъ. Южно-русскіе писатели второй половины XVII столѣтія боялись и не желали выступать за предѣлы этихъ вопросовъ. Религіозные вопросы были потому въ особенности узки, что разсматривались отвлеченно, безъ отношенія къ живой народной массѣ. Схоластическому богослову не было никакого дѣла, какъ живое народное тѣло воспринимаетъ духовныя начала христіанскаго вѣроученія, какъ народъ относится къ этому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесъ и вноситъ въ него изъ своей духовной жизни. У южно-русскихъ ученыхъ, разсматривавшихъ религіозные вопросы *an und für sich*, и даже у Галятовскаго, при всей его начитанности, было мало узловъ знаній. Отсюда постоянныя повторенія, постоянныя возвращенія къ однимъ и тѣмъ-же избитымъ предметамъ рѣчи.

Высшая школа имѣетъ важное значеніе въ жизни человека, получившаго въ ней образованіе, не только потому, что даетъ ему знанія, такъ сказать, закладываетъ фундаментъ прочныхъ свѣдѣній и опредѣленныхъ воззрѣній на жизнь,—она вліяетъ на нравственный складъ человека черезъ свѣтлыя и просвѣщенныя личности

наставниковъ. Кромѣ того, между самими учениками возникаютъ товарищескія отношенія и связи, имѣющія большое значеніе въ исторіи ихъ духовнаго развитія, опредѣляющія ихъ общественныя симпатіи и антипатіи, придающія иногда на всю жизнь извѣстную окраску ихъ мнѣніямъ, сужденіямъ, внѣшнимъ формамъ отношенія къ людямъ.

Галятковскій въ кievской академіи познакомился съ Барановичемъ, Гизелемъ и Пинацкимъ¹⁾). Отношенія Галятковскаго къ Симеону Полоцкому мало извѣстны, и трудно допустить, чтобы отношенія эти были близки. Симеону Полоцкому пришлось дѣйствовать совершенно въ другой обстановкѣ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ условія и обстановка, среди которыхъ работалъ Галятковскій. Но и въ Москвѣ, въ положеніи наставника царевичей Симеонъ Полоцкій сохранялъ связи съ друзьями своей молодости, преимущественно съ Барановичемъ. Другое дѣло Барановичъ и Гизель. Въ продолженіи всей жизни Галятковскаго, эти люди были его пріятелями, въ особенности Барановичъ. Безъ ошибки можно сказать, что Барановичъ создалъ всю служебную карьеру Галятковскаго, такъ сказать, вывелъ его въ люди. Покровительство Барановича частью простекало изъ его добраго нрава, изъ желанія дать ходъ своему скромному и талантливому ученику, преимущественно изъ практическаго разсчета, изъ желанія имѣть подъ рукой способнаго и дѣятельнаго помощника, помощника мягкаго, покладистаго, усерднаго, услужливаго и скромнаго. Всѣми этими качествами Галятковскій вполне обладалъ. Лазарь Барановичъ первоначально былъ наставникомъ Галятковскаго, впоследствии его другомъ и покровителемъ. Окончивъ курсъ въ академіи, Галятковскій отправился на Волынь и принялъ здѣсь монашество. Въ смутное военное время онъ оставилъ Волынь и переѣхалъ въ купятицкій монастырь, находящійся недалеко отъ Минска. Игуменомъ купятицкаго монастыря былъ Барановичъ. Онъ ласково, какъ любящій отецъ, принялъ Галятковскаго. Получивъ мѣсто ректора кievской академіи, Барановичъ и Галятковскаго перевелъ въ Кіевъ преподавателемъ въ академію. Въ 1657 году Барановичъ былъ назначенъ черниговскимъ архіепископомъ.

¹⁾ Описаніе рукописей Синодальной библіотеки. II, 3, 509; Письма Лазаря Барановича, 51—83.

спомомъ. Онъ уѣхаль въ свою епархію, предварительно выхлопатавъ Галятовскому мѣсто ректора академіи. Нѣкоторыя свѣтскія лица, ревнители просвѣщенія, въ особенности кievскій полковникъ Василій Ѳеодоровичъ Дворецкій, содѣйствовали Галятовскому въ полученіи ректорства. Занимая почетное мѣсто ректора академіи, Галятовскій вошелъ въ сношенія съ современными ему высшими духовными и свѣтскими лицами, съ кievскимъ митрополитомъ, малорусскимъ гетманомъ, московскимъ царемъ. Для его дѣятельности и вліянія открылось довольно широкое поприще. Дѣятельность Галятовскаго прежде всего обратилась на устройство коллегіи, пострадавшей въ 1658 года отъ пожара. Галятовскій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой о помощи. Въ шестидесятихъ годахъ возникаетъ связь Галятовскаго съ московскимъ правительствомъ, утвердившаяся въ началѣ 70-хъ годовъ черезъ поѣздки Галятовскаго въ Москву.

Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ съ 1654 г. потеряли временный, случайный характеръ. Кіевская митрополія весьма неохотно подчинилась Москвѣ. Московскимъ боярамъ стоило много труда уломать Сильвестра Коссова прислать въ присягѣ своихъ слугъ. Еще болѣе хлопотъ вышло у бояръ, по случаю возведенія крѣпости на горѣ около софійскаго собора, михайловскаго и никольскаго монастырей и десятинной церкви. Мѣстность эта принадлежала митрополиту, и Коссовъ въ гнѣвѣ заявилъ московскимъ воеводамъ: „Если будете на томъ мѣстѣ городъ ставить, то я съ вами учну биться“. Мало того, митрополитъ сказалъ: „Гетманъ посылалъ бить челомъ государю и поддался ему со всѣмъ войскомъ, а я со всѣмъ соборомъ бить челомъ, чтобы быть подь его великаго государя высокою рукою, не посылалъ; живу я съ духовными людьми самъ по себѣ, ни подь чьею властью¹⁾“. Не смотря на очевидную поддержку со стороны Богдана Хмельницкаго, Коссовъ долженъ былъ уступить москвичамъ, обнаружившимъ большую настойчивость въ проведеніи своихъ политическихъ цѣлей касательно устранения и уничтоженія южно-русскихъ краевыхъ отличій, особенно церковныхъ. Слуги митрополита были приведены

¹⁾ Карповъ, Кіевскій митрополитъ и моск. правит. въ 1654. «Православное Обзорѣніе». 1871. Авг.—сент.

къ присягѣ. Церковныя земли были отобраны подѣ крѣпость, съ обѣщаніемъ приличнаго вознагражденія въ другои мѣстѣ. Представители малорусскаго духовенства были поставлены въ полную зависимость отъ московскаго патріарха.

Въ 60-хъ годахъ кіевское духовенство еще сдѣлало одну попытку отстоять свои краевыя преимущества и привилегіи. Брюховецкій предложилъ московскому правительству назначить въ Кіевѣ митрополитомъ великороса. Извѣстіе объ этомъ предложеніи боярина-гетмана сильно взволновало малорусское духовенство. Въ 1666 году епископъ Меѳодій съ игуменами большихъ южно-русскихъ монастырей просилъ воеводу Шереметева о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ въ Москвѣ о сохраненіи въ Кіевѣ стариннаго выборнаго начала при избраніи митрополита. „Если будетъ на то великаго государя изволенье, смѣло говорилъ епископъ Меѳодій, чтобъ отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если прійдетъ къ намъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги пволокутъ, тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, пплатху и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами; тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ не малый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы¹⁾“.

Въ оборонительномъ положеніи находилось не все малорусское духовенство, а лишь часть его. Нѣкоторые іерархи, напримѣръ, Лазарь Барановичъ, всегда склонялись на сторону Москвы. Малорусское духовенство изъ положенія оборонительнаго быстро перешло въ положеніе смиреннаго просителя, заискивающаго милостей и подачекъ. Къ этому положенію привело много обстоятельствъ, главнымъ образомъ сознаніе собственнаго безсилія передъ систематической московской политикой полнаго подчиненія Украины и

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. XI 210.

воспитанное кievской академіей ласкательство и сервилізмъ. Найболѣе дальновидные и сообразительные украинскіе іерархи поняли, съ какой стороны подулъ вѣтеръ, и не пытались плыть противъ общаго теченія, уносившаго Украину подъ попечительство и надзоръ могущественной Москвы. Барановичъ, несомнѣнно обладавшій политическимъ умомъ и принимавшій близко къ сердцу интересы южно-русскаго народа, сдѣлалъ попытку выпросить у царя хотя что-нибудь изъ того, чего нельзя было отстоять ссылками на мѣстное обычное право. Попытка не была и не могла быть удачной, Барановичъ получалъ лишь щедрые дары. Дары эти имѣли характеръ временнаго награжденія, или жалованья. Галятовскій, какъ ученикъ и послѣдователь Барановича, слѣдовалъ его примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ московскому правительству. Онъ только просилъ и просилъ, никогда и ни въ чемъ не прекословилъ, и его просьбы большей частью были принимаемы и удовлетворяемы.

Въ 1659 году декабря 31 дня дана была на имя игумена братскаго монастыря и ректора кievскихъ школъ Іоанникія Галятовскаго царская жалованная грамота на монастырскія и академическія маестности¹⁾. Воспользовавшись пособіемъ со стороны московскаго правительства и со стороны кievскихъ обывателей, ревнителей благочестія, Галятовскій построилъ новыя монастырскія и училищныя зданія. Онъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи и улучшеніи ввѣренныхъ ему учреждений, открылъ классы до риторики и самъ въ нихъ преподавалъ. При немъ въ 1662 году внесена была въ новую академическую церковь чудотворная икона Богоматери, извѣстная подъ названіемъ братской.

Заботы и хлопоты по устройству братскаго монастыря и академіи не помѣшали Галятовскому выступить на литературное поприще.

Н. В. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Памятники; изданіе временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ. 1846. II. 223—226.

КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ.

Весьма распространено мнѣніе, что запасъ произведеній народнаго малорусскаго творчества исчерпанъ собирателями и что сохранять и записывать болѣе нечего. Касательно историческихъ пѣсень и думъ въ этомъ сходятся почти всѣ. Нѣсколько личныхъ моихъ встрѣчъ поколебали во мнѣ эту увѣренность и въ поискахъ за послѣдними остатками старой исторической поэзіи я склоненъ терпѣть много неудачъ за небольшую удачу, въ возможность которой еще вѣрю. Поиски за историческими пѣснями дадутъ, быть можетъ, немного новыхъ открытій, за то многое уяснятъ, по свѣжимъ слѣдамъ, для *физиологіи* этого исчезающаго явленія, которое лѣтъ двадцать-тридцать назадъ представляло еще величественныя развалины. Процессъ совершившихся въ этихъ пѣсняхъ измѣненій, самые ихъ обломки помогутъ уяснить то, что исчезло. Предлагаемые очерки—листки изъ дневника такихъ поисковъ. Не сбѣуй, читатель, встрѣчая въ нихъ больше „описаній“, чѣмъ остатковъ исторической и бытовой кобзарской пѣсни,—знай, что въ этомъ сожалѣніи ты предъупрежденъ прежде всего мной самимъ.

I. Ярмарка въ Пирятинѣ.

...Удаленный отъ желѣзныхъ дорогъ, степной пирятинскій уѣздъ—съ виду еще порядочная глушь и я думалъ, что тамъ-то именно задержались еще кобзарь и лирники. Проѣзжая лѣтомъ черезъ Пирятинъ, я разспрашивалъ о нихъ на базарѣ. Торговки ошеломлены были вопросомъ и не сразу собрались отвѣчать. Но какой-то „дідусь“, выбиравшій арбузъ изъ огромной горы и зеленыхъ и бѣлыхъ, вянувшихъ на пустынной площади, подъ лучами полуденнаго августовскаго солнца, вмѣшался въ нашу бесѣду и сказалъ.

— Та шляютьця! У городі нема, а приходять зъ селъ. У субботу приходять, підъ праздникъ, або у праздникъ...

Въ сентябрѣ, восьмого числа, въ Пирятинѣ ярмарка, самая большая въ году, совпадающая съ храмомъ единственной городской церкви (Кладбищенская не въ счетъ). Когда-же и быть „людямъ Божиимъ“ въ своемъ „городѣ“, какъ не на этой ярмаркѣ? Я спѣшилъ въ Пирятинъ къ восьмому сентябрю и, на разсвѣтѣ этого дня, выѣзжалъ изъ ближайшей къ Пирятину, со стороны Прилукъ, станціи Махновки, торопясь на ярмарку.

Чаще и чаще между старыхъ вербъ почтовой дороги попадаются возы и пѣшеходы, стремящіеся „на ярмарокъ“. Скромный пирятинскій костюмъ „молодиць“, ихъ черныя запаски и плахты, корсетка темнаго черкасину, черный, высоко повязанный головной платокъ и каемка бѣлой рубахи, виднѣющаяся надъ обутыми въ черевики ногами, бросается въ глаза. Солнце выходитъ изъ-за лѣсу въ розовыхъ лучахъ. На всемъ ихъ ласкающей, веселый свѣтъ. Самая пыль, покрывающая лице, руки, пальто, дорожную сумку, съ покоящейся въ ней—увъ!—совсѣмъ еще чистой тетрадкой, самая эта пыль, въ розовыхъ утреннихъ лучахъ, принимаетъ какой-то золотистый и дымчатый оттѣнокъ. Идутъ и ѣдутъ «ярмаркови»... Вотъ большой, солидный возъ, запряженный парюю сильныхъ, меденныхъ воловъ. На возу сложено что-то, прикрытое рядномъ, что везется на продажу. Хозяинъ, въ бѣлой, припылившейся сорочкѣ, мужественный и сильный, какъ его волю, трогаетъ кнутомъ *цобъ* по круторогимъ, при встрѣчѣ съ нами. Дѣвочка дочь примостилась сзади воза, свѣсивши босыя ножки. А посрединѣ, выше всѣхъ, свободная теперь отъ непрестаннаго домашняго труда и заботы, сидитъ, не старая еще и миловидная, хозяйка, душа семьи, *господиня*... На ней праздничное платье и старинный, не часто вышимаемый, зеленый съ краснымъ, платокъ, накинутый на плечи... Вотъ двѣ высокія, стройныя *дівчини*, должно быть подруги, и парубокъ возлѣ нихъ. Наша телѣга неосторожно налетаетъ на эту группу и зазѣвавшійся парубокъ шарахнулся въ сторону. Смѣхъ и „регитъ“ высокихъ дівчатъ, конфузъ парубка и *дражніння* на цѣлый день... Остановка у шлагбаума передъ длинной, вымощенной камнемъ, греблей. По ней, щадя свои бока и уши, въ сухую погоду не ѣздитъ никто, объѣзжая стороною. Она

выстроена на земскій счетъ, т. е. на счетъ уѣзда, но, тѣмъ не менѣе, за проѣздъ взимается плата и у плагбаума ругается съ крестьянами неизбежный арендаторъ еврей. За греблею—поворотъ на горку. Подъ горой сидитъ старый нищій и низко кланяется, прося милостыню. Можетъ быть въ этой сѣдой головѣ таится не одно преданіе, не одна пѣсня, легенда? Но не буду терять времени на остановки... На ярмаркѣ *илъ* будетъ много!... Въѣзжаемъ на гору и круто беремъ влѣво. Изъ какой-то боковой, сельской дорожки выѣзжаетъ, разомъ съ нами, цѣлый поѣздъ, воевъ тридцать, ѣдущихъ на ярмарку. До города всего версты три. Тутъ вся дорога усеяна уже возами. Пѣшеходы, по два, по три, по десятку идутъ стороною, подъ вербами. Пыль такая, что продохнуть нельзя. Показываются деревья, мельницы, еврейское кладбище, въ сплошной дымкѣ пыли множество воевъ, скота, лошадей. Вдали видны ятки, бѣлые домики, громадный острогъ,—самое большое и лучшее зданіе въ городѣ, маленькая кладбищенская церковь... Мы на выгонѣ, гдѣ ярмарка.

Ряды съ лукомъ изъ-за Прилукъ, кожевники изъ Ични, гончарныя издѣлія—горшки, глечики, покрышки, кухлики, поливанныя миски, горы арбузовъ, хлѣбъ, ссыпанный въ кучи и тереза возлѣ кучъ, хлѣбъ въ мѣшкахъ на возахъ, продающійся на осеннія подати, крытый ятками „красный рядъ“, рядъ желѣзный, споры за мостовое, шинки по окраинамъ ярмарки, *сниданя* подъ возами и на возахъ, опрокинутыя оглобли, проѣзжанье лошадей, черныя лица цыганъ, „краниці“, оврагъ за ятками, гдѣ жарятъ на сковородахъ рыбу и кипятъ въ котлахъ раки... Побѣлѣвшіе клешни вкусныхъ страдальцевъ судорожно выпрямляются въ послѣднихъ конвульсіяхъ. Рука равнодушнаго мучителя ихъ, вооруженная ложкой, поворачивается въ казанѣ, снимая пѣну съ кипящей воды; верхніе тонуть въ кипяткѣ, а снизу выворачиваются готовые уже, ярко красные, горячіе и дымящіеся... Обхожу всю ярмарку вдоль и поперекъ. Разочарованье полное! Ни одного „Божьяго человѣка“, ни одной свитки, съ заманчиво возвышающейся сбоку полою, изъ подъ которой выглядываетъ бандура или лира. Останавливаю подающимъ простыхъ нищихъ и спрашиваю ихъ. (Бываетъ, что прежніе лирники оставляютъ инструментъ, переставшіи нравиться въ пародѣ, и просто просятъ милостыню).

— Я старымъ осліпъ, пісень не знаю, я невчепый, отвѣчаетъ одинъ.

— Не знаю ніякихъ, говоритъ другой. Хиба *Исуса* та *Варвары*?

Иду рядами. На встрѣчу попадаетъ высокій слѣпецъ-нищій съ поводыремъ. Онъ громко проситъ милостыню, останавливается, становится на колѣни и кланяется въ землю народу. Кобзари такъ не дѣлають! Жиды-торговцы ловятъ мой унылый взглядъ:

— Ишто покупаєте, спросите! Что вы желаете? Что вамъ нужно?

Сказать имъ развѣ, что я желаю незаписанныхъ думъ, что мнѣ нужно кобзаря?..

Посреди ярмарки, возлѣ *сидухъ* и „прожорнаго ряда“ (въ этихъ мѣстахъ, а также возлѣ ятокъ, въ самомъ бойкомъ пунктѣ, обыкновенно помѣщаются нищіе-слѣпцы) группа слѣпыхъ женщинъ-нищенокъ сидитъ кружкомъ, поджавши ноги и во все горло поетъ *Святу Пятницю*. Одна изъ нихъ держитъ въ рукѣ маленькую деревянную мисочку, въ которую, время отъ времени, кто нибудь изъ стѣсненнойся кругомъ толпы бросаетъ копѣйку или двѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ съ дѣтьми, двѣ—съ грудными. Вся эта компанія, во время остановокъ пѣнія, жадно ѣстъ подаваемые куски жареной рыбы, арбузовъ и проч., а хлѣбъ прячетъ въ торбы. Онѣ то перестаютъ пѣть, то принимаются снова, поютъ долго и дружно, при чемъ одна изъ женщинъ подхватываетъ при окончаніи каждаго куплета въ октаву вверхъ. Возлѣ нихъ сидитъ двое нищихъ. Одинъ худой и староватый, другой не старый брюнетъ, въ свитѣѣ, брилѣ и новыхъ выбойчатыхъ штанахъ. Возлѣ него пучекъ возжей и веревокъ, его работа, которую онъ вынесъ продавать. Маленькій поводырь, которому не сидится молча, выкрикиваетъ звонкимъ голоскомъ:—„А ну віжокъ! Хто віжки купить, той до дому поіде, а хто ні—тому до завтра стоять!“—Есть-ли лирники на ярмаркѣ? спрашиваю слѣпого.—Нѣту.—А нѣтъ-ли въ уѣздѣ, въ селахъ?—Лирники есть, въ Тамаровкѣ, Баша Федоръ, въ Ганзеровщицѣ, а кобзарей, такихъ какъ прежде были, нѣтъ. Есть теперь только въ Лохвицѣ, да въ прилуцкомъ уѣздѣ Остапъ Лабза, бывший галаганскій крестьянинъ. Были и здѣсь. Былъ въ Крячковѣ (откуда онъ самъ), старикъ, такъ умеръ, года четыре назадъ. Въ Вечоргахъ, возлѣ Березовой Рудки, жилъ Антонъ. И тотъ умеръ.

О „вечірскомъ Антонѣ“ слышно было давно. Къ несчастью никому не привелось узнать его и записать огромный, говорятъ, его репертуаръ. По всему, что я слышалъ о немъ, это была личность замѣчательная. Натура страстная и буйная, онъ не въ силахъ былъ мириться съ своей жалкой долей. Жизнь его была рядомъ постоянныхъ скитаній и въ родномъ селѣ онъ бывалъ рѣдко. Онъ пилъ запоемъ и, по разсказу Вересая, „усе шо заробить, чи холста, чи сорочку хто дасть, и бандуру навить свою, и ту пропье. Якъ зрана устане—вже й напивсь! Пьяный співає, а самъ плаче и усї за нимъ плачуть: „чи мене мати, каже, або може батько прокляли!“... Онъ умеръ всего года три назадъ, безвѣстный, подобно множеству старыхъ кобзарей, и его звонкая, тридцатиструнная бандура замолкла на вѣки...

Современныя ярмарки—не чета старосвѣтскимъ, воспѣтымъ Квиткою, на которыхъ мѣста для торговли выбирались посредствомъ катанья паляницъ, парубки гуляли всеокрушающею *лавою* и увы! были кобзари, собиравшіе вокругъ себя народную толпу. Но въ характерныхъ сценахъ нѣтъ недостатка и теперь. Предо мною какой-то бродячій „фигаро“ изъ отставныхъ, вооруженный бритвою, „голить“ усѣвшася возлѣ воза стараго дѣда. Онъ намазываетъ мыломъ огромную сѣдую растительность и брѣшетъ однимъ взмахомъ до самаго корня, оставляя кой-гдѣ порѣзы. Старый дѣдъ, съ нависшими бровями, морщится, но терпитъ. Сыпъ его, человекъ лѣтъ тридцати, внимательно слѣдитъ за операціей. По другую сторону сидитъ невѣстка. Въ душѣ стараго кокета видимо происходитъ борьба: его и шокируетъ комичность его положенія и хочется явиться домой, *до старои*, причеdurившись и поразить ее молодымъ видомъ.

— Та ну-бо, годі вже чепурить! говоритъ онъ нерѣшительно брадобрѣю, стригущему въ это время подъ гребень его огромныя, висящія брови. „Воно завтра все одно знову поросте, а то ажъ шкура болить!“

Брови слетѣли, но когда очередь дошла до полъаршинныхъ усовъ, старый дѣдъ уперся: „э, ні! Усивъ не треба різать, ні!“... И спасъ старое козацкое украшеніе...

Славенъ городъ Пирятинъ! Вмѣстѣ съ несомнѣнными принадлежностями города, каковы острогъ и полицейское правленіе, онъ

представляетъ всё удобства сельской жизни. Тамъ счетомъ дома, крытые желѣзомъ, и чистота нравовъ такъ велика, что оба пола, безъ всякаго стѣсненія, купаются вмѣстѣ... Я посѣтилъ храмовое служеніе единственной церкви, той самой, можетъ быть, ѣхавши мимо которой, герой думы, Алексій, поповичъ пирятинскій „шличка не здіймавъ“... Мнѣ показалось, что и вышніе соотечественники „писаря вѣскового, козака лейстрового“ не набожнѣе его: церковь была почти пуста. Въ ней было едва-ли не больше священнодѣйствующихъ, поющихъ и вопіющихъ, чѣмъ молящихся. Со временъ Алексія Поповича церковь несомнѣнно обновлена, о чемъ я пожалѣлъ, такъ какъ здѣсь, какъ и вездѣ на нашемъ югѣ, остатки стараго иконостаса и живописи свидѣтельствуютъ о большемъ вкусѣ и изяществѣ и представляютъ большой художественный интересъ... Золотые лучи солнца наискось пронизывали храмъ, озаряя свѣтлой дымкой столбы и волны ладана. У входа въ церковь—кучка пищихъ и странниковъ. Вотъ одинъ, котораго я обогналъ на дорогѣ: съ котомкой за плечами, въ истоптанныхъ сапогахъ и какомъ-то арестанскомъ сѣрякѣ, съ волосами желтаго цвѣта и такимъ-же лицомъ, одна изъ тѣхъ загадочныхъ личностей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ скитаньяхъ по обширному лицу Россіи. Основатель новой секты или кандидатъ въ арестантскія роты, опъ сегодня на храму въ Пирятинѣ, черезъ недѣлю—на празникѣ святого въ Воронежѣ, а еще черезъ мѣсяць, въ осеннюю стужу, у воротъ какого нибудь далекаго новгородскаго монастыря...

Солнце спустилось низко, ярмарка стала разъѣзжаться. Потянулись по селамъ пѣшеходы съ покупками, возы съ привязанными сзади, купленными телицами, бычками, съ припряженными, вымѣнянными лошадьми. Тамъ на возу видна кадушка, тамъ колеса, тамъ жлукто, а кое-гдѣ и крышка для дочки-невысты. Заторопились трезвые и пьяные къ завтрашней оранкѣ, молотбѣ, поденщинѣ, къ кладкѣ табаку, копанью картофеля, рубкѣ капусты и другимъ осеннимъ работамъ. Попадаются хлопцы въ новыхъ, смушевыхъ шапкахъ, дѣвчата, бережно несущія чоботы, ситець или цвѣты. Молодые думаютъ о досвиткахъ, которые скоро начнутся, а старыя объ осеннихъ податяхъ, что надо завтра нести сборщикамъ. А тамъ, въ тѣхъ селахъ, куда выются полевые дорожки, „дѣтворѣ“ высмотрѣла глаза, ожидая „ярмарковыхъ“. Кому привезутъ медяникъ, кому

картузь, одному глиняного коника, а другой ситцу на сподничку. Они выкатили съ улицы на выгонъ и примостились на крылечкахъ вѣтряковъ. Хозяйки спѣшать домой, гдѣ полны руки вѣчной, непрестанной домашней работы и гдѣ ждутъ ихъ „маленькі“...

Потянулись съ ярмарки и бездомные *старіі*, по два, по три въ рядъ, держась одинъ за другого, съ мальчуганами-поводырями, идущими впереди, зѣвая по сторонамъ и съ отдувшимися торбами. Нѣкоторые садятся подъ вербами на большой дорогѣ, гдѣ идетъ и ѣдетъ много народу и просятъ милостыню, громко причитая. Въ хуторгѣ, верстъ за пять отъ города, гдѣ столнилось возлѣ колодець много воевъ и народу, я услышала заунывное скрипѣнье лиры. Молодой лирникъ Кондратъ Емченко изъ Харитоновки прилуцкаго уѣзда, пробренчалъ мнѣ, усѣвшись подъ плетнемъ, „Біду“, эту полу-грустную, полу-саркастическую лирницкую пѣсню, смѣсь шутки и стона, балагурства и наблюденій жизни. Я записала ее, такъ какъ встрѣчалъ въ сборникахъ только отрывки:

А надъ моремъ глубокимъ
Стоявъ терень высокій,
А зъ підъ того терепа
Выйшла біда молада...
Одъ Харкова до Кракова,
Всюди біда однакова!..

А хто біды не знає—
Нехай мене спитає.
А я у білы бувавъ,
Такъ я біду розвідавъ.
Моя хата зъ краю,
Я біду зазнаю!

Пішла біда невелика
Та здябила чоловіка.
—Де ты въ чорта уродилась,
Що за мною учепилась?
—Въ Дубовому родилась,
Въ Вербовому хрестилась,
Въ Бериславі зросла,
У Прятинъ заміжъ пішла.

Въ Бердичеві на торзі
 Іде біда на козі
 Въ червоному картузі;
 — Сідай, бідо, на козу
 Я тебе къ чорту двезу (2)
 Ще й дорогу покажу...

Пішла біда въ школу,
 Та зробила шкоду.
 — Не йди, бідо, по мискахъ,
 А б'ють біду по вискахъ!
 Пішла біда до мисника,
 И тамъ дано налисника,
 Пішла біда до грубы
 И тамъ дано у груди,
 Пішла біда до печи
 И тамъ дано у плечи,
 Пішла біда до Денпса,
 Одъ Денпса вийшла лыса,
 Пішла біда до Гаврила,
 Одъ Гаврила носа гріла,
 Пішла біда до Уласа —
 А у Власа діжка м'яса.
 Пішла біда до Дем'яна,
 Одъ Дем'яна вийшла пьяна.
 Пішла біда до шевця,
 Та й украла реміня,
 Сіла собі на столці,
 Мосить собі постолці —
 Сама біда засмілась
 Шо хороше обувалась...

— Не йди, бідо, лавками,
 Бо б'ють біду палками!
 Пішла біда по лавкахъ,
 Били біду по лапкахъ.
 — Не йди, бідо, зъ старцями,
 Не крадь торбы зъ сухарцями.
 Стали старці змовлятися,
 А де біду піймати
 Зъ неї кожу зодрати...

А підъ нашнѣмъ ярнѣмъ житомъ
 Лежить біда зъ своимъ лихомъ.
 То іхали за брусамъ,
 Ледве взяли на санн.
 Та повезли до Волохъ,
 Проміняли за горохъ,
 А Волохи каялись,
 Шо гороху збавились:
 — Біду къ чорту возміть,
 А горохъ намъ верніть!..

Не йди, бідо, за намъ,
 А бьють біду хвайдами!..
 Де взявсь Мартинъ,
 Хропъ бідою объ тинъ,
 А Марина мнѣ йшла
 И сорочку принесла.
 А ще къ тому Марта
 Горілочка кварту.
 Де взявсь Омелько,
 Ягъ заплаче тоненько!
 Де взявсь Гарасимъ,
 По біді голосивъ,
 Де взявсь Потапъ,
 Начавъ бідушку латать...

Пішла біда въ Могилівъ,
 Куповати волівъ,
 Ходить біда изъ мяслами
 За волами, за яслами...
 Пішла біда до Ніжепа
 И тамъ біда не здужала,
 Пішла біда до Лохвиці
 И тамъ дано прохвостиці.
 Підъ церквою въ Тростянцю
 Дано біді по яйцю,

(Снимая шапку и протягивая руку):

— Кому одно, а мені двое!

II. В а р і а н т ы д у м ь .

Репертуаръ лирниковъ большею частью ограничивается нѣсколькими духовными стихами и шуточными пѣснями. Но иногда они поютъ такъ называемые морализирующие стихи и, если допроситься, полузабытые, слышанные отъ старыхъ „майстровъ“, отрывки думъ. Не слѣдуетъ оставлять ихъ безъ вниманія. Но какъ найти этихъ лирниковъ по селамъ и захолустьямъ, гдѣ даже самые селяне не всегда укажутъ ихъ вамъ? Богъ знаетъ его, этого слѣпого, что у него гдѣ-то, въ хижѣ, лежитъ заброшенный *струментъ*, играть на которомъ онъ иногда уже и оставилъ, такъ какъ къ этой музыкѣ и къ этимъ пѣснямъ исчезъ вкусъ въ народѣ. Не поможетъ тутъ и земская статистика, съ ея подворнымъ описаніемъ сель, гдѣ описывающіе, конечно, менѣе всего думали объ исторической пѣснѣ.

Списки думъ, слѣдующіе дальше, попали въ мою книжку случайно. Проѣзжая село Вейзбаховку, прилуцкаго уѣзда, я узналъ, что тамъ есть лирники, и нашелъ одного изъ нихъ—Ефима Перепелицу. Онъ живетъ въ своей хатѣ и занимается хозяйствомъ на своемъ двухдесятинномъ надѣлѣ. Съ лирою ходитъ только осенью. Пахать поле помогаютъ ему люди и, не хуже взрослога, работаетъ на полѣ его тринадцатилѣтній сынъ, онъ-же и поводитарь. Въ противоположность отцу, у этого хлопца необыкновенно лучистые и ясные глаза, съ прелестнымъ дѣтскимъ взглядомъ. У него домовитый видъ „отецкаго сына“—работника и судьба, конечно, сулитъ ему не испытывать горькой отцовской доли, а жить „какъ люди“.

Дума „О сыновьяхъ и вдовѣ“ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ. Она записана въ уѣздахъ ахтырскомъ, зеньковскомъ, борзецскомъ, сосницкомъ, лохвицкомъ, прилуцкомъ и лубенскомъ. Кромѣ печатаемаго восьмого списка, у меня есть еще девятый, отъ лирника Вакуленка, изъ Прилукъ. „Иванъ Коновченко“ когда-то былъ также любимой думой. Лирникъ, диктовавшій мнѣ его, рассказывалъ, что еще недавно, на ярмаркѣ въ Яблоновкѣ, какой-то старикъ заставилъ его пропѣть „Коновченка“ два раза. Не удовольствовавшись этимъ, онъ повелъ его въ свою хату:—„Ще, каже, ты мени її тамъ разъ проспівашь!“ Эти пѣсмы держала столѣтія въ народной памяти не одна сила ослабѣвающихъ историче-

скихъ воспоминаній. Онѣ питали и художественную потребность. Не даромъ молодежь прислушивалась къ „Коновченку“—этому воплю жажды жизни и подвиговъ, этой скорбной пѣснѣ о сраженной въ цвѣтѣ юности молодой силѣ. Въ одномъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ набросковъ, гдѣ отразился весь пылъ и трепетъ сева-стопольской трагедіи, великій современный поэтъ,—Левъ Толстой, замѣчательно близко подошелъ къ простодушному созданію малорусской народной музы. Его Володя Козельцевъ, охваченный успѣхомъ, охваченный безумной отвагой и сраженный пулей на бастіонѣ въ первый-же день своихъ подвиговъ, есть тотъ-же Ивась, сынъ вдовы Коновчихи, о которомъ не устаютъ распѣвать кобзари на Украинѣ, втеченіе двухсотъ лѣтъ. Такъ индивидуальное творчество высочайшихъ талантовъ сходится съ массовымъ творчествомъ великаго поэта—народа.

О вдовѣ и сыновьяхъ.

То не сосна шуміла,
 То бідная вдова зъ своїми дітками говоріла,
 А милосердного Творця на помощь просила:
 —А хоть буду хлѣбъ одробляти,
 Да не буду дітей у наймы посылати!
 Охъ якъ трудно да важко важкий камінь взяти —
 А ще трудніше я важче вдовиці маля дітки годувати!

Да жила бідная вдова проживала,
 А ніякого супороку та вона не мала,
 И до великого зросту синівъ воспитала,
 Чужимъ людяя на потураніе у руки не подавала...

То не сива зозуля кувала,
 То бідна вдова своїмъ діткамъ щастя-долі, хортуну, прохала:
 — «Охъ, милосердный Творче и всі святіи отці!
 Поможіть мені малихъ дітокъ погодувати,
 Изъ їхъ розума да й діждати!»

Уже бідна вдова синівъ погодувала,
 Уже бідна вдова синівъ подождала,
 Уже бідна вдова сынамъ дому построила
 Уже бідна вдова отъ їхъ розуму діждала,
 И синівъ подружила.

Ой, якъ стали вони, удовиченки, роскішно проживати,
 Стали невяку стареньку гіршимъ словами звеважати,
 При старості літъ за хлібъ-сізь та докорятъ:
 — Ой иди-жь ты, мати, на чужий двіръ та проживати,
 А нехай мы будемъ сами знати,
 Якъ се намъ господарство содержати!
 Одиць узявъ, — за білу руку веде,
 А другий по-підъ боки веде,
 Третій наздогоняе,
 Та въ потялицю выпихае!

Вывели матіръ за нові ворота:
 — Оце тобі, мати, тляхъ-дорога та широка!...
 Пішла бідна вдова подовжъ улонькою,
 Да зустрілася изъ сусідонькою:
 — «Ахъ сусідо, сусідо, молода челядино,
 Та чужая чужанно,
 Прийми мене до смерті жити!
 Буду я тобі ділечко робити,
 Хату й сіней відмітати,
 И добра твого доглядати».

Да взяла сусіда удовицю за білую ручницю,
 Посадила сусіда удовицю у новую світлицю,
 И за новую скамницю:
 — «Иди-жь ты, мати старая и чужая, въ мій домъ проживати,
 Да не будешъ ты у мене ніякого супороку мати,
 Не будешъ ты въ мене хаты й сіней підмітати,
 А будешъ ты мені, молодій челядині, порядокъ давати».
 Да жила жъ бідная вдова проживала ажъ тринадцять годовъ,
 Ніякого супороку у сусіди не мала.
 А въ тринадцятімъ годі ставъ грізь погрімати,
 Стала чорна хмара наступати,
 Ставъ удовинихъ снівъ громовимъ огнемъ Господь карати,
 И въ полі и въ домі всю ходобу розбивати.
 Стало ихъ подвірья зеломъ и бурьяномъ заростати,
 Стали ихъ люде превелико-марно звеважати,
 Преведку злобу и сварку укпдати,
 Стали объ їхъ люде говорити:

— Ахъ вы, вдовиченки, десь вы въ себе хліба-солп вы не мали,
 Шо вы свою матіръ, при старості літъ, на чужий двіръ изослали».

А старший братъ каже: «ходимо, братця, матери прохати,
 Чи не перестане насъ Господь карати?
 Охъ, дивитця, братця, який я бувъ собі домъ коштовный избудувавъ,
 Та скоро свою матусю на чужій двіръ пзославъ,—
 Да заразъ мене Господь громомъ-огнемъ пскаравъ,
 А у полі п въ домі всю худобу поубивавъ.
 Ходимо, братця, матери прохати,
 Чи не перестане насъ Господь карати».

Підстарший братъ каже: радъ бы я, братця, матусю до себе забрати,
 Да-къ боюся: жена вельми безбожная да й у мене.
 И такъ сварка буває що дня у мене».

Самый меньший братъ до матусі приходяе,
 Изтиха словами промовляє:
 — «А ходимо, ненько старая, у нашъ домъ проживати,
 Не будешь ты супороку війкогю у насъ мати.
 Будемъ мы твою старість чтити й поважати,
 Не будемо, ненько старая, за хлібъ-сіль тобі докоряти,
 Будемъ своихъ діточокъ та страхати...»¹⁾

А покіль сыны матірть та упресли,—
 И въ полі п въ домі ничего не воздріп.
 А якъ стала бідна вдова на коліняхъ стояти,
 А до Бога руки здіймати:

» О, Господи! Якъ мені тяжко було маленькихъ ихъ хлібомъ годувати!
 » О, Господи! перестань моихъ сынівъ карати!...»
 Якъ стала бідная вдова въ ихъ домі проживати,—
 Ставъ илз Господь видимо помогати,
 А й въ полі п въ домі всю худобу прпспоряти²⁾.

¹⁾ Въ варіантѣ Вакуленка:

Шо єдина вдова на ти ихъ слезы не вважала,
 Тільки вона єдине у сердці поымила,
 Шо їхъ мали дітки пожаліла...

²⁾ У Вакуленка здебъ слѣдующая ампліфікація:

Меньший братъ въ спльню велику дорогу одызае,
 Старшого брата словами убаготворяе:

—Старший братъ, матусі не прогнівляй,

—Рано п позно молитвы її почитай,

Подружжя, братъ, мое й свое зупиняй!

Старший братъ упяты же великое сердце-злость мівъ,

Возбрати» матусі горко словами укоровивъ,

А послушайте, браття, паны-молодці! —
 Що хто отця и матку почитае,
 И отцевську молитву матусину не забуває, —
 Да той изо дна моря выривае!
 Аще хто отця и матки не почитае,
 И отцевську молитву матусину забуває,
 Да той на березі погибае,
 А на віки віковъ!

Нравственно-поучительныя думы, обращаясь въ народъ, нерѣдко принимали формы пѣсень. Слышанныя отъ кобзарей, въ пѣсни онѣ перекладывались по памяти, значительно видоизмѣняясь. То излагалось кратко содержаніе думы, то развивалась одна, запавшая въ память и особенно поразившая черта. Въ замѣткѣ о кобзарѣ Крюковскомъ *) я привелъ подобный перифразъ думы „О сестрѣ и братѣ“. Вотъ отголосокъ „Вдовы и сыновей“, записанный въ селѣ Тамаровкѣ, пирятинскаго уѣзда, отъ старухи:

У неділю рано пораненьку
 Выговяе сыпъ свою нещку:
 —Иди, мати, прічь одъ мене,
 Будуть гости у мене,
 Будуть въ мене кумы — побратимы
 И рідниі браття!..
 Плаче мати, иде улоньками,
 Плаче слізюньками..
 Зустрічае дочка матірѣ:
 Куди, мати, идешъ мандрувати?
 Иди, мати, жити до мене, —

За руку віць бравъ,
 Зъ хаты вывождавъ!..

А присвився меньшому брату у сильно великій далекій дорозі предивний сонъ.

Вінъ ставъ плаче-рыдае,
 Своему браттю словами промовляє:
 — О, мабуть, браття-товарищи,
 Мабуть моій матусі у дома немає,
 Шось мені у дорозі фортуна не пособляє!..

*) См. «Кіевская Старина», 1882 г. декабрь.

У мене дві хаты,
 Будешь моихъ дітей колыхати,
 Иле сынъ свой неньки прохати:
 —Иди, мати, жить у мене,
 Худо жити безъ тебе!
 Бодай тобі, сынку, хата згоріла,
 Жінка вмерла, дитина осталась!...
 Пішовъ сынъ матери прохати!
 —Иди, мати, жити до мене
 Худо мені жити безъ тебе:
 Вмерла жінка, дитина осталась,
 Да-къ нікому колыхати...

Иванъ Коновченко.

Ой вдова Коновчица, по своєму мужу Грициха,
 Мъла у себе сына одного Ивана Коновченка,
 И вона изъ малыхъ літъ ждала и дожидала,
 До великого зросту воспитала,
 И чужимъ людемъ на потуранне въ руки не подавала...
 Ой Филонъ, корсунский полковникъ, ставъ підъ городъ відходити,
 Ставъ намети напинати,
 Ставъ въ охотне військо у козаки выкликати:
 —Охъ, кому то браття придокучило въ отца своего и въ павіатки проживати,
 Шинкарці за чарку горілки хату и сіня підмітати,
 А прошу я братя на Черкень долину у козацкое войско пойти погуляти,
 А козацькою славы и памяти достати!>
 А скоро Иванъ Коновченко сее слово услыхае,
 До въ своен матусі старои благословлення просить, тай питае:
 —Ахъ, прошу я, мати, на Черкень долину пойти погуляти,
 Козацькою славы и памяти достати!
 —Охъ не велю я тобі, сыну, дитя мое, на Черкень-долину ити гуляти,
 Козацькою славы и памяти доставати,
 А велю я тобі, сыну, дитя мое, у городі у Черкасі проживати.
 Е въ тебе чотыри волы чабани,
 А ще пара коней воронні,
 До ты будешь у городі у Черкасі проживати,
 И будешь ты хліба пахати,

То будуть до тебе всі козаки заїзжати,
 Будуть у тебе хліба-соль заживати,
 И будуть тебе на підпитки звати,
 А будуть тебе дворяниномъ почитати.
 —Ахъ, не желаю я, моя мати, а хліба пахати,
 Хоть я буду, моя мати, и хлібъ пахати,
 Будуть до мене козаки заїзжати и хлібъ и соль заживати,
 А будуть мене, моя мати, гречкосіємъ проzywати.
 —Охъ, якъ бы ты мені, мати, добре дбала,
 До е въ тебе чотири волы чабанні,
 А ще пара коней воронні,
 То ты-бъ до жида королевского одгонила,
 И ты бъ нмъ торгъ сочинила,
 П'ятьдесять червонцівъ доложила,
 Да мені коня доброго купила,
 Якъ моя козацькая молодецькая душа та любила.
 —Ахъ сыну, дитя мое, Ивану Коновченку, ой вдовиченку,
 Тридцять я літ отцевську худобу содержала,
 Да все бъ то тобі на одного коня все позбувала!
 —Ахъ, не желаю-жъ я, моя мати, а хліба пахати,
 Своихъ німецькихъ закаблукъовъ ламати,
 И своихъ голубихъ жупановъ пилонъ напняти.
 А вже мені, моя мати, надокучило за плугомъ прохождати.
 А за плугомъ прохождати, то болить спина,
 А вже мені, моя мати, та борозна мені не мила!
 —А скоро удова Коновчиха, по своєму мужу Грициха, до Божого храму
 од'їзжала,
 А козацькую усю зброю въ комору позамыкала,
 И тільки забула на стіні шаблю булатную пицальвую п семп'ядную.
 Да Иванъ Коновченко въ світлюньку вступае,
 То впчого вінъ не забачае,
 А тільки забачае вінъ на стіні шаблю булатную и пицаль семп'ядную.
 На плеча закидае и всіхъ козаківъ догоняе,
 А проти старого и проти малого шапочку скидае,
 И всі козаки возворочали, шапочки скидали,
 Его дорожкою поздоровляли.
 Ахъ покляль удова Коновчиха, по своєму мужу Грициха, изъ Божого храму
 приїзжала,
 Уже сына Івана Коновченка вдовиченка, уже въ домі не застала.

До вона горько кляла п проклинала,
 И слезы свои проливала:
 — Ахъ сыну, Иване Коновченку-удовиченку,
 Бодай тебе три недоля не побила: перва недоля не побила, щобъ тебе пу-
 лями не стреляли,
 А другая недоля щобъ тебе не побила, щобъ тебе шаблями не зрубали,
 А третя ще недоля не побила,
 Штобъ тебе материни слези ни въ якій потрібці не споткала.
 Да вдова Коновчуха, по своему мужу да Грциха, мѣла въ себе чотыри
 волю чабанні,
 А ще й пара коней воронні;
 До вона до жйда королевського одгонила,
 Торгъ имъ сочинила,
 Пятдесятъ червінцівъ доложила,
 Ему коня доброго купила,
 А якъ его козацькая та молодецькая душа да й улюбила.
 А рядовымъ козакомъ подавала,
 И поклономъ его поздоровляла,
 А рядовой козакъ его догоняе,
 Одъ матусі староя поклономъ его поздоровляе,
 Ажъ до ёго кінъ добрый прибувае.
 — Ахъ дивитесь, братья, я думавъ, що мені мати худо дбае,
 Аже мені мати добре дбае,
 Што мѣла вона въ себе чотыри волю чабанні,
 А ще пара коней воронні,
 Да вона до жйда королевського одгонила,
 Торгъ имъ сочинила,
 Пятдесятъ червонцівъ доложила,
 Мені коня доброго купила,
 А якъ же моя молодецькая козацькая душа да й улюбила.
 Когда бъ мені Господь помігъ сей похоть псходити,
 А й назадъ воротитця,
 Да я буду при старості літь свою матусю хлібомъ годувати.
 А по смерти ея кости ховати.
 Когдабъ мені Господь помігъ сей похоть псходити
 И назадъ воротитця,
 Да я буду при старости літь ея хлібомъ кормити,
 А по старости ея кости хоронити...
 И до табору приїзжае,
 Фялошь корсунскій зъ намета виглядае,

Красную китайку простилає,

Ивана Коновченка на красній кптайці сажас,

Разными дорогами найдками

И сладкими напитками кормить и наповає.

— Ой Филоне, Филоне, курсунській полковнику,

Позволь ты мені на Черкень долину пойти погуляти,

А козацькою славы и памяти достати!

— Ай Иване, Иване Коновченку, ой вдовиченку,

Ще-жъ ты дитя молоде и малое,

Ще-жъ ты ни на полі, ни на морі не бувало,

Ще-жъ ты ниякого звычайу да не набралос!

— Ахъ Филоне, Филоне, курсунській полковнику,

Поймай же ты утя малое и тее старое,

Да й пусти ты на воду:

Чимъ лучше поплыве утя старое,

Чимъ тое малое?

— Ну, велю я тобі, Иване Коновченку, на Черкень долину ити гуляти,

Козацькою славы и памяти доставати...

До вінь не много гулявь, 4 часа и 4 минуты прогулявь,

А не много вінь війска потерявь,

Шість тысячъ у смерть убивь, а сімъ тысячъ смертельни раны завдавъ.

А восімъ тысячъ живыми у плінь забравъ.

И Филонъ Курсунській съ підъ намета виглядає,

Красную кптайку простилає,

На красній кптайці Ивана Коновченка вдовиченка сажас,

Дорогими найдками напитками кормить и налуває,

— Иванъ Коновченко вдовиченко сее заживає,

Иванъ Коновченко Филону, курсунскому полковнику, варікає:

— Охъ Филоне, Филоне, курсунській полковнику,

Позволь ты мені водки оковитой зажити.

— Ахъ Иване, Иване Коновченку и вдовиченку,

Не велю я тобі, Иване Коновченку, водки оковитой заживать,

Бо водка оковита вона тебе изъ світа зрадить,

И окрашенного світа та вона тебе збавить,

А велю я тобі, Иване Коновченку, вдовиченку на Черкень долину ити гуляти,

Козацькою славы и памяти побольше доставати,

У хорошій одежді проходжати.

А Иванъ Коновченко вдовиченко слова не слухає,

Бере чайний стақанъ да наливає,

Да выпиває,

На свого коня доброго сідає.

А Филонъ, курсунскій полковникъ, не слышає, —

Бере й другій наливає,

На свого коня доброго на гриву сипляє,

Бере й третій наливає,

Да все выпиває...

Уже своєму коневі доброму на гриву головоньку склоняє,

А по табору проїзжає,

Проти старого п проти малого шанки не скпадає,

А Филонъ, курсунскій полковникъ: Ахъ, не велью я тобі водки оковитої зажпти,

Бо вона, водка оковита, вона тебе пзъ світа израдитъ,

И окрашеного свіга избавитъ,

Бо Турки-Вермени прокляті,

Вони пьяного чоловіка за чверть мплъ узривають,

Вони одступлять п покплъ вони тебе, пьяного чоловіка, заманять,

Да вони тебе посічуть п порубають,

А Иванъ Коновченко сего не слышає,

По табору проїзжає,

Проти старихъ казаківъ п проти малыхъ шапки не скпадає,

А Турки-Вермени проклятіє

За чверть мпли пьяного чоловіка заздріли,

А на другує ще чверть мпли одступили,

Покплъ Ивана Коновченка замавили

И Ивана Коновченка посікли, порубали,

А хоть вони его посікли п порубали,

А вони его коня доброго не піймали...

А немого жъ то вони войска потеряли,

Шістнадцять тисячъ у смерть убивъ, а тридцять тисячъ смертельны раны
завадавъ,

А пятнадцять тисячъ у плінъ забравъ ¹⁾,

А его конь добрый по табору гуляє,

Попруги порвани п стремена кривави!...

А Филонъ изъ підъ намету виглядає,

Превеликую тоску-печаль то вінъ має,

На всіхъ казаківъ гукає,

— Ахъ, вы хлопці казаки, пойдіте, коня Ивана Коновченка поймайте,

Бо его конь добрый по таборі гуляє.

¹⁾ Раньше забравъ, а не въ жпвпхъ оставивъ.

Попруги порвані и стремена кривавні...

А пойдите, браття, поймайте,

А его матусі старенькій поклонъ да подайте.

Да вдова Коновчиха, по своєму мужу Грициха, усіхъ козаківъ на дорозі
перестрічає

И всіхъ козаківъ перепитає:

—Ахъ, вы молоді, козаки, а чи не бачили вы, чи не чули мого сына Ивана,
А мого сына Ивана Коновченка и вдовиченка?

Да всі козаки проїзждають,

А правды не предъясняють,

Тільки бувъ то одинъ козакъ рядовой—прибуває и правду предъясняє,

—Ахъ, удово, удово, Коновчиха, по своєму мужу Грициха,

Що вже твій сынъ оженився и на Черкень-долині одружився.

И взявъ собі жону пишную и гордую,

Що вона нікому словечка не мовить,

И ніякому лицарю головоньки не склонить.

—А слава жъ тобі, Господи, що мій сынъ оженився

И на Черкень-долині одружився,

Шо хоть вінъ жону взявъ собі пишную—гордую.

Що вона нікому словечка не мовить,

И ніякому лицарю головки не скловить,

Да хоть буде при кому мені при старости літъ дожкати,

А по смерті моїй кости похоронити.

Ажъ Филонъ курсунскій полковникъ іде и хорошего (ковя) веде,

Попруги порвані и стремени кривавні...

Да вдова Коновчиха, по своєму мужу Грициха, на дорозі стрічає, гірко
кляне, проклинає:

—Ахъ Филоне, Филоне, курсунскій полковнику,

Бодай ты въ походы не сходишь и назадъ не веретився,

Якъ ты мого сына Ивана Коновченка израдивъ,

Зъ окрашеного світа ты мені его збавивъ.

—Ахъ, не плачь, вдова Коновчиха, по своєму мужу Грициха,

И не плачь и не проклинай,

Мені молодому щастя долі не теряй,

А не я-жъ то его зрадивъ,

Зрадила его водка оковитая,

Вона его зрадила, зъ окрашеного світа да збавила.

Да вдова Коновчиха сорокъ день и сорокъ ночей одежи не скидала

И слезы проливала.

Ивана Коновляченка вдовиченка немпала,
 А віру турецьку віру, бесурманьску горко кляла и заклинала:
 — Ахъ, ты віра турецька. віра бусурманьска,
 Будь ты проклятая!
 На срібло да на злато да богатая.
 Вызволь, Господи, невольниківъ изъ неволл
 На свою рідну,
 До отця да до пані маткы!...

III. Кобзарь Братиця.

Его имя стало мнѣ извѣстнымъ по реферату, читанному въ покойномъ юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества. г. Иващенко; авторъ сообщенія, напечаталъ со словъ Братицы три думы, одну псалму и одну сатирическую пѣсню. Отдѣломъ положено было тогда ознакомиться поближе съ репертуаромъ нѣжинскаго кобзаря. Но предположеніе это не осуществилось. Портретъ его, хотя очень несхожій, красуется на обложкѣ изданія г. Беца: „Историческіе дѣятели южно-русскаго края“ и „позаимствованъ, кажется, изъ „Нивы“. Братиця знаетъ объ этомъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ въ Нѣжинѣ „какійсь панъ патреть зъ него знімавъ“.

— Хвалився мені вписля, шо той патреть падрюкувано.

— Шо-жь вамъ за це?—питаю.

— Прислали, каже, шість корбованцівъ и „Ниву“ на цілий годъ.

— Я думавъ, шо ему поля дано пахать на рікъ, ажъ після розсказавъ вінъ мені, такъ воно зовсімъ ка-зна що!

Съ этимъ наивнымъ приговоромъ спекулятивному петербургскому журнальцу я не могъ не согласиться.

О терешковскомъ кобзарѣ я слышалъ отъ нищихъ: „тамъ старый кобзарь Павло, такой, якъ Остапъ (Вересай), ученый!“ Я догадывался, о комъ идетъ рѣчь и рѣшилъ его разыскать. Терешковка—маленькое глухое село макіевской волости, нѣжинскаго уѣзда, лежащее въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ. Павло Савичъ Братиця—старикъ небольшого роста, довольно полный, немпого рябой, съ сѣдыми баками, наружности необыкновенно добродушной и почтенной. Онъ считаетъ себѣ шестидесятый годъ. „Въ 42 году на десятую пятницу, сонце мінилося, а мені тоди бувъ 18-й годъ.“

Такъ по тому я замѣчаю!“ Родомъ онъ изъ мѣстечка Мены, сеницкаго уѣзда, бывшій крѣпостной крестьянинъ г. Ганскихъ. Его перевели въ Терешковку тогда, какъ по какимъ то соображеніямъ помѣщика переводили людей изъ одного имѣнія въ другое. Учился онъ у кобзаря Бешка, въ Менѣ, а Бешко (умершій въ 1855 г.) учился у извѣстнаго Андрея Шута. Таковъ ученый формуляръ Братицы.

У него своя, плохая хатка, стоящая впрочемъ на панскомъ грунтѣ. Старуха жена его также слѣпа. Милостыню больше просить она. Самъ Павло рѣдко куда теперь ходитъ изъ дому: „Одно те шо старый, а друге-шо черезъ оці пашпорты не вильно... Якъ я его ніколи не бравъ!...“ Жена Павла ревниво охраняетъ пѣсенное богатство мужа. Она, какъ говорили мнѣ, не допускаетъ никого учиться у него, перенимать пѣсни и псалмы. Если какой лирикъ прійдетъ къ нимъ, она спроваживаетъ его, говоря:

— Адже-жъ ты бувъ у науці, такъ чого-жъ тобі тутъ треба учитця?

Чѣмъ и какъ живетъ онъ?—Поля у него нѣтъ никакого, другой собственности также. Болѣе или менѣе значительныя подалнія отъ пановъ рѣдки. Между тѣмъ двумъ старикамъ надо пить-ѣсть, одѣваться и содержать маленькаго поводатаря, нужнаго имъ обоимъ. Поддерживаютъ его свои селяне, да кое что зарабатываетъ онъ на витьѣ веревокъ. Онъ почитителенъ и кротокъ со всѣми и пользуется уваженіемъ въ селѣ, что не всегда бываетъ съ нищими. Въ семьѣ Вербины, мѣстнаго Креза и кажется кулака, живущаго въ большой просторной хатѣ, на краю села, „зъ приходу“, гдѣ я остановился, къ нему относятся уважительно и любятъ его. Вербило—бывшій прикащикъ, арендаторъ чьей-то земли, человекъ по мѣстнымъ понятіямъ очень богатый, имѣющій наймитовъ и найминокъ... Но это черта почти общая: эти нищіе, убогіе люди, могикане исчезнущаго, стараго строя жизни, какъ-то инстинктивно внушаютъ почтеніе къ себѣ въ народѣ, который какъ-бы чувствуетъ въ нихъ отблескъ чего-то высшаго. У самихъ кобзарей живетъ также это сознаніе и Братица не дѣлаетъ исключенія. Видя меня, записывающаго со словъ Павла цѣлый день, мои хозяева стали спрашивать, для чего это мнѣ нужно?

— Для какойнибудь прахтыки? не то подозрительно, не то наивно допытывался длинный, рыжий Вербило.

— Та цімъ піснямъ більшь двісті роківъ, отвѣчалъ за меня Павло. Та воно-жъ такъ колись люде на світі жили!..

Я совсѣмъ пораженъ былъ словами Братицы, что онъ знаетъ десять думъ и болѣе 50-ти псалмъ и пѣсень. (Въ сообщеніи г. Иващенко говорилось только о 29). Уже мнѣ мерещилась дума о Брюховецкомъ, которая была извѣстна черниговскимъ кобзарямъ, но нынѣ, кажется, окончательно затеряна. Объ одной эпохѣ Хмельницкаго Братица сказалъ пять думъ: „О молдавскомъ походѣ“ (Про городъ Сороку, какъ называлъ ее Павло), „О жидовскихъ откупахъ“, „О смерти Хмельницкаго и избранія Юрія гетманомъ“, „О Барабашѣ и Хмельницкомъ“ и „Про ляхівъ“ (О бѣлоцерковскомъ мирѣ). Хотя съ первыхъ строкъ всѣ онѣ показались мнѣ близкими къ печатнымъ текстамъ, но, не довѣряя своей памяти, и надѣясь встрѣтить чтонибудь неизвѣстное, я записалъ ихъ всѣ. Велико было мое разочарованье, когда, провѣривши по сборникамъ, я убѣдился въ буквальномъ тождествѣ. Дѣло объяснилось очень просто. Братица перенялъ отъ Бешка три думы („Озовські брати“, „Барабашъ и Хмельницкій“ и „Козакъ Голота“). Таковъ былъ его репертуаръ при встрѣчѣ съ г. Иващенко, записавшимъ отъ него эти думы. Впослѣдствіи, странствуя каждое лѣто въ Нѣжинъ, онъ попалъ въ передѣлку нѣкому нѣжинскому обывателю, обладателю „Записокъ О Южной Руси“ и Сборника Метлинскаго. Этотъ послѣдній взялъ на себя роль кобзарскаго *майстра* и научилъ Павла еще четырьмя думамъ о временахъ Хмельницкаго по тексту Шута и кой чему изъ брошюрки о Вересаѣ. Съ тѣхъ поръ Братица утверждаетъ, что онъ учился у Бешка и у Шута (жившаго въ Александровкѣ, въ 12 верстахъ отъ Мены). Можетъ быть это и такъ, но близость его текстовъ слишкомъ буквальна и могла быть сохранена только книжнымъ путемъ. На это обстоятельство указываетъ и то, что въ думѣ о смерти Хмельницкаго имя Выговскаго, по тексту Шута искаженное въ Луговскаго, исправлено на настоящее. Ученикъ не могъ быть болѣе свѣдущъ въ прошломъ, чѣмъ учитель.

Какъ-бы то ни было, но Братица самъ создалъ себѣ эту легенду и, какъ случается иногда, кажется самъ въ нее увѣровалъ. Въ 52-мъ году, рассказываетъ онъ, въ Мену къ Бешку пріѣзжали

Кулишъ и Бѣлозерскій. Бешко зналъ пять думъ, учениковъ у него было до 30-ти. Записавши отъ Бешка, прїѣзжіе поѣхали къ Шуту. Послѣ того и молодые кобзари, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, стали учиться у Шута. За давностью онъ многое перезабылъ. Такъ теперь паны, „спасибі имъ!“—ему напомнили по книгамъ.

Думу о Коновченкѣ выучилъ онъ отъ Шута или отъ „Охроміевского Левка“, онъ не помнитъ. И она, за исключеніемъ двухъ-трехъ стиховъ, оказалась сходной съ текстомъ Метлинскаго. „Соколи“ изучены съ помощью нѣжинскаго обывателя. „Це Остапова, цієї Шуть не знавъ!“ говорилъ Павло, не думая скрывать источника своихъ свѣдѣній. Остальныя думы его были записаны раньше. Оставалось дѣлать розыски въ другихъ частяхъ его репертуара.

Изъ того небольшого цикла пѣсень, которое занимаетъ среднее мѣсто между историческими и „божественными“, я записалъ отъ него одну пѣсу: третій рассказъ о Почаевскомъ чудѣ¹⁾. Онъ относится къ тому-же событію—чудесному избавленію монастыря отъ турецкой осады (1675 г.) и отецъ Золизоръ или Зализо, здѣсь упоминаемый, тотъ-же святой Іовъ. Написанный куплетами, съ причудливымъ сочетаніемъ риѣмы, рассказъ несомнѣнно того-же происхожденія, какъ и всѣ почаевскіе псалмы, сочинявшіеся монахами-базиліанами и печатавшіеся въ почаевскомъ „Богогласникѣ“. Но отъ воздѣйствія-ли народа или отъ свойства самаго воспѣваемаго событія, онъ принялъ нѣкоторые черты величія. Въ „Каликахъ Перехожихъ“ Безсонова, рассказъ напечатанъ по списку В. И. Даля. Нашъ вариантъ очень близокъ къ этому тексту, но въ немъ рельефнѣе мѣстное обличіе, утраченное въ Далевскомъ спискѣ. Вотъ самая пѣса, выученная Павломъ отъ слѣпца изъ Синявки, не кобзаря, а просто нищаго:

Псалма Почаевской Богоматери.

Пасли пастві
Овці на горі,
А увиділи образъ
Матірѣ Божу на скалі.

¹⁾ Два первые см. въ «Малор. Лят. Сборникъ» 59 г. и въ собраніи г. Лисенка.

На той скаті ступни знати,
 Де стояла Божая Мати,
 Тамъ воду беруть
 И всімъ вірнимъ дають.

А пречистая Діво Марія
 Де у Почасві пкона твоя?
 Чудо твое надъ чудами
 Издѣлалось надъ турками,—
 Бо твоя сила
 Ихъ побідила!

Зъ града зъ Збаража въ Почаївъ прийшли,
 Много народа-християнъ знайшли.
 Начали оганятись,
 Могли-бъ вони ихъ усіхъ достати,
 Раду складають,
 И всімъ сее змовляють.

А въ вівторокъ рано браму обвяли,
 Законнику пзъ плічъ главу зняли.
 Вінь береть па руки,
 Несеть свою главу,
 Матери Божій даєть славу;
 Предъ образъ впадає
 И духъ свій воздає.

А въ монастирі плачуть-рыдають,
 Ручі подносять, крижемъ падають:
 «Ізмилуйся, Діво-Мати,
 Не дай-же намъ погібати
 Въ безщастній долі,
 У турківъ у неволі!»

За одинъ бо день, у турецькій землі,
 Ставъ въ Почаеві чернець у неволі,—
 Матірѣ Божу убогають...
 Уже хотіли ихъ розігнати
 Зли бусурмяни—мухомедане,
 А Матірѣ Божа всімъ сее пзъявила,—
 Омохворомъ вірнихъ покрыва:
 «Не бойтеся, християне,
 Не возьмуть васъ бусурмяне

У свої руки
 У тяжкі муки!»
 А Золізоръ передъ Марією ставъ,
 На повітрі всімъ видимою,
 Просить: «пані Рахила,
 Не одпушай, бо то святія,
 Яко цариця
 И владычица!»

Турки съ татарами сміло ступають,
 На гору стрілы якъ дощъ пускають,
 И вгоняются всіхъ мечами,
 И мають ще стрілы за плечами,
 То ихъ-же стрілы
 Та назадъ летіли!..

Крикнувъ на військо турецький Баша:
 «Усі ми погинемъ, бо недоля наша;
 Назадъ стрілы усе вертають,
 И насъ самихъ забивають,
 Мы того чуда вікъ не виділи!»
 Шо зъ того чуда всі дивувались,
 Шо того чуда вікъ не виділи:
 «Звать у неба Божая сила,
 Полки войска наступили,
 Насъ проганяють
 И убивають!»

А у христіянъ турокъ питає:
 «Шо то за пані у горі сле?
 И зъ нею військо все зъ мечами
 Поступає услідъ за нами,
 Не йдуть землею
 Та все облаками?»

А христіяне имъ такъ сказали:
 «Шо то Мати Бога стоить ізъ ангелами,
 Іі образъ у монастирі
 Славенъ, чуденъ Божой силі!»
 Которі знають,
 Усімъ сее зъявляють.

Страхомъ великимъ усі закричали,
 Матірѣ Божюю Божкомъ назвали:

«На повітрі стоить Божко,
 Прийшло зъ нею військо,
 Та недоля наша,
 Уже забить и Баша!»

Зли бесурмяне зъ міста рушали,
 Зъ коней падали, корка лишали,
 Изъ Почаіва утікали,
 Невольниківъ оставляли:
 Бо Маріина сила
 Страшна имъ была!

Матя Божая, можная царце!
 Всі-жъ мы упадемъ предъ тобою на лице,
 Пребудь изъ нами у той часть смерти,
 Не дай-же намъ у гріхахъ померти,
 Яко царце,
 Всімъ заступнице!

Не привожу здѣсь собственно псалмъ, записанныхъ отъ Братицы. Произведснія этого рода не имѣють у насъ до сихъ поръ особаго сборника и я отлагаю свой запасъ именно для него. Только при значительномъ ихъ собраніи, въ родѣ собраній великорусскихъ стиховъ Варенцова и Безсонова, возможны какіе нибудь выводы о ихъ характерѣ, складѣ, внесенныхъ исторіей и народнымъ духомъ оригинальныхъ чертахъ, степени воздѣйствія и заимствованія у сосѣднихъ народовъ и т. под. Издатель монументальныхъ „Каликъ Перехожихъ“ г. Безсоновъ не любитъ малорусскихъ псалмъ и кантовъ. Ему не нравится ихъ усиліе въ немногихъ словахъ сказать многое, ни тѣ шарты, которые вносятъ въ нихъ малорусскій юморъ, ни постоянныя ихъ вторженія въ жизнь, доходящія до внесенія кантовъ въ праздничныя представленія въ дѣйствіяхъ и лицахъ, ни тѣсная связь ихъ съ народными праздничными пѣснями, въ родѣ Щедривокъ и Колядокъ¹⁾. Для насъ-же въ этой близости ихъ къ жизни, въ возможности прослѣдить связь съ жизнью старой школы, ихъ родоначальницы, интересъ и привлекательность этого рода произведеній...

¹⁾ См. предисловіе въ 4-му вып. «Каликъ-Перехожихъ».

„Онофрій“, „Іазарь“, „Двѣнадцять пятниць“, „Варвара“, „Сынъ блудяцій“, „Смотрися къ намъ смерте“, *проказаны*. А про Кирика не знаете? спрашиваю я Павла.—Хрінъ ихъ усі Perezнае! — Хйба „Правду“ заспівать? Та її не всі люблять! прибавляеть онъ съ умѣшкой, играя словами. Его „Правда“ своеобразна и представляеть черниговскій варіантъ этой замѣчательной пѣсни:

Шо тепера въ свѣті правды не зійскати,
 А тая неправда звикла правдовати. (2)
 Теперь свѣту правду підъ нозі потоптали,
 А тую неправду медомъ-внпомъ наповали.
 Да теперь-же свѣта правда да сидить у темниці,
 А тая неправда зъ панами у свѣтлиці.
 Стопть правда у порога да слізно рыдае,
 А тая неправда зъ панами пье-гуляе. (2)
 Стопть правда у порога да тайненько сміетця,
 А тая неправда за гроши беретьця. (2)
 Хочеть правда царства, а неправда богатства! (2)
 Шо хочеть правда та судомъ стати,
 Шобъ свѣтымъ хлѣбомъ-сілюмъ панами судъ розсуджати. (2)
 А неправда та хочеть, шобъ и суду не знати,
 Абы срібломъ-злотомъ судьямъ очи засыпати.
 Шо хочъ правда маленька—такъ вона важенька!..
 Пішла правда влжче, а неправда новышче. (2)
 Шо хочъ правда малецька, а неправда велика,—
 Збавляе неправда усякого чоловіка. (2)
 Ой, людей збавляе, а панівъ насыщае!..
 Шо теперь у въ правды та не міетця сплы,—
 Стережися отець-мати свого рідного сына!
 Шо вже конецъ віка, а конецъ приближытця,
 Хоть рідного брата да теперь стережися.
 Остаються дітки, а безъ матері сирітки:
 Немае пмъ помочи а ни здесь, а ни відки. (2)
 Шо горе баті и дїгочкамъ а безъ матері пробутти:
 Плачуть гірко рыдають, не можуть забути! (2)
 Хто будетъ на свѣті правду бережити,
 Тому шлетъ Богъ зъ неба довго въ свѣті прожити. (2)
 А хто будетъ на свѣті правду познавати,
 Тому шлетъ Богъ що въ Бога день благодати.
 Самъ Господь Богъ правда, да погубить неправду,
 Сокрушпть гордыню, вознесе свѣтыню!..

Репертуаръ „простацькихъ пісень“ у Павла великъ. Тутъ невзбѣжныя „Дворянка“, „Мицанка“, „Теща“, „Хома и Ярема“, „Чечітка“. Крімъ того онъ поєть чумацкія и бурлацкія пѣсни, какъ „Побратався сокіл“, „Нема въ світі гіршъ нікому“, „Чайка“, „Шовъ чумаць зъ Дону“ и т. д. Практика у него прежде была большая. „Я такъ привыкъ до бандуры, що безъ неі я наче и не чоловікъ“, говорить онъ. Эта двадцатиструнная бандура служить ему уже тридцать лѣтъ. Она сдѣлана въ Веркiевкѣ. Старосвѣтскіе столяры, умѣющіе дѣлать бандуры, попадаются до сихъ поръ. Такой столяръ есть напр. въ Макіевкѣ. Онъ сдѣлалъ недавно молодому кобзарю Прокопу Дубу (съ которымъ Братиця прежде ходилъ вмѣстѣ) новую бандуру. Дерево (вербина) Прокопа, за работу—рубль. Злополучный Дубъ недавно погорѣлъ и теперь „тиняється десь по світу“.

— А Овсій зъ Шняківки?

— Нема вже, умеръ!

— А Войцехъ, у Мені?

— То живий... Господи, всіхъ знають, усіхъ поєсписували!

— Якої-жъ мені вамъ ще проказать, говорилъ онъ грустно, коли вы всі знаете? Хиба оцю „пісенітницю?“ Це вже справді я на селі вучивъ, чоловікъ, Володька зъ Дівниці, співавъ.

Это шутивая пѣсенка, мотивъ которой встрѣчается въ сборникахъ Головацкаго и Метлинскаго („Вдова“). У Братицы она законченнѣе и лучше. Когда онъ „проказывалъ“ ее, лицо его дышало удивительной добротой хорошаго дѣдушки...

А не знала удівонька, якъ у світі жять,
 Да наняла ведмедика за плугомъ ходять,
 А вовчика сіренького воливъ поганять,
 А зайчика куценького передокъ водять,
 А лисцю Горпинцю обідать варить.
 Поступила ведмедку да горщокъ меду,
 А вовчику сіренькому тому барана,
 А зайчку куценькому тому качана,
 А лисяці-Горпинци курка печена...
 Ведмедчокъ розсердився—плужокъ поламавъ,
 А вовчикъ розсердився—волы розігнавъ,
 А зайчикъ куценький тай догадався,
 Въ зелену пшепченку тай заховався

А лисиця-Горпинця собі догадалася,
 Въ зелену дїбрівошкѣ заховалася.
 Несе вдова обідати — поспішаєтця,
 Сидить зайчикъ на могилі усміхаєтця.
 — Бідна-жъ моя головонька вдовинала,
 Що лежить моя пивонька неораня!..

Въ черниговской губерніи кобзарей особливо много въ сѣверныхъ уѣздахъ и они пользуются между собратьями особеннымъ авторитетомъ. Такъ гласить сборникъ Метлинскаго, вышедшій въ 1854 году. Съ тѣхъ поръ утекло много воды и сошло съ лица земли не мало стародавнихъ рапсодовъ. Въ Черниговѣ и его окрестностяхъ и теперъ кобзари не рѣдки. Я встрѣтилъ одного на другой-же день по приѣздѣ въ городъ и свелъ съ нимъ знакомство. Худой и высокій, въ постолахъ и яломкѣ, съ лицомъ блѣднымъ и скорбнымъ, съ своимъ крошечнымъ бѣлокуримъ поводиремъ, онъ могъ служить для художника интереснымъ типомъ кобзаря-древлянина. Для меня-же интересъ его былъ не великъ и всѣ пьесы его репертуара я могъ суфлировать ему самъ. Онъ самъ стѣснялся этимъ и, настроивъ бандуру, напѣвалъ „сільску пісеньку“:

На калину вітеръ віє —
 Калина не спіє,
 Царень дівку вірно любить,
 Заняти не сміє...

На сѣверныхъ окраинахъ губерніи я не былъ, но кобзари, видѣнные мною въ окрестностяхъ Чернигова, принадлежать къ тому-же не интересному типу.

В. П. Горленко.

(Продолженіе будетъ).

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.¹⁾

5. МАРКОВИЧИ.

Марковичи выдвинулись въ ряды козацкой старшины вліяніемъ гетманши Настаси Марковны Скоропадской. Родоначальникъ ихъ— Маркъ Аврамовичъ, по преданію, былъ выкрещенный еврей, поселившійся въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. въ Прилукѣ²⁾. Здѣсь онъ женился на дочери богатаго мѣщанина Григорія Корнѣенка³⁾ и скоро сталъ отцомъ значительнаго семейства. Средства къ жизни Маркъ Аврамовичъ добывалъ себѣ разными промыслами; но главнымъ изъ нихъ былъ промыселъ „арендарскій“, заключавшійся въ торговлѣ водкою, право продажи которой до начала XVIII в. въ Малороссіи отдавалось на откупъ. Въ судебныхъ протоколахъ пирятинской ратуши за 1683 г. не разъ встрѣчается „панъ Маркъ Аврамовичъ обыватель прилуцкій, арендаръ ператинскій“⁴⁾. „Арен-

¹⁾ См. «Кіевская Старина» на 1882 г., кн. 1, 3 и 8.

²⁾ Архіеписковъ Филаретъ ошибается (Опис. черниг. епарх., VII, 300) называя родоначальникомъ Марковичей—Марка Климбару, владѣльца с. Березы, глуховскаго уѣзда. Климбара умеръ въ 1669 г., оставивъ вдову Агафью Ефимовну, которая, постригшись въ монахини, въ 1671 г. устроила глуховскій преображенскій дѣвичій монастырь. Маркъ Аврамовичъ умеръ въ 1712 г.

³⁾ Корнѣенко въ 1685 г. былъ прилуцкимъ войтомъ и затѣмъ сталъ писатся уже не Корнѣенкомъ, а Огроновичемъ; впоследствии онъ переписалъ сменовей изъ мѣщанъ въ казаки и старшій изъ нихъ—Михайло Огроновичъ былъ при Скоропадскомъ прилуцкимъ полковымъ обознымъ. Отъ него и пошли настоящіе дворяне Огроновичи.

⁴⁾ Книга протоколовъ пирятинскаго ратушнаго суда, за 1683—1729 гг., рукопись бібліотеки коллегіи Павла Галагана.

дарскій“ промыселъ считался очень выгоднымъ и имъ не брезгала иногда и козацкая старшина меньшихъ ранговъ. Вѣроятно этимъ промысломъ Маркъ Аврамовичъ и нажилъ преимущественно тѣ достатки, которые дали ему возможность выдавать дочерей въ замужество большею частью за людей очень замѣтныхъ въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ. Славившаяся красотой дочь Настасья выдана была за генеральнаго бунчужнаго Константина Голуба, шурина гетмана Самойловича; другая, Ирина—за Степана Миклашевскаго, сына стародубскаго полковника; только одна дочь Марка Аврамовича выдана была за бѣдняка—Андрея Кондзеровскаго. Браками своихъ дочерей Маркъ Аврамовичъ сталъ извѣстнымъ въ Малороссіи человѣкомъ. Но сыновья его оставались все таки въ „посольствѣ“. Окончательно измѣнилась судьба этой семьи, когда Настасья Марковна, овдовѣвъ и выйдя во второй разъ замужъ за Скоропадскаго, въ ноябрѣ 1708 г., стала гетманшей. Зять—гетманъ немедленно надѣлилъ тестя маестностями, давъ ему въ прилуцкомъ полку два села: Великую и Малую Дѣвицы, въ которыхъ и дожилъ свой вѣкъ Маркъ Аврамовичъ. Умеръ онъ въ 1712 г. Сохранилось интересное письмо Скоропадскаго о смерти тестя, писанное къ старшему сыну послѣдняго—Андрею, которое и приводимъ здѣсь: „Мы желали долгой жизни милому пану напему, и надѣялись, что приключившаяся ему болѣзнь не будетъ смертельною; но неизбѣжный всѣхъ живущихъ рокъ рѣшилъ, чтобы долгъ смерти былъ заплаченъ, и да будетъ въ томъ воля Божья! Считаемъ васъ счастливымъ, что хотя при концѣ жизни застали вы пана родича, а мы очень сожалѣемъ, особенно Настуся—вѣчную жалость будетъ имѣть на сердцѣ, что не могли получить послѣдняго изъ живихъ устъ отца благословенія. И теперь она не можетъ ѣхать, чтобы отдать послѣдній свой долгъ и присутствовать при похоронахъ; а потому на васъ, съ друми вашими братьями и сестрами, возлагаемъ обязанности совершенія похорожнаго обряда, не задерживая онаго, если тѣло поставлено будетъ и въ склепѣ, такъ какъ покойникъ умеръ неизболѣлый и тѣло его будетъ повреждено при перевозѣ въ монастырь (Густыньскій). А послѣ похоронъ можете остаться тамъ, сколько вамъ будетъ нужно. Мы же, за нашими занятіями, прибыть на похороны не можемъ; но о вѣчномъ упокоеніи, идѣже правед-

ныхъ души, милаго родича, позаботимся, чтобы и здѣсь по церквамъ, были установлены молитвы и жертва (о душѣ его¹⁾“.

Кромѣ дочерей, Маркъ Аврамовичъ оставилъ кажется пять сыновей, изъ которыхъ только старшій — Андрей имѣлъ въ это время урядъ глуховскаго сотника; младшіе же пока не имѣли никакихъ урядовъ. Сыновья послѣшили подѣлить отцовское наслѣдство, причемъ обдѣлили младшаго брата — Федора, который жилъ при отцѣ и на которомъ подслѣдній сосредоточивалъ особенныя свои заботы. Маркъ Аврамовичъ высваталъ Федору дочь переяславскаго полковника Томары, обѣщавъ свату—все свое имѣніе отдать младшему сыну, причемъ обѣщаніе свое свидѣтельствовалъ публично предъ прилущимъ полковникомъ Носомъ и протопопомъ Магеровскимъ. Такъ рассказываетъ объ этомъ Федоръ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, продолжая затѣмъ, что когда умеръ отецъ, то братья и сестры не исполнили отцовскаго завѣта и все имѣніе раздѣлили поровну, а „деньги пани гетманова Скоропадская всѣ забрала на Кондзеровскую, оставивъ ему, Федору, „на господарство“ всего семь кошъ. Особенно жалуется Федоръ на старшаго брата, Андрея, который пользуясь своимъ старшинствомъ и вѣроятно, поддержкою сестры-гетманни, забралъ все, что было получше, себѣ.

Андрей Марковичъ, старшій изъ сыновей Марка Аврамовича, пользовался при Скоропадскомъ большимъ значеніемъ, пользуясь которымъ нажилъ такія маетности, что родъ его уже въ половинѣ XVIII в. сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи. Начальное свое благосостояніе Андрей Марковичъ думалъ устроить женитьбою на дочери кролевецкаго сотника Маковского, который пользовался особенпою пріязнью Мазепы, крестившаго, между прочимъ, у Маковского дѣтей. Но прежде, чѣмъ Марковичъ могъ воспользоваться вліяніемъ тестя, судьба поставила его въ такое положеніе, о которомъ онъ конечно и не мечталъ: булава измѣнившаго Мазепы досталась Скоропадскому, которымъ всецѣло управляла его жена—родная сестра Марковича. Впрочемъ нужно отдать справедливость и личной ловкости Марковича: какъ только пронеслась въ Малороссіи вѣсть о томъ, что Мазепа передался Карлу, Марковичъ,

¹⁾ Украинскій журналъ 1824 г., № 21, 130—132.

жившій въ это время при тестѣ, въ Кролевцѣ, немедленно поспѣшилъ къ Меншикову, шедшему для взятія Батурина. За эту „вѣрность“ награда дана была немедленно: Марковичъ пожалованъ былъ сотникомъ въ Глуховъ, тогда-же назначенный быть новою резиденціею новаго гетмана. А затѣмъ Марковича царь послалъ въ Царьградъ съ своими письмами къ тамошнему русскому послу; не смотря на трудный проѣздъ въ Турцію, порученіе это Марковичъ исполнилъ исправно. Отличіе шурина дало возможность Скоропадскому наградить его первою маестностью; въ январѣ 1709 г. Марковичу дано было сосницкое село Шабалиновъ, которое черезъ годъ утверждено было и царскою грамотою: „наше царское величество пожаловали глуховскаго сотника Андрея Марковича, велѣли ему дать... грамоту на мельницы подъ г. Кролевцомъ, прозываемыя Дулины, да на село Шабалиновъ, для того, что служить онъ многіе годы во всякой вѣрности и, во время измѣны вора и измѣнника Мазепы, ни къ какимъ его воровскимъ умысламъ не приставаъ, а былъ всегда при нашихъ войскахъ противъ непріятелей нашихъ вѣрно и радѣтельно, и во время взятія Батурина на приступѣ былъ-же; за ту его службу пожалованъ глуховскимъ сотникомъ“¹⁾. Но сотничій урядъ конечно не удовлетворялъ Марковича; гетманъ съ своей стороны готовъ былъ все сдѣлать для шурина, который былъ любимымъ братомъ его жены; но затрудненіе заключалось въ томъ, что Скоропадскій не пользовался властью своихъ предшественниковъ: полковничьи уряды перестали зависѣть отъ власти гетмана, такъ какъ Петръ Великій, послѣ измѣны Мазепы, сталъ замѣщать эти должности по своему личному усмотрѣнію. Приходилось, значитъ, самому гетману искать предстательства у приближенныхъ царя, которыхъ для этого Скоропадскій не упускалъ задобривать „маестностями“. Въ это время Скоропадскому уже удалось разъ выхлопотать полковничій урядъ для Черныша, который былъ женатъ на дочери его жены отъ перваго брака съ Голубомъ. Сталъ хлопотать гетманъ и за Марковича, чтобъ доставить ему лубенскій перначъ; хотя хлопоты эти были и не трудныя, потому что дѣло шло о человѣкѣ, засвидѣтельствовавшемъ свою „вѣрность“ въ самое смутное время, но тѣмъ не менѣе хлопоты длились нѣсколько лѣтъ.

¹⁾ Арх. генер. канц., № 2523.

А между тѣмъ Марковичъ наживалъ себѣ богатства полученіемъ отъ гетмана болѣе, или менѣе цѣнныхъ маетностей. Пока добился онъ полковничества, Скоропадскій, кромѣ Шабалинова, далъ Марковичу: въ октябрѣ 1709 г.—греблю у с. Камея, въ апрѣлѣ 1711 г.—с. Евдоконье въ стародубскомъ полку и въ іюнѣ 1713 г.—с. Токари и хуторъ на р. Артополоти. Наконецъ получено было и полковничество; въ универсалѣ Скоропадскаго 1714 г., читаемъ: „лубенскій полковникъ п. Василій Савичъ, прибывъ въ Глуховъ, сложилъ съ себя урядъ полковничества по слабости здоровья и на мѣсто его, по монаршему благоволенію, назначенъ п. Андрей Марковичъ, швагеръ нашъ, при чемъ и полковая старшина, съ рядовымъ товариствомъ, прибывшіе въ Глуховъ, также просили о немъ, швагрѣ нашемъ; и мы, гетманъ, исполняя монаршее повелѣніе и снисходя при томъ на общее всѣмъ полчанъ тамошнихъ прошеніе, вручили ему п. Андрею Марковичу тотъ урядъ полковничества лубенскаго“¹⁾... Въ этомъ универсалѣ интересно упоминаніе, что будто и лубенская старшина просила гетмана о назначеніи Марковича полковникомъ; но если и просила, то есть полное основаніе сомнѣваться въ искренности такой просьбы: не любили козаки, когда въ полковники къ нимъ попадалъ чужой человекъ, не имѣвшій своего тамъ хозяйства; знали они, что станетъ онъ наживать себѣ хозяйство на ихъ счетъ. Такъ оно стало и съ Марковичемъ, который за тринадцатилѣтнее свое управленіе лубенскимъ полкомъ, нажилъ себѣ богатая маетности; а маетности полковникъ наживалъ въ то время исключительно почти насиліемъ, которыя преслѣдовались въ исключительныхъ лишь случаяхъ; а Марковичъ этихъ преслѣдованій и совсѣмъ не боялся, имѣя защитницею свою сестру—гетманшу, которая, пользуясь безличіемъ мужа, заправляла Малороссією, насколько оставлено было еще въ то время власти гетману. Впрочемъ лубенская старшина, потерпѣвъ четыре года, рѣшилась было въ 1718 г. заявить свой протестъ противъ насилій полковника, „но когда о томъ Марковичъ провѣдалъ и объявилъ гетману, сразу помянутую старшину, вмѣшивши за бунтовщиковъ, съ походу отъ службы, завернено и предано за крѣпкій караулъ Феодору Протасьеву, потомъ нещадно бито кіями, и уряды, такожъ и мает-

¹⁾ Дневн. записки Як. Марковича, I, 449.

ности у нихъ подобрано съ крайнимъ прочаго имѣнія разореніемъ¹⁾. И пришлось лубенцамъ терпѣть; не только пока живъ былъ Скоропадскій, но и послѣ его смерти не было надежды освободиться отъ Марковича; овдовѣвшая гетманша не потеряла значенія, пользуясь, какъ свойствомъ съ Толстыми²⁾, такъ и пріязнью Вельяминова, тогдашняго правителя Малороссіи. Но съ паденіемъ Толстыхъ, рушилось значеніе гетманши, тѣмъ болѣе, что Меншиковъ считалъ Толстыхъ въ числѣ своихъ враговъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1727 г. отставленъ былъ Толстой (зять Скоропадскаго) отъ уряда пѣжинскаго полковничества, а въ іюлѣ стали въ Глуховѣ уже поговаривать, что не одоброватъ и Марковичу³⁾. Дѣйствительно, пріѣхавшій въ Глуховъ, осенью 1727 г., Наумовъ, привезъ съ собою и указъ объ увольненіи Марковича отъ полковничества. Указъ объ отставкѣ Марковича состоялся въ верховномъ совѣтѣ 24 іюня 1727 г., но его придержали въ Москвѣ до послыки въ Глуховъ сенатора Наумова, ѣхавшаго въ Малороссію для подготовленія старшины къ избранію въ гетманы Апостола⁴⁾. Отставка Марковича рѣшена была всемогущимъ въ то время Меншиковымъ, случайно вспомнившимъ о братѣ Скоропадской, которая за свойство съ Толстыми попала въ немилость временивика. При назначеніи Наумова министромъ Малороссіи, для него составлена была въ иностранной коллегіи инструкція, которую предварительно поднесли Меншикову на просмотръ; и—его свѣтлость, въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей, дополнить велѣлъ: „кромѣ жидовъ“; при томъ-же разсуждать изволилъ, что полковникъ лубенскій, шурина гетмана Скоропадскаго—изъ жидовъ и много отъ него народу въ полку его тягости, такъ лучше его—отставить⁵⁾.

Такъ случайно, рѣшена была отставка Марковича, о „тягостяхъ“ котораго для полчанъ Меншиковъ, какъ видно, давно уже зналъ. Можетъ быть впрочемъ, что отставкою Марковича Меншиковъ

1) Русск. Арх. 1864 г., 494.

2) Сынъ Петра Андреевича Толстого, пзвѣстнаго сподвижника Петра Великаго, былъ женатъ на дочери Скоропадскаго, отъ втораго его брака съ Настасьей Марковной.

3) Зап. Марк. I, 231.

4) Архивъ пр. сената, Баранова, т. I, №№ 2352 и 2460.

5) Соловьевъ, XIX, 131.

хотѣлъ сдѣлать любезность будущему гетману Апостолу, вражда котораго противъ вдовы Скоропадскаго была извѣстна и въ Москвѣ.

Въ указѣ верховнаго совѣта было сказано: „отлучить отъ полка полковника лубенскаго Андрея Марковича и освидѣтельствовать о поступкахъ его въ бытность его при томъ полку и о тягостяхъ тому полку отъ него бывшихъ“. Къ этому указу Наумовъ присоединилъ и свой—„дабы всякъ на Марковича жалобы за обиды, имъ оказанныя, заносилъ, не посягая и не закрывая“¹⁾. Жалобщиковъ явилось множество; во главѣ ихъ стояла лубенская старшина, которая не могла не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для мести противъ полковника и подала Наумову пространное описаніе своихъ обидъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ образованъ лубенскій полкъ, говорилось въ этой жалобѣ, па чинъ полковничій выбирались вольными голосами, люди достойные изъ своихъ полчанъ и никогда отъ нихъ не было народу отягощенія; а когда промоторствомъ гетмана Скоропадскаго произведенъ въ чинъ лубенскаго полковничества чужой человекъ, шуринъ гетмана, Андрей Марковичъ, тогда не только нынѣшнихъ временъ никѣмъ не слыханныя, но и за державы лядской (польской) и за жидовскаго тогдашняго арендаторства едва-ли творились таковыя тягости, налоги и обиды, какія чинились отъ него Марковича въ полку всему народу, который отъ того обнищалъ и разоренъ, а Марковичъ за недолгое время обогатился!“ Затѣмъ лубенская старшина переписала по пунктамъ все тягости, которыя чинилъ Марковичъ своимъ полчанамъ. Наиболѣе характерныя пункты были слѣдующіе:

Когда Марковичъ наѣхалъ въ полкъ и сталъ устраивать себѣ хутора, мельницы и фольварки, то, не довольствуясь опредѣленными на чинъ полковника и другими, прежде чина того отъ Скоропадскаго полученными, маетностями, принуждалъ всего полку людей, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ, исполнять свои частныя работы, причемъ для него гатили плотины (гдѣ были водяныя мельницы), возили дерево на разныя постройки, пахали землю козачьими плугами, косили сѣно и жали хлѣбъ.

А группы, па которыхъ Марковичъ устраивалъ мельницы, хутора и фольварки, все чужіе; нѣкоторые изъ нихъ хотя и были

¹⁾ Зап. Марк., I, 242.

куплены, но—или насильною куплею или подложными способами, а многіе и просто были отняты у хозяевъ.

Купцамъ, которые воловъ гоняли въ Силезію для продажи, Марковичъ насильно раздавалъ свои волы плохіе, а бралъ за нихъ цѣну, какъ за самихъ лучшихъ.

За малые и большіе проступки полчанъ Марковичъ обтяжалъ ихъ безмѣрными взятками, хотя самъ почти никогда и не судилъ тѣхъ проступковъ, сдавая весь судъ на старшину, которой и правленіе полковое поручилъ, такъ какъ самъ постоянно занятъ былъ своими домашними дѣлами и разъѣздами по хуторамъ и маестностямъ.

А когда отлучался изъ полка въ походы, на свое мѣсто наказнымъ полковникомъ ставилъ сына своего Якова, а на мѣсто отлучившихся въ походы сотниковъ, ставилъ наказными своихъ слугъ. А тотъ сынъ и тѣ люди многія обиды чинили людямъ, отнятіемъ грунтовъ и другими взятками.

Не довольствуясь маестностями, опредѣленными на чинъ полковника и другими полученными прежде отъ гетмана, Марковичъ завладѣлъ частью г. Ромна, называемою Засулье, выпросивъ универсалъ на Засулье, какъ на село, а не какъ на часть Ромна; а Засулье—не село, по роменскіе фольварки. А сверхъ того Марковичъ завладѣлъ въ своемъ полку селами: Мойсеевкой, Нарожьемъ и Кулажницами, безъ универсала гетманскаго и безъ грамоты монаршей.

Да и сынъ его Яковъ, кромѣ Сухоносовки, полученной отъ гетмана свойства ради, завладѣлъ и другимъ селомъ Перервинцами, которое село Андрей Марковичъ отдалъ сначала, по своей полковничьей власти, брату своему Ивану, а послѣ смерти его Перервинцами завладѣлъ Яковъ¹⁾.

Въ жалобѣ полковой старшины сообщались общія черты насилій Марковича. Подробности описаны были въ частныхъ жалобахъ, которыхъ множество было подано Наумову. Тулиголовскій попъ Петръ Вышинскій жаловался, что Марковичъ отнялъ у него хуторъ, мельницы и лѣса; стародубскій значковый товарищъ Ульзко жаловался, что у него отнято было гетманомъ село Евдоканье, для того чтобъ отдать Марковичу; лубенскій обозный Па-

¹⁾ Русск. Арх. 864 г., 493—505.

вель Мартосъ жаловался, что у него Марковичъ отнял много грунтовъ и вообще чинилъ ему много обиды и т. д. и т. д.¹⁾

Марковичу приходилось плохо, тѣмъ болѣе, что новый гетманъ радъ былъ случаю выместить на немъ ту злобу, которую онъ издавна питалъ къ его сестрѣ-гетманшѣ, отнявшей лучшія маестности у зятя его Горленка, для Гамалѣвскаго монастыря²⁾.—И сталъ кланяться Марковичъ Наумову, а сынъ его Яковъ и сестра Скоропадская стали захаживать около людей, близкихъ къ Апостолу. Былъ у нихъ въ это время человекъ, который могъ оказать помощь—Михайло Скоропадскій, зять Апостола и большой другъ на словахъ Якова Марковича; но и его заступничество приходилось пріобрѣтать тѣми же подарками, на которые Марковичи потратились не мало³⁾.

Два мѣсяца, октябрь и ноябрь, хлопотали Марковичи, съ какой бы стороны подойти къ Наумову, и наконецъ, кажется, подошли. 18-го ноября въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что у министра (Наумова) состоялось опредѣленіе: „челобитныхъ на родителя изъ другихъ полковъ, кромѣ лубенскаго, *не принимать* въ канцеляріи министра и новоучрежденному суду (въ Глуховѣ) по онымъ не слѣдовать“. А 26-го ноября, записано, „были съ родителемъ рано у министра и простились съ нимъ. Онъ сказывалъ о секретарѣ сенатскомъ, что онъ свѣдомъ“... Фраза осталась недоговоренною, но ясно, что Наумовъ указалъ на какого то секретаря въ Москвѣ, у котораго можно было найти помощь. Марковичи рѣшили ѣхать въ Москву и тамъ хлопотать, а Наумовъ съ своей стороны обѣщаль, видно, не мѣшать. Поѣхалъ сначала сынъ—Яковъ, человекъ, уже искусившійся въ искательствахъ по Москвѣ и знавшій, къ кому и какъ подойти. Поѣхалъ онъ изъ Глухова не прямо на Москву, а сначала заѣхалъ въ харьковское село Тростянець, гдѣ жила семья Тимофея Надаржинскаго, бывшаго духовникомъ Петра Великаго и новаго государя Петра II. Здѣсь надо было заручиться письмомъ къ Надаржинскому, жившему въ Москвѣ. 1 января 1728 г. Яковъ Марковичъ пріѣхалъ въ Москву и остановился на

1) Арх. Гепер. Канц. № 3938.

2) См. Русск. Арх. 1875, I, 255.

3) Зап. Марк., I, 249.

квартирѣ у Надаржинскаго. Прежде всѣхъ молодой Марковичъ успѣшилъ *поклониться* Петру Васильевичу Курбатову, совѣтнику коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшей малороссійскія дѣла ¹⁾; это былъ общій ходатай всѣхъ малороссіянъ, пріѣзжавшихъ въ Москву хлопотать о царскихъ грамотахъ на тѣ маестности, которыя такъ легко добывались отъ гетмановъ, но которыя затѣмъ не легко было укрѣплять грамотами. 4-го января записано въ дневникѣ Марковича, что „былъ у Курбатова съ письмомъ отъ родителя и тетки (Скоропадской), а въ письмахъ вложено было тридцать червонныхъ...“ Послѣ Курбатова Марковичъ началъ, изо дня въ день, разносить письма и отъ родителя и отъ тетки; такъ—9-го января былъ у графа Головкина и письма отъ родителя и тетки отдалъ; 10-го былъ у Артемія Петровича Волицскаго; 11-го былъ снова у Курбатова и получилъ письмо гр. Головкина къ Наумову, „чтобъ надъ указъ трудностей родителю не чинить“. 13-го былъ у священника Ново-дѣвичьяго монастыря о. Василія, гдѣ встрѣтился съ карликомъ царицы, „съ которымъ братство завзяли и въ знакъ любви подарилъ ему пять червонныхъ“. 15-го былъ у Ѳ. М. Апраксина и письма отъ тетки и родителя отдалъ. 16-го былъ у кн. Д. М. Голицына и письма отъ тѣхъ же отдалъ. 17-го былъ у Стефанова ²⁾ и письма отъ тетки и родителя отдалъ, приложивши сорокъ червонныхъ 18-го, отнесъ письма къ князю М. М. Голицыну; 6-го февраля—Остерману; 8-го—князю Александру Григорьевичу Долгорукову. 9-го пріѣхалъ въ Москву самъ Андрей Марковичъ, вмѣстѣ съ сестрою Скоропадскою. Вслѣдъ за ними, 19-го февраля, пріѣхалъ въ Москву и Апостоль съ Наумовымъ. На другой день Марковичи ѣздили поклониться гетману; „а онъ и не посмотрѣлъ“. Визитъ къ Наумову былъ удачливъ; онъ Марковичей „изрядно подчивалъ“. Въ маѣ мѣсяцѣ началось слѣдствие по жалобамъ на Марковича, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Вызвана была въ Москву и лубенская полковая старшина для уликъ бывшаго полковника. Допросъ Марковичу производилъ ас-

¹⁾ Арх. Сената, Баранова, II, № 2351.

²⁾ Василій Петровичъ Степановъ, членъ иностранной коллегіи, тайный совѣтникъ и, какъ видно, дѣлецъ своего времени. Послѣ паденія Меншикова, ему поручено было разобрать его переписку. Опись Баранова II, № 1639. 2728 и др.

сесорь коллегіи Ивановъ, къ которому Яковъ Марковичъ не разъ заѣзжалъ на домъ. Два мѣсяца тянулись допросы Марковича, при которыхъ присутствовала и лубенская старшина, поддерживавшая обвиненіе противъ бывшаго своего полковника. 8 іюня слѣдствие кончилось и затѣмъ нужно было ждать суда. Но задобренная иностранная коллегія судомъ не спѣшила; Андрей Марковичъ продолжалъ оставаться въ Москвѣ и къ концу года сталъ уже подавать министрамъ сочиняемый сыномъ прошенія о *своихъ обидахъ и нуждахъ*.

Насталъ 1729 годъ. 3 января состоялось постановленіе Верховнаго Совѣта о назначеніи генеральной старшины, въ замѣнъ той, которую полковники намѣтили при избраніи Апостола ¹⁾. По-видимому и Андрей Марковичъ хлопоталъ попасть въ число послѣдней, такъ какъ ему предложено было мѣсто подскарбія. Должность генеральнаго подскарбія (вѣдавшаго войсковые сборы) учреждена была Брюховецкимъ, который поставилъ подскарбіемъ Романа Ракушку, принявшагося было въ 1665 г. описывать войсковыя имущества для правильнаго взиманія съ нихъ доходовъ; но Брюховецкій исчезъ, Ракушка пошелъ въ попы, и должность подскарбія оказалась лишнею, мѣшавшею и гетману, и полковникамъ распорядиться общественною казною. Не знаемъ, кто вспомнилъ въ 1729 г. о подскарбіяхъ; быть можетъ Степанъ Лукичъ Вельяминовъ, бывшій президентъ малороссійской коллегіи, тщетно старавшійся установить какіе нибудь порядки въ сборѣ и расходованіи „войскового скарба“. Въ іюль 1727 г. Вельяминовъ былъ вызванъ въ Москву со всеми приходорасходными книгами о малороссійскихъ доходахъ, которыя въ декабрѣ того же года переданы были на разсмотрѣніе иностранной коллегіи ²⁾. Видно было, что правительство обратило вниманіе на „войсковой скарбъ“ и хотѣло продолжать пачинанія Вельяминова.

Андрей Марковичъ отказывался отъ должности, которая обѣщала ему въ будущемъ не власть и значеніе, какъ другимъ генеральнымъ урядникамъ, а копотливую работу надъ цифрами и неудовольствіе со стороны гетмана и полковниковъ, которые за то и

¹⁾ Зап. Марк., I, 246.

²⁾ Арх. Сената, Баранова, II, №№ 2445 и 2757.

ненавидѣли Вельяминова, что онъ началъ было учитывать войско-вой скарбъ. Но графъ Головкинъ рѣшилъ уже, что подскарбіемъ будетъ Марковичъ и спорить противъ этого рѣшенія нельзя было.

Новое назначеніе Марковича не осталось конечно безъ вліянія на благополучный исходъ дѣла его съ лубенскими полчанами. Въ запискахъ Якова Марковича отмѣчено, что 8 марта (1729 г.) „слушано у графа (Головкина) дѣло родителя съ полчанами“, а 27 марта дѣло наконецъ было рѣшено; рѣшеніе состояло изъ восьми пунктовъ, изъ которыхъ по шести пунктамъ найдено нужнымъ собрать дополнительные свѣдѣнія и рѣшеніе постановить впоследствии, а по двумъ пунктамъ состоялось рѣшеніе категорическое: 1) Засулье отъ Марковича отобрать и 2) о тягостяхъ, полчанамъ чинившимся въ работахъ и поборахъ, буде оное было, то поелику по сказкамъ старшинскимъ происходило то прежде запрети-тельного указа), *того ради сіе оставляется*²⁾. Такимъ образомъ за всѣ „тягости“, которыя лубенскіе полчане терпѣли въ продолженіи тринадцати лѣтъ, у Марковича отобрано было одно только Засулье, посполитое населеніе котораго, входя въ составъ города, должно было отбывать городскія повинности и никакъ не могло попасть въ подданство частному человѣку; по крайней мѣрѣ такъ было въ началѣ XVII в.; позже старшина стала безнаказанно захватывать въ свое подданство и городское населеніе.

Добившись такого счастливаго рѣшенія, Марковичъ началъ пробовать, нельзя-ли ужъ отстоять и Засулье, тѣмъ болѣе, что траты на рѣшеніе сдѣланы были, повидному, большія. 3-го мая Марковичъ узналъ о рѣшеніи 27 марта, а на другой день онъ съ сыномъ ѣздилъ къ Головкину „просить замѣны за село Засулье, и ничего не получили“. 11-го мая о томъ-же подана просьба Остерману, а 15-го повторена просьба Головкину, на письмѣ. Въ концѣ мая Марковичи выѣхали наконецъ изъ Москвы. Полуторогодичныя хлопоты, благодаря умѣнью и средствамъ Марковичей, не пропали даромъ. Между тѣмъ, вѣсть о такомъ благополучномъ исходѣ для Марковичей ихъ дѣла, достигла уже до Малороссіи; несправедли-

¹⁾ Здѣсь разумѣется вѣроятно одинъ изъ указовъ, изданныхъ въ 1722—24 гг., предписывавшихъ старшинѣ не обижать народа.

²⁾ Записки Марковича, I, 315.

вость рѣшенія, по которому за свои насилія Марковичъ былъ не прощенъ, а просто отъ суда освобожденъ, на основаніи канцелярскихъ ухищреній, возбудила ужасное негодованіе у лубенской старшины, которою руководилъ обозный Мартосъ, самъ потерпѣвшійся отъ Марковича едва-ли не больше всѣхъ. Убѣдившись въ невозможности добиться правосудія, „Мартосъ согласился съ значковыми (козаками) лубенскаго полка какимъ-либо образомъ убить Марковича, не допуская его до Глухова¹⁾“. Объ этомъ замыслѣ прослыхалъ главный экономъ Андрея Марковича—Кучарскій и послалъ въ Москву нарочнаго предупредить своего пана о грозящей бѣдѣ. Однакожъ угрозы Мартоса кончились ничѣмъ и Марковичи благополучно вернулись въ Глуховъ.

Доставшійся Марковичу урядъ генеральнаго подскарбія не получилъ того значенія, которое разумѣлъ Головкинъ, возобновляя эту должность. Вновь поставленный гетманъ Апостоль былъ слишкомъ старъ, чтобы допустить въ „Войскѣ“ такой небывалый порядокъ, какъ учетъ войсковыхъ доходовъ. Правившіе Малороссіей, послѣ Апостола, русскіе генералы тоже не находили удобнымъ для себя измѣнять старый порядокъ непосредственнаго завѣдыванія „войсковымъ скарбомъ“. Поэтому должность генеральнаго подскарбія осталась безъ всякаго значенія: одиннадцать лѣтъ занималъ эту должность Андрей Марковичъ, не имѣя повидимому никакого отношенія къ тому скарбу, хранителемъ котораго онъ предназначался. Пока живъ былъ Апостоль, Марковичу нечего было и думать получить какое-либо значеніе въ войсковомъ управленіи, къ которому не могла его допустить старая вражда преемника Скоропадскаго ко всѣмъ родичамъ Настасьи Марковны. Но когда Апостола замѣнили „правители“—русскіе генералы, Марковичъ допущенъ былъ къ участию въ дѣлахъ генеральной канцеляріи; впрочемъ участіе это ограничивалось только тѣмъ, что на постановленіяхъ генеральной канцеляріи, Марковичъ „прикладывалъ“, въ числѣ прочихъ, и свою руку.

Оставаясь членомъ генеральной канцеляріи, Марковичъ своею угодливостію успѣлъ сохранить съ „правителями“ самыя лучшія отношенія, при помощи которыхъ онъ выхлопоталъ себѣ въ 1735 г. возвращеніе села Засулья, которое отобрано было у него въ

¹⁾ Марковичъ, I, 323.

1729 г., какъ неправильно отдѣленное Скоропадскимъ отъ г. Ромна. Несложныя обязанности Марковича па урядѣ генеральнаго подскарбія продолжались до 1740 г., когда за старостью онъ былъ уволенъ отъ службы, причемъ получилъ „въ отставку“ чинъ генеральнаго обознаго¹⁾). Послѣ отставки Марковичъ проживалъ большею частью въ купленной у Галецкаго слободѣ Погарщинѣ (теперь село гадацкаго уѣзда). Здѣсь онъ написалъ свое духовное завѣщаніе „для пресѣченія обыкшихъ по кончинѣ людской между наслѣдниками за суетныя имѣнія бывати мятежей, распръ и несогласій“. Распредѣливъ имѣніе свое между наслѣдниками, Марковичъ увѣщевалъ послѣднихъ „подъ неблагословеніемъ“, чтобы они „въ своихъ партикулярныхъ ссорахъ въ суда градскіе не удавались, но самимъ обще между собою оныя ссоры успокоевали. Будежь-бы сами собою не могли успокоевати, то къ тому-жь просить пріятелей и другихъ добрыхъ людей для прекращенія; о семъ самимъ живымъ Богомъ увѣщевая, подъ неблагословеніемъ сгожь Божіимъ, ибо тѣмъ самимъ всемилосерднаго Господа Бога прогнѣваемъ и сами въ крайнее разореніе приходимъ“. Изъ шести своихъ сыновей Андрей Марковичъ пережилъ троихъ—Андрея, Семена и Луку, послѣ которыхъ остались впрочемъ дѣти. По числу всѣхъ сыновей Марковичъ раздѣлилъ свои имѣнія на шесть частей: 1) старшему сыну Якову—с. Евдоконье и земли около Кролевца; 2) внуку Ивану, сыну Андрея—сосницкое село Шабалиновъ, хуторъ около села Курени (копотопскаго уѣзда) и мельницы на р. Убеди; 3) дѣтямъ Семена села Коровай и Кулажинцы, хутора—Ангелевскій, Хоружовщипу, Шепеховскій, Сухооржицкій и Глубоярскій и разныя мельницы; 4) четвертому сыну Марку—село Засулье и хуторъ Коцупѣвскій; 5) младшему сыну Ивану—село Токари, слободу Погарщину и хутора Артополотскій и Поповщину. На шестую часть—дочери умершаго сына Луки даны были мелкіе земельные участки.

Распорядивъ свои имѣнія и доживъ до глубокой старости (родился онъ около 1674 г.), Андрей Марковичъ умеръ въ январѣ 1747 года.

¹⁾ Сколько мы знаемъ, это былъ первый примѣръ пожалованія чина «въ отставку», положившій и въ Малороссіи начало превращенія званія дѣйствительныхъ должностей въ почетныя званія.

Изъ дѣтей и внуковъ Андрея Марковича выдѣлился лишь одинъ сынъ его—Яковъ, оставившій намъ свой многотомный дневникъ, изданный, подъ именемъ Записокъ, внукомъ его Ал. М. Марковичемъ¹⁾. Въ этомъ дневникѣ, обнимающемъ пятьдесятъ лѣтъ (1716—1767 г.), мы находимъ полную біографію его автора, который, по личному своему характеру, представляетъ собою довольно цѣльный типъ малороссійскаго „чана“ половины XVIII в., когда малороссійская старшина, окончательно уже отдѣлившись отъ народа, искала сближенія съ русскимъ дворянствомъ, завидуя привилегіямъ послѣдняго. Мы не будемъ излагать здѣсь біографіи Якова Марковича, по общеизвѣстности его дневника, но представимъ рассказъ только о его молодыхъ годахъ, о томъ, какъ онъ вступалъ въ жизнь и какія употреблялъ старанія—занять въ ней опредѣленное положеніе. Объ этомъ времени изъ жизни Марковича печатный дневникъ его даетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, а мы восполнимъ ихъ и представимъ не лишнюю интереса страницу изъ исторіи малороссійскаго общества первой четверти XVIII в., когда Петровская реформа, коснувшись Малороссіи, произвела значительный переворотъ и въ ея бытѣ, встрѣтивъ лишь слабый отпоръ.

Яковъ Марковичъ учился въ кievской академіи и за свои способности былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Теофана Прокоповича, который повидимому возлагалъ на него большія надежды. Какъ смотрѣлъ на Марковича бывшій его ректоръ, видно изъ письма Прокоповича, которое онъ писалъ къ бывшему своему ученику въ то время, когда послѣднему не было еще и двадцати лѣтъ. Вызванный Петромъ Великимъ въ 1716 г. въ Петербургъ, Теофанъ ѣхалъ черезъ Глуховъ и хотѣлъ повидаться здѣсь съ любимымъ своимъ ученикомъ, но, не заставши его дома, написалъ къ нему письмо съ первой станціи отъ Глухова (Есмани). „Во время

¹⁾ М. 1859 г. 2 части. Подлинникъ этихъ «Записокъ», состоящій изъ 8-ми кажется фоліантовъ, хранится у правнука ихъ автора, П. А. Марковича, въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда. Въ печати Записки значительно сокращены и кромѣ того здѣсь подновлены ихъ языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для изученія исторіи Малороссіи XVIII в. дневникъ Як. Марковича навсегда останется цѣннымъ памятникомъ и потому нельзя не пожелать изданія его въ полномъ видѣ; а до того желалось-бы, чтобы рукопись дневника отдала была, для большей ея сохранности, въ какое либо общественное книгохранилище.

твоего отсутствія, я былъ у тебя въ гостяхъ и пользовался твоимъ гостепрїимствомъ. Это было для меня очень прїятно; непрїятно и досадно только то, что я не засталъ тебя дома и потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаградить Богъ. Живой примѣръ этого—ты самъ, который при помощи Божіей въ короткое время оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, о какихъ и помышлять не могутъ украшенные митрами головы; а между тѣмъ прежде никто и ожидать не могъ отъ тебя подобныхъ занятій. Продолжай-же счастливо идти тѣмъ-же путемъ“¹⁾. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Прокоповичъ опять писалъ Марковичу, изъ Петербурга, очень длинное письмо, въ которомъ дѣлится съ нимъ тамошними своими впечатлѣніями. Жалуясь между прочимъ на схоластическое направленіе современныхъ ему теологовъ, Прокоповичъ говоритъ: „о если-бы по твоему прекрасному примѣру во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предвзятаго мнѣнія. Тогда была-бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина! Но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ; всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться... Ты, clarissime, по своему ревностному обычаю, учишь и не позволяй себѣ ни мало ослабѣвать. Правда, у тебя нѣтъ собесѣдника и конечно я съ своей стороны всего болѣе желалъ-бы жить, обращаться и бесѣдовать съ тобою и съ подобными тебѣ; но если Промыслъ рѣшилъ иначе, то нужно будетъ покориться. У тебя есть мудрые собесѣдники и учителя лучше насъ скудныхъ; съ ними бесѣдуй“²⁾.

Нельзя видѣть въ этихъ письмахъ лести, а слѣдуетъ заключить, что Яковъ Марковичъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться ученымъ кїевскимъ монахомъ, но его манила къ себѣ жизнь мірская съ ея матеріальными благами. Кїевскіе академисты оканчивали свое ученіе лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать³⁾; такихъ-же лѣтъ вышелъ изъ академіи и Марковичъ. Въ это время тетка его—Настасья Марковна была уже гетманшей. Не имѣя сыновей, Настасья Мар-

¹⁾ «Труды кїевск. дух. акад., 1865 г., январь, 141—142.

²⁾ Тамъ-же, 141—150. См. также «Интимную переписку Теофана Прокоповича съ Як. Марковичемъ». «Кїевск. Стар., II, 498 и слѣд.

³⁾ Теофанъ Прокоповичъ кончилъ свое ученіе въ кїевской академіи—семнадцать лѣтъ.

ковна нуждалась въ близкомъ человѣкѣ, который-бы помогаль ей въ веденіи письменной части ея хозяйственныхъ дѣлъ, которыя она веда, будучи второю женою, частью отдѣльно отъ мужа. Такого человѣка она нашла себѣ въ племянникѣ Яковѣ Марковичѣ, котораго и взяла поэтому подъ свое особое покровительство, какъ только онъ покончилъ свое кievское ученіе. Прежде всего тетка позаботилась женить своего племянника, чтобы, ставъ семьяниномъ, онъ могъ начать устройство особаго своего „господарства“. Выборъ жены взяла гетманша на себя и при этомъ прежде всего заботилась, разумѣется, о богатствѣ и знатности того рода, въ которомъ можно было-бы найти подходящую невѣсту. Въ это время первымъ богачемъ въ Малороссіи былъ черниговскій полковникъ Полуботокъ и у него оставалась еще не выданная замужъ третья дочь—Елена. Хотя Яковъ Марковичъ самъ по себѣ и особенно по своему происхожденію не представлялъ завиднаго жениха, но сватала гетманша любимаго своего племянника и бракъ былъ заключенъ. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Яковъ Марковичъ женился на дочери Полуботка. Скупой тестъ впрочемъ надѣлилъ свою дочь только одними „фантами“ и „клейнодами“, а маестности не далъ и самой малой, не смотря на то, что ихъ было у него—десятки. Отецъ Якова Марковича въ это время не успѣлъ еще нажитья, такъ какъ полковничій урядъ онъ получилъ только въ годъ женитьбы сына. Просить маестности у гетмана Якоку Марковичу было еще рано, такъ какъ маестности давались только за „службы“, а ихъ за молодымъ академикомъ быть не могло.

Спустя четыре года послѣ женитьбы племянника, гетманша нашла однако-же, что право на маестность онъ уже заслужилъ: въ январѣ 1718 г. Скоропадскій, „усмотрѣвши знатнаго войсковаго товарища Якова Марковича до услугъ войсковыхъ способность и впредь къ онымъ его заохочивая“, далъ ему глуховское село Сварковъ. Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, гетманъ выхлопоталъ Марковичу на Сварковъ и царскую грамоту. Въ началѣ 1721 г. отецъ Якова Марковича назначенъ былъ въ ладожскій походъ; на время отсутствія полковника назначался, по войсковымъ обычаямъ, наказный полковникъ, выбиравшійся обыкновенно изъ старшихъ полковыхъ чиновъ; но когда Андрей Марковичъ ушелъ въ походъ, наказнымъ въ лубенскій полкъ Скоропадскій назначилъ неожиданно

для всѣхъ полчанъ старшаго сына его—Якова Марковича, двадцатипятилѣтняго войсковаго товарища, который до того ни въ какихъ „акціяхъ“ не бывалъ¹⁾). Назначеніе это должно было конечно возбудить неудовольствіе полковой старшины, но послѣдняя уже по опыту знала, что никакіе протесты противъ близкихъ родичей гетманши ни къ чему не поведутъ и по неволѣ должна была подчиниться такому небывалому распоряженію гетмана. Около полугода правилъ Яковъ Марковичъ лубенскимъ полкомъ и вѣроятно за эту службу гетманъ нашель возможнымъ дать ему въ слѣдующемъ году еще одну маетность—село Сухоносовку. Но въ томъ-же году Скоропадскій и умеръ, а со смертію его тетка-гетманша теряла прежнее свое значеніе. Но судьба Марковичу видимо благоприятствовала: за смертію Скоропадскаго, наказнымъ гетманомъ сталъ Павелъ Полуботокъ, тестъ Марковича. Въ февралѣ 1723 г. Андрей Марковичъ снова посланъ былъ въ походъ и правленіе лубенскаго полка снова поручено было Якову Марковичу. При этомъ „наказничество“ передалъ сыну самъ отецъ—полковникъ, находя такую передачу полка вполне законною послѣ бывшаго уже примѣра. На этотъ разъ Яковъ Марковичъ получилъ исправленіе должности полковника въ самое тревожное время. Какъ разъ въ это время тестъ его Полуботокъ велъ борьбу за старые порядки съ президентомъ малороссійской коллегіи Вельяминовымъ. Отстаивая свои старшинскія привилегіи, Полуботокъ хотѣлъ опереться на полковую старшину, которую для этого не разъ приглашалъ присоединиться къ своимъ протестамъ. Но наиболѣе вліятельные полковники того времени не хотѣли идти открыто противъ нововведеній, принесенныхъ Вельяминовымъ, и на приглашенія Полуботка отзывались туго. Будучи наказнымъ полковникомъ, Яковъ Марковичъ былъ въ числѣ тѣхъ, на поддержку которыхъ рассчитывалъ Полуботокъ; ему предстояло также выбрать одно изъ двухъ: или стать сторонникомъ тестя, или уклониться отъ всякихъ протестовъ. Не смотря на молодость, Яковъ Марковичъ уже хорошо понималъ, что своими протестами тестъ вооружаетъ противъ себя правительство, борьба съ которымъ, по мнѣнію Марковича, прежде всего была невыгодна. Марковичъ видѣлъ, что въ борьбѣ тестя съ

¹⁾ Записки I, 451.

Вельяминовымъ выгодноѣ всего было стать на сторону послѣд-
няго, потому что президентъ коллегіи не могъ не оцѣнить пове-
денія той старшины, которая безропотно принимала установленіе
новыхъ налоговъ съ своихъ маетностей. Рѣшивъ поэтому отстра-
ниться отъ протестовъ Полуботка, Марковичъ постарался приобрѣсти
пріязнь Вельяминова и другихъ „коллегіатовъ“. Поэтому, вступивъ
въ управленіе полкомъ въ началѣ марта 1723 г., Марковичъ сталъ
вести себя очень осторожно относительно тестя. Въ это время въ
Малороссіи шли приготовленія ко второму ладожскому походу;
Яковъ Марковичъ дѣятельно распоряжался по этимъ пригото-
вленіямъ въ своемъ полку, рассылая приказы по сотнямъ о выходѣ
козаковъ въ походъ въ половинѣ марта. Занятый этими распоряже-
ніями, онъ получилъ изъ Глухова какія-то извѣстія, которыя по
обыкновенію записалъ въ свой дневникъ; но извѣстія эти были ка-
кого-то щекотливаго характера, такъ какъ этотъ листъ, заключав-
шій въ себѣ дневникъ за послѣдніе семь дней марта, Марковичъ
впослѣдствіи вырвалъ. Наступилъ апрѣль и Марковичъ, желая
распорядить весеннія хозяйскія работы въ глуховскихъ своихъ
маетностяхъ, поѣхалъ туда. На дорогѣ онъ получилъ „листъ“ отъ
тестя, въ которомъ предписывалось „о забароненіи зборщикамъ
казаныхъ зборовъ збирать“. Распоряженіе это требуетъ объясне-
нія. Дѣло въ томъ, что Вельяминовъ, пріѣхавъ лѣтомъ 1722 г. въ
Малороссію, прежде всего хотѣлъ установить правильный сборъ
тѣхъ налоговъ, которые существовали уже и прежде, но которые
собирались безъ всякаго порядка. Для этого Вельяминовъ потребо-
валъ отъ Полуботка доставленія ему свѣдѣній о существовавшихъ
въ Малороссіи налогахъ. Но когда Полуботокъ уклонился отъ
доставленія подробныхъ свѣдѣній, тогда Вельяминовъ составилъ
роспись налоговъ самъ, по свѣдѣніямъ добытымъ отъ разныхъ
лицъ. По этой росписи назначено было взимать налоги съ маетно-
стей старшины паравнѣ съ прочими владѣльцами. Полуботокъ на
это распоряженіе пожаловался въ сенатъ и сенатъ осенью 1722 г.
приказалъ коллегіи маетности старшинъ отъ налоговъ освободить.
Но весной 1723 г. Вельяминовъ поѣхалъ въ Москву, доложилъ
тамъ царю лично объ этомъ вопросѣ и царь приказалъ собирать
налоги со всѣхъ маетностей, „не обходя никого“. Это распоряженіе
Вельяминовъ сообщилъ изъ Москвы въ коллегію для исполненія.

но Полуботка объ этомъ не увѣдомилъ. Когда Полуботокъ узналъ, что Вельяминовскіе сборщики снова стали собирать „заказанные сборы“, то увидѣлъ въ этомъ произвольное распоряженіе коллегіи и предписалъ полковникамъ—не позволять сборщикамъ собирать тѣ сборы, которые по сенатскому указу были уже разъ отмѣнены. Вотъ это то распоряженіе тестя Марковичъ и получилъ по дорогѣ изъ Ромна въ Сварковъ. Представился трудный вопросъ—кого слушать: наказнаго гетмана или президента коллегіи? Марковичъ рѣшилъ, что послѣдній сильнѣе и затѣмъ затруднялся только предстоявшимъ свиданіемъ съ тестемъ, который конечно будетъ ему говорить о послѣднемъ своемъ распоряженіи, котораго Марковичъ рѣшился не исполнить. Не желая открыто противорѣчить Полуботку, Марковичъ рѣшилъ избѣгнуть свиданія съ тестемъ. Продолжая путь въ Глуховъ и выѣхавъ 3 апрѣля рано изъ Мутина (село *это находилось уже въ глуховской сотнѣ), Марковичъ заѣхалъ въ свою уздицкую пасѣку (около с. Уздицы); побывалъ затѣмъ въ калюжновскомъ хуторѣ и тамъ немного побывши, „ночью поѣхалъ въ Глуховъ и пріѣхавши туда, все осмотрѣлъ въ дворѣ“, а 4-го „поѣхалъ изъ Глухова *передъ свѣтомъ* въ Сварковъ“¹⁾. Только пообѣдавъ въ Сварковѣ, Марковичъ поѣхалъ въ тотъ-же день въ тулиголовское свое имѣніе, а 5-го выѣхалъ въ Роменъ. Значить, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ тестемъ, Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ ночью и осмотрѣвъ свой дворъ, ночью-же и уѣхалъ оттуда. Конечно пріѣздъ зятя не могъ остаться неизвѣстнымъ для Полуботка, но послѣдній уже звалъ своего зятя и должно быть не особенно удивился ночному его пріѣзду въ Глуховъ.

Возвратившись въ Роменъ 6-го апрѣля, Марковичъ черезъ шесть дней (12-го) отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ; „указы до сотниковъ съ кошіями правительскаго листа посланы, чтобы сборщики отставленныхъ зборовъ взыскивать отнюдь не смѣли“. Но потомъ оставляетъ въ дневникѣ только слова: „до сотниковъ копія правительскаго листа послана“, а остальное все старательно зачеркивается, такъ что эту замѣтку въ первоначальномъ ея видѣ намъ лишь съ трудомъ удалось разобрать. Видимо, что вернувшись въ Роменъ,

¹⁾ Мы пользовались подлинникомъ дневника Як. Марковича, который въ печати значительно сокращенъ.

Марковичъ опять боролся съ собою—что дѣлать съ приказанiемъ тестя о запрещенiи собирать „отставленные“ налоги. Съ одной стороны, это приказанiе вполнѣ совпадало съ личными интересами Марковича, какъ владѣльца маестностей, а съ другой стороны—страшно было коллегiи. Рѣшившись наконецъ написать сборщикамъ, чтобъ они отнюдь не собирали „отставленныхъ сборовъ“, Марковичъ тогда-же испугался своей смѣлости и ограничился посылкою къ сотникамъ одной только копiи правительскаго распоряженiя и такимъ образомъ, въ случаѣ нужды, могъ себя оправдывать тѣмъ, что съ своей стороны онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженiй, а приказанiе наказнаго гетмана не могъ не исполнить. Недѣли черезъ три Марковичу опять понадобилось посмотрѣть на свои глуховскiя имѣнiя. Прiѣхавъ въ Тулиголовъ 29 апрѣля и осмотрѣвъ тамъ водяную свою мельницу, Марковичъ оттуда поѣхалъ въ Глуховъ. 30-го онъ „былъ у правителей“, т. е. у тестя и у генеральныхъ—судьи, писаря, есаула и бунчуковаго. 1 мая „былъ у прокурора (коллегiи) Михаила Семеновича Хрущова и долго въ ночь сидѣлъ“. На другой день Марковичъ рано заѣзжалъ къ тестю и выпивъ рюмку водки, поѣхалъ обѣдать домой, а вечеръ просидѣлъ у Кошелева (члена коллегiи). Слѣдующiе два дня Марковичъ употребилъ на посѣщенiе тетки гетманши, которая въ это время большею частью проживала въ построенномъ ею Гамалѣевскомъ монастырѣ. Вернувшись 6-го въ Глуховъ и написавъ здѣсь письма въ Роменъ, Марковичъ на другой день утромъ пересматривалъ свиней въ своемъ глуховскомъ дворѣ, а вечеръ просидѣлъ у членовъ коллегiи Щепотьева и Жданова. 8-го писалъ письма въ Роменъ, а на Николая, 9-го, былъ у члена коллегiи Ушакова, гдѣ и „пилъ“, а потомъ у Хрущова, гдѣ тоже „пилъ“. Затѣмъ цѣлую недѣлю Марковичъ провелъ, осматривая хозяйство въ своихъ глуховскихъ имѣнiяхъ, а потомъ прiѣхалъ на день въ Глуховъ, чтобы проститься съ Скоропадскою, и 18-го мая выѣхалъ въ Роменъ. Изъ подробностей пребыванiя Марковича на этотъ разъ въ Глуховѣ видно, что главною его цѣлью было познакомиться и, если можно, сблизиться съ членами коллегiи; въ послѣднихъ онъ видѣлъ людей, которыхъ прiязнь была полезнѣе прiязни тестевской; отъ тестя Марковичъ видимо сторонился, ни разу не посѣтилъ его вечеромъ для дружеской бесѣды. Послѣдняя велась только съ „коллегiатами“.

Такое поведение Марковича как нельзя лучше рисуетъ намъ этого человѣка: едва достигнувъ двадцати семи лѣтъ, Марковичъ, какъ видно, былъ уже практическимъ мудрецомъ, безошибочно различавшимъ тѣ пути, которыми пріобрѣтаются земныя блага.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда Марковича изъ Глухова, Полуботокъ получилъ царскій приказъ ѣхать въ Петербургъ, куда 13-го іюня и уѣхалъ. Передъ своимъ выѣздомъ Полуботокъ „споряжалъ“ ту челобитную отъ имени „всего народа“, за которую собственно и пострадалъ. Желая привлечь къ соучастію въ этой челобитной наибольшее число полковой старшины, Полуботокъ приглашалъ послѣднюю въ Глуховъ. У насъ подъ руками—офиціальныя дневники войсковой канцеляріи за 1723 г., изъ котораго видно, кому и когда посылались эти приглашенія. Не смотря на родственную близость Марковича, послѣдній приглашаемъ не былъ, такъ какъ Полуботокъ былъ увѣренъ, что дружба съ „коллегіатами“ не позволитъ его зятю присоединить свою подпись на челобитной къ остальнымъ. Тѣмъ не менѣе Марковичъ нашелъ нужнымъ уничтожить въ своихъ запискахъ тотъ листъ, гдѣ записаны были происшествія отъ 19 мая до 22 іюня. Какого рода были отмѣтки на этомъ листѣ, не знаемъ; но Марковичъ нашелъ, что эти свѣдѣнія могутъ его компрометировать и вырвалъ цѣлый листъ изъ „домашняго протокола,“ какъ онъ называлъ свой дневникъ. Конечно Марковичъ пріѣзжалъ въ Глуховъ прощаться съ тестемъ (нужно же было привезти жену проститься съ отцемъ) и при этомъ нужно полагать записалъ что нибудь относительно той челобитной, которую тестъ повезъ въ Петербургъ. Пріѣздъ Марковича въ Глуховъ въ іюнѣ мѣсяцѣ обнаруживается изъ того, что въ концѣ іюня онъ посылалъ изъ Ромна „овощи“ Скоропадской и „бригадиру“, т. е. Вельяминову; съ послѣднимъ онъ прежде не былъ знакомъ настолько, чтобы „обсылать“ его фруктами; знакомство это произошло вѣроятно во время проводовъ Полуботка.

Вмѣстѣ съ вызовомъ Полуботка въ Петербургъ, сдѣлано было распоряженіе о приготовленіи 12 тыс. козаковъ въ походъ подъ командою князя Михаила Голицына. Цѣль похода опредѣленно не объяснялась; говорили только, что козаки пойдутъ оберегать южныя границы отъ нападенія татаръ; но о томъ, чтобы татары готовились напасть на Малороссію, никакихъ слуховъ не было и—старшина

смущалась походомъ. Наконецъ, въ концѣ іюля Голицынъ прислалъ въ Глуховъ приказъ, чтобы полки собирались у Буцкаго Брода (около Полтавы). Генеральный есаулъ Жураковскій, вѣдавшій въ это время генеральную канцелярію, поспѣшилъ передать приказъ по полкамъ, которые и начали выступать въ походъ въ половинѣ августа. Получивъ это распоряженіе, Марковичъ думалъ отдѣлаться отъ этого похода, такъ какъ не было точно сказано, чтобы въ походъ шли всѣ наличные полковники. Думая, что можно вмѣсто себя послать обознаго, Марковичъ написалъ объ этомъ Жураковскому, но послѣдній поспѣшилъ отвѣчать, чтобы наказный Лубенскій выходилъ въ походъ самъ, не увиливая („не ухилиючись“) отъ службы, такъ какъ по приказу Голицына полки должны вести въ походъ сами полковники. Но Марковичъ рассчитывалъ, что „ухилиться“ можно и снова писалъ Жураковскому, что вышлетъ вмѣсто себя обознаго Мартоса, потому что де самъ долженъ заняться своими хозяйскими дѣлами. Жураковскій отвѣчалъ, что въ походъ къ Буцкому Броду долженъ идти самъ Марковичъ, „отложивши всѣ свои жалобы и отрицанія, ибо когда въ дому быть, то ему, Марковичу, правленіе наказничества не непріятно есть, а когда въ походъ идти, то и тяжело кажется“¹⁾). Къ сожалѣнію, мы не можемъ прибавить къ этому подробностей изъ записокъ—чѣмъ именно отговаривался Марковичъ отъ похода: въ его „протоколѣ“ опять вырванъ листъ, заключающій въ себѣ отмѣтки за первыя три недѣли августа мѣсяца²⁾); опять, значить, записаны были такіе факты, съ которыми Марковичъ не хотѣлъ знакомить постороннее лицо. Не хотѣлъ идти Марковичъ въ походъ вѣроятно отчасти потому, что дома было сидѣть покойнѣе, а отчасти должно быть побавался и своей непопулярности въ полку. Полковая старшина его не любила, а Марковичъ еще увеличивалъ эту нелюбовь, позволяя себѣ

1) Журн. генер. канц. 1723 г., рукопись.

2) Не достаётъ листа отъ 27 іюля по 24 августа. Въ печатныхъ запискахъ относительно этого времени вкралась крупная ошибка вслѣдствіе того, что половинна вырваннаго листа вложена была въ рукописи не на свое мѣсто. Вмѣсто напечатаннаго на стр. 24 «августъ», слѣдуетъ читать сентябрь, до 24-го числа (стр. 25), а съ послѣдняго начинается августъ мѣсяць, продолжающійся въ печатныхъ запискахъ до 27 стр. и оканчивающійся словами: «отставлять меня отъ команды».

подъ часъ мѣры очень крутыя относительно сотниковъ; такъ передъ выступленіемъ въ походъ Марковичъ „посадилъ на армату“ сенецкого сотника Криштопенка; это наказаніе считалось настолько суровымъ, что рѣдко примѣнялось къ старшинѣ и сотникъ считалъ себя сильно обиженнымъ, тѣмъ болѣе, что подвергнуть былъ этому наказанію наказнымъ полковникомъ, который „наказничество“ получилъ не по личнымъ заслугамъ, а по протекціи.

Въ концѣ августа почти всѣ полки, кромѣ сѣверныхъ, были уже въ сборѣ и расположились лагеремъ около рѣчки Коломака; а 24 августа Голицынъ произвелъ козакамъ смотръ и вручилъ общую команду надъ полками—миргородскому полковнику Апостолу. Послѣ смотра, Криштопенко подалъ на Марковича Голицыну жалобу за посаженіе его на пушку; но князь, прочтя жалобу, приказалъ помириться. Тѣмъ не менѣе Марковичъ былъ не спокоенъ; прежде Голицына, Криштопенко уже жаловался на свое безчестіе старымъ полковникамъ и послѣдніе находили, что сотнику назначено было наказаніе ужъ слишкомъ строгое, да и отъ кого-же?—Отъ „новокрещеннаго еврея“, который „содержалъ“ полковое правленіе только по милости сильныхъ родичей. Въ особенности нападалъ на молодого наказного Апостолъ, старый врагъ Марковичей. Поэтому, когда Голицынъ, послѣ своего смотра, отъѣхалъ на свою стоянку, въ Ахтырку, Марковичъ поспѣшилъ за княземъ, чтобы окончательно уладить дѣло съ сенецкимъ сотникомъ. Догнавъ его въ Красномъ Кутѣ, гдѣ тотъ дневалъ, Марковичъ сейчасъ же побывалъ у Голицына, отличавшагося между сподвижниками Петра Великаго своею доступностью и мягкосердіемъ, и былъ приглашенъ имъ на обѣдъ. Послѣ обѣда Голицынъ выѣхалъ въ Ахтырку въ сопровожденіи Марковича, который дорогою „о своей нуждѣ ему говорилъ“. Пообѣдавши еще разъ въ дорогѣ съ Марковичемъ, Голицынъ „милостиво его отпустилъ“.—Боялся Марковичъ недаромъ; его въ „Войскѣ“ сильно не долюбливали и громко называли „новокрещеннымъ евреемъ 1)“. А когда

1) На другой день послѣ отъѣзда Марковича къ Голицыну, въ лагерь пріѣхала изъ Глухова генеральная старшина—Жураковскій и Лизогубъ; Апостолъ устроилъ имъ обѣдъ, на который пригласилъ Галагана, Мплорадовича и сердюцкого полковника Бурлѣя. За обѣдомъ шла оживленная бесѣда о «небывалыхъ»,

онъ уѣхалъ вслѣдъ за Голицынымъ, Апостоль приказалъ лубенскому писарю Савицкому написать Голицыну подробную жалобу о насиліяхъ Марковича надъ полчанами и отправилъ его съ этой жалобой въ Ахтырку. Апостолу очень хотѣлось смѣстить Марковича съ „наказничества“; но наказный полковникъ былъ слишкомъ ловкій человѣкъ, чтобы не вывернуться изъ разставленныхъ ему Апостоломъ сѣтей. Вернувшись въ лагерь, Марковичъ узналъ, что жалоба составлена была отъ имени всего лубенскаго полка по настоянію миргородскаго полковника, который грозилъ при этомъ, что если лубенцы жалобы не напишутъ, „то онъ заженеть ихъ въ такія тарапаты, что трудно будетъ имъ и выйти“. Узнавъ объ этомъ, Марковичъ сейчасъ же донесъ Голицыну, при какой обстановкѣ написана была Савицкимъ жалоба и о томъ же увѣдомилъ двухъ Голицынскихъ адъютантовъ. Черезъ нѣсколько дней Савицкій вернулся отъ Голицына съ отвѣтомъ, что князь „не имѣетъ безъ изслѣдованія причины отставлять Марковича отъ команды“. Тамъ же, на Коломакѣ составлены были Апостоломъ и предложены къ подписи извѣстныя челобитныя, за подачу которыхъ въ Петербургѣ царю Полуботокъ съ товарищами посаженъ былъ въ крѣпость. Приглашенъ былъ къ подписи и Марковичъ; практическій умъ послѣдняго и здѣсь выказалъ себя: въ челобитныхъ рѣчь шла объ избраніи гетмана и объ отмѣнѣ установленныхъ коллегіей налоговъ. Не смѣя отказаться отъ подписи одной изъ этихъ челобитныхъ, потому что для этого Марковичъ приглашенъ былъ въ палатку Апостола, наказный полковникъ подписался, но, подписавшись, замѣтилъ „вмѣсто протеста“, что нѣкоторыя выраженія челобитной „кажутся досадны“. А когда другая челобитная прислана была для подписи въ палатку Марковича, то онъ отъ подписи ея совсѣмъ отказался.

Въ концѣ сентября Голицынъ распустилъ козацьи полки, оставивъ у Буцкого Брода только небольшой отрядъ. Отпущенъ

налоговъ, установленныхъ коллегіей и вообще о «трудностяхъ людскихъ»; тутъ же говорено «о какихъ-то жидкахъ новокрещенныхъ, явившихся въ Малороссію и о спорахъ Якова Марковича, наказнаго лубенскаго, съ его полчанами, что нѣкоторыхъ сотниковъ сажалъ на арматы окованныхъ». Журн. Генер. Канцелярія 1723 года.

былъ и Марковичъ, который, не смотря на то, что поданная на него жалоба оставлена была Голицынымъ безъ всякихъ послѣдствій, счелъ однакоже полезнымъ еще разъ побывать у „главнаго командира“, чтобы быть уже вполне обеспеченнымъ отъ всякихъ преслѣдованій и по возвращеніи домой. Приѣхавъ въ Ахтырку 26 сентября, Марковичъ встрѣтилъ тамъ и другихъ полковниковъ. Всѣ они приглашены были въ тотъ же день къ Голицыну на обѣдъ, гдѣ и „подпили знатно“. Послѣ обѣда всѣ были отпущены, кромѣ Марковича, которому сказано было остаться. Оставался Марковичъ до вечера, а потомъ пошолъ къ адъютанту Голицына—Бирюлеву. Въ этотъ же день Марковичъ отдалъ Голицыну „бандурку своего малого“, какъ отмѣчено у него въ дневникѣ. На другой день у Голицына утромъ снова сошлись полковники—отълаяться князю; но Марковичъ съ Милорадовичемъ оставлены были на обѣдъ.

Вернувшись въ Ромень, Марковичъ сталъ собираться въ Глуховъ, гдѣ ему хотѣлось переговорить „о своей нуждѣ“ еще и съ „коллегіатами“. Обѣхавъ дубенскія свои имѣнія, Марковичъ въ концѣ октября былъ уже въ Глуховѣ. Здѣсь онъ получилъ прежде всего извѣстіе, что въ Малороссію пріѣдетъ Румянцевъ для изслѣдованія, кто именно участвовалъ въ составленіи челобитной, поданной старшиною царю въ Петербургѣ 13 сентября. Предусмотрительный Полуботокъ, извѣщая объ томъ Жураковскаго, писалъ ему, чтобы старшина въ предупрежденіе жалобъ отъ народа поспѣшила удовлетворить „обидимыхъ“, причемъ указывалъ на Марковича особо, чтобы онъ постарался поскорѣе удовлетворить обиженныхъ имъ полчанъ¹⁾. Здѣсь рѣчь шла не о тѣхъ обидахъ, которыя Марковичъ нанесъ своимъ сотникамъ сажаніемъ ихъ на пушки, а о пріобрѣтеніи имъ разныхъ хуторовъ у своихъ полчанъ посредствомъ насилій, произведенныхъ во время управленія имъ полкомъ. Что сдѣлалъ Марковичъ по совѣту тестя, мы не знаемъ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы отмѣчать въ своемъ дневникѣ подобные факты²⁾. Но понимая, что въ этомъ

¹⁾ См. указъ 8 февраля 1725 г. въ Полн. Собр. Законовъ.

²⁾ Впрочемъ можетъ быть, что что-нибудь по этому предмету въ дневникѣ и проскользнуло, но затѣмъ оно было уничтожено; ноябрьскій дневникъ, заключавшій въ себѣ заятки съ 12 по 23 ноября, Марковичемъ уничтоженъ. Это былъ впро-

отношеніи главнымъ дѣломъ было заручиться благорасположеніемъ Вельяминова, Марковичъ сталъ усердно посѣщать коллегіатовъ. Въ день пріѣзда въ Глуховъ, 26 октября, онъ былъ у Кошелева; на другой день просидѣлъ у Вельяминова до полночи. Черезъ день, 29-го, гетманша праздновала свои именины, гдѣ былъ Вельяминовъ, Хрущовъ и Кошелевъ; тутъ Марковичъ съ гостями „подпилъ гораздо“. Черезъ нѣсколько дней у Вельяминова была „вечеринка“, на которой присутствовали и Марковичъ; потомъ сталъ онъ посѣщать Вельяминова и для карточной игры. Нѣтъ сомнѣнія, что сближенію съ коллегіатами Марковича очень много помогала Скоропадская, водившая близкое знакомство съ женами Вельяминова, Хрущова и Кошелева. Да и мужья послѣднихъ повидимому не отказывались попить и погулять у богатой вдовы-гетманши, которая понимала, что это были самые сильные люди въ Малороссіи и потому не жалѣла для нихъ угощеній. Однако-жь, какъ ни дружилъ Марковичъ съ Вельяминовымъ и его товарищами, а пришлось и ему поступиться однимъ дѣломъ, какъ видно очень непріятнымъ для него. Дѣло въ томъ, что когда въ 1718 г. сгорѣла кіево-печерская лавра, то для возобновленія этой святыни Петръ Великій приказалъ собрать съ малороссійскихъ владѣльцевъ известную сумму; сборъ денегъ порученъ былъ полковникамъ, которые собирали ихъ по частямъ, не отсылая денегъ въ Кіевъ, пока не пріѣхалъ въ Малороссію Вельяминовъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ сборѣ, распорядился черезъ Полуботка, чтобы собранныя деньги полковники отослали кіевскому войту. Большинство полковниковъ успѣшило исполнить это распоряженіе; но отецъ Якова Марковича, собравъ на лавру въ своемъ полку 1000 рублей, жалѣлъ съ ними разстаться и медлилъ ихъ отсылкою. Когда потребовали этихъ денегъ отъ сына, то онъ отвѣчалъ ¹⁾, что онѣ взяты отцемъ въ сулацкій походъ на полковые расходы. Такимъ объясненіемъ въ Глуховѣ, повидимому, удовлетворились до времени, пока не возвратится

чемъ послѣдній листъ, уничтоженный практическимъ мудрецомъ. Затѣмъ весь дневникъ цѣлъ. Мы думаемъ, что уничтоженіе Марковичемъ въ его дневникѣ шести полулистовъ было имъ сдѣлано въ виду пріѣзда Румянцева, такъ какъ Полуботокъ писалъ роднымъ изъ Петербурга объ уничтоженіи разныхъ бумагъ, предвидя возможность обыска. См. Соловьевъ, XVIII.

¹⁾ Журн. генер. канцеляріи 1723 г.

Андрей Марковичъ изъ похода. Но когда пришла вѣсть о прїѣздѣ въ Малороссію Румянцева, Яковъ Марковичъ почувствовалъ, что отвѣтъ, данный имъ въ коллегіи, Румянцева пожалуй и не удовлетворить; поэтому онъ изъ Глухова поспѣшилъ написать матери въ Ромень, что собранные отцомъ на монастырь деньги лучше поскорѣе прислать въ Глуховъ. Совѣтъ былъ исполненъ и 23 ноября въ дневникѣ отмѣчено: „Василь Дяченко прїѣхалъ съ деньгами 1000 р., на церковь печерскую опредѣленными, которыхъ коллегія доправляетъ“. Деньги привезены были какъ разъ въ пору, потому что на другой день Румянцевъ прїѣхалъ въ Глуховъ. Въ тотъ-же день онъ приглашенъ былъ на обѣдъ Скоропадскою, гдѣ „гуляли довольно“. Тутъ-же увидѣлъ его въ первый разъ и Марковичъ и какъ племянникъ хозяйки, конечно, былъ представленъ царскому слѣдователю. На другой день, 25-го, Марковичъ поспѣшилъ побывать самъ у Румянцева, а 26-го Румянцевъ устроилъ у себя „банкетъ“, на которомъ Марковичъ не только что былъ, но и въ карты игралъ „пополамъ съ кн. Волконскимъ“. 27-го Марковичъ былъ у Румянцева „рано“; 28-го гулялъ вмѣстѣ съ нимъ на банкетѣ у Журавковскаго; 30-го такой-же банкетъ былъ у Вельяминава и Марковичъ— въ числѣ гостей; 1 декабря карточный вечеръ у Вельяминава; Марковичъ былъ, но только смотрѣлъ, какъ Румянцевъ игралъ. А черезъ два дня, 4-го декабря, Марковичъ самъ устроилъ „вечеринку“, на которой Румянцевъ съ Вельяминовымъ и прочими „долго просидѣли“. 6-го декабря Марковичъ посѣтилъ рано Вельяминава и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Румянцеву, гдѣ уже нашелъ возможность поговорить „о 1000 р. печерскихъ денегъ, доправленныхъ изъ дома родительскаго“; конечно, рѣчь шла о томъ, что деньги употреблены родителемъ на общественныя надобности и доправлять ихъ не слѣдовало-бы. Затѣмъ 13-го Румянцевъ уѣхалъ изъ Глухова—производить по Малороссіи слѣдствіе о челобитныхъ Полуботка. Марковичъ остался въ Глуховѣ, но въ это время что-то произошло такое, что онъ 15-го декабря пошелъ къ Вельяминову на квартиру и „просилъ о увольненіи его отъ правленія полковаго“. Къ такому рѣшенію Марковичъ пришелъ вѣроятно вслѣдствіе какихъ нибудь жалобъ на него, какъ на наказнаго лубенскаго отъ его полчанъ; однако-жъ Вельяминовъ, какъ видно, не придалъ особеннаго значенія просьбѣ Марковича и посоветовалъ ему скорѣе

ѣхать въ полкъ. На другой день Марковичъ выѣхалъ въ Ромень. Пробывъ въ Глуховѣ въ этотъ разъ около двухъ мѣсяцевъ, Марковичъ воспользовался этимъ пребываніемъ какъ нельзя лучше; прежде всего онъ сблизился съ Вельяминовымъ, который, будучи постоянною хлѣбъ-соль съ вдовою-гетманшею, конечно, не могъ отказать въ своемъ вниманіи и любимому ея племяннику. Но еще важнѣе было для Марковича знакомство съ Румянцевымъ, который пріѣхалъ въ Малороссію главнымъ образомъ, чтобы заручиться тѣми данными, на основаніи которыхъ правительство могло-бы утвердительно сказать, что въ челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ отъ имени „всего народа“, послѣдній не принималъ и не могъ принимать никакого участія, такъ какъ постоянныя насилія старшины надъ народомъ давно уже разъединили ихъ интересы. Для этого Румянцеву нужны были жалобы народа на старшину, а Марковичъ хорошо зналъ, что лубенскіе полчане не упустятъ случая пожаловаться на насилія его отца, да и самъ онъ былъ не безъ грѣховъ. Поэтому заручиться если не пріязнью, то по крайней мѣрѣ знакомствомъ Румянцева для Марковича было чрезвычайно важно. Знакомства-же Марковичъ достигъ, и даже довольно близкаго, такъ какъ карточные вечера съ Румянцевымъ были доступны не для всѣхъ.

Пріѣхавъ въ Ромень 17-го декабря, Марковичъ сталъ было исполнять залежавшіяся не исполненными порученія коллегіи и генеральной канцеляріи; но 27 декабря его о чемъ-то такомъ извѣстили, что, записавъ въ свой дневникъ это извѣстіе въ нѣсколькихъ строкахъ, онъ потомъ вырвалъ эти строки, а 28-го декабря „родителька его рано отѣхала въ Глуховъ“, а на другой день выѣхалъ и самъ онъ туда-же. Пріѣхавъ въ Глуховъ въ ночь протѣвъ 31 декабря, Марковичъ 1 января отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „извѣтился, что Лукьянъ Свѣчка вчера поѣхалъ къ Семену Лизогубу въ Андреевку; а тутъ, въ Глуховѣ, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ“. Едва-ли ошибемся, если скажемъ, что причиною внезапнаго пріѣзда въ Глуховъ Марковича и его матери было полученное имъ извѣстіе, что одинъ изъ державцевъ лубенскаго полка Лукьянъ Свѣчка подалъ жалобу въ коллегію на Марковича—отца за какое-то насиліе послѣдняго при пріобрѣтеніи отъ Свѣчки с. Токарей. Жалоба Свѣчки, какъ видно, очень испугала Марковича;

но въ своемъ дневникѣ о такихъ дѣлахъ онъ не любилъ распространяться. Изъ дневника, кромѣ приведеннаго мѣста, видно, что 3-го января онъ купилъ у члена коллегіи Кошелева крестьянина за 50 р., а 7-го выѣхалъ обратно въ Роменъ. Спѣшить въ Роменъ нужно было и потому, что прошла вѣсть, что Румянцевъ изъ Переяслава ѣдетъ въ лубенскій полкъ. Моментъ былъ самый критическій, такъ какъ народъ, прослыхавъ о проѣздѣ царскаго чиновника, который дорогой выспрашиваетъ о злоупотребленіяхъ старшинъ, сталъ безбоязненно подавать ему во множествѣ письменныя жалобы. Узнавъ, что Румянцевъ ѣдетъ въ Миргородъ чрезъ сотенный городокъ лубенскаго полка Лохвицу, Марковичъ отправился на встрѣчу къ нему и встрѣтилъ его 9-го января, ночью, угостилъ заранѣе приготовленнымъ ужиномъ въ селѣ Ивахникахъ, гдѣ Румянцевъ и ночевалъ. А на другой день проводивъ Румянцева за Лохвицу, Марковичъ объѣхалъ нѣкоторыя отцовскія маетности и вернулся въ Роменъ. Черезъ нѣсколько дней получено было распоряженіе Румянцева, „чтобы старшина полковая вся была въ Роменъ собрана; такожъ и козаковъ со всякой сотни по 50 человекъ и дожидались-бы его въ Ромнѣ“. Рѣшительная минута приближалась: Марковичъ былъ увѣренъ, что жалобы отъ полчанъ будутъ. Вспомнилъ въ эту минуту Марковичъ о князѣ Михаилѣ Голицынѣ, который по своей добротѣ можетъ помочь своимъ вліаніемъ, если пріѣздъ Румянцева не обойдется благополучно, и вотъ въ дневникѣ находимъ замѣтку, что 28 января „посланъ конюшій Алексѣецъ въ село Токори взять тамъ четверню воронопѣгихъ („воронострокатыхъ“) лошадей и отвести въ Ахтырку къ князю Голицыну“¹⁾. Черезъ три дня, 1-го февраля, Марковичъ поѣхалъ на встрѣчу Румянцеву и встрѣтивъ его верстъ за тридцать отъ Ромна, предложилъ пересѣсть въ свою карету, на что тотъ и согласился. При въѣздѣ въ Роменъ предупредительный наказный „поздравилъ“ Румянцева семью пушечными выстрѣлами и затѣмъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. На другой день Румянцевъ, произведя опросъ собраннымъ полчанамъ о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ, объдалъ у Марковича и затѣмъ просидѣлъ у него за картами весь вечеръ; 3-го Румянцевъ устроилъ обѣдъ на своей квартирѣ, на который пригласилъ и старшину; поигравъ послѣ обѣда въ карты, Румян-

¹⁾ Рукопись дневника Якова Марковича.

цовъ на ужинъ отправился къ Марковичу. 4-го Румянцевъ „самъ обѣдалъ на своей квартирѣ“¹⁾). Въ этотъ день, должно быть, онъ и принималъ тѣ жалобы, которыхъ боялся Марковичъ; а жалобы поданы были, потому что въ дневникѣ, 5 февраля, отмѣчено: „бригадиръ рано далъ указъ и челобитныя для изслѣдованія“²⁾). Хотя Марковичъ и не поясняетъ, кому данъ былъ указъ, но изъ архивныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что, не имѣя возможности разобратъся въ массѣ жалобъ, поданныхъ ему при объѣздѣ Малороссіи, Румянцевъ разслѣдованіе этихъ жалобъ поручалъ въ каждомъ полку особому офицеру, въ помощь которому назначался одинъ изъ бунчуковыхъ или значковыхъ товарищей. Для разбора жалобъ, поданныхъ въ лубенскомъ полку, былъ назначенъ прапорщикъ Волжинъ. Ему-то и былъ данъ тотъ указъ, о которомъ говоритъ Марковичъ. Такимъ образомъ самъ Румянцевъ въ Ромнѣ ничего не сдѣлалъ по поданнымъ ему жалобамъ; но въ нѣкоторыхъ полкахъ, на основаніи этихъ жалобъ, Румянцевъ смѣнялъ полковую старшину и назначалъ новую по своему выбору; такъ были имъ смѣнены наказные полковники въ Переяславѣ и въ Полтавѣ, на мѣсто которыхъ онъ поставилъ другихъ. Въ Ромнѣ ничего этого не было, хотя жалобы и были; предупредительность лубенскаго наказнаго видимо имѣла свое вліяніе, такъ какъ къ Марковичу Румянцевъ былъ благосклоненъ. Передавъ поданныя жалобы Волжину, Румянцевъ отправился обѣдать къ Марковичу, а вечеромъ въ тотъ-же день и выѣхалъ изъ Ромна. Безъ проводъ, разумѣется, не обошлось: провожали за нѣсколько верстъ отъ города „и тамъ долго пивши, разлучились“³⁾. Румянцевъ поѣхалъ въ Глуховъ, „а я повернулся“, пишетъ Марковичъ въ дневникѣ, „и долго блудилъ по дорогѣ, пока попалъ въ Ромень“⁴⁾). Значить, проводы были очень „шумны“.

Такъ благополучно сбывъ съ рукъ Марковичъ страшнаго царскаго слѣдователя и затѣмъ могъ уже вполне успокоиться, тѣмъ болѣе, что и главный врагъ Марковича и въ тоже время популярный въ Малороссіи полковникъ—Апостолъ попалъ уже подъ арестъ за челобитныя Полуботка. Съ этого времени Яковъ Марковичъ занялъ опредѣленное мѣсто среди тогдашней старшины, которая увидѣла въ немъ такого мудреца, котораго лучше было не трогать. Былъ еще трудный моментъ въ жизни Якова Марковича, когда

¹⁾ Т. Ж. ²⁾ Т. Ж. ³⁾ Т. Ж.

неожиданно для всѣхъ гетманомъ сталъ Апостоль. Но мы видѣли уже, что и здѣсь Марковичъ-отецъ, благодаря опять таки ловкости того же сына, выпутался изъ бѣды благополучно.

Дальнѣйшую жизнь Якова Марковича можно прослѣдить по его дневнику, изъ котораго можно увидѣть между прочимъ, что не смотря на всю житейскую мудрость его автора, послѣднему, при всѣхъ его стараніяхъ, не удалось выбиться изъ круга средней старшины. Было что-то такое въ этомъ человѣкѣ, что не давало ему возможности, не смотря на все его умѣнье сближаться съ сильными міра, достигнуть завѣтныхъ высшихъ старшинскихъ урядовъ, которыхъ Яковъ Марковичъ тщетно искалъ всю свою жизнь, пока не состарѣлся.

Заканчивая настоящій очеркъ, не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о внукѣ Якова Марковича, и издательѣ его дневника—Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ, который во второй четверти настоящаго вѣка былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей „новой“ Малороссіи¹⁾. Получивъ солидное образованіе, Александръ Михайловичъ Марковичъ въ тоже время обладалъ прекраснымъ свойствомъ души—твердыми убѣжденіями, которыми не поступался, можно сказать, никогда. Особенную твердость своихъ убѣжденій выказалъ Александръ Михайловичъ, будучи черниговскимъ губернскимъ предводителемъ. Будущій его біографъ разскажетъ поэтому поводу нѣсколько интересныхъ эпизодовъ, какъ умѣлъ Александръ Михайловичъ оберегать свое человѣческое достоинство при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ тогдашней общественной жизни. Какъ помѣщикъ, онъ также выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ необычно гуманными отношеніями къ своимъ крестьянамъ. Мы лично видѣли этого замѣчательнаго человѣча уже въ глубокой его старости, но и ранѣе онъ оставался тѣмъ-же привлекавшимъ общія къ себѣ симпатіи человѣкомъ. Помнимъ мы, какъ въ это время (1862 г.) онъ, не хвалясь, указывалъ на значеніе крестьянской школы въ живомъ примѣрѣ—въ его Сварковской школѣ, которая издавна была имъ устроена въ этомъ селѣ и обученіе въ которой велось съ тою добросовѣстностью, которой можно позавидовать и теперь. Нельзя не пожелать появленія біографіи этого человѣка, замѣчательнаго по уму, добротѣ и кротости. Такая біографія моглабы быть поученіемъ и для нашего времени¹⁾.

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ Родился 1790, † 1865 г.

²⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни см. въ Древней и Новой Россіи, 1879 г., № 1, стр. 53—55.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)¹⁾.

Широко раскинулось по полному берегу Роси село Ольшаница. Среди села, по долинѣ, разлился обширный прудъ. По обѣ стороны пруда на далекое разстояніе тянулись роскошные огороды и сады, а по берегамъ зеленѣли густыя вербы. Подлѣ самой плотины, вблизи мельницы, на небольшомъ пригоркѣ стояла дубовая, пятиглавая, крытая гонтомъ церковь. Мимо церкви шла дорога, а противъ церкви, чрезъ дорогу, расположенъ былъ домъ священника. За домомъ зеленѣлъ садъ: вишни и черешни разрослись до самаго берега пруда. Село раскинулось разноцвѣтнымъ ковромъ на широкой равнинѣ. Среди зеленѣющихъ садовъ и кой-гдѣ пожелтѣвшихъ огородовъ вырисовывались своей бѣлизной чисто вымазанныя хаты то съ потемнѣвшими отъ времени, то не тронутыми стихіей жолтыми крышами, а за огородами и садами разстилались обширныя левады и сѣнокосы, съ прихотливо разбросанными по нимъ группами ольхъ, лозъ и вербъ. На полдень виднѣлся высокий, гористый берегъ Роси, покрытый лѣсами, а промежъ ихъ бѣлѣли хаты другихъ селъ, блестѣли бѣлоглавья церкви. То тамъ, то здѣсь лѣса будто перебѣгали Рось и темной лавой заливали равнину, то вырѣзываясь по окраинамъ ея зубцами, то выступая полукругами и острыми клиньями далеко, далеко на полночь.

Дѣло было въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Была лѣтняя пора. Солнце высоко стояло въ небѣ и обливало Ольшаницу яркимъ, блестящимъ свѣтомъ. Зашли жнива, былъ будній день, а на дворѣ и за дворомъ священника толпилась большая масса народа. Въ Ольшаницѣ только что похоронили старика-свя-

¹⁾ Печатается въ переложеніи на обще-русскій языкъ, съ сохраненіемъ малорусскаго подлинника однихъ лишь діалоговъ.—Ред.

щенника, Петра Моссаковского. Вся *громада* собралась къ его дому на поминальный обѣдъ. Широкій дворъ священниковой усадьбы весь заставленъ былъ импровизированными столами, устроенными изъ длинныхъ досокъ, утвержденныхъ на деревянныхъ обрубкахъ. Вдоль этихъ столовъ сидѣли длинными рядами „парафіане“ умершаго батюшки. На всемъ протяженіи двора, выглядывая изъ-за плетней, толпились массы подростковъ и дѣтей обоего пола. Въ огородѣ пылали три костра, а около нихъ сновали молодежи. Въ легкомъ дыму костровъ видны были десятки огромныхъ горшковъ съ различными, приготовленными для обѣда кушаньями. Скоро молодежи стали разливать въ огромныя миски кушанье и разставлять по столамъ, другія въ большихъ „ряднахъ“ носили изъ дому и раскладывали по столамъ заранѣе разрѣзанный на куски хлѣбъ и „книши“. У самага порога сѣней длинными рядами расположились къ обѣду „старци“ всѣхъ возрастовъ и половъ, Тутъ живо шла работа; одни ряды смѣнялись другими. На всѣхъ другихъ столахъ шла тоже смѣна: одни вставали, окончивъ обѣдъ, другіе занимали ихъ мѣста, послѣ мужчинъ располагались женщины и т. д. Тутъ обѣдало все село, обѣдали прохожіе, проѣзжіе, нищіе со всей околицы собрались...

Четыре сына покойнаго о. Петра,—два священника, одинъ діаконъ и одинъ дьячекъ—съ огромными фляжками въ рукахъ ходили промежъ столовъ и потчивали всѣхъ водкой. Съ особой привѣтливостію угощали они прихожанъ своего отца, зная, что громада въ слѣдъ за симъ приступитъ къ выборамъ на мѣсто покойника, а всѣмъ имъ одинаково хотѣлось поступить на мѣсто отца въ родное, многолюдное и богатое село.

За угломъ дома, въ тѣни высокихъ черешень, накрыты были столы для духовенства и почетнѣйшихъ прихожанъ. Невѣстка покойника распоряжалась здѣсь угощеніемъ.

Солнце свернуло за полдень. Священство и міряне встали изъ-за стѣла, за ними въ слѣдъ поднимались изъ-за столовъ на всемъ пространствѣ двора. Говоръ затихъ. Настала такая тишина, будто во всемъ дворѣ не было живой души. Слышно было щебетанье птичекъ въ саду. Старикъ священникъ, повернувшись къ церкви, громкимъ басомъ началъ „парастаст“. Его голосъ раздавался по всему подворью. Старый батюшка громче прежняго воз-

гласилъ „вѣчную память“ покойнику-собрату и все собравшееся здѣсь духовенство запѣло: „вѣчная память“, а въ это время староста, сѣдой, совсѣмъ бѣлый, съ длинными черными усами, трижды, крестообразно, выше головы своей поднималъ большой *куфелъ* разсиченнаго меду, придерживая лежавшій сверху хлѣбъ. Всѣ стоявшіе во дворѣ и за дворомъ начали креститься и кланяться по направлению къ церкви: сотни рукъ замахали, сотни головъ то наклонялись, то подымались, сотни устъ тихо шептали: „вѣчная память! вѣчная память!“ Будто пронесся неожиданно по двору вѣтеръ и шевельнулъ листь на деревѣ и чуть замѣтно затихалъ, пока совсѣмъ не затихъ...

Сыновья покойника со всѣмъ священствомъ пошли въ „покои“. Снимали доски со столовъ и уносили подъ навѣсъ, оттаскивали въ сторону подставки. Масса мужчинъ разсыпалась по двору; женщины пустились со двора. Начинались выборы новаго священника.

Послышалось тихое гудѣнье громады, точно жужжанье пчелъ въ пасѣкѣ въ поздній вечеръ: по всему двору собирались люди въ кружки, тихо говорили. Чуть, чуть слышалось: „а кто буде у насъ священникомъ? кого станемъ выбирать?“ Одни говорили, что всего лучше выбрать на *парафію* одного изъ старшихъ сыновей покойника, что были уже священниками въ сосѣднихъ селахъ, другіе подавали голосъ за третьяго сына—діакона; но еще тише ходилъ говоръ по кружкамъ, что старшіе сыновья не хорошо живутъ съ своими прихожанами, а діаконъ пьянствуетъ въ корчмѣ и дерется не только съ людьми, но даже съ жидами.

— Панове, громадо! спокойно, но твердо проговорилъ старикъ староста, вокругъ котораго толпились такіе-же старики: выберимъ самого меншого покойниковаго сына, Харитона. Вінъ вирієть на нашихъ очахъ, мы ёго добре знаємъ. Вінъ чоловікъ не гордый; выще зъ нами чарку горілки, але не пьянствує; вінъ до людей привітний, гортань має добру. Зъ ёго добрый буде священникъ. На вишимъ прошеніє до владыки, даймо ёму підводу, грошей на до рогу, та й нехай рушає. Чи такъ, панове-громадо?

— Такъ, такъ! ты, старосто, добре радишь! заготовали вокругъ старосты и это рѣшеніє стрѣлой пролетѣло по всему двору.

Староста вышелъ изъ круга, прошелъ вдоль и въпоперекъ по двору, спрашивая всѣхъ и каждаго, пристають-ли на предло-

женнаго имъ кандидата. Предъ нимъ почтительно разступались, обнаженные головы всюду колыхались и отъ края до края всюду слышалось одно: такъ, такъ! нехай Харитонъ буде у насъ священникомъ!

Староста прошелъ въ домъ и оповѣстилъ священство и самаго Харитона о послѣдовавшемъ избраніи. Старшіе сыновья покойника видимо были сконфужены. Харитонъ покорно склонилъ голову; о его желаніи занять отцевское мѣсто не могло быть и вопроса.

— Выйдѣть-же, пане даче, до громады,—сказалъ староста, слегка кланяясь Харитону.

Харитонъ вышелъ на крыльце. За нимъ нѣсколько священниковъ, кромѣ однако братьевъ. Готовавшая громада мгновенно затихла. Староста со ступенекъ громко вопрошалъ: чи згожуетесь, панове-громадо, на сѣго пана Харитона—мати ёго собі за священника на нашій парафіи?

— Згода, згода! загудѣла громада; нехай вінъ буде у насъ священникомъ!—Харитонъ низко поклонился и поблагодарилъ громаду.

— Волимо Харитона! Харитинъ нехай буде за попа! доносилось со всѣхъ сторонъ.

Харитонъ снова поклонился и хотѣлъ что-то говорить; но и первыхъ словъ его нельзя было уже слышать. Поднялся шумъ, какой заканчиваетъ всѣ такія собранія; громада гудѣла, точно вѣтеръ въ лѣсу. Задніе ряды заколыхались и хлынули со двора. Точно лава воды, ринувшаяся изъ прорванной плотины, понесли они предъ собой кучи дѣтей и всякой молодежи, нависшія у воротъ. Заколыхалась и вся масса людей во дворѣ и широкой волной полила изъ воротъ на улицу. Въ дворѣ становилось пусто и тихо. На крыльцѣ все еще стоялъ счастливый Харитонъ,—высокій, тонкій, стройный, бѣлолицый, съ густыми русыми кудрями, едва доходившими до плечей. Онъ пристально глядѣлъ на удаляющуюся отъ него волну черныхъ шапокъ и свитокъ, пока и послѣдній человекъ не вышелъ со двора. На его нѣжномъ лицѣ горѣлъ яркій румянецъ, когда, проводивъ всѣхъ до послѣдка, онъ возвращался въ свѣтлицу, окруженный видимо сочувствовавшими ему сосѣдями-священниками.

— Поздоровляемо васъ, Харитоне Петровичу! первые заговорили проворныя матушки; теперь-же шукайте десь хорошу пани-матку, та й на парафію сідайте.

Харитоновъ братъ-діаконъ сердито взглянувъ на матушекъ, проговорилъ:

— У батька ще й ноги не захолили, а вы вже й за весілля...

— А що-жъ, брате? Живий живе гада!—отозвался найстаршій братъ. Уже батька не вернешь зъ гробу, а отъ выйдуть сороковины, то й счастья Боже Харитонову и одружитись!

— Добре слово! Мудра річь! Або нема зъ кимъ?—затараторили матушки. Они совсѣмъ забыли о похоронахъ и начали перебирать всѣхъ извѣстныхъ въ околоткѣ невѣсть. Одна изъ матушекъ въ числѣ невѣсть назвала Онисю Прокоповичевну. При этомъ имени Харитонъ поднялъ вверхъ стыдливые глаза свои и снова опустил ихъ внизъ. Предъ нимъ будто молнія изъ тучъ блеснула образъ Ониси. Онъ вспомнилъ ее и—забылъ даже про смерть отца и только что окончившіяся похороны. Разъ онъ видѣлъ ее въ Богуславѣ на ярмаркѣ и съ тѣхъ иоръ не могъ забыть объ ней.

Подъ вечеръ разѣхались одинъ за другимъ всѣ сосѣди и знакомые покойнаго Моссаковскаго, пріѣзжавціе отдать ему послѣдній долгъ; сыновья, безъ шума и спору, подѣлились „батькивскимъ“ добромъ; старшіе братья, взявъ кое-что изъ вещей покойника на память и предоставивъ Харитону всю недвижимость и хозяйство, да пригласивъ одного безмѣстнаго старичка-священника „наблюдать парафію“, пока „высвятится“ Харитонъ, въ свою очередь поспѣшили „до господы“. Къ ночи домъ опустѣлъ. Остался одинъ Харитонъ съ своими мечтами о священствѣ и Онисѣ.

Медленно тянулись для него „сороковины“, а тѣмъ временемъ Онисю навѣщали женихи, а чаще другихъ Марко Павловичъ Балабуха, *фи.юсофъ*, только что оставившій преобразованную предъ тѣмъ кievскую академію, чтобы поступить въ село на приходъ.

Онися Степановна была единственная дочь стараго уже священника села Чабѣ. Чайки находились верстахъ въ 20-ти отъ Ольшаницы и расположены были на гористомъ правомъ берегу Роси. Отлогій по краямъ села и крутой въ самой серединѣ онаго берегъ то изрытъ былъ узкими ущельями, то загроможденъ скалистыми террасами; живописные уступы, роскошныя удоля красовались очаровательною зеленью; здѣсь и тамъ, отъ

берега до вершины горы, бѣлѣли чистенькія хатки, то прячась отъ солнца и бури подѣ зацѣту скалъ, то утопая въ зелени садовъ. Съ обоихъ концовъ села, какъ двѣ зеленыя стѣны, стоялъ густой дубовый лѣсъ. На срединѣ горы, на одномъ изъ ея уступовъ красовалась стройно сложенная изъ дубовыхъ брусевъ церковь, бѣлые верхи которой ярко блестѣли при свѣтѣ солнца и видны были на далекое пространство. У церкви ютился домикъ священника Прокоповича; отъ него по крутой горѣ до самаго берега шель роскошный старый садъ, а внизу по-надъ Росью зеленѣли густыя вербы. Передъ домомъ, по-за Росью, на десятки версть раскиданы были села по широкой равнинѣ, разрисованной, какъ картина, и испещренной то пожелтѣвшими нивами, то зелеными лугами и левадами, то сивѣвшими на солнцѣ ставками, отражавшими въ себѣ верхи вербъ, церквей и горъ.

I.

Быль день воскресный. Семья Прокоповичей окончила обѣдъ. Старый „панъ-отецъ“ отправился въ пасѣку и залегъ въ „катрагъ“ спать. Въ комнатѣ сидѣли мать съ дочерью и грызли сѣмячки. Бесѣда у нихъ шла о молодыхъ паничахъ, наѣзжавшихъ къ Онисѣ Степановнѣ.

— А що, дочко, будемо діяти? Чи швидко підемо заміжъ, чи ще довго будемо перебендювати? спросила мать у дочери.

— Про мене, мамо, ідить заміжъ хочъ и сѣгодня, сказала дочь, усмѣхаясь.

— Цуръ дурнои-нависнои! Хиба я про себе говорю? замѣтила мать.

— А то-жъ про кого? сказала дочь.

— Та про кого-жъ, якъ не про тебе.

— Про мене?... Якъ про мене, то не знаю, сказала дочь, загнувъ въ знакъ недоумѣнія или неудовольствія нижнюю губу.

— А хто-жъ буде знати, якъ не ты? Це-жъ твое діло, а не мое. Мині съ твоими женихами не жити. Чи мало вже ихъ до насъ навідувалось?

— Та мене, хвалити Бога, ни хто не обхивавъ рябымъ конемъ, сказала дочка, але, сказати щирю правду, моихъ женихівъ хочъ по сімъ за цибулю продавай.

— Ну, не всіх продаси по сімъ за цыбулю. Одного академиста Балабуху не продати й за сімъ цыбуль.

— Я-бъ мамо, ёго й дурно оддала, абы вінъ тильки не іздивъ до насъ.

— Але й вередлива-жъ ты, нічого сказати. Балабуха чоловікъ вчений, займе добру парахвію, буде благочиннымъ, а може й протіереємъ.

— Про мене нехай буде й архіереємъ, коли-жъ у ёго таки губы, непаче вінъ зъ людей кривиться.

— Отъ и выгадала. Якійжъ у ёго губы? Такі, якъ и у всіхъ людей.

— Коли-жъ, мамо, якъ вінъ засміється, то такъ зувсімъ, якъ отъ часомъ одна коняка до другои зуби шкирить. А що вже гордый та гоноровитый! правда, що вчений.

Не успѣла Онися окончить разговоръ, какъ за дворомъ слышался стукъ колесъ. Залаяли собаки и бросились за дворъ. Мать и дочь выбѣжали изъ „кімнаты“ въ „свѣтлицу“ и бросились къ окнамъ. Въ ворота въѣзжалъ старосвѣтскій богуславскій возокъ, котораго кузовъ обшитъ былъ широкимъ цѣльнымъ лубомъ и напоминалъ собою большую корзину, расширенную по краямъ и съ поднятымъ вверхъ передомъ. Изъ-за тощихъ двухъ клячъ въ плетеныхъ пеньковыхъ шлеяхъ выглядывала большая фигура академиста Балабухи. Онъ грузно сидѣлъ, какъ добрая копна сѣна, въ „легкодушномъ“ возку. На немъ была шинель синяго сукна съ такимъ длиннымъ воротникомъ, что, спускаясь позади возка, онъ закрывалъ до половины колеса. Возокъ остановился близъ „коморы“, стоявшей наискось отъ дома. Поднимаясь съ глубоко опустившагося сидѣнья, Балабуха взялся обѣими руками за края возка и такъ сильно ихъ нажалъ, выдвигая свою грузную фигуру, что возокъ затрещалъ и раздвинулся въ обѣ стороны.

— Ой, паньчу, помалу, бо воза поломаете! сказалъ, съ испугомъ озираясь, погоничъ; зновъ насъ будутъ батюшка лаяти, якъ лаяли за того воза, що вы разтропили торікъ.

— Роскажи своему батькови! сказалъ Балабуха и закинувъ ноги черезъ край трещавшаго возка, рванулся всѣмъ корпусомъ впередъ и грузно опустился на землю. Послышался гулъ, точно упалъ съ высоты большущій мѣшокъ съ зерномъ.

— Отъ тобѣ на! сказала Онися, глядя изъ окна; за вовка промовка, а вовкъ у хату.

— Иди, дочко, причепуришь! сказала мать: надѣнь товсте намисто, та квітки на голову.

— Намисто надѣну и квітки надѣну, а Балабусі таки дамъ гарбуза, сказала Онися, смѣясь и убѣгая въ „кѣмнату“.

— Годі, моя дитино, гарбузувати! Треба колись покохати та й замѣжъ ити, тихо проговорила мать въ слѣдъ убѣгавшей дочери.

Балабуха стоялъ около возка, а ему подъ ноги бросились, точно бѣшенныя, три презлющія собаки. Наймичка выбѣгла съ палкою и прогнала собакъ. Балабуха, медленно и озираясь, побрель къ дому.

Въ сѣняхъ онъ снялъ съ себя шинель и картузь и бросилъ на стоявшій тутъ сундукъ, вынулъ изъ кармана красный бумажный платокъ, выморкался, откашлялся и тяжелою поступью вошелъ въ „свѣтлицу“. Тамъ не было ни духа. Балабуха снова досталъ платокъ, вытеръ носъ, кашлянулъ трижды и сталъ потихоньку переступать съ ноги на ногу, поглядывая то на дверь въ „кѣмнату“, то на свои широкіе на „подборахъ“ и въ „рантъ“ шитые сапоги.

„Свѣтлица“ была просторна, но съ малыми окнами, по четыре стекла въ каждомъ. Вся передняя стѣна съ прилегающими углами до половины сплошь увѣшана была образами и представляли изъ себя подобіе иконостаса. По угламъ висѣли наибольшіе и наиболѣе чтимые образа,—въ одномъ образъ печерской Богородицы, въ другомъ почаевской, а передъ образами висѣли небольшія лампадки, купленныя свѣжо у заѣзжаго торговца. Сверху и съ боковъ образа прикрыты были большими, разшитыми въ цвѣта и мелкимъ узоромъ полотенцами. Образа висѣли двумя рядами,—одни достигали самаго потолка, другіе доходили до стоявшаго у стѣны, по самой срединѣ оной, прикрытаго чистой скатертью стола. Боковая наружная стѣна была занята портретами какихъ-то архіереевъ, а около нихъ и подъ ними въ простыхъ некрашеныхъ рамкахъ, за стекломъ и безъ стекла, кютились такъ называемые куншты,—бумажныя изображенія нѣсколькихъ сраженій изъ отечественной войны и войны за независимость грековъ. На внутренней дощатой перегородкѣ, отдѣлявшей „свѣтлицу“ отъ „кѣмнаты“, развѣшенъ былъ огромныхъ размѣровъ „килимъ“, т. е. коверъ, оригинальный рисунокъ котораго давалъ нѣсколько рядовъ большихъ цвѣтовъ, съ

сочетаніемъ самыхъ яркихъ красокъ, какое можно видѣть и теперь на пасхальныхъ „писанкахъ“. Подъ этой-же стѣной стояла такъ называемая „канапка“, родъ дощатаго некрашеннаго и самой простой работы и конструкціи дивана. Канапка прикрыта была мѣстной работы ковромъ. Отъ нея шли вокругъ по стѣнамъ то узкія со спинками скамейки, то также простые и не крашеные стулья, самой разнородной формы, коллекція которыхъ составила не вдругъ, а съ большою постепенностію, болѣе по случаю, а не по заказу. Въ заднемъ углу, близъ порога, стоялъ окрашенный въ синюю краску и расписанный разными цвѣтами небольшой шкафъ въ два яруса, хранившій болѣе разныя подручныя яства и питія и мелкій хозяйственный скарбъ, чѣмъ какую либо посуду. На боковой двери изображено было принесеніе Авраамомъ Исаака въ жертву, а на главной—козакъ Мамай съ фляжкой въ одной и рюмкой въ другой рукѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по „свѣтлицѣ“, Балабуха остановился предъ Мамаемъ, будто видѣлъ его въ первый разъ, и въ десятый разъ читалъ классическую подъ нимъ подпись:

Козакъ, душа правдива,
Сорочки не має;
Коли не пье, то в... бѣс,
Таки не гулае.

Балабуха какъ-бы призадумался. Какіе-то неясные образы вновь появились въ его головѣ при чтеніи давно знакомой подписи, но лице его не выражало никакого движенія мысли или чувства... Коротко обстриженная голова его точно отдыхала на роскошныхъ широкихъ плечахъ. Густыя, черныя брови будто повисли надъ темными, чистыми и необычайно спокойными глазами. Продолговатое лице его пріятно закруглялось книзу и оканчивалось мягкимъ широкимъ подбородкомъ. Балабуха былъ совсѣмъ не дурень собой, только толстый и длинный носъ, да широкія мясистыя губы портили немного общую гармонію лица... Въ серединѣ верхней губы видна была глубокая, нѣсколько продолговатая впадина, точно кто притянулъ ее тонкой ниткой и сдѣлалъ изъ одной большой губы двѣ малыхъ, нижняя-жъ, напротивъ, красовалась во всей своей полнотѣ и такъ выдалась къ верху, что кожа на ней вытянулась

и лоснилась, какъ-бы смазанная яичнымъ бѣлкомъ. Общее выраженіе у Балабухи получалось такое, будто въ самомъ дѣлѣ онъ кривлялся, или передразнивалъ кого нибудь. Костюмъ его былъ „зъ достатку“, чистый и новый, но въ то-же время очень оригинальный и совсѣмъ не похожій на народный костюмъ академистовъ прежняго времени: длинный синяго сукна сюртукъ съ широкимъ воротникомъ, безъ разрѣза назади, и бѣлыми, немного выпуклыми металлическими пуговицами, бланжовый жилетъ и такіе-же пантолоны, сильно суживавшіеся книзу и изламывавшіеся по формѣ скрывавшихся подъ ними большихъ „шкаповыхъ“ голенищъ. Черный, толсто-намотанный вокругъ шеи, полушелковый платокъ и высокіе стоячіе воротнички довершали костюмъ Балабухи... Послѣдніе имѣли столь острые концы, что тогдашнія панночки говорили, что они „нибы хмары рѣжутъ“, а иной батюшка взглянетъ было на нихъ, улыбнется, плюнетъ и добродушно замѣтитъ: „эге! то-бъ то леміши зъ ихъ добри були“. Одинъ дьячекъ, въ компаніи съ Балабухой, глядя на его голову, покоившуюся въ воротничкахъ и толсто намотанномъ вокругъ шеи платкѣ, сказалъ на ухо сосѣду: „ось дивиця: въ ёго голова зувсімъ, якъ квочка въ обычайці; ище й дві дощечки зъ боку встромлени“. Вообще новомодный костюмъ Балабухи, за оставленіемъ академіи мало ему принадлежавшій, вызывалъ не мало добродушныхъ остротъ и замѣчаній, также какъ и его гладко выбритое, но отдававшее синевою и какъ-бы вымазанное сажей лице, свидѣтельствовавшее о сильной растительности черныхъ какъ смоль волосъ, отъ которыхъ онъ оставлялъ лишь длинные висячіе усы. Одна панночка даже спрашивала у своей матери: „що то, мамо, у того академиста лице также сине, якъ бузь?“ а другая говорила: „вінь зъ тихъ білихъ комірівъ виглядае, якъ гречана галушка зъ молока“.

Балабухѣ было далеко за 20-ть лѣтъ. Наука ему опостыла и онъ оставилъ академію при самомъ ея преобразованіи, захвативъ изъ нея лишь новый студенческой костюмъ, много напоминавшій офиціантовъ польскихъ пановъ. Когда Балабуха, бросивъ академію неожиданно для своего отца и прибывъ изъ Кіева домой, сталъ выражать предъ отцемъ свои сѣтованія на новые порядки и трудность науки, отецъ ласково улыбнулся и сказалъ: „це вже, сынку, здається, запаскою тобі запахло... Такъ що-жъ? Кинь її, ту акаде-

мію, та одружись, та й сідай на парафію“. И сынъ точно внялъ совѣту отца и сталъ искать себѣ невѣсты и прихода. На этотъ разъ онъ прїѣхалъ къ Прокоповичамъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ самолично объясниться предъ Онисею относительно истинной цѣли его частыхъ посѣщеній.

Тихо растворились боковыя двери; Авраамъ съ Исаакомъ скрылись во внутрь комнаты, а вмѣсто ихъ показалась на порогѣ *матушка*. Она была уже не молода. Костюмъ ея былъ такой, какой рѣдко встрѣтите теперь даже въ крестьянской средѣ глухаго украинскаго захолустья. На головѣ у ней стародавняя парчевая шапочка, давно переименованная въ „очипокъ“, прикрытый теперь тонкою тканью домашней работы, на манеръ кисеи,—такъ называсмоу *наміткою*. Намітка искусно повязана была на головѣ, съ большимъ бантомъ позади и спускавшимися двумя длинными концами, на подобіе траурной вуали. Дальнѣйшій нарядъ матушки состоялъ изъ шелковаго лифа съ рукавами, или такъ называсмоу *юпки*, сшитой изъ темно коричневой матеріи съ мелкими серебряными листочками, и изъ темной плахты и такой-же запаски, т. е. двухъ кусковъ шерстяной матеріи, изъ которыхъ одинъ обхватывалъ нижнюю половину тѣла спереди, а другой сзади и оба укрѣплялись въ талии шерстянымъ широкимъ поясомъ. Изъ подъ плахты и запаски виднѣлся на вершокъ прошитый заполочью подоль рубахи, закрывавшій на половину черныя голенища жолтыхъ, сафьянныхъ сапогъ, на одной подошвѣ, съ невысокими каблуками и плоскими подковами. На шеѣ висѣлъ „червінець“, величиною съ добрый пятакъ, а изъ подъ рукавовъ юпки выглядывали отороченныя также заполочью и оканчивавшіеся узкой сборкой рукава добротной, домашняго холста, рубахи.

Балабуха низко поклонился хозяйкѣ дома и поцѣловалъ ее въ руку, а она поцѣловалась съ нимъ троекратно въ губы.

— Выбачайте, паниматко! може вы одпочивали по обіді, а я васъ розбудивъ, проговорилъ Балабуха густымъ басомъ, но тихо и сдержанно, будто боясь кого нибудь разбудить.

— Ні, Марку Павловичу, сказала матушка: я не одпочивала, а мій старій пішовъ десь на спочивокъ до пасіки.

— А Онисія Степанівна дома? спросилъ Балабуха.

— Дома. Онисю! кликнула матушка свою дочь; выйди, сердце, та вынеси намъ по чарці.—Чи горілочки, чи наливочки? спросила она академиста.

Академистъ, подумавъ какъ-бы, отвѣчалъ: та воно після до-роги лучче-бъ теи *aquae vitae*, тобъ-то горілочки чарку.

— Вынеси, доню, намъ горілочки, та набери въ тарілку пирож-ківъ! опять сказала матушка черезъ порогъ.

Онися не замедлила выйти и вскорѣ показалась въ дверяхъ, высокая, тонкая, стройная, какъ тополь. Склонивъ немного на бокъ голову, чтобы не задѣтъ за перекладину, она вступила въ свѣт-лицу, неся на подносѣ водку и пироги. Взглянувъ на нее, Бала-буха чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія.

На Онисѣ была *платта*, вытканная изъ шерсти по поламъ съ шелкомъ, небольшими квадратиками. Квадратики были затканы „жовтогорячимъ“ шолкомъ съ бѣлыми, какъ серебро, тонкими обод-ками; внизу качались круглые, величиною въ волоскій орѣхъ ки-сточки, похожія на колокольчики. Красная, съ синими и зелеными цвѣтами, *запaska* свѣтилась, какъ горящіе уголья. Вышитый кра-сными и синими цвѣтами подолъ сорочки опускался на красивые сафьянные полусапожки. Яркосиній шелковый *корсетъ* затканъ былъ золотыми цвѣтами. На головѣ сіялъ цѣлый вѣнокъ цвѣтовъ. Разноцвѣтныя ленты покрывали плечи ея до пояса, будто дождь цвѣтовъ лился съ головы по плечамъ. На шеѣ красовалось роскош-ное въ нѣсколько спурковъ намисто съ золотыми *дукачами*.

Лице Ониси не блистало красотой, но поражало особою своею привлекательностію. Оно имѣло оригинальное очертапіе, вверху ши-ре, книзу уже, и оканчивалось нѣсколько острымъ подбородкомъ. Двѣ тонкія лініи черныхъ бровей были какъ-бы вырисованы на широкомъ и высокомъ ея челѣ, и своими острыми концами уходили подъ нависшіе надъ выпуклыми висками цвѣты. Изъ-подъ густыхъ, стыдливо поднимавшихся рѣсницъ свѣтились черные, какъ уголь, острше и блестящіе глаза. Тонкій, съ легкимъ возвышеніемъ носикъ какъ-бы свѣтился насквозь, а маленькія темнокрасныя губы вы-ступали впередъ и слегка опускались внизъ; цвѣтъ лица былъ нѣ-сколько желтоватъ, но его освѣжаль легкій, едва примѣтный, ши-рокій румянецъ.

Онися вошла и будто принесла съ собою еще больше свѣта въ свѣтлицу, залитую горячимъ лѣтнимъ солнцемъ.

Балабуха стоялъ и глядѣлъ. Онъ даже забылъ поклониться ей.

Онися по старосвѣтски поздоровалась съ гостемъ, кивнувъ на ходу головой, и поставила поднось на столъ. Когда она наклонилась надъ столомъ, ленты закачались на ея плечахъ, точно отъ вѣтру, и открыли ея тонкій, ровный, какъ стрѣла, еще дѣтскій станъ. Балабуха опомнился, подбѣжалъ къ Онисѣ, поклонился и молча поцѣловалъ у нея руку. Онися улыбнулась, подмигнула матери и подумала: ей-же Богу, кривиться зъ мене!

— И коли-жъ оце моя Онися встигла убраться въ нову плахту, въ нову запаску, ще й почиляти стрічокъ та квітокъ на голову? думала матушка, поглядывая искоса на свою дочку.

Онися сѣла на канапкѣ; Балабуха расположился на стулѣ подъ окномъ и робко посматривалъ на нее.

— Чого це я такъ злякався ціей панни? думалъ Балабуха: я-жъ таки академистъ, філософъ, а вона, и въ граматиці не була и не вміе навить просклопяти *mensa*; я-жъ знаю Горація та Овидія на-память одъ дошки до дошки.

Балабуха гордо поднялъ голову, откинулъ ее назадъ, закинулъ ногу на ногу, оперся локтемъ объ столъ и молча сидѣлъ въ такой позѣ. Онисѣ эта поза не понравилась; она была горда, разумна, энергична и не любила гордыхъ и характерныхъ людей. Она, сама любила верховодничать, а не покоряться.

Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе; слышалось только, какъ мухи бились объ окна, залитыя горячимъ свѣтомъ.

— Чого-жъ оце мы сидимо? заговорила наконецъ матушка. Ось выпиймо лишъ по чарці, то й повеселішаемо та й розговоримось.

И она подошла къ столу, взяла фляшку въ правую руку, рюмку въ лѣвую и повернувшись лицомъ къ гостю, принялась наливать водку.

— И то розумне слово, отозвался Балабуха на такое приглашеніе. *In vino veritas*, казали древни мудреці,—добавилъ онъ съ нѣкоторою важностію, растягивая латинскую фразу.

— Будьмо-жъ здорови, какъ-бы въ отвѣтъ на это произнесла протяжно матушка, выпила съ полрюмки и наливъ вновь, поднесла Балабухѣ. Балабуха выпилъ чарку до дна, отломалъ половину широга и цѣликомъ послалъ въ широкій свой ротъ.

— А ты, доню, не покуштуешъ одіеи поганой та гіркои? спросила мать у дочери.

— Спасибі, мамо! Я-жъ не пью, сказала Онися быстро и громко, какъ-бы опасаясь повторенія предложенія.

— Та хочъ за здоровья гостя помочи губы, сказала матушка, подавая дочери рюмку съ водкой.

И мать и дочь хорошо знали стародавній, неизмѣнный обычай прикушать къ гостю и только для виду переговаривались: Онися сдѣлала видъ, будто ей неловко отказать прикушать за здоровье гостя, а за тѣмъ, нехотя какъ-бы, встала, взяла рюмку, обмакнула губы и поставила на тарелку, утираясь платочкомъ.

Послѣ рюмки разговоръ пошелъ живѣе. Матушка рассказывала про свое хозяйство, про урожай, про пасѣку. Балабуха то тамъ, то здѣсь вставитъ слово и все посматриваетъ на Онисю, а Онися то подниметъ, то опуститъ свои длинныя рѣсницы, то пристально глядитъ на какой-нибудь *кунитъ*, точно видитъ его въ первый разъ.

Матушка заговорила о смерти и похоронахъ ольшанскаго священника.

— А вы были на похороні? спросилъ Балабуха Онисю.

— Ні, я боюсь мерцівъ. Я-бъ три ночи не спала після похорона, сказала Онися и опять начала разсматривать то крашенныя при-толки у дверей, то Авраама на дверяхъ, который поднялъ большіе испуганные глаза къ небу, будто видитъ тамъ въ свою очередь мертвеца.

— Який у васъ гарный садокъ, та ще надъ водою, сказалъ Балабуха, обращаясь прямо къ Онисѣ.

— Садокъ гарный, але цѣго року не вродили *хруста*, сказала Онися, желая вставить непростое слово.

— Може *фрукты*, сказалъ Балабуха, до це слово латыньске, четвертой деклінаціи... и воіо рода мужеського, тимъ то треба казати *фрукты*, а не фрукта.

— Ой поганый, та ще вчить мене, подумала Онися и покраснѣла; потривай же, я тобі підсуну хруста.

Матушка сообразила, что третье лице тамъ лишнее, гдѣ сходятся „хлопецъ“ и „дівчина“, встала и проговорила будто про себя: піду жъ я въ пасіку, та розбуджу свого старого; а доки вінъ спатиме!

Матушка вышла. „Хлопец“ и „дівчина“ молчали. Въ свѣтлицѣ стало такъ тихо, что слышно было тяжелое дыханіе Балабухи, котораго широкая грудь то поднималась, то опускалась, избличая его внутреннее волненіе.

— Звідкіль почати? що сказати? О музи! О боги! допоможіть міні приступити до цієї червоної записки, какъ-бы въ слухъ взмолился Балабуха, обрщаюся къ древнимъ богнямъ и богамъ.

А они молчали, не помогали. У Балабухи выступилъ потъ на лбу. Онъ переложилъ правую ногу на лѣвую, потомъ опять лѣвую на правую, а приготовленные слова совсѣмъ ушли изъ его памяти.

— О, Афина-Паллада! о, божествена Діана! О, Венера! бросился опять Балабуха за помощью на Олимпъ, глядя на Онисю. Богини класическаго міра, мимо воли его, сновали въ его головѣ одна за другой, пробѣгали рядками, гонялись одна за другой, будто въ „хрещика“ играли, и все красивыя, роскошныя, одна краше другой. А слова все таки ня шли на языкъ. Балабуха вытянулъ платокъ, опять оперся локтемъ объ столъ и переложилъ вновь ногу на ногу.

— Чи не покликати на помічъ Горація? а може Аристотеля? думать Балабуха, перебирая въ умѣ своемъ латинскія вирши. Но онъ чувствовалъ, что и Горацій куда-то удраль, а Аристотеля и конемъ не догонишь. Передъ нимъ вертѣлись лишь нимфы въ какомъ-то сказочномъ лѣсу, въ полумрачной пещерѣ, надъ тихой, прозрачной водой. На нихъ, какъ на Онисѣ, были красивыя плахты, а зеленая осока и цвѣты покрывали ихъ головы, падали по плечамъ.

— Вы, Онисія Степановно, якъ лісова Діана! вдругъ проговорилъ Балабуха и самъ покраснѣлъ и замолкъ.

Онися взглянула на него удивленными глазами и подумала: „чи вінъ сміється зъ мене, чи говорить вже дуже по вченому“, но ничего въ отвѣтъ не сказала. Балабуха и самъ спохватился и смекнулъ, что выразился очень высокопарно и темно, и что не слѣдуетъ говорить такимъ академическимъ, какъ онъ думалъ, языкомъ.

— Вы, Онисія Степановно... я все... вновь началъ Балабуха, рѣшившись упростить свою рѣчь; якъ побачивъ я васъ, то міні ставъ світъ немилый!

— Хиба я така страшна, що вже й світъ вамъ ставъ не милый! смѣло отрѣзала Онися.

— Вы жартуете. Де вже вы страшни! Чи може жъ бути така краса страшною? Краса страшна, то правда, але такъ, якъ були страшни для людей давні боги, якъ страшный Богъ,—началь философовать Балабуха: ваши чорни брови, якъ гострі стрілы Купидона; того вразять, той вже на віки вашъ.

— У кого-жъ то були такі стрілы? Вы мабуть говорите про своихъ учителівъ? отозвалась Онися.

— Sancta simplicitas! якъ ты часомъ гарна буваєшь своєю таки простотою? проговорилъ будто самъ къ себѣ Балабуха.

— Чи вінъ сміється зъ мене, чи глузуе, що вінъ ученый, а я проста? подумала Онися и стала сердиться.

— Вы такъ говорите по письменному, що я ничего не розберу, сказала Онися.

— Чи вже жъ вы не розберете, що я васъ люблю? А коли вы мене любите, то я готовый хочъ и сѣгодня до васъ старостивъ слати,—сказаль Балабуха и самъ удивился, что сказаль такъ просто и ясно.

— Такъ бы вы й давно казали, то я бъ знала, про що пѣється, сказала Онися и размѣялась, ни мало не сконфузившись,—она слышала такія рѣчи уже не въ первый разъ.

Балабуха и самъ усмѣхнулся. При этомъ ротъ его широко растянулся, а по обѣ стороны его образовались по двѣ линіи, какъ-бы по двѣ ижицы. Въ академіи студенты шутили надъ Балабухою и говорили, что когда онъ засмѣется, то у него по одну сторону рта появляются *супини*, а по другую *герунди*.

Онисѣ показалось, что Балабуха гордо смотритъ на нее и смѣется надъ нею.

— Потривай-же ты, академисте! я тобі навладу въ візъ таки правдивіхъ гарбузивъ, подумала Онися, и у нея въ самомъ дѣлѣ явилась мысль продѣлать эту обычную шутку съ гордымъ академистомъ. Она сама даже размѣялась отъ этой неожиданной мысли.

— Чого вы смієтеся? Чи того, що щасливі? спросилъ Балабуха, въ свою очередь усмѣхаясь.

Скрипнули двери въ сѣняхъ. Въ хату вошла матушка. Увидѣла она, что молодые люди обое смѣются и подумала, что все у нихъ окончилось ладомъ.

— Оце я будила, будила своего старого, та й не добудилась, весело проговорила матушка. Коли ваша ласка, обратилась она къ гостю, выпьемъ по чарці, та ходимо до пасіки въ садокъ. Може гуртомъ розбудимо старого.

Матушка налила „по чарці“, выпила сама и поднесла Балабухѣ. Балабуха „стукнулъ“ до дна и со впусомъ заѣлъ пирогомъ, какъ-бы послѣ очень тяжелой, но успѣшно оконченной работы.

— Може ще по другій? спросила матушка.

— Ні, спасибі вамъ, пани-матко, весело сказалъ Балабуха; *est modus in rebus*, якъ казавъ Горацій.

— Вы все по вченому говорите, а мы люде прости, просто й горілочку пьемъ, сказала матушка.

Матушка взяла фляшку и тарелку съ пирогами и пригласила Балабуху въ садокъ. Она высочила въ „кімнату“, затворила за собою двери, обернулась и передразнила Балабуху передъ дверями, вывернувъ изо всей силы нижнюю губу, какъ у него.

Большой садъ Прокоповичей былъ раскинутъ на всемъ пространствѣ ихъ обширной гористой усадьбы; лишь незначительная часть его занята была цвѣтникомъ, огородомъ и пасѣкой. Главная часть сада расположена была на верхней террасѣ близъ дома и тутъ-то во всей красѣ росли лучшія широколѣвствистыя яблони и груши, въ перемежку по мѣстамъ съ вишнями и сливами. Отсюда садъ спускался по крутой скалистой горѣ большими и малыми группами старыхъ и молодыхъ деревьевъ, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ и пересѣкаемыми то узкими ущельями, то громадными камнями, то легкими уступами и отдѣльно стоявшими гигантскими деревьями. Садъ заканчивался у самаго берега Роси густо поросшими рядами вербъ и при боковомъ солнечномъ освѣщеніи съ вершины террасы давалъ такую восхитительную картину, что Балабуха, взглянувъ съ горы на раскрывавшуюся предъ нимъ зелено-золотистую бездну, невольно выкликнулъ:

— Та й рай же у васъ, пани-матко! Це якъ бы Адамъ зъ того світа вставъ, то згадавъ бы свій рай, що такъ марно стративъ.

Пасѣка была на краю верхняго сада, въ маленькой впадинѣ,

въ зеленомъ „вишнякѣ“. Она обнесена была низкой огородою, обставленной снопками. Изъ-за нея выглядывали верхи ульевъ, прикрытыхъ свѣтло-желтыми мисками—ландолами, какъ бы широкими шляпами. Въ сторонѣ отъ нихъ виднѣлась *катрага*,—низкій соломенный шалашъ надъ земляной ямой, въ которой складывались ульи пчель на зиму. Тутъ лѣтнею порою опочивалъ о. Степанъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ, или же выхмѣлялся на свободѣ.

Матушка отворила маленькія дверцы въ соломенной оградѣ. За ними на грядкахъ желтѣли крупныя головки повняковъ и гвоздиковъ, блестѣли чернобрывцы, разстилались по травѣ гирлянды настурцівъ. Одинъ подсолнечникъ раскинулъ роскошныя листья надъ огородою и свѣсилъ черезъ нее свою тяжелую голову.

Пчелы кружили роємъ надъ пасѣкою, летая вдоль и впоперекъ. Отъ пасѣки несло теплымъ смѣшаннымъ запахомъ воску и гвоздиковъ.

Балабуха вошелъ въ пасѣку. Вдругъ пчела съ разлету ударились въ его лице, какъ будто кто бросилъ ею въ него изо всей силы. Привычный къ такимъ сюрпризамъ, Балабуха не мигнулъ даже бровью и тѣмъ предохранилъ себя отъ дальнѣйшаго нападенія пчель. Отецъ Степанъ спалъ въ катрагѣ, притворивъ двери. Матушка открыла ихъ и вошла въ катрагу; за нею вошелъ Балабуха.

— А вставай, паноча! Богъ гостя принісь, крикнула она.

Отецъ Степанъ отозвался сквозь сонъ, поднялся и сѣлъ на постели, глядя сонными очами на Балабуху.

— Що? га? де? спрашивалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ось-ось! сказала матушка, тыбая ему въ руки фляшку съ горѣлкою.

— Отче Степане! архіерей прихавъ, сказалъ подшучивая Балабуха.

— Не вже! крикнулъ какъ ужаленный отецъ Степанъ и вскопчилъ съ постели, вытаращивъ глаза на Балабуху. Съ просонковъ ему и въ самомъ дѣлѣ показалось, что передъ нимъ стоитъ архіерей.

Отецъ Степанъ протеръ глаза, присмотрѣлся ближе къ Балабухѣ и узналъ его.

— Та це академистъ прихавъ до насъ! крикнулъ онъ хриплымъ отъ сна голосомъ и бросился обнимать и цѣловать Балабуху, что

было для него нѣсколько трудно, такъ какъ отецъ Степанъ былъ ростомъ значительно ниже Балабухи. Балабуха поднялъ его своими мощными руками и они трижды облобызались.

— *Rex vobis, serenissime pater!* воскликнулъ при этомъ Балабуха и добавилъ вольный перифразъ: миръ дому сѣму и живущимъ въ ѣму, оиуская отца Степана, какъ малое дитя.

— А чомъ ты, стара, мене оце не збудила? проговорилъ отецъ Степанъ, обращаясь къ женѣ.

— Хйба жъ не будила! Штовхала тебе та торсала, а ты тѣлки погами дригавъ, та махавъ руками. Мій панотець, Марко Павловичу, мае поганый звичай: бьеться спросоння, хочъ такий зъ себе непоказный. Ось якъ ударивъ мене спросоння по руці, то я трохи не впала.

— Сідайте жъ, академисте, въ мой господі, сказалъ отецъ Степанъ, придвигая къ столу скамейку: сідайте та выпьемъ по чарці: може я сонъ прожену.

При этомъ отецъ Степанъ зѣвнулъ во всю мочь, крестя въ тоже время ротъ.

— Ой затуляй рота, бо бжолы влетяты: подумаютъ що улїкъ, сказала матушка.

— Отъ и улїкъ! може подумаютъ, що вічко, сказалъ батюшка.

— Эге! добре вічко. Якъ выйде рій, то ще, боронь Боже, весь влетитъ тобі въ ротъ: не треба буде й збірати, сказала матушка, весело смѣясь.

Отець Степанъ налилъ рюмку, сказалъ обычное: будьмо здорови! и выпилъ, а потомъ вновь налилъ и поднесъ Балабухѣ.

— Мы вже, поздоровъ Боже паніматку, выпили зъ ними по чарці; такъ и не знаю, чи пити, чи не пити, сказалъ Балабуха.

— Та пийте! тѣльки недобрі люди не пьютъ, сказалъ батюшка.

Балабуха выпилъ и закусилъ пирогомъ. За первой чаркой пошла другая, за ней третья. Скорый, проворный, говорливый нанъ-отець развязалъ языкъ, выпивая чарку за чаркой, а Балабуха все посматривалъ чрезъ пасѣку, не покажется ли Онися. Ониси однако не было.

— Отъ вы вчитесь тамъ въ академіи все по латынському, все пишете вірши, а чи вчать васъ тамъ співати на гласы: *на Господи воззвахъ, на Богъ Господь...* спросилъ отецъ Степанъ.

— А чомъ же? Вчять, сказалъ Балабуха съ нѣкоторою гордостію.

— А чи вмѣтежъ на третій гласъ? а заспѣвайте? неожиданно спросилъ батюшка.

— Та годі тобі, старый! Отъ выдуме ни се, ни те. Де вже, щобъ въ академіи цѣго не вчили, сказала матушка, примѣтивъ желаніе своего *старого* проэкзаменовать того, кого она въ мысляхъ своихъ считала своимъ зятемъ.

— Тсъ! остановилъ ее батюшка и затѣмъ, обращаясь къ Балабухѣ, продолжалъ: отъ и не вмѣте, хочъ и вчились въ академіи: а нуте на *Богъ Господь* гласъ восьмый.

Балабуха засмѣялся, однако затянулъ гласъ восьмый. Онъ зналъ, что старыя батюшки любятъ экзаменовать по части пѣнія.

— Такъ, да не зовсімъ, сказалъ отецъ Степанъ, въ насъ на селахъ ось якъ співають! И онъ зарипѣлъ низкимъ басомъ: *Богъ Господь...* гласъ восьмый.

— А нуте заспѣвайте на четвертый гласъ, вновь сказалъ батюшка, наливая чарку.

Балабуха затянулъ на четвертый. Отецъ Степанъ подтягивалъ, чтобъ выказать и свой голосъ. Въ пасѣкѣ поднялся такой гулъ, что заглушилъ жужжанье пчелъ.

— Добру гортань маете! Отъ за це люблю! И горілку добре пьете! И за це люблю! сказалъ отецъ Степанъ, цѣлуя въ губы Балабуху.—Колибъ вы знали, Марку Павловичу, якъ я опорядивъ свою церкву! Яки я образы поставивъ въ церкви! Такихъ мабуть и въ Києві не знайдете. Отъ ходімъ, голубчику, я вамъ покажу!

Отецъ Степанъ поднялся проворно съ мѣста, схватилъ за руку Балабуху и увлекъ его изъ „катраги“. Матушка пошла за ними въ слѣдъ. Въ пасѣкѣ кругомъ ихъ сновали пчелы; не мало ихъ набилось въ бороду батюшки, одна даже ужалила его въ щеку, но онъ не поморщился, а равнодушно бросилъ ее на землю, да все не выпускалъ руки студента, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ не улизнулъ. То и дѣло наклоняясь подъ густо нависшими вѣтвями, пробрались они къ церкви по протоптанной отцемъ Степаномъ узенькой тропинкѣ. Церковь была отворена; сторожъ подметалъ и прибиралъ въ ней послѣ воскресной службы.

Только переступивъ порогъ церкви, отецъ Степанъ выпустилъ руку Балабухи и перекрестился, какъ бы благодаря Бога за то,

что обезпечилъ за собою слушателя, или точнѣе зрителя его дѣлъ на пользу церкви.

Церковь была маленькая, сложенная изъ широкихъ дубовыхъ брусевъ. Все въ ней было просто и бѣдно; небольшіе купола и узкія окна высоко отъ пола. Не смотря на ясный лѣтній день, въ ней было довольно темно, и только яркій пламень перекрестнаго за полдень солнца, прорвавшись сквозь узкое окно, протянулся поперекъ церкви и упалъ на старинный иконостасъ, не гармонировавшій тонкой рѣзбой и искусно писанными ликами святыхъ съ общимъ убожествомъ церкви. Всѣ стѣны увѣшаны были образами, какъ и свѣтлица отца Степана,—недавней впрочемъ и топорной работы; даже въ куполахъ, на голыхъ стѣнахъ видѣлись изображенія евангелистовъ и другихъ святыхъ.

Отецъ Степанъ ходилъ отъ образа къ образу и показывалъ пальцемъ. Въ „бабинцѣ“ висѣлъ во всю стѣну образъ страшнаго суда; нижняя часть картины представляла горящее вѣчнымъ огнемъ *пекло*. Середину этой части картины занимала голова какого-то чудовища съ огромными зубами, смахивавшая однако на конскую голову, а межъ зубовъ, въ самой пасти, сидѣлъ на престолѣ сатана, съ рогами, весь черный, но съ бѣлыми зубами. На рукахъ у него сидѣлъ Иуда—столь малыхъ размѣровъ, какъ бы это было маленькое дитя. Голова чудовища будто хотѣла проглотить сатану, но подавилась и сатана застрялъ въ самомъ горлѣ, зацѣпился своимъ высокимъ трономъ и не могъ пойти дальше. У пасти чудовища пылало пламя и сюда рядами паправлялись обнаженные грѣшники: ткачи съ клубками въ рукахъ, портные съ ножницами, сапожники съ копыльями, мельники съ перевѣшенными черезъ плечи жерновами, шли вѣдьмы и другія грѣшницы съ растрепанными волосами, писаря съ перьями и большими чернильницами въ рукахъ, за ними „осаулы“ и „сіпаки“ съ разинутыми ртами, панъ-экономъ въ паточанкѣ и куча жидовъ съ пейсами, а позади всѣхъ рогатые и хвостатые черги, погоняя грѣшниковъ нагайками.

Дивитесь! только и могъ сказать отецъ Степанъ, вполне увѣренный, что противъ достоинства картины и ея детальности не можетъ быть возраженій.

— Ой Господи! Господи! восклицала матушка, глядя на картину и тяжело вздыхая.

— А теперь идѣть сюди! сказалъ отецъ Степанъ, взявъ Балабуху за руку; я вамъ покажу такой образъ, що у васъ и въ Кіеві такого нема.

И онъ провелъ гостя въ правый притворъ. Тамъ на стѣнѣ висѣлъ большихъ размѣровъ образъ Покрова Божіей Матери. Отецъ Степанъ сталъ предъ образомъ и сложилъ руки, предоставляя гостю оцѣнить по достоинству то, что, по его мнѣнію, составляло особую красу его церкви. По срединѣ образа нарисованъ былъ амвонъ; казалось, что то двѣ опрокинутыя сковороды, положенныя одна на другую. На амвонѣ стоялъ молоденькій діаконъ зъ распущеными волосами, точно маленькая панна въ широкомъ парчевомъ капотѣ. Величиной онъ былъ какъ разъ подъ руки прочимъ фигурамъ. На самой головѣ его облака, а въ облакахъ Богородица, вдвое больше его, съ пеленой въ рукахъ, ниспадавшей такими острыми концами, будто они вырѣзаны были изъ листоваго желѣза. По одну сторону діакона стоялъ Андрей юродивый, спустившій съ одного плеча красную свою хламиду. Голоя грудь его была непомѣрно полна, а круглый животъ торчалъ какъ-то отдѣльно, точно онъ привязанъ или прибитъ былъ къ фигурѣ Андрея. Лице святого было очень сердито, рука его сжата была въ кулакъ, поднятый къ верху, а отдѣльно торчавшій палець походилъ больше на деревянный зубъ отъ бороны. По другую сторону святого стоялъ съ ярко рыжей бородой и краснымъ лицомъ греческій императоръ, въ зубчатой коронѣ, смахивавшей на опрокинутый вверхъ треножникъ. Онъ гордо смотрѣлъ на стоявшаго рядомъ съ нимъ патріарха, заложивши руки за спину, а патріархъ тоже будто знать его не хочетъ и держать въ рукахъ крестъ, который пригодился-бы бѣдному челоуѣку на могилу. За патріархомъ стоялъ рядъ монаховъ съ удивительно бѣлыми лицами и одинаково черными бровями, а тамъ далѣе группы не то „дѣвчатъ“, не то „парубковъ“, съ такими уродливыми фізіогноміями, которыя неизбежно должны были вызывать въ зрителѣ одинъ развѣ смѣхъ: у одного такое было раздутое и скривившееся лице, что будь это живой челоуѣкъ, можно было-бы подумать, что онъ набралъ въ ротъ „кислицъ“; у другого будто рожа разнесла одну щеку; у третьяго точно чирей подъ бороною, а глаза такой величины и формы, какъ и самый ротъ. Внизу на рамѣ большими славянскими буквами было написано: *сей образъ соорудили рабы божі Чайкивськи сестрыци. Року Божого 1817.*

Давъ гостю насмотрѣться на образъ, отецъ Степанъ сталъ вызывать его на отзывъ.

— Кто ёго зна... отвѣчалъ Балабуха. Діаконъ дуже малый, до того ще неначе дівчина, а святой Андрей чогось дуже лютой, неначе хоче бити того діда, неначе каже: „ой, стережись старый, бо якъ дамъ, то й зубы выбираешъ“, а той неначе просиця: „и дядечку, голубчику, я-жъ ни въ чимъ не винный“...

— Отъ ка-зна що выдумуете! отрѣзалъ о. Степанъ; тимъ вченимъ скрізь недогода. И потомъ, поправляясь, сказалъ: выбачайте; коли той не подобався, то отъ подивиться на цей образъ!

Тутъ Ілія уѣзжалъ на небо на страшно быстрыхъ коняхъ съ огненными гривами. Искры сыпались у нихъ изо ртовъ, а изъ ноздрей и ушей клубьями валилъ дымъ. Красная одежда падала на землю прямо на Елисея, а онъ лежалъ опрокинутый на спину, поднявъ вверхъ руки и ноги.

— Щось тутъ багато вже огню, неначе въ казкахъ розказують про якихсь-то коней, замѣтилъ Балабуха.

— Э, Марку Павловичу! я бо думавъ, що вы насъ хвалитимете, а вы ни се, ни те говорите, сказалъ отецъ Степанъ, съ досадою махнулъ рукою и направился изъ церкви. За нимъ пошли матушка и Балабуха.

— Хотівъ вамъ показати „неопалиму купину“ въ олтарі, продолжалъ о. Степанъ на ходу, та вже не покажу; вы насъ обсьмієте. Ходимъ лучше до дому, та выпьемъ хіба по трудахъ по чарці.

Въ то время, какъ старый Прокоповичъ хвалился предъ академистомъ своими образами, надѣясь, быть можетъ, расположить его къ дому, Онися надумалась и въ самомъ дѣлѣ надѣлать Балабуху „гарбузомъ“. Она позвала „погонича“ въ кухню покушать, а между тѣмъ послала своихъ дѣвчатъ на огородъ вырвать и принести дра „гарбуза“. Дѣвчата, всегда готовыя на такія штуки, мигомъ сбѣгали на огородъ и принесли два большущихъ „гарбуза“ и еще нѣсколько маленькихъ.

Підить-же, дівчатка, сказала имъ Онися, та вкиньте оціому паничеви въ візъ оці гарбузы, та добре замостить въ сіно, въ задокъ, на самісіньке дно.

— Мы, Онисю, говорили дѣвчатка, вкинемо въ візъ одного гарбуза, то буде паничеви, а другого—для погонича привяжемо підъ возомъ, підъ передкомъ.

— Про мене, привяжуйте, та тільки добре, щобъ до дому довели, сказала Онися, смѣясь.

Дѣвчата достали бичевку, „оперезали“ кругомъ бѣднаго гарбуза и понесли къ возу. Возъ стоялъ въ огородѣ подъ навѣсомъ, за плетнемъ, и потому дѣвчата могли выполнить затѣю Ониси незамѣтно и самымъ тщательнымъ образомъ. Такъ они и сдѣлали, а возвращаясь съ хохотомъ къ дому, принесли еще пару маленькихъ, какъ яблочки, „гарбузовъ“. Онися положила ихъ въ широкіе карманы жениховой шинели, лежавшей въ сѣняхъ.

Устроивъ такую продѣлку, Онися поспѣшно накрыла въ свѣтлицѣ столъ и поставила полдникъ. Вскорѣ скрипнули въ сѣняхъ двери со стороны сада и въ сѣни вошли Прокоповичи съ гостемъ. Противъ нихъ въ свѣтлицѣ стояла Онися, раскраснѣвшаяся какъ маковка, съ весело блестящими насмѣшливыми глазами.

— А я, мамо, говорила она, вже полудень зготувала.

— Добре зробила, моя доню! вже часъ полуднувати, сказала Прокоповичка.

— О, зъ васъ добра господиня буде, замѣтилъ съ нѣкоторою важностью Балабуха, поглядывая на Онисю, какъ на свою будущую жену-хозяйку: мабуть, вы черезъ господарство не выйшли до насъ у пасіку.

— Коли я бджіль боюсь, сказала Онися, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Васъ и бджолы не кусали-бъ: подумали-бъ, що то квітка, любезно закончилъ Балабуха.

Усѣлись полдничать; пошла опять круговая. Двѣ жареныя курицы, полумисокъ варениковъ съ сметаной и миска простокваши составили нѣкоторое подкрѣпленіе по трудахъ. Когда все было съѣдено, Онися вынесла на тарелкахъ рожковъ, орѣховъ и собственного приготовленія „маковниковъ“, а въ добавокъ ко всему и фляшку сливянки. Прокоповичи угощали гостя съ большимъ радушіемъ и просили навѣщать ихъ почаще. Пока выпивалась, рюмка за рюмкой, вкусная наливочка, матушка не безъ цѣли развела пространный рассказъ о своемъ господарствѣ, пересчитала воловъ, коровъ, овецъ, не забыла и свиней, и сколько „пней“ въ пасѣвѣ, проболтнулась, будто невзначай, и о сотнѣ карбонцевъ, спрятанныхъ въ „скрынѣ“. Балабуха слушалъ, справляя то усы, то высокіе воротнички и искоса слѣдя глазами за легкимъ станомъ Ониси, которая бѣгала изъ комнаты въ свѣтлицу, и обратно.

Передъ вечеромъ Балабуха сталъ прощаться. Прокоповичи вышли за нимъ на крыльцо. Присѣли здѣсь и выпили, попрощались и еще разъ выпили, а за тѣмъ уже Балабуха окончательно распрощался, и полѣзъ въ возокъ, который вновь закачался и затрещалъ подъ его ногами. Лошадки тронули еѣ мѣста. Прокоповичи посылали съ крыльца всякія благожеланія, Балабуха оборачивался и кланялся, а выѣхавъ за дворъ, еще разъ снялъ картузь и низко, низко поклонился по направленію къ Онисѣ. Ониса закрыла губы рукавомъ и едва сдерживала смѣхъ, а дѣвчата, выглядывая изъ оковъ кухни, хотали до того, что слезы у нихъ выступили на глаза.

На дворѣ было тихо. Дневной жаръ ослабѣлъ. Отъ садовъ, отъ вербъ легли тѣни; вѣяло прохладой. Балабуха ѣхалъ длинной улицей подъ прикрытіемъ тѣнистыхъ деревьевъ, стоявшихъ вдоль плетней. Прелестъ наступавшаго вечера и только что кончившееся свиданіе съ Онисей настраивали его на тонъ мечтатій.

— Музо моя, богине моя! думалъ Балабуха, припоминая Онисю: яка-жь ты гарна! Чи е де въ свѣті краща одъ тебе? Мабуть Юнона, и та не зрівнялась-бы съ тобою.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ нимъ лежитъ что-то твердое и безпокоить его.

— Але якъ-же ты погано вимостивъ! Я чогось усе зїзджаю на одинъ бікъ, сказаль Балабуха, обращаясь къ погоничу и пересовываясь на другую сторону возка.

— Діана! щира Діана! висока, рівна, станъ тоненькій, ніжки маленьки, пальци кляссычни, тонки та довги... Ой, мулае-жь, бий его сила Божа!

И Балабуха опять поднялся выше и началъ высиживать себѣ мѣсто, какъ насѣдка въ гнѣздѣ.

— А що, паничу! мині здається, що мы тутъ не оженимось, сказаль понуро погоничъ.

— Чого-жь такъ? Певно ты не оженися, але я оженюсь.

— Ба й вы не оженитесь! мрачно произнесъ погоничъ.

— Та чого-жь такъ? спросилъ Балабуха, усмѣхнувшись.

— Бо мене, чортъ-зна якъ нагодували; и чарки горілки не дали. Я зовсімъ голодный.

— Ну, це ще не велика біда. За те мене нагодували й напоили, ажъ у голові шумить.

На концѣ села стояла корчма. Возокъ катился прямо къ ней.

— Паничу! купишь оселедця та чарку горілки, бо, ей Богу, істи хочу, сказаль погоничъ.

— Добре! спинай кони! Я й самъ радъ выпити чарку, сказаль Балабуха.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха крикнулъ стоявшей у корчмы жидовкѣ, чтобы вынесла водки и закуски.

Между тѣмъ бродившія тутъ свиньи собрались около воза и все лѣзли подъ колеса. Погоничъ стегалъ ихъ кнутомъ, а они все свое.

— Якого це дідька вони лізуть підъ візъ? крикнулъ Балабуха.

Ни онъ, ни погоничъ не догадывались, что влечетъ свиней къ возу. Выпили, закусили й поѣхали. А свиньи за возомъ.

— Що це за напасть! сказаль Балабуха, оглядываясь назадъ.

— Чи то свині, чи собаки? спросилъ онъ у погонича, какъ-бы не довѣряя своимъ глазамъ.

— А вже-жъ свині; а що-жъ більше, якъ не свині, отвѣчалъ погоничъ и махнулъ кнутомъ по лошадямъ.

— Що воно такъ муляє въ нечистого? скоро опять заговорилъ Балабуха. Чи не вкравъ ты часомъ чого, та сховавъ підъ мене? А стань.

Погоничъ остановилъ лошадей. Балабуха поднялся, сталъ разгребать сѣно и увидѣлъ что-то кругле и большое.

— А бачъ, укравъ та не вмівъ сховати, сказаль укорительно Балабуха.

— Хто? я! крикнулъ погоничъ и соскочилъ зъ козелка: та нехай мене хрестъ святий побѣе, коли я що вкравъ.

Погоничъ влѣзъ на возъ, засунулъ руки въ сѣно и вытянулъ „гарбузъ“. И паничъ и погоничъ раскрыли отъ удивленія рты и только смотрѣли друдъ на друга.

— Отъ вамъ и гостинець! Казавъ-же я, що намъ білше не іздити до цей панны, крикнулъ погоничъ и такъ хлопнулъ „гарбузомъ“ объ землю, что изъ него вся внутренность вывалилась.

Свиньи бросились къ гарбузу; отъ корчмы послышался хохоть.

— Сідай швидче та поганяй! крикнулъ Балабуха на погонича. Погоничъ повиновался, Балабуха усѣлся, какъ попало; но не поѣхали и сотни шаговъ, какъ онъ опять вскричалъ:

Ой, муляє-жъ, муляє, гаспидське, прокляте!

Остановились, порылись въ сѣнѣ и нашли еще нѣсколько малыхъ гостипцевъ...

Погоничъ выбралъ ихъ изъ сѣна и побросалъ на дорогу. У Балабухи будто замерла душа: онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и опять поблѣднѣлъ. Погоничъ сѣлъ и погналъ лошадей.

— Ой вы Евы, вы скусительки! Це не Діана, це Фурія, аспидъ, василискъ! Чомъ-же ты мині просто не сказала, що не підешъ за мене?

Гордый студентъ разъобидѣлся на смерть. Вся любовь его исчезла, весь пылъ простылъ, всѣ мечты разсѣялись, какъ дымъ.

— Отъ тобі на! поіли свині нашу коляду! проговорилъ самъ къ себѣ погоничъ: а я думаю, чого то наймички регочуться, ажъ на комінъ спинаються, та все на мене скоса поглядають. Та й прокляти-жъ тутъ въ Чайкахъ дівчата!

— Що прокляти, то правда! глухо отозвался Балабуха.

Уже солнце садилось, когда Балабуха подѣзжалъ къ своему селу—Хилькамъ. Сельцо это будто кто нибудь вбросилъ въ глубокой оврагъ. Кругомъ его стояли горы и въѣхать въ него невозможно было иначе, какъ спускаясь съ недлинной, но очень крутой горы

Только что возъ сталъ спускаться, какъ привязанный подъ возомъ „гарбузь“ оборвался и покотился внизъ по горѣ, рядомъ съ возомъ, сисясь какъ-бы опередить его.

— Паничу! зновъ гарбузь гониться за нами! крикнулъ удивленный парубокъ, показывая на „гарбузь“ кнутовищемъ.

Балабуха глянулъ и не вѣрилъ-бы своимъ очамъ, если-бы на „гарбузь“ не показывалъ погоничъ. Лошади съ разбѣгу попали прямо въ ворота, что у въѣзда въ село, а „гарбузь“ за возомъ покотился также черезъ ворота.

— Паничу! загубили гарбуза! крикнулъ недогадливый „царинникъ“ и бросился ловить „гарбузь“, чтобъ угодить паничу своего батюшки.

— О ехидна! о Мегера! о породіння сатаны! Це не Венера, це самъ сатана въ плахті! Побий тебе громовержець зъ Олимпа стрілами съ твоіми чорными бровами. Ой відьма! певна відьма! Умудрилась причепити підъ возомъ гарбуза!

Балабуха пріѣхалъ домой, какъ убитый. Мать вышла на крыльцо встрѣчать своего академиста. Балабуха остановился въ

крыльцѣ и началъ вытрусивать свою длинную шинель. Изъ кармановъ выпали два маленькіе „гарбуза“.

— Що то сыну? Яблука выпали, чи що? спросила мать, наклонилась и подняла съ земли „гарбузця“; та це гарбузець... гм... гм...

Що це таке? Чи не дала тобі Онися гарбуза?

Сынъ только рукой махнулъ и пошолъ въ садъ. Мать тяжело вздохнула.

— Отъ тобі Онися! Отъ тобі пять корівъ! сто карбованцівъ! сказала она, ударивъ объ полы руками.

Сынъ долго ходилъ по дорожкамъ въ саду, пока совсѣмъ не настала ночь. Онъ перебралъ въ своей памяти всѣ подробности дня, все передумалъ, все перечувствовалъ вновь: и какъ встрѣтилъ Онисю, и какъ говорилъ съ нею, и какъ прощался; онъ и теперь какъ будто видѣлъ ея черныя, тонкія и густыя брови съ острыми концами, видѣлъ ея прелестную улыбку и немного приподнятую верхнюю губку, изъ-подъ которой и теперь въ темнотѣ блестѣли предъ нимъ бѣлыя верхніе зубки, крохотные, тоненькіе. Любовь зашевелилась въ его душѣ бурливо и шумливо, играла какъ крѣпкое пиво; но онъ вспомнилъ „гарбузы“... и его гордость заколыхалась со дна сердца, и, какъ бурливое море, выбросила вонъ хранившееся въ немъ сокровище.

„Гарбузы“ видѣли люди въ Чайкахъ, видѣлъ „царинникъ“ въ Хилькахъ, видѣлъ погоничъ. Объ немъ стануть говорить вездѣ въ околицѣ, его осмѣютъ...

— Потривай-же ты, червона запаско! Хиба вмру, щобъ тобі не віддавъ за свое! Я знайду таку красуню, що тобі й не снилось и не привиджувалось. Хиба-жъ я не философъ, не академистъ?

Мать звала сына ужинать, но онъ не пошелъ и уже, поздно, весь измученный, вошелъ въ комнату, и тяжело опустился на постель.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИМЪЧАНІА АЛЕКСАНДРА ПИШЧЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ.

Рукопись подъ этимъ заглавіемъ представляетъ собою черпковой набросокъ историческаго, топографическаго и хозяйственнаго содержанія. Она состоитъ изъ небольшой тетради въ листъ и нѣсколькихъ не сшитыхъ листковъ, не достаточно связанныхъ между собою и по изложенію. „Примѣчанія на новороссійскій край“ обязательно сообщены мнѣ внукомъ ихъ автора, живущимъ въ родовомъ имѣніи Пищевичей, селѣ Скалевомъ, александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи.

Родъ Пищевичей выселился въ Россію изъ Австро-Венгріи, въ прошломъ столѣтіи, въ лицѣ Семена Степановича Пищевича, прадѣда теперешняго владѣльца, и отца автора „Примѣчаній“. Послѣдній оставилъ по себѣ довольное число дневниковъ, замѣтокъ и т. п., былъ человѣкомъ любознательнымъ и начитаннымъ; выйдя въ отставку изъ военной службы въ началѣ нынѣшняго столѣтія или въ самомъ концѣ прошлаго, онъ остатокъ жизни провелъ въ своемъ отцовскомъ имѣніи, селѣ Скалевомъ; съ 1811-го по 1814 г. былъ предводителемъ александрійскаго дворянства; по дѣламъ этой должности и по своимъ частнымъ дѣламъ въ разное время ѣздилъ въ Херсонъ, Николаевъ, Елисаветградъ, Александрію и Кременчугъ, имѣлъ много родственниковъ и знакомыхъ ¹⁾. Александръ Семеновичъ обладалъ наклонностями къ гуманитарнымъ познаніямъ: онъ занимался политикой, исторіей, воспитаніемъ, но, по видимому,

¹⁾ Между прочимъ, Пищевичи находились въ родствѣ и съ Хорватами, а именно: мать Александра Семеновича Пищевича, Екатерина Дмитріевна, была племянницей Ивана Самойловича Хорвата.—В. Я.

не особенно успѣшно велъ свое хозяйство и не много понималъ въ немъ, а потому и замѣчанія его о новороссійскомъ краѣ касательно этого предмета отличаются большимъ диллетантизмомъ и во многомъ расходятся съ дѣйствительностью. Бѣглый историческій очеркъ Новороссіи въ началѣ его „Примѣчаній“ имѣетъ болѣе интереса, представляя собою, вѣроятно, передачу свѣдѣній, полученныхъ главнымъ образомъ отъ отца; здѣсь приводятся также нѣкоторыя преданія, слухи и т. п. мелочи, которыя могутъ имѣть этнографическій интересъ, хотя вообще рассказываются вкратцѣ. Сербское происхожденіе автора „Примѣчаній“ наложило очень явственную печать на отзывы и мнѣнія его, касающіяся его соотечественниковъ и Запорожья, но сужденія его могутъ остаться за нимъ. „Примѣчанія“ относятся къ 1806 году, какъ видно изъ одного мѣста ихъ.

В. Ястребовъ.

Изъ записокъ, какія читаемъ о воинскихъ подвигахъ Россіи, видимъ, какимъ трудностямъ подвергались войска, проходя дикую степь, отъ береговъ Днѣпра прилежащую къ Малороссіи, всякій разъ, когда вознамѣривалось правительство наказать хищность крымскихъ татаръ, нападающихъ на Малороссію. О семъ пространно пишетъ генераль Мянштейнъ въ своихъ запискахъ о Россіи. Кому не извѣстно, что сіи же татары нѣкогда снѣмъ-же путемъ проходили до Москвы и тяготили русскихъ среди ихъ столицы данью, чиня при томъ неслыханныя наглости, поруганія Божіимъ храмамъ, обезчещивая семейства и безчестивъ ихъ дочерей и супруговъ. Наименованія среди Москвы Арбата и Крымскаго Брода навсегда останутся памятниками сего ига.

Императрица Елисавета I, достойная дочь Великаго Петра, найдя между предположеніями, оставленными ея родителемъ и назначенными къ событію, что онъ, зная всю цѣну достоинствамъ сербскаго народа, положилъ оный вызывать въ Россію, воспользовалась тѣми пригласеніями, каковыя сей народъ претерпѣвалъ во владѣніяхъ римской императрицы Маріи Терезіи, и будучи въ дружбѣ съ сего монархиней, испросила сербамъ позволеніе водвориться въ Россіи. Сіе переселеніе сдѣлалось подъ руководствомъ генераль-маіоровъ Хорвата и Шевича. Притѣсенія, побудившія сербовъ оставить свое прежнее отечество, были

слѣдующія: „до капитанскаго чина сербинъ по службѣ могъ достигнуть, а далѣе никакъ, какія-бы онъ услуги ни оказалъ, не переимѣнивъ религіи греческой на католическую“. Что могло быть обиднѣе для сего мужественнаго народа, который есть и въ религіи своей непоколебимъ! Онъ тѣмъ охотнѣе шелъ въ Россію, что исповѣданіе вѣры въ оной одно съ сербами, и заглянувъ въ древность, находимъ, что сербы и русскіе суть двѣ вѣтви отъ одного славянскаго корня. Но сербы при самомъ входѣ въ Россію уже почувствовали обиду: Елисавета I, водворяя сербовъ въ Россіи, была окружающими ее настроена, что опасно много иностранцевъ въ одномъ мѣстѣ селить. Изъ сего родилось, что съ Хорватомъ вышедшіе поселены около Днѣпра и сія земля названа Новосербією, а около Бахмута выведенные Шевичемъ составили селенія, и та часть наименована Славяносербіей. Зломыслящіе представили иностранцами сербовъ, которые искали покоя подъ сѣнію православной церкви! Могутъ-ли когда-либо сербы называться въ Россіи иностранцами ¹⁾.

Какъ-бы то ни было, но Елисавета, поселивъ сербовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ татарамъ въ Россію предлежало, показала тѣмъ, сколь много она надѣялась на сей воинственный народъ. Оправдали-ли сербы сіе ея довѣріе, время показало: они не токмо край имъ ввѣренный защищали отъ набѣговъ татаръ, поляковъ и запорожцевъ, но населивъ все пространство между Бугомъ и Днѣпромъ, доставили въ три послѣдующія войны (1769, 1787 и 18...) ²⁾ съ Портою всѣ выгоды для арміи, въ которыхъ сами и дѣти ихъ участвуя, оказали престолу примѣрную преданность.

Генераль-маіоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ, занявъ подъ выводимый имъ народъ Новую Сербію, избралъ для себя главнымъ мѣстомъ пребыванія на р. Большой Висы небольшую слободку, такъ называемую *Трислагу*, заселенную малороссіянами, едва изъ 20 избъ состоящую, которую онъ назвалъ *Мироградомъ*. Впослѣдствіи *Миро-*

¹⁾ Поселеніе корпусовъ Хорвата и Шевича въ разныхъ мѣстахъ естественнѣе объясняется нерасположеніемъ послѣдняго къ Хорвату и нежеланіемъ находиться у него подъ командой. См. Арх. Гавріила, Очеркъ пов. цовор. кр., стр. 35 и 36. — В. Я.

²⁾ Недописка въ подлинникѣ. Вѣроятно, авторъ говоритъ о войнахъ, современной составленію настоящихъ «Примѣчаній». — В. Я.

градъ назвали *Миргородомъ* и, дабы отличить отъ Миргорода, въ Малороссіи лежащаго, то къ сербскому Миргороду прибавили „Ново“, и потому вышелъ уже сей *Новомиргородъ*. Это мѣсто ему понравилось по своему хорошему положенію, а при томъ и есть у самой границы польской.

Тогда сдѣланъ былъ штатъ на два полка имъ выводимаго народа: *гусарскій хорватовъ и пандурскій пѣхотный*; каждый изъ этихъ полковъ состоялъ изъ 20 ротъ, а рота изъ 100 человекъ. Сіи два полка составлялись изъ сербовъ, грековъ, молдованъ, валаховъ, выводимыхъ Хорватомъ, или послѣ приходившихъ съ семействами, которыхъ семейства извѣстны были подъ именемъ *фамиліатовъ*. Два другіе полка гусарскіе, не принадлежащіе къ сему новому населенію, находились въ Малороссіи, подъ именами: *булгарскаго и македонскаго*. Въ сіи два полка отсылались всѣ тѣ выходцы изъ заграницы, которые являлись въ Россію безъ семействъ, какъ-то венгры, пѣмцы, поляки. Булгарскимъ полкомъ командовалъ премьеръ—маіоръ *Пищевичъ*, отецъ сочинителя сихъ „Примѣчаній“, а македонскимъ полковникъ *Костюринъ*.

Вся Новая Сербія иначе не дѣлилась, какъ на полки; уѣздовъ или округъ тогда не было. Новая Сербія имѣла укрѣпленныя мѣста: крѣпость св. Елисаветы ¹⁾, шанцы: Глинскъ, Крыловъ, Крюковъ; впрочемъ шанцами назывались всѣ сіи вновь заводимыя селенія, хотя-бы они и безъ укрѣпленія были. Многія селенія названы были по именамъ селеній, оставленныхъ вышедшими сербами въ австрійскомъ владѣніи. Пандурскому полку принадлежали селенія: Бечи, Вараджинъ, Глоговаць, Сомборъ, Вершаць, Шполмошъ, Чонградъ, Глинскъ (штабъ—квартира пандурскаго полка), Крыловъ, Крюковъ, Павлышъ, Сланкамень ²⁾.

¹⁾ Крѣпость св. Елисаветы заложена генераломъ Глѣбовымъ, которая тогда охранялась гарнизономъ регулярнаго войска. Должно полагать, что оная была устроена сколько для защиты новой Сербіи отъ татарскаго набѣга, столько и для удержанія въ должномъ повиновеніи новыхъ переселенцевъ, ежели они умножатся въ семъ краю.—А в т.

²⁾ Здѣсь перечислены всѣ шанцы пандурскаго полка. Шанцы Глинскъ, Сомборъ и Вершаць отнесены Скальковскимъ и арх. Гавріиломъ не къ пандурскому, а къ гусарскому полку. См. Скальковскій, Хронологич. обзор. т. I, стр. 41—42; арх. Гавріилъ, Очеркъ повѣств. и проч., стр. 11.—В. Я.

Во всякомъ селеніи ротный начальникъ былъ и начальникомъ селенія и семействъ ему ввѣренной роты.

Не долго продолжалось начальствованіе генераль-майора Хорвата въ Новой Сербіи. Онъ былъ обвиненъ передъ престоломъ и его не токмо смѣнили, но и сослали въ Вологду въ политическое заточеніе, изъ котораго выѣздъ ему былъ вовсе запрещенъ. Въ владѣніяхъ австрійскихъ не замедлилъ о семъ распространиться слухъ и потому сербы перестали выѣзжать, а притомъ Марія Терезія, видя, сколь охотно они переселяются въ Россію, оный возбранила.

Издѣловать дѣла генераль-майора Хорвата были опредѣлены генераль-поручикъ Мельгуновъ и генераль-майоръ Исаковъ, которые и открыли для сего слѣдственную комиссію въ крѣпости св. Елисаветы. Первое, что сія комиссія сдѣлала, было описать имѣніе Хорвата. Между прочимъ, въ вину причтено ему было и то, что онъ изъ Австріи и Венгріи выписалъ всю гусарскую и пандурскую аммуницію и тѣмъ изъ Россіи вышла знатная сумма денегъ въ чужое государство. Хорвату вооружить и снабдить составляемое имъ войско иначе нельзя было всеѣмъ потребнымъ, ибо въ Россіи о пандурахъ никакого, а о гусарахъ весьма мало понятія тогда имѣли. Прочтя Хорвату сентенцію военнаго суда, отпущенъ онъ былъ на его квартиру, куда посланъ былъ послѣ полковникъ, долженствовавшій его заковать въ желѣзо. Сей полковникъ порученное ему дѣло производилъ съ нѣкоторою робостью. Хорватъ, замѣтя сіе, сказалъ ему: „дѣлай, что тебѣ велѣно, меня ничто не удивитъ отъ москалей“...

По удаленіи Хорвата изъ Новой Сербіи, генераль-поручикъ Мельгуновъ поставленъ начальникомъ оной. Мельгуновъ сдѣлалъ новое положеніе сему краю, которое стало извѣстнымъ быть подъ названіемъ „мельгуновскаго штата“. По оному Новая Сербія названа новороссійскою губернією и Кременчугъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, а крѣпость св. Елисаветы—провинціальнымъ городомъ. Изъ полковъ гусарскаго Хорватова и пандурскаго устроены два гусарскіе полка, въ 16 эскадроновъ каждый, подъ названіемъ желтаго и чернаго, и часть селеніевъ отдѣлена для составленія елисаветградскаго пикинернаго полка. Въ это-же время и Славяносербія сопричислена къ азовской губерніи и

полкъ тамъ гусарскій названъ бахмутскимъ гусарскимъ. Во время начальствованія Мельгунова начали переходить изъ Малороссіи и Польши малороссіяне и селиться въ селеніяхъ, сербами заведенныхъ, и сіи уже состояли подъ управленіемъ земскаго начальства. Чтобы сіи переселенія умножить, начали давать чины по числу выводимыхъ изъ заграницы семействъ, которыя водворялись въ гусарскихъ селеніяхъ. Отъ ротныхъ земель начали отдѣлять части и раздавать подъ населенія штабъ и оберъ-офицерамъ. Бравшіе таковыя земли шесть лѣтъ избавлялись отъ платежа поземельныхъ денегъ, а по прошествіи оныхъ взималось со всякой десятины по 2¹/₂ к., и кто-бы могъ подумать, что столь малая плата заставляла всякаго убѣгать отъ пріобрѣтенія себѣ земли. Населять позволялось тогда выведенными изъ-за границы людьми, но никто, или очень мало разбирали земли, опасаясь, что ежели не залить овой, то чтобы не заплатить пени.

Въ 1769 году, при началѣ войны россіянъ съ турками, молдаване, притѣсняемые турками, начали спасаться бѣгствомъ съ своими семействами въ новороссійскую губернію. Въ это время поручено было Василю Стенановичу Звѣреву поселить ихъ отъ Буга до Елисаветграда и изъ оныхъ составить молдаванскій гусарскій полкъ, котораго онъ, Звѣревъ, и былъ полковникомъ ¹⁾.

Въ 1775 году войска, возвращаясь изъ Турціи, часть оныхъ была отряжена подъ начальствомъ генераль-поручика Текели къ жилищамъ запорожскихъ козаковъ, которыхъ разбойничье скопище было уничтожено и вся ихъ земля присоединена къ новороссійской и азовской губерніямъ. При семъ случаѣ вторичная послѣдовала въ семъ краѣ раздача земель къ заселенію и дана льгота къ неплатежу поземельныхъ денегъ на 10 лѣтъ. Въ сіе-же время начали строить городъ Херсонъ, а потому и сія запорожская степь стала больше извѣстна быть подъ именемъ херсонской степи. По уничтоженіи сихъ козаковъ,

¹⁾ Маіоръ Звѣревъ (Лупулъ) поселилъ молдаванъ въ новороссійскомъ краѣ значительно раньше начала турецкой войны. См. Скальковскаго Хронологич. обзор., т. I, стр. 26. Ср. также «Опыт. статистич. опис.», его-же, т. I, стр. 253—254. Изъ выведенныхъ Звѣревымъ и Штеричемъ молдаванъ образованъ новокочачій полкъ, первымъ начальникомъ коего былъ полк. Адабашъ. Въ указ. сочиненіе смотри опредѣленіе границъ его поселенія.—В. Я.

Текели испросилъ у императрицы прощеніе сосланному въ Вологду генераль-майору Хорвату, которому возвращено имѣніе и позволено жить въ своихъ деревняхъ.

Торжествующая Екатерина II, окончивъ славно въ 1774 г. войну съ Портою оттоманскою, наградила нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ сербской націи, со славою служившихъ на ратномъ полѣ, знатными пэмѣстьями въ Бѣлоруссіи. Въ сіе время новороссійская губернія ввѣрена была князю Григорію Александровичу Потемкину. Сей рѣдкаго ума вельможа сначала очень полюбилъ сербскую націю, любилъ изъ среды ея видѣть около себя, даже сопричислилъ къ тѣлохранителямъ великой Екатерины гусарскій эскадронъ, который весь составленъ былъ изъ сербовъ.

Полки желтый, черный, бахмутскій и молдавскій, которые прежде состояли каждый изъ 16 эскадроновъ, Потемкинъ раздѣлилъ на 6-ти-эскадронные и умножилъ число полковъ гусарскихъ, которые наименованы по провинціямъ, сербскимъ народомъ населеннымъ. Родились имена полковъ: сербскаго, славянскаго, иллирическаго, далматскаго, болгарскаго и пр., а сверхъ сихъ: волошскій, молдавскій, македонскій. Все сіе подавало мыслить, что вельможа сей мечталъ возстановить сербское царство.

Но посреди сего увидѣлъ онъ ссорящихся начальниковъ между собою (ссоры, происшедшія отъ зависти, — порокъ, которому по несчастію сербы подвержены); одному въ Бѣлоруссіи дали больше душъ, другому меньше, третьему ничего. Ни одинъ не хотѣлъ обдумать и порадоваться тому, что начали давать и что всѣмъ вдругъ пожаловать не возможно. Изъ зависти началась ссора, а отъ сей до ненависти шагъ, а потомъ родились доносы одного на другого. Князю Потемкину, до котораго все сіе доходило, наконецъ наскучило и онъ отъ сей толико несогласной націи отсталъ. Ко всему этому надобно было случиться, что генераль-майоръ Сем. Гавр. Зоричъ взошелъ у императрицы на ту счастливую степень, какой только можетъ смертный въ семь мѣръ достигнуть, и сей Зоричъ не хотѣлъ себя ставить въ ровнѣ ни съ кѣмъ, не хотѣлъ помыслить, что ежели монархія его съ удовольствіемъ видитъ его при себѣ, то не меньше ей и таланты кн. Потемкина нужны по государ-

ственнымъ дѣламъ, которыхъ въ Зоричѣ не видѣлось. Зоричъ не токмо все хотѣлъ равнымъ быть Потемкину, но показывалъ своимъ обращеніемъ, что онъ выше его, гордости былъ непомѣрной съ кн. Потемкинымъ, а ласки чрезмѣрной со всѣми россиянами, что составляло совершенную противоположность тому обращенію, которое князь имѣлъ съ русскими: онъ былъ противъ ихъ гордости непомѣрной, былъ неприступенъ. Натурально судя, что изъ сихъ двухъ особъ Зоричъ имѣлъ сердца всѣхъ на своей сторонѣ, а князю это все не нравилось. Екатерина, положила на вѣсы ихъ обоихъ, увидѣла, что для великости ея дѣлъ князя ей при себѣ надобно удержатъ, а посему Зоричъ отъ двора удаленъ. Послѣ сего имя сербовъ въ Россіи пало, хотя впрочемъ Зоричъ и не былъ великъ протекторъ своей націи.

Въ 1784 г. новороссійскую и азовскую губерніи, соединивъ во едино, назвали екатеринославскимъ намѣстничествомъ. Въ сіе время и селенія, до того носившія сербскія наименованія, переименованы большею частію по рѣчкамъ или урочищамъ, на которыхъ они поселены, или именами тѣхъ козаковъ, которыхъ хутора на тѣхъ мѣстахъ находились до прихода въ сей край сербовъ ¹⁾. Напр. *Бечи* названа *Усовкою*, потому что тутъ былъ хуторъ козака *Усика*, *Сомборъ*—*Диковкою*, ибо козакъ *Дикъ* имѣлъ прежде на томъ мѣстѣ хуторъ. До прихода сербовъ въ сей край около Днѣпра начали было изъ Малороссіи и Запорожья становиться хуторами козаки, изъ которыхъ хуторовъ вышли: *Глинскъ*, *Крыловъ*, *Табурщице*, *Крюковъ*. Итакъ лучше захотѣли сохранить память простыхъ козаковъ, можетъ быть разбойниковъ ²⁾, нежели оставить наименованія въ память народу, заселившему дикій

¹⁾ Здѣсь предложу имена сихъ селеніевъ: Бечи (Усовка), Вараждинъ (Протопоповка), Глоговацъ (Косовка), Сомборъ (Диковка), Вершацъ (Нестеровка), Шолмошъ (Степовка), Чонградъ (Андрусовка), Павлышъ остался при своемъ имени, Сланкамень уничтоженъ совѣтъ и земля роздана помятникамъ, Глинскъ, Крыловъ и Крюковъ остались при своихъ именахъ. Глинскъ былъ штабъ-квартирой пандурскаго полку.

²⁾ Что здѣсь предлагается, не есть наобумъ вырвавшееся заключеніе: тому служить доказательствомъ то, что Цвѣтинова балка, лежащая надъ столбовой дорогой между Крюковомъ и Александріей, носитъ имя запорожца, пропившаго свою одежду. — Авт.

край и тѣмъ сдѣлавшему важную отечеству услугу, не говоря уже о томъ, что сами служили со славою Россіи и дѣти ихъ служатъ съ рѣдкою приверженностью и мужествомъ ¹⁾). Въ сіе-же время и полки гусарскіе въ русской арміи совершенно уничтожены, которыхъ мѣста заступили легкоконные подѣ совѣмъ другими именами. Отъ сего дворянство сербское, служившее всегда въ гусарскихъ полкахъ, разошлось по всей арміи. Впослѣдствіи дѣти сербскихъ господъ, живущихъ около Бахмута, имѣвшія случай служить при лицѣ государя Александра I, выпросили у него наименованіе ими заселяемаго мѣста славяносербскимъ уѣздомъ и устройство города Славяносербска. Дворянству Новой Сербіи остается переименовать Новомиргородъ Новосербскомъ, устроивъ въ ономъ уѣздѣ, составить новосербскій гусарскій полкъ, въ который-бы кромѣ изъ сего уѣзда рекрутъ другихъ не давать, а дворяне сами войдутъ въ оный. Сверхъ сего всѣмъ селеніямъ возобновить бывшія сербскія имена, полки гусарскіе елисаветградскій и александрійскій также велѣтъ составлять изъ оныхъ уѣздовъ, изъ которыхъ они и прежде составлялись.

Когда Новая Сербія начала селиться, тогда здѣсь были большіе лѣса. Хорватъ строго воспрещалъ оныя истреблять. Новые поселенцы не иначе могли строить, какъ плетенныя избы. Дальновидный Хорватъ часто говаривалъ: „лѣса должно беречь, они сгодятся для постройки кораблей“. Многіе сему смѣялись, и не мудрено: тогда плаваніе на Черномъ морѣ почиталось собственностью турокъ; никакая нація другая не смѣла лодочки въ сіе море показать. О Херсонѣ, Николаевѣ и Одессѣ никто и помыслить не могъ. Но Хорватъ съ гусарскими усамъ и ментіей на опашку проникалъ тайны кабинетовъ. По удаленіи изъ Новой Сербіи Хорвата и когда начали сей край посѣщать полки, тогда примѣтнымъ образомъ начали истребляться сіи лѣса, ибо сверхъ

¹⁾ Авторъ нашъ, повидимому, совершенно упускаетъ изъ виду необыкновенную живучесть туземныхъ народныхъ названій урочищъ. Что касается услугъ сербскихъ колонистовъ, то онѣ непомерно раздуты, такъ какъ не одинъ-же сербы заселили Новороссію; полки ихъ, вопреки ожиданіямъ, были некомплектны, а оплачивались русскимъ правительствомъ весьма не дешево. См. Скальковского, Хрон. обзор., т. I, стр. 64.—В. Я.

того, что рубили оныя для лагерей безо всякой пощады, но заводимыя въ лѣса команды полковъ, гдѣ проживая, строили обозы, выдѣлывая ложа ружейныя и другія полковныя потребности, а всего хуже было то, что нѣкоторыя команды дѣлали непозволительную продажу лѣса въ постороннія руки.

Главные въ Новой Сербіи лѣса суть: такъ называемая Чута, Великій Лѣсъ и Чёрный Лѣсъ. Въ сихъ лѣсахъ водились медвѣди, дикія свиньи, олени и козы¹⁾. Теперь сихъ уже не стало, но волки, лисицы и зайцы остались. Въ Чутѣ былъ стекляной заводъ, который послѣ уничтоженъ. Черный Лѣсъ былъ подаренъ князю Потемкину, которымъ онъ проданъ въ другія руки. Теперь Чута и Великій Лѣсъ подъ вѣденіемъ форшмайстера Лебедева, которому позволено продавать валежникъ и очищать лѣса. Справедливо то, что г. Лебедевъ слова „очищать лѣса“ приводитъ во всей силѣ въ исполненіе и продаетъ безъ пощады не валежникъ, а столѣтніе дубы и другое всякое дерево. Соблюдая нѣкоторый порядокъ, онъ доставляетъ казнѣ ничего не значущій доходъ въ сравненіи съ тѣми великими тысячами, которыя себѣ откладываетъ. Лебедевъ происходитъ изъ поповичей и имѣя родню у двора, у какой-то фрейлины комнатною дѣвкой, сего предстательства довольно было, чтобы его въ пять лѣтъ вывести въ коллежскіе ассесоры за исправный просмотръ казенныхъ лѣсовъ и соблюденіе государственнаго интереса.

Мое мнѣніе: при сихъ лѣсахъ завести суконныя фабрики, и лѣсъ, продаваемый для пользы г. Лебедева, могъ-бы употребленъ быть для фабрикъ. Шерсть для суконъ могла-бы почти у воротъ фабрикъ покупана быть, заведя для того ярмарки при оныхъ. Все сіе гораздо-бы больше принесло казнѣ прибыли, нежели продажа лѣсу. Напротивъ того, теперь вывозятъ шерсть изъ здѣшняго края на фабрики въ Великороссію и первый разъ платятъ за провозъ оной тѣ фабрики, потомъ другой разъ платятъ, доставляя оную въ сукнѣ для войскъ, въ семь краѣ расположенныхъ; а учредя фабрики. по моему мнѣнію, около сихъ лѣсовъ, комисаріаты могли-бы прямо изъ оныхъ получать на обмундированіе войскъ.

1) Въ Черномъ лѣсу и въ настоящее время довольно водится козъ, какъ намъ не разъ передавали; изрѣдка попадаются, говорятъ, даже олени.—В. Я.

Теперь, обращаясь къ описанію херсонской степи, на которой жили прежде запорожскіе козаки хуторами, имѣя конные заводы и малую часть рогатаго скота, не принесли никакой пользы государству, ибо главная цѣль была Россіи взять ихъ подъ свое покровительство, чтобы они защищали предѣлы имперіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Ожиданіе сіе не свершилось: запорожцы границы совсѣмъ не обороняли, а еще способствовали татарамъ проходить въ предѣлы Россіи, грабили Польшу и тѣмъ подавали поводъ къ частымъ непріятностямъ съ сосѣдственными державами. Сіи тунейдцы любили себя больше всего,¹⁾ грабежемъ обогащались и полагали совершеннымъ себѣ счастьемъ то, что могли въ пьянствѣ и разныхъ буйствахъ безпрестанно обращаться. Сіе скопище разбойниковъ, какъ выше сказано, было въ 1775 г. отдѣльнымъ корпусомъ войскъ уничтожено, главный ихъ городъ Сѣчь былъ обложенъ; взявъ Кошевого сего буйнаго общества и истребивъ разогнаніемъ онаго даже имя запорожскихъ козаковъ, земли, имъ принадлежавшія, розданы подъ заселеніе всѣмъ тѣмъ, кто пожелалъ оныя брать, и тѣмъ содѣялась пространныя область полезнаю государству¹⁾. Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, подарена бывшему тогда генераль-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому при 200,000 десятинъ земли. Впослѣдствіи времени сіи 200,000 десятинъ земли заселены 3,000 душами и наслѣдниками кн. Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, содѣлавшемуся коллежскимъ ассесоромъ, нажившимъ необъятную сумму денегъ отъ содержанія имъ на откупъ соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Такимъ образомъ Штиглицъ содѣлался первымъ въ семь краю помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто-бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь будетъ современемъ принадлежать жиду!..

Грунтъ земли на всей херсонской степи каменистъ, отчего хлѣбъ родить худо, а садовъ въ очень немногихъ мѣстахъ развести можно. Око пигдѣ не остановится здѣсь не токмо на какомъ либо лѣсу, но ни на одномъ деревцѣ. Огородовъ совсѣмъ нѣтъ и зелени никакой,

¹⁾ Данное сужденіе о значеніи Запорожья и раздачи земель, ему принадлежавшихъ, тѣмъ, «кто пожелалъ оныя брать», сужденіе, очевидно тенденціозное, интересно для характеристики отношеній сербовъ и запорожцевъ.— В. Я.

что, однакожь, приписываю я не землѣ, а лѣности жителей, ибо земля во многихъ мѣстахъ мною найдена удобною для огородовъ. Кажется, что здѣсь могъ-бы быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводимъ виноградъ, ежели-бы къ тому приложено было стараніе. Нѣсколько помѣщиковъ сдѣлали было опытъ и довольно удачный; у генераль-поручика барона Бефвица въ садахъ виноградныхъ дѣлали уже и вино, но двѣ жестокия зимы истребили всю лозу, и хозяева, потерявъ охоту, перестали заниматься онымъ. Въ такомъ случаѣ потребно было-бы поощреніе правительства и не пренебрегать такую отрасль прибытку ¹⁾, который со временемъ замѣнилъ-бы привозимое изъ Молдавіи вино, на что выходитъ изъ государства знатная сумма денегъ, а можетъ быть, выискались-бы и такія мѣста, которыя-бы дали подобное шампанскому, токайскому и другимъ рѣдкимъ винамъ. Примѣръ тому мы видимъ на Дону, гдѣ есть довольно хорошаго вина, но почва цымлянской станицы даетъ вино, которое не уступаетъ бургонскому лучшему вину.

Дикій камень, вынимаемый изъ земли на херсонской стени, служить для разныхъ построекъ и потому здѣсь всѣ живутъ въ каменныхъ домахъ, въ которыхъ лѣтомъ прохладно, а зимою чрезмѣрно холодно, и тѣмъ болѣе оный чувствуемъ, что когда хлѣбу неурожай, то и соломы для человѣка нѣтъ, и вырѣзываютъ отъ скота навозъ, который здѣсь называютъ кирпичемъ; лѣтомъ оный высушиваютъ на солнцѣ; на семь кирпичѣ даже кушанье варятъ. Ограды домовъ также каменные. Но все сіе строеніе имѣетъ видъ снаружи развалины, бѣдность обѣщающей, когда оное не обмано. Между симъ камнемъ есть такого рода, который къ строенію очень удобенъ: онъ мягокъ и рѣжется даже ножемъ, можетъ выглаженъ быть наилучшимъ образомъ для строенія, но лѣность народа не позволяетъ употребить трудъ для сей обдѣлки, онъ находитъ болѣе удобства его класть кучею и промежутки залѣпить глиною.

¹⁾ Указомъ 30 апр. 1764 г. предоставлялось право безошпинной торговли на 10 лѣтъ всякому, кто заведетъ въ Новороссіи виноградный садъ. Въ Елисаветградѣ и Крюковѣ заведены были даже казенные виноградники. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, Шмидта, херс. губ., т. II, стр. 143. — В. Я.

Кажется, правительство очень заботится о населении херсонской степи и ежели сіе сбудется, то скотоводство тогда уменьшится. Теперь отсюда идетъ много скота за границу, слѣдовательно тѣмъ дѣлается доходъ государству, а тогда оный или уменьшится, или вовсе прекратится. По моему мнѣнію, сію степь оставить при томъ населении, въ какомъ она теперь (1806 г.) состоитъ, котораго хотя и не въ большомъ количествѣ, судя по пространству земли, но однако-же довольно деревень разбросано. Ежели полагають, что казна терпитъ отъ малости людей подушный сборъ, то можно наложить подать на землю и владѣлецъ оной можетъ оную заплатить, ибо земля ему даетъ прибыль скотоводствомъ, а поселенцы не будутъ въ силахъ выплачивать, ибо имъ нельзя будетъ тогда столько скота держать, а хлѣбъ рѣдко когда удастся. Лѣта здѣсь, можно сказать, видать только май мѣсяцъ, а потомъ начинаются нестерпимые жары, которые, безъ помощи сильныхъ дождей, выжигаютъ все. Вотъ причина, отъ чего степь сію населяющіе жители не могутъ засѣваемымъ ими хлѣбомъ прокормиться, а довольствуются покупнымъ, изъ чего видно, что большое число людей на сей степи только будетъ тяготить народъ, а пользы никакой не принесетъ. Зимы бывають здѣсь рѣдко жестоки, а обыкновенно слабы, за исключеніемъ однако-же зимы съ 1804 на 1805 г., въ которую погибло скота, особливо овецъ, великое множество, и то не люлости зимы приписать должно, а только тремъ днямъ марта мѣсяца, въ которые случились вьюги сильныя съ снѣгомъ, и въ которые погибло столько овецъ, что многихъ хозяевъ въ конецъ разсрילו, и сію потерю вообще не тысячами, а милліонами ставить должно. По окончаніи зимы, скотъ откармливается легко въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, потомъ, въ жары, начинаетъ худѣть, а съ половины сентября до декабря пользуется умѣренной теплотой и освѣженной травой. Впрочемъ, скотъ рѣдкую зиму бываетъ на сухомъ корму, а обыкновенно довольствуется подножнымъ кормомъ. Изъ всего мною сказаннаго видно, что сія земля вовсе неудобна для жительства людей, а для разведенія скота способна; но чтобы его лучше сберечь, надобно веминуемо имѣть загоны. Степь сія имѣетъ много волковъ, лисицъ и зайцевъ, а птицы всякаго рода въ великомъ множествѣ; нѣкоторыя изъ этихъ птицъ при началѣ зимы улетаютъ въ теплѣйшія мѣста и весною опять возвращаются. Въ преж-

нїя времена водились здѣсь цѣлыя табуны дикихъ лошадей, но теперь осталось ихъ мало. Степь херсонская вмѣщаетъ на себѣ многочисленныя стада (сіа стада называются здѣсь *отарами*) волошскихъ, большею частію, бѣлыхъ овецъ. Чудной сими овцами и почти не понятный ведутъ хозяева счетъ. Ежели отара тысячи двѣ или три, то является къ оной болгаръ ¹⁾ въ пастухи, или *чабаны*, не соглашаясь никакъ служить за деньги, а вводитъ въ отару часть и своихъ овецъ, напримеръ, въ тысячную отару ставитъ своихъ 500 овецъ, и тогда онъ съ хозяиномъ состоитъ въ половициѣ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ у чабана столько-же овецъ, сколько и у хозяина. Во все это время чабанъ держитъ на общемъ иждивеніи еще нѣсколько болгаръ для присмотру за овцами, держитъ пару или двѣ воловъ, которые везутъ для нихъ сѣятельныя припасы, держитъ 10 ²⁾...

Рѣки, сію степь протекающія, выключая Днѣпра и Буга, суть двѣ главнѣйшія: Ингуль и Ингулецъ. Впрочемъ, всѣ другія рѣчки суть то текущи при сильныхъ дождяхъ и весною отъ талого снѣга, то ничего (не) значущіе ручейки, на которыхъ заняты пруды и на оныхъ построены мельницы. Всѣ сіи рѣчки изобилуютъ разною мелкою рыбою.

По всей херсонской степи видны во множествѣ разсѣянные курганы, могилами здѣсь называемые; они суть насыпи, по обыкновенію древнихъ, падъ убитыми во время сраженія воинами. Ежели сіи курганы имѣютъ отъ того свое начало, то сильныя побоища должныствовали быть въ сихъ мѣстахъ. На нѣкоторыхъ изъ сихъ кургановъ поставлены каменныя статуи, изображающія мушницъ или женщинъ, грубой обработки. Не извѣстна причина, для чего сіи изображенія были выставлены: былъ ли это монументъ убитому, лежащему въ курганѣ, или народы, обитавшіе сію степь, поклонялись сему истукану. Сіи курганы служили запорожцамъ маяками для польскихъ предѣловъ, ибо тогда не было на сей дикой степи дорогъ, а они добирались отъ кургана до кургана до желаемого мѣста. Кажется, что всякій полякъ,

¹⁾ Сіи болгары заходятъ сюда изъ-за Дуная не для какого другого промыслу, какъ быть чабанами. — Авт.

²⁾ Окончаніе фразы затеряно. — В. Я.

проѣзжая таковой курганъ, долженъ содрогнуться, видя предъ собой путеводителя, который нѣкогда доводилъ разбойниковъ до его отчины, гдѣ сими неистовыми людьми предавалось все грабежу, насилію и мечу.

На степи херсонской во время сильныхъ снѣжныхъ зимъ бываетъ опасно при вьюгахъ проѣзжать оную и, потерявъ дорогу, неминуемая гибель должна послѣдовать. Кажется, сему можно бы помочь; по обѣ стороны прорѣзать рвы, которые бы были путеводителемъ до Херсона, Николаева и Одессы отъ стороны Крюкова. Обсадить сіи рвы деревьями жожно-бы, и это бы было, кромѣ украшенія, и польза, но сіи деревья не уцѣлѣютъ, ибо мы видимъ, что проѣзжіе чумаки, для сваренія своихъ кашъ, рубятъ и версты, и за сіе остаются не наказанными. По моему мнѣнію, сію дорогу обсадить кустами бузины,— дерево, для топлива не способное, но цѣль, для которой посажена, была бы выполнена, и на такомъ пространствѣ разведя, сколько бы цвѣту можно было бы собрать для аштекъ!

Бдучи по сей степи, видимъ во время сильныхъ вѣтровъ, осенью отрываемый бурьянъ, такъ называемый *перекати поле*, который съ чрезмѣрною скоростью перекачиваясь по необозримой равнинѣ, уподобляется вдали какому (sic) бѣгущему звѣрю, а иногда, поднимаясь вѣтромъ вверхъ, представляетъ большую летящую птицу. Сей травы суть два рода: одинъ называется *катранъ*, который весною простолоудины ѣдятъ въ великомъ числѣ и почитается кровочистительнымъ, а другой, *курай*, составляетъ, когда созрѣетъ, круглый кустъ колючей травы, которую верблюды ѣдятъ преимущественно всѣмъ травамъ. Оба же рода сей травы извѣстны здѣсь подъ именемъ *перекати-поле*. Сія трава нерѣдко сама себя приготовляетъ для топлива, заносима будучи въ какую ни есть глубокую лощину или водомоину, откуда уже вѣтромъ не будучи поднята, накапливается большою кучею; тогда живущіе по близости такого мѣста набираютъ *оную* для топлива въ домахъ.

Здѣсь кончается тетрадь; ниже слѣдующее воспроизводится по отдѣльнымъ листамъ, уцѣлѣвшимъ повидимому, не вполне.

Здравый разумъ не дозволяетъ отыскивать въ архивѣ запорожскаго скопища какихъ либо записокъ о началѣ ихъ скопища, но нѣкоторые рассказы, отъ стариковъ мною слышанныя и перешедшіе къ

нимъ по преданію старѣйшихъ изъ нихъ, здѣсь предложу. Натурально судя, нельзя за всё сіи бредни ручаться.

Начальное ихъ скопище произошло отъ небольшого числа людей, приплывшихъ отъ Азова на плавкахъ (лодки они называли плавками) и основали свое жилище на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ теперешняго Херсона, назвавъ оное Алешками (Алешки теперь уѣздный городъ таврической губ.), по имени Алексѣя, ими надъ собою поставленнаго начальника. Сіи Алешскіе жители, впоследствии времени, раздѣлились на два именованія, хотя и составляли одно общество: живущіе въ Олешкахъ назывались *плавниками* и упражнялись въ рыбной ловлѣ, а живущіе по днѣпровскимъ плавнямъ и островамъ, лѣсомъ покрытымъ, именовались *пластунами*. Сіи пластуны занимались стрѣльбою звѣрей, тогда въ плавняхъ въ великомъ множествѣ бывшихъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Херсонъ, владычествовала какая то дѣвица, по имени *Харсія*, надъ какимъ-то народомъ и имѣвшая войну съ какимъ-то царемъ, который ее покоривъ, истребилъ и полонилъ ея народъ, послѣ чего владѣнія Харсії исчезли. Всего этого мы не находимъ ни въ какой исторіи и потому надобно считать за басню, или выдуманную, или быть, разказами изуродованную. Впоследствии турки, или крымскіе татары, начавъ притѣснять олешскихъ жителей, то они оставили сіе мѣсто и перешли на правый берегъ Днѣпра, основавъ свое жилище ниже пороговъ и потому назвали себя *порожанами*, а впоследствии *запорожцами*, главное же свое мѣсто наименовали *Сичью*. Здѣсь ихъ скопище начало умножаться изъ разныхъ мѣстъ приходящими, въ томъ числѣ наиболѣе такими, которые содѣяли какое либо преступленіе.

Сичъ раздѣлилась на четыре части, *пиріями* названныя. Каждая *пирія* состояла изъ 10 куреней, а каждый курень вмѣщалъ въ себя тысячу человекъ¹⁾. Курень былъ пространное строеніе. Весь городъ обнесенъ былъ валомъ; у *брамы*, или воротъ стража впускала только извѣстныхъ людей. Во всякомъ куренѣ оставалось до 200 че-

¹⁾ Число козаковъ, жившихъ въ куренѣ, разумѣется, сильно преувеличено. Что касается общаго числа куреней, то Скальковскій насчитываетъ ихъ 38. См. Ист. Н. Сѣчи. Ч. I. стр. 74.—В. Я.

ловѣкъ, извѣстныхъ подѣ именемъ *сиромахъ*, не имѣвшихъ ни какой собственности; они получали жалованье и провиантъ и должны были быть готовы, по первому востребованію, на службу, и потому сіи сиромахи назывались (?) регулярными войнами. Прочіе жили хуторами, зимовниками называемыми, гдѣ плодили скотъ и лошадей, и имѣли, смотря по достатку, другихъ бродягъ челоувѣкъ по нѣскольку для присмотру за скотомъ. Сихъ прислужниковъ не рѣдко хозяинъ зимовника вооружалъ, сажалъ на кони и отправлялъ грабить Польшу, дѣлясь добычею съ ними. О такихъ побочныхъ походахъ Кошевой и войско часто ничего не знали. Во время уже сего распорядка живущіе на островахъ всѣ остались при прежнемъ своемъ наименованіи *пластуновъ* и сверхъ звѣриной ловли завели многочисленныя стада свиней, которыя откармливались и до того одичали, что когда пріѣзжали купцы оныхъ покупать, то иначе не могли ихъ взять, какъ застрѣливъ. Нѣсколько изъ сихъ пластуновъ завели большіе заводы кошекъ, вмѣщаемыхъ въ выстроенныхъ сараяхъ и не токмо доставляли хозяину прибыль отъ продаваемыхъ ихъ кожъ, но еще и тѣмъ, что на нѣкоторой окрестности не смѣли появляться ни хори, ни (*пропускъ въ подлинникъ*); онѣ все это давили и приносили для корму своимъ дѣтямъ. Хозяинъ, снимая сіи кожи, продавалъ, а мясо бросалъ кошкамъ.

Запорожцы не забывали ограбленнымъ серебромъ, золотомъ и другими камнями украшать церковь въ Сѣчи и таковое окровавленное приношеніе полагали богоугоднымъ. Сія церковь соединяла въ себѣ неоцѣненные богатства. Однихъ евангеліевъ, серебромъ украшенныхъ, считалось 30, въ томъ числѣ до 10 непомѣрной величины, изъ которыхъ, во время крестнаго хода, каждое едва поднималось было 4 челоувѣками; паникадилъ было 12 огромныхъ, серебряной оправы. Въ срединѣ города выстроены были дома кошевого, судьи и войскового писаря. Сверхъ сего, войсковая скарбница, въ которой хранилась войсковая казна и пушкарня, гдѣ были пушки. Всякая *пирія* имѣла свою скарбницу, гдѣ содержалась особая казна, принадлежавшая той пиріи.

Всѣ вообще запорожцы не имѣли женъ ни въ Сѣчи, ни въ зимовникахъ. Нѣкоторые, однакожь, женились въ сосѣднихъ городахъ или деревняхъ и оставляли тамъ своихъ женъ. Были таковы, что женились въ раз-

ныхъ мѣстахъ по два и по три раза. Но сіе казалось прекращеннымъ по слѣдующему случаю. Одинъ козакъ, заѣхавъ въ мѣстечко Кропивное ¹⁾, женился на племянницѣ своего кошевого, Григорія Калныша, и оставивъ жену у ея матери, уѣхалъ въ Запорожье, обѣщавъ скоро возвратиться. Мать долго ожидала, но не видя возвращенія, взяла дочь и отправилась къ своему брату въ Сѣчь. Сей случай заставилъ кошевого сдѣлать постановленіе, что всѣ тѣ козаки, которые пожелаютъ жениться, должны оставить свои хутора и поселиться деревнями, на рубежѣ полковъ Новой Сербіи. Таковыхъ деревень составилось пять, подъ названіями: Верблюжка, Петровка, Куцовка, Зеленая и Желтая. Сіе постановленіе имѣло свое начало за 8 лѣтъ до истребленія Сѣчи, т. е. начали было умомъ жить, но поздно. Правда, что сіи заселенія умножались такими людьми, которые изъ пикинерныхъ поселеній пожелаютъ, тогда запорожцы приходили вооруженною командою и брали ихъ съ семействами, называя своими родственниками и препровождая во вновь заводимыя свои деревни. Средство умножить такимъ образомъ число жителей было только извѣство однимъ буянамъ-запорожцамъ.

На сей степи было довольно сайгаковъ или дикихъ овецъ. Старики помнятъ ихъ стада, покрывавшія сію степь. Рассказываютъ, что когда приходило время имъ ягниться, тогда стада приходили къ хутору и вблизи онаго останавливались до тѣхъ поръ, пока всѣ не токмо оягнятся, но и ихъ ягненки придутъ въ силу. Повидимому, они сблизались къ людямъ для того, чтобы обезопасить себя отъ хищнаго звѣря, но въ мнимыхъ своихъ защитникахъ обрѣтали то, чего убѣтали: запорожцы оставляли ихъ въ покоѣ только до того времени, пока ихъ дѣти придутъ въ силу, и тогда начинали убивать старыхъ и малыхъ и тѣмъ отгоняли отъ себя такую скотину, которая, можетъ быть, современемъ содѣялась-бы домашнею. По замѣчанію старыхъ запорожцевъ, сайгаки удалились, невѣдомо куда, за годъ до истребленія Сѣчи и во весь сей годъ, подходя табунами къ зимовникамъ, производили нѣкій странный крикъ. Такъ заставляють запорожцы оплакивать паденіе ихъ войска даже и звѣрей.

¹⁾ М. Крапивное въ « > » верстахъ отъ гор. Переяславля.— Авт.

Начало весны здѣсь прекрасно; вся равнина покрыта хорошей, изобильной травой, между которой разбросаны разнородные цвѣты; но сія пріятность едва до исхода іюня мѣсяца продолжается; тогда начинаются жары и теплые вѣтры, пожигающіе всю зелень. Трава иссыхаетъ, стада скота, съ весны на жирныхъ пастбищахъ утученныя, начинаютъ худѣть и ежели осень отъ дождей и возвращеніе теплой погоды не поправитъ кормъ, то скотъ, входя въ зиму худымъ, нерѣдко производитъ надежъ. Таковой климатъ мы находимъ, по описаніямъ, въ дикой Аравіи, за то она и осталась необитаемая; но Россія, привыкшая превозмогать самое невозможное, приказала заселить сію степь. Народъ живетъ и бѣдствуетъ: новое доказательство, что сіи степи надобно-бы оставить для скотоводства, а не заставлять на оныхъ мучиться людей.

Всѣ жилища, и тѣ самыя, которыя уже по 20 лѣтъ заселены, кажутся по своей скудности какъ будто вчера на то мѣсто перенесенными. Многіе скажутъ: какъ-же заселили часть сей степи отъ Кременчуга до Елисаветграда? Да, заселили, но тамъ есть отчасти черноземъ, а большею частію песокъ, на которомъ кое-какъ хлѣбъ родится, а въ дождливое время и довольно хорошъ, а на Херсонской степи земли вѣтъ и на два вершка, а по (подъ) ней камень или известь, на которой, извѣстно, нельзя ни хлѣбу, ни садамъ быть ¹⁾).

Сія-же степь опредѣлена судьбою была видѣть первыя заселенія жидовъ. Разсѣянные по всему міру, херсонская степь ихъ пріемлетъ въ видѣ хлѣбопашцевъ. Подъ ихъ деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пахутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждастъ. Волосья тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не

¹⁾ Въ дѣйствительности глубина чернозема въ херсонской степи измѣняется отъ 4 вершковъ до 1½ аршина. См. Матер. для геогр. и стат. Россіи, собран. офицерами ген. шт. А. Шмидтъ, херсонск. губ., I, стр. 112. Не будемъ оспаривать мнѣнія автора о малоплодородности степи, считая вопросъ о томъ псчерпаннымъ вполне. — В. Я.

вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжести, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какими нибудь домашними кляузами займутъ всю честную бесѣду разговоромъ. Воловъ въ это время никому и въ голову не придетъ выпрячь, и такъ день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопашцами не будутъ никогда.

Этимъ исчерпывается все содержаніе „Примѣчаній на новороссійскій край“ А. С. Пищевича. Изъ дневниковъ его за разные годы начала нашего столѣтія приводимъ ниже замѣтки, касающіяся состоянія новороссійскаго края и колонизаціи его.

„*Дневная Записка на 1806 годъ*“. 27-е іюня. Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ черногорскій сердарь Никшичь-Требаляничъ съ своею женою, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ. Онъ чело-вѣкъ лѣтъ уже 60-ти, но здоровый, а женился на молодой россиянкѣ, бойкой и умной, и живутъ очень хорошо. Сердарь есть важный чинъ въ Черной горѣ, здѣсь едо переводятъ на полковничій, но что до того; а скажемъ, зачѣмъ зашелъ г. Никшичь въ Россію. Извѣстно, что турки притѣсняють черногорцевъ въ ихъ землѣ, которымъ сіе притѣсненіе не дешево стоитъ, но не меньше неприятно въ такомъ сосѣдствѣ жить, вѣчно быть, такъ сказать, на караулѣ и въ готовности или убить, или самому быть убиту. Вотъ что побудило господина Никшича оставить свою отчизну, которому многіе его родные послѣдовали, числомъ до 100 душъ, и они вышли въ послѣдній годъ царствованія великой Екатерины; 12,000 десятинъ земли имъ отведено подъ поселеніе недалеко отъ Одессы¹⁾. Черногорцы съ древнихъ временъ были всегда приверженными Россіи и въ прошломъ году они всѣ при-

¹⁾ Разказанное переселеніе черногорцевъ и герцеговинцевъ состоялось въ 1804 году; колонія ихъ названа славяносербскою. См. Опытъ статист. опис. новор.

сгинули въ вѣрности оной (?). Г. Никшичъ жилъ покойно на отведенной имъ землѣ, которую колонію умножить располагали многіе черногорскіе жители, но опредѣленіе въ начальники въ здѣшній край, и съ немалою довѣренностію, дюка-де-Ришелье все испровергло. Онъ не любилъ черногорцевъ, началъ ихъ притѣснять и изъ 12,000 десятинъ земли оставилъ имъ только 500, потомъ хотѣлъ ихъ обратить въ колонистовъ, тогда когда они суть всѣ дворяне. Сіи, натурально судя, писали въ свою отчизну о всѣхъ неудовольствіяхъ, какія съ ними повстрѣчались въ Россіи, и тѣмъ прекратился выходъ дальнѣйшей черногорцевъ. Изслѣдуемъ, какую отъ сего выгоду получаетъ дюкъ-де-Ришелье? Онъ, служа тайно Бонапартію на гибель Россіи, остуживаетъ ревность черногорскаго народа и всѣхъ единоплеменныхъ славянъ, живущихъ въ европейской Турціи, къ престолу русскому и тѣмъ помогаетъ вошедшимъ уже въ Далмацію французамъ къ одержанію поперхости надъ политикою русскою въ тамошнемъ краю.

25 октября. Теперь Кременчугъ наполняется жидами, которые, въ силу указа, должны оставлять шинкарство, и вздорожали всѣ съѣстные припасы до чрезмѣрности въ городѣ, и пока выдумаютъ, чѣмъ жить, принялись торговать деньгами; вся мѣдь и мелкія ассигнаціи въ ихъ рукахъ, и берутъ промѣнъ, какой хотятъ: теперь по 7 коп. съ рубля имъ платятъ. Ежели покупать въ лавкѣ, и купецъ, продавши рублей на десять, видитъ сторублевую или пятидесяти-рублевую ассигнацію, говоритъ, что нечѣмъ сдать, за неимѣніемъ сдачи, теряетъ свою прибыль, и товаръ лежитъ.

„*Записки Ал. Пишчевича на 1813 г., состоящія въ разныхъ письмахъ*“. 13 мая. *Кривой Рогъ*. Въ Кривомъ Рогѣ вынимается аспидный камень плитами, изъ котораго выдѣлываются доски. Здѣсь-же въ землѣ выкапываютъ глину разныхъ цвѣтовъ. Можетъ быть современемъ будутъ дѣлать здѣсь фарфоръ, о которомъ таковая-же молва пронесется, какъ о саксонскомъ и др. Ровно прошло 30

кр, I, ст. 225. Сравни хронологич. обзор. ист. новор. кр. того-же автора, II, 164—165. Въ послѣднемъ сочиненіи число отведенной черногорцамъ земли показано то-же, что и у нашего автора, въ первомъ-же—всего 3800 десятинъ. Вѣроятно, цифра Пишчевича точнѣе.—В. Я.

лѣтъ, какъ я на семь мѣстѣ былъ, тогда пустою и едва изъ нѣсколькихъ двориковъ состоявшемъ.

3 іюня. Обѣдать я остановился въ новопоселяющейся деревнѣ *Усвятъ*, при рѣчкѣ Громоклѣ. Сія деревня составлена изъ трехъ націй: великороссіянъ, приведенныхъ изъ курской губ., малороссіянъ изъ полтавской и черниговской губ. и молдаванъ, изъ разныхъ мѣстъ сошедшихся. На ночлегъ пріѣхалъ я въ такъ называемую *Дворянскую* деревню, начало свое возымѣвшую отъ того, что нѣсколько простыхъ, недостаточныхъ валаховъ, отправясь въ Валахію, у тамошняго дивана купили себѣ дворянское достоинство и, являсь опять въ Россію, начали жить, пользуясь новымъ своимъ титуломъ, совершенно вольными людьми, не платя податей, не отбывая рекрутской повинности, и словомъ, ничего по земству, живучи на правѣ дворянъ. Такимъ образомъ вся Молдавія и Валахія перешли-бы сюда, содѣлавшись дворянами, ибо диванамъ сихъ княжествъ что до того, что простые мужики, заплативъ имъ щедро, становятся на ряду съ русскимъ дворянствомъ, лишь-бы они не были наравнѣ съ гордыми ихъ боярами. Такимъ образомъ 18 семей сихъ покупныхъ дворянъ, соединясь въ одно общество, купили эту землю, на которой я ночую, у помѣщика Сѣднева, въ числѣ 6,000 десятинъ, заплатя по тогдашнему дешевому времени по 95 коп. за десятину ¹⁾. Земля сія удобна для хлѣбовашества, имѣетъ много сѣнокоса, дикаго камня для строенія, воду хорошую и довольно рыбы въ рѣчкѣ. Обстроивъ себѣ дома, завели довольно скота и мнили быть маленькими удѣльными князечками; люди были довольны своимъ состояніемъ, но чортъ стоялъ на бивакѣ и улыбался ихъ мнимому счастью. Началось тѣмъ, что правительство русское хватилось умножающемуся валахскому дворянству въ Россіи и потому потребовало вѣрныхъ документовъ на сіе титуло, и всѣхъ тѣхъ, которые таковыхъ не

¹⁾ Не знаемъ, къ какому времени относится эта купля-продажа; судя по стариннымъ купчимъ, которыя приходилось намъ видѣть, въ сѣверной части херсонской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія можно было купить 1500 дес. (не заселенныхъ) за 500 р., хотя, случалось, платили и по 3 р. за десятину; такая цѣна держалась и въ первые годы нашего столѣтія, но уже въ 20-хъ годахъ десятина стоила 10 р.—В. Я.

представить, вѣдно обратитъ въ крестьянство. Натурально судя, они никакихъ доводовъ къ тому не имѣли и потому поступили въ тотъ классъ, изъ котораго выбраться стоило имъ и труда, и денегъ. За тѣмъ одиавъ молдаваинъ продалъ свой участокъ въ 500 десятинъ по 1 рублю подполковнику Воропанову, который послѣ отнялъ у нихъ лучшіе покосы и выгоднѣйшія поля для посѣвовъ, стнялъ шинокъ и запрещалъ даже брать вино въ другомъ мѣстѣ.

4-го іюня. Кормить лошадей остановился я на станціи *Винвои*, въ 20 верстахъ отъ Елисаветграда. Таковое неопрятное названіе получила она потому, что говорятъ, въ водѣ здѣшняго мѣста заводятся иногда насѣкомыя, похожія на вшей. Однакожь, между семи животными заводитъ деревеньку секретарь Зеленый, служащій въ магистратѣ¹⁾.

„Записки Александра Пинчевича на 1815 годъ, состоящія въ разныхъ письмахъ“.

...При семь нельзя умолчать о томъ, что мы не совѣмъ безопасны среди своихъ домовъ: въ трехъ верстахъ отъ меня, въ лѣсахъ Золотаревскихъ, скопище разбойниковъ, отъ апрѣля мѣсяца скрывается, служить ужасомъ сосѣдямъ своимъ. Сія шайка составила изъ бѣглыхъ солдатъ, отданныхъ въ рекруты прошедшаго года, бывшихъ уже судимыми за разбой, но милостивымъ манифестомъ отъ наказанія прощенныхъ, а отданныхъ въ строй почтенныхъ воиновъ... Золотаревская шайка умножилась подговоренными ею-же другими рекрутами, и не безъ того, чтобы нить сего общества не простиралась и по селеніямъ, а особливо Золотаревкѣ. Лѣса, служащіе убѣжищемъ симъ людямъ, легко могутъ быть овружены и содержимы въ нѣкотораго рода блокадѣ, пока вся внутренность лѣса разыщется. Прошедшій разъ, когда начинщики сей шайки были пойманы, то открылась жилищемъ ихъ пространныя яма, дощанымъ засовомъ задвинутая, на который накоплено было не мало древеснаго листа. Съ весны первый набѣгъ они сдѣлали на домъ помѣщика Зенфирова, а на сихъ дняхъ ограбили помѣщиковъ Требинскаго и бывшаго у него въ гостяхъ Марковича, а

¹⁾ Старожилы, не безъ очевидной натяжки, производятъ это названіе отъ *вошивая* или *обшивая*: здѣсь *обшивали* военно-поселянъ.—В. Я.

потомъ тоже учинили въ домѣ г. Мефтедовскаго. Часть вещей, ограбленныхъ у сихъ господъ, найдены въ шалашѣ золотаревского баштана. Смертоубійствъ хотя еще и нѣтъ, но дѣло уже отъ того отстоитъ на одинъ шагъ. Удивительно, что поля насъ окружаютъ ¹⁾, а не участвуютъ въ поимѣ сихъ негодяевъ, а еще удивительнѣе дѣятельность земской полиціи.

¹⁾ Полкп: саратовскій пѣхотный разположенъ въ александрійскомъ, а пензенскій пѣхотный въ елпсаветградскомъ уѣздахъ.—А в т.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕ- НОВИЧА СУЛИМЫ.

Предлагасмая Записка заимствована изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ древняго малороссійскаго рода Сулимъ, обязательно сообщенныхъ намъ Г. В. Кибальчицемъ. Авторъ этой Записки Акимъ Семеновичъ Сулима былъ послѣднимъ генеральнымъ судьей Малороссіи и умеръ въ 1818 году, когда перестала существовать и должность, которую онъ занималъ, съ введеніемъ обще-имперскихъ учрежденій по проекту Сперанскаго.

Содержаніе и назначеніе Записки объясняются въ слѣдующемъ заголовкѣ оной: „По второму Департаменту Генеральнаго Малороссійскаго суда: о необходимости въ прибавкѣ канцелярскихъ служителей и на расходы канцелярскіе суммы“. Время-же представленія Записки значится въ слѣдующей помѣтѣ въ концѣ перваго листа: „2-го августа 1798 года послано при письмѣ къ его высокопревосходительству, господину генералу отъ инфантеріи, малороссійскому военному генераль-губернатору, управляющему гражданскою частію малороссійской и кievской губерній, Александру Андреевичу Беклешову“.

Имѣя, по видимому, очень ограниченное содержаніе, Записка Сулимы знакомитъ насъ съ нѣкоторыми подробностями особаго малороссійскаго суда въ послѣдніе годы его существованія; кромѣ того она проливаетъ свѣтъ на положеніе этого суда во времена весьма отдаленныя и открываетъ нѣкоторыя совершенно новыя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія.

Во время правленія Малороссіею гетмановъ, для канцелярскихъ служителей войсковою генеральною канцелярію и генеральнаго суда,

построенъ былъ особой домъ, подъ названіемъ: Курѣнь войсковый, гдѣ жили болѣе ста человекъ.

На содержаніе-жъ ихъ даны были отъ гетмановъ и высочайшими грамотами утверждены деревни, въ которые избираемые изъ ихъ самихъ посылались управители и всѣ съѣстные припасы доставляли въ курѣнь въ натурѣ; а предъ праздниками Рождества Христова и Воскресенія и личные собираемые изъ деревень деньги, по росписанію генеральнаго писаря, или по препорученію его старшаго канцеляриста, раздаваемы были по трудамъ и способности каждому.

Которые-жъ войсковые канцеляристы могли имѣть содержаніе сами отъ себя, тѣ жили на наняемыхъ ими квартирахъ и на всемъ своемъ прожитіи. А за то и за ревностную службу, какъ тѣ, такъ и живущіе въ курѣнь награждаемы были отъ гетмановъ чинами войсковыхъ товарищей, сотниковъ къ мѣсту, также къ мѣсту чинами полковыхъ старшинъ: хорунжого, асаула и писаря, а изъ знатнѣйшихъ фамилій—въ бунчуковые товарищи и полковые судьи.

Когда правленіе гетмановъ престоало и на мѣсто войсковой генеральной канцеляріи учреждена малороссійская коллегія; то главнокомандующій въ Малой Россіи и президентъ той коллегіи, покойный господинъ генераль-фельдмаршалъ и кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, имѣлъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи и распоряженіи всѣ собираемые тогда въ Малой Россіи въ скарбъ войсковый доходы, дѣлалъ отъ себя для тогдашнихъ въ Глуховѣ присутственныхъ мѣстъ, и во первыхъ для малороссійской коллегіи и суда генеральнаго, о секретаряхъ и канцелярскихъ чинахъ и служителяхъ штаты въ 766-мъ и 769-мъ годахъ, кои по разсмотрѣнію своему дополнял, и на конецъ 776-го года предложеніемъ коллегіи предписалъ производить годовое жалованіе противъ положеннаго въ высочайше подтвержденныхъ 763-го года штатахъ состоящимъ въ Москвѣ коллегіямъ и канцеляріямъ.

И въ слѣдствіе того по предписаніямъ коллегіи малороссійская скарбовая канцелярія отпускала жалованье.

ВЪ МАЛОРОССІЙСКУЮ КОЛЛЕГІЮ.

1 эзекутору	465 р.
3 секретарямъ каждому по	375 >
2 секретарямъ.	250 >
1 протоколисту	225 >
1 регистратору	200 >

1 актуаріусу	200 р.
1 архиваріусу	200 »
2 адвокатамъ каждому по	120 »

Сихъ послѣднихъ должность состояла въ томъ, чтобы приносящмы отъ просителей апелляціи и частныя прозбы прежде подачи просматривать и о исправности оныхъ подписью на нихъ свидѣтельствовать.

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

10-ти первой статьи по	120 р.
11-ти второй	80 »
23-мъ третьей по	60 »
1-му вахмистру	60 »
2-мъ истопникамъ по	18 »
1-му переплетчику	25 »

ВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЪ.

1-му эзекутору	250 р.
2-мъ секретарямъ каждому по	250 »
1-му протоколисту	225 »
1-му регистратору	200 »
1-му актуаріусу	200 »
1-му архиваріусу	200 »
1-му нотаріусу	150 »
2-мъ адвокатамъ каждому по	120 »

КАНЦЕЛЯРИСТАМЪ.

4-мъ первой статьи по	120 р.
8-ми второй по	80 »
10-ти третье по	60 »
2-мъ истопникамъ по	18 »

Каковы деньги въ то время, по дешевизнѣ всегс, почитались за достаточныя.

Какъ въ коллегіи, такъ и въ генеральномъ судѣ канцеляристы, за отдѣленіемъ въ помощь протоколисту и регистратору человѣкъ по 15-ти, раздѣлены были по повѣтямъ, которыхъ состояло отъ десяти до двенадцати, и въ каждомъ, кромѣ повѣтчика, было канцеляристовъ отъ 15-ти до 20-ти, а въ пныхъ и болѣе, въ которомъ числѣ человѣкъ сто было совершенно обучившихся и въ письмоводствѣ искусныхъ, имѣвъ съ нихъ многіе пособія къ тому отъ наукъ пріобрѣтенныхъ въ малороссійскихъ училищахъ.

Сіи сверхъ штата множайшіе служители на собственномъ иждивеніи, въ упованіи награжденія или одними чинами, или таковыми жъ къ мѣстамъ, по выше выраженному, и получали оныя отъ коллегіи съ патентами на чины, по предложеніямъ главнокомандующаго.

На канцелярскіе жъ расходы, какъ-то: дрова, свѣчи, бумагу, сургучъ и прочіе положительнаго количества денегъ не было; но всегда при надобности требовано изъ скарбовой канцеляріи, которая требуемое количество денегъ и отпускала для покупки тѣхъ надобностей, съ записками въ книгѣ.

А для храненія въ коллегіи и генеральномъ судѣ дѣлъ и денегъ опредѣлялся достаточный караулъ изъ роты фузелерной, въ вѣдомствѣ коллегіи состоявшей.

При устроеніи губерній по высочайшимъ учрежденіямъ Малая Россія раздѣлена была на три губерніи: кievскую, черниговскую и новгородъ-сѣверскую; а нѣкоторая часть Малой Россіи причислена и къ бывшей екатеринославской губерніи.

Когда же, въ силу всевысочайшаго его императорскаго величества 796-го года, ноября 30-го, указа Малая Россія возстановлена въ прежнее свои границы, и для рѣшенія тяжбныхъ дѣлъ возобновленъ малороссійскій генеральный судъ, съ раздѣленіемъ на два департамента, который прежде былъ средней инстанціи и состоялъ подъ апелляціею малороссійской коллегіи, а нынѣ по оному высочайшему указу состоитъ подъ апелляціею правительствующаго сената и есть дѣйствительно по части судныхъ дѣлъ на мѣсто той коллегіи; то при открытіи онаго вступили въ оба департамента по родамъ всѣ дѣла нерѣшенные и не оконченные изъ бывшихъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, верхнихъ земскихъ судовъ, губерискихъ магистратовъ и верхнихъ расправъ губерній: кievской, черниговской, новгородъ-сѣверской и части екатеринославской, всего изъ шестнадцати присудственныхъ мѣстъ, да сверхъ того въ первый департаментъ вступили дѣла изъ совѣстныхъ судовъ. Всего же вступило въ 1-й департаментъ уголовныхъ триста и слѣдственныхъ о преступленіи должностей 12-ть. А во 2-й департаментъ двѣ тысячи двѣсти сорокъ девять дѣлъ.

Въ сіе время, когда въ прежнихъ шестнадцати присутственныхъ мѣстахъ отписывали дѣла 16-ть секретарей, 16-ть протоколистовъ, 16-ть регистраторовъ, и въ каждомъ мѣстѣ не менѣе десяти—однихъ по штату состоявшихъ канцеляристовъ сто шестьдесятъ, осталось толикое число не оконченныхъ дѣлъ, и при таковомъ еще облегченіи, что дѣла цѣною ниже двадцати пяти рублей изъ нижнихъ мѣстъ въ верхніе на апелляцію не восходили.

А теперь въ оба департаменты генеральнаго суда вступили всѣ оныя не оконченныя въ палатахъ и верхнихъ мѣстахъ, и вновь вступаютъ дѣла во всякой уже, по праву книги: *Статутъ*, ценѣ по апелляціямъ на девяносто четыре присутственные мѣста, какъ то: 20-ть подкоморскихъ судовъ, 20-ть повѣтовыхъ судовъ, 26-ть городскихъ магистратовъ и 28-мъ ратушъ: сверхъ того въ первый департаментъ вступаютъ изъ всѣхъ оныхъ судебныхъ мѣстъ всѣ уголовныя дѣла, заключающія въ себѣ преступленія, подвергающія подсудимыхъ къ лишенію жизни, лишенію чести и торговой казни, хотя-бы подсудимые мнѣніями нижнихъ присутственныхъ мѣстъ и были оправданы; къ тому-жъ вступаютъ дѣла о преступникахъ, не имѣющихъ совершенныхъ лѣтъ, принадлежавшіе прежде разбору совѣстныхъ судовъ; да въ оба департамента входятъ не только на тѣ 94 мѣста, но еще по жалобамъ и на 20-ть городничихъ, и на 20-ть нижнихъ земскихъ судовъ, и того на сто тридцать четыре присутствія. И уже съ открытія втораго департамента однихъ апелляціонныхъ, и по тѣмъ жалобамъ, противу коихъ требуетъ генеральный судъ объясненій отъ вышесказанныхъ подвѣдомыхъ ему мѣстъ, вступило двѣсти тридцать пять, не полагая въ то число тѣхъ жалобъ, кои при самой подачѣ разрѣшаются, и получаемыхъ къ выполнению и резолюціи отъ равныхъ мѣстъ сообщеній, а отъ подчиненныхъ рапортовъ, каковыхъ бумагъ во второй департаментъ донинѣ вошло три тысячи четыреста двадцать пять, и ежедневно не малымъ числомъ входятъ; а въ 1-й департаментъ таловыхъ-же бумагъ вошло 1686: уменьшенія-жъ сихъ въ оба департаменты входящихъ дѣлъ и бумагъ ожидать не можно, по тому найпаче, что въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ кромѣ дворянъ, разночинцевъ и священниковъ, болѣе милліона жителей въ одномъ подушномъ окладѣ состоитъ, разграниченія земель не было, а владѣнія по большей части въ каждомъ селеніи совмѣстные и чрезъполосныя нѣсколькихъ помѣщиковъ и многихъ козаковъ, также священно и церковнослужителей, имѣющихъ наслѣдственныя и покушныя земли.

Къ тому-жъ въ нынѣшнемъ генеральномъ судѣ производятся такія дѣла, которыхъ въ прежде бывшемъ не было, именно: въ 1-мъ департаментѣ слѣдственные о преступленіи должностей, кои по обширнымъ матеріямъ и по не малому иногда въ одномъ дѣлѣ числу подсудимыхъ, требуютъ особаго секретаря и особой экспедиціи съ канцелярскими служителями; а во 2-мъ департаментѣ по запискамъ изъ главнаго начальства государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства, и по частнымъ просьбамъ о выдачѣ свидѣтельствъ дворянамъ на закладываемыя ими въ банкъ имѣнія, часть сихъ дѣлъ отиготительна для канцелярій потому, что о благонадежности закладываемаго имѣнія надлежитъ соби-

рать отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ справки, и выправляться съ алфавитными бывшихъ гражданскихъ палатъ запретительными книгами; а по выдачѣ свидѣтельствъ не только въ своей губерніи, но и по всей имперіи, гдѣ письмо вѣрностей производится, писать о запрещеніи, при случаѣ-жъ разрѣшенія и объ ономъ, на что множество исходитъ бумаги и сургуча. А не меньше и на то, что сей судъ по получаемымъ всегда изъ всѣхъ губерній сообщеніямъ объ учиненіи запрещеній и разрѣшеній на имѣнія дворянъ, купцовъ и другаго званія людей, при займѣ ими денегъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія и казенныхъ палатахъ изъ выработанной преступниками суммы, или по подрядамъ и откупамъ, или-же по долговымъ къ нимъ частныхъ людей претензіямъ, о таковыхъ запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ пишетъ отъ себя здѣшней губерніи во всѣ повѣтовые суды, городовые магистраты и ратуши.

По симъ обстоятельствамъ малороссійскій генеральный судъ по обоимъ департаментамъ, изъ дознаннаго опыта, находитъ необходимымъ, для успѣшнаго производства вшедшихъ въ оной старыхъ, и особо вновь входящихъ во множествѣ дѣлъ, особливо въ 1-й департаментъ уголовныхъ, по коимъ подсудимые со всей губерніи присылаемые въ Черниговѣ содержатся, во многомъ числѣ, въ одномъ острогѣ, и о скорѣйшемъ кончѣ окончаніи послѣдовало строжайшее предписаніе, имѣть пригѣрно прежде бывшимъ малороссійской коллегіи и генеральному суду:

В О 2-МЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

- 1-го эзекутора.
- 2-хъ секретарей.
- 2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.
- 2-хъ протоколистовъ.
- 2-хъ регистраторовъ.
- 1-го актуаріуса.
- 1-го архиваріуса.

Б А Н Ц Е Л Я Р И С Т О В Ъ.

- 12-ть первой статьи.
- 12-ть второй.
- 26-ть третьей.
- 1-го вахмистра.
- 2-хъ сторожей.
- 1-го переплетчика.

На канцелярскіе расходы 1,200 руб. и карауль для храненія денегъ и дѣлъ.

А В Ъ 1-МЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ.

2-хъ секретарей.

2-хъ экспедиторовъ или докладчиковъ.

2-хъ протоколистовъ.

2-хъ регистраторовъ, съ коихъ одинъ сверхъ регистраторской отправлялъ-бы и эзекуторскую должность.

КАНЦЕЛЯРИСТОВЪ.

12-ть первой статьи.

10-ть второй.

8-мь третьей.

1-го вахмистра.

2-хъ сторожей.

1-го переписчика.

Да на канцелярскіе расходы въ годъ 600 руб. и караулъ для храненія денегъ и дѣлъ, съ коихъ многіе производятся и по секрету.

При каковомъ штатѣ можно раздѣлить въ каждомъ департаментѣ канцелярію на 12-ть повытей, дабы были 10-ть въ уголовныхъ, а въ гражданскомъ департаментѣ для просвительныхъ дѣлъ, и въ каждомъ отправлялись дѣла двухъ повѣтовъ: два-жь повѣты учредить въ 1-мъ департаментѣ, одно для слѣдственныхъ дѣлъ о преступленіи должностей, а другое для поточныхъ дѣлъ; во 2-мъ-же департаментѣ одно для частныхъ интересныхъ дѣлъ, а другое для отписки при выдачѣ свидѣтельствъ въ вспомогательный банкъ, и чрезъ то избѣжать затрудненія и обыкновеннаго при множествѣ дѣлъ въ канцеляріи замѣшательства.

А высочайшимъ именованымъ 797-го года, декабря 18-го, изданнымъ указомъ въ губернскихъ штатовъ, обращены на содержаніе дворянства совѣтники и ассесоры палатъ, суды и расправы уѣздныя и нижніе земскіе суды, съ канцелярскими ихъ суммами, губернскіе и уѣздные землемѣры, врачебныя управы со всѣми медицинскими чинами и повивальными бабками, архитекторы и механики, и въ Малой Россіи, именно: генеральныя судьи и совѣтники, и опредѣлена въ Малой Россіи ко взносу сумма 80,000 тысячъ рублей; но какъ въ генеральномъ судѣ на мѣстѣ ассесоровъ присудствуютъ депутаты, въ каждомъ департаментѣ по пяти, которые особое отъ дворянъ здѣшней губерніи получаютъ жалованье, въ годъ всякій съ нихъ по пяти сотъ рублей, а вмѣсто уѣздныхъ повѣтовые суды имѣютъ содержаніе отъ доходовъ, въ правѣ книги: *Статутъ* имъ позволенныхъ.

По Малороссійской-же губерніи всего въ расходѣ .	95,700 р.
въ которую сумму не полагал опредѣленнаго въ семъ-же указѣ для городничихъ съ канцеляріями ихъ отъ городовъ содержанія въ	7,700 >
Да исключая содержаніе отъ короны губернскаго правленія съ прокуроромъ въ	9,970 >
Казенной палаты въ	10,770 >
И 20 повѣтовые казначейства въ	18,760 >
Всего на сіи расходы	39,500 >
На предписанные въ высочайшемъ указѣ для здѣшняго края изъ дворянской суммы расходы употребляется только	40,500 >
Слѣдовательно изъ	80,000 >
суммы остается безъ употребленія на тѣ расходы . . .	39,500 >

То изъ сихъ денегъ можно отдѣлить нѣкоторую часть на содержаніе вышеписаннаго штата малороссійскаго генеральнаго суда и тѣмъ удобнѣе, что покупаемою для расходовъ бумагою, при употребленіи оной на просителивы дѣла по исхожденію ихъ, взыскивая за каждый листъ по цѣнѣ гербовой по 30-ти копѣекъ, отпускаемая на расходы сумма можетъ выручиться съ превосходствомъ.

Сверхъ вышеписаннаго нужнаго штата генеральный судъ полагаетъ принимать къ дѣламъ благородныхъ людей, дабы они причались на пользу службы какъ судопроизводству дѣлъ, такъ и знанію законовъ въ семъ краѣ употребляемыхъ, а за то, что они будутъ служить на собственномъ своемъ издивеніи, и по усмотрѣніи способности и прилежности ихъ, награждать, по прежнему обыкновенію, слѣдующими по линіи чинами преимущественно предъ тѣми, кои продолжаютъ служеніе съ полученіемъ жалованья.

ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНИЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Извѣстно, что малороссійская старшина довольно безцеремонно относилась къ праву собственности: захватывала недвижимыя имущества другъ у друга, грабила вдовъ и сиротъ, въ особенности-же доставалось меньшей братіи „черни“. Старшина разными мѣрами вынуждала у находившихся въ зависимости отъ нея простыхъ козаковъ запродажныя росписки не только на пахотныя земли и угодья, но даже на грунты. Понятно, что лишенный пристанища козакъ дѣлался нищимъ и попадалъ въ кабалу къ своему эксплуататору. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ этого печальнаго въ исторіи экономического быта Малороссіи явленія можетъ быть и помѣщаемый ниже ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана къ подначальнымъ ему сотникамъ.

Не смотря на неоднократныя императорскіе указы, а затѣмъ гетманскіе универсалы и полковничьи ордеры, запрещавшіе старшинѣ скупать грунты у простыхъ козаковъ, она продолжала обдѣлывать свои темныя дѣлишки, такъ что прилуцкій полковникъ, что-бы пресѣчь злоупотребленія, угрожаетъ, какъ читаемъ въ ордерѣ, за каждое „упущеніе и послабленіе истязаніемъ (тѣлеснымъ наказаніемъ) и жесточайшимъ штрафомъ“.

Другіе два документа рисуютъ намъ простой и скорый порядокъ разрѣшенія поземельныхъ споровъ въ Малороссіи въ первой четверти XVIII вѣка.

Два селенія подають просьбу въ гетманскую канцелярію объ опредѣленіи границы между ихъ землями; гетманъ посылаетъ одного изъ своихъ подчиненныхъ Чуйкевича и поручаетъ ему разобрать споръ. Чуйкевичъ, по разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ и по опросѣ

понятыхъ „старинныхъ“ мѣстныхъ обывателей, ставить рѣшеніе (децизію) по праву даннаго ему гетманомъ полномочія, гетманъ же подтверждаетъ только своимъ универсаломъ постановленіе Чуйкевича.

Н. С.—но.

1. Ордеръ прилуцкаго полковника Григорія Галагана о некуплѣ козацкихъ грунтовъ малороссійской старшиной.

Ордеръ съ полковой прилуцкой канцеляріи панамъ сотникамъ полку прилуцкаго: полковому Степану Лукомскому, монастирскому Ивану Романовичу, ичанскому Андрею Стороженку, пваницкому Федору Свѣрскому, карабутовскому Самойлу Левандовскому, красно-колядвинскому Петру Максимовичу, сребранскому Николаю Троцинѣ, варвинскому Димитрію Конѣскому да журавскому Федору Тарасѣвичу:

Сего декабря 23 въ указѣ ея императорскаго величества изъ войсковой генеральной канцеляріи написано: прошедшихъ де разныхъ годовъ неоднократно де отъ войсковой генеральной канцеляріи во всѣ полки малороссійскіе, въ томъ числѣ и въ полкѣ прилуцкій, о некуплѣ козаковъ предлагаемо било, а особливо въ минувшомъ 1739 году, по состоявшему имянному, блажены и вѣчно-достойныя памяти, ея императорскаго величества, государинѣ Анни Іоанновны, самодержицы всероссійской, за собственною ея императорскаго величества рукою, указу накрѣпко запрещено, чтобъ отнюдь никто ни подъ какимъ видомъ не точию козаковъ, но и козацкихъ грунтовъ завладѣвати и за собою закрѣпляти, впредь до высочайшого ея императорскаго величества соизволения и указу на то не дерзаль, да кромѣ де того, и сего 1741 году, по силѣ полученнаго изъ правительствующаго сената о прощении винъ полковника нѣжинскаго и полковой старшины, и кон 736 и 734 года грунта у козаковъ покупили, и о возвращеніи безденежно, и о некуплѣ впредь во всей Малой Россіи, въ противность указамъ, подъ жесточайшимъ штрафомъ.

Указами изъ войсковой генеральной канцеляріи извѣстно учинилось, что нѣкоторые изъ сотниковъ, въ отмѣнность оныхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ, паки дерзали изкупивъ козаковъ у подданство себѣ привращати, въ чомъ на нихъ въ войсковую генеральную канцелярію и жалобы произошли, почему отъ генеральной войсковой канцеляріи изслѣдовати велѣно, и по изслѣдованіи де безъ достойнаго штрафа виновному никакъ оставлено не будетъ; но дабы иногда

таковихъ весьма предосудительныхъ, въ отмѣнность ея императорскаго величества указовъ, поступковъ и въ другихъ местахъ паче чаянія происходитъ не могло, того ради велѣно тѣмъ ея императорскаго величества указомъ, дабы такъ полковая старшина, яко и сотники, по силѣ оныхъ запретительныхъ о томъ высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ, всеконечное и безъ сысканія и малѣйшя отмѣны чинити исполнение, и того требовати подъ опасеніемъ за какое-либо въ томъ ущущение или послабление истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того той состоявшійся подтвердительный о томъ указъ вездѣ по всѣмъ полку прилуцкаго сотнямъ опубликовать, и о полученіи и исполненіи прислати въ оную войсковую генеральную канцелярію репортъ, а особливо въ слушаніи и исполненіи одного такъ полковой старшинѣ, яко и сотникамъ подписатся, и тѣ подписки прислатъ въ генеральную войсковую канцелярію немедленно.

Того ради сего числа, по содержанію одного ея императорскаго величества указа, опредѣлено въ прилуцкой канцеляріи послати во всѣ полку прилуцкого сотнѣ еъ сотникамъ настоящимъ и наказнымъ, таже и сотеннымъ старшинамъ сей ордеръ, найкрѣпчайше напомянуть, дабы они по силѣ запретительныхъ о томъ ордеровъ, всеконечные, безъ всякія и малѣйшя отмѣны, чинили исполненіе и того, яко настоящіе сотенные командиры, сами они перестерегали, подъ опасеніемъ за какое-либо въ томъ ущущеніе и послабленіе самимъ имъ истязанія и жесточайшаго штрафа, и для того сей состоявшій подтвердительный о томъ ордеръ вездѣ по всѣмъ сотенъ своихъ селамъ и деревнямъ публиковать, о полученіи и о исполненіи, вмѣсто репорта и отрепортованія о томъ въ генеральную войсковую канцелярію, на семъ ордерѣ подписатся, а особливо о слушаніи и исполненіи одного, такъ настоящимъ, яко и наказнымъ сотникамъ и сотеннымъ старшинамъ на сообщенной при семъ ордерѣ подписки подписатся должно, и оный ордеръ, начавъ отъ полковой сотнѣ, во всѣ по ряду, списавъ съ одного точные копіи съ нарочнымъ, промѣчая на ономъ, какого числа и часа полученъ ордеръ, въ другую сотню съ кимъ отпривленъ будетъ, съ росписками отсылати, а отъ Журавки должно оный таже съ нарочнымъ сюда прислатъ. Данъ въ Прилуцѣ, декабря 24 дня, 1741 года.

На ордерѣ тако:

Григорій Галаганъ.

Полковліи писарь Иванъ Александровичъ, канцеляристъ Григорій Леонтьевъ.

По указу ея императорскаго величества, мы нижеподписавшіеся полку прилуцкого полковникъ, полковая старшина, сотники и сотенная

старшина сею нашею подписею въ войсковую генеральную канцелярію обовязуемъ, что ежели-бы имѣли мы сами козаковъ и ихъ вгрунта скупляти, кои указами ея императорскаго величества въ продажи и въ покупки воспянци, то должны подлежати неотмѣнно таковому штрафу, каковой по указамъ ея императорскаго величества за таковы скуплѣ положень. 1741 году декабря 29 дня.

(На копіи подписались полковникъ и вся полковая старшина).

Списано съ копіи. Н. С—ко.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о разрушеніи земель между жителями селъ Мартиновки и Рожновки.

Его царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ

Іоанъ Скоропадскій.

Пану полковниковѣ войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго нѣжинскому, старшинѣ его полковой, а особливо сотниковѣ ивангородскому и всѣмъ войсковимъ и посполитимъ того полеу обивателямъ и кому колвекъ, теперь и въ потомніе часы, вѣдати надлежатиметь, симъ нашимъ ознаймуемо универсаломъ: поневажъ заводъ мартиновскихъ жителей зъ рожнувскими о поля спорніи чрезъ немалій часъ трымае и не могъ прійти до мирного окончанія, того ради мы нарочито посылали отъ боку нашего пана Александра Чуйкевича, знатного товариша войскового туда съ крайною волею нашею, для всеконечного размежованія тихъ полей, которіи увазѣ своей давнюю границу, высланными одъ покойного Василя Забѣли мижи ими мартиновцями и его тогда подданными рожнувцями составленную и копчами въ розиску выраженными, у своихъ мѣстахъ лежащими, раздѣленную, узнавши быти за твердую и правдивую, обнови и въ первобитномъ составленіи оную быти подтверди, яко розгранченіе поля и на паперѣ, для лучшей въ потомніи часы крѣпости, велѣлисмо выпсати, за симъ мы гетманъ тое его пана Чуйкевича пилное разсмотрѣніе и размежованіе грунтовъ между мартиновцями и рожнувцями, давнихъ копцовъ предреченныхъ поновою теперь означенное, яко разсудили бити слушное и обомъ сторонамъ безобидное, такъ оное симъ нашимъ универсаломъ стверждаемъ, которою повагою пилно варуемъ и приказуемъ, даби тое розгранченіе, знаками въ розиску выраженными, оцирѣлюване и моцненне, зъ обонхъ сторонъ цѣло и твердо въ потомніе вѣки было содержано и никто зъ старшини и чернѣ

оного нарушати не дерзаль, а особливе, яко мартиновцѣ въ рожнувское поле вступати, такъ и рожнувицѣ въ мартиновскіе грунта впрятися чрезъ Забѣлинскіе кощци, теперь поновленіе, кажнею мѣрою, подъ зарукою таларей двохъ сотъ и невступнимъ войсковимъ срогимъ караннемъ и винами правними, не важились, упоминаемъ. Данъ въ Глуховѣ въ канцелири нашей войсковой. Августа 5, року 1714.

М. П. Звишменованній гетманъ рукою власною.

2. Децизія или рѣшеніе гетманскаго уполномоченнаго по сему дѣлу Андрея Чуйкевича, подтвержденное универсаломъ Скоропадскаго.

Децизія.

Поневажъ одъ ясневельможного, его милости, пана гетмана сей розискъ узнанъ есть за слушній и подлугъ оного зуполное есть злеценіе учпнить всеконечную границу межи полями мартиновскими и рожнувскими, яко листъ приватній егожъ панскій совершенно въ томъ мене информуетъ, теди властію одъ ясневельможного рейментара и добродѣя моего мнѣ данною розграничаю мартиновскіе и рожнувскіе поля кощцами небожчика пана Забѣли Василя вышменованными, а теперь ново поновленними, а кощцямъ пана Івана Кераевскаго, товариша войскового, за дорогою къ ичанскимъ полямъ, на мартиновскихъ кгрунтахъ покопаннимъ нѣтъ мѣстце, потому, же рожнувицѣ своимъ противнимъ перораннемъ нивочтожили, ихъ озеро, противъ хойхи будучое, мартиновцямъ по прежнему приворочається, и же одъ первѣйшого въ Мартиновки поселенія надлежить и прислушаетъ оное мартиновцямъ, безъ которого и прожити имъ невозможно, яко самого мѣстца положеніе виявляє, а що рожнувицѣ, впершись, на той сторонѣ, гдѣ озеро, поорали поле мартиновске, то до того орання однюдь вже не мають наймнѣйше интересоватися рожнувицѣ, понеже тое поле мартиновскимъ рукамъ досталось, подлугъ граничнихъ кощцовъ, одъ коща Забѣлиного узъ дорогу парафѣвску покопаннихъ до бугра прочтивъ хойхи и по знаки граничніе и межовіе ичанскіе аж до Утки и озера за сръбранскимъ шляхомъ. Звлаца же и Бусенко и Андрей Почотирко, старинни жители рожнувскіе повѣдали, ижъ за дорогою парафѣвскою противъ хойхи и за озеромъ межи кгрунтами мартиновскимъ и ичанскими нѣколи не мали себѣ кожной они рожнувицѣ части наименшой сѣбноюсною, черезъ тую теди границу иркѣвскимъ жителемъ одъ молодого небожчика Забѣли составленную, а теперь повнимъ кощцами одновлепную и правними поступками укрѣплен-

ную, абы такъ мартиновци не вступали въ рожнувске поле и сѣнокоси, яко и рожнувцѣ абы наимнѣйше не впирались до мартиновскихъ кгрунтовъ, а не черезъ кощцн забѣлински, а не черезъ дорогу парафѣевскую до бугра, противъ хойхп, къ ичанскимъ полямъ границею оциркѣлованымъ до Утки и озера, пилно егожъ панскои велможности варую и неотступными правными винами и срогимъ войсковимъ караннемъ стверждаю. У Мартиновицѣ, іюля 19, 1714 року.

Александръ Чуйкевичъ, висловецъ рейментарскій.

Библіографія.

Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ, 1884 г.

Приступая къ описанію мѣстечка радомысльскаго уѣзда Чернобыля, древняго Стрежева, авторъ счелъ нужнымъ рекомендоваться: «Военный человекъ въ отставкѣ, если владѣетъ смысломъ, не обезсиленъ немощами и не обремененъ частными своими или чужими дѣлами, не можетъ долго сидѣть, сложа руки и ничего не дѣлая, кромѣ удовлетворенія животныхъ потребностей. Онъ привыкъ къ походамъ и обзорѣніямъ, притомъ съ своей обычной точки зрѣнія: защиты и нападенія, разумѣется во-ображаемыхъ, но возможныхъ». Такимъ заявленіемъ начинается свою книжку г. Л. П., очевидно свободнѣе владѣющій оружіемъ, чѣмъ перомъ. То оружіе, съ которымъ онъ выступаетъ на этотъ разъ противъ твердынь, «во-ображаемыхъ, но возможныхъ», не похоже на утонченную толедскую шпагу, какою маневрировалъ когда-то литераторъ Де-ла-Серда. Это тяжеловѣсная берданка, по правдѣ сказать, совершенно напрасно захваченная авторомъ въ свою экскурсію. Въ его маленькой книжкѣ ужасно много полемическаго задора. Дымъ отъ выстрѣловъ застилаетъ Чернобыль и мѣшаетъ ясно видѣть его очертанія... Между тѣмъ точныя и обстоятельныя описанія отдѣльныхъ поселеній и мѣстностей нигдѣ не могутъ быть такъ желательны и умѣстны, какъ въ юго-западномъ краѣ, живущемъ по старому, безъ земскихъ учрежденій и гласнаго обсужденія дѣлъ, гдѣ всѣ свѣдѣнія объ общественной и экономической жизни не выходятъ еще изъ стѣнъ канцелярій. Но къ такимъ описаніямъ менѣе всего примѣнительна воинствующая манера. Авторъ дѣлается мало убѣдительнымъ, когда, напримѣръ, въ вопросѣ о еврейскомъ вліяніи въ краѣ ставитъ въ вину евреямъ даже празднованіе субботняго дня (стр. 29), или въ сравнительномъ благосостояніи еврейскаго населенія Чернобыля подозрѣваетъ участіе Alliance Israelite. Строгость къ евреямъ вообще у

него большаа. Единственнаго любезнаго отзыва удостоиваются у него сыны Израиля за форму своихъ могильныхъ памятниковъ, «удобныхъ для постройки брустверовъ», между тѣмъ какъ «круглыя» (?) надгробныя сооруженія христіанъ, по его отзыву, не годятся для этой цѣли. Предвзятыя точки зрѣнія вносятъ путаницу во многихъ мѣстахъ описанія мѣстечка и его жизни. Такъ, рассказывал о черныбыльскихъ раскольникахъ, г. Л. П. заявляетъ, что они зажиточнѣе и развитѣе по уму, чѣмъ мѣстное православное населеніе и объясняетъ это обстоятельство «нѣкоторыми удобствами опеки и контроля официальнойности, а съ ней лишнихъ издержекъ въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ». И рядомъ, тутъ-же, дѣлаетъ изумительный выводъ, что «*поэтому* раскольники большею частію грамотны, не имѣя официальныхъ училищъ и обходясь безъ инспекторовъ, окружныхъ и сельскихъ, уподобляясь въ этомъ отношеніи евреямъ, которые также почти всѣ грамотны, не имѣя официальныхъ училищъ и строгаго инспекторства надъ ними».

Тамъ, гдѣ замѣчанія автора подтверждены фактами, съ нимъ нельзя не согласиться. Таковы его выводы объ общихъ сторонахъ нашего духовенства, объ его сословной обособленности, о взглядѣ на церковь, какъ на источникъ дохода, и происходящей, вслѣдствіе этихъ причинъ, официальнойности отношеній между духовенствомъ и мірянами, не существующей у раскольниковъ и иновѣрцевъ. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя г. Л. П. объ одномъ учрежденіи, тѣсно примыкающемъ къ церкви, но существующемъ помимо мѣстнаго духовенства: «при ильинской церкви существуетъ православное братство, самое давнее въ губерніи, учрежденное еще въ то давнее время, когда въ нашемъ краѣ духовенство болѣло съ народомъ общими болѣзнями и сохранившееся чудесно до нашихъ временъ, благодаря именно тому, что учреждено не по теперешнему типу братствъ или приходскихъ попечительствъ, обреченныхъ, подъ предсѣдательствомъ и завѣдываніемъ приходскихъ священниковъ, на служеніе духовному сословію, а по давнему обычаю обречено на служеніе самому православному черныбыльскому обществу, подъ предсѣдательствомъ и распоряженіемъ избраннаго обществомъ цихмистера, которымъ въ настоящее время состоитъ крестьянинъ Стефанъ Зозуля, завѣдующій имуществомъ братства и капиталомъ въ 2000 рублей. Имущество и капиталъ братства не смѣшиваются съ церковными суммами, коими распоряжаются консисторія и благочинные. Главное дѣло этого оригинальнаго братства—погребеніе мертвыхъ, даровое для бѣдныхъ и съ пожертвованіями для богатыхъ». Полнаго сочувствія заслуживаетъ также выражаемое г. Л. П. желаніе скорѣйшаго законодательнаго урегулированія положенія владѣльческихъ мѣстечекъ, подобныхъ Черныбылю,

или уничтоженія, на примѣръ, такой аномаліи, какъ устраненіе старообрядцевъ отъ выборовъ въ мѣстечкѣ, лишающее ихъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Объ этихъ старообрядцахъ (безпоповцахъ и поповцахъ) авторъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія. Онъ опустилъ только исторію ихъ поселенія въ Чернобылѣ, о чемъ нѣкоторыя данныя могъ найти въ «Архивѣ юго-западной Россіи» (ч. V, т. I). Подобно основателямъ «Вѣтки», они бѣжали отъ притѣсненій въ своемъ отечествѣ и поселились во владѣніяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, на правахъ «вольныхъ плебеевъ». Сохранился и договоръ ихъ съ графомъ Яномъ Ходкевичемъ, на основаніи котораго они поселились въ Чернобылѣ, нѣсколько раньше 1772 года.

Помимо указанныхъ слабостей, книжка г. Л. П. представляетъ довольно обстоятельный сводъ по исторіи, топографіи и экономической и общественной жизни Чернобыля. Она много выиграла-бы отъ устраненія «элемента борьбы», красной нитью проходящаго черезъ всю книжку и доходящаго до единоборства... съ правильною русскою рѣчью. Ревнителю русскихъ интересовъ въ краѣ, какимъ безспорно оказывается г. Л. П., нельзя говорить: «онъ былъ женатъ съ Софіею Кмитовой», «пренебрегавшихъ его волокитству онъ трактовалъ пулею», или «теоретическая забота четырехъ въ дѣйствительности сводится на ничто», и т. под. Если, по приведенному уже заявленію г. Л. П., онъ «не можетъ сидѣть, сложа руки», и литературной дѣятельности его суждено продолжаться, то нельзя не пожелать, чтобъ на устраненіе причинъ, вліяющихъ на достоинство его этимологическихъ и синтаксическихъ «построеній», была употреблена хотя нѣкоторая часть тягостнаго для него досуга.

В. Г—ко.

Ворскло, лірна поезія Я. Щоголева. Харьковъ. 1883 г.

Оживленіе малорусской литературной производительности въ началѣ шестидесятихъ годовъ выдвинуло группу поэтовъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивалась въ «Основѣ». Въ памяти многихъ остались имена Кузьменка, Руданскаго, Глѣбова, Кулика, талантовъ не яркихъ, но искреннихъ и слишкомъ рано покинувшихъ литературную сцену. Избравшій спеціальный родъ, Глѣбовъ оставилъ басни, успѣхъ которыхъ не исчерпавъ до сихъ поръ, Кузьменко—стихи и талантливую повѣсть, остальные—по двѣ-три пьесы, которыя не забудутся. Съ прекращеніемъ журнала, а потомъ и вообще появленія малорусскихъ книгъ, эти голоса замолчали.

Нѣсколько раньше названныхъ писателей выступилъ авторъ названной книги. Его имя можно встрѣтить еще въ «Молодикѣ» Беццаго, а подъ малорусскими стихами стоитъ оно въ «Хатѣ», вызвавъ въ то время живыя надежды. Судьба удалила потомъ надолго г. Щоголева отъ литературнаго поприща и не дала развиться полнѣе его дарованію. Но и по вышедшему сборнику его пьесъ, малому зерну, которое онъ берегъ для народной нивы, какъ-бы святыню сердца, его бесспорно слѣдуетъ поставить во главѣ той группы поэтовъ, о которой говорилось сейчасъ.

Читатель, прежде всего, пріятно обрадованъ, встрѣчая поэта, сознательно стоящаго на художественной почвѣ. Вопросъ о тенденціозной и художественной поэзіи въ украинской письменности не можетъ быть, впрочемъ, вопросомъ. Разрѣшеніе его дано массою созданныхъ самимъ народомъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ чувствомъ красоты, т. е. идеала. Высокія идеи присущи высокимъ сердцамъ, какими не могутъ не быть поэтическіе таланты. Но силу поэзіи даютъ не идеи, а ихъ выраженіе, жизненность образовъ. Въ яркости образовъ, въ силѣ чувства и въ томъ особенномъ своемъ освѣщеніи, какое сообщаетъ предметамъ и мыслямъ духовный складъ поэта — все вліяніе и дѣйствіе поэтического дара. Настъ миновала, и да минуетъ впредь, борьба съ искусствомъ въ области самаго искусства, равно какъ и опытъ переложенія въ стихи передовыхъ статей. На этомъ полѣ копья ломаются до сихъ поръ, хотя сила здраваго смысла беретъ свое и назвать Пушкина празднымъ забавникомъ рѣшится теперь только безиредѣльно самоувѣренное невѣжество.

Г. Щоголевъ хорошо обдумалъ свои поэтическіе ресурсы и хорошо овладѣлъ ими. У него есть качество важное для писателя и не часто встрѣчающееся: правильное сознаніе своихъ силъ. Нѣтъ пьесъ рефлектирующихъ, нѣтъ тенденціозной поэзіи и нѣтъ также, скажемъ вскользь, достающихся дешево переводовъ русскихъ поэтовъ. Истинная сфера его творчества — небольшая картинка, типъ, проявленіе какого либо чувства, все согрѣтое сильнымъ лиризмомъ; краски его всегда народны, и муза не покидаетъ степи, лѣса, хаты и поля.

Таковы его описательныя вещи. Но встрѣчаются у него стихи и иного порядка. Господствующій тонъ тѣхъ немногихъ пьесъ, гдѣ онъ открываетъ свой собственный душевный міръ — глубокая скорбь. Нетрутаал, чистая природа, простой, старый, вольный строй жизни, любовь къ ближнему, сочувствіе страданью и бѣдности — таковы поэтическіе завѣты, съ какими онъ вышелъ въ міръ. Жизнь изломала и разбила сны юности, разувѣрила въ чистыхъ надеждахъ, отняла все дорогое,

оставивъ на днѣ души горькій осадокъ. Свѣтъ подернулся въ глазахъ его дымкой жи и грязи и міровоззрѣніе поэта доходитъ до пессимизма.

Этихъ, пронизнутыхъ скорбью пьесъ, не много въ книгѣ («Струни», «Степъ», «Вітрові», «Повій», «Січа», «Годинникъ», «Пляцъ», «Тестаментъ»). Какъ тѣ люди, которые умѣютъ хоронить свою скорбь и не открываютъ первому встрѣчному свои душевныя раны, поэтъ предпочитаетъ рассказывать о чемъ нибудь другомъ и рисуеъ отгѣненныя лиризмомъ, живыя картинки жизни. И по выдержанности и по формѣ это лучшія вещи въ сборникѣ. Самыя свѣтлыя между ними относятся, конечно, къ раннему времени, къ молодой порѣ. Такія пьесы, какъ «Безрідні», «У полі», «Шинокъ», «Розцвіла червона квітка надъ водою», «Хвороба», «Колидка», «Весна» и еще двѣ-три, по своей граціи и задушевности, могутъ быть названы безукоризненными. Мѣткостью стиха и своей изящной сдержанностью онѣ должны-бы, безъ сомнѣнія, нравиться въ народной средѣ, если-бы книги чаще и легче проникали въ хату. Доказательство, впрочемъ, на лицо: пьеса «У полі» невѣдомыми путями проникла въ народъ и поется кое-гдѣ, какъ пѣсня, утративъ, по обыкновенію, при такомъ переходѣ, самую память объ авторѣ.

Въ цѣломъ рядѣ бытовыхъ стихотвореній рисуются типы труда и трудящагося люда («Гкачъ», «Косарі», «Будинокъ», «Могильщики»). Эти пьесы заставляють вспомнить невольню Пьера Dupont. Извѣстная аналогія приѣмовъ производитъ сходство въ формѣ и, читая пьесы этого рода въ книгѣ г. Щоголева, не разъ вспоминаешь знаменитое начало пѣсни «Les ouvriers»:

Vous, dont la lampe le matin,
Au clairon du coque se galume!..

Въ этихъ пьесахъ и въ балладахъ («Поминки», «Рыбалка», «Лоскотарки») авторъ чрезвычайно умѣстно и счастливо вводитъ живописныя старинныя выраженія, народныя названія растений и принадлежностей ремесль,—слова столь образныя, что подъ ихъ звукомъ какъ-бы чуется самый предметъ. Баллады г. Щоголева очень картинны и ничѣмъ не уступятъ лучшимъ произведеніямъ этого рода у Алексѣя Толстого или Полонскаго.

Авторъ «Ворскла» чистѣйшій лирикъ. Его дарованію совершенно чужды ноты сарказма или дидактическій тонъ. Пьесы съ этимъ отгѣнкомъ («По закону», «До бурсаківъ», «Швецъ», «Якъсь намъ солі не стало на страву») совершенно ничтожны и лишніи и нарушаютъ своей дисгармоніей цѣльное впечатлѣніе книги. Таковъ-же «Покинутый хутіръ»,

съ его странною скорбью о разоренномъ дворянскомъ гнѣздѣ, менѣе всего умѣстною послѣ этихъ строкъ вступительной пьесы «Струви»:

Не тобі я, добродію,
Сытый та щасливый,
Друкватиму мій гомінь
Щирый и мисливый.

Щобъ тобі его утямить,
Щобъ зъ нимъ одружитись,
Треба знову безъ сорочки
На світъ народитись...

Въ пьесѣ, которую можно-бы назвать «Видѣнье въ зеркалѣ», поэтъ очень образно рисуеть судьбу народа въ родной слободской Украинѣ. Только манерность нѣкоторыхъ куплетовъ нарушаетъ впечатлѣніе, также какъ въ стихотвореніи «Келихъ», гдѣ употребленіе техническихъ словъ доведено до излишества и ими совсѣмъ задавленъ поэтический замыселъ вещицы. Подобныя отступленія у г. Щоголева, впрочемъ, не часты, и его надо причислить къ поэтамъ—строгимъ къ себѣ, совершенно справедливо взвѣшивающимъ не только каждое слово, какъ надо дѣлать въ прозѣ, но и каждый звукъ.

Въ этихъ семи десяткахъ стихотвореній видѣнь прирожденный поэтъ. Если онъ не настолько силенъ, чтобъ заставить подражать себѣ, то самъ безспорно не подражаетъ никому, и въ украинской поэзіи его имя не будетъ забыто.

В. Г—но.

Юмористическіе рассказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. В. П. Жуковскаго. Кіевъ. 1884 г.

Два слова объ этой книжонкѣ мы скажемъ не съ цѣлью ея разбора. Будучи продуктомъ рыночной литературы, она таковому не подлежитъ. Мы хотимъ выразить только изумленіе, какъ съ такимъ умственнымъ багажемъ можно являться, хотя-бы и на рынкѣ. Никогда не встрѣчалось намъ ничего болѣе тупого и плоскаго. Прародители всѣхъ этихъ русскихъ, еврейскихъ, армянскихъ и иныхъ сценъ: гг. Горбуновы, Вейнберги, Лейкины, въ сравненіи съ г. Жуковскимъ, кажутся гигантамъ. А онъ увѣряетъ насъ, что рисуеть быть классической страны юмора, гдѣ насмѣшливая нотка проникаетъ рѣчь всякаго, отъ малаго ребенка до дряхлаго старика... Каждый изъ этихъ рассказовъ и сценъ производитъ

впечатлѣніе, какое вызываетъ въ обществѣ сказанная къмъ нибудь тупая пошлость, которой смѣется одинъ рассказчикъ, при гробовомъ и сострадательномъ молчаніи слушателей.

Г. Жуковскій не читалъ, конечно, ни Гоголя, ни Квитки. Но чтобы знать, что такое малорусскій юморъ, ему стоило прислушаться только къ народнымъ рассказамъ или заглянуть въ печатные ихъ сборники. У него отпали-бы тогда какъ охота издавать свою книжку, такъ и желаніе взимать за свое остроуміе по 25 копѣекъ.

Онъ не знаетъ, конечно, что многія произведенія нашихъ писателей суть ничто иное, какъ записанные изъ устъ народа рассказы и что еслибъ дать себѣ трудъ записывать остроумную болтовню деревенскихъ балагуровъ, то составила-бы библіотека, подъ которой, какъ соръ, затерялись-бы книжки, подобныя издѣлію г. Жуковского и его присныхъ.

На зарѣ малорусской письменности первые писатели, люди съ талантомъ, погрѣшили, присвоивъ нашему сельскому люду тупыя и дураковатыя черты. Это могло находить объясненіе въ эпохѣ, когда одинъ выходъ на сцену мужика казался уже дерзостью. Питомцы той традиціи, гг. Ващенко-Захарченки и tutti frutti, держались старыхъ преданій, но лишились уже старыхъ свойствъ: ума и веселости. Карающая Немезида расправилась по своему съ упорствующими до сихъ поръ псевдонародными гаерами и наградила ихъ глушостью, обезоруживающей негодованіе.

Г — но.

Демидовъ Санъ-Дonato. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г.

Намъ доставлена книга, заглавіе которой мы привели. Авторъ оной, или только издатель, какъ догадываются нѣкоторые, видимо желаетъ самой широкой для нея публикаціи или-же разносторонняго разбора ея и обсужденія. Объ ней однако такъ много говорилось въ нашей печати, въ изданіяхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, что говорить вновь послѣ того, что всѣми было прочитано, значило-бы досаждать читателю и такъ сказать мозолить ему глаза тѣмъ, отъ чего, быть можетъ, онъ давно уже отвернулся. «Помочи, галстуки, перчатки, духи, помада, одеколонъ» ..., слышите вы на каждомъ шагу, проходи мимо еврейскихъ лавочекъ и испытайъ уже, что это за товаръ, переходите на другую сторону, чтобы не слышать болѣе самыхъ зазываній. Подобное впечатлѣніе можетъ производить и широкая публикація, полученная названною нами книгою. Притомъ намъ вовсе чужда всякая публицистика и та внутренняя политика, которая широко разводится здѣсь на

девятц десяткахъ страницъ веленовой бумаги; мы имѣемъ дѣло лишь съ исторіею, притомъ мѣстною, а въ этой области еврейскому вопросу посвящено въ книгѣ всего три страницы. Намъ, слѣдовательно, говорить тутъ почти не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ оставить безъ вниманія и этого микроскопическаго явленія въ области нашей исторіи, хотя-бы для того, чтобы отмѣтить фактъ, какъ мало придается ей значенія въ рѣшеніи такого даже вопроса, который вписанъ въ нее слезами и кровію, и какъ подгоняются къ рѣшенію предвзятой задачи ея общія указанія.

Г. Демидовъ Санъ-Донато, или стоящій за его спиною иной авторъ хочетъ построить прозѣтъ равноправности евреевъ въ Россіи на двухъ страничкахъ изъ исторіи той обширной области, которой собственно и принадлежитъ вся исторія еврейства Россіи. И здѣсь впрочемъ онъ не сказалъ ничего новаго, кромѣ избитой и затасканной мысли, которую онъ проводитъ черезъ всю исторію еврейства, что только-де религиозный фанатизмъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ приходилось жить евреямъ, въ соединеніи съ невѣжествомъ народныхъ массъ, былъ причиною и вѣковыхъ страданій евреевъ и тяжелыхъ, хотя совсѣмъ несправедливыхъ противъ нихъ обвиненій. И въ Польшѣ, и въ Литвѣ бѣдныя еврейчины, по мнѣнію автора, послѣ тѣхъ страданій, отъ которыхъ они бѣжали сюда изъ Европы, старались честно трудиться въ отведенной имъ якобы единственной сферѣ торговыхъ занятій; но тутъ, послѣ люблинской уніи, произошелъ переворотъ во внутреннемъ строѣ польскаго королевства, который будто-бы измѣнилъ ихъ социальное положеніе и внутреннюю организацію ихъ общинъ и испортилъ дальнѣйшую ихъ репутацію: усилившаяся на счетъ королевской власти шляхта гнала-де ихъ отъ себя, а мѣщанство стѣснило ихъ въ торговлѣ, такъ что они несчастные по неволѣ стали въ положеніе ростовщиковъ и факторовъ, начали арендовать у празднои шляхты всякія статьи доходовъ и доведены были до такой крайности, что брали въ аренду самыя даже церкви... Понятно, что это вызывало месть и расправу народа какъ съ панами, такъ и съ жидами, но виноваты тутъ собственно паны, а имъ евреямъ отъ чего-же и не тѣснить тѣхъ, которыхъ всѣ тѣснили...

Въ томъ-же смыслѣ авторъ книги даетъ объясненіе происхожденію нынѣшней обособленности нашихъ евреевъ и кагалнаго ихъ устройства. Въ періодъ ослабленія въ Польшѣ и Литвѣ государственной власти, въ періодъ усиленія шляхетскаго произвола и необезпеченности личности, соединились де люди въ разные общественные союзы, подъ названіемъ цеховъ, гильдій и братствъ, въ которые однако не принимались евреи, сама де шляхта организовалась въ крѣпкую, общественную и политическую группу; ну, и бѣдныя, повинутыя всѣми, еврейчики

соединились также въ свою отдѣльную ассоціацію, а когда литовскіе евреи соединились съ польскими, сталъ большой кагалъ, который существуетъ и доселѣ. Виноваты опять Польша, шляхта, цехи, братства, мѣщане и рядовые шляхтичи, но только не евреи; эти послѣдніе, тѣснимые всѣми, всегда уединились въ сферу свободныхъ занятій, которыми пренебрегали другіе, въ томъ числѣ и въ ростовщичество, шинкарство и арендованіе церквей.

Одну только свѣтлую пору находитъ авторъ въ судьбѣ нынѣшнихъ русскихъ евреевъ, именно пребываніе ихъ подъ властію литовскихъ князей: тутъ евреи были вполне свободны, равноправны, не обособлялись отъ остальнаго населенія, носили одинаковую съ нимъ одежду и мѣстныя даже фамиліи, какъ Шнакъ, Бородавка и пр. Авторъ только не упоминаетъ о томъ, что и отсюда за что-то выгнали евреевъ и подвергли конфискаціи ихъ имущество, а также—что они ухитрились снова втѣреться въ милость къ князю, ихъ изгнавшему и потомъ опять принявшему.

За что здѣсь, какъ и вездѣ, евреевъ гнали и преслѣдовали, авторъ не говоритъ, предполагая, конечно, всюду одну и ту же причину—религіозный фанатизмъ и невѣжество окружавшей евреевъ среды. Только съ ослабленіемъ религіознаго фанатизма и разсѣяніемъ невѣжества въ государствахъ Западной Европы наступила, по мнѣнію автора, для евреевъ эпоха мира и благоденствія, другими словами: только тамъ они забрали верхъ, гдѣ возобладалъ религіозный индифферентизмъ и космополитизмъ.

Все переданное нами изъ quasi-историческаго очерка автора разбираемой книги не есть, конечно, никакая исторія и не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Голый и краткій перечень законодательныхъ мѣръ противъ евреевъ, общія фразы объ ихъ страданіяхъ, подгасовка и искаженіе общезвѣстныхъ историческихъ фактовъ не способны дать вѣрныхъ выводовъ и послужить правильному разрѣшенію еврейскаго вопроса. Для этого, кромѣ многого другаго, прежде и болѣе всего нужна обстоятельная и правдивая исторія внутренней жизни самихъ евреевъ, ихъ отношеній къ другимъ частямъ населенія, ихъ занятій и способовъ жизни, ихъ идеаловъ общественныхъ и принциповъ нравственныхъ, ихъ вѣроученія и нравоученія. Все это обходится не только защитниками, но и обвинителями еврейства: у первыхъ нѣтъ для этого достаточно честности и мужества, у вторыхъ просто знанія. Внутренняя исторія еврейства, а также вѣроученіе и нравоученіе евреевъ составляютъ, можно сказать, кромѣшную тьму, а безъ ихъ разясненія не возможно правильное сужденіе о томъ, что мы называемъ еврейскимъ во-

просомъ. Въ нашихъ рукахъ находилось обширное изслѣдованіе современнаго вѣроученія и нравоученія еврейскаго, принадлежащее лицу, которое посвятило этому труду 20 лѣтъ своей жизни. Авторъ этого неизданнаго сочиненія оставляетъ совершенно въ сторонѣ *Талмудъ*, какъ сборникъ самыхъ противорѣчивыхъ сентенцій и наставленій, изъ котораго съ полнымъ удобствомъ извлекаютъ обыкновенно доказательства *pro* и *contra* еврейства, но беретъ тѣ равносильныя нашимъ каноническимъ книгамъ изданія, которыя признаются въ нашемъ и заграничномъ еврействѣ священнѣйшими и важнѣйшими руководствами въ дѣлѣ вѣры и нравственной жизни, и по строгому и всестороннему ихъ разборѣ приходится къ заключенію, что это никакая вѣра и никакая нравственность, а лишь длинный рядъ правилъ и наставленій на всевозможные случаи практической жизни—относительно того, какъ обходить въ нихъ не только обрядовый, но и нравственный законъ и самаго Господа Бога. Нельзя, напримѣръ, давать деньги въ ростъ, но можно дать ихъ *единовѣрцу*, чтобы онъ купилъ и перепродалъ что-нибудь, и вообще на предметъ торговли, подъ видомъ помощи, а барыши или проценты придутъ подъ видомъ благодарности, и—нарушенія закона не послѣдуетъ. Нельзя обманывать, но для защиты и блага своего народа это не будетъ грѣхъ. Тяжкій грѣхъ еврею перейти въ христіанство, но если онъ будетъ полезенъ своимъ, онъ не исключается изъ ихъ общества. Нельзя *вознестать* огонь въ субботу, а слѣдовательно и ставить самоваръ, но можно, говоря громко: «Ахъ какъ-бы хотѣлся мнѣ выпить чаю!» въ подголоса прибавить, но такъ, чтобы слышалъ тотъ, къ кому это должно относиться: «Иванъ, поставь самоваръ»... И эти книги во всеобщемъ употребленіи, по нимъ располагаетъ свою жизнь вся масса нашего еврейства, которая творитъ жизнь и... погромы. Вотъ что надо раскрыть и изучить, а не творенія великихъ философовъ, поэтовъ и разныхъ артистовъ изъ евреевъ. Нельзя не пожелать, чтобы было издано въ свѣтъ изслѣдованіе, о которомъ мы упомянули и котораго лишь обрывки остались теперь въ нашей памяти. Во всякомъ случаѣ оно послужило-бы первымъ шагомъ на томъ пути къ изученію еврейскаго вопроса, на который мы выше указали и который признаемъ единственно надежнымъ. Но авторъ онаго не имѣетъ средствъ для изданія. Не приметъ-ли на себя этого изданія г. Демидовъ-Санъ-Донатъ? Адресъ автора мы готовы указать.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ЕВРЕЙСКІЙ ПЛѢНЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ 1770—1772 ГГ.

Въ недавно добытыхъ мною обрывкахъ архива „последней“ Сѣчи Запорожской, я среди тысячи бумагъ, вполне истлѣвшихъ и по неволѣ преданныхъ мною огню, отыскалъ еще много довольно любопытныхъ документовъ, особенно: о *гайдамакахъ*, о *войнѣ 1769—1774 годовъ*, о *сношеніяхъ Запорожья съ крымскими и ногайскими татарами*, о *торговлѣ съ Очаковомъ* и Польшею и проч. Между ними нашелъ я довольно любопытную переписку о „Еврейскомъ плѣнѣ въ Запорожьѣ“, которою желаю подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

Во время достославной Румянцевской компаніи противу турокъ и татаръ (1769—1774 г.), посланъ былъ, по волѣ главнокомандующаго, одинъ отрядъ запорожскихъ казаковъ на лодкахъ, подъ командою храбраго войсковаго старшины *Данилы Третьяка*, къ устьямъ Днѣпра и Буга, для поисковъ противу непріятеля, особенно близъ Очакова и Кинбурна. Эта „Низовая команда“ или „Пѣхота“, во время вылазки и преслѣдованія татаръ по берегу, захватила въ ногайскихъ степяхъ, въ октябрѣ 1770 года, часть татара бора крымскаго хана Крымъ-Гирея и въ немъ плѣнныхъ волоховъ и евреевъ, всего 673 души. Вѣроятно это былъ „ясырь“, добытый татарами за Днѣстромъ, или въ польскихъ предѣлахъ, который они вели въ Крымъ, на продажу туркамъ. Въ числѣ плѣнныхъ было болѣе 100 евреевъ съ женами и дѣтьми.

Походный Кошъ, получивъ о томъ извѣстіе, приказалъ: „кодакскому полковнику *Блакитному* „пригнанныхъ“ на Запорожье

кущовскимъ атаманомъ *Максимомъ Ротомъ* плѣнныхъ принять и размѣстить въ селеніи Паланки и ждать дальнѣйшихъ приказовъ. Но тутъ явился весьма щекотливый вопросъ: кто и чѣмъ будетъ кормить плѣнныхъ? ибо еще прежде сего было приведено въ Запорожье 1,300 волоховъ, освобожденныхъ тоже изъ татарскаго плѣну, во время поисковъ близъ Очакова. На счетъ христіанъ дѣло обошлось просто: имъ дозволено было оставаться въ запорожскихъ предѣлахъ, или-же удалиться за Днѣпръ, въ малороссійскія селенія¹⁾. Вслѣдъ за симъ отъ кошеваго съ походнаго Коша приказано: „такъ какъ повелѣно было, чтобы волоховъ распустить, а жидовъ отъ громады годовать, а иначе они всѣ съ голоду сгинуть, то полковнику кодацкому этому жидовскому народу харчевые припасы отъ посольства отпустить съ запискою, сколько, какого числа, якихъ харчей или на то денегъ дано будетъ?“ Изъ документовъ видно, что для прокормленія жидовъ выдано проса 61 четверть, цѣною на 152 руб., и 58 четвертей муки.

Но евреи 25 октября просили кошевое начальство: что такъ какъ они, подобно волохамъ, не могутъ оставаться на жительство въ запорожскихъ предѣлахъ, а нуждаясь въ продовольствіи, отягощаютъ кодацкую громаду, то чтобы ихъ часть отпустили въ Польшу для добычи денегъ на „выкупъ“ ихъ изъ плѣна. Кошъ далъ приказъ войсковому старшинѣ Треть ку, какъ собственнику ясыра: „учинить въ командѣ своей о вышеписанномъ *консилиумъ* (совѣщаніе) и какъ у васъ о семъ положено будетъ, прислать къ намъ рапортъ.“ Третьякъ не медля отвѣчаетъ, что по опредѣленію всей *пѣхоты* (т. е. лодочной команды) рѣшено: отпустить 6-тъ жидовъ въ Польшу для собранія денегъ на выкупъ и для ихъ конвоя наз начень товарищъ кущевскаго куреня *Романъ Пашиковскій*. Ордеръ походнаго Коша такъ любопытенъ, что мы списываемъ его буквально:

Г. полковнику кодацкому, Стефану Блакитному²⁾.

„При опредѣленныхъ изъ Коша войска низоваго козакахъ, имѣете вы отбитыхъ пѣхотною запорожскою командою, при разбитіи

¹⁾ Мы полагаемъ, что эти волохи и молдоване были осадчими, т. е. основателями селенія «ВолоскiеХутора», въ 20 верстахъ отъ Екатеринослава.

²⁾ Блакитный (blękitny, съ польскаго) голубой.

ханскаго обоза и его ясыра, подъ Кинбургомъ жидовъ, если они находятся всѣ въ Новомъ Кодакѣ, собрать, выбрать изъ нихъ шесть человекъ такихъ, которыхъ-бы здѣсь оставались жены и дѣти, либо родственники, а паче отцы, отпустить ихъ, съ посылающимъ при семъ свидѣтельствомъ, польской области въ разныя мѣста, къ ихъ родственникамъ, за конвоемъ сихъ козаковъ, для собранія договоренныхъ ими за содержаніе себѣ въ харчахъ и одѣяніи, также и на выкупъ 8,000 руб. денежной суммы, на пять мѣсяцевъ, съ тѣмъ имъ объявленіемъ, что если они тѣхъ денегъ въ показанный срокъ не выстарчатъ (не доставятъ), то оставшіеся въ Кодакѣ жида и все ихъ родство имѣютъ окрещены быть и по неволѣ, или самой смерти преданы будутъ, безъ всякаго пощадѣнія, непременно“.

„13 ноября 1770 г.“

Но не смотря на упомянутый „консиліумъ“ запорожской пѣхоты и мудрый ордеръ походнаго Коша, случилось препятствіе (*цирконстанціе*, какъ сказано въ бумагѣ)¹⁾, какого наше „товариство“ вовсе не ожидало. Евреи лишь только достигли польскаго рубежа, то нашли тамъ покровителей поляковъ, которые посовѣтовали имъ прежде уплаты денегъ обратиться „съ слезнымъ письмомъ“ въ главную квартиру арміи, бывшую въ Яссахъ. И главнокомандующій, графъ Румянцевъ, послалъ въ Кошъ слѣдующій ордеръ:

„Жители польскаго мѣстечка Янова, жида, здѣсь объявили, что взяты они командою войска запорожскаго во время разбитія ханскаго обозу, при городѣ Кинбурнѣ, и отпущены отъ васъ съ срокомъ въ Польшу для збору денегъ на выкупъ себя и другихъ жидовъ изъ плѣну, и что, не находя себя въ состояніи собрать назначенную вами сумму, возвратиться опасаются. Я потому рекомендую вамъ прислать ко мнѣ безъ замедленія рапортъ: сей зборъ денегъ на выкупъ по собственному-ли вашему благопризнанію опредѣленъ, или въ сходствіе даннаго какова-либо о томъ отъ вышняго начальства повелѣнія?“

Графъ Румянцевъ.

„Яссы, февраля 26 дня 1771 года.“

¹⁾ Забавно читать въ козачьихъ письмахъ латинскія слова: *консиліумъ* (*consilium*, совѣтъ) и *цирконстанція* (*circumstantia*, случай); вѣроятно, писарями были учившіеся въ академіи или поляки, сдѣлавшіеся запорожцами.

На это Кошъ отвѣчалъ, что запорожская пѣхота съ боя взяла часть обоза крымскаго хана и въ ней бывшихъ плѣнныхъ волоховъ и жидовъ, и о своемъ подвигѣ донесла главному своему командиру графу Панину. Евреи, зная наши обычаи (воспрещеніе оставаться въ Запорожьи), пожелали свободы и сами предложили выкупъ. Войско согласилось и послало избранныхъ ими депутатовъ въ Польшу съ конвоемъ. 30-го апрѣля они уже были въ мѣстечкѣ Смѣлой (кіевской губ.), гдѣ евреи уже имѣли и деньги. Кошъ просить, слѣдственно, изъ уваженія къ службѣ пѣхоты и въ поощреніе новыхъ поисковъ надъ непріятелемъ, утвердить эту сдѣлку, тѣмъ болѣе, что запорожскія селенія содержали и кормили евреевъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Но Румянцевъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ, и еще разъ писалъ кошевому начальству:

„Получа вашъ рапортъ подь № 728 на мой посланной къ вамъ ордеръ, и не видѣвъ въ немъ того, чтобы давало вамъ право освобождать плѣнныхъ за выкупъ, какъ сіе вы чините съ жидами, за коими я къ вамъ писалъ, схотѣлъ я вамъ тутъ изъяснить ту причину, по которой я вхожу въ сіе дѣло. По военному общему праву, плѣнникъ взятый оружіемъ принадлежитъ своею особою всегда государю; слѣдственно и свобода его не зависитъ отъ партикулярной воли воина, а найпаче въ продолженіи еще войны. Но еслии ваше войско исключительный имѣетъ для себя законъ, или древній обычай, позволяющіе вамъ поступать инако; я о томъ не вѣдая, нахожу однакожь за прилично припомнать вамъ, чтобы вы сіе чинили, доложася настоящему своему командиру; а въ прочемъ, въ отдачѣ по условію денегъ выпущенными жидами, я воспащенія не прикажу чинить.

Графъ Румянцевъ.

9-го мая 1771 года.

Изъ главной квартиры. Городъ Яссы.

Вскорѣ является и отъ самыхъ евреевъ изъ форпоста Семлика ¹⁾ всенижайшее донесеніе:

¹⁾ Въ Ново-Сербіи, т. е. въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсон. губ., на р. Выси, близъ Ново-Архангельска.

Его яснѣ-вельможности пану Кошевому.

„По нынѣшнимъ печальнымъ военнымъ обстоятельствамъ павшіе въ полонъ сродственники наши, жида, содержатся въ селеніяхъ принадлежащихъ войску команды вашей яснѣвельможности и по причинѣ не въ состояніи заплатить потребное число выкупныхъ денегъ, и по нынѣ не выпущены, о которыхъ всенижайшея прошенія приносимъ вашей яснѣвельможности. Мы по нашей бѣдности и нищетѣ, съ собранными 600 рублями, для заплату за тѣхъ нашихъ сродственниковъ, сюда къ семлицыну форпосту прибыли, но намъ пропуску чинить не могутъ здѣшніе командиры ¹⁾, того ради мы нижайшіе рабы вашей яснѣвельможности, всенижайше падши къ ногамъ вашимъ, слезно молимъ: чтобы на нашу крайнюю нищету взирая, по своему вездѣ славившемуся великодушію, тѣхъ нашихъ родственниковъ приказали на нашъ коштъ съ повѣреннымъ отамапомъ сюда къ семлицыну форпосту доставить, для полученія отъ насъ вышепоказанныхъ 600 руб. денегъ, да привезеннаго для высокой вашей персоны 40 аршинъ кармазиннаго тонкаго сукна; для чего и посылаемъ при семъ нарочнаго отъ себя челоувѣка, съ прошеніемъ нашимъ и съ приложеніемъ письма его высокога сіятельства, графа-фельдмаршала П. А. Румянцева о тѣхъ нашихъ однородныхъ.

Вашей яснѣвельможности нижайшіе рабы (подписи по еврейски).

Ноября 10. 1771 г.

Присланное евреями письмо графа Румянцева было слѣдующее:

Государь мой, Петръ Ивановичъ.

Обыватели польскаго мѣстечка Янова и другихъ, жида, принесли вторичное прошеніе о освобожденіи взятыхъ войскомъ запорожскимъ ихъ однородцовъ, удерженныхъ по сіе время въ селеніяхъ войску принадлежащихъ, по той токмо причинѣ, что назначеннаго выкупа восьми тысячъ рублей не могли собрать по крайней нищетѣ своей. Надѣяся на извѣстное мнѣ ваше благоразсужденіе, прошу васъ, государь мой, приказать ихъ освободить, ибо, положимъ, хотя-бы и было обыкновеніе брать съ плѣнныхъ за выкупъ деньги; но въ уваженіи крайняго несостоянія ихъ выплатить требуемое

¹⁾ Ново-сербское военное начальство.

количество денегъ, надлежитъ показать челоѡколюбіе надъ сими бѣдными людьми, кои, сидя въ неволѣ, лишены всѣхъ къ тому способоѡ: а еднородцы ихъ, пребывая въ Полше, отъ войны и болѣзней обнищавшіеся, о исправленіи своемъ стараяся, конечно пособить имъ не могутъ.

Пребываю въ прочемъ съ моимъ истиннымъ вамъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ покорнымъ слугою

Графъ Румянцевъ.

Октября 1771 года.

Получивъ хотя любезное, но и точное приказаніе, Кошъ собралъ сходку для рѣшенія этого дѣла и вотъ что было опредѣлено:

„1771 года декабря 7, атаманы куренные и козаки да старшины войсковые, будучи на сходкѣ, приговорили: чтобы взявши 600 руб. денегъ, жидовъ отпустить, ибо и графъ Румянцевъ неоднократно пишетъ въ Кошъ“.

Такъ окончилось это любопытное дѣло: 14 января 1772 года, Кошъ удостоилъ и жидовъ слѣдующимъ своимъ отвѣтомъ:

Жадамъ Самуилу Марковичу, Марку Лазаревичу и Мошку Осиповичу.

„При донесеніи вашему посланные 600 руб. деньги ¹⁾ и сукно чрезъ нашихъ нарочныхъ козакоѡ: *Ивана Шоку* и *Данила Заволоку* получены тутъ исправно, а родственники ваши жидаы, находившіеся въ здѣшнихъ мѣстахъ, при семъ къ вамъ отправляются. А для охраненія ихъ въ пути и препровожденія до семлицкаго форпосту здѣшнихъ войскоѡхъ три челоѡка опредѣлено“.

А вотъ и финалъ: кодацкій полковникъ Гаврило Поповичъ 20 января 1772 года донесъ Кошу, что на десяти повозкахъ, нанятыхъ евреями по 8 злотыхъ за всякую, доставлено въ Семлигъ, т. е. на польскій рубежъ 77 еврееѡ, съ дѣтьми и женами.

Въ заключеніе приводимъ благодарственное письмо еврееѡ, писанное 15 февраля 1772 года изъ Умани:

„За освобожденіе нашего рода жидовъ, до границъ семлицкаго форпоста, безъ приключенія и ни отъ кого никакой обиды, благополучно препровожденныхъ, и за такое вашей ясневельможности

1) «Серебряною монетою», прибавлено, а въ Сѣчь даже царское жалованье выдавалось мѣдными деньгами.

милосердіе и не оставленіе рода нашего приносимъ всепокорнѣйшую и нелицемѣрную нашу со всякою учтивостію и старшинамъ и всему войску запорожскому благодарность. Да и впредь ясневельможность вашу всенижайше упрашиваемъ, если, по волѣ всемилосерднаго Бога, еще подь случай нашъ родъ въ запорожское низовое войско попадется, не оставлять... Тѣ-же евреи, подь покровительствомъ ново-сербскаго маіора Павла Эрдели, достигли Умани, гдѣ мы достали, и въ презентъ вашему ясневельможности посылаемъ 8 головъ сахару, и просимъ оный принять и себѣ въ здоровье употреблять“.

А. Снальковскій.

ВОЛЫНСКАЯ ВЫВАЛЬЩИНА.

Въ кременецкомъ уѣздѣ есть мѣстечко Рахмановъ; само по себѣ это мѣстечко маленькое, безъ всякой торговли, но интересное тѣмъ, что въ немъ почти нѣтъ жидовъ. Населяющіе это мѣстечко крестьяне представляютъ значительныя особенности, сравнительно съ крестьянами ближнихъ селеній; это народъ рослый, видный, свѣжій, трезвый, трудящійся и зажиточный; по типу они скорѣе подходятъ къ украинцамъ, чѣмъ къ волынякамъ. Между ними нѣтъ ни одного католика, тогда какъ окружающія это мѣстечко селенія, нѣкоторыя на половину, состоятъ изъ католиковъ. Это объясняется тѣмъ, что еще во времена польскаго владычества, даже при русскомъ правленіи, въ этихъ мѣстахъ была очень сильна католическая пропаганда. Въ семи верстахъ отъ Рахманова есть селеніе Сурожъ, огромное имѣніе, принадлежавшее іезуитамъ, гдѣ находились іезуитскія миссіонерскія школы. И теперь еще указываютъ въ сурожскихъ лѣсахъ мѣста, гдѣ іезуиты добывали желѣзную руду, указываютъ провалившіеся погреба, которые крестьяне засыпали, боясь ихъ раскапывать изъ суевѣрнаго страха передъ іезуитскими проклятіями, страха, сохранившагося и до настоящаго времени. Въ 9 верстахъ отъ Рахманова Шумскъ, бывшій когда-то удѣльный городъ русскихъ князей. Въ этомъ мѣстечкѣ были католическій францисканскій монастырь и тринитарскія школы. Удивительно, какъ уцѣлѣлъ Рахмановъ, что между его обитателями нѣтъ ни одного католика.

Въ этомъ мѣстечкѣ проживавъ столѣтній дѣдъ Иванъ *Добро-творъ*, которымъ очень гордились Рахмановцы. Я былъ знакомъ съ Добротворомъ, когда лѣтомъ прїѣзжалъ въ свое имѣніе, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рахманова. Добротворъ любилъ поговорить о старинѣ, особенно за чаркой водочки. Интересны его рассказы о временахъ польскаго владычества, о занятіи Волыни русскими войсками, о Суворовѣ, о переходѣ изъ униі въ православіе и особенно о ненавистной панщинѣ и ея уничтоженіи.

„За Польщи біда була; паны грабували панівъ, а мужиківъ грабували жолніри, та ще якісь „драбы“ були; такі були обідрани, та здорови. Наровить прійти до хаты, коли мужиківъ немає дома, а сами жинки въ хаті, щобъ де що чи вкрасти, чи одняти. И виршу таку драбы собі зложили; якъ увійде въ хату, той каже:

Помогай Бігъ, тітко!
 Несе драба дідько.
 Дай мині солонины
 Моій жінці на хрестины!
 Не дай мині козы,
 Бо въ торбу не влізе.
 Не дай мині теля,
 Бо на тебе буде веле.
 Дай мині того франта,
 Що висе у банта.

Себъ то ему сала, що мужики вішають на горіци до бантини.

Якъ забирали насъ підъ Россію, то війска було дуже багато, такъ якъ каші: та всі були у красній одежи, такъ якъ раки. Бачивъ я и Суворова; було якъ іде, то грають маршъ“. И Добротворъ проигралъ на губахъ маршъ, которымъ війска встрѣчали и провозжали Суворова.

„А якъ одібрала насъ Россія одъ Польщи, то стали насъ на-вертати на благочестіе (на православіе); въ духъ усі пристали на благочестіе; паны дуже на тее гнівались, а мужики на те не потурали; прїехали якісь зъ Россіи, чи попы, чи ченці, чи може архимандриты и стали по церквамъ учити службу правити; якъ хто не второпа, то бере зъ рукъ братерську свічку, та такъ по голові и латае.

Татарь я вже не памятаю; а казали стари люде, що колись нападеніе було одь татарівъ; тоді усімъ заказували, щобъ купували собі рушниці: „продай, каже телицю, купи рушницю“. Казали, що козаки колись воювали зъ поляками; були козаки, „амбурьци“ назывались (очевидно, ябургскій пікинерный полкъ), то ти багато поляковъ побили; а ще бувъ козаць „Жертва“, той также багато поляківъ побивъ и одибравъ відь турка Бендеры и Очакивъ.

Якъ задумали поляки рухавку робити, то збирались у святого Яна ¹⁾ нібы юбилеушг справляти, а вони збирались рухавку робити: іздили до Ярмолинець, коней купували и наряжали до рухавки своихъ козачківъ, лакеївъ, фурманівъ, пастушківъ. Панъ Менижинскій ²⁾ въ Корсунахъ (дѣсное урочище) сподівався повстанцівъ и державъ тамъ сіно, овесь, хлїбъ, мясо, горілку, сало; вінъ приказувавъ и мужикамъ давати полякамъ хлїбъ, якъ будуть ити черезъ Брыково; ляхи ночували въ Корсунахъ. Отъ за тее и взяли Менжинского и, кажутъ, до Танбова его спровадили. Богъ Милосердный наславъ на поляківъ путь нечестивый и сами одь себе погнбли.

За Польци тяжкою панцины не було, а якъ настала Россія, то дуже тяжка панцина стала. Якъ повелось руськое начальство, то заразъ паны дали намъ мычки прясти; довго думали ми, що зъ тими мычками робити, а далі взяли, та й попалили ихъ, отъ паны и призвали руське начежество, а сі якъ стали намъ дрібногo бобу сыпати (по просту пороть); то вже нема чога казати, треба панівъ слухати; то одь того часу уже тяжка панцина повелась. Бувъ панъ Стебницкій, той прикуе було чоловіка до колоды, та такъ чоловікъ и повиненъ зъ тею колодою ходити; у Стебницкого такій ящикъ бувъ выдовбанный зъ дуба; якъ не прийде хто на панцину, каже: заслабъ, то Стебницкій накладе въ той ящикъ снігу, положе туды слабого чоловіка, засуне ящикъ крышкою и лежить въ ящику чоловікъ, поки снігъ ростане. Були таки роги зроблени, надівавъ

¹⁾ Каплица между Рахмановымъ и Шумскимъ, къ которой поляки совершали въ прежнее время торжественные крестные ходы.

²⁾ Менижинскій—помѣщикъ с. Брыкова, бывший мировою посредникъ; за участие въ мятежѣ 1863 г. пѣніе его конфисковано, а самъ онъ сосланъ. Брыково купила отъ казны графиня Блудова.

на людей роги; а було якъ забє якого чоловіка, то такъ въ корчахъ его и закопають. Такий ще бувъ и Прушинський. Було такъ бєс людей, що тіло одстає одъ костей. Всі молили Бога, щобъ Богъ давъ намъ волю; бо въ „Отче-наши“ говорить: *да буде воля Твоя*, то мы и сподівалися воли. Потішивъ Царь міръ християнській, давъ намъ волю. Нехай Богъ за тєє дає Царю корону въ небі.

Ой, спаси Бігъ нашому Царєви,

Що выручивъ мужиківъ

Зъ польскои неволи.

Ой, спаси-Бігъ щей нашій Цариці,

Що не ходять на паньщину!

Наши молодиці.

Ой, спаси-Бігъ тай нашій Царівні,

Що стали мужики

Зъ панами на-рівні.

Отъ таку мы пісню зложили и заспівали, якъ давъ намъ Царь волю!“

Ета пісня єсть чисто произведеніє народнаго творчества. Особенно хорошо поєть эту пісню „Ямпільскій дідъ“¹⁾. Лѣтомъ въ прошломъ году Добротворовъ умеръ, имѣя отъ роду 105 лѣтъ. До ста и болѣе лѣтъ онъ рубилъ еще дрова, а затѣмъ, не будучи въ силахъ рубить дрова, гонялъ на водопоій скоть до самой смерти.

Теперь уже не покажутся повстанцы ни въ Брыковѣ, ни въ Корсунахъ. Изъ корсунскихъ дубовъ графиня Блудова выстроила въ Брыковѣ церковь и школу. Интересна эта школа: въ ней учатся все молодое поколѣніє Брыкова, отъ 5 лѣтъ до женитьбы или до выхода въ замужество. Нѣтъ въ этой школѣ ни опредѣленныхъ каникулъ, ни экзаменовъ, ни отчетовъ. Приходи, кто хочеть и учись: утромъ, вечеромъ, лѣтомъ, зимою, когда угодно. Учителемъ приходскій священникъ, не женатый, который живеть въ самой школѣ. Въ церкви поєть Божественную службу все народонаселеніє Брыкова. Много сдѣлала для русскаго дѣла на Волини графиня Блудова; много проявила она енергій въ борьбѣ за русское дѣло и съ поляками и консерваторами. Стара становится графиня Антонина Димитріевна, а на смѣну ей нѣтъ и не видно человекъ.

И. О.

¹⁾ Мѣстечко Ямполь, кременецкаго уѣзда.

ЖИВОЙ УПЫРЬ ВЪ ВОРЬВѢ СЪ УМЕРШИМИ УПЫРЯМИ ¹⁾.

Курьезное такое происшествіе случилось въ 1831 году, въ селѣ Подосахъ, кievской губерніи, бердичевского уѣзда. Впервые тогда появилась холера и своими многочисленными жертвами на долго оставила въ памяти народа этотъ годъ, извѣстный у него и доселѣ подъ названіемъ „великаго помірка“. Тогда по селамъ умирало ежедневно по нѣсколько десятковъ душъ въ каждомъ.

Завернула эта „пошість“ и въ с. Подосы. Съ начала іюня стали умирать селяне по одному, по два въ день; но чѣмъ дальше, тѣмъ смертность становилась больше. 24 іюня умерло восемь душъ, лежало больныхъ до двадцати.

Селяне не знали, что дѣлать, какъ отвратить отъ себя такое зло. Пробовали различныя средства: святили воду въ криницахъ на четырехъ концахъ селенія, заставляли нѣсколькихъ женщинъ, въ одеждѣ Евы, подъ вечеръ, оббѣжать вокругъ всего села; но ни то, ни другое средство нисколько не помогло. Наконецъ, кто-то посоветовалъ имъ обратиться къ Максиму Мазуренку, крестьянину сосѣдняго селенія Степанокъ, который, какъ ходилъ слухъ, можетъ излечивать всякую болѣзнь. 28 іюня два крестьянина изъ с. Подосовъ пріѣхали къ Мазуренку съ просьбой отправиться къ нимъ для истребленія открывшейся у нихъ болѣзни. Мазуренко согласился и на другой день былъ въ Подосахъ. Послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ онъ объявилъ крестьянамъ, что вся эта болѣзнь происходитъ отъ умершихъ недавно мѣстнаго пономаря и его жены, похороненныхъ въ одной могилѣ и гробу.

— Это они, говорилъ Мазуренко, встаютъ ночью, вылазятъ изъ своихъ гробовъ и ходятъ по селу, по хатамъ: гдѣ въ хату зайдутъ идохнутъ на человѣка, тотчасъ онъ и заболѣетъ, а у кого еще и кровь высосутъ, тотъ не поднимется уже во вѣки вѣчные.

Тутъ его заявленіе подтвердила крестьянка Явдоха Карпенкова. Она стала рассказывать, какъ однажды позднимъ вечеромъ встрѣтилъ ее на улицѣ умершій пономарь и, ударивъ палкой, велѣлъ вести его къ своему сыну, мѣстному дьячку. „Я, говорить,

¹⁾ Дѣло изъ махновскаго уѣзд. суда о кр. Максимѣ Мазуренкѣ за откопаніе мертвыхъ тѣлъ и отрубленіе имъ головъ. 1831 г. Хран. въ К. Ц. Архивѣ.

подвела его къ дяковой хатѣ, отворила дверь и впустила его въ сѣни, а сама стала подъ хатою и слушаю, что-то будетъ; какъ вдругъ загрохотали горшки и миски въ хатѣ, а на другой день, помню, жаловался дьячекъ, что кто-то ночью потолокъ у него въ хатѣ всѣ миски и горшки: даже, говорить, шлеи и возжи нашель я близъ церкви, а помню хорошо, что съ вечера положилъ ихъ подъ хатою на завалинѣ“.

Хотя Явдоха считалась полуумной, но въ настоящую минуту почти все село потеряло голову, и всѣ вполне повѣрили заявленіямъ Карпенковой.

— Такъ что-жь, Максимъ, нельзя-ли какъ бѣдѣ помочь?

— Отъ чего нельзя?—можно. Нужно только сейчасъ-же идти къ могилѣ пономаря и его жены, откопать ихъ и отрубить имъ головы; а то вотъ у васъ сегодня умерло девять душъ, а на завтра умереть еще больше, если только этого не сдѣлать.

Нужно было добиться согласія дьячка, сына покойниковъ, которыхъ предложенная мѣра касалась. И вотъ громада направляется къ дьячку съ просьбой отрыть могилу отца и матери его.

— Что хотите, дѣлайте съ ними, только-бы они не ходили больше по селу, отвѣтилъ дьячекъ Федоръ Левицкій.

Тогда громада, предводительствуемая Мазуренкомъ, двинулась къ кладбищу.

Разрыли могилу, открыли гробъ; Мазуренко съ топоромъ въ рукахъ вскочилъ туда и принялся рубить головы пономарю и его женѣ; ударилъ разъ, другой,—изъ перерубленной шеи показалась кровь.

— Вотъ видите, сколько проклятые выпили людской крови! замѣтилъ Мазуренко.

— И въ самомъ дѣлѣ, подтвердилъ замѣчаніе Мазуренка присутствовавшій при вскрытіи могилъ мѣстный сотскій Денисъ Дмитренко и прибавилъ: „а вѣдь все это кровь христіанская“.

— Дайте-же мнѣ осиновый колъ, я ихъ приткну тутъ до самой земли; тогда ужъ не поднимутся больше.

Подали два колка, Мазуренко пригвоздилъ ими пономаря и его жену. Затѣмъ потребовалъ хворосту и тутъ-же въ гробу сжегъ ихъ головы.

— Теперь засыпайте землю, обратился къ присутствовавшимъ; уже больше не встануть.

Въ благодарность за такое лѣченіе подосская громада рѣшила выдать Мазуренку изъ общественной казны рубль серебромъ, да поль-корца ржи и, сверхъ того, послать трехъ челоувѣкъ для уборки Мазуренковаго хлѣба.

Между тѣмъ вскорѣ дошло извѣстіе о врачеваніи Мазуренка до мѣстнаго начальства; послѣднее привлекло его къ уголовной отвѣтственности. На судѣ Мазуренко заявилъ, что онъ уже въ теченіе пяти лѣтъ пособляетъ людямъ въ различныхъ болѣзняхъ, что дѣлаетъ это въ силу врожденной способности: „я, говоритъ, родился упыремъ, и пока жить буду, буду помогать людямъ въ ихъ болѣстяхъ“.

Для излѣченія самаго Мазуренка отъ „упырства“ начальство предало его церковному покаянію на полтора года.

К. Кошовикъ.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛОРУССКОЙ „ПОКОРМЕЖНОЙ.“

Въ „Исторіи Руссовъ“ Конисскаго, въ разсказѣ о производившейся въ 1765—1769 гг. въ Малороссіи, по распоряженію тогдашняго ея правителя, графа П. А. Румянцева, генеральной описи приводится ~~эти~~зодъ, свидѣтельствующій о томъ, въ какія натянутыя отношенія поставила эта опись производившихъ ее великороссійскихъ военныхъ чиновъ и отвѣтственную предъ ними малороссійскую старшину. Когда, по требованію первыхъ, послѣдніе представляли имъ всѣ свои документы на владѣмыя ими земли, въ томъ числѣ и гетманскіе универсалы, тѣ, подъ вліяніемъ взаимнаго раздраженія и не имѣя никакого уже представленія о значеніи постепенно умаляемой, а наконецъ и совсѣмъ упраздненной гетманской власти, въ насмѣшку называли гетманскіе универсалы *покормежными*.

Чтобы понять всю язвительность этой насмѣшки, надо имѣть понятіе о „покормежной“, самый терминъ которой, по отдаленности времени, кажется для насъ темнымъ. Это былъ отпускной видъ, или свидѣтельство, который давался отъ помѣщика крестьянину, отправлявшемуся куда либо на заработки, и гарантировалъ до нѣ-

которой степени помѣщиковъ отъ побѣговъ ихъ крестьянъ. Не явившійся вовсе изъ такого отпуска, или просрочившій оный, кромѣ отвѣтственности предъ помѣщикомъ, привлекался къ уголовной отвѣтственности предъ судомъ, и такой-же отвѣтственности подлежали и всѣ тѣ, которые держали его у себя.

Мы не имѣемъ въ эту пору подъ рукою необходимыхъ справокъ о первоначальномъ происхожденіи и формѣ „покормежныхъ“. Въ то время, когда они употреблены были въ видѣ остроты надъ гетманскими универсалами и ихъ обладателями, народъ малорусскій еще не былъ ознакомленъ съ этимъ атрибутомъ крѣпостнаго права, какъ и съ самымъ крѣпостнымъ правомъ; но съ 1783 г. благодѣтельные дѣйствія сего послѣдняго распространены были и на гетманщину, а за нимъ неизбѣжно должны были прійти и „покормежныя“, въ той формѣ, въ какой царили уже во всей остальной Россіи.

Находящійся въ нашихъ рукахъ образчикъ „покормежной“ принадлежитъ болѣе позднему времени, но и отъ него уже вѣтъ такою затхлостію и гнилью, отъ которыхъ заставляють отвернуться порядки и понятія нашего времени. Вотъ этотъ образчикъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ, и между прочимъ, какъ точная иллюстрація къ той остротѣ, которая стала характернымъ достоинствомъ исторіи.

По указу его величества, государя императора Александра Павловича, самодержца всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая, и по опубликованному въ народѣ плакату, отпущенъ нижеподписанный въ работу отъ подписаннаго числа впредь на одинъ годъ для прокормленія по покормежной, которая явлена и оставлена въ лохвицкомъ повѣтовомъ казначествѣ и въ книгу записана подъ номеромъ 626-мъ, и съ симъ отпускомъ вольно его до срочнаго означеннаго въ семь пропуску числа въ наймахъ и въ работахъ держать, а по срокѣ явиться въ домъ своемъ, и болѣе нигдѣ не жить и никому не держать, подъ такимъ подтвержденіемъ, какъ въ плакатѣ изображено. Сія покормежная, за подписью и за печатью казначея, дана, въ благополучномъ городѣ Лохвицѣ, крестьянину госпожи надворной совѣтницы Катерины Г....., малороссійской полтавской губерніи, лохвицкаго повѣта, жителю села Пѣсокъ, Науму Петрову сыну Бѣлику, которой примѣтъ таковыхъ:

росту 2-хъ аршинъ, 5-ти вершковъ, волосовъ русыхъ, глазовъ сѣро-карыхъ, лѣтъ отъ роду 22-хъ, въ публичномъ наказаніи не былъ: тысяча восемь сотъ пятого года, маія двадцать второго числа. Казначей, коллежскій ассесоръ Кошаревскій, бухгалтеръ Мясницкій, губернскій регистраторъ Степанъ Салимовскій.

(М. П.) Указніе пошлины взяты.

ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ БЫВШЕЙ ГЕТ- МАНЦИНѢ.

Инымъ именемъ не можемъ окрестить того безвѣстнаго женскаго пансіона въ г. Нѣжинѣ, начала нынѣшняго столѣтія, афиша объ учрежденіи котораго случайно попала намъ въ руки и которое, быть можетъ, имѣло свою жизнь и свою исторію, сохранившуюся, вѣроятно, въ памяти нѣжинскихъ старожиловъ.

Называемъ этотъ пансіонъ такимъ громкимъ именемъ по одной особенноти его общей программы, именно: *Мифтологіи*, помѣщенной между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ.

Учредительницею сего высшаго разсадника наукъ для благородныхъ дѣвицъ, преемствовавшихъ въ чередованіи мѣстныхъ поколѣній пани гетмановой Апостоловой, была какая-то захожая, вѣроятно, французская дѣвица Елисавета Руссетъ. Собственнымъ-ли умомъ она дошла до необходимости включенія въ программу воспитанія *Мифтологіи*, или такова была потребность благородныхъ нѣжинскихъ малороссіянокъ, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ нѣжинская афиша—документъ рѣдкій и по своимъ частностямъ далеко не безынтересный въ темной исторіи нашего женскаго просвѣщенія. Дата его не обозначена, но, судя по почерку и бумагѣ, онъ долженъ быть не позже 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Даемъ ему мѣсто и въ тѣхъ видахъ, не послужить-ли онъ поводомъ для кого либо изъ нѣжинцевъ собрать воспоминанія объ училищѣ дѣвицы Елисаветы Руссетъ и о томъ, какъ она просвѣщала нѣжинскій нѣжный полъ по части *Мифтологіи*.

Учреждается пансіонъ въ городѣ Нѣжинѣ для благородныхъ дѣвицъ, въ домѣ дѣвицы Руссетъ.

Въ ономъ пансіонѣ преподаваться будутъ слѣдующіе предметы:

1. Законъ Божій, російскій языкъ по правиламъ грамматики, исторія, географія и арифметика.
2. Французскій языкъ по правиламъ грамматики.
3. Мифтологія.
4. Нѣмецкій языкъ по правиламъ грамматики.
5. Музыка, танцы и рисованіе.
6. Чистописаніе.
7. Рукодѣліе.

Цѣна въ годъ 800 руб. и уплачивается половина денегъ вперёдъ за 6 мѣсяцей.

Содержательница пансіона принимаетъ на себя всю услугу, нужную для воспитанницъ; всякая дѣвица при вступленіи въ пансіонъ приноситъ съ собою, кромѣ постели—одну скатерть, шесть салфетокъ, одну ложку столовую, чайную чашку, пару столовыхъ ножей, одинъ стаканъ; выключая братьевъ, не будутъ приняты въ пансіонъ посѣщенія молодыхъ, не женатыхъ господъ, и во время классическаго преподаванія никто такъ-же не принимается.

Елисавета Руссетъ.

ПОСЛѢДНІЯ ДОМОГАТЕЛЬСТВА МАЛОРОССІЙСКАГО ПЛЯХЕТСТВА.

Когда въ первые годы второй половины XVII ст. теченіемъ событій поставленъ былъ вопросъ о соединеніи Малороссіи съ московскимъ государствомъ, рѣшеніе его занимало цѣликомъ какъ одну, такъ и другую страну: на Москвѣ созывался *земскій соборъ*, въ гетманщинѣ *генеральная рада*, напрягались думныя головы, писались многолистныя посланія, скакали гонцы, составлялся и пересоставлялся многостатейный договоръ, въ которомъ со всею щепетильностію процѣжены были одной и другой стороною тѣ права и вольности, которыхъ добился малороссійскій народъ отъ польскихъ королей и которыя онъ желалъ удержать, переходя подъ московскую державу. Желаніе удержать эти права и вольности толкнуло Дорошенка въ подданство турецкое, а Мазепу въ объятія Карла. И дѣйствительно внутренній строй польской и московской державъ были такъ не одинаковы и даже діаметрально противоположны, что было изъ-за чего стоять обѣимъ договаривавшимся теперь сто-

ронамъ. Рабовладѣльческая, но сильная единствомъ власти Москва не могла пойти по широкому, но скользкому пути либеральныхъ учрежденій Польши, съ которыми приходилъ подъ ея державу малороссійскій народъ, и новое объединеніе раздѣленныхъ вѣками двухъ половинъ Россіи должно было идти не путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній,—общей политическо-общественной работы, а путемъ постепеннаго урѣзыватья широкихъ „вольностей“ подчинявшейся стороны и приведенія ея къ общему строю жизни стороны, ее принимавшей, пока не начнется новая, совмѣстная работа органически сплоченнаго цѣлага.

Когда черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, представительство малороссійское оглянулось на свое прошлое, оказалось, что отъ многого, что составляло достоинствѣ предковъ и особыми *пактами* утверждено было на вѣчныя времена, не осталось и слѣда, отъ другаго оставались лишь жалкіе обломки. Тѣмъ не менѣе, когда послѣдній гетманъ и малороссійская старшина, далеко отодвинувшіеся уже отъ народа, затѣяли попытку возстановить по новому плану разрушенное зданіе, нашлось еще для ихъ о семь челобитной до 20-ти крупныхъ, хотя и не выдерживающихъ критики пунктовъ ¹⁾). Извѣстно, какая судьба постигла челобитчиковъ и ихъ страну, по волѣ такъ сказать умолимаго рока.

Прошло еще всего сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, и вотъ что осталось отъ прежнихъ широкихъ домогательствъ Разумовскаго и его собратіи.

1831 года, августа 3-го числа.

Положеніе общества дворянскаго повѣта стародубскаго. О нашихъ нуждахъ чрезъ депутатовъ всеподданнѣе проситъ Государя императора при принесеніи благодарности за возстановленіе грамоты дворянству жалованной.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Чтобъ судъ и расправа была по праву Статуту, съ оставленіемъ учрежденныхъ по оному праву возныхъ.

¹⁾ См. Кіев. Стар. на 1883 г., іюнь, стр. 317—336.

Чтобъ теченіе правленія возстановлено было сообразно учрежденіямъ для управленія губерніи всероссійскія имперіи. Потому 1-е что оныя учрежденія есть новѣйшій созрѣлый плодъ совершеннаго познанія вообще и подробно, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, частей внутренняго государственнаго правленія, требовавшаго поправленія, 2-е что общую отъ оныхъ учрежденій пользу каждый малороссіянинъ позналъ и ощутилъ по пятнадцатилѣтнему ихъ въ Малой Россіи теченію и 3-е что статьи оныхъ учрежденій, о выборѣ къ должностямъ на всякіе три года чиновъ, поступивъ въ число первыхъ выгодъ дворянскаго общества, по грамотѣ на преимущества жалованной, внушаютъ, что общество дворянское, которое не управляется по учрежденіямъ, умалено въ своихъ правахъ, выгодахъ, отличностяхъ, преимуществахъ и даже нравоученіяхъ, противъ тѣхъ дворянскихъ обществъ, которыя по учрежденію управляются.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Чтобъ съ повѣта стародубовскаго, во время рекрутскихъ наборовъ, даточные люди принимаемы были въ рекруты ниже указной мѣры однимъ вершкомъ, потому что въ здѣшнемъ округѣ родъ людей нерослыхъ, такъ что современемъ вовсе невозможно будетъ изъ здѣшнихъ природныхъ жителей найти рекрутъ въ указную нынѣшнюю мѣру. Во всемъ-же прочемъ, что принадлежитъ до порядка при наборѣ рекрутъ, было-бы поступаемо по словамъ и силѣ единого генеральнаго учрежденія, состоявшагося 1766 года, сентября 29 числа.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Малая Россія съ того времени, какъ состоитъ подъ всероссійскою державою, пользуется правомъ винокуренія и продажей выкуриваемаго вина, и при своемъ древнемъ на то правѣ, платитъ, сверхъ повсегодно зъ душъ, хлѣбную въ казну деньгами подать: но постепенно принуждена ощущать въ винномъ куреніи и въ продажѣ вина стѣсненіе: 1-е отъ новаго учрежденія по городамъ и казеннымъ деревнямъ питейныхъ откуповъ, коихъ до 1784 года въ Малой Россіи не было, 2-е отъ новаго предпріятія откупщиковъ великороссійскихъ смежныхъ губерній, чтобъ свободно вино курить и продавать, удалить съ мало-

россійскихъ цѣлыхъ уѣздовъ, прикосновенныхъ къ границамъ великороссійскихъ губерній, тѣхъ самыхъ уѣздовъ лѣсами изобильныхъ, коихъ весь почти хозяйскій доходъ, въ одной только статьѣ сей состоитъ, о чемъ по указу правительствующаго сената въ семь 1801 году дворянскіе винные заводы описаны и многіе помѣщики подписками обязаны. Для того просить государя императора свободу виннаго куренія и продажу вина на земляхъ малороссійскихъ, кому она по правамъ и привилегіямъ принадлежитъ, оставить въ полной ея мѣрѣ, безъ всякаго впредь подобнаго нарушенія и стѣсненія, сообразно высочайшему указу 1783 года маія 3 числа, пункта 13.

Обсуждалось и писалось это въ самомъ началѣ царствованія Александра I-го. Возстановленіе имъ дворянской грамоты, данной Еккаториной и отмѣненной Павломъ, окрылило надежды переродившагося къ этому времени малороссійскаго шляхетства, и вотъ его *privia disideria*, судьба которыхъ намъ неизвѣстна. Если отбросить отъ нихъ статью 1-ю, касающуюся общаго гражданскаго управленія, и статью 2-ю относительно роста поставляемыхъ стародубовскими помѣщиками рекрутъ, то всѣ автопомныя домогательства новыхъ представителей малороссійскаго народа сведены теперь къ одному невинному желанію свободно курить хлѣбное вино.

Раньше сего, четверть вѣка назадъ, другіе представители того-же народа, заканчивая свою политическую и общественную роль, не въ цѣломъ, правда, составѣ своемъ, но въ отдѣльныхъ личностяхъ, додумались до аналогичнаго идеала:

Спати, лежати,
Горілочку кружати.

Одни, слѣд., желали быть поставщиками, другіе потребителями одного и того-же продукта...

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ КІЕВ. ГРАЖД. ГУБЕРНАТОРУ ПАНКРАТЬЕВУ.

Случайно досталась мнѣ коллекція писемъ, въ числѣ 135-ти, отъ разныхъ частныхъ лицъ къ кіевскому гражданскому губернатору Петру Прокопьевичу Панкратьеву. Всѣ они принадлежатъ

одному 1809 году. Трудно въ этой обширной перепискѣ уловить что либо, имѣющее историческій интересъ; большая часть ихъ содержитъ въ себѣ разнаго рода ходатайства, просьбы о содѣйствіи и помощи, выраженіе благодарности за оказанныя услуги, сообщеніе новостей и проч. Во всемъ этомъ хламѣ, обреченномъ на забвеніе и тлѣніе, показались мнѣ заслуживающими вниманія лишь нѣкоторыя письма кіевскихъ пановъ, характеризующія тѣже неискреннія отношенія ихъ къ представителю правительственной власти, въ какихъ находилась шляхта во всѣхъ новоприсоединенныхъ Россіи провинціяхъ. Это не была, конечно, „волынская революція“, такъ ярко очерченная въ письмахъ о ней неизвѣстнаго современника; но и здѣсь мы видимъ ту же навязчивость и тоже унижительное заискиваніе, а въ одномъ изъ писемъ и явно проглянула готовность показать камень, который друзья и пріятели всегда держали за пазухой. Приведу нѣсколько характерныхъ и просто даже забавныхъ выдержекъ изъ этихъ писемъ.

Помѣщикъ Ивановскій, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ высказывая свою благодарность Панкратьеву за какую-то услугу, пишетъ, что ничѣмъ инымъ не можетъ отблагодарить его, какъ только „продуктомъ власной экономіи своей“, а потому и посылаетъ при письмѣ „цугъ“ (четверку) сѣрыхъ лошадей, которыя проситъ принять, не лишая его и впредь своихъ „ласкъ“. Панкратьевъ не поддался искушенію и подарка не принялъ, отписавъ, что у него самого на конюшнѣ довольно лошадей и что онъ не имѣетъ въ нихъ никакой надобности.

Помѣщикъ Игнатій Голневскій изъ с. Димера пишетъ, 5 января 1809 г.: „убитаго людьми моими въ димеревскихъ лѣсахъ дикаго кабана посылаю вашему превосходительству въ знакъ моего должнаго почтенія, яко начальнику, подъ управленіемъ косяго я имѣю счастье находиться“, и тутъ-же прибавляетъ: „много виноватъ я предъ его высокопревосходительствомъ Дмитріемъ Прокопьевичемъ Трощинскимъ, что за оказанные имъ мнѣ милости не имѣю чемъ изъявить моей ему благодарности; ежели-бъ я былъ такъ счастливъ, чтобы мнѣ найти другаго кабана дикаго, то-бы съ удовольствіемъ послалъ и ему; но зная, что ваше превосходительство находитесь съ Дмитріемъ Прокопьевичемъ въ тѣсной дружбѣ, то я и надѣюсь, что принятіемъ сего малаго подарка одобрить изво-

лите къ обоимъ вамъ навсегда высокопочитаніе того, который пребываетъ вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою“.

Антонъ Езерскій, вѣроятно управляющій, изъ с. Шибенне пишетъ тому-же Панкратьеву: „при отъѣздѣ въ Малороссію г-на моего Андрея Яковлевича Искры, имѣя повелѣніе лучшаго звѣря съ охоты его препровождать къ вашему высокопревосходительству, для того при семъ заповоловавши „дзика“, къ вашему высокопревосходительству препровождаю и съ моимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію остаюсь“ и проч.

Каэтанъ Проскоровъ изъ Коринна въ такой формѣ преподноситъ подобный-же подарокъ: „позвольте ваше превосходительство отъ полеванія моего къ столу вашему принять сарну и кабана и при вкушаніи онаго вспомнать о томъ, который съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣетъ называться вашему превосходительству покорнѣйшимъ слугою“.

Въ иномъ родѣ письма выдающихся польскихъ магнатовъ: холодно-вѣжливое письмо гр. Браницкаго, имѣющее дѣловой и официальный характеръ, и изысканно-пріязненное по формѣ, но ѣдкое по содержанію письмо губернскаго маршала гр. Адама Ржевусскаго. Эти два письма передаю въ полномъ ихъ видѣ.

1.

Милостивой государь мой

Петръ Прокофьевичъ!

Мнѣ имѣлъ честь получить въ Заславѣ письмо отъ вашего превосходительства, но до сихъ поръ не имѣлъ удовольствія къ вамъ писать за болѣзною, съ которою я довольно долго боролся—равно же при письмѣ вашемъ получилъ одинъ экземпляръ докладовъ высочайше конфирмованныхъ относительно заведенія суконныхъ фабрикъ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, и которые экземпляры господня внутреннихъ дѣлъ министръ доставилъ вашему превосходительству, съ тѣмъ, чтобы вы разослали помѣщикамъ здѣшней губерніи. Мнѣ служу на сіе вамъ, милостивый государь мой, отвѣтомъ моимъ. Нѣсколько уже лѣтъ тому, какъ я предпринялъ было здѣлать испытаніе о заведеніи въ нѣкоторыхъ изъ моихъ владѣній суконныхъ фабрикъ; но по разнымъ обстоятельствамъ заведеніе сіе не имѣло желаемаго успѣха, ибо вмѣсто ожидаемой отъ того пользы

понесъ я нарочитой убытокъ; за всѣмъ тѣмъ, видѣвъ нынѣ высочайшее на таковое установленіе соизволеніе, я не оставлю, при первомъ удобномъ мнѣ случаѣ, здѣлать новое тому испытаніе, и какъ тутъ не имѣю я другой цѣли, окромѣ исполненія высочайшей воли, то и не нужно мнѣ какое либо отъ короны пособіе, почитая долгомъ моимъ и душевнымъ удовольствіемъ показать во всякое время вѣрноподданческую готовность къ исполненію его императорскому величеству угоднаго. Имѣю честь пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и искренною преданностію навсегда,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорной слуга

Graff Branicki.

Декабря 8-го дня 1808 года.

Бѣлая церковь.

II

Милостивый государь мой

Петръ Прокофьевичъ!

Условился я съ вами, почтеннѣйшимъ моимъ другомъ, во всякихъ встрѣчающихся обстоятельствахъ, до должности вашей и моей относящихся, не вступая ни въ какіе формальные переписки, дружескимъ образомъ предварить, и потому вчерашняго числа имѣлъ я честь вручить вашему превосходительству поданные ко мнѣ прошеніи отъ помѣщиковъ графовъ Борженскихъ на помѣщиковъ Раковскихъ и Любовицкаго на Ивановскаго.

При приѣмѣ таковыхъ прошеній хотя весьма мнѣ прискорбно было видѣть, что отчасти они противу васъ, милостивого государя моего, поданы были, хотя мнѣ весьма извѣстно, что на начальниковъ губерніи не мнѣ, яко губернскому маршалу, а высшему правительству жаловаться должно, однако-жъ видя съ одной стороны, что сіи помѣщики дворяне поѣздкою, которую предприняли въ столицу, нѣсколько разстроиться могутъ, а съ другой, что В. П. можетъ при самой даже невинности получить себѣ неудовольствіе, то изыскавъ послѣдніе средства къ примиренію васъ съ тѣми-же лицами безъ всякаго для васъ предосужденія, препоручилъ я дворянскому секреторю о сихъ самыхъ средствахъ представить вамъ, моему другу, и потому безъ церемоніи усерднѣйше прошу васъ благосклонно выслушать его и рѣшительно со взаимною откровен-

ностію ему объявить о дальнѣйшихъ по симъ двумъ дѣламъ намѣреніяхъ вашихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и искренною привержимостію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, графъ Адамъ Ржевускій.

22 марта 1809 года, г. Кіевъ.

ПѢСЕННЫЙ ОТГОЛОСОКЪ ДАВНО МИНУВШЕЙ УНИИ ¹⁾).

Журилася попада та своею бідою:

Бідна-жъ моя головонько, що піть зъ бородою!

Охъ мині тяжко, охъ мині нудно,

Що піть зъ бородою—жити-жъ мині трудно!

Охъ, піду я до церковці Богу ся молити;

Якъ погляну на бороду, мушу ажъ умліти.

Охъ мині тяжко...

Охъ, піду я на хрестини—просять мене сісти,

Якъ погляну на бороду, тай не можу істи.

Охъ мині тяжко...

Хоць ты уберися въ дорогіи шаты,

Таки тебе не люблю—бо ты бородатый

Охъ, мині тяжко...

Охъ, піду я къ протопопі, тай стану просити,

Щобъ позволивъ протопопа бороду голити.

Охъ мині тяжко...

„Охъ не можно, добродзійко, того учинити:

Якъ дознаетця владыка, буде мене бити!“

Охъ мині тяжко...

„Чи не можно, протопопе, того учинити:

Щобъ зо мною безъ бороды, въ люди-жъ причепити“.

Охъ мині тяжко...

¹⁾ Помѣщаемая пѣсня относится къ концу прошлаго столѣтія, — ко времени присоединенія юго-западнаго края къ Россіи и возвращенія волинскихъ униатовъ къ православію. Народная память отиѣтила это послѣднее событіе, окрасивъ своимъ обычнымъ юморомъ и это пристрастіе женщины къ вѣшности и измѣняемость ея вкусовъ. Борода—вотъ все, что затрудняло длл іерейскихъ женъ переходъ изъ униі въ православіе.—Р е д.

„Ой, не можно, добродзійко, того не ведетця:
Якъ вінъ схоче усы втерти, вона обірветця“.

Охъ мині тяжко...

Ой піду я та просити самого владыки,
Щобъ позволивъ добродзіямъ бороду голити.

Охъ мині тяжко...

Ось приходить добродзійка та въ ёго палаты,
Ажъ тамъ сидить попівъ зъ сорокъ, та всі бородати.

Охъ мині тяжко...

...Якъ зачали попадю кропиломъ кропити,
Приклякнула, присягнула, що „буду любити“.

Охъ мині тяжко...

...„Теперь мині любо, теперъ мині мило,
Попове кропило любити навчило!
Вже-жъ и не тяжко, вже-жъ и не нудно,
Хоць піпъ зъ бородою, жити зъ нимъ не трудно“.

Записано въ селѣ Ивахъ, на границѣ вольнской и подольской губерній.

1883 г. 24 іюня.

Сообщ. М. Крашановскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна на двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложешіями, десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редація, вполне обеспеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій. (Въ 1883 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ «Историческому Вѣстнику» редакція приобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія иллюстрированнаго (40 гравюрами на деревѣ) культурно-историческаго очерка Адольфа Глазера «Савонарола».

Для первыхъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Авергіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Берга, Ф. П. Буликова, В. П. Буренина, А. Я. Буткозской, И. Д. Билова, Н. А. Блюзерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. П. Дубасова, Г. Г. Есипова, П. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. П. Киртичаникова, П. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Льскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартыанова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пруагина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Е. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. П. Тершиорева, П. С. Усова, Ф. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паньемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38 и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіяся, въ весьма ограниченномъ числѣ, экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за прошлые годы (1883 года остается 42 экзем.). Цѣна каждому году, со всеми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой.

„ВѢКЪ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ.)

„ВѢКЪ“ будетъ издаваться въ будущемъ 1884-мъ году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за 12-ть книгъ въ годъ, съ портретами выдающихся дѣятелей: 16 руб. съ пересылкою; съ доставкою въ С.-Петербургѣ—15 руб. Полгода—8 руб. Съ Январской книги журнала будутъ печататься: «Исклѣченный» — романъ В. Никитица. «Аракчевщина», — историческій романъ, въ 4 хъ частяхъ, М. А. Филиппова. «Ужасная почва», рассказъ Г. Богрова. «Эпизодъ изъ жизни Богдана Хмельницкаго» — В. П. Любича-Романовича. «Записки Сергія Алексѣевича Тучкова», приведенныя въ порядокъ бывшимъ московскимъ Генералъ-Губернаторомъ П. А. Тучковымъ. «Маркизъ де Сент-Валь» (le roi s'amuse) Виктора Гюго, переводъ римованными стихами Н. Веригина. «Птица небесная» — повѣсть К. Фофанова. «Каждому свое», изъ воспоминаній К. Градовскаго. Крозь того будутъ помѣщены: Повѣсть С. Долгиной, бытовые и историческіе рассказы: А Шардина, Козьмы Пруткова и П. Шарченко. Драма А. Берсеньева. Научныя статьи: «Наипи новше беллетристи», «Значеніе Сатиры», «Н. С. Тургеневъ и Л. Толстой», «Изъ исторіи русскаго просвѣщенія». «Эволюціонная теорія». Для иностраннаго отдѣла имѣются романы — съ шведскаго, французскаго, швецкаго и англійскаго, лучшихъ современныхъ писателей, и многія другія статьи.

Крозь этого, редація будетъ печатать въ теченіи 1884 года:

1) Никогда не издавныя два письма Гоголя, по поводу нападокъ на него за отпечатаніе имъ «писемъ его къ друзьямъ».

2) Письма графа Сперанскаго, фельдмаршала князя М. С. Воронцова, Ад. Скарлатовича-Стурдзы, Павскаго, Бодянскаго, Погодина, барона Корфа, Снегирева, Сахарова, Максимовича, В. Б. Богданова, Кочетова, двухъ Новицкихъ, О. Михайвича, Ан. Н. Муравьева и многихъ другихъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ къ знаменитому проповѣднику писателю и ученому архіепископу Иннокентію.

Примѣчаніе. Эти драгоценные документы предназначены для Спб. Императорской публичной бібліотеки.

3) Посмертные труды и переписка Н. А. Муравьева (автора „Путешествія къ св. мѣстамъ“).

Главная контора въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, по Фонтавкѣ, д. 93, кв. 16.

Издатель-редакторъ М. А. Филипповъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1884 году подъ новой редакціей, при новыхъ сотрудникахъ и въ увеличенномъ размѣрѣ.

Новая редакція поставила себѣ задачею сдѣлать изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ большой политическій органъ, руководимый яснымъ сознаніемъ государственныхъ и народныхъ интересовъ Россіи. Она разсчитываетъ, что газета будетъ отвѣчать настоящей минутѣ поворота отъ фразы къ дѣлу и удовлетворитъ настроенію общества, ожидающаго спокойнаго подъема духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны.

Газетѣ будетъ придава полнота, какъ въ обзорѣняхъ и извѣстіяхъ политическаго и экономическаго интереса, такъ и въ хроникѣ общественной и городской жизни, въ литературныхъ фельетонахъ и въ отдѣлѣ, посвященномъ искусству и наукѣ.

Въ литературномъ отдѣлѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ будутъ принимать участіе: *В. В. Крестовскій*, графъ *А. А. Голицевъ-Кутузовъ*, *К. Н. Леонтьевъ*, *Б. М. Маркевичъ*, *Е. Л. Марковъ*, графъ *Е. А. Салиасъ*, *К. К. Случевскій* и др.

Условія подписки (съ казенными объявленіями):

	Безъ доставки.	Съ пересылкою и доставкой.	За границу.
На годъ	14 р. 50 к.	16 р. — к.	24 руб.
» полгода	8 » — »	9 » — »	13 »
» 4 мѣсяца	5 » 50 »	6 » — »	10 »
» 3 »	3 » 75 »	4 » 50 »	7 »
» 2 »	2 » 50 »	3 » — »	5 »
» 1 »	1 » 50 »	1 » 50 »	3 »

Подписка принимается въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Троицкій переулокъ, домъ № 10.

Изгородные адресуются: Въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ Петербургъ.

Редакторъ издатель *В. Асенько*.

„Русскій Сатирическій Листокъ“.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ раскрашенными рисунками и карриатурами русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Программа журнала: I. Сатирическая хроника человеческой жизни и ея явленій. II. Сатирическая литература. III. Московскій листокъ. IV. Петербургскій листокъ. V Сатирическое обозрѣніе изящныхъ искусствъ. VI. Сатирическая критика русской журналистики и литературы вообще. VII. Обозрѣніе иностранной сатирической журналистики и литературы. VIII. Корреспонденціи и сообщенія. IX. Смѣсь. X. Сатирическіе и юмористическіе рисунки и карриатуры русскихъ и иностранныхъ художниковъ. XI. Объявленія.

Съ первыхъ №№ 1884 года „Русскій Сатирическій Листокъ“ будетъ печатать оригинальный „разсказъ въ рисункахъ“ подъ названіемъ „Русскій Донъ-Кихоть“, состоящій изъ ста фоновыхъ картинъ. Текстъ журнала и количество рисунковъ будутъ значительно увеличены. Всѣ рисунки, помѣщаемые въ „Русскомъ Сатирическомъ Листѣ“, составляютъ собственность редакціи и перепечатывать ихъ въ другихъ изданіяхъ не дозволяется. „Русскій Сатирическій Листокъ“ выходитъ по субботамъ и въ тотъ же день сдается на почту. Редакція отвѣтственна за аккуратную высылку журнала. Подписная цѣна „Русскаго Сатирическаго Листка“: на годъ съ пересылкою во всѣ города Россіи 8 рублей, на полгода 5 руб.; съ доставкою въ Москвѣ: на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: Москва, близъ Пающихи, Малый Трубный переулокъ, собственный домъ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга.

Редакторъ-Издатель Н. А. Полушинъ.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ВОЛНА“

Роскошное еженедѣльное изданіе въ форматѣ большихъ иллюстрацій съ рисунками въ краскахъ (акварель) 50 номеровъ въ годъ или 1200 страницъ убористой печати.

Журналь „ВОЛНА“ издается при ближайшемъ участіи лучшихъ художественныхъ и литературныхъ силъ. Каждый номеръ журнала будетъ заключать въ себѣ отъ 20 до 30 страницъ текста и картинъ въ краскахъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Вопросы и новости для „обо всемъ и оговсюду“. 3. Событія въ мірѣ политическомъ. 4. Лѣтопись литературы и искусства. 5. Операціи банковъ. 6. Земское дѣло. 7. Народное образованіе. 8. Судебная хроника. 9. Статьи историческаго содержанія и *иллюстрированныя историческіе романы*. 10. Этнографическіе очерки (*повѣсти и рассказы изъ русской жизни*). 11. Справочный листокъ биржи и проч. 12. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ. 13. Фельетонъ (обзоръ общественной жизни). 14. Театръ и музыка. 15. *Рассказы, очерки и описанія къ рисункамъ*. 16. Стихотворенія и поэмы. 17. Мелочи, анекдоты и разнообразный отдѣлъ смѣсп. 18. Почтовый ящикъ. 19. Частныя объявленія и, въ видѣ бесплатнаго приложенія для годовыхъ подписчиковъ, *четыре сезона парижскихъ модъ съ картинками*.

Художественный отдѣлъ. На этотъ отдѣлъ редація обращаетъ особенное вниманіе и въ теченіи года будетъ помѣщено до 300 оригинальныхъ картинъ, большого формата, исполненныхъ красками по заказу редакціи извѣстными русскими художниками. Въ журналѣ „ВОЛНА“ будутъ помѣщаться: историческія картины, иллюстраціи къ повѣстямъ и рассказамъ, картины изъ русской жизни, портреты выдающихся дѣятелей, копіи съ извѣстныхъ картинъ, виды мѣстностей, разнообразныя типы, множество выѣточекъ и рисунковъ на злобы дня.

Всѣ годовые подписчики на 1884 годъ получаютъ большую роскошную картину, отпечатанную масляными красками на холстѣ:

РУССКІЙ БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЬ И ПОЛОНЕННАЯ ИМЪ ЦАРЕВНА.

Оригиналъ картины написавъ по заказу редакціи художникомъ *К. В. Лебедевымъ*. Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы графа А. Толстого и изображаетъ „Алешу Поповича“ на лодкѣ, среди камышей, играющаго на гуслихъ передъ полоненною Царевною.

Условія подписки: На мѣсяць—1 руб., на 2 мѣсяца—2 р. 50 к., на 6 мѣсяцевъ—5 р. и на 1 годъ—8 р. съ доставкою и пересылкою. Гг. служащимъ можетъ быть сдѣлана разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальниковъ.

За разсылку и упаковку премій годовые подписчики благоволятъ прилагать 21 к.

Подписка принимается во всѣхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи.

Гг. цногородвіе подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи: *ульз Никитской и Леонтьевскаго переулка, д. баронессы Корфъ, въ Москвѣ.*

Редакторъ-издатель **Н. У. Руссіановъ.**

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная
(350 нумеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

подъ редакцію А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обзор.»).

Объемъ газеты—печатный листъ средняго формата; программа—общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 руб.; на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за *строку петита*) принимаются въ Тифлисъ исключительно въ Газетномъ Агентствѣ В. Шавердова; въ С.-Петербурѣ-же и Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Канонова, квартира редактора.

За газетою обезпечено постоянное сотрудничество: *кн. К. А. Бебутова, Вс. М. Гаршина, П. А. Измайлова, С. Н. Кривенко, Н. Я. Николадзе, П. А. Опочина, А. Н. Плещеева, П. Ф. Тхоржевскаго, Гл. П. Успенскаго, Н. А. Шаврова.*

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ КІЕВѢ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1884 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложений (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій“, при выпискѣ приложенийъ, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями въ комисіонеру университета Н. Я. Оглобляву (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крешатикъ, бывшій книжный магазинъ Лытова).

Редакція.

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

на 1884 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

<i>Въ Варшавѣ:</i>				<i>Съ пересылкою:</i>	
На годъ . . .	9 руб. 60 коп.			На годъ . . .	12 руб. — коп.
„ полгода . .	4 „ 80 „			„ полгода . .	6 „ — „
„ три мѣсяца.	2 „ 40 „			„ три мѣсяца.	3 „ — „
„ мѣсяць . .	— „ 80 „			„ мѣсяць . .	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью): на годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., мѣсяць—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ Контору Редакціи „Варшавскаго Дневника“, въ Варшавѣ, Медов.-я. 18.

Подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ Истомина и Карбасникова.

Редакторъ-издатель *П. Щебальскій.*

„Николаевскій Листокъ Объявленій“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Распоряженія Правительства и мѣстныхъ властей.
- 2) Телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства.
- 3) Мѣстная хроника общественной жизни. Рефераты общественныхъ и сословныхъ учрежденій. Письма и статьи касающіяся торговли, статистики и т. п.
- 4) Судебная хроника.
- 5) Театръ и музыка.
- 6) Мѣстныя экономическія и торговыя свѣдѣнія. Курсы, биржа.
- 7) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп., на 1 мѣсяць—1 руб.

Плата за объявленія: на 1-й страницѣ—1 руб. 80 коп. за вершокъ столбца; на послѣдней страницѣ—въ первый разъ 90 коп. и въ послѣдующіе разы по 60 коп. отъ вершка.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Николаевѣ Херс. губ. въ конторѣ редакціи, на углу Соборной и Спасской улицъ, д. Сакисчи.

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

50 № № въ годъ).

У с л о в і я п о д п и с к и :

За годъ	6 р. — к.
За первое полугодіе	4 „ — „
За второе полугодіе	3 „ — „
За Январь, Февраль и Мартъ	2 „ 25 „
За Апрель, Май и Іюнь	2 „ — „
За Іюль, Августъ и Сентябрь	1 „ 75 „
За Октябрь, Ноябрь и Декабрь	1 „ 50 „

П о м п с я ч н о :

За Январь	1 „ — „
За Февраль	„ 80 „
За остальные мѣсяцы, за каждый мѣсяць	— „ 75 „

Годовые подписчики получают литературный сборникъ, который будетъ искорѣ изданъ редакціей „Екат. Недѣли.“

Редакція имѣть въ виду возобновить ходатайство объ изданіи газеты 3 раза въ недѣлю, безъ увеличенія цѣны изданія.

Редакторъ-издатель *П. Штейнфельдъ*.

Въ 1884 году открыта подписка на

„ПСКОВСКІЙ ГОГОДСКОЙ ЛИСТОКЪ“

Политическо-общественную газету, выходящую два раза въ недѣлю.

Цѣна съ пересылкою: на годъ 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 рубля.

„С В ъ Т Ъ“

выходитъ ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, въ форматѣ обыкновеннаго листа.

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, „Свѣтъ“ имѣлъ невѣроятный и не бывалый успѣхъ и съ разу сталъ самою распространенною газетою въ Россіи.

Цѣна на „Свѣтъ“

Съ пересылкою и доставкою: За годъ	4 р.
» » » полгода	2 »
» » » четверть года	1 »

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1884 году, такъ-же какъ и въ нынѣшнемъ, будетъ выходить

Приложеніе романовъ.

къ газетѣ

„С В Ъ Т Ъ“

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному роману каждый мѣсяць, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на романы съ пересылкою и доставкою:

На годъ (12 романовъ)	4 руб.
» полгода (6 романовъ)	2 »
» четверть года (3 романа)	1 »

Безъ газеты подписка на романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Петербургъ, редакція газеты „Свѣтъ“, Гороховая, № 46.

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*

VI годъ. **„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“** годъ VI.

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РОСКОШНЫМИ ПРЕМІЯМИ и РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Выходитъ въ 1884 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ гравюръ.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ »Иллюстрированнаго Мира« за-ключаетъ въ себѣ историческіе и бытовые романы, повѣсти, рассказы, сцены, стихотворенія, историческіе и биографическіе очерки, популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, всемірный курьеръ (обозрѣніе общественной жизни всего свѣта), литературное обозрѣніе, книжныя новости, политическое обозрѣніе, русское (внутреннее) обозрѣніе, новости наукъ, искусствъ и проч., калейдоскопъ, юмористическій отдѣлъ

шахматы, задачи, игры, шарады, ребусы, тиражи, почтовый ящикъ и проч. Нѣкоторыя беллетристическія произведенія помѣщаются съ богатыми иллюстраціями. Дополненіемъ беллетристическаго отдѣла будутъ служить:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

въ которыхъ въ теченіи года будутъ помѣщены наиболѣе выдающіяся произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЬ „Иллюстрированнаго Міра“ даетъ снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портреты, виды замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, картины животнаго и растительнаго царства, картины современной политической и общественной жизни, сцены изъ жизни, иллюстраціи къ романамъ, сцены изъ оперъ, балета, драматическихъ произведеній, каррикатуры, модныя рисунки, ребусы и проч. По примѣру прошлыхъ лѣтъ при журналѣ будутъ разсылаться **РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ**, представляющія снимки съ произведеній извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

При журналѣ „Иллюстрированный Міръ“ ежемѣсячно разсылаются бесплатно **»НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ«**—полный руководѣльно-модный журналъ съ выкройками въ натуральную величину.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премию—прекрасную олеографію съ картины знаменитаго художника профессора *Г. И. Семрадскаго*:

»ХРИСТОСЪ и ГРѢШНИЦА“

Подписная цѣна „Иллюстр. Міра“ на годъ со всѣми преміями и приложениями:

безъ доставки въ Спб. 6 р., безъ достав. въ Москвѣ 6 р. 50 к. Съ дост. Спб. 7 р. для иногородныхъ 8 р. Загр. 10 р.

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ *С.-Петербурѣ*, въ главной конторѣ редакціи журнала „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“, по Невскому проспекту д. № 76 (уголь Литейнаго пр.). Въ *Москвѣ*, въ отдѣленіи конторы, при Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова.

„Волжскій Вѣстникъ,“

Газета общественная, литературная и политическая, выходитъ въ г. Казани (2-й годъ изданія).

Въ наступающемъ году изданіе будетъ значительно расширено; такъ, «*Волжскій Вѣстникъ*» въ 1884 году будетъ выходить вѣсто одного—три раза въ недѣлю.

Направленіе, составъ редакціи и подписная плата остаются прежнія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго *Волжско-Камскаго края* и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Годовые подписчики получаютъ бесплатную премію—литературный сборникъ, объемомъ не менѣе 15 печат. листовъ (240 страницъ). Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ мѣстнаго края.

Подписная цѣна, съ пересылкою и доставкой; на годъ—7 руб., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп.—Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка платежа: при подпискѣ—3 р., къ 1 Апрѣля и къ 1 Юля—по 2 рубля.

Иногородніе адресуютъ исключительно: въ Казань, въ редакцію «*Волжскаго Вѣстника*».

Редакторъ-Издатель, профес. *Н. Н. Заоскинъ*.

ХУДОЖЕСТВЕННЮ-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ „РОССІЯ“.

Журналь «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяць: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадями въ два листа (16 стр.) большого формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка въ краскахъ (автографин), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Миковскихъ, М. О. Микшинина, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, разсказы, очерки,—историческіе, бытовые, изъ уголовной хроникки,—драматическія

произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ *А. Е. Салиасъ*, *Н. С. Льсковъ* (*Стебницкій*), *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. Г. Вучетичъ*, *А. В. Круловъ*, *Д. А. Ливевъ*, *С. Н. Филитовъ*, *Н. П. Тимофеевъ*, *Н. С. Стружскій*, *П. А. Оленинъ*, *В. В. Чуйко*, *В. Е. Ермиловъ*, *Н. Кульжинскій*, *М. М. Ивановъ*, *В. С. Баскинъ*, *Н. А. Вербицкій* и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРѢМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по анварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполне увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ, будетъ такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ—

„АТАМАНЪ УСТЯ“,

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя *А. Е. Салиаса*, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірская». «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, со всеми приложениями и преміей, безъ доставки въ Москвѣ 7 р., съ доставкой и пересылкою 8 р.: на полгода безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкою 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакція въ Москвѣ, Газетный переулокъ, близъ Петровки, въ д. Фульца; Въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Мелье и К^о и Вольфа

Редакторъ-Издатель *О. М. Уманецъ*.

„КІЕВЛЯНИНЪ“,

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1884 г. ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Годичные подписчики получаютъ бесплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянка“ съ портретомъ покойной издательницы „Кіевлянина“.

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ зая-

внѣ, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Кіевлянина», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «Кіевлянина»: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малѣцкаго, Крещатики, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—12 р., на 11 м.—11 р. 20 к., на 10 м.—10 р. 60 к., на 9 м.—9 р. 40 к., на 8 м.—8 р. 80 к., на 7 м.—8 р., на 6 м.—7 р., на 5 м.—6 р. 20 к., на 4 м.—5 р. 40 к., на 3 м.—4 р. 50 к., на 2 м.—3 руб. на 1 м.—1 руб. 50 к.; безъ дост. и перес.: на годъ—10 руб., на 11 м.—9 руб. 40 к., на 10 м.—8 руб. 80 к., на 9 м.—8 руб. 20 к., на 8 м.—7 руб. 60 к., на 7 м.—7 руб., на 6 м.—6 руб., на 5 м.—5 руб., на 4 м.—4 руб., на 3 м.—3 руб., на 2 м.—2 руб., на 1 м.—1 руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста Бунвы (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста Гр. Градовскаго, который обѣщаль пополнить отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція приобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся приобрести въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ» занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полоторныхъ номеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и обеспеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		Безъ доставки		Съ доставкою				Безъ доставки		Съ доставкою	
		и пересыл.		и пересыл.				и пересыл.		и пересыл.	
На 1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »	9 » 60 »	11 » — »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »	10 » — »	11 » 50 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »	11 » — »	13 » — »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »	11 » 50 »	13 » 50 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »	12 » — »	14 » — »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ бесплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержания. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, перодовыхъ статей, рассказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или каррикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редація имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Балчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бпрючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Вернедѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномѣ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Змievѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кншяневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевецѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебеднѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-

Осколь, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквири, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколь, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умани, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Феодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. иног.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. Юзюковичъ.

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА“

(ГОДЪ ІХ)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергаиъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Приазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текуція явленія и мѣстные новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.	Съ пересылкою иногороднимъ.
на годъ 6 р. —	на годъ 7 р. —
„ полгода 3 „ 50	„ полгода 4 „ —
„ 3 мѣсяца 2 „ —	„ 3 мѣсяца 2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовѣ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абрамианъ*.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНИКЪ”.

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналъ **«РОДНИКЪ»** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, политипажамъ въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно **оригинальныя** произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія выдающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, въ родѣ, напрям. напечатанныхъ въ 1883 г. въ **«Родникѣ»** очерковъ **профес. М. Н. Богданова**, подъ названіемъ **«Мірскіе захребетники»**, гдѣ описанъ бытъ животныхъ, селящихся около чововѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ **М. Н. Богданова** изъ другой области животнаго міра и очерки **профессора Дм. Найгорова** изъ жизни растений. Сверхъ того, въ **«Родникѣ»** появится продолженіе этнографическихъ разсказовъ **Л. Х. Симоновой** изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Выѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ **«РОДНИКУ»**: педагогическій сборникъ **«Воспитаніе и Обученіе»** выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библиографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ при- ложеніемъ, съ дост. и пер.	6 р.	На годъ безъ при- ложенія, съ дост. и пер.	5 р.	На ½ года безъ приложенія	3 р.	за границу на годъ съ приложеніемъ.	8 р.
--	------	--	------	---------------------------------	------	---	------

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ*, въ *главной конторѣ* журнала **«Родникъ»**, *Никольская площ., д. № 4*, и въ *отдѣленіяхъ конторы*: въ *С.-Петербургѣ* — книжный магазинъ **Н. Фену и К^о**. Въ *Москвѣ* — «Сотрудникъ школъ» **А. К. Залѣской**, *Воздвиженка, д. Армяндѣ*. Въ *Харьковѣ* — книжный складъ при «Публичной библіотекѣ» **А. Н. Гусева** и **К^о**, *Московская, 7*. Въ *Томскѣ* — «Сибирскій книжный магазинъ» **Михайлова** и **Макушина**.

Редакторъ-издательница **Е. Сысоева**.

„НОВОСТИ ДНЯ“,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учреждений. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и пзвѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассационныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя пзвѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета «**Новости Дня**» на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всѣмъ этимъ потребностямъ общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгалъ всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщасмаго событія, ни во имя бойкости разсказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ . . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ . .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія приписываются по 20 к. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты «**Новости Дня**».

Редакторъ-пздатель *А. Я. Липскеровъ*.

„РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Выходить 4 раза въ годъ книжками отъ 10 до 15 листовъ каждая. Общее число листовъ годоваго изданія около 50.

Предметы журпала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племень, преимущественно русскаго народа.

Цѣна годовому изданію: *семь р. с.* съ пересылкою.

Адресъ: Варшава, въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

Редакторъ-издатель: *А. И. Смирновъ.*

„ВАЗА“.

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходятъ 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца большими тетрадами и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ. **24 модныя раскрашенныя гравюры.** (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12 вырѣзныхъ выкроекъ**—въ натуральную величину. **12 листовъ литографированныхъ выкроекъ** (до 1000 формъ). **12 листовъ узоровъ:** вязанья, вишиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6 раскрашенныхъ узоровъ**, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на передиванный столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** пріозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краски. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ.** Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА».** Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и разсылка премій оканчивается въ теченіе перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Ивановская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

На годъ безъ премій . . . 6 р. — к.	7 р.	} Съ преміями на 5 р. дороже на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На 1/2 года безъ премій. 3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЬ“

Подписчики получают за **ШЕСТЬ** руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, двѣнадцать приложений (премій) ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

1) Большую олеографическую картину.

2) }
3) } Два акварельныхъ пейзажа.

4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) живописной Россіи: сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и статистическими цифрами. **Изданіе это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе.** Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбомиллюстраціи.

5 и 6) **Первый и второй томъ** сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЬ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полиће имѣть ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и бібліотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одиннадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ контору редакціи.

Редакторъ С. С. Окрейць.

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большого формата)

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія*,—въ официальной своей части, составляющей официальный органъ св. синода, печатаетъ *столпа* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофициальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестаствѣ).

При журналѣ «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ званій, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЬ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу Псалмовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ «Толкованія на книгу пророка Исаи», такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за *оба журнала и съ «Толкованіями на Вѣтхій Заветъ»*—**семь руб.** съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ»—**пять руб.**, за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»—**пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за *оба журнала* 9 р., за *каждый отдѣльно* 7 р. съ пересылкою.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ» *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знамен. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаютъ также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при кнжн. маг. Тузова (бывш. Каралева), въ Москвѣ—при кнжн. маг. Феропонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

большая ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета

Въ 1884 г. въ обновленномъ видѣ и разширенной программой вступить въ четвертый годъ своего существованія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкою на домъ въ городѣ на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р., одинъ мѣсяць 1 р. Съ пересылкою по почтѣ иногороднимъ на годъ 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяць 1 р. 25 к.

Съ 1-го января 1884 года при „Одесскомъ Листкѣ“ будетъ выходить еженедѣльный политическо-литературн., художественно-юмористическій журналъ съ карриатурами

„ПЧЕЛКА“

Въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ журналовъ съ 4-мя страницами карриатуръ (въ нѣсколько красокъ) и съ 8 страницами текста, въ которомъ, кромѣ фельетоновъ сатирическихъ, обличительныхъ статей, беллетристическихъ и художественно-лигературныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, будутъ помѣщаться статьи по внутреннимъ вопросамъ и иностранной политикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: для городскихъ подписчиковъ съ доставкою на домъ 6 р., полгода 4 р., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ 5 р., полгода 3 р. 50 к. Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкою въ бандероляхъ: на годъ 7 р., полгода 4 р. 50 к., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ 6 р., полгода 4 р.

Требованія и деньги адресовать на имя В. В. Новооцнаго, въ контору редакціи „Пчелки“: въ Одессѣ, Ришельевская улица, домъ Баржанскаго.

Редакторъ-издатель В. В. Навроцкій.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1884 году.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрагивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараемся содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій*.

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году **«Орловскій Вѣстникъ»** будетъ выходить ежедневно одинаковыми нумерами въ листъ, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ нумеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, **7 РУБЛЕЙ**.

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библиотекѣ «Орловскій Вѣстникъ», болховская, д. Зальмень, и въ редакціи — зпновьевская улица, д. Чудинова.

Редакторъ-пздатель *А. Чудиновъ*.

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкою въ Саратовъ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
> полгода	4 > — »	> полгода	4 > 50 »
> 3 мѣсяца	3 > — »	> 3 мѣсяца	3 > — »
> 1 мѣсяць	1 > — >	> 1 мѣсяць	1 > 20 >

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Скобелевская ул., домъ Онезорге.

Редакторъ *П. Лебедевъ*. Издатель *М. Поповъ*.

„СТРАННИКЪ“

на 1884 годъ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октяб­ря 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ **10-ти до 12-ти** и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Обще­д­ст­уп­ныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные мате­риалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*. 2) Обще­д­ст­уп­ныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*. 3) Церковныя слова, поученія и другія правоучительныя про­п­з­ве­де­нія. 4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовнства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*. 7) Отдѣль­ныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* оте­чественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблю­де­нія, записки и дневники приходекипъ священниковъ, сельскихъ учителей и дру­

гих народных дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библиографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержания; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія и замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года останея прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкой въ С.-Петербургъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**; съ пересылкою за границу **восемь рублей**. Аересоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургъ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.

„ИСКУССТВО“

ЖУНАЛЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимать участіе: Н. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонзуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky Sbornik“), В. Н. Кашперовъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эраихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Спасовичъ, И. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ (изъ Парижа), А. Г. Сахарова, „Театраль“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. П. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналь «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналь „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала «*Revue politique et litteraire*», заключаая въ каждомъ номерѣ отъ 24 до 32 страницъ, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, рассказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою	Для иногородныхъ
Годъ 9 р. 50 к.	Годъ 10 р.
Полгода 5 „ 75 „	Полгода 6 „
3 мѣсяца 3 „ 50 „	3 мѣсяца 4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначея и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Θ. Груднинъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. еженедѣльный журналъ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обзоръ малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДИУМИЗМЪ* (сиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясно-видѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ специальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премированныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСЪ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, рассказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» — романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Английскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ книж. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

„ЭХО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГАЗЕТЪ.

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившіяся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяет не только удержать прежнюю подлинную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты «Эхо» опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченныи имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не бораясь вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человечества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, таящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ,—внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы расширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней „Чиновное болото“, „Прологъ къ роману“ М. Н. Альбова. Повѣсть „Въ полутьмѣ“ и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:	За границу:
На годъ 10 р.	На годъ 16 р. — к.
„ полгода 6 „	„ полгода 9 „ — „
„ три мѣсяца 8 „	„ три мѣсяца 5 „ — „
„ одинъ мѣсяць 1 „	„ одинъ мѣсяць 2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не далье, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № „27, въ Русской Скоропечатнѣ“ К. И. Купа).

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургѣ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургъ* — въ главную контору „ЭХО“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,
будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останется вѣрною разѣ принятому пути, — мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальными указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники“, дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго п областнаго отдѣловъ думася, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной п мѣстной хроника, какъ выраженія жизни края п города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сѣдскаго хозяйства, по садоводству п винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ п будемъ продолжать давать повѣсти, рассказы, фельетоны съ общественной жизни (русской п иностранной), литературные очерки п вообще статьи беллетристическаго содержания.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки п доставки:	съ пересылкой или доставкой:
За годъ (12 мѣсяцевъ) 12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ) 14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ 7 " — "	За 6 мѣсяцевъ 8 " — "
За 3 мѣсяца 3 " 85 "	За 3 мѣсяца 4 " 50 "
За 1 мѣсяць 1 " 30 "	За 1 мѣсяць 1 " 50 "

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяць.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учреждений также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессу*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться п иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ П ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи п изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ п промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія п политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій п явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга п оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ п другихъ публичныхъ зрѣлищахъ п увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетоны; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщася очерки мѣстныхъ нравовъ п другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной п желѣзно-дорожной, театральнаго репертуаръ, почтовой п календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень п т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому издавію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносу подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ **ОРЕНБУРГЪ**, въ редакцію газеты «**Оренбургскій Листокъ**», Перовская улица, домъ № 33, близь театра, при типо-литографіи **Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго**.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій*.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. 17 р., безъ перес. 15 р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій**. Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони**. Физиологія (60 лист.); **Генохъ**. Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгмюлеръ**. Нервные болѣзни (23 листа); **Мальгень**. *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ**. Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо**. Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ**. Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ**. Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ**. Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ**. Диагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ**. Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ**. Хирургія (70 лист.); **Ришэ**. Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить **Анатомію Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна**, затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи **Вредена** (**Гebra**, **Генсмеръ**, **Барделебенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакция пмѣтетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигиенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроника и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*

Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ“

ТРЕТИЙ ГОДЪ

«Другъ женщины» — будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и рассказы — оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія — по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, бібліографіи и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія — по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ сѣздахъ; правительственныя распоряженія; статистическія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ «Другъ женщины»: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. И. Дмитріева*, *Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за колгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, Волховка, домъ Боейковой, подъѣздъ съ Лѣнвки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ Конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашиевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городекихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	На гэдъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкою на домъ	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Для иногородныхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на переѣзду адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученоемъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, еженѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія,“ съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ епархій*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ,“

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 гду редакция обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэуа Д. Рэтклифа*—«Возстаніе въ Индіи», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и ириводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставкн.	Съ доставкою на домъ.	Съ перс. во всѣ г. Россіи.
На 12 мѣс. 8 р.—к.	8 р. 50 к.	9 р.
На 6 „ 4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносятся 5 руб., а во второмъ—3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторѣ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журнала «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ»*.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Всѣмъ подписчикамъ въ теченіи года вышлется:

- 1) 52 еженедѣльныхъ нумера, каждый въ два большіхъ печатныхъ листа, съ 5—6 рисунками въ текстѣ.
- 2) 12 ежемѣсячныхъ книженъ въ 8-ю долю, объемомъ въ 10 печатныхъ листовъ
- 3) 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Парижскихъ модъ».
- 4) Бесплатная премія,—олеографія съ картинки извѣстнаго художника В. Е. Маковскаго,

Кондратьева, затѣмъ историческая повѣсть *И. Погорькина* «Колоколь императрицы Анны». Для журнала «Мірской Толкѣ» редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя популярно-научныя статьи одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты*, подъ вазваніемъ «Къ сумасшедшему дому» и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рубрикой: «Избранные романы Библиотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ «Библиотекѣ Мірскаго Толка» редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе двадцати пяти рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, пллюминированныхъ цвѣтными красками подъ сеію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демитторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ ста №№ журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получаютъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЬ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библиографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоящаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины (1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ премію картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходитъ ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой МѢ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины.—Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р.—не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная—или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москву*—въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербургѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“.

1884 г. (двадцатый годъ изданія).

Съ 8 декабря 1883 года изданіе и редакція «Будильника» перешли въ дрругія руки.

Въ теченіи года 50 номеровъ, 300 большихъ каррикатуръ и рисунковъ напечатанныхъ семію красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ½ года.
Въ Москвѣ безъ доставки.	7 р.	4 р. — к.
Съ „Альбомомъ каррикатуръ“	8 „	— „ — „
„ „ съ доставкою	8 „	4 „ 50 „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“	9 „	— „ — „
„ пересылкой въ другіе города имперіи	9 „	5 „ — „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“	10 „	7 „ — „

Пересылка за границу по особому тарифу.

Подписка на иные сроки кромѣ вышеуказанныхъ—не принимается. Разсрочка подписной суммы требуетъ предварительнаго соглашенія съ главною конторою «Будильника». Годовые подписчики, когда-бы ни подписались, получаютъ всѣ номера журнала, начиная съ перваго, равно какъ бесплатную премію. Полугодовые подписчики никакой преміи не получаютъ.

Премія „БУДИЛЬНИКА“ на 1884 г.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Бомарше, переводъ съ французскаго, артиста москов.
императ. театровъ М. П. Садовскаго.

„СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“

Рукопись печатается въ форматѣ «Будильника» съ десятью художественно
выполненными рисунками болѣе выдающихся сценъ безсмертной комедіи—сатиры.

Въ виду двадцатилѣтія существованія «БУДИЛЬНИКА», въ 1884 году из-
данъ будетъ «Альбомъ каррикатуръ для смѣха и забавы», нъ который войдутъ
лучшія каррикатуры, также шутки и юмористическіе стишки, помѣщавшіеся въ
«БУДИЛЬНИКЪ» съ 1863 по 1883 гг. Годовые подписчики, желающіе также
получить «Альбомъ каррикатуръ», доплачиваютъ къ подписной суммѣ ОДИНЪ руб.:

Срокъ выхода бесплатной преміи для годовыхъ подписчиковъ—Иллюстриров.
ком. Бомарше «Севильскій цирюльникъ» — 1 іюля, а «Альбомъ каррикатуръ» —
1 іюня 1884 г.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «БУДИЛЬНИКЪ».
Москва. Б. Дмитровка, д. Шаблыкина и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы
и Петербурга.

Важное примѣчаніе. Гг. иногородные подписчики, желающіе получить
«БУДИЛЬНИКЪ» своевременно, приглашаются адресовать свои требованія прямо
въ главную контору редакціи и при томъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

За редактора издательница *Е. Арнольдъ.*

Подписка на 1884 годъ. Семнадцатый годъ изданія газеты

„НЕДѢЛЯ“

Съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ“.

Въ 1884 году газета „Недѣля“ будетъ выходить, какъ и до сего времени,
еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ количествѣ 52 номеровъ въ годъ. „Журналъ
романовъ и повѣстей“, составляющій беллетристическое приложеніе къ газетѣ „Не-
дѣля“, будетъ выходить ежемѣсячно книжками, всего въ количествѣ 12 книжекъ
въ годъ. Въ составъ „Недѣля“ входятъ: I. Редакціонныя (руководящія) статьи по
текущимъ вопросамъ русской жизни; II. Такія-же статьи по вопросамъ вѣшной
политики; III. Систематическія обзорѣнія текущихъ событій и явленій въ Россіи;
IV. Обзорѣнія заграничной жизни, какъ политической, такъ и бытовой; V. Статьи
научныя, преимущественно соціальнаго характера; VI. Статьи и изслѣдованія, ка-
сающіяся общихъ, основныхъ нуждъ Россіи; VII. Статьи по разнымъ частнымъ
вопросамъ русской жизни изъ области земскаго и городского самоуправленія, народ-

наго хозяйства и т. п. VIII. Художественно бытовые очерки и рассказы; IX. Стихотворенія; X. Критическія статьи по поводу русских и иностранных произведений; XI. Разборы вновь выходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная лѣтопись, въ формѣ обработанныхъ рассказовъ изъ уголовной хроники; XVII. Замѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ „Журнала романовъ и повѣстей“ входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается итъ 3 до 4 произведеній, которыя въ теченіе года составляютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати большихъ романовъ и повѣстей.

Цѣна обѣихъ изданій вмѣстѣ, то-есть „Недѣля“ съ приложеніемъ „Журнала романовъ и повѣстей“, 8 рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛИ», у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ издатель П. А. Гайдебуровъ.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“⁶⁶

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры*. Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. П. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, Н. И. Блаженинъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. О. Клясковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, П. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Перучевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омуревскій, Л. П. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. П. Сергѣевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стожанинъ, Л. Н. Трефоловъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:
Безъ доставк.	12 р.	Безъ доставки 7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургъ 7 р. 50 к.
Съ перес въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи 8 р.
Съ пересылкою за границу.	16 р.	Съ пересылкою за границу. 9 р.
Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по		полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору «Наблюдателя». Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-ю №.

Редакторъ-издатель *А. П. Пятковский.*

„КРАЙ“,

польская газета, политическая, общественная и литературная, будетъ издаваться въ Петербургѣ въ будущемъ 1884 г. по прежней программѣ, подъ редакторствомъ *Эразма Пильца* и при сотрудничествѣ: *Ад. Асныка, Иос. Длуота, кс. Добкевича, Т. Т. Ежа, Ал. Ельскаго, Фр. Глинскаго, Каз. Яроховскаго, д-ра Антона I, Я. Имовскаго, Мил. Котарбинскаго, Ю Ляскрыса, гр. Карвицкаго, I. I. Крашевскаго, В. Спасовича, Гекр. Сенкевича (Литваса), Ром. Вержхлейскаго, Иос. Шишло, Яна Захарьясевича, Т. Ходи* и друг.

«Край» обнимаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Переводныя статьи по текущимъ вопросамъ, политическимъ и общественнымъ; 2) Политическое обозрѣніе; 3) Славянская хроника; 4) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя; 5) Литературный отдѣлъ (повѣсть, стихи, критика), 6) Обзоръ печати русской и польской; 7) Петербургская и внутренняя хроника; 8) Библиографія; 9) Экономическая и торговая хроника; 10) Объявленія.

«Край» издается еженедѣльно по воскресеньямъ въ объемѣ 24 стр.

ПОДПИСКА въ Петербургѣ на годъ 8 р., на 3 м. 2 р. съ пересылк. по почтѣ: на годъ 10 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 коп. Объявленія по 15 коп. со строки. Рекламы (въ текстѣ) по 30 к.

АДРЕСЪ редакціи и конторы: Площ. Бол. театра, д. 10. Варшавское агентство «Края»: Сенаторская, № 18 (Райханъ и Френдлеръ).

ОСОБОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ редакціи «Кіевской Старины», по примѣру прежнихъ двухъ годовъ, и на 1884 годъ принимается подписка на издающуюся въ Львовѣ галицко-русскую газету «ДѢЛО», которая выходитъ три раза въ недѣлю, въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ, въ листъ и полтора.

Въ видѣ особыхъ приложеній газета даетъ лучшія мѣстные и переводныя новѣсти. Подписная цѣна прежняя: съ приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р.

Открывается вновь подписка на галицко-русскую газету, издающуюся въ Коломыѣ, подъ названіемъ:

„РУССКАЯ РАДА“ газета для народа.

Газета существуетъ *тринадцать* лѣтъ; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ по русскому календарю, листами среднего формата.—Начальная страница № имѣетъ виньетку сельско-хозяйственного содержанія и слѣд. многозначительный для галицко-русскаго населенія эпиграфъ:

*Се русска рада, послѣдна воля:
Держьмся купы, а буде доля.*

Подписная цѣна на годъ 3 гульдена, на полгода 1 гульд. 50 крейц.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. вкралась слѣдующія опечатки, которыя слѣдуетъ исправить:

Напечатано:
Стр. 613. Образовались

Кожчакъ

— 611 и 612 юго-восточной границѣ

Слѣдуетъ читать:
организовались.
Колпакъ.
сѣверо-восточной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНИЕ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книга: «*Островоротная или Отрображенская чудотворная икона Богородицы въ городъ Вильнѣ*». Историческое изслѣдованіе. Съ восемью рисунками и разными свѣденіями, касающимися г. Вильны. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ, законоучитель виленскаго учительскаго института и гимназіи. г. Вильна. 1883 года».

Содержаніе книги: Виленская икона Богородицы Островоротная, ея наружный видъ и обстановка въ часовнѣ; поступленіе иконы въ г. Вильну и судьба ея здѣсь до перехода въ вѣдѣніе униатовъ; нахожденіе ея у униатовъ и переходъ къ латинянамъ, судьба иконы въ вѣдѣніи латинянъ, съ Островоротною часовнею, до настоящаго времени.

Рисунки: 1) Икона Благовѣщенія Богородицы, Корсунская, Островоротная, именуемая Отрображенскою, находящаяся на Острыхъ воротахъ г. Вильны. 2) Островоротная башня въ г. Вильнѣ, съ южной стороны, отъ желѣзной дороги. 3) Икона Богородицы Одигитрія, находящаяся въ главномъ храмѣ Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря. 4) Островоротная часовня Богородицы въ г. Вильнѣ, съ привлекающими къ ней зданіями. 5) Внутренній видъ Виленскаго мужскаго Свято-Троицкаго монастыря со стороны зданія Литовской Духовной Семинаріи, находящейся въ семь монастырѣ. 6) Православный мужской Свято-Духовъ монастырь, въ которомъ почіють мощи святыхъ мучениковъ Литовскихъ, чудотворцевъ Виленскихъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, находящейся вблизи Острыхъ воротъ г. Вильны. 7) Свято-Николаевская приходская церковь въ г. Вильнѣ съ часовнею при ней во имя архистратига Михаила. 8) Памятникъ полковнику Казанскаго полка Дѣеву, убитому при Острыхъ воротахъ г. Вильны 31-го Іюля 1794 г., при усмиреніи возстанія Поляковъ, — вблизи большой дороги къ г. Ошмянамъ, на могилѣ покойнаго.

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб.

Слать изданія: у автора-издателя, въ зданіи Учительскаго Института, на Большой улицѣ, въ г. Вильнѣ.

Тамъ же можно получить книги того-же автора: «Ченстоховская чудотворная икона Богородицы въ г. Ченстоховѣ». Цѣна 40 коп. съ перес. и: «Почему въ православіи крестятъ имено погруженіемъ въ воду» — 10 коп. съ перес. Изображенія св. Кирилла и Методія и ченстоховскаго православнаго храма ихъ — 5 коп. съ перес.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемая редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрился опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ не точнаго и не полного обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о переимѣннѣ оного, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находясь возможнымъ на будущее время удовлетворить всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая, какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣну утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губерніи, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о переимѣннѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить онос не позже выхода слѣдующей книжки.

За переимѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятидесять коп.*, а при переимѣннѣ иногороднаго на иногородный-же высылаются *четыре семикопѣечныя маркі.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Оедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Подателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, общаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братьевъ нашихъ, такъ какъ ихъ изданія повзвѣстнѣе издѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно четкой перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непрерывно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только вариантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1884 г.

	стр.
I. ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (<i>Продолженіе</i>). Н. О. Сумцова	183
II. СТОРОЖЕНКИ. (Фамиліальная лѣтопись). Н. В. С—ко.	205
III. ИСТОРИЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ. Ф. Шербины	223
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г.	247
V. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВ. АКАД., АРХИМ. МЕЛЕТІЮ. Сообщ. свящ. І. Левандовскій.	297
VI. БИБЛИОГРАФІЯ: а) 1) Старозаямочная земля. Судебныя по искамъ объ нѣхъ рѣшенія. Изданіе Николая Чяжевскаго. Харьковъ. 1883 г.— б) 2) Гурова и Бродскаго. Забѣтки и матеріалы по вопросу о старозаямочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерціи. Харьковъ. 1883 года).— <i>Дм. Биалля</i> .—в) Харьковскій календарь на 1884 года. Харьковъ. 1883 года.— <i>Б. Г.</i> —г) Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.— <i>К. Ц.</i>	305
ИЗВѢСТІЯ И ЗАБѢТКИ: а) Изъ прожитыхъ на Волыни дней.— <i>Н. Костомарова</i> .—б) Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ правовъ XVIII столѣтія.— <i>Н. С.</i> —в) Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія.— <i>В. Ястребова</i> .—г) Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и правовъ старыхъ кievскихъ «студеевъ»).— <i>Кс. Цыбульскаго</i> .— д) П. П. Чубинскій. (Некрологъ).— <i>А. О. Кистяковскаго</i> .—е) «Труды этнографическо-статистической экспедиціи Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными.— <i>В. Г.</i> —ж) Не узавная рукопись. (По поводу статьи: В. Л. Кочубей въ дек. кн. «Русской Старины» 1883 г.)—Графа <i>Милорадовича</i> .—з) Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи.— <i>Д. Т.</i>	325
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

ФЕВРАЛЬ.

1884 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 28-го янвря 1883 года.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

Изд. 1883 и 1884 гг.

Въ книжкахъ „Кіевской Старины“ за 1882 годъ помѣщены, между прочими, слѣдующія статьи: *Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.*, проф. Вл. Б. Антоновича, *Паны Ходьки, воротилы городского самоуправленія въ Кіевъ въ XVI—XVII ст.*, его-же, *Уманскій сотникъ Иванъ Гонта*, его-же, *Малорусскій „Вертепъ“*, Гр. П. Галагана, *Поездка въ Бѣлую Церковь*, Н. И. Костомарова, *Матеріалы для исторіи Колывицины и По поводу пѣсни XI в.*, его-же, *Южно-русскіе архіереи XVI—XVII в.*, О. Левицкаго. *Социніанство въ Польши и юго-западной Руси*, его-же, *Учебныя заведенія съ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ*, Е. М. Крыжановскаго, *Архіерейскія печатн.*, К. Березы, *Люди старой Малороссіи*, (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе и Свѣчки), М. А. Лазаревскаго, *Филиппъ Орликъ и Запорожцы*, А. А. Скальковскаго, *Ссылные малороссіяне въ арханг. губ. (1708—1802 г.)*, П. С. Ефименка, *Князья Ружинскіе*, И. П. Новицкаго, Т. Г. Шевченко, Н. М. Бѣлозерскаго, Т. Г. Шевченко, пр. П. Л—ва, *Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова и его рѣчь къ дворянству юго-зап. края*, *Разговоръ Великороссіи съ Малороссією*, съ изслѣд. проф. Н. И. Петрова, *Украинская деревня (историко-бытовые очерки)* Н. Главнѣйшіе моменты землевладѣнія въ б. Слободской Украинѣ, А. Я. Шимапова, *Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ*, П. И. Житецкаго, *Матеріалы для исторіи кiev. академіи*, съ предисловіемъ Л. С. Мацѣвича, *Дневникъ Освѣцима* (о войнахъ Хмельницкаго), съ предисловіемъ В. Б. Антоповича, *Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украинѣ 1768 г.*, съ объяснит. статью, *Альбомъ М. А. Максимовича*, С. И. Пономарева и проч.

Къ вышедшимъ книжкамъ даны слѣд. приложенія: *Картина гетманскаго достоинства съ изображеніемъ Хмельницкаго* (фотограф. снимокъ съ оригинала XVII в.), *Кіевская академія и ея ступ.*

денны (фототипный снимокъ съ гравюры конца XVII ст.), *Портретъ митр. кіев. Петра Могилы, Портретъ сотника Саввы Туптала, Ноты къ вертепной драмѣ, Рисункъ вертепнаго ящика и Портретъ сотника И. Гонты.*

Въ 1883 году въ „**Кіевской Старинѣ**“ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. И. Костомарова. *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сечь*, Ѳ. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. И. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в.*, *Записки барскаго конфедерата Карла Хоецкаго*, *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому*, *Письма С. Т. Аксакова, Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу*, *Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы*, *Двѣ интермедіи 1619 года*, *Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и малоросс. шляхетства о восстановленіи привилегій Малороссіи*, *Судъ надъ вѣдьмами*, П. С. Ефименка, *Неизвѣстный доселѣ гетманъ*, Вл. Б. Антоновича, *Судьба одного галицко-русскаго ученаго*, Я. Г., *Изъ архива Забѣлы и Галагановскій архивъ*, съ пред. А. М. Лазаревскаго, *Румянцевская Опись*, Д. И. Багалѣя, *Займаницина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст.*, его-же, *Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ XVIII ст.*, С. Ц., *Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни*, Ц. Г. Неймана, *Смѣна народностей въ Россіи*, Ир. Житецкаго, *Украинскія женщины XVI и XVII ст.*, Д-ра А. І., *Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи 1768 г.*, съ объяснительною статьею, и проч.

Сверхъ того. въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софіи, жены Гонты и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. могутъ быть приобрѣтены по 8 р. 50 к. на мѣстѣ и по 10 р. съ пересылкою.

Адресъ: *Въ редакцію „Кіевской Старины“*, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)¹⁾.

Іоаннъ Вишенскій въ посланіи своемъ къ князю Константину Копстантиновичу Острожскому и ко всѣмъ православнымъ совѣтуемъ духовенству, по окончаніи литургіи, то, что читалось во время литургіи изъ Апостола и Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ, объяснять народу простымъ, русскимъ языкомъ. Трудно сказать, насколько обычны были въ Малороссіи въ началѣ XVII ст. подобнаго рода толкованія смысла и значенія отдѣльныхъ мѣстъ евангелія. Врядъ-ли эти толкованія были часты и повсемѣстны. Высшее духовенство жило слишкомъ роскошно и эгоистично, слишкомъ аристократично, чтобы заботиться о нравственномъ преуспѣяніи простаго народа. Низшее духовенство было слишкомъ невѣжественно, чтобы пускаться въ толкованія и объясненія евангелія. Князь Константинъ Острожскій въ посланіи къ Платію Потѣю 1593 г. жаловался на „грубьянство“ пресвитеровъ. „А не отъ чего иного размножилось межѣ людьми такое лѣннество, оспалство и отступленіе отъ вѣры, писалъ онъ, яко наибольшей отъ того, иже устали учителя, устали проповѣдани слова Божого, устали казанья... Для цвиченья духовнымъ пыльно потреба, же быхмо имѣли ученые пресвитеры, казюдѣи добрые; бо за тымъ, иже паукъ ибѣтъ, великое грубьянство въ нашихъ духовныхъ умножилось“²⁾.

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., янв. кн., стр. 1—21.

²⁾ Акты Запад. Россіи. IV. 65.

Въ началѣ XVII ст. въ Малороссіи начало быстро развиваться проповѣдничество, въ силу необходимости ученой и литературной борьбы съ латино-уніатами. Южно-русская проповѣдь развивалась подѣ прямымъ вліяніемъ западно-европейской и польской латинской проповѣди, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ „Экзетезисѣ“ (1629 г.) Мелетія Смотрицкаго. „Цѣлуй Бессія, говоритъ онъ, обращаясь къ православному проповѣднику, который научаетъ тебя произносить съ каеэдры. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли-бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы. Одинъ на каеэдру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все таки, по вашему, эти наставники еретики, вы-же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей,—вы православные! У васъ все хвастовство, а не дѣло; въ цѣлой русской землѣ, такой обширной, не имѣете и трехъ ученыхъ, а между тѣмъ хвалитесь, что ихъ тысячи... Школы—это житницы церкви; онѣ обогащаютъ города, мѣстечки и селенія мудрыми людьми, знающими дьяками, ловкими духовниками, учеными проповѣдниками. Безъ школъ церковь, какъ будто безъ души; а этого добра по всей вашей странѣ Господь Богъ не соизволяетъ... Говорите: о, проклятая, проклятая унія! А давно-ли говорили: о, проклятая проповѣдь! о, проклятое искусное пѣніе! Однако потомъ, когда все это переняли, то считаете добромъ“...

Въ XVII ст. польская проповѣдническая литература была обширна. Мацѣевскій насчитываетъ 122 проповѣдника, изъ которыхъ только двое было талантливыхъ и оригинальныхъ по языку и содержанію проповѣдей, Скарга и Бялковскій. Отличительными чертами польской проповѣди XVII ст. были: многословіе, пустословіе, заимствованія изъ древнихъ классическихъ писателей: Овидія, Виргилія, Плинія и другихъ, приведеніе именъ языческихъ боговъ и героевъ, крайне натянутыя сравненія и сближенія, напримѣръ сравненіе Бога съ крылатымъ пѣтухомъ, вставка свѣдѣній по астрологии, геральдикѣ, ботаникѣ, архитектурѣ, неумѣстные каламбуры и шутки¹⁾.

¹⁾ Maciejowski, Pism. polskie, II. 550, 554—556.

Ви́шняя форма проповѣди, ея составъ, типъ проповѣдника въ Малороссіи выработались въ десятихъ годахъ XVII ст. На проповѣдяхъ Леонтія Карповича († 1620) и Захаріи Копыстенскаго († 1627) уже лежитъ печать польскихъ схоластическихъ проповѣдей. Галятовскій въ половинѣ XVII ст. окончательно установилъ и укрѣпилъ схоластическую проповѣдь въ Малороссіи своимъ „Ключемъ Разумѣнія“. Приложенная къ „Ключу“ „Наука албо способъ зложеня казаня“ представляетъ первый въ Россіи учебникъ гомиластики, по которому въ теченіи многихъ десятилѣтій духовныя лица учились искусству слагать проповѣди.

„Ключъ разумѣнія“ имѣлъ три изданія: 1659, 1660 и 1665 г. Въ старое время это была весьма распространенная книга въ Малороссіи. Въ настоящее время „Ключъ“ сохраняется только въ старинныхъ семинарскихъ библіотекахъ; встрѣчается онъ иногда и въ сельскихъ церквахъ¹⁾. Въ „Ключѣ“ 1659 и 1660 г. (кіевск. изд.) находятся: а) предмова до священниковъ, законныхъ и свѣтскихъ (монашествующихъ и бѣлыхъ), б) „казаня“ на разные праздничные дни, в) „казаня приданыя“—14 поученій, г) „наука албо способъ сложена казаня“ и д) „чуда пречистыя Богородицы нѣкоторыя зъ разныхъ авторовъ зобраны“. Во львовскомъ изданіи 1665 г. въ началѣ книги прибавлена посвяtitельная предмова львовскому епископу Арсенію Желиборскому.

Почти всѣ сочиненія Галятовскаго посвящены сильнымъ міра: „Мессія“ царю Алексѣю Михайловичу, „Боги поганскіе“ царевнѣ Софьѣ, „Лебедь“ и „Алфавитъ“ гетману Самойловичу, „Софія“ кіевскому митрополиту Гедeonу Четвертинскому, „Старый костель“ архіепископу Лазарю Барановичу, „Ключъ“ епископу Желиборскому. Обыкновеніе посвящать книги знатнымъ лицамъ и расхваливать ихъ гербы было весьма распространено въ Польшѣ; оно удовлетворяло господствовавшей среди поляковъ наклонности хвастать старожитностью и благородствомъ происхожденія. Развитію гербоваго панегиризма весьма содѣйствовали іезуиты, хорошо понимавшіе, что въ сердцѣ человѣческомъ для лести всегда найдется уголокъ. Они цѣлыя полтора ста лѣтъ „наполняли Польшу дымомъ отъ сжигаемаго передъ панами и ихъ клейнодами өиміама“. Стихотворное

¹⁾ Филареть, Историко-стат. опис. харьк. епархіа. II, 312; III, 248; IV, 231.

прославленіе гербовъ въ Польшѣ было частичнымъ проявленіемъ всеобщаго виршеплетства. Въ Польшѣ въ XVII ст. всѣ, отъ короля до мѣщанина, писали стихи¹⁾. Крупная литовско-русская аристократія получила клейноды въ XV ст.; мелкое дворянство въ 1569 г., по люблинской уніи²⁾. Православные писатели шли по слѣдамъ іезуитовъ. Они усердно хвалили пановъ, но только пановъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія. Панегирическое виршеплетство тѣмъ легче привилось къ кievскимъ ученымъ, что они надлежащую къ нему подготовку получали въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ коллегіи. Панегирическое виршеплетство доставляло православнымъ писателямъ извѣстныя практическія выгоды: покровительство со стороны сильныхъ пановъ, денежныя награды, маестности.

Петръ Могила старательно поддерживалъ гербовый панегиризмъ. Такъ, въ Евангеліи, изданномъ въ 1636 г. и посвященномъ Ѳеодору Проскурѣ-Суцанскому, Петръ Могила увѣрялъ, что гербъ данъ Суцанскому при князѣ Святославѣ Ярославичѣ въ 1059 г. Прозваніе Проскура Петръ Могила объяснялъ тѣмъ, что нѣкогда Суцанскій съѣлъ просфору, которую ему велѣла отнести въ дворецъ изъ церкви греческая царевна Анна, вышедшая замужъ за Владиміра I. Въ „Мовѣ духовной“ Петра Могилы находится изображеніе герба Радзивилловъ и стихи въ честь этого герба³⁾. Самъ себя Петръ Могила производилъ отъ Муція Сцеволы. Воспитанники коллегіи усердно прославляли сложный гербъ Могиль, напр., въ „Мнемозинѣ“ 1633 г. Со времени Петра Могилы въ южно-русской литературѣ твердо установилось прославленіе панскихъ гербовъ, даже въ чисто церковныхъ книгахъ. Такъ въ Апостолѣ 1654 г. и въ „Трїюди постной“ 1664 г. находятся вирши на гербъ Желиборскихъ⁴⁾. Типичнымъ виршеплетомъ-панегиристомъ во второй половинѣ XVII в. былъ Лазарь Барановичъ. Всѣ свои сочиненія онъ посвятилъ московскимъ царямъ и царевичамъ, съ обширнымъ вос-

¹⁾ Kubala, Szkice historyczne. Lwow. 1880. II. 310.

²⁾ Голубевъ, Опис. и петл. двор. гербовъ. (Тр. кiev. д. ак. 1872 г.).

³⁾ Пекарскій, Кіевск. ученые (Отч. Зап. 1862. II. 580, 592).

⁴⁾ Радосскій, Къ истор. слав.-рус. бібліографіи. (Христ. Чтеніе 1881 г., июль—августъ).

хваленіемъ царскаго герба. Въ 1671 г. онъ издалъ курьезную „Лютню Аполинову“, объемистую книжку (въ 542 стран.), состоящую исключительно изъ виршей. Тутъ есть вирши во славу Іисуса Христа, Богоматери, ангеловъ, святыхъ, отцовъ церкви, добродѣтелей, солнца, мѣсяца, звѣздъ, молитвы, вирши о звѣряхъ, плодахъ древесныхъ, порокахъ, болѣзняхъ, славѣ, наукѣ, трудѣ и т. д. Всѣ эти вирши—сплошное пустословіе, что видно уже изъ однихъ заглавій, напримѣръ:

Nad wszystkie wodki
Jezus jest słodki (стр. 55).

Bezpieczna ta noga,
Gdy biega do Boga (стр. 113).

Dobra ta noga
Co szuka Boga (стр. 118).

Idy noga do Boga (стр. 135)¹⁾.

Галятовскій относительно гербоваго панегиризма шель въ рядъ съ современными ему писателями. Нужно отмѣтить ту особенность Галятовскаго, что онъ почти совсѣмъ не писалъ виршей.

„Наука о сложеніи казаній“ изложена коротко, просто и ясно. Предусмотрѣно и объяснено все существенное въ проповѣдничествѣ, выборъ темы, раздѣленіе проповѣди на части и какъ заинтересовать слушателей. „Науку“ Галятовскаго можно изложить въ короткихъ словахъ, по причинѣ ея достаточной извѣстности. Тема для казанья берется изъ святаго писанія. Въ казаньѣ должно быть три части 1), экзордіумъ, или приступъ, въ которомъ проповѣдникъ „ознаймусть людямъ пропозицію свою, постановлене умыслу своего, що умыслилъ на казаню мовити“, 2) наррація, или самая проповѣдь, гдѣ казнодѣя объясняетъ то, что въ экзордіумѣ обѣщалъ объяснить, и 3) конклюдія, или заключеніе. Всѣ три части должны быть тѣсно связаны между собою и строго согласованы съ темою. Другой способъ составленія проповѣди состоитъ въ томъ, что въ нарраціи тема

¹⁾ «Lutnia Apollinowa». Мы пользовались экземпляромъ, находящимся въ библ. харьк. духов. семинаріи.

раздѣляется на части, и каждая часть разбирается отдѣльно. Въ воскресные дни удобно говорить проповѣдь о смиреніи, милостыни, постѣ, или о какомъ-нибудь пороцѣ, напр. цѣнствѣ, развратѣ и т. п.; въ дни праздничные проповѣдь можетъ состоять въ похвалѣ того святаго, котораго празднують, въ объясненіи его дѣлъ и добродѣтелей. Чтобы возбудить вниманіе слушателей, Галятовскій совѣтуетъ проповѣднику „общати якую новую речь показати, которой они не видѣли и не чували“, или прибѣгнуть къ толкованію значенія имени святаго, на примѣръ имени св. Владиміра, св. Христофора, св. Николая. Проповѣдникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его казанье для всѣхъ было понятно, чтобы въ казанье не прокрались мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и, наконецъ, чтобы проводимое въ казанье нравственное наставленіе было укрѣплено на назидательныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, примѣрахъ, сравненіяхъ или уподобленіяхъ. Относительно фактическаго содержанія Галятовскій не стѣсняетъ проповѣдника. Содержаніе, по его словамъ, можетъ быть взято изъ св. писанія, твореній св. отцовъ, житій святыхъ, изъ сочиненій по исторіи и по естествознанію, наконецъ, изъ „розмаитыхъ казнодѣвъ теперешняго вѣку“.

Въ добавленіе къ „Наукѣ о сложеніи казаній“ Галятовскій присоединилъ наставленіе, какъ сочинять погребальныя рѣчи: взять тему изъ святаго писанія, въ экзордіумѣ сказать о неизвѣстности смерти, о краткости жизни человѣческой, въ narraціи изложить о добродѣтеляхъ покойнаго, при благоприятномъ случаѣ указать на его родовитость и старожитность, объяснить его гербъ, объяснить иносказательно значеніе его имени или фамиліи (напр. Браницкій—боронилъ отчизну, Любомирскій—любилъ миръ и т. д.), принять во вниманіе лѣта, въ которыя скончался, мѣсто, гдѣ погребается, и, наконецъ, въ конклюдисіи пригласить родственниковъ умершаго молитвами и милостыней содѣйствовать успокоенію его души.

„Конечъ чинячи тоя мои працы, говоритъ Галятовскій въ концѣ своей „Науки о сложеніи казаній“, даю тебѣ такую раду: читай книги и що хорошее вычитаешь, нотуй себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай,—кто? що чинилъ? на якимъ мѣсцѣ? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? котораго часу? Если книги будешь читати и часто казаня повѣдати, до того если тыи циркумстанціи, околничности будешь уважати и концепты зъ нихъ

чинити, латво въ недѣлю, и въ свято, и на погребѣ и на иншихъ оказіяхъ казане учпнишь“.

Галятовскій въ „Наукѣ“ отмѣтилъ двѣ такія стороны проповѣдничества, которыя имѣли мѣсто ранѣе, а ко времени появленія въ свѣтъ „Ключа разумѣнія“ считались уже устарѣвшими. „Можетъ часомъ, говоритъ Галятовскій, казане быти и безъ оемы“. „Если схочешь, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можешь повѣдати казане любо въ недѣлю, любо въ свято, толкуючи евангеліе, которое читано было на службѣ Божіей“,—и въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: „але того стило казнодѣи теперешняго часу мало заживають“.

„Наука зложеня казаня“ сопровождается 46 проповѣдями: 32 основными и 14 дополнительными. Проповѣди составляютъ практическое выраженіе правилъ, изложенныхъ въ „Наукѣ“, и служатъ нагляднымъ ихъ разъясненіемъ.

Натянutosть и искусственность въ проповѣдяхъ Галятовскаго начинаются съ приступа, или экзордіума. На первыхъ-же порахъ Галятовскій старается поразить своихъ слушателей какой-нибудь неожиданностью. Поставленное въ началѣ казанья изреченіе изъ св. писанія подвергается самымъ произвольнымъ объясненіямъ. Слѣдуя примѣру схоластическихъ католическихъ проповѣдн иковъ, Галятовскій постоянно отыскиваетъ въ св. писаніи что-нибудь замысловатое. „Всѣ эти болтуны, которыхъ зовутъ казнодѣями, говоритъ Оеофанъ Прокоповичъ, равно какъ и толкователи крайне обезображиваютъ св. писаніе для того только, чтобы вывести изъ него самыя нелѣпыя аллегоріи, даже изъ такихъ текстовъ, которые они въ другомъ случаѣ сами-же учатъ понимать просто и буквально. Во всякомъ текстѣ они усиливаются найти 3 или 4 смысла“¹⁾. И Галятовскій сильно злоупотреблялъ „смыслами“ св. писанія. Въ первомъ казаньѣ на Воскресеніе Господне Галятовскій говоритъ, что въ св. писаніи есть четвероякій смыслъ: literalный, моральный, аллегоричный и анагогичный, и ссылается при этомъ на Корнелія а Ляпиде и Беллярмина. „Literalный сенсъ, по словамъ нашего проповѣдника, належить до исторіи самой; моральный належить до обычаевъ добрыхъ, которые повинна душа наша захо-

¹⁾ Мацѣвничъ, «Труды к. дух. ак.» 1871. IV. 214.

вати, и до злыхъ, которые душа повинна избѣгать; аллегоричный належить до церкви воюющей, которая находится на землѣ, а анагогичный—до церкви торжественной, находящейся на небѣ“. Признавая въ св. писаніи столько разнообразныхъ смысловъ, Галатовскій не затрудняется толковать отдѣльныя библейскія фразы и слова, какъ ему заблагоразсудится, подставляя лишь то тотъ, то другой смыслъ. Напримѣръ, слово Іерусалимъ въ literalномъ смыслѣ означаетъ извѣстный городъ, въ моральномъ—благочестивую душу, въ аллегорическомъ—воюющую церковь на землѣ и въ анагогическомъ церковь побѣдоносную на небѣ. Нѣтъ надобности объяснять, насколько эти смыслы были удобны для схоластическихъ казнодѣевъ и полемистовъ. Посредствомъ того или другого смысла легко можно было устранить всякое возраженіе и доказать все, что угодно, даже то, о чемъ св. писаніе вовсе не говоритъ.

Любопытной чертой Галатовскаго, какъ проповѣдника, служитъ свободное проникновеніе въ планы и намѣренія Божіи. Галатовскій съ увѣренностью говоритъ, почему Богъ въ томъ или другомъ случаѣ поступилъ такъ, а не иначе, и самая проповѣдь подчасъ представляется какъ-бы адвокатской рѣчью въ защиту дѣла Господня.

Въ проповѣдяхъ Галатовскаго бросаются въ глаза схоластическія цифровыя дѣленія: во первыхъ, во вторыхъ и т. д. Эти дѣленія придаютъ казанью опредѣленную, правда, весьма искусственную цѣльность и единство. Въ казаньяхъ Галатовскаго встрѣчается еще весьма странное дѣленіе понятій. Напримѣръ, въ первомъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы: „тroyкая есть честь: лятрія—Богу, дулія—святымъ и гипердулія—Христу, какъ человѣку. Богу надлежитъ лятрія и гипердулія; пресвятой Дѣвѣ—гипердулія“; во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы: „тroyкая награда святымъ уготована: авра, аврола и пальма“; во второмъ казаньѣ на день св. Николая говорится, что мудрость бываетъ сотворенная и несотворенная; несотворенная мудрость раздѣляется на естественную и персональную“. Всѣ эти дѣленія отзываются безжизненной, сухой школой. Эти пустяки вошли въ старинную кievскую науку и литературу, какъ нѣчто важное, занимали мысль лучшихъ людей эпохи, такихъ людей, которые при свѣтлыхъ и чистыхъ условіяхъ школьнаго образованія, могли-бы внести здоровые элементы въ науку и въ жизнь.

Подобно польскимъ проповѣдникамъ XVII в., Галятовскій охотно приводитъ примѣры изъ греческой и римской исторіи. Ипатій Потѣй, писавшій проповѣди на поль-вѣка ранѣе Галятовскаго, также имѣлъ склонность вставлять въ проповѣди имена Октавіана Августа, Марка Аврелія и проч. ¹⁾.

Проповѣди Галятовскаго принадлежатъ къ разряду догматическихкихъ. Въ нихъ идетъ рѣчь о св. Тройцѣ, воплощеніи Христа и проч. т. п. Въ казанѣ на Богоявленіе, въ которомъ объясняется матерія, форма и польза каждаго таинства, между прочимъ, говорится, что пресуществленіе св. даровъ происходитъ въ то время, когда священникъ произноситъ слова: *пріймите, идите* и проч. Какъ извѣстно, это ученіе, сходное съ католическимъ, раздѣляли и другіе западно-русскіе ученые, какъ Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, Иннокентій Гизель. Замѣчательно, что Галятовскій въ „Мессіи“, въ изъясненіи 48 пророчества говоритъ, что св. дары пресуществляются при словахъ священника: *сотвори убо хлѣбъ сей* и проч., и въ этомъ случаѣ онъ высказываетъ то мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ, которое господствовало въ то время на Москвѣ. Извѣстно, что въ Москвѣ былъ споръ о времени пресуществленія св. даровъ между Полоцкимъ и Славинецкимъ, позднѣе между ихъ учениками, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, авторомъ „Манпы“, и инокомъ Евфиміемъ, которому приписываютъ „Остенъ“, — споръ, перешедшій въ общество. По этому поводу толковали „въ схожденіяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ и гдѣ любо случится кто другъ съ другомъ, въ яковомъ любо мѣстѣ, временно или безвременно, у мужей и женъ“ ²⁾. Какъ извѣстно, православное толкованіе Славинецкаго, поддержанное патриархомъ Іоакимомъ, взяло верхъ. Галятовскій сначала слѣдовалъ мнѣнію своего наставника Барановича, потомъ, сблизившись съ московскимъ правительствомъ, принялъ господствовавшее въ Москвѣ мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ.

Нравственно назидательный элементъ въ проповѣдяхъ Галятовскаго весьма незначителенъ. Мѣстами разбросаны нравственныя наставленія общаго свойства, не представляющія интереса для

¹⁾ Трипольскій, «Труды кiev. дух. акад.» 1877 г. XII. 616.

²⁾ Остенъ, стр. 115.

изслѣдователя релігіозно-нравственнаго состоянія южно-русскаго общества XVII в. Любопытны попадающіяся въ двухъ-трехъ мѣстахъ наставленіи о выкупѣ плѣнныхъ изъ турецкой неволи, о заведеніи шпиталей и обличенія солдатъ въ томъ, что они „людемъ кривду чиняють, шарпають чужи добра и маетности пустошють“, наставленія и обличенія, отзывающіяся бытовой жизнью.

По разбросаннымъ въ „Ключѣ“ замѣткамъ о небесныхъ свѣтилахъ, громѣ, землетрясеніи, звѣздахъ, растеніяхъ, камняхъ, свойствахъ человѣческой природы можно судить о реальныхъ знаніяхъ кіевскихъ ученыхъ вообще, Галятовскаго въ частности.

Во второмъ казанѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы находятся замѣчанія объ одиннадцати небесахъ, именно: 1) небо, на которомъ находится мѣсяць, даетъ человѣку ростъ; 2) небо, на которомъ находится Меркурій, доставляетъ людямъ краспорѣчіе; 3) небо Венеры дѣлаетъ людей милосердными; 4) небо солнца даетъ разумъ и чувства; 5) небо Марса—храбрость; 6) небо Юпитера—силу; 7) неба Сатурна—подвижность; на 8) небѣ, тверди, находятся звѣзды; 9) прозрачное хрустальное небо; 10) „перше рушающееся, повергается и другія небеса обращаетъ“, и 11) небо эмпирейское, гдѣ находится тронъ Божій.

Во второмъ казанѣ на Успеніе пресвятой Богородицы насчитано 12 звѣздъ: Фосфорусъ (Денница), Гесперусъ (Вечерняя звѣзда), Арктосъ (Небесный Возъ), Оріонъ (Коса), Офіухусъ (Ужа держачій), Нодусъ целестіусъ, Комета (предсказываетъ паденіе царства), Спѣка (колосъ, даетъ урожай), Лира, Амалтея, Кассіонея и Андромеда.

Во второмъ казанѣ на св. ап. Петра и Павла затмѣніе солнца и луны объясняется по Корнелію а Ляпиде научнымъ образомъ. „Гды мѣсяць сблизится до солнца, говоритъ Галятовскій, и подъ него подойдетъ, такъ-же станеть межи солнцемъ и землею, на той часъ солнце тмится, бо мѣсяць, подышовши подъ солнце, не допущаетъ променямъ солнечнымъ землю освѣтити, и для того на земли темности находятся... Мѣсяць тмится, гды земля станеть межи мѣсяцемъ и солнцемъ, бо отъ землѣ тѣнь походитъ и мѣсяць затемняетъ, а променѣ солнечныи для землѣ не могутъ прїити до мѣсяца и его освѣтити“. Это объясненіе повторено въ „Мессіи“, въ изъясненіи 38 пророчества.

Въ казаньѣ на Воскресеніе Господне встрѣчаемъ весьма любопытныя народныя примѣты о мѣсяцѣ. „Мѣсяць гды есть блѣдный, значить, же будетъ дождь, гды есть червонный, значить же будетъ вѣтеръ, гды есть бѣлый, значить же будетъ погода“.

Въ проповѣди на Сшествіе св. Духа находится объясненіе происхожденія грозы. „Въ оболочку роятся блискавицы, громы и перуны, бо гды сухую и теплую ексгалицію, пару, вѣльготный и зимпій вколо оболочкѣ оточить, на той часъ ексгалиція, пара сухая, шукаючи мѣстца, которымъ бы могла выйти изъ оболочка собѣ противнаго, стирается з оболочкомъ и справуетъ громы; потымъ ся тая ексгалиція, пара сухая, запалаетъ и справуетъ блискавицы; на остатокъ тая-жь ексгалиція, пара сухая, гды запалившись на землю з оболочка выпадаетъ, на той часъ перенумъ стается“¹⁾. Въ той-же проповѣди происхожденіе облаковъ объясняется такимъ образомъ: „пара вѣльготная, котрая выходитъ зъ воды, подносится на повѣтре, и тамъ въ оболочкѣ вѣльготный и воднистый обертается, о чемъ Псалмиста мовить: „темна вода во облацехъ воздушныхъ“; потомъ тый оболочкѣ въ дождь обертается и на землю спадаетъ“.

Въ казаньѣ на св. Николая говорится о происхожденіи вѣтра: „якъ ся вѣтры роятъ и отколь походятъ, розмаитые люде розмаите разумѣють; едны мовятъ, же вѣтры походятъ зъ земли, гды една часть повѣтря въ яскини подземныи заходитъ, а другая часть повѣтря зъ яскинь подземныхъ выходитъ, на той часъ тыи двѣ части повѣтря рушаются и зъ собою стираются и съ того порушенія стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сближеніе земли съ лѣнливими людьми). Другіи повѣдають, же вѣтры походятъ зъ моря, гды отнога морская полудневая зъ отногою морскою полуношною зыйдутся на веходѣ, на той часъ рушаются и зъ собою стираются, и съ того порушенія морского стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сравненіе моря съ сердитыми людьми). Іншіи повѣдають, же вѣтры походятъ зъ оболочка, гды оболочки рушаются и ходятъ на повѣтру, на той часъ порушаютъ повѣтре и с того порушенія стается вѣтеръ (далѣе сравненіе гордыхъ людей съ облаками). Астрологове повѣдають, же вѣтры отъ планетъ походятъ, отъ Сатурна, отъ Ювиша, отъ Меркуріуша, отъ Марса и отъ иншихъ, бо тыи планеты розмаитымъ

¹⁾ Объясненіе взято изъ Плінія.

своимъ порушеніемъ и розмаитыми оборотами розмаиты вѣтры справують (далѣе люди непостоянные въ вѣрѣ и благочестіи сравниваются съ планетами). Теолюгове зась повѣдаютъ, же вѣтеръ ангели справують, бо видѣлъ св. Іоаннъ Богословъ въ обявенію чотирохъ ангеловъ, стоячихъ на чтырехъ углехъ земли и держащихъ четыри вѣтры земны, жебы вѣтеръ не дыхалъ ни на землю, ни на море, ни на дерева („ангелами называются пустынники и дѣвственники, патриархове и епископове“ и проч.). Галятовскій не отдаеть предпочтенія какому нибудь одному мнѣнію; ко всѣмъ мнѣніямъ онъ относится одинаково равнодушно и пользуется ими, какъ вообще всѣми своими реальными познаніями, какъ матеріаломъ для казанья, своего рода циркумстанціей, или подходящей къ слову околичностью.

Въ казаньѣ на Сопествіе св. Духа Галятовскій причиной землетрясенія считаеть вѣтеръ. „Вѣтеръ маеть такую моцъ, же трясеть землю, бо гды зайдетъ вѣтеръ въ яскини и пѣчеры земны, а потымъ хочеть выйти, и не найдетъ мѣстца, которымъ-бы моглъ изъ яскинь подземныхъ выйти на верхъ, на той часъ вѣтеръ ходить зъ великимъ импетомъ по пѣчерахъ земныхъ, шукаючи мѣстца, которымъ-бы моглъ изъ земли на верхъ выйти и отъ того вѣтре-него импету и порушеня земля рушаеться и трясеться“.

Во второмъ казаньѣ на Покровъ пресвятой Богородицы излюжены свѣдѣнія о разныхъ птицахъ, свѣдѣнія, очевидно, почерпнутыя изъ средневѣковыхъ фізіологовъ. Говорится о грифѣ, спереди похожемъ на орла, а сзади на льва, о лебедѣ, котрый жалобно поеть передъ своей смертью, о журавлѣ, котрый, оберегая журавлиную стаю, стоитъ на одной ногѣ, а другой держить камень (если задремаеть, выпустить камень и пробудится), о ботянѣ, котрый кормить своихъ престарѣлыхъ родителей, о фениксѣ, воскресающемъ изъ мертвыхъ, о ласточкѣ, котрая нашла траву хелидонію и ею открываеть слѣпые глаза у своихъ дѣтей, о монокодіатѣ, котрая не имѣеть ногъ, никогда не садится на землю, а живетъ на вѣтвяхъ дерева, прикрѣпившись къ нимъ двумя жилками, выходящими изъ спиннаго хребта, объ алціонѣ, котрый вьеть гнѣздо на морѣ и, плавая въ свитомъ гнѣздѣ, выводитъ птенцовъ, о весьма чисто-плотной египетской птицѣ порфіріонѣ, котрая не ѣсть и умираеть, если въ томъ домѣ, гдѣ она поселилась, совершилось чужеложество

и, наконецъ, о харадриѣ, который знаетъ, умреть-ли больной человекъ или останется живымъ, и въ первомъ случаѣ печально поетъ. Подобнаго рода фантастическія животныя встрѣчаются и у другихъ духовныхъ писателей XVII в., польскихъ и русскихъ, напримѣръ въ словахъ Епифанія Славинецкаго ¹⁾ и у польскаго проповѣдника Бирковскаго.

Въ казанѣ на св. Николая изложены свойства и особенности нѣкоторыхъ цвѣтовъ. „Лилія mezi всѣми квѣтами есть паномъ и першее мѣстце маеть“... „Рута ужовъ звияжаеть, боятсѣ ей ужи и утѣкають отъ неи“... „Геліотропіонъ значить послушенство, завше схиляется до солнца и ему конфирмуется; гды солнце на всходѣ и оно на всходѣ; гды солнце на заходѣ, и оно на заходѣ, гды солнце на полудню, и оно на полудню“. Подобнаго рода рассказы о растеніяхъ встрѣчаются изрѣдка у Епифанія Славинецкаго. Такъ, въ словѣ на тесть: „аще кто хочеть по Мнѣ ити“ упоминается о деревѣ „лотосѣ“, которое растеть въ Ливіи; всякій, вкусившій отъ него, забываетъ о своемъ отечествѣ ²⁾. Рассказы о чудесныхъ деревьяхъ и травахъ встрѣчаются также у польскихъ проповѣдниковъ XVII в., напримѣръ, Сарбѣвскаго.

Во второмъ казанѣ на Преображеніе Господне Галытовскій говоритъ, что „солнце маеть такую моць, же справуетъ въ землѣ золото, срѣбро, цѣнь, мѣдь, желѣзо, олово и иншіи крушци, бо тепло солнечное проходитъ презъ пары земныи и во внутренностяхъ земныхъ крушци справуетъ“.

Во второмъ казанѣ на Срѣтеніе Господне объяснены чудесныя свойства разныхъ камней: карбунсулъ свѣтитъ въ темнотѣ, шафиръ улучшаетъ зрѣніе, хризолитъ отгоняеть меланхолю, берилъ дѣлаеть человека храбрымъ, агатъ предохраняеть отъ укушенія змѣи, аметистъ избавляетъ отъ пьянства, магнитъ притягиваетъ желѣзо, можетъ извлекать пулю изъ раны. Подобнаго рода рассказы встрѣчаются у польскаго проповѣдника Старовольскаго.

Свѣдѣнія Галытовскаго о составѣ человѣческаго тѣла, высказанныя во второмъ казанѣ на „Преображеніе Господне“, и о силахъ души, высказанныя во второмъ казанѣ на Сошествіе св.

¹⁾ Пѣвницкій, «Труды кіев. дух. акад.» 1861 г. III. 151—152.

²⁾ Тамъ-же, III. 151.

Духа, крайне смутны и неопредѣленны. Тѣло человѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ: „воздуха, воды, земли и огня, которые борются между собой и приводятъ человѣка къ смерти. Душа имѣетъ три силы: роснучую¹⁾, чающую и разумѣющую“.

Чтобы дать надлежащую оцѣнку реальныхъ знаній Галатовскаго, нужно принять къ свѣдѣнію, что знали по части естествовѣдѣнія современные ему корифеи науки и литературы: Ставровецкій, Славинецкій, Полоцкій, Барановичъ, Стефанъ Яворскій. Порывшись въ ихъ сочиненіяхъ, принявъ къ свѣдѣнію оброненныя ими мимоходомъ замѣчанія о міроустройствѣ, не трудно придти къ тому заключенію, что реальные знанія Галатовскаго были по тому времени довольно обширны. Онъ зналъ гораздо болѣе научныхъ теорій о причинахъ явленій и силъ природы, чѣмъ современные ему ученые, хотя, нужно признаться, пользовался своими реальными знаніями такъ-же неблагоразумно, какъ и другіе схоластическіе писатели XVII в.

Транквилліонъ Ставровецкій въ „Зерцалѣ Богословія“ (1618 г.) раздѣлялъ міръ на невидимый и видимый. Невидимый—ангелы и демоны. Видимый міръ состоитъ изъ 4 стихій: воздуха, воды, земли и огня. Небесная твердь—сухая, не промокаемая, легкая матерія, въ которую вставлены солнце, луна и звѣзды. Надъ твердью разлита вода, оберегающая ее отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Земля кругла. Земли и моря имѣютъ своихъ ангеловъ хранителей. Гроза происходитъ отъ того, что паръ съ моря поднимается въ верхніе слои горячаго воздуха²⁾).

Лазарь Барановичъ въ „Лютнѣ“ посвятилъ нѣсколько безсодержательныхъ виршей солнцу, лунѣ и звѣздамъ. О солнцѣ говорится, что это отецъ дня, побудитель къ труду, источникъ плодородія; „Wilgotny micsiąc suchą ziemię chlodzi“; „gwiazdy jak swiecy gogają na niebie³⁾“...

Извѣстно, что Симеонъ Полоцкій дѣлалъ астрономическія наблюденія и записывалъ ихъ въ свою записную книжку⁴⁾). Любо-

¹⁾ Т. е. растительную.

²⁾ Костомаровъ, Рус. ист. въ живнеоп. II. 70.

³⁾ Lutnia, 277.

⁴⁾ Опис. рукоп. синод. библ. II. 191—102.

пытно послушать, что говорить онъ о міроустройствѣ. Въ „Вѣнцѣ вѣры“ Симеонъ Полицкій заявляетъ, что есть три неба: 1) эмпирейское, неподвижное, самое высшее, 2) кристалльное, движущееся съ неизреченною скоростью и 3) твердь съ двумя поясами, поясомъ неподвижныхъ звѣздъ и поясомъ планетъ. Планетный поясъ раздѣляется на семь круговъ, по числу планетъ (Кронъ, Дей, Аръ и др.). Отъ земли до тверди 80 темъ (т. е. 800,000) миль, а отъ верха земли до эмпирейскаго неба такъ далеко, что если-бы ѣхать туда со скоростью 80 миль въ часъ, потребовалось-бы 50,000 лѣтъ. Звѣзды „веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дальныхъ вещей родительны“... Планеты ниже звѣздъ. Онѣ движутся иногда по одному пути со звѣздами, иногда по пути противоположному. Самая малая звѣзда въ 80 разъ менѣе земли, а слѣдующая за ней по величинѣ звѣзда въ 170 разъ болѣе земли; солнце въ 166 разъ болѣе земли; луна въ 30 разъ менѣе земли. Ежечасно солнце проходитъ 717 миль, изъ которыхъ каждая требуетъ двухъ-часовой ходьбы человѣка. Земля кругла, черна, холодна, тяжела. Она центръ всего міра. Внутри земли находится адъ. Землятрясенія происходятъ отъ движенія демоновъ въ аду.

Силы и явленія природы объяснялись теологическимъ путемъ. „Семь тысячъ уже лѣтъ и 228 псчисляемъ отъ сотворенія міра, говоритъ Стефанъ Яворскій, 32 года спустя послѣ смерти Галятковского, въ одной своей проповѣди, и черезъ все тое время вои небесныя, солнце, луна, звѣзды, въ непрестанной пребываютъ службѣ, въ неустанной стражбѣ, въ незанятномъ теченіи, въ неудержимомъ движеніи, служатъ, работаютъ не себѣ на пользу, но человѣкомъ, вселенную просвѣщаютъ, согрѣваютъ, землю плодоносною творятъ и въ самыхъ внутренностяхъ земныхъ золото, серебро, каменіе многоцѣнное и руды различныя дѣйствіемъ своимъ и инфлюенціями содѣлываютъ. Одному только нѣкоему астроному Копернику приснилось, будто солнце, луна и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противъ свящ. Писанію ¹⁾).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что одинъ изъ ученѣйшихъ людей XVII в., человѣкъ высокаго нравственнаго характера, Епифа-

¹⁾ Покарскій, Наука и литература при Петрѣ В. II 454.

ній Славинецкій склонялся на сторону Коперника, хотя, по своей осторожности, и не высказалъ этого достаточно ясно. Въ шестидесятихъ годахъ XVII в. Епифаній Славинецкій, монахъ Исаія и Арсеній Сатановскій перевели космографію, въ которой объяснены системы Птолемея и Коперника. „Нынѣ изыяцѣйшіе всѣ математики, говорится здѣсь, Копернику подражаютъ... Кое отъ двоихъ сихъ разумѣній есть приличнѣйшее и съ природнымъ расположеніемъ міра согласуется, на мѣстѣ семъ не хотимъ уставлятъ; но въ вещахъ небесныхъ искуснымъ оставляемъ любопрѣтиса“¹⁾.

Свѣдѣнія западно-русскихъ ученыхъ XVII вѣка по физиології и психології были также весьма ошибочны и скудны. Въ „Жезлѣ Правленія“ (1666 г.) Симеонъ Полоцкій со словъ „естественныхъ тайнъ имѣющихъ искусство“ говоритъ о зачатіи младенца. „Зачинается дитя изъ сѣмени, огустѣваетъ и воображается черезъ сорокъ дней мальчикъ, черезъ 80 дней дѣвочка, а потомъ уже Богомъ одушевляется“²⁾.

Въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго встрѣчается нѣсколько любопытныхъ замѣчаній фізіологическаго свойства. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ ставитъ вопросъ какихъ-то философовъ, почему у человѣка голова болитъ, а у животныхъ не болитъ, и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „звѣріе долу преклонну имуть главу, того ради пары, отъ желудка происходящія, не входятъ до ихъ главы, ниже ей могутъ вредити, а у человѣка голова не къ землѣ преклонена, по горѣ вознесена; того ради пары внутренніе вредныя, отъ желудка происходящія, восходятъ до головы въ гору, и оную повреждаютъ“. Въ другомъ мѣстѣ черный цвѣтъ волосъ объясняется тѣмъ, что въ человѣкѣ много теплоты, огня; „обычно бо есть огню окуряти и очерпѣвати“. У старыхъ людей бѣлють волосы, потому что со старостью теплота уменьшается: „кто имѣеть бѣлыя (?) власы, у того много мокроты; у кого волоса русые, въ томъ много желчи“³⁾.

Языкъ Галятовскаго въ „Ключѣ“ простой и ясный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе Галятовскаго напоминаетъ по силѣ и простотѣ Іоанна Вишескаго. Макаризмозовъ нѣтъ. Часто попада-

¹⁾ Пекарскій, Наука и аптер. при Петрѣ В. II. 337.

²⁾ Жезлъ Правленія, листъ 27.

³⁾ Проповѣди Ст. Яворскаго, II. 84.

ютя народныя малорусскія слова и фразы. Можно допустить, что нѣкоторыя проповѣди, простѣйшія по содержанию, были понятны простому народу. Если-бы и въ содержаніи „Ключа“ было столько народности, сколько въ его языкѣ, то это было-бы капитальное произведеніе.

„Ключъ разумѣнія“ возникъ въ бурное время южно-русской исторіи. Войны Хмельницкаго съ поляками только-что окончились; только что совершилось присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Еще свѣжа была могила славнаго малорусскаго гетмана. Политическія и религіозныя страсти были еще сильно возбуждены. Народъ, вынесшій тяжелую борьбу за свою національную самобытность и экономическую независимость отъ польскихъ пановъ и ихъ наперсниковъ евреевъ, жилъ полной героической жизнью. И ничто не затронуло, не взволновало души кіевскаго ученаго казнодѣя Галятовскаго. Грозныя и много знаменательныя событія прошли мимо его, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой, — нимало не отразились въ „Ключѣ“. Въ то время, какъ рѣшалась участь украинскаго народа, когда относительно самаго его національнаго существованія поставленъ былъ роковой вопросъ: „быть или не быть“, Галятовскій поглощенъ былъ вопросами о томъ, будутъ-ли умершіе принимать пищу въ будущей жизни, сколько дней пробылъ въ раю Адамъ и т. п. На Галятовскомъ вполне раскрылось денационализирующее значеніе кіево-могилянской академіи.

Галятовскій не отозвался на народныя думы, желанія и волненія, потому что видѣлъ въ крестьянахъ хамово отродье. „Мастъ пречистая Дѣва мѣсце на земли межи всѣми людьми, говоритъ онъ въ проповѣди на Благовѣщеніе, бо троякій есть станъ людскій: одинъ посполитый, другой панскій, третій духовный. Презначали тыи три станы сыны Ноеви, Симъ, Хамъ и Афетъ. Симъ презначаль станъ духовный, Афетъ презначаль станъ панскій, Хамъ презначаль станъ посполитый, бо Хамъ служилъ двумъ братамъ своимъ, Симови и Афетови. Такъ люде посполитыи служатъ панамъ и духовенству. Мастъ теда пречистая Дѣва мѣсце межи людьми посполитыми, бо люде посполитыи даютъ панамъ своимъ дани, слушаючи апостола Павла, который мовить: *Воздадите убо всѣмъ дол-*

жмая; ему-же убо урокъ урокъ, и ему-же дань дань, и ему-же страхъ страхъ, и ему-же честь честь.

„Ключъ разумѣнія“ при жизни Галятовскаго былъ подвергнутъ злой критикѣ. Критическій разборъ „Ключа“ затерялся, такъ что неизвѣстно, когда и гдѣмъ онъ былъ сдѣланъ; но что такой разборъ былъ, видно изъ словъ самаго Галятовскаго въ концѣ „Алфавита“. „Песнь одинъ, говоритъ онъ, называемый зоиломъ (рѣчь идетъ о неизвѣстномъ критикѣ), по невѣжеству и зависти, зубами своими грызъ „Ключъ“ мой, но не угрызъ и поламалъ себѣ зубы, потому что мой „Ключъ“ похваленъ всѣми учеными людьми, охотно принять церковью и нашла много ихъ читателей“.

Галятовскій не ограничился, да и не могъ ограничиться скромною дѣятельностію проповѣдника и профессора. Какъ высокопоставленное въ духовной іерархіи лицо, какъ руководитель высшаго въ южной Россіи православнаго училища, Галятовскій на первыхъ же порахъ своей ученой и литературной дѣятельности вмѣшался въ религиозно-церковную полемику православныхъ съ латино-уніатами. Къ борьбѣ съ латино-уніатами Галятовскаго вызывало крайне угнетенное положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой въ второй половинѣ XVII ст. Въ первой половинѣ XVII ст. польское правительство не выступало прямо и рѣшительно противъ южно-русской православной церкви. Оно тѣснило православныхъ преимущественно административными мѣрами. Съ шестидесятихъ годовъ XVII ст. оно стало тѣснить ихъ законодательнымъ путемъ, воспользовавшись тѣмъ, что южно-русское дворянство къ этому времени перешло въ латинство. На варшавскомъ сеймѣ 1658 г. іезуиты Корватъ требовалъ, чтобы король и сеймъ истребили всѣхъ иновѣрцовъ въ Польшѣ, какъ враговъ Бога. Маршалъ посольской палаты Любовицкій по этому поводу замѣтилъ, что врагами Бога могутъ быть названы только аріане (т. е. соцініане). Въ 1667 г. было постановлено, чтобы православное духовенство отбывало постоянную повинность, что было для него крайне тягостно, по причинѣ своеволя и буйства польскихъ войскъ; православные были исключены изъ числа лицъ, имѣвшихъ право занимать староства. Въ 1676 г. православнымъ, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, было воспрещено выѣзжать за границу ¹⁾.

¹⁾ Антоновичъ, Очеркъ сост. прав. церкви въ ю. з. Россіи. 14.

Малорусскіе лѣтописцы мемуаристы XVII в. горько жалуются на притѣсненія православныхъ латино-уніатами. Народъ въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ до сихъ поръ еще вспоминаетъ о польскомъ и еврейскомъ гнетѣ.

Православіе нигдѣ не находило защиты и поддержки. Католическое польское правительство было на сторонѣ притѣснителей. Южно-русское дворянство измѣнило вѣрѣ и языку народа и перешло въ разрядъ его угнетателей. Церковныя братства были подавлены административными и законодательными мѣрами. Попытки, направленные къ противодѣйствию уніи, имѣли характеръ случайный и представлялись въ видѣ отдѣльныхъ безсвязныхъ явленій. Объединиться онѣ могли только при содѣйствіи церковной іерархіи, которая руководила-бы ими и сводила частныя усилія къ общей программѣ дѣйствій. Православные іерархи одновременно должны были обнаружить рѣдкія качества: образованность, энергію и непоколебимую стойкость въ убѣжденіяхъ. Во второй половинѣ XVII в. въ юго-западной Россіи не оказалось ни Іова Борецкаго, ни Петра Могилы. „Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, писалъ въ Москву изъ Львова московскій резидентъ Тяпкинъ въ 1675 г., что ихъ владыки здѣсь только мантией благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри-же тяжки св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ *)“. Дѣйствительно, высшее православное духовенство правобережной Украйны: Іосифъ Шумлянскій, Иннокентій Вишняцкій, Варлаамъ Шептыцкій, Сильвестръ Тваровскій, тайно приняли унію и въ тайнѣ-же, выдавая себя православными, проводили унію въ города и села.

Въ то время, какъ высшее православное духовенство правобережной Украйны удачно разыграло роль Іуды предателя, въ Кіевѣ и Черниговѣ возникъ кружокъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, поставившій своей задачей энергическую борьбу съ латино-уніатами. Главными дѣятелями этого кружка были Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій и Иннокентій Гизель.

Галятовскій враждебно столкнулся съ католицизмомъ лѣтъ за десять прежде, чѣмъ кружокъ Барановича обнаружилъ свою дѣ-

*) Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 227.

ательность. Въ 1663 г. Янъ Казиміръ съ многочисленнымъ польскимъ войскомъ двинулся въ восточную Малороссію. Цѣлую недѣлю онъ пробылъ въ Бѣлой Церкви. Коронный канцлеръ епископъ Пражмовскій 8 ноября пригласилъ къ обѣду нѣсколько высшихъ православныхъ іерарховъ, Гедсона (Юрія) Хмельницкаго, Адама Желиборскаго, Антонія Винницкаго и Іоанникія Галятовскаго. Потомъ пришелъ королевскій проповѣдникъ іезуитъ Адріанъ Пекарскій и сѣлъ за столомъ прямо противъ Галятовскаго. Вся комната была наполнена полковниками, ротмистрами, капитанами, ксендзами. Между Галятовскимъ и Пекарскимъ за столомъ произошла любопытный диспутъ о главенствѣ папы. Въ 1676 г. Галятовскій напечаталъ свой разговоръ съ Пекарскимъ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Besiada bialoserkiewska“ ¹⁾. „Бесѣда“ вскорѣ была переведена на русскій языкъ ²⁾).

Споръ завелъ впервые Пражмовскій, затѣмъ вмѣшался и весь споръ велъ Пекарскій. Пражмовскій изрѣдка вставлялъ свое замѣчаніе. Пражмовскій и Пекарскій проводили то положеніе, что папамъ искони принадлежало главенство въ церкви, что они председательствовали на соборахъ и судили константинопольскихъ патріарховъ, и что верховная власть въ церкви перешла къ нимъ отъ ап. Петра, будто-бы первенствовавшего среди апостоловъ. Галятовскій привелъ слова св. Кипріяна, что „были тоже и другіе апостолы, какъ и Петръ, отличенные равною съ нимъ честью, и властью, и достоинствомъ“. На замѣчаніе Пекарскаго, что православные, не признавая папу главою церкви, должны имѣть главою мірянина, Галятовскій возразилъ, что Христосъ глава церкви, а не кто иной. „Размова“ оканчивается указаніемъ Галятовскаго на неудачный исходъ флорентинскаго собора 1439 г.

Вѣроятно Галятовскій предвидѣлъ споръ и заблаговременно справился съ книгами. Его возраженія Пекарскому мѣткі и сильны. Возраженія эти обнаруживаютъ въ Галятовскомъ знаніе св. Писанія, умѣлое пользованіе отцами церкви и діалектическую ловкость. Если споръ шелъ вполне такъ, какъ говорится о томъ въ „Бесѣдѣ“,—

¹⁾ Самуилъ Величко вставилъ «Размову» Галятовскаго въ свою лѣтопись (II. 42—76).

²⁾ Востокъ, Опис. Румяниц. Музея. № 376, листы 21—27.

а не вѣрить Галятовскому въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія, то Пекарскій оказался побѣжденнымъ. Галятовскій нанесь весьма сильныя діалектическія удары своему противнику. Такъ, онъ говоритъ, обращаясь къ Пекарскому: „да, честный отецъ, напрасны наши несогласія, напрасны споры, когда мы признаемъ главою одного Христа, и каждый изъ насъ говоритъ: „я Христовъ“, а ваша милость признаете главою церкви папу, и каждый изъ вашихъ милостей говоритъ: „я папинъ“. И вотъ ап. Павелъ спрашиваетъ вашу милость: развѣ папа за васъ распятъ? развѣ вы во имя папы крестились?“

Нѣтъ сомнѣній, Галятовскому часто приходилось вести бесѣды съ иновѣрцами, подобныя бѣлоцерковской. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому“ Галятовскій говоритъ, что онъ спорилъ съ учеными еврейскими раввинами о религіозныхъ вопросахъ. Вѣкъ семнадцатый былъ въ Малороссіи по преимуществу вѣкомъ религіозныхъ споровъ, и относительно его можно вполне повторить слова Рихцицкаго о вѣкѣ XVI: „*кто tylko chce tknąć jako kolwek części dziejów XVI wieku, musi mieć na względzie religią: ona była w ten czas główném pytaniem, główną trudnością; kto ją pominie, musi zostać albo jednostronnym, albo nawet często niezrozumiałym*“¹⁾. (Кто хочетъ коснуться какой либо части событій XVI в., долженъ принять во вниманіе религію; она была въ то время главнымъ вопросомъ, главнымъ интересомъ; кто обойдетъ ее, тотъ останется по необходимости или одностороннимъ, или непонятнымъ).

Были особыя причины, почему бѣлоцерковская бесѣда удостоилась печати. Галятовскій, вѣроятно, не безъ удовольствія вспоминалъ, какъ онъ въ многочисленномъ собраніи духовныхъ лицъ и восначальниковъ въ словесной борьбѣ одолѣлъ королевскаго проповѣдника, ловкаго іезуита, а вмѣстѣ съ нимъ и канцлера. Для православнаго учеаго было очень лестно повѣдать читающему южно-русскому міру о своей побѣдѣ. Можно думать, что осторожный Галятовскій въ первое время послѣ бѣлоцерковской бесѣды опасался говорить о ней печатно, боялся ее опубликовать, чтобы не подвергнуться непріятностямъ, особенно въ тяжелое и смутное время шестидесятыхъ годовъ, когда польскія войска проникали въ лѣво-

¹⁾ Rychcicky, Piotr Skarga. II. 15.

бережную Малоросію. Поселившись окончателно въ далекомъ отъ польскихъ границъ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, быть можетъ, не безъ побужденія со стороны Лазаря Барановича, Галатовскій издалъ свою „Бесѣду“. Появленіе этой дѣльно составленной противолатинской статьи должно было упрочить славу Галатовскаго, какъ крупнаго ученаго и подкрѣпить партію Лазаря Барановича въ борьбѣ ея съ латино-уніатами. Въ особенности важно то обстоятельство, что грамотные православные, съ выходомъ въ свѣтъ „Бесѣды“ Галатовскаго, нашли въ этомъ сочиненіи весьма подходящее пособие для борьбы съ латино-уніатами въ такомъ существенномъ пунктѣ ихъ ученія, какъ главенство папы. Капитальныя возраженія противъ папства въ „Бесѣдѣ“ изложены настолько коротко, просто и ясно вообще, дѣльно и общедоступно, что всякій грамотный православный, интересовавшійся религіозными спорами, могъ ею воспользоваться и руководствоваться при своихъ столкновеніяхъ съ уніатами и католиками.

На „Бесѣду“ Галатовскаго католиками было сдѣлано возраженіе, озаглавленное „Рефутаціей“. О существованіи „Рефутаціи“ можно заключить по заглавію одной весьма рѣдкой книжки конца XVII в., именно: *Rycerz prawosławney katholickey cerkwi wschodniey rycerzowi kosciola rzymskiego na jego Refutacyą napisaną przeciw Rozmowie Bialocerkiewskiej*. Авторъ книги и годъ изданія неизвѣстны. Мацѣевскій авторомъ книги считаетъ Галатовскаго ¹⁾. Ни Вишневскій, ни Филаретъ не упоминаютъ этой книги при перечисленіи сочиненій Галатовскаго.

Н. О. Сумцовъ.

Харьковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Maciejowski, Pism. polskie. III. 180.

СТОРОЖЕНКИ.

(ФАМИЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ).

Первыя отрывочныя извѣстія объ этомъ родѣ относятся къ XVII вѣку.

Въ 1610 г. Андрей Стороженко былъ, какъ онъ подписывался, „старшимъ полковникомъ войскъ запорожскихъ“. Начальствуя надъ отрядомъ козаковъ, онъ извѣщалъ изъ подъ Почаева по пути къ г. Брянску ¹⁾ извѣстнаго литовскаго канцлера князя Льва Сапѣгу о движеніи своего отряда и просилъ отъ себя и отъ подвѣдомственнаго ему „стана рыцарскаго“, чтобы канцлеръ сообщилъ ему о размѣрѣ слѣдующаго имъ жалованья и о срокахъ его назначенія.

Андрей Стороженко прибавлялъ въ подписяхъ къ имени и фамиліи—„древній дворянинъ Малыя Руси“.

Извѣстно, что осенью 1609 г. король польскій Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ; въ то же время приходили вѣсти въ Москву и въ Тушино, что отряды запорожцевъ, „служа королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедмитрію ²⁾“.

Письма Андрея Стороженка къ Сапѣгѣ въ оригиналахъ сохраняются въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани ³⁾.

Въ 1647, 1648 и 1649 гг. Михайло Стороженко былъ Тульчинскимъ ⁴⁾ сотникомъ въ браславскомъ полку.

¹⁾ Брянскъ—уѣздный городъ нынѣшней орловской губерніи.

²⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. Гу. XII. стр. 103. изд. Эйверлипа,

³⁾ Въ бумагахъ моего дѣда я нашелъ конія съ этихъ писемъ, скрѣпленные подписью библіотекари Юсефа Лукасевича, съ приложеніемъ печати герба гр. Рачинскихъ.

⁴⁾ Тульчинъ—уѣстечко подольской губерніи.

Послѣ знаменитой побѣды, одержанной Богданомъ Хмельницкимъ подъ Зборовымъ, въ августѣ 1649 года, былъ заключенъ между гетманомъ и королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ договоръ, по которому между прочимъ было опредѣлено количество реестровыхъ козаковъ: гетману полагалось имѣть 40,000 козаковъ. Имена этихъ избранныхъ были внесены въ такъ называемые „Реестра войска запорожскаго“, которые были изданы съ подлинника профессоромъ О. М. Бодянскимъ въ 1875 году.

Въ этихъ „Реестрахъ“ мы и находимъ въ браславскомъ полку сотника Тульчинскаго Михайла Стороженка.

Въ числѣ просто реестровыхъ козаковъ въ томъ-же браславскомъ полку, въ сотнѣ яланцкой, стоитъ имя Яцька Стороженка; но, какъ говоритъ О. М. Бодянской въ предисловіи къ „Реестрамъ“, званіе простыхъ козаковъ „въ ту пору давало послѣднимъ права, одинаковыя съ шляхтою“.

Послѣ Андрусовскаго договора Россіи съ Польшей (1667 г.), въ концѣ 60-хъ годовъ Иванъ Стороженко переселился на лѣвый берегъ р. Днѣпра. Сначала онъ служитъ сотникомъ ичанскимъ въ прилуцкомъ полку, а въ 1686 году является полковникомъ прилуцкимъ.

Еще будучи сотникомъ, онъ обзавелся хуторомъ подъ селомъ Ржавцемъ¹⁾. Отъ 1688—89 гг. сохранился рядъ купчихъ, совершенныхъ имъ на земли и угодья около мѣстечка Ични²⁾ и села Ржавца и на грунты въ городѣ Прилуцкѣ. По универсалу, данному въ Батуринѣ 22 іюня 1690 г., гетманъ Мазепа, „респектуючи на его г. полковника прилуцкаго значные у войску запорозкомъ и зычливые услуги, которіе онъ здавна ронивъ и впередъ охочо ронити на службѣ монаршой мае“, далъ въ награду ему село Ржавецъ и „млынъ подъ мѣстечкомъ Иваницею, на греблѣ мѣской стоячий, о едного кола мучного, а другого ступного“.

Иванъ Стороженко умеръ въ полковничьемъ званіи 15 февраля 1693 г.

Сохранился портретъ его: въ креслѣ у стола сидитъ глубокой старикъ съ небольшою, совершенно бѣлою бородой. На столѣ сто-

¹⁾ Ржавецъ—нынѣ село прилуцкаго уѣзда, полтавской губ.

²⁾ Ичня—нынѣ мѣстечко борзенскаго уѣзда, черниговской губ.

ять Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ, съ золочеными украшеніями. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинута плащъ розоваго цвѣта, съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ полковничья булава ¹⁾.

Таковъ былъ девятый, по счету покойнаго М. А. Максимовича, полковникъ прилуцкій ²⁾.

Имя жены его Марія. Кто она была по отцу, неизвѣстно.

Оставшись вдовою, Марія проситъ у Мазепы подтвержденія на владѣніе селомъ Ржавцемъ и другими, подаренными ея покойному мужу, имуществами. Мазепа даетъ въ Батуринѣ универсалъ 8-го февраля 1697 года, которымъ онъ подтверждаетъ право вдовы на владѣніе состояніемъ покойнаго мужа, „респектуючи на старынніе услуги небожчика пана Ивана Стороженка, бывшего полковника прилуцкаго“.

У Ивана былъ сынъ Андрей, оставшійся послѣ отца, „маючимъ способность до службы войсковою“.

Въ 1703 г. мы видимъ Андрея Ивановича сотникомъ ичанскимъ: 10-го іюля 1703 г. жители ичанскіе Ілюшъ Сѣрко и Дацико Германовичъ обмѣнялись сѣножатыми и закрѣпили документально эту мѣну „на врьдѣ ичанскомъ, передъ нами, какъ говорится въ документѣ, Андреемъ Стороженкомъ сотникомъ, атаманомъ городovýmъ Костентиномъ Даниловичемъ, войтомъ тамошнимъ Кириломъ Яковичемъ, бурмистрами Ивановъ Кобенякомъ и Грицкомъ Чепѣгою“.

Въ 1706 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, въ среду на четвертой недѣлѣ великаго поста, „на врьдѣ ичанскомъ, передъ Андреемъ Стороженкомъ сотникомъ, Михаиломъ Рабушкою атаманомъ городovýmъ, Остапомъ Богаченкомъ войтомъ, Петромъ Семенчукомъ и Грицкомъ Прокоповичемъ Солтаникомъ бурмистрами“ разбиралось слѣдующее интересное дѣло: ичанскій житель Павло Коломийченко купилъ у ржавскаго жителя Остапа Молотка боня за восемнадцать злотыхъ, но за неимѣніемъ денегъ не доплатилъ 10 злотыхъ; Молотокъ по-

¹⁾ Киевск. Стар. 1882. Т. 3. стр. 578.

²⁾ Собр. соч. Максимовича. Т. 1. стр. 325.

требовалъ обезпеченія и Коломійченко отдалъ ему въ залогъ „поле рабочее на двѣ недѣли, да лѣсокъ“, но потомъ отнялъ. Молотокъ жалуется за это на Коломійченка ичанской радѣ и проситъ или отдачи денегъ, или-же отнятой земли и лѣска. Рада присуждаетъ Молотку землю и лѣсокъ Коломійченка.

Какъ видимъ, стоимость почти шести десятинъ земли равнялась тогда почти половинѣ стоимости одного коня.

Андрей Ивановичъ значительно увеличилъ свое состояніе. Достигъ онъ этого, отчасти скупая мелкіе земельные участки и угодыя у козаковъ ичанской сотни, отчасти получая награды за службу, преимущественно отъ своего ближайшаго начальника—полковника прилуцкаго.

Хотя во всѣхъ купчихъ стоитъ выраженіе, что такой-то продаетъ „добровольно и безъ жадного примусу и насильствія, але зъ доброй воли своей“, но весьма вѣроятно, что званіе сотника и соединяемая съ нимъ власть играли не послѣднюю роль при этихъ покупкахъ.

Когда на радѣ обсуждался вопросъ о покупкѣ сотникомъ какого-нибудь козацкаго имущества, предсѣдателемъ, вмѣсто сотника, бывалъ атаманъ городской.

Путемъ купли Андрей Ивановичъ приобрѣлъ 24-го іюня 1073 г. отъ козаковъ ржавскихъ Константина и Лукьяна Полуяненко въ селѣ Ржавца за 20 злотыхъ; въ воскресенье третьей недѣли великаго поста 1706 г. отъ Тимоша Павленка, козака ржавскаго, лѣсъ „за двадцать таларей златой монеты доброй литовской“; 21-го мая 1710 г. отъ козаки Уляны Костиhi подъ мѣстечкомъ Ичней „за певную цину, за двисти злотыхъ сполна монеты доброй личбы литовской“.

Въ награду Андрей Ивановичъ получилъ различныя льготы и одинъ *ланъ* земли.

Листомъ отъ 21-го апрѣля 1706 г. полковникъ прилуцкій Дмитрій Горленко объявляетъ ко всеобщему свѣдѣнію, что онъ освобождаетъ сотника ичанскаго Андрея Стороженка отъ взноса въ полковую казну части дохода съ мельницы о двухъ колесахъ, находящейся на р. Иченцѣ на лучевойской греблѣ, приобретенной еще прежде сотникомъ. Подаль съ мельницъ, какъ читаемъ въ этомъ же листѣ, называлась „поколесовщиною“. Андрей Ивановичъ былъ

такъ награжденъ за „многолѣтнее уже въ походахъ и оказіяхъ войсковыхъ нелѣнливое служеніе и раненіе“.

Такое-же объявленіе дѣлаетъ полковникъ прилуцкій Иванъ Носъ листомъ отъ 24-го февраля 1709 г. относительно двухъ мельницъ на р. Иченцѣ при селѣ Лучковѣ.

Гетманъ Иванъ Скоропадскій универсаломъ, даннымъ въ Нѣжинѣ 5-го февраля 1709 г., подтверждаетъ права ичанскаго сотника Андрея Стороженка, по его просьбѣ, на владѣніе селами Ржавцемъ и Томашовкой, въ сотнѣ ичанской, и Ступаковкой, въ сотнѣ иваницкой, а также мельницами на р. Смоши подъ м. Иваницей и подъ с. Ступаковкой.

„Универсалнымъ листомъ“ по ичанской и монастыринской сотнямъ полковникъ прилуцкій Игнатій Ивановичъ Кгалакганъ объявляетъ, что онъ уволилъ „отъ всякихъ посполитыхъ тягостей подсусѣдковъ, живущихъ на кгрунтахъ его (Стороженка) въ городѣ (Прилукѣ), а также на иченскихъ кгрунтахъ, и овсимвъ позволилъ вшелякое чинити ему, Стороженковѣ, послушенство“. Листъ этотъ данъ въ Прилукѣ 19-го февраля 1715 г.

Листомъ отъ 2-го іюля 1715 г., писаннымъ подъ с. Гуровкою ¹⁾, тотъ-же полковникъ Игнатій Кгалакганъ даетъ сотнику ичанскому *ланъ* земли, смежный съ ржавскими землями послѣдняго, изъ „здавна полковническихъ лановъ... зо всякими з того лану приходячими пожитками“.

Андрей Ивановичъ умеръ въ концѣ 1715 г. Онъ былъ женатъ на Матронѣ Гнилозубъ.

Другой сынъ полковника прилуцкаго Ивана былъ Григорій, сотникъ иваницкій. Объ немъ мы только и знаемъ по тяжбѣ его со вдовою брата Андрея, Матроною.

Григорій Ивановичъ хотѣлъ высыпать греблю на ставку у с. Ржавца, принадлежавшемъ Матронѣ, между двумя ея греблями. Матрона обратилась съ жалобою къ гетману Ивану Скоропадскому. Гетманъ выслалъ „для розыску и осмотра одѣ боку своего пана Семена Карпѣку и пана Александра Чуйкевича товариша войсковаго“. Слѣдствіе обнаружило неправоту Григорія Ивановича, а потому слѣдователи, по данному имъ отъ гетмана полномочію, своей

¹⁾ Нынѣ с. Згуровка, прилуцкаго уѣзда, полтавской губ.

„децизіей“ строго на-строго запретили обижать вдову; гетманъ-же, по обычному тогда порядку дѣлопроизводства, своимъ универсаломъ къ прилуцкимъ полковнику и старшинѣ подтвердилъ рѣшеніе слѣдователей-судей. Универсалъ былъ данъ въ Глуховѣ 25-го января 1716 г.

Кромѣ этого дѣла, вдова Андреева „предложила скаргу на пана Ігната Кгалакгана полковника прилуцкого“ гетману за то, что Кгалакганъ утайлъ два гетманскіе универсала, подтверждавшіе ея право на владѣніе сс. Ржавцемъ, Томашовкою, Ступаковкою, Лучковкою и другими землями и угодьями, а также за то, что онъ „черезъ килько лѣтъ безъ дання причины зъ двохъ млыновъ Петра и Грицька Зоценковъ въ Ступаковцѣ будучихъ части войсковые на себе отбиравъ и по сей часъ оные отбирати насильно не перестаетъ“.

Скоропадскій универсаломъ, даннымъ въ Глуховѣ 18-го января 1719 г., „грозно“ приказываетъ Галагану, „возвративши все одъ мала до велика“, впредь „не важитись затѣвати кривдъ, перешкоды и озлобленія надъ винами правными и жесточайшимъ за преслушаніе императорского указа и противность власти наказаніемъ“.

Гнилозубъ—отецъ Матроны былъ убитъ во время осады Чигирина турками лѣтомъ 1678 г., мать ея вышла замужъ за извѣстнаго охочекомоннаго полковника Пашковскаго.

Въ 1693 г. Семень Палій и полки переяславскій и охочекомонный Пашковскаго бились трое сутокъ между Днѣпромъ и Бугомъ, при Кодимѣ, съ татарами погайскими и бѣлгородскими, шедшими на Кіевъ, и прогнали ихъ. Въ 1694 г. Палій, Пашковскій и др. ходили подъ Очаковъ и одержали блестящую побѣду надъ татарами¹⁾.

Послѣ нарвскаго пораженія изъ Украйны былъ посланъ Мазепою къ Ригѣ трехтысячный отрядъ подъ начальствомъ полтавскаго полковника Искры, а потомъ пятнадцатитысячный съ наказнымъ гетманомъ, стольникомъ и нѣжинскимъ полковникомъ, Обидовскимъ въ челѣ. Въ числѣ этихъ 15000 человекъ были два охочекомонные полка—Пашковскаго и Ѳедора Степановича, болѣе 1000 человекъ²⁾).

¹⁾ Маркевичъ, Ист. Малор. Т. II. 337—38, 358.

²⁾ Бавтышъ-Каменскій, Ист. Малор. Т. 3, стр. 43, 51.

1-го января 1702 г. въ Лифляндіи, въ битвѣ у селенія Эр-рестфера, окончившейся побѣдой фельдмаршала Шереметева и наказнаго гетмана Данила Апостола надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, полковникъ Пашковскій былъ убитъ.

У Андрея Ивановича Стороженка было два сына—Григорій и Иванъ.

Григорій съ молодыхъ лѣтъ отправлялъ войсковую службу. Въ 1715 г., когда умеръ отецъ, онъ былъ назначенъ сотникомъ ичанскимъ.

Лѣтомъ 1722 г. Григорій Андреевичъ участвовалъ въ походѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ къ Дербенту (въ нынѣшней дагестанской области), съ самимъ императоромъ Петромъ Великимъ во главѣ, и присутствовалъ при закладкѣ крѣпости св. Креста на р. Сулакѣ. По возвращеніи съ похода подъ Дербентъ, онъ былъ посланъ отъ всего малороссійскаго корпуса (10000 козаковъ подъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола), стоявшаго по р. Сулаку, къ императору въ Астрахань съ прошеніемъ о „нуждахъ походныхъ войсковыхъ малороссійскихъ“. Изъ Астрахани, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Москву въ правительствующій сенатъ и оттуда привезъ въ войсковую генеральную канцелярію „милостивѣйшую грамоту“, неизвѣстно какого содержанія. Затѣмъ онъ состоялъ въ разныхъ комиссіяхъ при генеральной канцеляріи.

1-го октября 1727 г., одновременно съ избраніемъ въ гетманы Данила Апостола, состоялось избраніе генеральной старшины и Григорій Андреевичъ былъ выбранъ генеральнымъ бунчучнымъ. 9-го октября онъ вмѣстѣ съ другими былъ посланъ въ Петербургъ къ императору Петру II съ извѣщеніемъ объ избраніи новаго гетмана. Посланники прибыли въ Петербургъ 22-го ноября, получили высочайшую аудіенцію и были отпущены съ богатыми подарками.

21-го января 1728 г. Яковъ Марковичъ ¹⁾ видѣлъ возвращавшихся изъ Петербурга малороссійскихъ посланниковъ въ Москвѣ на обѣдѣ у гетманича Петра Апостола.

Возвратившись въ Украину, Григорій исполнялъ должность генеральнаго бунчучнаго, состоялъ членомъ генеральнаго суда и принималъ „челобитческія прошенія“ на высочайшее имя.

¹⁾ Двѣсныя Записки Марковича. Т. I, 246, 247, 268, 305, 306, 318.

3-го января 1729 г. Тайный Верховный Совѣтъ перемѣнилъ всю генеральную старшину: генеральнымъ бунчучнымъ былъ назначенъ Иванъ Борозна.

Въ февралѣ 1728 г. гетманъ Даніилъ Апостоль присутствовалъ на коронаціи Петра II въ Москвѣ. Онъ предложилъ на высочайшее разсмотрѣніе проектъ управленія Малороссіи.

Въ январѣ 1729 г. были посланы къ императору четыре лица, въ томъ числѣ и Григорій Андреевичъ, для принесенія благодарности за утвержденіе гетманскаго проекта. 19-го марта посланники поѣхали изъ Петербурга въ Глуховъ съ „премоцнѣйшею грамотою“ императора къ гетману.

По просьбѣ Григорія Андреевича и козаковъ ичанской сотни, гетманъ выслалъ бунчуковаго товарища Кирилла Троцкаго и войскаваго канцеляриста Павла Лабинскаго для проведенія грани между землями козаковъ ичанскихъ и жителей села Рожновки (борзенскаго уѣзда). Универсаломъ отъ 2-го сентября 1729 года гетманъ подтвердилъ сдѣланное разграниченіе.

По смерти Даніила Апостола, до избранія новаго гетмана, по указу императрицы Анны Иоановны, отъ 31-го января 1734 года было устроено правленіе изъ шести членовъ—предсѣдателемъ его былъ назначенъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховскій.

По опредѣленію Шаховскаго, Григорію Андреевичу поручено было заняться новымъ распредѣленіемъ „окладовъ и порціоновъ“ комиссарамъ, а также разными слѣдствіями.

9-го іюня 1732 года Андрей Миклашевскій, Семень Лизогубъ, Яковъ Марковичъ, Григорій Стороженко, Андрей Полуботокъ, Николай Ханенко были опредѣлены въ кандидаты на бунчучнаго генеральнаго.

Въ 1734 году Григорій Андреевичъ въ числѣ другихъ былъ назначенъ по имянному высочайшему указу въ учрежденную въ Москвѣ комиссію перевода и свода „книгъ правовыхъ“ (законовъ) и въ первыхъ числахъ января 1735 года отправился въ Москву для присутствованія въ комиссіи, гдѣ и пробылъ полтора года. Затѣмъ онъ былъ посылаемъ отъ генеральной канцеляріи для предсѣдательства въ различныхъ комиссіяхъ при полкахъ. Ему поручено было также размежеваніе земель между „ландмилицкими“

орельскими¹⁾ полками и городскими, надъ чѣмъ онъ прозанимался два мѣсяца. Возвратившись къ себѣ въ Ичню, онъ не долго отдыхалъ дома: вскорѣ былъ полученъ изъ генеральной канцеляріи указъ, которымъ онъ призывался въ Глуховъ къ занятіямъ въ прежней комисіи перевода и свода „книгъ правовыхъ“. Изъ Глухова онъ былъ посланъ въ Лубны для привода лубенскаго полка къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ 1737—1741 гг. Григорій былъ назначенъ кандидатомъ сначала генеральнаго судьи, а потомъ генеральнаго подскарбія, продолжая состоять въ комисіи о переводѣ и сводѣ „книгъ правовыхъ“.

Въ 1737 году кievскій генераль-губернаторъ генераль-аншефъ Леонтьевъ съ присутствующими членами войсковой генеральной канцеляріи, „имѣя власть всякіе принадлежащіе до уряду гетманскаго дѣла управлять“, далъ Григорію Андреевичу званіе бунчуковаго товарища.

Григорій Андреевичъ продолжалъ владѣть селами Ржавцемъ, Томашовкой, Ступаковкой, Лучковкой и другими, въ которыхъ по ревизіи 1730 года показано 264 двора. Кромѣ того онъ представилъ въ прилуцкую полковую канцелярію 9-го мая 1744 года реестръ 39 купчихъ на грунты въ мѣстечкѣ Ичнѣ.

По полному списку жителей села Ржавца отъ 1723 года видно, что сотникамъ ичанскому Григорію и иваницкому Ивану Стороженкамъ принадлежало 215 грунтовъ, на которыхъ жили посполитые люди; кромѣ того въ селѣ Ржавцѣ было 24 грунта козаковъ ржавскихъ куреня сотника ичанскаго.

Сохранился портретъ Григорія Андреевича, сдѣланный въ его молодые годы: изображенъ молодой красивый мужчина съ черными волосами, съ длинными усами, бритый, румяный, плотно сложенный. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ, на плечи накинута покрытый синимъ бархатомъ, подбитый, очевидно, куньимъ мѣхомъ, плащъ; возлѣ на креслѣ лежитъ высокая мѣховая, повидимому, бобровая шапка съ султаномъ.

Григорій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ бунчуковаго товарища Кулябки-Евдокин, урожденной Лизогубъ.

¹⁾ Орель — рѣка между нынѣшними полтавской и екатеринославской губерніями.

Иванъ Андреевичъ, сотникъ иваницкій, былъ женатъ два раза: постригши первую жену свою, по причинѣ болѣзни ея, въ монахини, онъ женился на другой, но недѣли черезъ двѣ самъ умеръ и постриженная тоже¹⁾: Это было, вѣроятно, въ концѣ 1725 года.

У Григорія Андреевича было четыре сына: Андрей, Петръ, Степанъ и Данило.

Андрей началъ службу войсковымъ канцеляристомъ. 23-го сентября 1741 года, по просьбѣ отца, а также сотенной ичанской старшины, Андрей Григорьевичъ былъ назначенъ сотникомъ ичанскимъ. Назначеніе это состоялось на основаніи высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 1734 года, которымъ повелѣвалось „войсковыхъ канцеляристовъ достойныхъ за службу въ полковую старшину и сотники опредѣлять“. На званіе сотника Андрею былъ выданъ изъ генеральной войсковой канцеляріи универсалъ за подписью полковника Алексѣя Извольскаго, генеральнаго подскарбія Михаила Скоропадскаго, полковника Челищева и генеральнаго асаула Петра Валькевича—онъ былъ данъ въ Глуховѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ назначенія, а именно 31-го декабря 1749 года.

Очевидно, утвержденіе въ должности не имѣло особеннаго значенія, потому что еще 24-го декабря 1741 года, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ опредѣленія Андрея Григорьевича въ званіе ичанскаго сотника, полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ обращается съ ордеромъ ко всѣмъ сотникамъ полка прилуцкаго, и между прочими и къ Андрею Стороженку, сотнику ичанскому, напоминая о тѣлесныхъ наказаніяхъ и денежныхъ штрафахъ за куплю грунтовъ у подначальныхъ козаковъ.

Петръ Григорьевичъ началъ службу войсковымъ канцеляристомъ и умеръ, кажется, въ молодыхъ годахъ безъ потомства. Степанъ Григорьевичъ былъ сотникомъ повстинскимъ²⁾ въ лубенскомъ полку. Данило Григорьевичъ — бунчуковымъ товарищемъ.

¹⁾ Записки Марковича. Т. I. 157.

²⁾ Мы узнаемъ, что была въ лубенскомъ полку сотня повстинская, неизвестная Марковичу. Повстиня — нынѣ большое козацкое село прятинскаго уѣзда, на р. Удаѣ, верстахъ въ девяти отъ г. Прятина, внизъ по теченію Удая.

Въ маѣ 1745 года братья подѣлились оставшимся послѣ отца состояніемъ: дѣлежу подлежали различныя недвижимыя имущества, приобретеныя по универсаламъ, ордерамъ и купчимъ. Всѣхъ документовъ было 140.

У Ивана Андреевича, сотника Иваницкаго, былъ сынъ Михайло.

Въ 1739 г. онъ подалъ просьбу генераль-аншефу Александру Румянцеву объ опредѣленіи его „подъ главный знакъ бунчукъ“. Изъ уваженія къ заслугамъ предковъ, а также и въ немъ самомъ „усматривая къ службѣ охоту и годность“, Румянцевъ и состоявшіе при немъ члены войсковой генеральной канцеляріи, генеральный подскарбій Андрей Марковичъ, генеральный судья Михайло Забѣла, а также полковникъ Иванъ Сенявинъ дали ему званіе бунчуковаго товарища. Указъ объ этомъ данъ въ мѣстечкѣ Домоптовѣ (золотоношскаго уѣзда), 14-го февраля 1739 г.

Михайло Ивановичъ получилъ отъ отца часть недвижимой собственности въ с. Ржавцѣ. Онъ значительно увеличилъ свое состояніе.

20-го ноября 1740 г. ржавскіе жители Ѳедоръ Пищоленко и Катерина Ивановна, жена Степана Штанченка, продали „панови и державцеви своему, его мосци, панови Михайлови Стороженкови, знатному товаришеви бунчуковому“ ставокъ подъ с. Ржавцемъ за 7 рублей.

15-го декабря 1740 г. онъ купилъ у бывшаго старосты ржавскаго Николая Климовича земли, въ трехъ рукахъ, на 100 рабочихъ дней, по 50 коп. за день, а также сѣнокосъ и усадьбу въ селѣ Ржавцѣ за 16 р.

4-го января 1741 г. ржавская козачка Ганка Хоменчиха продала „ланъ“, купленный ея мужемъ за десять таларей, по 50 к. за рабочій день.

7-го февраля 1741 г. ржавскій житель Иванъ Ивашенко продалъ свой „гай“ за 4 р.

Можно предположить съ полной вѣроятностью, что Михайло Ивановичъ сдѣлалъ еще не одну столь-же выгодную покупку.

Я упоминаю объ этихъ сдѣлкахъ, потому что онѣ представляютъ большой интересъ для изученія быта и для исторіи землевладѣнія въ XVIII вѣкѣ въ Украинѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ постепеннаго увеличенія стоимости земли и перехода ея

отъ козацкихъ общинъ и мелкихъ землевладѣльцевъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, позднѣйшаго дворянства.

Михайло Ивановичъ былъ женатъ на Аннѣ Борознѣ.

У Михайла Ивановича былъ сынъ тоже Михайло.

Михайло Михайловичъ началъ службу войсковымъ канцеляристомъ. Универсаломъ гетмана графа Кирилла Разумовскаго, даннымъ въ Батуринѣ 12-го сентября 1763 г., онъ былъ опредѣленъ въ званіе войскового товарища. Пстомъ онъ былъ комиссаромъ въ повѣтъ прилуцкомъ.

23-го декабря 1765 г. онъ получилъ изъ малороссійской коллегіи патентъ на званіе бунчуковаго товарища за подписями: графа Румянцева, бригадира князя Платона Мещерскаго, генеральнаго писаря Василя Туманскаго, полковника Осипа Хвостова, генеральнаго асаула Ивана Жоравки, генеральнаго хорунжаго Данила Апостола и коллежскаго совѣтника Дмитрія Натальина.

Предписаніемъ черниговскому намѣстничеству отъ 23-го января 1782 г. графъ Румянцевъ-Задунайскій назначилъ его въ судьи совѣстнаго суда намѣстничества и опредѣлилъ во всѣ новоучрежденныя присутственныя мѣста. Въ званіи совѣстнаго судьи Михайло Михайловичъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а 28-го февраля 1784 г.—надворнаго совѣтника.

Михайло Михайловичъ продолжалъ округлять свое состояніе.

25-го января 1758 г. вдова Михайла Ивановича—Анна и сынъ ея Михайло купили у козака сотни иваницкой с. Ступаковки ставокъ и греблю съ мельницей и валушными ступами за 45 р. Для закрѣпленія на купчей подписались: іерей Θεодоръ Кушакевичъ съ приложеніемъ своей печати (изображеніе трехмачтоваго корабля съ распущенными парусами), атаманъ сотенный ичанскій Михайло Мартосъ (печать—изображеніе дракона) и атаманъ ржавскій, Яковъ Озерскій.

2-го мая 1759 г. Михайло купилъ у жителя с. Лучковки „гаюкъ“. На купчей опять таки подписался „пресвитеръ Даміанъ Летнѣцкій“ и житель лучковскій Иванъ Свирскій (печать—изображеніе двухъ тюльпановъ).

Весьма интересное дѣло велъ Михайло Михайловичъ съ владѣльцемъ с. Рожновки (борзепскаго уѣзда) Петромъ Разумовскимъ, полковникомъ нѣжинскимъ, о захватѣ рожновцами земель, принадлежавшихъ посполитымъ людямъ Михайла Михайловича.

У него былъ въ с. Ржавцѣ кирпичный заводъ, конскій заводъ (2 жеребца и 20 кобыль), заводскаго рогатаго скота около 100 штукъ.

Женатъ Михайло былъ на дочери бунчуковаго товарища Семена Полуботка—Оеодосіи.

За женой онъ взялъ большое приданное:

Въ городницкомъ уѣздѣ ему принадлежала деревня Новая Рудня—„положеніе имѣеть на весьма песковатомъ бугристомъ мѣстѣ, при р. Вертечѣ, на коей плотина съ руднею, на одно ковадло, въ борѣ; въ сей деревнѣ посполитыхъ означеннаго Стороженка—14. Къ сей деревнѣ землѣ пахотной и сѣнокосу вовсе нѣтъ; жители ходятъ на заработки хлѣба, въ разніе степніе мѣста и притомъ нанимаются на работы къ руднямъ и другимъ заводамъ, отчего нужное пропитаніе себѣ имѣютъ“¹⁾.

Шафонскій²⁾, составившій описаніе черниговскаго намѣстничества нѣсколькими годами позже Пащенко и положившій „въ основаніе своего труда“, по мнѣнію А. М. Лазаревскаго, „работу Пащенко“ (предисловіе къ описанію Пащенко, стр. III), дѣлаеть слѣдующія добавленія къ описанію д. Новой Рудни: „железный заводъ (рудня) на р. Вертечѣ, построенъ въ 1706 г. черниговскимъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ. Руду для онаго около той-же рѣчки въ болотахъ, а уголье изъ его-же лѣса, возлѣ онаго завода стоящаго, достаютъ.

„На семъ заводѣ только весною пудовъ пятьдесятъ желѣза выковываются, которое въ степныхъ мѣстахъ по торгамъ и ярмаркамъ продается“³⁾.

Въ хуторѣ Криничное ему принадлежалъ винокуренный заводъ на 12 двойныхъ котловъ.

„Хуторъ Старой Млинокъ при плотинѣ, состоящей на р. Ворзнѣ, съ 2 мельницами, о трехъ колахъ, въ лѣсѣ“.

Въ с. Неданчичахъ принадлежало ему нѣсколько грунтовъ, съ жившими на нихъ семью посполитыми людьми⁴⁾.

¹⁾ Описаніе черниговскаго намѣстничества (1781 г.) Дмитрія Пащенко. Въ Запискахъ черниг. губернскаго статистич. комитета. Книга вторая. Выпуски 1, 2, 3, 4. 1868 г.

²⁾ Черниг. намѣстнич. топографич. описаніе, изд. М. Судіенка. Кіевъ. 1851 г.

³⁾ Изд. Судіенка, стр. 330.

⁴⁾ Пащенко. Зап. черниг. губернскаго стат. ком. Вып. 1 и 2. Стр. 47, 54, 56.

Въ хуторѣ Уклоновѣ принадлежала ему плотина на р. Ворзнь, съ мельницею на два „кола“, разстояніемъ отъ хутора Уклонова въ 2 верстахъ, при коей посполитская его Стороженка хата—1.

„Село Довжикъ, разстояніемъ отъ г. Чернигова въ 25 верстахъ, отъ мѣстечка Любеча въ 29 верстахъ, на столбовой дорогѣ отъ Чернигова въ мѣстечко Любечъ. Положеніе имѣеть отъ г. Чернигова на западной сторонѣ, на ровномъ, довольно возвышенномъ мѣстѣ; между жильями сего села протекаетъ р. Свишка и тутъ-же въ нее впадаетъ протокъ Бременецъ; на соединившихся сихъ рѣкахъ двѣ плотины показаннаго Стороженка, съ 4 амбарами о 6 колахъ. Въ семь селѣ: домъ пріѣзжій Стороженка о 3 покояхъ. Обывателей: . . . посполитыхъ Стороженка—81. Къ сему селу земли пахатной достаточно, сѣно укашиваютъ на тѣхъ-же пахатныхъ поляхъ при берегахъ, а лѣсу посредственно; обыватели занимаются хлѣбопашествомъ“.

„Деревня Внучки въ 4 верстахъ отъ с. Довжика. Положеніе имѣеть на высокомъ ровномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ р. Свишки, на которой плотина Стороженка съ 3 амбарами о 3 мучныхъ и валушномъ колахъ, при пахатномъ полѣ и небольшой части лѣса; въ сей деревнѣ посполитыхъ Стороженка—90“.

„Деревня Табаіовка въ одной верстѣ отъ д. Внучекъ. Положеніе имѣеть на ровномъ высокомъ мѣстѣ, при пахатныхъ поляхъ. Въ ней посполитыхъ Стороженка—18“¹⁾).

У Михайла Михайловича былъ сынъ Николай, бывший черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Со смертію Николая Михайловича прекратилась линія фамиліи Стороженковъ отъ Ивана Андреевича, сотника иваницкаго. Николай Михайловичъ былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Милорадовичъ, сестрѣ извѣстнаго графа Михайла Андреевича Милорадовича.

У старшаго сына Григорія Андреевича—Андрея, было два сына Григорій и Александръ.

Они начали службу въ званіи войсковыхъ канцеляристовъ—Александръ при генеральномъ судѣ, а Григорій при войсковой генеральной канцеляріи, а потомъ при малороссійской коллегіи. 20-го декабря 1765 г. они получили изъ коллегіи патенты на званіе войскового товарища, за подписью графа Румянцева.

¹⁾ Щаценко. Зап. черниг. губернс. стат. ком. Выпуски 3 и 4. Стр. 57—59.

7-го мая 1770 г. Григорій получилъ званіе сотника иваницкаго.

Григорій участвовалъ въ турецкой войнѣ съ 1768 г. по 1774 г., въ которомъ былъ заключенъ миръ при Кучукъ-Кайнарджи.

Для усмиренія Пугачевского бунта изъ Украйны былъ отправленъ въ казанскую и оренбургскую губерніи тысячный отрядъ козаковъ подъ начальствомъ нѣжинскаго полковника Александра Якубовича. Въ составъ этого отряда попалъ и иваницкій сотникъ съ козаками своей сотни.

30-го іюля 1774 г. Якубовичъ далъ ему въ лагерѣ при р. Камѣ, „въ Башкири“, аттестатъ, удостоверяющій его личную храбрость и распорядительность. Григорій Андреевичъ, съ 13-го февраля по 30-е іюля, участвовалъ во всѣхъ походахъ и въ сраженіяхъ при д. Сатанихѣ 8-го и 11-го іюня, при д. Сабаевой 12-го іюня, за р. Уршаномъ 21-го и 22-го іюня, при с. Часниковѣ 27-го іюня.

Въ подтвержденіе этого аттестата князь Петръ Голицынъ, командовавшій корпусомъ, въ составъ котораго вошелъ и украинскій отрядъ, выдалъ въ Казани отъ себя удостовѣреніе отъ 7-го августа 1774 г., что „сотникъ иваницкій оказывалъ всегда отличную храбрость и распорядительность, не щадя ни мало живота своего и вель себя такъ, какъ доброму и честному человѣку свойственно“.

За „усердную и добропорядочную службу съ 1760 года“ малороссійская коллегія выдала ему 31-го августа 1781 г. въ Глуховѣ патентъ на званіе бунчуковаго товарища.

Графъ Румянцевъ-Задунайскій въ доношеніи правительствующему сенату отъ 24-го мая 1779 г. ходатайствуетъ о награжденіи Григорія Андреевича имѣніемъ.

У Степана Григорьевича было два сына—Михайло и Иванъ. Михайло въ 1765 г. былъ премьеръ-маіоромъ. У него былъ сынъ Александръ, не имѣвшій сыновей.

Иванъ Степановичъ умеръ въ молодыхъ годахъ холостякомъ.

У бунчучнаго товарища Дагила Григорьевича было два сына—Петръ и Павель.

Павель родился въ 1775 г., получилъ воспитаніе въ сухопутно-кадетскомъ корпусѣ и началъ службу поручикомъ.

Петръ родился въ 1779 г., тринадцати лѣтъ онъ состоялъ регистраторомъ въ канцеляріи графа Румянцева.

Въ 1786 г. имъ принадлежала часть села Ржавца и слободы Лисогоръ, въ мѣстечкѣ Иваницѣ нѣсколько грунтовъ.

Хотя сыновья Петра Даниловича—люди XIX вѣка, но такъ какъ на нихъ кончается эта линія фамиліи Стороженковъ, то я позволю себѣ упомянуть объ нихъ.

У Петра было два сына—Николай и Алексѣй.

Николай былъ женатъ, но не имѣлъ сыновей. Алексѣй былъ холостъ.

Алексѣй Петровичъ былъ извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ, оставившимъ не одинъ прелестный разсказъ изъ малорусскаго народнаго быта.

Прилагаю родословный списокъ Стороженковъ.

1. Андрей Стороженко, „старшій полковникъ войскъ запорожскихъ“ около 1610 года.
2. Михайло, сотникъ тульчинскій браславскаго полка около 1647—49 годовъ.
3. Яцко, козакъ реестровый 1649 года.
4. Иванъ, сотникъ ичанскій съ конца 60-хъ годовъ XVII в., полковникъ прилуцкій 1686—1693 гг. Жена—Марія. . 1.
5. Андрей, сотникъ ичанскій, 1715 года. Жена—Матрона Гнилозубъ 2.
6. Григорій, сотникъ иваницкій около 1716 года . . . 2.
7. Григорій, 1715 года сотникъ ичанскій, 1727 года—генеральный бунчучный, 1732 года—кандидатъ на генеральнаго бунчучнаго, 1734 года—членъ комисіи о переводѣ и сводѣ книгъ правовыхъ, 1737—41 годовъ кандидатъ на генеральнаго судью и генеральнаго подскарбія, бунчуковый товарищъ. Жена—вдова бунчуковаго товарища Кулябки, Евдокія, урожденная Лизогубъ . . . 3.
8. Иванъ, сотникъ иваницкій. Былъ женатъ два раза. . 3.
9. Андрей, войсковый канцеляристъ 1741 года—сотникъ ичанскій 4.
10. Петръ, войсковый канцеляристъ 1741 г. 4.
11. Данило, бунчуковый товарищъ около 1770 года . . 4.
12. Степанъ, сотникъ повстинскій. 4.

13. Михайло, бунчуковый товарищ 1739 года. Жена—Анна Борозна 4.
14. Григорій, войсковый канцеляристъ, войсковый товарищ, сотникъ иваницкій 1770 годъ, бунчуковый товарищ 1781 года 5.
15. Александръ, войсковый канцеляристъ, войсковый товарищ 1765 года 5.
16. Михайло, премьерь-маіоръ 1765 года 5.
17. Иванъ 5.
18. Павелъ родился въ 1775 году, началъ службу поручикомъ 5.
19. Петръ, родился въ 1779 году, началъ службу 13-ти лѣтъ регистраторомъ, поручикъ 5.
20. Михайло, войсковый товарищ 1763 года, коммисаръ 1765 года, бунчуковый товарищ 1765 года, совѣстный судья 1782 года, надворный совѣтникъ 1784 года. . . 5.
21. Алексѣй, брестскій предводитель дворянства 6.
22. Николай 6.
23. Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ, черниговскій губернский предводитель дворянства 6.
24. Александръ 6.
25. Александра. Мужъ генераль-маіоръ О'конноръ . . . 6.

Выдающимся въ родѣ Стороженковъ лицомъ какъ по своимъ дарованіямъ, такъ по литературной и служебной дѣятельности является не давно скончавшійся Алексѣй Петровичъ Стороженко. Несмотря на самыя разнообразныя вліянія образованія и жизни, онъ сохранилъ свою національную фізіогномію до конца своихъ дней. Его недюжинный талантъ не получилъ еще надлежащей оцѣнки, а его беллетристическія произведенія далеко не всѣ извѣстны въ печати, его многолѣтняя служебная дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ, въ центрѣ высшаго управленія остается совершенно почти неизвѣстною. Умеръ онъ вдали отъ родныхъ и къ нимъ не перешелъ его обширный портфель. Значительная часть его бумагъ, какъ мы слышали, находится у кого-то въ Брестѣ; множество писемъ находится въ разныхъ другихъ мѣстахъ и рукахъ. При тщательныхъ поискахъ, по свѣжей еще памяти, открылись-бы, можетъ

быть, рукописи покойнаго, существованія которыхъ мы не предполагаемъ.

Не безплодно было-бы для рода и потомства сохранить память объ этой личности даровитой и замѣчательной по своей служебной дѣятельности.

Принимаемъ на себя этотъ не легкій трудъ, но чувствуемъ сразу всю скудость имѣющагося у насъ матеріала. Позволяемъ себѣ надѣяться, что намъ не откажутъ въ содѣйствіи и довѣріи многочисленные почитатели таланта и памяти Алексѣя Петровича и покорнѣйше просимъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ перепискѣ съ нимъ, или которымъ случайно достались его письма и другія рукописи, подѣлиться таковыми временно съ нами. По снятіи съ нихъ копій, они немедленно будутъ возвращены, тщательно сохраненными. Весьма желательны были-бы также личныя воспоминанія о покойномъ и за сообщеніе оныхъ мы были-бы особенно благодарны.

Какъ письма, такъ и воспоминанія просимъ адресовать на имя редакціи „Кіевской старины“, для передачи намъ.

Н. В. С—ко.

Кіевъ, 8-го января 1884 г.

ИСТОРИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Кубанская область получила настоящей свой видъ только въ 1860 году, когда изъ двухъ, самостоятельно существовавшихъ до того. козачьихъ войскъ—черноморскаго и части кавказскаго линейнаго было образовано одно подъ именемъ кубанскаго. Поэтому, и исторія самоуправленія кубанскихъ козаковъ также распадается на двѣ независимыя исторіи: иначе самоуправленіе складывалось у черноморцевъ и иначе у линейцевъ. Такъ, отдѣльно одно отъ другаго, мы и отмѣтимъ историческое прошлое самоуправленіе у обоихъ названныхъ войскъ.

Относительно самоуправленія черноморскихъ козаковъ сложился тотъ неосновательный взглядъ, что будтобы черноморское войско, не смотря на свою генетическую связь съ Запорожьемъ, явилось тѣмъ не менѣе чѣмъ то новымъ, непохожимъ на это послѣднее по своему общественному строю. Такъ, семья и панское сословіе, не имѣвшія мѣста въ Запорожьѣ, получили полное право гражданства въ Черноморіи, чѣмъ будто-бы нарушились самыя основы сѣчеваго козачьяго самоуправленія. Историческіе факты дѣйствительно таковы: и семья и панское сословіе наложили рѣзкій отпечатокъ на жизнь козачества. И тѣмъ не менѣе, не смотря на это, Черноморія дала, въ предѣлахъ возможнаго, рѣдкій примѣръ согласованія старинныхъ излюбленныхъ формъ народной жизни съ новѣйшими ея требованіями, тѣмъ не менѣе черноморцы, съ ловкостью истыхъ политиковъ, перенесли съ собою на новое мѣсто-жительство порядки стараго Запорожья и привили ихъ здѣсь, на сколько позволили то обстоятельства.

Не въ добрую пору народилось черноморское войско. Центральное правительство косо въ это время посматривало на каза-

ковъ и ихъ самоуправленіе. Пугачевщина была еще у всѣхъ на памяти, съ запорожскою Сѣчью едва только были сведены счеты. И Екатерина II, и Потемкинъ одинаково стремились положить конецъ козачьимъ тенденціямъ въ средѣ малороссовъ. Братъ славянинъ Текелій, разрушая Сѣчь, постарался съ усердіемъ вандала стереть съ лица земли даже невинные историческіе памятники запорожцевъ. Только война съ турками и настоящая нужда въ испытанныхъ козачьихъ войскахъ вызвали на свѣтъ снова организацію козачества изъ разрозненныхъ и разбѣянныхъ сѣчевиковъ. Давая, поѣтому, новую жизнь козачеству, правительство всячески старалось сгнать его права и подавить его былую, традиціонную автономію.

Начало существованія черноморскаго войска можно считать съ 1787 года. Въ это время часть разбѣянныхъ запорожцевъ, благодаря хлопотамъ бывшихъ запорожскихъ старшинъ Бѣлаго, Чепѣги и Головатаго, были кое-какъ собраны въ одно „войско“ и главное начальствованіе надъ козаками, согласно съ ихъ желаніемъ, было поручено Сидору Бѣлому. Бѣлый носилъ званіе войсковаго атамана и пытался было устроить Сѣчь у днѣпровскаго лимана съ Кинбурнской стороны. Войску была даже возвращена часть регалий запорожской Сѣчи—знамена, булава кошеваго и перначи, и дана собственная уже его войсковая печать¹⁾. Тѣмъ не менѣе на всемъ этомъ лежали черты какой-то вынужденной дѣланности. Сѣчь въ сущности представляла собою временный военный станъ, всецѣло находящійся въ распоряженіи русскихъ генераловъ, какъ часть дѣйствовавшей въ то время русской арміи. У войска не было надлежащей точки опоры для самостоятельнаго существованія—не было своей собственной земли, хотя въ 1788 г. и было уже сдѣлано обѣщаніе пожаловать землю „для поселенія въ керченскомъ кутѣ или на Тамани“²⁾.

Позже, въ 1790 году, черноморскому войску была отведена подъ поселеніе земля между рр. Днѣстромъ и Бугомъ. Войско здѣсь основало около 25 крупныхъ поселеній и не мало хуторовъ. Здѣсь поселились уже, кромѣ бездомной сиромы, и семейные ко-

¹⁾ Короленко, «Черноморцы», стр. 6.

²⁾ Тамъ же, прил. III, стр. 3.

заки. Войско вмѣстѣ съ тѣмъ сохранило нѣкоторые остатки сѣчоваго устройства. Оно имѣло свой кошъ въ селеніи Слободзеѣ, своихъ кошеваго атамана, судью, писаря и есаула. Были учреждены также три полковыя паланки: березанская, поднѣстрианская и кинбурнская. Однако не смотря на все это, казаки все таки не чувствовали твердой почвы подъ собою, „не видѣли, по свидѣтельству Котляревскаго, точнаго тому положенія“. Отъ старинной сѣчовой іерархіи остались одни лишь осколки, немногіе выборные старшины могли быть таковыми только съ согласія и утвержденія правительства, а, главное, казачество хорошо видѣло и понимало, что ему не ужиться рядомъ съ помѣщиками и что самая принадлежность ему указанныхъ земель была сомнительна.

И дѣйствительно, уже въ 1791 г. черноморцы получили повелѣніе переселиться изъ-за Буга на Таманскій или Фанаторійскій полуостровъ. Черноморцамъ такимъ образомъ не только предстояло бросить нѣсколько насиженныхъ уже мѣста, но въ перспективѣ виднѣлось нѣчто еще болѣе худшее: Таманскій полуостровъ представлялъ такой клочекъ земли, на которомъ было-бы тѣсно войску даже при тогдашнемъ его составѣ; но черноморцы, сплоченные уже въ одну козачью общину, нашлись въ этихъ крутыхъ обстоятельствахъ и вышли изъ нихъ побѣдителями. Имъ помогла тутъ привычка къ самоуправленію и желаніе добиться, во чтобы то ни стало, самостоятельной жизни.

Въ сущности, конечно, самое возникновеніе козачества обязано инициативѣ и заботамъ исключительно самихъ-же козаковъ; они, въ лицѣ своихъ старшихъ, подали объ этомъ адресъ Екатеринѣ II, они ходатайствовали раньше о томъ-же предъ всесильнымъ Потемкинымъ. Позже, въ 1789 г., когда козачество ощутило надобность въ собственной своей землѣ и когда какъ по этому вопросу, такъ и относительно приравненія козачьей службы къ донской въ военномъ отношеніи, между пѣшими и конными казаками произошли несогласія, бывший тогда войсковымъ атаманомъ Чепѣга просилъ войскового судью Антона Головатаго „приложить стараніе привести и пѣхотную команду о землѣ въ единомысліе, а также и о донской службѣ“¹⁾. Вслѣдствіе этого Головатый собралъ на островѣ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 56.

Березани козачью раду изъ пѣхотныхъ козаковъ, которые и выразили свое согласіе относительно ходатайства о землѣ въ особомъ приговорѣ. Такимъ образомъ случай этотъ показываетъ, что общинная самодѣятельность была видною характерною чертою въ жизни черноморскаго козачества: община, а не отдѣльныя ея лица или даже представители, являлась окончательнымъ судьей и вершителемъ дѣлъ по важнѣйшимъ вопросамъ этой жизни.

Особенно-же ярко отмѣченная черта выразилась при переселеніи черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань. Получивъ приказаніе о переселеніи, козаки на общей войсковой радѣ порѣшили послать прежде всего опытныхъ людей для осмотра Тамани и прилегавшихъ къ ней земель. Такимъ лицомъ былъ избранъ войсковой есаулъ Мокій Гуликъ съ командою козаковъ: затѣмъ, по приговору войсковой рады, судья Антонъ Головатый съ нѣсколькими войсковыми товарищами были избраны въ депутаты къ императрицѣ для исходатайствованія правъ „на вѣчно спокойное попомствленное владѣніе“ тою землею, которую намѣтило для себя козачество. Депутаціи было вручено прошеніе на имя императрицы отъ имени всего войска и особая инструкція относительно тѣхъ пунктовъ, о которыхъ депутація должна была хлопотать. Не смѣя даже заикнуться о правахъ бывшей запорожской Сѣчи, войско принуждено было пустить въ ходъ хитрость. Такъ, оно скромно просило объ отдачѣ ему во владѣніе земель „на Тамани съ окрестностями оной“, а окрестности эти, по занимаемому ими пространству, въ 30 разъ превышали самый таманскій полуостровъ. Такъ оно не заикнулось и словомъ объ организаціи самоуправленія, а впоследствии выработало свой собственный законодательный актъ, служившій въ сущности снимкомъ съ организаціи самоуправленія въ запорожской Сѣчи.

Результатомъ хлопотъ депутаціи въ Петербургѣ были двѣ жалованныя грамоты отъ 30 іюня и отъ 1 іюля 1792 года¹⁾. Въ этихъ грамотахъ были выражены тѣ начала, которыя легли потомъ въ основу общиннаго самоуправленія черноморскихъ козаковъ. Надо отдать полную справедливость той осторожности и тактичности, съ которою дѣйствовала въ этомъ отношеніи козачья депутація и въ

¹⁾ П. С. Юк., т. XXIII, стр. 342 и 346.

особенности ея глава—судья Антонъ Головатый. Пустивъ въ ходъ все: и знакомство съ людьми сильными, и малорусскую пѣсню, и бандуру, и чудачество козака-малоросса, этотъ замѣчательно умный человекъ на столько успѣшно довелъ до конца порученное ему дѣло, что главнѣйшія желанія войска были занесены въ жалованныя грамоты въ подлинныхъ почти козачьихъ выраженіяхъ.

На основаніи первой изъ этихъ грамотъ, войско представляло собою коллективное юридическое лице; земля была отдана ему также въ коллективную собственность; войску положено было опредѣленное жалованье, дарована свободная внутренняя торговля и вольная продажа вина на войсковыхъ земляхъ, пожалованы войсковое знамя и литавры, а также подтверждено употребленіе другихъ регалій бывшей Запорожской Сѣчи; въ административномъ отношеніи войско подчинено было таврическому губернатору, но имѣло свое собственное начальство, такъ называемое „войсковое правительство“, состоявшее изъ войсковаго атамана, судьи и писаря; хотя затѣмъ въ грамотѣ и выражено было, „чтобы земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными учрежденіями о управленіи губерній“, но войсковому правительству предоставлена была „расправа и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ“, и только „важныхъ преступниковъ“ повелѣвалось отсылать къ таврическому губернатору „для осужденія по законамъ“; наконецъ, на черноморское войско возложены были „бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ“.

Вторая грамота, отъ 1 іюля, обнимала собственно вопросъ о переселеніи козаковъ изъ-за Буга на Кубань и о пожалованіи старшинамъ патентовъ на офицерскіе чины.

Такимъ образомъ, въ грамотахъ не было прямыхъ указаній на то, въ какой формѣ должно было выразиться самоуправленіе войска. На дѣлѣ-же войско придерживалось уже въ этомъ отношеніи порядковъ Запорожской Сѣчи. Оно воспользовалось, поэтому, какъ неопредѣленностью официальныхъ документовъ, такъ и прецедентомъ сложившейся уже практики, и выработало въ формѣ писанныхъ правилъ 1794 года, извѣстныхъ подъ именемъ „Порядка общественной пользы“¹⁾, свою особую организацію козачьяго само-

¹⁾ Ив. Попка. «Черноморскіе козаки», стр. 277—288.

управленія. „Вспоминая первобытное войска подь названіемъ запорожцевъ состояніе“, войсковое правительство постановило въ этомъ замѣчательномъ документѣ слѣдующія важнѣйшія правила:

Въ войскѣ должно было существовать „войсковое правительство, на всегда управляющее войскомъ“, и состоявшее изъ кошеваго атамана, войсковаго судьи и войсковаго писаря.

„Ради войсковои резиденціи“ основанъ городъ Екатеринодаръ.

Въ Екатеринодарѣ, „ради собранія войска и прибѣжища бездомовныхъ козаковъ“, устроено было 40 куреней, изъ которыхъ 38 носили тѣ-же названія, что и въ Запорожской Сѣчи; а все войско положено было „поселить куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ“.

Въ каждомъ куренѣ ежегодно, 29 іюня, положено было избирать куреннаго атамана.

Куренные атаманы обязаны были безотлучно находиться при куреняхъ, дѣлать наряды по службѣ, примирять тяжущихся и „разбирать голословно маловажныя ссоры и драки“, а „за важное преступленіе представлять подь законное сужденіе войсковому правительству“.

Старшины, безъ должности, должны были повиноваться въ куреняхъ „атаману и товариществу“, а этимъ послѣднимъ въ свою очередь предписывалось уважать старшицъ.

„Для завѣдыванія и утвержденія по всей войсковои землѣ къ долгоденственному спокойствію благоустройнаго порядка“, войсковои территорія была раздѣлена на пять округовъ.

Для управленія округами въ каждомъ изъ нихъ полагалось „окружное правленіе“, состоявшее изъ полковника, писаря, асаула и хорунжаго и имѣвшее свою округную печать съ гербомъ.

Округныя правленія и лица, составлявшія ихъ, обязаны были „чинить непремѣнное и немедленное исполненіе“ письменныхъ распоряженій войсковаго правительства. На правленіе, кромѣ того, возложено было имѣть попеченіе объ экономическихъ нуждахъ населенія, „а также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать“, заботиться объ исправномъ и своевременномъ вооруженіи козаковъ, о дорогахъ и мостахъ, о благоустройствѣ и чистотѣ въ куренныхъ селеніяхъ, о пожарной части, о преслѣ-

дованіи воровъ и грабителей и о мѣрахъ противъ повальныхъ бо-лѣзней на людяхъ и на скотѣ.

Въ частности козакамъ какъ чиновнымъ, такъ и рядовымъ, дозволено было заводить на войсковой землѣ и угодьяхъ дворы, хутора, мельницы, лѣса, сады, виноградники и рыбные заводы, а „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ“, позволялось, кромѣ того, селить при хуторахъ родственниковъ и „вольнотпущенныхъ людей“.

Собственно для окружныхъ правленій была выработана также особая инструкція, въ которой подробно были изложены права и обязанности окружной администраціи, какъ земской полиціи и исполнительнаго органа.

Таковы въ существенныхъ чертахъ были порядки того самоуправленія, которымъ должны были начать свою новую жизнь на Черноморіи наслѣдники Запорожья. Сравнивая эти порядки съ тѣмъ, чѣмъ пользовалось въ этомъ отношеніи Запорожье, нельзя конечно не замѣтить, что права козачества были значительно сужены. Для Запорожской Сѣчи почти не существовало никакихъ законовъ, изданныхъ центральнымъ правительствомъ; она сама составляла свои законы, на основаніи обычая, и даже карала своихъ преступныхъ сыповъ смертною казнію. Управление-же черноморскимъ войскомъ предписывалось въ жалованной грамотѣ сообразовать съ узаконеніями по управленію губерніями. Въ Запорожьѣ широко практиковалось выборное начало. Въ Черноморіи оно было оставлено только для мелкихъ единицъ—куреней. Въ Запорожьѣ старшина была выборною. На Черноморіи, разъ козакъ занялъ въ войсковой іерархіи чиновное мѣсто, за нимъ закрѣплялось званіе пана правительственными дипломами навсегда.

Съ другой стороны, за козачествомъ были оставлены, во первыхъ, право войсковой земельной собственности и, во вторыхъ, куренное самоуправленіе, т. е. такого рода устан, на которыхъ крѣпко могла еще стоять общинная жизнь козачества. Козаки вообще старались удержать даже внѣшнія черты сѣчеваго устройства. Такъ, были оставлены курени въ Екатеринодарѣ; подъ именемъ округовъ были учреждены тѣ-же запорожскія паланки, въ которыхъ, какъ и въ Запорожьѣ, администрацію составляли полковникъ, писарь, асауль

и хорунжий; администрація эта ежегодно выбиралась войсковымъ правительствомъ, т. е. если не самимъ товариствомъ, то все таки его представителями, составлявшими коллегіальное учрежденіе; въ сферѣ обыденныхъ отношеній предписывалось даже почитать, какъ и въ Запорожья, старшинъ непроходившихъ общественной службы и проч. Но суть конечно заключалась въ перенесеніи самоуправленія въ курень.

Такимъ образомъ, въ Черноморіи въ первый разъ ясно обозначилась та дифференцировка автономныхъ функций козачества, благодаря которой одна часть этихъ функций перешла къ центральному правительству, а другая осталась за войскомъ въ формѣ специальныхъ его правъ. Высшая администрація козачества, представляя собою одну лишь внѣшнюю форму съчевой администраціи, безъ внутренняго правоваго содержанія, была собственно органомъ правительственнымъ, такъ какъ и назначалась, и смѣнялась, и руководилась, и была отвѣтственною исключительно предъ центральнымъ правительствомъ. Самоуправленіе затѣмъ замкнулось въ тѣсныя рамки куренной, сельской общины.

Не само конечно козачество додумалось до подобной реорганизациіи вѣковой своей жизни, но привели его къ ней историческій ходъ событій, обстоятельства внѣшнія, которыя должны были сдузить широкое приволье козачьей жизни. Подъ вліяніемъ ихъ, козачество работало несомнѣнно въ духѣ своихъ вѣковыхъ идеаловъ и сумѣло разбить безсемейную Запорожскую Сѣчь на сорокъ мелкихъ черноморскихъ сѣчей, въ основу которыхъ, по словамъ грамоты, должно было лечь „распространеніе семейственнаго житія“; но если при этомъ оно измѣнило и ограничило свою внутреннюю организацію, то это зависѣло не отъ превращенія безсемейнаго козачества въ семейное, а условливалось обстоятельствами чисто внѣшними—требованіями и интересами центрального правительства.

Но и упомянутое съчевое устройство черноморскаго козачества существовало безъ измѣненій только до 1801 года, когда войску была дана новая грамота императоромъ Павломъ, значительно измѣнившая прежнее козачье устройство и изгнавшая изъ употребленія даже нѣкоторыя названія лицъ и учреждений, заимствованныхъ черноморцами изъ Запорожской Сѣчи. Напрасно раньше, въ 1797 году, кошевой атаманъ Г. Т. Котляревскій хлопоталъ о томъ,

чтобы дозволено было войсковое правительство „именовать по прежнему Кошемъ войска вѣрныхъ черноморскихъ козаковъ“ и заботился о пожалованіи войску „бунчука и трости войсковой, поелику сіи привилегіи были въ войскѣ запорожскомъ жалованными“. Атаманъ видимо желалъ удержать хотя-бы одни вѣршія черты стараго сѣчеваго устройства, чтобы по крайней мѣрѣ они напоминали молодому козачеству о былой автономіи его дѣдовъ и отцовъ. Но центральное правительство въ свою очередь неизмѣнно шло по развѣ намѣченному пути. Въ силу упомянутой грамоты, вмѣсто „войскового правительства“, была учреждена „войсковая канцелярія“, въ которой должны были присутствовать отъ войска атаманъ и два члена, а отъ правительства „особа“ по назначенію отъ него; при канцеляріи-же долженъ былъ состоять правительственный прокуроръ. Въ дѣловомъ отношеніи, согласно съ образцами тогдашняго бюрократизма, канцелярія была раздѣлена на шесть „экспедицій“—криминальную, гражданскую, казенную, межевую, полицейскую и сыскную. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, указомъ императора Павла отъ 13 ноября, войско было раздѣлено въ военномъ отношеніи на 20 полковъ.

Въ царствованіе Александра I, указомъ отъ 25 февраля 1802 г., вновь положено было учредить „войсковое правительство съ такимъ-же числомъ присутствующихъ, какъ и въ донскомъ войскѣ“, а въ войсковой канцеляріи донскаго войска, въ силу того-же указа, повелѣно было присутствовать войсковому атаману, двумъ непремѣннымъ членамъ и четыремъ ассесорамъ, при чемъ учрежденные при Павлѣ экспедиціи, за исключеніемъ полицейской, положено было совсѣмъ уничтожить. По военскимъ дѣламъ Черноморію приказано было подчинить инспектору крымской инспекціи, а по части гражданской—таврическому губернскому начальству и „особенно управляющему губерніею“. Затѣмъ участіе въ войсковомъ правительствѣ „особаго генерала“ также рѣшено было отмѣнить, оставивъ лишь прокурора¹⁾. Такимъ образомъ, благодаря этому узаконенію, былъ сдѣланъ какъ-бы шагъ назадъ къ прежнему козацкому устройству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе войска на 20 полковъ въ военномъ отношеніи осталось въ своей силѣ.

¹⁾ Пол. собр. зак., т. XXVII, стр. 54.

По словамъ г. Пощки, старые казаки рѣзко отличали то устройство казачества, какое послѣднимъ было получено въ силу узаконеній Павла и Александра I, отъ прежняго, выраженнаго письменно въ „Порядкѣ общественной пользы“, обозначая его въ своихъ воспоминаніяхъ лаконически: „до полковъ“. И на самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи замѣчалась видимая разница, хотя разница эта началась раньше дѣленія войска на полки. Такъ, первые три кошевые атамана—Бѣлый, Чепѣга и Головатый, были еще избраны козачествомъ по старинному обычаю на войсковою радѣ и только утверждены правительствомъ; четвертый затѣмъ Котляревскій былъ уже прямо назначенъ правительствомъ, безъ всякаго выбора, и съ этихъ поръ войсковые атаманы назначались правительствомъ изъ среды козаковъ до 1855 года, когда назначеніе войсковыхъ атамановъ начало производиться изъ однихъ лицъ не козачьяго происхожденія. Грамотою императора Павла были совсѣмъ уничтожены зданія войсковаго судьи и войсковаго писаря. Дѣленіе на полки, ослабивъ отчасти у козаковъ право собственныхъ военныхъ распорядковъ, наложило на войско узы внѣшней сторопней регламентаціи. Назначеніе въ войсковую канцелярію довѣренныхъ отъ центрального правительства лицъ, помимо выраженнаго самимъ фактомъ войску недовѣрія, связывало козачью администрацію въ области самостоятельныхъ ея дѣйствій и начинаній. Однимъ словомъ, послѣдними правительственными распоряженіями окончательно были стерты слѣды собственно войсковаго козачьяго самоуправленія. Отъ запорожской Сѣчи осталось одно куренное, общинное въ тѣсномъ смыслѣ, самоуправленіе.

И такъ, начало тепершняго общиннаго самоуправленія черноморцевъ надо искать въ томъ отдаленномъ времени, когда на Черноморіи существовала куренная община, позаимствованная въ свою очередь изъ запорожской Сѣчи.

На сколько можно судить объ этомъ отдаленномъ времени, куренное самоуправленіе цѣликомъ держалось на народныхъ обычаяхъ и традиціяхъ. Писанныхъ законовъ не существовало для этой мелкой козачьей общины. Куренный атаманъ былъ лицомъ выборнымъ и ежегодно смѣняемымъ, по желанію избравшей его общины, разъ онъ былъ ей не угоденъ. Куренное общество или кругъ было традиціонною козачьею громадою, вершившею свои общественныя

дѣла на общихъ радахъ. Тутъ, на этихъ радахъ, товариство и атаманъ обсуждали свои нужды, распредѣляли выполнение общинныхъ повинностей, устанавливали извѣстнаго рода хозяйственные порядки и чинили судъ и расправу въ тѣхъ границахъ, какія позволялись имъ войсковою администраціею, но какія, впрочемъ, были не ясно опредѣлены, а потому, и еще болѣе по старой привычкѣ, часто преступались козачествомъ.

Впрочемъ, собственно въ исполнительныхъ органахъ куреннаго управленія въ разное время были вводимы нѣкоторыя измѣненія. Обычнымъ представителемъ общины былъ въ этомъ отношеніи атаманъ, при которомъ состоялъ писарь. Но затѣмъ въ одно время, кромѣ куренныхъ атамановъ, были такъ называемые сельскіе атаманы, въ другое время, именно во время водворенія переселенцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, назначались „смотрителя“ во вновь устраивавшіяся селенія. Въ концѣ концовъ куренное правленіе составляли куренной атаманъ и два куренные судьи, съ неизбѣжнымъ писаремъ, на которомъ лежало веденіе канцелярской части. Всѣ эти лица были выборными и первыя три лица, кромѣ исполнительной роли, несли обязанности ближайшей судебной инстанціи, роль которой, впрочемъ, какъ-то терялась въ куренномъ козачьемъ „кругѣ“ или „радѣ“, представлявшемъ собою высшую инстанцію козачьяго куреннаго самоуправленія.

Въ такомъ видѣ куренное самоуправленіе существовало до 1842 года, когда то, что держалось въ куренныхъ общинахъ на обычай и традиціяхъ, въ первый разъ было сформулировано и занесено въ правительственные законоположенія. Въ этомъ году вышло первое казачье Положеніе.

Положеніемъ 1842 года ¹⁾ управленіе черноморскимъ козачьимъ войскомъ было подраздѣлено на военные и гражданское. Для военнаго управленія были учреждены войсковое и окружныя дежурства. Въ гражданскомъ-же отношеніи органы управленія распадались на войсковыя, окружныя и станичныя.

Къ войсковымъ учрежденіямъ относились: 1) войсковое правленіе, 2) войсковая врачебная управа, 3) войсковая прокуратура, 4) торговый словесный судъ и 5) полиція города Екатеринодара.

¹⁾ П. С. Зак., т. XVII.

Существенный органъ въ козачьемъ управленіи представляло собственно войсковое правленіе, которое состояло изъ четырехъ экспедицій: исполнительной, хозяйственной, поземельной и гражданской.

Окружное гражданское управленіе въ свою очередь распадалось: 1) на окружную судъ, 2) окружное сыскное начальство, 3) словесный мировой судъ и 4) окружную прокуратуру въ лицѣ окружнаго стряпчаго. Существенное значеніе въ дѣлѣ козачьяго управленія имѣли собственно окружные суды и въ особенности сыскныя начальства. Въ составъ первыхъ входили судья и два засѣдателя—одинъ отъ чиновниковъ и одинъ отъ козаковъ. Такъ какъ въ засѣдатели выбирались обыкновенно лица станичными сходками, то въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, въ положеніи 1842 г. было допущено нѣчто въ родѣ участія куренной или станичной общины въ войсковомъ управленіи. Но это было именно только нѣчто. Въ силу самаго положенія, попавшія въ засѣдатели отъ козаковъ лица могли участвовать въ рѣшеніяхъ тѣхъ только дѣлъ, которыя касались станицы или козаковъ. Засѣдатели, слѣдовательно, являлись въ такихъ случаяхъ лишь защитниками интересовъ рядоваго козачества; но такая защита могла быть и группою въ рукахъ всесильнаго пана, который засѣдалъ во всѣхъ козачьихъ учрежденіяхъ и воровалъ всѣмъ, конечно, не въ обиду и не въ убытокъ себѣ.

Наконецъ, станичныя учрежденія составляли собственно органы козачьяго самоуправленія. Это были станичный сборъ и станичное правленіе, въ которыхъ выражалась юридически автономная дѣятельность станицы или вѣрнѣе станичнаго общества.

Нужно замѣтить, что нѣкоторыя статьи Положенія 1842 года о черноморскомъ войскѣ были приравнены къ однохарактернымъ статьямъ Положенія отъ 26 мая 1635 года о донскомъ войскѣ, и такъ какъ послѣднее было издано раньше перваго; то въ извѣстныхъ случаяхъ черноморскіе козаки должны были руководиться имъ. Такъ, въ области собственно станичнаго управленія черноморское войско должно было придерживаться главы XVI „Наказа гражданскому управленію войска донскаго“ и „Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданского управленія“, а также главы Положенія о порядкѣ станичныхъ выборовъ. Это конечно не означало, что станичное самоуправленіе черноморцевъ было перемѣнено на иной ладъ.

Нѣтъ, на указанныхъ пунктахъ у черноморцевъ и донцевъ было много общаго, къ которому они пришли путемъ самостоятельной жизни и развитіи.

Согласно обоимъ казачьимъ Положеніямъ и черноморскому и донскому, каждая станица въ лицѣ полноправныхъ общинниковъ представляла собою отдѣльное станичное общество, на которомъ лежали хозяйственные распорядки, касавшіеся всей станицы. Имѣлъ съ тѣмъ станичному обществу была оставлена часть правъ стариннаго казачьяго круга или рады. Такъ, общество на полномъ сборѣ могло судить и наказывать своихъ членовъ „за маловажные проступки“, „за бродяжество“ и прочее. Въ частности автономныя функции станичной общины были раздѣлены между двумя органами— станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ.

Какъ гласитъ параграфъ 115 упомянутыхъ „Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія“, станичный сборъ долженъ былъ руководиться „въ сужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ“ тѣмъ общимъ основаніемъ, „чтобы общественная собственность со стороны всякаго незаконнаго притязанія оставалась совершенно неприкосновенною, чтобы польза общая всегда предпочитаема была частной; чтобы всѣ обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто изъ нихъ не присвоивалъ не принадлежащаго ему; чтобы не было упущенъ изъ виду ни одинъ источникъ, могущій приносить станицѣ доходъ, а по расходамъ была соблюдена строгая хозяйственность и отчетность; чтобы мѣры взыскательности служили къ неослабному сохраненію и утверженію древнихъ обычаевъ, доброй нравственности по общежитію и въ семействахъ, благочестія, чиновочитанія и уваженія къ старшимъ, и всегдашней готовности къ исполненію обязанностей службы; чтобы тѣлесное наказаніе опредѣлялось по однимъ яснымъ и никакому сомнѣнію не подверженнымъ доводамъ; чтобы престарѣлые, дряхлые и больные, немѣющіе покрова, обрѣтали пристанище и успокоеніе, а сироты обезпечивались въ своемъ достояніи; чтобы искоренялось пристанодержательство подозрительныхъ людей, бродяжество нищихъ и прочее“. Самые-же подлежащіе обсужденію станичнаго сбора предметы подраздѣлялись на двѣ категоріи: по однимъ изъ нихъ, каковы „распоряженія по земельному довольствію, назначеніе опекуновъ, опредѣленіе мѣры тѣлеснаго наказанія“ и т. п., постановленія мо-

гли производиться не менѣе, какъ $\frac{2}{3}$ голосовъ всѣхъ домохозяевъ; но другимъ, какими были разборъ ссоръ и дракъ, дѣла о буйствѣ и непослушаніи въ нетрезвомъ видѣ и проч., постановленія могли производиться и неполнымъ сборомъ.

Собственно станичное правленіе представляло собою „мѣстную исполнительную власть, дѣйствовавшую на пространствѣ юрта каждой станицы.“ Въ составъ станичнаго правленія входили станичный атаманъ и двое судей, которые выбирались обществомъ на полномъ сборѣ и утверждались въ своей должности войсковымъ атаманомъ на три года. Кромѣ того, при каждомъ станичномъ правленіи полагалось по два писаря, но, по своему положенію, они не принадлежали къ составу станичной администраціи, хотя въ дѣйствительности и играли именно такую роль. Какъ исполнительному органу, станичному правленію должно было подчиняться „все народонаселеніе станицы“.

Съ другой стороны, станичному правленію была присвоена въ извѣстныхъ предѣлахъ и судебная функція. Ему было предоставлено право „неукоснительно производить словесныя изысканія, разсматривать оныя и полагать мнѣніе свое объ исправительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ, за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями, за лѣность, пьянство, буйство, распутство, обманъ всякаго рода и кражу ниже двадцати рублей, потраву чужаго хлѣба или сѣна, поврежденіе сада и прочіе подобныя поступки, не заключающіе въ себѣ важнаго преступленія“. Но въ такихъ случаяхъ, разобравъ извѣстное дѣло и записавъ кратко сущность его въ журналѣ, станичное правленіе передавало его на судъ станичнаго общества. Въ свою очередь станичное „общество, повѣривъ обстоятельства дѣла, или соглашалось съ мнѣніемъ атамана и судей, или полагало свое рѣшеніе.“ Такимъ образомъ, функціи станичнаго суда распредѣлялись между станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ, причемъ послѣднее играло роль предварительной слѣдственной власти, а первый имѣлъ значеніе высшей судебной инстанціи.

Къ тому времени, когда было издано Положеніе 1842 года о черноморскомъ войскѣ, войско это уже оконательно сложилось въ сословномъ отношеніи. То, что было только въ зародышѣ при заселеніи края, въ это время стало вполне законченнымъ фактомъ.

Прежняя старшина превратилась въ пановъ, въ дворянское сословіе. Рядомъ съ этимъ сословіемъ вышло изъ той-же среды рядоваго козачества и козачье духовенство. Занявъ опредѣленное мѣсто въ войскѣ, оба сословія стали, разумѣется, въ извѣстныя отношенія къ сѣрой массѣ. Принадлежность ихъ къ войску давала имъ права рядоваго козачества, а чиновное положеніе предоставляло преимуществу привилегированныхъ людей. Въ положеніе 1842 года въ первый разъ занесено одно изъ такихъ преимуществъ для дворянства. Помимо обычныхъ козачьихъ правъ на землю въ количествѣ 30 дес., дворянскому сословію было предоставлено въ пожизненное пользованіе по 1500 дес. на генерала, по 400 дес. на штабъ-офицера и по 200 дес. на оберъ-офицера. Это, понятно, должно было еще рѣзче выдѣлить офицеровъ и чиновниковъ изъ массы рядоваго козачества.

Исторія черноморскаго войска богата вообще фактами самаго безцеремоннаго отношенія пановъ къ куренному самоуправленію. Съ особенною яркостью выразилось это въ захватѣ панами лучшихъ земельныхъ угодій и въ исключительномъ пользованіи ими. Какъ примѣръ такихъ отношеній, можно привести здѣсь слѣдующій фактъ. Въ 1823 г. общество и атаманъ „вновь устроеннаго селенія на Албашахъ“, въслѣдствіи новодеревянковскаго куреня, послали козака Павла Вариводу къ полковому хорунжему Пичкѣ для уговора на счетъ того, чтобы Пичка не толчилъ своимъ скотомъ „кута“, оставленнаго обществомъ подъ общій для него и Пички сѣнокосъ, на что раньше изъявилъ согласіе самъ Пичка. „Но, какъ говорится въ жалобѣ атамана въ комитетъ по переселенію, ояъ, г. Пичка, не взирая на просьбу общества, посланнаго козака Вариводу первѣе разругалъ разнообразно, потомъ билъ его плетью до удовольствія своего и отобралъ плеть; еще имѣлъ противозаконныя похвалки смерти предать“¹⁾. И подобными фактами, повторяемъ, полна исторія козачьяго самоуправленія.

Само собою понятно, что тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства, рядовое козачество всячески старалось отстоять свою общинную самостоятельность. Старинные козачьи обычаи были еще сильны; козачество не могло еще забыть своей прежней автономіи, и община

¹⁾ Изъ архива новодеревянковскаго станичнаго правленія.

часто переступала тѣ границы, которыя были положены ей въ этомъ отношеніи писаннымъ закономъ. Такъ, въ той-же новодеревянковскѣй станицѣ общество постановило въ 1847 г. удалить изъ своей среды заштатнаго священника изъ козаковъ. Постановленный на этотъ счетъ приговоръ на столько любопытенъ самъ по себѣ, что не лишне будетъ привести его здѣсь въ существенныхъ чертахъ. Заштатный священникъ Иванъ Ивановъ, гласитъ приговоръ, „дѣлалъ намъ разныя притѣсненія, оскорбленія и обиды; рѣдкій изъ насъ не испыталъ отъ него нестерпимыхъ ругательствъ и побоевъ, особенно въ пьяномъ видѣ, въ коемъ онъ довольно часто упражняется“. Жалобы на священника „были нечислимы, но удовлетвореній (по нимъ) никто не получалъ“. Правда, было сдѣлано распоряженіе о высылкѣ священника Иванова въ монастырь, но оно не приведено въ исполненіе. Къ тому-же, со времени смерти жены священника, за хозяйку у него живетъ „станицы новомлинской женщина Варвара Губарева развратнаго поведенія, вздорнаго и строптиваго характера и рѣшительно испорченной нравственности. Будучи близкою къ нему, какъ домоправительница, она подстрекаетъ и вооружаетъ Иванова противъ многихъ изъ насъ“. А посему общество поручаетъ станичному правленію „ходатайствовать о скорѣйшемъ удаленіи изъ станицы, ради нашего спокойствія, вздорнаго и буйнаго священника Иванова, а его развратную и безнравственную домоправительницу Варвару Губареву заразъ удалить изъ среды насъ, куда будетъ благоугодно начальству“¹⁾. И затѣмъ подъ приговоромъ стоитъ 119 подписей.

Такимъ образомъ, куренная или станичная община была въ сущности общиною всесловною. Въ составъ ея входили вмѣстѣ съ рядовыми козаками и козачьи офицеры или чиповники, а мѣстами даже духовенство. Лица изъ дворянскаго сословія, не рѣдко выбирались станичными атаманами, хотя, по весьма понятной причинѣ, станичники и предпочитали имъ своего брата-козака. На сходахъ, въ дѣлахъ всей общины одинаково участвовали и козаки, и офицеры, и духовныя лица козачьяго происхожденія. И если объ участіи офицеровъ въ прежнемъ самоуправленіи станицъ козаки сохранили темныя воспоминанія, то лица духовныя играли иногда

¹⁾ Изъ архива новодеревянковского станичнаго правленія.

въ этомъ самоуправленіи довольно почтенную роль. Козакъ-священникъ всегда былъ уважаемымъ лицомъ въ станицѣ. За немногими исключеніями, масса сохранила объ этихъ священникахъ добрыя воспоминанія, выдѣляя ихъ изъ рядовъ остальнаго, пришлаго духовенства. Это было свое, „козаче“, по выраженію черноморцевъ, духовенство, ставшее таковымъ большею частію по „собственному призванію“, по желанію общинъ и по ходатайствимъ ихъ предъ епархіальнымъ начальствомъ путемъ представленія такъ называемыхъ „одобрительныхъ приговоровъ“. Неудивительно, что такого рода духовныя лица имѣли авторитетный голосъ по многимъ вопросамъ на станичныхъ сходахъ, которые эти лица обыкновенно обязательно посѣщали.

Инымъ путемъ и въ иныхъ формахъ шло развитіе внутреннихъ распорядковъ въ козачьихъ общинахъ Старой и Новой Линій. Съ самаго возникновенія этихъ общинъ и до 1870 года, въ жизни ихъ играло чрезвычайно важную роль военное начало. Тутъ не было такой органической связи съ прошлымъ козачества, какая чувствовалась на каждомъ шагу въ черноморскомъ войскѣ. Управление здѣсь отличалось своего рода простотою, но это была простота военной дисциплины. Общинная жизнь долго тѣла подъ покровомъ военнаго приказа и всецѣло подчинялась ему. Поэтому, и исторія дѣйствительнаго самоуправления не отличается ни характерными эпизодами самостоятельнаго развитія, ни сложностью послѣдняго.

Ядро козачьихъ общинъ на Линіи составили донскіе выходцы. Они попали сюда въ 1794 году, какъ послушники начальству, и слѣдовательно, по отношенію къ организациі самоуправления оказались еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ черноморцы. Правда, линейцы могли перенести съ собою на Кубань изъ стараго мѣстожителства вполне выработанные и сложившіеся уже порядки самоуправления донскихъ козаковъ. Но, во первыхъ, на Кубани были условія не тѣ, что на Дону, а во вторыхъ, переселенцы были водворены на Линіи, какъ мятежники. Размѣщенные въ шести станицахъ, основанныхъ на мѣстѣ бывшихъ до того военныхъ укрѣпленій, они составили кубанскій полкъ и, какъ пограничный полкъ, получили строго военную организацию. Во главѣ всѣхъ станицъ стоялъ полковой командиръ, отъ котораго зависѣла козачья старшина, командовавшая и распоряжавшаяся вмѣстѣ съ командиромъ

станциями. Собственно-же станичное самоуправленіе связано было съ мелочами обыденной жизни и держалось на обычай, при посредствѣ станичныхъ круговъ или сходовъ.

Черезъ десять лѣтъ, въ 1803 и 1804 годахъ, на Кубани было основано еще пять станицъ. Это уже были не донцы, а переселенцы изъ Слободской Украйны, входившіе раньше въ составъ екатеринославскаго войска. Получивъ такую-же военную организацію, какая дана была ихъ предшественникамъ донцамъ, эти новые поселенцы образовали особый, кавказскій полкъ. Согласно указу военной коллегіи отъ 11 іюля 1803 г., въ военномъ отношеніи полкъ этотъ долженъ былъ состоять изъ полковаго командира, 5 асауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, одного квартирмистра, одного полковаго писаря и 500 козаковъ. Но такъ какъ въ наличности не оказалось полнаго количества козачьей старшины; то инспектору кавказской инспекціи генералу Кноррингу было предписано, „чтобы онъ отрядилъ въ станицы надежнѣйшаго штабъ-офицера и приказалъ-бы въ присутствіи его учинить выборъ: во первыхъ въ войсковые старшины двухъ или трехъ кандидатовъ, достойныхъ и заслуженныхъ чиновниковъ, а потомъ въ асаулы, сотники и хорунжіе“¹⁾. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ козачеству было предоставлено одно изъ тѣхъ правъ, которое составляло существенную черту стариннаго козачьяго самоуправления. Это, впрочемъ, была лишь временная мѣра. Козаки, получивъ полковую организацію, въ отношеніи самоуправления были поставлены въ общія съ донскими выходцами условія.

Полковое устройство на долго потомъ осталось у линейцевъ господствующею формою управленія. За нимъ какъ-то ступшевывалось самоуправленіе станицъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія всецѣло были подчинены станичнымъ начальникамъ (атаманамъ), которые назначались военною администраціею изъ чиновныхъ козаковъ, а не выбирались станичными обществами, какъ это велось на Черноморіи. Въ 1832 г. изъ упомянутыхъ линейныхъ полковъ и изъ козаковъ, жившихъ въ области р. Терека, образовано одно кавказское линейное козачье войско, получившее, какъ и другія войска, своего атамана. Преобразование это не имѣло, собственно говоря

¹⁾ 1. Дебу, «О кавказской линіи», изд. 1829 г., стр. 74.

никакого вліянія на самоуправленіе линейныхъ козаковъ. Ихъ ставочныя общины остались въ этомъ отношеніи тѣми-же малозначущими единицами, какими были и прежде. Но въ высшемъ козацкомъ управленіи произошла значительная перемѣна: разрозненные до того козацкіе полки получили объединеніе подъ властію одного общаго начальника. Точно также и дальнѣйшее расширеніе войска не имѣло никакого вліянія на самый характеръ самоуправления линейцевъ. Дѣло сводилось только къ увеличенію козацкихъ полковъ, организованныхъ по разъ принятому шаблону. Такъ, одновременно съ образованіемъ кавказскаго линейнаго войска, въ козацество былъ зачисленъ цѣлый рядъ крестьянскихъ, смежныхъ съ козацкими землями, поселеній. Такимъ-же путемъ, въ формѣ полковъ, занята была впоследствии Новая или Лабинская Линія.

Нужно вообще замѣтить, что по отношенію къ организаціи линейнаго козачества центральнымъ правительствомъ на первыхъ порахъ не было издано ни жалованныхъ грамотъ, ни соответствующихъ имъ, общихъ регламентирующихъ законовъ. Исторія самоуправления линейныхъ козаковъ въ этомъ отношеніи значительно разнится отъ исторіи самоуправления черноморцевъ. Линейный козакъ всегда жилъ болѣе военною дисциплинированою жизнью, чѣмъ черноморецъ. Приказы начальства замѣняли ему законъ центрального правительства, и это, разумѣется, находилось въ ближайшей связи съ тою ролью, которая лежала на линейцѣ, какъ пограничномъ воинѣ. Однако, не смотря на то, что военный режимъ сдерживалъ козака въ границахъ возложенныхъ на него обязанностей и что у домашняго очага козакъ находилъ свои обычные порядки, свой судъ и расправу, необходимость въ общемъ, объединяющемъ все козацье управленіе, законъ должна была чувствоваться по мѣрѣ расширенія войска, съ каждымъ годомъ, все сильнѣе и сильнѣе. Такой законъ дѣйствительно и былъ выработанъ впоследствии въ формѣ „Положенія о кавказскомъ козацкомъ линейномъ войскѣ“ отъ 16 февраля 1845 года¹⁾.

Въ силу Положенія 1845 года, войско было раздѣлено на 17 полковыхъ округовъ, а управленіе его разграничено на военное и гражданское. Вообще-же мѣстное управленіе составляли: 1) вой-

¹⁾ Пол. собр. зак., т. XX.

сковой наказный атаманъ, 2) войсковое дежурство, 3) войсковое правленіе, 4) бригадные управленія, 5) временныя военно-судныя комиссіи, 6) полковыя и станичныя управленія и 7) торговый словесный судъ. Въ хозяйственномъ отношеніи для войска имѣло большое значеніе войсковое правленіе; по отношенію-же собственно къ гражданскому управленію существенную роль играли, съ одной стороны, бригадные и полковыя управленія, а съ другой станичныя управленія. Всѣ эти учрежденія были связаны между собою въ порядкѣ восходящихъ инстанцій: низшую инстанцію составляли станичныя управленія, а высшую—бригадные. Бригадные управленія состояли изъ командира и его канцеляріи, которою заправлялъ бригадный адъютантъ. Въ составъ-же полковыхъ управленій входили предсѣдатель, которымъ былъ полковой командиръ, и 4 или 3 засѣдателя, назначавшіеся исключительно изъ отставныхъ чиновниковъ. Наконецъ, станичныя управленія представляли собою собственно уже органы козачьяго самоуправления.

Такимъ образомъ, старинный козачій строй линейцевъ, державшійся на дѣленіи войска на полки, остался неизмѣннымъ и по положенію 1845 года. Были лишь расширены рамки высшаго козачьяго управленія, при чемъ военное начало, какъ регулирующий факторъ, по прежнему легло въ основу всѣхъ козачьихъ распорядковъ. Это ярко отразилось на самой станичной общинѣ.

Станичное самоуправленіе линейцевъ значительно отличается отъ такого-же самоуправления у донскихъ и черноморскихъ козаковъ. Существенное отличіе линейныхъ общинъ въ этомъ отношеніи составляла организація станичныхъ управленій. Въ составъ этихъ учрежденій входили станичный начальникъ и двое судей, но выборными лицами были лишь послѣдніе. Въ силу параграфа 289 положенія, станичные начальники назначались войсковою администраціею и, притомъ, исключительно изъ войсковыхъ офицеровъ или чиновниковъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ одинъ владикавказскій полкъ, да и то не въ пользу козачьяго самоуправления. Во владикавказскомъ полку, за отсутствіемъ козачьихъ офицеровъ, дозволялось даже назначать станичными начальниками офицеровъ регулярныхъ войскъ. Наконецъ, самое опредѣленіе станичныхъ начальниковъ производилось войсковымъ наказнымъ атаманомъ по представленію бригадныхъ командировъ.

Такое положеніе станичнаго начальника, какъ независимаго ни въ какомъ отношеніи отъ общины лица, обуславливалось чисто военными обстоятельствами. Въдаля гражданское управленіе станицы, станичный начальникъ былъ по преимуществу военнымъ командиромъ. Такъ, на немъ лежали обязанности принимать въ чрезвычайныхъ случаяхъ „всѣ мѣры къ предупрежденію и отраженію внезапныхъ нападеній на станицу горцевъ“; „онъ заботился, дабы ровъ и валъ около станицы всегда были содержимы въ должной исправности“; онъ долженъ былъ слѣдить за караулами станицы; станичный начальникъ „наблюдалъ, чтобы жители станицы, тамъ, гдѣ это по мѣстности необходимо, выходя на полевныя работы или сѣнокосы, всегда имѣли при себѣ оружіе, на случай внезапнаго нападенія хищниковъ“; на станичномъ же начальникѣ лежали заботы по обученію строевой службѣ малолѣтковъ. Такимъ образомъ, одинъ уже этотъ перечень обязанностей станичнаго начальника указываетъ на ту роль, какую играло это лице въ станичномъ самоуправленіи: послѣднее всецѣло было подчинено станичному начальнику.

Та же печать военной субординаціи лежала на отношеніяхъ общины даже къ своимъ выборнымъ лицамъ. Судьи выбирались обыкновенно общинами на три года, но, по занимаемому ими положенію, они отличались отъ станичныхъ судей черноморскаго войска. Въ послѣднемъ судьей былъ рядовой казакъ и самое его положеніе, по мимо лежавшихъ на немъ обязанностей, не давало ему никакихъ исключительныхъ правъ на мѣсто въ войсковой чиновной іерархіи. На Линіи-же судья, если онъ даже не былъ офицеромъ, пользовался правами послѣдняго по положенію 1845 года. Какъ относились сами козаки къ судьямъ, это отчасти можно видѣть изъ слѣдующаго случая. 2 мая, какъ повѣствуется въ общественномъ приговорѣ станицы вознесенской за 1841 годъ, двое судей и два казака приходили мимо дома казака Золотова; на завалинкѣ у дома сидѣла въ это время жена Золотова и казачка Азарова. Послѣдняя сказала одному изъ судей: „отчего ты не скинешь шапки?“ на что судья отвѣтилъ: „у меня сзади глазъ не имѣется“ и просилъ ее болѣе не смѣяться, за что другой судья, также вступааясь, сказалъ Азаровой, что она смѣяться надъ судьей не должна, ибо она женщина и женщина безъ поведенія“. Результатомъ была драка, въ которой принялъ участіе и мужъ Азаровой. И вотъ, раз-

сматривая это дѣло, сходъ присудилъ за оскорбленіе судей „козачку Азарову, въ примѣръ другимъ, наказать при сборѣ общества и женщинъ чрезъ десятскихъ розгами“, а мужа Азаровой посадить въ карцеръ на три дня на хлѣбъ и воду¹⁾. Такъ до безобразія усердно относилась сама община къ охранѣ чести своихъ не сдержанныхъ на языкѣ, но пользовавшихся правами хоруужихъ, судей!

Вообще періодъ заправленія станицами со стороны станичныхъ начальниковъ по назначенію памятенъ для линейца, какъ періодъ его безправія и своеволія чиновнаго люда. Жаль общину и козака въ это время не одинъ станичный начальникъ, а вся вообще чиновная старшина. Козаки и теперь еще живо вспоминаютъ, какъ развозили они во время праздниковъ, куръ, гусей, утокъ, индѣекъ, свиней и другую живность и съѣстные припасы по разнымъ управленіямъ, какъ за всякую малость приходилось имъ платиться кровными копѣйками разнымъ чиновнымъ воротиламъ, какъ тяжелы были натуральныя повинности, которыя они несли въ интересахъ упроченія хозяйствъ чиновной олигархіи! Конечно, и тогда, какъ теперь, было не безъ добрыхъ и честныхъ людей. Но, при узкихъ рамкахъ станичнаго самоуправления, съ одной стороны, и при давленіи чиновнаго козака, съ другой, станичное населеніе терпѣло больше обидъ и несправедливостей, чѣмъ въ настоящее время. Вотъ почему съ введеніемъ въ дѣйствіе положенія 1870 года о козачьихъ войскахъ, давшего больше простора станичному самоуправленію, не одна община вспомнила и поставила на видъ грѣхи своимъ прежнимъ начальникамъ. Въ нашихъ рукахъ находится довольно характерный въ этомъ отношеніи документъ въ формѣ общественнаго приговора, которымъ общество положило исключить бывшаго своего бригаднаго командира „изъ общества и посемейныхъ списковъ, какъ зачисленнаго безъ согласія общества“. Общество постановило вмѣстѣ съ тѣмъ отобрать у исключеннаго имъ генерала участокъ земли въ 400 десятинъ, обративъ его въ общій юртъ, а за исполненныя, въ періодъ командованія имъ бригадою, работы станичными жителями взыскаъ чрезъ судъ „примѣрно по крайней мѣрѣ по тысячѣ рублей, а всего за 12 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ 12,900 рублей сер.“ Конечно, съ официальной точки зрѣнія, общество не имѣло права ни исключать изъ своихъ чле-

¹⁾ Изъ архива вознесенскаго станичнаго правленія.

новъ генерала, ни отбирать у него высочайше пожалованный участокъ земли; но дѣло тутъ очевидно не въ допущенной обществомъ ошибкѣ, а въ самомъ фактѣ отношенія послѣдняго къ такой когда-то важной особѣ, какъ командиръ. Видно, не легко давались бригадные порядки козаку, разъ онъ рѣшился выразить такой маловѣроятный въ лѣтописяхъ военнаго люда протестъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что на отмѣченную роль чиновнаго козачества въ станичныхъ общинахъ въ сильнѣйшей степени вліяло то обстоятельство, что общины эти носили всесловный характеръ. Какъ и черноморцы, линейные офицеры вышли главнымъ образомъ изъ среды рядоваго козачества. Какъ и на Черпоморіи, въ старолінейныхъ общинахъ офицеръ имѣлъ права рядоваго козака илюсь преимущества привилегированнаго члена общины. Неудивительно, поэтому, что въ дѣлахъ общины онъ могъ творить, что хотѣлъ, слѣдуя правилу: большому кораблю — большое и плаваніе. Это было для него тѣмъ удобнѣе, что самъ онъ является въ такихъ случаяхъ и судьбою, и подсудимымъ. Бригадный, полковой, члены военно-судныхъ комиссій, разные засѣдатели, адъютанты, станичные начальники и пр., и пр.—все это были свои люди, люди чиновные, облеченные властью и склонные, какъ всѣ люди, не забывать себя и своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе, даже при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, самоуправленіе не было мертвою буквою для станичныхъ общинъ. Да иначе и не могло быть, пока земля была общественною, пока живы были козацьи круги, обычаи и традиціи...

Соединеніе въ 1860 г. черноморскаго войска съ нѣсколькими бригадами бывшаго кавказскаго линейнаго не имѣло никакого вліянія на измѣненія въ станичномъ самоуправленіи составныхъ частей. Каждая часть вошла въ составъ, какъ самостоятельное цѣлое, и для черноморскаго войска оставлено было въ прежней силѣ положеніе 1842 года, а бывшіе линейцы должны были руководиться положеніемъ 1845 года. Измѣненія коснулись лишь положенія и правъ наказнаго атамана. Прежде наказный атаманъ зависѣлъ отъ командующаго войсками, который въ свою очередь находился въ подчиненіи у главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. При образованіи кубанской и терской областей положено было званіе наказнаго атамана соединить съ обязанностями начальника области и командующаго войсками. Значить, положеніе

наказнаго атамана сдѣлалось болѣе почетнымъ и значительнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было „изъ статей, составлявшихъ доходъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, тѣ, которыя находились въ исключительномъ районѣ одного какого-либо полка или бригады (какъ напримѣръ: желтеникъ, нефть, рыболовство при устьяхъ Терека и т. п.) отчислить безъ раздѣленія въ то войско, куда поступаетъ часть, которой эта статья присвоена или въ районѣ которой находится“¹⁾. А войсковою капиталъ терскаго войска положено было раздѣлить между обѣими, кубанскою и терскою, частями, что и было произведено, на основаніи распоряженія отъ 16 сентября 1861 года, по расчету 99,708 десятинъ отошедшихъ въ кубанское войско и 54,341 десятины въ терское²⁾.

Точно также и при заселеніи Закубанья въ станичномъ самоуправленіи кубанскихъ козаковъ не произошло никакихъ перемѣнъ. вновь населенныя станицы были разбиты на полки и бригады, а въ дѣлахъ управленія опредѣлено было руководиться положеніемъ 1845 года о бывшемъ кавказскомъ линейномъ войскѣ.

Такъ шли дѣла до 1870 годъ, когда было издано „Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ“. Строго разграничивъ функціи станичныхъ обществъ и станичныхъ правленій, положеніе это совершенно выдѣлило станичный судъ, придавъ ему характеръ крестьянскаго волостнаго суда, и положило въ основу станичныхъ, учрежденій выборное начало. Такимъ образомъ, красная нить козачьяго общиннаго самоуправленія не порвалась въ теченіе восьмидесятилѣтняго существованія козачьихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ кубанской области, но привела въ концѣ концовъ къ практикѣ нынѣшняго станичнаго самоуправленія.

Ф. Щербина.

¹⁾ П. С. Зак., т. XXV, стр. 11.

²⁾ П. С. Зак., т. XVI, стр. 11.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкого¹⁾.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

I. ДѢТСТВО.

Родился я въ полтавской губерніи, пирятинскаго уѣзда, въ селеніи Малютенцахъ. Первые годы дѣтства моего протекли въ Петербургѣ. Отецъ мой служилъ въ гвардіи, полковникомъ конной артиллеріи; предъ нимъ разстилалось блестящее служебное поприще. Мать моя, дочь малороссійскаго помѣщика, извѣстная въ краѣ своими добродѣтелями, была осуществленіемъ идеи женскаго совершенства въ нравственномъ отношеніи.

Родъ нашъ происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Иллирии, родоначальникомъ которой, по Длугошу, извѣстному историку, былъ Зоардъ, полководецъ Аттилы. Гербъ нашъ Корчакъ, дополненный

¹⁾ Авторъ предлагаемыхъ Записокъ, покойный Петръ Димитріевичъ Селецкій скончался въ г. Кіевѣ въ 1879 г. въ званіи гофмейстера и въ должности кіевскаго губернскаго предводителя дворянства. Этихъ степеней онъ достигъ продолжительною своею службою, скромною, но честною и безпритязательною. 30-ть лѣтъ ирвелъ онъ на службѣ въ Кіевѣ сперва въ должности чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, потомъ вицегубернатора и вмѣстѣ члена совѣта кіевскаго института и наконецъ предводителя дворянства по назначенію отъ правительства. Если къ этому прибавить 4-ре года университетскаго образованія, проведенныя имъ также въ Кіевѣ, то окажется, что всюю своею сознательною жизнью онъ принадлежитъ Кіеву и можетъ быть названъ по этому кіевляниномъ, позднѣйшей, конечно формациі.

въ верхней половинѣ щита, въ голуомъ полѣ, крестомъ надъ полумѣсяцемъ и звѣздами, внесенъ въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи (часть III, отдѣленіе 1-е, страница 106). Предки мои, переселись въ Россію въ тысячу пятисотыхъ годахъ, служили всегда вѣрою и правдою своему новому отечеству.

Пращуръ мой былъ бунчуковымъ товарищемъ, два сына его: Лаврентій и Иванъ Яковлевичи Селецкіе были женаты: первый на Лизогубовой, второй на Апостоль. Прадѣдъ мой Лаврентій Яковлевичъ служилъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ, братъ его Иванъ екатеринославскимъ губернаторомъ и впоследствии новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1798 г. См. „Русская Старина“, октябрь 1875 г. Статья: Князь Потемкинъ-Тавричскій, стр. 261, 263). Во время пребыванія въ Кіевѣ императрицы Екаторины II въ 1787 году, 21 апрѣля Лаврентій Яковлевичъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и получилъ большой брилліантовый перстень (Дневникъ предводителя дворянства Полетики, Андрея, 1787 г). Сверхъ этого, ея величество въ ознаменованіе своего особеннаго благоволенія къ почтъ-директору Малороссіи благоволила подарить Лаврентію Яковлевичу дорожный золо-

По своему происхожденію, Петръ Дянитріевичъ принадлежалъ къ старинному южно-русскому роду и представляетъ собою послѣднюю ея отрасль, переродившуюся на почвѣ общерусской и даже общеевропейской.

Записки П. Д. Селецкаго, представляя полную его автобіографію, вѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ ближайшую къ намъ по времени жизнь кіевского, преимущественно высшаго общества и мѣстной администраціи, и въ этомъ отношеніи представляютъ для насъ современниковъ весьма интересныя и любопытныя данныя, а для будущаго историка края цѣнный и, быть можетъ, во многомъ ничѣмъ инымъ не замѣнимый матеріалъ. Записки дышатъ искренностію и правдивостію, которыя отличали автора и во всей его жизни. Авторъ не рисуется, но просто передаетъ то, что подпадало его умственному наблюденію въ его-ли собственной жизни, или въ жизни другихъ, при чемъ не обходитъ ни своихъ, ни чужихъ слабостей, увлеченій и погрѣшностей, но говоритъ о нихъ съ тою скромностію и сдержанностію, которыя составляли отличительныя его черты. Записки начаты въ то время, когда авторъ достигъ полнаго своего развитія, когда угасли страсти, установились взгляды, убѣжденія и отношенія, когда прожитое прежде было много разъ передумано и осмыслено, когда на смѣну прежней разбросанности и нѣкотораго разгула пришла сосредоточенность и могли сложиться то спокойствіе и безпристрастіе, которыя проходятъ по всемъ

ченный чайный сервизъ. Погребецъ съ этимъ сервизомъ постоянно переходилъ къ старшему въ родѣ, въ потомствѣ Лаврентія Яковлевича. У Ивана Яковлевича было двѣ дочери: старшая за Синельниковымъ, младшая за Алексѣевымъ: мужекаго поколѣнія онъ не оставилъ. У Лаврентія Яковлевича было три сына и три дочери. Старшій сынъ, Петръ, мой дѣдъ, служилъ генеральнымъ судьей въ Черниговѣ и женился на В. Я. Лукашевичъ; второй сынъ, Василій, былъ женатъ на княжнѣ Е. М. Долгоруковой, сестрѣ князя Ивана Михайловича, писателя. Вотъ статья, посвященная памяти Василя Лаврентьевича въ „Кашницѣ моего сердца“ Долгорукаго:

„Февраля 20. Селецкой. † 1831. Василій Лаврентьевичъ, зять мой родной, мужъ сестры моей, человекъ обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ отличную честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но, не имѣя возможности на ней жениться, потому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину Малороссию и тамъ прожилъ лѣтъ двадцать, не давая о себѣ никакой вѣсти. Съ тою же скоропостижною, съ какою оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ

рассказамъ и сужденіямъ автора. Описываемое имъ время, лица и происшествія, которыхъ онъ касается, какъ личность и жизнь его самого—все это такъ не далеко отъ насъ, такъ свѣжо въ памяти у многихъ, что передаваемые имъ свѣдѣнія и сужденія могутъ быть проверены и дополнены многими изъ читателей, безъ особыхъ объясненій. Извѣстная доброта Петра Димитріевича, его искренія обязанность и особая мягкость души—послѣдствіе его исключительнаго воспитанія кладутъ особый отпечатокъ на его Записки.

Мы печатаемъ Записки въ полномъ ихъ видѣ, не выпуская даже описанія заграничнаго путешествія Петра Димитріевича, безъ котораго многое осталось-бы непонятнымъ въ его жизни и личности и которое само собою представляетъ много любопытныхъ подробностей о знакомствѣ автора Записокъ съ такими знаменитыми музыкальнаго міра, какъ Илль, Мендельсономъ, Мейерберомъ и др. При этомъ мы и не пребуемъ касаться ни біографіи, ни характеристики самаго автора, полагая, что его Записки послужатъ первымъ и едва-ли не лучшимъ для того матеріаломъ.

Въ заключеніе считаемъ должемъ выразить нашу искреннюю благодарность за сообщеніе Записокъ Григорію Евгеньевичу Бразолью, къ которому они перешли по ближайшему родству его съ П. Д. Селецкимъ.—Ред.

Чернигова къ сестрѣ моеѣ письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея; сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ, раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, жепился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкій примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ какъ мать моя скончалась, и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ рядной, выдѣлять ей часть изъ имѣнія, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ оной въ пользу дочерей моихъ и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступилъ столь нѣжно и благодѣтельно! Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его, нежели родству, а потому—то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ: ибо здѣсь побудительной причинойъ былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: „свой своему по неволѣ другъ“, а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число родила сестра сына: онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость!“

Третій сынъ Лаврентія Яковлевича, Яковъ, былъ женатъ на Шагаровой. Три дочери Лаврентія Яковлевича были замужемъ: первая за Милорадовичемъ, вторая за Кандыбой, третья за Иваненко. У Петра Лаврентьевича было три сына: Дмитрій, мой отецъ, женатый на Марьѣ Даниловнѣ Вукаловичевой, Андрей и Михаилъ—умерли холостыми.

У Василія Лаврентьевича былъ сынъ Михаилъ, у него три сына отъ двухъ браковъ: Михаилъ, Викторъ и Николай. У Якова Лаврентьевича было двѣ дочери: старшая за П. С. Джунковскимъ, младшая за Н. В. Синельниковымъ.

Состояніе наше было хорошее: за моими родителями числилось болѣе тысячи душъ. Я имѣлъ четырехъ сестеръ, но на мнѣ сосредоточивалась вся нѣжность материнской любви и отеческихъ заботъ. Меня держали однако довольно строго. Я безотчетно боялся отца и безпрѣдѣльно любилъ мать. Была у меня еще бабушка, со стороны матери, добрѣйшая и почтенная старушка, проводившая все свое время въ мо-

литвѣ и постѣ. Она меня любила и баловала болѣе всѣхъ; къ ней я былъ очень привязанъ и читалъ какъ святую. Дѣдовъ моихъ не помню; изъ разсказовъ матушки знаю, что Петръ Лаврентьевичъ пользовался большимъ почетомъ въ черниговской губерніи, былъ очень уменъ и образованъ, а дѣдушка Даніиль Андреевичъ обладалъ рѣдкими качествами души, необыкновенною прямою характера и замѣчательнымъ остроуміемъ. Мать моя всегда съ благоговѣніемъ отзывалась о своемъ отцѣ, называла его лучшимъ изъ людей, и никогда не могла вспомнить о немъ безъ слезъ.

Нрава я былъ добраго, но любилъ порѣзвиться и пошалѣть; роетомъ необыкновенно великъ, очень худъ и слабago сложенія. Характеръ былъ у меня веселый; я былъ впрочемъ склоненъ къ мечтательности и нерѣдко задумчивость замѣняла шумную дѣтскую рѣзвость. Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, меня перевезли въ деревню; тамъ я прожилъ до одиннадцати лѣтъ. Нравственнымъ и религіознымъ моимъ воспитаніемъ занималась матушка, она-же учила меня музыкѣ. Губернаторъ былъ французъ, науки преподавалъ русскій учитель.

Отецъ мой заставлялъ меня ѣздить верхомъ. На воспитаніе мое вообще было обращено большое вниманіе, издержекъ не жалѣли, надзоръ за мною былъ бдительный. Но когда отецъ и матушка уѣзжали и я оставался съ бабушкой и наставниками, своеволие брало верхъ надъ подчиненностью.

Изъ деревенской жизни мнѣ памяты два обстоятельства. Однажды, зимой, у незнакомой дамы, ѣхавшей въ Казань, сломался экипажъ у дома нашего, находящагося на большой почтовой дорогѣ, и пока его чинили, она пробыла у насъ цѣлый день. Путешественница, довольно молодая еще женщина, очень понравилась мнѣ, ласкала меня, много говорила объ отдаленныхъ странахъ, гдѣ жила, и съ которыми я былъ знакомъ только изъ географическихъ картъ, и предложила мнѣ, конечно шутя, уѣхать съ ней тайкомъ въ Казань; любовь къ путешествіямъ такъ сильно развита была во мнѣ, что, не смотря на безпредѣльную привязанность мою къ матери и бабушкѣ, я тотъ часъ согласился слѣдовать за незнакомкой. Въ сумерки, когда пришли доложить, что экипажъ путешественницы готовъ, я ушелъ въ свою комнату,

надѣлъ теплое платье, взялъ часть своихъ пожитковъ и отпавился къ воротамъ ожидать похитительницу: подѣхалъ ея возокъ, и въ него вошелъ съ поспѣшностью; но вмѣсто путешественницы въ возкѣ сидѣла моя мать...

Воспитанный женщиною и окруженный почти одними женщинами, я съ дѣтства особенно полюбилъ прекрасную половину человѣчества: изъ мужчинъ я зналъ коротко только гувернера и учителя, они давали мнѣ весьма посредственное понятіе о нашемъ полѣ, и поэтому я всегда чувствовалъ большое влеченіе къ женщинамъ вообще, а лѣтъ съ девяти къ одной въ особенности. То была прелестная генеральша Г..... Състь поближе къ ней, поцѣловать ея ручку, услужить ей чѣмъ нибудь, было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Но недолго оставался я вѣрнымъ своей первой привязанности: на одиннадцатомъ году мнѣ понравилась г-жа Г..... Давно не видѣвши ее, въ одно прекрасное утро я усакалъ къ ней въ деревню, верхомъ, за десять верстъ. Меня приняли очень ласково, но когда узнали, что я пріѣхалъ одинъ и безъ позволенія, то, не смотря на слезы и моленія, отпавили обратно въ экипажѣ, въ сопровожденіи двухъ служителей. Со стыдомъ и оскорбленнымъ чувствомъ самолюбія возвратился я домой и пересталъ думать о г-жѣ Г..... До одиннадцати лѣтъ я велъ себя довольно хорошо; очень любилъ моего наставника, умнаго, добраго и тихаго Антона Никитича, одного изъ лучшихъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи и циталъ особое нерасположеніе къ гувернеру французу за его строгость и частыя жалобы на мое любимое занятіе гулять въ саду въ сырую погоду и подставлять голову во время дождя подъ водосточныя трубы. Строгость вообще дѣйствовала на меня довольно дурно: я становился еще непослушнѣе и упрямѣе, когда хотѣли поступать со мною круто; но всегда смирялся предъ кроткими словами моей матери. Занимался я прилежно, и въ одиннадцать лѣтъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, и пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ тѣхъ предметахъ, которые преподавалъ мнѣ русскій учитель.

Ближайшимъ сосѣдомъ нашимъ и моимъ крестнымъ отцемъ былъ дальній родственникъ нашъ, графъ Александръ Петровичъ Завадовскій. Онъ меня очень любилъ, и я часто бывалъ у него въ Тепловкѣ; въ

праздники иногда меня отпускали къ нему на цѣлый день. Завадовскій былъ отличный стрѣлокъ; я имѣлъ страсть къ стрѣльбѣ, и какъ сынъ артиллериста, получалъ часто въ подарокъ пушки и пистолеты, но игрушками этими не довольствовался, и присутствуя при упражненіяхъ Завадовскаго въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ въ вдѣланные въ стѣну ножи, просилъ его выучить меня стрѣлять хорошо изъ его пистолетовъ. Графъ подарилъ мнѣ пару превосходныхъ небольшихъ кухенрейтеровъ и заставлялъ стрѣлять изъ нихъ. Я вскорѣ сдѣлалъ большіе усилки въ этомъ дѣлѣ и кончилъ тѣмъ, что на разстояніи двадцати шаговъ попадалъ въ цѣль и рѣзалъ пули объ остріе ножей. Завадовскій былъ въ восторгѣ и сталъ меня ласкать болѣе прежняго. Въ Тепловкѣ бывали ярмарки. Нерѣдко Завадовскій сажалъ меня въ свой шарабанъ, которымъ самъ правилъ, и мы отправлялись на ярмарку, около церкви. Въ шарабанѣ всегда лежало нѣсколько мѣшковъ съ серебряной монетой, и графъ доставлялъ мнѣ удовольствіе, заставляя бросать народу деньги: широкой рукой исполнялъ я это порученіе, и мы обыкновенно возвращались домой съ пустыми мѣшками. Зачастую Александръ Петровичъ приказывалъ своему груму покупать множество разныхъ *женскихх* украшеній у ярмарочныхъ продавцевъ и заставлялъ меня дарить серьги, ожерелья, платочки и т. п. сельскимъ красавицамъ. Привычки щедрости крестнаго отца доставили мнѣ однажды случай проявить свою собственную: бабушка мнѣ ни въ чемъ не отказывала и предупреждала мои желанія; у ней въ комодѣ всегда былъ запасъ звонкой монеты, — выдвинуть, бывало, ящикъ съ деньгами и позволить мнѣ наполнить ими мои карманы. Въ одно прекрасное утро такимъ образомъ я взялъ у нее довольно много разной монеты и роздалъ все прислугѣ къ предстоявшей ярмаркѣ. Выдала меня ключница, и я получилъ порядочный нагоняй отъ матушки и отца за излишнюю щедрость, съ угрозою наказанія за рецидиву и отобранія денегъ, которыми надѣляла бабушка.

Ѣздилъ я съ графомъ Завадовскимъ и верхомъ, но верховал ѣзда мнѣ не давалась: никогда не могъ порядочно сидѣть на лошади, въ особенности на англійскомъ сѣдлѣ. Доставалось мнѣ часто отъ отца за неумѣніе держать себя хорошо на лошади. Александръ Петровичъ совѣтовалъ моему отцу заставлять меня дѣлать гимнастическія упражненія

и учиться фехтованію. При этомъ, помню, какъ онъ разсказывалъ исторію своей дуэли въ Италіи съ однимъ маркизомъ на шпагахъ, въ подтвержденіе необходимости умѣть владѣть этимъ *оружіемъ*. Графъ плохо владѣлъ шпагой, но не могъ отказаться отъ дуэли на шпагахъ, будучи слишкомъ хорошо извѣстнымъ стрѣлкомъ изъ пистолета. Маркизь, отличный боець, поскользнулся и падая наткнулся на шпагу Завадовскаго. Исходъ дуэли былъ несчастный: маркизь умеръ, какъ умеръ и Шереметевъ, вслѣдствіе дуэли на пистолетахъ съ Александромъ Петровичемъ. „Правду сказала Lenormand, присовокупилъ послѣ разсказа Завадовскій, она мнѣ предсказала долгую жизнь и смерть въ моей постели“. Кстати о Шереметевѣ: не разъ говорилъ о немъ при мнѣ Завадовскій съ глубокимъ сожалѣніемъ. Дуэль состоялась изъ-за танцовщицы Истоминой. Секундантами были: Грибоѣдовъ со стороны графа и Якубовичъ со стороны Василя Александровича Шереметева: Шереметевъ стрѣлялъ первый, пуля скользнула по воротнику сюртука Завадовскаго. Завадовскій не имѣлъ намѣренія убить Шереметева и по просьбѣ Грибоѣдова готовился сдѣлать умышленный промахъ; но выведенный изъ терпѣнія Шереметевымъ, сказавшимъ, что если Завадовскій выстрѣлитъ на воздухъ, то рано или поздно онъ убьетъ Завадовскаго, Александръ Петровичъ потребовалъ Шереметева къ барьеру и ранилъ его въ животъ. Шереметевъ вскорѣ умеръ отъ этой раны. Завадовскій за дуэль былъ высланъ за границу, а Якубовичъ переведенъ въ армію и посланъ на Кавказъ, гдѣ встрѣтилъ Грибоѣдова, дрался съ нимъ на пистолетахъ и ранилъ Грибоѣдова въ кисть лѣвой руки.

Злая судьба, говаривалъ Завадовскій, сдѣлала меня два раза убійцей; печальная необходимость заставляла драться, но въ дѣлѣ чести уклоняться отъ дуэли нельзя, поэтому нужно пріучиться хорошо владѣть всякимъ оружіемъ, и въ правомъ дѣлѣ, какъ ни грустно, лучше сдѣлаться невольнымъ убійцей, чѣмъ быть убитымъ.

Не смотря на свои слабости и чисто англійскія причуды, графъ Александръ Петровичъ въ существѣ былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человекъ.

Грибоѣдовъ списалъ съ него своего князя Григорія.

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху морить,

Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка».

(Горе отъ ума).

И дѣйствительно это была личность типичная въ высшей степени. Высокій, худощавый, съ выразительнымъ, нѣсколько рябоватымъ лицомъ, очень длинными руками и тонкими ногами, съ рѣчью сквозь зубы, не всегда удобопонятною, въ эксцентрическихъ туалетахъ англійскаго покроя и съ манерами истаго британца, Александръ Петровичъ въ былое время былъ очень оригиналенъ и слылъ чудакомъ, но безспорно былъ уменъ и отлично образованъ.

Я привязался къ нему всемъ сердцемъ, вполне подчинился его влиянію и сталъ усваивать его манеры. Подражаніе было на столько удачно, что приводило въ негодованіе моего отца. Вслѣдствіе моего отвѣта на замѣчаніе отца по этому предмету, что держу себя какъ Александръ Петровичъ, мнѣ было сказано, что запретять ѣздить въ Тепловку, если не исправлюсь.

Не смотря на это, я до того началъ проникаться англоманіей, что однажды на вопросъ моего дорогого Александра Петровича, чѣмъ хочешь быть? я отвѣтилъ: хочу быть лордомъ. Въ награду получалъ шотландскую шапочку съ бантомъ и лентами;—къ большому огорченію моему не только мнѣ запрещено было ее носить, но въ теченіи цѣлой недѣли меня ни разу не пустили къ Завадовскому.

Вскорѣ любезность моего крестнаго отца вознаградила меня за это лишеніе. Онъ пріѣхалъ къ намъ и упросилъ отца моего отпустить меня въ Драбовъ, къ брату Завадовскаго, графу Василию Петровичу. Посѣщеніе Драбова доставило мнѣ большое удовольствіе. Хотя Драбовъ не могъ сравниться съ Тепловкой ни по мѣстоположенію, ни по постройкамъ и садамъ, я былъ въ восторгѣ отъ молодой супруги хозяина, красавицы графини Елены Михайловны, рожденной Влодекъ. Не стану описывать ея наружность: нѣтъ возможности передать неуловимую прелесть ея лица, гибкость стана, грацію и симпатичность, которыми была проникнута вся ея особа; довольно сказать, что она была въ свое время извѣстною красавицей и ея гравированные портреты служили лучшимъ украшеніемъ кипсековъ. Идея красоты, чувство прекраснаго сильно развивались во мнѣ, и графиня на меня произвела глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе не осталось незамѣченнымъ: меня ласкали, баловали въ Драбовѣ, и я уѣхалъ оттуда съ слезами на глазахъ, вполне оча-

ровичей Еленой Михайловной. Мужъ ея, графъ Василій Петровичъ былъ очень красивъ, привѣтливъ, но нравился мнѣ менѣе своего брата.

По возвращеніи домой, я сдѣлался задумчивымъ, постоянно мечталъ о графинѣ Завадовской, часто говорилъ о ней съ моею матушкой.

Дальнѣйшее пребываніе мое въ деревнѣ, не могло принести мнѣ никакой пользы и поэтому родители мои предположили отдать меня въ пансіонъ, въ одинъ изъ ближайшихъ губернскихъ городовъ.

II. Пансіонъ.

Въ Харьковѣ мать моя, осмотрѣвъ все учебныя заведенія, рѣшилась помѣстить меня въ пансіонъ Р. Я былъ принятъ въ пансіонѣ воспитанниками, какъ обыкновенно принимаютъ новичковъ; надо мной сначала смѣялись, подвергали разнымъ испытаніямъ; но когда убѣдились, что я мало обращалъ вниманія на насмѣшки товарищей и что стоялъ выше многихъ по образованію, то меня оставили въ покоѣ. Иногда впрочемъ доставалось мнѣ за мою привязанность къ матери, о которой я никогда не могъ вспоминать равнодушно; но и тутъ оскорбляемое чувство говорило во мнѣ такъ сильно и краснорѣчиво, что вскорѣ отлучилъ я товарищей моихъ насмѣхаться надо мною и заставилъ ихъ уважать и въ другихъ чувство сыновней привязанности.

Содержателемъ нашего пансіона былъ почтенный шестидесяти лѣтній старикъ, итальянецъ по фамиліи, нѣмецъ по религіи, французъ по службѣ и воспитанію. Звали его Карломъ Ивановичемъ. Онъ служилъ въ Наполеоновской арміи капитаномъ инженеровъ. Всѣхъ воспитанниковъ своихъ онъ дѣлилъ на двѣ категоріи: добрыхъ и злыхъ. Первые назывались бѣлыми душами, вторые черными. Сверхъ этого существовало еще различіе въ пансіонерахъ по количеству платы за нихъ вносимой; тѣ, за которыхъ платили больше, пользовались особенными матеріальными выгодами и не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Я попалъ прямо въ число бѣлыхъ душъ, а какъ за меня вносили больше обыкновенной платы, то въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался любимымъ воспитанникомъ Карла Ивановича. Онъ до того полюбилъ меня, что поручилъ своей супругѣ Каролинѣ Ивановнѣ мое музыкальное

образованіе. Четыре раза въ недѣлю, являлся я къ ней брать уроки музыки на фортепьяно; она была очень довольна моимъ прилежаніемъ и способностями, и въ ознаменованіе своего благоволенія заставляла меня разыгрывать въ четыре руки разные пьесы съ единственною ея дочерью Аделаидою Карловною, прехорошенькой дѣвочкой лѣтъ пятнадцати.

У насъ было три класса, и чрезъ полгода послѣ моего поступленія въ пансіонъ, меня перевели во второй, за отличные успѣхи. Все шло какъ нельзя лучше. Карлъ Ивановичъ въ письмахъ къ моей матери не могъ довольно нахвалиться мною, и я достигъ самой большой милости: мнѣ дозволилось лѣтомъ во всякое время ходить въ садъ Карла Ивановича и кушать тамъ фрукты. Этимъ преимуществомъ пользовались очень не многіе, но строжайше было запрещено уносить фрукты изъ сада для себя или для другихъ.

Первое паденіе мое совершилось, какъ и паденіе перваго человѣка, посредствомъ запрещеннаго плода. Любимцы Карла Ивановича, накушавшись вдоволь фруктовъ, возвращаясь изъ сада, около воротъ всегда были осматриваемы надзирателемъ или содержателемъ пансіона. Между товарищами былъ у меня одинъ пріятель, бѣдный по состоянію, не знатный происхожденіемъ и хотя бѣлый душою, но не пользовавшійся дозволеніемъ ходить въ садъ Карла Ивановича. Часто просилъ онъ меня принести ему грушу или яблоко и не рѣдко удавалось мнѣ исполнить его просьбу, положивъ фрукты подъ мышки; но въ одинъ вечеръ хитрость моя была открыта, мнѣ запретили ходить въ садъ, и Карлъ Ивановичъ пересталъ ласкать меня. Нашелъ я впрочемъ вознагражденіе въ Каролинѣ Ивановнѣ: послѣ каждаго урока она приказывала Аделаидѣ Карловнѣ подчивать меня разными лакомствами. Тронутый этимъ вниманіемъ, я болѣе и болѣе привязывался къ хорошенькой Адели, цѣловалъ ея ручки и необъясненно скоро разучивалъ пьесы, которыя мы играли вмѣстѣ. Вскорѣ я замѣтилъ, что и Адели находила удовольствіе въ моемъ обществѣ и что я ей нравился. Мы стали видѣться чаще, свиданья продолжались долѣе: мы любили другъ друга. Недолго впрочемъ наслаждались этимъ счастьемъ: однажды Карлъ Ивановичъ вошелъ неожиданно въ комнату, гдѣ я бралъ уроки музыки, и увидѣлъ, что вмѣсто игры на фортепьяно, я упражнялся

съ Аделаидой Карловной въ сладкихъ поцѣлуяхъ. Негодованію Карла Ивановича не было конца: онъ меня тотчасъ разжаловалъ въ черныя души и посадилъ въ карцеръ на три дня. Что сдѣлалось съ бѣдненькой Аделью, мнѣ было неизвѣстно и неизвѣстность эта увеличивала горечь моего положенія.

Когда я вышелъ изъ карцера, мнѣ наступилъ четырнадцатый годъ. Въ пансіонѣ все измѣнилось для меня: изъ любимцевъ я попалъ въ опальные, надзиратели и учителя стали обращаться со мною строго и не всегда вѣжливо; впрочемъ я нашелъ еще нѣкоторое утѣшеніе въ дружбѣ моихъ товарищей: въ немилости они стали любить меня болѣе, чѣмъ въ счастливыя времена. Я былъ однако увѣренъ, что невзгода скоро пройдетъ, что со временемъ меня опять возведутъ въ достоинство любимца, и поэтому никогда не участвовалъ въ шалостяхъ товарищей и продолжалъ учебныя занятія съ большимъ прилежаніемъ. Наступило время экзаменовъ: меня перевели въ третій классъ, съ награжденіемъ похвальнымъ листомъ, и отпустили на каникулы въ деревню. Мать моя была совершенно счастлива моими успѣхами въ наукахъ. Отецъ мой былъ произведенъ въ генералы, назначенъ начальникомъ артиллерійской дивизіи и квартировалъ недалеко отъ насъ. Мы видѣлись часто, онъ сталъ ласкать меня болѣе прежняго, чувство страха во мнѣ исчезло, и я привязался къ нему съ увлеченіемъ свойственнымъ юности.

Я росъ очень быстро, и въ слѣдствіе этого у меня развилась необыкновенная въ мои лѣта болѣзнь: сильная грудная боль и кровахарканіе. Родители мои были въ отчаяніи; но попеченія ихъ и искусство медика Шеффера, жившаго въ Прилукахъ, не далеко отъ нашей деревни, совершенно излечили меня.

Я выѣзжалъ къ сосѣдямъ и очень любилъ деревенскіе балы; на одномъ изъ нихъ, данномъ теткою моего отца г-жею В., я встрѣтилъ дѣвицу В., недавно вышедшую изъ института; она была прекрасна и такъ понравилась мнѣ, что въ самомъ разгарѣ бала я отправился въ садъ, чтобы сорвать пунцовую гвоздику и принести ей въ замѣнъ той, которую я вытащилъ изъ ея букета и спряталъ на память. На дворѣ было сыро и холодно. За мной послали, чтобы меня воротить, я убѣжалъ дальше и воротился чрезъ полчаса съ гвоздикой. Результатомъ

моей любезности была сильная горячка, прoderжавшая меня дней двадцать въ постели. Когда я выздоровѣлъ, мать моя прочла мнѣ длинное наставленіе о пылкости моего характера, объ огорченіяхъ ей нанесенныхъ моею болѣзнію, и я обѣщала быть впредь благоразумнѣе. Драгоценная гвоздика была однако засушена и доставила мнѣ много пріятныхъ минутъ. И кто изъ васъ, читатель, не былъ счастливъ сладкимъ раздумьемъ, восторженной мечтой надъ цвѣткомъ пріобрѣтеннымъ отъ любимой особы?

Возвратясь въ пансіонъ, я сталъ заниматься науками по прежнему съ усердіемъ, но Карлъ Ивановичъ не любилъ меня и началъ дѣлать мнѣ разныя непріятности: не пускалъ иногда со двора, не смотря на добросовѣстныя мои занятія и хорошее поведеніе; ставилъ дурныя отмѣтки изъ фортификаціи, которую намъ преподавалъ въ старшемъ классѣ, и продолжалъ звать меня черной душой. Кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, пансіонеровъ отпускали въ городъ въ день ихъ рожденія и именинъ. Чтобы вознаграждать тѣ праздники, когда меня оставляли въ пансіонѣ безъ всякой причины, я нѣсколько разъ въ годъ праздновалъ свое рожденіе и именины; это мнѣ удавалось потому, что память Карла Ивановича притупилась отъ старости, и онъ не помнилъ нашихъ именъ. Зрѣніе содержателя пансіона тоже значительно ослабѣло, и этотъ недугъ послужилъ мнѣ однажды какъ щель лучше. Сердце мое было тогда занято сестрою одного изъ моихъ товарищей; я былъ знакомъ съ ея родителями, и они довольно часто приглашали меня къ себѣ и возили въ театръ. Въ театрѣ давали по большей части драмы и трагедіи; любимой пьесой всѣхъ пансіонеровъ была: „Жизнь игрока“. Меня пригласили на одно изъ представленій этой пьесы, но Карлъ Ивановичъ не пустилъ. Въ себя отъ негодованія, я рѣшился его обмануть довольно оригинально. Въ частномъ женскомъ пансіонѣ оканчивала свои науки моя дальняя родственница, дѣвица С.; я вытребовалъ отъ нея полный женскій туалетъ, который мнѣ пришлось въ пору, упробить брата нравившейся мнѣ дѣвицы пріѣхать за мной въ каретѣ и называть меня своей сестрой. Подъ именемъ этой дѣвицы, явился я къ Карлу Ивановичу съ просьбою отпустить въ театръ нѣсколькихъ пансіонеровъ, и меня въ томъ числѣ. Въ кабинетѣ Карла Ивановича

царствовалъ полумракъ: въ очахъ и зеленомъ зонтикѣ, почтенный старикъ не узналъ меня, поцѣловалъ мою руку, — тогда подходили еще къ ручкѣ, — и снисходя къ убѣдительной просьбѣ хорошенькой дѣвицы, за которую меня принялъ, онъ отпустилъ насъ. Въ дамскомъ нарядѣ нельзя было явиться къ родителямъ моего товарища, я перемѣнилъ туалетъ и провелъ вечеръ очень весело. Шалость моя впрочемъ вскорѣ была открыта. Больше всего Карлъ Ивановичъ негодовалъ на то, что я осмѣлился дать ему поцѣловать мою руку. Меня посадили въ карцеръ на хлѣбъ, на воду; вышедши изъ карцера по истеченіи недѣли, я сдѣлался страшилищемъ Карла Ивановича и любимцемъ моихъ товарищей. Мнѣ наступилъ тогда пятнадцатый годъ.

Еслибы со мною обращались ласково, то я-бы опять возвратился къ добру, но разнаго рода вритѣсеніямъ не было конца: необыкновенная строгость и что еще хуже — несправедливость возмутили меня: я сдѣлался зачинщикомъ всѣхъ шалостей и диктаторомъ товарищей. Весь классъ сталъ учить уроки только тѣхъ преподавателей, которые нравились мнѣ, поэтому фортификація и латинскій языкъ шли очень дурно. Въмѣсто крѣпостей, чертили башенки и рисовали домики съ огородами, а на вопросы учителя латинскаго языка не рѣдко весь классъ отвѣчалъ бляешиемъ, потому что у учителя были курчавые волосы и онъ очень походилъ на барана.

Всѣ шалости въ пансіонахъ, всѣ непріятности, дѣлаемые учениками надзирателямъ и учителямъ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы распространяться о нихъ, да всего и не вспомнишь. Запалъ мнѣ впрочемъ въ память побѣтъ, сдѣланный подъ моей командой изъ пансіона. Верстахъ въ семи отъ города была дача, принадлежавшая богатому помѣщику; на дачѣ этой давали балъ, на который насъ не пустили. Не долго думая, въ сумерки мы усаkali верхомъ на лошадяхъ знакомыхъ намъ уланскихъ офицеровъ изъ Чугуева, въ числѣ которыхъ былъ Жакъ д. Б., нашъ соедѣ по деревнѣ и большой мой пріятель, и потанцовавши вдоволь, воротились въ пансіонъ на разсвѣтъ.

Карлъ Ивановичъ часто жаловался на меня матери моей, въ перепискѣ съ нею, но никогда не объявлялъ ей всѣхъ подробностей моихъ шалостей, боясь лишиться пансіонера, за котораго платили исправно.

Сближалось время окончанія годичнаго курса; оставаться болѣе въ пансіонѣ было бесполезно: я отчетливо зналъ все, что тамъ преподавали въ послѣднемъ классѣ, исключая фортификаціи и латинскаго языка, и поэтому просилъ моихъ родителей не оставлять меня долѣе у Карла Ивановича. Наступили экзамены, я ихъ выдержалъ очень хорошо, игралъ на актѣ концертъ Гуммеля съ оркестромъ, и безъ всякаго сожалѣнія расстался съ Карломъ Ивановичемъ и его пансіономъ.

III. Высшее училище.

Отецъ мой вышелъ въ отставку въ 1835 году и поселился въ деревнѣ; онъ рѣшился везти меня въ Петербургъ и отдать въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній. Мать моя сопровождала насъ; мы поѣхали на Москву и въ Москвѣ прожили нѣсколько недѣль. Я съ большимъ вниманіемъ осматривалъ достопримѣчательности древней столицы, и Москва понравилась мнѣ, какъ нельзя болѣе. Мы квартировали у родственника моего отца, А. А. Ригельмана, весьма умнаго и пріятнаго старика, жепатаго на П. Г. Галаганъ. Единственный ихъ сынъ, Н. А. Ригельманъ, только что поступилъ тогда въ московскій университетъ по словесному факультету; при немъ находился еще гувернеръ. Я очень подружился съ молодымъ Ригельманомъ.

Въ Петербургъ мы пріѣхали поздно осенью; городъ этотъ съ перваго разу произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе, въ которомъ я не могъ дать себѣ отчета. Прошло двѣ недѣли: я ни разу не видѣлъ солнца; густой туманъ, проникавшій меня своею сыростью, въ особенности былъ мнѣ ненавистенъ.

По долгомъ размышленіи, куда меня помѣстить для окончанія воспитанія, предположено было, что я поступлю во вновь открывавшееся высшее гражданское училище. Зданіе этого училища еще не было совершенно готово, и по совѣту директора меня отдали къ одному изъ его родственниковъ, инженерному капитану, занимавшемуся приготовленіемъ молодыхъ людей къ поступленію въ разныя учебныя заведенія, для того чтобы приготовить меня къ экзамену. Инженерный капитанъ взялъ за это значительную плату и занимался мною очень мало. Эк-

заменя въпрочемъ я выдержалъ въ третій классъ открывшагося училища очень удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ; но изъ латинскаго языка получилъ такую дурную отмѣтку, что вмѣсто третьяго класса меня помѣстили во второй. Послѣ пріемнаго экзамена родители мои уѣхали: я остался у инженернаго капитана и прожилъ у него четыре мѣсяца до поступленія въ училище.

Людей занимающихся приготовленіемъ юношества въ учебныя заведенія очень много въ Петербургѣ, и занятіе это приноситъ большія выгоды. Впрочемъ очень не многіе изъ преподавателей исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, а по большей части довольствуются полученіемъ значительной платы за пансіонеровъ и занимаются ими очень мало. Такъ было и со мною: капитанъ, послѣ экзамена въ училищѣ, не обращалъ на меня ни какого вниманія, за мной не было надзора, я пересталъ учиться, каждый вечеръ ѣздилъ въ театръ, велъ жизнь довольно разбѣянную и пріучился къ совершенному своеволію.

Наступило время поступленія въ училище. Первые дни прошли довольно сносно: новость моего положенія занимала меня, но, всмотрѣвшись ближе въ подробности предстоявшей жизни, меня взяло раздумье. Вставать въ 6 часовъ утра, умываться въ общемъ мѣдномъ умывальникѣ, строиться въ ряды, чтобы итти къ молитвѣ, сидѣть въ классѣ на урокѣ, какъ въ клѣткѣ, не имѣя возможности дать свободы своимъ движеніямъ, писать и болѣе думать о томъ, чтобы не закапать скамейку чернилами, нежели о томъ, что пишешь, отправляться по командѣ на обѣдъ и выходить изъ за стола совершенно голоднымъ, не смѣть заниматься чѣмъ-бы то ни было въ рекреационной залѣ, когда приказано отдыхать и веселиться, итти стройными рядами въ спальню, раздѣваться и складывать по формѣ свое платье на табуретѣ, не имѣть возможности укрыться чѣмъ-нибудь теплымъ, кромѣ легкаго одѣяла, въ огромной комнатѣ со стѣнами подъ мраморъ и съ одинадцатью градусами тепла въ зимнее время, засыпать непременно чрезъ четверть часа и спать не иначе, какъ на правомъ боку, — всему этому, какъ оно ни было для меня дико и непріятно, я подчинился съ стоическою твердостью. Но не выходить изъ училища въ будни, а только по праздникамъ, и то не иначе, какъ если за вами пришлютъ кого-нибудь съ

такъ называемымъ родственнымъ билетомъ, на которомъ означены фамилія воспитанника и адресъ родственника или знакомаго, берущаго воспитанника къ себѣ на домъ, ходить и ѣздить въ городъ непременно въ сопровожденіи лакея, бывать въ театрѣ только въ ложахъ и то всегда съ родными, никогда не заходить въ кондитерскія и не ѣздить на извозчикахъ,—на это я никакъ не могъ согласиться, привыкнувъ во время пребыванія моего у инженернаго капитана не стѣсняться подобными мелочами. Товарищи меня полюбили за мой веселый, беззаботный характеръ, начальникамъ я не совсѣмъ нравился потому, что не всегда исполнялъ обязанности, возложенныя на воспитанниковъ.

За двѣ недѣли до поступленія моего въ училище, я познакомился у моихъ родственниковъ съ одной молодой еще дамой, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе своею красотою и крѣпко заинтересовала своимъ положеніемъ. Ей было двадцать восемь лѣтъ, а супругу ея насчитывали за шестьдесятъ. Она была совершенная красавица, а мужъ уродливый старикъ. Она была жива и игрива по молодости и по природѣ, ее звали Лаурой, родомъ она была итальянка, а Иванъ Васильевичъ Б., за котораго она вышла замужъ, былъ флегматикъ самой непріятной наружности и, казалось, не имѣлъ большаго расположенія къ своей супругѣ. Полюбить эту очаровательную женщину со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ юноши было для меня дѣломъ одного мгновенія. Я вскорѣ совершенно предался этой страсти и выдумывалъ разные предлоги, чтобы чаще видѣть госпожу Б. Сначала я только пользовался позволеніемъ выходить изъ училища по праздникамъ; но родные мои иногда не присылали за мною, и, чтобы не проводить въ училищѣ тѣхъ счастливыхъ дней, въ которые я могъ видѣться съ Лаурой, я нанялъ особаго служителя, и его единственною обязанностью было являться съ родственнымъ билетомъ въ училище по праздникамъ и воскресеньямъ и объявлять воспитателямъ (такъ назывались у насъ надзиратели и гувернеры), что присланъ за мною отъ г. К., дальняго моего родственника, на имя котораго былъ написанъ училищный билетъ.

Привязанность моя къ Лаурѣ такъ быстро развилась, что жизнь въ училищѣ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлалась для меня

невыносимой. Цѣлые дни проводилъ я въ мечтахъ о прелестной итальянкѣ, всю недѣлю жилъ надеждой видѣть ее въ воскресенье. Науками я занимался очень мало, или совсѣмъ не занимался, но этого не замѣчали мои наставники, потому что въ классѣ, въ который я поступилъ, читали предметы давно мнѣ знакомые. Въ музыкѣ я дѣлалъ замѣтные успѣхи; они обратили на меня вниманіе высокаго покровителя нашего училища. Кромѣ фортепьяно, я игралъ на віолончели, и игра на этомъ инструментѣ служила мнѣ большимъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ моемъ положеніи. Попечитель нашего училища очень любилъ музыку и заставилъ меня и Сѣрова учиться на віолончели; учителемъ нашимъ былъ Кнехтъ. Изъ всѣхъ инструментовъ звуки віолончели болѣе другихъ походятъ на человѣческій голосъ и болѣе другихъ способны выражать чувства наши. Въ звукахъ этого инструмента такъ много пѣвучести, въ меланхолическомъ пѣніи его такъ много безотрадной тоски, что віолончель сильно дѣйствуетъ на душу, въ особенности, когда она настроена грустью...

Прошло четыре мѣсяца со дня поступленія моего въ училище, и знакомство мое съ Лаурой съ каждымъ праздникомъ дѣлалось короче, привязанность моя къ ней становилась сильнѣе. Меня принимали очень ласково: старикъ мужъ смотрѣлъ на меня, какъ на доброе дитя, развлекавшее иногда своими разказами и любезностями его жену, а Лаура такъ привыкла ко мнѣ, что считала совершенно своимъ. Она очень любила музыку, пѣла превосходно и часто заставляла меня аккомпанировать на фортепьяно или на віолончели. Привязанности моей она, казалось, не замѣчала, или лучше сказать не замѣчала въ ней увлеченія, съ которымъ я любилъ. Изъ веселаго и рѣзваго отрока я сдѣлался задумчивымъ, мечтательнымъ юношей, товарищи меня не узнавали; съ потерей веселости я потерялъ ихъ расположеніе, въ шалостяхъ ихъ никогда не участвовалъ, никому не повѣрялъ своей тайны, но изыскивалъ средства почаще выходить изъ училища.

Не такъ то легко было укрыться отъ бдительныхъ глазъ безчисленныхъ училищныхъ аргузовъ. Весьма многимъ изъ предписанныхъ правилъ я не могъ подчиняться и очень часто попадался въ отпуску нашимъ надзирателямъ на извощикѣ, или пѣшкомъ безъ лакея, или въ

театръ въ креслахъ, или въ кондитерской за чашкой кофе. Эти преступленія строго у насъ наказывались. На первыхъ порахъ я упрямивалъ надзирателей не доносить обо мнѣ директору, потомъ отдѣльвался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подарками, но, наконецъ, былъ подверженъ отвѣтственности, и нѣсколько праздниковъ сряду просидѣлъ въ училищѣ. Чтобы избавиться отъ этихъ непріятностей, я рѣшился не носить въ отпуску училищнаго мундира, заказалъ себѣ партикулярное платье и черный парикъ, измѣнявшій нѣсколько цвѣтъ моихъ волосъ, купилъ очки и досталъ помады тѣлеснаго цвѣта, которою закрашивалъ большое родимое пятно, находящееся у меня надъ лѣвымъ глазомъ. Переодѣтый такимъ образомъ, я безпрепятственно могъ ходить и ѣздить по городу и безнаказанно проводить дни отпуска, гдѣ и какъ хотѣлъ. Для того же, чтобы почаще отлучаться изъ училища, я придумалъ новое средство. Въ больницѣ были особыя комнаты для опасно больныхъ и для тѣхъ, у которыхъ была какая нибудь прилипчивая болѣзнь; иногда впрочемъ и обыкновеннымъ больнымъ отводили эти комнаты. Надзиратель больницы получалъ отъ меня постоянное вознагражденіе за разныя снисхожденія и часто отводилъ мнѣ особую комнату, изъ которой былъ выходъ по лѣстницѣ на дворъ. Директоръ имѣлъ привычку посѣщать больницу ежедневно нѣсколько разъ и вечеромъ приходилъ обыкновенно въ восемь часовъ; послѣ вечерняго посѣщенія директора, надзиратель по большей части или уходилъ со двора, или ложился спать, въ полной увѣренности, что больные спятъ. Я подкупилъ одного изъ фельдшеровъ и въ дни его дежурства, чрезъ день, послѣ восьми часовъ вечера отправлялся къ Лаурѣ или въ театръ и возвращался часамъ къ двѣнадцати.

Устроивъ такимъ образомъ свободные выходы изъ училища, чтобы пользоваться ими нѣсколько разъ въ недѣлю, я долженъ былъ часто сказываться больнымъ, и докторъ нашъ С. запретилъ, наконецъ, принимать меня въ больницу. Тогда я притворился больнымъ бѣлою горячкою, дозволилъ терзать себя всѣми средствами, употребляемыми къ излеченію этой болѣзни: глоталъ приписываемыя микстуры, съ стоическою твердостью выдержалъ два раза кровопускательныя банки и совершенно успѣлъ обмануть нашего доктора и другаго эскулапа, призваннаго для

консультации. Бѣлая горячка продолжалась полтора мѣсяца, и въ этотъ періодъ страсть моя развилась до крайнихъ предѣловъ; я видѣлъ Лауру почти каждый вечеръ и любилъ ее съ новымъ увлеченіемъ. Скрывать долѣе чувствъ моихъ я не могъ и высказалъ ихъ Лаурѣ. Она хотѣла обратить мое признаніе въ шутку, но я былъ такъ краснорѣчивъ, такъ настойчивъ, слова мои были такъ чистосердечны, привязанность моя такъ неподдѣльна, что нельзя было не выслушать меня серьезно. Въ отвѣтъ Лауры, основанномъ не на чувствѣ оскорбленнаго достоинства, а на твердомъ сознаніи непоколебимости своего долга и всѣхъ его обязанностей, если и не было высказано полного сочувствія ко мнѣ, то я могъ однакоже замѣтить нѣкоторое участіе къ моему положенію, нѣсколько состраданія. Этотъ проблескъ какого-то чувства, не враждебнаго мнѣ, желаніе Лауры вразумить меня и объяснить привязанность мою дѣтскимъ увлеченіемъ, ея совѣты оставались въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ и не говорить ей болѣе о любви моей—самолюбіе мое перетолковало иначе: въ словахъ ея, казалось мнѣ, выразилось сожалѣніе не только ко мнѣ, но и сожалѣніе, хотя не ясно высказанное о положеніи ея самой; въ глазахъ-же ея, въ черныхъ, томныхъ и очаровательныхъ, я прочелъ болѣе, чѣмъ ожидалъ, и остался совершенно доволенъ моимъ объясненіемъ. Пламенное воображеніе мое рисовало въ будущности картины счастья, и инстинктъ говорилъ мнѣ, что грезы мои осуществляются. Изъ тихаго, робкаго чувства привязанность моя перешла въ такое сильное, восторженное увлеченіе, въ такую пылкую необузданную страсть, что въ порывахъ любви моей я часто спрашивалъ себя: дѣйствительно-ли притворяюсь больнымъ и не помѣшался-ли въ самомъ дѣлѣ?

Скоро прошло время пребыванія моего въ больницѣ; мой добрый геній, фельдшеръ, покровительствовавшій мнѣ, заболѣлъ и на мѣсто его назначили другаго, который о предложеніи моемъ выпускать меня по вечерамъ доложилъ директору; къ счастью это предложеніе приняли за новое доказательство болѣзненнаго моего состоянія; но выходить изъ больницы я уже не могъ и по необходимости долженъ былъ выздоровѣть въ непродолжительномъ времени. Какъ и прежде, я сталъ видѣться съ Лаурою только по праздникамъ и воскресеньямъ и продолжалъ ходить въ городъ въ партикулярномъ платьѣ.

Однажды, въ вечеру, Лауры не было дома, и я отправился въ большой театр. Давали любимую мою оперу: „Роберта Дьявола“ Мейербера. Великолѣпная постановка этой оперы, занимательное либретто, однимъ словомъ все въ этомъ образцовомъ произведеніи вкуса, геніальности, музыкальной учености и счастливаго вдохновенія, производило на меня невыразимо пріятное впечатлѣніе. Я сидѣлъ въ креслахъ; кончился первый актъ, я окинулъ взоромъ всѣхъ моихъ сосѣдей и не замѣтилъ между ними ни одного знакомаго лица: подлѣ меня было пустое мѣсто. Въ началѣ втораго акта, это мѣсто занялъ г. Т., надзиратель нашего училища, одинъ изъ самыхъ лютыхъ враговъ моихъ, нѣмецъ родомъ, маленькій ростомъ, близорукой и очень непріятной наружности. Онъ начинаетъ всматриваться въ меня и, кажется, узнаеть. Тогда между нами завязывается слѣдующій разговоръ:

— Послушайте, какъ вы смѣете ходить одни въ театръ и въ партикулярномъ платьѣ?

— Милостивый государь, не мѣшайте мнѣ слушать прекрасную музыку Мейербера.

— Я васъ серьезно спрашиваю, какъ вы смѣете быть здѣсь, и не въ мундирѣ.

— Вы со мной-ли говорите?

— Съ кѣмъ-же, какъ не съ вами?

— Въ такомъ случаѣ я васъ не понимаю.

— Вы меня не понимаете, такъ поймете сейчасъ: не угодно-ли вамъ сію минуту ѣхать со мною?

— Извините, не могу удовлетворить вашему желанію: я очень люблю музыку „Роберта“ и не намѣренъ уѣхать изъ театра до окончанія пьесы.

— Такъ вы еще не слушаете меня? Будеть-же вамъ.

— Вы, милостивый государь, или не въ своемъ умѣ, или ошибаетесь и принимаете меня за другаго.

— Нѣтъ, С., я васъ знаю слишкомъ хорошо, чтобы принять за другаго.

— Я дѣйствительно С., но не понимаю, какое право даетъ вамъ эта фамилія говорить мнѣ грубости.

— Вы еще насмѣхаетесь надо мной, такъ погодите-же, завтра въ училищѣ я съ вами раздѣлаюсь.

— А! Вы быть можете изъ училища N?

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— И вѣроятно служите тамъ инспекторомъ или воспитателемъ?

— Вы, кажется, въ этомъ не совершенно увѣрены?

— Теперь я понимаю въ чемъ дѣло. Вы приняли меня за моего брата, который воспитывается въ училищѣ N.; ошибиться впрочемъ не трудно, мы очень похожи другъ на друга, но я нѣсколько старше брата, у него волосы свѣтлѣе моихъ, и у меня нѣтъ родимаго пятна надъ глазомъ, по которому брата моего тотчасъ можно узнать.

— Извините, я дѣйствительно принялъ васъ за вашего брата, но онъ такой повѣса еще разъ прошу меня извинить.

Зная нѣсколько слабыя струны нашего T., я въ разговорѣ такъ къ нему поддѣлался, что онъ былъ отъ меня въ восторгѣ; въ особенности понравилось ему мое сужденіе о музыкѣ вообще и о нѣмецкой въ особенности.

Передъ пятымъ актомъ я его просилъ передать моему брату нѣсколько денегъ, увѣривъ его, что не могу прийти скоро въ училище, по случаю предстоящей поѣздки на нѣсколько дней изъ Петербурга, и въ концѣ представленія уѣхалъ изъ театра.

Мы расстались большими пріятелями. На другой день T., не отдавая мнѣ денегъ, полученныхъ имъ наканунѣ, а сказавъ, что сохранить ихъ для моихъ надобностей (имѣть деньги воспитанникамъ запрещалось), рассыпался въ похвалахъ моему брату, говорилъ, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, очень солидный, имѣетъ много свѣдѣній, долженъ быть отличнымъ музыкантомъ, и совѣтовалъ мнѣ брать съ него во всемъ примѣръ.

Черезъ нѣсколько дней я рассказалъ объ этомъ происшествіи одному изъ моихъ товарищей, взявъ съ него честное слово, что сохранить его въ тайнѣ. Вскорѣ въ училищѣ не было другаго разговора, какъ о походеженіи моемъ съ T.

Надзоръ за мной сдѣлался строже, узнали, что приходилъ съ родственнымъ билетомъ нарочно нанятый для этого лакей, что у род-

ныхъ моихъ бываю очень рѣдко и что хожу въ городѣ въ партикулярномъ платьѣ. Это такія преступленія, за которыя не могло быть помилованія. Меня засадили на двѣ недѣли въ карцеръ и въ теченіи мѣсяца запретили выходить изъ училища.

Первые дни моего заключенія были для меня невыносимы. Постоянный мракъ, царствовавшій въ темницѣ, невозможность ни встать, ни ходить, — такъ былъ малъ нашъ карцеръ, лишеніе всѣхъ средствъ къ занятіямъ доводили меня до отчаянія, а мысль, что въ теченіи шести недѣль не буду видѣть Лауры, терзала меня болѣе всего. Казалось, не могло быть положенія болѣе затруднительнаго, и я узналъ тогда на опытъ, какъ невыносимо одиночное темничное заключеніе.

Но и въ эти горькія минуты мой добрый геній не оставилъ меня. На этотъ разъ онъ явился въ видѣ карцернаго сторожа, который, послѣ трехдневнаго бдительнаго надзора, сжалился надо мною и за незначительную плату согласился давать мнѣ свободу по вечерамъ, послѣ девяти часовъ. Вскорѣ я свыкъся съ моимъ положеніемъ, и когда меня выпустили изъ карцера, я очень жалѣлъ, что время заключенія продолжалось не долго. Изъ карцера я могъ уходить и видѣть Лауру, а изъ училища не было возможности исчезнуть незамѣченнымъ. По этому я употребилъ карцеръ, какъ средство для свиданій съ Лаурою, и началъ дѣлать множество разныхъ шалостей, въ училищахъ обыкновенно называемыхъ школьничествомъ, какъ на примѣръ: капалъ изъ пера чернило на лысую голову учителя нѣмецкаго языка, сдергивалъ парикъ съ профессора физики, подражалъ лаю собакъ, когда преподаватель англійскаго языка заставлялъ меня спрягать глаголы, и тому подобное. За всѣ эти продѣлки меня сажали въ карцеръ; но наказаніе это такъ часто повторялось и, казалось, было такъ недѣйствительно, что чѣмъ чаще меня сажали въ карцеръ, тѣмъ больше я шалилъ, и карцеръ былъ занятъ мною почти постоянно. Тогда директоръ, начинавшій, вѣроятно, подозрѣвать что-нибудь, приказалъ сажать меня вмѣсто карцера въ отдѣльную комнату при больницѣ, изъ которой не было уже никакой возможности уйти, ибо ключъ хранился у самаго лютаго врага моего Т., такъ удачно обманутаго мной въ театрѣ. Къ заключенію прибавили еще другое наказаніе — голодъ, и какъ я ни былъ терпѣливъ, но не могъ перенести всѣхъ истязаній, которымъ меня подвергли.

Независимо отъ обязанности наказывать, у директора развилось ко мнѣ враждебное чувство, которое обратилось въ злое, недостойное мщеніе; онъ хотѣлъ выместить на мнѣ все насмѣшки наши надъ нимъ и его семействомъ, составлявшимъ порядочное собраніе уродовъ, и все непріятности, которыя воспитанники дѣлали надзирателямъ и учителямъ, въ полной увѣренности, что я былъ главной пружиной всехъ безпорядковъ и шалостей.

Дальнѣйшее пребываніе въ училищѣ сдѣлалось для меня невозможнымъ. Я писалъ моему отцу и умолялъ его взять меня изъ училища. Краснорѣчивое письмо мое, продиктованное невыносимымъ страданіемъ отъ стѣсненія личности, было прочтено директоромъ, и когда онъ убѣдился, что я рѣшительно не хочу оставаться въ училищѣ, то воспользовался отсутствіемъ изъ Петербурга нашего попечителя и, сдѣлавшись главнымъ начальникомъ въ училищѣ, довелъ меня до крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Наконецъ, въ классѣ при всехъ ученикахъ насаждалъ мнѣ столько грубостей и употребилъ такіа выраженія, которыхъ врожденная мнѣ гордость не могла снести. Я ему отвѣчалъ тѣмъ-же, въ слѣдствіе чего и былъ исключенъ изъ училища.

Однимъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ моей жизни былъ день моего исключенія: я оставилъ училище, какъ оставляетъ узникъ свою темницу. Я жалѣлъ только о томъ, что нашего попечителя не было тогда въ Петербургѣ, и я не могъ объяснить ему моего поведенія. Мнѣ не хотѣлось оставить въ памяти высокаго покровителя нашего дурнаго воспоминанія обо мнѣ. Онъ всегда былъ такъ ласковъ ко мнѣ, принималъ такое участіе въ моемъ положеніи, что каждый разъ, когда директоръ докладывалъ о моихъ шалостяхъ, онъ призывалъ меня къ себѣ и съ истинно родительскою любовью увѣщевалъ меня и просилъ исправиться; не смотря на неизмѣримое разстояніе между нами, я иногда готовъ былъ высказать ему все и признаться въ моей любви; онъ былъ еще молодъ, онъ, быть можетъ, понялъ-бы меня, и тогда жизнь моя получила-бы совсѣмъ другое направленіе. Но смѣлости мнѣ не доставало, врожденная застѣнчивость и ложный стыдъ заграждали мнѣ уста.

Сколько разъ добрый, незабвенный покровитель, во время пребыванія моего въ училищѣ, писалъ я тебѣ, и въ письмахъ моихъ громко

говорило чувство неподдѣльнаго раскаянія въ проступкахъ молодости, искренней преданности тебѣ и разумнаго пониманія началъ добра! Ты любилъ ихъ, эти признанія отроческой откровенности, эти очерки минутныхъ заблужденій, въ противоположность которымъ перо мое рисовало картины нравственнаго совершенства. Ты сочувствовалъ душѣ моей, увлеченной пылкой привязанностью, ты угадалъ, что не скверенъ по природѣ я. Да воздастъ тебѣ Господь за твои отеческія попеченія, и да наградитъ тебя въ дѣтяхъ твоихъ!

По исключеніи изъ училища, меня взялъ къ себѣ господинъ К., женатый на моей родственницѣ. Онъ былъ еще молодъ, велъ жизнь очень разсѣянную и не обращалъ на меня почти никакого вниманія; но счелъ однакоже нужнымъ снабдить меня гувернеромъ англичаниномъ. Я не любилъ К. и не могъ быть съ нимъ откровененъ; гувернеръ-же пришелся мнѣ по сердцу, и мы жили съ нимъ дружно; онъ никогда не мѣшался въ мои дѣла, провожалъ меня со двора и потомъ давалъ полную свободу; домой мы возвращались всегда вмѣстѣ въ условленное время, и всѣ были убѣждены, что мы въ теченіи дня не разлучались.

Во время послѣдняго моего заточенія въ училищѣ, мужъ Лауры скончался, оставивъ ей довольно значительное состояніе. Я не видѣлъ ея въ первые дни ея вдовства, но мы встрѣтились вскорѣ, свободные оба: она отъ узъ супружескихъ, я отъ ига училищнаго; и сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что она дала мнѣ возможность располагать собою и видѣть Лауру каждый день. Изъ всѣхъ ея родныхъ у ней осталась одна тетка, поселившаяся у Лауры послѣ смерти ея мужа. Тетка эта сдѣлалась истиннымъ моимъ другомъ. День со дня посѣщенія мои становились продолжительнѣе. Я ей не говорилъ о моихъ чувствахъ, но взоры наши краснорѣчиво высказывали то, о чемъ языкъ изъ приличія молчалъ еще.

Я дѣлалъ тысячи плановъ одинъ несбыточнѣе другаго, строилъ такіе великолѣпные замки, какіе можетъ создать пятнадцатилѣтнее восторженное воображеніе. Но въ этихъ очертаніяхъ счастливой будущности мысль моя часто останавливалась на моихъ родителяхъ, я думалъ объ огорченіи, сдѣланномъ имъ исключеніемъ изъ училища, о неудовольствіи на меня отца моего. Онъ не писалъ мнѣ ни слова, и я чувство-

валь, что гнѣвъ его долженъ быть великъ и справедливъ. Безотчетный страхъ, который я питалъ къ нему въ дни дѣтства, пробуждался вновь и испуганное воображеніе не рѣдко доводило меня до отчаянія. Не долго впрочемъ продолжалось горькое раздумье: чувство сожалѣнія о нанесенныхъ родителямъ непріятностяхъ и идея неопредѣленнаго страха подавлялись безиредѣльною привязанностью къ Лаурѣ. Не могло быть продолжительной борьбы между чувствами сыновней любви и послушанія и страстью моею къ Лаурѣ. Лаура всегда бывала побѣдительницею. Наконецъ я рѣшился, если отецъ поступитъ со мною круто, оставить его навсегда, удалиться изъ Петербурга и уѣхать съ Лаурой за границу.

Прошло шесть недѣль траура Лауры, я говорилъ ей о моихъ чувствахъ и сообщилъ мое намѣреніе; въ словахъ моихъ было столько страстнаго увлеченія, во мнѣ такъ краснорѣчиво говорила привязанность моя, что невольно и Лаура высказала болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Она впрочемъ значительно укротила пылъ моего восторга, объявивъ, что никогда не приметъ моихъ предложеній, если они не будутъ согласны съ волею моихъ родителей.

Какъ ни пріятно было мнѣ слышать выраженіе сочувствія Лауры, но рѣшимость ея не слѣдовать влеченію сердца, а во всемъ согласоваться съ волею отца моего, уничтожила все очарованіе. Сомнѣніе въ искренности Лауры мучило меня: подчиниться волѣ моего отца, по моему убѣжденію, значило разстаться съ Лаурой навсегда. И такъ не радость вынесъ я изъ этого объясненія, а безотрадную тоску, неопредѣленное сомнѣніе, неувѣренность въ возможности осуществленія моихъ мечтаній. Это состояніе между страхомъ и надеждой продолжалось до пріѣзда моего отца.

Первое свиданіе съ нимъ рѣшило вопросъ о моей будущности. Онъ обошелся со мною очень кротко, не смотря на то, что былъ крайне огорченъ изгнаніемъ изъ училища: въ немъ сильно страдало чувство оскорбленнаго самолюбія, ему грустно было отказаться отъ любимой идеи видѣть во мнѣ достойнаго наслѣдника своего имени, не хотѣлось ему сознаться и въ обманутой надеждѣ на совершенство нравственнаго моего воспитанія. Директоръ описалъ мени самыми черными

красками, что впрочемъ послужило мнѣ въ большую пользу. Удостоверясь изъ разговоровъ со мною, что я вовсе не имѣю дурныхъ правилъ, и что причиной большей части моихъ шалостей было стѣсненіе личности, отецъ мой вскорѣ совершенно успокоился на счетъ моего нравственнаго направленія. Не смѣлъ впрочемъ я ему признаться въ моей привязанности къ Лаурѣ; зная его серьезный характеръ, какъ было сказать ему, что я люблю и что меня любятъ? Я страшился не за себя, а за Лауру, — мнѣ дорого было ея доброе имя.

Я любилъ науки, и мысль о свободной учебной дѣятельности всегда привѣтливо улыбалась мнѣ; и увѣрилъ моего отца, хотѣвшаго было сначала отдать меня въ военную службу, что я готовъ учиться и горю нетерпѣніемъ почерпнуть нужныя для образованнаго человѣка свѣдѣнія, но съ условіемъ не ограничивать моей свободы ненавистными училищными формами, которыя введены у насъ нѣмецкими преподавателями и надзирателями и которымъ славянская моя природа не могла никакъ подчиниться. Дѣйствительно, жаждалъ я обогатить себя полезными познаніями, но желалъ пріобрѣсть ихъ по собственному побужденію и по внутреннему сознанію ихъ необходимости, безъ всякаго принужденія и стѣсненія. Поэтому рѣшено было, что я окончу моя науки въ университетѣ.

Увлеченный желаніемъ учиться, я изъявилъ согласіе на поступленіе въ университетъ, въ полной увѣренности, что меня оставятъ въ Петербургѣ; но каково было мое положеніе, когда отецъ объявилъ твердую волю, чтобы я поступилъ въ одинъ изъ губернскихъ университетовъ. Мысль, что, оставляя Петербургъ, я разстанусь съ Лаурой, быть можетъ, навсегда, — мучила, терзала меня; цѣлый день провелъ я въ тревожномъ состояніи и рѣшился не уѣзжать изъ Петербурга. Въ вечеру получилъ письмо отъ моей матери, въ которомъ она убѣдительно просила меня пріѣхать къ ней. Чувство безпредѣльной привязанности къ матери, предстоявшая возможность повѣрить ей тайну моего сердца заставили переѣхать мое намѣреніе, и поѣздка въ деревню для свиданья съ матерью представлялась мнѣ лучшимъ средствомъ къ осуществленію моихъ желаній со временемъ. Недовѣрчивость однако поселяла во мнѣ новыя сомнѣнія въ искренности Лауры; я рѣшился въ тотъ-же

вечеръ объясниться съ ней окончательно. Я ей сказалъ, что уѣзжаю на дняхъ на югъ, что не говорилъ отцу ни слова о моей привязанности, зная его правила и характеръ и будучи убѣжденъ, что олъ приметъ это за глупое увлеченіе, сказалъ еще, что и привязанности ея я не совсѣмъ довѣряю, что не вѣрится мнѣ, чтобъ она искренно меня любила, а если дѣйствительно любить, то послѣдуетъ за мною туда, куда влечетъ меня судьба.

Нѣтъ словъ описать мой восторгъ, когда я услышалъ изъ устъ Лауры обѣщаніе найти меня, гдѣ-бы я ни былъ: то было упоеніе, доходившее до изступленія въ избыткѣ счастья; ощущенія подобнаго рода въ жизни человѣка очень рѣдки; они слишкомъ сильно потрясаютъ духовную его сторону и не могутъ повторяться часто. Мы положили съѣхаться не позже двухъ мѣсяцовъ въ Кіевѣ, гдѣ я предположилъ погостить во вновь открытый университетъ.

И такъ отъѣздъ мой изъ Петербурга сдѣлался для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій въ моей жизни. Я оставлялъ этотъ городъ съ надеждой на счастливую аркадскую будущность съ Лаурой. Не знаю впрочемъ, отчего не вѣрилось мнѣ, что я искренно любимъ ею: демонъ сомнѣнія часто тревожилъ меня, мысль, что Лаура меня любить, представлялась мнѣ такимъ несбыточнымъ бредомъ, такую мечтою недостижимаго счастья, что я не смѣлъ предаваться ей вполне. Эта недовѣрчивость имѣла единственнымъ основаніемъ избытокъ счастья и нисколько не была сродна моему характеру. Напротивъ я былъ слишкомъ довѣрчивъ, я вѣрилъ еще въ возможную непогрѣшимость человѣческой природы; добродѣтель, справедливость, истина не были для меня словами пустыми; обѣщать и не дѣлать, занять и не заплатить въ срокъ, быть въ состояніи помочь и не оказать помощи—я считалъ невозможнымъ. Благодаря правиламъ строгой нравственности, поселенной во мнѣ матерью и природнымъ началамъ добра, начертаннымъ Создателемъ въ сердцѣ моемъ, я былъ нравственно цѣломудренъ, я былъ наивно добродѣтеленъ и не только не позволялъ себѣ думать о возможности отступленій и уклоненій отъ идеи правды, но не допускалъ ихъ и въ другихъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ деревню, свиданіе мое съ матерью и ба-

бушкой было очень трогательно; онѣ не видѣли меня около двухъ лѣтъ, и не зная еще, достоинъ-ли я ихъ ласкъ, приняли меня съ любовью.

Я не разувѣрялъ отца моего въ предполагаемой имъ причинѣ моихъ шалостей въ училищѣ, но предъ матерью не могъ скрыть истины и рассказалъ ей все, не изъ тщеславія, что успѣлъ пріобрѣсть взаимность очаровательной женщины, не изъ одной необходимости высказать ей всю полноту моихъ чувствъ и вызвать въ ней сочувствіе къ моему положенію, а изъ желанія представить также достаточное извиненіе моимъ поступкамъ и предстать предъ нравственнымъ совершенствомъ моей матери не совсѣмъ недостойнымъ имени ея сыномъ. Откровенность моя послужила еще къ большому сближенію между нами. Страсть мою къ Лаурѣ мать моя считала пылкимъ увлеченіемъ юности и не осуждала меня за это; но говорила, что не слѣдуетъ давать большую свободу своимъ чувствамъ, что пужно умѣрять по возможности пылъ моего сердца, и изъявила желаніе, чтобы я поступилъ въ кievскій университетъ для окончанія наукъ.

Какъ рѣзко начертались въ памяти моей слова твои, незабвенная виновница дней моихъ, несравненная мать, моя совершеннѣйшая изъ женщинъ! Помню я и буду всегда помнить то, что ты сказала, благословляя меня на новое поприще: больше разсудка и меньше сердца другъ мой, и ты будешь счастливъ.

IV. Университетъ.

У Днѣпра, на высокихъ горахъ живописѣо раскинутъ древній Кіевъ. Когда подъѣзжаешь къ этому городу, глазамъ представляется великолѣпное зрѣлище: предъ вами широкая, величественная рѣка, за нею прямо, на большой возвышенности печерская лавра, съ несмѣтнымъ множествомъ золотыхъ куполовъ, посреди которыхъ горделиво возвышается высокая башня колокольни; вся мѣстность, принадлежащая лаврѣ, обнесена каменной оградой и украшена роскошными садами, гдѣ между столѣтними деревьями виднѣются крытые переходы изъ ближнихъ въ дальнія пещеры. Направо по горахъ ряды величественныхъ итальянскихъ тополей; изъ-за нихъ выглядываютъ городскія зданія и бесѣдки

царскаго сада, далѣ на горизонтѣ красуется единственная въ своемъ родѣ по архитектурной красотѣ своей церковь Андрея Первозваннаго; здѣсь картина оканчивается Подоломъ, новымъ городомъ, симметрически расположеннымъ на берегу рѣки; пристань усыяна барками и разными судами. Налѣво крутые берега Днѣпра, изрытые оврагами, одѣтые дико растущими кустарниками; вдали на утесѣ Выдубицкій монастырь, — мирная, убогая обитель и кладбище.

Чудно хорошъ святой градъ, когда подъѣзжаешь къ нему изъ-за Днѣпра, и трудно описать впечатлѣнїе, которое производитъ видъ его на русскаго путешественника, впервые посѣщающаго эту древнюю колыбель вѣры православной. Чувства благоговѣнїя къ святынямъ, уваженїя къ старинѣ, тѣсняются въ груди и приводятъ въ совершенный восторгъ.

Я прїѣхалъ въ Кїевъ съ отцомъ моимъ, и по указанїю попечителя кїевского округа, меня помѣстили къ директору 1-й гимназїи для приготовленїя къ прїемному экзамену въ университетъ.

Директоръ былъ человекъ умный и просвѣщенный и зналъ, какъ нужно обходиться съ шестнадцатилѣтнимъ юношей: онъ предоставилъ мнѣ полную свободу располагать временемъ и развилъ во мнѣ охоту къ занятїямъ серьезнымъ: я учился съ успѣхомъ и въ четыре мѣсяца совершенно приготовился къ поступленїю въ университетъ. Въ Петербургѣ я многое позабылъ изъ того, что зналъ еще въ пансионѣ; оставивъ высшее училище и проживъ безъ занятїй нѣсколько мѣсяцевъ, я удержалъ въ памяти очень немногое изъ свѣдѣнїй, прїобрѣтенныхъ въ училищѣ, и четырехмѣсячное приготовленїе къ университету едва-ли было бы достаточно, еслибы я не употребилъ всевозможнаго старанїя къ побѣжденїю учебныхъ трудностей и прїобрѣтенїю необходимыхъ познанїй. Болѣе всего я занялся латинскимъ языкомъ; на первомъ курсѣ предстояло слушать „Римское Право“, и на прїемномъ экзаменѣ обращали особенное вниманїе на латынь.

Меня очень полюбили и ласкали въ домѣ нашихъ родныхъ П. Я. и Н. Гр. Лукашевичей. Они жили въ городѣ зимой, а лѣто проводили на прелестной дачѣ „Кинь-грусть“, купленной у Бѣгичева. Названїе „Кинь-грусти“ было дано императрицей Екатериной II въ 1787

году. Съ 1838 года дядя и тетушка Лукашевичи стали жить круглый годъ въ „Кинь-грусти“, гдѣ выстроили помѣстительный домъ и поселили нѣсколько семействъ крестьянъ. Не смотря на болѣзненное состояніе Платона Яковлевича, страдавшаго подагрой, и преклонныя лѣта Надежды Григорьевны, у нихъ было весело. Превосходно отдѣланный садъ, обиліе цвѣтовъ и фруктовъ, обширный прудъ, домашній оркестръ, хорошій столъ, радушіе и любезность стариковъ привлекали постоянно на дачу многочисленныхъ посѣтителей.

Лаура писала мнѣ часто, но не могла въ скорости приѣхать въ Кіевъ: ее удерживали въ Петербургѣ разныя дѣла. Воспоминаніе о ней и надежда на скорое свиданіе поддерживали во мнѣ ученую дѣятельность.

Въ августѣ 1837 года я выдержалъ очень удовлетворительно экзамень и поступилъ въ число студентовъ университета св. Владимира, по юридическому факультету.

Отецъ мой былъ доволенъ мною и навѣстилъ меня. Мы провели нѣсколько дней вмѣстѣ. Когда онъ уѣзжалъ, я сопутствовалъ ему до моста; это было вечеромъ, когда полный румяный мѣсяцъ величественно виходилъ на кіевскомъ горизонтѣ изъ за Днѣпра; мгновенно налетѣло облако и образовало на мѣдномъ дискѣ луны синій крестъ. Невольно перекрестился я и сказалъ отцу: „взгляните на крестообразное явленіе на лунѣ, это хорошее предзнаменованіе для меня“.

— Дай Богъ, отвѣчалъ отецъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ поступленія моего въ университетъ, приѣхала въ Кіевъ Лаура; она окончила съ успѣхомъ свои дѣла и была совершенно свободна. Нѣтъ возможности описать мое счастье и дать о немъ надлежащее понятіе. Я любилъ, какъ любятъ въ лѣта первой молодости, когда безсознательное чувство взаимнаго влеченія не встрѣчаетъ въ изліяніи своемъ никакихъ препятствій и мелочныхъ расчетовъ и не стѣсняется общественными условіями. Мы принадлежали другъ другу безусловно и существовали только для себя, не имѣя почти знакомыхъ. Большую часть времени я проводилъ въ университетѣ, а остальное посвящалъ Лаурѣ; жизнь наша текла тихо, спокойно: никто не зналъ о пребываніи Лауры въ Кіевѣ. Съ товарищами-студентами я мало былъ знакомъ и встрѣчался съ ними только на лекціяхъ,

всѣ думали, что я предался вполне наукамъ, и никогда не спрашивали, что я дѣлаю и отчего нигдѣ не бываю. Въ первые мѣсяцы поступления моего въ университетъ, многіе профессора относились ко мнѣ съ недоувѣрчивостію; въ особенности не благоволилъ ко мнѣ М. А. Максимовичъ, читавшій исторію Русской Литературы; его научное изложеніе въ теченіе полугода „Слова о Полку Игоря“ и малорусскихъ пѣсень выводило насъ изъ терпѣнія. Но Неволинъ и Мацкевичъ были ко мнѣ расположены. Я не пропускалъ ни одной лекціи, записывая ихъ аккуратно, и готовился постоянно на репетиціи, каждое воскресенье и въ дни большихъ праздниковъ бывалъ въ университетской церкви въ первой гимназіи, читывалъ Апостола, пѣвалъ на клиросѣ и съ точностью исполнялъ всѣ обязанности, возложенныя на студентовъ, чѣмъ и заслужилъ полное довѣріе профессоровъ и университетскаго начальства.

Такъ прошелъ первый годъ. Наступили экзамены; я ихъ выдержалъ очень хорошо и перешелъ во второй курсъ съ отличіемъ, не смотря на очень дурную отмѣтку изъ французскаго языка, поставленную мнѣ Максимовичемъ. Изъ своего предмета онъ не могъ не поставить мнѣ полныхъ балловъ, потому что на экзаменѣ присутствовали многіе профессора, и я превосходно зналъ исторію Русской Словесности, но на экзаменѣ изъ французскаго языка, на который лекторъ не явился по болѣзни, Максимовичъ, совсѣмъ почти незнавшій французскаго языка, экзаменовалъ въ качествѣ декана словеснаго факультета, и озлобившись моими дѣльными возраженіями и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ, поставилъ мнѣ единицу. Бракке, со вниманіемъ слѣдившій за успѣхами студентовъ въ наукахъ, не мало былъ удивленъ такой отмѣткой, но я былъ къ ней совершенно равнодушенъ, получивъ изъ всѣхъ предметовъ юридическаго курса и главныхъ вспомогательныхъ полные шары (4) и право на переходъ съ отличіемъ, условленный въ общемъ выводѣ тремя съ половиной.

Есть люди, которые отъ нечего дѣлать чрезвычайно любятъ заниматься чужими дѣлами и, встрѣчая затрудненія въ удовлетвореніи своей любознательности, употребляютъ всѣ средства, чтобы узнать что нибудь о своихъ знакомыхъ. Между моими товарищами былъ студентъ К., очень любившій выѣзжать, развозить городскія новости и украшать

ихъ разными вымыслами. Для него я былъ загадкой, надъ которой онъ усердно трудился. Узнавъ, что я дѣлю время между университетомъ и Лаурою, онъ распустилъ очень невыгодные слухи обо мнѣ и о Лаурѣ въ особенности. Слухи эти дошли до меня: я защищалъ Лауру со всѣмъ пыломъ молодости, не знающей границъ негодованію за оскорбленіе любимой женщины, и предъ многими студентами обличалъ К. во лжи, наговорилъ ему множество непріятностей и вызвалъ на дуэль. Но К. на вызовъ не явился и въ день назначенный для дуэли уѣхалъ на каникулы въ деревню. Я былъ въ отчаяніи: чувство неудовлетвореннаго мщенія кипѣло во мнѣ; презрѣніе къ безчестному поступку К. не могло заглушить жажды мести, желанія омытъ кровью оскорбленіе нанесенное Лаурѣ.

Исторія моя съ К. сдѣлалась гласною; къ счастью, Лаура ничего о ней не знала.

Во время каникулъ я съѣздилъ на недѣлю домой. Бабушка была уже очень слаба, иногда забывалась, но по прежнему очень любила и ласкала меня и щедро надѣляла деньгами; бывало, откроетъ ящикъ бюро, гдѣ хранились деньги, и говоритъ: бери, мой милый, сколько хочешь. Изъ врожденной деликатности, случалось, не возьмешь много, — непременно добавить нѣсколько десятковъ полуимперіаловъ, или положить въ карманъ пачку ассигнацій, и скажетъ: „мнѣ не надо, а тебѣ пригодятся“. 15-го августа 1838 года бабушка тихо скончалась. Горестна была для меня потеря этой добродѣтельной, праведной женщины, и я очень сожалѣлъ, что не былъ въ деревнѣ во время ея кончины.

Съ пріѣзда въ Кіевъ, Лаура чувствовала себя не хорошо: частая боль въ груди, постоянный кашель и едва замѣтная, но продолжительная лихорадка изнуряли ее; наступавшая осень еще болѣе разстроила ея здоровье. Медики рѣшили единогласно, что Лаурѣ необходимо провести зиму въ тепломъ климатѣ, и какъ ни тяжело было намъ расстаться, но дѣлать было нечего: Лаура выписала изъ Петербурга свою тетку и съ нею отправилась въ Италію.

Съ отъѣздомъ Лауры, К. сталъ мнѣ еще ненавистнѣе: я обвинялъ его въ безразсудной болтовнѣ, въ недостаткѣ чувства чести и съ нетер-

пѣніемъ ждалъ его возвращенія, въ надеждѣ излить на него всю гогоречь моего положенія. Съ наслажденіемъ думалъ я о той минутѣ, когда пуля прострѣлитъ врага, или шпага вонзится въ грудь его, и изыскивалъ средства, чтобы отмстить ему; эта жажда мести не была уже минутной вспышкой раздраженнаго чувства, слѣдствіемъ внезапнаго гнѣва, а обдуманнѣмъ желаніемъ зла, необузданнымъ стремленіемъ наказать К.

Надъ Крещатикомъ, на одной изъ плоскихъ возвышенностей, которыми оканчивается дворцовая часть Кіева, стояло древнее, деревянное, полуразрушенное зданіе; тамъ въ старыя времена была масонская ложа, потомъ въ зданіи этомъ помѣщался театръ, наконецъ оно пришло въ совершенную ветхость и служило убѣжищемъ летучимъ мышамъ; зловѣщій крикъ послѣднихъ нерѣдко вечернею порой пугалъ прохожихъ и наводилъ на нихъ уныніе. Вся мѣстность, окаймленная итальянскими тополями, поросла дикими, сорными травами, сквозь нихъ съ трудомъ можно было пробраться къ маленькому мысу, оканчивавшему собою плоскую возвышенность. Съ мыса открывался великолѣпный видъ на старыи Кіевъ, съ его древними церквами, и на широкій величественный Днѣпръ, терявшійся у Вышгорода въ лазурной дали небосклона.

Рѣдко ходили сюда любоваться прекрасными видами... Существовало повѣрье, что мѣсто это нехорошее, что разрушенное зданіе — заколдованный домъ, обитаемый выходцами съ того свѣта.

Послѣ отъѣзда Лауры, въ свободное отъ занятій время, часто посѣщалъ я окрестности Кіева, замѣчательныя по своему мѣстоположенію. Прогулки пѣшкомъ, склонность къ мечтательности и уединенію, созерцаніе чудной природы утоляли иногда печаль разлуки. Но бывали минуты, когда безотрадная тоска грызла меня, и я тогда чувствовалъ необходимость уйти подальше отъ людей; однажды въ самомъ грустномъ расположеніи я отправился къ описанной мѣстности.

Миновались жаркіе дни знойнаго лѣта, вѣяло осенней прохладой, широкая улица, ведущая къ спуску на Крещатикъ, была усыпана пожелтѣвшими листьями, сильный сѣверный вѣтеръ сметалъ съ земли кучи пыли и вертелъ ихъ въ воздухъ громадными столбами; выгорѣвшія отъ жгучаго солнца земляныя насыпи представляли видъ печальный,

остовы деревьевъ, кое-гдѣ сохранившіе остатки зелени, грустно рисовались на сѣромъ небосклонѣ, покрытонъ облаками; накрапывалъ мелкій дождь, подъ ногами шелестѣлъ опавшій листъ; вечерѣло.

Вой вѣтра и зловѣщій крикъ филина были мнѣ по сердцу, и я быстрыми шагами приближался къ развалинамъ. Вдругъ явилось предомной существо, служившее лучшимъ дополненіемъ дикой обстановкѣ, среди которой я находился: то былъ дряхлый, худой старикъ, едва таскавшій ноги. Онъ представлялъ собою ходячую развалину, олицетворялъ глубокую осень человѣческой жизни и находился въ большой гармоніи съ разрушавшимся отъ ветхости зданіемъ и умиравшей по времени года природой. Лице его, покрытое морщинами, было правильно и красиво; изъ подъ черныхъ съ просѣдью бровей сверкали большіе сѣрые глаза, полные жизни и выраженія; орлиный носъ гордо высился надъ маленькимъ ртомъ, лице оканчивалось острымъ подбородкомъ.

Старикъ такъ пристально на меня смотрѣлъ, въ его взглядѣ было такъ много магнетическаго притяженія, что я невольно приблизился къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Въ словахъ его было столько ума, столько убѣдительнаго краснорѣчія, что я вполне увлекся его бесѣдой и безпрекословно подчинился его обаятельному вліянію. Съ первыхъ словъ онъ угадалъ состояніе моего духа и между нами мгновенно установились самыя пріязненные отношенія; я чувствовалъ какое-то неодолимое тяготѣніе его воли надо мной и находился въ состояніи субъекта подверженнаго сильному дѣйствію магнетизма. Съ откровенностью, свойственною молодости, вкратцѣ рассказалъ я ему исторію моей привязанности къ Лаурѣ и причину временной нашей разлуки. Когда рассказъ коснулся ссоры съ К., жажда мести такъ сильно заговорила во мнѣ, что старикъ остановилъ меня.

„Помни, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, слова молитвы Божественнаго нашего Учителя: *и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Не забывай одного изъ главныхъ основаній ученія Христова: „не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали“; тебя обидѣли—прости и не желай зла врагу твоему. Но если, увлеченный злобой и желаніемъ мести, забывъ, что ты христіанинъ, станешь слѣдовать закону Мойсея: око за око, зубъ, то примѣни

этотъ законъ къ себѣ и знай, что не только одни дѣйствія приводятъ въ исполненіе нашу волю: часто слово, иногда мысль, стремленіе духа, осуществляютъ злыя намѣренія наши. Тѣмъ не менѣе они не остаются безнаказанными и ветхозавѣтный законъ тяготѣетъ всею тяжестью своею надъ удовлетвореннымъ мстителемъ. Положимъ, желаніе твое исполнится и врагъ твой будетъ наказанъ, но согласишься-ли ты въ свою очередь перенести заслуженное жаждой мести наказаніе и по закону возмездія подвергнуться неизбѣжному его дѣйствию? Я былъ молодъ, какъ ты, я увлекался и давалъ свободу моимъ чувствамъ, я ненавидѣлъ и мстилъ, и правосудіе неба карало меня: каждый разъ за удовлетвореннымъ чувствомъ зла, казавшимся мнѣ вполне справедливымъ, слѣдовало наказаніе; око за око, зубъ за зубъ: умиралъ-ли мой противникъ, я терялъ кого-нибудь изъ наиболее близкихъ моему сердцу; постигало-ли несчастіе врага моего, въ непродолжительномъ времени судьба подвергала меня горькому испытанію. Претерпѣвъ всѣ возможные превратности въ жизни, потерявъ все, что было мнѣ дорого на землѣ, незлобенъ я сталъ, но поздно... преждевременное несчастіе убѣлило главу мою, предо мной отверзта могила.

Какъ фантастическое явленіе, исчезъ старикъ; ночная тьма черной пеленой покрыла небосклонъ, бушевалъ сильнѣе вѣтеръ, тоскливѣе и громче раздавался крикъ филина въ ушахъ моихъ. Не помню, какъ добрался я домой. Слова старика врѣзались въ мою память, и я долго не могъ ихъ забыть. Станнымъ и непонятнымъ казалось мнѣ многое изъ его рѣчей, не могъ я въ особенности объяснить себѣ возможности сдѣлать зло кому-бы то ни было однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ духа, когда часто и дѣйствія наши бывають неуспѣшны. Невольно сдѣлалъ я посылку къ себѣ: успѣшный отъѣздъ К., не принятая дуэль, неудовлетворенное чувство справедливаго негодованія, болѣзнь Лауры, разлука съ нею, все вмѣстѣ взятое въ высшей степени тревожило и волновало меня; отходя ко сну, я остановился на мысли, которую воображеніе облекло въ непреодолимое, непреклонное желаніе мести. Какъ было-бы хорошо, думалъ я, еслибы одною силою моего желанія, однимъ дѣйствіемъ мысли могъ-бы я отомстить К.

Не прошло двухъ недѣль послѣ свиданія моего съ старикомъ,

какъ получено было извѣстіе, что К. утонулъ, переѣзжая въ лодкѣ небольшую рѣку.

На другой день послѣ полученія извѣстія о смерти К., мнѣ принесли письмо изъ - за границы. Адресъ былъ написанъ рукою тетки. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о смерти Лауры; она скончалась въ Триестѣ отъ чахотки. Страшно отозвались въ душѣ моей слова старика: око за око, зубъ за зубъ.

Смерть Лауры сразила меня: нѣсколько дней бродилъ я безъ мысли, безъ сознанія, по окрестностямъ Кіева; приходилъ нѣсколько разъ къ мѣсту, гдѣ встрѣтилъ старика, но не находилъ его тамъ; наконецъ, подъ бременемъ тяжкаго горя, истощились мои духовныя и физическія силы, я слегъ и оправился не раньше шести недѣль отъ сильной нервной горячки. Мать моя была со мною во все время болѣзни и уѣхала въ деревню, когда опасность миновала и не было сомнѣнія въ скоромъ выздоровленіи.

Теплое чувство вѣры, развитое во мнѣ съ дѣтства доброй моей матерью, привело меня къ молитвѣ, я молился и молитва облегчила мои страданія.

Университетскія лекціи молодыхъ, недавно возвратившихся изъ Германіи профессоровъ развивали во мнѣ любовь къ наукамъ, я посвятилъ себя серьезнымъ занятіямъ, и ученость едѣлалась для меня цѣлью моего существованія. Я трудился добросовѣстно, время шло быстро, положеніе мое становилось сноснымъ.

Независимо отъ курса юридическихъ наукъ, я изучалъ римскихъ и греческихъ классиковъ, пригласилъ поселиться у меня лектора итальянскаго языка г. Бертони, весьма умнаго и образованнаго чловека, чтобы выучиться по италіански и въ подлинникѣ читать Данте, Беккерію, Филонжіери.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа Е. Ф фонъ-Брадке, пользовавшійся особенною любовью и высокимъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ, былъ ко мнѣ хорошо расположенъ и приглашалъ на вечера, по воскресеньямъ. У него собирались старшія воспитанницы частныхъ женскихъ пансіоновъ, студенты и профессора. Танцевали, и проводили время очень пріятно. Молодость вела себя въ высшей степени прилично: увле-

ченія и симпатіи, ствойственныя юношамъ, ограничивались лишнимъ вальсомъ, мазуркою. Я былъ сдержанъ, молчаливъ, и не разъ Е. Ф. Брадке спрашивалъ меня, почему не принимаю участія въ общей веселости. Уклончивые отвѣты не помогали, нужно было веселиться и показаться веселымъ по мѣрѣ возможности. Въ домѣ Брадке жила дѣвица Елена А....., весьма не дурная собою, умная, любезная, живая. Она обратила свое вниманіе на меня, и благодаря ей, я сталъ другимъ человѣкомъ. Елена А. обладала необыкновеннымъ талантомъ разсмѣшить, развеселить, оживить, и я незамѣтно вполне подчинился ея вліянію: сталъ разговорчивѣе, развязнѣе и веселѣе; между нами установилась самая искренная дружба.

Въ числѣ чиновниковъ генераль-губернатора находился въ Кіевѣ Н. Э. П. Онъ былъ женатъ на сосѣдкѣ нашей по полтавскому имѣнію В—ой; жена его была красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Высокая, стройная блондинка, съ роскошными плечами и великолѣпными свѣтлокаштановыми волосами; довольно неправильныя черты лица, голубые безъ выраженія глаза, нѣсколько большой ротъ, украшенный жемчужными зубами, казалось, не представляли всѣхъ условій безупречной красоты, но общее впечатлѣніе было поразительно. Мужъ ея былъ очень малъ ростомъ, некрасивъ, но уменъ. Жили они бѣдно и помѣщались въ крошечной квартиркѣ, въ старомъ деревянномъ домикѣ, на спускѣ къ Крещатику по Александровской улицѣ. Я былъ у нихъ однажды съ визитомъ, тѣмъ знакомство и кончилось. Отецъ мой поручилъ мнѣ передать П. разные документы для взысканія должныхъ ему денегъ однимъ лицомъ, проживавшимъ постоянно въ Кіевѣ. П. взялся за дѣло и общалъ въ непродолжительномъ времени доставить мнѣ деньги. Прошло мѣсяца три, я поѣхалъ къ П. и вмѣсто денегъ получилъ для доставленія отцу росписку должника, въ которой признавался долгъ и обязанность уплатить, когда средства позволятъ, съ условіемъ, что отецъ мой не можетъ преслѣдовать личность должника и обезпечивать уплату личнымъ его задержаніемъ, а имѣть право взыскивать съ его имущества, если таковое гдѣ либо откроется. Какъ я ни былъ неопытенъ въ дѣлахъ подобнаго рода, но этотъ способъ взысканія крайне меня удивилъ; я просилъ П. возвратитъ отданные ему документы, въ числѣ которыхъ было и заемное письмо; но получилъ отвѣтъ, что документы за

истеченіемъ давности уничтожены и замѣнены роспиской. Само собой разумѣется, что по ней никогда ничего нельзя было получить.

Во второмъ курсѣ особенно интересны были лекціи: государственнаго благоустройства профессора Богородскаго и психологіи Новицкаго; лекціи гражданскихъ законовъ Орнатскаго мало насъ интересовали по сухости изложенія. Требованіе профессора выучивать на память всѣ статьи свода законовъ въ особенности было намъ непріятно, да въ сущности и мало приносило пользы.

Весною 1839 года падъ университетомъ разразилась сильная гроза. Еще въ 1837 году, осенью, во время посѣщенія Кіева государемъ, три студента изъ поляковъ наклеили на зданіи университета пасквиль въ стихахъ. По непріязненнымъ отношеніямъ генераль-губернатора къ попечителю учебнаго округа, человѣку умному, образованному и энергичному, дѣлу этому придали особенную важность, и государь, посѣтивъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, гдѣ были собраны всѣ студенты университета, высказалъ такъ много негодованія и былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, что поразилъ всѣхъ своимъ гнѣвомъ.

Въ сборной залѣ на лѣво отъ входа стояли студенты, на право профессоры. Государь, войдя въ залъ, не поздоровался ни съ кѣмъ, сталъ по срединѣ и обращаясь къ студентамъ, отрывистымъ голосомъ сказалъ: „вы учитесь хорошо, но это недостаточно: одна наука не приведетъ къ хорошимъ результатамъ, мнѣ нужны вѣрные сыны престола, мнѣ нужна безпредѣльная преданность, бессознательная покорность и безпрекословное повиновеніе; знайте, что я строго буду слѣдить за вами и горе тому, кто нравственнымъ или политическимъ своимъ направленіемъ не будетъ соответствовать моимъ предначертаніямъ, горе тому, повторяю, кто дерзнетъ увлечься, подобно товарищамъ вашимъ, я его упрячу туда, куда воронъ костей не заноситъ“.

За тѣмъ его величество, переведа духъ, изволилъ спросить, сколько студентовъ на лицѣ, и пошелъ осматривать насъ, глядя каждому въ глаза. На бѣду, въ первомъ ряду взглядъ его остановился на одномъ косоглазомъ студентѣ, и тутъ произошла слѣдующая сцена.

— *Государь.* Смотри мнѣ прямо въ глаза.

Студентъ молча смотритъ.

— *Государь*. Ты не смотришь на меня, ты не можешь смотрѣть мнѣ въ глаза?

Студентъ молчитъ.

— *Государь*. Какъ твоя фамилія?

— *Студентъ*. Хонскій.

— *Государь*. Откуда?

— *Студентъ*. Изъ Миньска.

— *Государь*. Видно, что не русскій, полякъ, совѣсть нечиста, не можешь смотрѣть прямо въ глаза русскому царю.

Приведенныя мною выше слова его величества были ничто въ сравненіи съ тѣмъ потокомъ негодованія и раздражительности, которыя излились изъ устъ государя, разсерженнаго косоглазіемъ Хонскаго. Въ другое время, быть можетъ, попечитель и осмѣлился-бы доложить его величеству, что студентъ косъ и не можетъ смотрѣть прямо, но въ то время государь былъ такъ раздраженъ, что все окружавшіе его тряслись отъ страха, какъ осиноый листь, и ни у кого не достало смѣлости объяснить государю причину, по которой Хонскій, не смотря на все желаніе, не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза.

Кончивъ свою рѣчь студентамъ, по истинѣ рѣчь Юпитера громовержца, государь обратился къ профессорамъ и погрозивъ имъ пальцемъ, сказалъ: „а вы у меня смотрите, наука наукой; но если не будете обращать вниманія на развитіе нравственныхъ началъ въ студентахъ и политическаго направленія, согласнаго съ моими мыслями, я раздѣляюсь съ вами по своему“. Профессоры низко поклонились, государь вышелъ. Студенты виновные въ распространеніи между товарищами и выставкѣ на зданіи, гдѣ помѣщался университетъ, возмутительныхъ стихотвореній: Буяльскій, Богдановичъ и Рушковскій, все католики и уроженцы западныхъ губерній, были исключены изъ университета и строго наказаны: первые два по выдержаніи въ крѣпости посланы солдатами на Кавказъ. По высочайшему повелѣнію въ Кіевъ былъ присланъ министръ народнаго просвѣщенія. Посѣтивъ лекціи, онъ остался совершенно доволенъ ученою дѣятельностью университета, и вмѣстѣ съ тѣмъ были введены разныя дисциплинарныя правила, стѣснявшія студентовъ.

Для осужденныхъ за пасквиль студентовъ, студентъ Гордонъ, жившій въ институтѣ, собиралъ по подпискѣ деньги между товарищами и собравъ

значительную сумму, послалъ въ декабрѣ 1837 года съ сторожемъ тысячу рублей при запискѣ къ содержавшимся въ крѣпости товарищамъ. Плаццъ-маіоръ Гайворонскій перехватилъ записку и донесъ объ этомъ генераль-губернатору. Генераль-губернаторъ пригласилъ къ себѣ попечителя и рѣшено было арестовать Гордона. За Гордономъ послали помощника инспектора студентовъ Шишкина, съ приказаніемъ немедленно привести Гордона къ генераль-губернатору. Когда помощникъ инспектора объявилъ Гордону, что его требуетъ генераль-губернаторъ, Гордонъ догадался, въ чемъ дѣло, и отвѣтилъ Шишкину, что тотъ часъ за нимъ послѣдуетъ; а между тѣмъ, захвативъ остававшіяся у него отъ подписки деньги, ушелъ по черной лѣстницѣ и исчезъ навсегда. Шишкинъ ждетъ Гордона, не дожидаясь. Наконецъ убѣдившись, что Гордонъ его провелъ, Шишкинъ побѣжалъ къ генераль-губернатору и за Гордономъ разослали во все концы города полицейскихъ и университетскихъ служителей. Поздо вечеромъ того дня одинъ изъ педелей настигъ на Лютеранской улицѣ Гордона, но Гордонъ выстрѣлилъ въ педелю изъ пистолета и успѣлъ уйти; педель не былъ раненъ, но потерялъ слѣдъ, и спустя только пять мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, изъ письма распечатаннаго почтовой цензурой, узнали, что Гордонъ благополучно прибылъ въ Парижъ, и предъ отъѣздомъ за границу, подъ чужимъ именемъ, съ фальшивымъ паспортомъ, скрывался около двухъ мѣсяцевъ въ окрестностяхъ Кіева, былъ болѣнъ и лѣчился на хуторѣ Дерпера у извѣстныхъ медиковъ.

Побѣгъ Гордона возбудилъ подозрѣніе въ участіи нѣсколькихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ; стали слѣдить за молодыми людьми, но до весны 1838 года ничего не открыли. Въ то время назначенъ былъ кіевскимъ генераль-губернаторомъ Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ; при немъ разыгралась печальная драма заговора Конарскаго, охватившаго собою все западныя губерніи. Гордонъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ Конарскаго.

Польскій эмигрантъ Конарскій прибылъ въ Россію изъ Парижа и учредилъ тайное общество съ цѣлью возстановить польскую національность; пропаганда его распространилась быстро въ литовскихъ губерніяхъ и оттуда перешла въ Кіевъ. Болѣе двадцати студентовъ уни-

верситета св. Владиміра принимали дѣятельное участіе въ заговорѣ. Дѣло кончилось закрытіемъ университета 17 марта 1839 года, ссылкой въ каторжную работу трехъ главныхъ дѣятелей пропаганды въ Кіевѣ и казню Конарскаго въ Вильнѣ.

Весьма непріятно было наше положеніе во время предшествовавшее закрытію университета: лекціи продолжались, но часто были прерываемы появленіемъ жандармовъ для арестованія студентовъ. Въ городѣ было тихо и спокойно, но усиленные патрули и смутное ожиданіе исхода дѣла о заговорѣ наводили на всѣхъ страшное уныніе.

13 марта всѣмъ студентамъ приказано было на другой день собраться въ пять часовъ утра въ домъ казеннокоштныхъ студентовъ для представленія новому попечителю князю С. И. Давыдову, назначенному на мѣсто Е. Ф. фонъ-Брадке.

Я проѣзжалъ въ вечеру по улицѣ идущей вдоль большой крѣпостной экспланады и замѣтилъ, что на экспланадѣ устраивали какіе-то подмости, рабочіе были окружены солдатами; я остановился и хотѣлъ спросить, для чего работаютъ такъ поздно, но караульный офицеръ громко закричалъ мнѣ, чтобъ я не подходилъ. Въ пять часовъ утра мы собрались въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ и здѣсь узнали, что въ шесть часовъ три главныхъ заговорщика: Боровскій, бывшій содержатель частнаго мужскаго пансіона въ Кіевѣ, и помѣщики: Демре и Михальскій, послѣдній дряхлый старикъ, должны быть повѣшены на крѣпостной экспланадѣ.

Въ залѣ, гдѣ собралось болѣе двухсотъ студентовъ, было тихо, какъ въ могилѣ, всѣ стояли какъ приговоренные на смерть, никто не зналъ кого повѣсятъ, и каждый изъ насъ могъ думать, что поведутъ на казнь кого нибудь изъ товарищей, — съ такой тайной производился судъ надъ ними.

Наконецъ ударилъ роковой часъ и намъ сообщили, что государь императоръ соизволилъ даровать жизнь преступникамъ, замѣнивъ смертную казнь ссылкой въ каторжную работу. На экспланадѣ въ то время совершенъ былъ обрядъ политической казни: приговоренныхъ въ тележкахъ привезли къ висѣлицѣ, взвели на подмости, прочли приговоръ, сломали надъ головами шпаги, покрыли бѣлыми саванами, объявили о

помилованіи и повезли обратно въ крѣпость. Въ восемь часовъ явился попечитель и прочелъ высочайшее повелѣніе о закрытіи университета. Въ смутномъ молчаніи разошлись мы; 17 марта прекратились лекціи.

Изъ арестованныхъ студентовъ оказались виновными 21; по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе приговора военнаго суда, они исключены изъ университета; изъ нихъ 5 отданы въ солдаты въ кавказскій корпусъ безъ выслуги, съ лишеніемъ дворянства (Сосновскій, Зродловскій, Петрашкевичъ, Виннигизскій и Милевскій), 5 также отданы въ солдаты до отличной выслуги, безъ лишенія дворянства (Шимановскій, Черный (русскій), Любовицкій, Осѣцкинскій и Юрковскій), 8 назначены въ военную службу на правахъ вольноопредѣляющихся, съ тѣмъ, чтобы по производствѣ въ офицеры прослужили въ военной службѣ не менѣе десяти лѣтъ (Августиновичъ, Стрельницкій, Бочковскій, Завадскій, Корсакъ, Немира, Порчинскій и Высѣкерскій), 3 переведены въ казанскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса были обращены на службу въ продолженіи десяти лѣтъ въ великороссійскія губерніи (Стройновскій, Цилли и Бржозовскій).

Всѣмъ студентамъ университета, не подвергавшимся слѣдствію, предоставлено было поступить въ другіе университеты безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени безпорочно проведеннаго въ кievскомъ университетѣ; тѣмъ изъ числа студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ, кои не пожелаютъ, или по какимъ либо обстоятельствамъ не въ состояніи будутъ перейти въ другіе университеты, дозволено вступить въ гражданскую службу, съ чинами 14-го и 12-го классовъ.

До 1839 года рѣзкаго разрыва между студентами разныхъ націй не было. Студенты сближались и раздѣлялись не столько по религіи и народности, сколько по воспитанію, факультетамъ и положенію въ обществѣ. Рознь въ политическихъ убѣжденіяхъ никогда не высказывалась, да политикой мы и не занимались. Православіе всегда стояло въ Кіевѣ выше католицизма, въ особенности при такихъ представителяхъ и дѣятеляхъ его, какими были преосвященные: Евгеній, Филаретъ и Иннокентій и профессоръ богословія И. М. Скворцовъ. Впрочемъ нѣкотораго рода отчужденіе проявлялось между студентами уроженцами лѣваго и праваго берега Днѣпра. Малороссіяне, въ особенности пол-

тавцы и черниговцы, рѣдко сближались съ поляками. Между ними бывали иногда столкновенія, кончавшіяся по большей части посредничествомъ благоразумныхъ и развитыхъ товарищей, въ которомъ всегда почти добродушный юморъ малоросса бралъ верхъ надъ увлеченіемъ и заносчивостію поляка.

Кіевское общество состояло изъ русскихъ и польскихъ семействъ, привлеченныхъ въ Кіевъ графомъ Левашовымъ, который заботился о развитіи общественной жизни и добромъ согласіи между двумя національностями. Изъ русскихъ извѣстны были своимъ гостепріимствомъ дома: князя Кудашева, Голубцова, А. В. Васильчикова, П. Я. Лукашевича и Ф. Г. Иваненко; изъ польскихъ-графовъ Тышкевича и Ильинскаго, Проскуры, Шимановскаго и другихъ. Во время контрактовъ съѣзжались въ Кіевъ почти всѣ помѣщики юго-западнаго края съ своими семействами; многіе жители Заднѣпровья жили здѣсь открыто и весело; пріѣзжіе вели большую игру и разъѣзжались обыкновенно на первой недѣлѣ великаго поста. Въ общественныхъ отношеніяхъ не было различія между русскими и поляками, многія русскія семейства находились въ тѣсной дружбѣ съ польскими, о преобладаніи той или другой національности не было вопроса, театральныя представленія давались на французскомъ языкѣ труппою актеровъ, выписанною графомъ Левашовымъ изъ Парижа, спектакли любителей шли также по большей части по французски. На контракты обыкновенно пріѣзжали знаменитые артисты: Липинскій, Ромборгъ, Леопольдъ Мейеръ, Паста Месъ-Мази; концерты давались въ контрактной залѣ и привлекали многочисленную, блестящую публику. Тамъ-же бывали общественные балы. Каждый годъ контракты открывались утромъ: молебствіемъ съ процессіей, а вечеромъ: большимъ баломъ отъ дворянства въ честь генераль-губернатора.

Жизнь въ Кіевѣ была дешева, роскоши въ убранствѣ домовъ и въ экипажахъ не существовало. Дамы одѣвались просто, но со вкусомъ; на большихъ только балахъ въ исходѣ сезона появлялись богатые туалеты, драгоценные камни; красавиць было много, достаточно упомянуть о дѣвицахъ: Муравьевой, Астромовой, Гинць и Швейковской, о дамахъ: Писаревой, графиняхъ Ильинской, Ржевуской и Понятовской.

Студенты составляли принадлежность всѣхъ собраній; изъ нихъ

было много хороших танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ. Меня всюду приглашали, но я былъ рѣдкимъ гостемъ на большихъ балахъ.

Съ закрытіемъ университета я долженъ былъ оставить Кіевъ и отправиться кончать курсъ въ другой городъ. Мать моя желала, чтобы я поступилъ въ харьковскій университетъ, ближайшій къ мѣсту ея пребыванія, и я поѣхалъ въ Харьковъ, чтобы познакомиться съ тамошними учеными.

Ученая дѣятельность Харькова не понравилась мнѣ; составъ юридическаго факультета былъ тамъ далеко не такъ хорошъ, какъ въ Кіевѣ; я рѣшился послѣ каникулъ ѣхать въ Дерптъ. Въ Харьковѣ мнѣ было пріятно увидѣться съ Карломъ Ивановичемъ Р..., онъ по прежнему продолжалъ содержать свой пансіонъ, не смотря на преклонныя лѣта, дочь его Аделанда Карловна вышла замужъ за профессора, я былъ у нея и мы отъ души смѣлялись, вспоминая наши музыкальныя упражненія.

Лѣто я провелъ въ деревнѣ, занимаясь серіознымъ чтеніемъ, повтореніемъ пройденныхъ лекцій и музыкой, а въ концѣ іюля, когда располагалъ уже ѣхать въ Дерптъ, получилъ изъ Кіева извѣстіе, что университетъ св. Владиміра вновь открывается для студентовъ православною исповѣданія. Намъ разрѣшено было держать экзамень въ слѣдующій курсъ. Я поспѣшилъ воротиться въ Кіевъ и перешелъ въ третій курсъ съ отличіемъ.

Бывшимъ до закрытія университета студентамъ католикамъ дозволено было кончить науки въ другихъ университетахъ, а профессора изъ поляковъ были переведены въ Москву и Харьковъ. Нашъ юридическій факультетъ лишился двухъ полезныхъ дѣятелей: Мицкевича, брата извѣстнаго поэта, преподававшего римское право на латинскомъ языкѣ и Даниловича, профессора уголовныхъ законовъ; но университетъ очистился отъ ненавистнаго намъ, со времени заговора Конарскаго, польскаго элемента.

1839-й и 40-й годы были посвящены усиленнымъ университетскимъ занятіямъ; на третьемъ курсѣ юридическаго факультета осталось къ началу учебнаго года всего тринадцать студентовъ; четвертаго курса не было вовсе по недостатку слушателей, и ученая дѣятельность моло-

дыхъ профессоровъ была сосредоточена на насъ. Независимо отъ лекцій мы часто собирались у извѣстнаго ученому міру Неволина, профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ учреждений, бывшаго тогда ректоромъ, и у Богородскаго, профессора уголовныхъ законовъ. Совѣты ихъ, выборъ чтенія, ученые разговоры и диспуты о предметахъ нашего факультета развивали насъ и заставляли работать серіозно и внѣ университета; диссертации по разнымъ отраслямъ юридическихъ наукъ, которыя мы писали по собственному побужденію и читали у этихъ профессоровъ, пріучали насъ къ самостоятельному труду и служили полезной подготовкой къ дальнѣйшей ученой дѣятельности.

Шель тогда вопросъ объ уничтоженіи въ Малороссіи дѣйствія Литовскаго Статута. Отецъ мой былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и поручилъ мнѣ составить записку о несвоевременности устарѣвшаго законодательства Статута и о замѣнѣ его, по инициативѣ дворянства, Сводомъ законовъ. Довольно пространная записка была мною написана и послана отцу, препроводившему ее генераль-губернатору. Въ запискѣ, доказывая необходимость отміны Статута, я находилъ полезнымъ сохранить статьи, относящіяся къ наслѣдству по закону, и порядокъ взысканія по долговымъ обязательствамъ, обезпечивавшій правильнѣе кредиторовъ, изъ коихъ первый по времени имѣлъ право на полное взысканіе капитала, процентовъ и рекамбій, за тѣмъ наступала очередь второго, третьяго и т. д., тогда какъ Сводъ Законовъ отдастъ преимущество формѣ обязательствъ и при равноправности ихъ, уплата распредѣляется поровну между всеми займодавцами, безъ различія времени совершенія актовъ. Записку эту, по отсылкѣ оной, въ копіи читалъ я на вечернемъ собраніи студентовъ у Неволина и Богородскаго, жившихъ тогда вмѣстѣ во 2-й гимназіи, и она была одобрена; но профессоръ Орнатскій, узнавъ изъ разговоровъ сущность записки, вознегодовалъ на меня за то, что я осмѣлился послать мнѣніе о такомъ важномъ вопросѣ, не спросясь его и не посоветовавшись съ нимъ, и давать преимущество нѣкоторымъ статьямъ Статута предъ Сводомъ Законовъ. Я ему объяснилъ, что наслѣдство по Статуту имѣетъ историческое значеніе, выработанное жизнію народа, и вошло въ нравы и обычаи жителей Малороссіи, а порядокъ взысканій справедливо ограждаетъ право первыхъ зай-

модавцевъ и не допускаеть должниковъ до возможности обременять ихъ собственность фиктивными долгами, хотя и облеченными въ законную форму.

Занятія наши вообще шли превосходно; но молодому университету не случилось въ другихъ отношеніяхъ. Съ 1839 года были введены новыя дисциплинарныя правила; правила эти, несвоевременныя и въ существѣ совершенно бесполезныя, значительно стѣсняли разумную свободу, которою мы пользовались доселѣ. Вся административная дѣятельность университета была обращена на водвореніе вѣщнаго порядка между студентами и на улучшение ихъ наружнаго вида: стригли, брили, одѣвали по формѣ и старались придать всѣмъ приличную и по возможности однообразную наружность.

Поводомъ къ усиленнымъ занятіямъ университетскаго начальства по части студенческой наружности послужило послѣднее въ бытность мою въ университетѣ посѣщеніе государя. Въ томъ-же зданіи казенно-коштныхъ студентовъ насъ выстроили стройными рядами, строго осмо-трѣли нашу одежду и приличнѣйшихъ по виду поставили въ первый рядъ. Государь вошелъ и довольно ласково поздоровался съ нами, мы ему прокричали очень удовлетворительно: „здравія желаемъ, ваше императорское величество!“ Государь прошелъ по рядамъ, видимо остался доволенъ нашею наружностію и отправился осматривать дортуары. Въ это время одинъ изъ студентовъ задней шеренги, кривоногій и весьма непривлекательной наружности, сталъ въ первый рядъ, чтобы ближе видѣть государя, въ полной увѣренности, что смотрѣть оконченъ. Но государь, возвратясь изъ дортуаровъ, сталъ насъ осматривать вновь и съ негодованіемъ остановился на кривоногомъ студентѣ.

— Какъ твоя фамилія? спросилъ государь.

— П., отвѣчалъ отрывисто студентъ.

— Откуда?

— Изъ Чернигова, еще отрывистѣе отвѣчалъ П.

— Болванъ! грозно сказалъ императоръ и обратившись къ сопровождавшему его наслѣднику престола, прибавилъ: какіе не отесанные, не умѣютъ отвѣчать.

Выступленіе П. въ первую шеренгу имѣло важныя послѣдствія: для осмотра университета былъ вновь присланъ министръ народнаго просвѣщенія, который прожилъ въ Кіевѣ болѣе недѣли, посѣщаль лекціи и репетиціи и

остался совершенно доволенъ учебною дѣятельностью университета. Къ Уварову водили студента П., какъ замѣчательную личность, обратившую на себя особенное вниманіе государя. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра, въ вѣдѣніе попечителя отпустили 5 тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ для студентовъ танцевальныя вечера, назначили въ университетъ учителей: танцованія, фехтованія и верховой ѣзды.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ университетской жизни со мною не произошло ничего особеннаго. Пріѣзжалъ однажды въ Кіевъ мой отецъ и представилъ меня Д. Г. Бибикову, съ которымъ былъ знакомъ еще съ компаніи 1812 г. Подъ Бородинымъ Дмитрію Гавриловичу оторвало ядромъ лѣвую руку, отецъ мой былъ контужень. Бибиковъ облакалъ меня и спрашивалъ объ университетскихъ занятіяхъ, говорилъ о дисциплинѣ и спросилъ: не было-ли бы для васъ пріятнѣе, если-бы вамъ дали военную форму? Я отвѣтилъ, что если-бы насъ заставили носить военную форму, мы-бы подчинились безпрекословно такому распоряженію, но не думаю, чтобы это было особенно для насъ пріятно. Бибиковъ нахмурился, тѣмъ представленіе и кончилось. Но онъ постоянно былъ ко мнѣ внимателенъ и благосклоненъ, представилъ своей супругѣ и приглашалъ на балы. Къ нему я всегда ѣздилъ. Студенты впрочемъ почти не посѣщали общества, посвятивъ себя исключительно серіознымъ занятіямъ. Въ свободное время я часто отправлялся въ „Кинь-Грусть“, помогалъ тетужкѣ Лукашевичъ въ устройствѣ сада, читалъ дядѣ газеты, въ знойные дни удалялся въ тѣнистыя рощи окрестныхъ хуторовъ, по вечерамъ слушалъ музыку доморощеннаго, но весьма недурнаго оркестра. На каникулы и Рождественскіе праздники я ѣздилъ въ деревню и проводилъ тамъ время очень пріятно. Тогда жилали въ деревняхъ очень весело, съѣзжались часто и танцовали по нѣскольку дней съ ряду. На одномъ изъ деревенскихъ баловъ и встрѣтилъ дѣвицу И., дальнюю мою родственницу; она мнѣ очень понравилась, я ей тоже, и нѣсколько мазурокъ скрѣпили еще болѣе нашу взаимную привязанность. Легко увлекающійся пылкостью моихъ чувствъ, я готовъ былъ просить ея руки, но мать моя уговорила меня не жениться на кузинѣ. Впрочемъ и предложеніе мое врядъ-ли было-бы принято отцомъ кузины, такъ какъ я былъ еще очень молодъ

и не окончилъ курса, и еще болѣе потому, что для кузины готовилась другая партія. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ ее отдали замужъ за пожилаго и нисколько не нравившагося ей помѣщика. Черезъ нѣсколько лѣтъ несчастнаго замужества бѣдная кузина скончалась отъ грудной болѣзни, оставивъ двухъ дочерей.

Независимо отъ занятій юридическими науками, я много читалъ и занимался иностранной литературой. Въ то время Викторъ Гюго былъ въ ходу и романтическая школа имѣла большое вліяніе на наше литературное воспитаніе. Мы часто играли между собой, съ участіемъ нѣкоторыхъ дамъ, драмы Гюго, трагедіи Шекспира и другія произведенія замѣчательныхъ писателей. Я жилъ тогда въ домѣ принадлежащемъ нисколькому монастырю, квартира моя состояла изъ огромной залы и трехъ небольшихъ комнатъ. Меня избрали директоромъ домашняго театра и я часто исполнялъ трагическія роли. Наши представленія сопровождались иногда веселыми шурунками, совершенно приличными, въ присутствіи дамъ. Бывали впрочемъ иногда и маленькія оргіи, на которыхъ появлялись: Тисбе, Катарина Брогадини, Маріонъ де-Лормъ и другія героини Гюго. У меня была Эсмеральда, чистой крови и рѣдкой красоты. Эта цыганка до того привязалась было ко мнѣ, что поклянула свой таборъ.

Между нами, какъ истыми буршами, въ большомъ ходу было фехтованье. Училъ насъ драться на рапирахъ плѣпennyй въ двѣнадцатомъ году французъ Базанкуръ; въ этомъ упражненіи я сдѣлалъ большіе успѣхи, и не разъ изъ состязанія съ учителемъ выходилъ побѣдителемъ. Въмѣсто шагагъ никуда негодныхъ, присвоенныхъ студенецкой формѣ, мы завели длинныя шагаги, съ отпущенными клинками, и никогда съ ними не разставались, исключая лекцій. Часто ходили на охоту; въ стрѣльбѣ никто не могъ со мной соперничать, пистолетомъ владѣлъ я превосходно, изъ ружья также промаховъ не давалъ.

Весною 1841 года я кончилъ курсъ въ университетѣ, выдержалъ съ большимъ успѣхомъ послѣдній экзамень изъ всѣхъ предметовъ юридическаго факультета и получилъ право на степень кандидата.

Экзамень мы сдавали за всѣ четыре года изъ юридическихъ наукъ и Богословія. На первомъ курсѣ намъ читалъ Неволинъ Энциклопедію законовѣденія по своимъ запискамъ. Ко времени нашего окончательнаго

испытанія была имъ напечатана его Энциклопедія въ двухъ объемахъ, несравненно пространнѣе записокъ. Невелинъ объявилъ, что хочетъ, чтобы мы отвѣчали не по запискамъ, а по книгамъ имъ изданнымъ, и мы охотно подчинились требованію любимаго профессора; но трудъ былъ не малый, пришлось вновь переучивать энциклопедію на память; къ счастью мнѣ достался вопросъ о философіи права Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, въ которомъ развитіе и пониманіе брало верхъ надъ памятью, и моимъ отвѣтомъ Невелинъ остался совершенно доволенъ. По Римскому праву не обошлось безъ затрудненій: мы слушали Мицкевича, послѣ него читалъ этотъ предметъ студентамъ другихъ курсовъ Ѳедотовъ-Чеховскій и требовалъ, чтобы мы отвѣчали по его запискамъ. Было предоставлено экзаменоваться по запискамъ того или другого. Я стоялъ за Мицкевича, получилъ вопросъ: „О правѣ владѣнія независимомъ отъ права собственности“ и не смотря на желаніе Ѳедотова сбить меня, вышелъ изъ ученой борьбы побѣдителемъ, что было впрочемъ и не трудно, и заслуга моя не велика.

Ученныя занятія были мнѣ по сердцу и я располагалъ посвятить себя совершенно наукѣ.

Усиленная дѣятельность во время экзаменовъ требовала впрочемъ отдохновенія; послѣ прощальнаго пира, даннаго мною товарищамъ, я отправился немедленно въ деревню. Отецъ и мать были въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что независимо отъ права на ученую степень, ректоръ университета и лучший профессоръ юридическаго факультета, К. А. Невелинъ написалъ отцу моему самый лестный отзывъ обо мнѣ и совѣтовалъ ему содѣйствовать моему намѣренію посвятить себя дальнѣйшимъ занятіямъ науками и избрать для службы ученое поприще. Иначе смотрѣлъ на будущую мою карьеру отецъ мой. Ему хотѣлось предоставить мнѣ болѣе широкое поприще, по его понятіямъ о жизни и заслугахъ болѣе соответствующее моему положенію въ свѣтѣ. Профессоръ, монахъ и женщина, говорилъ онъ, имѣютъ почти одно и тоже значеніе въ обществѣ, значеніе, по его убѣжденію, весьма незавидное. Впрочемъ мнѣ разрѣшено было ѣхать за границу съ ученою цѣлью. До поѣздки за границу, я отправился на лѣтніе мѣсяцы въ Одессу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ, АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ.

Помѣщаемы здѣсь четыре письма митр. Евгенія Болховитинова къ архим. Мелетію Леонтовичу служатъ продолженіемъ переписки этихъ лицъ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1883 г. Существенный интересъ этихъ писемъ въ томъ, что они бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе нѣкоторыхъ изъ подвѣдомственныхъ кіевской академіи семинарій, отчасти и самой академіи, нѣсколько уясняютъ причину того огульнаго увольненія профессоръ въ академіи и семинаріяхъ, о которомъ, кромѣ писемъ Иннокентія Борисова къ его товарищу и другу Александру Бѣлюгову, сохранилось и живое преданіе. Последнее объясняетъ этотъ темный фактъ вольнодумствомъ, усмотрѣннымъ будто-бы въ воспитанникахъ первыхъ курсовъ кіевской академіи, а письма м. Евгенія ставятъ его въ связь съ распущенностію не только профессорскаго, но и начальственнаго состава семинарій. Не отрицая присутствія въ этомъ печальномъ явленіи ни того, ни другого элемента, не можемъ не замѣтить, что на нашъ взглядъ оно было послѣдствіемъ не установившагося еще поваго порядка управленія духовными учебными заведеніями, созданнаго уставомъ комисіи духовныхъ училищъ. Отличительною чертою этого устава, помимо широкой системы образованія, было между прочимъ то, что въ противоположность прежнему, долго господствовавшему въ духовныхъ училищахъ порядку, элементъ монашескій не былъ преобладающимъ, но поста-

вленъ въ равновѣсіе съ элементомъ свѣтскимъ, равно абсолютная дотолѣ власть епархіальнаго архіерея въ дѣлѣ управленія епархіальными училищами приведена была въ нѣкоторое равновѣсіе съ новосозданною духовно-учебною администраціею. Отсюда борьба двухъ различныхъ по многому элементовъ, закончившаяся снова полнымъ преобладаніемъ монашества и подчиненіемъ ему бѣльцовъ, а борьба не обходится безъ урона для обѣихъ сторонъ, а главное для стороны побѣждаемой. На эту борьбу указываютъ отчасти приводимыя письма. Митр. Евгеній, самъ членъ коммисіи духовныхъ училищъ и главный дѣятель въ составленіи ея устава, стоитъ по видимому за власть архіерея и огражденіе оной отъ „доносовъ“ ревизоровъ.

Кромѣ этого главнаго интереса помѣщаемыхъ писемъ, въ нихъ рабросаны нѣкоторыя мелкія данныя, не лишеныя значенія для исторіи киевской академіи, какъ напр. порядокъ разсмотрѣнія студентскихъ диссертаций, замѣчаніе объ упадкѣ въ академіи знанія латинскаго языка, не желаніе инспектора академіи Смарагда ѣхать на ревизію, очевидно изъ опасенія прійти въ столкновеніе съ архіереемъ и проч.

1.

Получено 2 октября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Доклады ваши, при письмѣ отъ 6 сентября присланные, при семъ вамъ возвращаю, а на письмо отвѣтствую слѣдующее:

На ревизію въ орловскую семинарію вамъ самимъ ѣхать-бы не прилично, а можно-бы отправить отца Смарагда¹⁾, которому и отказываться не слѣдовало. А какимъ образомъ предписано епархіальному архіерею донести о ревизіи, того я не припомню. Но очевидно, что донесенія ревизоровъ прямо коммисіи, безъ свѣдѣнія архіереевъ, у коихъ

¹⁾ Смарагдъ Крыжановскій, тогда инспекторъ академіи, впоследствии архіепископъ орловскій и потомъ рязанскій. Скончался въ 1863 г.

они ревизуютъ семинаріи, оказываются иногда фальшивыя и пристрастныя. Архіерею-же безъ свѣдѣнія и обличить ихъ не по чему. Отъ сего происходило, что и архіереевъ винили иногда по доносу одного ревизора. Вотъ, думаю, причина и предписанію едѣланному вамъ. Остерегитесь и вы сего. Есть-ли правду напишете, то и архіерей спорить не будетъ, а вашъ репортъ подлинникомъ доложенъ будетъ представить комисіи. Сей способъ надежнѣе тайныхъ доносовъ ревизорскихъ.

Странно, что въ теплой вашей церкви стѣны оказались щебневыя, а не кирпичныя, и кладка глиняная, а не известковая ¹⁾. Но таково всегда почти школярное хозяйство. Подрядятъ, наймутъ и не смотрятъ. Это и вамъ наука и, думаю, такъ строить вы не будете.

За отца Владиміра я говорилъ въ комисіи, но выведенная о немъ справка все испортила. Предложите ему, не согласится-ли онъ гдѣ нибудь въ епархіи кіевской быть настоятелемъ въ заштатномъ монастырѣ.

Будемъ ждать вашихъ упражненій ²⁾ на разсмотрѣніе. Но пришлите мнѣ по совѣсти рекомендацію, кого вы назначаете на ваканціи профессорами въ семинаріи, ибо ихъ задачи прежде всѣхъ будутъ разсмотрѣны для удостоенія академическихъ степеней. Означьте мнѣ и то, куда кого вы по своему разсмотрѣнію назначаете. Предварлю васъ, что кишиневскій владыка ³⁾ проситъ прислать ему учителями его-же семинаріи молдаванъ, а просящіеся оттуда профессора не уволены, но безмѣстно отрѣшены будутъ за бурлацкое поведеніе, описанное владыкою. Ходятъ въ классы въ халатахъ, съ трубкою табаку и съ собаками, пренебрегаютъ начальническія увѣщанія и проч. Больно слышать о такомъ просвѣщеніи. Теперь многіе и ректоры и инспекторы за то-же отрѣшаются и ссылаются въ монастыри на покаяніе и переучиваніе.

1) Смотр. «Кіев. Стар.» 1883 г., іюнь, письмо 2, стр. 313.

2) Т. е. магистерскихъ и кандидатскихъ диссертаций оканчивавшихъ курсъ академіи воспитанниковъ, по которымъ имъ присуждались ученые степени магистра и кандидата. Такія диссертации разсматривались тогда въ синодѣ или членами онаго, или-же по предложенію его ученѣйшими епархіальными архіереями.

3) Дмитрій Сулима.

Благодарю за присланный мнѣ списокъ каталога книгъ, подаренныхъ ¹⁾ кievской семинаріи; мнѣ нужно было имѣть его для памяти.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вашъ Евгеній, митр. кievскій.

19 сентября 1825 года.

Есть-ли не предписано вамъ отъ комисіи донести ей о вашей ревизіи орловской семинаріи, а только архіерею, то и доносить вамъ прямо не слѣдуетъ. Самъ архіерей ваше донесеніе пришлетъ.

2.

Получено 14 октября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Вчера съ почтой получилъ я отъ васъ каталогъ книгъ, кои въ представленіи называете покойнаго преосвященнаго Амвросія Келембета ²⁾. Но не имѣя на сіе доказательства, кромѣ слуховъ, вы подвергаете сіи книги отнятію наслѣдниками. Итакъ пришлите мнѣ другое представленіе, назвавши книги сіи просто оказавшимися сверхъ описи. Тогда могу я утвердить и причисленіе къ библіотекъ.

Вчера-же читаны были въ комисіи и диссертациі ваши. Сильно осмѣхали и бранили латынь вашихъ учениковъ. Стыдно было и мнѣ и вамъ. Я извинялъ васъ только тѣмъ, что семинаріи не учили присланныхъ къ вамъ. Теперь розданы диссертациі порознь на разсмотрѣніе. Трудно такихъ дѣлать кандидатами и магистрами по вашей только рекомендаціи. Но я нетерпѣливо жду вашего списка, кого куда по мнѣнію вашему назначить въ училища. Ихъ диссертациі прежде и разсматриваемы будутъ. Прочіе отпустятся по домамъ впредь до разсмотрѣнія, какъ и въ невской (академіи) сдѣлано.

¹⁾ Самимъ-же митр. Евгеніемъ.

²⁾ Архіепископа тобольскаго, б. учителя и префекта кievской академіи.

Дивятся и здѣсь, что вы сами поѣхали въ Орель. Худо пови-
нуются вамъ подчиненные.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь добро-
желательнѣйшій Евгеній, митрополить кіевскій.

3 октября 1825 года.

Академикъ Френъ разбиралъ снимки съ вашей коптской рукописи,
и вотъ вамъ они съ приложеніемъ его собственноручной записки. Тутъ
увидите, что это церковнослужебная книга, сперва молитва утренняя
съ ектеніями и псаломными стихами, потомъ молитвы пятидесятничныя
и проч. Но Френъ просить, чтобы вы самую книгу сюда прислали.
Тогда онъ обстоятельнѣе вамъ опишетъ. А для академіи это нужно,
чтобы знать, чѣмъ владѣть.

3.

Получено 29 октября.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Письмо ваше отъ 4 октября и копию о неустройствахъ орловской
семинаріи получилъ я. Благодарю за строгое и безпристрастное обзорѣ-
ніе. Будетъ благодарна и комисія. Другіе ревизоры присылають по
большей части мѣлочные и пустошныя замѣчанія, вѣроятно прикрывал
свою братію. Безъ сомнѣнія такія-же неустройства и по другимъ семи-
наріямъ отъ своевольтва ректоровъ. А Орловскій не устыдился дерзко
говорить архіерею слова 1 Іоаннова посланія гл. 2, ст. 20 и 27-й.
Но ему-бы надлежало отвѣчать стихомъ 19¹⁾.

Диссертациі ваши еще разсматриваются. По разсмотрѣнію будетъ
и распоряженіе.

1) Между архіереемъ и ректоромъ происходилъ, вѣроятно, крупный разговоръ
по поводу какихъ-либо доносовъ. Последній отвѣчалъ: *И вы помазаніе имате
отъ святого, и есте еся... и не требуете, да кто учитъ вы..* Слова,
которыми слѣдовало-бы отвѣчать, по мнѣнію Евгенія, дерзкому ректору—слѣд.:
отъ насъ изыдоша, но не блша отъ насъ, и проч.

О членахъ вашей конференціи послѣ увѣдомлю. А владыка псковскій имяннымъ указомъ, безъ представленія синода, 30 сентября переведенъ въ Тобольскъ и на мѣсто его, въ Псковъ, астраханскій¹⁾ съ своею степенью переведенъ тѣмъ-же указомъ.

Вы мнѣ припомнили о Бунге²⁾; я еще въ маѣ получилъ представленіе о немъ отъ семинарскаго правленія, но оно замѣшалось въ моихъ бумагахъ; теперь отыскавъ, возвращаю. Бунге и въ академіи врачъ. Почему нужно, чтобы и академія его рекомендовала и отъ себя представила.

Посылаю вамъ программу Горнаго Корпуса. Экзаменъ былъ очень занимательный, а кабинетъ еще занимательнѣе.

Доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, митрополитъ кіевскій.

17 октября, 1825 г.

Еще прилагаю собственноручный реестръ переводчицы, бывшей здѣсь въ Петербургѣ и уже уѣхавшей. Она раздаетъ по монастырямъ и семинаріямъ туне свой переводъ, и въ томъ числѣ поручила мнѣ кучу для вашихъ подвѣдомыхъ училищъ и епархій. Примите на себя трудъ разослать оныя чрезъ академическое правленіе кіевскимъ монастырямъ, женскимъ, дальнимъ поручите доставить Раевской. Но вездѣ потребуйте росписки и мнѣ пришлите, а о полученіи въ семинаріяхъ хотя сами меня увѣдомите официально.

Книги посланы отъ меня на имя Лавры. Получите ихъ отъ типографа. За провозъ до Москвы переводчица сама заплатила, а отъ Москвы до Кіева Лавра. Слѣдовательно уплатите вы сіи деньги Лаврѣ, а съ семинаріей за увязку высккивайте, какъ хотите.

На этомъ письмѣ сдѣлана архим. Мелетіемъ слѣдующая приписка: „Написать ко владыкѣ, чтобы для мпской епархіи одного монастыря прислалъ 1 экземпляръ 4-хъ бесѣдъ Массиліона о монашествѣ“³⁾.

¹⁾ Псковскій — Евгеній, астраханскій — Меоодій Писнячевскій.

²⁾ Отецъ нынѣшняго министра финансовъ. Рѣчь идетъ, конечно, о награждѣ.

³⁾ Это книга, о которой выше рѣчь, а переводчица — генеральша Раевская.

4.

Полочено 24 ноября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Два письма ваши отъ 21 и 1) октября я получилъ. При первомъ контскую рукопись, которую и отдалъ Френу. Пусть подробнѣ скажетъ намъ о ней.

Хорошо, что отецъ Владиміръ соглашается быть настоятелемъ богуславскаго монастыря, а вы сдѣлайте его и смотрителемъ богуславскаго училища. Но подождите, пока отецъ Варлаамъ произведетъ тамъ слѣдствіе о настоятелѣ. Между тѣмъ и помолчите.

По послѣднему вашему письму о новооткрывшихся ваканціяхъ будетъ сдѣлано также распоряженіе; и кажется скоро.

Рѣчи преосвященнаго Орловскаго 2) читаль я въ синодѣ. Сказали всѣ посовѣтовать ему не печатать. Почему поручаю вамъ исполнить это, а подлинникъ при семъ возвращаю.

Обозрѣніе ваше орловской семинаріи читано, и ужасно, а мнѣ вы не полную еще копію прислали съ донесенія комисскаго. Вѣрно тоже и по другимъ многимъ семинаріямъ, а прочіе ревизоры прикрывали свою братію; вообще вся отчетная часть въ расходахъ въ ужасномъ положеніи отъ своевольства ректоровъ и ихъ избранниковъ экономовъ.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, митрополитъ кіевскій.

Ноября 12, 1825 г.

P. S. Вчера бывши у преосвященнаго митрополита Серафима, видѣлъ я присланную изъ Москвы безъимянно и неизвѣстно отъ кого выписку изъ проповѣдей и диссертаций недавно изданныхъ здѣшнею академію. Выписчикъ показываетъ мѣста не хорошо и даже не право-

1) Число въ подлинникѣ не проставлено.

2) Гавріила, впоследствии херсонскаго, затѣмъ рязанскаго, скончавшагося въ Твери.

славно, вопреки ученія церкви и святыхъ отцевъ выраженный. Это заставляеть и меня остеречь васъ и посовѣтовать, дабы прежде изданія вашихъ академическихъ сочиненій ¹⁾, прислали вы ихъ ко мнѣ для пересмотрѣнія. Нареканіе на цѣлыя академіи наши есть нареканіе на всю нашу православную церковь.

Сообщ. свящ. І. Левандовскій.

¹⁾ Разумѣются магистерскія и кандидатскія диссертациа оканчивавшихъ курсъ академіи воспитанниковъ, которыя печатались тогда отдѣльными сборниками. Въ то памятное время релігіозныхъ колебаній въ высшихъ слояхъ нашего общества и ярой защиты православія со стороны такихъ ревнителей оного, какъ князь Голицынъ, архим. Фотій, Шашковъ и Аракчеевъ, были въ большомъ ходу обличенія въ неправославіи и тайные доносы о немъ. На одинъ изъ такихъ доносовъ указываетъ здѣсь митр. Евгений. Неправославія искали не только въ печатныхъ книгахъ и переводахъ, не только въ профессорскихъ лекціяхъ, но и студенческихъ сочиненіяхъ. Такое направленіе держалось еще долгое время; отъ него-то и хочеть охранить своихъ студентовъ митр. Евгений.

Поправка. Въ письмѣ преосвященнаго митрополита кіевского Евгенія къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи, отъ 1-го іюля 1825 года, напечатанномъ въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» 1883 года, въ Р. S. допущена ошибка: вмѣсто «для ректорства своего и вы должны приготовить какой нибудь *Specimen*» должно читать: «для докторства своего».

Бібліографія.

1) *Старозаимочныя земл. Рѣшенія харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ къ харьковской казенной палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изданіе Николая Чижевскаго, присяжнаго повѣреннаго харьковской судебной палаты. Харьковъ. 1883 г. III. 123.*

2) *Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. (Отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому-же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ харьковскаго округа. Харьковъ. 1883 г. I. 89).*

Г-ну Чижевскому пришла въ голову хорошая мысль познакомить общество съ процессами о старозаимочныхъ земляхъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (81 и 82 г.) крестьянами предъявлено къ казнѣ (въ лицѣ мѣстной казенной палаты) исковъ по старозаимочнымъ дѣламъ на 767,041 дес. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Чижевскій, уже одно большое количество означенныхъ исковъ, громадная цѣнность спорнаго по нимъ предмета, а также и большое число лицъ, заинтересованныхъ въ опредѣленіи ихъ правъ на земли, придають особую важность тѣмъ искамъ». По мнѣнію г. Чижевскаго эти искн наиболѣе интересны съ юридической стороны «по разрѣшенію возникшихъ по нимъ вопросовъ, какъ матеріальнаго нашего права, такъ и процесса». Съ исторической точки зрѣнія они впрочемъ также имѣють нѣкоторое значеніе: «имѣя предметомъ своимъ опредѣленіе древнихъ правъ владѣнія землею въ мѣстности Слободской Украины, поставляютъ къ разрѣшенію нѣкоторые вопросы и изъ исторіи того края».

Мы полагаемъ, что историческій элементъ въ этихъ дѣлахъ долженъ играть (и играетъ) болѣе важную роль, чѣмъ приписываетъ ему

г. Чижевскій. Въ этомъ мы убѣдимся при дальнѣйшемъ разборѣ книги г. Чижевскаго.

Въ отчетѣ о процессахъ, приводимыхъ г. Чижевскимъ, мы видимъ сильное рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ практическимъ рѣшеніемъ старозаимочныхъ дѣлъ. Обратимся съ этою цѣлью къ болѣе подробному разсмотрѣнію книги г. Чижевскаго. Она, кромѣ маленькаго введенія, состоитъ изъ двухъ частей: отчета о 5 судебныхъ рѣшеніяхъ Харьковскаго окружнаго суда и 12 особо важныхъ документовъ, на которыхъ основаны рѣшенія окружнаго суда. При каждомъ отчетѣ излагается сущность исковаго прошенія, возраженіе на него отвѣтника и наконецъ мотивированныя рѣшенія суда.

Сущность всѣхъ исковыхъ прошеній такова. Въ первой половинѣ XVII в. заднѣпровскіе козаки или черкасы (по выраженію велико-російскихъ актовъ) подъ вліяніемъ всяческихъ притѣсненій на родинѣ стали переселяться въ нынѣшнюю харьковскую губернію и заняли громадныя пространства дикихъ, никому не принадлежавшихъ земель, по теченію рѣкъ Псла, Ворскла, Мерла, Харькова, Лопани, Донца и др.; это было *дикое поле*, не принадлежавшее ни московскому правительству, ни татарскимъ ханамъ. Новопоселившіеся здѣсь черкасы образовали изъ себя военныя общества, получившія опредѣленную организацію. Такъ образовались слободскіе полки по образцу малороссійскихъ; Слободская Украина сдѣлалась оplotомъ границъ московскаго государства противъ крымскихъ и татарскихъ ордъ. вмѣстѣ съ тѣмъ слобожане сдѣлались и обладателями территоріи, ими занятой и защищаемой; «по своимъ черкасскимъ обыкlostямъ» они стали *занимать* себѣ усадебныя и пахатныя земли, лѣса, сѣновосы и рыбныя ловли. Этими землями слобожане владѣли *не на помѣстномъ, а на вотчинномъ правѣ*; это не было временное пожалованіе, а самостоятельная *заимка*, признаваемая законодательствомъ и подтвержденная цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ. Такимъ образомъ земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи нужно признать *старозаимочными*, лично собственными, а не *казенно-оброчными*, слѣдовательно обложеніе ихъ оброчной повинностью со стороны казенной палаты является незаконнымъ актомъ, результатомъ недоразумѣнія, которое теперь должно быть исправлено: неправильно взимавшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оброкъ долженъ быть возвращенъ крестьянамъ, а земли признаны ихъ полною собственностью.

Сущность возраженій отвѣтника (казенной палаты) заключается въ слѣдующемъ. Для признанія права полной собственности нужно, по мнѣнію представителя казны, доказать во всякомъ данномъ случаѣ во 1-хъ,

что спорная земля—старозаночная и во 2-хъ, что она не дана только во временное пользованіе отъ казны. Такое требованіе основывается на ясно выраженномъ законѣ о старозаночныхъ земляхъ. Между тѣмъ представленные истцами документы (жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ), какъ носящіе *общій* характеръ, не доказываютъ старозаночнаго происхожденія *именно данныхъ* земель. Отсутствие специального депутата казны при генеральномъ межеваніи этихъ земель ничего не говоритъ противъ не принадлежности ихъ казнѣ, потому что такое присутствіе было установлено только впоследствии (указомъ 25 іюня 1797 г.), до того-же времени его замѣняли повѣренные отъ крестьянъ. Купчія крѣпости, на которыя ссылаются истцы, не могутъ служить доказательствомъ ихъ полнаго права собственности на земли и свидѣтельствуютъ только о незаконномъ распоряженіи казенною землею со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Судъ сталъ на точку зрѣнія отвѣтчика. Въ противовѣсъ мнѣнію истцовъ о свободномъ занятіи пустыхъ, никому не принадлежавшихъ земель, онъ выставилъ свою *гипотезу* о заселеніи Слободской Украйны малороссійскими выходцами изъ-за Днѣпра подъ руководствомъ московскихъ воеводъ. По мнѣнію окружнаго суда, уже въ началѣ XVII в., при самыхъ первыхъ переселеніяхъ, московское правительство считало земли Слободской Украйны своими собственными «искони вѣка». Часть ихъ была отдана великорусскимъ служилымъ людямъ, а другая отведена подъ поселенія слободскимъ полкамъ: острогожскій полкъ былъ учрежденъ по государеву указу и при участіи русскаго воеводы; сумской полкъ занялъ по государеву указу мѣстность, которая имѣла русское населеніе еще въ XI в.; ахтырскій полкъ занялъ территорію, которая перешла къ Россіи отъ Польши; харьковскій полкъ принадлежалъ прежде къ чугуевскому уѣзду, составлявшему исконную принадлежность московскаго государства; наконецъ изюмскій полкъ образовался изъ харьковскаго. Но если признать подобныя соображенія справедливыми, продолжаетъ далѣе окружной судъ, то, кромѣ свободной заимки земель въ полную собственность, было еще и пожалованіе въ *помѣстье*, что и встрѣчается во многихъ случаяхъ. Такимъ образомъ не достаточно доказать, что извѣстная земля заселена изстари, а нужно доказать, что она принадлежитъ истцамъ на правѣ собственности, а не пожалована только во временное пользованіе. На основаніи такихъ соображеній судъ не призналъ убѣдительными представленныхъ истцами доказательствъ и во всѣхъ 5-ти искахъ имъ отказалъ.

Сравнивая доводы сторонъ, мы наталкиваемся прежде всего на тотъ странный фактъ, что и истцы, и отвѣтчики опираются на одинъ

и тотъ-же законъ, а между тѣмъ приходятъ къ діаметрально противоположнымъ заключеніямъ. Очевидно, текстъ закона подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ. И дѣйствительно, *оказывается, что судъ ссылается на 2-е прим. къ 783 ст. X т., ч. 1-я (по продолженію 1868 г.), гдѣ говорится: «всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро онѣ принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется смъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія».* Основываясь на этомъ примѣчаніи, окружной судъ старозаимочныя земли раздѣляетъ на двѣ категоріи: однѣ, принадлежащія на правѣ полной собственности, и другія, данныя лишь въ пользованіе отъ казны.

Но такой выводъ находится въ прямомъ противорѣчій съ прямымъ категорическимъ заявленіемъ II го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, которой было поручено сообразить права на старозаимочныя земли съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету состоявшимися. По свѣдѣніямъ, собраннымъ II отдѣленіемъ, оказалось, *«что войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались слободскіе полки, заселивъ пограничную Украину, по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, могли продавать ихъ своимъ и постороннимъ, закладывать, завѣщать, и такія права ихъ въ теченіе 150 лѣтъ были признаваемы правительствомъ».* Съ такимъ заключеніемъ II-го отдѣленія государственный совѣтъ согласился вполнѣ. Одно изъ двухъ: или примѣчаніе, на которое ссылается окружной судъ, не имѣетъ того смысла, который ему придають, или-же нужно отвергнуть мнѣніе II отдѣленія, какъ несостоятельное.

И дѣйствительно: и представитель казны, и судъ, не смотря на свое видимое желаніе оставаться на почвѣ положительнаго узаконенія, на самомъ дѣлѣ аргументируютъ противъ него. Еще въ ахтырскомъ дѣлѣ представитель казны доказывалъ, что многія земли были пожалованы войсковымъ обывателямъ для отбытія службы и за службу; на это сенатъ замѣтилъ, что указы, на которые ссылается представитель казны, были въ виду государственнаго совѣта при изданіи въ 1859, 1864 и 1865 г. закона о старозаимочныхъ земляхъ, но онъ все таки призналъ, что войсковые обыватели занимали земли въ Слободской Украинѣ на правѣ полной частной собственности и потому дѣлать изъ нихъ теперь противоположнаго вывода нельзя.

Съ своей стороны и судъ приводитъ цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ, что заселеніе Слободской Украйны совершалось подъ руководствомъ московскаго правительства, съ надѣленіемъ отъ него-же земли новопоселившимся черкасамъ.

Развитію этой мысли посвящена Записка харьковской казенной палаты, поданная въ харьковскую судебную палату. Мы коснемся содержанія этой записки при разборѣ книги гг. Гурова и Бродскаго; теперь-же только ограничимся выводомъ, высказаннымъ нами въ началѣ рецензіи: очевидно, дѣло идетъ теперь о пересмотрѣ закона. И истцы, и отвѣтчикъ, и судъ, не зная, какими данными руководилось II-е отдѣленіе при своемъ заключеніи о старозаимочныхъ земляхъ, и не имѣя возможности опереться на прямой, не поддающійся разнымъ толкованіямъ законъ, принуждены были сами собирать матеріалы о старозаимочномъ землевладѣніи и на нихъ основывать свои заключенія.

Между тѣмъ данныя эти, разбросанныя въ нѣсколькихъ старыхъ сочиненіяхъ (архіеи. Филарета, Головинскаго, Гербели, Квитки, Срезневскаго), при внимательномъ изученіи оказались далеко не удовлетворительными: вопросамъ землевладѣнія въ нихъ отведено очень мало мѣста. Правда и истцы, и отвѣтчикъ, сознавъ всю скудость имѣющагося въ распоряженіи матеріала, обратились къ архивамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и московскимъ. Мы вполне сочувствуемъ такому направленію дѣла, потому что существующій матеріалъ слишкомъ скуденъ и отрывоченъ, въ то время, какъ напримѣръ, московскій архивъ юстиціи или мѣстные архивы упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ заключаютъ въ себѣ документальныя источники, могущіе положить конецъ нашимъ недоразумѣніямъ по многимъ капитальнымъ спорнымъ вопросамъ (переписныя, межевыя книги и т. д.). Но не можемъ не пожелать, чтобы дѣло это велось болѣе систематично. Теперь, какъ извѣстно, старозаимочныя процессы пріостановлены и, вѣроятно, будутъ рѣшены законодательнымъ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ желательно, чтобы было собрано побольше *документальныхъ* данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы дать категорическіе отвѣты на главнѣйшіе вопросы старозаимочнаго землевладѣнія.

Отчеты о судебныхъ процессахъ, помѣщенные въ книгѣ г. Чижевскаго, не даютъ намъ представленія о сущности старозаимочнаго землевладѣнія; надежда г. Чижевскаго познакомить общество съ *дѣлами* о старозаимочныхъ земляхъ также не оправдалась. И нужно сознаться, что впадать въ этомъ самъ г. Чижевскій. Умышленно или неумышленно (предоставляемъ рѣшить читателю) онъ выбралъ только отрицательныя рѣшенія, *не обмолвившись ни однимъ словомъ о существованіи положительныхъ*. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы книга г. Чижевскаго не

имѣла никакого значенія для даннаго вопроса; наоборотъ, мы очень благодарны автору за то, что онъ первый далъ намъ извлеченія изъ судебныхъ рѣшеній, и только сожалѣемъ, что онъ не установился на объективной точкѣ зрѣнія въ этомъ дѣлѣ; вѣдь субъективность проявляется не только въ сочувствіи къ извѣстному взгляду, но и въ подборѣ матеріаловъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сдѣлать и еще одинъ укоръ г. Чижевскому. Къ его книжкѣ приложено нѣсколько документовъ (12); нѣкоторые изъ нихъ перепечатаны изъ Полнаго Собранія Законовъ или изъ сочиненій Квипки, Головинскаго и архіеп. Филарета (№ 3, 4, 7, 10, 12); другіе являются въ печати впервые (всѣхъ ихъ 7); они были представлены истцами въ харьковскій окружной судъ. Но чѣмъ руководствовался г. Чижевскій, выбравши изъ всѣхъ представленныхъ въ судъ грамотъ только семь, имъ напечатанныхъ, остается неизвѣстнымъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ представляютъ большой интересъ, напримѣръ, Память ноября мѣсяца $\frac{7194}{1686}$ г., за приписью дьяка Судейкина, харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцамъ (№ 6-й), и грамота 1-го сентября 1705 г. сумскому полковнику Кондратьеву (№ 11-й). Но какое отношеніе, напримѣръ, имѣетъ къ старозаимочнымъ землямъ грамота $\frac{7192}{1684}$ г., мая 5-го дня, харьковскому полковнику Григорію Донцу, трагующая исключительно о дозволеніи старшинѣ харьковскаго полка взять въ свое распоряженіе таможную, или грамота 2-го января $\frac{7203}{1695}$ г. стольнику воеводѣ Семену Зурову, освобождающая козаковъ харьковскаго полка отъ оброковъ за мельницы? Два первые документа о надѣленіи Яменскихъ черкасъ землею на правѣ помѣстномъ по своему содержанію стоятъ особнякомъ и отчасти даже находятся въ противорѣчій съ остальными. Обыкновенному читателю вообще трудно разобраться въ приведенныхъ грамотахъ. Самъ г. Чижевскій изъ содержанія изданныхъ имъ грамотъ не дѣлаетъ никакихъ заключеній и даже самыхъ необходимыхъ объясненій. Такимъ образомъ остается открытымъ вопросъ, оправдываютъ-ли приведенныя грамоты отрицательныя рѣшенія окружнаго суда. Мы съ своей стороны на этотъ вопросъ склонны отвѣтить отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ представленные грамоты подтверждаютъ черкасамъ вѣчное и безоборочное пользованіе ихъ землями; имъ-же предоставляется право свободной заимки земель «по ихъ черкасской обыклости». Въ грамотѣ 1705 года, данной сумскому полковнику Кондратьеву читаемъ: «...велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жиламъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, на дикихъ степяхъ, на татарскихъ займахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды, подъ наши

государевы жилые города и для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всепадежно и иныхъ братьевъ черкасъ и тѣми новоприхожими черкасами построены города, на путивльскихъ дикихъ земляхъ, Сумы, Суджа, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье и къ тѣмъ городамъ уѣзды села и деревни... велѣно имъ, вмѣсто нашего государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить по черкаской обыклости при всякихъ вольностяхъ и *вельно-же заимки занимать*, пасѣки и всякіе грунты заводить, и торговыми всякими промыслами промышленять въ своихъ полкахъ безоброчно и безошлинно противъ старо-черкаской обыклости...

Память ⁷¹⁹⁴₁₆₈₆ г. харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцу еще раньше подтвердила такія привилегіи слободскихъ козаковъ. «Вамъ, черкаскимъ полковникамъ, говорится тамъ, и полковъ вашихъ урядникамъ и козакамъ, мѣщанамъ, въ тѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ и кто гдѣ живетъ, *землями и пасѣками и стнными покосы и всякими уюды, которые вы заняли себѣ по своимъ заимкамъ, вельно владѣть по прежнему по вашимъ черкасскимъ обыкlostямъ.*

Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ двѣ первыя грамоты (собственно одна, потому что 1-я представляетъ просьбу о надѣленіи, а 2-я отвѣтъ на нее). Въ нихъ говорится о *помѣстной* землѣ, которой были надѣлены жители сл. Ямнои въ вольновскомъ уѣздѣ. Мы не будемъ доказывать, что помѣстныя земли въ это время слились съ вотчинными, а замѣтимъ только, что отдѣльные случаи надѣленія черкасъ помѣстною землею могли дѣйствительно встрѣчаться, особенно въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ великороссійскимъ населеніемъ и съ господствомъ такъ называемой четвертной системы.

На этомъ мы и кончимъ нашъ разборъ книги г. Чижевскаго и перейдемъ теперь къ другому сочиненію, касающемуся того же вопроса.

Объемистая брошюра гг. Гурова и Бродскаго (присяжныхъ повѣренныхъ округа харьковской судебной палаты) не представляетъ «ни строго научнаго изслѣдованія по вопросу о старозанмочномъ землевладѣніи харьковской губерніи, ни даже обстоятельной систематической компиляціи по этому вопросу». Цѣль ихъ работы — «изложить съ возможною обстоятельностью сущность наиболѣе важныхъ и спорныхъ положеній и вопросовъ, какіе до сего времени возбуждены были тяжущимися сторонами во время производства въ судебныхъ учрежденіяхъ такъ называемыхъ старозанмочныхъ процессовъ». Такимъ образомъ брошюра гг. Гурова и Бродскаго носитъ преимущественно судебный характеръ, представляя собою отвѣты на официальную записку харь-

ковской казенной палаты, поданную въ видѣ апелляціонной жалобы въ судебную палату. Тѣмъ не менѣ нельзя не согласиться съ авторами, что по существу затронутыхъ вопросовъ она имѣетъ значеніе для всѣхъ интересующихся судьбою Слободской Украины вообще и крестьянскимъ землевладѣніемъ въ частности.

Мы выше замѣтили, что уже въ первой инстанціи (т. е. окружномъ судѣ) истцамъ приходилось доказывать справедливость существующаго положительнаго закона и защищать его противъ аргументовъ представителя казны.

Брошюра гг. Гурова и Бродскаго посвящена опроверженію записки казенной палаты, въ которой доказывается, 1) что территорія Слободской Украины, имѣвшая уже въ XI в. русское населеніе, съ половины XVI ст. принадлежала московскому государству, 2) что переселеніе малороссіянъ изъ-за Днѣпра происходило подъ руководствомъ царскихъ воеводъ, которые и отводили земли переселенцамъ, 3) что казна всегда признавала земли, отведенныя черкасамъ, своею собственностью и обложала ихъ оброкомъ на совершенно законномъ основаніи. Уже изъ этого голаго перечня главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ въ запискѣ и отвѣтъ на нее гг. Гурова и Бродскаго, ясно видно, что исторіи здѣсь отведено столько-же мѣста, сколько и гражданскому праву.

Мы не будемъ излагать доводовъ гг. Гурова и Бродскаго противъ положеній записки казенной палаты, потому что это завело-бы насъ слишкомъ далеко, а укажемъ только болѣе подробно, какіе вопросы представляютъ предметъ спора между ними.

Авторъ записки утверждаетъ, что съ половины XVI в. территорія Слободской Украины находилась подъ властью московскаго государства, имѣвшаго здѣсь свои крѣпости и города; въ подтвержденіе своего мнѣнія представитель казны ссылается на нѣкоторые акты и извѣстія, помѣщенные въ книгѣ архіепа. Филарета. Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что тѣ сторожи, о которыхъ говорятъ источники, не могутъ быть признаны жилыми селеніями; что-же касается городовъ, то они, какъ видно изъ тѣхъ-же источниковъ, на которые ссылается авторъ записки, были построены пришлыми черкасами.

Относительно переселеній малороссіянъ въ Слободскую Украину, авторъ записки замѣчаетъ, что они, собственно говоря, не имѣли и не могли имѣть мѣста до 1650 года.

Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что подобное мнѣніе стоитъ въ противорѣчій съ фактами, наиримѣръ съ извѣстіемъ «Экстракта о слободскихъ полкахъ», приведеннымъ у Срезневскаго. Незачѣмъ только, какъ намъ кажется, отстаивать мнѣнія Маркевича о по-

селеніи слобожанъ на булавинскихъ земляхъ и о зависимости ихъ до временъ Самойловича отъ гетмана; дѣйствительно источникъ этого мнѣнія (незвѣстный намъ авторъ Исторіи Руссовъ), вообще довольно мутный, не подтверждается другими болѣе достовѣрными данными. Мы думаемъ, что невозможно серьезно говорить и точно фиксировать годъ добровольнаго присоединенія слободскихъ полковъ къ Великой Россіи, потому что заселеніе края происходило медленно и свое полковое устройство онъ получилъ послѣ 1654 г.; положеніе Малороссіи было иное: въ качествѣ отдѣльной провинціи польскаго государства, добившейся политической самостоятельности, она *могла* добровольно воссоединиться и подойти подъ высокую руку великаго князя московскаго. Между тѣмъ заднѣпрскіе выходцы, добровольно и по вызовамъ правительства, приходили отдѣльными, болѣе или менѣе значительными партіями, селились за пограничною чертою московскаго государства въ днѣвскихъ татарскихъ мѣстахъ и поступали въ подданство къ московскимъ великимъ князьямъ и государямъ.

Авторъ записки казенной палаты утверждаетъ, что новоявившимся черкасамъ отводилась земли московскимъ правительствомъ. «Порядокъ этотъ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ существующаго еще и донынѣ порядка заселенія государственныхъ пустопорожныхъ земель». До образованія слободскихъ полковъ черкасы были подъ вѣдомствомъ русскихъ воеводъ; внослѣдствіи они получили собственное управленіе, свою полковую и сотенную старшину. *Не смотря однако на передачу черкасъ въ вольніе полковниковъ, московское правительство никогда не предоставляло послѣднимъ права раздавать земли кому либо въ собственность*; самый отводъ земель производился по царскимъ указамъ или по распоряженіямъ изъ бѣлгородскаго приказа. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ записки ссылается на Филарета и Полное Собраніе Законовъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій, разобравъ доказательства автора записки, находятъ, что никакого надѣленія землею со стороны московскаго правительства не было; тамъ, гдѣ авторъ записки видитъ надѣленіе землею, было обыкновенное размежеваніе. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что одинъ голый фактъ отвода земли еще ровно ничего не значитъ. Если даже, напримѣръ, согласиться съ авторомъ записки, что «въ 1659 г. на отведенной Сумамъ землѣ, по царскому указу, основано сел. Нижнія Сыроватка», то это вовсе не доказываетъ, чтобы земли сел. Сыроватки можно было признать теперь казенною собственностью. Въ самомъ дѣлѣ: авторъ записки, нужно думать, не дочиталъ до конца документа, на который ссылается, потому что земля отдавалась «новопоселеннымъ по ту

сторону р. Псла и р. Сыроватки по вышеписаннымъ урочищамъ *во владѣніе*»¹⁾).

Вообще намъ кажется, что нельзя доказывать принадлежности земель казніѣ на основаніи такихъ общихъ и непредѣленныхъ примѣровъ, какіе приводятся авторомъ записки. Позволимъ себѣ привести примѣръ изъ исторіи лѣвобережной Украины. Тамъ земля признавалась соборвенностью всего войска запорожскаго въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. козачества и посполства. Но очень часто за *подтвержденіемъ* своихъ земельныхъ правъ отдѣльныя лица обращались уже не къ мѣстному гетманскому уряду, а къ центральной власти; между тѣмъ эта центральная власть была *собственникомъ* только незначительной части земель (такъ называемыхъ государевыхъ или коронныхъ маестностей). Тоже самое мы видимъ и въ Слободской Украинѣ. И здѣсь очень часто отдѣльныя лица и коллективныя юридическія единицы обращались за подтвержденіемъ, укрѣпленіемъ своихъ правъ на землю; очень часто давались такія подтвердительныя грамоты даже на земли *купленныя*; очевидно, въ нихъ не было самостоятельнаго акта пожалованія; такія-же грамоты выдавались и на земли *занятыя*. Чаше-же всего, нужно думать, укрѣпленіе земельныхъ правъ шло со стороны мѣстнаго полковничьяго уряда. Напрасно гг. Гуровъ и Бродскій ничего не сказали автору записки по поводу его замѣчанія, что слободскіе полковники не имѣли права раздавать земель. Въ Историко-статистическомъ Описаніи харьковской епархіи помѣщенъ универсалъ сумскаго полковника Кондратьева, предоставляющій жителямъ Ворожбы Феодору Чернявскому право на владѣніе *занятымъ имъ по черкасской обыкности сайкомъ* ²⁾).

А вотъ другой документъ общаго содержанія, совершенно уничтожающій мнѣніе автора записки. Харьковский полковникъ Григорій Іерофеевичъ Донецъ въ универсалѣ о надѣлѣ землею курияжскаго монастыря пишетъ: «...по указу великаго государя нашего, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи, *намъ дана власть раздавать всякіе вольныя группы и паспычныя угодья всякимъ людямъ для жительства*» ³⁾. Спрашивается, что можно отвѣтить противъ такого категорическаго свидѣтельства?

Въ другихъ документахъ мы паждемъ указанія на существованіе *полковой земли*. Можно-ли послѣ этого утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ записки, что «укрѣпленіе за кѣмъ либо правъ на земли въ сло-

¹⁾ Ист. стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. III, стр. 368.

²⁾ Ibidem., отд. III, стр. 426.

³⁾ Ист. стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. I, стр. 75.

бодской губерніи совершалось только царскими вотчинными грамотами, даваемыми въ видѣ исключенія заслуженнымъ лицамъ, какъ особая милость». Гг. Гуровъ и Бродскій заявляютъ, что приведенное мнѣніе черезъ чуръ уже парадоксально; можно-ли допустить, чтобы въ XVII и XVIII вв. право собственности на земли можно было получить только путемъ жалованныхъ грамотъ, какъ «особую милость» «за заслуги»? Отдѣльные-же факты помѣстнаго владѣнія не могутъ доказывать господствующаго его значенія. Не менѣе странно въ взглядъ автора записки и на значеніе жалованныхъ грамотъ слободскимъ полкамъ. Изъ всѣхъ существующихъ грамотъ должны быть приняты во вниманіе по его мнѣнію только четыре, потому что онѣ только упоминаются въ жалованной грамотѣ Елисаветы Петровны. Эти-же четыре грамоты не заключаютъ въ себѣ указаній на право свободной заимки, а только освобождаютъ слобожанъ отъ нѣкоторыхъ оброковъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій путемъ внимательнаго разбора содержанія всѣхъ извѣстныхъ намъ жалованныхъ грамотъ приводятъ къ заключенію, что онѣ *подтверждали самостоятельное занятіе земли по праву заимки.*

Дальнѣйшими указами и узаконеніями правительства это правило не было нарушено и существовало вплоть до генеральнаго межеванія (1765 года).

Въ 1837 года оно было утверждено министерствомъ государственныхъ имуществъ, подъ опеку котораго попали всѣ сельскіе обыватели податнаго состоянія; бывшіе козаки слободскихъ полковъ, переименованные раньше въ войсковыхъ обывателей, теперь попали въ категорію государственныхъ крестьянъ и находились подъ опекой министерства государственныхъ имуществъ до семидесятихъ годовъ нынѣшняго вѣка, т. е. до выдачи владѣнныхъ записей. Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ правительство рѣшило переложить оброчную подать съ душъ на землю. При кадастрѣ многія старозаночныя земли совершенно неправильно были внесены въ оцѣнку. Одною изъ главныхъ причинъ этой ошибки, по мнѣнію гг. Гурова и Бродскаго, было малое знакомство высшихъ административныхъ учрежденій съ исторіей здѣшняго края и оригинальнымъ характеромъ его землевладѣнія. Такъ, наиримѣръ, кадастровая инструкция предписывала опредѣлять доходъ не съ отдѣльныхъ уацтковъ земли, состоящихъ во владѣніи крестьянъ, а со всей земли, числящейся а обществомъ. «Въ виду этого чины комиссін, учрежденной въ харьковской губерніи для уравнианія крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, получивъ въ руководство инструкцію, въ которой предусматривалось исклю-

чительно только общинное крестьянское землевладѣніе и встрѣчая въ дѣйствительности на каждомъ шагу личное участковое землевладѣніе, на первыхъ-же порахъ оказались въ затруднительномъ положеніи, не зная, какъ справиться съ возложеною на нихъ задачею. Далѣе не смотря на то, что харьковская губернія была одною изъ первыхъ, въ которыхъ министерство государственныхъ имуществъ рѣшило примѣнить для опыта такъ называемую кадастрацію земель и что въ руководство харьковской кадастровой комиссіи издана была особая инструкція, мы не найдемъ однако-же въ этой инструкціи никакихъ спеціальныхъ правилъ, которыя пмѣли-бы въ виду исключительно старозаимочное крестьянское землевладѣніе, хотя въ тоже время встрѣчаемъ тамъ рядъ постановленій относительно земель однодворческихъ, четвертныхъ, захватныхъ и проч.». Между тѣмъ ошибочное внесеніе въ оцѣнку многихъ старозаимочныхъ земель нарушило земельныя права цѣлаго ряда отдѣльныхъ лицъ и обществъ. 2-е отдѣленіе собственнаго Его Императорскаго Величества канцеляріи ясно понимало, что старозаимочное владѣніе основано въ большинствѣ случаевъ не на крѣпостныхъ документахъ, а на правѣ первоначальнаго завладѣнія по закону; потому-то оно и признало необходимымъ доказывать во всякомъ данномъ случаѣ только то, что земля относится къ 26 разряду старозаимочныхъ, т. е. принадлежитъ владѣльцамъ со времени заселенія Слободской Украйны.

Таково вкратцѣ содержаніе интересной брошюры гг. Гурова и Бродскаго. Мы слышали, что скоро (въ началѣ февраля) появится сборникъ тѣхъ-же авторовъ, который будетъ заключать отчеты о старозаимочныхъ процессахъ и *значительное количество документовъ*. Мы только можемъ пожелать успѣха энергической дѣятельности гг. Гурова и Бродскаго въ отстаиваніи праваго дѣла.

Въ заключеніе мы приводимъ себѣ на память любопытную аналогію. 63 года тому назадъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину пришлось отстаивать права на землю малороссійскихъ козаковъ. Князь Репнинъ написалъ записку въ отвѣтъ тогдашнему министру финансовъ Гурьеву, который доказывалъ, что земли малороссійскихъ козаковъ (черниговской и полтавской губерніи) должны быть обложены оброчною податью, потому что онѣ искони принадлежали казніи и были отдаваемы только козакамъ для службы и за службу. Записка эта напечатана и наводитъ на любопытныя сближенія съ нынѣшними записками истцовъ и отвѣтчика по старозаимочнымъ дѣламъ.

Дм. Багалъй

Харьковъ.

Харьковскій календарь на 1884 г. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена секретаря комитета П. С. Ефименка. Цѣна 1 рубль. Харьковъ. 1883 г. VIII+455+161+41.

Предъ нами объемистая книжка въ 42 печатныхъ листа, стоящая всего 1 рубль. Дешевизна, очевидно, объясняется тѣмъ, что издателемъ является статистическій комитетъ, который изъ своего изданія не извлекаетъ никакой выгоды. Очевидно, харьковскій губернский статистическій комитетъ не снитъ мертвымъ непробуднымъ сномъ, подобно другимъ губерскимъ комитетамъ, а старается служить по мѣрѣ своихъ силъ общественнымъ потребностямъ. Не странно-ли, наиримѣрь, что мать городовъ русскихъ—Кіевъ не имѣетъ мѣснаго кіевского хорошаго календаря и принужденъ удовлетворяться календарями, издатели коихъ смотрять на свое дѣло исключительно, какъ на коммерческое предпріятіе.

Харьковскій Календарь носитъ мѣстный характеръ и въ этомъ его главное достоинство. Въ немъ собрана масса свѣдѣній, необходимыхъ для жителя города Харькова и харьковской губерніи. Первые два отдѣла посвящены общимъ справочнымъ извѣстіямъ; третій—исключительно мѣстнымъ. Здѣсь мы найдемъ раздѣленіе харьковской губерніи въ судебномъ, церковно-административномъ, полицейскомъ отношеніяхъ, статистическія данныя о движеніи населенія, о скотоводствѣ, фабрикахъ и заводахъ, ярмаркахъ, типографіяхъ и литографіяхъ; важное мѣсто занимаютъ отчеты кредитныхъ учрежденій харьковской губерніи, ученыхъ, а также благотворительныхъ обществъ о своей дѣятельности.

Въ 4-мъ отдѣлѣ находятся научно-справочныя свѣдѣнія. Здѣсь помѣщено 6 статей: 1) Первый харьковскій календарь, 2) Древности харьковской губерніи, 3) Монастыри харьковской губерніи, 4) Замѣчательнѣйшія изъ населенныхъ мѣстъ харьковской губерніи, 6) Біографическій указатель замѣчательныхъ уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи.

Затѣмъ слѣдуетъ адресъ-календарь.

Уже этотъ голый перечень рубрикъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Харьковскій Календарь составленъ весьма умѣло и добросовѣстно, а главное приспособленъ къ нуждамъ мѣснаго обывателя. Въ немъ найдутъ для себя интересныя свѣдѣнія всѣ слои мѣснаго общества. Многія статистическія данныя имѣютъ кромѣ того и научное значеніе, рисуя матеріальную и умственную сторону харьковской жизни; таковы, наиримѣрь, данныя о типографіяхъ г. Харькова, съ обозначеніемъ количества напечатанныхъ въ нихъ книгъ и брошюръ, и книжныхъ лавкахъ. Еще болѣе интересны отчеты ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Весь

четвертый отдѣлъ, не представляя изъ себя самостоятельныхъ научныхъ статей, имѣетъ большой интересъ для харьковской публики, трактуя въ составленныхъ сжато, но интересно статьяхъ о мѣстныхъ древностяхъ.

Никто не станетъ, кажется, сомнѣваться въ важности распространенія въ обществѣ историческихъ свѣдѣній, а путь календарный въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ главныхъ. Поэтому помѣщеніе въ разсматриваемомъ нами Календарѣ мѣстныхъ историческихъ свѣдѣній, притомъ въ столь значительномъ объемѣ и разнообразіи, не можетъ не вызвать особаго сочувствія и благодарности потрудившимся въ семъ дѣлѣ. Біографіи мѣстныхъ дѣятелей временъ близкихъ и отдаленныхъ имѣютъ здѣсь особое значеніе, обновляя и укрѣпляя въ памяти современнаго общества свѣтлые образы тѣхъ, кому оно обязано многимъ въ настоящемъ. Глубокое сочувствіе вызываютъ такіе дѣятели, какъ *Василій Зазаревичъ Каразинъ*, по праву единственный основатель университета, вымолвившій его буквально на колѣняхъ у харьковского общества, или высоко-идеальный типъ *Григорія Савича Сковороды*, народнаго учителя и поэта. При біографіяхъ нѣкоторыхъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы приложенъ перечень ихъ главнѣйшихъ трудовъ и произведеній.

Въ статьѣ о «замѣчательнѣйшихъ населенныхъ мѣстностяхъ харьковской губерніи» разсказывается вкратцѣ исторія главныхъ городовъ, мѣстечекъ, сель, слободъ. Такаѣ-же характеръ носятъ и глава о монастыряхъ губерніи: излагается исторія каждаго изъ нихъ, а ихъ современное состояніе рисуется на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ настоятелямъ монастырей.

На статьѣ «о древностяхъ» мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько дольше. Описаніе и перечисленіе городищъ харьковской губерніи находятся въ сравнительно мало уже доступномъ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, преосв. Филарета, и въ малоизвестной, но интересной брошюркѣ г. Морозова. Описаніемъ этихъ памятниковъ старины занимался и г. Пассекъ. Такъ какъ все это труды въ настоящее время рѣдкіе, то нельзя не поблагодарить издателей за эту статью, заключающую въ себѣ перечисленіе городищъ съ описаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ, какъ Хорошево и Одринское.

Было время, когда въ наукѣ русской держалось мнѣніе ученаго Ходаковского, что городища представляютъ собою мѣсто, гдѣ въ языческой періодъ жизни русскихъ славянъ совершались ихъ богослужебные обряды, что всѣ они имѣютъ одинаковое устройство, при чемъ входъ въ нихъ всегда устроенъ съ востока. Послѣ того было сдѣлано нѣсколько описаній весьма большого количества городищъ, упомянутыхъ Пассекомъ,

а также Срезневскимъ, преосвященнымъ Филаретомъ, Самоквасовымъ, Морозовымъ. Эти работы показали, что какъ по своей обширности, такъ и по устройству, городища отличаются другъ отъ друга; что входы у нихъ бывають съ разныхъ сторонъ, смотря по мѣстности, при томъ всегда со стороны безопасной отъ врага. Благодаря нѣкоторымъ, иногда совершенно случайнымъ свидѣніямъ нашихъ древнихъ лѣтописей, оказалось, что городища представляютъ собою остатки укрѣпленій городовъ, существовавшихъ въ древній періодъ русской исторіи. Такъ отъ существовавшего въ до-монгольскую эпоху города Выря сохранилось до сихъ поръ городище вирское, отъ города Донца—донское. Если городища суть остатки городовъ, то вопросъ сводится только къ тому, какъ древне само городище. Относительно городищъ харьковской губерніи можно сказать, что они относятся къ періоду до-монгольскому. Это видно изъ того, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ документальныя свидѣтельства XVI и XVII вв., указывающія, что эти городища существовали до заселенія Слободской Украины, а стало быть города, остатками которыхъ они являются, существовали въ періодъ до-татарскій, такъ какъ со времени нашествія татаръ эти области были пустыней. По числу и мѣсту городищъ можно приблизительно гадать о населенности страны въ до-монгольской періодъ и гдѣ проходила граница между осѣдлымъ славянскимъ населеніемъ и его врагами — кочевниками тюрками. Жаль только, что положеніе нѣкоторыхъ городищъ не опредѣлено съ точностію, а указаны только уѣзды, въ которыхъ они находятся.

Продолжая календарнымъ путемъ популяризировать въ мѣстной читающей публикѣ мѣстную-же исторію, редакція Харьковскаго Календаря сдѣлала-бы несомнѣнно полезное дѣло, если-бы въ послѣдующихъ его изданіяхъ дала цѣльную, хотя-бы и краткую исторію того края. Трудно, конечно, соединить краткость, популяриность, полноту и интересъ изложенія; но тутъ можно вполне положиться на силы редакціи, въ лицѣ уважаемаго П. С. Ефименка, и на близкую связь ея съ историко-филологическимъ обществомъ. Желая возможно большаго распространенія дѣльно составленному и весьма полезному изданію харьковскаго статистическаго комитета въ формѣ календаря, заимствуемъ изъ него обращеніе ист.-филол. общества къ содѣйствію публики; оно съ интересомъ прочтется всякимъ любителемъ исторіи и можетъ служить хорошимъ указателемъ для другихъ подобныхъ учрежденій и предпріятій.

Отъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ.

Цѣль харьковскаго историко-филологическаго общества состоитъ въ развитіи и распространеніи историческихъ и филологическихъ знаній и въ сохраненіи словесныхъ памятниковъ старины.

Лица интересующіяся русскою исторіей вообще, исторіей южной Россіи въ частности могутъ оказать полезное содѣйствіе харьковскому историко-филологическому обществу сообщеніемъ свѣдѣній о старинѣ и доставленіемъ старинныхъ вещей.

Желательны: 1) Приведеніе въ извѣстность числа, величины и формы городищъ и кургановъ и сообщеніе связанныхъ съ ними народныхъ преданій и разсказовъ. Если городища и курганы раскапывались, то нужно знать: когда, кѣмъ, какимъ способомъ, что было найдено и гдѣ найденное въ курганѣ нынѣ хранится. 2-хъ) Доставленіе древнихъ вещей всякаго рода, глиняныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ, какъ-то: предметовъ вооруженія, украшенія; одежды, утвари, монетъ; доставленіе иконъ стараго письма, преимущественно съ чертами мѣстнаго южно-русскаго искусства; указаніе и описаніе старинныхъ портретовъ, хранящихся въ монастыряхъ, церквахъ или въ фамильныхъ собраніяхъ частныхъ лицъ, доставленіе списковъ съ разныхъ древнихъ надписей (на сволокѣ, камнѣ, книгѣ и пр.). При этомъ желательны письменныя объясненія: гдѣ, когда и кѣмъ вещь была найдена. Если нельзя получить вещи, то желательно получить съ нея точныя рисунки или фотографическіе снимки. 3) Сообщеніе свѣдѣній о малорусскомъ языкѣ, словарей мѣстныхъ говоровъ, сказокъ, повѣрій, заклинаній, пѣсень и обрядовъ всякаго рода, родинныхъ, свадебныхъ, похоронныхъ, заживныхъ и др., разсказовъ о цѣлебныхъ источникахъ, кладахъ, колдунахъ, вѣдмахъ, чертихъ, чародѣйствѣ и т. п. 4) Сообщеніе преданій и разсказовъ о церквахъ, монастыряхъ, иконахъ; о происхожденіи селъ и городовъ, о старинномъ землевладѣніи, въ частности заимкѣ; о государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, старинныхъ войнахъ, о татарахъ, казакахъ, гайдамакахъ, о шляхахъ, о чумачествѣ. 5) Доставленіе свѣдѣній объ остаткахъ церковныхъ братствъ, о старинныхъ школахъ и способахъ обученія, о школьной жизни, о формахъ общественнаго призрѣнія (шпиталихъ), о бандуристахъ (гдѣ живетъ, у кого учился, какія пѣсни знаетъ и пр.). 6) Сообщеніе о хранилищахъ рукописей и доставленіе оригиналовъ или копій съ рукописей, а именно: грамотъ, въ томъ числѣ грамотъ на данныя отдѣльнымъ лицамъ земли, юридическихъ документовъ, межевыхъ записей, фамильныхъ лѣтописей (напримѣръ лѣтописи Квитокъ, Лесевичскихъ, Кондратьевыхъ), историческихъ записокъ (напримѣръ «Экстракта о слободскихъ полкахъ»), писемъ, дневниковъ, сельскохозяйственныхъ документовъ, старинныхъ учебниковъ, проповѣдей, непанечатанныхъ повѣстей, драмъ и лирическихъ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ, сборниковъ литературнаго или историческаго содержанія, литературныхъ альбомовъ, пантеприковъ, обличительныхъ статей, старинныхъ пасквилей, лечебни-

ковъ, каталоговъ старинныхъ рукописныхъ собраній и библіотекъ и проч. и 7) доставленіе старинныхъ книгъ.

Согласно съ 3 § устава, археологическіе и этнографическіе предметы, преобрѣтенные обществомъ, поступаютъ въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при харьковскомъ университетѣ; рукописи и книги остаются въ вѣдѣніи общества и составляютъ его библіотеку, которая помѣщается въ зданіи университета.

Общество имѣетъ въ виду, по мѣрѣ денежныхъ средствъ, согласно съ 2 § устава, издавать ученые излѣдованія, намятники, мелкія замѣтки, критико-библіографическія статьи и обзорнія. Въ эти изданія войдутъ рефераты членовъ общества въ цѣломъ видѣ или въ сокращеніи и отчеты о сдѣланныхъ въ архивъ и въ библіотеку общества выладахъ и пожертвованіяхъ.

По § 19 устава, въ случаѣ закрытія общества, все имущество поступаетъ въ вѣдѣніе университета.

Письменные сообщенія и приношенія присылать по слѣдующему адресу: *Въ Харьковъ, въ университетъ, въ историко-филологическое общество.*

Предсѣдатель профессоръ *А. Потебня*. Секретарь доцентъ *Н. Ѳ. Сумцовъ*. Б. Г.

Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.

Извѣстно всякому, кто жпвалъ въ Вплнѣ, или проѣзжалъ чрезъ нее, либо читалъ объ ней, что тамъ находится древняя, особо чтимая икона Божіей Матери, называемая *остробрамскою*. Икона эта находится въ рукахъ католиковъ и считается мѣстною польско-католическою свѣтынею. На самомъ дѣлѣ это древняя православная икона, перешедшая, вслѣдствіе историческихъ перемѣнъ въ краѣ, сперва отъ православныхъ къ униатамъ, а потомъ отъ этихъ послѣднихъ къ католикамъ. Судьба этой иконы сходна отчасти съ судьбою такой-же древней православной иконы въ г. Ченстоховѣ (петроковской губерніи), остающейся въ рукахъ католиковъ, и не менѣе древней иконы Богородицы въ г. Холмѣ (люблинской губерніи), возвращенной православію въ весьма недавнее время. Виленская икона Божіей Матери принесена туда изъ Корсуни, или Херсонеса Таврическаго великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ Гедиминичемъ, во время одного изъ успѣшныхъ его походовъ на крымскихъ

татарь, во 2-й половинѣ XIV ст., а въ какомъ именно году, неизвѣстно. Первоначально она находилась въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ, куда отдана была женою Ольгерда. Троицкій православный монастырь находился въ центрѣ русскаго населенія Вильны, а оно группировалось на южной оконечности города, выступавшей къ югу острымъ угломъ, отъ чего самая мѣстность эта называлась *острымъ*, а по населенію *русскимъ концемъ*. Тутъ былъ главный въѣздъ въ городъ; догадливые монахи троицкіе устроили здѣсь часовню и помѣстили въ ней данную имъ икону. Когда при великомъ князѣ Александрѣ обносили Вильну каменною стѣной, съ башнями и воротами, для защиты города отъ татарь, одни изъ 5-ти въѣздныхъ воротъ устроены были на «остромъ концѣ» и названы «острыми вратами»; на нихъ устроена была часовня и въ ней помѣщена икона. Книжное славянское слово: *врата* замѣнилось мѣстнымъ: *брама* и самая икона стала называться *остробрамскою*, подъ какимъ именемъ извѣстна и доселѣ. Болѣе двухъ столѣтій курсунская икона Благовѣщенія Богородицы, перенесенная въ Вильну, была предметомъ особаго чествованія православнаго населенія Вильны и можетъ считаться вполне русскою народною святынею. Но съ измѣненіемъ общей судьбы православія и русскою народности въ б. литовскомъ государствѣ и постепеннымъ возобладаіемъ въ немъ польско-католическаго элемента, измѣнилась и судьба этой святыни: въ началѣ XVII ст., когда всѣ виленскія православныя церкви, которыхъ было свыше 20-ти, переданы были королевскимъ декретомъ уніатамъ, въ числѣ другихъ ими взята и церковь св. Николая, въ которую незадолго предъ симъ православные жители Вильны, за отобраніемъ у нихъ троицкаго монастыря, перенесли курсунскую икону. Захватъ этой святыни открытою силою произвелъ большое волненіе въ жителяхъ Вильны, оставшихся вѣрными православію, тѣмъ не менѣе икона осталась за уніатами и снова перенесена въ часовню на Острыхъ воротахъ. Это было въ 1609 г., а спустя 60-тъ съ небольшимъ лѣтъ, когда обветшавшая уніатская часовня, декретомъ особой комисіи была закрыта, икона фактически стала достояніемъ монаховъ кармелитовъ, которые сперва поставили ее въ сосѣднемъ костелѣ св. Терезин, а потомъ устроили для нея на тѣхъ-же воротахъ новую часовню. Въ 1744 г. часовня деревянная была замѣнена каменною, существующею и понынѣ: часовня и икона получили полную католическую обстановку. Новые владѣльцы иконы счумѣли, какъ нельзя лучше, воспользоваться ея народнымъ историческимъ значеніемъ: съ помощію дорогихъ украшеній, роскошной обстановки, нарочитыхъ моленій и пышныхъ процессій они перенесли въ среду католическую то благовѣніе, которымъ окружена была икона въ мірѣ православномъ, а

посредствомъ этого долго увлекали въ католичество массы православныхъ и униатовъ и, наконецъ, съ присоединеніемъ края къ Россіи создали изъ древней русской святыни орудіе преступныхъ манифестацій противъ русскаго владычества, какъ это было въ 1794, 1830 и 1863 гг. Древняя принадлежность иконы православію не разъ была изслѣдуема и доказываема, злоупотребленіе народнымъ къ ней благоговѣніемъ для цѣлей политическихъ было слишкомъ очевидно; не смотря на то, она не могла быть возвращена православію ни въ силу особаго высочайшаго повелѣнія 1832 г., ни по почину всеильнаго Муравьева, въ періодъ послѣдняго польскаго возстанія.

Такова вкратцѣ исторія виленской остробрамской иконы Божіей Матери и таково содержаніе книги о ней о. Н. Соколова.

Описанная имъ икона имѣла уже свою обширную литературу на русскомъ и польскомъ языкахъ, усложняющуюся тѣмъ, что исторія этой святыни неразрывно связана съ исторією г. Вильны и всего края, и писавшіе о городѣ и краѣ писали и объ иконѣ, и на оборотъ излагавшіе собственно судьбу иконы касались исторіи города и цѣлаго края. О. Соколовъ, какъ видно изъ его книги, имѣлъ подъ руками массу печатнаго матеріала, общаго и спеціальнаго, но, къ сожалѣнію, разобраться въ немъ не сумѣлъ. По видимому, онъ чувствовалъ это самъ и потому раздѣлилъ добытыя имъ свѣдѣнія на двѣ далеко не равныя части и изъ одной меньшей составилъ собственно исторію иконы, изложенную на 101 стр., а другую, гораздо большую на 405 стр. приложилъ къ ней въ видѣ 367 примѣчаній. Но, прочитавъ всю книгу, нельзя не видѣть, что съ одной стороны въ самую исторію внесено не мало такого, что могло-бы быть или вовсе опущено, или отнесено къ примѣчаніямъ, съ другой — въ самыхъ примѣчаніяхъ есть масса совершенно лишняго и посторонняго и есть такія данныя, которыя не лишніи были-бы въ самой исторіи. Пронзшло это, какъ намъ кажется, не въ силу только неумѣнья автора отличить главное и существенное отъ посторонняго и не важнаго, но и потому, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ цѣль настоящаго своего труда. Послѣ того, какъ о виленской остробрамской иконѣ написано такъ много, задачей новаго изслѣдователя могло быть или добыть, если возможно, новымъ какии либо данныя для исторіи этой иконы, подвергнувъ критикѣ прежнія данныя, или-же, воспользовавшись готовымъ матеріаломъ, составить сжатое, для всякаго понятное и доступное изложеніе судебъ древней виленской русской святыни. Новыхъ свѣдѣній объ иконѣ автору не удалось добыть, архивнымъ матеріаломъ онъ не пользовался, критики источниковъ у него также нѣтъ; оставалось, значитъ, послѣднее, и въ немъ чувствуется на мѣстѣ большаго

потребность, на что указывает и самъ авторъ. Но именно этого онъ и не сдѣлалъ: книга вышла объемистая, но живой, полной, легко читаемой исторіи иконы въ ней нѣтъ, а цѣна 1 р. не можетъ быть названа общедоступною и не отвѣчаетъ интересу, доставляемому чтеніемъ книги.

Интересу книги, кромѣ неумѣлаго распредѣленія матеріала, мѣшаютъ два обстоятельства: во 1-хъ полемическій тонъ книги и въ 2-хъ особая манера изложенія и изыскъ автора. Авторъ, пиша историческое изслѣдованіе не можетъ сохранить спокойнаго тона; онъ смотритъ на событія давно-прошедшія, какъ-бы они происходили предъ его глазами, раздражается тѣмъ, что они шли несогласно съ его чувствованіями и желаніями и свое раздраженіе выражаетъ массою такихъ эпитетовъ, которые, не помогаютъ изложенію и тѣмъ непрятыѣ дѣйствуютъ на читателя, что являютъ въ формѣ словъ мало вѣмъ употребляемыхъ, какъ на примѣръ «злосозненный, зловредный, злоухищренный» и т. п. Особенности языка автора составляютъ длинныя, трудно-читаемые періоды, а также масса всевозможныхъ, часто совершенно лишнихъ эпитетовъ, однозвучныхъ, въ большей части также не нужныхъ приставокъ и такихъ фразъ и оборотовъ, построеніе которыхъ трудно чѣмъ-либо оправдать. Упомянувъ объ учрежденіи въ 1857 г. при костелѣ бывшаго монастыря св. Терезіи, онъ прибавляетъ: «такимъ образомъ *приостроворотный* костелъ сталъ въ свою очередь самъ *приуроченнымъ* къ св. Богородичной Островоротной иконѣ, соединеннымъ и даже связаннымъ съ нимъ необходимо». Объявленныя въ 1609 г. уніатскими впаенскіи прав. церкви должны были, по выраженію автора, «*сиснуть* въ уніи и отъ уніи»; «средняя лампада въ часовнѣ всегда имѣетъ горѣніе», т. е. горитъ, «открытіе завѣстъ при св. иконѣ *происходитъ* не иначе, какъ лицомъ, имѣющимъ право надѣвать извѣстное костельное облаченіе» ..., «въ часовнѣ бываетъ 8—10 обѣденъ въ день—читанныхъ и поемыхъ, играемыхъ, смотря по усердію усердствующихъ, различными песендами», «честованіе иконы Одигитріи, Путеводительницы, въ священнѣйшемъ мѣстѣ величественнѣйшаго кафедральнаго, митрополичьяго, пречистенскаго собора больше и больше, такъ сказать, *вбиралось* въ этотъ замѣчательно представительный по своему времени храмъ Пречистыя», и т. п. и т. д.

Вообще книга автора читается съ большимъ трудомъ и не оставляетъ цѣльнаго представленія о судьбахъ виленской остробрамской иконы. Задавшись, по видимому, цѣлію написать исторію иконы, авторъ излишне распространился о современномъ ея положеніи и обстановкѣ, мѣшаетъ исторію съ описаніями и собственными чувствованіями, влается въ излишнія подробности, касается постороннихъ матерій, особенно въ примѣчаніяхъ, но всего болѣе онъ портитъ успѣху книги страстнымъ изложеніемъ и крайне необработаннымъ и тяжелымъ языкомъ. Видно, авторъ поторопился изданіемъ своего новаго труда, не осиливъ бывшего въ его рукахъ обширнаго матеріала и слишкомъ мало потрудился надъ нѣвнѣшею отдѣлкою своей монографіи.

К. Ц.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ НА ВОЛЫНИ ДНЕЙ.

Въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ на 1883 г., въ отдѣлѣ „Извѣстія и Замѣтки“ была статья г. Тарнавскаго: „По поводу 50-ти лѣтняго юбилея почаевской лавры“, статья любопытная по многимъ историческимъ и описательнымъ даннымъ, касающимся почаевского монастыря. Прочитавши ее, вспомнилъ я, какъ назадъ тому почти 40 лѣтъ пробылъ я три дня въ этомъ монастырѣ, и теперь, собравши мои воспоминанія, рѣшаюсь подѣлиться ими съ читателями „Кіевской Старины“.

Это было въ 1845 году. Я служилъ тогда старшимъ учителемъ исторіи въ ровенской гимназіи. Собственно желаніе познакомиться съ юго-западною окраиною нашего отечества, столь богатою историческими памятниками и преданіями, было побудительною для меня причиною искать возможности переселиться на Волынь и пожить тамъ нѣкоторое время. При всѣхъ удобныхъ случаяхъ, когда я былъ свободенъ отъ служебныхъ обязанностей, я совершалъ по окрестностямъ разныя поѣздки. На страстной недѣлѣ въ 1845 году отправился я, вмѣстѣ съ тогдашнимъ моимъ товарищемъ по службѣ г. Малавскимъ, въ Кременецъ и Почаевъ, съ памѣреніемъ посѣтить также Вишневецъ и знаменитое въ малорусской исторіи Берестечко. Приѣхавши въ великую пятницу въ Кременецъ, мы восходили на гору Бону, очень высокую и крутую, осматрѣли тамъ развалины замка, приписываемаго королевѣ Бонѣ, а на другой день, отстоявъ велико-субботнюю утреню въ соборѣ, устроенномъ изъ бывшаго францисканскаго монастыря (отъ котораго горами валялись по двору разбитые католическіе изображенія ангеловъ, Бого-

матери и разныхъ святыхъ), мы уѣхали въ Почаевъ. Дорога шла по чрезвычайно живописной мѣстности: по бокамъ видѣлись холмы, покрытые рощами, съ самыми разнообразными и затѣйливыми очертаніями; то были отроги Карпатскихъ горъ, заходящіе изъ Галиціи въ предѣлы Россіи. День былъ ясный, весенній. Все дышало свѣжестью молодой жизни; развивались вербы и березы; на рѣкахъ и прудахъ воды, недавно освободившіяся отъ льда, начинали зеленѣть молодымъ камышомъ и пестрѣть водяными цвѣтами. Было такъ хорошо, что мы всю почти дорогу не ѣхали, а шли пѣшкомъ, и потому, не смотря на недалекое разстояніе отъ Кременца до Почаева, прибыли туда при солнечномъ закатѣ и остановились въ жидовскомъ постояломъ дворѣ. Тотчасъ-же мы отправились въ монастырь къ архимандриту, къ которому было у меня рекомендательное письмо. Отецъ архимандритъ оказался добродушный и веселый старикъ; нѣкогда, какъ онъ самъ о себѣ сообщалъ, онъ занималъ мѣсто протоіерея въ Каневѣ. Съ первыхъ-же минутъ нашей бесѣды онъ разговорился о мѣстной старицѣ, о постройкѣ почаевского храма, воздвигнутаго въ его настоящемъ видѣ старостою каневскимъ Потоцкимъ, извѣстнымъ безобразникомъ и забіякою.

По разказу о. архимандрита, этотъ панъ Потоцкій однажды ѣхалъ по горѣ въ виду Почаева, видѣвшагося издали. Вдругъ кучеръ, по неосторожности, опрокинулъ его экипажъ. Разсерженный панъ приказалъ кучеру остановиться, взявъ ружье и хотѣлъ стрѣлять въ него. Убить человѣка для буйнаго пана въ припадкѣ гнѣва ничего не значило, и это практиковалось имъ не одинъ разъ. Кучеръ въ ужасѣ обратился къ видѣвшемуся монастырю и началъ просить спасенія у почаевской Божіей Матери: „Najświętsza Matko Poczajowska, ratuj mię!“ Панъ спустилъ курокъ—сдѣлалась осѣчка; панъ снова взвелъ курокъ и спустилъ—въ другой разъ осѣчка. Это поразило буйнаго пана: онъ бросилъ ружье и сталъ у кучера допрашивать, какая это почаевская Божія Мать, которую кучеръ призывалъ. Панъ мало занимался предметами благочестія и потому до тѣхъ поръ и не слышалъ о чудотворной иконѣ Богоматери въ почаевскомъ монастырѣ, находившемся недалеко отъ него. Когда кучеръ, чудесно избавленный отъ смерти, сказалъ ему все, что зналъ и на сколько умѣлъ, панъ пришелъ въ задумчивость. Внезапно пробудилась въ немъ совѣсть: началъ онъ скорбѣть о мно-

жествъ совершенныхъ имъ въ жизни безчинствъ и злодѣяній—явилась склонность къ покаянію. Онъ велѣлъ везти себя въ почаевскій монастырь, и поклонился чудотворной иконѣ. Съ этихъ поръ чувство раскаянія овладѣвало имъ болѣе и болѣе; до невыносимости гнусною показалась ему протекшая жизнь. При этомъ о. архимандритъ вспомнилъ о разныхъ выходкахъ безобразія этого пана, которыя иногда соединялись и съ чувствомъ правды. Такъ, однажды, онъ встрѣтилъ мужика, плакавшаго надъ бочкой разлитаго дегтя. На вопросъ: что это значить? мужикъ сказалъ, что ѣхалъ доминиканскій монахъ, и за то, что мужикъ не успѣлъ свернуть съ дороги, онъ наѣхалъ на него и дышломъ пробилъ дно бочки съ дегтемъ. Панъ Потоцкій пустился догонять доминикана, воротилъ его къ мужику и заставилъ монаха, въ его бѣлой одеждѣ, пролѣзть сквозь разбитую бочку. Доминиканъ представлялъ, что онъ ѣхалъ напутствовать больнаго св. дарами, но панъ сказалъ, что деготь есть также даръ Божій и не можетъ причинить поруганіе Христу; напротивъ, оскорблять своего ближняго есть посягательство на поруганіе Христа. Когда монахъ все еще упрямылся, панъ пригрозилъ ему канчуками и монахъ долженъ былъ исполнить приказаніе пана. Наказавши такимъ образомъ монаха, панъ вознаградилъ мужика за утраченный деготь. Въ другой разъ онъ узналъ, что у одного изъ его сосѣдей, у котораго имѣніе было на арендѣ у жидавъ, жида обращались нахально съ панскими подданными. Между прочимъ жидъ приказывалъ мужикамъ доставлять ему дрова, и мужикъ привозившій дрова долженъ былъ по вязанкѣ сносить ихъ въ высокой сѣноваль. Панъ Потоцкій переодѣлся въ крестьянское платье, сѣлъ на возъ съ дровами и отправился къ жида, который подумалъ, что это мужикъ изъ его села привозить ему дрова. Панъ терпѣливо спесь нахальное обращеніе съ нимъ жида и послушно понесъ вязанку за вязанкой по узкой лѣстницѣ, куда указывалъ ему путь жиденокъ, наблюдавшій за нимъ сзади. Между тѣмъ панъ, отъѣзжая изъ дому, приказалъ ѣхать вслѣдъ за собою каретѣ въ сопровожденіи гайдуковъ, а въ карету приказалъ сѣсть мужику, отъ котораго узналъ о нахальномъ обращеніи жида съ крестьянами, и когда, всходя на сѣноваль, панъ увидалъ, что карета приближается, то спустившись съ лѣстницы, ударилъ жиденка полѣномъ по головѣ и положилъ его на мѣстѣ. Сбѣжались жида, подняли гвалтъ,

а тутъ подѣхала панская карета, и слуги обратились съ знаками почтенія къ своему господину. Тогда только узнали жида, что за мужикъ привозилъ имъ дрова и что за панъ сидѣлъ въ каретѣ. Панъ Потоцкій приказалъ собрать всѣхъ бывшихъ въ томъ имѣніи жидовъ и жидовокъ и отъ мала до велика перестрѣлялъ ихъ всѣхъ, не пощадивши и младенцевъ. Владѣлецъ имѣнія, гдѣ происходило это событіе, подалъ судебный искъ. Тогда панъ Потоцкій поѣхалъ по околицѣ, наловилъ десятка два или три жидовъ, собралъ ихъ у себя и приказалъ наложить на возы, придавивши „рублемъ“ (гнетомъ), какъ дѣлаютъ при возкѣ сноповъ и привезъ къ пану сосѣду, который въ ту пору случился у себя въ имѣніи. „Вотъ“, сказалъ ему Потоцкій: „вы подали на меня искъ, что я пострѣлялъ у васъ нѣсколькихъ жидовъ; я вамъ плачу за нихъ— даю нѣсколько десятковъ“. Но многіе изъ этихъ несчастныхъ задохлись, сваленные тѣсно подъ гнетомъ. Архимандритъ вспомнилъ также о „Бондаривнѣ“, о которой сохранилось преданіе на Воляни и осталось такъ живо, что у многихъ зажиточныхъ хозяевъ можно видѣть рисунокъ малорусской дѣвушки, выдаваемый за портретъ „Бондаривны“.

Послѣ приключенія съ кучеромъ и затѣмъ посѣщенія почаевского монастыря, панъ принялъ намѣреніе, ради покаянія, окончить дни свои гдѣ нибудь въ монастырѣ, но хотѣлъ извѣдать, въ какой монастырь укажетъ ему идти высшій Промыслъ. Онъ нарядился нищимъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ нѣсколько католическихъ монастырей. Вездѣ его принимали дурно, ограничиваясь ничтожнымъ подаваніемъ; но когда онъ явился въ почаевскій униатскій монастырь, бывшій бѣднѣе другихъ, тамъ его приняли радушно, накормили, напоили, дали пріютъ для ночлега. Потоцкій счелъ это небеснымъ указаніемъ и черезъ нѣсколько времени прибылъ туда, только уже не въ нищенскомъ видѣ, а въ великолѣпной каретѣ, и привезъ большую сумму на построеніе каменнаго храма, того самаго, который существуетъ до сихъ поръ. Здѣсь онъ и поселился въ качествѣ послушника, произвольно смирялъ себя, исполнялъ черныя работы, но иногда невольно выказывалъ и прежнія панскія замашки. Такъ, напримѣръ, подметая корридоры келій, онъ будилъ къ заутрени монаховъ, и чуть только замѣтитъ въ комъ либо лѣность, того потянетъ по спинѣ метлою. Здѣсь онъ умеръ и былъ погре-

бенъ въ построенной имъ церкви; тѣло его, долго оставаясь нетлѣннымъ, показывалось богомольцамъ одѣтое въ польскій кунтушъ и обутое въ огромные сафьянные сапоги. Послѣ обращенія монастыря въ православіе, это тѣло повелѣно схоронить и не показывать никому, чтобы народъ не признавалъ его святыми мощами.

Во время разсказа архимандрита, вошелъ послушникъ и попросилъ благословенія звонить къ „Дѣянїямъ“. Мы стали прощаться съ архимандритомъ. Онъ пригласилъ насъ прибыть въ полночь къ богослуженію, а послѣ литургїи—разговляться вмѣстѣ съ братїею въ трапезѣ. Въ назначенное время мы отправились въ церковь, внутри великолѣпно освѣщенную, и прослушали пасхальное богослуженіе. Напѣвъ въ почаевскомъ монастырѣ, хотя веселый, какъ вездѣ, показался мнѣ нѣсколько отличнымъ отъ того, какой я привыкъ слышать въ церквяхъ: онъ напоминалъ мнѣ слышанные въ дѣтствѣ мотивы экосеса. Церковь почаевская—одна изъ просторнѣйшихъ, какія я видѣлъ въ Россїи, и сохранила на себѣ сильныя слѣды прежняго католичества. За низенькимъ иконостасомъ, сдѣланнымъ уже по присоединеніи къ православію, виднѣлся по другую сторону престола у капитальной стѣны высокій католическій иконостасъ. Во многихъ мѣстахъ въ трапезѣ у столбовъ стояли алтарики, употребляемые католиками и униатами для тихой обѣдни и никакъ немыслимые въ православномъ храмѣ, такъ какъ они обращены были не на востокъ, и самые престолы примыкали прямо къ стѣнѣ, а вмѣсто образовъ были скульптурныя изображенія; на хорахъ оставался еще большой органъ, хотя уже не бывшій въ употребленіи. Въ храмѣ было множество сельскаго люда обоюго пола въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ; все это были, какъ я узналъ, крестьяне изъ Галиціи, постоянно приходящіе сюда на праздники.

Послѣ обѣдни, вслѣдъ за архимандритомъ, мы пошли въ обширную залу съ накрытыми столами, на которыхъ разставлены были пасхальныя снѣди, но безъ мясныхъ кушаньевъ. Послѣ хороваго пѣнія „Христосъ Воскресе“, всѣ прїнялись разговляться и затѣмъ, тутъ-же, начался обѣдъ, не смотря на то, что солнце только что восходило. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ рыбныхъ кушаньевъ и сливочнаго крема. Я замѣтилъ, что братія, которой я насчиталъ тогда 18 человекъ, ничего не ѣла. Послѣ обѣда отецъ архимандритъ

пригласилъ насъ въ свою келію—и тамъ увидали мы разставленный на столѣ обильный запасъ всякихъ кушаньевъ и множество бутылокъ съ наливками и виномъ. Архимандритъ объяснилъ намъ, что у нихъ въ праздники трапеза бываетъ только для приличія, а всѣ они „утѣшаются“ по келіямъ; при этомъ онъ объяснилъ, что въ западномъ краѣ, гдѣ еще свѣжи уніатскіе и католическіе обычаи, такое нарушеніе принятыхъ въ православномъ монашествѣ обычаевъ, терпится и дозволяется, и черное духовенство позволяетъ себѣ наравнѣ съ бѣлымъ разрѣшать на мясо.

Послѣ того мы пробыли въ монастырѣ трое сутокъ, пользуясь гостепримствомъ и радушіемъ отца архимандрита и всей братіи. Въ понедѣльникъ мы обѣдали у архимандрита въ его келіи и должны были отдать честь его повару. Монахи, которыхъ большая часть изъ уроженцевъ чисто-русскихъ губерній, зазывали насъ по однопочкѣ другъ передъ другомъ и старались угостить какъ можно обильнѣе, такъ что мы принуждены были отдѣлываться отъ ихъ любезности. Я осмотрѣлъ монастырскую бібліотеку; она оказалась очень богатою старопечатными русскими книгами благочестиваго содержанія, но я не имѣлъ времени ознакомиться съ ними подробнѣе. Замѣчу, что перебирая книги, я нашелъ одну старопечатную глаголитскаго письма въ малую четверку; за неимѣніемъ при себѣ азбуки и не зная ее наизусть, я не могъ разобрать, что это за книга: только на оберткѣ ея было написано по польски скорописью: „heretycka ksiązka“.

Въ главной почаевской церкви показываютъ „стопку“ Божіей Матери. Изъ этой стопки сочится вода; чтобы видѣть эту стопку, надобно наклониться и вложить голову въ отверстіе находящейся въ стѣнѣ ниши, постоянно затворенное и открываемое только по желанію. По свѣдѣнію, сообщенному архимандритомъ, этой воды насочится въ день около чайной ложечки, иногда и меньше, а такъ какъ богомольцевъ приходитъ много, и много желающихъ имѣть эту воду, то „мы“, замѣчалъ архимандритъ, „впускаемъ поль-ложечки этой чудотворной воды въ цѣлую кадъ съ обыкновенною простою водою“. Преданіе говоритъ, что еще въ то время, когда не существовало монастыря въ XIII вѣкѣ, пастухи увидали на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стопка, стоящую Божію Матерь. Изображеніе исчезло, а слѣдъ ноги остался на камнѣ, и изъ него начала сочиться

вода. Монастырь построенъ на скалѣ, воды кругомъ близко нѣтъ и появленіе воды въ „сточкѣ“ признается чудомъ. Въ длинномъ корридорѣ, ведущемъ отъ главной церкви въ нижнюю теплую, нарисована на стѣнѣ исторія чудеснаго избавленія Почаева отъ турецкаго нападенія. Событіе это относятъ къ тому времени, какъ турки, помогая гетману Дорошенку, сдѣлали нашествіе на южные предѣлы Рѣчи Посполитой въ 1672 году. Монастырь въ то время былъ еще православный; игуменомъ тамъ былъ Іовъ Залізо. Турецкій паша пришелъ съ войскомъ подъ Почаевъ; множество сосѣдней шляхты убѣжало тогда въ почаевскій монастырь, рѣшаясь тамъ дать отпоръ неприятелю. Но осажденные стали терпѣть недостатокъ сѣстнаго и въ отчаяніи рѣшились сдѣлать вылазку, вступить въ бой съ врагами и погибнуть въ сѣчѣ. Отецъ Іовъ служилъ обѣдню, которая должна была быть уже послѣднею какъ для него, такъ и для его паствы. Въ ту самую минуту, когда онъ провозгласилъ: „изряднѣй о пресвятѣй, пречистѣй и преблагословещѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и присно Дѣвѣ Маріи“, на крестѣ монастырскаго храма появилось изображеніе Божіей Матери. Она грозила рукою турецкому войску. Турки, по приказанію своего паша, пустили въ изображеніе ядро, но это ядро обратилось назадъ и положило многихъ турокъ. Событіе это произвело такой панической страхъ, что все турецкое войско убѣжало, а польское, ободрившись, стало его преслѣдовать и нанесло ему пораженіе подъ Вишневецемъ. Такъ рассказывалъ архимандритъ, передавая сохранившееся преданіе. Въ такомъ-же видѣ передается это событіе въ народнѣйшей пѣснѣ, которую поютъ лирники во всей южной Руси. Но изслѣдованіе г. Тарнавскаго („Кіев. Стар.“ 1883 г. дек. стр. 685) указываетъ намъ, что это анахронизмъ. Іовъ скончался 28 октября 1651 года, ста лѣтъ отъ роду, и въ 1658 году митрополитъ Діонисій Балабанъ открылъ нетлѣпныя мощи его для всенароднаго почитанія. Въ почаевскомъ монастырѣ намъ показывали яму, вырубленную въ скалѣ, куда преподобный Іовъ иногда влѣзалъ, желая предаться уединенному богомыслию.

Изъ монастырской террасы открывается живописнѣйшій видъ на Подкамень съ католическимъ монастыремъ и на разсѣянные тамъ и сямъ села съ развалинами замковъ въ предѣлахъ Галиціи.

Посѣтивши почаевскій монастырь, мы отправились въ Вишневецъ и, наскоро осмотрѣвши тамъ у г. Мнишка богатую картинную галерею, со множествомъ портретовъ историческихъ дѣятелей, оттуда направили путь къ Берестечку. Мы посвятили три дня на осмотръ злосчастнаго поля, гдѣ нѣкогда потерпѣла поражение козацкая сила. Праздничное время уже кончалось—мы возвратились въ Ровно къ своимъ служебнымъ обязанностямъ.

Н. Костомаровъ.

КЪ ИСТОРИИ МАЛУРУССКИХЪ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПРАВОВЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Въ 1759 г. козакъ Севастьянъ Бородуха прислалъ въ полковую черниговскую канцелярію на имя черниговскаго полковника Божича доношеніе, въ которомъ говорилъ, что родной его племянникъ, Ѳеодоръ Бородуха, уклоняясь отъ козацкой службы, хочетъ принять священнической чинъ. Севастьянъ Бородуха сообщаетъ начальству о слѣдующихъ „винахъ“ своего племянника.

1) „Онъ, Ѳеодоръ Бородуха, женился на поповнѣ Меланьѣ, которой исполнилось только одиннадцать лѣтъ (родилась 31 декабря 1748 г., вышла замужъ 31 января 1759 г.).

2) „Она малолѣтняя жена, хотя до замужества своего лѣтъ совершенныхъ не имѣющая, еднакъ явилася свѣтовой публициѣ совершенною подозрительницею, когда въ обыкновенномъ первопубличномъ ложѣ своемъ малженскимъ, на актѣ своемъ весельномъ, не явилась по дѣвотству своему порядочною дѣвкой“. Да и мать ея, „удовая попадья, не вѣдомо съ кимъ, съ зятемъ своимъ, але съ кимъ другимъ, блудно и незаконно женска полу, Елену по имени, родила дитя“.

3) „Онъ-же, Ѳеодоръ Бородуха, зъ мало уживаннихъ имъ наукъ, да и то только русскаго діалекту по печатнымъ книгамъ чтенія, скорописное-же по русску почти читать и писать не умѣеть, народъ учить о вѣрѣ и житіи вовсе неспособенъ и не годится“.

4) „Еще онъ и пьяница таковъ невоздержанный, что, многократно снивъ умъ, потолику изумляется, что люди принуждены связывать его“.

5) „Многихъ честныхъ людей, въ томъ числѣ и мать свою родную, многократно безвинно ихъ биваль и кровавилъ“, за что много разъ судился.

и 6) Отстраняется отъ службы, не смотря на то, что не имѣеть на то права“.

Севастьянъ Бородуха находитъ поведеніе своего племянника противнымъ правиламъ святыхъ отецъ и проситъ полковую канцелярію увѣдомить епископа о поведеніи Ѳедора Бородухи и послать его въ походъ, чтобы онъ послужилъ, какъ служили его предки Бородухи.

Первая просьба Севастьяна Бородухи была исполнена полковой канцеляріею. Въ духовную канцелярію черниговскаго архіепископа было послано увѣдомленіе, что Ѳедоръ Бородуха оженился непорядочно, отъ козачей службы уклоняется и въ силу всего этого въ священники не годится.

(Извлечено изъ дѣлъ архива малороссійской коллегіи, находящагося при харьковскомъ университетѣ).

Н. С.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНІЕ НАЧАЛА НАШЕГО СТОЛѢТІЯ.

Сопоставляемъ ниже два документальныхъ свидѣтельства о домашнемъ воспитаніи, оба относящіяся по времени къ первой четверти нашего столѣтія, а по мѣсту — къ новороссійскому краю. Первое мѣсто принадлежитъ Александру Семеновичу Пишчевичу, краткія свѣдѣнія о коемъ сообщены въ январской книжкѣ „Кіевской Старицы“, и представляютъ выдержку изъ его „Дневной Записки“ на 1806 годъ. Приводимыя въ нея строки рисуютъ основанія той модной европейской муштры, которая составляла всю сѣть тогдашней педагогій; авторъ „Записки“ рѣзко осуждаетъ и такую систему воспитанія, и то заграничное пустозвонство, которое являлось послѣдствіемъ ея; онъ не щадитъ красокъ,—благо, въ нихъ не было недостатка, и по своимъ понятіямъ нащипанастъ Стародума,—быть можетъ, и не случайно. Второй документъ есть произведеніе пера неизвѣстнаго по имени иностранца-педагога; это—довольно своеобразное обязательство, заключающее программу занятій съ молодыми людьми. При чтеніи его не знаешь,

чему отдать предпочтеніе: убогому невѣжеству, или хвастливости захожаго просвѣтителя. Невольно приходитъ на память екатерининская старина, въ то время уже забывавшаяся въ столицахъ, воскресаютъ типы, осмѣянные Фонвизиномъ, но не вымершіе, какъ видно, и въ напемъ столѣтіи въ сельской глуши юга Россіи. „Обязательство“ найдено нами въ семейныхъ бумагахъ Николая Ивановича Хорвата, жительствоващаго въ селѣ Шамовкѣ александровскаго уѣзда; въ немъ идетъ дѣло о воспитаніи отца и дяди его; отецъ его, Иванъ Антоновичъ, родился въ 1805 году и былъ младшимъ братомъ; слѣдовательно, предлагаемый нами читателямъ документъ относится къ двадцатымъ годамъ. Разница во времени между отзывомъ Пищевича и произведеніемъ иностраннаго педагога, не значительная впрочемъ, не мѣшаетъ ихъ взаимному сродству: одно знакомитъ насъ съ условіями воспитанія, другое съ результатами его.

Сначала приводимъ отзывъ Пищевича.

Сказавъ о балѣ, данномъ въ зданіи херсонскаго благороднаго собранія, и о только-что входившемъ тогда въ моду вальсѣ, который показался Пищевичу танцемъ безразвѣстнымъ, онъ продолжаетъ:

„Послѣ сего обзрѣмъ, въ чемъ состоитъ вообще основаніе воспитанія нашей молодежи, разумѣется, воспитанія моднаго. Выучи сына танцовать, играть на фортепьянѣ или гитарѣ, и ежели можно, чтобы онъ могъ цѣть, то это будетъ прекрасно; говорить по французски, разумѣется — только говорить, а что говорить, до того дѣла нѣтъ; по русски писать русскому неминуемо надобно, но чтобы умѣлъ паче всего сочинять въ стихахъ пасквили на женщинъ, иногда касаться правительства; впрочемъ, дозволяется о законѣ Божіемъ стихами и прозою говорить самымъ неблагопристойнымъ образомъ, и требуется въ добавокъ не имѣть никакой вѣры и насмѣхаться надъ святостью, руководствующею человѣками, приписывая созданіе Божіе все случаю слѣпому: послѣ сего не уважать ни старости, ни достоинствъ и ставить себя выше всего; рисованіе идетъ также въ модное воспитаніе, но чтобы оно не далѣе простиралось, какъ снимать силуэты, и ежели достанетъ понятія, то не худо выучиться составлять узоры для пялецъ; симъ средствомъ молодой человѣкъ получаетъ право входить въ спальню и

другія внутреннія комнаты дома, гдѣ занимаются комнатныя дѣвки выпиваемъ, и симъ средствомъ заключать связи для достиженія сердець или сихъ швей, или самой госпожи, или ея дочерей; ко всему этому въ заключеніе, если молодой человѣкъ опрятно и ловко одѣвается въ одежду, для сего же вѣка изобрѣтенную, также самую неблагопристойную, ибо всѣ части мужского тѣла не только стянуты, но выставлены наружу со всѣхъ сторонъ, и, дабы не краснѣть такимъ безстыдствомъ, то модная ческа выдумала средство закрывать глаза и все лицо кудрями головныхъ волосъ. Вотъ впрямь изображеніе молодого человѣка, хорошо воспитаннаго, котораго называютъ женщины милымъ, вертопрахи—ловкимъ, а люди съ разсудкомъ—ученымъ дуракомъ, отечеству ни на что не надобнымъ... Замѣтимъ, что и женщины нонишняго воспитанія приготовляются совсѣмъ противоположно тому, къ чему онѣ сотворены. Должность матери, должность хозяйки совсѣмъ удалены отъ воспитанія ихъ. Болтанье на французскомъ языкѣ, играіе на какомъ либо инструментѣ и пляска—суть главныя черты, которыя входятъ въ модное воспитаніе; добавьте къ этому всю школу кокетства и полунагое одѣваніе и вы будете имѣть совершенную идею о женщинахъ 19-го вѣка, вѣка просвѣщеннаго, которому-бы удивились наши предки, ежели-бы напримѣръ скромныя россиянки 17 вѣка, жившія въ своихъ теремахъ, могли встать и обозрѣть поприлѣжнѣ своихъ согражданокъ“.

А вотъ обязательство иностранца—педагога.

„Обязываюсь учить слѣдующему:

По нѣмецки, по французски, по итальянски, священной исторіи, всемірной исторіи, географіи, математикѣ и политикѣ, философіи съ ея частями, натуральной исторіи и математическимъ частямъ (?), къ способности молодыхъ людей. Не льстясь легкою методою, ни основаніемъ первыхъ правилъ и правоученія, способныхъ для обрабатыванія разума и образованія сердца молодыхъ людей, чтобъ имъ внушить добродѣтели, полезныя для общества, я буду заниматься ихъ воспитаніемъ слѣдующимъ образомъ. Глубокое раздробленіе грамматики (?), синтаксисъ, единомысленное правленіе словъ, чтобъ достигнуть хорошо понимать и переводить; порядокъ въ чтеніи, по слогу и словамъ, которые имъ будутъ трудны для понятія,

и даже тѣ, которые имъ совершенно неизвѣстны въ теченіяхъ нашихъ лучшихъ сочинителей, какъ древнихъ, и нынѣшнихъ, давая имъ чувствовать силу, пылкость и тонкость мыслей и выраженій, такъ-же, какъ и значеніе словъ, и знать степенни, до которыхъ наши знаменитые древніе и новіе писатели возвысились; точное диктованіе наукъ съ изтолкованіемъ задачей, и опытъ упражненія, способнаго къ возвышенію ихъ души и облегченію памяти. Въ прочемъ все, что будетъ въ моей власти, чтобъ образовать имъ добрыя нравы и благосклонность, чтобы содѣлать ихъ почтенными“.

„Обязательство“ умалчиваетъ о цѣляхъ и методахъ преподаванія политики, философіи „съ ея частями“, натуральной исторіи и „математическихъ частей“. А жаль.

В. Ястребовъ.

РОКОВОЕ ЧТЕНІЕ ПСАЛТИРИ¹⁾.

(Изъ быта и нравовъ старыхъ кievскихъ „студесовъ“).

Была зима 1764 года.

Кіевъ жилъ своею старою жизнію, совсѣмъ не похожею на нынѣшнюю. Подоль продолжалъ оставаться центромъ городской жизни. Академія, какъ и теперь, служила лучшимъ его украшеніемъ. Въ ней толпились массы учащихся различныхъ возрастовъ, званій и состояній. Ученіе производилось тамъ, гдѣ и теперь зданіе академіи; общежитіе братскихъ питомцевъ или бурса помещалась на берегу Днѣпра, гдѣ теперь кievо-подольское духовное училище. Академія жила одною жизнію съ народомъ, отражая въ себѣ его свѣтлыя и темныя стороны; связь ея съ обществомъ была ближайшая, непосредственная; подольскіе жители смотрѣли на нее, какъ на школу, устроенную ихъ заботами и на ихъ собственные средства. Студенты доставляли кievлянамъ много удовольствія своими праздничными кантами, виршами и вертепными представленіями, публичными диспутами, драмами и трагедіями; они-же служили имъ въ частной жизни—подготовкою дѣтей къ школѣ, перепискою нужныхъ бумагъ, составленіемъ просьбъ, чтеніемъ въ часы досуга, чтеніемъ псалтири надъ покойниками.

¹⁾ Составлено по не полному подлинному дѣлу кievо-губ. канцеляріи.

Въ то время, о которомъ говоримъ, рядомъ съ „студенческою бурсою“ были расположены лавки Гамалѣи, близъ нихъ съ одной стороны дворъ подольскаго успенскаго священника Сафоновича, съ другой дворъ магистратскаго подданнаго Никиты Воловина. На этомъ послѣднемъ было двѣ избы: въ одной помѣщался смаъ хозяинъ съ своей семьей, въ другой жилъ магистратскій служитель Сидоръ Климовъ. И самъ Климовъ былъ не старъ, а жена совсѣмъ молодая, красивая, но гулящая.

21 декабря умерло у Климовыхъ дитя; пригласили они студента Кондратія Подгорскаго читать псалтирь. Подгорскій учился въ „пѣитикѣ“, былъ парень подъ усомъ, видный, статный. На немъ была черкеска-юшка, а по зимнему времени, поверхъ этой обыкновенной одежды, „эпанча“, иначе „либерія“. Пришелъ онъ съ собственнымъ инструментомъ, т. е. псалтирю, и открылъ чтеніе надъ умершимъ младенцемъ.

Изда, въ которой жили Климовы, была совсѣмъ простая, а обстановка ея самая убогая: вдоль стѣнъ длинныя лавки, на „покутьѣ“ столъ, противъ оконъ у стѣны“ такъ называемый „полъ“, или доцатая нары, замѣнявшія кровать, а рядомъ съ нимъ большая печь съ мѣстомъ для сушки зерна и лежанья, въ свою очередь замѣнявшая кровать. Въ переднемъ углу предъ большимъ столомъ стоялъ малый, прихваченный у сосѣда столъ; на немъ, на убогой подушкѣ, покоилось умершее дитя, впереди большой подсвѣчникъ, крашеный, деревянный, съ ставникомъ изъ желтаго воску, а съ боку ничѣмъ не прикрытый аялой.

У бѣдныхъ простыхъ людей тогда, какъ и теперь, никакая оказія въ домѣ,—радостная и скорбная, не обходилась безъ выпивки. Выпили хозяева и чтеца попотчивали: по тогдашнимъ обычаямъ требовалось, чтобы для чтеца была водка на готовѣ и чтобы онъ отъ времени до времени былъ ею освѣжаемъ и подкрѣпляемъ.

Днемъ и вечеромъ въ избѣ Климовыхъ толпился народъ, къ ночи изба опустѣла. Долѣе другихъ пробыли двѣ набожныя старухи; но и они, соскучившись монотоннымъ, унылымъ чтеніемъ, сушувъ, по тогдашнему обычаю, въ руку чтеца по мѣдному цытаку, побрели домой. Климовы улеглись спать: мужъ на печи, жена на „полу“. Не спалъ лишь чтець-студентъ; по, докапчивая *Славу* и цѣлюю *Каоизму* и читая по памяти: *а.м.гуа, а.м.гуа...*, онъ тщетно

водилъ глазами по сторонамъ,—некому было приподнести освѣжающаго напитка... Не разъ въ этихъ интермедіяхъ взоръ его падалъ на хозяйку, раскидавшуюся на „полу“, но онъ гналъ отъ себя не чистые помыслы, скорѣе прежняго кончалъ *Аллилуйя* и *Со святыми упокой* и снова углублялся въ лежавшую предъ нимъ книгу. Читалъ онъ твердо и протяжно: *сердце мое и плоть моя возрадовастанся...* вдругъ „полъ“ закричѣлъ, хозяйка повернулась... У „поэты“ въ глазахъ потемнѣло, онъ машинально потянулся поправить свѣчку, но свѣчка упала и потухла. Искаль-ли Подгорскій свою *либерію*, чтобы домой уйти, какъ послѣ объяснялъ, или прилежъ на „лавѣ“, или „полу“, никто того примѣтить не могъ: въ избѣ царилъ мракъ и тишина.

Вдругъ соскакиваетъ съ печи Климовъ, схватываетъ „поэту“ за волосы и съ одного размаха валить его на землю; за тѣмъ притащивъ его къ печи, досталъ полѣно, началъ бить имъ нещадно, стащилъ съ него, какъ увѣрялъ послѣ Подгорскій, одежду и сапоги, топталъ его ногами, билъ колѣньми въ грудь. Подгорскому удалось какъ-то вывернуться и онъ спрятался подъ „полъ“, но Климовъ роздобылъ огня (если вѣрить Подгорскому, въ избѣ хозяина, причемъ его Подгорскаго удержалъ оказавшійся у Климова какой-то неизвѣстный человѣкъ), зажегъ свѣчку, добылъ изъ-подъ печи толкачъ, „что макъ и прочее толкутъ“, и сталъ колотить студента толкачемъ. Тотъ бросился изъ избы, босой, въ одной рубахѣ, Климовъ догналъ его на дворѣ и снова сталъ бить; но тутъ вышелъ хозяинъ Воловинъ, оборотилъ студента и велѣлъ своему работнику вывести его со двора, а Климова увелъ въ избу.

Подгорскій едва добрался до бурсы и свалился безъ чувствъ. Когда потомъ, по распоряженію сотенной канцеляріи, урядникомъ Антономъ Чоколомъ произведенъ былъ осмотръ Подгорскаго, на немъ оказались „боевые знаки“ такіе: „шея опухла и на оной сипій знакъ на два пальца, ухо лѣвое синее и кожа на усахъ подрана, глазами видѣть не можетъ, ибо оныя весьма опухли и сипіе, правое ухо, также и лице все подрапо, лѣвая рука опухла, на которой знаковъ синихъ пять, и правая рука по томужъ опухла и синихъ знаковъ два, плечи опухли и на нихъ имѣется синихъ знаковъ шесть, груди, бока по томужъ опухли, лѣвое колѣно опухло-жъ,

на коемъ знаковъ малыхъ синихъ четыре, рубашка и портки въ крови и самъ онъ студентъ Подгорскій вельми болѣнъ“.

Зашумѣла „бурса“, узнавъ о такомъ неслыханномъ „смертномъ боѣ“. Весь день шушукались „поэты, философы, богословы“, ходили во дворъ Воловина, развѣдывали, соображали. Козацкая кровь кипѣла и требовала мести, столь-же жестокой. Раздавались голоса благородія, осторожности; но надъ всѣмъ преобладала мысль затянуть виновнаго во дворъ бурсы и тутъ отколотить. Въ теченіи дня ни къ чему не пришли.

Вечеромъ къ студенту Козачинскому, въ его академическій „чуланъ“ пришли студенты Романовичъ и Ясногорскій, зашелъ также и сеніоръ Кленчинскій. Играли въ карты, а за картами первые три, обращаясь къ своему старостѣ, говорили:

— Какъ таки мы то дѣло, что студента поэту прибилъ подольскій житель, оставимъ!

Сеніоръ отвѣчалъ:

— Я того не бороню; пуцай идутъ, кто охотится, по оного челоуѣка, а когда что сдѣлается, тогда тѣ и отвѣтствовать будутъ.

Романовичъ и Ясногорскій, получивъ согласіе сеніора, пошли „выкрикать на затягъ“; охотниковъ явилось не мало. Челоуѣкъ двадцать юнаковъ перерядились, какъ могли, вывернули свои бараньи шапки, подвязались платками и отправились за Климовымъ. Давно настала ночь: ворота у Воловина были на запорѣ, а на стукъ студентовъ имъ не отворили. Студенты-охотники перелѣзли черезъ заборъ, ворвались къ Климову и требовали прежде всего заграбленныхъ вещей Подгорскаго; псалтирь Климовъ успѣлъ уже пропить, „либерію“ отыскали на печи. Оттрепавъ по щечамъ жену Климова, самого Климова потащили въ бурсу и здѣсь, на дворѣ, нещадно сѣкли его сперва розгами, потомъ плетьюми. Главными дѣлателями въ экзекуціи были: Козачинскій, Романовичъ, Ясногорскій, Пушкаревичъ и Комаревскій; участвовали также, или-же были только свидѣтелями: Михайловскій, Бѣлецкій, Троцкий, Бороховскій, Краснопольскій, Бугаевскій, Паскевичъ, Грезетовскій, и Юхновскій. На дворѣ стоялъ шумъ и гамъ. Выбѣжалъ сеніоръ Кленчинскій и пытался прекратить дикую расправу, но Романовичъ оттолкнулъ его, дернувъ за рукавъ, а Козачинскій крикнулъ: „пойди себѣ до дьябла“. Окончивъ экзекуцію, Романовичъ и Козачинскій

вывели Климова со двора, но лишь пустили его изъ рукъ, какъ онъ тутъ-же упалъ. Его втащили во дворъ, чтобы продержать гдѣ-либо въ теплѣ до утра; но сениоръ Кленчинскій рѣшительно возсталъ противъ этого и Климова снова выпроводили на улицу и пустивъ на волю Божию, заперли ворота, а Козачинскій, взлѣзши на заборъ, наблюдалъ, что станется съ жертвою ихъ Execuціи. Климовъ постукалъ было во дворъ священника Сафоновича, но тамъ не отперли воротъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ своей квартирѣ, но упалъ и лежалъ, издавая лишь крики и стоны. Не скоро услышалъ магистратскій сторожъ при гамалѣйницкихъ лавкахъ, но когда подошелъ къ Климову, то одинъ не могъ поднять его. Былъ уже второй часъ ночи: стоялъ морозъ и дулъ вѣтеръ. Климовъ кое-какъ разказалъ о случившемся съ нимъ, Гребенка окликнулъ караульныхъ солдатъ и съ помощью ихъ отнесъ Климова въ магистратъ; но лишь только привесли его туда, онъ тамъ-же и Богу душу отдалъ.

На утро магистратскіе чины свидѣтельствовали трупъ Климова, въ присутствіи истребованнаго отъ академіи депутата. Оказалось, что не тодько вся спина его, начиная отъ шеи и до самыхъ ногъ, но животъ и грудь изсѣчены были такъ, что „тѣла цѣлаго ничего не видно“. Донесли кіево-губернской канцеляріи и въ тотъ-же день отъ нея предложено было архимандриту братскому Самуилу (впослѣдствіи митрополиту) произвести по этому дѣлу слѣдствіе при депутатѣ отъ Магистрата.

Не смотря на наступавшіе праздники, слѣдствіе начато было немедленно. Всѣ вышепоименованные студенты были привлечены къ слѣдствію то въ качествѣ обвиняемыхъ, то въ качествѣ свидѣтелей, и всѣ почти арестованы, нѣкоторые отданы были на поруки. Первоначальные допросы не уяснили дѣла и особливо завязки онаго. Главный свидѣтель, обвиняемый и вмѣстѣ потерпѣвшій—Климовъ лежалъ уже въ землѣ; его гуляющая жена, служившая основою столь ужаснаго раздора, отговаривалась, что „была пьяная и крѣпко спала, а потому и не знаетъ, подлинно-ли оной студентъ съ нею лежалъ, а слышала только отъ мужа своего“. „Поэта“ Подгорскій далъ объясненіе, которому можно было вѣрить лишь относительно причиненныхъ ему побоевъ. Всѣ прочіе студенты, не отвергая факта избіенія Климова и предварительнаго о томъ уговора, старались каждый никого въ особенности не выдавать, а себя всѣми силами

закрывать и оправдывать. До дальпѣйшихъ допросовъ и перепросовъ, до очныхъ ставокъ, до суда гражданскаго для многихъ дѣло не дошло и не могло дойти, и вотъ почему.

Еще рано утромъ 23 декабря, какъ только дошла до студентовъ о послѣдовавшей въ ту-же ночь въ магистратѣ смерти Климова, сеніоръ Кленчинскій такія рѣчи своимъ поднадзорнымъ говорилъ: „теперь, кто чувствуетъ въ семь дѣлѣ, уходите“, и самъ, одинъ изъ первыхъ, послѣ перваго допроса, бѣжалъ. Раньше всякихъ допросовъ бѣжали Романовичъ и Ясногорскій, бѣжали Михайловскій, Бѣлецкій, Троцкій и Бороховскій, разбѣжались всѣ, кто чувствовалъ за собою вину въ причиненіи смертныхъ побоевъ Климову. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ скрывались въ самомъ Кіевѣ, который съ тогдашними его пустырями и лѣсами, горами и ярами представлялъ удобное мѣсто для укрывательства. Въ числѣ такихъ были Бороховскій и Козачинскій; первому удалось выбраться изъ Кіева, а послѣдній 4 генваря 1763 г. былъ пойманъ ночью на Подолѣ, куда приходилъ развѣдать о положеніи дѣла. Ему связали руки назадъ и посадили въ почтовой избѣ при магистратѣ. Пришлось Козачинскому отвѣчать за всѣхъ.

Болѣе двухъ лѣтъ тянулось это дѣло; въ теченіе этого времени, когда не розыскапы были бѣжавшіе, иные привлечены къ дѣлу. Менѣе виновные отдѣлались плетьюми, а относительно Козачинскаго кіево-губернскаго канцеляріею было опредѣлено: „наказавъ его плетьюми-же, послать въ сибирскую губернію для опредѣленія, въ какую тамъ службу годенъ явится“.

Для тогдашняго студента, способнаго вынести даже такіе „боевые знаки“, какими надѣлилъ Подгорскаго Климовъ, наказаніе плетьюми было сущимъ пустякомъ, но ссылка въ Сибирь совершенно измѣняла ходъ жизни. Козачинскому было тогда 26 лѣтъ; онъ „дошелъ уже наукою до филозофіи“, когда страхася надъ нимъ такая нежданная бѣда. Къ его счастью, у него нашелся не столько сильный ходатай, сколько „теплый предстатель“ предъ властями, двоюродный братъ, іеромонахъ кіево-печерской лавры Гимнасій. Онъ-то подалъ кіевскому генераль-губернатору просьбу объ освобожденіи осужденнаго отъ ссылки въ Сибирь и объ „отосланіи его для до-

ученія науки въ академію по прежнему“. Генераль-губернаторъ запросилъ ректора академіи, дѣйствительно-ли Козачинскій „имѣть склонность къ обученію высшихъ наукъ“; ректоръ далъ благопріятный отвѣтъ, но прибавилъ, что принять Козачинскаго обратно въ академію „безъ главной команды“ сдѣлать не можетъ. „Главною командою“ была тогда кіевская консисторія, а она, предрасположенная, конечно, заранѣе въ пользу Козачинскаго путемъ разныхъ ходатайствъ, 30 мая опредѣлила: „буде по мнѣнію архим. Самуила принять Козачинскаго въ академію можно и въ томъ академическимъ установленіямъ никакой противности не усмотрится, то и принять“. Кіево-губернская канцелярія въ свою очередь разсуждала, что хотя Козачинскій принималъ дѣятельное участіе въ истязаніи Климова, но не имѣлъ при томъ намѣренія убить его до смерти, а только хотѣлъ отмстить за своего товарища,—что всѣ виновные въ этомъ дѣлѣ разбѣжались, что Климовъ былъ въ то время очень пьянъ и смерть его могла послѣдовать не только отъ побоевъ, но также отъ пьянства и сильнаго мороза, на которомъ онъ пролежалъ болѣе двухъ часовъ, наконецъ, что Козачинскій молодъ, „имѣть склонность къ филозофической и другихъ высшихъ наукъ и по совершеніи оныхъ можетъ принять духовенство“, а потому постановила отъ ссылки въ Сибирь и изъ-подъ караула его освободить, для опредѣленія по прежнему въ академію.

15 іюня 1765 г. Козачинскій освобожденъ изъ заключенія. Тѣмъ и кончилось это характерное для того времени и нравовъ „спудеевъ“ дѣло. Дальнѣйшая участь Козачинскаго неизвѣстна. Его соучастники, какъ мы знаемъ, бѣжали. Куда?—Бродяжничество, скитальчество, стоическая борьба съ жизнью, самыя отчаянныя попытки пристроиться гдѣ нибудь, какъ нибудь, вообще жизнь полная приключеній была обыкновеннымъ удѣломъ тѣхъ, кто разъ выбиваемъ былъ изъ ея колеи какимъ либо несчастнымъ случаемъ. Запорожье и монастырь, пользовавшіеся самымъ широкимъ правомъ убѣжища, были наиболѣе частыми пріютами для такихъ буйныхъ, но несчастныхъ головъ, и они принимали ихъ съ любовію, не касаясь того, что случилось въ прежней ихъ жизни.

Кс. Цыбульскій.

ПАВЕЛЪ ПЛАТОНОВИЧЪ ЧУБИНСКІЙ

(род. 15 янв. 1839 г., ум. 14 янв. 1894 г.).

14 января сего года скончался въ Кіевѣ послѣ тяжелой и очень продолжительной болѣзни *Павелъ Платоновичъ Чубинскій*. Имя покойнаго было извѣстно всей интеллигентной Россіи, но наибольшую извѣстностію онъ пользовался въ юго-западномъ краѣ. Извѣстность эту онъ приобрѣлъ своими трудами на разныхъ поприщахъ дѣятельности, но въ особенности трудами по части этнографіи и статистики.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій уроженецъ Малороссіи. Онъ родился въ мѣстечкѣ Баршполѣ переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, 15 января 1839 года. Родители его принадлежали къ небогатымъ дворянамъ.

Воспитаніе онъ получилъ во 2-й кіевской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ петербургскій университетъ. Здѣсь онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ въ 1861 г. и по экзамену удостоенъ степени кандидата.

Время окончанія имъ университетскаго курса было временемъ самаго сильнаго движенія среди различныхъ общественныхъ сферъ. Въ это время послѣдовало освобожденіе крестьянъ. Идеи народолюбія и народоизученія были въ своемъ зенитѣ. Пылкая и горячая натура, Павелъ Платоновичъ всецѣло отдался служенію господствовавшимъ въ то время идеямъ. Тогда-то положено было начало будущимъ полезнымъ и важнымъ его трудовъ. Но въ это-же время, въ ранней еще молодости, постигъ его и первый ударъ судьбы.

По окончаніи университетскаго курса, Павелъ Платоновичъ около года провель въ Малороссіи, проживая то Баршполѣ, то въ Кіевѣ. Въ концѣ 1862 г. онъ долженъ былъ оставить родину и переселиться въ Архангельскъ. Здѣсь онъ скоро поступаетъ на государственную службу, съ начала 1863 г. по 11 марта 1869 года, въ теченіи шести лѣтъ, проходитъ самыя разнообразныя должности, какъ-то: слѣдователя, секретаря архангельскаго статистическаго комитета, редактора Губернскихъ Вѣдомостей и начальника газетнаго стола, младшаго и потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія. Всѣ эти должности онъ занималъ попеременно, то оставляя ихъ, то опять

занимая, за исключеніемъ должности секретаря архангельскаго статистическаго комитета, которую онъ несъ съ 12 октября 1863 г. по день своего увольненія отъ службы, 11-го марта 1869 г., и перехода на другое поприще дѣятельности.

Его труды по этой должности положили основаніе его извѣстности, выдвинули его на болѣе широкое поприще изученія отечественной этнографіи и статистики и обратили на него особенное вниманіе ученыхъ обществъ. Въ этотъ періодъ своей жизни Чубинскій избранъ былъ: членомъ-корреспондентомъ императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, членомъ-сотрудникомъ императорскаго вольно-экономическаго общества, членомъ сотрудникомъ императорскаго географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Къ этому-же времени относится награжденіе его первою серебряною медалью, которая присуждена ему была императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, *въ изъявленіе особой признательности за полезныя его труды, сообщенныя обществу.*

Оставаясь еще на службѣ въ администраціи архангельской губерніи, онъ получилъ, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ двухъ императорскихъ обществъ, русскаго географическаго и вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Сѣверо-Двинскомъ бассейнѣ, и съ 10 апрѣля по 10 октября 1867 года объѣхалъ семь губерній: архангельскую, вологодскую, олонецкую, новгородскую, костромскую, вятскую и пермскую. Добытые имъ матеріалы онъ обработалъ и представилъ географическому и вольно-экономическому обществамъ, отъ имени и на средства которыхъ они были отпечатаны наряду съ работами изслѣдователей другихъ бассейновъ. Около этого-же времени онъ участвовалъ въ работахъ комисіи для изслѣдованій печорскаго края, учрежденной съ высочайшаго соизволенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ начальникомъ архангельской губерніи.

Усибное выполненіе покойнымъ порученнаго ему изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности Сѣверо-Двинскаго бассейна еще болѣе установило за нимъ репутацію опытнаго, дѣльнаго и исполнительнаго изслѣдователя по части статистики и этно-

графіи. Императорское русское географическое общество, которое еще со времени возстанія 1863 г. задумало предпринять изслѣдованіе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, остановило свое вниманіе на покойномъ, какъ на одномъ изъ лицъ, которымъ можетъ быть поручено это дѣло. Заручившись предложеніемъ общества, Павелъ Платоновичъ 11 марта 1869 г. вышелъ въ отставку и получилъ разрѣшеніе на свободное прожительство какъ въ столицахъ, такъ и въ юго-западномъ краѣ. 27 марта того-же года онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго географическаго общества, которое 16 мая возложило на него, *съ высочайшаго соизволенія*, экспедицію въ юго-западный край для этнографическо-статистическихъ изслѣдованій. Покойный скоро доказалъ своими трудами, какъ удаченъ былъ этотъ выборъ.

Между тѣмъ и прежніе его труды нашли новую оцѣнку: въ апрѣлѣ 1869 г. его высочество, великій князь Алексій Александровичъ изволилъ пожаловать ему брилліантовый перстень въ знакъ признательности за сообщенныя имъ разнородныя свѣдѣнія о сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, а въ генварѣ 1870 г. совѣтомъ императорскаго географическаго общества онъ награжденъ былъ во второй разъ серебряною медалью за изданное имъ сочиненіе: *„очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи“*. Это юношескій его трудъ, написанный имъ для полученія степени кандидата, въ 1870 г. вновь пересмотрѣнный и дополненный.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій совершилъ возложенную на него экспедицію въ юго-западный край, можно сказать, съ блестящимъ успѣхомъ и въ короткое сравнительно время. По плану географическаго общества экспедиція должна была обнять три губерціи: кievскую, волынскую и подольскую. Нашъ изслѣдователь простеръ свои изысканія, кромѣ того, и на части губерній: минской, гродненской, люблинской, сѣдлецкой и бессарабской области, населенныхъ малороссійскимъ народомъ. 1869 и 1870 годы онъ провелъ въ путешествіи и поѣздкахъ, совершивъ ихъ въ три пріема. По нѣкоторымъ отраслямъ изслѣдованія онъ воспользовался прежде составленными программами, какъ нанримѣръ обще-этнографическою программою географическаго общества, по другимъ составилъ самъ, или чрезъ другихъ, и обнародовалъ ихъ или въ Губернскихъ Вѣ-

домостяхъ, или отдѣльнымъ изданіемъ, разославъ послѣднія въ количествѣ 500 экземпляровъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Обладая замѣчательнымъ даромъ возбуждать другихъ къ работѣ, онъ привлекъ къ выполненію порученнаго имъ предпріятія многихъ лицъ, которыя оказали ему свое содѣйствіе собраніемъ матеріаловъ и присылкою уже готовыхъ и частію ихъ обработкою. Подъ непосредственнымъ его руководствомъ работали пятеро молодыхъ людей, которые выполняли работы по его плану и задачѣ. Плоды его трудовъ и энергии скоро обнаружались. „Результаты трудовъ г. Чубинскаго, сказано въ запискѣ комисіи по снаряженію этнографическо-статической экспедиціи въ юго-западный край, начали поступать въ географическое общество съ половины 1870 г.“, то есть спусти съ небольшимъ годъ послѣ снаряженія экспедиціи. Въ 1872 г. уже появились въ печати четыре части трудовъ этнографическо-статической экспедиціи въ юго-западный край, собранные и составленные нашимъ изслѣдователемъ. Остальныя пять частей были напечатаны въ 1877 и 1878 гг. Эти труды изданы на счетъ русскаго географическаго общества, нѣкоторые подъ редакцію Н. И. Костомарова, другіе—П. А. Гильдебрандта.

Русское географическое общество оцѣнило заслуги покойнаго: въ 1873 г. оно присудило ему золотую медаль за *совершенную имъ статистико-этнографическую экспедицію въ юго-западный край, причемъ признало, что собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ весьма важное приобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію*, а въ 1877 г. приняло на себя ходатайство о зачисленіи ему въ государственную службу времени, посвященнаго имъ экспедиціи и работамъ съ нею сопряженнымъ, „во вниманіе къ особенной его дѣятельности по выполненію означенной экспедиціи и неусыпнымъ трудамъ, коимъ русская наука обязана собраніемъ громаднаго матеріала для изученія быта, юридическихъ обычаевъ и народнои поэзіи населенія юго-западнаго края“, и ходатайство общества увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

За свои труды по этнографіи и статистикѣ Чубинскій, кромѣ того, получилъ въ 1875 г. золотую медаль 2-го класса, по опредѣленію совѣта международнаго конгресса въ Парижѣ, а въ 1879 г.

уваровскую премію, по опредѣленію академіи наукъ,—собственно за трудъ экспедиціи въ юго-западномъ краѣ.

Столь лестно оцѣниваемые труды Чубинскаго въ матеріальномъ отношеніи не давали ему того, что требовалось для жизни, и онъ долженъ былъ дѣлить время между трудами по экспедиціи и частными занятіями, принявъ мѣсто члена управленія въ одномъ частномъ предпріятіи; но въ это-же время онъ принималъ участіе и въ общественной дѣятельности на пользу науки. Къ этой послѣдней относятся его труды по должности секретаря кievскаго отдѣленія императорскаго техническаго общества, секретаря и вице-предсѣдателя южно-русскаго отдѣла географическаго общества и одного изъ главныхъ дѣятелей по совершенію однодневной переписи г. Кіева въ 1873 г. Въ этотъ-же періодъ онъ издалъ свои труды относящіеся къ свекло-сахарной промышленности подъ заглавіемъ: *Свекло-сахарные заводы россійской имперіи съ официальными статистическими о нихъ данными за компанію 1871—1872 г. Кіевъ. 1873 г.* Второй выпускъ изданъ былъ за 1873, 1874 и 1875 г. Въ 1876 г. имъ первымъ составлена и издана была карта свекло-сахарной промышленности. Эти работы покойнаго Чубинскаго послужили образцомъ для позднѣйшихъ трудовъ другихъ, работающих на этомъ поприщѣ.

Къ 1876 г. личныя его дѣла пришли въ нѣкоторое колебательное положеніе, и это не могло не имѣть тяжелаго вліянія на его здоровье. Онъ переселился въ Петербургъ и здѣсь въ началѣ 1877 г. поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія. Окруженный людьми, къ нему дружественными, пользуясь покровительствомъ своего главнаго начальника, адмирала Посета, о которомъ онъ не могъ говорить безъ слезъ благодарности, Чубинскій скоро занялъ видное мѣсто въ числѣ дѣлопроизводителей департамента общихъ дѣлъ сего министерства. Ему поручено было дѣло основанія, расширенія и организациі железнодородныхъ училищъ. Въ это время онъ также занялъ былъ вопросомъ объ учрежденіи пенсіонныхъ кассъ для обезпеченія служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Но дѣятельность его въ этой службѣ была послѣднею въ его жизни. Не смотря на то, что служба его пошла отлично, что его достойно оцѣнили; удары судьбы, предъ тѣмъ его постигшіе, глубоко потрясли его организмъ. Кажется, что болѣзнь его дала ему первое предостереженіе еще предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ: но тамъ поразилъ

его ударъ, который заставилъ его выйти въ отставку. Вступивъ въ службу въ апрѣлѣ 1877 г., онъ вышелъ въ отставку въ томъ-же мѣсяцѣ 1879 г.

Возвратившись на родину, онъ сначала жилъ въ своемъ хуторѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Въ 1880 г. съ нимъ случился новый припадокъ болѣзни, который уложилъ его на одръ болѣзни; въ такомъ положеніи Чубинскій прожилъ четыре года, пока благодѣтельная въ этомъ случаѣ смерть не прекратила его страданій.

Смотря на умственный и нравственный обликъ покойнаго, обозрѣвая его дѣятельность на разныхъ поприщахъ и въ разныхъ положеніяхъ, нельзя не признать того, что покойный одаренъ былъ отличными дарованіями, замѣчательною энергіею и неусыпнымъ трудолюбіемъ.

Онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова и по временамъ обнаруживалъ признаки истиннаго краснорѣчія. Онъ не лишенъ былъ поэтическаго дара, или по крайней мѣрѣ настроенія. Поэзію свою онъ напечаталъ въ 1869 г. подъ заглавіемъ: „Сопілка“ Павлуся. Одно изъ неизданныхъ имъ стихотвореній такъ характерно и оригинально, что галицкіе русины почли оное за произведение Шевченка и помѣстили въ полномъ собраніи сочиненій малорусскаго поэта. Знатокъ народной жизни, покойный едва-ли не первый въ повѣйшее время обратилъ вниманіе на обычное право, написавъ еще въ 1862 г. сочиненіе по обычному праву Малороссіи. Достоинство и важность его трудовъ по статистикѣ и этнографіи всѣми признана: его изслѣдованія и собранные имъ матеріалы по этимъ отраслямъ вѣдѣнія останутся цѣннымъ и неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго будетъ черпать наука будущихъ поколѣній. Покойный одаренъ былъ замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ для выполненія научныхъ работъ, изслѣдованій и полезныхъ предпріятій. Воодушевить другихъ на трудъ, сгруппировать вокругъ себя работниковъ, заставить cadaго выполнить свою часть работы—это было его призваніе и это онъ доказалъ, между прочимъ, блестящимъ выполненіемъ экспедиціи въ юго-западный край.

И. П. Чубинскій отличался самымъ живымъ характеромъ. Словоохотливый—онъ былъ весь наружу. Характеръ прямой и открытый. Не безъ малороссійскаго юмора, но чуждый желчности и сарказма, иногда по наружности рѣзкій, онъ былъ большой добрякъ.

Не это-ли доставило ему привязанность многих? Въ общественных дѣлахъ это былъ умъ практической, реальный, въ дѣлахъ собственныхъ частныхъ не имѣлъ большой удачи. По природѣ онъ былъ безкорыстенъ, и это доказалъ выполнениемъ экспедиціи, на которую, кромѣ средствъ ему отпущенныхъ, тратилъ и свои. Если-бы не правительственная пенсія, которою онъ обязанъ просвѣщенной и справедливой оцѣнкѣ его трудовъ, болѣзнь постигла-бы его въ тяжкомъ экономическомъ положеніи и семья его осталась-бы вполне необезпеченною. Покойникъ претерпѣлъ тяжкія испытанія: но причины этихъ испытаній были общественнаго, а не личнаго свойства. Лучшею его характеристикою и такъ сказать оправданіемъ его памяти могутъ служить слѣдующія строки одного изъ его писемъ: „7 лѣтъ я трудился на сѣверѣ для русской науки и правительства. Не стану перечислять моихъ трудовъ, но они показали, насколько я интересовался населеніемъ великорусскаго и финскаго племенъ. Помимо этнографіи, я коснулся всѣхъ отраслей экономическаго быта народа и мои замѣтки по этимъ вопросамъ послужили предметомъ многихъ представленій гг. губернаторовъ; мнѣ даже до этихъ поръ случается встрѣчать въ газетахъ правительственныя распоряженія, вызванныя давними представленіями, которыя возникли по моей инициативѣ. Я работалъ на сѣверѣ безъ устали и доказалъ мою любовь русскому народу“.

Какъ ни тяжка преждевременная смерть талантливаго чловека, но она несетъ съ собою нѣчто умиротворяющее, нѣчто просвѣтительное и для вражды и для дружбы, мгновенно отодвигая образъ умершаго на такое разстояніе, на которомъ онъ является очищеннымъ отъ всякихъ примѣсей ежедневной суеты и людскихъ слабостей и становится болѣе дорогимъ дружескому сердцу.

А. Ѡ. Кистяковскій.

„ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ“ ЧУВИНСКАГО ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ДРУГИМИ ПОДОВНЫМИ.

Къ свѣжей памяти недавно скончавшагося нашего этнографа и статистика прибавимъ нѣсколько словъ о сравнительномъ значеніи названнаго нами капитальнѣйшаго его труда.

„Труды этнографическо-статистической экспедиціи“ Чубинскаго, по богатству данныхъ, могутъ быть поставлены въ параллель только съ двумя памятниками европейской этнографической литературы: „Lud polski“ Кольберга и „Bibliotheca della tradizioni popolari“ Питрэ. Касательно мѣстной, южно-русской этнографіи труду Чубинскаго придаетъ особенную цѣнность то обстоятельство, что, кромѣ сборника пѣсень, во всѣхъ остальныхъ томахъ изданія собиратель явился, можно сказать, поваторомъ.

Матеріалы, касающіеся народныхъ представленій и вѣрованій, относящихся къ міру внѣшнему, къ человѣку и къ міру духовному, до появленія перваго тома „Трудовъ“ составляли достояніе заграничныхъ провинціальныхъ изданій, появляясь въ нихъ изрѣдка, безъ системы и совершенно случайно. „Народный Дневникъ“ (2-й томъ „Трудовъ“), сводъ народныхъ вѣрованій, приуроченныхъ къ годовому религиозному и рабочему народному обиходу—оставилъ за собою далеко отдѣльными и не полными изслѣдованія и замѣчанія М. Максимовича и Маркевича. Томъ III—„Сказки“ содержитъ въ себѣ 296 номеровъ, великорусскій сборникъ Афанасьева заключаетъ—251 № и варианты, сборникъ Рудченка—137. До появленія сборника Чубинскаго всѣхъ народныхъ малорусскихъ сказокъ съ вариантами было напечатано до 170. Въ его изданіи однихъ сказокъ съ мнѣческимъ характеромъ 146. Всѣ сказки его сборника появились въ первый разъ. Въ томѣ IV отдѣлу *свадьбы* посвящено 500 страницъ. Кромѣ общаго описанія, сведеннаго изъ массы наблюдений, помѣщено еще описаніе тринадцати частныхъ обрядовъ, представляющихъ отличія. Сюда вошло 1943 свадебныхъ пѣспи и пѣсенныхъ отрывковъ. Бытовыхъ пѣсень, составляющихъ пятый томъ, напечатано 1884 на 1209 страницахъ. Такого числа пѣтъ ни въ одномъ изъ малорусскихъ сборниковъ, хотя всѣ они, кромѣ бытовыхъ пѣсень, содержатъ въ себѣ пѣспи обрядныя и нерѣдко историческія. Собраніе матеріаловъ по народнымъ юридическимъ обычаямъ (т. VI) до сихъ поръ является единственнымъ, что въ значительной степени можно сказать и о собраніи этнографическо-статистическихъ данныхъ о малороссахъ юго-западнаго края: (т. VII) ихъ численности, жилищъ, утвари, орудіяхъ, одеждѣ, пицѣ и бытовой обстановкѣ вообще и о матеріалахъ для изученія нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ южной Руси и экономическихъ данныхъ о положеніи малорусскаго крестьянства.

„Передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны-бы опуститься стыдливо“, говоритъ академикъ Н. Веселовскій въ своей рецензіи сборниковъ Чубинскаго, найдя въ „трудѣ потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала лишь отдѣльныя недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія“.

В. Г.

НЕ УЗНАННАЯ РУКОПИСЬ.

(по поводу статьи: „Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказъ его современника 1708 г.“, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1883 года).

Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ за минувшій годъ помѣщена въ переложеніи на современный языкъ записка о Кочубей и Искрѣ, составленная современникомъ ихъ, священникомъ села Диканьки въ 1708 году.

Переложившій эту записку на современный языкъ и сообщившій ее редакціи „Русской Старины“ священникъ села Жуковъ, Василій Курдиновскій заявляетъ, что разсказъ современника о Василіѣ Кочубей переданъ ему княземъ Сергѣемъ Викторовичемъ Кочубеемъ изъ его архива и относится къ 1748 году, а имъ переложенъ на современную рѣчь.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что ни князь Кочубей, ни священникъ Курдиновскій, не занимаясь исторіей Малой Россіи, не имѣли точныхъ свѣдѣній объ означенной рукописи и найдя ее, видѣли, быть можетъ, въ ней открытіе, почему и поспѣшили передать ее для напечатанія въ „Русской Старинѣ“; но то удивительно, что прежняя судьба рукописи проскользнула мимо вниманія почтенной редакціи „Русской Старины“, имѣющей въ числѣ своихъ сотрудниковъ извѣстнаго историка Малой Россіи Костомарова. Какъ оказывается, упомянутая выше записка, въ подлинникѣ и переложеніи, въ полномъ и не полномъ видѣ, подвергается тиспенію уже пятый разъ. Не далѣе, какъ въ прошломъ году издана послѣдняя монографія Н. И. Костомарова о Мазепѣ, сперва печатавшаяся въ „Русской Мысли“; и тамъ эта записка почти цѣликомъ помѣщена, съ тою лишь разницею, что переложеніе сдѣлано

правильно. Но гораздо раньше сего рассказъ о Кочубеѣ, какъ онъ названъ въ „Русской Старинѣ“, или записка диканьскаго священника, впервые была напечатана въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 года, № 35; туда сообщена она мною, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и озаглавлена: „Отрывокъ старинной рукописи о Кочубеѣ и Искрѣ“.

Въ 1858 г. въ № 19 „Черниговскихъ Вѣдомостей“ я помѣстилъ объ этой рукописи статью, въ которой заявилъ, что это та рукопись диканьскаго священника, на которую ссылается въ своей Исторіи Бантышъ-Каменскій, и что она у меня, въ числѣ бумагъ моей бабушки, Александры Павловны Милорадовичъ, рожденной Кочубей, которая была правнучка Василя Леоніисвича Кочубея ¹⁾. Послѣ этого записка диканьскаго священника была напечатана въ 1859 г. въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей руссійскихъ“ при московскомъ университетѣ и въ отдѣльной книгѣ, подъ заглавіемъ: „Источники для исторіи Малой Россіи, собраныя Бантышъ-Каменскимъ и издашыя О. М. Бодянскимъ“.

Разница текста записки, напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“, отъ помѣщеннаго въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, кромѣ переложенія, состоитъ еще въ томъ, что священникъ Курдиновскій не помѣстилъ въ концѣ рассказа тропаля, сочиненнаго диканьскимъ священникомъ въ честь мучениковъ и страстотерпцевъ Кочубея и Искры.

Что записка современника Кочубея лишній разъ напечатана, въ томъ грѣха, конечно, никакого; но о томъ, когда и гдѣ она раньше была напечатана, слѣдовало сказать.

Кіевъ. 13 января 1884 г.

Графъ Милорадовичъ.

НАСЕЛЕНІЕ КІЕВА ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

Въ Полномъ Собраніи законовъ руссійской имперіи ²⁾ находимъ любопытныя данныя относительно населенія Кіева въ прошломъ

¹⁾ Вас. Леонт. Кочубей † 1708 г., сынъ его Василій, полк. полт., внукъ его Павелъ Вас., стат. сов. † 1780 г., правнучка Алекс. Павл. Милорадовичъ † 1838 г., внукъ ея графъ Григорій Милорадовичъ.

²⁾ №№ 18,336 и 19,214.

столѣтій, которыя небезынтересно припомнить теперь, въ виду послѣдовавшихъ значительныхъ перемѣнъ въ соотношеніяхъ и числѣ общественныхъ и національныхъ группъ населенія въ Кіевѣ.

Въ 1798 года 22 января высочайшей резолюціей на докладѣ сената повелѣно: сборъ съ купцовъ г. Кіева складочныхъ денегъ, а съ мѣщанъ рекрутъ не чинить съ того числа, каковое оно было въ 1762 году, когда жалованною государемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ грамотою они отъ службы уволены. Въ привилегіи этой значилось: „въ обозъ не ходить, а въ городѣ себя оберегать“; привилегія эта подтверждена потомъ въ 1700, 1730, 1743 и 1764 годахъ, т. е. въ каждое царствованіе отъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Тоже подтверждено и указомъ императора Павла Петровича, послѣдовавшимъ въ 16 день сентября 1797 года, коимъ возобновлены и утверждены прежнія права и преимущества общества гражданъ кіевскихъ. Но для выполненія высочайшаго повелѣнія 22 января 1798 г., потребовалось сенату знать, сколько было въ XVII вѣкѣ, именно въ 1652 г., купцовъ и мѣщанъ г. Кіева.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ кіевскій губернаторъ Милашевичъ донесъ: сколько въ 1652 году было въ Кіевѣ мѣщанъ, не отыскалось никакихъ переписей ни въ городскомъ магистратѣ, ни въ старомъ архивѣ, оставшемся отъ бывшей въ Кіевѣ губернской канцеляріи, такъ какъ всѣ бывшія дѣла въ 1718 году погорѣли во время бывшаго пожара. Затѣмъ въ 1727 году показано 1914 дворовъ, въ 1731—1726 дворовъ. Нынѣ же, въ 1798 году, состоитъ дворовъ въ г. Кіевѣ и на предмѣстьяхъ Плоскомъ, Куреневѣ, Пріорѣ и Сырцѣ—купеческихъ 210, мѣщанскихъ 2,315. Счисленія по душамъ прежде не было, а началось оно съ 1763 г., въ которомъ показано въ Кіевѣ съ предмѣстьями 6,485 дворовъ, по ревизіи 1784 г.—6,034 души, въ томъ числѣ купцовъ 334 и мѣщанъ 4,566 душъ.

Въ 1685 году въ Кіево-подолѣ было 2,625 дворовъ, какъ оказалось въ книгѣ прихода за сей 1685 годъ, найденной въ архивѣ кіевского магистрата между старыми дѣлами. А по вѣдомостямъ, вытребованнымъ изъ магистрата, оказывается по 1-й вѣдомости, что въ ревизію 1782 года поступило изъ старыхъ мѣщанъ 167. Послѣ сей ревизіи изъ иностранныхъ и польскихъ выходцевъ 37, изъ

великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ мѣщанъ 51; изъ казенныхъ крестьянъ, отпущенныхъ помѣщиками на волю 26. 2-й вѣдомости, что изъ старыхъ мѣщанъ по ревизіи 1782 года состояло 6,034, отъ коихъ, за исключеніемъ выбылыхъ въ купцы и разными случаями, до ревизіи 1795 года осталось въ мѣщанствѣ съ родившимися послѣ 1-й ревизіи 3,593. Пропущенныхъ въ первую 1782 года ревизію 22. Изъ польскихъ выходцевъ, изъ мѣщанства и другихъ городовъ, изъ казенныхъ крестьянъ и отпущенныхъ на волю людей и козаковъ 875. Да послѣ сей ревизіи въ сіе мѣсто постушило изъ мѣщанъ другихъ городовъ 20, изъ казенныхъ крестьянъ и польскихъ выходцевъ—56, итого 4,566, а всего купцовъ и мѣщанъ понынѣ состоитъ 4,900, въ томъ числѣ мѣщанъ христіанскаго закона 4,490, еврейскаго 94, да купцовъ христіанскаго закона 281.

П. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„Русскій Сатирическій Листокъ“.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ раскрашенными рисунками и карриатурами русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Программа журнала: I. Сатирическая хроника человеческой жизни и ея явленій. II. Сатирическая литература. III. Московскій листокъ. IV. Петербургскій листокъ. V. Сатирическое обозрѣніе изящныхъ искусствъ. VI. Сатирическая критика русской журналистики и литературы вообще. VII. Обозрѣніе иностранной сатирической журналистики и литературы. VIII. Корреспонденціи и сообщенія. IX. Смѣсь. X. Сатирическіе и юмористическіе рисунки и каррикатуры русскихъ и иностранныхъ художниковъ. XI. Объявленія.

Съ первыхъ №№ 1884 года „Русскій Сатирическій Листокъ“ будетъ печатать оригинальный „разсказъ въ рисункахъ“ подъ названіемъ „Русскій Донъ-Кихотъ“, состоящій изъ ста фоновыхъ картинъ. Текстъ журнала и количество рисунковъ будутъ значительно увеличены. Всѣ рисунки, помѣщаемые въ „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ“, составляютъ собственность редакціи и перепечатывать ихъ въ другихъ изданіяхъ не дозволяется. „Русскій Сатирическій Листокъ“ выходитъ по субботамъ и въ тотъ же день сдается на почту. Редакція отвѣтственна за аккуратную высылку журнала. Подписная цѣна „Русскаго Сатирическаго Листка“: на годъ съ пересылкою во всѣ города Россіи 8 рублей, на полгода 5 руб.; съ доставкою въ Москвѣ: на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: Москва, близъ Плющихи, Малый Трубецкій переулокъ, собственный домъ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга.

Редакторъ-Издатель Н. А. Полушинъ.

„ВѢКЪ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ.)

„ВѢКЪ“ будетъ издаваться въ будущемъ 1884 мѣ году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за 12-ть книгъ въ годъ, съ портретами выдающихся дѣятелей: 16 руб. съ пересылкою; съ доставкою въ С.-Петербургъ—15 руб. Полгода—8 руб. Съ Январской книги журнала будутъ печататься: «Искальчичевый»—романъ В. Никитича. «Арабчевщина»,—историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, М. А. Филиппова. «Ужасная ночь», рассказъ Г. Богрова. «Эпизодъ изъ жизни Богдана Хмѣльницкаго»—В. И. Любича-Романовича. «Записки Сергія Алексѣевича Тучкова», приведенныя въ порядокъ бывшимъ московскимъ Генералъ-Губернаторомъ П. А. Тучковымъ. «Маркизь-де Сент-Валь» (le roi s'amuse) Виктора Гюго, переводъ рифмованными стихами Н. Веригина. «Птица небесная»—повѣсть К. Фофанона. «Каждому свое», изъ воспоминаній К. Градовскаго. Кромѣ того будутъ помѣщены: Повѣсть С. Долгиной, бытовые и историческіе рассказы: А Шардина, Козьмы Пруткова и Н. Шарченко. Драма А. Берсеньева. Научныя статьи: «Наши новыя беллетристы», «Значеніе Сатиры», «И. С. Тургеневъ и Л. Толстой», «Изъ исторіи русскаго просвѣщенія». «Эволюціонная теорія». Для иностраннаго отдѣла помѣются романы—съ шведскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, лучшихъ современныхъ писателей, и многія другія статьи.

Кромѣ этого, редація будетъ печатать въ теченіи 1884 года:

1) Никогда не издавныя два письма Гоголя, по поводу нападокъ на него за отпечатаніе имъ писемъ его къ друзьямъ.

2) Письма графа Сперанскаго, фельдмаршала князя М. С. Воронцова, Ал. Скарлатовича-Стурдзы, Павскаго, Бодянскаго, Погодина, барона Корфа, Снегирева, Сахарова, Максимовича, В. В. Богданова, Кочетова, двухъ Певницкихъ, О. Михѣевича, Ан. Н. Муравьева и многихъ другихъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ къ знаменитому проповѣднику писателю и ученому архіепископу Иннокентію.

Примѣчаніе. Эти драгоценныя документы предназначены для Спб. Императорской публичной бібліотеки.

3) Посмертныя труды и переписка Н. А. Муравьева (автора „Путешествія къ св. мѣстамъ“).

Главный контора въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, по Фонтанкѣ, д. 93, кв. 16.

Издатель-редакторъ М. А. Филипповъ.

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная (350 номеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

подъ редакцію А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обзор.»).

Объемъ газеты—печатный листъ средняго формата; программа—общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 руб.; на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за строку *петита*) принимаются въ Тифлисъ исключительно въ Газетномъ Агентствѣ В. Шавердова; въ С.-Петербурѣ-же и Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Кананова, квартпра редактора.

За газетой обезпечено постоянное сотрудничество: кн. К. А. Бебутова, Вс. М. Гаришина, П. А. Измайлова, С. Н. Кривенко, Н. Я. Николадзе, П. А. Опочинина, А. Н. Плещеева, Н. Ф. Тхоржевскаго, Гл. П. Успенскаго, Н. А. Шаврова.

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ КІЕВѢ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1884 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложений (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо Подписчики „Извѣстій“, при выпискѣ приложений, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ объѣмѣ изданиями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ комисіонеру университета Н. Я. Оглоблнову (С. Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевѣ, Крещатики, бывший книжный магазинъ Литова).

Редакція.

„Николаевскій Листокъ Объявленій“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Распоряженія Правительства и мѣстныхъ властей.
- 2) Телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства.
- 3) Мѣстная хроника общественной жизни. Рефераты общественныхъ и сословныхъ учрежденій. Письма и статьи касающіяся торговля, статистики и т. п.
- 4) Судебная хроника.
- 5) Театръ и музыка.
- 6) Мѣстная экономическія и торговля свѣдѣнія. Курсы, биржа.
- 7) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп., на 1 мѣсяць—1 руб.

Плата за объявленія: на 1-й страницѣ—1 руб. 80 коп. за вершокъ столбца; на послѣдней страницѣ—въ первый разъ 90 коп. и въ послѣдующіе разы по 60 коп. отъ вершка.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Николаевѣ Херс. губ. въ конторѣ редакціи, на углу Соборной и Спасской улицъ, д. Саквичи.

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

(50 № № въ годъ).

У с л о в і я п о д п и с к и :

За годъ	6 р. — в.
За первое полугодіе	4 „ — „
За второе полугодіе	3 „ — „
За Январь, Февраль и Мартъ	2 „ 25 „
За Апрель, Май и Июнь	2 „ — „
За Июль, Августъ и Сентябрь	1 „ 75 „
За Октябрь, Ноябрь и Декабрь	1 „ 50 „

П о м ѣ с я ч н о :

За Январь	1 „ — „
За Февраль	„ 80 „
За остальные мѣсяцы, за каждый мѣсяць	— „ 75 „

Годовые подписчики получаютъ литературный сборникъ, который будетъ вскорѣ изданъ редакціей „Екат. Недѣли.“

Редакція имѣетъ въ виду возобновить ходатайство объ изданіи газеты 3 раза въ недѣлю, безъ увеличенія цѣны изданія.

Редакторъ-издатель *П. Штейнфельдъ.*

Въ 1884 году открыта подписка на

„ПСКОВСКІЙ ГОГОДСКОЙ ЛИСТОКЪ“.

Политическо-общественную газету, выходящую два раза въ недѣлю.

Цѣна съ пересылкою: на годъ 4 р. 50 к., на 6 мѣ. 3 р., на 3 мѣ. 2 рубля.

„С В Ъ Т Ъ“

выходящую ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, въ форматѣ обыкновеннаго листа.

Начавъ издаваться съ 1 января 1884 года, „Свѣтъ“ имѣлъ невѣроятный и небывалый успѣхъ и сразу сталъ *самою распространенною газетою въ Россіи.*

Цѣна на „Свѣтъ“

Съ пересылкою и доставкою: За годъ 4 р.
 » » » полгода 2 »
 » » » четверть года 1 »

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1884 году, такъ-же какъ и въ нынѣшнемъ, будутъ выходить

Приложеніе романовъ.

къ газетѣ

„С В Ъ Т Ъ“

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному роману каждый мѣсяць, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на романы съ пересылкою и доставкою:

На годъ (12 романовъ) 4 руб.
 > полгода (6 романовъ) 2 »
 > четверть года (3 романа) 1 »

Безъ газеты подписка на романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: С.-Петербургъ, редакція газеты „Свѣтъ“, Гороховая, № 46.

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*

VI годъ. „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“ годъ VI.

большой еженедѣльный иллюстрированный журналъ

съ роскошными преміями и разными бесплатными приложеніями.

Выходитъ въ 1884 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ гравюръ.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ «Иллюстрированнаго Мира» включаетъ въ себѣ историческіе и бытовые романы, повѣсти, рассказы, сцены, стихотворенія, историческіе и біографическіе очерки, попу-

лярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, всемірный курьеръ (обозрѣніе общественной жизни всего свѣта), литературное обозрѣніе, книжныя новости, политическое обозрѣніе, русское (внутреннее) обозрѣніе, новости наукъ, искусствъ и проч., калейдоскопъ, юмористическій отдѣлъ шахматы, задачи, игры, шарады, ребусы, тиражи, почтовый ящикъ и проч. Нѣкоторыя беллетристическія произведенія помѣщаются съ богатыми иллюстраціями. Дополненіемъ беллетристическаго отдѣла будутъ служить:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

въ которыхъ въ теченіи года будутъ помѣщены наиболѣе выдающіяся произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „Иллюстрированнаго Міра“ даетъ снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портреты, виды замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, картины животнаго и растительнаго царства, картины современной политической и общественной жизни, сцены изъ жизни, иллюстрація къ романамъ, сцены изъ оперъ, балета, драматическихъ произведеній, каррикатуры, модные рисунки, ребусы и проч. По примѣру прошлыхъ лѣтъ при журналѣ будутъ разсылаться **РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ**, представляющія снимки съ произведеній извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

При журналѣ „Иллюстрированный Міръ“ ежемѣсячно рассылаются бесплатно **»НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ«**—полный руководѣльно-модный журналъ съ выкройками въ натуральную величину.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію—прекрасную олеографію съ картины знаменитаго художника профессора *Г. И. Семирадскаго*:

„ХРИСТОСЪ и ГРѢШНИЦА“

Подписная цѣна „Иллюстр. Міра“ на годъ со всѣми преміями и приложеніями:

безъ доставки въ Спб. 6 р., безъ достав. въ Москвѣ 6 р. 50 к. Съ дост. Сиб. 7 р. для иногородныхъ 8 р. Загр. 10 р.

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербурѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“, по Невскому проспекту д. № 76 (уголь Литейнаго пр.). Въ Москвѣ, въ отдѣленіи коншоры, при Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова.

„Волжскій Вѣстникъ,“

Газета общественная, литературная и политическая, выходитъ въ г. Казани (2-й годъ изданія).

Въ наступающемъ году изданіе будетъ значительно расширено; такъ, «*Волжскій Вѣстникъ*» въ 1884 году будетъ выходить вмѣсто одного—три раза въ недѣлю.

Направленіе, составъ редакціи и подписная плата остаются прежнія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго *Волжско-Камскаго края* и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Годовые подписчики получаютъ бесплатную премію—литературный сборникъ, объемомъ не менѣе 15 печат. листовъ (240 страницъ). Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ мѣстнаго края.

Подписная цѣна, съ пересылкою и доставкой: на годъ—7 руб., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп.—Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка платежа: при подпискѣ—3 р., къ 1 Апрѣля и къ 1 Юля—по 2 рубля.

Изгородніе адресуютъ исключительно: въ Казань, въ редакцію «*Волжско-Камскаго Вѣстника*».

Редакторъ-Издатель, профес. *Н. И. Забоскинъ*.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„РОССІЯ“.

Журналь «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяць: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадами въ два листа (16 стр.) большого формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтвой оберткѣ съ виньеткой. При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка въ краскахъ (автографин), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *Б. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микшица, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, разсказы, очерки,—историческіе, бытовые, изъ уголовной хроники,—драматическіи

произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и вѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ *А. Е. Салиасъ*, *Н. С. Лясковъ* (*Стебницкій*), *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. Г. Вучетичъ*, *А. В. Круловъ*, *Д. А. Линева*, *С. Н. Филитовъ*, *П. П. Тимофеевъ*, *Н. С. Стружкинъ*, *П. А. Оленинъ*, *В. В. Чуйко*, *В. Е. Ермиловъ*, *Н. Кульжинскій*, *М. М. Ивановъ*, *В. С. Баскинъ*, *Н. А. Вербицкій* и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполне увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ, будетъ такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ—

„АТАМАНЪ УСТЯ“,

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя *А. Е. Салиаса*, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірскал». «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, со всѣми приложениями и преміей, безъ доставки въ Москвѣ 7 р., съ доставкой и пересылкою 8 р.: на полгода безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкою 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, Газетный переулокъ, близъ Петровки, въ д. Фульца; Въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Мелье и Ко и Вольфа

Редакторъ-Издатель *О. М. Уманецъ*.

„КІЕВЛЯНИНЪ“,

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ въ 1884 г. **ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.**

Годовые подписчики получаютъ бесплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянка“ съ портретомъ покойной издательницы „Кіевлянина“.

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ зая-

впять, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Кіевлянина», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «Кіевлянина»: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгинныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатики, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—12 р., на 11 м.—11 р. 20 к., на 10 м.—10 р. 60 к., на 9 м.—9 р. 40 к., на 8 м.—8 р. 80 к., на 7 м.—8 р., на 6 м.—7 р., на 5 м.—6 р. 20 к., на 4 м.—5 р. 40 к., на 3 м.—4 р. 50 к., на 2 м.—3 руб. на 1 м.—1 руб. 50 к.; безъ дост. и перес.: на годъ—10 руб., на 11 м.—9 руб. 40 к., на 10 м.—8 руб. 80 к., на 9 м.—8 руб. 20 к., на 8 м.—7 руб. 60 к., на 7 м.—7 руб., на 6 м.—6 руб., на 5 м.—5 руб., на 4 м.—4 руб., на 3 м.—3 руб., на 2 м.—2 руб., на 1 м.—1 руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году ежедневно за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста Буквы (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста Гр. Градовскаго, который обѣщаль пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція приобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся приобрести въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ» занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ сблизіемъ выпуска полоторныхъ номеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и сбзпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставкн и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ бесплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемю не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ выщатъ, кромѣ романовъ, периодовыхъ статей, рассказовъ, смѣся — или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлополѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Вериедипровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Генчискѣ, Глуховѣ, Грозномѣ, Городнѣ, Лямгріевѣ, Елпсаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кипиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевицѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебеднѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Шахчевани-на-Дону, Новомъ-

Осколь, Обояни, Орлъ, Одессъ, Орѣховъ, Полтавъ, Павлоградъ, Переяславъ, Путивль, Пирятинъ, Прилукахъ, Пятигорскъ, Ромнахъ, Ростовъ-на-Дону, Сквиръ, Славянскъ, Славяносербскъ, Ставрополъ, Старобѣльскъ, Старомъ-Осколь, Симферополъ, Севастополъ, Суджъ, Сумахъ, Тамбовъ, Тифлисъ, Таращъ, Таганрогъ, Умань, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдпкой, Херсонъ, Хоролъ, Черниговъ, Черкасахъ, Эривани, Ялтъ, Феодоси и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. пог.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домъ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. Юзефовичъ.

« ДОНСКАЯ ПЧЕЛА »

(ГОДЪ ІХ)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергаиъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты — служеніе интересамъ Приазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текуція явленія и мѣстные новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовъ на Дону.	Съ пересылкою погороднымъ.
на годъ 6 р. —	на годъ 7 р. —
„ полгода 3 „ 50	„ полгода 4 „ —
„ 3 мѣсяца 2 „ —	„ 3 мѣсяца 2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовъ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абрамианъ.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНИКЪ”.

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналъ **«РОДНИКЪ»** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, полптипажами въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно **оригинальныя** произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія выдающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто нѣбольшое, въ родѣ, напрям. напечатанныхъ въ 1883 г. въ «Родникѣ» очерковъ **профес. М. Н. Богданова**, подъ названіемъ **«Мірскіе захребетники»**, гдѣ описаны бытъ животныхъ, селящихся около чловѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ **М. Н. Богданова** изъ другой области животнаго міра и очерки **профессора Дм. Найгорова** изъ жизни растений. Сверхъ того, въ «Родникѣ» появится продолженіе этнографическихъ разсказовъ **Л. Х. Симоновой** изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Выѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ **«Воспитаніе и Обученіе»** выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библиографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ при- На годъ безъпри- На ½ года за границу
ложеніемъ, 6 р. ложенія, 5 р. безъ 3 р. на годъ
съ дост. и пер. сь дост. и пер. приложенія сь приложеніемъ. 8 р.

Подписка принимается: въ *С.-Петербурѣ*, въ *главной конторѣ журнала «Родникъ», Никольская площ., д. № 4*, и въ *отдѣленіяхъ конторы*: въ *С.-Петербурѣ* — книжный магазинъ *Н. Фену и К°*. Въ *Москвѣ* — «Сотрудникъ школь» *А. К. Залѣской*, *Воздвиженка, д. Арман্দѣ*. Въ *Харьковѣ* — книжный складъ при «Публичной библиотекѣ» *А. П. Гусева и К°*, *Московская, 7*. Въ *Томскѣ* — «Сибирскій книжный магазинъ» *Михайлова и Макушина*.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева*.

„НОВОСТИ ДНЯ“,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы собственных корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учреждений. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассационныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ сѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя извѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета «**Новости Дня**» на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всеѣмъ этия потребности общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгали всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщаемого событія, ни во имя бойкости разсказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: .

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Весь доставки въ Москвѣ . . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ . .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія принимаются по 20 к. за строку пента на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты «**Новости Дня**».

Редакторъ-издатель *А. Я. Липскеровъ*.

„ВАЗА“.

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадами и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ. **24 модныя раскрашенныя гравюры**. (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12 вырѣзныхъ выкроекъ**—въ натуральную величину. **12 листовъ литографированныхъ выкроекъ** (до 1000 формъ). **12 листовъ узоровъ**: визанья, вишиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6 раскрашенныхъ узоровъ**, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ **6 ПРЕМІЙ**, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на переддвиганый столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** приозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краски. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ**. Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА»**. Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и рассылка премій оканчивается въ теченіи перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Цвиновская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

На годъ безъ премій . . . 6 р. — к.	7 р.	} Съ преміями на 5 р. дороже, на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На ½ года безъ премій. 3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЪ“.

Подписчики получаютъ за **ШЕСТЬ** руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, двѣнадцать приложеній (премій) ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕСПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

- 1) Большую олеографическую картину.
- 2) }
- 3) } **Два акварельныхъ пейзажа.**
- 4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) живописной Россіи: сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и

статистическими цифрами. Изданіе это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоценное приобрѣтеніе.. Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбомиллюстраціи.

5 и 6) **Первый и второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годъ две изданіе журнала «ЛУЧЬ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. членовникамъ и библіотекажъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одиннадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ кантору редакціи.

Редакторъ С. С. Окрейцъ.

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большаго формата) и

«ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»

(двухтысячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій пинѣ въ *десятый годъ существованія*,—въ оффиціальной своей части, составляющей оффиціальныи органъ св. синода, печатаетъ *столна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неоффиціальной жѣ части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе *Толкованія*

на книгу *Исаиловъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ «Толкованія на книгу пророка *Исаиѣ*», такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ особою книжкою пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на *Вѣстий Завѣтъ*» — семь руб. съ пересылкою; отдѣльно за «*Церковный Вѣстникъ*» — пять руб., за «*Христіанское Чтеніе*» съ «Толкованіями» — пять руб. За границей, для всѣхъ мѣстъ; за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкою.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ» Подписывающіеся въ Петербургѣ подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знамен. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаютъ также отдѣльными изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку пята за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.— за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Кабалева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

большая ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета

Въ 1884 г. въ обновленномъ видѣ и расширенной программой вступить въ четвертый годъ своего существованія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкою на домъ въ городѣ на годъ 9 р., полгода 5 р., трѣ мѣсяца 3 р., одинъ мѣсяць 1 р. Съ пересылкою по почтѣ иногороднимъ на годъ 10 р., полгода 6 р., трѣ мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяць 1 р. 25 к.

Съ 1-го января 1884 года при „Одесскомъ Листкѣ“ будетъ выходить еженедѣльный политическо-литературн., художественно-юмористическій журналъ съ карриатурами

„ П Ч Е Л Ж А “

Въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ журналовъ съ 4-мя страницами карриатуръ (въ нѣсколько красокъ) и съ 8 страницами текста, въ которыхъ, кромѣ фельетоновъ сатирическихъ, обличительныхъ статей, беллетристическихъ и художественно-литературныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, будутъ помѣщаться статьи по внутреннимъ вопросамъ и иностранной политикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: для городскихъ подписчиковъ съ доставкою на домъ 6 р., полгода 4 р., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ 5 р., полгода 3 р. 50 к. Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкою въ банде-

роляхъ: въ годъ 7 р., полгода 4 р. 50 к., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ 6 р., полгода 4 р.

Требованія и деньги адресовать на имя **В. В. Навроцкаго**, въ контору редакціи „Пчелки“: въ Одессѣ, Ришельевская улица, домъ Баржанскаго.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій**.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“ ВЪ 1884 ГОДУ.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересоваться его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человечества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрагивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараюсь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяць 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, въ **С.-Петербургѣ**, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5. Редакторъ-издатель **А. П. Поповицкій**.

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году «**Орловскій Вѣстникъ**» будетъ выходить ежедневно одинаковыми нумерами въ листъ, кромѣ послѣдпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ нумеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, **7 РУБЛЕЙ**.

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библіотекѣ «**Орловскій Вѣстникъ**», болховская, д. Зальменъ, и въ редакціи — зинovieвская улица. Редакторъ-издатель **А. Чудиновъ**.

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкой въ Саратовъ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — в.
» полгода	4 » — »	» полгода	4 » 50 »
» 3 мѣсяца	3 » — »	» 3 мѣсяца	3 » — »
» 1 мѣсяцъ	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 10 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Снобелевская ул., домъ Снезюрге.

Редакторъ **П. Лебедевъ**. Издатель **М. Поповъ**.

„СТРАННИКЪ“

на 1884 годъ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октяб'ря 1880 года пздается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общеизвестныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всякъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*. 2) Общеизвестныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*. 3) Церковныя слова, *поученія* и другія правоучительныя произведенія. 4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* пзъ прошлаго и современнаго быта нашего духовнства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики

изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*. 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокъ и Западъ, *особенно у славянъ*. 11) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о появляющихся тамъ статьяхъ, являющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библиографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная летопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія и замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и еднновѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденція; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкой въ С.-Петербургъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**; съ пересылкою за границу **восемь рублей**. Арендовать: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.*

„ИСКУССТВО“

ЖУРНАЛЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимая участіе: П. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларажбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. П. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елишекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky šbornik“), В. И. Кашиповъ, Ц. А. Гюн, В. П. Карповъ, Эрихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Спасовичъ, Н. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. (арсэ, изъ Парижа), А. Г. Сахаровъ, „Театраль“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. П. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“). В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналъ «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналъ „ИСКУССТВО“, взявши свой форматъ, выйдетъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала «Revue politique et litteraire», заключающа въ каждомъ номерѣ отъ 24 до 32 стра-

лицъ, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются новѣсти, очерки, рассказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою		Для иногородныхъ	
Годъ	9 р. 50 к.	Годъ	10 р.
Полгода	5 „ 75 „	Полгода	6 „
3 мѣсяца	3 „ 50 „	3 мѣсяца	4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка черезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Θ. Грдининъ*.

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обзоръніе малозслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДИУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ специальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ*: въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премированныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСЪ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картикъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ*: романы, повѣсти, рассказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» — романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Буглеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Баи), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го юли 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Английскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ книж. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ*.

„ЭХО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ ГАЗЕТЪ.

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившейся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяет не только удержать прежнюю подлинную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты «Эхо» опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою ступою къ намѣченной имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не бораясь вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для успѣхія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, талящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ,—внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно большаго знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы расширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней „Чиновное болото“, „Прологъ къ роману“ М. Н. Альбова. Повѣсть „Въ полутьмѣ“ и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:	За границу:
На годъ 10 р.	На годъ 16 р. — .
„ полгода 6 „	„ полгода 9 „ — „
„ три мѣсяца 8 „	„ три мѣсяца 5 „ — „
„ одинъ мѣсяць 1 „	„ одинъ мѣсяць 2 „ 50 „

Подписка принимается на ось вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не дальше, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургъ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургъ — въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № 27, въ Русской Скоропечатнѣ „К. Н. Куна).

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургъ — по третьямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургъ* — въ главную контору „ЭХО“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,
будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останется вѣрною разъ принятому пути, — мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальнымъ указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники“, дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областнаго отдѣловъ думаемъ, что исполнѣнн общаѣнн по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроникѣ, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, рассказы, фельетоны съ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки и доставки:	съ пересылкой или доставкой:
За годъ (12 мѣсяцевъ) . . . 12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ) . . . 14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ 7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ 8 „ — „
За 3 мѣсяца 3 „ 85 „	За 3 мѣсяца 4 „ 50 „
За 1 мѣсяць 1 „ 30 „	За 1 мѣсяць 1 „ 50 „

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяць.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается рассрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учреждений также допускается рассрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетоны; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральныи репертуаръ, почтовые и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносу подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ **ОРЕНБУРГЪ**, въ редакцію газеты «**Оренбургскій Листокъ**», Перовская улица, домъ № 33, близь театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій*.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Медицинская Библіотека“.

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. 17 р., безъ перес. 15 р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій**. Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони**. *Физиологія* (60 лист.); **Генохъ**. Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгиюлеръ**. Нервныя болѣзни (23 листа); **Мальгень**. *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ**. Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо**. Болѣзни памяти (10 лист.); **Росбахъ**. Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ**. Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ**. Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ**. Диагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ**. Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ**. Хирургія (70 лист.); **Ришэ**. Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна**, затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи **Вредена** (**Гебра**, **Генсмеръ**, **Барделобенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигиенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медич. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*

Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ“

ТРЕТИЙ ГОДЪ

«Другъ женщины» — будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и рассказы—оригинальные и переводные; біографія и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержания—по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, бібліографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія—по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ свѣздахъ; правительственныя распоряженія; статистическія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ «Другъ женщины»: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитріева*, *Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ **Москвѣ**, въ конторѣ редакціи, Волонка, домъ Воейковой, подъѣздъ съ Лѣнвки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ **С.-Петербурѣ**: въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Вѣржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ Конторъ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашкевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкой на домъ	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Для иногородныхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
		1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на переѣзду адреса прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Прічты казанской епархіи, выпысывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ прилатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ едомствъ*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 гду редакция обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэуа Д. Рэтклифа* — «Возстаніе въ Индіи», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и проводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. .

Безъ доставки.	Съ доставкою на домъ.	Съ перс. во всѣ г. Россіи.
На 12 мѣс. 8 р.—к.	8 р. 50 к.	9 р.
На 6 „ 4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третимъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносятся 5 руб., а во второмъ — 3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторѣ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журналовъ «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ»*.

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІИ

СВѢТЪ и ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ
1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ «Свѣтъ и Тѣни» — журналъ преимущественно художественный — издается нераздѣльно съ безплатнымъ журналомъ «Мірской Толкѣ», обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ 100 №№ въ годъ, ежемѣсячно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключаая въ себѣ болѣе 800 страницъ самаго разнообразнаго текста и 200 большихъ страницъ иллюстрированныхъ красками каррикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100 — на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ каррикатурныхъ журналовъ, на половину — политическаго характера. Съ первыхъ-же номеровъ журнала «Свѣтъ и Тѣни» начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа «Бѣлая невольница» Н. К.

Кондратьева, затѣмъ всторическая повѣсть *И. Погорьлина* «Колоколь императрицы Анны». Для журнала «Мірской Толкѣ» редакція имѣеть въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степеніи интересныя популярно-научныя статьи одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты*, подъ названіемъ «Къ сумасшедшему дому» и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рубрикой: «Избранные романы Библиотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ «Библиотекѣ Мірскаго Толка» редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминированныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ ста №№ журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложений, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получаютъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЬ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библиографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святное Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины (1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходить ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой Ж.Ж. и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины. — Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р. — не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная — или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москву* — въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербурѣ* — въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

„БУДИЛЬНИКЪ“.

1884 г. (двадцатый годъ изданія).

Съ 8 декабря 1883 года изданіе и редакція «Будильника» перешли въ другія руки.

Въ теченіи года 50 номеровъ, 300 большихъ каррикатуръ и рисунковъ напечатанныхъ сѣмью красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ½ года.
Въ Москвѣ безъ доставки	7 р.	4 р. — к.
Съ „Альбомомъ каррикатуръ“	8 „	— „ — „
„ „ съ доставкою	8 „	4 „ 50 „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“	9 „	— „ — „
„ пересылкой въ другіе города имперіи	9 „	5 „ — „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“	10 „	7 „ — „

Пересылка за границу по особому тарифу.

Подписка на иные сроки, кромѣ вышеуказанныхъ, не принимается. Разсрочка подписной суммы требуетъ предварительнаго соглашенія съ главною конторою «Будильника». Годовые подписчики, когда бы ни подписались, получаютъ всѣ номера журнала, начиная съ перваго, равно какъ бесплатную премію. Полугодовые подписчики никакой преміи не получаютъ.

Премія „БУДИЛЬНИКА“ на 1884 г.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Бомарше, переводъ съ французскаго, артиста москов. императ. театровъ М. П. Садовскаго.

„СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“

Рукопись печатается въ форматѣ «Будильника», съ десятью художественно выполненными рисунками болѣе выдающихся сценъ безсмертной комедіи—сатиры.

Въ виду двадцатилѣтія существованія «БУДИЛЬНИКА», въ 1884 году издавъ будетъ «Альбомъ каррикатуръ для смѣха и забавы», нъ который войдутъ лучшія каррикатуры, также шутки и юмористическіе стишки, помѣщавшіеся въ «БУДИЛЬНИКѢ» съ 1863 по 1883 гг. Годовые подписчики, желающіе также получать «Альбомъ каррикатуръ», доплачиваютъ къ подписной суммѣ ОДИНЪ руб.:

Срокъ выхода бесплатной преміи для годовыхъ подписчиковъ—Иллюстр. комедіи Бомарше «Севильскій цирюльникъ» — 1 іюля, а «Альбомъ каррикатуръ» — 1 іюня 1884 г.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «БУДИЛЬНИКЪ». Москва, Б. Дмитровка, д. Шаблыкина и въ главныхъ княжнихъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Важное примѣчаніе. Гг. яногородные подписчики, желающіе получать «БУДИЛЬНИКЪ» своевременно, приглашаются адресовать свои требованія прямо въ главную контору редакціи и при томъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

За редактора издательница *Е. Арнольдъ.*

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры.* Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Блажбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Вярениусъ, проф. В. П. Давевскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. П. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ф. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ф. П. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мязитровъ, Н. Мянскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омлевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Несковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Педонскій, проф. В. П. Сергѣевичъ, Д. Н. Стахѣевъ, В. Я. Стоянинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:
Безъ доставк	12 р.	Безъ доставки 7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургѣ 7 р. 50 к.
Съ перес. въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи 8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу. 9 р.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору «Наблюдатель». Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ ось книги журнала, начиная съ 1-го №.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковский.

„СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА“

на 1884 года.

Газета будетъ выходить въ 1884 г., какъ и прежде, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ 1½—2 листовъ. Подписная цѣна: для иногородныхъ за годъ—7 р., полгода—4 р. Важнѣйшее мѣсто въ газетѣ будетъ отвѣдено корреспонденціямъ и извѣстіямъ изъ всѣхъ концовъ Сибири—изъ городовъ, деревень и захолустій; цѣль этихъ извѣстій знать нужды и потребности мѣстнаго населенія и бороться съ злоупотребленіями, гнетомъ и неправдой, отъ кого бы она ни исходила. По важнѣйшимъ вопросамъ, какія выдвинетъ мѣстная жизнь, будутъ помѣщаться руководящія статьи. Обзоръ различныхъ выдающихся проявленій этой жизни найдетъ мѣсто въ фельетонѣ. Въ русскою и иностранною обзорнѣяхъ читатель найдетъ всѣ выдающіяся событія въ русской и иностранной жизни; цѣль этихъ обзорнѣй, по возможности, удовлетворить значительную часть нашихъ читателей, не имѣющихъ средствъ выписывать какую либо изъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ. Дѣйствія правительства, касающіяся Сибири, будутъ печататься обязательно.—Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, будутъ печататься отдѣльныя статьи по этнографіи, исторіи, статистикѣ Сибири, а также очерки, разсказы и проч. Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ цѣлямъ, просимъ помочь намъ трудами и совѣтами; для всѣхъ такихъ лицъ страницы „Сибирской Газеты“ широко открыты.

Подписку и корреспонденціи адресовать: въ Томскъ, въ ред. «Сибирской Газеты».

„СИБИРЬ“

1884 ГОДЪ.

Газета будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить по воскресеньямъ еженедѣльно.

Условія подписки, съ доставкою и пересылкою во всѣ города имперіи и за границу:

На годъ	7 р.
„ полгода	4 „
„ 3 мѣсяца	2 „ 10 к.
„ 2 —	1 „ 15 „
„ 1 —	„ „ 75 „

Подписка принимается: въ Иркутскѣ—въ редакціи газеты «Сибирь», въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи «Восточное Обозрѣніе», Поварской пер. д.5, кв. 17.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича (С.-Петербургъ Васильев. Островъ, 2 лн. № 7) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 38—4 и Москва Кузнецкій мостъ домъ Третьяковыхъ, а также въ газетномъ агентствѣ Шавердова въ гор. Тифлисѣ продаются слѣдующія изданія кубанскаго областного статистическаго комитета:

„ВРЕДНЫЯ НАСѢЧОМЫЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ“,

изслѣдованіе проф. К. Э. Линдемана. Цѣна 1 р. с. безъ пересылки.

КУБАНСКАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

и

КУБАНСКИЙ СБОРНИКЪ

съ картою кубанской области, изданныя подъ редакціею Е. Д. Фелицына.

Цѣна за обѣ книги 3 руб. сереб. безъ бересылки.

За пересылку плата особая по разстоянію за 4 фунта.

КАРТА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

въ 20-ти верстномъ масштабѣ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ 1882 года составлена Е. Д. Фелицынымъ, цѣна 75 коп. сереб.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутрн Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; по происходило это, какъ удостовѣрялъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточности* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и невѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ оного, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая, какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея випѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородній-же высылаются *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Оедорова, Розова, Диптера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, объявляемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братьевъ нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непрѣмѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только вариантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же со-трудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетри-стическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характери-стики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказ-кахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣяте-лей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересыл-кою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры жур-нала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софій-ская площадь, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, га-зету „ДѢЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія состав-ляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ при-ложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель В. Г. Лебединцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1884 г.

	стр.
I. ЗМІЕВЫ ВАЛЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ. В. Антоновича	253
II. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (Продолженіе). Н. Ф. Сумцова	271
III. КВЯГИНЯ. (Разсказъ Т. Г. Шевченка)	391
IV. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РЪЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). Ф. Николайчика	423
V. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. (Продолженіе).	443
VI. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА КЪ АРХ. КІЕВ. РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіев. академіи)	465
VII. РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В.	471
IX. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Н. Любичъ. Исторія реформація въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варшава. 1883 г.—б) Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ. Краковъ. I. 1882. II. 1883. Ц.—Неймана.—в) Четъ, или не четъ? Историческая новѣсть конца XVII в. І. Крашевскаго. Варшава. 1884. Т. 1 и 2. S.—г) Спомянки про жито и дѣяльность Володимира Барвѣньскаго. Львовъ. 1884 г.—В. Г—ка.—д) Къ новоселью городской публичной бібліотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г.	478
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи слободско-украинскаго чумачества.—Н. Сумцова.—б) Изъ школьныхъ воспомянаній о Кіевѣ.—Н. Я. Бир—вскаго.—в) Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи.—В. Г—ка.—г) Попытка околдовать волостной судъ.—II. Еф.—д) Послѣдствія клятвонепреступленія. II. Еф.—е) Вертепъ въ купинскомъ уѣздѣ харьковской губерніи.—А. Селиванова.—ж) Вымирающіе типы украинской деревни. Прот. Луки Киселевича.—з) Контрактъ на постройку церкви конца XVII в.	493
XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями А. М. Лазаревскаго. (Приложеніе).	1—16

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старини“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

МАРТЪ.

1884 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 28-го февраля 1884 года.

ЗМІЕВЫ ВАЛЫ

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ.

Во многихъ мѣстностяхъ южно-русскаго края виднѣются весьма древнія земляныя сооруженія—это земляныя валы, которые пролегаютъ по полямъ и лѣсамъ на протяженіи десятковъ и сотенъ верстъ, охватываютъ цѣлыя округи и уѣзды, по временамъ сопро-вождаютъ русла рѣкъ, иногда перерѣзываютъ ихъ теченіе или про-легаютъ по водораздѣльнымъ линіямъ; они, то постепенно понижа-ясь, какъ-бы сглаживаются и перестаютъ быть замѣтными, то, послѣ перерыва въ нѣсколько верстъ, опять постепенно возвышаются и тянутся въ таинственную, понынѣ не изслѣдованную даль. Насыпи эти извѣстны у народа подъ именемъ „зміевыхъ валовъ“, на осно-ваніи многочисленныхъ легендарныхъ преданій, сущность которыхъ будетъ изложена ниже. Люди книжные еще съ XVII вѣка, на осно-ваніи весьма поверхностной и шаткой гипотезы, называли ихъ до весьма еще недавняго времени „Траяновыми валами“. Вопросъ о происхожденіи этихъ громаднхъ сооруженій не можетъ быть въ настоящее время точно рѣшенъ какъ по отсутствію необходимыхъ географическихъ и археологическихъ данныхъ, такъ и по недостатку прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о времени ихъ возникновенія.

Самое существенное неудобство при изслѣдованіи древнихъ валовъ южно-русскаго края заключается въ томъ, что они не на-несены на карты, даже самыя подробныя, и описанія ихъ встрѣ-чаются лишь въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ раз-личныхъ сочиненіяхъ; свѣдѣнія эти притомъ не всегда совпадаютъ

другъ съ другомъ и почти всѣ не отличаются точностью и обстоятельностью. Такимъ образомъ общаго контура направленія всѣхъ валовъ невозможно пока возстановить и потому невозможно основывать общихъ выводовъ на географическомъ ихъ расположеніи.

Если сведемъ всѣ свѣдѣнія о валахъ находящихся въ кіевской губерніи ¹⁾, то можемъ начертить на картѣ только нѣсколько цѣльныхъ линій, которыя пролегаютъ къ югу и частью къ западу отъ Кіева и находятся въ нѣкоторой связи съ рѣчною системою страны. Самая длинная изъ извѣстныхъ линій вала сопровождаетъ Рось: она начинается на лѣвомъ берегу этой рѣки, недалеко отъ ея устья и, то удаляясь, то приближаясь къ ея руслу, тянется мимо Корсуни и Богуслава до Бѣлой-Церкви ²⁾; здѣсь она поворачиваетъ къ западу, пересѣкаетъ притокъ Роси—Каменку, переходитъ на другой ея притокъ—Раставицу и затѣмъ, поворачивая къ сѣверу, проходитъ черезъ село Попельню и огибая съ запада истоки рѣкъ: Унавы, Ирпеня и Здвизи, достигаетъ южнѣ Радомысля береговъ Тетерева, въ окрестности котораго даетъ нѣсколько боковыхъ отроговъ и соединяется съ другими линіями валовъ. Другой валъ начинается вблизи мѣстечка Триполья и тянется къ западу, окаймляя болѣе или менѣе близко сѣверный берегъ рѣки Красной, изъ верховьевъ которой переходитъ на Раставицу. Третья линія начинается вблизи предъидущей у Триполья, идетъ почти параллельно теченію рѣки Стугны, по правому ея берегу, затѣмъ пересѣкаетъ рѣку Унаву и тянется дальше къ западу, но западныя оконечности какъ этого вала, такъ и предъидущаго не изслѣдованы; правдоподобно они соединяются съ тою частью перваго вала, которая пролегаетъ по направленію съ юга на сѣверъ. Четвертая

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ: Фундуклей, Обзорніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи; Grabowski—Ukraina dawna i terazniejsza; Lippoman, Zastanowienie się nad mogiłami etc., Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи, Археологическій матеріалъ, собранный по долесеніямъ волостей кіевскимъ статистическимъ губернскимъ комитетомъ (рукопись). Наконецъ данныя о валахъ пополнены до нѣкоторой степени личнымъ нашимъ наблюденіемъ.

²⁾ Валъ этотъ даетъ нѣсколько отроговъ, которые переходятъ на правый берегъ Роси, какъ напримѣръ у сс. Синицы и Острова, но намъ не удалось найти свѣдѣній о дальнѣйшемъ направленіи этихъ отроговъ.

линія вала начинается на лѣвомъ, сѣверномъ берегу Стугны, проходитъ черезъ Васильковъ, пересѣкаетъ р. Ирпень вблизи Черногородки, отдѣляя соединительную вѣтвь къ юго-востоку къ предъидущей линіи, затѣмъ, направляясь къ западу, достигаетъ мѣстечка Бышева; отсюда валь, дѣлая крутыя извилины въ разныхъ направленіяхъ, пролегаетъ дальше къ сѣверо-западу, пересѣкаетъ теченіе Здвижи и между этою рѣкою и Тетеревомъ соединяется съ линіею первою и притомъ даетъ отроги въ разныя стороны, направленіе которыхъ и дальнѣйшее протяженіе намъ неизвѣстны; одинъ изъ этихъ отроговъ пересѣкаетъ русло Тетерева и теряется въ лѣсахъ въ окрестности села Верлоока, другой отходитъ по правую сторону Тетерева, параллельно его теченію, и часть его извѣстна нѣсколько ниже по теченію этой рѣки, между селами: Песковкою и Тальскою Рудою. Пятой линіи намъ извѣстны только незначительныя отрѣзки: къ сѣверу отъ Кіева между селами Вышгородомъ, Петровцами и Валками, къ западу въ лѣсу села Боярки и къ юго-западу у села Рославичи. Если гипотетически соединить эти отрѣзки между собою, то окажется полная половина круга, описанная около Кіева радіусомъ въ 18—20 версть. Наконецъ небольшое кольцо вала замѣчается у села Ходосовки—оно охватываетъ небольшую площадь нагорной мѣстности и обоими концами упирается въ луговую долину Днѣпра.

Перечисленными линіями конечно не исчерпывается все количество земляныхъ сооруженій на площади кіевской губерніи; множество отрывочныхъ указаній свидѣтельствуютъ о томъ, что другія линіи валовъ, вѣроятно гораздо болѣе длинныя, существуютъ къ югу, западу и сѣверу отъ вышеисчисленныхъ. Такъ у Фундуклея намѣчены валы къ югу отъ Роси, на правомъ берегу Тасьмина и въ рѣчной системѣ Синюхи и ея притоковъ; послѣдніе тянутся на довольно значительномъ пространствѣ и южный отрогъ ихъ переходитъ въ степи балтскаго уѣзда подольской губерніи. Нѣсколько западнѣе, въ окрестности мѣстечка Дашева извѣстны два вала, переходящіе также въ Подоліе. На сѣверѣ намѣчены отрѣзки валовъ между рр. Устью и Припятью, а также длинный, по видимому, валь, который переходитъ изъ радомышльскаго уѣзда въ волынскую губернію, въ окрестности села Выдыбора, и т. д.

Въ связи съ валами кіевщины находятся валы южной части переяславскаго уѣзда, описанные Максимовичемъ¹⁾. Валы эти пролегаютъ въ видѣ двухъ параллельныхъ дугообразныхъ линий, которыя упираются въ Днѣпръ, другими-же концами соединяются между собою у села Строковы.

Всѣ исчисленные валы сохранились не вездѣ въ равной мѣрѣ: въ мѣстностяхъ открытыхъ и степныхъ поверхность ихъ давно уже вспахивается и потому валы все болѣе и болѣе сглаживаются; вообще въ этихъ мѣстностяхъ вышина ихъ незначительна, иногда они едва замѣтны и даже по мѣстамъ какъ-бы прерываются. Напротивъ того въ мѣстностяхъ, покрытыхъ лѣсомъ, контуры валовъ сохранились довольно полно, высота вала достигаетъ здѣсь 3—4 сажень, ширина-же его у основанія равняется обыкновенно 7—8 саженямъ. Вездѣ, гдѣ контуры вала уцѣлѣли въ значительной степени, наблюдается одна характеристическая черта: валъ всегда сопровождается съ одной стороны ровомъ, и ровъ этотъ всегда находится на одной и той-же сторонѣ насыпи, именно, каково-бы ни было направленіе вала, ровъ находится со стороны противоположной Кіеву; въ валахъ переяславскихъ ровъ у обѣихъ параллелей находится съ южной стороны, т. е. со стороны, противоположной Переяславлю.

Упомянемъ гипотезы, высказанныя понинѣ относительно назначенія и времени происхожденія кіевскихъ валовъ. Въ первомъ отношеніи всѣ мнѣнія согласны: никто не сомнѣвается въ томъ, что валы были насыпаны съ стратегическою цѣлью для защиты страны. Довольно взглянуть на географическое расположеніе валовъ, чтобы вполне убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія: валы тянутся главнымъ образомъ по южной границѣ старой полянской территоріи: по Роси, Красной и Стугнѣ, охраняя эту страну отъ степи, на которой съ незапамятныхъ временъ до половины XIII ст. кочевали хищныя орды степняковъ, составлявшія постоянную грозу для осѣдлаго населенія кіевской территоріи; нѣкоторыя вѣтви вала, продолжаясь далѣе на сѣверъ, дополняютъ систему охраны той

¹⁾ См. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. СХХV—СХХVI; замѣтки и чертежи, собранные для этого описанія, покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ мнѣ. — В. А.

территоріи, въ которой лежитъ Кіевъ, исконный центръ русской или полянской земли; такое-же значеніе имѣють по отношенію къ Переяславию валы, находящіеся на лѣвомъ берегу Днѣпра. Указанное выше расположеніе рововъ подтверждаетъ наглядно тоже мнѣніе.

Относительно времени возникновенія валовъ мнѣніа далеко не такъ однородны, какъ относительно ихъ назначенія. Мы уже указали, что книжные люди съ XVII в. стали давать имъ названіе Траяновыхъ валовъ, на основаніи предположенія, будто валы эти сооружены императоромъ Траяномъ, послѣ завоеванія имъ Дакии. Конечно, мнѣніе это слишкомъ поверхностно для того, чтобы подлежало серьезной критикѣ; намъ кажется лишь достойнымъ удивленія то обстоятельство, что до недавняго времени серьезные писатели не могли вполне отрѣшиться отъ этой гипотезы. Такъ и Фундуклей и Грабовскій, при описаніи валовъ въ кіевской губерніи, приняли странную номенклатуру для опредѣленія ихъ: одни изъ этихъ валовъ они называютъ народнымъ названіемъ: „Зміевыми“ другіе книжнымъ названіемъ „Траяновыми“, при чемъ стараются привести доказательства въ подтвержденіе старой гипотезы о сооруженіи ихъ амператоромъ Ульпіемъ Траяномъ.

Описывая одинъ изъ валовъ, пролегающихъ по васильковскому уѣзду, оба названные писателя утверждаютъ, будто въ народѣ сохранились какія-то преданія о Траянѣ, царѣ Ермаланскомъ (sic), но текста самыхъ преданій они не приводятъ и мы полагаемъ, что почтенные писатели введены были въ заблужденіе смутнымъ и неточнымъ слухомъ, слишкомъ поспѣшно занесеннымъ ими въ серьезный трудъ. По крайней мѣрѣ въ многочисленныхъ этнографическихъ изданіяхъ, вышедшихъ и раньше и позже названныхъ сочиненій, мы не встрѣтили нигдѣ намека ни на Траяна, ни на царя Ермаланскаго. Еще болѣе шатко другое доказательство, приведенное двумя названными авторами въ поддерѣпленіе Траяновой гипотезы. Они указываютъ, что въ мѣстечкѣ Кошеватой, лежащемъ впрочемъ въ сторонѣ отъ вала, найдена была монета съ именемъ Траяна; но по сообщенію ими-же описанію найденной монеты явствуетъ, что она чеканена не при императорѣ Ульпій Траянѣ (98—117 г.), а при Деціѣ Траянѣ (249—251) и что она принадлежитъ къ числу колониальныхъ монетъ города Виминаціа въ Мезіи. Такимъ образомъ

очевидно монета не имѣетъ ничего общаго не только съ валомъ и кіевскою мѣстностью, но и съ императоромъ Ульпіемъ Траяномъ ¹⁾).

Въ одно почти время съ Грабовскимъ и Фундуклеемъ неизвѣстный писатель, скрывшійся подъ псевдонимомъ Кіянина Дмитрія, посвятилъ цѣлое отдѣльное сочиненіе гипотезѣ о Трояновыхъ валахъ ²⁾ и пришелъ въ немъ къ весьма оригинальнымъ выводамъ: нисколько не сомнѣваясь, что имя Трояновыхъ валовъ осталось въ народной памяти съ незапамятныхъ, доисторическихъ временъ, авторъ силится путемъ филологическихъ, иногда весьма странныхъ сближеній, подкрѣпленныхъ цѣлымъ рядомъ неожиданныхъ, диковинныхъ гипотезъ, доказать, что Троянъ, соорудившій валы, существовалъ дѣйствительно, но что лице это не тождественно съ римскимъ императоромъ II столѣтія, что Троянъ былъ князь славянскій, княжившій въ землѣ полянъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова, что Кіевъ тогда носилъ правдоподобно имя Трои, что слово „Кій“ было нарицательнымъ наименованіемъ или титуломъ князя и т. д. Словомъ авторъ забрелъ въ непроходимыя дебри, въ какія увлекаются всегда писатели, старающіеся пояснить историческій фактъ не историческими свидѣтельствами, а исключительно филологическими сближеніями, подкрѣпленными произвольными фантастическими гипотезами.

Липпоманъ, писавшій гораздо раньше Фундуклея и Грабовскаго, болѣе здраво отнесся къ гипотезѣ о Трояновыхъ валахъ: передавая описаніе извѣстныхъ ему линій, онъ говоритъ: „нѣкоторые ученые, вѣроятно имѣя ошибочныя свѣдѣнія о мѣстоположеніи этихъ валовъ, приписывали ихъ сооруженіе Траяну... но познакомившись съ ихъ расположеніемъ, нельзя не убѣдиться, что они не были сооружены Траяномъ и не могли находится на границѣ римской провинціи Дакии“ ³⁾. Въ замѣнъ этой гипотезы Липпоманъ представляетъ свою, весьма впрочемъ неопредѣленную; по его мнѣнію змѣевы валы относятся къ весьма глубокой древности и сооружены были сарматами, которыхъ Липпоманъ считаетъ предками

¹⁾ Фундуклей, Обзорѣніе могилъ и т. д., стр. 30. Grabowski—Ukraina dawna i terazniejsza, стр. 72.

²⁾ Выводъ о томъ, что въ древней Россіи Порусско-украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы построены были не римскимъ, а русскимъ Трояномъ. Кіевъ. 1845.

) Lippoman, op: cit., стр. 23—24.

славянъ“¹⁾.)—Наконецъ Максимовичъ, съ свойственною ему трезвостію взгляда, основываясь на лѣтописныхъ указаніяхъ и на свидѣтельствѣ Брунона Мерзебургскаго, высказываетъ предположеніе, что переяславскіе валы были насыпаны въ концѣ X столѣтія²⁾).

Отклонивъ названіе Траяновыхъ валовъ, какъ совершенно произвольное и лишенное научныхъ основаній, обратимся къ народному названію *Зміевыхъ валовъ*. Народъ называетъ ихъ этимъ именемъ не по имени предполагаемаго Липпоманомъ, будто-бы нѣкогда существовавшаго вождя змія, ни потому, что валы тянутся извилисто, подобно змѣѣ, какъ предполагалъ Максимовичъ, и еще менѣе по причинѣ высказанной Кіяниномъ Дмитріемъ, будто „они были столь огромны и страшны, что народъ, уподобляя ихъ змію, назвалъ его именемъ“³⁾, а потому, что въ народной памяти уцѣлѣло въ видѣ фантастической легенды преданіе о возникновеніи вала, главнымъ-же дѣйствующимъ лицомъ легенды является миѳическое существо *змій* (по малорусски *змій* означаетъ не змѣю, а дракона), по имени котораго и названы валы.

Сказочная легенда о возникновеніи зміевыхъ валовъ была записана изъ устъ народа и издана во многихъ этнографическихъ сборникахъ⁴⁾; она представляетъ множество варіантовъ, но существенныя черты разсказа сводятся къ слѣдующему: въ весьма давнее время, вблизи Кіева, у Днѣпра залегъ огромный и страшный Змій: онъ причинялъ жителямъ многія бѣдствія и, между прочимъ, потребовалъ у кіевлянъ дани дѣтьми; всѣ семейства безъ различія сословія должны были доставлять поочередно змію дѣвиць и мальчиковъ на съѣденіе; очередь пришла на княжескую дочь; змію она полюбилась и онъ оставилъ ее жить у себя; княжна, пользуясь

¹⁾ Lippoman, стр. 24 и 139.

²⁾ Труды перваго археологическаго съѣзда, т. I, стр. СХХVI.

³⁾ Lippoman, стр. 26. Максимовичъ I. с., стр. СХХV. Выводъ о томъ et c., стр. 7.

⁴⁾ Намъ извѣстны варіанты помѣщенные, въ слѣдующихъ сборникахъ: 1) *Кулишъ*, Записки о южной Руси, т. II, стр. 27—30; Nowosielski, Lud ukraiński, т. I, стр. 254—284; Малорусскія народныя преданія и разсказы, изд. юго-западнаго отдѣла имп. русск. географич. общ., стр. 248—249; Фундуклей, Описаніе могилъ, валовъ и городищъ, стр. 30—31; Lippoman, Zastanowienie się etc., стр. 23; Atheneum, журналъ, выходившій въ Влывѣ, за 1842 г., Чубинскій, Малорусскія сказки, стр. 128 и 252.

расположеніемъ чудовища, выпытала у него, кто въ состояніи его побѣдить и сообщила эту тайну отцу, переславъ ему извѣстіе въ письмѣ, привязанномъ къ шеѣ голубя. Оказалось, что въ Кіевѣ жилъ богатырь „Кирило Кожемяка“, отличавшійся громадною силою: онъ въ раздраженіи разрывалъ по 12 сыромятныхъ воловьихъ шкурт, сложенныхъ вмѣстѣ; этому-то богатырю и суждено было побѣдить Змія. Князь съ трудомъ упросилъ его предпринять подвигъ, который и увѣнчался полною побѣдою Кожемяки. О приѣмахъ борьбы почти каждый вариантъ рассказываетъ иначе, но изъ 12 извѣстныхъ мнѣ вариантовъ—четыре передаютъ, что богатырь побѣдилъ Змія, благодаря заступничеству святыхъ „Кузьмы—Даміяна“ (въ пятомъ вариантѣ Бориса и Глѣба), которые сковали огромный плугъ и доставили возможность богатырю впречь въ этотъ плугъ Змія и принудить его пахать; борозда выкинутая плугомъ и составляетъ Зміевъ валь. Въ одномъ изъ вариантовъ прибавлена подробность, что Змій, утомленный работою, остановился на берегу рѣчки, выпилъ ее почти всю и вслѣдствіе этого околѣлъ въ страшныхъ мученіяхъ, оставшаяся-же въ долинѣ рѣчки ничтожная струя воды съ того времени получила названіе рѣчки Стугны, отъ стонъ (по малорусски стогнати), которые испускалъ Змій; по причинѣ-же смерти Змія на берегу этой рѣчки прекращается линія вала¹⁾.

Конечно, самъ по себѣ приведенный народный рассказъ принималъ слишкомъ сказочную, фантастическую окраску, чтобы можно было извлечь изъ него прямые указанія на время возникновенія валовъ; мы привели его только потому, что нѣкоторыя черты этого рассказа совпадаютъ съ лѣтописною легендою объ основаніи Переяславля и о единоборствѣ русскаго богатыря съ силачемъ Печенѣжиномъ²⁾. Богатырь лѣтописной легенды, подобно Кирилу—кожевникъ (усмошвецъ, кожемяка), подобно ему онъ заявляетъ свою силу, разрывая сыромятныя кожи; оба богатыря одерживаютъ побѣду въ единоборствѣ съ страшнымъ врагомъ, котораго кромѣ ихъ никто не въ состояніи побѣдить и который причиняетъ страшныя бѣдствія русской землѣ. Если на основаніи этого сходства въ нѣкоторыхъ подробностяхъ можно предположить, что лѣтописная

¹⁾ Nowosielski, т. I, стр. 269.

²⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IX, стр. 65—66.

легенда есть не что иное, какъ вариантъ той-же современной намъ народной сказки, только записанный за нѣсколько столѣтій раньше и потому не потерявшій еще многихъ чертъ реальной обстановки, замѣненныхъ впоследствии чертами мифическими, то прямымъ логическимъ послѣдствіемъ этого предположенія будетъ выводъ, что сказочный Змій современныхъ народныхъ преданій есть ничто иное, какъ аллегорія, подъ которою скрывается совершенно теперь забытый, но нѣкогда вполне реальный и грозный образъ печенѣговъ, занявшихъ было оба берега Днѣпра и неоднократно бравшихъ кровавую дань со славянскаго населенія кіевской земли.

Обратимся отъ народныхъ сказаній къ болѣе точнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Если историческія сказанія о кіевскихъ собственно валахъ очень скудны, то за то мы находимъ весьма многочисленныя свидѣтельства о возникновеніи земляныхъ укрѣпленій, пролежавшихъ на большихъ разстояніяхъ и охватывавшихъ обширныя области въ западной Европѣ¹⁾. Римляне первые ввели земляные валы, какъ средство защиты своихъ границъ отъ германцевъ; уже въ I столѣтіи послѣ Рождества Христова сооружена была длинная линія вала, ограждавшая римскія владѣнія вдоль сѣверной ихъ границы отъ Кельна, по правому берегу Рейна, затѣмъ по Майну и до впаденія Альтмюля въ Дунай; линія эта тянулась на протяженіи 500 верстъ и впоследствии была продолжена гораздо дальше къ востоку—до устья Дуная. Германцы заимствовали быстро у римлянъ эту фортификаціонную систему. Сначала западныя германскія племена стали окружать валами территоріи отдѣльныхъ общинъ и даже цѣлыхъ племенъ, затѣмъ, мало по малу, обычай этотъ распространился и въ восточной и сѣверной Германіи. Уже Германикъ, по свидѣтельству Тацита, наткнулся на валъ, окружавшій территорію херусковъ отъ сосѣдняго племени ангриваріевъ, третій валъ окружалъ предѣлы страны бруктеріевъ и т. д.

Во время Карла Великаго эта римская фортификаціонная система была во всеобщемъ употребленіи какъ у франковъ, такъ и у тѣхъ германскихъ и сопредѣльныхъ съ германцами народовъ,

¹⁾ Давныя о валахъ въ западной Европѣ мы заимствуемъ изъ спеціальнаго военно-историческаго сочиненія генерала Пеукера—von Peucker. Das Deutsche Kriegswesen der Urzeiten. Berlin. 1860 г. См. т. II, стр. 349—415.

съ которыми приходилось сталкиваться франкскому завоевателю. Такъ въ анналахъ Эйнгарта есть свѣдѣнія о сооруженіи въ 812 г. по повелѣнію Карла Великаго пространной линіи валовъ, которая назначалась для охраненія сѣверныхъ границъ Саксоніи отъ нападений датчанъ и славянъ вильковъ. По правую сторону Эльбы линія эта простиралась отъ крѣпости Гогбуки на Эльбѣ до устья рѣки Свентины въ Балтійское море. Укрѣпленія эти, такъ называемыя „*limites Saxoniae*“, въ свое время видѣлъ и описалъ подробно Адамъ Бременскій. Въ одно почти время съ возведеніемъ этой линіи современникъ Карла Великаго, датскій конунгъ Готфридъ оградилъ въ 808 г. южные предѣлы своихъ владѣній по сѣверному берегу Эйдера длиннымъ валомъ, который тянулся отъ Балтійскаго моря до Нѣмецкаго. На юго-востокъ арміи Карла Великаго встрѣтили также страну защищенную земляными валами: монахъ Сенгалленскій, рассказывая походъ сына Карла Великаго Пипина на аваровъ (796 г.), сообщаетъ подробное описаніе девяти концентрическихъ линій валовъ, которыми опоясана была страна аваровъ и которыя представляли главное препятствіе для завоеванія этой страны франками. Въ X в. германскіе императоры продолжали еще возводить на границахъ своихъ владѣній земляные валы; такъ около 970 года при Оттонѣ I насыпанъ былъ длинный валъ вдоль сѣверной границы Гольштиніи для защиты этой страны отъ датчанъ.

При постоянныхъ столкновеніяхъ полабскихъ славянъ съ германцами, установившаяся у послѣднихъ фортификаціонная система была заимствована и примѣнена славянами для защиты своей земли. Славянскія нѣкогда земли, лежавшія на площади нынѣшней Саксоніи, Брандесбурга и Силезіи, представляютъ цѣлую сложную систему земляныхъ валовъ и рововъ, которые тянутся на протяженіи сотенъ верстъ и охватываютъ обширные округа. Такія насыпи окружаютъ древнюю Миснію и верхнюю Лужицу, и вообще наполняютъ въ разныхъ направленіяхъ всю область отъ Саалы на западъ до Одера и Варты на востокъ¹⁾.

¹⁾ Весьма подробныя свѣдѣнія о валахъ и рвахъ полабскихъ и лужицкихъ собраны въ сочиненіи Шустера: Oscar Schuster—Die alten Heidenschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des Oberlausitzer Schanzensystems. Dresden. 1869.

Отъ полабскихъ славянъ фортификаціонная система правдоподобно заимствована была поляками. Длинныя валы окружають разные округи Силезіи, составляя какъ-бы продолженіе лужицкихъ укрѣпленій; затѣмъ такіе-же круги валовъ охватываютъ всю озерную систему Гопла въ Великой Польшѣ, простираясь между рр. Вартою и Нотецью ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ этого краткаго обзора мы видимъ, что укрѣпленіе границъ линіями и кругами длинныхъ земляныхъ валовъ введено было римлянами, отъ нихъ заимствовано германцами и затѣмъ западными славянами; у германцевъ такія фортификаціонныя работы возводились еще въ IX и X столѣтіяхъ, слѣдовательно въ это время отвѣчали еще стратегическимъ условіямъ защиты страны отъ иноземнаго вторженія.

Если обратимся къ историческимъ свидѣтельствамъ о кievскихъ валахъ, то найдемъ лишь немногочисленные о нихъ свидѣтельства. Лѣтописи упоминають пять разъ (1093, 1095, 1149, 1151 и 1169) о валахъ въ кievскомъ и переяславскомъ княженіяхъ и упоминанія эти свидѣлствуютъ лишь о томъ, что валы уже существовали, но не служили уже повидимому для стратегическихъ цѣлей; лѣтописецъ пользуется лишь существованіемъ вала для того, чтобы точнѣе обозначить топографическое положеніе мѣстностей, по которымъ проходили княжескія дружины или гдѣ происходили боевыя стычки. Такъ подъ 1093 годомъ, описывая неудачный походъ князей: Святополка, Владиміра Мономаха и Ростислава противъ половцевъ, осаждавшихъ Торческъ, лѣтописецъ говоритъ, что князья переправились черезъ Стугну у Триполья, прошли валъ и здѣсь встрѣтили половцевъ. „Нашимъ-же ставшимъ межи валомъ и поставша стяги своя и изидоста стрѣльцы по валу“ ²⁾. Очевидно лѣтописное указаніе относится къ тѣмъ двумъ валамъ, которые начинаются около Триполья весьма близко другъ отъ друга на устьѣ Стугны и потомъ расходятся: одинъ параллельно теченію Стугны, другой вдоль теченія Красной.

Подъ 1095 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи рассказъ о неудачной попыткѣ половецкихъ хановъ, Итляра и Китяна, заключить

¹⁾ Schuster, op. cit., стр. 103--109. Kraszewski. Sztuka u Sławian, стр. 93—94.

²⁾ Ипатская лѣтоп., стр. 153. Лаврентьевская лѣт., стр. 212.

мирный договоръ съ Мономахомъ. Оба хана подошли къ стольному граду Владиміра—Переяславлю; Итляръ со свитою вошелъ въ городъ, Китянь-же съ ордою „ста межѣ валомъ“, взявъ въ заложники сына Мономаха—Святослава. Но на совѣтъ Владиміра рѣшено было, чтобы вмѣсто заключенія договора избить хановъ и пришедшую съ ними орду и потому ночью кіевлянинъ Славата отправился съ частью переяславской дружины и съ торками „межѣ валы“, успѣлъ сначала „выкрасть“ Святослава, а потомъ избилъ Китяна и его рать¹⁾. Въ этомъ отрывкѣ лѣтопись конечно говоритъ о двухъ валахъ, окаймляющихъ съ юга Переяславль. Къ тѣмъ-же валамъ относится и слѣдующее упоминаніе лѣтописи, записанное подъ 1149 годомъ: во время распри Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, Юрій осадилъ Переяславль, но, узнавъ о приближеніи Изяслава, отступилъ отъ города и „ста межѣ валомъ“; за нимъ послѣдовалъ Изяславъ и здѣсь, у Ячичнѣ сельца, произошла рѣшительная битва, кончившаяся полною побѣдою Юрія²⁾.

Подъ 1151 годомъ лѣтопись два раза упоминаетъ о валѣ, и оба раза, по видимому, слѣдуетъ указанныхъ лѣтописью частей вала искать на той линіи, которая пролегаетъ южнѣ Стугны и не доходя истоковъ этой рѣки, переходитъ на Унаву. Въ названномъ году Юрій Долгорукій, добываясь кіевского стола, осадилъ Бѣлгородъ, но когда горожане отказались сдать ему крѣпость, то онъ отступилъ вверхъ по Ирпеню къ Черневу (Черногородкѣ?) и оттуда „иде за валъ и ста у Бзяницѣ“ на Перепетовомъ полѣ, надежда на приходъ своего союзника, князя Владиміра Галицкаго. Узнавъ объ этомъ движеніи, Изяславъ выступилъ изъ Кіева и пройдя Звенигородъ и Васильковъ, гдѣ переправился черезъ Стугну, „пришедше къ валови, и не проходяче къ валу, ту и стаха полки своими“; въ теченіи трехъ дней между обоими ратями происходили незначительныя стычки, имѣвшія по видимому цѣлью заманить Юрія въ битву такъ, чтобы рать Изяслава могла вступить въ бой подъ прикрытіемъ вала; но когда расчетъ этотъ не удался, то Изяславъ, вмѣстѣ съ своими союзниками, „въ четвертый день преже солнца пройдоша валъ на чистое поле и пойдоша битися, гдѣ-же

¹⁾ Лаврентіевская лѣтопись, стр. 219—230.

²⁾ Тамъ же, стр. 305—306.

стояше Юрій“. Затѣмъ послѣдовала битва на верховьяхъ рѣки Рутка, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Юрія и его союзниковъ ¹⁾).

Наконецъ о валахъ лѣтопись упоминаетъ послѣдній разъ подъ 1169 годомъ по поводу междоусобія, вспыхнувшаго между Мстиславомъ Изяславичемъ и его дядею Владиміромъ и другими родственниками. Мстиславъ выступилъ изъ Кіева къ Вышгороду, гдѣ затворился Владиміръ, и „пришедъ, ста по горѣ отъ бору, а пѣшци постави по валови“. Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о томъ отрѣзкѣ вала, который понынѣ проходитъ сѣвернѣе Вышгорода, между этимъ селомъ и Петровцами—отъ стороны бору ²⁾).

Немногими приведенными мѣстами исчерпывается все то, что лѣтопись сообщаетъ намъ о кіевскихъ валахъ. По отрывкамъ этимъ мы можемъ констатировать существованіе змievыхъ валовъ съ конца XI столѣтія, но не находимъ никакого указанія на время ихъ возникновенія; за то указаніе это мы встрѣчаемъ въ одномъ иностранномъ памятникѣ начала XI столѣтія, именно дошедшемъ отъ 1008 года до насъ письмѣ, писанномъ Брунономъ, архіепископомъ мерзебургскимъ къ императору германскому, Генриху II. Одинъ отрывокъ этого письма имѣетъ связь съ занимающимъ насъ предметомъ. Направляясь въ качествѣ миссіонера въ страну печенѣговъ, Брунонъ гостилъ нѣкоторое время въ столицѣ русскаго князя. „Князь руссовъ, пишетъ онъ, обладающій большимъ государствомъ и значительными богатствами, удержалъ меня въ продолженіи цѣлаго мѣсяца противъ моей воли; онъ усиленно упрашивалъ меня, чтобы я не ходилъ къ столь неистовому народу, утверждая, будто я добровольно ищу собственной гибели, будто я ничего не успѣю относительно спасенія душъ (язычниковъ) и обрѣту лишь позорную смерть. Но, когда оказалось, что онъ не былъ въ состояніи убѣдить меня и когда при томъ нѣкоторое видѣніе, касавшееся меня грѣшнаго, навело на него ужасъ, онъ въ продолженіи двухъ дней проводилъ меня съ отрядомъ войска до границъ своего государства, которыя онъ, для безопасности отъ враговъ кочевниковъ, *окружили со всѣхъ*

¹⁾ Ипатская лѣтопись, стр. 300—301.

²⁾ Тамже, стр. 365—366.

*сторонѣ весьма длинною и крѣпкою оградою*¹⁾). Здѣсь онъ соскочилъ съ коня и мы вышли изъ воротъ: я съ своими спутниками шелъ впереди, онъ съ своими вельможами слѣдовалъ за нами. За воротами онъ сталъ на одномъ курганѣ, я на другомъ и, держа въ рукахъ крестъ, я пропѣлъ возвышенный тропарь: „Если любишь меня Петръ, паси мои овцы“! Когда спутники мои пропѣли кондакъ, князь прислалъ ко мнѣ одного изъ вельможъ своихъ съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: „я привелъ тебя къ предѣлу, гдѣ кончается моя земля и гдѣ начинается область враговъ. Именемъ Господа взываю къ тебѣ, не губи къ моему безславію своей юной жизни. Я увѣренъ, что завтра передъ вечеромъ ты безплодно и безцѣльно подвергнешься позорной смерти“. Въ отвѣтъ я передалъ: „да откроетъ тебѣ Господь царство небесное, подобно тому, какъ ты намъ открылъ путь въ землю язычниковъ“²⁾).

Изъ приведеннаго свидѣтельства Брунона видно, что одинъ изъ валовъ, окружавшихъ Кіевъ, былъ возведенъ княземъ, управлявшимъ страной въ 1008 году, т. е. Владиміромъ святымъ. Сооруженіе этого вала вѣроятно произошло одновременно съ усиленною постройкою Владиміромъ городовъ на Деснѣ, Острѣ, Трубежѣ и Стугнѣ, о которой рассказываетъ кіевская лѣтопись подъ 988 годомъ и которую Владиміръ предпринялъ потому, что „бѣ рать отъ печенѣгъ и бѣ воюяся съ ними и одоляя имъ“³⁾. Тотъ валъ, сквозь который проходилъ Брунонъ и который, по его словамъ, окружалъ кольцомъ (*undique*) владѣнія русскаго князя, находился въ двухъ дняхъ пѣшаго пути отъ столицы: на основаніи этихъ данныхъ мы полагаемъ, что у Брунона рѣчь идетъ о той линіи Зміеваго вала, которая, начинаясь у Триполья (50 верстъ отъ Кіева), проходитъ черезъ Мытницу (42 версты отъ Кіева) и Бышевъ (50 верстъ отъ Кіева) къ Здвижу и Тетереву; миссіонеръ, шедшій въ печенѣжскую степь, долженъ былъ пройти черезъ южную вѣтвь этого вала, между Трипольемъ и Васильковымъ.

¹⁾ Ad regni sui terminum ultimum, quem, propter vagum hostem, firmissima et longissima sepe undique circumclausit.

²⁾ Bielowski—Monumenta Poloniae historica, т. I, стр. 224—225.

³⁾ Лаврент. лѣтоп., стр. 119.

О другихъ линіяхъ Зміеваго вала мы не имѣемъ указаній, подобныхъ Брунонову, но полагаемъ, что по теченію Роси они могли возникнуть тогда, когда Ярославъ раздвинулъ къ югу предѣлы своего государства до Роси и рѣшилъ укрѣпить границу по этой рѣкѣ, подобно тому, какъ отецъ укрѣпилъ ее по Стугнѣ. Подъ 1031—1032 годами лѣтопись передаетъ намъ, что „Ярославъ поча ставити города на Роси и многи Ляхи (военноплѣнныхъ) приведе и посади на Роси“¹⁾. Вѣроятно лѣтопись при этомъ умолчала о насыпкѣ поросьскаго вала, подобно тому, какъ умолчала о сооруженіи вала постугнянскаго, во время постройки городовъ по этой рѣкѣ въ 988 году.

Если сведемъ всѣ свѣдѣнія, какія намъ удалось собрать о Зміевыхъ валахъ, то полагаемъ можемъ прийти на ихъ основаніи къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Географическое расположеніе валовъ и положеніе сопровождающихъ ихъ рвовъ указываетъ на то, что валы возведены были для защиты отъ кочевниковъ той территоріи, въ центрѣ которой лежалъ Кіевъ.

2) Такъ какъ опасность отъ кочевниковъ угрожала по преимуществу со стороны южныхъ степей, то и валы сосредоточены главнымъ образомъ на южной границѣ древней кіевской области, опираясь на рѣку Рось и ея притоки—Красную и Стугну, и представляя съ южной стороны до 5 параллелей, расположенныхъ одна за другою.

3) Система огражденія областей длинными земляными валами не составляла особенноти кіевской Руси; она была заимствована съ запада; римляне сообщили ее германцамъ, отъ которыхъ она перешла къ славянамъ. На западѣ земляные валы возводились еще до конца X столѣтія.

4) Мы имѣемъ свидѣтельство Брунона, дополняющее русскую лѣтопись о томъ, что Владиміръ св. возводилъ на границахъ своего государства валы для защиты отъ печенѣговъ также въ концѣ X столѣтія.

¹⁾ Тамже стр. 146.

5) Изъ сличеніе народныхъ легендъ съ лѣтописною можно вывести заключеніе, что „Змій“, отъ имени котораго названы валы, есть не что иное, какъ мѣстическій символъ, подъ которымъ скрывается забытое уже представленіе о печенѣгахъ.

6) Съ исходомъ XI столѣтія, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, валы потеряли свое фортификаціонное назначеніе.

В. Антоновичъ.

ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)¹⁾.

Церковно-общественная жизнь польской и южно-русской интеллигенціи второй половины семнадцатаго вѣка многими своими сторонами напоминаетъ религіозное настроеніе и церковно-литературные порядки и вкусы западно-европейскаго общества въ глухое средневѣковье. Изъ іезуитскихъ коллегіумовъ, появившихся въ Польшѣ и въ Литвѣ въ XVI и XVII ст., выросли давно уже на Западѣ заглохшія сорныя травы суевѣрій, религіозной нетерпимости и ханжества. Безъ опасенія впасть въ погрѣшность можно утверждать, что іезуиты послали польскій и южно-русскій разумъ въ школу, чтобы сдѣлать его слѣпымъ и одностороннимъ. Въ Польшѣ, Литвѣ и Руси искусственнымъ образомъ были укрѣплены устарѣлыя формы и обветшалое содержаніе западно-европейской жизни, что въ особенности обнаружилось въ наукѣ и литературѣ. На первый взглядъ кажется, что въ лицѣ Галятовскаго воскресъ Цезарій Гейстербахскій или Яковъ де Ворагине. Эту странную иллюзію вызываетъ необыкновенное сходство „Неба Новаго“ и „Софіи мудрости“ Галятовскаго съ такими произведеніями, какъ „Dialogus miraculorum“ и „Legenda aurea“.

Къ числу весьма характерныхъ чертъ религіозно-нравственнаго настроенія польскаго и южно-русскаго общества второй по-

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., фер. кн., стр. 183—204.

ловины семнадцатаго вѣка принадлежить весьма своеобразное, вполнѣ средневѣковое по духу и вѣшной формѣ, прославленіе пресвятой Дѣвы, весьма отличное отъ того смиреннаго и безыскусственнаго почитанія, которое воздавали Ей въ московскомъ государствѣ. Польскій проповѣдникъ второй половины XVII в., іезуитъ Тома Млодзяновскій называетъ пресвятую Богородицу польской королевой, причеиъ увѣряетъ, что она сама такъ назвала себя. По мнѣнію Млодзяновскаго, Польшу отъ окончательной гибели во время турецкаго нашествія въ 1676 г. спасло то важное обстоятельство, что, кромѣ особеннаго благоволенія Господа, Польша находится еще подъ покровительствомъ пресвятѣй Дѣвы¹⁾. Южно-русскіе проповѣдники усердно плели изъ своихъ напыщенныхъ „казаній вѣнокъ“ для Богородицы или устраивали для нея „садъ“. Они объясняли, изъ какихъ нитокъ сшито было платье Богоматери, изъ какихъ камней была составлена ея корона, какъ украшенъ ея дворецъ. При крайней матеріализаціи высоко-чтимаго образа пресвятой Дѣвы, въ южной Россіи развилаь наклонность къ собиранію разсказовъ о ея чудесахъ.

Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ Галятовскій выбиралъ изъ разныхъ книгъ сказанія о чудесахъ пресвятой Богородицы. Въ концѣ „Ключа“ приведено сто чудесъ пресвятой Дѣвы, какъ пособіе для амплификаціи проповѣдей. Въ 1665 году Галятовскій издалъ во Львовѣ цѣлую книжку о чудесахъ Богоматери, подъ заглавіемъ: „Небо новое съ новыми звѣздами сотворенное, т. е. преблагословенная Дѣва Марія Богородица съ чудами своими, составленное трудолюбіемъ іеромонаха Іоанникія Галятовскаго, ректора и игумена братства кievскаго“. „Небо“ имѣло три изданія: львовское 1665 года на польскомъ и малорусскомъ языкѣ²⁾, черниговское 1677 года на малорусскомъ языкѣ и могоилевское 1699 года на малорусскомъ языкѣ. „Небо“ было въ 1677 года переведено на русскій языкъ дьякономъ звенигородскаго Саввы Сторожевскаго монастыря Теофаномъ³⁾. Новѣй-

¹⁾ Мацѣвичъ. «Труды К. Дух. акад.» 1870. Іюль. 263.

²⁾ Wiszniewski, Hist. liter., VIII. 393. Одинъ экземпляръ «Неба» находится въ бібліотекѣ харьк. дух. семинаріи.

³⁾ Вычковъ, бібліологич. словарь Строева. 1882. стр. 132.

пій русскій переводъ сдѣланъ въ Москвѣ въ 1851 году А. Шлоховымъ ¹⁾.

На первой страницѣ заглавнаго листа изображена пресвятая Богородица, окруженная ангелами и въ одеждѣ, усѣянной звѣздами. На второй страницѣ того-жъ листа въ изданіи 1665 г. находится гербъ Могилъ и посвященіе книги двоюродной сестрѣ Петра Могилы, Аннѣ Потоцкой, а въ изданіи 1677 и 1699 г. изображено крещеніе Спасителя. На третьей страницѣ находится обращеніе къ „ласкавому чительнику“, въ которомъ объясняется цѣль изданія книги: „Тыи чуда пресвятой Богородицы могутъ священники въ церкви читать, на утрени, для науки людямъ и на похвалу пресвятой Богородицы. На праздники Богородичные могутъ читать и законники въ церкви, того-жъ часу, могутъ читать и въ трапезѣ, подчасъ обѣда albo вечери; зъ тыхъ чудовъ могутъ и казнодѣи помочь мѣти до казаня на праздники Богородичные и на иншіи свята и недѣли, и на погребы, и на оказіи розныи, беручи ихъ и апликуючи до своей мовы, що знайдуется въ моихъ казаняхъ многихъ; тыми чудами могутъ всѣ христіане православные вѣру свою спирати и всѣмъ людямъ невѣрнымъ, геретикомъ, жидомъ и поганомъ отпоръ давати, и сами ся въ добрыхъ учинкахъ будовати и дѣдичами царствія небеснаго zostати“. На листахъ 1—4 находятъ пророчества Сивилль о 12 чудесахъ Богородицы.

Всѣхъ чудесъ въ „Небѣ“ 445; распредѣлены они по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ пресвятой Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Іисуса Христа, отъ имени пресвятой Дѣвы, отъ ея перстня, надъ монахами, больными, умершими, жидами, язычниками и проч. Въ распредѣленіи чудесъ замѣтна искусственность и хаотичность.

Галатовскій черпалъ сказанія о чудесахъ Богородицы изъ разнообразныхъ источниковъ, изъ житій святыхъ, описаній чудотворныхъ иконъ, историческихъ сочиненій. Онъ пользовался почти исключительно латинскими источниками. „Prawda, писалъ Рутка въ 1696 г., ze pisali teraz schizmaticy kazania, jak przeciwъ żydowъ jako i mahometanowъ, ale cokolwiek tam jestъ dobrego, piękного i

¹⁾ Цекарскій, наука и литер. при Петрѣ В. II. 19.

mądrogo, to się z authorow łacinskiх pobrało. Co się widzieć daje z authora „Nowego Nieba“. Bo w tym Niebie naprzod znajdziesz i spiac Dormi secure Anzelma, Suriusza, Karthagena, Marchauciusza, Boziusza, Bellowaceńskiego Vincenciusza i inszych. A schysmatykom Pan Bog nie dał tego, według nauki Ducha Świętego: „do dusze złej woli nie wnidzie Duch mądrości“¹⁾).

Нѣтъ надобности доказывать, что „Небо“ Галятовскаго никогда не имѣло того образовательнаго и воспитательнаго значенія, какое ему приписывалъ благочестивый авторъ. Довольно важно другое значеніе этого литературнаго памятника, которое Галятовскій ни мало не предвидѣлъ,—значеніе историко-литературное. Нѣкоторые религиозные рассказы и легенды, циркулирующіе въ настоящее время въ народѣ, проникли въ Малороссію черезъ „Небо“ Галятовскаго. Чтобы не отклоняться въ сторону отъ нити изслѣдованія, можно ограничиться однимъ примѣромъ. Въ XIII вѣкѣ въ Германіи существовалъ рассказъ о томъ, какъ одинъ живописецъ изобразилъ на холстѣ Богоматерь и чорта. Чортъ былъ представленъ безобразнымъ, и Богоматерь попирала его ногами. Демонъ, какъ и слѣдовало ожидать, обидѣлся. Онъ выдернулъ изъ-подъ живописца скамью, чтобы живописецъ разбился; но Богоматерь поддержала его на воздухѣ и такимъ образомъ посрамила чорта²⁾. Подобнаго рода рассказъ нынѣ циркулируетъ въ украинскомъ простонародіи. Сходство между средневѣковыми нѣмецкими и современными малорусскими рассказами о чортѣ и живописцѣ до такой степени велико, что малорусскіе рассказы необходимо признать простымъ пересказомъ сказаній нѣмецкихъ. У Галятовскаго рассказъ о живописцѣ и чортѣ встрѣчается въ „Небѣ“, въ XXI отдѣлѣ, и мы склонны думать, что именно Галятовскій, пользовавшійся при составленіи „Неба“ средневѣковыми сочиненіями, пересадилъ этотъ рассказъ на малорусскую почву, гдѣ онъ и принялся. Изслѣдователямъ исторіи малорусскихъ народныхъ преданій, рассказовъ и легендъ придется обратиться къ изученію вышедшихъ во второй половинѣ XVII ст. сборниковъ чудесъ, и, быть можетъ, изученіе

¹⁾ Treoph. Butka, Herby abo znaki kościoła prawdziwego. 1696. стр. 208. (Одинъ экз. «Гербовъ» находится въ библ. харьк. дух. семин.).

²⁾ Roskoff. Geschichte des Teufels. II. 203.

этихъ сухихъ и безцвѣтныхъ памятниковъ украинской старины бросить свѣтъ на исторію украинскихъ народныхъ легендъ, опредѣлить, какія изъ этихъ легендъ возникли въ самой Украинѣ, а какія забрели съ чужбины и акклиматизировались въ Малороссіи.

Въ „Небѣ“ встрѣчаются чудеса, любопытныя для изслѣдователя исторіи демонологіи. Такъ, Богородица привязала чорта къ столбу, и монахи его избили (XXIV, 15); демоны производятъ свѣтъ отъ тѣлъ еретиковъ, чтобы люди поклонялись имъ, какъ мощамъ (XX, 6); демоны, живущіе въ идолахъ, совѣтуютъ посвятить языческой храмъ Богородицѣ (XXI. 3—4) и друг.

Излагая чудеса отъ иконъ пр. Богородицы, Галатовскій говоритъ преимущественно объ иконѣ купятицкой и иконѣ печерской. Впослѣдствіи Галатовскій описалъ чудеса елецкой иконы Богоматери. Эти три иконы были особенно почитаемы Галатовскимъ, какъ устроительницы и руководительницы его въ разные періоды жизни,—икона купятицкая въ молодости, икона печерская въ зрѣломъ возрастѣ, икона елецкая въ старости.

Краевой южно-русскій элементъ въ „Небѣ“, незначителенъ. Въ XXII—XXVIII отдѣлахъ находится довольно много чудесъ Богородицы въ предѣлахъ Малороссіи; но чудеса эти большею частью заимствованы изъ книгъ и по содержанію однообразны,—говорится большею частью о монахахъ, видѣвшихъ во снѣ или на яву Богородицу (XXIV 21—27; XXVI 22; XXVIII 7, 15, 18, 22). Въ одномъ мѣстѣ (XXVIII 17) встрѣчается довольно любопытное историческое преданіе, записанное изъ устъ народа. „Въ Малороссіи, въ галицкомъ повѣтѣ, говоритъ Галатовскій, есть городъ Заваловъ, получившій названіе отъ древнихъ валовъ. Повѣдають старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, что Буякъ (яко они мовятъ), але рачей Батый, татарскій царь, разоряя русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ св. Николая, который велѣлъ ему сразиться съ татарами и на мѣстѣ побѣды надъ ними построить церковь во имя пр. Богородицы. Романъ побѣдилъ татаръ и построилъ на мѣстѣ побѣды монастырь, подъ названіемъ „Погоня“, съ церковью Успенія пр. Богородицы“.

1665—1669 годы самыя темныя въ жизни Галатовскаго, темныя въ томъ смыслѣ, что о нихъ почти ничего неизвѣстно. Въ

1665 г. академія была разорена и ректорство Галятовскаго фактически прекратилось. Въ 1667 г. Галятовскій, по порученію Лазаря Барановича, ѣздилъ въ Литву. Въ этомъ году между московскимъ правительствомъ и нѣкоторыми знатными польскими панами шли переговоры о возведеніи на польскій престолъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Сторонникъ Москвы, Лазарь Барановичъ былъ заинтересованъ въ вопросѣ объ избраніи въ польскіе короли московскаго царевича. Можно думать, что Галятовскій ѣздилъ въ Литву въ интересахъ царевича. Такое предположеніе находитъ опору въ одномъ письмѣ Барановича, гдѣ одновременно говорится о желаемомъ избраніи царевича въ польскіе короли и о возвращеніи Галятовскаго изъ Литвы. „Вся Литва и сильнѣйшая партія въ Польшѣ, писалъ Барановичъ Симеону Полоцкому въ 1668 г., желаютъ, чтобы у нихъ былъ королемъ его милость царевичъ. Честный отецъ Галятовскій прибылъ изъ Литвы въ Черниговъ, точно какъ отъ дождя подъ водосточный жолобъ; онъ, какъ очевидецъ, умѣетъ разсказать объ ужасахъ войны; развѣ, говоритъ онъ, на страшномъ судѣ страшнѣе будетъ. Тамъ (?), по тоему старанію, Демко, сѣверскій гетманъ (рѣчь идетъ о Многогрѣшномъ), заключилъ союзъ съ княземъ Ромодановскимъ, перемиріе“... Быть можетъ, и въ заключеніи этого перемирія участвовалъ Галятовскій. Впрочемъ участіе Галятовскаго въ этомъ дѣлѣ могло быть лишь незначительно, такъ какъ Демьянъ Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ Ромодановскимъ въ концѣ 1668 г. въ Черниговѣ, гдѣ пребывалъ самъ Барановичъ и въ посредничествѣ Галятовскаго не могло быть надобности.

Политическія дѣла, безпокоившія Галятовскаго въ смутное въ исторіи Малороссіи время гетманствъ Брюховецкаго и Многогрѣшнаго, не помѣшали ему однако приготовить для печати крупное изслѣдованіе о правдивомъ, истинномъ Мессіи. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому“ Галятовскій говоритъ, что сочиненіе это издается на трехъ языкахъ: латинскомъ, польскомъ и русскомъ. О существованіи латинскаго „Мессіи“ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ. На польскомъ языкѣ „Мессія“ изданъ въ 1668 г., на русскомъ въ 1669 г.¹⁾ Содержаніе польскаго „Messiasza“ и рус-

¹⁾ Въ бібліотекѣ харьк. духовн. семин. находится 1 экз. «Мессіи» и 1 экз. «Messiasza».

скаго „Мессія“, за исключеніемъ начальной виньетки и предисловія, тождественно. На первой страницѣ заглавнаго листа польскаго „Мессіяша“ изображенъ московскій гербъ (двуглавый орелъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ въ серединѣ); въ русскомъ „Мессія“ изображенъ прор. Іезекіиль, держащій въ правой и лѣвой рукахъ по жезлу, которые на верху страницы оканчиваются изображеніями ап. Петра и ап. Матѳея; между ними изъ-за раздораиной занавѣсы выступаетъ Іисусъ Христосъ. Польскій „Мессіяшъ“ посвященъ московскому царю, который будто бы ненавидѣлъ жидовъ; русскій „Мессія“ посвященъ самому Іисусу Христу, причемъ, странно сказать, прилагается гербъ Господа: крестъ въ кругѣ. Въ посвященіи книги Іисусу Христу говорится: „Созданіе рукъ Его, сей книги создатель, сію книгу Ему самому, какъ своему и сей книги начальнику создателю, офѣруеть и дедикуетъ. Прійми, Мессія правдивый, сію книгу, потому что въ сей книгѣ я написалъ противъ непріятелей Твоихъ жидовъ, которые Тебя преслѣдовали и ученіе Твое хулили, а Ты меня за то избавь отъ всѣхъ непріятелей моихъ, видимыхъ и невидимыхъ, которые меня преслѣдуютъ и хулятъ по-жидовски, или хотятъ хулить Твои божественныя слова, исходящія изъ устъ моихъ на хвалу Твою. Да постыдятся тѣ, которые меня гонятъ; да устрашатся они; наведи на нихъ день озлобленія и сугубымъ сотрясеніемъ сотряси ихъ“... Въ дальнѣйшихъ строкахъ посвященія обнаруживается такое же наивное отношеніе автора книги къ Іисусу Христу: „Я написалъ въ этой книгѣ имя Твое, а Ты за то напиши мое имя въ книгѣ живота. Малое прошеніе мое вношу въ уши Твои, надѣясь больше получить отъ Тебя за трудъ мой, чѣмъ я прошу“... Далѣе слѣдуютъ строки автобіографическаго характера: „Помяни, Господи, Іоанникія, и всѣ труды, и трудности, и исходы, и небезпеченства, и болѣзни, и всѣ утрапенія мои, которыя сію книгу я на хвалу Твою пишучи поднялъ; виждь смиреніе мое и трудъ мой и отпусти мнѣ всѣ грѣхи. Не имѣя своей обители, словаяюсь по свѣту, въ чужихъ обителяхъ сію книгу написалъ, что сопряжено съ затрудненіемъ“.

Въ 1803 г. въ Москвѣ вышелъ переводъ „Мессія правдиваго“ на современный русскій языкъ. Переводчикъ, Космодемьянскій, не обозначалъ имени Галятовскаго, а только замѣтилъ на заглавномъ листѣ: „переводъ съ иностраннаго“. Переводъ посвященъ Левашову:

Ізмѣненія значительны: вступленіе Галятовскаго сокращено, отброшены ссылки на источники, выброшено обвиненіе евреевъ въ разныхъ преступленіяхъ и сокращено число „знаковъ“, т. е. прообразовъ Мессіи (19 вмѣсто 24) ¹⁾.

Послѣ „Предмовы“ находится 1) благословеніе и похваленіе кiev. митр. Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго 1669 г., 2) благословеніе и похваленіе черниг. архіеп. Лазаря Барановича, 3) похваленіе игумена минскаго монастыря, Іосифа Ходоновича, 18 окт. 1667 г. и 4) стихотворная похвала ректора и игумена кievо-братск. монастыря Варлаама Ясинскаго. Интересно хронологическая дата при похваленіи Ходоновича, свидѣтельствующая во первыхъ о томъ, что Галятовскій давалъ свое сочиненіе въ рукописи для прочтенія выдающимся православнымъ духовнымъ лицамъ, во вторыхъ, что „Мессія правдивый“ былъ составленъ не позже половины 1667 года. Благословенія и похваленія были одною изъ отличительныхъ чертъ литературныхъ правовъ XVII в. Аппробаціи были обычны и въ Польшѣ. Съ одной стороны онѣ имѣли характеръ цензурнаго одобренія, съ другой стороны служили своего рода рецензіей со стороны лица авторитетнаго, предварительно расположеннаго къ одобрителному отзыву о сочиненіи.

Для Малороссіи искони два обстоятельства составляли несчастье. Во первыхъ ся бѣдственное топографическое положеніе: Малороссія—„горохъ при дорогѣ“. Много разъ расхищали ея достояніе добрыя и недобрыя сосѣди. Разные народы толкались по ней, въ ущербъ ся національной самостоятельности, ея культурному благосостоянію. Во вторыхъ въ этнографическомъ составѣ малорусскаго населенія издавна весьма значительный процентъ составляютъ евреи, племя всегда внутренне презиравшее пріютившій его народъ, всегда дѣйствовавшее въ ущербъ туземному населенію. Евреи проживали въ южной Россіи со времени глубокой древности. По временамъ они настолько усиливались и такъ эксплуатировали мѣстное, коренное, собственно украинское населеніе, что вызывали возстанія и погромы. Въ 1113 г., по лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ Кіевѣ былъ погромъ евреевъ. Въ началѣ XVI в. малороссы изби-

¹⁾ Одинъ экземпляръ этого перевода находится въ бібліотекѣ харьковской духовной семинаріи.

вали євреєвъ. При Богданѣ Хмельницкомъ произошло безпощадное избіеніе євреєвъ въ предѣлахъ Малороссіи, и народъ сложилъ веселую пѣсенку:

Та не буде лучше,
Та не буде краще,
Якъ у насъ на Украині;
Нема жпда, нема лаха,
Нема и упіи.

Отсутствіе євреєвъ было непродолжительно. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія они снова стали появляться въ казацкой странѣ, привлекаемые откупами съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами доходовъ.

Во второй половинѣ XVII в. среди южно-русскихъ євреєвъ обнаружилось сильное волненіе, вызвавшее сочиненіе Галатовскаго „Мессія правдивый“. Въ 1666 г., говорится въ предисловіи къ „Мессіи“, во всей Малороссіи, въ в. княжествѣ литовскомъ, въ Польнѣ и въ пограничныхъ странахъ жидовское невѣріе высоко подняло свои рога. На Востокѣ, въ Смирнѣ появился лже-мессія Сабефа. Онъ увлекъ жидовъ ложными чудесами и обѣщаль имъ возвратитъ Іерусалимъ и Палестину и освободитъ ихъ отъ подчиненія христіанскимъ народамъ. Жиды надѣялись, что Сабефа возьметъ ихъ на облако и перенесетъ въ Іерусалимъ. Они постили по нѣсколько дней въ недѣлю, въ зимнее время купались въ проруби, произнося новосоставленную молитву, отчего иные простудились и умерли. Днемъ и ночью жиды ходили въ синагогу и молились о скорѣйшемъ пришествіи Мессіи. Жиды стали смѣяться надъ христіанами и грозить имъ, говоря: мы будемъ вашими господами; ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы и всѣ вообще сильные христіане будутъ у жидовъ пастухами, жнецами, работниками, будутъ рубить дрова и топить печи, и все дѣлать, что прикажутъ жиды, должны будутъ принять жидовскую вѣру и поклониться мессіи Сабефѣ и его пророку Наѳану Леви“. Жиды смѣялись и надъ Іисусомъ Христомъ. Нѣкоторые малодушные христіане начали сомнѣваться, дѣйствительно ли Іисусъ Христосъ настоящій Мессія, начали даже склоняться мыслью къ жидовскому лже-мессіи. Движеніе, вызванное среди украинскихъ євреєвъ появленіемъ на Востокѣ Сабефы, было настолькоъ значительно, что на него обратили

вниманіе и малорусскіе лѣтописцы. „Того жъ року (1666), говорить Самуилъ Величко, въ панствѣ турецкомъ, нѣякійсь Сабета, начальникъ жидовскій, провозгласилъ былъ себя лживаго мессіяша, котораго турчинъ вскорѣ велѣлъ поймати и повѣсити на шебеницѣ“¹⁾. Въ шестидесятихъ годахъ XVII ст., до выхода въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“, въ южной Россіи было уже составлено неизвѣстнымъ лицомъ сочиненіе противъ Сабеты, подъ заглавіемъ: „Дивный початокъ и странный конецъ“. Галятовскій пользовался этимъ сочиненіемъ при составленіи своего „Мессіи правдиваго“.²⁾

При составленіи сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ Галятовскій пользовался письменными и устными источниками. Главные письменные источники: муч. Юстинъ, Іоаннъ Златоустъ, Юліанъ Померій, Павелъ Буржскій, Маркъ Корина, Іоаннъ Людовикъ, Тома Брюссельскій и Цезарь Бароній. „Для уясненія жидовскихъ мнѣній о Мессіи, говоритъ Галятовскій, я ѣздилъ по разнымъ городамъ и селамъ, нарочито разговаривалъ съ учеными жидами о Мессіи, доказывалъ имъ истинность Іисуса Христа, какъ Мессіи, и отмѣчалъ ихъ недѣльные отвѣты... Мнѣ приятенъ мой трудъ, хотя для составленія его я ѣздилъ по неудобнымъ и небезопаснымъ дорогамъ въ Малороссіи и в. кн. литовскомъ, претерпѣвалъ ущербъ здоровья, подвергался возможности быть убитымъ, и все это я терпѣлъ, во-первыхъ, по примѣру Іисуса Христа, который много потрудился для міра, и во-вторыхъ, въ надеждѣ получить небесное царство“.

¹⁾ С. Величко, Лѣтопись. II, 37.

²⁾ Подробности о Сабетѣ Цви см. въ соч. «Iost'a, Geschichte des Judenthums und seiner Sekten». Плохое сокращеніе этого сочиненія сдѣлано было на русск. языкѣ, и вышло въ Москвѣ въ 1864 г. О С. Цви была еще статья въ «Восходѣ» 1882 г.—Сабетей Цви родился въ Смяриѣ въ 1641 г. Семи лѣтъ онъ сталъ уже рассказывать, что ему снятся чудесные сны; звѣри ему кланяются, ангелы наставляютъ его врачебной наукѣ. Онъ ознакомился съ Талмудомъ и Кабалой и называлъ себя мессіей. Раввины возстали противъ него и изгнали изъ Смяры. Цви отправился въ Салонники, потомъ въ Іерусалимъ, наконецъ въ египетскую Александрію, проповѣдь его имѣла громадный успѣхъ. Въ 1664 г. у него было до 75.000 послѣдователей, въ Константинополѣ, Палестинѣ, Аравіи, Египтѣ, Литвѣ, Польшѣ. Турецкое правительство обратило вниманіе на Цви. Онъ былъ вызванъ къ султану. Угрозой смертной казни его принудили принять исламъ. Лже-мессія сошелъ со сцены; но его послѣдователи, въ особенности лже-пророкъ Наоанъ, еще долго волновались. Движеніе окончательно улеглось въ началѣ восемнадцатаго вѣка.

„Мессія правдивый“ раздѣляется на двѣ неравномѣрныя части. Въ первой, бѣльшей части Галятовскій выдвигаетъ тяжелую аргумен- тацію изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, исполнившихся на Христѣ; во второй части говорится о ветхозавѣтныхъ „знакахъ“ и сивиллиныхъ пророчествахъ, подтверждающихъ божественность Спасителя. Всѣхъ пророчествъ въ „Мессіи правдивомъ“—50, прообра- зовъ, знаковъ 24. Объ однихъ пророчествахъ говорится на многихъ страницахъ, о другихъ въ пяти или шести строкахъ.

Схема сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ была давно уже го- това у Галятовскаго. Въ „Ключѣ разумнія“ казанье на Преобра- женіе Господне состоитъ въ краткомъ изложеніи ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ Иисусѣ Христѣ. Въ „Мессіи правдивомъ“ эти про- рочества изложены подробно, и въ объясненіе пророчествъ встав- лены богословскіе трактаты о св. Троицѣ, о воплощеніи Слова и другихъ догматахъ христіанскихъ. Эти трактаты совершенно меха- нически вставлены въ рядъ объясненій пророчествъ и не имѣютъ съ послѣдними внутренней связи; каждый трактатъ легко могъ-бы пойти за отдѣльное сочиненіе.

Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, преимущественно во второй его части, въ объясненіи 18 „знака“, говорится о „злостяхъ жидов- скихъ“. Такъ, въ объясненіи 31 и 4 пророчествъ говорится о томъ, что евреи однажды распяли христіанина въ великую пятницу, убиваютъ христіанскихъ дѣтей и выцѣживаютъ изъ нихъ кровь для лѣченія больныхъ или для цѣлей волшебства. Въ изъясненіи 18 „знака“ еврей обвиняются въ шпіонствѣ во время войны, въ отбира- ніи у христіанъ плутовскими средствами въ мирное время имуще- ства, въ отравленіи колодцевъ, въ примѣшиваніи въ лѣкарства яда, во взиманіи большихъ процентовъ, въ отниманіи у христіанъ церк- вей, въ ненависти къ выкрестамъ, въ склоненіи русскихъ служа- нокъ въ іудейскую вѣру, въ выдаиваніи у женщинъ христіанокъ молока на чары.

Отношеніе Галятовскаго къ евреямъ, разумѣется, враждебно. Но ненависть Галятовскаго къ евреямъ не заходила такъ далеко, какъ ненависть польскихъ писателей іезуитовъ. „Нѣсколько десят- ковъ лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ Персіи, говоритъ Ѳома Млодзяновскій, польскій познанскій проповѣдникъ, прежній еще король Абасъ созвалъ въ одно время всѣхъ жидовъ и спросилъ

ихъ: скоро-ли прійдетъ Мессія? Жиды отвѣчали въ одинъ голосъ: да, мы ожидаемъ Мессію! Король сказалъ имъ на это: сказки! напрасно только вы себя обманываете. Или дѣлайтесь магометанами, или прочь изъ моего царства. Жиды начали просить срока на 70 лѣтъ; если, сказали они, не прійдетъ Мессія въ продолженіи 70 лѣтъ, тогда мы уже исполнимъ приказаніе вашей королевской- милости. Жиды дали въ этомъ росписку. Въ бытность мою въ Персіи нашель упомянутую росписку эт-мадулетъ, т. е. канцлеръ персидскій, и напомнилъ о ней королю. Король поручилъ ему это дѣло. Тотъ созываетъ жидовъ и спрашиваетъ ихъ: а, что? пришелъ Мессія? Услышавъ отъ жидовъ, что Мессія не пришелъ, онъ показаль имъ упомянутую росписку и отъ имени короля приказаль или принять магометанство, или удалиться изъ государства“. На размышленіе евреямъ данъ былъ одинъ годъ; потомъ срокъ этотъ былъ пемного продолженъ. „Если обратитесь въ магометанство, сказалъ эт-мадулетъ евреямъ, то каждому мужчинѣ король даетъ сто абасы, или злотыхъ, и халать, а каждой женщинѣ 50 абасы“. Но жиды по старому не хотѣли ни на что рѣшиться. Тогда, при наступленіи тѣхъ мѣсяцевъ, когда особенно свирѣпствуютъ холодные вѣтры и приморозки, приказано было имъ подъ страхомъ смерти выйти изъ города; приказано подъ страхомъ смерти никому не принимать ихъ и подъ страхомъ смерти не давать имъ ни хлѣба, ни огня. И что же? Когда начали умирать дѣти, женщины и старики, всѣ жиды должны были пристать къ магометанской вѣрѣ. Чья же ревность къ вѣрѣ большая, турецкая или христіанская? Страшно будетъ на страшномъ судѣ христіанамъ отъ того, что язычники и магометане болѣе дѣлають для своего невѣрія, чѣмъ мы для нашей вѣры“ ¹⁾). Тяжелое впечатлѣніе производитъ нарисованная Млодзяновскимъ картина жестокаго гоненія за вѣру, тяжелое тѣмъ болѣе, что польскій проповѣдникъ желаетъ этого гоненія, приглашаетъ къ нему христіанъ. Какъ ни искалченъ былъ Галатовскій узкой схоластической школой, въ его душѣ не было мѣста для такого челоувѣконенавистничества, какое оказалось въ полякѣ іезуитѣ. Южно-русскій ученый отвергалъ насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство. „Въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство, гово-

¹⁾ Мацѣвичъ, «Труды к. д. ак.» 1870. Іюль. 179—181.

рить онъ въ объясненіи 24 пророчества, принужденіе не должно имѣть мѣста. Должна быть употреблена кротость и снисхожденіе; должно быть употреблено непрестанное чтеніе слова Божія и тщательное изъясненіе онаго“. Странно читать эти свѣтлыя выраженія у писателя XVII в., у кievскаго ученаго схоластика. Проблеснувшая въ этихъ выраженіяхъ вѣро-терпимость и гуманность свидѣтельствуютъ о высокомъ нравственномъ уровнѣ Галятовскаго, стумѣвшаго подъ тяжелымъ бременемъ злостной и сухой схоластики сохранить въ глубинѣ души живое чувство любви къ человѣку.

Догматическое ученіе въ „Мессіи“ раскрывается не всегда убѣдительно, но почти всегда ясно, иногда образно, съ приведеніемъ подобій изъ міра фізическаго. Положительная сторона христіанства излагается въ отвѣтахъ христіанина на вопросы еврея, въ которыхъ выражено отрицательное отношеніе къ христіанству. Въ изложеніи отрицательныхъ возраженій и замѣчаній еврея обнаруживается ученая добросовѣстность Галятовскаго. Христіанинъ апологетъ не скрываетъ вѣскихъ возраженій еврея и опровергаетъ ихъ по силѣ разумнія. Галятовскій довольно подробно останавливается на мнѣніяхъ противниковъ христіанскихъ истинъ и рядомъ своихъ опроверженій восстанавливаетъ въ общественномъ сознаніи религіозную истину.

Краевой національный элементъ въ „Мессіи правдивомъ“ такъ-же ничтоженъ, какъ и въ предыдущихъ сочиненіяхъ Галятовскаго, „Ключѣ“ и „Небѣ“. Какъ писатель схоластикъ, далекій отъ народныхъ интересовъ, Галятовскій останавливается исключительно на такихъ проявленіяхъ еврейской „злости“, которыя обнаружились въ Германіи, Франціи, Италиі. Такъ, говоря о томъ, что евреи берутъ слишкомъ большіе проценты, Галятовскій приводитъ примѣръ изъ римской исторіи времянь Гита Флавія; при указаніи на ненависть евреевъ къ выкрестамъ приводится примѣръ изъ западно-европейскаго прошлаго. Какъ проявлялась „жидовская злость“ въ Малороссіи, на глазахъ самаго автора, въ „Мессіи правдивомъ“ не говорится.

Полемиическій тонъ Галятовскаго довольно мягкій. Вообще, южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. не такъ суровы и рѣзки въ своихъ выраженіяхъ, какъ южно-русскіе писатели первой половины XVII в. Изъ полемиическихъ сочиненій конца XVI ст. узнаемъ, что Кириллъ Терлецкій вывезъ изъ Рима скабрзныя кар-

тинки, или что Стефанъ Зизаній не зналъ, кто его отецъ ¹⁾). Въ особен-ности суровыми полемистами и обличителями являются Іоаннъ Вишенскій, въ интересахъ тѣхъ, „що з одною мисочки борщикъ хлебчуть и сами собі господа и слуги суть“, поражавшій уніатскихъ епископовъ тяжеловѣсными обвиненіями въ развратѣ, роскоши, и жестокости, и Евсевій Пиминъ (Петръ Могила), постоянно напоминающій въ „Лиѳосѣ“ своему противнику Кассяну Саковичу, что у него нѣтъ одного уха, что другое его ухо будто бы свиньи съѣли, что онъ толстобрюхій, дурень и т. д. Западно-русскіе писатели, перешедшіе въ Москву, также были невоздержны на языкъ. Такъ, современникъ Галятовскаго, Симеонъ Полоцкій, въ „Жезлѣ правленія“, написанномъ противъ Никиты Пустосвята, цѣлюю своего сочиненія ставитъ: „обезглавить сего Голіафа, то же уди его и вся тѣлеса полчища его птицамъ и звѣрямъ отдати“ (листъ 18). И достается же этому несчастному Голіафу! Никита Пустосвятъ оказывается скотомъ умнымъ, окаяннымъ, свишьей. ²⁾). Рѣзкость выраженій подрывала значеніе разумнаго слова, производила ожесточеніе и возбуждала наклонность къ кулачной расправѣ. Во второй половинѣ XVII ст. Лазарь Барановичъ созналъ дурныя стороны полемическаго задора и литературной брани. Онъ самъ воздерживался отъ этихъ недостатковъ и старался воздержать другихъ южно-русскихъ писателей. „Если въ чемъ не соблюдено вѣжливости, писалъ Барановичъ И. Гизелю въ 1670 г., посылая ему свой отвѣтъ на книгу іезуита Боймы противъ православія, то, чтобы онъ (т. е. Бойма) не считалъ насъ невѣждами, я не прочь что либо и обрѣзать“. Въ письмѣ къ Θεодосію Сафоновичу 1670 года Барановичъ говоритъ, что въ своемъ отвѣтѣ Боймѣ онъ „клеимилъ его, но безъ посмѣянія, острилъ, но безъ колкости“. Въ письмѣ къ И. Гизелю 1671 г. Барановичъ говоритъ, что „нужно дѣло свое вести спокойно, какъ должно, или даже съ уваженіемъ“. Въ письмѣ къ И. Гизелю отъ 18 дек. 1672 г. Барановичъ говоритъ: „писать задористо я не совѣтую, и самъ такъ не пишу, а развѣ гдѣ-либо слегка уколю остро того; но и тутъ, по обыкновенію моему, тотъ-же часть ограничиваю, высказавши впрочемъ свое“ ³⁾). Галятовскій слѣдо-

¹⁾ Колловичъ, Литов. церк. унія. II. 34.

²⁾ Л. Майковъ, „Древ. и нов. Россія“ 1875.

³⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 103, 107, 156 и 180.

валъ этому благоразумному совѣту своего стараго наставника, друга и покровителя. Въ „Мессіи правдивомъ“ онъ только изрѣдка позволяетъ себѣ „уколоть остро“ противника, назвавъ его глупымъ (напр., въ объясненіи 12 пророч.). Въ „Бѣлоцерковской Бесѣдѣ“ Галятовскій обнаруживаетъ самую тонкую вѣжливость, очевидно потому, что бесѣда происходила въ многочисленномъ собраніи знатныхъ лицъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“ общественное положеніе Галятовскаго измѣнилось къ лучшему. Галятовскій получилъ мѣсто игумена черниговскаго елецкаго монастыря. Назначая Галятовскаго игуменомъ елецкаго монастыря, Барановичъ, можно думать, руководствовался не только дружескимъ къ нему расположеніемъ, какъ къ своему талантливому ученику и единомышленнику, но и желаніемъ приблизить къ себѣ въ лицѣ Галятовскаго человѣка ученаго и искуснаго въ религіозно-полемическихъ бояхъ. Барановичъ именно въ это время, въ концѣ 60 и въ началѣ 70 годовъ нуждался въ совѣтѣ и содѣйствіи ученыхъ людей. „Какъ-то на дняхъ, писалъ онъ И. Гизелю въ 1671 г., отыскалъ я въ московскихъ правилахъ (кормчей) помѣстнаго собора сардикійскаго правило 344. Тамъ на листѣ 109 судъ предоставляется римскому папѣ. Прикажете, ваша пречестность, прочитатъ его себѣ. Когда престолъ константинопольскій сравненъ въ правахъ съ престоломъ римскимъ, то и судъ долженъ быть равный; мнѣ хотѣлось-бы соображаться въ моей „Мѣрѣ“ (рѣчь идетъ о сочиненіи „Nawa miaga starey wiagu“¹⁾) съ вами и отъ васъ, не краснѣя, поучаться. Лучше же вамъ поправить свои труды тихонько между собою, нежели возьмутъ ихъ на зубы, а потому должно ихъ хорошо выточить, такъ чтобы было чѣмъ запятыся, когда начнутъ грызть; нужно такую имъ приготовить костку, чтобы имъ въ горлѣ стала“¹⁾). Галятовскій болѣе, чѣмъ что-либо другой, болѣе, чѣмъ И. Гизель, могъ помочь Барановичу въ составленіи „Новой Мѣры“, по своей начитанности и литературно-полемической опытности. Въ семидесятыхъ годахъ Галятовскій дѣлается правой рукой Барановича почти во всѣхъ его дѣлахъ, въ особенности въ дѣлахъ хозяйственныхъ епархіальныхъ.

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 156.

Относно возведенія Галятовскаго въ санъ архимандрита Барановичъ встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе, точнѣе сказать, задержку, со стороны м. Нелюбовича—Тукальскаго, не долюбливавшаго Галятовскаго, какъ ученика и сторонника Барановича, и со стороны гетмана Многогрѣшнаго, не имѣвшаго ни времени, ни охоты заниматься собственно церковными дѣлами Малороссіи. Въ письмѣ 14 апрѣля 1679 г. Барановичъ писалъ Галятовскому: „слово мое посвятить васъ въ санъ архимандрита я подтверждаю дѣломъ, если Богъ поможетъ моей немощи“. „Безъ затрудненій, говорится въ другомъ письмѣ Барановича къ Галятовскому 1669 г., полагаемыхъ его милостью (митр. Нелюбовичемъ Тукальскимъ), и моя хотя слабая голова сдержала-бы для васъ слово. Напоминалъ я въ Глуховѣ пану гетману о томъ, что хочу возвысить васъ въ санъ; но онъ какъ-то глухо это принялъ; даже и другимъ отцамъ игуменамъ не хотѣлъ подтвердить царскихъ грамотъ, откладывая до окончательнаго мира“¹⁾. Благословенная грамота Галятовскому отъ Барановича на елецкую архимандрію дана была 9 августа 1669 г. Въ грамотѣ говорится, что „на высочій тотъ архимандрическій степенъ“ Барановичъ возводитъ „змежи прочихъ годнаго быти, значне заслуженого, въ наукахъ письма святаго добре выщвичоного и въ житіи иноческомъ искусстваго, поважнаго мужа, пречестнаго господина отца Іоанникія Галятовскаго,... абы южь на той прееминенціи певнымъ строителемъ, правителемъ и господаремъ помененного старожитнаго монастыря архимандріи черниговской зостаючи окло строенія его оздобы, порядку и належитого хвалы Божой отпорованья вседушное имѣлъ попеченіе, яко-бы за его диспованьемъ, промысломъ и печаловитостью мѣсце тое святое пустыни, яко красенъ кринъ, во чести Господу Богу и въ похвалу имени пречистой госпожи Богородицы проквѣтнуло“... Благословенная грамота Барановича Галятовскому вполнѣ напечатана въ „Исторіи російской іерархіи“ Амвросія²⁾.

Елецкій успенскій мужескій 1-го класса монастырь находится подъ Черниговомъ на Болдинскихъ горахъ. Строителемъ монастыря считаютъ князя Святослава, сына Ярославла мудраго. Сѣдая древность придала монастырю величіе. Галятовскій дорожилъ историче-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, 28—83, 89.

²⁾ Амвросій, Ист. рос. іерарх. VI, 504—511.

скими сказаніями и преданіями о монастырѣ. Онъ принялъ къ свѣдѣнію письменныя, документальныя свидѣтельства о монастырѣ, заключающіяся въ Патерикѣ и елецкомъ Синодикѣ. Кромѣ того, Галатовскій распрашивалъ стариковъ о прошломъ монастыря и обращался письменно съ вопросами къ потомкамъ Святослава Ярославича, князьямъ Одоевскимъ и Воротыпскимъ“. Въ селѣ Сомовѣ, что между Сѣвскомъ и Карачевымъ, пишетъ Галатовскій въ „Скарбницѣ“, жили два брата, священникъ Симеонъ и священникъ Теофанъ, старый до того, что ему было болѣе ста лѣтъ; въ Тушичевѣ Авдей Дорофеевичъ имѣетъ до 150 лѣтъ; въ Черниговѣ Максимъ Костомака 110 лѣтъ; эти старцы рассказывали намъ въ 1676 г... Сила Денисовичъ Вохня, черниговскій житель, которому было 200 лѣтъ (?), отъ старости слѣпой и глухой, рассказывалъ намъ „... Далѣе слѣдуютъ сообщенія стариковъ, что монастырь нѣкогда былъ окруженъ палями, куполы покрыты дубовыми досками и проч. На основаніи письменныхъ свидѣтельствъ и народныхъ преданій о монастырѣ, Галатовскій составилъ въ 1676 г. „Скарбницу потребную и пожитечную всему свѣту“¹⁾. Здѣсь перечисляются архимандриты елецкаго монастыря и 32 чуда отъ елецкой иконы Богоматери. Книга посвящена гетману Самойловичу. Къ „Скарбницѣ“ приложена „Бѣлоцерковская бесѣда“.

Галатовскій заботился о благоустройствѣ ввѣренной его попеченіямъ обители. Въ первые четыре года своего игуменства онъ очищалъ щелеви сннаружи и внутри елецкой церкви, исправилъ фрамуги подъ хоромъ и столбы между окнами въ большомъ куполѣ, построилъ каменную трапезу и каменную церковь. Въ началѣ семнадцатаго вѣка, когда елецкій монастырь находился во власти униатовъ, по словамъ Галатовскаго „неразумныя звѣрята и птахи въ немъ гнѣзда себѣ чинили“. Галатовскій реставрировалъ монастырь при дѣятельномъ содѣйствіи малорусской старшины и московскаго царя. Четырьмя универсалами 1669, 1670 и 1671 годовъ Многогрѣшныи утвердилъ за монастыремъ разныя маетности. Самойловичъ также благотворилъ елецкому монастырю. Въ 1672 г. онъ выдалъ монастырю утвердительную грамоту на маетности. Бѣ особенноти усерднымъ жертвователемъ явился черниговскій полковникъ, впо-

¹⁾ Одинъ экз. «Скарбницы» находится въ библіотекѣ Хлудова.

слѣдствіи генеральнѣйшій Дуининъ—Борковскій, давшій деньги на постройку каменной трапезы ¹⁾).

Задолго еще до Галятовскаго, разные попрошайки греческаго происхожденія проложили дорожку въ Москву. Со времени присоединенія восточной Малороссіи къ московскому государству по этой дорожкѣ охотно пошли южно-русскія духовныя лица. Рапѣе Галятовскаго въ Москвѣ побывали Лазарь Барановичъ, епископъ мстиславскій Меѳодій, нѣжинскій протопопъ Адамовичъ. Барановичъ направилъ Галятовскаго въ Москву: „ты жалуешься, писалъ онъ Галятовскому въ 1670 г., что тебѣ неоткуда взять гроша и даже шеляга ²⁾). Но, находясь подъ державою государя, надобно иначе выражаться и стараться о кошѣйкахъ, а не о шелягахъ“ ³⁾). Галятовскій ѣздилъ въ Москву съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Барановича. Изъ сохранившейся въ елецкомъ монастырѣ записки видно, что Галятовскій „великую ласку, 50 рублей, 13 струговъ для огороженія монастыря, 7 фелоней съ епитрахиліями, 5 стихаревъ съ орорами зъ разнаго блавату изъ среброглаву и златоглаву, три диска, звѣзду, копію, келихъ, ложку одъ серебра съ позолотою, кадильницу сребную и сребный крестъ злоцистый, евангеліе, открытое аксамитомъ рытымъ и серебромъ злотистымъ приѣздобленное, съ иными книгами церковными, отъ царскаго величества одержалъ“ ⁴⁾). Въ Москвѣ Галятовскій сказалъ царю привѣтственное слово и въ дворцовой церкви произнесъ проповѣдь. Все это было сказано въ концѣ 1670 года, а не въ 1671 годъ, какъ значитъ у архіеп. Филарета ⁵⁾). Къ первому числу января 1671 года Галятовскій былъ уже на родинѣ. Въ письмѣ къ думному дворянину Артамону Матвѣеву отъ 1 января 1671 г. Галятовскій сообщаетъ о своемъ благополучномъ возвращеніи въ Черниговъ и проситъ ходатайствовать о выдачѣ ему изъ царской казны ста рублей на печатаніе „Мессіи“ на польскомъ и латинскомъ языкахъ“ ⁶⁾). Въ письмѣ Галятовскаго рѣчь идетъ о второмъ польскомъ изданіи „Мессіаша“, которое на-

¹⁾ Истор.-стат. Опис. черниг. епархіи. III. 16.

²⁾ Шелягъ—польская мѣдная монета въ польско-копейки.

³⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 100—101.

⁴⁾ Амвросій, Ист. рос. іерархіи. 1815. VI. 495.

⁵⁾ Филаретъ, Обзоръ дух. литер. I, 286.

⁶⁾ Акты южн. и зап. Россіи, IX, 333—335.

чало печататься, судя по письму Галятовскаго, въ 1671 г. передъ великимъ постомъ, а вышло въ свѣтъ въ 1672 г. ¹⁾). Сношенія Галятовскаго съ Москвой и царскія милости Галятовскому не прекращались. Въ 1672 г. Галятовскій просилъ царя о дарованіи монастырю жалованной грамоты на маестности. 18 іюня 1672 г. князь Ромодановскій, по случаю рожденія Петра Алексѣевича, роздалъ малорусскимъ военачальникамъ и духовнымъ лицамъ подарки: Самойловичу соболей на 170 рублей, обозному на 70 руб., судьямъ и полковникамъ на 60 руб. каждому, Барановичу на 50 руб., нѣжинскому протопопу Адамовичу на 28 р. Галятовскій получилъ маловато, всего 2 пары соболей на 12 руб. Галятовскій напоминалъ о себѣ просьбами. Такъ, не получивъ еще ²⁾) отвѣта на челобитную 1671 г., Галятовскій 4 іюля 1672 г. посвящаетъ царю второе изданіе „Мессіи“ на польскомъ языкѣ и въ письмѣ къ царю напоминаетъ ему о его обѣщаніи построить въ елецкомъ монастырѣ каменную церковь и, пока суть да дѣло, просить у царя пособіе на „поправленіе и побѣлѣніе вапномъ церкви пресвятой Богородицы елецкой, на покрытіе купола, на звонъ и паникадиль“ ³⁾). Вскорѣ послѣ этого письма 1 августа 1672 г. Галятовскій получилъ отъ царя утвердительную грамоту на монастырскія маестности ⁴⁾). Галятовскій писалъ патриарху Іоакиму, чтобы онъ напомнилъ царю Ѳедору Алексѣевичу о нуждахъ елецкаго монастыря ⁵⁾).

Поддерживая дѣятельныя сношенія съ Москвой въ интересахъ монастыря елецкаго, Галятовскій и на мѣстѣ своего постоянного жительства въ черниговщинѣ велъ жизнь дѣятельную, участвовалъ въ встрѣчѣ и въ богослуженіи александрійскаго патриарха Памеія, пробывшаго нѣкоторое время въ Черниговѣ, на обратномъ пути изъ Москвы въ Египеть, въ августѣ 1669 года ⁶⁾), въ 1672 г. присутствовалъ въ Козачьей Дубравѣ при избраніи Івана Самойловича въ гетманы ⁷⁾), въ 1676 г. обсуждалъ спорное дѣло

1) Wiszniewski. Hist. liter. VIII. 395.

2) Акты ю. п з. Россіи. IX, 951.

3) Акты ю. п з. Россіи. XI, № 3.

4) Аврорій. Пет. рос. ісрархін. VI. 497.

5) Рукопись въ моск. общ. пет., № 98.

6) Акты ю. п з. Россіи IX, № 12, стр. 54.

7) Акты ю. п з. Россіи. IX, 957; XI, 2.

Барановича съ Симеономъ Адамовичемъ о церковныхъ маестностяхъ, причемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами подписался подъ приговоромъ войсковаго суда 1677 г. о низложеніи Адамовича съ протопопіи и о заключеніи его въ монастырь за клевету и неосновательный доносъ на Самойловича ¹⁾:

Галятовскій въ политическихъ дѣлахъ обнаруживалъ честность и осторожность. Когда братъ Демьяна Многогрѣшнаго Василій, спасаясь отъ московскихъ ратныхъ людей, искалъ въ 1672 г. убѣжища въ елецкомъ монастырѣ и спрашивалъ у Галятовскаго совѣта, что ему дѣлать: ѣхать къ воеводѣ или бѣжать далѣе, Галятовскій отвѣтилъ: „Какъ де себѣ хочешь, побѣги далѣ, а здѣсь де тебѣ дѣлать нечего“. Василій Многогрѣшный изъ елецкаго монастыря бѣжалъ за Десну и нѣкоторое время скрывался въ никольскомъ и максаковскомъ монастыряхъ, пока не былъ вѣроломно выданъ въ руки воеводы кіево-братскимъ ректоромъ, у котораго просилъ убѣжища ²⁾.

Н. Сумцовъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, 209; Акты ю. и з. Россіи, XII, 669, 672, 860—862.

²⁾ Акты, ю. и з. Россіи, IX, № 147., стр. 790.

КНЯГИНЯ.

РАЗСКАЗЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА
1853 года.

(Посвящается Б. Ф. Застукому).

Разсказъ этотъ принадлежитъ къ числу неизданныхъ набросковъ п этудовъ поэта. Онъ написанъ въ бытность Шевченка въ новороссійскомъ укрѣпленіи и переданъ былъ имъ въ Петербургъ доброму другу и заступницѣ его, графинѣ Ан. Ив. Толстой, для помѣщенія въ одно изъ журналовъ. При томъ спискѣ разсказа, съ котораго онъ печатается нынѣ, находится короткое письмо автора, скрывавшагося подъ псевдонимомъ Дармограя, къ издателю „Отечественныхъ Записокъ“ А. А. Краевскому такого содержанія: „Посылаю вамъ мой разсказъ „Княгиня“ и прошу, если не будетъ противорѣчить духу вашего журнала, напечатать его. Если же окажется онъ неудобопечатнымъ, то прошу переслать рукопись въ Оренбургъ, на имя Бронислава Францовича Залесскаго, въ батальонъ № 2“. Этому же другу поэта, переписка съ которымъ была помѣщена прошлый годъ на страницахъ „Кіевской Старинны“, и посвящено самое произведеніе. Въ перепискѣ съ Н. И. Осиповымъ („Основа“ 1861 г.) Тарасъ Григорьевичъ вспоминаетъ объ этомъ разсказѣ, не появившемся въ печати. Произведеніе это имѣетъ большое сходство съ неоконченной поэмой „Княжна“, помѣщенной въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ „Кобзаря“. Разница состоитъ въ томъ, что въ поэмѣ жертвою безпутнаго и развратнаго князя, кромѣ загубленной имъ жены, является и несчастная дочь его. Молодая княжна, безвинная и кроткая страдалница, заступница угнетеннаго крѣпостнаго люда, вносила въ хаты помощь и утѣшеніе—героиня той поэмы.

Но выполненію прозаическіе опыты Шевченка нельзя, конечно, и сравнивать съ его поэзіей. Въ этомъ отношеніи во всей слѣдъ остается мнѣніе, высказанное о нихъ С. Т. Аксаковымъ и П. А. Кудашовымъ. Но отрицать ихъ историческое зна-

ченіе невозможно. Въ 1853 году, въ самую тяжелую пору своихъ жизненныхъ испытаній, поэтъ изъ далекой киргизской пустыни силится подать голосъ противъ угнетателей тѣхъ, о комъ онъ всю жизнь свою болѣлъ душою. Пусть несвойственная ему прозаическая рѣчь не имѣетъ огненной силы его стиха, но голосъ его звучитъ все той-же скорбной страстью.

Псевдонимъ, прозаическая форма и общелитературный языкъ приданы были этой работѣ, въ виду возможнаго помѣщенія ея въ журналѣ. Свообразность стиха всегда выдавала-бы автора, да и въ журналахъ того времени не печатались малорусскіе стихи. Къ тому-же тогда во всей силѣ оставалось тяготѣвшее надъ поэтомъ запрещеніе рисовать и писать что-бы то ни было, кромѣ писемъ. Во всѣхъ біографіяхъ поэта встрѣчаемъ тотъ фактъ, что генералу Обручеву, взявшему Шевченка въ ученую экспедицію по Аральскому морю въ качествѣ рисовальщика, былъ сдѣланъ изъ Петербурга строгій выговоръ, а начальникъ экспедиціи Бутаковъ за тоже самое былъ подвергнутъ тайному наблюденію III-го отдѣленія, продолжавшемуся нѣсколько лѣтъ (Чалый, „Жизни и произведенія Т. Г. Шевченка“, стр. 74 и др.). Обнаруженная попытка литературной работы могла-бы повести еще къ болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ. Опасаясь ихъ, поэтъ, какъ мы видѣли выше, маскируетъ и друга своего, которому посвящаетъ свой рассказъ, назвавъ его въ посвященіи не *Залескимъ*, а *Засѣкимъ*.

Печатаемый теперь, спустя двадцать три года отъ смерти Шевченка, его рассказъ нельзя, конечно, разсматривать, какъ законченное художественное произведеніе. Простой этотъ рассказъ принадлежитъ къ несродной Шевченку области творчества и оцѣнка его можетъ касаться только идеи и направленія, а въ этомъ отношеніи Шевченко всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ рассказѣ, при всей простотѣ его замысла и построенія, широкая кисть художника даетъ чувствовать себя во многихъ частностяхъ, особенно-же въ картинѣ голода. Заимствованная не разъ въ печать интродукція рассказа, въ которой поэтъ рѣсуетъ свое дѣтство, кромѣ поэтической картины родного его села, даетъ нѣсколько мѣткихъ чертъ для совершенно безъизвѣстнаго, но весьма интереснаго быта старинныхъ малорусскихъ дьячковъ—по *призванію* и *избранію*, послѣднихъ представителей которыхъ захватила память поэта. Не лишено также историческаго значенія свидѣтельство очевидца-поэта о тогдашнемъ народномъ образованіи, составлявшемъ потребность даже такого бѣдняка— „приблуды“, каковымъ былъ спрота Шевченко.

Сохраняемъ не только всѣ особенности литературной рѣчи поэта, но и его малорусское правописаніе, очевидно приспособленное для читателей столичнаго журнала. Въ рассказѣ, кромѣ малорусскихъ терминовъ, встрѣчаются свѣдѣнія, ставшія уже достояніемъ исторіи: тѣ и другія мы сочли нужнымъ объяснить въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Село! о сколько милыхъ, очаровательныхъ видѣній пробуждается въ моемъ старомъ сердцѣ, при этомъ задушевномъ словѣ. Село! и вотъ стоитъ передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышею и чернымъ *дымаремъ*, а около хаты на причилку яблоня, съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ,—любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки: у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою стоитъ клуныя, окруженная стогами жита, пшеницы и всякаго хлѣба; а за клуною по косогору пойдетъ уже садъ. Да какой садъ! видаль я много на своемъ вѣку такі порядочныхъ садовъ, какъ на примѣръ уманскій и петергофскій, но это что за сады; гроша не стоятъ въ сравненіи съ нашимъ великолѣпнымъ садомъ: густой, темный, тихій, словомъ: другого такого саду нѣтъ на всемъ свѣтѣ. А за садомъ *ливада*, за ливадою долина, а въ долинѣ тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами; а въ этомъ ручейкѣ подъ навѣшными лопухами купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ, а выкупавшись перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первую грушею, или яблоню и засыпаетъ настоящимъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору, смотритъ, ^{а, б, в, г, д} смотритъ и спрашиваетъ самъ у себя: „а что-же тамъ за горою? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо; а что если-бы пойти, да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? Пойду да посмотрю, вѣдь это недалеко“. Всталъ и не задумавшись, пошелъ онъ чрезъ долину и ливаду прямо на гору, и вотъ выходитъ онъ за село, прошелъ *царину*, прошелъ съ полверсты поле, на полѣ стоитъ высокая, черная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобы съ нею посмотрѣть, далеко-ли еще до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ на могилѣ и смотритъ во всѣ стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, бѣлымъ желѣзомъ крытая, тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ—и тоже бѣлымъ желѣзомъ крытая. Мальчуганъ задумался. Нѣтъ, думаетъ онъ, сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ желѣзныхъ столбовъ, а завтра вмѣстѣ съ Катрею. Она *до чреды* коровъ погонитъ, а я пойду къ

железнымъ столбамъ, а сегодня одурю Микиту (брата), скажу, что я видѣлъ железные столбы, тѣ, что подпираютъ небо. И онъ, скатившись кубаремъ съ могилы, всталъ на ноги и пошелъ не оглядываясь въ чужое село. Къ его счастью встрѣтились ему чумаки и, остановивши, спросили:

— А куда ты мандруешь, *парубче*?

— До дому.

— А дежъ твоя дома, *небораче*?

— Въ Кереливци!

— Такъ чего-жь ты идешь у Моринци?

— Я не въ Моринци, а въ Кереливку иду.

— А колы въ Кереливку, такъ сѣдай на мою *мажу*, товарищу, мы тебе доведемъ до дому.

Посадили его на скрынку, что бывасть въ передкѣ чумацкаго воза, и дали ему батигъ въ руки; онъ погоняетъ себѣ воловъ, какъ ни въ чемъ не бывало; подъѣзжая къ селу, онъ [увидаль] свою хату на противоположной горѣ и закричалъ весело:

— Онъ де, онъ де наша хата!

— А колы ты вже бачишь свою хату, сказалъ хозяинъ воза, то и йди съ Богомъ!

И снявши мальчугана съ воза, спустилъ его на землю и обращаясь къ товарищамъ, сказалъ:

— Нехай иде соби съ Богомъ!

— Нехай иде соби съ Богомъ! проговорили чумаки, и мальчуганъ побѣжалъ себѣ съ Богомъ въ село.

(На дворѣ) уже смеркало; когда я (потому что этотъ кубическій, бѣлокурый мальчуганъ былъ никто иной, какъ смиренный авторъ сего, хотя и не сентиментальнаго, но тѣмъ не менѣе печальнаго рассказа) подошелъ къ нашему перелазу; смотрю чрезъ перелазъ на дворъ, а тамъ, около хаты, на темномъ, зеленомъ, бархатномъ *шпортиль*, всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряетъ, а стоитъ себѣ около дверей, подперши голову рукою, и какъ будто посматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ за перелаза, то она вскрикнула: „прійшовъ, прійшовъ!“ и побѣжавъ ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: „сидай вечерять, *приблудо!*“ Пове-

черявши, сестра повела меня спать и уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и улыбаясь, назвала меня опять приبلудою.

Я долго не могъ заснуть; произшествія прошлаго дня мнѣ не давали спать. Я думалъ все о желѣзныхъ столбахъ и о томъ, говорить-ли мнѣ о нихъ Катеринѣ и Микитѣ, или не говорить. Никита былъ разъ съ отцемъ въ Одессѣ, и тамъ конечно видѣлъ эти столбы, — какъ-же я ему буду говорить о нихъ, когда я ихъ вовсе не видалъ; Катерину можно-бъ одурить... нѣтъ, я и ей не скажу ничего, и подумавши еще не долго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ.

Черезъ два-три года я уже вижу себя въ школѣ у слѣпаго Совгиря (такъ назывался нашъ пестихарный ¹⁾ дьячекъ), складавающаго *тму-мну*. Проскладавши, бывало, до *тля-мля*, выйду изъ школы на улицу, посмотрю въ яръ, а тамъ мои счастливые сверстники играютъ себѣ на соломѣ около клуни и не знаютъ, что есть на свѣтѣ и дьякъ, и школа. Смотрю, бывало, на нихъ и думаю: отъ чего-же я такой безталанный, зачѣмъ меня сердечнаго мучать надъ ~~этимъ~~ проклятымъ ~~букваремъ~~, и махнувши рукой, дамъ *драла* черезъ *цвинтарь* ²⁾ въ яръ къ счастливымъ на свѣтлую, теплую соломѣ, и только что начну ~~барахтаться на соломѣ~~, какъ идутъ два *псалтирника* ³⁾, берутъ меня раба Божьяго за руки и обращаютъ вспять, сирѣчь ведутъ въ школу, а въ школѣ, сами здоровы знаете, что дѣлается надъ нашимъ братомъ школяромъ, за отлучки.

Совгирь-слипый (слѣпымъ его звали за то, что онъ былъ только косой, а не слѣпой) былъ въ нашемъ селѣ дьячкомъ не то, чтобы стихарнымъ, настоящимъ дьячкомъ, а такъ себѣ приبلудою. Предшественникъ его, Никифоръ Хмара, тоже былъ у насъ не стихарнымъ дьячкомъ; только разъ у тытаря *на меду* ⁴⁾ захворалъ ночью, а къ утру и померъ, Богъ его знаетъ, отъ чего. А Совгирь-слипый случился тутъ-же у тытаря на ~~меду-же~~, да не долго думаячи,

1) Точнѣе: не назначенный епархіальною властію, а избранный и поставленный на мѣсто прихожанами съ согласіемъ лишь священника, какъ всегда было до того времени.

2) Махну черезъ погостъ.

3) Обучающіеся чтенію по псалтири.

4) Въ храмовые и другіе большіе праздники, по вѣковому обычаю, варили по приходамъ во всей южной Россіи медъ и въ самый праздникъ раскивали при церквн, а вечеромъ и на другой день у старосты угощались оставшимся медомъ.

въ слѣдующее-же воскресеніе сталъ на клиросѣ, пропѣлъ обѣдню, прочиталъ *Апостола*, да такъ прочиталъ, что громада и самъ отецъ Кассіанъ только что переглянулись и болше ничего. Послѣ обѣдни громадою былъ провозглашенъ слѣпый Совгиръ дякомъ, и съ честью подобающе его сану введенъ былъ въ школу, яко въ свою *дидивщину*¹⁾. Великій человекъ громада! Поселился онъ въ своей школѣ и школяры, въ томъ числѣ и азъ невеликій пошелъ къ нему за наукою. **З**а собою онъ былъ росту высокаго, широкоплечій и смотрѣлъ-бы настоящимъ запорожцемъ, еслибы не былъ косою; даже свою не заплетенную косу носилъ онъ какъ-то въ родѣ чуприны.

Права онъ былъ болѣе суроваго, нежели кроткаго, а въ отношеніи житейскихъ потребностей и вообще комфорта онъ былъ настоящій спартаецъ. Но мнѣ болѣе всего въ немъ не нравилось то, что когда, бывало, въ субботу послѣ вечерни начнеть насъ всѣхъ по обыкновенію кормить *березовою кашею*²⁾,—это все еще ничего, пускай-бы себѣ кормилъ, намъ эта каша была въ обыкновеніи;—а то вотъ гдѣ, можно сказать, истинное испытаніе: бьетъ бывало, а самому лежать велить да не кричать и не *борзяся* явственно са-мому читать четвертую заповѣдь. Настоящій спартаецъ! Ну скажите, люди добрые, рождался-ли когда на свѣтъ такой богатырь, чтобы улежалъ спокойно подъ розгами и читалъ-бы еще, не борзяся, четвертую заповѣдь? Нѣтъ, я думаю, такого человека еще земля не носила. Бывало, когда дойдетъ до меня очередь, то я уже не прошу о помилованіи, а прошу только, чтобы онъ умилосердился надо мною, велѣлъ меня, субботы ради святой, придержать хоть немножко. Иной разъ бывало и умилосердится и велить придер-жать, да ужъ такъ выпоретъ, что лучшебъ и не просить о милосердіи.

Миръ праху твоему, слѣпый-Совгирю! Ты горемыка и самъ не зналъ, что дѣлалъ: тебя такъ били и ты такъ билъ и не подо-

1) Таковъ и былъ повсюду порядокъ избранія и опредѣленія къ мѣсту дячка, и онъ не считался въ духовномъ званіи и не зависѣлъ отъ епархіальной власти.

2) Сѣчь березовою розгою. Общій обычай старыхъ школъ — сѣчь по окончаніи недѣльнаго ученія всѣхъ поголовно, для внушенія страха Божія и усердія къ ученію.

зрѣвалъ грѣха въ своемъ простосердечіи! Миръ праху твоему, жалкій скиталець, ты былъ совершенно правъ!

И вотъ я къ несказанной моей радости кончилъ „*Малъ бѣжъ*“¹⁾. т. е. кончилъ псалтирь, поставилъ, по обыкновенію, кашу братіи съ грошами, совершилъ сей священный обрядъ неукосненно по всеѣмъ преданіямъ старины, и на другой-же день принялся мѣломъ выводить премудрыя каракули на крапеной доскѣ, сирѣчь я уже былъ не псалтырникъ какой-нибудь, а скорописецъ.

Въ эту-то почти счастливую для меня эпоху случилось переобразование школы: прислали къ намъ изъ самаго Кіева стихарнаго дьячка. Совгирь-слѣпый сначала было поартачился, но принужденъ былъ уступить предъ могуществомъ закона и, собравши всю свою мизерію²⁾ въ одну торбу, закинулъ ее за плечи, взялъ патерицу³⁾ въ руки, а тетрадь изъ синей бумаги, съ сквородинскими⁴⁾ псалмами или виршами, въ другую и пошелъ искать себѣ новой школы. А братія моя по наукѣ аки овцы отъ волка разсыпалася, такъ они отъ новаго стихарнаго дьячка, зане пьяница бѣ, наче всеѣхъ пьяницъ на свѣтѣ. Тяжко противу рожна прати; и я, терпѣливѣйшій изъ братіи, наконецъ взялъ свое орудіе—таблицу, перо, каламаръ⁵⁾ съ мѣломъ, и пошелъ во свояси съ миромъ, дивяся бывшему.

Съ этого времени начинается длинный рядъ самыхъ грустныхъ, самыхъ безотраднѣхъ моихъ воспоминаній. Вскорѣ умираетъ мать, отецъ женится на молодой вдовѣ и беретъ съ нею троихъ дѣтей вмѣсто приданнаго. Кто видѣлъ хоть издали мачиху и такъ называемыхъ сведенныхъ дѣтей, тотъ, значить, видѣлъ адъ въ самомъ его отвратительнѣйшемъ торжествѣ. Не проходило часа безъ слезъ и драки между нами дѣтьми и не проходило часа безъ ссоры и брани между отцомъ и мачихой; мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно за то, что я часто тузаль ее щедушнаго Степанка. Того-же года отецъ осенью поѣхалъ за чѣмъ-то въ Кіевъ, занемогъ въ дорогѣ и возвратясь домой, скорѣ умеръ.

¹⁾ Этими словами начинается послѣдній въ Псалтири псаломъ.

²⁾ Скудное имущество.

³⁾ Палка, отъ *pater* отецъ.

⁴⁾ Извѣстнаго Сквороды, философа украинскаго.

⁵⁾ Чернильницу, въ которую вмѣсто чернилъ вливался растворъ яблуды для писанья перомъ на доскѣ.

Послѣ смерти отца, одинъ изъ многихъ моихъ дядей, чтобъ вывести сироту въ люди, какъ онъ говорилъ, предложилъ мнѣ за ястiе и питiе пасти лѣтомъ стадо свинное, а зимою помогать его наймиту по хозяйству; но я избрала другую часть.

Взявши свою таблицу, каламаръ и псалтырь, отправился я къ пьяному стихарному дьяку въ школу и поселился у него въ видѣ школяра и работника. Тутъ начинается моя практичная жизнь. Пребыванiе мое въ школѣ было довольно не комфортабельно. Хорошо еще, если случались покойники въ селѣ (прости меня, Господи!), то мы еще кое-какъ перебивались; а не то, просто голодали по нѣскольку дней сряду. Вечеромъ иногда бывало я возьму торбу, а учитель возьметъ въ десную посохъ дебелий, а въ шуйцу сосудъ скудельной (мы и жидкостями не пренебрегали, какъ-то грушевымъ квасомъ и проч.) и пойдемъ подъ окнами воспѣвать „*Богомъ избранную*“. Иной разъ принесемъ таки кое что въ школу, а иной разъ и такъ на-сухо придемъ, только что поголодные.

Я зналъ почти весь псалтырь наизусть и читалъ его, какъ говорили слушатели мои, выразно, т. е. громко. Въ слѣдствiе такого моего досужества не былъ въ селѣ похороненъ ни одинъ покойникъ, надъ которымъ-бы я не прочиталъ псалтыря. За прочтенiе его я получалъ *кнышъ и копу* ¹⁾ деньгами, ~~которые~~ отдавалъ учителю, какъ его доходъ, и онъ уже, отъ щедротъ своихъ, удѣлялъ мнѣ пятакъ на бублики, и это былъ одинъ-единственный источникъ моего существованiя. При такихъ, можно сказать, умѣренныхъ доходахъ, я не могъ жить открыто и одѣвался не щегольски, какъ прилично званiю школяра. Ходилъ я, постоянно въ сѣренькой, дыривой свиткѣ, и въ вѣчной грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было, ни лѣтомъ, ни зимою. Однажды далъ мнѣ какой-то мужикъ за прочтенiе псалтыря на *пришвы ремню* ²⁾, да и тотъ отъ меня учитель отобралъ, какъ свою собственность.

И много-много могъ-бы я рассказать презанимательныхъ и назидательныхъ вещей на эту тему, да рассказывать какъ-то грустно.

Такъ пролетѣли четыре жалкихъ года надъ моею дѣтскою головою.

¹⁾ Кнышъ—особой формы пшеничный хлѣбъ, праздничный и заупокойный, *копа*—50 коп.

²⁾ Простой кожи на головки къ сапогамъ.

Потомъ воспоминанія мои принимаютъ еще печальнѣйшіе образы. Далеко, далеко отъ моей бѣдной, моей милой родины,
 Безъ любви, безъ радости
 Юность пролетѣла!

Не пролетѣла, правда, а проползла въ нищетѣ, въ невѣжествѣ и въ униженіи, и все это длилось ровно двадцать лѣтъ...

Въ продолженіи моего странствованія внѣ моей милой родины, я воображалъ ее такую, какою видѣлъ въ дѣтствѣ, прекрасною, грандіозною, а о нравахъ ея молчаливыхъ обитателей я составилъ уже свое понятіе, гармонируя ихъ, разумѣется, съ пейзажемъ; да мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это могло быть иначе, а выходить, что иначе.

Послѣ двадцатилѣтнихъ испытаній, я не много окрылился и, разумѣется, полетѣлъ прямо въ родимое гнѣздо. Вскорѣ передо мною засверкали давно знакомые мнѣ бѣленькія хатки,—онѣ какъ будто улыбались изъ темной зелени.

Можетъ-ли быть мѣсто въ этихъ милыхъ пріютахъ нищетѣ и ся гнуснымъ спутникамъ? Нѣтъ, а иначе человѣкъ былъ-бы не человѣкъ, а простое животное... Съ этимъ сладкимъ убѣжденіемъ я проѣхалъ почти всю черниговскую губернію, нигдѣ не останавливаясь. Изъ города Козельца мнѣ пужно было взять въ сторону отъ почтовой дороги, и взглянуть поближе на мой эдемъ, и даже выслушать сію печальную и правдивую повѣсть.

Городъ Козелець ничѣмъ не отличается своей фізіономіею отъ прочихъ своихъ собратій, повѣтовыхъ малороссійскихъ городовъ. Въ исторіи нашей онъ тоже не играетъ особенной роли, какъ на примѣръ заднѣпрянскіе его товарищи, развѣ только что въ 1663 году недалеко отсюда собрана была знаменитая *Черная Рада*, вслѣдствіе которой Брюховецкій отрубилъ голову своему сопернику, Якиму Сомку. Словомъ: городокъ ничѣмъ не примѣчательный, но проѣзжающій, если только онъ не спитъ во время перемѣны лошадей, или не закусываетъ у пана Тихоновича, непремѣнно полюбуется величественнымъ храмомъ граціозной архитектуры Растреллевской, воздвигнутымъ Натальею Розумихою, родоначальницею дома графовъ Разумовскихъ.

Въ шести верстахъ отъ г. Козельца, въ селѣ Лемешахъ, въ бѣдной хаткѣ, на *сволокѣ* или балкѣ, читаемъ: *сей домъ соорудила раба Божія Наталія Розумиха 1710 року Божого*; а въ г. Козельцѣ въ величественномъ ~~домѣ~~ читаемъ на мраморной доскѣ: *сей храмъ соорудила Графиня Наталія Разумовская въ 1742 году*. Странные два памятника одной и той-же строительницы!

Въ Козельцѣ я нанялъ пару не мудрыхъ лошадокъ, вмѣстѣ съ рыжимъ жидкомъ, и поѣхалъ себѣ проселкомъ, куда мнѣ нужно, что было въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Съ утра былъ день только сѣренькій, а къ вечеру сталъ и мокренькій, время шло къ ночи, нужно было гдѣ нибудь приготовить себѣ ночлегъ, а по дорогѣ не только корчмы, и мизернаго шинка не видно.

Не доѣзжая Трубежа, или по мѣстному Трубайла, намъ показалось на косогорѣ село; подъѣзжаемъ ближе, и дѣйствительно село, только погорѣлое, и ничего живаго на черной улицѣ не видно, а за греблею, по ту сторону Трубежа, мы увидѣли между вербами и едва начинающими желтѣть садами бѣлыя хаты. Проѣхали мы по плотинѣ мимо двухъ шумящихъ мельницъ и очутились въ большомъ козачьемъ селѣ. Чистыя большія хаты и неразрушенные тыны свидѣтельствовали о благосостояніи обитателей; но первая къ царинѣ хата своею миловидностію мнѣ особенно приглянулась, такъ что я рѣшился просить въ ней пріюта на ночь. Дождичекъ моросилъ таки порядочно, а хозяинъ привѣтно улыбающейся хаты, какъ ни въ чемъ не бывало—стоитъ себѣ, облокотясь на тынъ, въ новомъ нагольномъ тулупѣ, курить коротенькую трубку и улыбаясь смотреть, какъ его любимцы круторогіе половые волы наслаждаются въ огородѣ капустою. Увидѣвши въ окно такое святотатство, изъ хаты выбѣжала хозяйка и сквозь слезы закричала:

— Чего-же ты стоишь, *недолюде* старый, и смотришь, какъ добро *нивичитъ* скотина, чому ты не заженешь въ загороду?

— Я ее тридцать лѣтъ загонялъ, пускай теперь другіе загоняютъ,—отвѣтилъ хозяинъ совершенно равнодушно и продолжалъ курить трубку.

— А Боже мій съ тобою, снова закричала хозяйка. Да ты хоть-бы кожухъ снялъ, видишь дождь идетъ?

— Такъ чтожь, пускай себѣ идетъ съ Богомъ!

— Какъ чтожь? кожухъ извивчишь!

— Такъ чтожь, пускай себѣ извивечу, у меня другой ест.

— Хоть коль на головѣ теши, а онъ все свое провадитъ,—сказала хозяйка и побѣжала выгонять изъ огорода скотину. Хозяинъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и самодовольно улыбулся.

Мнѣ очень понравилась его совершенно хохлацкая выходка, и я, высунувшись изъ брички, привѣтствовалъ хозяина съ добрымъ вечеромъ, на что онъ отвѣчалъ:

— Добри-вечерь и вамъ, люди добри! а чи далеко Богъ провадитъ?—прибавилъ онъ, падѣвая шапку.

— Та не далеко, а все таки сегодня не доидемо,—сказалъ я, выѣзая изъ брички, и прибавилъ съ разстаповкой: а чи не можно-бъ у васъ, дялошко, пидпочевать?

— Чому не можно, можно, Боже благослови! хата у насъ чимала, а мы добрымъ людямъ ради,—и говоря это, онъ отворилъ ворота, и бричка всунулась въ дворъ.

— Просимо покорно до господы,—сказалъ мнѣ хозяинъ, когда я вошелъ на дворъ, и замѣтно было, что онъ старался выговорить слова на русскій ладъ. Я вошелъ въ хату, въ ней было почти темно, но все таки можно было видѣть, что хата была просторная и чистая.

— Просимо, покорно, садовитесь,—говорилъ хозяинъ, показывая на лаву,—а я тимъ часомъ скажу своей старей, шобъ що нибудь намъ засвѣтила,—прибавилъ онъ, уходя изъ хаты.

Черезъ минуту вошла въ хату старушка со свѣчей и поставивъ ее на столъ, тихо отошла къ двери и сложа руки на груди, молча остановилась. Она была въ чистомъ чепцѣ и въ пѣмецкомъ платьѣ, что меня не мало удивило. Какимъ родомъ, подумалъ я, очутилось подобное явленіе въ мужицкой хатѣ.

Вскорѣ за старушкой вошелъ и хозяинъ въ хату, неся на рукахъ плачущее дитя, которое, увидя старушку, зажало губки и улыбаясь протянуло къ ней свои крошечныя рученки.

— Возьми его, Микитовна, до себе, говорилъ хозяинъ, передавая дитя старушкѣ. Бачъ, воно мужика боится; сказано княжѣ, прибавилъ онъ, глядя его по головѣ своей костлявой и широкой рукою.

У меня въ карманѣ были леденцы; нужно замѣтить, что я этотъ продуктъ постоянно имѣлъ въ карманѣ во время моихъ поѣздокъ по Малороссіи, ибо ничѣмъ нельзя такъ скоро задобрить моего угрюмаго земляка, какъ приласкать его дитя, и я часто не

безъ пользы употреблялъ эту тактику. Я подаль леденецъ дитяти, оно сначала посмотрѣло на меня своими необыкновенно большими глазами, потомъ молча взяло леденецъ и улыбаясь, воткнуло въ свои розовыя губки.

Тутъ я могъ поближе взглянуть на дитя и на старушку. Старушка показала мнѣ живой картиной Жераръ-Доу, а дитя было ~~настоящій~~ херувимъ. Меня поразила эта чистая тонкая красота дитяти; мои глаза остановились на этомъ прекрасномъ созданіи. Старушка отнесла дитя въ сторону и перекрестила, вѣроятно отъ дурнаго глазу, а хозяйинъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— А что, не правда-ли, что панская дитина?

— Прекрасное дитя,—отвѣчалъ я, и подаль дитяти еще одинъ леденецъ.

Хозяинъ замѣтно былъ доволенъ моими гостинцами, и подходя къ старушкѣ, сказалъ: скажи моей старой, чи не найде вона тамъ чего-нибудь намъ ^{у васъ} ~~подвечиркувать~~, та може коли не *мыха* буде, то й тее... по чарочци... догадується, Микитовна?

— Мы, добродію, люди прости, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, у насъ нема ничего такого сладкого, ни того чаю, ниже того сахару, а такъ просто, по простому.

Старушка вышла изъ хаты, а онъ, съ ребенкомъ на рукахъ подходя ко мнѣ, сказалъ:

— Отеперь подывитесь на ёго, добродію, правда что хороше; сказано княжѣ.

— Да какъ-же очутилось у васъ княжеское дитя? расскажите мнѣ, ради Бога! спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нехай вамъ, добродію, Микитовна роскаже, бо тутъ, не вамъ кажучи, була настоящая комедія; вы бачили отамъ, за Трубайломъ, погориле село?

— Видѣлъ, отвѣтилъ я.

— Такъ добре, що видѣли. Отъ то самое село було колысь оцего дитяти матери, та и выгорѣло; а вона еого маты... Та я не роскажу вамъ, якъ воно тамъ выгорѣло, мене тойди дома не було, то я и не бачивъ; нехай Микитовна сама роскаже; вона бачила, то вона й знае, якъ воно диялось.

Между тѣмъ старушка вошла въ хату и чистой бѣлой скатертью поверхъ *книжки*¹⁾ накрыла столъ, достала съ *полки*²⁾ восьмиугольный расписанный-штофъ съ водкою и рюмку, и поставила на столъ; потомъ принесла на деревянной тарѣлкѣ, тоже разрисованной, кусками нарѣзаннаго *чабика* и *паланицю*³⁾, и все это было сдѣлано ею тихо, чинно, такъ что глядя на нее, можно было навѣрное сказать, что она выросла и состарѣлась не въ мужицкой хатѣ. Потомъ взяла на руки ребенка и отошла въ сторону, а хозяинъ сказалъ ей:

— Микитовна, когда положишь спать дитину, то зайди до насъ, намъ треба буде роспытать у тебе де що. Та скажите тамъ моей старій, нехай намъ вечерю готуе, та не галушки, або *кулинъ*, ба-чиче, що у насъ чужи люде.

Старушка вышла изъ хаты, а онъ въ слѣдъ ей ирибавилъ:

— Зайдите же до насъ, Микитовна, якъ *упорастесь*.

— Хорошо, зайду, отвѣчала она изъ сѣней.

Выпивши по одной, а потомъ и по другой, хозяинъ мой сталъ слово-охотнѣе; онъ разговорился до того, что, самъ не замѣчая, разсказалъ мнѣ всю свою біографію; разсказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ онъ, будучи парубкомъ еще, былъ въ погоньцяхъ подъ французомъ и воротился съ немечины голый-голымъ, съ однимъ батономъ въ рукахъ, и какъ потомъ пошелъ въ наймы до *чана*, и какъ послѣ трудомъ и разумомъ *багачъ* и сдѣлался изъ бездомнаго сироты-наймита первымъ хозяиномъ въ селѣ. Словомъ чрезъ часъ времени я не допытываясь узналъ всю его самую сокровенную исторію. Но что мнѣ особенно въ немъ понравилось, — что онъ разсказывая свою обыкновенную исторію, касался какъ-бы мимоходомъ своихъ богатырскихъ подвиговъ, не подозрѣвая въ нихъ ничего необыкновеннаго.

А между тѣмъ старушка принесла намъ вечерю и сама по-вечеряла съ нами. Помолитвись Богу, послѣ вечери хозяинъ обратился къ старушкѣ, сказалъ:

1) У людей занятыхъ столъ накрывался *коврикомъ* домашней работы.

2) Деревянная полка въ заднемъ углу, для храненія посуды.

3) Чабакъ — сушеная, вяленая рыба, любимая у хозяевъ съ достаткомъ закуска съ паланицюю, т. е. бѣлымъ хлѣбомъ.

— Теперь, Микитовна, расскажите намъ про свою княгиню, якъ воно тамъ у васъ діялось; а съ самаго начала, прибавилъ онъ,—наточите намъ съ кухоль сливянки, воно, знаете, веселише буде слухать.

Черезъ минутъ пять старушка возвратилась въ хату съ порядочнымъ стеклянымъ *мечикомъ* въ рукахъ; поставивши глечикъ на столъ, сама она сѣла на скамейку, и помолчавъ немного, проговорила вздохнувши:

— Про ~~се~~ безталанье, Степановичу, про сю тяжку горькую долю, я готова каждый день, каждую годину рассказывать всему свѣту, чтобъ весь свѣтъ зналъ про ~~ея~~ горькіе кровавые слезы и казнился ими.—И старушка тихо заплакала.

Мы выпили по рюмкѣ сливянки, а старушка, утерши слезы, начала такъ:

— Не умѣю сказать, сколько минуло тому лѣтъ, только это случилось давно, еще до француза, я была тогда еще такую *стриною*, когда покойный Демьянъ Федоровичъ, царство ему небесное, пришелъ изъ подь-француза. Они служили въ какихъ-то козакахъ, а въ какихъ именно, не умѣю вамъ сказать, знаю только, что въ козакахъ и больше ничего. Батюшку своего Федора Павловича, царство ему небесное, они не застали въ живыхъ. Осмотрѣвшись дома около хозяйства, поправили, что нужно было поправить, а что не нужно, то и такъ оставили, тогда-же они выстроили и два *витрака*, вотъ что на горѣ стоятъ. Они только и уцѣлѣли отъ всего добра. Построивши витраки, да и задумали свататься, высватали они ажъ за Остромъ у какого-то Солонины Катерину Лукьяновну. Вотъ весною засватались, а послѣ перпой Пречистой и повѣнчались; и полгода не былъ женихомъ голубчикъ мой; послѣ ихъ свадьбы меня и взяли во дворъ, въ покой. Долго я плакала и скучала за своими домашними, а послѣ и привыкла, когда побольше подросла. На другой или третій годъ,—кажется на третій, далъ имъ Богъ дитя, назвали его Катериною, а меня приставили къ нему нянькою; съ той поры и по сіе лютое время я не разлучалась съ моею безталанницею ни на одинъ часъ, у меня на глазахъ выросла и замужъ вышла, п...

— Та годи вамъ плакать, Микитовна, сказать хозяинъ съ участіемъ; на все то воля Божія, слезами только Бога гнѣвите.

Старушка, помолчавъ немного, продолжала:

— А какой хозяинъ! какой панъ добрый! Душа какая праведная была! И все пошло прахомъ. Бывало, покойный Катериничъ придетъ къ намъ изъ Кіева, да только подивуется, а ужъ можно сказать, что Катериничъ даромъ ~~никого~~ не похвалить, да правду сказать, было чему и подивоваться. Село всего на-вся сорокъ хать, а посмотрѣли-бъ, чего въ этомъ селѣ не было! И *става*, и *млны* и *пастки*, и *винница*, и *броварз*, и скотины разной, а въ *коморахъ* и *юсподи* развѣ птичого молока не доставало, а то все было. А въ селѣ такъ любо по улицѣ пройти, хаты чистыя, бѣлыя, казалось, что въ нашемъ хуторѣ вѣчная великодная суббота, люди ходятъ соби по улицѣ, или сидятъ подъ хатами обутые, одѣтые, дѣти бѣгають по улицѣ въ бѣленькихъ сорочечкахъ, точно ангелята Божіи. О, охъ! и гдѣ это все дѣвалось? Правда, и Катерина Лукьяновна была хозяйка, но все таки не то, что самъ. Бывало, каждое Божіе воскресенье, или праздникъ какой запросятъ покойнаго Купріяна на *Отче нашъ*¹⁾ да и выставлять двѣнадцать графиновъ, и все съ разными настойками, а отецъ Купріянь, царство ему небесное, по *Отче нашъ* выпьетъ бывало съ каждаго графина по рюмкѣ, да какъ дойдетъ уже до послѣднего, то и скажетъ: вотъ это хорошая водка, ее и будемъ пить; а водки, правду, сказать, всѣ были одинаково хорошія, да онъ покойникъ былъ ужъ такой чудной, любилъ иногда, царство ему небесное, и пошутить.

— Чудный, чудный таки былъ покойникъ, говорилъ хозяинъ, наливая въ рюмку сливянки, а чтобы сказать пьянаго, такъ я его никогда не видѣлъ: Богъ его знаетъ, или это ужъ натуру такую добрую Богъ дастъ человѣку, или человѣкъ уже самъ приспособится, не знаю;—а что, Микитовна, селибъ и вы съ нами выпили чарочку сливянки, вѣно може-бъ и полегло!

Старушка отказалась отъ сливянки, и немного помолчавъ, продолжала свой рассказъ:

— Катеринѣ Демьяновнѣ пошелъ уже другій годочокъ, какъ вона въ первый разъ на ноги стала, я привела ее за ручку въ гостиную, гдѣ они поутру пили чай. Господи! что тутъ было радости,

¹⁾ Т. е. на закуску, благословляя которую, священникъ читалъ молитву Господню; отсюда выраженіе: зайти, или пресетъ на *Отче нашъ*.

такъ и разсказать не можно. Катерина Лукьяновна взяла се на руки и поцѣловавши, тутъ-же сказала, что ни за кого на свѣтѣ не выдастъ ее замужъ, какъ за князя, или какого генерала... Охъ! такъ-же оно и случилось на наше безголовье. А какіе люди сватались: нѣтъ таки, дай ей князя, или генерала... вотъ тебѣ и князь!

— Да таки нѣчего сказать, хорошій, перебилъ хозяинъ, далъ онъ ей бѣдной знать себя.

— Стало оно выростать, стали его учить сначала грамотѣ, а потомъ—и Господи! чему они его не учили! Бывало, жаль посмотреть на бѣдное дитя! и шить, и вышивать, и прядѣть, и нитки сучить, а разъ самъ такъ послалъ ее бѣдную и коровъ даже донть. Бывало, сама иногда вскинется на него: что ты, говорить, дѣлаешь съ бѣднымъ ребенкомъ? развѣ мы его за мужика готовимъ? А можетъ, и за мужикомъ придется жить; будущее кто знаетъ?— бывало, скажетъ самъ, да и замолчить. А она ему: ты бы лучше для нее фортопяны купилъ въ Кіевѣ. Купили и фортопяны на контрактахъ. Привезли съ фортопянами и учителя, не умѣю сказать, полякъ-ли онъ былъ, или нѣмецъ, не знаю; только онъ говорить совсѣмъ не умѣлъ по нашему, бывало скажетъ слово, такъ слушаешь, да только хохочешь. Вотъ онъ ее въ годъ или два выучилъ играть на тѣхъ фортопянахъ, да какъ бывало заиграетъ моя лебедонька, такъ только сидишь, слушаешь, слушаешь да и заплачешь, а она возьметъ да и перемѣнитъ пѣсню, да какъ ударить *горлицю* или *метелицу*, согрѣшила я грѣшная, не вытерплю бывало, да какъ возьмуся въ боки, да й пойду, да какъ пойду!— Только *нодь ноги ложится*, а она играетъ, бывало, да хохочетъ. Однажды насъ и застала сама, да какъ крикнетъ на насъ: ты, говорить, что это дѣлаешь? развѣ этому тебя учили играть, только инструментъ портишь своими мужицкими пѣснями. А ты, цындра, не знаешь, гдѣ коровъ доять, то будешь знать. Я, разумеется, испугалась и стала себя въ уголь, да и стою, какъ будто меня и въ комнатѣ нѣтъ.

— А вы таки, Микитовна, були, колись, нигде правды *сховать*, такъ добре *дзидзюрпсты*¹⁾, скажалъ хозяинъ, наливая рюмку сливянки.

¹⁾ Дзидзюрпсты—вертлявый, на всѣ штуки.

— Прости мене, Господи! сказано молодость, а въ молодости чего не случается. А бывало, когда моя пташечка Катруся совсѣмъ выросла, то какъ только лягутъ спать папы послѣ вечера, а мы и выйдемъ тихенько въ садъ, гуляемъ, гуляемъ, до самого свѣта гуляемъ, а мѣсяцъ такъ тебѣ и свѣтитъ, какъ будто днемъ; а она еще бывало возьметъ, да запоетъ: *Не ходи Грицю, та на вечерницю*— тихо, тихо, та сладко, такъ-бы вотъ, кажется, и слушала-бъ ее, слушала-бъ до самого свѣту.

— Помню, хорошо помню, сказалъ хозяинъ, разъ иду я въ ночи коло вашего саду, только слушаю, что то поетъ, тилько не *Гриця*, а другую какую-то пѣсню, я остановился и такъ простоялъ, какъ прикованный до тыну, до самого бѣлаго дня; нечего сказать, прекрасно було слушать, какъ вона бывало заспиваетъ.

— А по утру, спала-ли, нѣтъ-ли, вспорхнется, что твоя пташка, и снова ^{веселится} и никто, oprичъ меня, не знаетъ, что ночью діялось. Ахъ, вотъ что я было чуть совсѣмъ не позабыла: есть тутъ, голубчики мои, не далеко отъ нашего села на Трубайлѣ хуторъ маіора Ячнаго. Вы его, Степановичъ, знаете самого маіора? Онъ и теперъ еще здравствуетъ, благодареніе Богу, а что за хозяинъ, такъ и покойному нашему Демьяну Федоровичу не уступитъ. Правда, у него только всего на все десять хатъ на хуторѣ, такъ за то и хаты, за то и ^{поле} хата, то семья душъ десять. Извѣстное дѣло въ добри, та въ роскоши живутъ, а у самого маіора ставочокъ, млиночокъ, садочокъ, а ^{домикъ} что твоя писанка,—чистенькій, бѣленькій, только смотри да любуйся! А что-же, еслибъ у него еще и хозяйка была-бы жива, а то онъ самъ за всѣмъ хозяйничаетъ: правда, былъ у него сынокъ, по то что? еще можно сказать дитина, да и то не на глазахъ росло, а было гдѣ то въ школахъ, не знаю, въ Кіевѣ или ^{Нѣжинѣ}.

— А были они съ нашимъ покойнымъ великіе пріятели. Бывало, или нашъ у него, или онъ у нашего, куска хлѣба не съѣдятъ врозь, все вмѣстѣ. На праздники пріѣзжалъ къ нему гостить и сынъ изъ школы, и только слава, что пріѣзжалъ къ отцу, а у насъ бывало и днюетъ и поуетъ; ^{изъ} моею Катрусеею, бывало, и въ полѣ, и въ саду, и въ покояхъ, одно безъ другаго никуда; я, бывало, гляжу на нихъ, та и думаю: вотъ вырастаетъ парочка такъ, что на диво. Они просто одно для другаго на свѣтъ Божій роди-

лися. Тукъ думалъ и маіоръ, такъ думалъ и нашъ Демьянъ Федоровичъ, а про дѣтей и говорить нечего; да всѣ такъ думали, да не такъ думала Катерина Лукьяновна. Она спала и видѣла своего зятя или князя или генерала, а о другихъ и думать не хотѣла! Бывало, когда ему бѣдному приходило время отправляться въ школу, то Катруся моя уже за недѣлю пачинаетъ плакать, а когда онъ уѣдетъ уже совсѣмъ, то она просто въ постель ляжетъ, и долго послѣ того не ѣстъ, ни пьетъ ничего, Богъ ее знаетъ, чемъ она и жива была.

— Такъ-то они мои голубушки росли, да и выросли вмѣстѣ, да и полюбилися, сердечные, на свое безголовье. Господи! я уже въ *домовину* смотрю, а когда вспомню про нихъ, моихъ пташечекъ, то какъ будто снова молодѣю. Бывало уже передъ тѣмъ, какъ имъ надо разставаться, сойдутся себѣ въ саду, стануть гдѣнибудь подъ липою, или подъ берестомъ, обнимутся, поцѣлуются и долго, долго смотрять другъ другу въ очи, а слезы у обоихъ изъ очей такъ жемчугомъ и катятся; знать они чувствовали, что не дадутъ имъ жить одному для другаго.

— Вотъ онъ уже кончилъ свою школу, покойный губернаторъ Катериничъ взялъ его къ себѣ въ Кіевъ, опредѣлилъ его въ какую-то палату. Не умѣю вамъ сказать, для чего онъ его опредѣлилъ въ палату; вотъ онъ пробылъ годъ въ той палатѣ, а на другой годъ пріѣзжасть къ намъ въ гости, да и давай сватать мою Катрусю. Демьянъ Федоровичъ, царство ему небесное, таки сразу согласились и говорятъ, что лучше мужа нашей Кати не пайти и за морями, и правду говорили. Такъ что-жь сама,—не Катруся сама, Боже боропи! а сама Катерина Лукьяновна—уперлася и руками и ногами. Какъ! закричить бывало, чтобъ я свою единственную дочь отдала за *какого* нибудь хуторянина, за *трешкосія!* нѣтъ, я лучше въ гробъ ее положу, чѣмъ увижу ее, мою милую Катеньку, на хуторѣ Ячнаго! Что она тамъ будетъ дѣлать, индиковъ кормить, гусей загонять? нѣтъ, не для того я ее на свѣтъ породила, не для хутора Ячнаго я ее воспитывала... крикнетъ, бывало, и запрется въ своѣмъ покою на цѣлый день; а онъ самъ около нея и такъ и сякъ, нѣтъ, хоть и не подходи, знай свое *провадитъ*. Князя или генерала, да и только! Покойный Демьянъ Федоровичъ хотѣлъ было уже безъ ея согласія перевѣнчать, да знать Богъ не судилъ ему это доброе

дѣло сдѣлать. О Рождествѣ онъ заболѣлъ, вернувшись изъ Козельца, а на средокрестной и Богу душу отдалъ.

— Господи! и теперь страшно вспомнить! Какъ онъ уже на вѣчной постели просилъ ее, чтобы не отдавала Кати ни за князя, ни за генерала, а чтобы отдала ее за молодого Ячнаго, или за кого другаго, только за свою ровню. Нѣтъ та^ки, поставила на своемъ.

На тотъ грѣхъ, какъ разъ въ чистый четвергъ, вступила драгуня въ Козелець, да и заквартировала по хуторахъ и по селахъ на все лѣто. Да драгуня-жь эта была! чтобы она къ намъ никогда не возвращалась. Да таки дала себя знать эта проклятая драгуня! не одна чорнобровка умылася слезами, прожовавши эту Иродову драгуню; въ одномъ нашемъ селѣ осталось четыре *покрытки*, а что же въ Оглавѣ да въ Гоголевѣ? тамъ я думаю и не пересчитаешь!

— Горе намъ! горе намъ съ тѣми драгунами, промолвилъ хозяинъ, наливая чарку сливянки.

— Да и теперь страшно вспомнить, продолжала старунка; разъ сидимо мы къ вечеру всѣ трое въ гостиной, я, кажется, карпетку вязала, Катерина Лукьяновна сидѣла такъ, а Катруся книжку читала, та такую жалобную—чуть-чуть я не заплакала, про какого-то запорожца Киришу, или про Юрія, не помню хорошенько, только очень жалобно. Вотъ уже дочиталась она, моя рыбонька, какъ того Юрія запорожца заковали въ кайданы и посадили въ темницу, только глядь, смотримъ—входитъ въ комнату драгунъ, высоченный, усатый, а морда иначе те *решето*, гладка та червона, здавалась червоныше одъ воротника, що пришитый до его мундира. Я, говорить, такой-то и такой князь Мордатый; мы сами видимъ, что ты мордатый, думаю себѣ. Я, говорить, покупаю овесъ и сѣно, нѣтъ ли у васъ овса и сѣна продажного? Есть, говорить Катерина Лукьяновна,—прошу садитесь. Вотъ онъ себѣ и сѣлъ, а мы съ Катрусей ушли въ другую комнату дочитывать книжку; только что начала читать, а въ комнату входитъ Катерина Лукьяновна и говорить: вотъ тебѣ, Катенька, и твой суженый. Мы какъ сидѣли, такъ и обмерли; какъ уже у нихъ было въ тотъ несчастный вечеръ и какъ онъ сватался, мы ничего не знали, только съ того самаго вечера—князь къ намъ пачаль фздить каждый Божій день и рано и вечеромъ. А молодого Ячнаго, когда прѣдетъ онъ, бывало, изъ

Кіева, и на дворъ не пускали; ходить бывало по-за садомъ, да плачетъ, а мы глядя на него, и сами въ слезы. Что жъ? не помогли и слезы, а ни, ни; Катерина Лукьяновна таки поставила на своемъ; какъ разъ черезъ годъ послѣ смерти Демьяна Федоровича, на великодныхъ святкахъ, просватала за князя мою безталанну Катрυσю.

— И можно таки сказать, что безталанница: отъ всего добра, отъ всей роскоши только и осталось, что два витряка, да и сама еще, Богъ знаетъ, останется ли въ живыхъ,—говорилъ хозяйинъ какъ-бы самъ про себя, наливая рюмку сливянки.

— А вотъ какъ было, Степановичу! На Фоминой недѣли ихъ и повѣнчали; плакала, плакала она, моя безталанница, да что! знать, такъ Господу угодно было, не умолила она Его милосердаго; знать, Господь Богъ любя наказуетъ. На другой день послѣ свадьбы переѣхалъ онъ къ намъ изъ Козельца, и денщикъ его Яшка, такой скверный, оборванный, тоже съ нимъ переѣхалъ, и только и добра было съ ними, что преогромная бѣлая кудрявая собака, юфтовый зеленый кisetъ и длинная трубка. Съ того же дня и началось новое господарство.

На этомъ словѣ старушка остановилась, и помолчавъ немного, перекрестясь сказала:

— Господи! прости меня непрощенную грѣшницу! за что я осуждаю человѣка, ничего мнѣ злаго не дѣлавшаго... А какъ подумаю, такъ онъ и мнѣ таки не мало надѣлалъ зла. Онъ, прости ему Владыко милосердый;—тутъ она слова перекрестилась,—онъ душегубецъ, загубилъ мое одно единственное сокровище, мою одну единственную любовь! И никого никогда да свѣтъ такъ не любила, какъ полюбила ее, мою горькую, мою бездольную Катрυσю. Одна моя единая радость, одно мое единое было сладкое счастье видѣть ее счастливою за мужемъ. И что-же? Слезы, слезы, слезы и посрамленіе, а все мать! всему причиною одна родная мать; захотѣлось ей, видишь-ли, свою единственную дочь увидѣть княгиней; ну, вотъ тебѣ и княгиня! любуйся теперь на свою княгиню! любуйся теперь на прекрасное свое село, на свой садъ зеленый, на свой домъ высокий! любуйся, Катерина Лукьяновна! любуйся на свои хорошія дѣла, ты, ты одна все это натворила.

— Та цуръ ий, Микитовна, не згадуй се, нехай ий лихо снися; резсказувайте, що тамъ дальше буде?

— Охъ! я не знаю, какъ мнѣ и рассказывать, потому что тутъ пойдетъ все такое страшное, скверное, что и подумать грѣшно, а не то что рассказывать.

— Расскажуй уже, Микитовна, до краю, а то—такъ не треба було и зачинать, говорилъ хозяйнъ, наливая рюмку сливянки и поднося ее рассказицѣ.

— Спасибо, спасибо Степановичу, я вже моими слезами пьяна.

— А не хотите, то якъ хотите, такъ мы съ добродіемъ выпьемъ; а вы тимъ часомъ расскажите, якъ воно зачалося у васъ то новое господарство,—говорилъ хозяйнъ, подчужа меня сливянкой.

— А началось вотъ какъ, проговорила старушка, и помолчавши, почти закричала.

— Ну, скажите вы мнѣ, люди добрые, чего сей грѣшницѣ не доставало? пани на всю губу, всякого добра и видимо и не видимо, купалася въ роскоши, такъ же нѣтъ, мало, дайте мнѣ зятя князя, а то умру, якъ не жадите; добула, выторговала, купила себѣ князя, продавши свою единственную дочь. О, матери, матери! вы забываете свои страданія при рожденіи дитяти, когда такъ не дорого продаете это дитя, которое вамъ такъ дорого обошлось!

Старушка замолчала, а хозяйнъ сказалъ:

Все воно такъ, Микитовна, а мы все таки не знаемъ, какъ у васъ началось новое господарство?

И она спокойно продолжала:

— А началось воно такъ, Степановичу, что князь въ комнатахъ завелъ псарню; вотъ какъ началось новое господарство! Всякій Божій день пиры да банкеты, бывало, свѣту Божьяго не видишь отъ табачнаго дыму, а о прочемъ и говорить ничего. А еще бывало, какъ зазоветъ къ себѣ на охоту всю свою драгунію изъ Козельца, то Господи и упаси! Забудутъ пьяные, грязные, скверные такіе, что не дай Богъ и во снѣ такихъ увидать. Да еще всякій возьметъ себѣ по деньщику такому-же скверному, какъ и самъ, и не день, и не два, и не три, а цѣлую недѣлю гостятъ. А что они за эту недѣлю надѣлаютъ въ домѣ, такъ я и рассказать стыжуся. Свининецъ, пастояцій свининецъ! Такъ что бывало вымывасмъ, да выкуриваемъ послѣ ихъ цѣлый мѣсяць. Отугъ то я только узнала, что значить драгунія. А Катерина Лукьяновна смотритъ на нихъ, да только себѣ улыбается, и больше ничего.

— Не прошло и мѣсяца, какъ онъ все уже къ себѣ забралъ въ руки. Ключи отъ комоды и леху были у его поганого Яшки; такъ что ежели чего захочется Катеринѣ Лукьяновнѣ, то пужно было просить Яшку. О тутъ-то она въ первый разъ заплакала, тутъ-то она увидѣла своего князя такимъ, какъ его надо было видѣть матери до свадьбы. Но она, гордая, и виду не показывала, что все видить. А когда бывало придется ей до скруту, не въ моготу, то она хоть черезъ великую силу, а все-таки улыбается и поворотить все *ог жарты*. А Катруся, моя бѣдная Катруся, сидитъ бывало въ своей комнатѣ и день и ночь, да такъ рѣкою и разливается. А онъ, и это не одинъ разъ, пріѣдетъ въ полночь изъ Козельца пьяный, да привезетъ съ собой жнда съ цимбалами, всѣхъ подыметъ на ноги, — танцуйте, кричитъ, хохлацкія души, танцуйте! а не то всѣхъ васъ передушу! Мы, бывало, съ Катрусеею убѣжимъ себѣ въ садъ лѣтомъ, а зимою не разъ мы ночевали въ мужицкой хатѣ.

— Мнѣ только вотъ что кажется чуднымъ, перебилъ ее хозяинъ, какъ вы не догадались его пьяного задунить, да сказали-бъ, что умеръ съ перепоею, или просто сгорѣлъ.

— Э, такъ, думаете, и сказать легко; а грѣхъ, а страшный судъ, Степановичу! нѣтъ, пускай себѣ умираетъ своею смертію, Богъ ему и судъ и кара, а не мы грѣшныя.

— Та воно то такъ, Микитовна, а бываетъ и вотъ еще какъ: одному разбойнику на исповѣди въ Кіевѣ чернецъ *задалъ* такую покуту ~~чи~~ *взиматию*: возьми, говоритъ, непрощенный грѣшнице, два камня, Свяжи ихъ до кумы сырецевымъ ремнемъ, перекинь черезъ плечи, и когда ремень перервется, тогда твои грѣхи будутъ прощены. Ото идетъ онъ съ теми камнями черезъ кладовище и видить, что на свѣжей могилѣ блудный сынъ мать свою проклинаятъ. Господи! говоритъ разбойникъ, не одного я добраго челоуѣка послалъ на тотъ свѣтъ, дай пошлю и этого злодѣя ругателя, и только что убилъ его, ремень какъ ножомъ перерѣзало. Вотъ что! прибавилъ онъ значительно. — Такъ что-же у васъ тамъ дальше происходило, Микитовна? сказала онъ, подвигая къ себѣ кухоль съ сливляцою.

— О, происходили, Степановичу, спивы, та плясы, та полуночные банкеты, и добанкетовались до того, что къ концу зимы нечего было на столъ поставить. Драгунія, знаете, наѣдетъ голодная, такъ

тутъ хоть *макитру* пустую поставь на столъ, то и ту съѣдятъ. Все, что не поставь, бывало, какъ метлою метутъ. А когда не успѣемъ, бывало, собрать со стола во время посуды, то и посуда полетитъ подъ столъ; скааано: пьяные люди! А самъ князь сидитъ себѣ за столомъ, та знай въ ладоши бьетъ, та кричитъ: ура!! Сначала я не понимала этого слова и думала, что онъ сердится и ругаетъ своихъ гостей, а вышло, что онъ радъ быть, когда они пустишили его добро. Вотъ такъ то они всю зиму просодомили, та прогоморрили, а весною смотримъ, наше поле не зеленѣетъ; ни трава, ни жито, ни пшеница не зеленѣютъ. Прошли и зеленые свѣтки, а поле черное, какъ будто на немъ ничего и не сѣяно. Уже и молебствовали, и воду въ криницахъ святили, нѣтъ, ни что не взошло. Посѣяли яровое, и зерно въ землѣ погубло. Народъ заплакалъ, скотина заревѣла съ голоду, и наконецъ собаки завыли и разбѣжались, и Господь знаетъ, откуда это волки взялися, и днемъ, и ночью такъ бывало и ходять по селу. Это было горе, всесвѣтное горе! Но намъ было горе двойное! Одно то, что люди въ селѣ пухли отъ голоду, издыхали, якъ ти собаки, безъ святыхъ исповѣди и причастія (отецъ Купріявъ самъ занедужалъ); а другое наше горе было то, что князь, ничего этого не видя, назоветъ къ себѣ гостей, свою драгунию изъ Козельца и съ людьми, и съ лошадьми, и съ собаками, да и кормить ихъ и поить цѣлый мѣсяцъ; а до того ему и дѣла нѣтъ, что у мужиковъ ни одной крыши не осталось на хатѣ, все скотина съѣла; въ лѣсу даже не осталось ни одного дерева живаго; всѣ деревья—и дубъ и ясьнь, и кленъ, и осика, ужъ на что верба горькая—и та была оскоблена и съѣдена людьми. О, Господи, что-то Господь дѣлаетъ съ человѣкомъ! Посмотришь бывало, совсѣмъ не человѣкъ ходитъ, а что-то страшное, звѣрь какой-то голодный, что и взглянуть на него нельзя безъ ужасу. А дѣти-то бѣдные, дѣти! просто пухли съ голоду; лаять бывало по улицѣ, какъ щенята и только и знаютъ одно слово: *паны, паны!*

Вы, можетъ быть, думаете, что у насъ хлѣба не было? мыши его ѣли въ скирдахъ и въ коморахъ; лѣтъ пять можно-бъ прокормить не только наше село, а весь Козелецъ. Такъ что-жъ ты будешь дѣлать? не дастъ людямъ: лучше, говорить, продамъ, когда вздорожаетъ, а люди нехайдохнуть, отъ нихъ прибыли мало. Кат-

руся моя бѣдная заикнется было сказать слово про людей... Молчать, закричить онъ на нее, какъ на свою бѣлую собаку; развѣ и не знаю, что дѣлаю? Она бѣдная и замолчить; выйдетъ въ другую комнату да въ слезы, а я на нее глядя, и себѣ туда-же. Что будемъ съ нимъ дѣлать, сказано звѣрь, а не человѣкъ; и Богъ святой знаетъ, какъ она еще бѣдное дитя выносила!

— Она была тогда уже на износѣ, этимъ самимъ дитямъ, что вы сегодня видѣли, говорила она, обращаясь ко мнѣ, и когда бывало онъ заснетъ пьяный, то она, дрожа, на цыпочкахъ пройдетъ мимо его въ свою комнату, упадетъ на колѣни предъ образомъ скорбной Божіей Матери помолиться, и такъ горько заплачетъ, такъ горько, такъ тяжко, что я и не видѣла никогда, чтобъ люди такъ плакали. Мнѣ даже страшно дѣлалось. А когда онъ поѣдетъ на охоту съ своею драгуніею, тогда мы возьмемъ себѣ по мѣшку хлѣба печеного, я еще бывало говорю ей, не берите, не поднимайте черезъ силу, вы сами видите, какіе вы; я одна понесу; ничего, говоритъ, Микитовна (она меня тоже Микитовой звала), ты только показуй, у кого есть маленькія дѣти и старыя, немощныя люди. Вотъ мы и пойдемъ по хатамъ. Господи! чего я тамъ не насмотрѣлась... Голодная мать вырываетъ изъ рукъ хлѣбъ у своего умирающаго дитяти! и волчица, я думаю, этого не дѣлаетъ,—что значить голодь!!

— Разъ зашли мы въ одну хату. О! я этой хаты, пока живу на свѣтѣ, не забуду! отворили мы двери, на насъ такъ и пахнуло пустою. Входимъ и видимъ: по срединѣ хаты на полу лежатъ двое худыхъ, прехудыхъ дѣтей, только однѣ колѣни толстыя. Одно уже совсѣмъ кончалось, а другое еще губками шевелить, а около нихъ сидитъ мать простоволосая, худая, блѣдная, въ разорванной рубахѣ и безъ *запаски*; а глаза у нее, Господи! какіе страшныя, и она ими не смотритъ ни на дѣтей, ни на кого, а такъ Богъ знаетъ на что смотритъ. Когда мы остановились на порогѣ, она какъ будто взглянула на насъ и закричала: не треба, не треба хлѣба. Я вынула изъ мѣшка кусокъ хлѣба и подала ей. Она молча обѣими руками схватила его, задрожала и поднесла къ губамъ умершаго дитяти и потомъ захохотала. Мы вышли изъ хаты.

— Да вы таки, Микитовна, видѣли на своемъ вѣку багато де чога!—говорилъ хозяинъ, съ участіемъ глядя на старушку.

— И не говорите, Степановичу! не приведи Господи никому того видѣть, что я видѣла.

— Господь его милосердный знаетъ, продолжалъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ, какъ это воно все мудро, да хитро устроено на свѣтѣ! Я про себя скажу, меня эти проклятые, голодные года просто, на ноги поставили. У меня своего хлѣба таки было довольно, да у людей еще прикупишь, какъ будто зналъ, что будутъ неурожаи. Вотъ какъ настала голодный годъ, ко мнѣ всё и сунулись за хлѣбомъ; я хотя и вчетверо продавалъ дешевле, нежели паны жидамъ продавали, а все таки выручилъ порядочную копѣйку. Чумаки мои одну зиму зимовали съ худобою на Дону, а другую перезимовали за Днѣстромъ, а тамъ голоду не було; волю, слава Богу, и чумаки вернулись живы и здоровы, еще и соли и рыбы мнѣ привезли, а хлѣбъ святой дома проданный. Вотъ у меня и гроши, и скотина, слава Богу, жива; такъ дѣлается на свѣтѣ, такъ дивно, прибавилъ онъ, обращаясь къ рассказщицѣ.

— Такой ужъ вамъ таланъ, Степановичу! сказала она, вздыхая; за то вамъ Господь и посылаетъ, что вы въ нуждѣ людей не оставляете. Вотъ хоть-бы и я теперь, если-бы не вы, куда-бы я приклонилася съ этою бѣдною сиротою; хоть съ горы, та въ воду...

— Господь съ вами, Микитовна! мы свои люди! съ кѣмъ-же намъ дѣлиться, какъ не съ вами? а тымъ часомъ ~~расскажутъ~~ ^и дайте Микитовна, а то може нашему гостю ^и заснуть треба,—говорилъ онъ, на меня поглядывая.

— Кое-какъ прошло лѣто, продолжала старушка, осени мы и не видѣли, разомъ наступила зима, да лютая такая, да жестокая; и холодъ и голодъ разомъ посѣтили насъ. Лѣсъ ободраный весь высохъ, а князь, нашъ хозяинъ, запретилъ его на дрова рубить.— Кто, говорить, хоть вѣточку срубить, того, говорить, въ гробъ вгнѣю. Лѣсъ славный, сухой, лѣтомъ примусь, говорить, палаты себѣ строить. Я люблю просторъ, мнѣ нуженъ дворецъ, а не лачуга хохлацкая, въ которой я теперь ~~живу~~ ^{живу}, какъ собака въ канурѣ. И люди бѣдные и мерзли и мерли, а что съ нимъ будетъ дѣлать? сказано папъ, что хочеть, то и дѣлаетъ.

— На первой недѣли Филиповки ~~разрѣшилась~~ ^{разрѣшилась} она отъ бремени и не хотѣла взять мамку, а сама кормила свое дитя. Вскорѣ послѣ крестинъ поѣхалъ онъ въ Козелець къ товарищамъ и прогостилъ

у нихъ цѣлую недѣлю. Отдохнули мы безъ него немного, слава Богу; только ночью, мы уже спать легли, прїѣзжаетъ онъ, ломится въ двери, да кричитъ; я вскочила, отворила дверь, достала огня, только смотрю, какая-то женщина съ нимъ въ картузѣ и въ офицерской шинели; какъ крикнетъ онъ на меня: что ты, говоритъ, глаза вытаращила, пошла вонъ дура! я и ушла въ свою комнату.

На другой день, за чаемъ, онъ сказалъ Катрусѣ:

— Знаешь, душенька, какой сюрпризъ мнѣ сдѣлала сестрица? не написавши мнѣ ни слова, что хочеть съ тобою лично познакомиться, взяла да и прїѣхала, какъ говорится, не думавши. Такая, право, вѣтренница! И вообрази себѣ, на перекладныхъ вѣдь прїѣхала,—настоящая гусарь-баба, просто одолжила. Вчера, вообрази себѣ, подхожу я къ почтовой станціи, смотрю, тройка у воротъ стоить совсѣмъ готовая. Я остановился, дай, думаю, посмотрю, кто такой поѣдетъ, только смотрю, выходитъ дама. Я, знаешь, этакъ тово... ты прости меня, душечекъ, проклятая привычка! Смотрю... и представъ себѣ мой восторгъ! это была моя сестра... тутъ мы, разумѣется, бросились въ объятія другъ другу!

— А я и не знала, что у тебя есть сестра, проговорила Катруся.

— Какъ-же, есть, и не одна, а двѣ. Одна замужемъ, за графомъ Горбатовымъ, та постоянно живетъ въ столицѣ при дворѣ; она-бы тоже ко мнѣ прикатила, но, знаешь, нельзя, она слишкомъ замѣтна на дворѣ. Я тебѣ, душенька, свою сестрицу сейчасъ представлю.

Какъ полотно поблѣднѣла моя бѣдная Катруся; она вѣрно догадалась, какаѣ это будетъ сестрица... Черезъ минуту онъ ввелъ подъ руку жепцину, не знаю молодую, не знаю старую, за бѣлилами та румянами нельзя было узнать; рекомендую тебѣ, душенька, кпяжна Жюли Мордатова.

И она вертляво поклонилась, проговорила что-то, не знаю по русски, не знаю по польски, я ничего не разобрала, да Катруся, думаю, тоже, потому, что она ей и головою не кивнула, а только поблѣднѣла пуще прежняго.

— Ты извини се, мой другъ, она у меня еще шститутка, по русски почти слова не выговорить, а въ высшемъ кругу въ русскомъ языкѣ никакой нѣтъ надобности. Да я про себя скажу, я до двадцати лѣтъ не умѣлъ по русски двухъ словъ сказать, у насъ

въ Грузіи все равно, что и въ столицѣ: никто по русски не говоритъ, все по французски, такая мода, мой другъ; мы и нашего крошку въ столицу въ институтъ пошлемъ; не правда-ли?

— Катруся не могла долѣе вытерпѣть, она молча встала и ушла въ дѣтскую, и я ушла за нею; а Катерина Лукьяновна осталась съ своими князьями. Я была-бы счастлива, Степановичу, если-бы забыла то, что у насъ творилось въ домѣ. Но Богъ меня, не знаю за что, памятью наказалъ.

Послѣ этой проклятой сестры, я ни на одну минуту не оставляла Катрусю, да и она, моя безталанница, съ той поры ни шагу не выступала изъ своей комнаты. Господи! Святая Катерина великомученица, страдала-ли ты такъ, какъ она, моя бѣдная Катруся страдала? Бывало день плачешь, ночь плачешь, я уже не знала, что съ нею и дѣлать; вотъ она плакала, плакала, да и начала уже въ умѣ мѣшаться, я хотѣла было ребенка отнять отъ груди, нѣтъ, не даетъ; умру, говоритъ, съ нимъ вмѣстѣ, пускай меня въ одну труну положить съ нимъ, пускай, что хотять, дѣлають, а его никому не отдамъ; что-же мнѣ было съ ней дѣлать? Я такъ и оставила дитя; смотрю только, бывало, да плачу. Катерина Лукьяновна тоже бывало зайдетъ въ нашу комнату, посмотритъ на свою княгиню и хоть была гордая, не выдержитъ, заплачетъ и выйдетъ изъ комнаты.

А тутъ-же рядомъ въ другихъ комнатахъ пѣсни, та музыка, точно въ корчмѣ на перекрестномъ шляху, а жидовка Хайка, что князь называлъ своею сестрицею, такъ и носится съ драгунами, и поеть, и пляшетъ, и всякіе фигуры выдѣлываетъ, отвратительная— даже трубку курила.

— Катруся моя бѣдная сначала показывала видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ; а послѣ уже съ сердечной и не въ моготу стало, да что станемъ дѣлать съ такимъ уродомъ. У нашей сестры, сказано, однѣ слезы, ничего больше не осталось; а слезы что? вода. Охъ! Не одну рѣку пролила она этой горькой воды, а охъ какъ ни въ чемъ не бывало, зайдетъ къ ней иногда, да еще спрашиваетъ: какъ ты себя чувствуешь? Какъ будто ослѣвъ, прости ты меня, Господи, не видитъ, что се бѣдную едва ноги носятъ. Не послать-ли другъ мой въ Козелецъ за полковымъ штабъ-докторомъ? — Не нужно, скажетъ она да и замолчать. — Ну, какъ знаешь, это

твое дѣло, а не мое, я въ твои дѣла, другъ мой, никогда не мѣшаюсь, скажетъ бывало и уйдетъ, хлопнувши дверью.

— Только мы и свѣтъ Божій видѣли, когда онъ бывало уѣдетъ куда нибудь недѣли на двѣ, на три къ своимъ товарищамъ драгунамъ; тогда мы безъ него вымоемъ, выскоблѣмъ поля и вывѣтримъ хоть немного покой, а то просто конюшня конюшнею. Разъ онъ ночью тоже прѣхалъ и привезъ съ собою другую сестру, уже не жидовку, а полячку, или цыганку, кто ее знаетъ; помню только, что была черная, и хотѣлъ тоже рекомендовать Катрусѣ; только она его и въ комнату не пустила.

Зима уже близилась къ концу; какъ разъ на середокрестной мужики наши, собравшись громадою, пришли къ нему просить зерноваго хлѣба для посѣвы, что ежели, говорятъ, Богъ уродитъ, то они ему его добро возвратятъ седмерицею; куда тебѣ, и выговорить слова не далъ, прогналъ ихъ бѣдныхъ, да еще и собаками прѣтравилъ. Хотѣла было вступиться за нихъ сама Катерина Лукьяновна, да какъ онъ гаркнетъ на нее: молчать, говорить, не ваше дѣло, я самъ знаю, что я дѣлаю, я въ ваши чепцы, да кофты не мѣшаюсь, такъ прошу не вмѣшиваться и въ мои распоряженія. Сказавши это, кликнулъ своего Яшку и велѣлъ закладывать тройку, чтобы ѣхать къ своимъ драгунамъ.

— Когда онъ уѣхалъ, Катерина Лукьяновна пошла въ кдуню, чтобы выбрать полускирдокъ жита и пшеницы, да и велѣтъ молотить мужикамъ для сѣменъ; она думала, что онъ по своему обыкновенію долго проѣздитъ; посмотрѣла около клупи, и половины скирдъ хлѣба не досчитала. А куда-же все это дѣлося? спрашиваетъ она у токового. А токовой отвѣчаетъ, что самъ князь, по частямъ, все жидамъ продавалъ, да половину уже и продалъ, и солому, и полю, все продалъ жидамъ, а жидъ, разумѣется, солому драгунамъ, а полю, напимъ-же мужикамъ, а они, бѣдные, и половѣ были рады. Катерина Лукьяновна выбрала одну скирду жита, а другую пшеницы, и велѣла мужикамъ молотить; только поскорѣе, говорить, молотите, а то прѣдетъ князь, такъ онъ не дастъ вамъ ничего; — такъ и сталось. На другой день, только что начали молотить, глядь, въѣзжаетъ самъ на дворъ. Что вы дѣлаете, мошенники? крикнулъ на нихъ, какъ вы посмѣли? кто вамъ приказалъ? я васъ! Да какъ выхватилъ нагайку у кучера, или у Яшки, да какъ при-

нялся молотниковъ молотить такъ, что ни одного на току не осталось, всё разбѣжались. Досталось же и Катеринѣ Лукьяновнѣ за эту молотѣбу; она бѣдная три дня съ постели не вставала. Послѣ этого онъ уже все дома бенкетоваль, никуда не ѣздилъ ажъ до зеленыхъ святъ. А на самой зеленой недѣли и выѣхалъ онъ куда то съ своимъ Яшкою. Катерина Лукьяновна опять послала за мужиками и велѣла имъ намолотить хоть сколько нибудь яроваго хлѣба для посѣва, потому что, благодаря Бога, дожди перепадали и земля таки порядочно позеленѣла. Только что принялися они молотить просо и гречиху, какъ въ тотъ-же день возвращается онъ самъ, а за нимъ видимо-невидимо драгунія, какъ орда тая за Мамаемъ валить. Кто на мужицкомъ возу, а кто такъ просто безъ сѣдла верхомъ, а деньщики-тѣ бѣдные пѣшкомъ и босикомъ, только съ трубкою да кисетомъ въ рукахъ плелися за своими драгунами. Какъ только что на порогъ онъ вступилъ, кликнулъ своего Яшку и приказалъ ему, чтобы къ тремъ часамъ былъ готовъ обѣдъ на 50 персонъ, къ тремъ часамъ непременно, а ужинъ въ вечеру на 100 персонъ, тоже чтобы былъ готовъ непременно. Для обѣда и для ужина столъ накрой въ саду; полно, говорить, въ этой конюшнѣ валяться, теперь можно и на подножный выдти;—а червонцами такъ и гремить въ карманахъ. Да слушай, говорить, скажи прикащику, чтобы завтра всѣхъ мужиковъ выгналъ хлѣбъ молотить. Нужно весь перемолотить, сколько его ни есть. Вотъ тутъ мы догадались, откуда у него червонцы взялись. Неужели онъ весь хлѣбъ продалъ? говорить Катерина Лукьяновна; что-же люди бѣдные посѣютъ?

— А драгунія тымъ часомъ, со всею своею *мизерією*, не заходя въ покои, отправилася прямо въ садъ, а потомъ на травѣ лежала и сквернословила, та трубки куритъ, пока онъ не велѣлъ имъ вынести водку; всё стулья и столы тоже въ садъ вынесли; велѣлъ было изъ спальни все забрать, да мы замкнулись и не пустили его къ себѣ. Онъ выругался по своему, по московскому, и оставилъ насъ въ покоѣ, пока приготовляли обѣдъ; драгунія гуляла по саду и пила водку, разставленную чуть-ли не подъ каждымъ деревомъ въ большихъ графинахъ, а другіе гости тоже пили водку и въ карты играли; нашъ князь съ ними тоже пилъ и игралъ въ карты, и всё червонцы, что получилъ отъ жида, какъ задатокъ за хлѣбъ, про-

игралъ, потому что бросилъ на землю карты и вышелъ изъ-за стола, а товарищи его захохотали. Все это я въ окно видѣла.

Смеркалось уже, когда Яшка съ другими деньщиками начали накрывать на столъ; поставили столы, а на столы положили длинныя доски, простыя дубовыя доски и покрыли ихъ холстомъ, потому что у насъ хоть и была длинная скатерть, но Катерина Лукьяновна не дала ее, чтобъ не испортили пьяные гости, а скатерть была дорогая; поставили на столъ въ трехъ мѣстахъ свѣчи, а чтобъ свѣтлѣе было, поставили по концамъ длиннаго стола смоляныя бочки и зажгли ихъ, и только что вся драгунія сѣла за столъ, откуда не возмись полковые трубачи, да какъ грянуть, такъ только земля задрожала! Не успѣли они и одного маршу проиграть, смотрю, клуныя наша загорѣлась; смоляныя бочки такъ и сыплютъ искры на скирды и на клуныю, а гости смотреть и чрезвычайнѣо пьяные, знай, хохочуть да кричатъ ура!

— Катрусъ! говорю, сердце мое, посмотрите, говорю, клуныя наша горитъ, чтѣ мы будемъ дѣлать? Смотрю, а она—не живая; я къ Катеринѣ Лукьяновнѣ, и та безъ чувствъ лежитъ, я на нее брызнула холодною водой, она очнулась. Спасайте, говорю, Катрусю съ младенцемъ, а то сгоритъ. Скирды уже всѣ загорѣлись, скоро дойдетъ и до дома. На силу-то, на силу, мы ее въ чувство привели, взяли ее подъ руки и вывели изъ дому. Я хотѣла было дитя взять у ней, но она его изъ рукъ не выпускала и только что шептала: не дамъ, никому не отдамъ, сама его похороню. Мы испугались, она какъ-то страшно все это шептала. Мы повели ее черезъ греблю, прямо къ вамъ, Степановичу, въ хату, дай вамъ Богъ доброе здорье,—сказала она, обращаясь къ хозяину, и уже изъ вашей хаты я видѣла это проклятое пожарище.—И Господь его знаетъ, откуда тотъ вѣтеръ взялся; снопы такъ прямо и летѣли на будинокъ изъ скирды, а потомъ вѣтеръ какъ будто переимѣнился, когда загорѣлись будинки и поворотилъ прямо на хаты. Черезъ минуту все село запылало. Пропали мы, говорю я моей Катрусѣ; а она, бѣдная моя, лежитъ, только головою мнѣ киваетъ и языка во рту не поворотить. Катрусю! Катрусю! кричу я,—не слышитъ; я стою не жива, не мертва. Катрусю! еще проговорила я; она вдругъ вскочила, посмотрѣла вокругъ себя, да какъ бросить своего бѣднаго ребенка на полъ и какъ закричить не своимъ голосомъ, да и ну на себѣ во-

лосы рвать. Я вижу, что она не въ своемъ умѣ, взяла дитя и вынесла въ другую хату, а ее, бѣдную, мы со Степановичемъ кое-какъ уласкали, да завернули ее въ рядно, да и стали лить ей холодную воду на голову; она пришла въ себя да и говорить: не буду, не буду! а что и чего не буду, она и сама не знала, что говорила. Потомъ она захохотала, потомъ начала пѣть, а потомъ заплакала, да такъ жалобно, такъ страшно заплакала, что мы выбѣжали изъ хаты... такъ она промучилась до самого разсвѣта. Передъ зорницею, она немного успокоилась, а я тѣмъ временемъ сѣла у окна и смотрѣла, какъ наше бѣдное село догораетъ; надъ нимъ кое гдѣ только дымъ дымился, ничего не осталось! И домъ, и кухня, и село—все пропало, остались одни дымари да печи отъ господскаго дому, а отъ мужичьихъ хатъ и того не осталось, потому что у нихъ не каменные. Остался только садъ, почернѣвшій отъ дыму, стоитъ себѣ въ сторонѣ, да такой черный и страшный, что я и смотрѣть на него боялася. Заплакала я грѣшная, глядя на это пожарище: что будемъ дѣлать! На все Его святая воля! Разбудила я Катерину Лукьяновну и говорю ей: что же мы теперь будемъ дѣлать? гдѣ мы приютимся? куда мы дѣнемся съ напеею бѣдною Катрусеею?— А что? говорить она.—А то, говорю я, что она не въ своемъ умѣ, что она помѣшалася.—А ребенокъ?—говоритъ она. Ребенка, говорю я, я отъ нея отнесла, а то она его чуть не задушила.

Вскочила она и простоволосая выбѣжала на дворъ и кричить, чтобы бричку скорѣе заложили. Только видить, что дворъ чужой, она и замолчала, посмотрѣла на ту сторону гребли, ахнула, затрепетала и какъ не живая упала ко мнѣ на руки. Когда пришла въ себя, то сказала, гдѣ-же княгиня? (она всегда ее такъ называла) покажи мнѣ ее. Мы пошли въ комору, гдѣ была заперта Катрусей. Когда мы вошли къ ней, то она сидѣла на полу въ рубашкѣ и съ растрепанной косою, и вся, какъ огонь, горѣла, не смотря на то, что въ коморѣ было довольно таки холодно; въ рукахъ держала она свое искожаное платье и прижала его къ груди своей. Когда мы вошли, она взглянула на насъ и попотомъ сказала: спать, спать, не будите! Мы вышли изъ коморы; страшно было смотрѣть на нее бѣдную; а Катерина Лукьяновна, какъ ни въ чемъ не бывало, и не вздохнула даже, а пикто другой, какъ она сама всему причиной; не осуди ее, Господи, на твоемъ праведномъ судѣ!!

— Помолчавши, она обратилась ко мнѣ и сказала: Марино! нужно достать гдѣ нибудь бричку и лошадей, да отвезти ее въ Черниговъ, или въ Кіевъ. До Кіева, кажется, ближе, но гдѣ мы лошадей и бричку достанемъ? хоть-бы телѣгу какую нибудь.—А лошадей, говорю я, намъ и Степановичъ дастъ; только брички у него нѣтъ, а простая мужицкая повозка есть. Попроси, говоритъ она, хоть крестой повозки.

И выпросила у Степановича, спасибо ему, и коней и повозки, положили мы въ повозку сѣна да покрыли рядомъ и положили ее бѣдную въ повозку; около нее сѣла сама Катерина Лукьяновна, да и повезли ее въ Кіевъ, въ кириловскій монастырь. Вотъ тебѣ, Катерина Лукьяновна, и княгиня. Теперь любуйся ею!

Старушка замолчала и тихо заплакала! А хозяинъ прибавилъ:

— Да таки нечего сказать, хорошая княгиня!

— А что-же сталося съ княземъ? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ!—отвѣчала старушка: предъ Пѣтромъ, драгуниа выступила въ походъ изъ Козельца, то можетъ быть и онъ выступилъ съ нею, только мы его съ той ужасной ночи уже не видали.

— И князь хорошій, нечего сказать,—прибавилъ хозяинъ, хоть-бы дитя провѣдалъ, проклятый.

— Господь съ нимъ, пускай лучше не провѣдываетъ,—сказала старушка и выходя изъ хаты, пожелала намъ покойной ночи.

На другой день по утру, пока мой жидокъ подмазывалъ бричку и запрягалъ свои тощія лошади, я сидѣлъ подъ хатою на завалинѣ и смотрѣлъ на противоположный берегъ Трубежа, на грустные остатки погорѣвшаго села, невольно восклицая: вотъ тебѣ и село! вотъ тебѣ и идиллія, вотъ тебѣ и патриархальные нравы! И тому подобныя восклицанія срывались у меня съ языка, пока бричка не высунулась на улицу. Поблагодаривъ хозяина за его безкорыстное гостепрѣимство, я отправился своей дорогой.

Черезъ нѣсколько дней я былъ уже въ Кіевѣ и поклонившись свитымъ угодникамъ печерскимъ, въ тотъ-же день посѣтилъ кириловскій монастырь, и увы! лучше было-бъ не посѣщать его. Я слишкомъ убѣдился въ горькой истинѣ печальнаго этаго разсказа, такъ не отрадно привѣтствовавшаго меня на моей милой родинѣ.

ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РЪЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.).

Козацкія возстанія одинаково польскіе, какъ и русскіе историки считаютъ одною изъ главныхъ причинъ ослабленія и гибели обширнаго и могущественнаго нѣкогда королевства польскаго. Чтобы понять эту неоспоримую истину во всей ея полнотѣ и исторической дѣйствительности, необходимо взять во вниманіе значеніе козачества въ исторіи южно-русскаго народа и положеніе этого послѣдняго въ общемъ строѣ государственной жизни Польши. Козачество высшей стороною своей жизни неопровержимо доказываетъ, что оно было выразителемъ государственно-общественныхъ идеаловъ южно-русскаго народа, а эти идеалы шли въ разрѣзъ съ исторически-слагавшимся государственнымъ строемъ Польши. Правда, тамъ и здѣсь въ основѣ высшихъ стремленій лежали самая широкая свобода и равноправность, но по понятіямъ козачества она должна была доходить до самыхъ низшихъ слоевъ и членовъ общины, въ государственномъ-же строѣ Польши свобода была удѣломъ весьма не многихъ, именно одного шляхетскаго сословія, и разширялась то путемъ ограниченія королевской власти, доведенной до совершеннаго безсилія, то путемъ порабощенія народныхъ массъ, лишенныхъ всѣхъ правъ и безответныхъ предъ своими властителями. Но если и въ коренной Польшѣ такой строй вызывалъ частыя возбужденія народныхъ массъ, то тѣмъ болѣе онъ не могъ быть сносимъ народомъ южно-русскимъ, историческія традиціи котораго были совсѣмъ иныя. Козачество было хранителемъ этихъ традицій, обере-

гало права народа и вело со всякими притѣснителями его упорную борьбу, доколѣ собственная его жизнь не была подмыта иными историческими теченіями. Напрасно ставятъ козацкія возстанія въ исключительную связь съ началомъ уніи и преслѣдованій за вѣру; послѣднія были только однимъ изъ мотивовъ борьбы, усиливали ее, давали ей особый колоритъ, но начало борьбы раньше и основы ея глубже. Выдвинувшись на южную оконечность родной страны для защиты отъ набѣговъ татарскихъ, отраженіемъ ихъ Запорожье не ограничивало своей дѣятельности, но въ видахъ борьбы съ тѣми-же врагами предиринимало заграничные походы, вступая въ иностранную службу; когда-же правительство, давшее ему организацію и желавшее по своему регулировать его дѣятельность, подъ давленіемъ внѣшнимъ, закрывало для него границу, ограничивало его свободу, стѣсняло его дикую силу, оно обращало ее внутрь страны, живо откликалось на всѣ движенія народной жизни, вело борьбу противъ преобладающаго класса *пановъ*, не различая между ними поляковъ и русскихъ, разоряло ихъ замки и имѣнія и уничтожало всѣ слѣды, особливо письменные документы ихъ владѣнія надъ тѣмъ, что считало оно всенароднымъ достояніемъ. Отъ того такъ популярно было козачество на всѣмъ пространствѣ южно-русскаго поселенія и увлекало за собою всюду массы народныя.

Такимъ характеромъ въ общихъ чертахъ запечатлѣны и первыя козацкія движенія. Есть особый интересъ въ послѣдовательной группировкѣ и безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ, обозначившихъ ихъ историческій ходъ, ибо по масштабу первыхъ козацкихъ движеній организовались всѣ дальнѣйшія, расширяясь постепенно во внѣшнемъ ходѣ своихъ дѣйствій, укрѣпляясь въ основныхъ своихъ принципахъ и приобрѣтая наконецъ характеръ общенародныхъ движеній. Козачеству, какъ и всему южно-русскому народу, не суждено было достигнуть своихъ политическо общественныхъ идеаловъ и только однажды, въ минуты полного торжества Хмельницкаго, онъ былъ не далеко отъ нихъ; но когда осуществленіе этихъ идеаловъ оказалось невозможнымъ, ихъ смѣнило стремленіе къ объединенію съ остальною Русью, съ ближайшею цѣлію спасенія вѣры и народности, и не безъ надежды сохранить и развить тѣ гарантированныя вновь „вольности“, изъ-за которыхъ велась дотолѣ столь ожесточенная кровавая борьба. Достоинно вниманія, что даже чисто

народныя возстанія, которыя длились въ теченіи всего XVIII в. въ отданной во власть Польши и лишеной козачества право-бережной Украинѣ, сохранили общія черты первыхъ козацкихъ движеній и въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ ясно обозначилось стремленіе народныхъ массъ къ объединенію со всею Россією.

О первыхъ козацкихъ движеніяхъ въ нашей литературѣ существуютъ труды частію совсѣмъ устарѣвшіе, каковы напримѣръ Бантыша-Каменскаго и Маркевича, частію недавняго сравнительно времени, которыя трактуютъ объ нихъ болѣе или менѣе подробно, но не даютъ все таки полной ихъ картины, каковы: „Ислѣдованія о козачествѣ по актамъ отъ 1500—1648 г.“, Антоновича (Руковод. статья къ 1-му т. 3-й части, „Архива Юго-Западной Россіи“), 3-й т. Монографій (изданіе Кожанчикова) Костомарова и „Исторіи возсоединенія Руси“ Кулиша. Послѣднее сочиненіе имѣетъ скорѣе полемическій, чѣмъ научный характеръ. Авторъ безпрестанно дѣлаетъ отступленія и оговорки, иногда очень длинныя и страстныя; очень часто забѣгаетъ впередъ, если это пужно для его полемическихъ цѣлей, и затѣмъ возвращается къ прерванному разсказу. Вслѣдствіе этого въ его книгѣ, при самомъ внимательномъ чтеніи, очень трудно выдѣлить то, что относится къ безпристрастному изложенію фактовъ въ ихъ естественной послѣдовательности. Статья профессора Антоновича имѣла спеціальную цѣль: въ краткомъ, связномъ разсказѣ представить публикѣ содержаніе того тома сыраго матеріала, при которомъ она помѣщена. Эта цѣль обусловливала и характеръ составленія статьи: другіе источники брались лишь для того, что-бы кратко иллюстрировать эпоху и пополнять недостающія звенья въ разсказѣ тамъ, гдѣ предлагаемые акты не представляли изъ себя достаточной связи въ событіяхъ. Понятно поэтому, что упомянутая статья не полна, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Наибольшую полнотой отличается сочиненіе Н. И. Костомарова, но со времени появленія его въ свѣтъ, изданы нѣкоторые новые матеріалы, между которыми особо важное значеніе имѣетъ сборникъ писемъ Жолкевскаго.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся послѣдовательно изложить ходъ первыхъ козацкихъ движеній, взявъ за основаніе разсказа только такъ называемые источники первой руки, т. е. такіе письменные памятники и извѣстія, которые современны излагаемымъ

событіямъ¹⁾, обходя источники болѣе поздняго времени, дабы не расширять излишне предположеннаго нами очерка и лишними подробностями не мѣшать цѣльности общей картины.

I.

В о й н а К о с и н с к а г о .

Миръ Польши съ турками и татарами лѣтомъ 1591 г.—Мѣры правительства противъ козаковъ.—Замыслы козаковъ на Молдавію.—Первое козацкое возстаніе.—Косинскій.—Первое козацкое движеніе въ 1591 г. 1592-й годъ: взятіе козаками Кіева и Бѣлой Церкви; опустошеніе имѣній князя Острожскаго въ Подоліи; обращеніе Острожскаго къ окрестной шляхтѣ. 1593 годъ: постановленія шляхты разныхъ повѣтовъ о вооруженіи противъ Косинскаго.—Сборъ войскъ и сраженіе подъ Пяткой. Договоръ.—Смерть Косинскаго.—Заключеніе.

Лѣтомъ 1591 года Рѣчь Посполитая заключила вѣчный миръ съ турками и татарами и перемиріе на 11 лѣтъ съ Москвою. Отмѣчая этотъ фактъ, два современныхъ польскихъ историка (Бѣльскій и Гейденштейнъ), какъ-бы сговорившись, замѣчаютъ тутъ-же съ сожалѣніемъ, что государство, обезпечивъ себя извнѣ, не приобрѣло однако внутренняго спокойствія²⁾. Дѣйствительно, продолжались религіозныя несогласія католиковъ съ диссидентами; паны

¹⁾ Такии источниками служили для насъ слѣдующія изданія:

1. Арихивъ Юго-Западной Россіи. Часть III. Акты о козакахъ (1500—1648 г.). Томъ 1-й.
2. Listy Stanisława Żółkiewskiego. 1584—1620 r. W Krakowie. 1868 r.
3. Письма кн. Острожскаго. Приложенія ко 2 т. „Исторіи возсоединенія Руся“ Кулиша.
4. Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси. Т. I. Москва. 1877 года. Изд. Кулишомъ.
5. Joachima Bielskiego. Dalszy ciąg kroniki polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1598 r. Warszawa 1851 r.
6. Rajnolda Hejdensztejna. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Petersburg. 1857. Т. 2.
7. Tagebuch des Erich Lassota. Русскій переводъ Ф. Бруна. С.-Петербургъ. 1873 г.

²⁾ Bielski. Dalszy ciąg kroniki polskiej..., стр. 151; Hejdensztejn (въ переводѣ на польскій), Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Т. 2, стр. 299.

упражнялись въ кулачномъ правѣ; жолнѣры, собранные передъ тѣмъ въ виду опасной войны съ Турціей, производили страшныя безчинства и не хотѣли расходиться, пока не получаютъ жалованья. А собрать деньги было очень трудно: шляхта и такъ роптала на Замойскаго за напрасные расходы па несостоящуюся войну. Ко всему этому въ украинскихъ воеводствахъ—кіевскомъ, волинскомъ и брацлавскомъ—присоединялись еще козацкія своеволія. Подъ конецъ 1591 года они начали проявляться чаще и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и положили начало той цѣпи козацкихъ насилій надъ имѣніями пановъ, особенно князя Острожскаго, которая тянулась въ продолженіе всего 1592 года и завершилась въ началѣ 1593 года настоящей междоусобной войной, издавна извѣстной въ исторіи подъ именемъ перваго козацкаго возстанія.

Миръ съ татарами и турками былъ заключенъ подъ непремѣннымъ условіемъ усмиренія низовыхъ козаковъ и удержанія ихъ отъ дальнѣйшихъ набѣговъ на турецкія владѣнія. Условіе это было не ново для польскаго правительства, но теперь неисполненіе его грозило дѣйствительною опасностью, такъ какъ терпѣніе турокъ по видимому истоцилось. Польскому послу пришлось перенести много разныхъ непріятностей въ Константинополь, прежде чѣмъ султанъ согласился, и то по ходатайству англійскаго посла, взять сто сороковъ соболей за убытки, причиненные козаками его владѣніямъ¹⁾. Сила турокъ наводила тогда страхъ на всю Европу.

Мѣры къ усмиренію козаковъ начались еще въ 1590 году изданіемъ универсала, въ которомъ Сигизмудъ III предписывалъ построить на Днѣпрѣ, въ урочищѣ Кременчукѣ, укрѣпленіе и въ немъ помѣстить 1000 человекъ, обязанныхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы люди своевольные не нападали на сосѣднія государства и не подвергали-бы изъ-за этого опасности Рѣчь Посполитую. Въ случаѣ нападенія непріятелей, гарнизонъ долженъ былъ первымъ стать противъ нихъ. Старшимъ надъ гарнизономъ назначался снятынскій староста Николай Язловецкій, которому и поручалось, по данному королемъ приповѣдному листу, набрать 1000 годныхъ къ бою пахолковъ и построить замокъ. Продовольствіе доставлять обязывались

1) Гейденштейнъ. Т. 2, стр. 294.

жители сосѣднихъ коронныхъ имѣній¹⁾). Въ томъ-же году сеймъ сдѣлалъ суровое постановленіе противъ козаковъ. Число ихъ ограничивается 6000, они находятся въ зависимости отъ короннаго гетмана, который назначаетъ имъ сотниковъ и прочую старшину—изъ шляхты. Реестръ можетъ пополняться только съ вѣдома короннаго гетмана, у котораго онъ и хранится. Старосты и владѣльцы въ своихъ имѣніяхъ обязаны учредить урядниковъ, которые-бы смотрѣли за тѣмъ, чтобы изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ никто не убѣгалъ на низъ, въ Сѣчь, и за границу; если-же кто убѣжитъ и возвратится съ добычей, того казнили-бы смертью;—чтобъ козаки не продавали пороха, селитры, оружія, безъ позволенія старшаго, а добычи ни въ какомъ случаѣ. Непослушные и нерадивые урядники подвергаются наказанію наравнѣ съ своевольниками; наказанію-же подвергаются и владѣльцы, дѣлающіе набѣги на сосѣднія земли, противъ воли гетманской. Сеймъ учредилъ двухъ дозорцевъ, обязанныхъ, каждый въ своемъ участкѣ, смотрѣть, не начинается-ли гдѣ какое своевольство, и о низовыхъ козакахъ доносить гетману, а о живущихъ въ панскихъ имѣніяхъ—панамъ, которые въ этомъ случаѣ обязаны карать смертью бунтовщиковъ, какъ изъ своихъ подданныхъ, такъ и изъ состоящей у нихъ на службѣ безземельной шляхты.

Но мѣры эти по обыкновенію не имѣли успѣха. Приказаніе построить укрѣпленіе на Двѣрѣ даже и не приводилось въ исполненіе²⁾, а постановленіе сейма, если и исполнялось съ формальной стороны, то все таки не имѣло никакого значенія. Въ слѣдующемъ-же 1591 году козаки нашли какого-то самозванца, называвшаго себя сыномъ бывшаго молдавскаго господаря *Ивоніи*, и хотѣли было вести его въ Молдавію на господарство. Правительство узнало объ этомъ. Король, не имѣя въ распоряженіи никакихъ другихъ средствъ для усмиренія козаковъ, поручилъ Изловецкому какъ и-будь уладить дѣло. Изловецкій вступилъ съ козаками въ переговоры и склонилъ ихъ выдать королю самозванца. Король сослалъ его въ Мальборкъ въ заточеніе, а козаковъ, привезшихъ его, щедро награди³⁾. Случай этотъ показываетъ, что само правительство не вѣ-

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи. Т. I, ч. 3-я, стр. 29.

²⁾ Гейденшт., т. 2, стр. 300; Бѣльскій, стр. 152.

³⁾ Гейденшт., т. 2, стр. 297—8; Бѣльскій, стр. 145—6.

рило въ дѣйствительность своихъ предписаній и въ каждомъ данномъ случаѣ прибѣгало къ мѣрамъ, какія только были подъ рукою, не заботясь о послѣдовательности въ дѣйствіяхъ.

Какіе именно козаки замышляли походъ въ Молдавію, источники не говорятъ. Нельзя допустить, чтобы это были *реестровые*, потому что тѣ находились въ это время подъ бдительнымъ надзоромъ своей шляхетской старшины и короннаго гетмана. Такъ называемые *нереестровые* не составляли какой-нибудь отдѣльной группы людей, могущихъ при случаѣ составить войско: послѣ реформы Баторія оставшіеся за штатомъ козаки или ушли на низъ, или растворились въ украинномъ населеніи; слѣдовательно объ нихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Остается *запорожская волиница*. Хотя запорожцы и находились *de jure* въ распоряженіи старшаго пады реестровыми козаками¹⁾, но подчинялись его приказаніямъ только тогда, когда это было имъ выгодно. Такой выгоды для нихъ не было послѣ мира 1591 г.: по желанію старшаго они должны были-бы теперь сидѣть спокойно за порогами, но сидѣть безъ дѣла запорожцы не привыкли, притомъ надо было чѣмъ-либо содержаться. Разные промыслы плохо замѣняли „лыцарскій добутокъ“, а потому естественно, что козаки вынуждены были что-нибудь изобрѣсти. Задуманный ими походъ въ Молдавію окончился только „щедрой наградой“, но и эта награда выдана была лишь тѣмъ, которые доставили королю самозванца. Запорожцы хорошо знали, кому они обязаны были крайностію своего положенія; противъ тѣхъ они и направили теперь свою силу. Они рѣшились на этотъ разъ промышленяты въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и по какой-то неизвѣстной намъ причинѣ направились на владѣнія князя Острожскаго.

Въ характерѣ этого перваго козацкаго движенія замѣчается нѣкоторая неясность въ постановкѣ дѣла, влѣдствіе которой частныя и сословныя отношенія заслоняютъ до нѣкоторой степени существенныя причины движенія. Естественно, что характеръ народ-

¹⁾ Официальнымъ старшимъ въ это время и былъ именно Николай Язлевоцкій. Такъ можно думать потому, что въ 1590 г. ему поручено построить замокъ на Днѣпрѣ и принять начальство надъ гарнизономъ, а въ началѣ 1592 года (10 марта) онъ издаетъ увѣщательный универсалъ къ козакамъ и подписывается въ немъ старшимъ войска запорожскаго (Listy Żółkiewskiego, стр. 22).

ной реакціи не могъ сразу выразиться въ схемѣ совершенно ясной и категорически опредѣленной, особенно при той степени развитія умственнаго и гражданскаго, которая была присуща въ то время южно-русской народной массѣ.

Посмотримъ прежде всего на составъ „возставшихъ“. Главными дѣйствующими лицами въ экскурсіи на панскія маестности были, какъ только что сказано, низовые козаки, т. е. бѣглецы нерестровые и крестьяне. Они на столько подавляли всѣ остальные элементы въ войскахъ Косианскаго и вообще во всѣхъ „своевольныхъ купахъ“, что всѣ современные акты и писатели единогласно приписываютъ имъ всю бѣду, ихъ исключительно считаютъ виновниками и дѣйствующими лицами во всѣхъ грабежахъ, разбояхъ и насиліяхъ¹⁾. Изъ всѣхъ документовъ только королевскіе универсалы называютъ козаковъ просто „людьми свовольными“; но это очень понятно: для правительства, кромѣ реестровыхъ, не было другихъ козаковъ; всякій другой, считавшій себя самъ и считавшійся въ обыкновенныхъ разговорахъ козакомъ, въ королевскомъ универсалѣ былъ человѣкъ „свовольный“. Но и универсалы иногда проговариваются и называютъ бунтовщиковъ прямо „козаками низовыми“²⁾. Правда, кромѣ низовцевъ, въ „возстаніи“ участвовали и другіе элементы, но, какъ это видно изъ источниковъ, въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Были тутъ шляхтичи — „выволанъци“³⁾ и вообще бездомная шляхта, жившая при панскихъ дворахъ въ качествѣ „рукодажныхъ“ слугъ; она то и называется въ актахъ „здрайцами, збегами, слугами“⁴⁾. Участвовали и осѣдлые мѣстные хлопы, но опять таки въ весьма ничтожномъ числѣ⁵⁾. Вотъ составъ „купи“. Въ такомъ составѣ онѣ

1) Архивъ Юго-Зап. Россіи, часть 3-я тома 1-го, стр.: 32, 34, 36, 39, 49, 58; Listu Żółkiewskiego, стр. 22 и 23; Бѣльскій, стр.: 151, 178, 188—190; Генденштейнъ стр. 317.

2) Архивъ... стр. 45.

3) Ibid. стр. 58.

4) Ibid. стр. 55.

5) Изъ актовъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ“, только въ одномъ (№ XX) есть прямая упоминанія о „подданныхъ“ въ шайкахъ; но и тутъ ихъ очень небольшой процентъ, напр.: „упросилъ“ (шляхтичъ — „выволанецъ“ Михайло Гулевичъ) у пана Косианскаго, гетмана козацкаго, который позволилъ, и далъ ему на помощь Дашка сотынякъ зъ его сотынею, къ тому было охвотыняковъ зъ пять не

передвигались по намѣченнымъ заранѣ мѣстамъ, и этотъ путь легко прослѣдить. Если-же во время „возстанія“ встрѣчались разбои одновременно въ разныхъ мѣстахъ, то это были все тѣ-же *затоды*, явленіе обычное для тогдашней Украины. Собственно говоря, даже это трудно утверждать, такъ какъ во всѣхъ современныхъ памятникахъ, кромѣ голыхъ фразъ и притомъ пустыхъ, какъ увидимъ ниже, о распространенности „сваволенства“, нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ о мѣстахъ, гдѣ оно проявлялось. Напротивъ, такой близко стоявшій къ дѣлу современникъ, какъ Станиславъ Жолкевскій ¹⁾, смотритъ на возстаніе только какъ на распрю козаковъ съ княземъ Острожскимъ, воеводою кievскимъ, т. е. съ ближайшимъ къ козакамъ представителемъ административной власти, и слѣдовательно не придаетъ движенію характера противугосударственного въ широкомъ смыслѣ.

Дѣйствительно, въ сравненіи съ послѣдующими возстаніями— движеніе Косинскаго захватываетъ и гораздо меньшую долю участниковъ и менѣе ясно и рельефно выдвигаетъ основные принципы борьбы, которыя по временамъ совершенно маскируются второстепенными обстоятельствами.

Всего народу во всѣхъ отрядахъ, когда они сошлись въ началѣ 1593 года, было около пяти тысячъ,—крайне ничтожная цифра въ сравненіи съ общимъ числомъ русскаго посольства въ трехъ украинныхъ воеводствахъ.

Признаки болѣе ясныя народнаго движенія можно признать развѣ въ томъ, что Косинскій сносился съ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, желая отдать ему въ подданство часть Украины и что козаки, грабя жителей, заставляли присягать себѣ на послушаніе. Но послѣднее обстоятельство, передаваемое актами ²⁾ въ такомъ видѣ,

мало слугъ и подданныхъ пана Миколаевыхъ, человекѣвъ зъ двадцать“... Самое отсутствіе упоминаній о хлопахъ въ актахъ, при постоянномъ фигурированіи низовыхъ козаковъ и гораздо менѣе частомъ—бездомной шляхты, должно считаться доказательствомъ ихъ крайне незначительнаго числа въ войскахъ.

¹⁾ „Mowilem z panem Pissarzem Lwowskim, zebiy beł sam z siebie zrozumiał I. M. Pana Woiyewodę kiyowskiego, ieslibij chciał tę sprawę kłothnią z kozaki przez iaką zgodę zkonczijcz“. Listy Żółkiewskiego, стр. 22.

²⁾ Арх. стр. 39, 42, 45.

что казаки по дорогѣ или убивали и мучили жителей, или заставляли присягать на свое имя, можетъ быть сочтено, какъ обыкновенный пріемъ людей, у которыхъ виситъ кара надъ головою: или уничтожить свидѣтелей своего преступленія, или сдѣлать ихъ безвредными, обязавъ молчаніемъ. Что-же касается сношеній Косинскаго съ царемъ, то это обстоятельство, въ связи съ разными другими, которыя будутъ видны изъ самаго хода войны, можетъ быть, указываетъ только на вліятельность самой личности Косинскаго. Косинскій, судя по всему, не былъ личностью, которыя стихійно выдвигаются изъ массъ, когда онѣ живутъ массовою жизнью, и которыя опять тонуть въ массахъ безслѣдно, какъ только тѣ выйдутъ изъ періода броженія. Напротивъ, на сколько это видно изъ памятниковъ, онѣ даетъ тонъ движенію, имъ оно держится, направляется. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ договорѣ Острожскаго и прочихъ пановъ съ казаками первые ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Косинскій былъ смѣненъ, но не осмѣливаются требовать просто выдачи его, какъ простаго „Iotra“, (latro—грабитель, разбойникъ), что бывало въ послѣдующихъ козацкихъ возстаніяхъ. Если у Косинскаго былъ какой нибудь опредѣленный планъ, при выполненіи котораго война съ Острожскимъ должна была служить только прелюдіей, то все таки можно съ увѣренностью утверждать, что планъ этотъ былъ чуждъ сознанію той массы, съ которой Косинскій дѣйствовалъ.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣтки, перейдемъ теперь къ фактамъ и прежде всего—къ біографическимъ даннымъ о Косинскомъ, которыя очень скудны.

Криштофъ (Христофоръ) Косинскій былъ по происхожденію шляхтичъ православной вѣры, родомъ изъ Подляхін¹⁾. По нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что онъ былъ старый, заслуженный запорожецъ и притомъ человѣкъ выдающійся по своимъ личнымъ качествамъ²⁾. Еще до борьбы со шляхтою онъ былъ на За-

¹⁾ Гейденштейнъ (стр. 317) и Бѣльскій (стр. 188) указываютъ только его родину—Подляхію, а о вѣроисповѣданіи и шляхетствѣ не говорятъ ничего. Костомаровъ (Моногр. т. III, стр. 249) говорятъ, что онъ шляхтичъ и притомъ русской вѣры.

²⁾ Въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго (краков. изд. 1868 г.) на стр. 34 въ приписавіи находится отрывокъ письма Богдана Миконинскаго къ Касперу Подвы-

порожьѣ гетманомъ и держался настолькоъ самостоятельно относительно польскаго правительства, что отъ своего имени сносился съ Москвою ¹⁾ и получалъ отъ царя сукна и деньги. Современники даже обвиняютъ его въ томъ, что онъ поддалъ царю московскому все пограничье, болѣе чѣмъ на сто миль разстоянія, такъ что царь московскій въ листѣ къ нему писался уже царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ ²⁾. По всей вѣроятности онъ начальствовалъ и въ предполагавшемся походѣ въ Молдавію, такъ какъ ни чьего другаго имени въ источникахъ не упоминается, а Косинскій при описаніи первыхъ-же нападений на шляхетскія имѣнія именуется уже челоувкомъ, „который на сей часъ гетманомъ козацкимъ се учинилъ“.

Какъ началась война, неизвѣстно. Первый извѣстный намъ фактъ вооруженнаго нападенія со стороны козаковъ относится къ концу 1591 года, когда козаки ограбили въ Бѣлой-Церкви имущество князя Курцевича-Булыги. Фактъ этотъ совершенъ въ такой обстановкѣ. Козаки съ Косинскимъ шли куда-то изъ Бѣлой-Церкви и при выходѣ вдругъ напали на домъ князя Курцевича, подстаросты бѣлоцерковскаго, и, ворвавшись въ комнату, захватили „шкатулу съ клейнотами, съ пенязми“ и проч. Въ этой шкатулкѣ были „мамѣрамы“, т. е. бланки князя Януша Острожскаго (онъ былъ старостой бѣлоцерковскимъ), дѣнные подстаростѣ для разныхъ юридическихъ надобностей, привилегіи на староство бѣлоцерковское, полученныя князьями Острожскими, и другіе документы. Все это было сдѣлано „снать зъ направи чиее“, какъ доносилъ князь Янушъ Острожскій ³⁾.

соцкму п Юрію Владыкѣ *отъ 22 мая 1586 г.*, въ котороѣ говорится: *Pane Kasper a Pane Iuri. Oznaymuju wam jaz, sze si ponowilo po odjechaniu waszom se zde: u nas przybiegla storozza ot Krisztofa z Nizu ot Tawani i ot gorodkow, daiuczi znac, iz Car s Perekopu byl przyszol zo wsieiu siloiu...* (письмо очевидно въ подлинникѣ писано русскими буквами). Принявъ во вниманіе прямое указаніе здѣсь имени Косинскаго еще въ 1586 году, можно предположить, что Косинскій является „гетманомъ“ въ войнѣ не съ валету, что онъ только для правительства Рѣчи Посполитой „на сей часъ гетманомъ се учинилъ“, на самомъ-же дѣлѣ былъ старый, заслуженный запорожець. Въѣдъ популярность въ Сѣчи, какъ извѣстно, приобрѣталась не легко.

¹⁾ Бантышъ-Каменскій. Ист. М. Р. т. I, стр. 20 примѣчаній.

²⁾ Kisty Żolk., стр. 27.

³⁾ Арх. стр. 32.

Отъ 1591 года извѣстенъ только этотъ одинъ фактъ. Но вѣроятно козацкія „своеволія“ уже дали себя знать, такъ какъ въ концѣ того-же года наряжена была королемъ комиссія, съ Язловецкимъ во главѣ, для развѣдыванія о происхожденіи безпорядковъ и для кары по закону виновныхъ ¹⁾. Эта мѣра, самая легкая для короля изъ всѣхъ, какія только были для него возможны, была вмѣстѣ съ тѣмъ и самой недѣйствительной. Безпорядки все увеличивались, если вѣрять королевскому универсалу отъ 16 января 1592 г. Вслѣдствіе дошедшихъ до короля слуховъ, говорится въ универсалѣ, о неслыханныхъ грабежахъ, убійствахъ и всякаго рода кривдахъ, совершаемыхъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волинскомъ и брацлавскомъ нѣкоторыми людьми своевольными, не обращающими вниманія ни на верховную власть, ни на право общественное, учреждены особые комиссары для искорененія зла. Теперь предписывается старостамъ и державцамъ королевскихъ имѣній, а также всякимъ урядникамъ и посольству сель и городовъ воеводства волинскаго, чтобы они помогали комиссарамъ въ разслѣдованіи о людяхъ своевольныхъ: давали-бы нужныя справки, ловили самыхъ своевольниковъ и ставили предъ судъ комиссіи; а если-бы ихъ не оказалось въ мѣстахъ жительства, то чтобы давали комиссарамъ списки ихъ, дѣлая все это подъ страхомъ могущей пасть на нихъ отвѣтственности за всѣ убытки ²⁾. Глава комиссіи, снятынскій староста Николай изъ Бучача Язловецкій, онъ-же и старшій козацкій отъ правительства, съ своей стороны писалъ воззванія къ запорожцамъ, чтобы они оставили измѣнника Косинскаго. Воззванія его не оказывали никакого вліянія на запорожцевъ, какъ видно изъ одного подобнаго воззванія, писаннаго изъ Хвастова отъ 10 марта 1592 г. ³⁾. Въ немъ Язловецкій приглашаетъ запорожцевъ въ послѣдній разъ

¹⁾ Арх. стр. 34; Бѣльскій стр. 152.

²⁾ Архивъ стр. 33. Не на этомъ-ли универсалѣ основывается мнѣніе, что возстаніе распространилось разомъ по тремъ воеводствамъ южно-русскимъ: кіевскому, брацлавскому и волинскому? Если на этомъ, то основаніе очень шатко: своеволія распространены по тремъ воеводствамъ, а универсалъ обращенъ только къ жителямъ волинскаго; очевидно, распространеніе своевольствъ по тремъ воеводствамъ просто—фраза. Кромѣ этого универсала, о такомъ распространеніи не говорится ни у Бѣльскаго, ни у Гейденштейна, ни въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго, ни въ другихъ актахъ, повѣщенныхъ въ Архивѣ.

³⁾ Listy Żółkiewskiego, стр. 21.

выдать „lotha“ Косинскаго, грозя въ противномъ случаѣ оружіемъ выскатъ на крови ихъ за причиненныя бѣдствія. И это воззваніе осталось въ тунѣ. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ Язловецкій не исполнилъ своей угрозы. Далѣе въ войнѣ съ Косинскимъ онъ вовсе не участвуетъ.

Между тѣмъ, Косинскій въ 1592 г. взялъ Кіевъ и Бѣлюю-Церковь, забралъ изъ тамошнихъ замковъ порохъ и все огнестрѣльное оружіе. За Кіевомъ и Бѣлюю-Церковью покорились ему и другіе городки ¹⁾. Козаки не обращали вниманія на то, частный-ли замокъ, или королевскій, всё одинаково разоряли, если они лежали имъ по дорогѣ; жителей убивали и мучили, или заставляли присягать себѣ на послушаніе. Но главная гроза собиралась не около Кіева и Бѣлой-Церкви, а на Волыни и Подоліи, въ имѣніяхъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волинской. Можно думать, что козаки устроили экскурсію въ сторону Кіева и Бѣлой-Церкви именно для того, чтобы заставить оружіемъ и порохомъ для операцій въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Что центръ тяжести для козаковъ и Косинскаго лежалъ тамъ, объ этомъ сохранились положительныя указанія. Бѣльскій говоритъ, что въ срединѣ 1592 г. козаки много зла творили въ Подоліи, въ особенности въ имѣніяхъ князя Острожскаго. Они даже штурмомъ брали нѣкоторые его города и причиняли большіе убытки.

Князь, имѣя помощъ отъ нѣкоторыхъ окрестныхъ старостъ, вышелъ противъ нихъ съ войскомъ, но козаки войско его поразили и перебили ²⁾.

Къ концу года Косинскій навелъ такой страхъ на князя, что тотъ, дѣятельно готовясь къ оборонѣ самъ, кромѣ того изъ всѣхъ

¹⁾ Костомаровъ. Монограф. т. III, стр. 250.

²⁾ Бѣльскій, стр. 178. Кромѣ того въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго (стр. 22) помѣщено одно письмо Косинскаго изъ *Шикова* (въ брацлавскихъ имѣніяхъ князя) съ неполною датой: помѣчено просто мѣсяцемъ августомъ. Этого письма нельзя отнести къ 1593 г., потому что весной этого года Косинскій былъ уже убитъ; нельзя и къ 1591 г., основываясь на выраженіи, находящемся въ немъ: «Podobno w zimie nas prziwodzȳ (подразум. z temi pieniędzmi) tak, jako ten rok jeszcze na Jana S. mieli nam dacz, a teras iusz ku iesieni prziszlo». Это выпелъ-бы 1590 г., когда о козацкихъ своевольяхъ еще не упоминается.

силъ старался внушить королю и сейму, что опасность грозитъ всей Рѣчи Посполитой. Съ этой цѣлью онъ во-первыхъ истребовалъ отъ вальнаго короннаго сейма свидѣтельство, что не по его винѣ, не смотря на нѣсколько предостереженій съ его стороны, Рѣчь Посполитая не предприняла починки полуразрушенныхъ крѣпостей въ Бѣлой-Церкви и Кіевѣ и что поэтому, въ случаѣ опасности, могущей произойти отъ козаковъ, онъ, Острожскій, не долженъ отвѣчать за причиненные убытки и бѣдствія¹⁾. Во вторыхъ у себя на Волини Острожскій началъ всеми мѣрами стараться привлечь къ учаію въ оборонѣ всю окрестную шляхту. Шляхта тѣмъ охотнѣе поддавалась вліянію Острожскаго, что козаки не миловали и ея мелкихъ владѣній, попадавшихся подъ руку. Съѣхавшіеся въ г. Луцкъ, на роки земскіе и городскіе, обыватели земли волинской, въ январѣ 1593 г. постановили закрыть на пѣкоторое время засѣданія судовъ, прекратить между собою всякія тяжбы, не вчинать исковъ и стать съ оружіемъ противъ козаковъ. Изъ Луцка было отправлено приглашеніе и въ г. Владимірь, къ шляхтѣ тамошняго повѣта, что-бы она сдѣлала тоже. Владимірская шляхта вѣроятно не съ большою охотою приняла-бы участіе въ войнѣ, потому что владимірскій повѣтъ былъ дальше отъ мѣста дѣйствія, чѣмъ луцкій, но, получивъ королевскій универсалъ, поручавшій князю Острожскому собирать посполитое рушенье, она присоединилась къ рѣшенію луцкой шляхты, не желая въ зацѣтѣ „отчины своею быти последними“²⁾. Такое рѣшеніе, однако, было постановлено владимірскою шляхтою только 29 января, тогда какъ приглашеніе къ нимъ отъ шляхты луцкой было отправлено еще 11 января.

По королевскому универсалу князь Острожскій сталъ собирать войско. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ г. Константиновъ; туда сходились отряды изъ Подоли, гдѣ собиралъ ихъ сынъ князя Лиуша, внукъ князя Константина; самъ князь Янушъ также былъ занятъ сборомъ войска около Тарнополя, а князь Константинъ у

¹⁾ Архивъ стр. 38.

²⁾ Архивъ, стр. 37—52. Что въ рѣшеніяхъ шляхты значительную роль играло вліяніе князя Острожскаго, какъ маршалка земля волинской, это видно изъ актовъ, гдѣ прямо говорится: «За ознайменемъ ясновельможнаго пана etc»... «Маюча ведомость певную отъ ясновельможнаго etc»... и проч. Притомъ это «ознаймене» было и до королевскаго листа о посполитомъ рушеніи.

себя, около Константинова. Судя по большому числу мѣстъ, гдѣ собиралось войско, оно должно было быть очень значительнымъ. Къ февралю войско было готово. Начальство надъ нимъ принялъ князь Янушъ, такъ какъ самъ Константинъ Константиновичъ былъ уже тогда глубокой старикъ.

Косинскій съ войскомъ, числомъ около 5 тысячъ человекъ, стоялъ въ Острополѣ¹⁾. Начались стычки, удачныя для Косинскаго. Но онъ, тѣмъ не менѣе, не чувствуя себя безопаснымъ въ Острополѣ, выступилъ оттуда и направился къ Пяткѣ, которую считалъ болѣе надежной позиціей. Въ Пяткѣ его осадили войска князя Януша. Козаки, предпочитая свой любимый способъ обороны въ окопанномъ таборѣ сидѣнью въ замкѣ, вышли въ поле и окопались на выгодной позиціи. 2 февраля состоялась битва. Люди князя Острожскаго, послѣ нѣсколькихъ поражений, испытанныхъ раньше, теперь „не особенно охотно атаковали козаковъ и даже стали обращаться въ бѣгство“; но князь Янушъ сдѣлалъ къ войску увѣщаніе, самъ бросился впереди съ тяжело вооруженной конницей, за нимъ копійщики. Тогда и остальное войско, ободренное вѣроятно болѣе конницей и копійщиками, чѣмъ увѣщаніемъ князя, сдѣлало напоръ на козаковъ. Козаки не устояли и пустились бѣжать въ городъ; ихъ преслѣдовали и убивали до самыхъ воротъ. Всѣхъ козаковъ будто-бы погибло въ этомъ сраженіи до 3 тысячъ, взято у нихъ 26 пушекъ и почти всѣ хоругви, какія только были²⁾. Косинскій съ остаткомъ войска затворился въ замкѣ, но долго не усадѣлъ. Видя, что непріятель вознамѣрился добывать его тамъ и не надѣясь отси-

1) Въ *Острополь*—по Бѣльскому (стр. 188), по Гейденштейну—въ *Тарнополь*; но это явная обмолвка. Острополь, нынѣ мѣстечко Позградъ-Вольнскаго уѣзда, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Пятки (нынѣ тоже мѣстечко, житомирскаго уѣзда), тогда какъ Тарнополь (городъ въ нынѣшней австрійской Галиціи)—отъ Пятки въ нѣсколькихъ стахъ верстъ. Да притомъ изъ Тарнополя въ Пятку Косинскому пришлось-бы идти черезъ Константиновъ, или вблизи его, потому что этотъ городъ лежитъ какъ разъ по дорогѣ.

2) Вообще о дѣлѣ подъ Пяткою и о заключеніи договора—см. у Бѣльскаго стр. 188—190; Гейденштейна, томъ 2, стр. 317—318; *Listy Żółkiewskiego*, стр. 25—26.

дѣться, онъ повелъ переговоры, которые окончились договоромъ, заключеннымъ 10 февраля¹⁾.

Вотъ этотъ договоръ.

„Я, Криштофъ Косинскій, на это время гетманъ, и мы сотники, атаманы и все рыцарство войско запорожскаго, сознаемъ въ этомъ листѣ нашемъ, что, не смотря на великія благодѣянія и ласку ясновельможнаго пана Константина князя Острожскаго, воеводы кievскаго, маршалка земли волынской, старосты владимірскаго, которыя его милость всегда оказывалъ всему войску и каждому изъ насъ особо, мы, забывъ о всемъ томъ, не мало огорченій и убытковъ причинили его милости самому и дѣткамъ его, а также слугамъ и подданнымъ его, и тѣмъ ласку ихъ милости къ себѣ нарушили; ихъ-же милости, будучи подъ Пяткомъ, какъ паны христіанскіе, не жаждая пролитія крови нашей, за униженными и усердными просьбами нашими, по ходатайству многихъ знатныхъ людей, эти всѣ наши проступки простили; потому мы, все рыцарство вышеименованнаго войска, обѣщаемъ и присягою подтверждаемъ выполнить всѣ слѣдующія кондиціи, поданыя намъ отъ ихъ милостей князей и въ этомъ листѣ нашемъ поименованныя: съ этого времени пана Косинскаго за гетмана не имѣть, а на его мѣсто выбрать въ

¹⁾ Надо замѣтить, что у Бѣльскаго заключеніе договора относится къ 15 марта (у Костомарова по чему-то 10 марта), между тѣмъ какъ подъ напечатанною въ „Архивѣ“ копіею стоитъ 10 февраля; наконецъ тотъ-же самый договоръ, напечатанъ (латинскимъ шрифтомъ и съ нѣкоторыми полонизмами въ грамматическ. формахъ) въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго съ датой отъ 1 февраля. Что касается Бѣльскаго, то предъ нимъ предпочтительнѣе, разумѣется, официальный документъ, изъ двухъ-же копій та, что въ „Архивѣ“, имѣетъ болѣе вѣрную дату потому, что 2 февраля („w dzień Panny Marysy Gromniczej“, какъ сказано у Бѣльскаго) было только сраженіе подъ Пяткой. Если бы Бѣльскій и ошибался, что трудно допустить, потому что праздникъ Свѣтленія легко могли запомнить всѣ участвующіе и передать другимъ,—то рѣшеніе шляхты владимірскаго присоединиться къ ополченію, состоявшееся только 29 января, было-бы ужъ слишкомъ близко къ развязкѣ войны. Противъ Бѣльскаго и того источника, изъ котораго взялъ Костомаровъ, прямо говоритъ письмо войта Цешинскаго отъ 18 февраля (Listy Ż. стр. 25) въ которомъ говорится о заключеніи договора, какъ о прошедшемъ. Костомаровъ не пользовался сборникомъ писемъ Жолкевскаго, потому что 3-ій томъ его „Монографій“ (въ изданіи Кожанчикова) вышелъ въ 1867 г., а Listy Żolkewskiego въ Краковѣ въ 1868 г.

продолженіи четырехъ недѣль другаго, и потомъ находится въ послушаніи его милости короля, не производя никакихъ ссоръ съ сосѣдами земель его королевской милости; жить за порогами на указанныхъ мѣстахъ; жительство и квартиру не имѣть и никакихъ убытковъ и кривдъ не чинить какъ въ державахъ и маестностяхъ ихъ милостей князей, такъ и ихъ пріятелей, его милости князя Александра Вишневецкаго, старосты черкаскаго, и иныхъ, находящихся въ это время при ихъ милости, а также въ державахъ и маестностяхъ ихъ слугъ, бѣглыхъ и измѣнниковъ князей ихъ милостей и ихъ слугъ, къ намъ перебѣжавшихъ, выдавать и у себя ихъ не передерживать; оружіе взятое гдѣ-бы то ни было въ замкахъ и городахъ и въ державахъ ихъ милостей, кромѣ трипольскихъ, вернуть; возвратить также и хоругви, лошадей, рогатый скотъ и движимое имущество; челядь обоюго пола, при насъ находящуюся, отправить; вѣчно жить у князей ихъ милостей въ прежней любви никогда не приставать ни къ одному человѣку противъ ихъ милостей, а напротивъ служить имъ. Всѣ эти поименованныя кондиціи, ихъ милостями поданныя, мы, все войско, присягаемъ вѣчно, свято и ненарушимо, не ища никакихъ причинъ къ ихъ нарушенію, храпити и по нимъ поступать на вѣчныя времена. А присяга эта наша заключается въ слѣдующихъ словахъ: я, Кршитофъ Косинскій, мы, сотники, атаманы, все рыцарство войска запорожскаго, одинъ за другаго и каждый за себя присягаемъ Господу Богу, въ Троицѣ Единому, который сотворилъ небо и землю, въ томъ, что мы всѣ вмѣстѣ и каждый изъ насъ отдѣльно, имѣемъ и повинны всѣ эти кондиціи, на этомъ листѣ намъ поданныя ихъ милостью князьями Острожскими, свято и ненарушимо, не ища никакихъ причинъ къ ихъ нарушенію, содержать и по нимъ поступать, относительно князей Острожскихъ и ихъ пріятелей, вѣчно; такъ намъ и Господи Боже помощи! Если-же мы неправильно присягнули, то покарай насъ, Господи Боже, на душахъ и на тѣлахъ нашихъ, въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ! А для лучшей вѣрности и утвержденія нашего вѣчнаго, этотъ листъ я, Косинскій, рукою власною своею подписалъ и печать свою прикладываю; мы всѣ также приказали приложить къ этому листу войсковую печать и которые изъ насъ умѣли писать, къ нему руки свои подписали; просили сдѣлать тоже и ихъ милостей вельможныхъ пановъ, бывшихъ при этомъ: его ми-

лость пана Якуба Претвича изъ Гавронъ, каштеляна галицкаго, трембовельскаго старосту; его милость пана Александра князя Вишневецкаго, черкаскаго, каневскаго, корсунскаго, любецкаго, лосвскаго старосту, его милость пана Яна Кгулскаго, войскаго трембовельскаго, его милость пана Вацлава Боговитапа, хорунжаго земли волынской, его милость пана Василия Гулевича, войскаго владимірскаго, что ихъ милости по просьбѣ нашей сдѣлать изволили и, приложивъ печати свои къ этому нашему листу, изволили подписать руки свои. Дѣялось подъ Пяткомъ 1593 г. мѣсяца февраля 10 дня. Криштофъ Косинскій своею рукою, Иванъ Кречегвичъ, писарь войсковый именемъ всего войска рукою“... (Далѣ подписи перечисленныхъ выше пановъ).

Но этимъ дѣло не кончилось. Косинскій согласился на такія условія только потому, что былъ въ крайности. Какъ только онъ съ остатками войска получилъ свободу, онъ и не думалъ о соблюденіи присяги. Въ ту-же весну онъ задумалъ отомстить панамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ подъ Пяткою. На Вишневецкаго онъ былъ сердитъ болѣе всего (вѣроятно за то, что этотъ магнатъ, какъ богатѣйшій изъ помощниковъ Острожскаго, доставилъ послѣдному болѣе другихъ войска) и потому съ 2 тысячами людей двинулся къ Черкасамъ, гдѣ въ замкѣ жилъ Вишневецкій. Оставивъ войско, шедшее водою и сухопутьемъ, позади, Косинскій съ нѣсколькимистами человекъ (отъ 350 до 400) вошелъ въ городъ и началъ плянствовать въ корчмѣ. На него пьянаго напали слуги Вишневецкаго и убили. Съ нимъ погибли и его спутники. Остальное войско ушло за пороги¹⁾.

„Такимъ образомъ погибъ безславно этотъ Косинскій, такая участь обыкновенно постигаетъ всѣхъ ему подобныхъ“, говоритъ Бѣльскій. По смерти Косинскаго казаки еще до осени наводили страхъ на шляхту пограничныхъ воеводствъ, старались даже утвердиться въ Кіевѣ, но чѣмъ кончилась попытка, неизвѣстно²⁾. Во-

1) Бѣльскій, стр. 190; Гейденшт. т. 2. стр. 318; иначе передаетъ это Вишневецкій въ письмѣ къ Замоискому (Listy Żółk. стр. 26): онъ говоритъ, что казаки въ числѣ 2000 осадилъ городъ, что онъ Вишневецкій долженъ былъ сразиться съ ними и что въ сраженіи погибъ и Косинскій. Но, быть можетъ, говоря такъ, онъ хотѣлъ скрыть не рыцарское убійство Косинскаго и выставить свою храбрость и заслугу вредъ отечеству. Когда именно погибъ Косинскій, неизвѣстно. Письмо писаво Вишневецкіямъ 23 мая 1593 г.

2) Архивъ, стр. 63; Listy Żółkiewskiego, стр. 28.

обще никакого крупнаго дѣла не произошло. Вниманіе запорожцевъ обратилось опять къ запретному плоду, въ турецкія владѣнія.

Отвѣчая теперь на вопросъ, что такое была война Косинскаго? надо сказать, что она въ значительной степени напоминаетъ, по приѣмамъ и оттѣнку личнаго столкновенія съ княземъ Острожскимъ, „заѣзды“, какими обыкновенно дожимали другъ друга въ тогдашней Польшѣ люди, имѣвшіе средства собрать ополченіе въ большихъ, или малыхъ размѣрахъ. Такъ на нее смотрѣли и современники ¹⁾, любившіе вообще всякія ссоры владѣльцевъ, сопровождавшіяся по обычаю вооруженной расправой, называть войнами. Но внѣшней своей стороною и положеніемъ, занятымъ въ исторіи, она отличается отъ обыкновенныхъ „заѣздовъ“. Разница по внѣшности въ томъ, что одна изъ участвующихъ сторонъ не та, что обыкновенно, — соперникъ Острожскаго не такой-же магнатъ, а козаки. Для правительства они давно уже стали „людьми своевольными“ и потому очень понятно, что вся тогдашняя юридическая обстановка была сейчасъ-же направлена противъ нихъ: явились королевскіе универсалы, постановленія шляхты и пр.; всё это могло дѣлаться какъ изъ желанія обуздать козаковъ, такъ и изъ угожденія Константину Константиновичу Острожскому, подобраться къ которому не только для шляхты, но и для самого короля было не безразлично. Отсюда шумъ бумажный. Шумъ-же дѣйствительный въ трехъ воеводствахъ произошелъ, конечно, отъ значительности противниковъ. Съ одной стороны магнатъ, обладавшій несмѣтными богатствами и вліяніемъ, съ другой — коллективная сила, къ которой единицы приставали изъ трехъ воеводствъ. Но до возстанія массъ еще было очень далеко: потребовалось полудѣвовая ссора козаковъ съ правительствомъ, въ которой послѣднее терпѣло нѣсколько разъ пораженія; потребовались насилія надъ народною совѣстью, надъ національными инстинктами; потребовалось усиленіе до невѣроятной степени гнета экономическаго, чтобы вспыхнуло наконецъ настоящее народное возстаніе при Богданѣ Хмельницкомъ. Нельзя сказать, что-бы положеніе южно-русскаго народа не было тяжело еще во времена Косинскаго, но оно не было еще на

¹⁾ Кромѣ Жолкевскаго (см. здѣсь-же стр. 431), въ «Дневникѣ» Эриха Лиссаги (стр. 50 по русск. переводу) самъ козаки возстаніе Косинскаго называютъ войною съ кievскимъ воеводой.

столько ужасно, чтобъ вызвать со стороны его сопротивленіе *отчужденное*, не справляющееся съ удачами или неудачами. Уже и при Косинскомъ хлопы поднимались, но они прятались за козаковъ и оставляли ихъ при малѣйшихъ признакахъ неудачи. Движеніе Косинскаго, благодаря своему непосредственному сосѣдству по времени съ слѣдующими козацкими возстаніями, закончившимися эпохой Хмельницкаго, получило въ исторіи значеніе прецедента для этой эпохи, отчасти заимствовало отъ нея свѣтъ и въ этомъ свѣтѣ представлялось долгое время историкамъ; на самомъ дѣлѣ оно не имѣетъ строго опредѣленнаго характера народнаго возстанія. Скорѣе можно видѣть въ немъ не ясно сознанный, инстинктивный такъ сказать протестъ противъ того польско-шляхетскаго общественнаго строя, которымъ Польша послѣ люблинской уніи падѣлила и русскія области и который скоро усвоили себѣ и водворяли въ своихъ имѣніяхъ и всѣ русскіе князья и дворяне, не исключая и князей Острожскихъ. Въ короткій промежутокъ отъ этой уніи Руси съ Польшею послѣдняя успѣла слишкомъ много сдѣлать для того, чтобы народъ русскій почувствовалъ на себѣ ярмо польское. Чувствовалось это ярмо и на Запорожѣ, какъ мы выше видѣли. Народное недовольство обозначалось частыми побѣгами „подданныхъ“ за пороги; борьба религіозная была уже въ сильномъ разгарѣ, церковная унія была подготовлена въ такой степени, что оставалось лишь придать ей извѣстную форму. Кто знаетъ, что заставило Косинскаго входить въ тѣ сношенія съ московскимъ царемъ, о которыхъ упомянуто выше? Мотивы распри его и предводимой имъ партіи съ княземъ Острожскимъ еще менѣе извѣстны. Мы далеки отъ мнѣнія прежнихъ нашихъ историковъ, окружавшихъ Косинскаго ореоломъ мученичества за вѣру и народность русскую; но должны признать въ немъ вождя и дѣятеля народнаго, хотя завѣтныя его стремленія остались для насъ не ясными.

Ф. Николайчикъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)¹⁾.

V. Одесса и адьюктъ-профессорство.

Знаете-ли вы Одессу,—эту маленькую, хорошенькую Одессу, которая такъ удобно и живописно расположена на берегу Чернаго моря; этотъ богатый порто-франко съ его безчисленными магазинами, блистающими лучшими произведеніями запада и востока, съ его красивыми зданіями, съ его прелестными окрестностями? Много прекраснаго найдете вы въ этомъ городѣ, одномъ изъ лучшихъ въ Россіи. Своею красотою вась Одесса особенно поразить, когда вы узнаете, что лѣтъ пятьдесятъ едва прошло съ того времени, какъ она начала свое существованіе. Прошло едва полвѣка, и вотъ она уже выросла, возмужала и украсилась, какъ-бы по маповенію жезла въ рукѣ волшебника. Взгляните на здѣшній бульваръ, устроенный на голой скалѣ у моря, украшенный великолѣбными домами, громадной лѣстницей изъ бѣлаго камня, ведущей къ морю, памятникомъ герцогу Ришелье, положившему основаніе Одессѣ, и длиною нитью бѣлыхъ пахучихъ акацій—онъ необыкновенно хорошъ; ничего и нигдѣ не увидите подобнаго въ этомъ родѣ. Посмотрите, какъ очарователенъ видъ съ него на безконечное

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1884 г., февр. кн., стр. 246 -- 296.

море, вдалекѣ сливающееся съ синевою неба, и ближе—на гавань усѣянную множествомъ кораблей, изпещренныхъ флагами всѣхъ націй. Съ какимъ наслажденіемъ сидишь здѣсь вечеромъ, въ тихую погоду, и любишься этою картиной; особенно хороша она, когда освѣщаютъ ее послѣдніе лучи заходящаго солнца, или въ бурное время, когда море бушуетъ, когда волны разбиваются о крутую скалу бульвара и потомъ опять набѣгаютъ съ новою силою, какъ-бы желая увлечь ее за собой, но гордая, величавая она стоитъ незыблемо, презирая усилія могучаго соперника. Какъ красива театральная площадь близъ бульвара и зданія ее окружающія: театръ, гдѣ обыкновенно даютъ итальянскія оперы, на лѣво отъ театра длинное зданіе Palais Royales; здѣсь помѣщаются прекрасныя лавки, лучшія рестораціи и кондитерскія, изъ которыхъ такъ хорошъ Café Каруты. Противъ театра прекрасный домъ англійскаго клуба, направо огромный Hôtel Richelieu, противъ этого отеля находится Casino, клубъ для негоціантовъ; этими двумя зданіями начинается лучшая въ Одессѣ улица Ришельевская, она богата магазинами содержащими въ себѣ самыя модныя произведенія французской и англійской промышленности, параллельно ей идетъ отъ биржи, зданія очень красиваго, Итальянская улица; ихъ пересѣкаютъ Дерибасовская и Греческая, гдѣ найдете въ изобиліи всевозможныя произведенія Италіи, Турціи и Греціи. И посмотрите, какъ всѣ эти улицы чисты, хорошо вымощены и освѣщены. Есть у насъ города, конечно, и красивѣе и богаче Одессы, но независимо отъ интереса, какой представляетъ она своею наружностью, она нравится еще и въ другомъ отношеніи,—въ отношеніи дѣятельности: во всякое время года пойдете въ Одессу одушевленную, вездѣ много жизни и движенія, и когда ни пріѣзжайте сюда, лѣтомъ-ли, зимою, всегда проведете время весело и пріятно: зимою небольшое, но отборное общество жителей одесскихъ, а лѣтомъ, когда всѣ разъѣзжаются на дачи или въ Крымъ, Одесса наполняется пріѣзжими. Много бываетъ иностранцевъ, много пріѣзжаетъ сюда помѣщиковъ изъ новороссійскаго края, западныхъ губерній и Малороссіи. Иные ѣдутъ пользоваться морскимъ купаньемъ, другіе минеральными искусственными водами, а вѣкоторые просто для того только, чтобъ застаться иностранными товарами, которые здѣсь такъ хороши

и дешевы; любители музыки ѣдутъ сюда съ цѣлью услышать итальянскую оперу, представленія которой не прерываются цѣлый годъ; труппа составлена изъ очень хорошихъ артистовъ, иногда встрѣчаются здѣсь и первоклассные европейскіе таланты. Говори вообще, въ Одессѣ очень много самыхъ разнообразныхъ удовольствій, и всякій, кто тамъ побываетъ, очарованный, съ наслажденіемъ вспоминаетъ объ этомъ хорошенькомъ уголкѣ Европы, гдѣ вы встрѣтите образчики почти всѣхъ народовъ.

Этотъ городъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Послѣ привычки къ тихой, довольно скучной жизни въ Кіевѣ, къ пустыннымъ неоживленнымъ его улицамъ, къ условіямъ строгой подчиненности и формальности, которыя проявлялись въ описываемую мной эпоху не только въ самой наружности города, носившаго отпечатокъ казеннаго характера, но и въ общественныхъ отношеніяхъ большей части его жителей, — Одесса шумной дѣятельностью ея разнороднаго населенія, затѣливой архитектурой зданій, великолѣпнымъ видомъ на море, отсутствіемъ военной и полицейской дисциплины и свободой образа жизни не могла не имѣть на меня обаятельнаго вліянія. Множество богатыхъ магазиновъ съ самыми разнообразными предметами иностранной производительности, по цѣнамъ крайне умѣреннымъ, огромныя гостиницы съ роскошнымъ помѣщеніемъ и всѣми удобствами, превосходный столъ, доступный людямъ съ самыми ограниченными средствами, купанье въ морѣ — были для меня такою пріятною новостью, что я въ теченіи двухъ недѣль велъ беззаботную, уличную жизнь провинціального зѣваки.

Однажды сошелся я за обѣдомъ у знаменитаго въ то время ресторатора Оттона, воспитанаго Пушкинымъ, съ нѣсколькими профессорами рижельскаго лицея; къ намъ присоединился К. А. Неволинъ, проводившій каникулы въ Одессѣ. Разговоръ шель о наукѣ, о лицей, о вакантныхъ кафедрахъ. Оказалось, что кафедра русскаго законовѣднія не была занята въ лицей въ теченіи полугода. Неволинъ предложилъ меня лицейскимъ профессорамъ, присовокупивъ, что лучшаго выбора сдѣлать не можетъ. Меня стали просить принять кафедру законовѣднія, но на этотъ разъ разговоры наши кончились ничѣмъ: я не рѣшался принять лестное для меня предложеніе.

Отец мой служилъ еще въ компанію 1812-го и послѣдующихъ годовъ и участвовалъ почти во всѣхъ значительныхъ сраженіяхъ славной эпохи; онъ былъ хорошо знакомъ съ графомъ М. С. Воронцовымъ, тогдашнимъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, и снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ.

Черезъ день послѣ встрѣчи съ профессорами я отправился къ генералъ-губернатору. Графъ принялъ меня очень ласково и представилъ пріѣхавшему къ нему во время моего посвященія попечителю одесскаго учебнаго округа Княжевичу. Я считъ долгомъ на другой день побывать у Княжевича. Княжевичъ наговорилъ мнѣ множество любезностей, сказалъ, что получилъ обо мнѣ самыя лучшія свѣдѣнія отъ бывшаго моего профессора Неволіна, и зная желаніе мое посвятить себя ученому поприщу, просилъ принять вакантную кафедру русскаго законовѣдѣнія въ риншельевскомъ лицей. Я выпросилъ у него нѣсколько дней на размысленіе и возвратился къ нему вскорѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Мнѣ едва наступилъ двадцать первый годъ. Задавая себѣ вопросъ: принять или не принять предложеніе попечителя, я сознавалъ, что лекціи въ лицей возьмутъ у меня много времени, дадутъ возможность болѣе усвоить и уяснить пріобрѣтенныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекутъ отъ новыхъ занятій и затруднятъ, при скудности учебныхъ пособій въ Одессѣ, приготовленіе къ экзамену на степень магистра. Впрочемъ возможность сдѣлаться профессоромъ въ двадцать лѣтъ и сѣсть на кафедру прямо изъ студетческой скамьи взяла перевѣсъ надъ другими соображеніями, я согласился принять кафедру и поселился въ Кіевъ, чтобы написать кандидатскую диссертацию.

Для диссертациі я избралъ область уголовного права и написалъ историческое рассужденіе о политической смерти. Диссертациія моя была единогласно одобрена профессорами и вскорѣ я былъ утвержденъ въ ученой степени кандидата.

Въ августѣ я получилъ приглашеніе ѣхать немедленно въ Одессу для чтенія лекцій. Мнѣ предстояла еще поѣздка въ деревню, чтобы успокоить отца на счетъ поступленія моего, но значенію въ обществѣ, въ число монаховъ и женщинъ. Добрая мать мая помогла мнѣ въ этомъ и

очень обрадовалась первымъ моимъ шагомъ на поприщѣ гражданской дѣятельности, но сожалѣла, что пребываніе въ Одессѣ удалить меня отъ нея и лишить возможности видѣть меня часто; я ее успокоивалъ тѣмъ, что пребываніе въ Одессѣ не продлится долго и что не позже года я приѣду въ деревню.

Въ первыхъ числахъ сентября прибылъ я въ Одессу. Недѣли двѣ употребилъ на знакомство съ лицейскими профессорами, лицами принадлежавшими къ учебному вѣдомству, частью одесскаго общества, и на устройство квартиры, нанятой мною въ домѣ З***, на бульварѣ. Затѣмъ занялся приготовленіемъ къ чтенію лекцій. Въ юридическомъ факультетѣ риншельскаго лицея полагалось всего три профессора; по кафедрѣ мнѣ доставшейся я долженъ былъ читать студентамъ 1-го курса основные законы имперіи и государственныя учрежденія, во 2-мъ курсѣ гражданскіе и межевые, въ 3-мъ уголовное право; въ недѣлю я имѣлъ девять полутора часовыхъ лекцій. Любимымъ моимъ предметомъ было уголовное право и я обратилъ особенное вниманіе на составленіе лекцій по этой части моей профессуры, тѣмъ болѣе, что уголовное право приходилось читать студентамъ третьяго курса, достаточно развитымъ и подготовленнымъ, а по возрасту по большей части гораздо старше меня. До прибытія моего въ Одессу, имъ временно читалъ уголовное право одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей по службѣ и успѣлъ познакомить ихъ вкратцѣ съ теоріями уголовного права. Для вступительной моей лекціи, служившей продолженіемъ преподаванія, я тщательно обработалъ критическій взглядъ на теоріи уголовного права. На лекцію пожаловали всѣ ученые, находившіеся въ Одессѣ, и много постороннихъ лицъ. Лекція вышла блестящая и въ высшей степени занимательная по своему содержанію: несостоятельность философскихъ системъ въ примѣненіи къ практикѣ была мною доказана съ неотразимою логическою послѣдовательностью.

Довольно застѣнчивый по природѣ, не вполне увѣренный въ своихъ профессорскихъ способностяхъ, я долженъ былъ сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы въ присутствіи мало знакомой, взъяскательной публики прочесть тономъ недаго профессора длинную лекцію.

Взойдя на кафедру, я чувствовалъ себя неловко, лекцію началъ

дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но нослѣ вступительныхъ словъ ободрился и продолжалъ съ увѣренностью, не лишенною достоинства.

Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Похваламъ и поздравленіямъ не было конца; вступительная моя лекція особенно понравилась извѣстному въ ученомъ мірѣ профессору Нордману, но наблюдательный взоръ мой не могъ не замѣтить смущенія и выраженія подавленной злобы на лицѣ одного изъ двухъ профессоровъ юридическаго факультета, читавшаго временно мой предметъ въ третьемъ курсѣ. Пожилой магистръ X-го университета, не слѣдившій за развитіемъ науки и преподававшій по старымъ руководствамъ, съ рутинной неподвижностью, часть юридическихъ лекцій въ теченіи 12 лѣтъ, не могъ простить мнѣ новаго взгляда на науку, сдѣлавшую огромные успѣхи въ послѣднее время, и смѣлости, съ которою я дерзнулъ опровергнуть старыя убѣжденія криминалистовъ, бывшихъ для него неприкосновеннымъ авторитетомъ. Общее сочувствіе къ молодому преподавателю, посвятившему себя наукѣ только для науки и не нуждавшемуся въ мѣстѣ для своего существованія, еще болѣе раздражило стараго рутиниста.

Первое время пребыванія моего въ Одессѣ было исключительно посвящено лекціямъ, я составилъ программы, по которымъ въ теченіи учебнаго года долженъ былъ пройти все предметы моего преподаванія. Свободнаго времени имѣлъ очень мало и не располагалъ знакомиться съ обществомъ, чтобы не имѣть развлеченій, которыя могли бы вредить подготовкѣ лекцій и отвлечь меня отъ занятій къ предположенному чрезъ годъ въ Кіевѣ магистерскому экзамену.

Къ октябрю возвратился изъ Крыма графъ Воронцовъ съ семействомъ; въ числѣ моихъ слушателей 3-го курса былъ и сынъ его Семенъ Михайловичъ. Однажды онъ мнѣ передалъ приглашеніе графа на обѣдъ. Я не могъ отказаться; былъ представленъ графинѣ Воронцовой, ея дочери и нѣкоторымъ дамамъ высшаго общества. На другой день долженъ былъ сдѣлать имъ визиты, былъ принятъ весьма благосклонно и получилъ приглашеніе продолжать знакомство. Въ короткое время я познакомился почти со всемъ одесскимъ обществомъ — блестящимъ, довольно многочисленнымъ и гостепріимнымъ. Я говорилъ хорошо по французски, по нѣмецки и по итальянски, былъ порядочнымъ танцоромъ, весьма от-

четливо игралъ на фортепьяно и виолончели, имѣлъ замѣчательный талантъ къ музыкальнымъ импровизациямъ и пѣлъ не дурно. Баритонъ былъ у меня не большой, но священный огонь молодости, а подъ чась и страсти, придавалъ моему голосу много выраженія.

Въ Одессѣ была очень хорошая итальянская опера, музыку вообще любили и занимались ею, но отдавали преимущество итальянской. Я предпочиталъ нѣмецкую, исполнялъ на фортепьяно по большей части пьесы Мендельсона, Бетховена и Моцарта, игралъ на виолончели произведенія Ромберга, Куммера, Доцауера и Серве и пѣлъ почти исключительно Шуберта и русскіе романсы. Музыка моя производила большой эффектъ, какъ новость.

Противъ желанія, я вскорѣ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ; въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я сталъ твердой ногой на новой для меня почвѣ, слылъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей лица, считался безукоризненнымъ джентльменомъ въ обществѣ.

Признаюсь откровенно: блестящее мое положеніе вскружило мнѣ голову; не ожиданный успѣхъ поставилъ меня на высоту, о которой я не мечталъ, но какъ ни было опасно это положеніе для молодого человѣка, начинавшаго жить, оно имѣло ту хорошую сторону, что неувѣренность въ себя и врожденная застѣнчивость исчезли у меня мало по малу. Дни проводилъ я въ добросовѣстныхъ ученыхъ занятіяхъ, увеличившихся порученіемъ преподаванія римскаго права, по случаю отъѣзда профессора этого предмета, а вечера, до поздней ночи, въ увлекательномъ обществѣ красивыхъ и любезныхъ одесскихъ дамъ. Нравы были не суровы, отношенія дружески свободныя; я сталъ жить широко и безъ разчета тратилъ мою молодость.

Въ числѣ лицъ, постоянно проводившихъ зиму въ Одессѣ, былъ Г. Б., очень образованный, необыкновенно толстый человѣкъ, средних лѣтъ, некрасивой наружности. Онъ былъ женатъ на молдованкѣ княжескаго рода, имѣлъ огромное состояніе; ближайшій сосѣдъ по занимаемой мною квартирѣ, большой любитель музыки и отличный музыкантъ, онъ занесивалъ моего знакомства, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ его великолѣпнаго дома. Часто разыгрывали мы квартеты, еще чаще приходилось мнѣ импровизировать на заданныя темы. Су-

пруга его была красивая женщина не первой молодости: лѣтъ тридцати, средняго роста, худощава, съ большими черными выразительными глазами, нерѣдко удостоивавшими меня пламеннымъ, жгучимъ взглядомъ.

Безъ особеннаго увлеченія сошелся я съ этой женщиной. По богатству и происхожденію она играла не послѣднюю роль въ обществѣ, но изящному вкусу и хорошему образованію имѣла въ немъ большее вліяніе; она привязалась ко мнѣ съ пылкостью своей южной природы, съ страстью, на которую способны однѣ женщины зрѣлыхъ лѣтъ. Отношенія мои къ ней льстили моему самолюбію, но вскорѣ я убѣдился, что во мнѣ, кромѣ влеченія очень обыкновеннаго въ молодомъ человѣкѣ къ красивой женщинѣ, не было другаго чувства.

Госпожа Б. отличалась необыкновенною ревностью и связь съ этой женщиной начинала тяготить меня. По врожденной деликатности я не имѣлъ силы воли прервать съ нею мои сношенія мгновенно; положеніе мое становилось впрочемъ невыносимымъ: она совершенно овладѣла мною, распоряжалась какъ своею собственностью и со дня на день становилась неотвязчивѣе и несноснѣе.

Наконецъ терпѣніе мое истощилось, я прервалъ мои сношенія съ г-жею Б. и съ большою твердостью перепесъ взрывъ негодованія, потоки упрековъ и слезъ. Мужъ, и какъ всѣ мужья, ничего не подозрѣвалъ и былъ не мало удивленъ, что не встрѣчалъ меня въ теченіи нѣсколькихъ дней въ своемъ домѣ. Я сказался больнымъ и недѣли черезъ двѣ появился снова у Б., какъ ни въ чемъ не бывало.

Зима прошла быстро въ занятіяхъ и ежедневныхъ развлеченіяхъ. Между прочимъ, я часто посѣщалъ мастерскую Лангле, портнаго на меня шившаго: у него была прехорошенькая жена, типъ провансальской француженки, и за нею ухаживалъ, а съ мужемъ упражнялся въ фехтованьи на рапирахъ. Не смотря на то, что Лангле былъ лѣвшій, онъ владѣлъ превосходно шпагой и выучилъ меня многимъ приѣмамъ, которые не были еще мнѣ извѣстны. Я былъ очень любезенъ съ великосвѣтскими дамами вообще, но, проученный г-жею Б., не входилъ въ близкія къ нимъ отношенія, не смотря на возможность пристроить себя. Въ блестящемъ одесскомъ обществѣ было много красавицъ не жестокосердыхъ и обычай перешедшій изъ Италіи имѣть *cavaliere servante*,

такъ усвоился въ Одессѣ, что сталъ характеристическою чертою тамошнихъ нравовъ.

Не могу пройти молчаніемъ замѣчательныхъ личностей этого сезона. Въ ноябрѣ 1841 года, на одесскомъ театрѣ давали новую оперу „Эдинбургская темница“. Хорошенькая зала этого театра, отдѣланная просто, но со вкусомъ, въ этотъ вечеръ была полна, такъ полна, какъ обыкновенно бываетъ она во время представленія новыхъ оперъ или дебюта лучшихъ артистовъ. Ложи перваго яруса зимою всегда абонированы одесскою знатью, въ ложахъ другихъ ярусовъ помѣщаются пріѣзжіе, семейства негодантовъ и лицъ не принадлежащихъ къ высшему кругу; кресла заняты многочисленной и блестящею молодежью; партеръ набитъ мелкими чиновниками и приказчиками, которыхъ здѣсь такъ много. Зала была похожа на прекрасный цвѣтникъ, усѣянный роскошными цвѣтами; кое гдѣ, правда, проявлялись растенія нѣсколько и обыкновенныя, но они почти не были замѣтны въ блестящей массѣ цѣлаго. И въ самомъ дѣлѣ никогда Одесса не была богата такимъ множествомъ прекрасныхъ лицъ, какъ въ зиму 1841 года; чтобы убѣдиться въ справедливости этого, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на ложи перваго яруса. Взгляните на одну изъ нихъ первую на лѣвой сторонѣ отъ сцены, — вы увидите тамъ молодую женщину очаровательной наружности—это княгиня К. Какъ чудно хороша она, какъ интересно ея блѣдно-матовое миниатюрное лицо, окаймленное черными какъ смоль волосами! Видали-ль вы что нибудь лучше, восхитительнѣе княгини? За нею князь К., олицетворенное ничтожество; нужно разъ увидѣть князя, чтобъ составить себѣ объ немъ вѣрное понятіе навсегда: никогда не видѣль я лица, которое-бы такъ отчетливо изображало глупость, какъ лице князя; посмотрѣвъ на него, вы скажете: этотъ человекъ глупъ и не ошибетесь, никогда наружность не была такимъ вѣрнымъ отблескомъ внутренняго, интелентульнаго. Далѣе ложа К. По красотѣ безспорно первое мѣсто занимала г-жа К. Блондинка средняго роста не выразиимо пріятнаго лица съ голубыми глазами. Мужъ ревности необычайной. Никогда не отходилъ онъ отъ жены, постоянно сопровождалъ всюду, въ тайцахъ всегда становился за ея стуломъ и утромъ во время посѣщеній никогда не уходилъ изъ гостиной. Часто

молодые люди подшучивали надъ нимъ. Стоваривались отправиться съ визитомъ къ К. Одинъ изъ молодыхъ людей, когда въ гостинной хозяй-евъ не бывало никого, подъ предлогомъ поговорить о дѣлѣ уводилъ мужа въ кабинетъ и задерживалъ его тамъ, какъ можно долѣе. Въ это время одинъ за другимъ являлись къ г-жѣ К. посѣтители и мужъ подвергался невыносимой нравственной пыткѣ. Потомъ ложа князя Г. Взглянувъ на княгиню, вамъ невольно представится Эмеральда изъ Notre Dame de Paris. Княгиня не была молода, воздушна и эфирна, какъ цыганка, созданная Тюго, но имѣла прелестное смуглое лице, черные волосы, огненные, жгучіе глаза, сверкающіе молніями. Особенный, нѣсколько даже странный туалетъ княгини, дѣлалъ это сравненіе еще болѣе вѣрнымъ. Было въ ея одѣяніи много необыкновеннаго, но всего болѣе поражалъ головной уборъ, блиставшій множествомъ золотыхъ булавокъ и другихъ металлическихъ украшеній. Хороша, очаровательна была княгиня и взоры многихъ были обращены къ ней. Въ эту минуту на лицѣ князя можно было прочесть особенное удовольствіе; онъ гордился вниманіемъ оказываемымъ его супругѣ и всегда довольный всѣми и всѣми, а собою въ особенности, казалось, онъ выросъ въ этотъ вечеръ. Подлѣ ложи князя Г., ложа Ч. Здѣсь нельзя не замѣтить молодой дѣвушки, сидящей облокотившись на перила ложи: ее нельзя назвать красавицей, но неправильное лице ея, подернутое тихою грустью, невыразимо интересно. Съ правой стороны ложа г-жи Щ. Величественная осанка, правильныя черты лица, типъ библейской красоты производили на зрителя обаятельное впечатлѣніе; г-жа Щ. была идоломъ, которому поклонялись всѣ.

Далѣе г-жа С., роскошная блондинка, принадлежащая къ одной изъ извѣстныхъ фамилій Малороссіи. Потомъ г. П., гречанка античныхъ формъ, замѣчательной пластической красоты. За нею Г. С. миловидная молоденькая дама, съ волосами пепельнаго цвѣта и большими черными глазами. Наконецъ дѣвица К. стройная какъ пальма; роскошные каштановые волосы окаймляли обворожительно интересное лице, которому особенное выраженіе придавали небольшіе огненные каріе глаза.

Роскошь мебелировки и мужскихъ туалетовъ могла сравниться съ роскошью главныхъ столицъ Европы. Чисто русское гостепріимство и

хлѣбосолюство соединялось съ непринужденностью свойственною иностранцамъ.

Въ концѣ сезона у графа Воронцова было два костюмированныхъ бала, въ которыхъ я принималъ участіе. Балы эти были великолѣпны: на первомъ появился кадрили изъ 16 паръ въ костюмахъ Калабрійскихъ разбойниковъ, другой изъ 12-ти въ албапскихъ; отдѣльныя группы изъ Notre Dame de Paris: Эмеральда, Клодъ Фроло Казимодо и Фебюсъ, изъ Робертъ-дьявола: Вертранъ Робертъ и Алиса, изъ Эрнани: Донна Соль, Карлъ V, Эрнани и Рюи Голецъ. На второмъ кадрили Шотландцевъ, Венеціанцевъ, пародіа на сцену изъ Эмеральды, изъ Фауста группа: Мефистофеля, Фауста и Гретхень, изъ Донъ-Жуана: Командоръ, Дона Анна, Лепорелло и Донъ-Жуанъ.

Въ постъ занимались много классической музыкой; самыя замѣчательныя вечера были у г. Б. два раза въ недѣлю: по вторникамъ исполняли квартеты и соло на разныхъ инструментахъ, по субботамъ симфоніи и церковную музыку.

Наступилъ май. Явилось желаніе устроить большой пикникъ на хуторѣ Рено. Вся блестящая молодежь Одессы приняла въ немъ участіе: по подпискѣ составила довольно крупная сумма и весенній загородный праздникъ достойнымъ образомъ увѣнчалъ зимній сезонъ удовольствій. Я былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей этого праздника.

Внизу большой лѣстницы, ведущей отъ бульвара къ морю, была устроена палатка, въ которой приглашенные собрались къ 12 часамъ утра; послѣ легкаго завтрака сѣли въ шлюпки, украшенныя разноцвѣтными флагами и управляемыя гребцами въ костюмахъ венеціанскихъ гондольеровъ; впереди флотиліи шелъ баркасъ съ музыкой и хоромъ итальянскихъ пѣвцовъ. Часть общества, не желавшая ѣхать моремъ, отправилась въ экипажахъ сухимъ путемъ. На хуторѣ, на высокой возвышенности, украшенной мачтами съ флагами, была устроена батарея, съ которой произведены залпы при прибытіи флотиліи къ берегу.

До обѣда время было посвящено гулянью на хуторѣ, приведенномъ въ порядокъ къ празднику; въ пятомъ часу на галереѣ, окружа-

ющей обширный домъ, былъ подавъ великолѣпный обѣдъ, приготовленный Оттономъ; послѣ обѣда опять гулянье, въ 8 часовъ начались танцы въ большой залѣ, убранной со вкусомъ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и освѣщенной à gіогно, въ десять былъ сожженъ фейерверкъ. Танцы продолжались до 5 часовъ утра; не танцующіе провели большую часть вечера въ саду, иллюминированномъ разноцвѣтными фонариками и отъ времени до времени освѣщаемомъ бенгальскими огнями. Праздникъ кончился ужиномъ съ безчисленнымъ множествомъ тостовъ.

Въ концѣ зимы я сошелся съ замѣчательными личностями: съ лордомъ Альвенслеємъ, старымъ подагрикомъ и холостякомъ, который очень меня любилъ, — онъ былъ человѣкъ весьма образованный и умный и цѣрь соединенныхъ королевствъ Великобританіи; съ г. И. весьма умнымъ, краснорѣчивымъ господиномъ, прожившимъ довольно большое состояніе и съ г. С., дѣльнымъ и очень пріятнымъ человѣкомъ. И. и С. только и думали, какъ-бы провести время пріятнѣе, почти каждый день мы собирались вмѣстѣ по вечерамъ; за частую дѣлали весною эѣскурси въ окрестности города въ экипажахъ, нерѣдко и моремъ на яхтѣ, принадлежавшей г. К. Послѣдній былъ эпикуреецъ и самодуръ: онъ проѣлъ и пропилъ значительное состояніе, курилъ опиумъ и забавлялся тѣмъ, что отравлялъ своихъ друзей разными возбуждающими средствами. Я избѣгалъ знакомства съ этимъ господиномъ; случай насъ свелъ, но отношенія наши были всегда болѣе чѣмъ холодны.

Къ послѣднему времени моего пребыванія въ Одессѣ относится знакомство мое съ молодой жепщиной, своего рода знаменитостью, извѣстной подъ именемъ графини С. Все, что ни было въ Одессѣ изъ молодежи и лицъ солидныхъ лѣтъ, все было знакомо съ графиней. Она каждый вечеръ бывала дома и у ней всегда можно было встрѣтить многочисленное общество женщинъ, носившихъ въ то время названіе лоретокъ. Графиня Теофила С. была замѣчательна своею наружностью и характеромъ.

Представьте себѣ жепщину 22*хъ лѣтъ, роста выше средняго, съ таліей шестнадцатилѣтней пансіонерки, съ руками и ногами необыкновенно маленькими, съ бюстомъ Веперы Медичійской, съ густыми чер-

ными какъ смоль волосами, падавшими толстыми косами до земли, съ огромными темнокарыми глазами, свѣтившимися умомъ и страстнымъ выраженіемъ; дугообразныя черныя брови, маленькій ротикъ съ тонкими коралловыми губками, украшенный двойнымъ рядомъ жемчужинъ; прибавьте къ этому врожденную непринужденную грацію и вы будете имѣть приблизительное понятіе о красотѣ Теофилы; единственнымъ ея недостаткомъ было небольшое, едва замѣтное бѣзмя на лѣвомъ глазѣ.

Характеръ Теофила имѣла веселый, беззаботный и отличался необыкновенною въ ея положеніи добросовѣстностью и честностью, сердца была добротою, но своеправна, вспыльчива и очень разборчива. Не всякій могъ пользоваться ея расположеніемъ, бывали люди и знатные и богатые, которые ухаживали за нею безъ успѣха.

Родомъ фанариотка, она была привезена въ Одессу ребенкомъ. Графъ С. купилъ ее у матери, далъ порядочное образованіе и сдѣлалъ своей любовницей. Умирая онъ оставилъ Теофилѣ порядочный домъ и небольшой капиталъ.

Графъ С. скончался до прибытія моего въ Одессу. Я былъ знакомъ съ нимъ еще въ Кіевѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ во время контрактовъ; у него было большое имѣніе въ кіевской губерніи, переданное сестрѣ графа въ замужествѣ за графомъ А. А. Б. Графъ С. оставилъ по себѣ память Доянъ-Жуана, рыцаря безъ страха и упрека и большого барниа. Съ рѣдкой красотой онъ соединялъ умъ, любезность, веселость и многіе таланты: былъ одаренъ необыкновенной физической силой, отлично ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ, фехтовалъ, былъ замѣчательнымъ музыкантомъ и ловкимъ танцоромъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Теофилой, было не въ ея пользу. Я питалъ особенное отвращеніе къ женщинамъ слишкомъ легкихъ нравовъ; свобода въ обращеніи, обстановка, среди которой я познакомился съ этой куртизанкой высшаго полета, оттолкнула меня отъ нея. Послѣ перваго посѣщенія, сдѣланнаго изъ любопытства, я не бывалъ больше у Теофилы.

Изъ квартиры моей на бульварѣ, въ которой житья мнѣ не было отъ сварливой и несносной хозяйки дома, я перешелъ въ Новороссій-

скую гостиницу Маттео, отличнаго повара, по преданію, бывшаго пирата.

Однажды вечеромъ, возвратясь изъ загородной прогулки, я соби-рался лечь спать,—отворяются двери моей гостинной и къ не малому моему удивленію я вижу предъ собой Теофила.

И принявъ ее вѣжливо, но очень сухо. Представьте себѣ мое уди-вленіе, когда она объявила, что пріѣхала развлечь меня отъ скуки, которая, по отзывамъ моихъ пріятелей, съ нѣкотораго времени меня одолѣла, что она отослала свой экипажъ и увѣрена, что я не заставлю ее возвращаться домой въ поздній часъ ночи.

Какъ не озадачила меня такая безцеремонность, дѣлать было не-чего: нужно было подчиниться оригинальному капризу своенравной жен-щины, тѣмъ болѣе, что она была очаровательно хороша.

Теофила совершенно плѣнила меня своимъ умомъ, неподдѣльной веселостью, безкорыстной привязанностью и формами, достойными рѣзца Праксителя.

Наступило время экзаменовъ въ лицѣѣ. Студенты меня любили, занимались хорошо моими предметами и выдержали экзамень пре-восходно.

Вслѣдствіе наговоровъ моего товарища по профессурѣ, что я въ моихъ лекціяхъ провожу идеи слишкомъ новыя и чрезъ-чуръ либераль-ныя попечитель присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ изъ предметовъ мной пройденныхъ и не зналъ, какъ выразить мнѣ свою благодарность за успѣхи студентовъ; онъ въ особенности остался доволенъ уголовнымъ правомъ и обширными свѣдѣніями, сообщенными мною студентамъ о фи-лософій права законодательствѣ европейскихъ государствъ и американ-скихъ штатовъ.

Несмотря на столь удовлетворительный исходъ моей ученой дѣ-ятельности, я заявилъ намѣреніе прекратить на будущій учебный годъ мои лекціи въ лицѣѣ, убѣдясь въ невозможности, при большихъ заня-тіяхъ и разсѣянной жизни, приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ магистер-скому экзамену.

Попечитель уговаривалъ меня не оставлять службы въ лицѣѣ и предлагалъ воспользоваться каникулами и отпускомъ въ первые осенніе

мѣсяцы, чтобы ѣхать держать экзаменъ въ Кіевѣ. Я не далъ ему положительнаго общанія исполнить его желаніе и въ іюнѣ отправился въ деревню.

Теофила такъ привязалась ко мнѣ, что изъявила желаніе проводить меня до Вознесенска.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда, пріѣхали изъ Кавказа въ Одессу и поселились въ новороссійской гостиницѣ князь О., богатый молодой грузинъ, генераль нашей службы, и поручикъ Ф., извѣстный повѣса, изгнанный изъ Петербурга, гдѣ воспитывался съ очень высоко поставленными личностями, и посланный на Кавказъ изъ гвардіи въ армію прапорщикомъ за какія-то шалости.

Эти господа познакомились со мною и очень меня полюбили, заставляли со дня на день откладывать мой отъѣздъ, дали нѣсколько прощальныхъ обѣдовъ и наконецъ до того надоѣли, что я не зналъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Князь О. долженъ былъ остаться въ Одессѣ, а Ф. вызвался сопутствовать мнѣ до Вознесенска. Въ Вознесенскѣ та-же исторія; у Ф. нашлось много знакомыхъ и товарищей по службѣ между квартировавшими тамъ кавалеристами, задержали меня цѣлую недѣлю и устроили великолѣпные проводы.

Въ Вознесенскѣ простился я и съ Теофилой. Мнѣ жаль было съ нею разстаться: я ее любилъ за искреннюю ко мнѣ привязанность и рѣдкое безкорыстіе. Никогда въ Одессѣ не соглашалась она принять отъ меня цѣннаго подарка; разставаясь, я считъ долгомъ предложить ей довольно крупную сумму. Теофила не приняла денегъ, вспылала, разсердилась, а потомъ расплакалась какъ дитя, укоряя меня въ неделикатности и неумѣнн отличить искреннюю привязанность отъ продажной податливости. Мнѣ стало совѣстно, не могъ я простить себѣ неумышленнаго оскорбленія любящей женщины, и долго, долго не могъ забыть ее.

Въ Кіевѣ нашелъ нѣсколькихъ товарищей по университету, провелъ съ ними весело три дня, посѣтилъ Кинь-грусть, гдѣ былъ принятъ очень радушно и прибылъ въ деревню гораздо позже назначеннаго срока.

Тамъ меня ожидали радости семейной жизни и любящее сердце матери.

Къ родителямъ моимъ доходили обо мнѣ преувеличенныя слухи, — о развѣянной жизни въ Одессѣ, увлеченіяхъ и нерасчетливости. Средства, которыми мнѣ давали, было дѣйствительно недостаточно: я задолжалъ, немедленно ушлотили мои долги и согласился съ моимъ желаніемъ не возвращаться въ Одессу, а ѣхать за границу, отдохнувъ въ теченіи лѣта въ деревнѣ. Отдыхъ мнѣ былъ необходимъ: я усталъ и физически и нравственно. Объ Одессѣ я впрочемъ не жалѣлъ; зимній сезонъ, проведенный въ ней, пронесся какъ ураганъ, впечатлительная натура моя не вынесла изъ него ничего, кромѣ удовлетвореннаго самолюбія и сердечной пустоты; иногда только взгрустнется бывало, когда вспоминишь Теофилу съ ея заплаканными при прощаньи глазами.

Тихая деревенская жизнь, ароматическій стениой воздухъ, превосходный садъ, откровенныя дружескія бесѣды съ умной и доброй моею матерью имѣли благотворное на меня вліяніе: я отдохнулъ, но не спѣшилъ отъѣздомъ за границу. Въ августъ только собрался въ дальній путь и напутствуемый благословеніями, добрыми пожеланіями и совѣтами отправился въ Петербургъ, чтобы получить командировку съ ученой цѣлью за границу, на моея вѣдывеніи, или-же отставку.

По дорогѣ я заѣхалъ къ двоюродной сестрѣ моего отца г-жѣ С., замѣчательной своимъ умомъ, но не получившей почти никакого образованія; она представляла типъ помѣщицы давно прошедшихъ временъ. Отличная хозяйка въ обширномъ смыслѣ этого слова, необыкновенно строгая съ прислугой и крестьянами, въ высшей степени расчетливая, она вела превосходно свои дѣла и нажила громадное состояніе; оvdовѣвъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества, посвятила себя заботамъ о единственной дочери, которая воспитывалась въ одно время со мною въ Х., и вышла замужъ за К. Новобрачные поселились въ Петербургѣ, у нихъ гостилъ я послѣ выхода изъ училища. Тетушка С. просила меня остановиться въ Петербургѣ въ квартирѣ ея дочери.

Въ Москвѣ я остался нѣсколько дней, чтобы познакомиться съ достопримѣчательностями первопрестольной столицы. Въ гостинницѣ Швалдышева встрѣтился съ молодымъ Альвенслеємъ, который мнѣ очень

обрадовался и взялъ съ меня слово посѣтить его въ Англіи, въ замкѣ около Лондона. Москва мнѣ понравилась, въ ней прожилъ я очень пріятно недѣлю, нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ и родныхъ. Былъ очень радушно принятъ княземъ Д., женатымъ на дальней моей родственницѣ, замѣчательной своей црасотой. Я съ ними вскорѣ породнился ближе: старшая сестра моя вышла замужъ за В., брата княгини. Въ петровскомъ паркѣ Д. имѣли великолѣпную дачу и жили открыто, у нихъ я познакомился съ московскою знатю.

Въ Петербургѣ, въ обширной и превосходно убранной квартирѣ кухни, на Гороховой, въ домѣ Таля, я расположился весьма удобно. Кухина была за границей, а мужъ ея уѣхалъ въ Сибирь, получивъ назначеніе на одно изъ важныхъ въ край мѣстъ. Многочисленная прислуга и отличный поваръ оставались дома.

Я вскорѣ отыскалъ своихъ товарищей по училищу и проводилъ съ ними время въ дружеской бесѣдѣ. Они только-что кончили курсъ и поступили на службу. Вѣсть о моихъ успѣхахъ въ университетѣ и преподаваніи въ лицей дошла до нихъ гораздо прежде моего пріѣзда въ Петербургъ. Какъ во всемъ дурномъ, такъ и въ хорошемъ не бываетъ безъ преувеличенія. По исключеніи изъ училища меня считали погибшимъ, послѣ занятія кафедры на меня смотрѣли какъ на ученаго профессора, какъ на авторитетъ въ наукѣ и обращались со мной съ подобающимъ уваженіемъ. Неудивительно со стороны товарищей: изъ разговоровъ со мной они убѣдились, что университетское образованіе вообще стояло несравненно выше училищнаго. Самый способъ занятій въ университетѣ давалъ возможность относиться къ наукѣ серьезно, чѣмъ въ училищѣ, которое въ первое время его существованія было школою въ тѣсномъ смыслѣ: задавали уроки, спрашивали и, при удовлетворительныхъ отвѣтахъ, ставили удовлетворительныя отмѣтки. На экзаменахъ придерживались текста руководствъ, по большей части устарѣвшихъ. Память играла большую роль; на осмысленное усвоеніе предмета, на умственное развитіе учащихся не обращали должнаго вниманія. О преподаваніи и говорить нечего. Общее всестороннее образованіе брало много времени въ ущербъ спеціальнымъ предметамъ, которые проходили довольно поверхностно. И преподаватели были не тѣ, что въ универси-

тетѣ, а если и приглашались университетскіе профессора, то они въ училищѣ совершенно иначе читали свои лекціи. Между тѣмъ служебныя преимущества училища были выше университетскихъ. Кромѣ товарищей были еще лица, которые превозносили мою ученость; одинъ господинъ, довольно высоко поставленный въ ученомъ мірѣ, простеръ свою любезность до того, что хвалилъ мою диссертацию и увѣрялъ, что читалъ ее съ большимъ вниманіемъ, тогда какъ она никогда не была напечатана.

Я поѣхалъ къ Е. Ф. фонъ-Брадке онъ принялъ меня весьма ласково и передалъ мнѣ разговоръ съ директоромъ училища П. обо мнѣ. По увольненіи отъ должности поочетеля, Егоръ Федоровичъ отправился въ Петербургъ и при свиданіи съ П. сказалъ ему, что однимъ изъ лучшихъ студентовъ кіевского университета былъ бывший воспитанникъ училища; директоръ спросилъ фамилію, и когда Брадке назвалъ меня, П. не хотѣлъ вѣрить и объявилъ, что я большой новѣса и плохой ученикъ, исключенный за малости, а хорошій студентъ вѣроятно мой однофамилецъ. Когда Брадке описалъ мою наружность, сомнѣнія въ тождественности быть не могло; но П. увѣрялъ, что я достаточно хитеръ, чтобы скрывать свои пороки, что никогда не кончу курса и не сдѣлаюсь порядочнымъ человѣкомъ. Поѣзжай, сдѣлай одолженіе къ П., призовокуиалъ Брадке и убѣди, что онъ непростительно ошибался на твой счетъ.

Къ П. я не поѣхалъ, степень кандидата и кафедра въ лицѣ смышл съ меня пятно изгнанія изъ училища, но не могъ я забыть несправедливости и преслѣдованій директора.

Отецъ мой далъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ сослуживцамъ по гвардіи, нѣкоторые занимали важныя должности, изъ нихъ съ особенною привѣтливостью я былъ принятъ графомъ Кушелевымъ, директоромъ артиллерійскаго департамента, на прелестной дачѣ по Петерговской дорогѣ, и генераль-адъютантомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, недавно возвратившимся изъ Берлина, куда сопровождалъ прусскаго короля при обратномъ его путешествіи изъ Петербурга.

Министръ народнаго просвѣщенія Сергій Семеновичъ Уваровъ, жившій въ то время на дачѣ, принялъ меня сначала очень благосклонно.

но. Я сообщил ему мое предположеніе ѣхать за границу, чтобы въ германскихъ университетахъ заняться наукой, и просилъ командировки на три года безъ всякаго пособія отъ казны. Министръ сказалъ, что можетъ разрѣшить командировку съ ученою цѣлью безъ содержанія, но съ сохраненіемъ правъ службы, только на три семестра и съ тѣмъ, чтобы я подчинился всѣмъ условіямъ, установленнымъ для командировокъ отъ правительства. Я не согласился и выразилъ желаніе быть уволеннымъ немедленно отъ службы.

Рѣзительный тонъ мой не понравился Уварову, и онъ довольно сухо сказалъ мнѣ: вы профессоръ законовѣдѣнія, а не знаете, что съ просьбою объ отставкѣ нужно обратиться по начальству.

Сколько мнѣ помнится, возразилъ я, увольненіе зависитъ отъ лица, которое опредѣляетъ къ должности. Такъ какъ я имѣлъ честь быть утвержденнымъ въ должности адъюнкта вашимъ превосходительствомъ, по представленію одесскаго попечителя, то и увольненіе отъ этой должности зависитъ, полагаю, отъ васъ; позвольте просить принять мое прошеніе объ отставкѣ и, по полученіи свѣдѣній изъ Одессы о неимѣніи препятствій, сдѣлать распоряженіе о моемъ увольненіи.

Извольте обратиться въ департаментъ, холодно и съ сдержаннымъ неудовольствіемъ проговорилъ сквозь зубы Уваровъ, взялъ прошеніе и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

На другой день я отправился въ департаментъ, при мнѣ написали запросъ попечителю и обѣщали выдать отставку немедленно по полученіи отвѣта.

Въ Петербургъ пріѣхалъ графъ Воронцовъ, я былъ у него нѣсколько разъ и никогда не забуду его ласковаго со мною обращенія и добрыхъ ко мнѣ отношеній. Узнавъ, что я выхожу въ отставку и ѣду за границу, онъ предложилъ мнѣ дать рекомендательныя письма и пригласилъ, если когда нибудь вздумаю оставить учебное вѣдомство, продолжать службу у него.

Я поблагодарилъ графа и отвѣтилъ, что воспользуюсь его благосклоннымъ вниманіемъ и безъ всякаго сомнѣнія не стану искать другой службы, какъ у него, если обстоятельства заставятъ измѣнить ученому поприщу.

Не смѣю совѣтовать, но полагаю, что вамъ нуженъ болѣе обширный кругъ дѣятельности, и поэтому не говорю вамъ: прощайте, а до свиданья,—сказалъ въ заключеніе графъ Михаилъ Семеновичъ, съ обычною ему любезностью, пожимая мнѣ дружески руку.

На другой день онъ прислалъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ во Францію и Англію. Князь Лобановъ далъ мнѣ также нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нашимъ посланникамъ въ Германію.

На прощанье я созвалъ своихъ училищныхъ товарищей въ великолѣпную квартиру кузины и далъ имъ блестящій вечеръ.

Въ ожиданіи отставки я часто ѣздилъ на острова за городъ и посѣтилъ замѣчательныя окрестности Петербурга.

Однажды предъ вечеромъ, по возвращеніи изъ Гатчины, сидѣлъ я дома съ однимъ изъ училищныхъ товарищей; были сумерки, свѣчей еще не подавали и въ комнатѣ царствовалъ полумракъ. Отворяется дверь моего кабинета, ведущая въ корридоръ, входитъ дама подъ вуалемъ, очень прилично одѣтая и останавливается въ нерѣшимости, идти ли впередъ или возвратиться.

Я всталъ и вѣжливо спросилъ, что ей угодно. Дама не удостоила меня отвѣтомъ и исчезла, какъ привидѣніе. Мы продолжали разговоръ, чрезъ полчаса пришелъ лакей доложить, что кузина моя возвратилась изъ-за границы и проситъ пожаловать къ ней.

Кузина очень мнѣ обрадовалась и объявила, что остается въ Петербургѣ сутки и ѣдетъ въ Сибирь къ мужу. Узнавъ за границею о его назначеніи, она хотѣла сдѣлать ему сюрпризъ своимъ пріѣздомъ и прошла по черной лѣстницѣ въ кабинетъ, въ полной увѣренности, что застанетъ тамъ своего мужа и обрадуется внезапнымъ появленіемъ.

Не мало удивилъ меня неожиданный пріѣздъ кузины и рѣшимость ея ѣхать догонять мужа, съ которымъ, какъ говорили, она разсталась навсегда.

Г. К., единственная наследница огромнаго состоянія, воспитывалась сначала дома, а потомъ въ харьковскомъ пансіонѣ. На воспитаніе ея ничего не жалѣли, она училась хорошо и получила по-

рядочное свѣтское образованіе, но излишняя угодливость воспитательницъ и невниманіе ихъ къ нравственному развитію молодой дѣвицы. при всей добротѣ ея сердца, сдѣлали ее женщиной своенравной, характера невозможнаго. Шестнадцать лѣтъ она вышла замужъ за чловѣка безъ души, который женился изъ разсчета. По уму и образованію онъ могъ-бы имѣть благодѣтельное на нее вліяніе, еслибы хотѣлъ и сумѣлъ заняться ею серьезно, но вмѣсто добрыхъ дружескихъ совѣтовъ началъ трунить, насмѣхаться надъ нею, оскорблялъ и раздражалъ безъ нужды, и въ короткое время до того развилъ въ ней дурныя инстинкты, что кузина дѣйствительно сдѣлалась въ семейномъ быту женщиной сварливой, капризной и невыносимой, а въ обществѣ довольно странной и смѣшной.

Находясь еще въ училищѣ, бывалъ я у нихъ иногда въ праздники, по выходѣ изъ училища прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и вынесъ о нихъ грустное воспоминаніе.

Поссорятся бывало изъ за пустяковъ и часто ссора принимаетъ громадныя размѣры; отъ словъ переходятъ къ дѣйствіямъ: письменныя принадлежности, украшенія каминновъ, горшки съ цвѣтами—все это летитъ, разбивается и наноситъ иногда чувствительный вредъ ссорящимся; да и зрителямъ бывало небезопасно; не забуду никогда, какъ однажды бронзовый подсвѣчникъ рикшетомъ попалъ мнѣ въ плечо и больно ушибъ.

Поѣдутъ въ театръ, дорогой повздорятъ, и чтобы лишить жену удовольствія, К. разорветъ бывало ея наклку или испортитъ прическу. Но не всегда его поступки съ женой оставались ненаказанными. Въ одинъ прекрасный вечеръ, подѣвжая къ знакомымъ, у которыхъ былъ балъ, кузина уничтожила прическу своего супруга, и К. долженъ былъ отказаться отъ бала, такъ какъ въ то время мужчины носили прически, требовавшія услугъ парикмахера. Въ другой разъ мнѣніе кузины этимъ не ограничилось: она исцарапала лице мужа, и бѣдный К. двѣ недѣли не могъ выходить изъ дому.

К—вы нѣсколько разъ разъѣзжались, мирились; въ послѣдній разъ, казалось, разошлись навсегда. Но привязанность-ли въ мужу, или странный, ничѣмъ необъяснимый капризъ женщины заставилъ ку-

зину возвратится изъ Франціи въ Петербургъ и догонять мужа на пути въ Сибирь. Она дѣйствительно уѣхала на другой день.

Черезъ недѣлю получивъ давно ожидаемую отставку и безсрочный паспортъ за границу, я отправился моремъ въ Любекъ съ послѣднимъ отходившимъ въ октябрѣ изъ Кронштадта пароходомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо арх. новг. Оеофана Прокоповича къ арх. кievск. Рафаилу Заборовскому¹⁾.

8 марта 1734 г.

(О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кievск. академіи).

Кievская академія, неразрывно связанная прежде съ братскимъ монастыремъ, нespившимъ по этому названію училищнаго, до конца почти прошлаго столѣтія, именно до введенія въ 1786 г. штатовъ для малорусскихъ монастырей, не имѣла опредѣленной какой-либо суммы на свое содержаніе и содержалась вмѣстѣ съ монастыремъ отъ собственнаго хозяйства, извлекая натуральные и денежныя доходы изъ данныхъ имъ въ разныя времена гетманскими универсалами и царскими грамотами сель и угодій. Бюджетъ ея былъ растяжимъ и зависѣлъ вполнѣ отъ болѣе или менѣе искуснаго и аккуратнаго веденія хозяйства. При умѣломъ и честномъ управленіи пмѣніямъ являлся избытокъ въ содержаніи и доходахъ, при небреженіи и злоупотребленіяхъ неизбѣжны были скудость и лишенія.

При оскуднѣніи доходовъ, кievскіе владыки, со времени подчиненія Кіева московской державѣ, обращались за пособіемъ къ государямъ. Обратился на этотъ разъ и повновоставленный архіепископъ кievскій Рафаиль Заборовскій, а для большаго успѣха прибѣгъ, какъ видно, къ ходатайству все еще сильнаго при дворѣ Оеофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго.

Какъ б. воспитанникъ и ректоръ кievской академіи, Прокоповичъ хорошо зналъ цѣну ея пмѣніямъ и вмѣсто испрошенія пособія, рекомендуетъ кievскому владыкѣ и патрону академіи заняться улучшеніемъ академическаго хозяйства.

Письмо обнимаетъ значительный промежутокъ времени въ исторіи кievской академіи и даетъ много любопытныхъ свѣдѣній о ея такъ сказать домашней жизни;

¹⁾ Изъ бумагъ архива статсъ-секретаря В. С. Попова. Копія на 2 хъ большихъ листахъ. Слѣж. въ Русск. Арх. 1865 г., № 4, стр. 439—444, Труды кiev. д. акад., т. 3, стр. 274 и соч. проф. Чистовича: „Оеофанъ Прокоповичъ“.

оно обнаруживаетъ въ Прокоповичѣ отличнаго хозяина, указываетъ на нѣкоторыя давно исчезнувшія отрасли сельскаго хозяйства, дышетъ сялою, одушевленіемъ, весьма понятнымъ въ лицѣ, которому такъ дороги были судьбы родной академіи.

Пресвященнѣйшій архіепископъ кievскій и галицкій и малія Россіи,

Мой любезнѣйшій во Христѣ отче брате и сослужителю!

Какъ многими пресвященство ваме одолжилъ мене къ благодарствію благодаренія, такъ не малый ощущаю я на себѣ долгъ и къ частому ко святынѣ вашей, о взаимномъ усердіи моемъ, писанію: по понеже и немощи нерѣдкіе, и немалочисленные суеты до того мене не допускають, паче всего-же извѣстное пресвященства вашего мудрoлюбіе, по которому не во вѣннихъ видахъ, но въ дѣйствительной силѣ сущую братскую любовь познать, церемоніальныхъ переписокъ не требуешь; того ради не пишуемъ, по сердечною искренностію благодаря какъ за прежніе, такъ и за новыя, найпаче въ недавномъ времени посланному въ Кіевъ domestiку нашему, и чрезъ него мнѣ самому показанные вашей любви знаменія, молю законоположника любви Господа, да вашу къ смиренію моему любовь своею вседаровитою милостію пріязнательно наградитъ: при семъ не могу и отъ писменнаго отвѣта удержаться, гдѣ къ тому понуждаетъ мене нѣкое немаловажное, отъ вашей-же святыни вѣдомо мнѣ учиненное дѣло.

Писаль ко мнѣ пресвященство ваме чрезъ господина Величковскаго, что училищный у васъ монастырь братскій пришелъ въ крайнюю скудость, и такождѣ, что и къ повседневному препитанію не имѣють довольства учителя и прочіи братія, и не могло-бы уже мѣсто оное въ состояніи пребыть, есть-ли-бы особливымъ святыни вашей призрѣніемъ снабждаемо не было. Удивился я и почти ужаснулся таковою вѣдомостію; а воспомянувъ и разсудивъ вину той немощи, и дивиться престаль. Помню я, что тамо дѣлалось, во время младыхъ лѣтъ моихъ, при Головичѣ, и Гугуревичѣ, и другихъ ректорахъ: всѣ маетности братскія были въ полномъ содержаніи, еще бо тогда и оныя были во владѣніи, которыя послѣ новымъ рубежемъ польскимъ стали оторваны. Были-же времена весьма пріятныя: не было войны, небыло ни какихъ армейскихъ походовъ, не слышали мы тогда, что недородъ, что

голодь; а въ братскомъ монастырѣ таковая была во всемъ нищета, что и вспоминать печально; и я бы нынѣ не вѣрилъ, есть-ли-бы тогда самъ не видѣлъ: житницы и погреба пусты, никакой изъ дря на день провизіи, никакаго принасу не бывало, на всякъ день нищу, и то скудную и подлую, на рынкѣ покупали, а и на оную покупку употребляли господа ректоры нѣкую часть денегъ изъ годового гетманскаго подаванія. А какая таковою бѣдности могла быть причина?—Одно только незнаніе экономіи; и не одно того незнаніе, но къ тому противныя и разорительныя поступки: начальныхъ нерадѣніе, лѣность, дреманіе, глупость, да еще при пособіи шумныхъ денноночныхъ заботъ, а подначальныхъ, найшаче посельскихъ старцевъ, иныхъ непросыпимое пьянство, а другихъ прилѣжные кражи и должныхъ обществу доходовъ хищенія, съ великимъ безстрашіемъ, когда и смотру и истязанія ни откуду не опасались и не ожидали. Долго такъ монастырь тотъ, при великомъ богатствѣ, былъ жаждень, и гладень, и хладень. И чудо, воистину, какъ устоялъ! Не скоро потомъ поставленъ экономъ—покойный іеромонахъ Родовичъ, человекъ трезвый, догадливый и по всему званія того достойный. И тотъ часъ все лучше пошло; явились съѣстные и питейные и къ другимъ нуждамъ потребныя принасы, а прежніе мизерныя изъ базару покупки воспоминали мы со смѣхомъ въ пригучу. Не долго потомъ экономъ онаго, видя его бодрость и искусство, переведено на экономство къ дому архіерейскому въ монастырь софійскій, гдѣ такожъ дотоль не для чего было ходить въ погреба и анбары и въ протчія клѣтки: а училищная обитель въ прежнее оскудѣніе возвратилась, и я и другіе, которые недвижимыхъ монастыря того имѣнія не вѣдали, помышляли, что вотчины его на пѣскахъ только, да на мхахъ и болотахъ стоятъ и тлѣютъ. Одно то иной нѣкой догадъ намъ подавало, что при экономствѣ Родовича воздухъ былъ здоровѣйшій. А съ тысяща седьмъ сотъ одиннадцатаго года получивъ я чинъ ректорскій, и потомъ тщательнаго намѣстника, блаженныя памяти Епифанія, бывшаго послѣ бѣлоградскаго архіерея, когда только объѣжая, осмотрѣли мы села и деревни, земныя и водныя угодія, тотъ часъ явилось, что братскій монастырь убогимъ называть грѣхъ, а въ немъ не быть кому сыту стыдъ и смѣхъ великій.

Что-же воспослѣдовало? Хотя и превеликія арміи стояли, хотя еще не весьма и вѣрные городничіи, то есть посельскіе монахи были; однакожь всего у насъ преизобильное было довольство; и не только для своихъ, но и для подарковъ многимъ господамъ, и для принятія немалыхъ, и немалолюдныхъ, да еще и частыхъ гостей. Скоро нужда явилась не одинъ вновь погребѣ дѣлать и житницу (полатую зовутъ) великую строить, и слухъ въ народѣ носился, что въ братскомъ монастырѣ кладъ найденъ. И правда найденъ, да тотъ, который предъ очима всегда былъ. Да не знаю, какъ то его затекшии очи не видѣли. Надѣюсь, что еще въ живыхъ пѣкшіи обрѣтаются, которые по совѣсти сказать могутъ, что въ сѣстныхъ найпаче и цитейныхъ припасахъ не просто чернеціе, но господскіе были достатки: да и денежные прибыли начали показываться изъ гуты, то есть стеклянныхъ заводовъ, въ мѣсто прежнихъ двенадцати, стало приходиться по сту рублей въ годъ, кромѣ стекла, и на домовыя потребности, и на подарки довольнаго: не меншии того доходы и изъ шинковъ, гдѣ въ продажѣ вино горячее своего хдѣба и куренія, ибо какъ куреніе, такъ и продажа безъ пошлины. Новая да знатная корысть была устроена и изъ вина волоסקаго, такъ что одна бута (то есть большая бочка) даровая приходила. Но всего лучше можеша, преосвященство ваше, получить извѣстіе, есть-ли изволишь приказать, дабы вамъ вѣрно показано, сколько гдѣ нажинается шпеницы, ячменя, овса, гречихи, проса? Коликое мельничныхъ каменій число имѣется? Гдѣ и сколь многіе озера и другіе къ рыбнымъ ловлямъ мѣста угодныя? Сколько при мѣстечкѣ Стайкахъ медовой десятины и очковыхъ денегъ? и сверхъ того имѣется-ль особливая насѣлка монастырская? гдѣ и по коликому числу вѣдеръ сивухи продается? что приносить стеклянная гута? а есть ли ей вѣтъ, то для чего? коликое множество на разныхъ мѣстахъ всякаго скота въ заводахъ, и изъ того плодовъ молочныхъ, и волны и прочая? дѣлаются-ли изъ пенки женскою работою холсты роскошіе? не пусты-ль солодовни, которыя при насъ были всегда не праздныя? Сюда надлежать и огородныя и садовыя слѣтѣя, и лѣсныя на дрова и стресіе непокупныя илоты. И вся вышеупомянутая имѣлъ монастырь не скудно, и со временемъ могъ все то имѣть съ великимъ еще прибавленіемъ, когда о немъ стараніе было:

какъ-бы мало чего, и то иностраннаго покупать оставалось нужда. А понеже въ толь печальную скудость пришла обитель оная, какъ ваше преосвященство пишешъ, то мощно знать, что либо все то крайне студенымъ нерадѣніемъ упущено, либо воровскими поселскихъ руками перенимается, либо отъ части сіе, а отъ части оное дѣется. Что жъ Танталу дѣлать, коли онъ, посредѣ пищи и питія стояцій, или не хочеть, или не можетъ пить и ѣсть?

Между тѣмъ донесено мнѣ, отъ вѣры достойныхъ человекъ, яко бы Карпиловка съ уѣздомъ отдается нѣкому чернцу за сто рублей на откупъ: и есть-ли то правда, то чегожъ надѣяться? Развѣ скорого и крайняго разоренія и упраздненія школъ? Да и необычная таковая экономія достойна великаго истязанія и наказанія: о чемъ если ясно извѣстимся, молчать намъ, яко о публичномъ воровствѣ, запретить совѣсть.

Что же бы здѣ вмѣсто врачевства употребить надлежало?

Не ино что, только сіе осталось: извѣстно намъ, что преосвященство ваше совершенно экономическое искусство и къ произведенію того въ дѣло теплую охоту имѣешъ; извѣстно и то, что святнѣ вашей къ пользѣ церковной непрестанная належить ревность, и потому къ содержанию честныхъ учейй всегда горитъ желаніе: тѣми многомогущими добродѣтельными возбужденъ, не трудно усмотрѣть можешъ, каковое нужно къ исцѣленію изнемогающаго училищнаго онаго мѣста лѣкарство. Надобно быть эконому бодрому, искусному и вѣрному. Надобно всячески возбуждать дремлющихъ и трезвить шянствующихъ и хищниковъ, яко злѣйшихъ злодѣевъ, обуздывать, а необуздываемыхъ лишать чина и на казнь предавать мірскому суду: былъ-бы прилѣжный во всемъ смотрѣ и чувствуемый неминуемаго наказанія страхъ, былъ-бы аккуратный инвентарь, такожъ приходовъ и расходовъ указныя книги, чего тамъ, надѣюсь, такъ много, какъ много въ которыхъ, или косачевскихъ лѣсахъ циннамонной корицы. И еслии такъ, по моему сему мнѣнію и предложенію, исполнится, то въ скоромъ времени фортуна мѣста того мрачное и худое лице премѣнитъ на жирное и веселое, и возобновится причта, что пайдепо тамъ пѣкое значное сокровище, и не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да еще и неосновательныхъ подаяній нищетскимъ образомъ просить. Еслии-же не такъ, по по обыкновенному

гнусному и нерадивому обхожденію дѣло пойдетъ, или паче, какъ болотная вода, тлѣть и смердѣть станетъ, то хотя-бы всю Украину имъ отдать, не будетъ ничего и таковыя наны голодомъ помрутъ.

Сія отъ сожалительнаго къ мѣсту опому усердія пишу къ преосвященству вашему, надѣяся, что святыня ваша не меньшее о томъ сожалѣніе имѣешь и по данной себѣ власти все къ лучшему привести потщися.

Прочее непрременной братской любви и молитвамъ святымъ вручая себе, пребываю

Преосвященства вашего доброжелательный братъ и сослужитель, смиренный Теофанъ, архієпископъ новгородскій.

Санктенбургъ.

Марта 8 дня 1736 года.

РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В. ¹⁾

Помѣщаемая запись сдѣлана въ 1744 г. бунчуковымъ товарищемъ Мпханломъ Есимонтовскимъ, а исчисленное въ ней приданое давалось за нареченною его невѣстою Мариною Скоруповною, дочерью бунчуковаго-жъ товарища Григорія Скоруппы. Есимонтовскіе и Скоруппы принадлежали къ числу извѣстныхъ богатыхъ фамилій въ Малороссіи, а званіе бунчуковыхъ товарищей указываетъ на принадлежность ихъ къ почетной полковой старшинѣ. Скоруппы, а чрезъ нихъ и Есимонтовскіе, состояли даже въ родствѣ съ гетманомъ Дациломъ Апостоломъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою не просто людей средняго достатка, но и лицъ можно сказать высшаго тогдашняго круга. По законамъ и обычаямъ того времени браку или вѣнчанью предшествовала „шлюбная питерциза“, или гражданская сдѣлка, которая записывалась въ городскія книги вѣстѣ съ приданымъ. Получивъ и записавъ приданое, женихъ обязывался взять форменную о томъ выпись и вручить ее тестю, при чемъ самъ обязывался ввести въ общую супружескую жизнь одну треть того, что приносила съ собою его будущая жена. Само собою разумѣется, что порядокъ этотъ соблюдался въ классѣ имущихъ, гдѣ было что давать, считать, опѣнивать и записывать. Въ этомъ кругѣ имъ опредѣлялись имущественныя права и отношенія супруговъ, предъотвращались предбрачныя и послѣбрачныя недоразумѣнія и разногласія. По предбрачнымъ записямъ можно заключать о состоятельности, отчасти и вкусахъ не только брачующихся, но и вообще лицъ ихъ круга. Любопытно взглянуть на этотъ домашній скарбъ нашихъ предковъ, на эту выставку отчасти ихъ достатка и комфорта. Нѣсколько такихъ записей могутъ дать намъ понятіе о гардеробѣ и костюмѣ малорусскихъ дамъ лучшаго тона и круга въ XVIII столѣтіи и показать, насколько было въ немъ самобытнаго, національнаго, насколько заимствованнаго, подражательнаго и насколько отодвинулась въ этомъ отношеніи отъ народа тогдашняго малорусская аристократія. Такого значенія предлагаемаго документа. Помѣщаемъ оный съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника.

¹⁾ Изъ бумагъ обязательно сообщенныхъ редакціи Т. В. Кибальчицемъ, составляющихъ часть сулинскаго архива. Подлинникъ на 2-хъ листахъ съ сурочною печатью старолюбскаго магистрата, отъ времени совершенно истершеся.

Вписъ з книгъ мѣскихъ стародубскихъ права магдебурского.

Року тысяча сѣмъ сотъ четиредесять четвертого, мѣсяца мая осмого дня.

Ея императорскаго величества въ магистратѣ стародубовскомъ бунчуковій товаришъ Михайло Есимонтовскій, ставши персоналне, презентоваль и ку записаню до книгъ мѣскихъ стародубовскихъ подалъ реестръ, данній имъ Есимонтовскимъ тестю своему, бунчуковому товаришу, Григорию Скорупиѣ о внесенѣ в посагъ з дому оногo бунчукового товариша Скоруппы в домъ его Михайла Есимонтовскаго за женою его Есимонтовскаго Мариною Скорупповною и просилъ видать з оногo реестра экстрактъ реченному тестю его, бунчуковому товаришу, Григорию Скорупиѣ, которій реестръ такъ въ себѣ мѣеть.

Реестръ, данній отъ мене, за рукою моею и печатю и упрошенихъ отъ мене свидателей, тестю моему, бунчуковому товаришу, его милости, пану Григорию Скорупиѣ, прежде шлюба изъ имѣючоюся бытъ миѣ в супружествѣ женою, панною Мариною Григориенною Скорупповною, сколько я взялъ въ посагъ вѣна, по силѣ правъ малороссійскихъ, совѣто пишучи, денегъ готовыхъ, золота, серебра, перель, камѣня дорогого и рухомихъ разныхъ вещей, одежды и убіоровъ, плятя бѣлого, коней, коляски и прочего, порознь всякую вещь еднимъ шацункомъ безъ совѣтости кладучи, нижей сего явствуетъ.

Перель великихъ шнурковъ восьмъ, вѣсу золотниковъ сѣмнадцатъ и три четвертѣ 236 р. — к.

Перель болшихъ шнурковъ чотири, да отъ тѣхъ мало меншихъ шнурковъ чотири-жъ 645 р.

Перель дробнихъ шнурковъ тринадцатъ, вѣсу в нихъ золотниковъ одинадцатъ з четвертью. 60 р.

Штучка золотая з камѣнями 20 р.

Крестъ рубиновый съ пятма рубинами и съ однимъ висящимъ шмаратдомъ, у золотой оправѣ, цена 15 р.

Крестъ алмазній 120 р.

Сережки алмазние 30 р.

Сережки золотие з привѣсками перловими. 6 р.

Перстень шафировій з шестма дияментами 120 р.

Перстень рубиновій з алмазами	40 р.
Перстень з двома рубинами и однимъ дияментомъ .	15 р.
Ланцужокъ золотій дощатий в двадцать червонихъ з четвертью	110 р.
Кубковъ визолоченихъ дванадцать, без визолотки мен- шихъ дванадцать же	185 р. 60 к.
Чарокъ двадцать	24 р. 60 к.
Ложокъ серебряныхъ дванадцать у полтора фунта и десять золотниковъ	59 р.
Штопка визолоченая у полтора фунта	55 р.
Подносъ, сто девять золотниковъ	42 р.
Готовихъ денегъ	400 р.
Итого	2226 р. 2 к.

Шанка куничная з верхкомъ аксамитнымъ жов- тимъ	7 р.
Другая жъ аксамитная красная куничная	6 р. 88 к.
Шанка легкая аксамитная	3 р.
Кунтушь златоглавній зеленій з футромъ шлямовимъ, рисъ сьмъ, з корунками золотими з сьрбромъ	115 р.
Кунтушь сьрброглавній, локоть по пяти рублей, подъ футромъ куничимъ, з сьткою золотою	135 р.
Кунтушь бьліій златоглавній з футромъ чорнимъ сь- бирковимъ, зъ корункою золотою	60 р.
Кунтушь легкий штофовій бьліій, масолбасомъ под- битій, з корункою	24 р. 50 к.
Кунтушь штофовій блакитній изъ бьлими квѣтами, зъ сьткою золотою	24 р.
Кунтушь штофовій разноцвѣтній, масолбасомъ под- шитій, з корункою золотою и лиштвами златоглавними	27 р.
Кунтушь штофовій рожевій, локоть по сорокъ алтинъ, съ пудзаментомъ серебрянимъ и зъ лиштвами аксамитними	32 р. 70 к.
Кунтушь штофовій разноцвѣтній бьліій, локоть по два рубль, подъ чорними сьбирками, з гасомъ золотимъ	71 р. 30 к.

Кунтушъ камловацовой чирвоной подъ шлями на бокахъ и кругомъ пудзаментъ	45 р.
Кунтушъ едамашковой зеленой съ пудзаментомъ и обшитой чирвонымъ масолбасомъ	25 р.
Кунтушъ сукна златкового съ пудзаментомъ срьбнимъ	16 р.
Кунтушъ сукна чирвоного, подшитъ лисами, з срьбнимъ пудзаментомъ	38 р.
Шнуровка златоглавная чирвоная з сѣткою золотою.	6 р.
Шнуровка блакѣтная аксамитная з зозетимъ пудзаментомъ	3 р. 60 к.
Шнуровка атласовая кѣтчастая з сѣткою срьбною великою	3 р.
Шнуровка чирвоная аксамитная з сѣткою золотою	2 р. 50 к.
Сподница бѣлокосая съ корункою срьбно-золотою	16 р.
Сподница атласовая з сѣткою серебряною	26 р.
Сподница гранѣтурова жовтая з сѣткою срьбною	14 р.
Сподница блакѣтная полутабиноквая з сѣткою золотою	10 р.
Сподница гранѣтуровая	8 р. 40 к.
Запаска чирвоная златоглавная	13 р.
Запаска красная златоглавная, локоть по пять рублей	20 р.
Запаска штофова разноцѣтная зеленая	7 р. 60 к.
Запаска чирвоная штофова зъ жовтямъ	4 р. 25 к.
Запаска штофова бѣлая кѣтчастая разноцѣтная	7 р.
Запаска штофная чирвоная	5 р. 50 к.
Запаска штофная бѣлая	4 р. 50 к.
<i>Постель:</i> наволокъ полутабиноквыхъ, з корункою серебряною и золотомъ, пять съ пластирадломъ	45 р.
Запона табиновая зеленая	20 р.
Запона дуклѣ венецкой	13 р.
Ковдра атласовая блакѣтная зъ чирвоными атласовими лиштвами	17 р.
Ковдра дуклевая чирвоная зъ лиштвами полутабиноквыми зелеными	20 р.

Постель три швабскіе, одна зъ корунками широки- ми, а другая безъ корунокъ, зъ цвѣтами, третья шитая золотомъ и зъ шовкомъ краснымъ	30 р.
Постелей кужилныхъ сѣтковыхъ чотири	16 р.
Постѣль фарботная	4 р.
Кошуль алендерскихъ з рукавами кисевыми пят- надцать	45 р.
Кошуль швабскихъ и рубковихъ дванадцать	18 р.
Кошуль ивановскихъ зъ рубковими рукавами	20 р.
Кошуль мужескихъ алендерскихъ паръ дванадцать	14 р.
Обрусовъ швабскихъ чотири, серветъ три штучки, да кужилныхъ серветъ три штучки, да пять тузніовъ московского полотна	28 р.
Скатертей пятнадцать	15 р.
Ручниковъ одинадцать	5 р.
Да штучокъ три кужилныхъ на ручки	12 р.
Серветъ болшихъ, что пють чай	1 р.
Скринь двѣ, шкатулка одна	11 р.
Ляханя мѣдная жовтая	1 р. 40 к.
Шоръ четверця	30 р.
Карета	50 р.
Лошадей четверня	60 р.
Палубовъ два	10 р.

Итого 1247 р. 13 к.

А всей вишенисанной сумми. 3473 р. 15 к.

И хотя въ силу правъ малороссійскихъ подлежало-бъ мнѣ сего-жь часу, безъ упущенія времени, з имѣнія моего противо вишепоказанного вношеня записать третюю часть, точию оставшиє, по смерти отца моего, въ владѣніи моемъ, а еще не осмотривєя въ такъ скоромъ времени, что именно записать въ третюю часть зъ оногo моего владѣнія, чтобъ стояло того вношеня 3,473 р. 15 к. Ктому-жь зъ братомъ моимъ роднымъ, бунчуковимъ товаришомъ, Степаномъ Есимонтовскимъ, по оставшейся посля отца нашего, бунчукового товариша, Алексѣя Есимонтовскаго духовной роздѣлу еще не имѣлъ. А когдажь-жь учиненъ бу-

детъ з нами надлежащій въ имѣнїи по оной духовной роздѣль и всякъ частию своею владѣти учеть, то имѣю зъ того западающо на мене владѣнїя записать, въ силѣ правъ, въ вѣно третью часть помянутой паннѣ Маринѣ Григорьевнѣ Скоруповнѣ, имѣющей мнѣ быть въ супружествѣ женою, въ вѣчное и безпоротное ея владѣнїе. О чомъ оной реестръ, за рукою и печатью моею и упрошенныхъ отъ мене свидателей, помянутому тестю моему, бунчуковому товаришу, пану Григорию Скорупѣ данъ 1744 г. мая 6 дня.

Въ подлинномъ реестру, съ притисненїемъ на ономъ трехъ печатей червленнаго сургуча, подписъ рукъ тими словы:

Къ сему реестру, данному тестю моему, бунчуковому товаришу, его милости, пану Григорию Скорупѣ и что все по оному принялъ, бунчуковій товаришъ Михайло Есимонтовскїй печать и руку приложилъ.

Къ сему реестру, по прошенїю бунчуковаго товариша, Михайла Есимонтовскаго. Василь Жураховскїй во свидѣтельство руку и печать приложилъ.

Къ сему реестру, по прошенїю бунчуковаго товариша Михайла Есимонтовскаго, обознїй полковїй стародубовскїй Григорїй Юркевичъ во свидѣтельство руку и печать приложилъ.

Которїй подленьїй реестръ Мы урядъ выслухавши, казалисьмо до книгъ мѣскихъ стародубовскихъ принять и записать, и есть записанъ, зъ которихъ и сей экстрактъ выписавши, зъ подписемъ рукъ насъ уряду и съ приложенїемъ обыклой магистратской стародубовской печати сторонѣ того требующой, бунчуковому товарищу, Григорию Скорупѣ есть виданъ.—Писанъ въ Магистратѣ стародубовскомъ рогу, мѣсяца и дня вижей спецѣфикованихъ.

Ея императорскаго величества Магистрату стародубовскаго: Войтъ Антошъ Коменокъ, бурмистръ Андрей Демяновичъ, райца Иванъ Кункевичъ, писарь Савва Терлецнїй.

Библіографія.

Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава. 1883 (347×XXIX стр. цѣна 3 р.).

Книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ собою магистерскую диссертацию доцента варшавскаго университета Н. Н. Любовича, защищенную имъ въ кievскомъ университетѣ 11 декабря прошлаго 1883 года. Объемъ и отчасти характеръ своей работы авторъ обозначаетъ въ первыхъ строкахъ предисловія. „Своеобразнымъ, оригинальнымъ характеромъ отличается реформаціонное движеніе въ Польшѣ. И причины, вызвавшія его тамъ, и задачи его, и самый ходъ развитія и распространенія совершенно нныя, нежели въ другихъ государствахъ западной Европы. Даже чѣмъ-то загадочнымъ и исполненнымъ, повидному, противорѣчій можетъ показаться реформація въ Польшѣ! Хотя-бы взить тотъ фактъ, какъ быстро развилась она тамъ и какъ быстро затѣмъ пала. Разъяснить эти кажущіися противорѣчія въ исторіи польской реформаціи, прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе ея и показать неизбежность ея полной неудачи—составляетъ задачу моего труда. Въ настоящемъ томѣ я довожу изложеніе судебъ польской реформаціи до петровкова сѣйма 1562—3 года, т. е. до эпохи, когда она достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ составитъ содержаніе слѣдующаго тома, который долженъ появиться въ непродолжительномъ времени. Касаясь только исторіи распространенія кальвинскаго и антитринитарскаго ученій въ Польшѣ, область моего изслѣдованія должна ограничиться лишь предѣлами Малой Польши, такъ какъ въ Великой Польшѣ нашло приютъ ученіе лютеранское и братьевъ чешскихъ. Но общіе выводы относительно реформаціоннаго движенія въ Малой Польшѣ вполне применимы и къ Великой“.

Передъ нами очевидно находится строго-ученая работа, отъ которой мы вправе ожидать и новыхъ матеріаловъ, и новыхъ общихъ выводовъ. Относительно обилія новыхъ матеріаловъ трудъ г. Любовича не оставляетъ желать ничего большаго. Авторъ пересмотрѣлъ и извлекъ относящіеся къ сто темѣ рукописные матеріалы въ бібліотекахъ и архивахъ въ Вильнѣ, Краковѣ, Львовѣ, Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Познани, Бреславлѣ и т. д.

Общіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, выражены имъ въ слѣдующихъ тезисахъ, предъявленныхъ имъ при публичной защитѣ диссертации.

1) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ борьбы шляхты съ духовенствомъ, начавшейся съ конца XIV вѣка.

2) Причины, вызвавшія реформацію въ Польшѣ, были политико-экономическаго характера.

3) Принятое всѣми историками мнѣніе о существованіи связи между гусситскимъ движеніемъ въ Польшѣ и реформаціоннымъ не можетъ быть научно установлено и должно быть отвергнуто.

4) Хотя протестантскія идеи начинаютъ проникать въ Польшу въ царствованіе Сигизмунда I, но начало реформаціоннаго движенія въ ней, вопреки общепринятому мнѣнію, можетъ быть констатировано только въ концѣ сороковыхъ годовъ (т. е. XVI в.).

5) До половины пятидесятихъ годовъ реформаціонная партія въ Малой Польшѣ не примыкаетъ еще окончательно ни къ одной протестантской церкви.

6) Кальвинизмъ вытѣсняетъ изъ Польши всѣ другія протестантскія ученія только послѣ пріѣзда туда Ласкаго.

7) Толчокъ польской религіозной мысли въ крайнемъ рачіоналистическомъ направленіи данъ впервые Францискомъ Станкаркомъ.

8) Ученіе антиринитаріевъ въ разсматриваемую эпоху не было еще систематизировано и оно распадается на нѣсколько вѣтвей.

9) Изъ реформаціонной партіи должна быть строго выдѣляема умеренная партія, требовавшая только нѣкоторыхъ реформъ въ католической церкви и насчитывавшая своихъ членовъ, главнымъ образомъ, въ средѣ магнатовъ и епископовъ.

10) Реформаціонное движеніе въ Польшѣ охватываетъ лишь высшіе слои общества и потому, по справедливости, можетъ быть названо шляхетскимъ.

11) Сила реформаціоннаго движенія въ Польшѣ только кажущаяся, а въ дѣйствительности это движеніе крайне поверхностно и не пускаетъ глубокихъ корней въ общества.

12) Борьба реформаціонной партіи съ католическимъ духовенствомъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ сеймахъ, гдѣ шляхта надѣется добиться разрѣшенія религіознаго вопроса.

13) Фанатизмъ въ протестантскомъ движеніи Польши отсутствуетъ, и во взаимныхъ отношеніяхъ протестантовъ и католиковъ нетерпимости и вражды нѣтъ.

14) Въ моментъ наивысшаго развитія своихъ силъ реформаціонное движеніе не въ состояніи сокрушить католической церкви и только временно парализуетъ ея дѣятельность.

15) Причины быстрого упадка польской реформаціи коренятся въ ней самой: кальвинская церковь не имѣетъ прочной организаціи, духовенство ея лишено всякой самостоятельности, число реформированныхъ церквей относительно невелико, а сверхъ того въ этой церкви появляются секты.

Большая часть этихъ тезисовъ имѣютъ такъ сказать описательный характеръ и только суммируютъ тѣ факты, которые изложены въ сочиненіи. Они носятъ по поверхности историческихъ явленій, а въ глубь ихъ не проникаютъ. Болѣе глубокимъ и принципиальнымъ характеромъ во видимому пронизаны тезисы, касающіеся причинъ возникновенія и упадка реформаціи въ Польшѣ, именно два первые и послѣдній. Они и были главнымъ предметомъ бесѣды на диспутѣ.

На этомъ вопросѣ и мы позволяемъ себѣ остановиться, тѣмъ болѣе, что рѣшаемся выступить съ особымъ противъ автора мнѣніемъ. Религіозная реформація XVI в. есть явленіе обще-европейское, отразившееся такъ или иначе во всѣхъ странахъ католической Европы, — и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Чехіи, и въ Голландіи, и во Франціи, и въ Англии, и въ Швеціи, и въ Даніи, и въ Италіи, и въ Польшѣ. Но вездѣ это явленіе отразилось по своему, различно, сообразно съ народнымъ характеромъ, историческими условіями и политическими обстоятельствами. Благодарною для историка задачею было-бы прослѣдить развитіе и приложеніе одного и того-же религіознаго принципа въ разнообразной средѣ и при разнообразныхъ условіяхъ. Если когда-либо, то именно при такой работѣ можно ожидать плодотворныхъ результатовъ для уразумѣнія общихъ и основныхъ законовъ исторіи. И мы не можемъ достаточно выразить сожалѣніе о томъ, что Н. Н. Любавичъ, повидимому хорошо знакомый съ обще-европейскою исторіею реформаціи (какъ видно отчасти изъ его прежнихъ работъ: *Маркизь де-Сентъ-Аль-*

гондъ, и *Общественная роль религиозныхъ движеній*) не воспользовался въ своей диссертациі сравнительнымъ методомъ.

Мы конечно не возьмемъ на себя выполнить въ нѣсколькихъ строкахъ ту задачу, отъ которой уклонился авторъ въ своей диссертациі: сдѣлаемъ однако въ короткѣ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ по *задачному*, какъ выражается г. Любвицъ, вопросу относительно быстрого возникновенія и упадка реформаціи въ Польшѣ.

Три фактора, какъ показываетъ исторія западной Европы, производили реформаціонное движеніе: 1) появленіе великихъ религиозныхъ мыслителей, міро-созерцаніе которыхъ шло въ разрѣзъ съ окаменѣлыми преданіями католицизма, каковы: Вниклефъ, Гусъ, Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ; 2) дѣятельность государей, которые настойчиво и рѣшительно говорили послѣднее *прости* Риму и полагали основаніе новыхъ отношеній церкви къ государству, сообразно духу реформы, каковы: шведскій король Густавъ Ваза, англійскій король Генрихъ VIII, германскіе государи—покровители Лютера, въ родѣ Фридриха мудраго, курфирста саксонскаго, Іоанна, сына его и др., и наконецъ 3) психическія особенности народовъ, у которыхъ умъ и воля преобладали надъ чувствомъ и фантазією, которые жаждали болѣе трезваго и искренняго отношенія къ религіи, чѣмъ то, какое давалось католицизмомъ. Какъ богословствующие умы, указанные государи не имѣли значенія,—въ этомъ отношеніи Лютеръ, съ свойственною ему рѣзкостью, выразился относительно Генриха VIII, короля англійскаго, что *если Господь Богъ захочетъ сотворить дурака, то дѣлаетъ короля богословомъ*,—но, какъ представители исполнительной власти, они могли взять такія мѣропріятія (особенно относительно воспитанія молодаго поколѣнія), которыя дѣлали возвратъ къ католицизму невозможнымъ.

Польша приняла и по своей близости къ западной Европѣ не могла не принять участія въ реформаціонномъ движеніи, но ни того, ни другаго, ни третьяго фактора для успѣховъ реформаціи не было въ Польшѣ. Польша не дала ни одного самостоятельнаго и смѣлаго богослова, который могъ-бы богословской системѣ Рима противопоставить свое цѣльное и систематическое богословское міросозерцаніе. Мелкіе противники целібатства, въ родѣ наиримѣрь Оржеховскаго, въ этотъ счетъ не идутъ. Польша не дала, и по своему политическому устройству и не могла дать ни одного государя, который могъ-бы смѣло и рѣшительно разорвать связь съ Римомъ, подобно Генриху англійскому или Густаву шведскому. Наконецъ поляки по своему народному, увлекающемуся и неустойчивому, характеру неспособны были удовлетвориться холоднымъ и сухимъ религиознымъ рационализмомъ и выдержать само-

дѣльную церковную дисциплину. Для поляковъ нужна была опека Рима, пополнявшаго своею дисциплиною тотъ недостатокъ послѣдовательности, какимъ страдалъ народный характеръ. Поэтому когда повѣтріе протестантизма коснулось и Польши, то въ протестанты уходили не лучшіе люди націи, а большею частію антиномисты худшаго сорта, въ родѣ напримѣръ Станилава Стадницкаго, со go zwano diabłem, wielki burda, a kutemu ewangelik.

На чемъ-же было держаться протестантизму въ Польшѣ, когда онъ былъ явленіемъ наноснымъ, не имѣвшимъ внутри страны ни одной прочной основы?

Конечно сравнительно-историческій методъ, проведенный въ диссертациі, даль-бы болѣе цѣнные выводы; чѣмъ тѣ, какіе мы могли обозначить въ бѣглой замѣткѣ, но къ сожалѣнію г. Любовичъ имъ не воспользовался.

Опуская изъ виду главную и единственную причину польской реформациі, состоявшую въ реформаціонномъ повѣтріи, охватившемъ всю западную Европу и не могшемъ миновать и Польшу, не обративъ должнаго вниманія на эту, такъ сказать, *духовную эпидемію*, законы и условія которой заслуживали-бы болѣе тщательнаго изученія, не воспользовавшись сравнительно-историческимъ методомъ, г. Любовичъ изучаетъ польскую реформацию, явленіе чужеродное, не выходя, такъ сказать, изъ предѣловъ Польши, и начиная *ab ovo*, разбираетъ околичности, побочныя обстоятельства, въ которыхъ думаетъ найти разгадку загадочнаго явленія. «Религіозное чувство, рассуждаетъ г. Любовичъ, играетъ дѣйствительно важную роль въ религіозныхъ движеніяхъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что обыкновенно съ религіозно-реформаціоннымъ движеніемъ идетъ неразлучно цѣлый рядъ попытокъ реформировать и политическія, и общественныя, и экономическія отношенія, и притомъ стремленія къ такимъ реформамъ не навѣяны религіозными идеалами реформаціоннаго движенія, а появляются еще задолго до него... Поэтому смыслъ реформаціоннаго движенія какого-либо народа можетъ стать понятнымъ лишь тогда, когда будетъ обращено вниманіе на предшествующія этому движенію измѣненія въ общественно-экономическомъ быту даннаго народа» (стр. 1—2). Постановка дѣла какъ будто новая и въ духѣ современной исторіографіи, мечтающей найти въ экономическихъ отношеніяхъ ключъ къ разгадкѣ возможно-большаго числа историческихъ явленій. Но не все то хорошо, что ново, или лучше сказать: все хорошо на своемъ мѣстѣ и всякій методъ требуетъ нормальнаго приложенія.

Книга г. Любовича служитъ доказательствомъ того, что при избранной имъ постановкѣ дѣла можно говорить много и долго, и даже весьма обстоятельно, и все-таки не договориться до разгадки загадочнаго явле-

нїи. Можно составить подробнѣйшее описаніе горючихъ матеріаловъ, находящихся въ домѣ, но отсюда отнюдь не будетъ слѣдовать тó, что въ домѣ долженъ произойти пожаръ, а еще менѣе тó, что пожаръ скоро долженъ угаснуть.

Важнѣйшею и неотъемлемою заслугою г. Любовича остается извлечение цѣнныхъ матеріаловъ изъ различныхъ архивовъ; книга его дастъ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, методъ-же его изслѣдованія представляется намъ не совсѣмъ удачнымъ. Мы рѣшаемся съ полною откровенностію высказать это, потому что сохраняемъ полное уваженіе къ трудолюбію и дарованіямъ молодаго ученаго, отъ котораго русская наука получила уже цѣнный вкладъ и можетъ ожидать еще бóльшаго въ будущемъ.

Pokucie. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. Z rycinami podług rysunków T. Rybkowskiego. Kraków. I. 1882 r. II. 1883 r. (Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ, съ поминутными по рисункамъ Т. Рыбковского. Краковъ. I. 1882. II. 1883.).

Такое заглавіе носитъ интересный трудъ замѣчательнаго польскаго этнографа-сборителя Оскара Кольберга, посвященный небольшой галицкой провинціи, населенной отраслю малорусскаго племени. Трудъ Кольберга нельзя назвать этнографическимъ сборникомъ; это дѣйствительно этнографическая картина (образъ) *Покутья*, какъ это удачно сказано въ заглавіи. Составленъ онъ по программѣ знаменитаго его-же изданія: «Lud», посвященнаго этнографіи польскаго народа. Въ 1856 г. Оскаръ Кольбергъ издалъ первый томъ своихъ богатыхъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: «Pieśni Ludu Polskiego». Въ этотъ томъ вошло нѣсколько десятковъ пѣсень съ множествомъ вариантовъ и музыкой. Такъ какъ варианты происходили изъ разныхъ этнографическихъ мѣстностей, то для дальнѣйшаго изданія понадобилось имѣть немедленно сколько нибудь полный матеріалъ со всѣхъ важнѣйшихъ этнологическихъ пунктовъ, что разумѣется было немислмо, а безъ этого каждая сводная пѣсня явилась-бы не полною и не удовлетворяла-бы задачѣ. Кромѣ непреодолимой почти трудности изданія такого систематическаго своднаго сборника, онъ сразу бросался въ глаза своею непрактичностью для научныхъ этнографическихъ работъ. Такъ какъ всѣ большія народности обыкновенно представляютъ серьезныя разновидности по разнымъ мѣстностямъ, то для изученія этихъ разновидностей нѣтъ почти возможности пользоваться такими сборниками. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ

сборникъ П. Чубинскаго. Для того, напримѣръ, чтобы прослѣдить особенности, положимъ, лексическаго матеріала Подлясья, изслѣдователю приходится рыться во многихъ объемистыхъ томахъ, смотрѣть подишь подъ каждой пѣсенюю или рассказцемъ и въ концѣ концовъ убѣдиться, что въ этомъ огромномъ сборникѣ изъ Подлясья матеріаловъ очень мало и положительно недостаточно для какой-бы то ни было научной работы. По этой причинѣ г. Кольбергъ сразу, послѣ изданія своего перваго тома, измѣнилъ программу и началъ издавать свой «Lud» по мѣстностямъ. До сихъ поръ онъ издалъ уже 16 серій; послѣдняя, изданная въ прошломъ году, носитъ заглавіе: „Lubelskie. Szczęść I.“

Сущность системы г. Кольберга слѣдующая:

Издавая матеріалы, собранные только лично, онъ отправляется въ данную мѣстность, имѣющую определенную этнографическую фizioномію, посѣщаетъ ее въ разное время года, наблюдаетъ, изучаетъ и записываетъ. Такая работа продолжается нѣсколько лѣтъ одновременно въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ что собиратель переѣзжаетъ по временамъ года изъ одной мѣстности въ другую. Затѣмъ когда мѣстность достаточно изучена и собранъ матеріалъ довольно полный, собиратель издаетъ цѣлый этнографическій обзоръ данной мѣстности, описывая мѣстоположеніе, народъ, его языкъ, обычаи, жилища, и излагая его преданія, пословицы, обряды, вѣрованія, игры, пѣсни, музыку и танцы. Относясь съ любовью и замѣчательнымъ знаніемъ къ своему дѣлу, г. Кольбергъ представляетъ читателю матеріалъ вполне научный. Каждое слово передано фонетически вѣрно, каждая пѣсенка записана съ нотами и безъ искаженій, неизбѣжныхъ у собирателей-дилетантовъ, и каждая замѣтка, каждый матеріалъ имѣетъ точную метрику; такъ что въ каждой серіи вы встрѣтите иногда болѣе десятка вариантовъ одной какой нибудь пѣсни и даже описанія обряда или игры. Кромѣ всего этого матеріалы позднѣйшихъ серій всегда сличены съ предъидущими, такъ что вы по замѣткамъ можете прослѣдить варианты во всемъ изданіи.

Г. Кольбергъ никогда почти не вдается въ критическое объясненіе матеріала, не дѣлаетъ ни выводовъ, ни объясненій, но всегда даетъ такой полный и разнообразный матеріалъ и излагаетъ его и группируетъ съ такимъ удивительнымъ знаніемъ дѣла, что этотъ сухой, грубый этнографическій матеріалъ представляется читателю одной цѣльной картиной.

Такое-же впечатлѣніе производитъ и «Rokucie», въ которомъ явствуютъ всѣ достоинства системы г. Кольберга и его оытность, достигнутая почти тридцатилѣтнимъ трудомъ на почвѣ этнографіи.

Районъ, охватываемый сборникомъ г. Кольберга, не совпадаетъ вполне съ мѣстностью, посвящая названіе Покутья. Этотъ терминъ и не

этнографическій и не административный, а унаслѣдованъ отъ времени весьма отдаленнаго, когда онъ имѣлъ нѣкоторое географическое значеніе. Это былъ уголь (kat—куть), образуемый на южной границѣ б. Рѣчи Посполитой карпатскими горами и Днѣстромъ, безъ точныхъ опредѣленныхъ границъ для сторонъ этого угла. Покутье имѣетъ главнымъ образомъ двѣ этнографическія разновидности: въ горахъ живутъ гуцулы, а сѣвернѣе—подгоряне. Иногда къ Покутью причисляютъ и бойковъ, живущихъ немного сѣверозападнѣе. Трудъ г. Кольберга посвященъ центру Покутья, именно подгорянамъ, живущимъ въ коломыѣскомъ и станиславовскомъ округахъ,—нижнему Покутью (Dolne Pokucie).

Приступая къ изслѣдованію мало извѣстной народности, авторъ знакомится какъ съ ней, такъ и съ мѣстностью Покутья, предварительно по работамъ Бѣлевскаго, Киркора, Видмана, Залѣскаго, Паули, Петрушевича, Головацкаго и др., изучая исторію, археологію и этнографическіе матеріалы. Кольбергъ дѣлалъ экскурсіи въ Покутье въ 1870, 1876, 1877 и 1880 г.г. Въ этомъ послѣднемъ году онъ почерпнулъ много свѣдѣній и матеріаловъ на этнографической выставкѣ въ Коломыѣ, продолжавшейся отъ 15 до 30 сентября н. с.

Первый томъ своего очерка г. Кольбергъ начинаеть бѣглымъ описаніемъ мѣстности, обращая вниманіе какъ на топографію страны, такъ и на историческія событія. Далѣе въ довольно пространномъ очеркѣ даетъ онъ читателю представленіе о самомъ населеніи Покутья, описывая его одежду, пищу, жилище, занятія (хозяйство, возы, сани, трудъ, промыселъ, рыболовство) и даетъ замѣтки относительно особенностей языка. Весь этотъ очеркъ написанъ весьма живо, талантливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ просто и весьма содержательно. На каждомъ шагу масса этнографическихкихъ характерныхъ подробностей, подмѣченныхъ опытнымъ наблюдателемъ. За одно только мы можемъ винить г. Кольберга, это именно за его замѣтку о языкѣ. Она во-первыхъ слишкомъ бѣгла и кратка (всего 4 неполныхъ странички), а во-вторыхъ не всегда вѣрна. Ошибки въ оцѣнкѣ формъ произошли видимо отъ не совсѣмъ полнаго знакомства автора съ малорусскою рѣчью другихъ мѣстностей. Къ такимъ ошибкамъ надо отнести слѣдующія:

1) Авторъ считаетъ отступленіемъ отъ „общаго языка“ (mowa ogólna) такія формы, какъ «дубевый» вмѣсто «дубовый» и т. п. примѣры, между которыми ставитъ и «вышневый», предполагая въ „общемъ“ языкѣ вѣроятно: вышновый.

2) Напрасно также г. Кольбергъ считаетъ покутскою особенностью то обстоятельство, что гласная *o* въ односложныхъ словахъ обыкновенно

переходить въ *i*, возвращаясь опять къ *o*, когда слово пріобрѣтаетъ, болѣе слоговъ это явленіе въ малорусскомъ языкѣ повсемѣстно.

3) Авторъ замѣчаетъ, что его „остановили нѣкоторыя выраженія не слышанныя имъ въ другихъ мѣстахъ“; къ такимъ онъ совершенно ошибочно относитъ общепринятые въ малорусской рѣчи выраженія: „того року, сего року“—въ прошломъ настоящемъ году, «сыпъ воду» вмѣсто „луй воду“ и нѣкоторыя другія.

Не смотря на эти погрѣшности, другія его замѣтки довольно цѣнны, хотя онѣ, какъ сдѣланныя бѣгло, и не важны при той фонетической вѣрности, съ какой переданъ текстъ собраннаго имъ матеріала.

Затѣмъ весь первый томъ посвященъ народнымъ обычаямъ, играмъ и обрядамъ. Начиная отъ „Пилиповки“, онъ по порядку народнаго календаря описываетъ обычаи и обряды цѣлаго года, причемъ передаетъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ собранный имъ пѣсенный матеріалъ съ музыкою. Описаніе каждаго обычая, игры или обряда изложено тоже по разнымъ мѣстностямъ въ нѣсколькихъ вариантахъ. Среди богатаго этого отдѣла должны обратить на себя вниманіе этнографа *Субитка*, *Комашия*, (пируща на Св. Андрея), *Маланка* въ девяти разныхъ вариантахъ, *Разманьскій великдень*, и друг. Замѣчательно то, что по заявленію Кольберга, обрядъ Кунаила на Покутьи совершенно почти исчезъ уже. Онъ это приписываетъ вліянію духовенства и мѣстной полиціи, преслѣдующей обрядъ, вслѣдствіе опасности его отъ костровъ и факеловъ.

Самыя цѣнныя однако матеріалы представляютъ обрядовыя пѣсни. Онѣ цѣнны какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Изъ этого матеріала оказывается, что на Покутьѣ обряды сохранили несравненно болѣе древняго элемента, чѣмъ напримѣръ въ нашихъ мѣстностяхъ. Изъ 26 колядъ большинство до-христіанскаго происхожденія; изъ такихъ мы можемъ указать шесть колядъ историческаго содержанія и восемь съ обломками мнѣологическихъ представленій и языческаго культа. Изъ историческихъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе два совершенно отличные варианта (№ 10 и 19) известной у малороссовъ и поляковъ пѣсни объ осадѣ города (Царьграда, Львова, Кракова и т. п.); оба варианта представляютъ совершенно новыя особенности. Далѣе есть коляда о борьбѣ съ татарами (№ 8), о вольной дружинѣ, нанимающейся въ услуги добродушному пану (№ 12), и оригинальный рассказъ (№ 14) о долгихъ походахъ войска въ безпреставной борьбѣ съ разными народами; воины наконецъ постарѣли въ лагерѣ и прійди въ московщину, отказались повиноваться своему вождю и заявили требованіе возврата на родину.—Коляды мнѣологическаго содержанія (№№ 9, 11, 13, 15, 20, 22, 24, 25). составляя

варианты колядъ, записанныхъ въ сборникѣ Головацкаго, мало даютъ новыхъ данныхъ для изслѣдователя. *Щедривокъ* у Кольберга только девять, но и въ этомъ небольшомъ числѣ нашлось два разнородныхъ варианта (№ 40, 42) старой нравственной пѣсни (извѣстной повсемѣстно у малороссовъ и поляковъ) о томъ, какъ Богъ не простилъ той души, которая отцу-матери «напала, — не палаела, а тильки подумала.» — Къ числу чисто народныхъ христіанскихъ щедривокъ, въ сложеніи которыхъ совершенно не участвовала школа (а ихъ очень немного), надо отнести очень распространенную щедирвку (№ 43, 44), записанную у Чубинскаго неправильно въ числѣ колядокъ (№ 62 въ 5 вариантахъ) и рассказывающую, какъ Богородица въ церкви изъ числа разныхъ предлагаемыхъ новорожденному Спасителю именъ (Св. Петра, Св. Миколая и др.) выбрала „Суса Христа“, имя это полюбила и до престола приступила. — Всѣ колядки и щедривки отличаются замѣчательно длинными причитаніями поздравленій и пожеланій всякихъ благъ слушающему *гиздъ, гиздынь* и ихъ семейству.

Весьма много новаго и интереснаго представляютъ весняныя игры съ пѣснями. Кромѣ записанныхъ игръ у Чубинскаго: *Воробей* (2 вар.), *Опирочки* (5 вар.), *Воротарь*, *Жельманъ* (3 вар.), *Перепилочка* (3 вар.), *Мужъ и Жинка* (3 вар.) и *Кострувъ*, есть еще и слѣдующія женскія игры: *Вербовая дощечка* въ шести вар., *Жукъ* въ шести вар., *Ворота* въ двухъ вар., *Дядь и Баба*, *Рынокъ*, *Дивороювати*, *Журило*, *Крутый ридь*, *Горцикъ*, *Сосенька*, *Грулика*, *Сзаты*, *Былице*, *Билоданьчикъ* и 18 разныхъ игръ парубковъ.

Что касается формы собранныхъ Кольбергомъ пѣсенъ, то я долженъ замѣтить слѣдующее. Въ малорусскихъ сборникахъ, напримѣръ у Чубинскаго, классификація пѣсенъ очень часто невѣрна; коляды и щедривки въ особенности перемѣшаны, вслѣдствіе чего въ пѣсняхъ, гдѣ содержаніе не даетъ указанія на праздники, соответствующіе этимъ родамъ пѣсни, весьма легко попасть въ ошгбку и принять щедривку за коляду и наоборотъ. Я принялъ за ключъ къ классификаціи щедривокъ и колядокъ ихъ куплетныя формы, но не былъ въ немъ увѣренъ. По просмотрѣ сборника Кольберга, всякое сомнѣніе исчезаетъ. Оказывается, что всѣ его коляды безъ исключенія имѣютъ форму $^2(5+5)$, а щедривки $^2(4+4)$. Всѣ мелодіи какъ колядокъ, такъ и щедривокъ вполне типичны и замѣчательно различаются между собою.

Окончивъ годичные обычаи и обряды, г. Кольбергъ описываетъ обычаи и обряды случайные: родины, крестины, похороны и свадьбу. При описаніи похоронъ въ нѣсколькихъ вариантахъ онъ даетъ 7 пѣсенъ — *похоронныхъ плачей*. Но главную роль въ этомъ отдѣлѣ играетъ

свадьба. Она описана имъ въ девяти разныхъ мѣстахъ съ массою пѣсенъ. Свадебныя мелодіи представляютъ серіозный интересъ; онѣ значительно отличаются отъ мелодій нашей мѣстности и отъ записанныхъ г. Лысенко (Сбор. Чубинскаго IV) въ Борисполѣ.

Говоря вообще о значеніи перваго тома «Покутгя», какъ цѣннаго вклада въ науку, и не малую долю этой цѣнности долженъ отнести на счетъ его музыкальной части. До сихъ поръ мы имѣемъ очень много работъ по бытовой и исторической малорусской музыкѣ (Едличко, Коцишинскій, Лысенко), но обрядная музыка оставалась въ забвѣннѣ; въ настоящее-же время мы имѣемъ у Кольберга болѣе 300 самыхъ разнообразныхъ обрядныхъ пѣсенъ съ музыкой, записанныхъ этнографомъ специалистомъ.

Ц. Нейманъ.

Cet czy lichy? (Powieść historyczna z końca XVII wieku) przez J. Kraszewskiego. Warszawa. 1884. T. 1. 2. (Четъ, или не четъ? Историческая повѣсть конца XVII в. I. Крашевскаго. Варшава. 1884 г. Т. 1 и 2).

Въ текущемъ году вышелъ въ свѣтъ новый романъ маститаго польскаго писателя Крашевскаго, заглавіе котораго выписано выше. Онъ былъ написанъ, какъ обозначено въ концѣ втораго тома, въ Дрезденѣ въ 1882 г., вѣроятно, къ двухсотлѣтнему юбилею Собѣскаго, праздновавшемуся въ прошломъ году.

Нѣтъ надобности говорить о многочисленныхъ достоинствахъ этого новаго произведенія Крашевскаго: легкости стили, прелести описаній, живомъ воспроизведеніи былого; такія достоинства присущи всегда произведеніямъ этого знаменитаго беллетриста и извѣстны каждому. Названная повѣсть относится ко времени похода Яна Собѣскаго для освобожденія Вѣны отъ осады турокъ и вообще къ эпохѣ войнъ этого короля 1674—1696 г. Сюжетъ повѣсти—дуэль двухъ шляхтичей королевской свиты изъ-за фрейлины королевы, разстроенная предложеніемъ этой послѣдней, чтобы соперники тянули жребій, съ тѣмъ, что кто вытянетъ *нечетъ* (отсюда и названіе повѣсти), тотъ долженъ искать смерти въ походѣ противъ турокъ. Читателей нашихъ эта повѣсть можетъ интересовать живымъ описаніемъ неудавшагося жванецкаго похода, предпринятаго королемъ Яномъ Собѣскимъ для освобожденія Каменца-Подольскаго отъ власти турокъ, и изложеніемъ причинъ этой неудачи. Каменецъ уступленъ былъ туркамъ до журавенскому договору (17 окт. 1676 г.). Упоен-

ный своими побѣдами подъ стѣнами Вѣны, при Парбанахъ и Острыгамѣ, Собѣсскій на возвратномъ пути рѣшился отнять у турокъ уступленные имъ прежде Рѣчью Посполитою крѣпости. Вполнѣ увѣренный въ успѣхъ своего намѣренія, онъ пригласилъ жену со всѣмъ ея дворомъ и иностранныхъ пословъ сопутствовать его войскамъ.

24-го августа 1684 г. взгорья, окружающія Язловець, небольшое старое укрѣпленіе въ нынѣшней Галиціи, были покрыты польскими войсками. На одномъ изъ холмовъ, напротивъ укрѣпленія, до котораго не достигали неприятельскіе снаряды, были разставлены большія красныя палатки, съ золочеными шариками на верхушкахъ, для короля, королевы и двора. Около палатокъ кипѣла жизнь, бѣгали слуги, въ большей палаткѣ разставлялись обѣденные столы.

Во время самаго обѣда началось бомбардированіе укрѣпленія. Вскорѣ горстка турокъ, находившаяся въ укрѣпленіи, проебла о пощадѣ и самъ король выѣхавъ принять сдававшихся, чтобы привести ихъ къ ногамъ королевы. Четыре дня дворъ пробылъ подъ Язловцемъ, между тѣмъ войска потянулись къ Каменцу и Жванцу. Собѣсскій рассчитывалъ взять Каменецъ голодомъ; но исполненію его стратегическаго плана мѣшало отсутствіе согласія между нимъ и гетманами. Слава Собѣскаго возбуждала зависть—требовали, чтобы всѣ его соображенія были предварительно предлагаемы на усмотрѣніе военнаго совѣта, дѣлали затрудненія при ихъ исполненіи, добивались независимости въ дѣйствіяхъ. Хотя эти противодѣйствія причиняли большую неприятность Собѣсскому, но онъ молчалъ и держалъ себя вѣжливо по отношенію къ своимъ тайнымъ врагамъ, чтобы ихъ не раздражать. Король подъ Жванцемъ простоялъ безуспѣшно нѣсколько недѣль, не будучи въ состояніи построить мостъ черезъ Днѣстръ; гетманъ польный и кастелянъ краковскій стояли между тѣмъ подъ Каменцомъ, ожидая короля. Изъ-подъ Жванца король, опечаленный неудачей, отправился назадъ и, завернувши въ Каменцу, со слезами на глазахъ посмотрѣлъ на крѣпость, которую онъ не могъ овладѣть изъ-за зависти гетмановъ. Татары начали было преслѣдовать отступавшее войско, король наставлялъ напасть на нихъ; блестящая побѣда ускользала изъ рукъ славнаго побѣдителя хотинскаго и освободителя Вѣны; съ горечью взывалъ онъ къ гетманамъ Яблоновскому и Потоцкому: „берите на себя главное начальство; не для себя хочу я побѣды, но для Польши. Идите, припишите себѣ побѣду, но не дайте ускользнуть татарамъ“. Гетманы ссылались на то, что безъ военнаго совѣта они не рѣшаются нападать на неприятеля; татары возвратились между тѣмъ назадъ. Когда Собѣсскому донесли объ этомъ, онъ бросилъ о земь свой бунчукъ и воскликнулъ: „для чего онъ стоитъ? Развѣ я началь-

никъ? Ни въ одинъ походъ не пойду уже болѣе, во мнѣ не пужаются. Пусть другіе добываютъ славы, я пресыщенъ ею до горечи“.

Тѣмъ кончился походъ подъ Жванецъ, гдѣ когда-то Хмельницкій разбилъ на голову польскія войска. Теперь съ королемъ во главѣ, они потянули ко Львову: гетманы лишили короля новой славы и сами не прославились, а русскія области остались во власти турокъ.

S.

*Сюжеты при жизни и дѣятельность Володимира Барвинскаго.
Львовъ. 1884 г.*

Эта небольшая книжка о безвременно умершемъ галицкомъ патриотѣ издана львовскимъ товариществомъ „Просвѣта“ къ недавно исполненной годовщинѣ смерти Вл. Барвинскаго. Обстоятельно составленная на основаніи признаній покойнаго, его статей и писемъ къ близкимъ людямъ, эта характеристика рисуется симпатичную личность Барвинскаго во всей ея идеальной чистотѣ. Его высокая любовь къ родинѣ, политическій умъ и тактъ, засвидѣтельствованные кратковременной его жизнью, выступаютъ ярко въ этой интимной, душевной его исторіи и показываютъ всю великость утраты, понесенной галицкой Русью въ его лицѣ.

Барвинскій принадлежалъ къ числу выдающихся публицистовъ и дѣятелей народныхъ въ Галиціи, и въ общественной жизни этой страны за послѣднее время не было, кажется, ни одного свѣтлаго явленія, ни одного шага, которые не связаны были-бы съ именемъ Барвинскаго. Его починъ, его высокій патриотизмъ всюду вносятъ свѣтъ народнаго самосознанія. Периодическая печать, честно служащая народу, много обязана его почину и примѣру. Издательскія и ученые общества, и между ними прежде всѣхъ многополезная „Просвѣта“,—его созданіе. Организаторъ перваго народнаго вѣча, горячій защитникъ народныхъ правъ—онъ собиралъ къ одной работѣ народныя силы. Задачею этой работы онъ ставилъ самостоятельное развитіе своего народа на началахъ широкаго европейскаго просвѣщенія.

„Единеніе всѣхъ силъ русинской интеллигенціи и сближеніе ихъ съ народомъ Барвинскій, по словамъ его біографа, считалъ конечнымъ условіемъ успѣха дѣла возрожденія галицкаго народа. Онъ сумѣлъ стать выше ежедневныхъ домашнихъ споровъ братьевъ между собою, сдѣлался рѣшительнымъ противникомъ всего, что можетъ дѣлать русиновъ въ ихъ работѣ для добра народа. Онъ былъ великимъ противни-

комъ всякаго пустомельства и всякой крепливой демонстративности. Какъ неумолимо возставалъ онъ противъ всѣхъ посягательствъ на народныя права Руси, на честь и достойное народное, такъ равно съ горючимъ жаромъ указывалъ русинамъ на ихъ грѣхи.

„Наша собственная исторія и исторія другихъ народовъ, говоритъ онъ, научила насъ, что „высокая политика“ безъ опоры въ реальной, живой силѣ — не ведетъ народа къ счастью, къ цѣли его задушевныхъ стремленій. Политическія перемены приносятъ выгоды только народамъ, имѣющимъ эту силу. Такая сила, по его мнѣнію, въ массахъ простонародья, въ тѣхъ селянахъ и мелкихъ мѣщанахъ, что, не взирая на столѣтія невзгодъ, сберегли свою русскую народность, а въ настоящее время, при условіяхъ просвѣщенія и самопознанія, должны стать тѣмъ народнымъ устоемъ, той скалой, о которую разобьется всякій вражескій валъ“...

Слабый тѣломъ, болѣзненный, Барвинскій былъ неутомимымъ работникомъ. Принужденный добывать хлѣбъ адвокатурой, онъ посвящаетъ все остающееся время научной и литературной работѣ. Имъ написана масса популярныхъ книжекъ для народнаго чтенія, изданныхъ „Просвѣтой“. Со времени первыхъ литературныхъ опытовъ въ „Зорѣ“ и до послѣдняго дня жизни, онъ не покидалъ пера публициста. Лучшій галицкій журналъ „Правда“ пять лѣтъ выходилъ подъ его редакціей. Имъ-же основана и поставлена на ноги самая серьезная и честная русинская газета „Дѣло“. „Я адвокатъ, юристъ, литераторъ, пишетъ онъ брату своему въ 1876 г. Десять рукъ и десять головъ не были-бы для меня лишними. Обрастаю бумагой, дѣлаюсь чернильной пивкой, вотъ ужъ другой мѣсяць, какъ я ни разу не прогуливался. А дѣлаю развѣ только десятую часть того, что хотѣлъ-бы сдѣлать“. Какъ публицистъ, онъ отличался жаромъ, силою убѣжденія и честностью, вредъ которой превзошли даже его враги. Публицистикѣ отдалъ онъ наиболѣе времени и силъ, хотя личныя склонности влекли его, быть можетъ, къ болѣе спокойной, чисто научной и литературной работѣ. Въ немъ жили цѣлыя цѣли съ отзывчивымъ и чуткимъ сердцемъ. Нѣсколько приводимыхъ въ биографіи его стихотвореній задушевы и милы. Повѣсти его отличаются несомнѣннымъ дарованьемъ. Лучшая изъ нихъ — „Скошеный цвѣтокъ“. Названіе это оказалось пророческимъ для автора, умершаго въ тридцать три года, въ лучшую пору своей дѣятельности.

Всегда недоумѣрчивый къ медицинѣ, Барвинскій только въ виду полнаго упадка здоровья, рѣшился отправиться въ Карльсбадъ и въ одномъ изъ писемъ какъ-бы оправдывается за эту заботу о себѣ: «Мнѣ не жаль себя самого, не пѣлъ я, поднимаясь вверхъ, не буду пѣть, спускаясь

внизъ. Не баловала судьба меня съ юности, не будетъ баловать и теперь. Къ тому-жь, вы знаете, и никогда не дорожилъ ни своею личностью, ни своею жизнью. Но хотѣлось-бы мнѣ простымъ воиномъ удержаться на посту въ эти тяжкіе часы нашей народной жизни и по мѣрѣ силъ и средствъ отдать свой трудъ народному дѣлу». Судьба судила иначе: поправившись въ Карльсбадѣ, по возвращеніи въ Львовъ, Барвинскій схватилъ смертельную простуду и 22 января 1883 года его не стало.

Открытая уже подписка на памятникъ Барвинскому засвидѣтельствуетъ скоро общественное признаніе его плодотворной дѣятельности и его политическихъ заслугъ; но память о его самоотверженіи, безкорыстїи и великой любви къ роднѣ свято чтится и теперь лучшею частію галицко-русскаго общества, какъ показываетъ разсмотрѣнная нами брошюра.

Достоинъ уваженія народъ, который такъ чествуетъ своихъ скромныхъ, но горячихъ и самоотверженныхъ дѣятелей, достойно почтенія то «Общество», которое напоминаетъ народу объ одномъ изъ такихъ дѣятелей.

В. Г—ко.

Къ новоселью городской публичной бібліотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г.

Въ этой брошюрѣ директоръ одесской публичной бібліотеки, В. А. Яковлевъ сообщаетъ интересныя данныя о завѣдуемомъ имъ книгохранилищѣ, а также о другихъ общественныхъ бібліотекахъ Новороссійскаго края.

Одесская бібліотека самая большая изъ провинціальныхъ публичныхъ бібліотекъ и въ Новороссїи занимаетъ, конечно, первое мѣсто. Въ ней числится теперь 40 тысячъ томовъ. Первое основаніе ея заложено изъ суммъ, собранныхъ изданіемъ „Одесскаго Вѣстника“ въ 20-хъ годахъ. Къ основному фонду присоединились частныя пожертвованія. Справившая недавно свое пятидесятилѣтіе, бібліотека съ 1829 г. прерывала свою дѣятельность только во время севастопольской осады, когда книги ея были скрыты въ подвалахъ.

Какъ всѣ бібліотеки, получавшія частныя пожертвованія, и одесская не можетъ похвалиться полнотой и стройностью отдѣловъ. На путь Строгаго ученаго книгохранилища она направляется все болѣе и болѣе теперь. Главное богатство бібліотеки заключается нынѣ въ русскіихъ журналахъ, какъ общаго, такъ и спеціальнаго содержанія. Изъ научныхъ отдѣловъ полише другіихъ отдѣлы правовѣдѣнія, экономическихъ наукъ, географїи и исторїи. Число читателей, постепенно возрастающа, въ 1867

году дошло до 15 тысячъ. Пслѣдствіе запрещенія воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній посѣщать бібліотеку, въ слѣдующемъ году оно упало на половину. Нынѣ цифра читателей превосходитъ 31 тысячу. Впрочемъ число требованій относится преимущественно къ словесности и журналамъ и во главѣ ихъ къ петербургскому „Дѣлу“. Специально мѣстный отдѣлъ Novorossica еще не окончательно сформированъ. Нѣтъ сомнѣній, что такой отдѣлъ, посвященный краю, для умственныхъ потребностей котораго существуетъ бібліотека, могъ-бы имѣть особенное значеніе.

Библіотека, существующая въ Николаевѣ, такъ называемая морская офицерская, старѣйшая въ краѣ. Она существуетъ съ 1821 г. Перевезенная въ началѣ осады Севастополя въ Николаевъ, она тамъ окончательно устроила свое существованіе. Въ 1879 г. въ ней числилось до 30 тысячъ томовъ. Изъ остальныхъ одинадцати общественныхъ бібліотекъ Новороссіи почти все основаны на пожертвованія частныхъ лицъ. Больше другихъ кншневская, въ 1879 году заключавшая до 10 тысячъ томовъ. Керченская бібліотека поддерживается взносами солепромышленниковъ, жертвующихъ на бібліотеку 15 коп. съ каждой тысячи пудовъ соли, отправляемой чрезъ Керченскій проливъ. Существуютъ еще общественныя бібліотеки въ Екатеринославѣ, Севастополѣ, Елисаветградѣ, Тирасполѣ (съ безплатнымъ пользованіемъ книгъ), Павлоградѣ, Бобринцѣ, Хотинѣ, Симферополѣ и Херсонѣ.

Частныхъ бібліотекъ и кабинетовъ для чтенія, по официальнымъ даннымъ, въ началу 1880 г. въ Новороссійскомъ краѣ было 43 (въ херсонской губерніи—17, въ екатеринославской—11, въ таврической—8, въ Бессарабской—7). Одна изъ этихъ бібліотекъ находится въ селѣ Гуляйполѣ александровскаго уѣзда. Но есть и города, какъ напримѣръ Аккерманъ, не имѣющіе никакой бібліотеки, ни общественной, ни частной. Въ этой статистикѣ не приняты, конечно, въ счетъ бібліотеки, принадлежащія разнымъ учрежденіямъ и корпораціямъ.

Изъ тринадцати общественныхъ бібліотекъ, приходящихся на четыре огромныхъ губерніи, только три довольно значительны. Цифра весьма скромная, показывающая, какъ намъ далеко до сознанія, что „общественныя книги нужны также для общаго блага, какъ общественныя фонари“. Такъ выражаются грубые янки, у которыхъ общественныя бібліотеки существуютъ въ каждомъ городкѣ. Въ Англіи бібліотечный налогъ поставилъ удовлетвореніе умственныхъ потребностей на равнѣ съ удовлетвореніемъ потребностей религіозно-нравственныхъ, физическихъ и санитарныхъ. Скоро-ли додумаются до чего-нибудь подобнаго наши городскія управленія? Правда и то, что многія изъ нихъ на этотъ упрекъ могутъ отвѣчать почти такъ, какъ отвѣчаетъ у Виктора Гюго блузникъ, сжегшій парижскую бібліотеку: „je ne sais pas lire!“...

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КЪ ИСТОРИИ СЛОБОДСКО-УКРАИНСКАГО ЧУМАЧЕСТВА.

Въ старинное время, въ XVIII и въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ Слободской Украинѣ было весьма развито чумачество. Въ существенныхъ своихъ чертахъ слободско-украинское чумачество не отличалось отъ чумачества другихъ малорусскихъ мѣстностей, напримѣръ, отъ чумачества полтавскаго. Путь слободско-украинскихъ чумаковъ былъ такъ-же далекъ и труденъ, также безлюденъ и таинственъ, какъ и путь чумаковъ полтавскихъ или черниговскихъ. И слободско-украинскіе чумаки держали путь въ далекую, полусказочную Черноморію и въ Донщину, забирали на Дону рыбу, въ Крыму соль и развозили ихъ по украинскимъ градамъ и весямъ: Сельскіе старики нынѣ съ удовольствіемъ вспоминаютъ о томъ времени, когда они большую часть года странствовали по украинскимъ полямъ и по донскимъ степямъ, съ своими рослыми круторогими волами, на своихъ вмѣстительныхъ возахъ—паровицахъ. Для чумаковавшихъ вспомнить о быломъ чумачествѣ значитъ вспомнить о жизни, правда, трудовой, но зато широкой и вольной. Не чумаковавшіе крестьяне съ словомъ чумачество соединяютъ нынѣ представленіе о прошедшемъ безвозвратно золотомъ вѣкѣ рыбной торговли, когда рыба на ярмаркахъ и базарахъ продавалась дешево, и рыба то была сочная, вкусная.

Въ ахтырскомъ уѣздѣ харьковской губерніи чумачество процвѣтало преимущественно въ Боромлѣ и въ Котельвѣ. Въ Боромлѣ,

по наведеннымъ мною справкамъ, въ настоящее время живетъ до-вольно много стариковъ, занимавшихся пѣкогда чумацкимъ про-мысломъ: Лозовой, Гудымъ, Новгородскій, Трипольскій, Сичкаръ, Пятакъ, Скачко и друг. Одни, какъ Федоръ Лозовой, перестали чумаковать въ началѣ пятидесятихъ годовъ; другіе, какъ Петръ Сичкаръ, дотянули до времени построения южно-русскихъ желѣз-ныхъ дорогъ въ 60 годахъ. Одни чумаковали въ теченіи нѣсколь-кихъ десятковъ лѣтъ, причемъ ежегодно ходили въ дорогу. Другіе чумаковали незначительное число лѣтъ и чумаковали, когда слу-чится, иногда пропускали годъ, рѣдко два года. Почти всегда чу-маки шли въ путь на волахъ, но были случаи въ новѣйшее время, съ обѣднѣніемъ крестьянства, что ходили на югъ Россіи и съ од-ними конными подводами. Изъ Боромлянскихъ крестьянъ въ 30 и 40-хъ годахъ наиболѣе богатыми по числу ходившихъ въ степи во-ловъ были Лозовой и Гудымъ. Боромлянскіе чумаки покупали во-ловъ въ полтавской губерніи, причемъ платили за пару обыкновенно 220 руб. ассиг. Возы изготовлялись на мѣстѣ, за исключеніемъ колесъ, которыя были покупаемы въ имѣніи Шереметева Пушкариѣ, приблизительно въ 40 верстахъ отъ Боромли, по 8—10 руб. ассиг. за двѣ пары колесъ. Въ большую дорогу клали на возъ около 50 пудовъ; соли клали до 60 и 65 пудовъ. Изъ съѣстныхъ при-пасовъ чумаки брали съ собою въ дорогу въ Крымъ или на Донъ на оба конца по мѣркѣ пшеница, по 2¹/₂ пуда сухарей, по 1¹/₂ пуда печенаго хлѣба, по 20 фунтовъ гречневой и пшеничной муки на галушки и по десяти фунтовъ сала на одного человѣка. Лѣкарствъ не брали. Брали съ собою въ дорогу лишь синій камень для лѣче-нія скота. Въ путь-дорогу отправлялось нѣсколько хозяевъ, по предварительному взаимному уговору. Общес число паровицъ до-ходило иногда до 40. Рано утромъ чумаки собирались за цариной, молились и трогались затѣмъ въ путь. Съ хозяевами шли наймиты, по одному человѣку на четыре пары воловъ. Въ наймиты къ чу-макамъ шли парубки изъ семействъ зажиточныхъ, хорошихъ. Срокъ найма начинался Свѣтлымъ Христовыхъ Воскресеніемъ и кончался зимнимъ Николаемъ, и за все это время наймитъ получалъ отъ хозяина рублей 8 или 10 серебр. Чумацкая важка не выбирала ни атамана, ни кашевара. Слушались того, кто уже хаживалъ въ до-рогу и зналъ чумацкіе тракты и чумацкіе звичаи и обычаи. Пищу

варили и воловъ въ ночное время стерегли по-очередно. Время выхода опредѣлялось тѣмъ, куда направлялась валка; въ Москву выходили изъ Боромли на Оминой недѣли; на Донъ выступали за недѣлю передъ Вознесеніемъ. Боромльскіе чумаки хаживали въ Москву, Нижній-Новгородъ, Перекопъ, Севастополь, Маріуполь, Бѣрдянскъ, Таганрогъ и Ростовъ на Дону. Шли большею частью полями да степями, гдѣ попросторнѣй и попривольнѣй. Чумацкій трактъ на Одессу шелъ черезъ Екатеринославъ и Вознесенскъ; въ Крымъ—черезъ Коломакъ, Карловку, Кочерияжки, Карабиповку, Михайловку, Тимошовку, Сырогозы и Перекопъ; на Донъ—черезъ Коломакъ, Берестянку, Корніевку, Гришино, Родивку и степью до Ростова. Въ Одессу возили разный товаръ, преимущественно „крейду, крупу, олію“, а привозили въ Украину орѣхи, деревянное масло и другіе продукты южныхъ странъ, которые находили сбытъ на украинскіхъ ярмаркахъ. Въ Крымъ возили исключительно овесъ. Сичкаръ весьма хвалитъ крымскіхъ татаръ за честность. Съ выселеніемъ татаръ въ Турцію, новые поселенцы русскіе иногда воровали у чумаковъ воловъ, преимущественно во время крымской войны. Въ Крыму чумаки брали соль на Красномъ озерѣ и сбывали ее исключительно въ Боромлѣ. Здѣсь спросъ на соль оказывался выше предложенія. Въ Донщину изъ Боромли везли разные деревянныя издѣлія, по малорусскому выраженію „деревню“, т. е. оси, колеса, вила и т. п. Съ Дону привозили исключительно рыбу, которую продавали въ разныхъ мѣстахъ харьковщины и черниговщины. На югъ боромлянскіе чумаки ходили гораздо охотнѣе, чѣмъ на сѣверъ, по сравнительной близости разстоянія и дешевизнѣ проѣзда по малонаселеннымъ степямъ. На сѣверѣ Москва, на сѣверо-востокѣ Нижній-Новгородъ были крайними пунктами, куда заходилъ боромлянскій чумакъ. Въ Москву возили преимущественно грушевыя деревья для тамошнихъ мауфактурныхъ фабрикъ; въ Нижній Новгородъ на макарьевскую ярмарку возили сахаръ и грушину. Въ Одессу изъ Боромли шли шесть недѣль, въ Одессѣ проживали недѣлю и обратно домой шли также 6 недѣль. Въ Крымъ шли четыре недѣли, отъ 2 до 10 дней проживали въ Крыму и затѣмъ 4 недѣли находились на обратномъ пути. Хожденіе на Донъ занимало столько-же времени, что и ходка въ Крымъ. Въ теченіи лѣта и осени чумаки дѣлали двѣ ходки на югъ, т. е. 4 копца. Дорож-

ніе расходы чумаки были незначительны. Платили нѣсколько копѣекъ за переѣздъ черезъ мостъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мосты находились въ рукахъ евреевъ, которые обязывали чумаковъ покупать за право проѣзда по квартѣ водки на каждый десятокъ возовъ. За одновременный попасъ обыкновенно платили 2 копѣйки съ пары воловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе, напримѣръ, подъ Карловкой во владѣніи графини Разумовской, впоследствии принадлежавшемъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, платили по 10 коп., подъ Одессой по 25 коп. Были для чумаковъ благодатныя мѣстности, напримѣръ, обширныя владѣнія Иловайскихъ на донскомъ чумацкомъ трактѣ, гдѣ чумаки шли очень долго и ничего не платили за пастбу скота. За водопой платили лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и платили самую малость. Дорогою въ Крымъ или въ Донщину боромлянскій чумакъ въ сороковыхъ годахъ издерживалъ всего одинъ рубль на разные расходы: мостовое, пропасъ, пропой, деготь и т. п. По дорогѣ въ Одессу и въ Москву расходы увеличивались. Чистая прибыль отъ чумацкаго промысла была довольно значительна. Такъ, за вяленую рыбу на Дону платили за тысячу (на возъ клали 5 тысячъ) рублей 14 ассигнаціями, за сырую (клали на возъ 2^{1/2} тысячи) 22 рубля ассигнаціями; первую продавали въ Малороссіи по 30 или 40 рублей, вторую по 40—50 рублей (около 14 рублей серебромъ). За соль на мѣстѣ ея добыванія платили 94 копѣйки ассигнаціями (28 серебромъ) за пудъ, а продавали около 1 рубля серебромъ. Доставка грушины въ Москву давала чумаку по меньшей мѣрѣ 40 рублей заработка, а въ случаѣ обратной доставки московскаго купческаго товара, напримѣръ въ Ромны на ярмарку, заработокъ чумака превышалъ сотню рублей.

Валка оберегала личность и имущество чумака; чумаки были соединены узами товарищества. Однажды какой-то папъ просилъ въ Москвѣ Сичкаря продать ему возъ и пару воловъ, и Сичкарь согласился; но товарищи чумаки не позволили ему продать воловъ. Въ другой разъ на почлегѣ было украдено два вола у Перекрестова, имѣвшаго въ валкѣ 12 паровицъ при паймитахъ. Члены валки, по возвращеніи въ Боромлю, сложились по два рубля съ вола и уплатили Перекрестову деньги за пропавшихъ воловъ.

Странствованіе по степямъ развивало въ чумакахъ поэтическое творчество и содѣйствовало возникновенію фантастическихъ разсказовъ. Люди впечатлительные, расположенные къ вѣрѣ въ чудесное, чуяли въ новороссійскихъ пустыняхъ присутствіе высшихъ, таинственныхъ существъ. Старикъ чумакъ пшѣ охотно разсказывалъ современной маловѣрной молодежи, какія чудные звуки слышались ему въ повороссійскихъ степяхъ и какіе странные образы являлись иногда передъ его очами. Такъ одинъ добродушный старикъ совершенно серьезно, съ примѣсью увлекательной таинственности, разсказывалъ намъ, какъ однажды, когда онъ шелъ въ Крымъ, въ вечернее время изъ степнаго озерка выпрыгнули два древнихъ водяныхъ дѣда и, не выдержавъ людскаго взгляда, снова погрузились въ прохладную озерную гдубь.

Боромлянскіе чумаки люди зажиточные и разсудительные. Какъ люди бывалые, многое видѣвшіе и многое испытавшіе, они пользуются среди односельцевъ уваженіемъ. И дѣйствительно, чумаки „багато бачили, багато знають“. Торговля занятія стлкнували ихъ съ людьми разныхъ сословій, состояній и національностей и приводили ихъ въ разные города. Чумачество познакомило ихъ съ старинными запорожскими пляхами, съ безкрайними новороссійскими степями. Суровая, полная тревоги и труда жизнь чумака придавала очертаніямъ его лица силу и мужественность, закалила его характеръ относительно настойчивости, внесла въ его міросозерцаніе элементы независимости и практичности, не исключая природной малороссу мягкости и поэтичности. И въ смыслѣ нравственномъ, и въ смыслѣ общественномъ вымирающей украинскій торговецъ—чумакъ, сколько можно судить по боромлянскимъ могиланамъ чумачества, не имѣетъ ничего общаго съ нарождающимся новымъ торговцемъ деруновскаго и разуваевскаго типа. Имя чумака сходитъ со сцены дѣйствительной жизни и переходитъ въ исторію и преданіе чистымъ, безъ укора, безъ темныхъ пятенъ. Чумакъ не отдѣляется въ духовно-нравственномъ отношеніи отъ своихъ односельцевъ, жилъ съ ними одною жизнью, помогалъ имъ въ нуждѣ изъ своего честно и трудолюбиво накопленнаго достатка, наприжѣръ, выручалъ односельца и земляка изъ бѣды въ тяжелую годину неурожайнаго года, въ случаѣ истребительнаго пожара, въ случаѣ несвоевременной уплаты податей.

И въ Боромлѣ, и повсемѣстно въ Малороссіи, чумачество изчезло, по объясненію самихъ крестьянъ, въ слѣдствіе увеличенія акциза на соль и въ особенности въ слѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ. Въ Боромлѣ въ настоящее время преемниками чумаковъ являются „хурцики“, т. е. извошники, которые имѣютъ дѣло исключительно съ ближайшими къ Боромлѣ сахарными заводами и съ отстоящей въ пяти верстахъ отъ Боромли желѣзнодорожной станціей, куда возятъ муку, каменный уголь и проч. т. п.

Н. Сумцовъ.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КІЕВѢ.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1883 годъ помѣщена замѣтка „Двѣ Ревизіи“ (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ), въ которой авторъ говоритъ о двухъ лицахъ, занимавшихъ въ то время видное положеніе въ управленіи кіевскимъ учебнымъ округомъ и которыхъ онъ представилъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Лица эти, которыхъ авторъ называетъ только ревизорами, а имена и фамиліи ихъ обозначилъ начальными буквами, были: инспекторъ казенныхъ училищъ, Матвѣй Матвѣевичъ Могиляцкій и попечитель кіевского учебнаго округа, генералъ-майоръ Траскинъ. Оба они покойники и не могутъ отвѣтить за себя,—тѣмъ болѣе мы, говоря объ нихъ, должны соблюдать справедливость и безпристрастіе.

Не имѣю намѣренія вступать съ авторомъ „Двухъ ревизій“ въ полемику по поводу его рѣзкаго отзыва о названныхъ лицахъ, составленнаго, какъ кажется, болѣе по слухамъ и тому мимоletному впечатлѣнію, какое они произвели на него во время ревизіи немировской гимназіи,—впечатлѣнія бывають различны и зависятъ отъ многоразличныхъ причинъ,—но хочу передать мои воспоминанія о тѣхъ-же лицахъ, а мимоходомъ и вообще о кіевскихъ гимназіяхъ того времени, порядкахъ и условіяхъ тогдашняго воспитанія, которыя были далеко не одинаковы и зависѣли отъ личныхъ качествъ воспитателей.

Начну съ Могиляцкаго, которому авторъ замѣтки ставитъ, по видимому, въ вину даже его заграничное образованіе.

Извѣстно, что еще ранѣе 40-хъ годовъ все, что было лучшаго въ Россіи, стремилось за границу для своего образованія. Извѣстно также и то, что достигъ этого въ ту эпоху было не такъ-то легко. Родители Матвѣя Матвѣвича были люди образованные и состоятельные; они жили въ Кіевѣ, пользовались общимъ уваженіемъ тогдашняго кіевскаго общества, имѣли собственный домъ въ Лицкахъ, противъ нынѣшняго дома гражданскаго губернатора. Благодаря ихъ свѣтлому взгляду и особенной протекціи, Матвѣй Матвѣвичъ получилъ образованіе въ заграничномъ университетѣ; но какъ заграничный дипломъ не давалъ ему правъ по образованію въ предѣлахъ Россіи, то въ послѣдствіи онъ сдалъ экзаменъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

Въ 1843 г. Матвѣй Матвѣвичъ не былъ еще инспекторомъ казенныхъ училищъ, какъ говоритъ авторъ „Двухъ ревизій“, но не „слонялся по типографіямъ“, какъ увѣряетъ онъ-же, а былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона кіевской 1-й гимназіи. Такъ какъ мнѣ приходилось видѣть его тогда ежедневно (я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ 1-й гимназіи), то могу сказать положительно, что „румянъ и бѣлилъ, шнуровки и черненья волосъ“ Матвѣй Матвѣвичъ не употреблялъ,—это не ускользнуло-бы отъ нашего школьнаго любопытства и вниманія. Жилъ онъ, правда, и въ то время шикарно, имѣлъ прекрасныхъ лошадей, экипажъ и обладалъ всѣми условіями пзящнаго и образованнаго человѣка, вращался въ аристократическомъ кругу, но даже намъ, школьникамъ, было хорошо извѣстно, что средства его не исходили ни изъ какихъ незаконныхъ источниковъ.

Затѣмъ Матвѣй Матвѣвичъ получилъ должность инспектора казенныхъ учебныхъ заведеній, а въ 1848 году исправлялъ должность инспектора студентовъ кіевскаго университета. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ директоромъ нѣжинскаго лицея графа Безбородько, а въ началѣ 60-хъ годовъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа, вмѣсто Н. И. Пирогова. Черезъ нѣсколько лѣтъ Матвѣй Матвѣвичъ получилъ мѣсто члена совѣта министра народнаго просвѣщенія и въ этомъ званіи скончался.

Въ Кіевѣ, въ 40-хъ годахъ, было 2 гимназіи: въ 1-й было 6-ть классовъ, во 2-й—7. Въ послѣдней преподавался греческій языкъ.

Въ 1-й гимназіи было 3 благородныхъ пансіона и „конвиктъ и училище землемѣровъ“. Въ 3-мъ пансіонѣ было самое незначительное число воспитанниковъ, изъ лучшихъ польскихъ фамилій,—платили по 2,000 руб. ассигнаціями въ годъ. 1-й и 2-й пансіонъ, хотя и помѣщались въ отдѣльныхъ зданіяхъ, но по внутреннему характеру, условіямъ и по цѣнѣ, платимой воспитанниками (1,000 руб. ассигн. ежегодно), они ничѣмъ не отличались одинъ отъ другаго. 1-й и 2-й пансіоны и „конвиктъ“, кромѣ надзора извѣстнаго числа комнатныхъ надзирателей, находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ особаго инспектора; но всѣ они подчинялись директору 1-й гимназіи, имѣвшему общее наблюденіе за всѣми этими воспитательными заведеніями гимназій.

Матвѣй Матвѣевичъ въ то время былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона, и объ немъ у меня, какъ и у моихъ товарищей по воспитанію, сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія.

Въ какомъ контрастѣ находились между собою 1-я и 2-я гимназія въ порядкахъ надзора и воспитанія, можно видѣть изъ того, что во все мое пребываніе въ 1-мъ пансіонѣ я не помню ни одного случая наказанія воспитанниковъ розгами. Совсѣмъ иное было во 2-й гимназіи, гдѣ мѣсто инспектора Зимовскаго (въ послѣдствіи директора немировской гимназіи) занялъ Геропесь, кромѣ греческаго языка не имѣвшій никакого понятія о самомъ элементарномъ образованіи. Онъ занимался сѣченіемъ воспитанниковъ въ теченіи всѣхъ часовъ пребыванія въ гимназіи, а по выходѣ ихъ оттуда, отправлялся въ общія ихъ квартиры и придираясь къ каждому вздору, производилъ тамъ новыя экзекуціи. Когда-бы вы ни проходили мимо этихъ воспитательныхъ заведеній, васъ всегда поражалъ раздрающій душу крикъ наказываемыхъ мальчиковъ.

Разъ какъ-то заболѣлъ учитель геометріи: на урокъ 4-го класса для порядка явился Геропесь. Онъ вызвалъ самаго плохаго ученика и приказалъ ему отвѣчать урокъ. Гимназистъ оказался не промахъ. Зная, съ кѣмъ имѣеть дѣло, онъ начертилъ на доскѣ пѣчто въ родѣ кошки, обозначилъ оконечности литерами и пошелъ писать развязно, бойко формулу за формулой; стеръ губкой исписанную разъ доску, исписалъ ее вновь и заключилъ словами: „что и слѣдовало доказать“. Геропесь удивленно смотрѣлъ сквозь очки на бойкаго математика, назвалъ его „молодѣчь“ (онъ плохо говорилъ по русски)

и поставилъ ему въ журналѣ 5. Въ тотъ урокъ всѣ оказались превосходными математиками. Говорили, что послѣ выздоровленiя учителя бойкiй математикъ былъ обличенъ въ обманъ и получилъ инквизиторскую порку отъ разсвѣрѣпѣвшаго Геропеса.

Я воспитывался въ 1-мъ пансионѣ, въ которомъ было около 120 учениковъ; во 2-мъ пансионѣ воспитанниковъ было нѣсколько менѣе. Въ 1-мъ пансионѣ было 6 комнатныхъ надзирателей и 7-й старшiй. Каждый изъ 6-ти надзирателей дежурилъ сутки въ педѣлю; въ воскресные дни была особая очередь. Всѣ надзиратели обладали хорошимъ знанiемъ новыхъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ воспитанники обязательно должны были говорить, подѣ условiемъ „*chez vous la parole*“. Вечеромъ они сходились для занятiй по изученiю языковъ и предметовъ.

Нѣкоторые изъ „комнатныхъ надзирателей“ 2-хъ благородныхъ пансионовъ 1-й гимназiи въ послѣдствiи заняли видныя государственныя должности. Такъ Падренъ-де-Карне былъ помощникомъ попечителя одесскаго учебнаго округа, графъ Келлеръ начальникомъ минской губернiи, а Стеблинъ-Каменскiй начальникомъ виленской губернiи.

Падренъ-де-Карне былъ человекъ вспыльчивый; однажды во время обѣда, не помню по какой причинѣ, онъ крикнулъ воспитаннику 6-го класса Н. В. Гербелю (въ послѣдствiи переводчику Шекспира): „*sortez du table!*“ Мы всѣ притаили дыханiе и соображая, что ученикъ выпускнаго класса не исполнитъ подобнаго приказанiя „комнатнаго надзирателя“, ожидали бури... Но Гербель, высокаго роста, покойно вышелъ изъ за стола и сталъ у стѣны, въ виду всего пансиона и первоклассныхъ мальчуговъ... Черезъ минуту Падренъ уже извинялся и цаловалъ Гербеля... Но идеаломъ нашимъ и всеобщимъ любимцемъ воспитанниковъ старшихъ классовъ былъ Е. П. Стеблинъ-Каменскiй.

Наши пансионы находились въ роскошныхъ помѣщенiяхъ. 1-й пансионъ былъ въ Липкахъ, въ домѣ графа Иллинскаго. Паркетные полы натирались ежедневно. Въ верхнемъ этажѣ были комнаты для занятiй, столовыхъ и приемныхъ, въ нижнемъ спальни. Кровати и постельное бѣлье, безукоризненной чистоты, стояли днемъ подѣ чехлами. Отыскать въ нихъ *клопа* было немыслимо. Въ пансионѣ было 5 роялей. Обѣдъ, очень изящный, состоялъ изъ 3 и 4

блюдь, ужинъ изъ 2-хъ. Къ утреннему и вечернему чаю подавались молоко и бѣлый хлѣбъ. Нашъ пансіонъ отстоялъ отъ гимназіи въ 200-хъ саженьяхъ, 2-й былъ еще ближе. Въ гимназіи мы занимались отъ 8-ми до 11-ти часовъ утра и отъ 2-хъ до 5-ти часовъ пополудни. По возвращеніи изъ гимназіи двери нашихъ пансіоновъ затворялись на ключъ и мы никуда не выходили. Въ праздничные дни, если родные присылали за нами лакеевъ, насъ отпускали; но отлучиться самому изъ пансіона, или безъ лакея, было немислимо: привиллегіей этой пользовались только 6 старшихъ воспитанниковъ, носившихъ на плечахъ погоны и наблюдавшихъ за порядкомъ въ 6 отдѣленіяхъ, по числу комнатъ для занятій и классовъ: они въ праздничные дни могли выходить изъ пансіона сами, но предупредивъ надзирателя. Въ праздничные дни и обстановка принимала болѣе праздничную наружность; даже швейцаръ на парадномъ входѣ облекался въ треугольную шляпу и красную перевязь, постукивая золоченой булавой.

По порядку воспоминаній перейду теперь къ другому ревизору 40-хъ годовъ, такъ не благовидно представленному авторомъ „Двухъ ревизій“, бывшему попечителю кіевскаго учебнаго округа генераль-майору Траскину. До поступленія на эту должность, онъ состоялъ начальникомъ штаба на Кавказѣ при князѣ М. С. Воронцовѣ.

Помню, въ одинъ лѣтній день 1846 года, мы выстроены были въ ряды въ рекреационной залѣ нашего 1-го пансіона. Стѣны оной сверху до низу были унизаны изящными рисунками пансіонеровъ, изъ коихъ два: Велизарій и Мадонна, по величинѣ и работѣ, занимали видное мѣсто. Мы ожидали перваго визита новаго попечителя Траскина, назначеннаго вмѣсто бывшаго попечителя князя Давыдова. Въ общей залѣ собранъ былъ и весь персоналъ учителей 1-й гимназіи, въ числѣ которыхъ былъ и Н. П. Костомаровъ, поступившій сюда на должность учителя исторіи до открытія университетской кафедры. Русскую исторію тогда проходили по учебнику Устрялова, а всеобщую по учебнику Смарагова. Требовалось, конечно, твердое знаніе учебника и самъ знаменитый потомъ историкъ уступалъ, кажется, этому требованію, дѣлая въ учебникахъ только сокращенія карандашемъ. Въ послѣдствіи, слушая въ университетѣ его увлекательныя лекціи по русской исторіи, какъ-то не вѣрилось, что это былъ тотъ самый Костомаровъ.

Вскорѣ въ дверяхъ показалась тучная фигура Траскина, средняго роста, опиравшагося на трость, въ мундирѣ генеральнаго штаба. Не смотря на комичную его тучность и зычный голосъ, его наружность, въ золотыхъ очкахъ, была очень симпатична. Какъ дежурный старшій, я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Выслушавъ его, Траскинъ любопытствовалъ узнать, которой губерніи я уроженецъ и проч.

При представленіи ему учителей помощникомъ попечителя Юзефовичемъ, указавшимъ на Костомарова, какъ „магистра“, Траскинъ оказалъ послѣднему особенную любезность. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ нѣкоторымъ воспитанникамъ, Траскинъ обошелъ всѣ комнаты пансіона и спальни и обратилъ особенное вниманіе на бібліотеку пансіона, которою завѣдывалъ Падрень, сдѣлавъ, по поводу ея, нѣсколько замѣчаній, не обнаружившихъ въ немъ ничего того, что приписалъ ему авторъ „Двухъ ревизій“, равно не отдалъ такой чести пробному обѣду 1-го пансіона, какую, по словамъ того-же автора, оказалъ *тремя* обѣдамъ въ немировской гимназіи.

Я былъ тогда въ 6-мъ, т. е. выпускномъ классѣ. Вскорѣ послѣ этого Траскинъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію, въ 6-й классъ, па выпускной экзаменъ, на который обыкновенно приглашался, въ качествѣ ассистента, профессоръ университета соотвѣтствующаго предмета. Былъ экзаменъ физики и Траскинъ, по словамъ автора „Двухъ ревизій“, не умѣвшій отличить физики отъ логики, удивилъ не только насъ, но и ассистента Фомберга (профессора химіи) основательнымъ знаніемъ этого предмета, предлагая каждому изъ экзаменованныхъ вопросы, сообразно его отвѣту, и, въ случаѣ затрудненія въ отвѣтъ, разъясняя его самъ. Физика вѣдь не такой предметъ, чтобы можно было, для удивленія кого-либо, подготовиться къ нему накануне.

Траскинъ, помню, посѣщалъ и лекціи въ университетѣ; но исключительное вниманіе онъ оказывалъ наукамъ математическимъ. Къ студентамъ онъ былъ снисходителенъ и помогалъ имъ иногда изъ собственныхъ средствъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

Деканомъ юридическаго факультета и профессоромъ уголовного права былъ въ то время С. О. Богородскій; прекрасный знатокъ своего предмета, онъ отличался особою строгостію въ оцѣнкѣ познаній студентовъ и не рѣдко на экзаменахъ сбивалъ ихъ въ отвѣтахъ. Должно замѣтить, что кромѣ должности профессорской Богородскій

занималъ одно время должность цензора и директора 2-й гимназіи, пользуясь и квартирой въ гимназіи, которая помѣщалась тогда въ домѣ, гдѣ теперь магазинъ Огюста, на углу Крещатика и Лютеранской. Были-ль у него съ Траскинымъ какія-либо столкновенія и счеты,—не знаю; но въ нашъ выпускъ, который, вслѣдствіе строгости декана, оказался ограниченнымъ по числу удостоенныхъ степенями, между деканомъ и попечителемъ произошелъ весьма крупный разладъ. Богородскій имѣлъ почему-то особо веселый видъ, когда явился къ Траскину съ докладомъ о процентѣ студентовъ юридическаго факультета, удостоенныхъ степеней. Траскинъ выслушалъ его докладъ сердито, а потомъ сказалъ: „Не могу понять, г. профессоръ, что васъ такъ радуетъ. Я нисколько не отношу этого прискорбнаго явленія къ нерадѣнію студентовъ, но скорѣе къ нерадѣнію тѣхъ профессоровъ, которые не умѣютъ изложить студентамъ толково своего предмета и не желаютъ внушить имъ симпатіи ни къ себѣ, ни къ тому предмету, который они читаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ такъ заняты другими обязанностями, что не имѣютъ на это даже и свободнаго времени: я постараюсь ихъ облегчить. До свиданія, г. профессоръ“!

Траскинъ въ то время занималъ лучшій на Крещатикѣ домъ, уцѣлѣвшій въ томъ видѣ и до нынѣ: угольный домъ противъ нынѣшней Европейской гостиницы и фонтана.

Черезъ нѣсколько времени С. О. Богородскій былъ дѣйствительно *обличенъ*, оставшись только въ должности профессора уголовного права.

Одинъ изъ студентовъ написалъ нелѣпный романъ, издавъ его на послѣдніе свои гроши, и *посвятилъ* его Траскину. Послѣдній поморщился, но купилъ тотъ-часъ у автора 100 экземпляровъ (кажется по 1 р.). вмѣстѣ съ этимъ онъ посоветовалъ автору не тратить драгоценнаго времени на сочиненія романовъ; первымъ условіемъ, говорилъ онъ, хорошаго писателя, помимо таланта, должно быть и солидное образованіе, по окончанія-же его талантъ можетъ высказаться сильнѣе со стороны умственной и нравственной. Прочитавъ затѣмъ самый романъ, Траскинъ смутился и за автора, и за свое имя, красовавшееся съ полнымъ титуломъ его, въ формѣ посвященія, на первой страницѣ изданія. Онъ послалъ скупить всѣ находившіеся въ книжныхъ магазинахъ экземпляры этого сочиненія, и взялъ съ автора слово не печатать 2-го изданія.

Одинъ студентъ, находившійся въ крайней нуждѣ, не имѣлъ средствъ уплатить денегъ, требуемыхъ съ него за право ученія. Онъ отправился къ Траскину и изложилъ ему свое горе. Траскинъ немедленно заплатилъ за него изъ своей шкатулки, приказалъ принять его въ число недостаточныхъ студентовъ (съ платою за столъ и за квартиру по 5 руб. въ мѣсяцъ) и просилъ его передать другимъ его товарищамъ, находившимся въ такой-же нуждѣ, свою готовность заплатить и за нихъ.

Послѣ арестовъ: Косогомарова, Шевченка и другихъ, по известной исторіи составленія славянскаго „общества св. Кирилла и Меодія“, бывший тогда генераль-губернаторъ Бибиковъ приказалъ въ одинъ праздничный день собрать всѣхъ студентовъ въ залъ университета.

Въ назначенный часъ мы явились въ мундирахъ. Приѣхалъ и Траскинъ. Указавъ въ своей рѣчи на современное „броженіе умовъ“, Бибиковъ закончилъ ее слѣдующими словами, нашедшими тогда мѣсто въ заграничныхъ изданіяхъ: „если я пять милліоновъ народа умѣлъ поставить на свою ногу, то и васъ поставлю: или я лопну, или вы всѣ перелопаетесь!“ Траскинъ весь побагровѣлъ, очевидно, не отъ сочувствія къ энергичной рѣчи Бибикова.

По поводу этой рѣчи и вообще по поводу различія взглядовъ на системы образованія юношества, между Траскинымъ и Бибиковымъ происходили, говорятъ, крупныя переговоры, пока наконецъ, вмѣсто Траскина, не былъ назначенъ попечителемъ кievскаго округа самъ Д. Г. Бибиковъ въ 1848 году.

Н. Я. Бар—вскій.

Г. Одесса.

28 Января 1884 года.

СТО СЕМЬ ЛѢТЪ ЮЖНО-РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1777 году въ Петербургѣ вышло сочиненіе, въ 25 страницъ, съ такимъ полнымъ заглавіемъ: „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи, такожъ и въ великороссійскихъ слободахъ населенныхъ малороссіянами употребляемыхъ, сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ, армейскихъ походныхъ полковъ, состоя-

нцѣхъ въ украинской дивизіи, прапорщикомъ“. Эта малепькая книжка—первое сочиненіе касающееся этнографіи Малороссіи, какъ и вообще одинъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ объ этой странѣ. Въ „Указателѣ источниковъ для изученія малороссійскаго края“ г. Лазаревскаго она стоитъ подъ № 13-мъ. Нечего говорить о ея чрезвычайной рѣдкости. Нашъ экземпляръ пріобрѣтенъ изъ б. библіотеки Троицкаго. Одинъ видъ этой книжки, желтообрѣзанной и одѣтой въ кожу, можетъ привести въ огорченіе истипаго библіомана.

Въ книгѣ Калиновскаго съ перваго-же разу бросается въ глаза интересная особенность: она не носитъ никакой цензурной помѣтки. Объясняется это просто. 1777 годъ и нѣсколько послѣдующихъ были годами своеобразнаго скатерининскаго либерализма. Исторія дала ему не высокую цѣну, но въ то время надзоръ за типографіями и книжными лавками почти не существовалъ. Издатели миновали всякую цензуру и ограничивались лишь обозначеніемъ типографіи и года изданія.

„Армейскихъ цѣхотныхъ полковъ прапорщикъ“, не мудрствуя лукаво, описываетъ малорусскій свадебный обрядъ, къ сожалѣнію совершенно оставляя въ сторонѣ безчисленные свадебныя пѣсни. А въ какой полнотѣ долженъ былъ онъ слышать ихъ на этихъ старосвѣтскихъ „весельяхъ“, гдѣ женихъ является одѣтымъ „въ два смурые кафтаны и въ полѣхъ пестромъ шерстяномъ, въ красной суконной шапкѣ, обложенной черною овчиной“, а голову молодой, на другой день свадьбы, покрывала старинная „вибалка“. При всей сжатости описанія, оно содержитъ въ себѣ однако нѣсколько подробностей, свидѣтельствующихъ объ исчезнувшихъ чертахъ народнаго свадебнаго обряда.

Особенной сложностью отличался въ старыхъ свадьбахъ такъ называемый выкупъ невесты,—обычай намекающій на продажу невесты въ отдаленную языческую эпоху. Братъ молодой, по пріѣздѣ жениха къ невестѣ, скакалъ на его конѣ изъ двора, а женихъ и поѣздъ его должны были его догонять, чтобъ добиться отъ него права приблизиться къ молодой. Вернувшись въ хату, шуринъ говорилъ длинную рѣчь и требовалъ новый выкупъ. Покрыванье невесты въ понедѣльникъ непременно освящалось церковью, для чего установлена была даже особенная молитва на „покроевіе главы“.

Значеніе этого обычая, существующаго и теперь—вступленіе жены подъ власть мужа. Сказать кстати, нельзя не признать крайне натянутымъ мифическое толкованіе, даваемое ему ученымъ авторомъ „Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу“. Зажиганіе костра на пути слѣдованія молодыхъ въ домъ мужа въ старину, какъ видно, существовало повсемѣстно. Нынѣ обычай этотъ, какъ свидѣтельствуя многія записи (Чубинск. ч. IV, стр. 428), или совершенно исчезаетъ или замѣняется тѣмъ или инымъ способомъ.

Какъ историческій матеріалъ, интересна приложенная въ концѣ книги Калиновскаго „Смѣта, во что обходится свадьба простолюдину“. Вотъ цифры этой смѣты. А) *Съ невестинной стороны*. На подарки свекру или женихову отцу 20 коп., свекрови, или матери жениховой сапоги красныя козловыя, цѣна 50 коп., золовѣ сапоги—50 коп., дѣверю, брату его-жъ—1 коп., другимъ свойственникамъ и свойственницамъ, смотря по числу ихъ, серпанковъ и калачей, примѣрно около 2 коп., боярамъ, платковъ, по 10 коп. платокъ, всего на 60 коп., подружкамъ и дѣвицамъ орѣховъ и кренделей на 20 коп., свахѣ, свѣтилкамъ и старостамъ разнаго званія дары, всего на 80 коп., сѣна лошадямъ гостиннымъ на 30 коп. *столовыхъ припасовъ*: разнаго хлѣба на 3 рубля, вина простаго 2 кадки или 9 вѣдеръ, цѣна 6 рублей, мяса разнаго и сала свиного на 2 рубля 20 коп., соли четверть пуда 10 коп., рыбы свѣжей и вяленой, также и масла коноплянаго на 90 коп., перцу на 10 коп. Итого 17 рублей 41 коп. Б) *Съ жениховой стороны*. За вѣнчанье попу, дьячкамъ и пономарю 1 рубль 50 коп., тестю или невестину отцу 20 коп., тещѣ серпанокъ, цѣна 50 коп., шурина и свояченицѣ по парѣ калачей—4 коп., свойственникамъ и свойственницамъ серпанковъ и калачей примѣрно около 2 коп., подружкамъ, дѣвицамъ бывшимъ на свадьбѣ, орѣховъ и кренделей на 20 коп., боярамъ на квѣтки покупаются свѣтилкою красныя ленты—5 коп. Расходы на столовыя припасы такіе-же. Итого 16 рублей 79 коп., съ обѣихъ сторонъ—33 рубля 20 коп.

Въ эту смѣту не внесень сборъ, какой брался иногда со свадьбъ помѣщиками. Роковой для Малороссіи 1783 годъ въ ту пору, какъ Калиновскій писалъ свою книжку, еще не наступилъ. Но существовалъ уже тотъ поборъ, который этнографъ Терещенко сравниваетъ съ древнимъ „куничнымъ“—поборъ за вѣнчанье.

В. Г--ко.

ПОПЫТКА ОКОЛДОВАТЬ ВОЛОСТНОЙ СУДЬ.

Вѣра въ колдовство до сихъ поръ всецѣло царить въ народѣ. По своимъ возрѣніямъ въ этой области народъ нынѣ какъ будто живетъ не въ девятнадцатомъ столѣтіи, а въ какомъ нибудь шестнадцатомъ, семнадцатомъ. Правда въ большинствѣ случаевъ онъ потерялъ уже нить между колдовскимъ дѣяніемъ и вѣрованіемъ его породившимъ, т. е. онъ часто не можетъ объяснить вамъ, *почему* имъ совершается тотъ или иной чародѣйный обрядъ, по за то народъ хорошо знаетъ, *для чего* совершается каждое такое дѣйствіе. Вѣра въ колдовство и вообще въ чудодѣйственную силу колдуновъ, вѣдьмъ, знахарки и тому подобныхъ необыкновенныхъ людей, народъ прибѣгаетъ къ разнаго рода дѣйствіямъ, парализующимъ чудодѣйственную силу этихъ людей, дабы предохранить себя отъ ихъ пагубнаго вліянія.

Интересно, что по представленію народа одно и то-же средство можетъ служить для совершенно противоположныхъ цѣлей. Возьмемъ на примѣръ чудодѣйственную силу мака. На югѣ, по крайней мѣрѣ въ правобережной Украинѣ, крестьяне отличаютъ особый родъ мака—*макъ-видюкъ*. Это обыкновенный макъ „самосій“, который самъ появляется на огородахъ. Макъ этотъ собираютъ и святятъ въ церкви на Пасху. Если какой домъ посѣщаетъ мертвецъ или вѣдьма, то макомъ-видюкомъ обсыпаютъ въ домѣ; иногда макомъ обсыпаютъ покойника въ гробу и кладутъ узелокъ съ макомъ въ его головахъ, или просто посыпаютъ при похоронахъ путь макомъ. При этихъ посыпаніяхъ приговариваютъ: *тоди будешъ ходитъ, якъ сей макъ перемичишъ*. Такимъ образомъ въ основаніи обыкновенія посыпать макомъ домъ, гробъ или путь лежитъ вѣрованіе, что мертвецъ не прежде можетъ начать или повторить свои посѣщенія, какъ подобравши всѣ разбросанныя зерна. Справедливость этого заключенія подтверждается другаго рода обыкновеніемъ, существующимъ въ Малороссіи. Снаряжая на тотъ свѣтъ повивальную бабу, кладутъ ей во гробъ палку, и кромѣ того къ поясу привязываютъ узелъ съ маковыми зернами. На томъ свѣтѣ умершіе дѣти, которыхъ она принимала, нападаютъ на нее за то, что она помогала появиться имъ на свѣтъ въ нашей юдоли плача, съ цѣлью разорвать ее. Она отбивается палкой, но если не успѣ-

еть этого сдѣлать, то бросаетъ имъ макъ. Дѣти кидаются на макъ, подбираютъ его, а бабка тѣмъ временемъ уходитъ въ безопасныя мѣста. Изъ сказаннаго видно, что макъ въ народныхъ вѣрованіяхъ играетъ роль предмета, отвлекающаго колдуновъ, вѣдьмъ, мертвецовъ и проч. отъ людей, въ случаѣ нападенія первыхъ. Но въ то же время маку приписывается совершенно противоположное свойство: посыпаніе макомъ считается средствомъ привлечь къ себѣ любовь или расположеніе другаго человѣка, уже обыкновеннаго; на примѣръ дѣвушка, умѣющая влюбить въ себя парня, старается обсыпать его макомъ, освященнымъ на Пасху. То же дѣлается и въ другихъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже. Почему такое свойство приписывается маку, мы уже объяснить не можемъ, если только не предполагать здѣсь замѣну мака какимъ либо другимъ веществомъ.

Мы сказали выше, что народъ глубоко вѣритъ въ чудодѣйственную силу колдовскихъ дѣяній и продолжаетъ совержать ихъ до сихъ поръ. Этому вѣрятъ не только простые крестьяне, но и ихъ выборные власти, сельскіе судьи, писаря и т. д. Приводимъ краткѣ содержаніе одного рѣшенія волостнаго суда, указывающаго на то, что суды раздѣляютъ воззрѣнія крестьянъ на колдовство. Въ настоящемъ случаѣ именно обнаруживается вѣрованіе въ возможность посредствомъ колдовства макомъ привлечь на свою сторону судей.

Въ истекшемъ 1883 году, юнаковскій волостной судъ (сумскаго уѣзда, харьковской губ.) разсматривалъ дѣло по обвиненію одною изъ крестьянокъ трехъ крестьянскихъ женщинъ въ нанесеніи ей обиды дѣйствіемъ. Судъ призналъ обоюдную драку и потому приговорилъ какъ женщину, обвинявшую остальныхъ трехъ, такъ и обвиняемыхъ къ штрафу въ пользу мірскаго капитала, по 3 рубля съ каждой, за нарушеніе общественной тишины. При этомъ судъ, усмотрѣвъ, что одна изъ обвиняемыхъ женщинъ во время разсмотрѣнія означеннаго выше дѣла обсыпала макомъ около судей, и признавая, что эта женщина занималась колдовствомъ, приговорилъ взыскать съ нея въ пользу мірскаго капитала еще 3 рубля.

П. Еф.

ПОСЛѢДСТВІЕ КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНІЯ.

У многихъ народовъ нарушение клятвы считалось и считается великимъ преступленіемъ, за которое Богъ наказываетъ не только въ будущей жизни, но и здѣсь, на землѣ. Въ русскомъ народѣ повсемѣстно существуетъ до сихъ поръ подобное-же вѣрованіе. При томъ одинаковое значеніе приписывается какъ официальной присягѣ, произнесенной передъ крестомъ и евангеліемъ, такъ и клятвѣ, сопровождаемой лишь снятіемъ со стѣны и цѣлованіемъ иконы.

Надобно пояснить, что въ прежнее время у насъ, въ Малороссіи, такъ-же какъ и въ московскомъ государствѣ, присяга истца или отвѣтчика въ разнаго рода исковыхъ дѣлахъ была весьма распространѣннымъ видомъ доказательства, въ народѣ-же и до настоящаго времени остается во всей силѣ указанное значеніе присяги. Волостные суды, по крайней мѣрѣ на крайнемъ сѣверѣ, въ случаяхъ, когда нѣтъ прямыхъ доказательствъ, предлагаютъ истцу въ подтвержденіе справедливости своего иска или-же отвѣтчику присягнуть передъ судомъ, т. е. снять съ табла икону и поцѣловать ее. При этомъ народъ твердо вѣрить, что кто не по правдѣ сниметъ икону, тотъ умретъ въ скоромъ времени. Припоминаю одинъ разговоръ мой съ крестьяниномъ села Матигоръ, холмогорскаго уѣзда архангельской губерніи. Когда я выразилъ своему собесѣднику сомнѣніе въ томъ, что припавшаго ложную клятву непременно постигаетъ смерть, онъ привелъ мнѣ нѣсколько примѣровъ скорой смерти послѣ совершенія ложной присяги; между прочимъ разсказалъ мнѣ, какъ одинъ крестьянинъ села Матигоръ, получивши свои часы отъ знакомаго, вновь потребовалъ ихъ себѣ и въ доказательство справедливости иска поцѣловалъ икону передъ волостнымъ судомъ и какъ онъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ того умеръ.

Мы не знаемъ, существуетъ-ли на югѣ то-же обыкновеніе доказывать справедливость иска или невиновность отвѣтчика цѣлованіемъ иконы передъ волостнымъ судомъ; но что такой обычай существовалъ въ прежнихъ судахъ, видно изъ приводимаго ниже акта. Намъ извѣстно также существованіе у крестьянъ въ Малороссіи твердой вѣры въ то, что ложная присяга влечетъ за собой смерть клятвопреступника, или по крайней мѣрѣ какое-либо большое несчастье, пораженіе болѣзнию, отнятіемъ чрезъ параличъ

какой-либо части тѣла и т. п., точно также какъ вѣрили въ старину.

Приводимъ въ поясненіе сказаннаго донесеніе компанейскаго Павлова полка полкового асаула Михайла Самапаса, поданное гетману Разумовскому въ 1756 году ¹⁾).

„Прошедшего 1746 году съ обознимъ первого компанѣйскаго полку Василемъ Мелесемъ, которой уже умре, имѣлъ я дѣло въ переясловской полковой канцеляріи во удержаніи имъ порціонныхъ и раціонныхъ моихъ денегъ двадцати девяти рублевъ и утайкою взятой имъ у меня латинской книжки, и за учиненною имъ въ незнаніи всего того предъ иконою Богоматери клятвою, я той имъ оставилъ и забратое въ него по тому иску возвратилъ вдвое и правній штрафъ понесъ. По окончаніи-жъ того онъ на десятой неделѣ въ домъ своемъ отъ злоприключившейся болѣзни умре. А въ прошломъ 1752 году писарь полковій компанейскій, первого-жъ полку, Павелъ Леонтіевичъ объявилъ мнѣ словесно, при стороннихъ людехъ, что при смерти онъ Мелесъ будучи, за два дни призвалъ его Леонтіевича и отдалъ ему книжку, сказуя, дабы онъ мнѣ отдалъ и я его простилъ. О чемъ я будучи сумнителенъ, что онъ въ книжкѣ взятой у мене заперся и клялся, какъ выше упоминается, той-же часъ протестовался и въ генералную войсковую канцелярію поданнымъ доношеніемъ просилъ о томъ изслѣдованія, но и по нынѣ не послѣдовало. А понеже я по тому дѣлу попесъ немалія убытки и штрафъ, а по предписанному изявленію книжки винность его Мелеса и напрасное запрещеніе и клятва явствуютъ, того ради нижайше прошу вашу ясне-велможность о семъ дѣлѣ переясловской полковой канцеляріи, яко тамъ оное и производилось, дабы излѣдовать и мене въ понесенныхъ убыткахъ, напрасномъ безчестіи и штрафѣ его Мелеса зъ жены и послѣдниковъ удоволствовано было безволочитно, високоповелителній ордеръ пожаловать. Михайло Самапась“.

П. Еф.

¹⁾ Изъ дѣлъ малороссійской коллегіи, хранящихся при харьковскомъ университетѣ.

ВЕРТЕПЪ ВЪ КУПЯНСКОМЪ УѢЗДѢ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Зимою 1880 года въ купянскомъ уѣздѣ появился вертепъ. До этого года его тамъ не видали, даже 60-ти лѣтніе старцы его не помнятъ, а слышали о томъ, что онъ былъ, только отъ своихъ отцовъ. Въ другихъ мѣстахъ харьковской губерніи вертепы существовали еще недавно. Въ селѣ Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда, вертепъ дѣйствовалъ лѣтъ шесть тому назадъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ близъ Харькова—всего только четыре года. Между тѣмъ профессоръ Н. И. Петровъ въ своей статьѣ „Старинный южно-русскій театръ“ (Кіевская Старина, книга 12 за 1882 г.) говоритъ, что въ настоящее время на югѣ Россіи по мѣстамъ представляютъ только отрывочныя и незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова, и въ примѣръ указываетъ на с. Исакову, орѣвскаго уѣзда, кишиневской губерніи. Статья профессора Петрова вызвала и меня написать свои воспоминанія о вертепѣ въ купянскомъ уѣздѣ, гдѣ мнѣ пришлось видѣть не отрывочныя сцены, но цѣлое вертепное представленіе въ обѣихъ его частяхъ—духовной и свѣтской. Воспоминанія мои будутъ по необходимости кратки, такъ какъ прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ вертепъ и не могу привести тутъ ни одного отрывка вертепной драмы, опасаясь бытъ не точнымъ, видѣлъ-же я по слѣд. случаю.

30 января 1880 года я отправился на именины къ помѣщику И. П. Сарандинаки, который жилъ въ 12-ти верстахъ отъ города Купянска, въ хуторѣ Благодатномъ, старовѣровской волости. Послѣ обѣда родственникъ хозяина В. С. Розаліонъ-Сомальскій пригласилъ хозяевъ и гостей въ залу, гдѣ онъ устроилъ имениннику сюрпризъ. Всѣ отправились. Въ дверяхъ залы мы увидѣли бѣлый шкапчикъ; онъ былъ небольшой и сколоченъ изъ досокъ. Высота его была аршина 2. Устройство шкапчика очень простое. Онъ состоялъ изъ двухъ частей; нижняя часть представляла изъ себя подставку, а верхняя—шкапчикъ, но безъ дверей, раздѣленный параллельно на двѣ части. Вышина каждой половины верхней части не болѣе $\frac{1}{2}$ аршина; полъ въ верхней части шкапчика обитъ бѣлой, а въ нижней черной мерлушкой. Такая разница въ обивкѣ обѣихъ частей имѣла свое значеніе. Верхняя

часть предназначалась для представлѣнія духовной части вертепа, а нижняя для свѣтской части. Впрочемъ въ нижней части представлялись и тѣ сцены изъ духовной части, въ которыхъ участвовалъ Иродъ, и это исключеніе сдѣлано потому, что народъ не любилъ Ирода. Чтобы освѣщать вертепъ, когда представленіе дается вечеромъ, какъ было и въ настоящемъ случаѣ, поставлены маленькія свѣчи съ передней стороны сцены. Въ каждомъ отдѣленіи по двѣ двери, изъ которыхъ одна служитъ для входа фигуръ, а другая для выхода. Двери находятся въ задней сторонѣ сцены. Въ верхней части къ задней стѣнѣ прислонены двѣ фигуры: одна изъ нихъ представляетъ праведнаго Іосифа, а другая св. Дѣву Марію. У Іосифа сѣдая борода. Передъ этими фигурами поставлены ясли, въ которыхъ, предполагается, лежитъ младенецъ Іисусъ (въ дѣйствительности фигуры младенца нѣтъ). Первая сцена происходитъ въ первомъ отдѣленіи. На сценѣ появляются два ангела. Фигуры сдѣланы очень искусно изъ дерева и двигаются на проволокахъ довольно свободно. Одинъ изъ ангеловъ подходитъ къ одному краю и зажигаетъ у свѣчки свой свѣтильникъ, другой-же ангелъ зажигаетъ свой свѣтильникъ на другой сторонѣ; затѣмъ они подходятъ къ св. Дѣвѣ Маріи и пр. Іосифу и объявляютъ св. Дѣвѣ, что у нея родится сынъ. Послѣ этого ангелы удаляются. Сзади вертепа сидитъ хозяинъ его; онъ выпускаетъ фигуры и говоритъ за нихъ. Нѣкоторыя сцены онъ говоритъ речитативомъ, а нѣкоторыя поетъ. Рядомъ съ хозяиномъ сидитъ его помощникъ, который сопровождаетъ его пѣніе игрою на бандурѣ. За ангелами появляются на сценѣ пастухи для того, чтобы поклониться Спасителю. Происходитъ извѣстная библейская сцена. Послѣ появленія пастуховъ дѣйствіе переносится въ нижній этажъ: на сцену въѣзжаетъ на тройкѣ лошадей Иродъ и садится на возвышеніе (табуретку, которая означаетъ тронъ). На головѣ у Ирода шапка съ металлическимъ значкомъ, которая замѣняетъ царю вѣнецъ; около Ирода становятся два оруженосца съ палками, изображающими копыя. Какъ только онъ усѣлся, къ нему являются волхвы, которые затѣмъ отправляются въ верхнюю половину, чтобы поклониться Спасителю. Послѣ волховъ къ Ироду является бабка Рахиль съ ребенкомъ на рукахъ; разговоръ ея съ Иродомъ единственная сцена, которая принадлежитъ народному воображенію: она проситъ Ирода пощадить

ея дѣтей въ Виолеемѣ, которые и малы, и неразумны, и ни въ чемъ неповинны. Продъ приказываетъ своимъ оруженосцамъ прогнать Рахиль и убить ребенка, что они и исполняютъ. Въ наказаніе за эту жестокость Проду является вѣстникъ, который объявляетъ ему, что онъ умереть и тѣло его будетъ отдано дьяволу. За вѣстникомъ появляется смерть, въ видѣ стрекозы, съ косою и отрѣзываетъ Проду голову, а появившійся вслѣдъ за ней дьяволъ уноситъ съ собою тѣло Ирода. Этой сценой заканчивается духовная часть представленія. Всѣ объясненія сценъ совершенно подходятъ къ библейскому разсказу о тѣхъ-же событіяхъ, за исключеніемъ сцены съ Рахилью.

Свѣтская часть вертепной драмы состоитъ изъ комическихъ разсказовъ. Предметомъ этихъ разсказовъ служатъ бытовья сцены съ неизбѣжнымъ ухаживаніемъ за женщинами. Изъ однихъ дверей выходятъ мужчины, изъ другихъ женщины, а уходятъ они вмѣстѣ. Первымъ появляется запорожецъ: онъ высокаго роста, съ чубомъ на головѣ и, къ удивленію, съ большими баками, а въ рукахъ у него булава; изъ другой двери выходитъ здоровая женщина. За сценой играютъ на бандурѣ, и запорожецъ танцуетъ съ своей возлюбленной, затѣмъ обнимаетъ ее, цѣлуетъ и уходитъ вмѣстѣ съ ней. Его мѣсто заступаютъ парень въ красной рубахѣ и русская баба, которые сначала любезничаютъ, затѣмъ пляшутъ козачка и уходятъ. Появляется старикъ, который шамкаетъ губами и топчется на одномъ мѣстѣ, и довольно молодая женщина. Старикъ ухаживаетъ за ней, они танцуютъ и затѣмъ старикъ поцѣловавъ свою даму, уходитъ съ ней. Выступаютъ еврей съ еврейкой: еврей старается прельстить свою Хайку деньгами, та наконецъ склоняется, они цѣлуются, танцуютъ и затѣмъ удаляются. Ихъ смѣняетъ цыганъ съ шелудивою лошадыю, которую хочетъ продать. Затѣмъ мужикъ Антонъ тащитъ козу, а она его, съ обычнымъ монологомъ. Въ заключеніе на сценѣ появляются всѣ лица, выступавшія въ свѣтской части, какъ кажется для того только, чтобы ихъ всѣхъ прогналъ запорожецъ. Свѣтская часть вертепной драмы кончается появленіемъ нищаго Савушки, который проситъ на вертепъ. Конечно, всѣ гости положили ему въ шапку, сколько кто хотѣлъ, или могъ.

Сцены свѣтской части отличаются большимъ юморомъ; въ нихъ много проявилось наблюдательности народа.

30 января 1880 г. вертепъ давалъ первое представленіе. Считаемъ не лишнимъ рѣчь сказать тутъ и его исторію, которую мы слышали отъ почтеннаго В. С. Розаліонъ-Сошальскаго, и отъ самого хозяина вертепа и другихъ лицъ. Дѣдъ В. С. Розаліонъ-Сошальскаго жилъ лѣтъ 70 тому назадъ въ богодуховскомъ уѣздѣ и часто ѣздилъ въ Кіевъ. Съ собою онъ бралъ кого нибудь изъ своихъ дворовыхъ людей, и вотъ одинъ изъ нихъ, увидѣвъ тамъ вертепъ, такъ имъ заинтересовался, что выучилъ всѣ сцены и пѣсни. Изъ богодуховскаго уѣзда онъ, по приказанію барина, переселился въ хуторъ Благодатный, купянскаго уѣзда, гдѣ также было имѣніе его барина. Здѣсь онъ научилъ одного изъ своихъ внуковъ всей вертепной драмѣ. Внукъ захотѣлъ устроить вертепъ, но не могъ, такъ какъ не умѣлъ сдѣлать фигуръ. Совершенно случайно онъ высказалъ свою заветную мысль В. С. Розаліону-Сошальскому, который сдѣлалъ ему фигуры, и 30 января вертепъ началъ свое дѣйствіе. Иванъ (такъ имя хозяина), по прозванію Сапожникъ, вмѣстѣ съ другимъ крестьяниномъ, ѣздить съ вертепомъ по ярмаркамъ и помѣщичьимъ домамъ только зимою, до великаго поста. Ихъ заработокъ въ годъ рублей 150. На ярмаркахъ представляется только свѣтская часть вертепной драмы, такъ какъ духовную часть запрещено представлять мѣстнымъ начальствомъ. Вертепъ существуетъ и до сихъ поръ.

Ал. Селивановъ.

ВЫМИРАЮЩІЕ ТИПЫ УКРАИНСКОЙ ДЕРЕВНИ.

Въ старой Украинѣ, въ странѣ полянь, гдѣ сновали торги, берендѣи, черные клубуки etc. и что теперь кіевская губернія, верстахъ въ 20-ти отъ г. Липовца, въ дали отъ большихъ дорогъ лежитъ село *Чаювъ*. Въ былые годы оно жило какою-то изолированной отъ всего окружающаго жизнью. Можно было сказать: никогда не заходилъ туда *коробейникъ*, ни жидъ, скупающій куръ и воскобонны, не забѣгалъ стаповой, „воронъ кости архіерейской не запосилъ“. На далекое разстояніе отъ этого села ни ярмонки, ни фабрики, ни завода. Далекое оно было отъ всего, что дышало просвѣщеніемъ, цивилизаціею, давало потребность или удобство жизни, но вмѣстѣ и отъ того, что несетъ съ собою порчу и растлѣніе. И теперь еще мостки его, выгаченные навозомъ, весною и осенью,

ставять почти непреодолимую преграду тѣмъ, кто-бы вздумалъ посѣтить Чаговъ въ это время. За то господствовала въ немъ тогда удивительная простота и нравовъ чистота, подобныхъ которымъ теперь не найти нигдѣ. Простота, честность, усердіе къ церкви, миролюбіе и сострадательность къ ближнимъ составляли отличительныя черты чаговцевъ, Всѣ они занимались хлѣбопашествомъ, не исключая и тѣхъ, которые обладали какою нибудь спеціальностію. Спеціальность полагала особый отпечатокъ на этихъ добрыхъ и богобоязливыхъ людей и создавала особые сельскіе типы, дорогіе, незабвенные, по которымъ теперь не встрѣтишь уже почти нигдѣ. Были напримѣръ чумаки, важные, степенные, меланхолическіе, какъ ихъ круторогіе, половые воны. Были не менѣе сосредоточенные *музыки*, услаждавшіе слухъ своихъ односельцевъ въ дни воскресные и праздничные, въ громадскомъ *клубѣ*—корчмѣ, или-же на свадьбахъ, а въ остальное время предававшіеся прозаическимъ занятіямъ сельскаго хозяйства. Были типы другихъ профессій для сельскаго обиходу: шевця, кравця, коваля и проч. Но изъ всѣхъ типовъ прежней украинской жизни въ моей памяти дорогими чертами напечатлѣлся типъ людей, для которыхъ трудно прибрать точное, опредѣленное названіе,—типъ людей, можно сказать, общественныхъ и отчасти какъ-бы церковныхъ. Каждое село въ старину имѣло одного—двухъ, даже нѣсколько такихъ людей. Они обыкновенно близки были къ церкви и священнику, служили имъ, чѣмъ могли, во всякое время, *приметались*, какъ царь Давидъ, *во дворъ Господни*,—одинаково служили и обществу, появлялись на всѣхъ его собраніяхъ, въ качествѣ распорядителей и устроителей, служили всѣмъ и каждому изъ его членовъ въ дни радости, нужды и печали. Всѣмъ и всѣми они были довольны, всѣ прибѣгали къ ихъ услугамъ, всѣ принимали ихъ съ любовію и благодарностію.

Памятенъ мнѣ въ селѣ Чаговѣ такой типъ церковно-общественныхъ людей, въ лицѣ старика *Тимка Липки* и его жены Варки. Лѣтъ болѣе 25-ти тому назадъ въ глубокой старости умерли они обою въ одинъ день и въ одной ямѣ погребены. Я зналъ Тимка Липку, когда ему было лѣтъ подѣ 60. Въ селѣ уже хозяйствовали его сыновья и зятья, самъ-же онъ, отдавъ дѣтямъ поле, имѣлъ только хатку и огородъ. Съ полемъ родные его приняли на себя и всѣ обязанности въ отношеніи помѣщика и общества. Тяжелы были эти

обязанности въ прежнее время. „Имѣешь поле, тyani таланъ и бѣду“,—говорилось тогда. Цѣлый вѣкъ бѣдный крестьянинъ долженъ былъ жить въ напряженномъ состояніи, въ вѣчномъ страхѣ, плачѣ и уныніи. Каждое Божіе утро только и слышна была строгая расправа въ дворѣ мѣстнаго эконома. Тимко Липка, вручивши хозяйство дѣтямъ своимъ, жилъ отъ мелкихъ услугъ ближнимъ. По большей части онъ занимался въ пасѣкѣ церковной, или у священника. Всегда живой, всегда говорливый, онъ нравился всѣмъ. Особенныхъ приемовъ въ веденіи пасѣки Липка не имѣлъ. Тоже курице изъ вербовой порохни, тоже обхожденіе съ бѣдною пчелою, которую и убивали и давили.—Бывало Липка хвалится: „О, пчолы мене знаютъ! то дитки мои!“ Мы вѣрили ему, хотя часто при сборѣ роя видѣли, сколько онъ этихъ дитокъ своихъ закуритъ, задавитъ, а съ другой стороны, когда начнетъ обмахиваться, то эти-же дитки кусаютъ его жестоко... Ничего, дадутъ Липкѣ чарку водки, и все забыто. Никогда Липка не сердился на дитокъ своихъ.

Въ селѣ Чаговѣ съ незапамятныхъ временъ существовало *братство церковное*. Безъ формы на бумагѣ, съ которою тогда рѣдко встрѣчались, оно существовало и жило. Братчики часто сходились въ домѣ священника, или въ братерской хатѣ близъ церкви, разсуждая о церковныхъ дѣлахъ, по силѣ своей дѣлали пожертвованія на церковь, помогали бѣднымъ, смиряли упорныхъ, ослушныхъ власти родительской и церковной. Всѣ грѣхи противъ доброй правдивости, не подлежашіе суду панскому и казенному, судились братскимъ судомъ. Для этого существовала прибитая къ колокольнѣ *куна*, родъ желѣзнаго пута, которымъ припутывали за руки осужденныхъ братскимъ судомъ для посрамленія предъ громадою. Липка, какъ пожилой и честнѣйшій человѣкъ, по большей части участвовалъ въ этихъ братскихъ сужденіяхъ.

Братерская хата имѣла еще и другое назначеніе: въ ней совершались громадскіе, или братерскіе *обѣды*, въ дни великихъ праздниковъ, храмовые, поминальные и т. п. Обычай древній и общій въ цѣломъ краѣ. Угощалось все село, угощали нищихъ и прохожихъ. Самые шумные обѣды бывали на *проводы* и на храмовые праздники. Въ Чаговѣ церковь построена во имя Святителя Христова Николая. Храмовой день два раза правднуютъ: весною 9 мая и въ началѣ зимы—6 декабря. Жители чаговскіе говорятъ: *у насъ*

два праздника: одинъ молодой, а другой—холодный. Одинъ, а то и оба чаговскіе храмовые праздники сопровождалсь, кромѣ обѣда, съченіемъ меду. Какъ въ приготовленіи обѣда на праздники, такъ и въ вареніи меду .Липка принималъ самое дѣятельное участіе. Во главѣ другихъ „прихильныхъ до церкви святой“ мужчинъ и женщинъ, собиралъ онъ по „куткамъ“ села зерно, муку, печеный хлѣбъ, яйца, отчасти и деньги, но въ особешности выручалъ громаду, когда надо было добыть гдѣ либо на сторонѣ хорошей водки, обойти или ублаготворить мѣстнаго жида-орандаря, который претендовалъ и за водку, не у него взятую, и за медъ, производилъ обыски въ самый обѣдъ и накладывалъ иногда большую пеню за нарушеніе откупа.

Живя въ своей хатѣ и будучи такъ сказать бобылемъ, Тимо .Липка готовъ былъ къ услугамъ каждаго, кто-бы ни потребовалъ ихъ отъ него. Особенно охотно онъ принималъ на себя услуги священнику по отсылкѣ дѣтей въ училище и доставкѣ ихъ домой на канюкулы. У покойнаго чаговскаго священника *Тригорія Кисилевича* было 5 сыновъ. Ихъ пачинали возить въ школу съ 8-лѣтняго возраста. При непастьѣ, при морозѣ слѣдовало и приберечь этихъ птенцовъ. Липка тутъ былъ драгоценнымъ, не замѣнимымъ возницей и дядькой. Съ какою заботою, съ какою нѣжностію онъ обращался къ дѣтямъ: „а що вы, панычи, померзли? сидѣть тихо, ворухить пальцами, закрывайтесь!“ и тутъ же самъ окоченѣлыми руками связываетъ намъ рукава, закрываетъ, какъ умѣетъ лице, глаза. Конечно, въ .Липкѣ было дорого не искусство его управлять лошадьми: тутъ онъ не придерживался никакихъ правилъ, пускалъ больше на волю Божью, не разбиралъ, какая горячая и какая лѣнивая лошадь, а такъ усядется, какъ пошало, подниметь кнутъ, завертить имъ въ воздухъ и прикрикнетъ по мѣстному: „віо віо! Геття, геття! Ну голубятка!“ И голубятка понесутъ иной разъ, не разбирая ни ровь, ни бугровъ. Приходилось иногда и наѣхать на кого-нибудь; тутъ доставалось .Липкѣ, особенно въ Кіевѣ отъ полицейскихъ. Но онъ съ гордостію припоминалъ такіе казусы: „що вы, дурни, знаете? говорилъ .Липка молодымъ поселянамъ; отъ якъ бы васъ такъ вышваривъ москаль по задушкахъ, якъ мене колисъ“, и расскажетъ, гдѣ и какъ это случилось съ нимъ въ Кіевѣ. Но за то въ .Липкѣ цѣнили его неподдѣльную честность, внимательный и

неусыпный досмотръ всего, что поручаемо было ему: лошадей, харчи, одежды, денегъ и дѣтей. Лѣтомъ мы не заѣзжали на постоялыя дворы,—и не привычка, и расчетъ,—а останавливались для корма лошадей и для почлега на поляхъ, платя за выпасъ нѣсколько грошей, а то и ничего. Иногда почувуютъ нѣсколько повозокъ вмѣстѣ: образуется таборъ, разводимъ огонь и варимъ галушки или кашу. Тутъ вяжутся безконечныя разказы, и лѣтняя теплая почва быстро пролетаетъ. Лишка и здѣсь, какъ на братерскихъ обѣдахъ: и огонь разведетъ, и воды добудетъ, и треноги съ казанкомъ установитъ, и на коней посматриваетъ. Въ досмотрѣ лошадей на вольномъ корму было большое затрудненіе. Хорошо усмотрѣть за ними въ звѣздную, или лунную почву, но случалось, застигнуть насъ ненастье и холодъ: тогда, скорчившись, лежимъ подъ возами и часто однимъ дыханіемъ согрѣваемъ окоченѣвшіе члены. Тутъ нерѣдко и досмотрщики лошадей попадаютъ въ бѣду. Разсвѣтаетъ. Слышится крикъ: „ой, лихо! коней нема!“ Начинаются поиски; уѣзжаютъ всѣ. Остаются тѣ, у кого лошадей не стало. Не скоро найдутъ ихъ гдѣ либо въ сосѣднемъ селѣ, куда они взяты съ покосовъ или съ пашни. Тутъ начинаются поклонны, просьбы и за нѣсколько гривенъ выручаются наконецъ лошади. А то и хуже бывало, лошадей подцѣпить притаившейся гдѣ-либо въ оврагѣ воръ. Тутъ плачь и бѣганье ничего не помогаютъ, и изыскиваются другія средства достаться къ мѣсту назначенія. Съ Тимкомъ и Лишкою никогда такихъ казусовъ не случалось. Онъ не спускалъ лошадей съ глазъ своихъ; не спитъ бывало цѣлую ночь и развѣ ошибкою лошадь въ темнотѣ зайдетъ на какой-либо засѣвъ. Но и тутъ Лишка то шуткою, то просьбою всегда выручитъ лошадей. Противъ его смиренной, добродушной просьбы нельзя было устоять. Изнурившись ночью отъ бессонницы, онъ бывало спитъ, сидя на повозкѣ, и сквозь сонъ и лошадей погоняетъ, и на вопросы наши отвѣчаетъ, а то предложить кому-либо изъ насъ взять „на часокъ“ возжи, что мы исполняли съ особымъ удовольствіемъ.

И такъ Лишка возилъ дѣтей батюшки десятки лѣтъ въ школы и изъ школы. И этого онъ не считалъ для себя тягостію, не домогался и платы за свои труды. „Що дасте, що милость,“ и ему даютъ нѣсколько злотыхъ и какую-нибудь мѣрку пашни. Эта случайная его профессія, эта функція, которую онъ отправлялъ разъ

шесть въ годъ, составляла его гордость: онъ чувствовалъ, что служить тѣмъ не просто *пань-отцю*, но всей громадѣ. „Ось побачите, говорилъ онъ не разъ съ сомодовольствомъ предъ громадою, коли не вывожу вамъ пона.“ И когда одинъ изъ сыновей покойнаго Григорія Кисилевича, чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти отца, былъ посвященъ во священника села Чагова и Липка привезъ его въ родное село, тогда радости стараго возницы не было предѣловъ. Это былъ самый торжественный праздникъ его. И вообще въ этомъ, не паемномъ, но добровольномъ слугѣ было какое-то родственное отношеніе къ намъ. Мнѣ живо помнится и, кажется, я никогда не забуду того времени, когда Липка въ 1836 году пріѣхалъ въ Кіевъ съ харчами къ своимъ *поповичамъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ имъ печальное извѣстіе о смерти ихъ отца, а своего возлюбленнаго пастыря, *Григорія Кисилевича*. Вошелъ онъ въ комнату; мы его окружили, засыпали вопросами. Вмѣсто отвѣта—слезы брызнули изъ глазъ Липки. И долго онъ лился, и долго онъ не могъ произнести ни слова... Все понято, слезы дѣтскія смѣшались съ слезами старика... Гдѣ теперь такіе слуги?

Такою-же привѣтливостію, такою-же добротою дышала и жена Липки, Варвара, или по просту *Варка*. Она сдѣлалась необходимою въ цѣломъ селѣ. Никто не могъ приготовить лучшаго обѣда, никто не ходилъ чище возлѣ *стравы*, никто не пекъ лучше курицы, какъ Варка. А потому гдѣ *хрестины*, весилля, или похороны,—непремѣнно уже Варка присутствовала тамъ въ качествѣ распорядительницы и собесѣдницы. Никогда ея услуга не была такъ полезна, какъ во время чьей-нибудь болѣзни. Она была утѣшительницею, лекаркою и сидѣлкой. Цѣлыя ночи она просиживала вмѣстѣ съ домашними у одра больнаго, и когда родные отъ скорби терялись, она принимала послѣдній вздохъ умирающаго. Въ послѣднее время ее приглашали въ качествѣ повивальной бабки, она и отъ этого не отказывалась, и сфера ея услугъ для ближнихъ разширилась. Она вездѣ была какъ своя—родная. Всегда ровная, безъ оглощенія, безъ капризовъ, она всѣмъ нравилась, всѣ ей довѣрялись. И такъ въ случаяхъ самыхъ торжественныхъ Тимко и Варка всегда у всѣхъ гостили, всегда и служивали: одно съ другимъ соединялось. И такъ они проводили послѣдніе дни, дождавшись многочисленнаго потомства. Еще за жизни своей Липки теряли счетъ внуковъ и прав-

нуковъ. Цѣлый кутокъ въ Чаговѣ, по ихъ роду, названъ *Липковою*, и въ этомъ куткѣ еще и теперь болѣе или менѣе держатся давнихъ обычаевъ своихъ дѣдовъ. Въ праздникъ святаго Богоявленія, послѣ освященія воды на рѣкѣ, священникъ бывало прежде всѣхъ ходитъ съ св. водою въ Липковкѣ. Какъ старшіе представители своихъ родныхъ, дѣдъ Тимко и баба Варка въ первой хатѣ встрѣчали священника съ зажженнымъ трисвѣщникомъ. Послѣ окропленія св. водою дома и его обитателей, приглашали всѣхъ садиться и предлагали закуску, по большей части приготовленія Варки. Сходились ближайшіе сосѣди, ставилась на столъ водка и медь—*Липецъ*, такъ славный въ мѣстечкѣ Линцахъ. Шло угощеніе, лилась бесѣда—тихая, какъ утренняя заря. Липка пускался въ воспоминанія: ни горечи, ни осужденія, ни ропота на судьбу въ его словахъ, но одна всеобъемлющая любовь. Не возможно передать его радости, упоенія сердечнаго и того глубокаго благоговѣнія, съ какимъ онъ прикладывался ко кресту, цѣловалъ руку отца духовнаго. Его настроеніемъ проникалась вся компанія, и если чарка изрѣдка переходила изъ рукъ въ руки, то только для большей общительности въ разговорѣ. Праздникъ и бесѣда вблизи пастыря для бѣдныхъ, удрученныхъ были истиннымъ наслажденіемъ. Тутъ былъ ихъ отдыхъ, утѣха, ободреніе.

Многое переимѣнилось въ Чаговѣ, какъ и вездѣ съ 19-го февраля 1861 года. Проникъ и сюда лучъ свободы и освѣтилъ бѣдную крестьянскую хижину; но по мѣрѣ того, какъ проростають на свободѣ и просторѣ добрыя старыя сѣмена, проглядываютъ кой-гдѣ и плевелы, въ видѣ *личной* только заботы, *личнаго* разсчета, нѣкотораго равнодушія къ тому, что не *мое*, нѣкотораго охлажденія къ дѣлу Божию, дѣлу ближняго, общественному. Умеръ между тѣмъ и старшій батюшка *Григорій Кисилевичъ*, котораго чаговцы величали, какъ своего благодѣтеля; умеръ дѣдъ Липка, умерла и жена его Варка, эти послѣдніе, можетъ-быть, по крайней мѣрѣ очень рѣдкіе представители начерченнаго мною типа церковно-общественныхъ людей; умерли и три бывшіе *школяри*, которыхъ дѣдъ Липка возилъ въ школы и „вывозилъ на попы“... Что-то принесетъ намъ новая жизнь? Какіе новыя, свѣтлыя типы представитъ она намъ нѣ замѣнъ отходящихъ, на которыхъ память останавливается съ невольнымъ уваженіемъ и любовью? Къ счастью, преданіе еще крѣпко въ Чаговѣ и жители его и

при новыхъ вѣяніяхъ не отстаютъ отъ него, и хотя проѣздъ въ Чаговъ и теперь иногда труденъ, за то его населеніе хранить и доселѣ многое изъ того, чѣмъ такъ богата была наша отживающая старина.

Протоіерей Луна Кисилевичъ.

М. Дашевъ.

КОНТРАКТЪ НА ПОСТРОЙКУ ЦЕРКВИ КОНЦА XVII В.

Этотъ рѣдкій и единственный извѣстный намъ документъ такого рода обязательно сообщенъ намъ А. М. Назаревскимъ изъ его богатаго собранія древнихъ рукописей. Кромѣ имѣющихъ мѣстный интересъ свѣдѣній о церквахъ въ Глуховѣ и Стародубѣ, въ немъ привлекутъ вниманіе каждаго любителя старины и способъ постройки, и цѣна оной, и наглядное опредѣленіе ея размѣровъ и другихъ частей. Никакого плана, ни фасада, ни разрѣзовъ продольныхъ или поперечныхъ, никакого вообще чертежа и рисунка и чего-либо напоминающаго наши такъ прославившіяся смѣты. Строится между тѣмъ церкви каменная, воздвигается она въ Глуховѣ, въ одномъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи, въ резиденціи потомъ гетманской. Постройка сдается огуломъ не мѣстному, а захожему мастеру Ефимову, который строилъ тогда-же церковь въ Стародубѣ. И условіе одно общее: какъ тамъ строить, такъ и здѣсь строй: только тутъ вотъ шире, или уже, тамъ длиннѣе или выше. А Ефимовъ строилъ по какому-то ему извѣстному образцу, который онъ заимствовалъ, конечно, отсюда, откуда самъ пришелъ. Что это за архитектура, никто, конечно, и представленія имѣть не можетъ, если не видѣлъ самыхъ церквей въ Глуховѣ и Стародубѣ.

Наша южно-русская архитектура вообще дѣло темное и совсѣмъ не початое. Не только какихъ-нибудь выводовъ, принятыхъ положеній въ этой области не существуетъ, но даже снятыхъ образцовъ, памятниковъ, научнаго матеріала мы почти не имѣемъ, если не разумѣть церковной древняго, княжескаго періода. Но кому случалось проѣзжать по Россіи, особливо лѣтъ 40—50 назадъ, и присматриваться хотя мелькомъ къ тому, что попадалось на пути, того вниманія не могли не обратить на себя слѣдующія два явленія: во 1-хъ обиліе каменныхъ церквей на сѣверѣ и малочисленность ихъ на югѣ Россіи, и во 2-хъ нѣкоторое однообразіе стilia послѣднихъ и отсутствіе въ нихъ чего-либо оригинальнаго, а съ другой стороны большое разнообразіе и подъ-часъ зна-

чительное изящество въ постройкѣ деревянныхъ церквей въ Малороссіи.

По малому числу данныхъ относительно нашей архитектуры XVII и XVIII ст., по неразработанности ихъ, иногда просто по отсутствію готовыхъ образцовъ, трудно съ точностію объяснить указанные факты, но намъ кажется, что разъясненія ихъ надо искать въ болѣе раннемъ періодѣ нашей исторіи. Еще при Ярославѣ приходили въ Кіевъ хоромы строить плотники новгородскіе, а церкви строили мастера греческіе. Строительному искусству мы, южане, и послѣ не скоро научились: къ каменнымъ постройкамъ такъ и доселѣ не навыкли, а когда освоились съ деревянными, то привнесли въ нихъ свой вкусъ и стиль, которые, по раздробленности южныхъ частей Россіи въ то время и разнообразнымъ на нихъ вліяніямъ, проявились въ своемъ развитіи и примѣненіи большимъ разнообразіемъ. Какъ-бы ни было, но помѣщаемый нами документъ, въ связи съ приведенными обстоятельствами, указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что памятниковъ нашей южно-русской церковной архитектуры мы должны искать скорѣе въ уцѣлѣвшихъ еще деревянныхъ, нежели каменныхъ церквяхъ XVII—XVIII в., а по рѣдкости и недолговѣчности первыхъ—снѣшить сохраненіемъ ихъ рисунковъ для исторіи.

„Року 1692 мѣсяца октоврия 24 дня. Контрактъ зъ каменникомъ п. Матвѣемъ Еюимовичомъ учиненный на мурованне церкви святого архистратига Михайла въ Глуховѣ. Образъ и подобіе, якъ маеть муроватись церковь святого архистратига Михайла въ Глуховѣ: широта и долгота тоей церкви, такъ самое середины или капули, якожь тежь въ олтарѣ и предѣлехъ обоихъ боковъ, таквая маеть быти и таковымъ подобіемъ, якъ церковь святителя Христова Николая, повомурующая въ Стародубовѣ, майстерствомъ сего-жь майстра здѣлана, окромъ паперти лѣтѣйной; паперть лѣтѣйная напередѣ маеть быти у глуховское церкви ширшая аршиномъ и должшая аршиномъ однимъ и вишшая сажнемъ надъ паперть стародубское церкви, и маеть лѣтѣйной паперть баня равна быти зъ олтарнею бансю, а не такъ, якъ у Стародубовѣ; высота церкви святого архистратига Христова Михайла въ Глуховѣ маеть быти самая капуля сажнемъ у гору вишшая одъ церкви стародубовской, и мають быти въ церкви глуховской въ стѣнахъ самой середины надъ окна стародубовской церкви другіе окна кругліе, олтарь такъ же вишшій квадрующийся до середины или до копули; предѣли

висотою двома аршинами вышше отъ предѣль стародубовской церкви, склепъ повиненъ быти въ глуховской церкви также въ лѣтѣйной паперти, яко и въ стародубовской. Контрактъ на Глуховскую церковь таковъ: Матвѣй Евѣимовичъ мастеръ стародубовской церкви, маючій муровати у Глуховѣ церковь, повиненъ онъ своимъ кирпичемъ, своею вапною, своимъ желѣзомъ, своимъ каменемъ, своимъ пѣскомъ и водою, всѣмъ тымъ своимъ коштомъ маеть выставити глуховскую церковь и зъ челядю своею и всю тую мастерію своимъ подводами повиненъ до церкви возити. Докладаемъ, же вапну и цеглу своимъ коштомъ и своими дровами палити маеть. За тотъ увесь коштъ изо всѣмъ маемъ, якъ выставитъ церковь глуховскую ведлугъ описаня сего, дати ему Матвѣю Евѣимовичу готовыхъ денегъ шесть сотъ рублей копѣйками, а пять сотъ рублей чехами, всей суммы одинадцять сотъ рублей. Харчи ликгоменное дати ему тридцять осмачокъ муки житное, пять осмачокъ крупъ розныхъ, пять пудъ сала, шесть пудъ соли. Деревню до тоей церкви на риштоване и до фундаментовъ, если-би треба, того всего обещують достатчити его мил. п. Михайло Миклашевскій, полковникъ стародубовскій, такъ тежъ и на сарай деревни вивезти, а Матѣей Евѣимовичъ самъ будовати сарай зъ деревни готовое повиненъ, если-бы ихъ треба. До которого нашего контракту, умовленого ми урядъ: Василий Ѳедоровичъ, сотникъ глуховскій, Кондратъ Грудяка, атаманъ городовій, зо всѣмъ урядомъ, для стверженя лѣпшого печать свою приложили.

(Изъ вѣчной книги 1692 г. старод. маг.).

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ХОРУЖАГО

НИКОЛАЯ ХАНЕНКА

1727—1753 Г.

Приложеніе къ журналу «Кіевская Старина.»

1884.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, с. домъ.

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

(1727—1753 г.).

Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка, вмѣстѣ съ дневникомъ Якова Марковича, представляютъ собою два важнѣйшіе памятника для изученія исторіи Малороссіи средины XVIII в., когда политическая жизнь этой страны начала терять свои самобытныя формы и стала сливаться съ общерусскою жизнью. О существованіи дневника Н. Ханенка спеціалисты знаютъ уже лѣтъ тридцать, но интересъ вашъ къ историческимъ памятникамъ настолько не великъ, что объ изданіи его заботился одинъ только приснопамятный для малороссійской исторіографіи О. М. Бодявскій. Однакожъ и Бодянекому удалось напечатать лишь часть этого дневника, касающуюся первой половины 1722 г. и составляющую отдѣльное цѣлое¹⁾. Затѣмъ думалъ, говорятъ, о издачахъ дневника Ханенка издатель „Русскаго Архива“, но и эти думы не сбылись. Наконецъ изданію этого памятника суждено осуществиться въ страницахъ «Кіевской Старины», чѣмъ исполняется давнишнее желаніе всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность познакомиться съ нимъ въ рукописи.

Авторъ „Дневника“—генеральный хоружій Николай Ханенко принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Мы не будемъ говорить о происхожденіи Ханенковъ послѣ тѣхъ свѣдѣній по этому предмету, которыя собраны Бодянескимъ и помѣщены въ его

¹⁾ «Діаріушъ или журналъ случающихся при дворѣ п. Іоанна Скоропадскаго гетмана окаянъ и церемоній, такожъ я въ канцеларіи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, наченшійся 1722 году и оконченый въ томъ-же году, въ мѣсяцѣ июль». — Чтенія въ Моск. общ. ист. в др., 1858 г., кн. 1.

предисловіи къ „Діаріуму“; изъ этихъ свѣдѣній, основанныхъ преимущественно на семейныхъ преданіяхъ, видимъ, что отецъ Николая Ханенка—Данило Лаврентьевичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго правобережнаго гетмана Михайла Ханенка. Послѣдній, отказавшись отъ гетманства въ 1674 г., сначала жилъ въ Кіевѣ, а потомъ перешолъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселился здѣсь, какъ кажется, въ Лубенскомъ полку въ г. Лохвицѣ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Яковомъ²⁾. Вмѣстѣ съ нимъ конечно перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и братья его—Сергій и Лаврентій. Старшій сынъ послѣдняго—Данило былъ женою, по семейному преданію, на дочери Ивана Ломиковского, бывшаго генеральнымъ писаремъ у Михайла Ханенка, когда тотъ былъ поставленъ отъ поляковъ гетманомъ. Затѣмъ когда Ханенки перешли на лѣвый берегъ Днѣпра, съ ними перешолъ вмѣстѣ и Ломиковский; здѣсь онъ поступилъ сначала въ „дворяне“ къ гетману Самойловичу, а при преемникѣ его вступилъ въ кругъ генеральной старшины и пользовался особымъ довѣріемъ Мазепы, особенно когда съ 1700 г. сталъ генеральнымъ обознымъ. Свойство Данила Ханенка съ такимъ человекомъ должно было выдвинуть его изъ ряда „значковыхъ товарищей“, въ число которыхъ необходимо входилъ Данило Ханенко уже за одно свое родство съ какимъ ни на есть, но все гетманомъ—Михайломъ Ханенкомъ. Отъ этого брака и родился въ 1691 г. авторъ дневника³⁾. По семейному преданію, отецъ Николая Ханенка убитъ былъ при взятіи Кизичермена (1697 г.), а мать его умерла по тому же

²⁾ Акты юго-западной Россіи, XII, 409. Въ бібліотекѣ церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи, въ числѣ документовъ кырилловскаго монастыря, находится дарственная запись 1676 г., по которой Михайло Ханенко, живя въ Лохвицѣ, подарилъ кырилловскому монастырю «округъ свой въ Кіевѣ при монастыру брацкомъ лежачій, купленный у и. Криштофа Искридкаго». Запись подписана Михайломъ Ханенкомъ совместно съ сыномъ его Яковомъ такъ: «сію карту, при печати моей, рукою моею и и слышъ мой подписуемъ». Означенный актъ, дающій единственное до сихъ поръ свѣдѣніе о жизни Михайла Ханенка на лѣвомъ берегу Днѣпра, указанъ въ Описаніи рукоп. музея, Н. Петрапа, стр. 185. Съ этого акта и взято факсимиле Михайла Ханенка, приложенное къ изданію Вл. А. Беца: Историческіе Дѣятеля юго-западной Россіи.

³⁾ На одной изъ иконъ, находящихся въ церкви с. Городища, стародубскаго уѣзда, находится такая надпись: Nicolaus Chanenco signifer generalis parvae

преданію, еще раньше; такъ что Н. Ханенко остался сиротою въ младенчествѣ и взятъ былъ на воспитаніе въ семью дѣда Ломиковскаго ⁴⁾). Если преданіе не ошибается, то отсюда Николай Ханенко поступилъ въ кievскую академію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Яковомъ Марковичемъ ⁵⁾). Но кievская академія должно быть не вполне удовлетворила пытливымъ умъ Николая Ханенка, такъ какъ онъ ученіе свое доканчивалъ въ львовской академіи ⁶⁾). Ученіе свое Ханенко окончилъ, должно быть, въ 1710 г., такъ какъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ оканчивали курсъ кievскіе академисты. Въ это время той семьи, изъ которой Ханенко пошелъ въ школу, уже не существовало: дѣдъ его Ломиковскій ушелъ въ 1708 г. за Мазепю и затѣмъ, послѣ полтавскаго сраженія, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Турцію, гдѣ по смерти Мазепы оселился въ Яссахъ ⁷⁾). Изъ дѣтей Ломиковскаго выцутался изъ бѣды одинъ старшій сынъ его—Иванъ,

Russiae, natur die 30 novembr. an. 1691, obiit in Deo die 27 m. januarii an. 1760. Iuliana de domo Korecka, uxor ejus, nata die 28 iulii an. 1715, obiit in Deo die 29 decembr. an. 1775. Описаніе черниговской епархіи, VII, 56.

⁴⁾ Такъ говорятъ Бодянский на основаніи семейнаго преданія, въ предисловіи къ Діаріушу (VII), а правнукъ Николая Ханенка, Михайло Ивановичъ Ханенко, напечатавшій часть бумагъ прадѣда въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., говорятъ (№ 33, стр. 338), что «неизвѣстно, чьей заботливости былъ обязанъ Николай Дмитріевичъ Ханенко своимъ воспитаніемъ». Думаемъ что естественнѣе всего было заботиться о воспитаніи Николая Ханенка его бабушкѣ, вдовѣ Лаврептїи Ханенка, которая была жива еще въ 1704 г., какъ видно изъ университета Мазепы этого года: «просила насъ п. Анна Липчанка, Ханенчица зъ синомъ своимъ п. Федоромъ Ханенкомъ, на тотъ часъ сотнякомъ козелецкимъ, о ствержене въ владѣніе ей села Соловьевки, недалеко Хвастова будущого, по небожичку Липциѣ, дядку ея рожопожъ, ей належного». Упомянутый здѣсь Федоръ Ханенко былъ родной дядя Николая Ханенка, такъ какъ онъ называетъ послѣдняго «роднымъ братаничемъ своимъ» (Діаріушъ, VI).

⁵⁾ Яковъ Марковичъ называлъ Ханенка «кондицицуломъ» (II 364).

⁶⁾ Въ фамильномъ архивѣ Ханенка еще въ 1852 г. хранились аттестаты, выданные Николаю Ханенку, какъ изъ кievской, такъ изъ львовской академіи. Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852 г., № 33.

⁷⁾ См. духовное завѣщаніе Ивана Ломиковскаго въ Молодцѣхъ на 1844 г., (Харьковъ. 1843 г.) стр. 71—85. Бодянский ошибается (Діаріушъ, VII), говоря, что Ломиковскій былъ прощенъ Петрою В. Былъ прощенъ старшій сынъ его, тоже Иванъ.

благодаря тому, что женатъ былъ на дочери Апостола. Слѣдуетъ думать, что отчасти при помощи родства съ Апостолами, а отчасти по старой призыви гетмана Скоропадскаго къ Ломиковскому, выдвинулся по службѣ и питомецъ послѣдняго—Ханенко. Скоропадскій и Ломиковскій были земляками—оба выходцы изъ-за Днѣпра и служили вмѣстѣ у Мазепы. Николай Ханенко, по его словамъ, началъ службу съ 1710 г., сначала въ рѣдахъ войска, а съ 1717 г. поступилъ въ генеральную канцелярію⁸⁾. Здѣсь его способности скоро были замѣчены, такъ какъ Ханенко былъ искуснымъ „редакторомъ“, выражаясь по нынѣшнему, а такіе люди въ канцеляріяхъ всегда имѣютъ цѣну. Въ 30 лѣтъ отъ роду (1721 г.) Н. Ханенко становится уже „старшимъ канцеляристомъ“, т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря по управленію генеральною канцелярією. Должность старшаго канцеляриста или „реента“ пользовалась большимъ значеніемъ и ее обыкновенно занимали близкіе къ гетману люди. Значеніе Ханенка и близость его къ Скоропадскому видны изъ напечатаннаго Бодявскимъ „Діаріуша“, который велъ старшій канцеляристъ съ начала 1722 г. до „окончанія жизни“ Скоропадскаго и гдѣ подробно описана послѣдняя поѣздка этого гетмана въ Москву.

По смерти Скоропадскаго, Ханенко сумѣлъ сохранить свое положеніе и скоро сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Полуботка, излагая на бумагѣ всѣ тѣ распоряженія, которыя диктовалъ ему черниговскій полковникъ, нятаясь отстоять „давнины“. Насколько Полуботокъ цѣнилъ Ханенка, это видно изъ того, что не кого иного, а Ханенка онъ выбралъ для посылки къ царю „вѣстительныхъ грамотъ“ о смерти Скоропадскаго, которыя тотъ и отвезъ Петру В., находявшемуся въ это время въ терьковскомъ походѣ. Вообще, какъ видно, Ханенко былъ у Полуботка подручнымъ человѣкомъ при исполненіи болѣе важныхъ распоряженій. Служебныя способности Ханенка Полуботокъ рѣшился награждать даже маетностями. Хотя малороссійская поллегія не признавала за Полуботкомъ права распоряжаться послѣдними, какъ распоряжались гетманы, и противъ этого трудно было и

⁸⁾ Сказка о службахъ Николая Ханенка, напечатанная въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. № 33, стр. 340.

спорить; но у Полуботка было два-три человека такихъ, службу которыхъ трудно было наградить чѣмъ другимъ, кромѣ маестностей; въ числѣ ихъ былъ и Ханенко. Последнему маестности даны были на томъ основаніи, что будто-бы это дѣлалось по приказу умершаго Скоропадскаго. Такъ говоритъ самъ Ханенко, получивъ въ апрѣлѣ 1723 г. отъ Полуботка два погарскія села—Перегонъ и Дешковичи: „миѣ оныя деревни, Перегонъ съ Дешковичами, опредѣлены съ приказу гетмана Скоропадскаго, въ награжденіе за заслѣдственные наши (т. е. предковъ Ханенка) по той сторонѣ Днѣпра маестности, отшедшія въ польскую державу, универсаломъ старшины генеральной въ 1723 г., апрѣля 2 числа“⁹⁾. Разумѣется, при этомъ генеральной старшинѣ, т. е. Полуботку, приходилось вѣрить на слово, что онъ, отдавая Ханенку Перегонъ и Дешковичи, дѣлалъ это во исполненіе посмертной воли Скоропадскаго; но другого предлога для награжденія маестностями Полуботокъ не умѣлъ да и не могъ найти, такъ какъ самъ права на раздачу маестностей не имѣлъ. Расторопностью Ханенка Полуботокъ хотѣлъ воспользоваться и въ самый критическій для него моментъ: получивъ указъ о своемъ, вмѣстѣ съ Савичемъ и Чернышовъ, вызовѣ въ Петербургъ въ концѣ мая (1723 г.), Полуботокъ придумалъ послать депутацію, которая должна была явиться къ царю отъ имени „всего народа“ и отъ имени послѣдняго представить царю челобитную, главнымъ содержаніемъ которой было то ходатайство объ избраніи гетмана, которымъ такъ болѣлъ Полуботокъ. Эта депутація должна была предвѣрять пріѣздъ Полуботка въ Петербургъ и показать царю, что тѣ настоячивыя напоминанія Полуботка объ избраніи новаго гетмана, съ которыми онъ уже нѣсколько разъ, послѣ смерти Скоропадскаго, обращался къ царю и его приближеннымъ, основывались на общемъ желаніи народа. Депутацію эту пришлось снарядить на спѣхъ: получивъ указъ о вызовѣ въ Петербургъ 22 мая, Полуботокъ наскоро снарядилъ депутацію „отъ всего народа“, состоявшую всего изъ пяти человекъ, которую и выправилъ въ Петербургъ 24 мая¹⁰⁾. Въ числѣ депутатовъ находился

⁹⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ стародубскаго полка 1729 года, рукопись.

¹⁰⁾ Подробности см. въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., кн. I, 178—181.

и Николай Ханенко, на способности котораго въ умѣніи подойти къ сильнымъ людямъ Полуботокъ главнымъ образомъ и возлагалъ свои надежды.

Никакихъ желательныхъ для Полуботка результатовъ Ханенко, разумѣется, не могъ добиться, а дождавшись Полуботка въ Петербургѣ, сталъ и здѣсь главнымъ его секретаремъ. Когда Петръ В., разгнѣванный поданными отъ Полуботка 13 сентября (1723 г.) челобитными¹¹⁾, задумалъ послать въ Малороссію А. И. Румянцева для разслѣдованія, насколько народъ участвовалъ въ этихъ челобитныхъ, Полуботокъ хотѣлъ предупредить оставшуюся въ Глуховѣ старшину о пріѣздѣ Румянцева, для чего поручилъ Ханенку составить подробную „меморію“ — что дѣлать въ виду прибытія Румянцева. Эту меморію долженъ былъ отвезти въ Малороссію бунчуковый товарищъ Быковский; но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ Петербурга, какъ привезены были изъ Малороссіи, отъ Апостола, новыя челобитныя, слѣдствіемъ которыхъ былъ немедленный арестъ Полуботка и его товарищей; всѣхъ ихъ заключили „въ каменный замокъ петербургскій“. Въ числѣ арестованныхъ былъ и Ханенко. Дѣло Полуботка кончилось вмѣстѣ съ смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г.¹²⁾ арестованные малороссіане были освобождены изъ подъ ареста, при чемъ большинству изъ нихъ назначено было жить безвыѣздно въ Петербургѣ, а Ханенку кромѣ того указывалось „быть въ гарнизонной школѣ учителемъ дѣтей офицерскихъ и солдатскихъ“. ¹³⁾ Это назначеніе Ханенка показываетъ, что и въ Петербургѣ на него смотрѣли какъ на чловѣка, выдѣляющагося изъ среды другихъ своимъ образованіемъ.

Бодяевскій говоритъ (Діаріумъ, IX), что сохранилось преданіе, что Ханенка „водили даже изъ крѣпости во дворецъ давать кому-то уроки“. Не знаемъ, на сколько это преданіе вѣрно, но несомнѣнно, что Ханенко въ Петербургѣ заслужилъ такое благорасположеніе властей, что его отпустили отсюда уже въ 1726 г. и отпустили съ исключительною милостью. Мы уже говорили, при какихъ условіяхъ Ханенко получилъ

¹¹⁾ Т. Ж., 198—199.

¹²⁾ Полное Собр. Зак., VII, № 4651.

¹³⁾ Марк. I. 68.

отъ Полуботка двѣ деревни около Посара: когда Ханенка арестовали въ Петербургѣ, малороссійская коллегія распорядилась эти деревни отобрать изъ владѣнія Ханенка, причеиъ они были отданы въ завѣдываніе одного изъ бунчуковыхъ товарищей. Возвратить эти деревни Ханенку было трудно, такъ какъ тотъ актъ, по которому онъ ихъ получилъ, правительство не признавало законнымъ. Тѣмъ не менѣе отиуская Ханенка изъ Петербурга, за нияъ признали право и на возвращеніе въ его владѣніе Перегона и Дешковичей. Въ своемъ „докошеніи, поданномъ въ полковое стародубское правленіе въ 1729 г., при „генеральномъ слѣдетвіи о маенностяхъ“, Ханенко пишетъ, что, за отъѣздомъ его въ Петербургъ, малороссійская коллегія тѣ деревни отдала во владѣніе Парфеиа Пекалицкаго, а за „пробытіемъ моимъ“ изъ С.-Петербургa въ 1726 года, за *указомъ* до коллегіи малороссійской *сенацкииъ*, паки оніе деревнѣ стали мнѣ прислушать». Кромѣ возвращенія деревень, Ханенку сдѣланы были въ Петербургѣ и другіи обѣщанія; это видно изъ того, что поѣхавъ туда въ началѣ 1727 года, онъ подаетъ въ сенатъ „челобитную о чинѣ“, при чемъ должно быть разумѣлось стародубское судейство, которое онъ и получилъ въ концѣ того года, поддержанный въ своемъ ходатайствѣ Апостоломъ. Послѣдній настолько цѣнилъ въ Ханенкѣ его секретарскія способности, что считалъ его какъ-бы необходимымъ спутникомъ при своихъ поѣздахъ въ Москву. Получивъ неожиданно, напр., 2 января 1728 года, указъ иностранной коллегіи о немедленномъ прибытіи въ Москву къ готовившемуся бракосочетанію Петра II, гетманъ въ тотъ же день послалъ „указъ до судіи полкового стародубского Николая Ханенка и бунчукового товарища Петра Корецкого, дабы за полученіемъ онаго деина и ношно зъ Стародуба къ Москвѣ спѣшили, а для пропитанія въ Москвѣ взять Ханенку 60 рублей, да на подъемъ ему-жь и Корецкому 40 рублей¹⁴⁾).

Пробывъ десять лѣтъ на урядѣ судейства, Ханенко въ 1738 году получилъ урядъ полковаго обознаго, на которомъ оставался тринадцать лѣтъ, пока въ 1741 году не поставленъ былъ генеральнымъ бунчучнымъ. Мы не будемъ говорить о дальнѣйшей службѣ Ханенка, о коей гово-

¹⁴⁾ Рукописный журналъ генеральной канцеляріи за 1728 г.

рять какъ „Сказка о службахъ“ его ¹⁵⁾, такъ и Дневникъ, а обратимся къ частной жизни автора Дневника.

Выпросивъ себѣ первыя маетности въ стародубскомъ полку и получивъ въ этомъ-же полку судейство, Ханенко тамъ-же нашелъ себѣ и жену. Женился онъ на дочери бунчуковаго товарища Петра Корецкаго. Корецкій былъ человекъ неизвѣстнаго происхожденія, составившій себѣ положеніе женитьбою на одной изъ дочерей стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Всего вѣроятнѣе, что Корецкій былъ выходецъ изъ праваго берега Днѣпра, пришедшій на лѣвый берегъ искать счастья. Здѣсь онъ пріютился въ Стародубѣ около Миклашевскаго, который, какъ и прочая высшая старшина въ Малороссіи, любилъ окружать себя подобными выходцами, которые въ такомъ положеніи назывались „дворянами“. Были „дворяне“ гетманскіе, были и полковничьи. У Миклашевскаго было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ, Настасья, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Гамалѣю, сыномъ и братемъ генеральныхъ урядниковъ ¹⁶⁾. Это былъ одинъ изъ видныхъ богачей стародубскаго полка. Въ 1706 г. Миклашевскій былъ убитъ при осадѣ Несвижа; вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ и зять его Гамалѣя. На вдовѣ послѣдняго женился Петръ Корецкій и этою женитьбою составилъ себѣ положеніе; при Скоропадскомъ онъ сталъ уже бунчуковымъ товарищемъ и получилъ отъ него нѣсколько маетностей. У Корецкаго, кромѣ двухъ сыновей, Федора и Александра, была дочь Ульяна, на которой и женился Ханенко. Этою женитьбою Ханенко породнился со всѣми богачами Стародубщины: Миклашевскіе, Шираи, Скороуцы, Галецкіе, Максимовичи - были близкою роднею Ульяны Корецкой. Вмѣстѣ съ женитьбою, Ханенко получилъ отъ Апостола въ 1732 г. новыя маетности (села Чубаровъ и Куровъ) и вмѣстѣ съ послѣдними приобрѣталъ уже такіе матеріальные достатки, какими обладали и стародубскіе его свойственники. Отъ брака съ Корецкою, Ханенко имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Старшій сынъ—Петръ умеръ въ дѣтствѣ, а два другіе, Василій и Иванъ, выросли. Получивъ

¹⁵⁾ «Сказка о службахъ» Николая Ханенка напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 33.

¹⁶⁾ Ся. Русскій Архивъ 1872 г., I, 439.

самъ образованіе довольно солидное для того времени, Ханенко хотѣлъ дать дѣтямъ образованіе еще лучшее; кievская академія повидимому его уже не удовлетворяла и онъ задумалъ старшаго сына отправить для ученія въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ. Это намѣреніе Ханенка тѣмъ большее останавливаетъ на себѣ вниманіе, что онъ при этомъ думалъ объ университетахъ нѣмецкихъ. Заграничное воспитаніе для малороссіянъ первой половины XVIII в. было не рѣдкость; но оно ограничивалось преимущественно тогдашними польскими школами (Львовъ, Вроцлавъ и друг.), нѣмецкіе-же университеты оставались для малороссіянъ неизвѣстными до половины XVIII в. Въ нѣмецкіе университеты первый направилъ своихъ дѣтей, кажется, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, зять Апостола. Но Скоропадскій былъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи, до котораго Ханенку было еще далеко. Поэтому рѣшеніе Ханенка отправить своего сына въ нѣмецкій университетъ показываетъ, какъ высоко этотъ человѣкъ цѣнилъ образованіе. Взглядъ Ханенка на цѣль и значеніе образованія изложенъ имъ въ „увѣщаніи“, которое написалъ онъ сыну Василю предъ отправленіемъ его за границу: „обучаться-же тебѣ“, писалъ Ханенко сыну, „латинскаго и французскаго языковъ, не забывая и нѣмецкаго, а если допуститъ время, хотя и другихъ какихъ: и такой успѣхъ въ оныхъ стараться получать, чтобъ могъ еси чинно и свободно опыми разговаривать и самымъ изряднымъ стилемъ писать, наилучше-же и всякихъ высочинъ авторовъ на тыхъ языкахъ не тольо читать, но и переводить и толковать былъ-бы еси достаточенъ; а сверхъ языковъ долженъ еси обучаться совершенно церковной и свѣтской, генеральной и партикулярной исторіи, тако-жъ ученію поэтики, реторики съ стилемъ, логики, физики и метафизики, хотя по части да отъ математики, ариѳметики, логики и астрономики, геометріи, тригонометріи и геометріи практики, то есть геодези, архитектуры воинской и гражданской, географіи, этики, экономикіи, политикіи, юриспруденціи и механики, да и прочаго; въ томъ числѣ хотя-бы какого и художества честнаго, наприкладъ фехтуры, т. е. живописства, музыки, либо какого другаго майстерства, что честному и ученому человѣку къ знанію и искусству благопрістойно; чему-же изъ вышенаписанныхъ наукъ, либо художествъ.

обучатся будешь, то старайся, что-бъ въ томъ ученіи и искусствѣ получить тебѣ совершенную теорію и практику: дабы за возвращеніемъ твоимъ въ отечество наше показали еси въ самой вещи, яко не всеу въ чужихъ краяхъ было твое обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно твое время“¹⁷⁾).

Слѣдуетъ думать, что „увѣщаніе“ написано было безъ всякой помощи со стороны какого нибудь профессиональнаго педагога, и тогда мы должны признать, что Ханенко, и по окончаніи своего ученія въ школахъ, продолжалъ учиться самъ—чтеніемъ тогдашняго литературнаго обихода и довелъ это ученіе до того, что могъ считаться однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссовъ половины XVIII в.. Отправивъ сына за границу, Ханенко велъ съ нимъ непрерывную переписку, которая заслуживаетъ быть изданною, какъ интересный матеріалъ для исторіи мѣстной культуры¹⁸⁾. Съ младшимъ сыномъ, Иваномъ, Ханенко повидимому не хотѣлъ разставаться и заботился о томъ, нельзя-ли ученіе его устроить дома. Въ концѣ 1756 г. Ханенко пишетъ къ старшему сыну, находившемуся въ это время въ Килѣ: „Не можно-ли тамъ достать какого добраго учителя, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и *завелъ гимназію*, который здѣсь, собравши учениковъ, хоча съ 10, можетъ хорошую явить пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получить по 3 рубли въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинить ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся“. Но это желаніе Ханенка не осуществилось и черезъ два года (въ декабрѣ 1758 г.) младшій сынъ его отправленъ былъ для воспитанія въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ Разумовскаго, Иванъ Ханенко учился подъ руководствомъ академика Модераха. Разумовскій вообще благоволилъ къ Ханенку, цѣнилъ въ немъ ту опытность въ дѣлахъ, которой иенно самъ не имѣлъ. Вслѣдъ за утвержденіемъ своимъ на гетманствѣ, Разумовскій взялъ Ханенка къ себѣ правителемъ учрежденной имъ „походной“ канцеларіи. А по прибытіи въ Малороссію новый гетманъ поставилъ во главѣ генеральной канцеларіи его-же Ханенка вмѣстѣ съ Петромъ Ано-

¹⁷⁾ Черниговскій Губернскій Вѣдомости 1852 г., № 34.

¹⁸⁾ Часть писемъ къ Николаю Ханенку изъ заграницы напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1872 г.

столомъ и Василюмъ Гудовичемъ. Служба Ханенка награждена была универсаломъ 13 января 1752 г., по которому Разумовскій далъ ему села и деревни: Команъ, Лѣсконоги, Юхновъ, Городище, Чаусы, Случевскъ, Дарѣвскъ, Сопычи, Муравьи и Подище ¹⁹⁾.

Но старые дѣльцы не долго пользовались значеніемъ у Разумовскаго; они скоро были оттѣснены молодымъ генеральнымъ обознымъ Семеномъ Кочубеемъ, который вмѣстѣ съ Тепловымъ получали первенствующее значеніе въ управленіи Малороссіею. Къ старымъ дѣльцамъ Разумовскій обращался лишь по временамъ, поручая имъ завѣдываніе дѣлами, когда напр. уѣзжалъ въ Малороссію. Службу Ханенка Разумовскій хотѣлъ наградить, кромѣ маестностей, еще и повышеніемъ въ чинѣ: въ 1759 г. будучи въ Петербургѣ, гетманъ представлялъ о назначеніи Ханенка генеральнымъ писаремъ, причемъ, въ виду его старости, хотѣлъ имѣть двухъ генеральныхъ писарей, указывая другаго писаря въ лицѣ Якова Тарновскаго ²⁰⁾. Но прежде, чѣмъ гетманское представленіе было рассмотрѣно, Ханенко умеръ. Умеръ онъ въ январѣ 1760 г., въ Глуховѣ, гдѣ оставался при правленіи дѣлъ, вмѣстѣ съ другимъ генеральнымъ старшиною, на время отсутствія Разумовскаго. Оставшіеся сыновья Ханенка, Василій и Иванъ, получили отъ отца настолько значительное наслѣдство, что становились одними изъ первыхъ богачей въ Малороссіи ²¹⁾. Въ 1783 г., за младшимъ, Иваномъ Ханенкомъ было записано 1322 крест. обоего пола, въ селахъ и деревняхъ: Городищѣ, Перегопѣ, Дешковичахъ, Чубаровѣ, Куровѣ и Васильевкѣ. У старшаго, Василя Ханенка было конечно не менѣе; имѣнія его въ это время находились въ селахъ: Дарѣвскѣ, Чаусахъ, Случевскѣ, Сопычахъ, Лѣсконогахъ, Лукинѣ, Муравьяхъ, Команѣ, Юхновѣ, Лотакахъ,

¹⁹⁾ Обзорѣніе Румянцевской Описи, стр. 802. Кромѣ этихъ имѣній Николай Ханенко посредствомъ «скупки» приобрѣлъ село Лотаки съ разными землями, на которыхъ поселилъ три слободы: Николаевку, Кургановку и Комончуковку. Лотаки съ слободами были утверждены за сыновьями Николая Ханенка въ 1761 г.—Тамъ же, стр. 760.

²⁰⁾ Діаріушъ, XIII.

²¹⁾ Въ числѣ наслѣдства Николая Ханенка осталась между прочимъ, какъ говоритъ преданіе, и весьма значительная библіотека, которая была подарена, вслѣдъ за смертью ея хозяина, дочерью послѣдняго (сыновья въ это время были на службѣ) новгородсѣверскому народному училищу, преобразованному затѣмъ въ гимназію.

Николаевкѣ, Кургановкѣ, Рубановкѣ, Рудовкѣ и Подицахъ. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества, въ 1783 г., Иванъ Николаевичъ былъ избранъ первымъ погарскимъ предводителемъ дворянства. Старшій, Василій Николаевичъ жилъ въ это время, послѣ службы при Петрѣ III, отставнымъ майоромъ и старымъ холостякомъ, въ с. Чаусахъ²²⁾. Наслѣдство его перешло къ дѣтямъ Ивана Николаевича, у котораго отъ брака съ Софіей Григорьевной Горленко, было нѣсколько сыновей. Старшимъ былъ Александръ, къ которому по наслѣдству перешла между прочимъ и рукопись дневника его дѣда.

Рукопись „Дневника“ писана на отдѣльныхъ тетрадкахъ въ 4-ку, мелкимъ, своеобразнымъ почеркомъ Н. Ханенка²³⁾, которыя въ позднѣйшее уже время переплетены въ одну книгу. Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ былъ дневникъ его авторомъ и съ какого времени начинался онъ; Водянской, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ. (Діаріушъ, VI), что дневникъ начинался съ 9 ноября 1719 г., но въ рукописи, съ которой печѣтается теперь этотъ памятникъ, онъ начинается съ 3 февраля 1727 г. и затѣмъ имѣетъ въ среднѣхъ значительные пропуски; такъ въ немъ не достаетъ, напримѣръ, цѣлыхъ семи лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи, Ал. Ив. Ханенко сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ эту рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже Ал. Ив. Ханенка, которшій, будучи человекомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда; можно догадываться, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенка, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время оставались всѣ бумажы и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти, находились на службѣ.

Дневникъ Н. Ханенка, какъ мы уже говорили, извѣстенъ между спеціалистами издавна; для нѣкоторыхъ работъ онъ уже служилъ и

²²⁾ Портреты обояхъ братьевъ хранятся у Ал. Ив. Ханенка. Портретъ отца ихъ, Николая Ханенка, не сохранился, а быть—онъ конечно былъ, потому что таковъ ужъ былъ обычай у малороссійскихъ пановъ, чтобы портреты хозяина и хозяйки зажиточнаго дома, писанные масляными красками, висѣли въ приемныхъ комнатахъ.

²³⁾ Нѣсколько страницъ впрочемъ имѣется въ дневникѣ, писанныхъ посто-
роннею рукою, должно быть подъ диктовку Н. Ханенка.

источникомъ ²⁴⁾. Незначительная его часть была напечатана архіепископомъ Филаретомъ (Гумилевскимъ) въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ за 1865 г. (1732 и 1733 годы). причѣмъ ученый издатель снабдилъ напечатанный отрывокъ подробными примѣчаніями, въ которыхъ привелъ выдержки и изъ другихъ частей дневника.

Въ настоящее время печатается дневникъ Ханенка вполнѣ, насколько онъ сохранился, по подлинной рукописи, принадлежащей цѣнителю и знатоку мѣстной старины Ал. Ив. Ханенку, правнуку автора дневника. Нами удержано правописаніе подлинника, за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя мы признали нужнымъ сдѣлать для удобства при чтеніи, такъ напригѣръ нами прибавлена вездѣ въ предлогахъ буква *ъ*, находящаяся въ подлинникѣ, притомъ не вездѣ, въ видѣ надстрочнаго знака.

Въ приложеніи къ дневнику мы печатаемъ, для большаго знакомства съ личностью его автора, духовное завѣщаніе Н. Ханенка и нѣсколько его писемъ. Самый-же дневникъ снабженъ нами примѣчаніями, которыя восполняютъ отрывочный его характеръ.

Ал. Лазаревскій.

27 декабря 1883 г.

Кіевъ.

²⁴⁾ Болѣе другихъ пользовался дневникомъ Ханенка авторъ «Семейства Разумовскихъ».

1727 годъ.

Февраль.

3. Вѣхаль зъ Глухова до Санктпѣтербурха.
5. Прибыль въ Стародубъ.
14. Вѣхаль зъ Почена.
22. Прибыль въ Москву.
26. Вѣхаль зъ Москвы.

Мартъ.

6. Прибыль въ Санктпѣтербурхъ.
8. Стали на квартиру въ домъ стольника Глѣбова, на Васильевскомъ острову, въ пятой лѣвнѣ. Сего-жъ числа подавъ доношеніе изъ малороссійской коллегіи и изъ генеральной канцеляріи въ сенатъ.
15. Подана челобитная въ сенатъ о чину и того-жъ числа резолюція учинена.
20. По той резолюціи о чину подписанъ въ сенатѣ протоколъ.
29. Дать за печатку отъ рѣзби 4 р.

Апрѣль.

18. Указъ сенатскій отправилъ до Глухова въ малороссійскую коллегію о чину.
24. Генераль-адютантъ, генераль полиціймейстеръ и сенаторъ Антонъ Мануиловичъ графъ Девіеръ арестованъ.
26. Указъ присланъ зъ верховнаго тайнаго совѣта въ сенатъ о виселици за рубежъ всѣхъ жидовъ.

Май.

6. Въ 9 часу пополудни государиня императрица Екатерина Алексіевна преставилась въ Санктпетербурхѣ, въ зимнемъ дворцѣ.

7. Скоро свѣтъ, опубликовано манифесты о вступленіи на престолъ императора Петра II, и начали чинить присяги, а въ 8 часу пополудни даво на *salve* новому императору зъ 105 пушекъ; потомъ стрѣляно помѣзнутно жалобно.

12. Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генералиссимусомъ.

14. Публикація по веѣмъ Петербурхѣ чрезъ лѣтаврициговъ и трубачей о имѣючомъ бытъ погребеніи ея императорскаго величества 16 числа.

16. Погребеніе ея величества отправлено въ крѣпости въ церквѣ Петра и Павла зъ всякими достойными жалобнаго видѣнія церемоніями. Сего-жъ числа его императорское величество Петръ II изволилъ переехать жить на Васильевской островъ въ домъ свѣтлѣйшаго князя.

18. Отправленъ сержантъ сенатскій Андрианъ Мироновичъ Игнатіевъ въ Глуховъ зъ грамотою и указомъ о имѣючомъ бытъ гетманѣ и о прочемъ.

Іюнь.

29. Императорское величество изволилъ бытъ въ литургіи и на молебствіи ради своего тезоименитства въ церквѣ Ісавія Дольмацкаго, а по обѣдѣ спущенъ корабль и даво ему імя Петръ I и II, то есть первый и второй.

Іюль.

29. Тайный совѣтникъ и міністръ Федоръ Василіевичъ Наумовъ отъехалъ зъ С. П. Бурха до Глухова для избранія гетмана, а при немъ посхали и канцеляристъ Иванъ Романовичъ и сотникъ Іванцивій Павелъ Мішцикій.

30. Зъ сего числа противъ 31-го въ ночи погорѣли іпбари и нѣкоторые судна вучеческіе на Выборской стороцѣ, где бывалъ складъ изъ кораблей вучеческимъ товарамъ.

АВГУСТЪ.

1. Михайло Ивановичъ Новоторжцовъ вѣхалъ за министромъ Наумовымъ въ Глухову. Мнѣ зубъ болячій выривалъ штампъ-лікаръ Петръ Ивановичъ.

5. Государственнаго канцлера графа Гавриза Ивановича Головкина сожительница, графиня Домна Андріевна преставилась.

19. Отехалъ въ Штеръ-гофъ на дамъ-шкотѣ судиѣ.

20. Отголь прибылъ до Аранибома въ вечеру.

22. Освѣщеніе церкви было въ Аранибомѣ, а потомъ свѣтлѣйшій князь съ своею фамилією и съ многими господами, въ томъ числѣ былъ и Феофанъ, архіерей новгородскій, при пушечной стрѣлѣ гуляли.

23. Ездилъ яъ Аранибома въ Кронштатъ и паки туда возвратился.

24. Въ Аранибома прибылъ на ночь въ фаворитъ.

26. Прибылъ въ Санктъ-пітербургъ.

Септеврій.

5. Свѣтлѣйшій князь пріехалъ въ Аранибома совѣмъ въ Пітербургъ.

6. Верховнаго тайнаго совѣту дѣла и все, что было государеву въ дворцѣ свѣтлѣйшаго князя, вывезено въ лѣтній государевъ дворець.

7. Отданъ именный приказъ государевъ въ полки гвардіи, чтобъ никого, кромѣ маіоровъ Юсупова и Солтикова, не слушано. Сего-жъ числа ввечеру и императоръ прибылъ въ лѣтній дворець.

8. Публикованы указы печатные, чтобъ князя Меншикова указы и партикулярныхъ писемъ нигде не слушано и самому князю Меншикову въ домъ его сказано арестъ.

8. Сняты кавалеріи російскіи въ Меншикова и емужъ велено вѣздить прочь изъ Санктъ-Пітербурха.

10. Сняты съ егожъ и другихъ государствъ кавалеріи и ихъ варвари, да ѣ вѣхалъ со всею фамилією.

11. Прибыли въ С. П. Бурхъ посланци малороссійскіе Семенъ

Лизогубъ и сотникъ сребрянскій Троцина и сотникъ Семень Галецкій²⁵).

14. Оные посланци вмѣли аудіенцію у государя въ дворцѣ лѣтнемъ. Лизогубъ говорилъ рѣчь, а потомъ и у стола государевого кушали.

28. Оные жъ посланци отправлены и дано имъ жалованіе и чрезъ нихъ грамота до старшины и народа, а указъ до министра Наумова изъ иностранной коллегіи отправлены.

Октоврій.

1. Стали квартирою на пѣтербургскомъ острову въ домъ священника петропавловскаго Мины Григоріевича. Сего-жъ числа въ Глуховѣ выбранъ съ изрядною церемонією гетманомъ полковникъ миргородскій Давидъ Апостоль.

²⁵) *Семень Ефимовичъ Лизогубъ*—зять гетмана Скоропадскаго; въ 1708 г. пошелъ за Мазеню и возвратился уже только послѣ полтавскаго сраженія (см. показаніе Лизогуба, «Мазена» Костемарова, стр. 418). Не былъ сосланъ, какъ другіе, только за свойство съ гетманомъ. Умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., оставивъ дѣтямъ огромныя земельныя владѣнія. Занески Марковича, I, 345 и 318.

Антонъ Трофимовичъ Троцина (р. 1662 † 1749) былъ сынъ козака и. Череволочной, взятый мальчикомъ въ пѣвчіе царевны Софій Алексѣевны, въ Москву, откуда онъ выхлопоталъ отцу своему Трофию (по малороссійски *Троцю*) сотничій урядъ въ м. Сръбномъ и позволеніе заселить разоренное татарами с. Охоньки. Потерявъ голосъ и возвратившись въ Малороссію, бывший пѣвчій, усвоившій себѣ по имени отца, фамилію Троцины, самъ сталъ сръбрянскимъ сотникомъ въ 1707 г., когда отецъ его оставленъ былъ прилуцкимъ полковнымъ судьей, и оставался сотникомъ болѣе тридцати лѣтъ, до 1731 г., когда передалъ сотничій свой урядъ сыну Николаю. Какъ человѣкъ бывалый, Антонъ Троцина часто бывалъ совѣтчикомъ у гетмана Скоропадскаго, посылавшаго его иногда и въ Москву добывать тѣ или другія нужныя ему свѣдѣнія.

Семень Яковлевичъ Галецкій—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, если онъ не былъ сыномъ мазенинскаго «дворянина» Галеца (Веллчко, III, 444). Въ первый разъ встрѣчается въ 1704 г., когда получалъ отъ Мазены нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ с. Млхайловскѣ (при р. Бойнѣ). Въ 1709 г.—стародубскій полк. есаулъ, а потомъ—сотникъ погарскій, новгородъ-сѣверскій и наконецъ стародубскій (1712—1734). Будучи стародубскимъ сотникомъ, интриговалъ противъ тогдашняго стародубскаго полковника Александра Дурова и похваивъ по этому поводу въ 1734 г. въ Истербургъ, добился смѣщенія Дурова и кромѣ того полу-

4. Отъехали посланци малороссійскіе изъ Санктъ-петербурха.

12. Ради рожденія государеваго было торжество, по молебствію палено зъ пушекъ болше ста и полки бѣлымъ огнемъ, и на двоухъ суднахъ убранныхъ съ пушекъ-же, а въ вечеру были фейверкъ и иллюминація, въ лѣтнемъ огородѣ.

Ноеврій.

20. Прибыли посланники отъ нововзбраннаго гетмана Анто-стола.

21. Онижь были у разныхъ господъ министровъ и сенаторовъ.

30. Вѣхалъ іа зъ Санктъ-петербурха зъ Александромъ Левицкимъ и ночью поѣхалъ зъ Ямской.

1730 годъ.

24 мая въ Москвѣ. Ея императорскому величеству одклонился яспевелможный и того-жь числа ради отклону купалъ въ дворцѣ. Сего-жь числа ея і. величество изволили публично вѣхать изъ Москвы до Измайлова, куда едучій при каретѣ, въ ассистенціи зъ павалергардами, енераль Иванъ Ілѣичъ Мамоновъ умеръ нечаянно. Купчину московскому Дементію Прохоровичу въ доплатку за футро 2 р., розышлоь 14 к.

Числа 25. За 21¹/₂ золотника сѣтви сребной дано 5 р. 16 к. За 34 золотника сѣтки нестрой—7 р. 31 к. За два фунта кофе—46 к. За вецоване бритовъ 32 к. За жестянку до голенья ²⁶⁾ 12 к.

Числа 26. Въ доплатку за 4 аршина таои Лву Петровичу дано 60 коп. (Того-жь) числа за Трїодъ цвѣтную и два буквара 1 р. 20 к. Енераль-лейтенантъ Урбановичъ былъ у мене въ квартерѣ.

...
чяль урядъ генеральнаго бунчужнаго. Убитъ въ 1738 г., въ крымскомъ походѣ, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ Грабинною, бывшимъ тогда гадающимъ полковникомъ. Представительству Ласса, урядъ Грабинна отдавъ былъ сыну Семена Галецаго—Петру.

²⁶⁾ Бритва.

27. За работу мундѣру для дѣтныи 2 р. 50 к. Дѣвкамъ—40. Хлопцямъ отездного 15 к. Капралу и людямъ господина Курбатова 30 к. Каченовскому на персону 60 к. За вино красное и бѣлое 75 к. За лентѣ кумѣ Наталіи Лаврептѣвичѣ, да сестрѣ ея Аліѣ 37 к. За лентѣ желтую и зеленую 1 р. 26 к. Сего-жѣ числа вѣехали изъ Москвы и ночовали о 25 верстѣ.

28. На обѣдній попасѣ прибыли въ деревню Черничеву о 44 версты. На сѣно и оброкѣ пошло 25 коп. На ночь прибыли въ деревню Пратву о 39 верстѣ.

29. Прибыли на обѣдѣ до деревни Гусева о 37 верстѣ; отоль въ Калугу и перевезшииь ночовали. За починку коляски въ Калузѣ 30 коп.

30. Прибыли къ Доброму монастырю и перевезшииь черезъ Оку, обѣдали. Дапо за рыбу 21 к. Ночовали за Кишетю, перевезшииь.

31. Прибыли на обѣдѣ до Беліова. Тутъ-же куплены ножи столовнн и два кухенныхъ, за которые дапо 1 р. 40 к. За оковку коляски 15 к. За рыбу 27½ к. На ночь прибыли до Болхова, и отоль отехалъ панѣ Петръ, полковникѣ лубенскій, на почтѣ изъ поддьячимъ Урїиломъ, которій дапъ былъ изъ Москвы для конвоя. За три четверти меду 21 коп.

Іюнь.

1. Прибыли на обѣдѣ до села Глотова. Отоль вѣехавши, ночовали въ стѣну, одехавши 17 верстѣ.

2. Обѣдали надѣ пѣкогорою переправою, а ночовали подѣ малою деревнею.

3. Прибыли на обѣдѣ до Почты Любошеской и отоль отехалъ панѣ Холодовичъ на почтѣ. По обѣдѣ прибыли за Сѣвскѣ на ночь о 3 версты.

4. По полдни прибыли въ Глуховѣ.

5, 6 и 7. Прожилъ въ Глуховѣ.

8. Вѣехавъ изъ Глухова, прибылъ на ночь въ Новгородокѣ.

9. Отоль вѣехавши, прїехалъ на почѣ въ Левенку²⁷⁾.

12. Взято у Іанчсика поставъ сукна блавитного, за которое дано ему 5 червонныхъ да 25 к.

²⁷⁾ Село стародубскаго уѣзда.

18. У Павлика отобрано 5 р. за коня проданнаго сивостро-
катаго, да 5 р., отобранныхъ у шинкаря Зайцутского. Мужикъ
перегонскій ²⁸⁾ утонулъ, рыбу ловлячи.

19. Кошцѣ, отправленному въ Глуховъ, дано на дорогу 20 к.

20. За похоронъ утонувшаго чловѣка дано 20 к. Студентамъ
Интермедіантамъ 1 р.

21. Розышлося 24 к.

23. За цѣвву золота 1 р. 10 к. За ралипокъ мишурный 18 к.,
за полтора фунта баволны 24 к. За два барапки 90 к. За 150 ар-
шинъ шнурка 1 р. 20 к. За три фунта мѣши 36 к. За два аршина
крашенины 8 к. Огданы пану Іаву Миклашевскому ²⁹⁾ р.

24. Розышлося на розницу 33 к.

Журналь или ежедневная записка іакого мѣсяца і числа до іакой
персоны и чрезъ кого іменно писано и о протчемъ, начатый року
1730-го.

Мѣсяца августа 9. Писано до пана полковника лубенскаго,
зривитствуючи о прибытіи его въ домъ въ Москвѣ ³⁰⁾. Того-же числа
писано и до писаря полкового лубенскаго, пана Стефана Савицкого,
въ инстанцію за свойственнымъ навескомъ о невзятіи его, яко жилца
и осѣлого, въ великани и тые писма посланы чрезъ Дмитра Тым-
ченка и Гаврила Меченка. До пана Іана Гамалѣи въ Юдиновъ ³¹⁾,

²⁸⁾ Село Перегонъ стародубскаго уѣзда, принадлежавшее Н. Ханенку.

²⁹⁾ Иванъ Михайловичъ Миклашевскій, младшій сынъ стародубскаго полков-
ника, отъ второй его жены Анны Швейковской. Умеръ бунчуковымъ товарищемъ
въ 1740 г.

³⁰⁾ Петръ Даниловичъ Агосталь, второй сынъ гетмана, оставленъ былъ въ
Москвѣ въ качествѣ заложника, когда отецъ его отпущенъ былъ въ Малороссію
гетьмъ Полуботковскаго дѣла. Воспитывался подъ надзоромъ Мешникова (Опис. обит.
въ Рос. госуд. пародовъ. Спб. 1799 г., IV, 314). Въ 1728 г. Петромъ II лично
назначенъ лубенскимъ полковникомъ (Зап. Марк. I, 277, 296), но и затѣмъ
оставался въ Москвѣ до 1730 г., когда отпущенъ былъ въ Малороссію и сталъ
дѣйствительнымъ полковникомъ. Петръ Агосталь былъ однимъ изъ образованнѣй-
шихъ людей своего времени. После него остался, какъ слышно, записки писанныя
на французскомъ языкѣ, хранящіяся у г. Алексѣева въ Екатеринославѣ.

³¹⁾ Иванъ Андреевичъ Гамалѣи—одинаровый братъ жены Н. Ханенка.
Былъ женатъ первымъ бракомъ на падчерницѣ пугивельскаго помѣщика Семена Не-
плюева, Марфѣ Анисимовой, за которую получалъ богатое приданое въ томъ-же
уѣздѣ, а вторымъ бракомъ—на вдовѣ графа Гаврила Рагузинскаго. Въ 1743 г.

о присылкѣ тарадайки и о прибытіи ея для посѣщенія въ Червогонь, чрезъ чаусовскаго шинкаря Осипа. Того-жъ числа писано до пана сотника краснополянскаго Марка Ангеліовскаго ²²), дабы въ свойственныхъ панскихъ пропалый конь вороній въ Талалаевцѣ ²³), если ещется, былъ имъ отданъ, который листъ чрезъ ихъ-же и посланъ.

16. Съ Глухова писалъ листъ чрезъ Данила Крочкевича, служителя п. Малѣшевской, до пана Стефана Миклашевскаго ²⁴); въ дѣлѣ панѣ Малѣшевской съ Якубовичемъ ²⁵). Листъ до пана Ивана Гамалѣи ²⁶), 17 числа писанный, посланъ въ Семіоновку для отсылки отсюда въ Пѣски, который такъ ся имѣеть: „моѣ пане Гамалѣя, мой велце ласкавый добродію. Писалъ ја въ прошедшемъ 1729 году два раза до в. м., м. пана, упоминаючися, ижебысь в. м., м. пань должніе мнѣ отъ васъ деньги 26 рублей изволить отдать; но по тѣхъ писмахъ моихъ не только отдачи денегъ, но і отвѣту отъ в. м., м. пана не получилемъ. Прето теперь чрезъ нарочного, нарочно ишущи до в. м., м. пана, прошу, изволте, безъ болиной своей и моеи турбаціи, въ упомянутомъ своемъ мнѣ долгу уістітнес неотложно. Гдижъ в. м., м. пань можешь помпѣти, что и заставу мнѣ извоилесь давать—зубокъ сѣбный и рондзникъ, а ја не взялъ, дѣлаючи слову вашему, что імѣлесте вскорѣ тотъ мой долгъ отдать. съ подтверженемъ теи прошу в. м., м. пана сему посланному должніе 26 рублей денестъ вручати для привозки оныхъ ко мнѣ, а ја-жъ

назначенъ членомъ генер. суда, а при отставкѣ получалъ чинъ генер. судья. Ему принадлежали три села въ стародубск. уѣздѣ—Юдиновъ, Борцовъ и Чеховка и с. Сеяновка, конотопск. уѣзда. Портретъ его хранится въ семьѣ недавно умершаго Г. Н. Гамалѣи, въ обоянск. уѣздѣ курской губерніи.

²²) Поставленъ сотникомъ въ 1717 г. на мѣсто Леонтія Лашинскаго, по «писаніи разныхъ высочайхъ особъ», какъ сказано въ университетѣ Скоропадскаго, а ходатайства (писаніи) особъ явились потому, что Ангеліовскій «у двору государниѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ находивался», вѣроятно пѣвчякъ.

²³) Село роженскаго уѣзда.

²⁴) Степанъ Михайловичъ Миклашевскій—второй сынъ стародубскаго помещика; умеръ около 1750 г.

²⁵) Яковъ Демьяновичъ Якубовичъ.—генер. есаулъ.

²⁶) Иванъ Михайловичъ Гамалѣя, сотникъ лозьвандей, получившій по раздѣлу съ братьями село Великіе Песни, лозьванск. уѣзда, потеряе зятѣмъ было вѣдано къ Якову Држалану.

тогожь посланного буду здѣсь дожидатись въ Глуховѣ. При семь застаю на завпѣ вм., ж. пану всего добра зичливый свать и поволнѣйшій слуга Николай Ханенко, судія полковий стародубскій. Зъ Глухова августа 17 числа, 1730-го году⁷⁷. А прошлого 1729 году, іюля 22, къ нему о томже послано, да марта 6 тогожь году.

17. Посланы листы, еденъ до пана Петра Валькевича⁷⁸ въ Копотопъ, привѣтствующи его тамошнимъ пребываніемъ; другій до старости семіоновского Гузевича о выдачи Василю Мглиевскому лопатковъ панскихъ.

19. Послали листи зъ Глухова два чрезъ Елтуха Данчичка, писаніе еденъ до пана полковника стародубского Наказного, а другій до пана отца панского.

20. Посланъ листъ чрезъ Скоробогатого, жителя погарского, до Мартина Лирского, чтобы онъ подрядилъ тесель баню и комору стровити. Тогожь числа писанъ листъ до пана Стефана Мьвланшевскаго о коровахъ, чрезъ Василя Мглиевского.

20. Посланъ листъ до пана Константвля Леонтовича о одобраніи въ пана Іуд(і)ана Дриганта, при которомъ набля и матарасъ сукномъ зеленимъ покритій, чрезъ значкового возака полку пересловского Безбородка для отдачія вручено ему.

21. Писано въ Москву до пана Василя Максимовича⁷⁹ и до кватермейстера Гофмана о антецѣ и протечѣ.

22. Писано въ Москву-жь до господина Николая Павловича Крестича и до пана Василя Максимовича, да до канцеляриста

⁷⁷) Петръ Васильевичъ Валькевичъ—прв Апостолѣ «решить» генер. канцеляріи, а съ 1741 г. генер. есауль; умеръ въ 1758 г. Былъ вѣзвѣстнымъ дѣльцомъ своего времени. Современникъ о Валькевичѣ говоритъ: «Валькевичъ хотя былъ и дикаго нрава, такъ что ня съ кѣчь не водилъ знаколетва и обращенія, кромѣ тѣхъ, которые въ теченіе многого времени могли доказать ему свою искренность и привичу къ его свойствамъ, но изоблловалъ разумомъ, а наипаче знаніемъ правъ. Государь императоръ Петръ Великій, познавъ его дарованія, при случаѣ взятія подъ сражу Полуботка съ товарищи, предлагалъ ему остаться при его императорской особѣ». Опис. обит. въ російск. госуд. царод. IV, 324.

⁷⁸) Кажется, рѣвъ идетъ обѣ одномъ изъ трехъ сыновей генер. есауля Дмитрія Максимовича, который за измѣну съ Мазепомъ посланъ былъ въ Архангельскъ, а сыновья его—Федоръ, Иванъ и Василій посланы въ Москвѣ. Василій Максимовичъ въ 1742 г. былъ естникомъ вольнскимъ, черниг. полка.

Кривошеинскаго чрезъ почту. Тогожъ числа за конякъ 25 копѣекъ, за хустяу, шо въ Ронску, 20 коп.

23. Послани зъ Глухова корови двѣ да два маленькихъ волки въ Чергонь чрезъ козаковъ сотни новгородской Ебтуха Михенка, жителя горбовского, да Тита Невмоцесва, жителя пировского, чрезъ которыхъ и листъ до атамана тамошняго новгородского посланъ, чтобы оль тихъ козаковъ переменить, а другимъ тѣмъ корови для отводу въ Чергонь вручивъ, въ которомъ листѣ писано и до Липского писемомъ о пріемѣ тихъ коровъ. Тогожъ числа господишъ Новоторжцовъ почтою побѣгъ въ Москву и ошіе писема чрезъ него послани. Отъ пана Стефана Миклашевского двѣ корови зъ телятами приведены въ Глуховъ.

24. Писани два листи, одишъ до полковника лубенского, пана Петра Апостола, о позиченныхъ паномъ Петромъ Корецкимъ деньгахъ. Другій до полковника гадацкого, пана Григорія Грабянки, привѣтствующи его рангомъ²⁹⁾. Тогожъ числа, писанъ листъ до сотника воронежского, пана Ивана Холодовича, требующи у него отвѣтствія противъ данного ему меморіалу, которій для отсылки врученъ атаману Локотковскому.

24. Даль за коня вороного 8 рублей Михайлу Цигану, за платиль-же 3 р., а 5 на мнѣ осталось.

25. Отклонили пану и отвѣжаючи подарилъ коня гнѣденного пану Гасимовичу.

27. Прибыль въ Чергонь.

28. За 4 табелки постолки 1 р., за подошви 16 копѣекъ, на разніе покупки въ Погаръ копѣекъ 20, шевцю Мойсею дано 60 копѣекъ на шкуру.

29. Писанъ листъ до хоружого полковного стародубского, пана Гасимовича, въ дѣлѣ Ганона Садовничого, которій посланъ чрезъ негожъ Ганова. Тогожъ числа столяру даны 25 копѣекъ на дерево; золотару на мосецдзъ 15 копѣекъ.

31. Послани листи, одинъ до хоружого полковного стародубского пана Гасимовича, другій до пана Скоропадского³⁰⁾ въ Глу-

²⁹⁾ Указомъ 30 мая 1730 г. Грабянка, авторъ свѣдѣній хроникъ о взятій брані, назначенъ былъ гадацкимъ полковникомъ на мѣсто Гавриила Милорадовича, священнаго за пашали и взятки.

³⁰⁾ Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, племянникъ гетмана Скоропадскаго и зять Апостола, генеральный подскарбій съ 1741 г. Умеръ въ 1758 г.

ховъ, въ дѣлѣ Ігната Данченка, которіе отосланы въ Глуховъ чрезъ Григорія Данченка, а въ Стародубъ чрезъ Павлика. Тогожь числа писанъ листъ до Александра Левницкого, стороны въ іармарку кровельцею покупокъ, которой для отдачи прученъ Григорію Данченку. Тогожь числа за два соми дано 60 копѣекъ.

Септєврій.

1. Продавъ пенку, берковецъ по 3 р., взявъ у пана Круковского 21 руб. съ пол.

2. За 5 фунтовъ гавину дано 3 к., батоги желѣза 28 коп., золотарю коп. 12.

3. Бровь щучаль.

4. Цилпорнику за кровоуцненіе 20 копѣекъ. Тогожь числа съ маляремъ Іудимовскимъ учиненъ договоръ на шпалери 4 р. и пол. и полчвертки жита, маляру, імя Григорій Боюровъ, которому дано въ задатокъ 1 р. и 10 кварть цеховыхъ горилки. Велѣтъ дѣлатъ липнику погарскому Ивану Стрикицкому постромковъ 6 паръ, обротей 36 и поцругъ 12 до половъ, а 4 волосяныхъ до кулбакъ. Тогожь числа 4 дано за крашенну 6 коп. Привезено отъ пана Косача 2 бочки соли, за которіе падлежить 5 рублей и 2 гривни.

5. Купилъ нанъ въ бабы, жителки перегонской, подданной своей, хату старую за копу и денги ей за оную отдалъ. Тогожь числа писаны два листы, одинъ до сотника погарского Семея Соболєвского, другій до атамана и войта, тамошнихъ-же погарскихъ, просячи дабы людей выслали на панскую новозачатую греблю, которіе посланы чрезъ Мартина Лиского.

6. Писанъ листъ до отца ігумена стецьского чрезъ пана Леонтія Галецкого⁴¹⁾, съ посылкою 10 червонныхъ, одисканнихъ отъ пана Славуцкого. Мойсею псвцю погарскому съ челюдникомъ за работу чоботъ, черевиковъ, туфлювъ и протч. 1 р. 70 к.

7. Писанъ листъ до атамана городского новгородского, чтобы онъ ваши на панскіе денги купить осмачку и прислалъ въ Перегонъ, которой посланъ чрезъ стойчика въ Стародуба.

⁴¹⁾ Сотникъ бакланскій, братъ Семея Г. (см. прилѣч. 25), получалъ этотъ урядъ съ вѣрностію при измѣнѣ Мазепы; но когда за насилія его сотника Скоровацкій выславъ своихъ чиновниковъ разслѣдовать жалобы бакланцевъ, то Галенскій отказался отъ уряда и принять быль «поль бунчукъ».

8. Писанъ листь до старосты перегонского Лицского о направленю печей и коменка и о протчемъ дворовомъ господарствѣ чрезъ подводника Грицка Шногурова. Віехали зъ Левенки и прибыли на ночь до Нижніо⁴²⁾.

9. Обѣдали въ Курозновѣ у пановъ Рубцовъ. По полудни прибыли до Ропска; тутъ на стевжки и проч. розышлоь 25 к.

10. Віехали зъ Ропска, почовали въ Курпановичахъ. у Василья Борозни⁴³⁾.

11. Обѣдали у пана Николая Борозни⁴⁴⁾ въ Ключахъ, ночовали въ Бутовцѣ, и тутъ ось зломилась.

12. Прибыли въ Городню, где урядники съ хлѣбомъ насъ вѣтали; оттуль прибыли на обѣдъ до Листвина, тутъ и почовали.

13. По обѣдѣ позно уже віехали зъ Листвина и почовали въ футорѣ пана Бурковского Хлѣбовцѣ.

14. Прибыли рано въ Бобровицю, вечеромъ былъ у полковника и прочихъ черяѣговцовъ.

15. Коло полдня віехали зъ Черяѣгова и прибыли на ночь въ Красное⁴⁵⁾.

16. На обѣдъ прибыли въ Церковища, на ночь въ Іржавць⁴⁶⁾; стелмаку и на вижки 5 коп. даны.

17. Прибыли въ Козелець. На лямецѣ 10 к. Алексію за Стефана 20 к., ту и почовали.

18. Были у полковника⁴⁷⁾ и обѣдали. На розную подробицю розышлоь 17 к.

19. За ведро дегтю 14 к. Віехали зъ Козельца, обѣдали въ Омеляновѣ, почовали въ Димерцѣ⁴⁸⁾.

20. Прибыли въ Бровари; тутъ за рыбу 14 копѣекъ, за овесъ 30 копѣекъ. Прибыли на Днѣпръ, где и ночовать мусѣли за порченіемъ мосту.

⁴²⁾ С. Пажнее, стародубск. уѣзда, принадлежало Андрею Мих. Милашевскому.

⁴³⁾ Силь генер. судьи Пвана Владиміровича Борозды, умеръ въ 1747 г. бунчуковымъ товарищемъ.

⁴⁴⁾ Братъ того-же генер. судьи, умеръ бунчуковымъ товарищемъ въ 1757 г.

⁴⁵⁾ Черниговскаго уѣзда.

⁴⁶⁾ Села Церковище и Іржавецъ — козельскаго уѣзда.

⁴⁷⁾ Антонъ Тапскій, зять Семена Палия.

⁴⁸⁾ Села остерскаго уѣзда.

21. На рыбу, рижки и проч. 5 копѣекъ. Тутъ и сей день весь дѣловали и ночовали, понеже въ сей день мостъ дѣлали. На сѣно 10 копѣекъ.

22. Рано переехали мостъ и прибыли въ монастырь никольскій на квартиру. На мосту и въ крѣпости роздалось 10 копѣекъ, на медъ и пиво 7 к., на кремѣня 2 к.

23. Были на пещерахъ, а обѣдали у отца архимандрита пещерскаго. Розошлося 1 р. 35 к.

24. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ. Обѣдали и весь день пробавились у отца Пегребецкаго.

Быль на праздникъ въ Гнтаи. На овесъ для коней и на хлѣбъ для людей 70 копѣекъ.

26. Быль въ видубицкомъ монастырѣ и отправодалась панакхиды по покойномъ Миклашевскомъ и другихъ сродникахъ ⁴⁹⁾. Дано монахамъ 4 рубли, да еще роздалось 30 копѣекъ. Тамъ обѣдали и весь день пробавили.

27. На мясо 15 копѣекъ. Обѣдать у отца ректора и пробавилъ весь день у учителей. Послѣ былъ у пана Войничя бурмистра и ночовали у пана Федора Тихоповича Козелскаго, бурмистра-жъ.

28. Были у святой Софїи; тамъ розошлося 50 копѣекъ. Прислана зъ магистрату обеслава хлѣбомъ и прочимъ. Розошлося 16 копѣекъ. Дано на покушку разную рубль и 98 копѣекъ. Зъ монастыря Братскаго обеслава хлѣбомъ и прочимъ учинена. Зъ монастыря видубицкаго прислано сѣна.

29. Были въ монастырѣ михайловскомъ для поклоненїя мощамъ св. Варвары и тутъ у отца намѣстника Дезидерїя обѣдали. Розошлося на вѣкоторїе покупки и проч. 31 к., на мясо 12 к. Обеслава хлѣбомъ, виноградомъ, виномъ и орѣхами панѣ Козмины Іакимовичева и панѣ Рогуцкїи хлѣбомъ, виномъ, календаремъ на 1731 годъ.

29. Отцу Ивану на дорогу 20 копѣекъ. Студентамъ 1 рубль 6 копѣекъ; студенту Вѣльцкому 60 копѣекъ, за паправу фуїи 20 копѣекъ.

⁴⁹⁾ Стародубскїи полковникъ Михаилъ Миклашевскїи († 1706 г.) въ видубицкомъ монастырѣ построилъ каменную церковь во имя св. Георгия Побѣдоносца и каменную трапезу съ церковью св. Преображенїя Господня. Въ залѣ настоятельскаго дома видубицкаго монастыря хранится большой старинный портретъ Михаила Миклашевскаго. Соч. Максимовича, II, 251—253.

30. Дѣвцѣ Іахимовичиноу 10 копѣекъ. Зъ Майстрату обслано рибоу и хлѣбомъ.

Октоврїй.

1. Пренесеніе мощей святаго Михайла, первого митрополита кїевскаго, зъ пещери преподобнаго Антонїя въ великую церковь.— Обслано мясомъ зъ Майстрату; обѣдали у отца Негребецкаго. Подать мнѣ указъ гетманскїй пань Козма Іахимовичъ.

2. Обѣдали у мене намѣстникъ и економъ никовскїе и отехали я на Подоль для исполненїя указа гетманскаго.

3. Объявлялъ на Майстратѣ универсалъ іаспе велможнаго, даннїй Кузмѣ Іахимовичу на бурмистровство, обѣдалъ у пана Рогуцкаго. Рутинскому на чоботи 30 копѣекъ.

4. Обѣдалъ у пана Козми Іахимовича.

5. Былъ знову на ратуши. Пань Василь Іахимовичъ принеслъ цукрѣ голову и хлѣбъ; обѣдалъ у пана Козми Іахимовича. За судци для Василка 7 коп.

6. По бытїи на ратушу, обѣдалъ у пана Рогуцкаго, который мнѣ подарилъ дрякви, табаку и рукавици, а пань Іахимовичъ нару лухтаровъ зъ подцишникомъ и цинцами, до сѣдла уборъ и потебенки и двѣ солянки кристалловыя.—У него-жъ занялемъ 5 рублей. Чрезъ всю бутность, сколько былъ на Подоль, щоденно обслано зъ майстрату всякою харчою. Женѣ нару ножиковъ и стонжники⁶⁰⁾ жена его дарила. При отклонѣ отецъ архимандрить далъ мнѣ и женѣ, такожъ отецъ Негребецкїй по книжцѣ. Двѣ псалтирки куплены за 1 рубль 20 копѣекъ. Отецъ економъ книжку и свѣчку подарилъ же.

7. Обѣдали у отца Василя, намѣстника печерскаго, который такожъ далъ по книжцѣ обоимъ намъ. Сего же числа были у еперала и пожегнавшисъ съ всѣми, отехали зъ Кїева. Провожахъ насъ аптекаръ Гелтеръ и Козма Іахимовичъ ажъ за мость и прибылисмо на почъ поздно до Броваровъ; тутъ пошло на овесъ 36 копѣекъ.

8. Посехали зъ Броваровъ и прибыли на обѣдъ въ Димерку; тутъ на овесъ пошло и на проч. 18 копѣекъ. Одогь прибыли на почъ въ Омеляново.

⁶⁰⁾ Ленты.

9. На обѣдѣ прибыли въ Козелецъ; тутъ на желѣзо 26 коп., да еще на желѣзо жъ 14 копѣекъ. За чотири дойниці овса 68 копѣекъ дано.

10. Въ Козелцѣ весь день пробавили въ домѣ пана дядка ⁵¹⁾. Розшилось на розницу копѣекъ 20. Розшилось на роздачу разнымъ въ Козелцѣ 1 рубль 6 коп.

11. Рано обослао одѣ полковника хлѣбомъ и мясомъ и протч. Розшилось на розницу 1 рубль 60 копѣекъ. Ковалямъ 25 коп., на діоготь, хлѣбъ и протч. 20 копѣекъ. Надъ вечери висхали зъ Козельца и прибыли на почъ до Дешкова ⁵²⁾.

12. На обѣдѣ прибыли до Ржавця ⁵³⁾, где отъ пана сотника козелецкаго братъ его Петро привесъ барана. На ночь прибыли до Церковиць ⁵⁴⁾; тутъ за овесъ дано 16 копѣекъ, ковалю 2 коп.

13. Обѣдали въ Середницѣ ⁵⁵⁾; тутъ атаманъ принесъ трое курей и протч. оттолъ писанъ листь до сотника козелецкаго пана Алексѣя—стороны верблода и посланъ чрезъ козака Герасима, которому даны 10 копѣекъ. Прибыли на почъ до Краснаго ⁵⁶⁾; тутъ за двѣ мѣрочки овса 12 копѣекъ далемъ.

14. Обѣдали въ Колчевцѣ; за рибу и хлѣбъ 4 копѣйки. Перевозникамъ 6 копѣекъ ⁵⁷⁾. Прибыли на ночь въ Чернѣговъ и стали кватерою въ домѣ пана писаря ⁵⁸⁾, гдѣ обослао насъ отъ пана суди чернѣговскаго полковаго ⁵⁹⁾ овсомъ и сѣномъ, а отъ пана Булавки хлѣбомъ, рибою и сѣномъ.

15. Зъ дому ея милости панской, панен Борковской ⁶⁰⁾ дано

⁵¹⁾ Федоръ Лаврентьевичъ Ханенко, сотникъ козелецкій уже въ 1705 году, потомъ полковаго есауля; съ 1722 по 1737 г. полковаго обозный. О немъ см. Описание черниговской епархіи, V, 193.

⁵²⁾ Село козелецкаго уѣзда.

⁵³⁾ Тоже.

⁵⁴⁾ Тоже.

⁵⁵⁾ Тоже.

⁵⁶⁾ Село черниговскаго уѣзда.

⁵⁷⁾ При селѣ Кольчевцѣ, надъ Черниговемъ, назотался тогда переводъ чрезъ р. Десну.

⁵⁸⁾ Иваан Янушкевича.

⁵⁹⁾ Василія Каневскаго.

⁶⁰⁾ Жена Андрея Борковскаго.

трое саней новыхъ; обѣдалъ у нана судіи черниговскаго, а вечеромъ былъ у полковника.

16. Полгора четверика овса 37 копѣекъ, шлей четверо съ постропками 20 копѣекъ, вожокъ четверо 4 копѣйки. Писаны листы до отца Негребецкаго и до Козмы Іакимовича, стороны кунтуша, забытого въ Кисвѣ, и посланы тѣ письма зъ Чериѣгова на почту. За чоботи Костѣ 30 копѣекъ, вина поликововаго 3 кварта 24 копѣйки. Обѣдали у полковника и ажъ до ночи пробавили; переехали на Побровицю и тутъ ночовали.

17. Студентамъ приходившимъ кумалбо данъ червоный; розвилось на розницу 12 копѣекъ. Дана исатирка маленькая нана Борковскаго синамъ Михайлу и Василю⁶¹⁾. Обѣдали у панен Борковской, куда для опровоженя насъ приехали панъ судія зъ панею своею и панъ Иванъ Булавка. Прибыли въ Седневъ⁶²⁾ 4 часа по полудни, а въ Листвень⁶³⁾ въ 7-мъ часу, где вежающимъ въ село, палъ копъ молодій гяѣдій, издохъ.

Засталемъ тутъ п. п. Красовскаго и Лисаневича.

18. Пробавили весь день гулянемъ.

19. Даровалъ миѣ панъ Борковскій⁶⁴⁾ пару кобылъ, рижую и сивую, да сивого-жъ лошака и табакерку, а зепѣ штофивъ жолтій и зеркало. Розвилось 1 рубль 17 копѣекъ. По обѣдѣ отъехали и прибыли на ночь въ Городню.

20. Зъ Городнѣ прибыли въ Жабичи⁶⁵⁾ и тутъ обѣдали; одтолъ прибыли на ночь въ Блюсы.

21. Зъ Блюсовъ прѣехали на обѣдъ до Куршановичъ; одтолъ на ночь до Соловѣевъ; едучи чрезъ Хоромное, покиненъ хорній конь, таранъ, а дѣвчина потеряла коралеве манисто.

22. Прибыли въ Рощекъ на обѣдъ; тутъ у Рощеку уговорилемъ шабелника дѣлать для себе шаблю, а для нана судіи чериѣговскаго крижъ желѣзний подчеркъ, которому шабелнику, а именно Алексію Грановскому, даны 30 копѣекъ издатокъ; оставлена фляжка

⁶¹⁾ Михайль и Василю Андреевичи Борковскіе, оба бунчуковые товарищи въ 1751 г.

⁶²⁾ Мѣстечко черниговскаго уѣзда, принадлежало тогда Лизогубамъ.

⁶³⁾ Село городницкаго уѣзда.

⁶⁴⁾ Андрей Васильевичъ, сынъ генеральнаго обознаго.

⁶⁵⁾ Село городницкаго уѣзда.

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА“

на 1884 года.

Газета будетъ выходить въ 1884 г., какъ и прежде, по воскресеньямъ, въ размярѣ 1½—2 листовъ. Подписная цѣна: для иногородныхъ за годъ—7 р., полгода—4 р. Важнѣйшее мѣсто въ газетѣ будетъ отведено корреспонденціямъ и извѣстіямъ изъ всѣхъ концовъ Сибири—изъ городовъ, деревень и захолустій; цѣль этихъ извѣстій знать нужды и потребности мѣстнаго населенія и бороться съ злоупотребленіямъ, гнетомъ и неправдой, отъ кого бы они ни исходили. По важнѣйшимъ вопросамъ, какія влывнетъ мѣстная жизнь, будутъ помѣщаться руководящія статьи. Обзоръ различныхъ выдающихся проявленій этой жизни найдетъ мѣсто въ фельетонѣ. Въ русскомъ и иностранномъ обзорнѣяхъ читатель найдетъ все выдающіяся событія въ русской и иностранной жизни; цѣль этихъ обзорнѣй, по возможности, удовлетворить значительную часть нашихъ читателей, не имѣющихъ средствъ выписывать какую либо изъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ. Дѣйствія правительства, касающіяся Сибири, будутъ печататься обязательно.—Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, будутъ печататься отдѣльныя статьи по этнографіи, исторіи, статистикѣ Сибири, а также очерки, рассказы и проч. Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ дѣламъ, просимъ помочь намъ трудами и совѣтами; для всѣхъ такихъ лицъ страница „Сибирской Газеты“ широко открыта.

Подписку и корреспонденціи адресовать: въ Томскъ, въ ред. «Сибирской Газеты».

ГОДЪ ОВЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1884-мъ ГОДУ XXI.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ Покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Теодоровны. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ. Состоитъ при IV отд. Собств. Его Величества Канцеляріи Учебнымъ Комитетомъ—для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній Императрицы Маріи. Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библиотекъ военныхъ гимназій и прѣгимназій, какъ издавіе,

представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе „Семейныхъ Вечеровъ“ состоитъ изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографіи замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, распался на двѣ половины, пзъ которыхъ первая составила-бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой-же отдѣлъ заключалъ-бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлисъ-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для *Семейнаго чтенія*, какъ и въ 1883 году, будутъ разсылаются приложения рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу *для дѣтей* — *искуски техническихъ искусствъ и различныя шры и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ определенное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла „Семейныхъ Вечеровъ“* будетъ разослана, въ видѣ *преміи*, *олеографія „БУРЯ НА МОРѢ“*.

Въ приложеніи къ отд. для Семейнаго чтенія печатается рядъ лекцій, читанныхъ Государю Императору Александрѣ Николаевичу въ 1830—1834 г. докторомъ Богословія Протоіереемъ *Г. П. Павскимъ*, подъ заглавіемъ „*БИБЛЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ*“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ доставл.	съ доставкою.
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р. 50 к.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)	5 р.	5 р. 50 к.
„ семейнаго чтенія и юношества (12 кн.)	5 р.	5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочки допускается: для лицъ служащихъ въ казен. учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Цѣна „Семейныхъ Вечеровъ“ за прежніе годы безъ пересылки: съ 1874 г. по 1880—по 3 р. за каждый отдѣлъ; оба—6 руб.

Съ 1880 по 1883—по 4 руб. за каждый отдѣлъ, за оба 8 рублей.

За 1883 г.—4 р. 50 к. за каждый отдѣлъ, за оба 9 руб.

Пересылка каждаго отдѣла за 4 фунта по разстоянію.

Подписка принимается: Въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, *С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 14, кварт. № 9*

Редакторъ-издательница *С. С. Кашперова*.

Педагогическій и семейный журналъ для всѣхъ интересующихся воспитаніемъ и ходомъ народнаго образованія въ Россіи и заграничій.

„ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ“

Программа журнала на 1884 годъ.

I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по отдѣльнымъ вопросамъ народнаго образованія. III. Педагогика, методика и *общеобразовательныя и научныя статьи*. IV. Семейно-воспитательный отдѣлъ. V. Исторія народнаго образованія и литературы. VI. Педагогическая хроника русская и иностранная. VII. Отчеты о засѣданіяхъ и съѣздахъ. VIII. Литературное обозрѣніе, библиографія и критика. Новыя книги, вышедшія въ Россіи и за границей. IX. Сжѣсь, учебныя пособия. X. Отвѣты редакціи и частныя объявленія.

Журналъ въ одинаковой степени слѣдитъ за воспитаніемъ въ семьѣ и школѣ и за ходомъ учебнаго дѣла, какъ въ народной школѣ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ. Характеръ журнала—общественно-педагогическій, общеобразовательный и практический. Въ наступающемъ году будетъ помѣщенъ рядъ научныхъ статей и популярныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ знанія.

Въ журналѣ участвовали и будутъ принимать участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: проф. *Д. Н. Анучинъ, В. П. Анофриевъ, Н. О. Бунаковъ, Ю. Ф. Випперъ, В. А. Висковатовъ, В. М. Вскресенскій, А. Л. Вышеславцевъ, д-ръ М. И. Галашичъ, В. С. Гурбачъ, П. Я. Гердъ, А. П. Гельденбергъ, М. К. Горбунова, К. В. Ельницкій, Г. А. Зуевъ, К. А. Казначеевъ, проф. Н. П. Карповъ, М. С. Кореличъ, В. Д. Коровичъ, М. Н. Казецкая, Н. Л. Казецкій, П. Ф. Маевскій, В. М. Михайловскій, В. П. Острогорскій, Н. А. Плетеневъ, А. Н. Поливановъ, С. А. Радецкий, В. А. Соколовъ, В. И. Сизовъ, Д. Н. Тихоміровъ, В. И. Фармаковскій, М. К. Цеприкова, П. П. Штуцеръ, и др.*

Журналъ выходитъ *ежемесячно* (исключая іюня и іюля) въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, *книжками въ объемъ 4—6 листовъ въ каждой*.

Подписная плата въ годъ 3 руб. 50 коп. съ пересылкой и доставкой, за границу 5 руб.

Подписка принимается *въ конторъ редакціи, — Въ Москвѣ Денежный пер., у Мал. Каменнаго моста д. № 7.*

Для ознакомленія съ журналомъ желающимъ высылаются: подробности программы, *перечень статей, помѣщенныхъ въ журналъ за 1883 г.*, а также — списокъ изданій редакціи, условія выписки книгъ и приемъ изданій.

Принимаются на изданіе книжки для народнаго чтенія.

„Ветеринарный Вѣстникъ“

ЖУРНАЛЪ НАУЧНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ЗООЯТРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ *ответственной редакціей* подъ редакціей *бригиднаго* пр.-экс.-ордн. профессора Харьковского *и* профессора Директора Ветеринарнаго Института, П. А. Гордѣева. *го* Института М. Е. Земмера.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Первый отдѣлъ: анатомія, гистологія и физиологія нормальная и патологическая.

Второй отдѣлъ: научныя изслѣдованія по экспериментальной физиологіи, общей и частной патологіи и эпизоотологіи.

Третій отдѣлъ: статьи и работы по *зоотехникѣ, гигиенѣ, дѣтетику, сельскому хозяйству*, ветеринарной статистикѣ и экстерьеру.

Четвертый отдѣлъ: статьи и работы по хирургической, терапевтической, дерматологической, эпизоотологической клинической ветеринаріи и судебно-ветеринарной позиціи.

Пятый отдѣлъ: критика и библиографія.

Шестой отдѣлъ: литературное обозрѣніе и свѣсь. Рефераты по отечественной и иностранной журналистикѣ.

УСЛОВІЯ ИЗДАНІЯ: „Ветеринарный Вѣстникъ“ въ 1884 году будетъ выходить *шестью* книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ въ каждой (что составляетъ отъ 30 до 48 листовъ), *безсрочными выпусками*, смотря по накопленію научнаго матеріала, съ *приложеніемъ* въ концѣ года какого-нибудь спеціальнаго руководства въ формѣ кафедральныхъ лекцій, переводныхъ или оригиналь-

ныхъ сочиненій. По мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ редакция, въ свою очередь, увеличитъ какъ число книгъ, такъ и объемъ приложений.

Начавшіяся издаваться съ 1882 года „Руководство къ Частной Патологіи и Терапіи домашнихъ животныхъ“ и Зоофармакологіи“ будутъ продолжаться и въ 1884 году. Независимо отъ этихъ двухъ руководствъ выйдутъ еще и „Анатомія домашнихъ животныхъ“. Всѣ три руководства будутъ появляться въ видѣ приложений къ каждому выпуску.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: за годъ безъ приложения **6 руб.**, съ приложеніемъ **7 руб.**, съ пересылкой **8 руб.**

Примѣчаніе. По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка въ платежѣ на текущій годъ и *уступки по два рубля* за оставшіеся годовые экземпляры 1882 и 1883 гг.

Адресъ. Въ Харьковскій Ветеринарный Институтъ, профессору *Петру Андреевичу Гордѣеву*. По этому же адресу принимаются статьи и работы, причемъ послѣднія должны быть четко написаны.

Редакторъ-Издатель, *П. Гордѣевъ*.

Вышелъ и Разсылается подписчикамъ

1 № (январь) 1884 г.

„Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.“

Содержаніе: I. Дѣйствія Славянскаго Общества. II. Славянское Озёрніе: Исполнители и партія, **О. Ф. Шиллера**. Дѣятельность юго-славянскаго академіи въ Загребѣ, **П. Л. Кулачовскаго**. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Хорватіи, **И. П. Сагоновича**. Изъ Праги, корреспонденція. Славянства въ С.-Петербургской Духовной Академіи. Пожертвованія въ пользу бѣдствующихъ галичанъ. III. Славянскія бібліографическія: Новый учебный трудъ **В. П. Ламацкаго**, **Н. Любовича**: Исторія реформации въ Польшѣ (замѣтка **В. Л. Вранка**). Ведущія лекція **К. Я. Грота** въ варшавскомъ университетѣ. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ славянскія земли проф. **Г. И. Первольфа**. Праздникъ „Славы“ у сербовъ **П. Л. Кулачовскаго**.

Подписка на „Извѣстія“ принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества на площ. Александринскаго театра, № 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ **ДВА РУБЛЯ** съ доставкой и пересылкой.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Вышелъ и продается въ книжномъ магазинѣ А. Г. Сыркина въ Вильнѣ, а также у другихъ солидныхъ книгопродавцевъ Имперіи и Царства Польскаго

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХЪ И ЮГОСЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И ПРИЛЕЖАЩИХЪ СТРАНЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ЯКОВОМЪ ГОЛОВАЦКИМЪ.

Съ приложеніемъ географической карты.

Въ Вильнѣ 1884 года, въ 8 ю долю XXIX и 372 страницы.

Въ этомъ словарѣ собраны топографическія названія областей, рѣкъ, горъ, городовъ и селеній въ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ первобытно славянскія названія переименованы до неузнаванія. Въ такомъ видѣ они вошли въ общественное и литературное употребленіе, между тѣмъ какъ первоначальныя славянскія названія живутъ до сихъ поръ въ устахъ народа, а незнающіе славянскихъ нарѣчій ученые весьма часто не могутъ найти ихъ на картахъ составленныхъ подъ вліяніемъ иноземныхъ сочиненій. Въ настоящемъ словарѣ исправлены многочисленныя ошибки и неточности русскихъ географическихъ картъ, составленныхъ по нѣмецкимъ образцамъ, послѣ тщательной провѣрки оныхъ съ славянскими источниками и съ примѣненіемъ иностраннаго правописанія къ русскому. Въ этомъ словарѣ восстановлены почти всѣ исковерканныя иностранцами славянскія названія, съ ссылками на настоящіе, издревле славянскіе, географическіе термины жѣстностей и напечатаны крупнымъ шрифтомъ, съ показаніемъ произношенія ихъ на мѣстномъ нарѣчьи и обозначеніемъ области и уѣзда, въ которомъ онѣ находятся, народонаселенія городовъ и проч.

Такой географическій словарь долженъ быть настольной книгой для всякаго туриста и путешественника по славянскимъ землямъ, онъ долженъ лежать въ кабинетѣ каждаго журналиста, писателя, литератора для постоянныхъ справокъ и провѣрки европейскихъ книгъ и газетъ. Этотъ словарь (первый и единственный въ этомъ родѣ) — весьма полезенъ для всѣхъ учебныхъ заведеній, пока въ учебникахъ и атласахъ не будутъ замѣнены невѣрные иноземные термины редкими славяно-русскими.

Въ особенности же Географическую Карту (въ масштабѣ 1:2,000,000), на которой обозначены границы югославянскихъ земель по С. Стефанскому договору и Берлинскому конгрессу, можно рекомендовать для военно-учебныхъ заведеній и для военно-тактическихъ упражненій.

Цѣна Географическаго Словаря съ картой 2 руб. 50 коп. — Карта отдѣльно
стоитъ 1 руб.; наклееная же на холстѣ — 1 руб. 50 коп.

Желающіе могутъ адресоваться: *Въ Вильну*, къ Дѣйстви. Статск. Совѣтнику
Якову Федоровичу Головацкому, на Георгіевскомъ проспектѣ въ домѣ Довойны.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

1) КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

я къ ней главнѣйшіе пути черезъ г. Кіевъ, съ 5-ю планамъ и 3-я видами въ
180 страницъ.

Цѣна 40 коп; въ вязанномъ переплетѣ 60 коп.

сверхъ того прибавляется по 40 коп. за экземпляръ для выписывающихъ ее съ
пзданнымъ путеводителемъ

„КІЕВЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ“

въ которомъ помѣщены: общій очеркъ Кіева, общія статистическія свѣдѣнія; част-
ное раздѣленіе города на восемь полицейскихъ участковъ; ближайшія окрестности.
Указатель для розысканія улицъ, домовъ и ихъ номеровъ по всѣмъ частямъ
Кіева. Топографическій планъ и 9-ть видовъ г. Кіева.

2) КІЕВСКІЙ АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ

(третій годъ изданія)

въ которомъ помѣщены адреса всѣхъ правительственныхъ и частныхъ управленій,
заведеній и должностныхъ лицъ этихъ учрежденій. Алфавитъ для розысканія фамилій;
частныя объявленія и мѣсяцесловъ.

Цѣна 50 коп; въ вязанномъ переплетѣ 75 коп.

Продаются въ Кіевѣ въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и въ книжныхъ
лавкахъ Кіево-Печерской Лавры Выписывающіе непосредственно отъ издателя, по
адресу: Кіевъ, Окружной Штабъ, *Н. Тирановскому*.

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЬ.

ФИЛОСОФІЯ

XVII и XVIII в.

ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ФИЛОСОФІЕЮ

XIX в.

и отношеніе той и другой къ образованію (изъ лекцій по исторіи философіи).
С. С. Голоуцаго, профессора университета Св. Владлміра. Вып. III. Кіевъ, 1884 г.

ОПЕЧАТКИ.

Въ яварской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стр. 114, строка 4 снизу:

«Перечислены *есть* шапцы» «Перечислены *не есть* шапцы»

Стр. 118, строка 2 сверху:

«*есе хотѣлъ*» «*не хотѣлъ*» .

Стр. 122, строка 6 сверху:

«*Беввица*» «Бесервица» .

Стр. 127, строка 14 снизу:

«*друими*» «дорогими» .

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизмѣнно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемая редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и неизвѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находить возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая, какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ расчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородній-же высылаются *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й), въ книжныхъ магазинахъ Оглобина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Оедорова, Розова, Диптера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, общаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братьевъ нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помярокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: лѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только вариантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорускаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличей, примѣчаній и объясненій и утомительной установкѣ правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“

1884 г. (Третій годъ изданія). 1884 г.

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же со-трудниковъ.

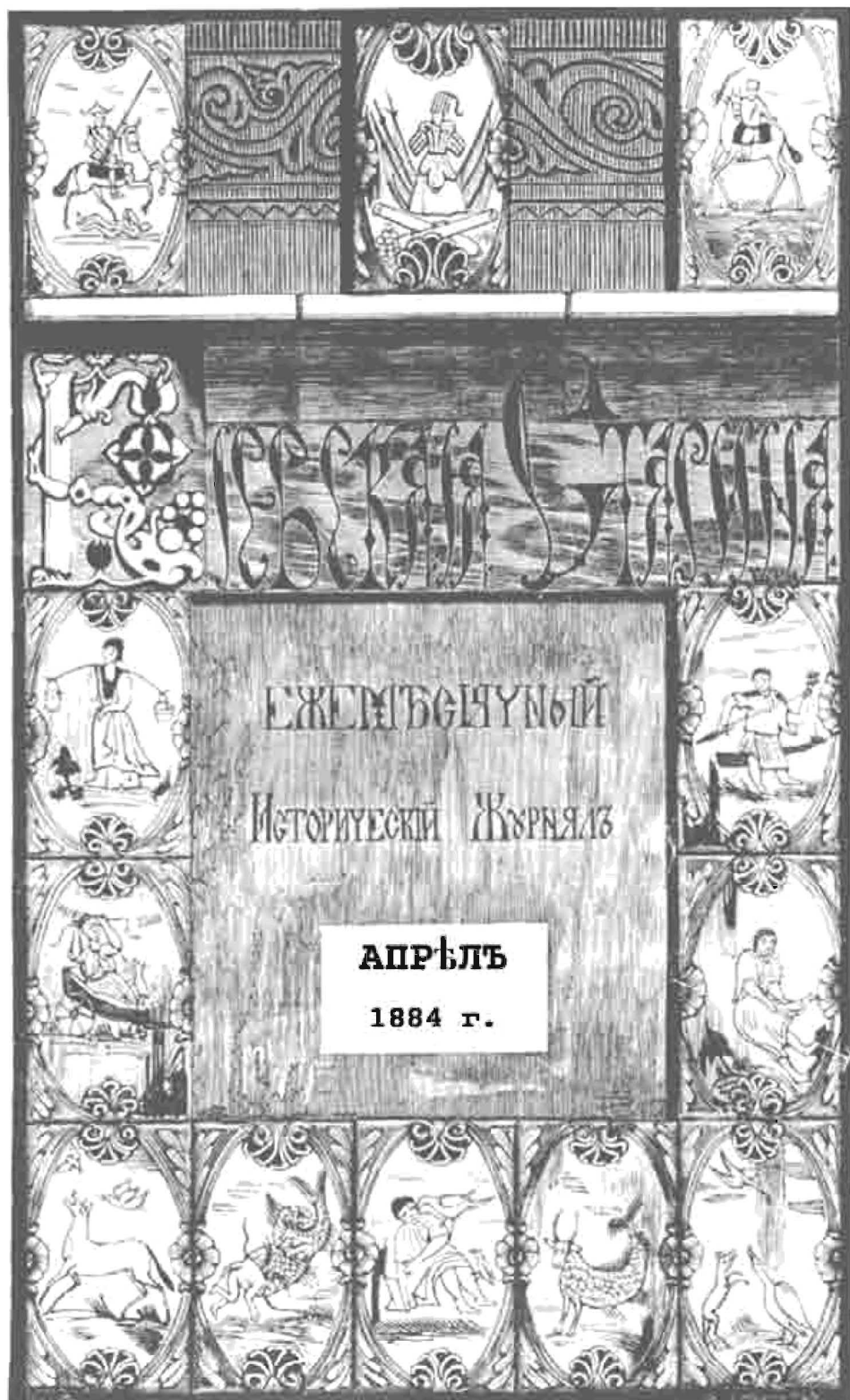
Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетри-стическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, неврологи, характери-стики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказ-кахъ, пѣсняхъ и пр., а также библиографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣяте-лей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересыл-кою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры жур-нала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софій-ская площадь, д. № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, га-зету „ДѢЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія состав-ляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ при-ложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **В. Г. Лебединцевъ.**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

АПРѢЛЬ

1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1884 г.

	СТР.
I. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РЪЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). (<i>Окончаніе</i>). Ө. Николайчика	525
II. ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторія южно-русской литературы XVII вѣка. (<i>Окончаніе</i>)). Н. Ө. Сумцова	565
III. ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СЪЧЕЙ. Д. И. Эварницкаго	599
IV. ЗАПИСКИ Я. Д. СЕЛЕЦКАГО . Часть первая. 1821—1846 годъ. (<i>Продолженіе</i>)	609
V. ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ. С. Пономарева	634
VI. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Географическій словарь западно и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, сост. Я. Головацкимъ. Съ приложеніемъ географ. карты. Вильна. 1884 г.— Ө. Ни—ка .—б) Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Област. Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціею Е. Д. Фелицына: Т. I., съ картою Кубан. Области. Екатеринбургъ. 1883 г.—в) А. А. Потебни. Объясненія малорусскихъ и среднѣхъ народныхъ пѣсень. Варшава 1883.— Ц. Неймана —г) Очерки исторія украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова . Кіевъ; 1884 г.— В. Г.	621
ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греки въ Елисаветградѣ (Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи)— В. Ястребова .—б) Малоизвѣстные и неизвѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины.— Н. С. —в) Кіевскія лѣтописныя замѣтки XVIII и XIX ст. 1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василя Григоровича Барскаго. 2) Изъ записной книжки кіевского гражданина Мяславскаго.—г) Могла гетманцевъ въ г. Лебединѣ.— П. Ефименка .—д) Два сообщенія по части народныхъ вѣрованій: 1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.—Сообщ. П. Литвинова .—2) Полю неодушевленныхъ предетовъ.—Сообщ. М. Г—овъ .—е) Изъ разказовъ о Кармелюкѣ.— Маківскаго .—ж) Художникъ В. Л. Боровиковскій. 1758 (?)—1825 г.— В. Горленка —з) Греческія музы въ малорусскомъ изображеніи (Рисупокъ и поясненіе къ нему).	673
VI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.). (<i>Продолженіе</i>) 17—32	
VII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

АПРѢЛЬ.

1884 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го марта 1884 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

1884 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РЪЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.).

(Окончаніе) ¹⁾.

II.

Лобода и Наливайко.

Причины козацких грабежей внутри государства.—Биографическія свѣдѣнія о Наливайкѣ и Лободѣ.—Переходъ татаръ черезъ польскія владѣнія въ 1594 г.—Сношенія императора Рудольфа съ козаками: Хлоницкій и Лясота.—Предпріятіе Язловецкаго.—Походъ козаковъ въ Молдавію.—Наливайко въ Брацлавѣ, затѣмъ въ Барѣ съ Лободою. 1595 годъ.—Неудавшаяся коалиція противъ турокъ и движеніе Замойскаго съ войскомъ къ границѣ.—Отдѣленіе Наливайка отъ Лободы и походъ его въ Венгрію.—Эскурсія его въ Вѣлю Русь.—Лобода съ Замойскимъ.

Козачество чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространялось по Украинѣ. Изслѣдовать, какія условія тутъ дѣйствовали, не входитъ въ нашу задачу. Отмѣчая просто это явленіе, нельзя не привести здѣсь словъ Н. И. Костомарова, въ точности подтверждаемыхъ бунтами Лободы и Наливайка. Онъ говоритъ: „лишеніе козаковъ возможности вырваться внѣ государства обратило ихъ удачу внутрь этого самаго государства. Козачество разширялось внѣ и было занято внѣшней войною, но коль скоро дорога къ внѣшней войнѣ была пресѣчена, то это вольное общество, естественно ища свободы своей дѣятельности, стало разширяться внутри, стремилось захватить для себя возможно болѣе поля въ королевствѣ и сломить про-

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., март. кн., стр. 423—442.

тивоположныя себѣ начала шляхетскаго строя“¹⁾. Къ этому надо прибавить только, что не одна удалъ и желаніе сломить эти начала обращали козаковъ внутрь государства, а иногда и нужда въ хлѣбѣ насущномъ²⁾.

Какъ только выходили запасы, прибрѣтенные набѣгами на сосѣднія земли, и если нельзя было сдѣлать ихъ тѣмъ-же путемъ, то козаки естественно кормились на счетъ государства, а собирали кормъ обычнымъ для того времени способомъ—грабежами и насиліями, въ чемъ нисколько не отличались отъ правительственныхъ жолнѣровъ.

Такимъ путемъ поступали козаки въ продолженіе двухъ лѣтъ, въ 1594—1595 году, пока въ 1596 г. ихъ своеволія не навлекли на себя коронныхъ войскъ, какъ на враговъ государства. Къ этому присоединилась и нѣсколько усложнила дѣло подготовка къ официальному объявленію уніи, состоявшемуся осенью 1596 г. на еоборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ. Въ 1596 г. правительство наказало козаковъ лишь за то, что они осмѣлились практиковать обычные приемы пріисканія продовольствія, но только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Лица, принимавшія въ этомъ болѣе другихъ видное участіе, были Лобода и Наливайко, а выступили они на сцену гораздо раньше этого времени: первый въ концѣ 1593 г. Обратимся прежде всего къ біографическимъ о нихъ свѣдѣніямъ; въ скудномъ числѣ можно найти онѣя о Наливайкѣ.

Семеринъ-Наливайко былъ сынъ вѣроятно мелкаго шляхтича, у котораго былъ грунтъ въ Гусятинѣ, въ Брацлавщинѣ. Грунтъ этотъ отнялъ у отца Наливайка панъ Калиновскій, причемъ такъ избилъ владѣльца, что тотъ умеръ отъ побоевъ. По смерти мужа, вдова Наливайкова, мать Семерина, жила съ дѣтьми у сына своего Даміана, бывшаго священникомъ въ г. Острогѣ³⁾. Самъ Семеринъ былъ на службѣ князя Острожскаго (должно быть такъ называемымъ рукодайнимъ слугою) и сражался въ его войскахъ противъ козаковъ Косинскаго⁴⁾. Но въ это время онъ является уже чело-

¹⁾ Историч. монограф., т. III, стр. 249.

²⁾ Это лучше всего видно изъ письма Лободы къ коронному гетману отъ 11 января 1596 г.—Listy Zólk., стр. 65.

³⁾ Костомаровъ. Моногр. т. III, стр. 258 и Куляшъ „Исторія возсоед. Руся“ т. 2, стр. 92.

⁴⁾ Путешествіе Эриха Ляссоты (русск. пер. Бруна), стр. 50.

вѣкомъ бывалымъ: онъ, по собственнымъ словамъ, съ юныхъ лѣтъ воевалъ по многимъ землямъ, подъ предводительствомъ козацкихъ гетмановъ ¹⁾). Срокъ службы у Острожскаго кончился для Наливайка въ 1594 г., потому-что еще въ апрѣлѣ этого года онъ въ письмѣ къ коронному гетману называетъ Острожскаго своимъ паномъ и собираетъ войско съ его дозволенія ²⁾). Но 1-го іюля того-же года уже сносятся съ запорожцами, какъ человѣкъ вольный, и выставляетъ имъ на видъ, что раньше не могъ служить имъ, потому что былъ на службѣ у Острожскаго ³⁾). Съ того времени и начинается извѣстность его въ исторіи. О Лободѣ извѣстно только, что онъ гетманствовалъ на Запорожѣ еще до 1594 г. ⁴⁾).

Въ 1593 и 1594 г. турки вели войну съ цесаремъ Рудольфомъ II. Въ концѣ февраля мѣсяца 1594 г. отъ императора явился въ Польшу посоль съ просьбой не пропускать татаръ въ Венгрію черезъ владѣнія Рѣчи Посполитой. Явился чаушъ и отъ султана—съ обратной просьбой. Сеймъ, пользуясь отсутвіемъ короля, который тогда уѣхалъ въ Швецію, на счетъ союза далъ обѣимъ сторонамъ уклончивый отвѣтъ; но о переходѣ татаръ черезъ польскія владѣнія отвѣтили прямо отрицательно ⁵⁾). Не смотря на это, въ апрѣлѣ разнесся слухъ, что татары двинулись на Украину. Наливайко, какъ человѣкъ опытный въ военномъ дѣлѣ, сейчасъ-же, съ позволенія Острожскаго, у котораго состоялъ тогда на службѣ, собралъ около себя охотниковъ и отправилъ письмо къ Замойскому, прося его назначить мѣсто, гдѣ встрѣтить татаръ, и откуда брать съѣстные припасы; онъ просилъ Замойскаго, чтобы тотъ своими распоряженіями санкціонировалъ ополченіе охотниковъ, такъ какъ у нихъ много враговъ, желающихъ выставить ихъ за шайку грабителей ⁶⁾). Неизвѣстно, отвѣчалъ-ли что-нибудь на это Замойскій, только Наливайко все таки погнался за татарами, ворвавшимися черезъ Покутье, и преслѣдуя ихъ до Тереховля, хотя и не помѣшалъ ихъ опустошеніямъ, но успѣлъ отбить все таки отъ 3 до 4 тысячъ лошадей. Татары на

¹⁾ Такъ сказано у Кулиша въ 2 т., стр. 58.

²⁾ Listy Żółk., стр. 64.

³⁾ Ляссота, стр. 50.

⁴⁾ Ibidem, стр. 37.

⁵⁾ Бѣльскій, стр. 212—213; Гейденшт. т. 2, стр. 321—322.

⁶⁾ Listy Żółk., стр. 64.

несли страшный вредъ странѣ. Они взяли Снятынъ, Жуковъ, Товмачъ, Чешибисы ¹⁾, Тысьменцу; часть населенія увели съ собою, часть поубивали; села, попадавшіяся на пути, обратили въ пепель. Замойскій и самъ было двинулся съ войскомъ, даже настигъ татаръ у Самбора, но татары обманули его и прошли въ Венгрію на помощь туркамъ ²⁾).

Рудольфъ II, не надѣясь получить никакой существенной помощи противъ турокъ отъ польскаго правительства, еще въ началѣ 1594 г. завелъ непосредственныя сношенія съ козаками, съ цѣлью побудить ихъ къ набѣгамъ на турецкія владѣнія. Сношенія эти велись черезъ шляхтича Хлопицкаго довольно успѣшно,—отчасти потому, что козаки и безъ того постоянно промышляли въ турецкихъ и татарскихъ владѣніяхъ. Благодаря внушеніямъ императорскаго агента, запорожцы весною 1594 г. ³⁾ на 50 чайкахъ отправились, въ числѣ 1300 съ гетманомъ Богданомъ Минкошинскимъ къ морю, съ цѣлью помѣшать переправѣ татаръ черезъ Днѣпръ у Очакова, при слѣдованіи въ Венгрію; этотъ послѣдній походъ, впрочемъ, кончился для нихъ безуспѣшно, благодаря присутствію около переправы турецкихъ галеръ.

Возвратившись лѣтомъ изъ этого похода на Запорожье, козаки застали тамъ новаго посланца отъ императора, силезца Эриха Ляссоту ⁴⁾, привезшаго имъ подарки отъ цесаря и пріѣхавшаго для заключенія условій относительно новыхъ походовъ.

¹⁾ Нынѣшній Езуполь, при впаденіи Быстрицы въ Днѣстръ.

²⁾ Бѣльскій, стр. 215—224; Ляссота, стр. 50.

³⁾ Современные польскіе хроникеры упоминаютъ еще о болѣе раннемъ походѣ козаковъ, именно о способѣ на Юргевъ (Джурджево), который они относятъ къ концу 1593 году. Въ прошломъ году во Львовѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ „Справоздане дирекціи цесарско-королевской гимназій академичной во Львовѣ на рокъ школьный 1881—2 г.“, гдѣ помѣщена превосходная статья г. Заклинскаго „Зношеня цѣсаря Рудольфа II зъ козаками и ихъ участь въ войнѣ угорско-турецкой въ р. 1594 и 1595 г.“. Въ этой статьѣ г. Заклинскій съ большою основательностью доказалъ, что упомянутого выше похода козаковъ на Джурджево не было, да и сношенія Рудольфа II съ козаками могли начаться не раньше начала 1594 г. („Справоздане“ и проч., стр. 7, 34—35).

⁴⁾ О посольствѣ Ляссоты см. дневникъ его, а о Хлопицкомъ, кромѣ Дневника Ляссоты—Бѣльскій, стр. 210; Гейденшт. т. 2, стр. 323; *Listy Żółkiewskiego*, стр. 45—49, 59—60.

Переговоры на этотъ разъ пошли однако не совсѣмъ успѣшно. Козаки отказывались невозможностью воевать за столь незначительное вознагражденіе, какое предлагалъ имъ посоль, указывая между прочимъ на неимѣніе лошадей для похода и на большія затраты, необходимыя для ихъ пріобрѣтенія. Тутъ явились на Запорожье 1-го іюля послы отъ Наливайка съ предложеніемъ доставить запорожцамъ 1500—1600 лошадей изъ числа отбитыхъ имъ при погонѣ за татарами, шедшими въ Венгрію,—съ условіемъ, чтобы честное рыцарство простило Наливайку участие его въ войнѣ противъ нихъ, въ войскѣ князя Острожскаго, и приняло его въ свою среду. Для полнаго оправданія Наливайко предлагалъ лично явиться въ Сѣчь и доказать свою правоту, предоставляя запорожцамъ въ противномъ случаѣ отрубить ему голову его собственною саблею. Неизвѣстно, какъ именно состоялось примиреніе, но что оно состоялось, показываютъ послѣдующіе совмѣстные походы Наливайка съ его вольницею и запорожцами. Переговоры съ императоромъ затянулись: запорожцы отправили съ Эрихомъ Ляссотою своихъ уполномоченныхъ въ Австрію для испрошенія большаго вознагражденія, а сами между тѣмъ не остались безъ дѣла.

Татаръ надо было ожидать обратно изъ Венгріи и принять мѣры къ предупрежденію могущихъ повториться опять опустошеній. Коронный гетманъ Замойскій, собравъ войско, расположился на границѣ съ Венгріей, чтобы встрѣтить татаръ при возвращеніи. Между тѣмъ снятынскій староста Николай Язловецкій задумалъ на собственныя средства составить отрядъ и напасть на оставленный безъ защиты Крымъ. Хотя правительство Рѣчи Посполитой обыкновенно строго запрещало частнымъ лицамъ нападать на татарскіе улусы и тѣмъ навлекать месть на государство, однако на этотъ разъ набѣгъ предпринимался съ вѣдома Замойскаго, который былъ озлобленъ на татаръ за причиненный ими вредъ и смотрѣлъ съвозъ пальцы на предпріятіе Язловецкаго, сомнѣваясь только, чтобы для этого хватило частныхъ средствъ. Но Язловецкій, собственно говоря, хотѣлъ выслужиться на чужой счетъ: всю надежду онъ полагалъ на козаковъ, которыхъ пригласилъ на помощь къ нѣсколькимъ сотнямъ нанятаго имъ войска. Козаки, въ ожиданіи результата переговоровъ съ императоромъ, такъ сказать между дѣломъ, приняли предложеніе Язловецкаго и отправились съ нимъ въ походъ. Ихъ было

два отряда: запорожцы шли подъ предводительствомъ Лободы, а Наливайко съ своею вольницею. Но во время похода они, раздумавъ, оставили Язловецкаго и расположились въ Брацлавщинѣ. Язловецкій, „желая выслужиться чѣмъ-либо“, какъ говоритъ Бѣльскій, направился къ Бѣлгороду. Но за козаками стали уходить и его собственные люди: каждый день уходило, говоритъ Бѣльскій, душъ по сту, такъ что Язловецкій остался наконецъ ни при чемъ и долженъ былъ со стыдомъ возвратиться. Эта неудача такъ подѣйствовала на него, что онъ умеръ отъ горя¹⁾.

Куда направились запорожцы съ Лободой, оставивъ Язловецкаго—неизвѣстно; вѣроятно ушли за пороги. Наливайко-же съ своимъ войскомъ пошелъ къ Брацлаву. Мѣщане, измѣнивъ старостѣ Юрію Струсю, впустили козаковъ въ городъ и замокъ. Тамъ, говоритъ Бѣльскій, козаки жили, какъ дома, приказывая окрестной шляхтѣ доставлять имъ квартиры и продовольствіе. Кто изъ шляхты не исполнялъ ихъ требованія, они нападали на его домъ и разоряли. Между прочимъ тутъ они разграбили имѣніе пана Калиновскаго, отнявшаго грунтъ у отца Наливайка. Король слалъ къ нимъ листы съ приказаніемъ разойтись и не чинить людямъ убытковъ, но они не обращали на то вниманія. Напротивъ, къ Наливайку приставало все больше и больше народу²⁾.

Наконецъ Наливайко самъ освободилъ шляхту отъ страха: съ цѣлью оказать услугу императору, онъ направился на Кицію. По дорогѣ напалъ на Тегинь (Бендеры) и занялъ ее. Козаки вырѣзали здѣсь большую часть турецкаго и татарскаго населенія, затѣмъ городъ сожгли. Кромѣ того козацкіе загоны разбѣжались по окрестностямъ, сожгли много селъ (до 500, по словамъ самого Наливайка, сказанымъ, очевидно, не безъ хвастовства) и взяли въ полонъ до 4 тысячъ татаръ и турокъ обоего пола. Въ то время, какъ козаки съ добычей уже возвращались домой, Ааронъ, господарь молдавскій, съ семью тысячами волошскаго и турецкаго войска, погнался за ними и преслѣдовалъ ихъ до самаго Днѣстра, гдѣ они должны были переправ-

¹⁾ Бѣльскій, стр. 224—225; Гейденшт. т. 2, стр. 326, 327; что съ Язловецкииъ были и Лобода и Наливайко, а не одинъ который нибудь изъ нихъ, объ этомъ у Костомарова (Моногр. т. 3, стр. 257).

²⁾ Бѣльскій, стр. 225; Архивъ юго-западной Россіи стр. 67.

ляться. Во время персправы онъ отнялъ у козаковъ всю добычу, при этомъ козаковъ погибло нѣсколько сотъ или даже до 1500. Наливайко удалился отъ Днѣстра съ угрозами отомстить господарю ¹⁾).

Дѣйствительно, спустя очень немного времени, Наливайко исполнилъ свою угрозу. Соединившись съ Лободою, онъ двинулся въ Молдавію. Въ этомъ походѣ козаковъ было до 12 тысячъ. Было у нихъ 40 хоругвей и на двухъ изъ нихъ орлы цесарскіе; предводительствовалъ Лобода, а Наливайко былъ помощникомъ. Козаки перешли Днѣстръ подъ Сорокой и сожгли Цецору. Ааронъ, разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, бѣжалъ въ Волощину, а козаки тогда перешли Прутъ и явились въ господарскую столицу Яссы. Тутъ они награбили много разнаго добра, затѣмъ сожгли самый городъ и множество окрестныхъ селъ и съ громадной добычей къ осени вернулись въ границы королевства ²⁾).

Это было въ октябрѣ 1594 года. Наливайко опять отправился въ Брацлаву. Лобода тоже должно быть расположился гдѣ нибудь неподалеку, потому что въ ноябрѣ того-же года они стояли вмѣстѣ въ г. Барѣ. Въ Брацлавѣ назначены были въ то время судебныя „роки“. Съѣхавшаяся шляхта, предупрежденная городовымъ писаремъ Байбузою, получившимъ отъ Наливайка угрожающее письмо, отложила суды и разѣхалась по домамъ. Городской урядъ припаялъ Наливайка и онъ поселился въ Брацлавѣ, требуя по прежнему *стаціи* отъ окрестныхъ дворянъ, т. е. содержанія для себя.

Между тѣмъ шляхта, опомнившись отъ страха, возмѣла намѣреніе продолжать суды. Пошли ободряющіе слухи, что козаковъ немного въ Брацлавѣ, что ихъ подъ Тегинью погибло до 1500 чело-вѣкъ, а теперь многіе разошлись по домамъ и что стало быть Наливайко напрасно только пугаетъ ихъ. Расхрабренная шляхта собралась опять ѣхать толпою въ Брацлавъ и съ дороги послала въ городъ пана Цурковскаго для объявленія козакамъ, что шляхта не желаетъ быть сочтена пособниками разбойниковъ и поэтому не только не будетъ больше давать *стаціи*, но напротивъ сама ѣдетъ громадою въ городъ для расправы съ козаками; войту-же и и мѣща-

¹⁾ Заклявскій, Зношени цѣсари..., стр. 23.

²⁾ Бѣльскій, стр. 225; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 327.

намъ грозила наказаніемъ за потворство бунтовщикамъ. Козаки задержали Цурковскаго въ городѣ и когда шляхта, подъѣхавъ къ окрестностямъ Брацлава, остановилась въ ожиданіи посла, вдругъ почью Наливайко съ козаками, въ сообществѣ со всѣмъ городскимъ урядомъ и мѣщанами, напалъ на шляхетскую стоянку, побилъ и поранилъ шляхтичей и ихъ слугъ, забралъ деньги, документы, все имущество шляхетское и благополучно вернулся въ городъ. Шляхта записала 17 октября протестъ въ урядѣ гродскомъ луцкомъ и обратилась съ жалобою къ королю ¹⁾). Король прислалъ отъ 1-го ноября универсалъ къ шляхтѣ, въ которомъ, упоминая о прежнихъ своевольяхъ брацлавскихъ мѣщанъ, за которыя они не разъ приговаривались къ наказанію еще покойнымъ Стефаномъ Баторіемъ, поручалъ шляхтѣ произвести слѣдствіе объ ихъ недавнихъ разбояхъ въ сообществѣ съ Наливайкомъ, и пашедши виновныхъ, покарать ихъ по закону, въ особенности „*thego Nalewaika*“ ²⁾)

Универсалъ этотъ не имѣлъ никакого дѣйствія, потому что уполномочивалъ шляхту сдѣлать то, что она и безъ того сдѣлала-бы, если-бы только имѣла средства; средствъ-же этихъ, въ видѣ напри-мѣръ вооруженной силы, универсалъ не давалъ.

Въ серединѣ ноября Наливайко двинулся далѣе внутрь страны, къ г. Бару, гдѣ былъ и Лобода съ Хлопицкимъ. Всѣ козацкіе отряды расположились вокругъ города, такъ что ни одинъ человекъ не могъ проникнуть ни туда, ни обратно, безъ вѣдома козацкихъ предводителей. Въ замкѣ шли у козаковъ совѣщанія, а кругомъ города, по ссламъ, происходились по обыкновенію грабежи и разбои. На окрестное населеніе, знакомое съ козацкими и жолнѣрскими постоями, напала паника: жители разбѣгались, паны отправляли свои семейства въ болѣе безопасныя мѣста, а сами собирали слугъ вокругъ себя, чтобы только избавиться отъ смерти. „Прошу вашу милость научить меня, что дѣлать; простой совѣтъ не окажетъ намъ помощи, потому, что мы не имѣемъ силъ для отраженія опасности“, писалъ къ коронному гетману Яковъ Претвичъ, староста Тербовельскій, одинъ изъ близкихъ къ Бару владѣльцевъ ³⁾). Князь Острож-

¹⁾ Архивъ, стр. 66—68.

²⁾ Кулишъ, Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, т. I, стр. 20—21.

³⁾ Listy Żółkewskiego, стр. 59—60.

скій, слыша о приближеніи къ его владѣніямъ козаковъ, выслалъ па развѣдки въ Меджибожь слугу, который-бы слѣдилъ за ихъ движеніями. Хотя князь былъ въ личной перепискѣ съ Лободой, которую снисходительно поддерживалъ изъ боязни повторенія дѣла Косинскаго, и хотя Лобода, заискивая у Острожскаго, гарантировала безопасность его владѣній, тѣмъ не менѣе, когда разнесся слухъ о выступленіи козаковъ изъ Бара, Острожскій, въ письмѣ къ зятю, князю Радзивилу, выражаетъ желаніе, что-бы козаки уходили подальше отъ него: „пусть направляются куда угодно, лишь-бы Господь насъ отъ нихъ сохранилъ“¹⁾.

Въ Барѣ козаки стояли до конца 1594 года и распускали слухи, что будто-бы опять намѣрены двинуться въ Волощину²⁾; на самомъ-же дѣлѣ, въ началѣ слѣдующаго года они направились частію къ Винницѣ, частію къ Брацлаву,—„поближе къ Днѣпру“, какъ думалъ Острожскій.

Во время этого движенія Лобода взялъ у нѣкоей шляхтянки Оборской близкую родственницу ея и насильно заставилъ ее обвѣнчаться съ нимъ.

Козаковъ въ это время было до 12 тысячъ. Король въ отвѣтъ на многочисленныя жалобы на козацкія своеволія отправилъ за ними 2 тысячи войска. Острожскій выражалъ сомнѣніе въ письмѣ къ зятю, чтобы эта горсть могла что нибудь сдѣлать козакамъ, которымъ не въ состояніи были противостоятъ даже господаи молдавскій и волошскій³⁾. Что дѣлали эти 2 тысячи, неизвѣстно. Вѣроятно, согласно предположенію Острожскаго, они не осмѣлились вступитъ съ козаками въ дѣло.

¹⁾ Письма князя Острожскаго—въ приложеніи ко 2 т. „Исторіи возсоед. Руся“ Кулиша, стр. 431.

²⁾ Костомаровъ (Моногр. т. 3, стр. 259), рассказывая объ этомъ, говорить, что о козакахъ одни говорили, будто-бы они идутъ къ Волохамъ, другіе—что къ Черкесамъ; надо къ Черкасамъ, а не къ Черкесамъ (въ письмѣ князя Острожскаго, откуда взялъ Костомаровъ это извѣстіе, говорится: *ku Szerkasom*, если только тутъ не поставилъ а по догадкамъ самъ издатель писемъ, г. Кулишъ). Далѣе у Костомарова приводится небывалый, кажется, фактъ, что козаки въ это время пограбили Волощину. Изъ писемъ Острожскаго ясно видно, что козаки только пускали слухъ, что идутъ въ Волощину, на самомъ-же дѣлѣ не пошли, а изъ Бара одни направились къ Брацлаву, другіе къ Винницѣ.

³⁾ Кулишъ, т. 2, стр. 431 и 443.

Коронный гетманъ съ войскомъ, какъ было выше сказано, стоялъ лѣтомъ 1594 года, во время попытки Язловецкаго, на границѣ съ Венгріей, ожидая татаръ, которые должны были возвращаться домой черезъ польскія владѣнія. Простоявъ тамъ съ собравшимися около него панами до конца 1594 года, Замойскій получилъ извѣстіе, что татары прошли изъ Венгріи прямо черезъ Волощину, миновавъ польскія земли; поэтому въ январѣ 1595 года онъ уѣхалъ на сеймъ, а собравшіеся съ войскомъ паны разошлись ¹⁾). На сеймъ въ началѣ 1595 года явились послы отъ цесаря, отъ папы, изъ Семиградіи и обоихъ румынскихъ княжествъ съ предложеніемъ союза противъ турокъ. Замойскій, зная по опыту, какъ трудно вести войну съ турками небольшими силами, противодѣйствовалъ заключенію союза, если къ нему не будутъ привлечены король испанскій и всѣ германскія государства. Шляхта, боясь новыхъ налоговъ, поддержала Замойскаго, и союзъ не состоялся, тѣмъ болѣе, что цесарь не могъ склонить къ нему испанскаго короля, занятаго въ это время войной съ Франціей ²⁾). Союзъ не состоялся, но княжества румынскія, вмѣстѣ съ Семиградіей, отпали отъ турокъ и, слѣдовательно, должна была начаться война, во время которой могли пострадать отъ татаръ пограничья Рѣчи Посполитой. Поэтому Замойскій съ войскомъ долженъ былъ двинуться на границу съ Молдавіей, къ Днѣстру. Онъ оповѣстилъ козаковъ, что теперь настало время заслужить прощеніе короля за прежнія преступленія и приглашалъ ихъ на помощь къ своему войску. Козаки сначала не хотѣли и требовали платы за участіе въ походѣ, но потомъ согласились; согласилась однако только часть ихъ, бывшая подъ предводительствомъ Лободы.

Изъ предыдущаго разсказа видно, что Лобода начальствовалъ надъ запорожцами, а Наливайко надъ вольницею, состоявшею изъ разнаго народа. Это подтверждаютъ и современные авторы. Гейденштейнъ на примѣръ прямо говоритъ (т. 2, стр. 363): „Лобода начальствовалъ надъ старыми, чистой расы, низовцами; Наливайко

¹⁾ Гейденштейнъ, т. 2, стр. 328. У Костомарова почему-то сказано, что Замойскій вернулся въ концѣ декабря 1594 года. Гейденштейнъ, какъ секретарь Замойскаго, долженъ былъ знать о возвращеніи своего принцепала, кажется, въ точности.

²⁾ Бѣльскій, стр. 227—228; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 329—340.

имѣлъ подь собой самихъ преступниковъ и бѣглыхъ, людей жестокихъ, но отважныхъ“. Хотя Наливайко и помирился съ запорожцами и дѣлалъ вмѣстѣ съ ними набѣги, но или запорожцы не хотѣли, составляя нѣкоторымъ образомъ извѣстное войско, смѣшиваться со сбродомъ Наливайка, или поссорились сами предводители, потому что Наливайко, какъ видно, былъ честолюбивъ, а ему не давали первой роли ¹⁾),—только въ февралѣ 1595 г. козацкое войско раздѣлилось: низовцы, подь предводительствомъ Лободы, слѣдуя призыву, Замойскаго, двинулись 21 февраля изъ Брацлава на помощь коронному войску, а Наливайко со своими козаками расположился въ Острополѣ, по сосѣдству съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ. Князя въ это время не было на Волыни; онъ былъ въ своемъ полѣсскомъ имѣніи Туровѣ и оттуда въ письмѣ къ Радзивилу выражалъ опасенія на счетъ безопасности своихъ маестностей въ виду присутствія козаковъ: „панъ Лобода, писалъ Острожскій, желая пріязни со мной, велъ себя спокойно относительно меня и моихъ подданныхъ, а этотъ „Jotr“ Наливайко, оставши отъ другихъ, въ числѣ 1000 человекъ гостить теперь въ маестности моей Острополѣ... Другаго Косинскаго насылаеть на меня Господь Богъ!...“ ²⁾).

Опасенія Острожскаго однако не оправдались: „погостивъ“ въ Острополѣ, Наливайко съ своими козаками отправился черезъ Семиградію въ Венгрію на службу къ Эрцгерцогу Максимилиану. Но здѣсь онъ былъ не долго и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ огромной добычей, вернулся черезъ Самборъ на родину ³⁾). Объ этой своей заграничной службѣ самъ Наливайко писалъ къ королю слѣдующее: „не имѣя дома дѣла, а праздно жить не привыкши, мы, по письму нъ намъ христіанскаго цесаря, пустились въ цесарскую землю, гдѣ не за деньги, а по собственной охотѣ своей рыцарской, прослужили не мало времени; но узнавъ, что семиградскій воевода заводилъ козни противъ гетмана, не захотѣли мы оставаться болѣе въ той землѣ и не посмотрѣли ни на какіе подарки“. Иностраные-же хроникеры передають, что козаки просто оказались нестер-

¹⁾ Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363.

²⁾ Приложение ко 2 т. „Исторія возсоединенія Руси“ Кулиша, стр. 345.

³⁾ Гейденшт. т. 2, стр. 463.

пимыми грабителями и потому нѣмцы постарались скорѣе препроводить ихъ въ Польшу ¹⁾).

Вернувшись изъ Венгріи, Наливайко явился опять на Волини и первый-же городъ, лежавшій на дорогѣ—Луцкъ, подвергъ опустошенію. Козаки явились туда во время ярмарки и такъ разграбили, что король, по просьбѣ пострадавшихъ, особымъ листомъ приказалъ луцкому „поборцѣ“ Николаю Семашку не взыскивать съ нихъ чоповаго, впредь до дальнѣйшей королевской инструкціи ²⁾).

Изъ Луцка Наливайко направился въ Бѣлоруссію; онъ напалъ на городъ Слуцкъ, бывшій во владѣніи Іеронима Хоткевича, каштеляна виленскаго. Городъ съ замкомъ былъ взятъ и поступилъ въ распоряженіе козаковъ; но тутъ Наливайко услышалъ, что на него готовится войско гетманъ литовскій и потому не остался въ Слуцкѣ, а взявъ изъ замка 12 самыхъ лучшихъ пушекъ, 80 гаковницъ и 700 ружницъ, да съ жителей окупъ 5000 копѣ литовскихъ, поспѣшили убраться оттуда и пошелъ далѣе въ Бѣлоруссію, къ Могилеву ³⁾).

Здѣсь замокъ былъ довольно надежный, такъ что жители заперлись и начали было защищаться. Козаки осадили городъ и 30 ноября взяли штурмомъ. Обозленные сопротивленіемъ, они творили страшныя жестокости. „Мѣсто славное Могилевъ, говоритъ лѣтописецъ, мѣсто побожное, дома, крамы, острогъ выжгли; всехъ яко 500, а крамовъ зъ великими скарбами 400. Мещанъ, бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и жонъ, детей малыхъ побили, порубали, попоганили; скарбовъ тежъ незличоныхъ побралаи съ крамовъ и зъ домовъ“ ⁴⁾). Такъ неистовствовали козаки впродолженіе двухъ недѣль. Наконецъ къ Могилеву подошло литовское войско, подъ начальствомъ Криштофа Радзивила, воеводы виленскаго, гетмана литовскаго. Съ нимъ было войско литовскихъ пановъ, всего числомъ до

¹⁾ Кулишъ, т. 2, стр. 81.

²⁾ Чоповое—питейный сборъ. О нападеніи на Луцкъ см. Бѣльск., стр. 253; Гейденшт. т. 2, стр. 363; Арх. юго-зап. Русп, стр. 69.

³⁾ Бѣльскій, стр. 253—254.

⁴⁾ Кулишъ. Матер. для истор. возсоед. Руси т. I, стр. 64—65. Здѣсь напечатана рукопись, хранящаяся въ московской синодальной библиотекѣ подъ № 790, съ печатнымъ заглавіемъ на корешкѣ: „Лѣтописецъ вкратцѣ“ и названная г. Кулишомъ *Боркулабовской хроникой*, по мѣсту составленія—г. Боркулабову.

14 тысячъ, да татаръ 4 тысячи. Козаки заперлись въ разоренномъ Могилевѣ, но не могли долго усидѣть. Мѣщане, чтобы избавиться отъ нихъ какимъ-бы то ни было образомъ, зажгли замокъ и козаки принуждены были защищаться инымъ способомъ. Они вышли на сосѣдную гору, Илинскую, и укрѣпились. Тутъ ихъ окружила литва съ татарами, расположившись на полѣ Буйницкомъ, имѣнии князя Богдана Соломерецкаго, кричевскаго и олучицкаго старосты. Сраженіе продолжалось цѣлый день, но литовское войско не могло причинить вреда козакамъ, потому что у нихъ было много пушекъ, гаковницъ, полгаковъ и иного оружія; кромѣ того позиція ихъ была очень выгодна для защиты. Потомъ козаки, спустившись съ горы, начали уходить такъ стройно, что войско литовское и тутъ не могло имъ повредить.

Козаковъ, уходившихъ таборомъ, литовцы преслѣдовали до Рогачева, затѣмъ вернулись въ Могилевъ и разграбили до тла все, что только могло остаться отъ пожара и козаковъ. Далѣе „литва и татары рушились до Менска, до Новгорода и до Вильны, набравшись тутешнего краю лупу“¹⁾. Изъ Рогачева Наливайко въ концѣ января 1596 г. возвратился на Волинь²⁾.

Между тѣмъ Лобода съ запорожцами отправился было на помощь къ коронному гетману. Объ этомъ его походѣ никакихъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. Последнее напечатанное письмо Лободы къ Острожскому относится къ 23 февраля 1595 года и писано имъ по выступленіи изъ Брацлава, съ дороги³⁾. Послѣ этого до 11 января слѣдующаго года, когда Лобода находился въ Овручѣ и оттуда писалъ къ Замойскому⁴⁾, нѣтъ никакихъ документовъ. Что касается цитруемыхъ нами авторовъ, то они говорятъ объ этомъ очень неопредѣленно. Вотъ что можно извлечь изъ нихъ.

Пока Замойскій дошелъ до молдавской границы, дѣла этого княжества сложились такъ, что потребовалось вмѣшательство поляковъ. У господаря Аарона была наемная венгерская дружина, начальникомъ которой былъ нѣкій Розванъ. Онъ измѣннически

1) Кулишъ. Матер. т. 1, стр. 65, изъ Боркулаб. хроника.

2) Гейденшт. т. 2, стр. 363.

3) Прилож. къ 2 т. „Ист. возсоед. Руся“ Кулиша, стр. 435.

4) Listy Żółk., стр. 65.

схватилъ господаря и съ семействомъ отправился къ семиградскому князю Сигизмунду Баторію, а самъ на правахъ его намѣстника сталъ управлять Молдавіей. Но тамошніе бояре были недовольны имъ и обратились къ Замоискому съ просьбой поставить имъ господаря отъ имени короля польскаго и защитить ихъ отъ турокъ. Исполняя просьбу, гетманъ вошелъ въ Молдавію, поставилъ на господарство Іеремію Могилу и расположился затѣмъ у Цецоры, близъ Днѣстра, въ ожиданіи татаръ. У Замоискаго было всего до семи тысячъ войска, потому-то онъ и обратился къ козакамъ. Лобода потянулъ къ нему, какъ выше сказано, но предпринялъ этотъ походъ единственно съ цѣлью пограбить. Дѣйствительно, козаки подошли къ Тегини и разсыпались опустошать окрестности. Тогда гетманъ, видя, что отъ нихъ больше вреда, чѣмъ пользы, объявилъ, что если они не уйдутъ и не будутъ сидѣть спокойно, то онъ будетъ поступать съ ними, какъ съ непріятелемъ. Послѣ этого Лобода вернулся въ украинныя воеводства, гдѣ и застаемъ его въ началѣ 1596 г. Замоискій-же, благодаря счастливому случаю, отвратилъ отъ Молдавіи грозу со стороны турокъ и заключилъ съ ними выгодный для Польши миръ, по которому Могила былъ признанъ господаремъ, въ вассальной зависимости отъ Польши. Затѣмъ Замоискій уѣхалъ зимою въ Польшу, оставивъ одну часть войска Могилѣ, другую-же двинулъ подъ начальствомъ польнаго гетмана Жолкевскаго на Украину, гдѣ въ началѣ 1596 года уже завязалась „трагедія“ съ козаками¹⁾.

III.

Подготовка уніи и отношеніе къ ней дѣйствию Наливайка на Волыни.—Братья Наливайка въ маестностяхъ епископа Кирилла Терлецкаго и пана Семашка.—Войско Лободы въ еіевскомъ воеводствѣ и прикрывавшіеся именемъ этого войска.—Савула.—Предписаніе короля Жолкевскому и универсалъ къ шляхтѣ противъ козаковъ.—Движеніе Наливайка изъ Волыни къ Брацлаву.—Брацлавщина.—Преслѣдованіе Жолкевскимъ Наливайка до „днѣкихъ полей“.—Сношенія Наливайка съ Жолкевскимъ и Лободою, и Лободы съ Жолкевскимъ.—Возвращеніе Савулы въ Кіевъ изъ Бѣлой Руси и соединеніе съ Лободою.—Сасько и Рожинскій.—Соединеніе всѣхъ козацкихъ отрядовъ у Бѣлой Церевы.—Сраженіе при Бѣлой Церкви и въ урочищѣ Острый Камень.—Переходъ козаковъ на лѣвую сторону Днѣпра.—Несчастье съ полкомъ Кремискаго въ Каневѣ.

Возвратившись изъ Бѣлой Руси на Волынь, Наливайко расположился опять въ имѣніяхъ кн. Острожскаго. Но на этотъ разъ

¹⁾ Вѣльскій, стр. 235—251, 253; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 344—359.

князь не протестуетъ противъ присутствія такого „гостя“, потому что оно даже было ему на руку.

Какъ извѣстно, 1595-й и половина 1596 года были временемъ подготовки къ официальному объявленію уніи, состоявшемуся на соборѣ въ Брестѣ осенью 1596 года. Епископы Кирилль Терлецкій и Ипатій Потій уѣхали въ Римъ въ 1595 году и въ началѣ слѣдующаго еще не возвратились. Князь Константинъ Константиновичъ сталъ на сторону угрожаемаго православія. Какіе мотивы побуждали его явиться ярымъ противникомъ уніи, здѣсь не мѣсто обсуждать. Для насъ остается только фактъ, что князь Острожскій пользовался всѣми средствами, какія только были у него подъ руками, чтобы уничтожить, или по крайней мѣрѣ затормозить предпріятіе сторонниковъ уніи. Зная непріязнь князя къ дѣятелямъ уніи, Наливайко и его вольница не замедлили воспользоваться ею въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Сейчасъ-же пайки свосвольныхъ людей обратились на имѣнія лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу уніи, и подвергли ихъ полному опустошенію, пользуясь не только безнаказанностью, но даже покровительствомъ урядниковъ владѣній Острожскаго. Нельзя обвинять князя Острожскаго въ прямомъ подстрекательствѣ козаковъ къ грабежамъ, да это было-бы и излишне. Наливайко былъ слишкомъ тонкій человекъ и съ слишкомъ большимъ чутьемъ къ безнаказанной поживѣ для того, чтобы нуждаться въ подстрекательствѣ, когда обстоятельства указываютъ дорогу. Но что князь зналъ о насиліяхъ и не давалъ управы по жалобамъ потерпѣвшихъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, потворствовалъ расправѣ козаковъ, объ этомъ прямо говорятъ акты¹⁾. Нельзя въ этомъ случаѣ смотрѣть на письмо Острожскаго къ зятю²⁾, въ которомъ онъ отрицаетъ свое участіе въ подстрекательствѣ Наливайка, какъ на документъ, оправдывающій князя съ внутренней, а не съ формальной стороны. Письмо это не было откровеннымъ признаніемъ близкому человеку въ интимной перепискѣ. Оно было рассчитано на многочисленную вліятельную публику, съ которой зять будетъ говорить о тестѣ. Интересно кромѣ того участіе въ наѣздахъ козацкихъ брата Наливайка, острожскаго священника Дамьяна. Ни до, ни послѣ этихъ именно

¹⁾ Арх. юго-зап. Руси, ч. III, т. 1, стр. 76, 99, 135, 137.

²⁾ Прилож. ко 2 т. Кулиша, стр. 438.

наѣздовъ, онъ не состоялъ въ вольницѣ брата; слѣдовательно участвовалъ въ ея поискахъ не въ силу присущей тогда всякому ненависти къ панамъ-притѣснителямъ; очевидно, имъ руководили религиозныя побужденія, а вмѣстѣ и желаніе подслужиться князю, или расчетъ на его покровительство. Такъ или иначе, только Острожскій не называлъ уже Наливайка вторымъ Косинскимъ. Наливайко выѣзжалъ на грабежи изъ княжескихъ имѣній ¹⁾ и возвращался туда-же; а княжескіе урядники не преслѣдовали его судомъ по жалобамъ потерпѣвшихъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Наливайко, съ братомъ Дамьяномъ, сдѣлалъ набѣгъ на владѣнія Яроша Терлецкаго, брата уѣхавшаго въ Римъ епископа Кирилла. Къ нимъ пристали люди, лично не расположенные къ Терлецкимъ: сосѣдь по имѣнію Павелъ Кмита, слуга епископа Флоріанъ Гедройтъ и другіе; они показывали дорогу въ села, принадлежавшія Терлецкому. Сначала ограбили имѣнье Дубую, потомъ Отовчичи. Дворы „зобрали, злупили и сплондровали; врядника, слуги, челядь побили, поранили; злото, сребро, права, привили, листы важныя, мамрамы на долги и иншія на маестности и справы пилныя, кони ездные и вшелякое забране, отъ мала до велика, побрали и полупили и съ тымъ укываючися по некоторыхъ домохъ шляхетскихъ, уѣхали до мѣста княжати его милости, пана воеводы киевского, Степана“ ²⁾.

Затѣмъ досталось и маестностямъ самого епископа. „Часу отеханя до Рыму, черезъ непріятелей внутрнихъ и сваволенство козацкое людей злыхъ, маестность его милости въ краю Пинскомъ вся забрана, злуплена и розпрошена“. Въ самомъ Пинскѣ, у нѣкогого мѣщанина Григорія Крупы хранились „мамрамы“ епископскія, ризница его и всѣ „коштовныя обряды и аппараты епископскія“, отданные этому мѣщанину на храненіе въ отсутствіе епископа. Наливайко, вѣроятно по указанію людей, прежде близкихъ къ Терлецкому, напалъ на домъ Крупы и забралъ всѣ имущества, принадле-

¹⁾ Почему-то Костомаровъ (Мон. т. 3, стр. 265—266) наѣзды Наливайка съ братомъ и съ Гедройтомъ на имѣнія братьевъ Терлецкихъ относить къ возвращенію Наливайка изъ Вѣлоруссіи: ограбили де-скаль по дорогѣ. Акты (Арх., стр. 78) прямо говорятъ, что выѣзжали они изъ имѣній кн. Острожскаго.

²⁾ Архивъ юго-зап. Русп, стр. 77.

жавшія епископу ¹⁾). Впослѣдствіи, когда слуги Терлецкаго, шляхтичи Олизаровскій и Гротъ, явились въ Острогъ и на основаніи королевскаго листа требовали у тамошняго княжескаго старосты Ждана Боровицкаго выдачи епископскаго слуги Гедройта, то Боровицкій, по словамъ Олизаровскаго, ихъ „до двора своего, яко-бы якихъ лотровъ привелъ и разобравши зъ оденя, постронками бити хотѣлъ“, потомъ „до турмъ местскихъ розно посажалъ, и въ ней за сторожью день и ночь голодомъ морячи, у везеню держалъ“ и затѣмъ, какъ преступниковъ, отослалъ въ гродскій судъ, въ Кременецъ ²⁾).

Кромѣ Терлецкихъ, наѣзды направлялись на владѣнія другаго дѣятеля уни въ томъ краѣ, пана Александра Семашка, старосты луцкаго, каштеляна брацлавскаго. Въ этихъ наѣздахъ попу Наливайку помогали уже другія лица, тоже вѣроятно личные враги Семашка. Тутъ фигурируетъ даже князь Петръ Вороницкій, собравшій сотню и грабившій съ нею самостоятельно. 17 февраля попъ Дамьянъ Наливайко, князь Петръ Вороницкій и шляхтичъ Гулевичъ напали съ отрядомъ вооруженныхъ людей сначала на мѣстечко Тучинъ, потомъ на село Коростятинъ, маестности Семашка, и произвели страшное опустошеніе: ограбили имущества, какъ господскія, такъ и крестьянскія, насильовали женщинъ, крестьянамъ отрѣзывали уши и мучили другими способами. Приведемъ здѣсь нѣсколько небольшихъ выдержекъ изъ реестра убытковъ, причиненныхъ въ Тучинѣ и Коростятинѣ, исчисляющаго просто, безъ всякихъ иллюстрацій, „шкody“, причиненныя „людьми свовольными“; онѣ дадутъ понятіе о безобразіяхъ, творившихся въ этихъ мѣстахъ шайками Наливайка. Исчисляя имущества, забранныя у крестьянъ, реестръ говоритъ напримѣръ: „у Рубина взяли ермякъ синій, люнскій, взяли софѣру и гусевъ семь, и вепра, и лезиво ременное, и пенязей сто грошей литовскихъ, бчолы двое выдрано, и самого збили, и косы две, и шлякъ узалы, и три разы его мучили, стрелами руки кололи“; „у Гуменника клячу взяли, и ухо урезали, и копенякъ узято“; „Деревяци клячу взели, шапокъ две, ложникъ новій, сермягу, невесткамъ двомъ кгвалтъ учинили. Савостьянови

¹⁾ Архивъ, стр. 133.

²⁾ Ibidem, стр. 137.

коня взяли и кожухъ, и жонѣ его квалтъ учинено. Боскови жонѣ его квалтъ учинено“; „у Парфена седло зъ войлокомъ, кошуль две, и сынови его уха урѣзано, и збито и змордовано самого, и на дорозе его покинули...“ и проч. Въ господскихъ дворахъ брали больше и лошадей хорошихъ породъ, „меды и ишые напое“, но конечно не пропускали и прочихъ вещей. Все награбленное имущество Вороницкій и Гулевичъ увозили въ свои маестности, а пощъ Наливайко въ Острогъ, гдѣ пользовался защитой мѣстнаго уряда ¹⁾. Такъ когда въ Острогъ явился возный съ шляхтой-понятыми, чтобы отобрать лошадей, взятыхъ Дамьяномъ въ Коростятинѣ, то этотъ послѣдній съ угрозами прогналъ его. „Кгды есми хотель, говорить возный, тые вси кони личковати, тогды тотъ пощъ Острозскій, братъ Наливайковъ, самъ мне около губы почалъ кивати и до кия порвался“. Возный обратился къ содѣйствию старосты Боровицкаго, но онъ, вмѣсто помощи, отвѣчалъ возному: „ражу вамъ, уездчайте оттоль прочъ, бо всѣ погнпете!“ и мы, говорить возный, „мусели ночью прочъ уездчати“ ²⁾).

Приведенные случаи грабежей и насилій, можно думать, были не единственными. Къ Наливайку приставало множество слугъ, хлоповъ, и вся эта вольница должна-же была гдѣ нибудь помѣщаться и кормиться. Они мелкими шайбами, въ родѣ сотни князя Вороницкаго, разсыпались по селамъ и мѣстечкамъ и вездѣ чинили насилія; подобныя только что описаннымъ.

Въ то-же самое время, въ январѣ и февралѣ 1596 года, войско поступало такимъ-же образомъ въ кievскомъ воеводствѣ. Собственно козаки, бывшіе въ войскѣ, вели себя теперь нисколько не хуже и не своевольнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было въ другое время. Они собирали только *стацію*, съ тѣми-же обычными приѣмами, какіе употреблялись въ этихъ случаяхъ всегда и ими, и жолнѣрами. Характерно очень письмо Лободы къ коронному гетману отъ 11 января 1596 г., въ которомъ онъ выражаетъ свой взглядъ на это дѣло. „Ваша милость пишешъ къ намъ и приказываешъ, писалъ Лобода, не входить въ границы великаго княжества литовскаго, къ Мозыру, и товарищей не пускаты; не требуешъ отъ насъ

¹⁾ Архивъ, стр. 86—98.

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 99.

услугъ великому князеству литовскому и всей Рѣчи Посполитой, указывая на миръ со всѣхъ сторонъ, со всѣми непріятелями короны польской. За это да будетъ хвала Господу Богу, за такой миръ люду христіанскому, что онъ смягчилъ сердце каждому непріятелю креста святаго. Но мы, если пришли въ этотъ край, то причина этого для всякаго очевидна:... въ это зимнее непогодное время, когда насъ никуда не требуешь на услугу, Богъ знаетъ, куда намъ направиться; поэтому покорно и униженно просимъ, благоволи не заборонять намъ *хлѣба-соли*“¹⁾... Эту хлѣбъ-соль козаки добывали обычнымъ способомъ, дѣлая наѣзды на сосѣднія села и забирая насилъно все, что только попадалось подъ руку годнаго. Но къ войску очень много пристало сброду, для котораго грабежъ былъ ремесломъ, и много крестьянъ, ушедшихъ отъ панскаго гнета и потому готовыхъ мстить своимъ угнетателямъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Наконецъ именовъ и силою войска Лободы прикрывались авантюристы изъ шляхты, составлявшіе отряды съ цѣлью грабежа, или тѣ изъ дворянъ, которые хотѣли воспользоваться случаемъ для мести своимъ личнымъ врагамъ. Акты приводятъ примѣры такихъ людей, злоупотреблявшихъ именовъ Лободы и козаковъ. Такъ на примѣръ шляхтичъ Андрей Ганскій подговаривалъ другаго шляхтича, Остафія Слуцкаго, чтобы онъ назвался сотникомъ войска гетмана Лободы. Самъ Ганскій назвался атаманомъ. Они собрали толпу и шли къ войску Лободы просить у него на подмогу людей, чтобы вмѣстѣ съ ними сдѣлать наѣздъ на одного шляхтича кіевской земли, которому хотѣли отомстить „за ниякое побране почту своего“. Но по дорогѣ напали на село Коростятинъ, маетность Семашка. Здѣсь имъ однако не посчастливилось: сотникъ Остафій Слуцкій былъ убитъ, а Ганскій съ товарищами попалъ въ плѣнъ и былъ впоследствии казненъ по приговору луцкаго гродскаго суда²⁾. Другой примѣръ: подданные замка Межиричъ и окрестныхъ сель, гдѣ старостою былъ Янъ Скотницкій, собрались подъ начальствомъ мѣщанина Гуменицкаго и называя себя сотнею гетмана Лободы, напали на замокъ Хунковъ, все того-же Семашка, и на его-же села и „чинили квалты

¹⁾ Listy Żółk., стр. 65.

²⁾ Архивъ, стр. 106—129.

белымъ головамъ (т. е. женщинамъ), бон, морды (истязанія) людямъ невиннымъ“, угнали множество лошадей и рогатаго скота. Когда-же возный явился въ замокъ Межиричи и, увидѣвъ тамъ весь награбленный скотъ, хотѣлъ „личковать“ его, то былъ избитъ и выгнанъ урядникомъ и евреемъ-арендаторомъ¹⁾.

Въ то время, какъ это происходило на Волыни и въ Подоліи, часть козаковъ, подъ начальствомъ Савулы, сдѣлала экскурсію въ Литву и Бѣлую Русь, по примѣру Наливайка²⁾. Объ этой экскурсіи нѣтъ подробностей, но по всей вѣроятности тамъ повторялось то-же, что и на Волыни. Козаки ушли туда должно быть потому, что тамъ „хлѣбъ-соль“ была непочата.

Сумма безпорядковъ, творившихся Наливайкомъ, Лободою и Савулою, вызвала наконецъ серьезное опасеніе со стороны правительства. Король предписалъ польному гетману Станиславу Жолкевскому двинуться съ войскомъ изъ Молдавіи на усмиреніе украинскихъ воеводствъ. Въ то-же время онъ издалъ универсалъ къ шляхтѣ этихъ воеводствъ, приглашая ее соединиться съ войскомъ гетмана и совокупными силами идти на козаковъ. „Тотъ-же запаль, писалъ король, уже праве до упреимости и верностей вашихъ доходить, которому кгда-бы ся не забежало, тожь-бы ся, чога не зычимо, маетностямъ, деткамъ, жонамъ и самымъ-же упреимостямъ и верностямъ вашимъ одъ тыхъ свовольныхъ людей деяло, што ся по тые часы вашой брати другой, звлаща при Украйне, стало“³⁾. Листъ королевскій Жолкевскій получилъ въ февратѣ 1596 года. Не медля ни минуты, онъ двинулся къ Кременцу. У гетмана было очень немного войска, да и то истомленное молдавскимъ походомъ и давно не получавшее жалованья. Жолнѣры съ неохотой повиновались распоряженіямъ своихъ начальниковъ. Съ такими силами Жолкевскій не отваживался предпринимать что-нибудь рѣшительное и, разославъ письма къ воеводамъ волынскому и кievскому и другимъ лицамъ, ждалъ вспомогательныхъ отрядовъ и осаждалъ Замойскаго письмами о жалованьи жолнѣрамъ⁴⁾.

¹⁾ Архивъ, стр. 101.

²⁾ Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363.

³⁾ Архивъ, стр. 84.

⁴⁾ Гейденштейнъ, т. 2, стр. 363—364; Listy Żółkiewskiego, стр. 67—68.

Услышавъ о приготовленіяхъ польнаго гетмана, Наливайко двинулся изъ Волыни въ брацлавское воеводство, но не очень спѣшилъ, говорить Гейденштейнъ, потому что зналъ, что хоругви сходятся къ гетману медленно, а безъ нихъ Жолкевскій не осмѣлится напасть на него. Онъ рассчитывалъ остановиться въ Лабунѣ¹⁾ и подождать здѣсь, пока соберутся всѣ купы, которыя разбрелись на поживу по сосѣднимъ селамъ и мѣстечкамъ, а затѣмъ идти къ Брацлаву, гдѣ населеніе было къ нему очень расположено.

Здѣсь не лишне замѣтить, что въ Брацлавщинѣ козачество находило столь-же благопріятную почву для своего развитія, какъ и въ Поднѣпровьѣ. Это обусловливалось географическимъ положеніемъ Брацлавщины: она, какъ пограничье, такъ-же часто имѣла дѣло съ татарами, какъ и другія, сосѣднія съ ними области. Населеніе Брацлавщины, не имѣя возможности оказачиться по разнымъ причинамъ, тѣмъ не менѣе всегда тяготѣло къ козакамъ. Достаточно припомнить пребываніе Наливайка въ Брацлавѣ въ 1594 году, когда въ насиліяхъ надъ шляхтою ему помогали не только мѣщане, но и самъ муниципалитетъ, чтобы видѣть, что козаки, или всякая вольница, называвшая себя такъ и поступавшая покозацки, были дорогими гостями въ Брацлавѣ.

Сюда-то и стремился Наливайко по старой памяти. Но расчеты его не удались. Жолкевскій, зная всю трудность расправы съ Наливайкомъ, если-бы онъ засѣлъ въ Брацлавѣ, рѣшилъ во чтобы то ни стало отрѣзать его отъ этого мѣста. Посему онъ, не ожидая подкрѣпленій, съ наличнымъ войскомъ двинулся къ Лабуню.

Это было въ концѣ феврала. Жолкевскій подошелъ къ Лабуню такъ неожиданно, что Наливайко и не подозрѣвалъ близости поляковъ. Вольница его не была въ сборѣ. Здѣсь, доносилъ потомъ Жолкевскій Замойскому, навѣрное-бы досталось козакамъ, если-бы ихъ не предупредилъ нѣкій Плоскій, бывший сначала съ своею ротою въ польскомъ войскѣ, но потомъ перешедшій къ козакамъ, когда его рота, въ числѣ другихъ была отпущена за недостаткомъ жалованья²⁾). Благодаря Плоскому, Наливайко ушелъ изъ Лабуня и направился къ Острополю. Войско его шло въ разбродъ, по разнымъ

¹⁾ Лабунъ—нынѣ мѣстечко заславскаго уѣзда, волынской губерніи.

²⁾ Listy Żółk., стр. 71.

деревнямъ. Жолкевскій двинулся за нимъ. Въ селѣ Мацеіовицахъ, между Лабунемъ и Острополемъ, передовой отрядъ польскаго войска 2 марта натѣнулся на двѣ сотни козаковъ, подъ начальствомъ сотниковъ Марка Дурнаго и Татаринца, числомъ до 500 человекъ. Не смотря на то, что козаки сильно подпили, выпивъ цѣлую бочку горилки у арендатора, они все таки стали бодро защищаться, такъ что поляки, не будучи въ состояніи съ ними справиться, „подкурили“ ихъ: зажгли село и козаки погибли въ пожарѣ и сраженіи ¹⁾.

Другой отрядъ встрѣтилъ козаковъ въ селѣ Чернавѣ; тутъ они стояли „на чатахъ“ и однако-же не замѣтили приближенія поляковъ; было ихъ три хоругви. Началось сраженіе. Поляки не могли причинить вреда козакамъ, заставили ихъ только отступить къ Острополю. Въ Острополѣ Наливайко не остановился, а прошелъ далѣе и направился къ Пикову. Жолкевскій, перепочевавъ въ селѣ Райкахъ, подъ самымъ Острополемъ, и не давъ отдохнуть жолѣбрамъ, пустился преслѣдовать козаковъ. Жолѣбры, не смотря на изнуреніе, очень усердно опустошали проходимыя села, забирали все, что оставалось отъ козаковъ, такъ что послѣ прохода ихъ ни въ одномъ селѣ нельзя было найти ни одной лошади ²⁾. Козаки шли къ Пикову день и ночь. Отдохнувъ въ Пиковѣ, они двинулись далѣе, прямо къ Брацлаву. Теперь уже они собрались и шли вмѣстѣ „sprawa wielka“, въ таборѣ имѣли до 20 пушекъ и много гаковницъ: къ каждой пушкѣ Наливайко приказалъ приковать пушкаря; пороху и ядеръ тоже у нихъ было достаточно. Жолкевскій съ войскомъ пришелъ въ Пиковъ всего нѣсколькими часами послѣ ухода оттуда козаковъ. Здѣсь онъ узналъ, что Наливайко двинулся къ Брацлаву и что изъ Пикова еще онъ отправилъ туда посланца съ письмомъ.

Надо было Жолкевскому или опередить козаковъ и занять Брацлавъ, или заставить ихъ какъ нибудь свернуть съ дороги. Гетманъ, оставивъ ненужные вozy и фургоны, затруднявшіе движеніе, бросился за козаками и нагналъ ихъ надъ р. Ольшанкой. По однимъ извѣстіямъ здѣсь произошло сраженіе, по другимъ—

¹⁾ Вѣльскій, сор. 262, Гейденштейнъ, т. 2, стр. 364; Письма князя Острожскаго—Кулпшъ, т. 2, стр. 437.

²⁾ Письмо Острожскаго. Кулпшъ, т. 2, стр. 438.

нѣтъ, потому что ночь помѣшала ¹⁾). Послѣ этого самъ Наливайко раздумалъ идти къ Брацлаву. Не получая оттуда отвѣта на свое письмо ²⁾, онъ опасался измѣны и потому повернулъ въ такъ называемыя дикія поля, которыя тогда начинались за р. Собомъ. Дойдя до Синихъ Водъ, онъ остановился, такъ какъ Жолкевскій здѣсь не могъ его преслѣдовать, — онъ не имѣлъ съ собою фургоновъ и запасовъ, а въ степи ихъ раздобыть было нельзя, — не было селъ, которыя можно было-бы грабить; кромѣ того въ польскомъ войскѣ захромало отъ быстрыхъ переходовъ множество лошадей ³⁾).

Стоя у Синихъ Водъ, Наливайко завелъ сношенія съ одной стороны съ Жолкевскимъ, съ другой—съ Лободою. До сихъ поръ войско Лободы не смѣшивалось съ вольницей Наливайка, съ того времени, какъ этотъ послѣдній отдѣлился отъ Лободы въ началѣ 1595 года и ушелъ въ Венгрію. Между предводителями того и другаго войска была, очевидно, неприязнь. Въ январѣ 1596 года Лобода въ письмѣ къ Жолкевскому заявляетъ, что съ Наливайкомъ онъ не имѣетъ ничего общаго. „Что касается того человѣка своевольнаго, Наливайка, который, забывши почти страхъ Божій и пренебрегая всѣмъ на свѣтѣ, собравши по своему замыслу людей своевольныхъ, чинилъ большіе убытки коронѣ польской, то мы объ немъ никогда не знали и знать не желаемъ“ ⁴⁾). Но теперь общая опасность заставила забыть неприязнь. Лобода, хотя и сносился въ январѣ 1595 года съ Жолкевскимъ и Замойскимъ, но дальнѣйшими обстоятельствами былъ поставленъ во враждебное отношеніе къ правительству. Безчинства и насилія, которыя творило его войско и всѣ, прикрывавшіеся его именемъ, возбуждали въ населеніи такія-же жалобы, какъ и вольница Наливайка. Кромѣ того можно предположить, что Лобода былъ раздраженъ Замойскимъ, который, по свидѣтельству современниковъ, вообще не терпѣлъ козаковъ и постоянно твердилъ о необходимости ихъ усмиренія, если не полнаго уничтоженія. Массы угнетенныхъ хлоповъ усиливали его войско

¹⁾ Бѣльскій, стр. 262; Гейденштейнъ, т. 2, стр. 365.

²⁾ Жители Брацлава отличо помнили, что войска Жолкевскаго нельзя сравнивать съ шляхтою, съѣхавшеюся на речки.

³⁾ Гейденшт., т. 2, стр. 365.

⁴⁾ Listy Żółk., стр. 65.

и онъ не могъ не видѣть, что если соединится съ Наливайкомъ и Савулой, который ожидался изъ Бѣлой Руси, то составитъ сила, съ которой въ пору было-бы помѣряться и большому, хорошо устроенному войску, не только хоругвямъ Жолкевскаго. Потому-то козаки и грозились, какъ говоритъ Рейденштейнъ, на короля и на городъ Краковъ.

Эти угрозы однако не были глухимъ подземнымъ гуломъ, предвѣстникомъ землетрясенія. Козаки не смотря на множество уроковъ, преподанныхъ имъ польскимъ правительствомъ, не научились еще не отдѣлять интересовъ угнетеннаго посольства отъ своихъ собственныхъ и, какъ кажется, готовы были при случаѣ, пожертвовать хлопами для своихъ собственныхъ цѣлей. На такую мысль наводятъ нѣкоторыя строки въ письмѣ Наливайка къ королю Сигизмунду¹⁾, дающія отчасти понять, какъ относился къ хлопамъ даже этотъ самозванный „гетманъ запорожскій“, у котораго въ шайкѣ хлопы составляли главную силу. „Наливайко предлагалъ королю, говоритъ Костомаровъ (Мон. т. 3, стр. 264—265), отвести козакамъ для поселенія пустыни между Бугомъ и Днѣстромъ, на шляху татарскомъ и турецкомъ, между Тегинею и Очаковымъ, на пространствѣ 20 миль отъ Брацлава, гдѣ отъ сотворенія міра никто не обиталъ; пусть козаки тамъ построятъ городъ и замокъ и живутъ себѣ; затѣмъ уже никому не должно, кромѣ реестровыхъ и запорожцевъ, называться козаками, а хлопамъ слѣдуетъ обрѣзывать за своеволие уши и носы“. Еще менѣе, кажется, обращалъ вниманіе на хлопскіе интересы Лобода, офиціальнй „старшій“ надъ войскомъ запорожскимъ. Упомянутыя выше угрозы козаковъ надо принимать въ томъ смыслѣ, что удалое рыцарство само можетъ навести переполохъ не только на какого-нибудь Семанка, въ его замкѣ Хупковѣ, но даже и на самаго короля въ Краковѣ. Полнаго единства между козаками и народомъ еще не видно, но почти уже была готова почва для настоящаго народнаго возстанія. Жолкевскій писалъ Замоискому: „вся Украина окозачилась, измѣнниковъ и шпіоновъ полно!“ (Listy, стр. 80); но того, что видѣлъ Жолкевскій, не видѣла сама Украина.

Изъ сѣверныхъ окраинъ кіевскаго воеводства Лобода перемкнулся на югъ, къ Бѣлой Церкви; отсюда онъ и заводитъ сноше-

¹⁾ Къ сожалѣнію у насъ не было подъ руками самаго письма.

ніа съ Наливайкомъ. Наливайко вѣроятно первый обратился къ Лободѣ, находясь въ стѣсненномъ положеніи. До Жолкевскаго доходили слухи, что въ войскѣ Наливайка были большія смуты; на него нарекали, что онъ плохую распорядительностью довелъ ихъ до того, что множество людей погибло даромъ, остальные-же лишились пропитанія и лошадей. Нѣсколько разъ даже жизнь Наливайка была въ опасности.

Прежде чѣмъ сноситься съ Лободой, Наливайко обратился къ брацлавскому старостѣ Струсию, прося у него ходатайства предъ гетманомъ, обѣщая распустить свое войско, если не будутъ взыскивать съ него за прежнее. Жолкевскій отвѣчалъ, что онъ обѣщаетъ ходатайствовать передъ королемъ о прощеніи Наливайка, если только онъ распустилъ свою шайку и выдастъ армату и хоругвь, пожалованную эрцгерцогомъ Максимилианомъ. Плохо вѣрилъ Наливайко обѣщаніямъ гетмана, а потому предпочелъ обратиться лучше къ запорожцамъ съ Лободою. „Правдоподобнѣе, что такой съ такимъ легче сойдется, чѣмъ отдастся на ласку его королевской милости“, писалъ Жолкевскій ¹⁾). Для отвращенія Лободы отъ соединенія съ Наливайкомъ, онъ отправилъ къ первому посланца съ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ ходатайствовать передъ королемъ, если козаки уйдутъ къ себѣ на Запорожье и будутъ сидѣть спокойно; въ письмѣ говорилось очень рѣзко о Наливайкѣ и его дружинѣ и давалось понятіе козакамъ, что гетманъ не смѣшиваетъ ихъ со сбродомъ Наливайка. Но посольство не имѣло успѣха. Если самъ Лобода и былъ склоненъ покориться, то этого не допустила чернь. „Чернь, пишетъ Жолкевскій, хотѣла убить посланца, говоря, что онъ пріѣхалъ шпионить. Лобода тоже, дѣлая видъ при черни, сердился на него и говорилъ: развѣ гетманъ не могъ къ намъ шляхтича какого нибудь прислать, а не тебя? какъ-бы говоря этимъ, прибавляетъ Жолкевскій, что я посылаю *Łotra* къ *Łotr'am*; а тотъ козачекъ, что я посылаю къ нимъ, дѣйствительно не взраченъ. Потомъ однако отпустилъ посланца и далъ ему червонный золотый, но отвѣта никакого на мой листъ не прислалъ“ ²⁾).

Результатомъ сношеній Лободы съ Наливайкомъ было то, что послѣдній подвинулся отъ Синихъ Водъ поближе къ войску Лободы,

¹⁾ Listy, стр. 71.

²⁾ Listy, стр. 72.

къ г. Корсуню. Ни пушекъ, ни пороху и ядеръ не было уже у Наливайка; онъ потопилъ ихъ въ водѣ, а порохъ закопалъ въ землю, когда уходилъ отъ Жолкевскаго. У Лободы тоже не было артиллеріи, потому что всю запорожскую армату забралъ съ собою Савула въ Бѣлую Русь. Теперь приходили къ Лободѣ вѣсти, что Савула находится въ Быховѣ и скоро будетъ въ Кіевѣ. Для соединенія съ нимъ двинулся въ Кіевъ и Лобода со своимъ отрядомъ. Это было въ половинѣ марта¹⁾. Савула дѣйствительно возвратился въ Кіевъ и выбранъ былъ гетманомъ²⁾ надъ соединенными отрядами.

Жолкевскій въ это время стоялъ сначала въ Винницѣ, потомъ передвинулся въ Пиковъ, гдѣ вѣроятно было болѣе удобствъ. Чтобы развѣдать о положеніи непріятеля и держать его въ постоянномъ страхѣ близостью короннаго войска, Жолкевскій отрядилъ съ 500 конницы князя Рожинскаго въ Павлочь, приказавъ ему вести себя какъ можно осмотрительнѣе, въ виду умѣнья козаковъ строить засады непріятелю. Рожинскій, человекъ горячій, не могъ удержаться отъ рискованныхъ предпріятій. Онъ жестоко поступалъ съ попадавшимися ему въ руки козаками и самъ искалъ случая подраться.

Узнавъ о движеніи Рожинскаго, Савула выслалъ изъ Кіева полковника Саська съ 3 тысячнымъ отрядомъ, чтобы онъ опусто-

1) Гейденштейнъ, т. 2, стр. 365—366; Listy, стр. 72.

2) Относительно слова *гетманъ*, прилагаемого въ описываемое время къ козацкимъ предводителямъ, надо замѣтить, что съ нимъ не соединялось представленіе о какой нибудь определенной должности; гетманомъ въ обыденной рѣчи называли всякаго предводителя самостоятельнаго войска, какой-бы величаны оно ни было, лишь-бы составляло отдѣльное цѣлое. Въ этомъ смыслѣ, „гетманомъ войска запорожскаго“ (въ то время уже вошло въ обыкновеніе называть всякихъ козаковъ войскомъ запорожскимъ) называетъ себя и Наливайко (Listy Żółkiewskiego, стр. 64) и Савула (ibid стр. 75) и Косинскій (Архивъ стр. 56). Авторъ Боркулабовской хроники тоже говоритъ: „надъ тымъ людомъ былъ *гетманомъ* на имя Николай Буйвидъ“ (а войско было приведено къ Моглеву княземъ Радзивиломъ). Въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово самъ Жолкевскій; онъ говоритъ: „kozaczy zagaz na miejsce Sauline (послѣ сраженія у Бѣлой Церкви) obrali sobie *Hethmanem* Nalewayka“ (Listy, стр. 80). Въ этомъ смыслѣ слово *гетманъ* встрѣчается и у авторовъ. Бѣльскій говоритъ: „или козаци къ Волохамъ (1594 г.); надъ нимъ гетманомъ былъ Лобода, а Наливайко „rogusznikiem“. Официальное имя начальника надъ реестровымъ было *старшій*. Но этимъ именемъ „старшіе“ подписываются только въ сношеніяхъ съ польскимъ начальствомъ, напримѣръ Лобода въ письмѣ къ Замоискому (Listy Żółkiewskiego, стр. 66).

шаль имѣнія Рожинскаго, лежавшія въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви, и, въ случаѣ возможности, напаль-бы и на самого Рожинскаго. Сасько остановился въ Хвастовѣ и послалъ оттуда нѣсколько человѣкъ на развѣдки. Они наткнулись на людей Рожинскаго и всѣ погибли. Рожинскій затѣмъ кинулся въ Хвастовъ, чтобы захватить тамъ Саську, но не засталъ его уже въ Хвастовѣ. Онъ ушелъ въ Кіевъ просить подкрѣпленія ¹⁾. Не желая возвращаться ни съ чѣмъ опять въ Павлочь, Рожинскій двинулся въ Бѣлую Церковь и расположился тамъ, потому что изъ Бѣлой Церкви удобнѣе было ему оборонять отъ козаковъ свои маетности.

Жолкевскій, услышавъ объ этомъ движеніи Рожинскаго, испугался, чтобы козаки не обратились на него всѣми силами. Онъ поспѣшно двинулся изъ Пикова, не давъ поправиться захромавшимъ лошадямъ и не ожидая шедшихъ къ нему на помощь новыхъ хоругвей. Опасенія Жолкевскаго сблизись. Изъ Кіева двинулись къ Бѣлой Церкви всѣ козаки; кромѣ того они уговорились тѣмъ временемъ окончательно и съ Наливайкомъ и призвали его къ себѣ изъ Корсуня, гдѣ онъ собиралъ свѣжее войско.

Для отвлеченія вниманія Жолкевскаго и Рожинскаго отъ приближающейся бѣды, Савула изъ Кіева черезъ ксендза отправилъ 27 марта письма къ тому и другому, жалуясь, что ни за что—ни про что обратился на нихъ, людей рыцарскихъ, гнѣвъ ихъ милостей;

¹⁾ Начиная съ движенія отряда Рожинскаго, до конца войны мы будемъ больше всего заимствовать изъ Гейденштейна, потому что его показанія почти въ точности подтверждаются письмами Жолкевскаго, что объясняется легко положеніемъ Гейденштейна, какъ секретаря Замойскаго, которому Жолкевскій доноситъ подробно о всемъ происходящемъ. Очень жаль, что письма Жолкевскаго за 1596 г. прерываются въ половинѣ апрѣля... Не надо однако забывать, что это свидѣтельство только одной стороны и что мы поэтому лишены возможности слѣдовать правилу: *audiatur et altera pars!* Нѣкоторые показанія Гейденштейна отлчаются явной пристрастностью. О движеніи Рожинскаго и о битвѣ въ Бѣлой Церкви и около нея—см. Вѣльскій стр. 263—264; Гейденштейнъ т. 2, стр. 366—370; *Listy Żolkiewskiego* стр. 75—81.

Костомаровъ почему-то *Саську* называетъ *Шашкой*. Въ сборникѣ писемъ Жолкевскаго есть одно письмо, писанное самимъ Саськомъ; въ немъ зпѣ подписалъ свою фамилію *Sasko*. Жолкевскій пишетъ *Saszko* и *Szasko*, но у него постоянно звукъ *s* смѣшивается съ *sz*, потому что въ произношеніи этотъ звукъ былъ нечистый.

что они теперь, какъ и всегда, готовы служить за порогами его милости королю и промыслять надъ врагами святаго креста. Въ письмѣ къ Рожинскому Савула просилъ у него заступничества передъ Жолкевскимъ. Но всензъ-посланецъ разсказалъ объ истинныхъ планахъ козаковъ и письма такимъ образомъ не имѣли успѣха.

Козаки подошли къ Бѣлой Церкви 2 апрѣля и расположились таборомъ вокругъ замка. Было ихъ около 8 тысячъ. Рожинскій, замѣчаетъ Гейденштейнъ, лучше всего сдѣлалъ-бы, если-бы заперся въ замокъ и ждалъ прибытія Жолкевскаго. Замокъ стоялъ на высокой горѣ и былъ очень укрѣпленъ, потому что подвергался частымъ нападеніямъ татаръ, такъ какъ Бѣлая Церковь была первымъ городомъ на *Черномъ шляху*¹⁾, любимомъ пути татаръ. Но Рожинскій предпочелъ сразиться. Съ нимъ были роты Михаила Станиславскаго и другихъ, да кромѣ того венгерецъ Лепшеній съ королевской пѣхотой.

Когда настала ночь, Рожинскій рѣшилъ сдѣлать вылазку. Въ то самое время, какъ все польское войско, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ венгровъ, вышло изъ замка, Наливайко, отряженный козаками съ отрядомъ, ворвался въ замокъ съ другой стороны и изрубилъ и ограбилъ всѣхъ бывшихъ тамъ. Только венгры защитили жилище своего начальника. Но козаки, оставшіеся въ таборѣ, тоже не ожидали нападенія. Ночь была очень темная. Услышавъ выстрѣлы въ своемъ таборѣ, козаки переполошились и стали уходить. Поляки изрубилъ не успѣвшихъ присоединиться къ уходящимъ и бросились преслѣдовать послѣднихъ. Но козаки опомнились отъ страха и, обернувшись, ударили на поляковъ; тѣ бросились назадъ въ замокъ черезъ опустѣвшій козацкій лагерь, но тутъ наткнулись на Наливайка, успѣвшаго возвратиться изъ замка. Отрядъ

Наконецъ надо замѣтить, что у Гейденштейна (въ польскомъ переводѣ, во 2 т. стр. 366 и 368) два раза вмѣсто *Бѣлой Церкви* стоятъ *Брацлаевъ*, — явная обмолвка, или опечатка, какъ это хорошо видно изъ предыдущаго и послѣдующаго.

¹⁾ „Такъ назывался путь, пролежавшій по водораздѣльной линіи между бассейнами Южнаго Буга съ одной стороны, Рося и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ ю.-з. Русь татары, избравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ“. (Антоновичъ. Кіевъ, его судьба... Кіев. Ст. 1882 г. кн. 1, стр. 26).

Рожинскаго такимъ образомъ очутился между козаками Савулы съ одной стороны и Наливайка съ другой. Легко себѣ представить, что тутъ очень не посчастливилось Рожинскому, хотя авторы и умалчиваютъ объ этомъ. „Наши, видя, что дѣло плохо (widząc, że źle), говоритъ Бѣльскій, убѣжали въ замокъ“. Изъ 500 человѣкъ пѣхоты, по показанію Гейденштейна, пало болѣе 100 человѣкъ и было много раненыхъ; но по всей вѣроятности цифра убитыхъ и раненыхъ была гораздо значительнѣе.

Жолкевскій былъ уже близко отъ Бѣлой Церкви; эту ночь онъ проводилъ въ Тришкахъ, за 4 мили отъ города. Услышавъ гулъ пушекъ, онъ двинулся съ войскомъ. Передняя стража захватила нѣсколькихъ козаковъ, искавшихъ живности. Узнавъ отъ нихъ, что произошло, Жолкевскій пошелъ еще поспѣшнѣе. Въ полумили отъ Бѣлой Церкви встрѣтилъ онъ посланца отъ Рожинскаго, который просилъ о помощи. Мѣстность около Бѣлой Церкви холмистая. Козаки, стоявшіе подъ городомъ, замѣтили съ холмовъ приближеніе польскаго войска и стали уходить по дорогѣ къ Триполю.

Пришедши въ Бѣлую Церковь, Жолкевскій колебался, преслѣдовать-ли ему козаковъ, или дать отдохнуть войску и подождать подкрѣпленій. Король, по письму его, отправилъ приказаніе Потоцкому, стоявшему съ частью войска въ Молдавіи, выйти оттуда и присоединиться къ Жолкевскому; его-то и поджидалъ гетманъ. Но жолнѣры рвались въ битву. Условія для нея были благоприятны: козакн отошли не далеко, стали въ разстояніи всего одной мили; мѣстность была тамъ ровная; маленькія болотца позамерзали, потому что, не смотря на весеннее время, ударили морозы и выпалъ такой снѣгъ, какого во всю зиму не было; снѣгъ даже нѣсколько раньше затруднилъ движеніе Жолкевскому. Надо было воспользоваться настроеніемъ жолнѣровъ и козаковъ, не пришедшихъ еще въ себя отъ страха. Въ виду этого Жолкевскій двинулся за козаками и вечеромъ догналъ ихъ у озера Острый Камень.

Козаки отаборились. Спереди поставили повозки, а внутри пѣхоту; только предводители были на лошадяхъ; со всѣхъ сторонъ табора расположили свои 24 пушки. Гетманъ, построившись такъ, чтобы козацкія пушки могли ему меньше всего вредить, быстро началъ битву. Жолнѣры охотно бросились на козаковъ и очень храбро сражались, „но разорвать табора, хотя это повидимому и

легко было, Господь не судилъ“¹⁾. Залегши подъ возами, козаки очень часто стрѣляли и наносили большой вредъ нападавшимъ. Тѣмъ не менѣ сраженіе окончилось очень печально для козаковъ: ихъ погибло до 2000; Сасько былъ убитъ, Савула и Наливайко ранены. Однако, если „Господь Богъ не судилъ разорвать табора козаковъ“, то очень вѣроятно, что и у пытавшихся разорвать потери были немалыя. Поэтому, по прочтеніи показанія Гейденштейна, что у поляковъ палъ только ротмистръ Янъ Вернекъ и 34 человекъ (въ письмѣ Жолкевскаго даже 32), у читателя невольно является улыбка²⁾...

Послѣ этого сраженія козаки сбросили съ гетманства Савулу и выбрали Лободу³⁾. Ночью Лобода ушелъ къ Триполью и, переправившись здѣсь черезъ Днѣпръ, ушелъ къ Переяславу, гдѣ козаки и расположились.

Жолкевскій опять вернулся въ Бѣлую Церковь, чтобы перевязать раненныхъ и подождать подкрѣпленій, о которыхъ просилъ короля черезъ старосту галицкаго. Стоя въ Бѣлой Церкви, онъ получалъ извѣстіе, что по правую сторону Днѣпра, въ Каневѣ, что-то задержало еще козаковъ и что тамъ стоитъ ихъ полкъ подъ начальствомъ Кремпскаго. Онъ сейчасъ-же отправилъ туда отрядъ съ приказаніемъ очистить вообще правую сторону Днѣпра отъ козаковъ. Польскій отрядъ, состоявшій изъ людей князей Рожинскаго и Вишневецкаго и ротъ Темрюка и Блинструба, подъ главнѣмъ начальствомъ Ходкевича, напалъ на козаковъ въ располхъ. Они кинулись переправляться, но многіе частью были изрублены, частью утонули въ Днѣпрѣ. Это было въ страстную субботу, въ серединѣ апрѣля. Въ Каневѣ и Терехтемировѣ польскій отрядъ забралъ всю соль изъ магазиновъ, что причинило не мало досады козакамъ. Къ Жолкевскому между тѣмъ подходили въ Бѣлую Церковь вспомогательные отряды. Кромѣ людей Ходкевича, тутъ соединились съ нимъ роты Бекеша и другихъ.

1) Listy Żółkiewskiego, стр. 80.

2) Въ данномъ случаѣ польскіе хроникеры докладываютъ публикѣ объ успѣхахъ поляковъ пословицей: „ахъ, какъ дядя хохла бьетъ! ажъ изъ дяди кровь идетъ!“

3) Гейденшт., т. 2, стр. 370. Жолкевскій въ своемъ письмѣ говоритъ (Listy, стр. 80), что вмѣсто Савулы выбрали Наливайка; но это, очевидно, по паслышкѣ, сейчасъ-же послѣ сраженія. Изъ дальнѣйшаго видно, что начальствовалъ Лобода.

IV.

Приготовленія къ переправѣ польскаго войска.—Переговоры.—Уловка Жолкевскаго.— Движеніе козаковъ къ Переяславу.—Личность Жолкевскаго.—Неудобное положеніе козацкихъ предводителей.—Переправа черезъ Сулу.—Козацкій таборъ у Лубенъ.—Мелкія стычки и положеніе осажденныхъ и осаждающихъ.—Приготовленіе поляковъ къ штурму.—Согласіе козаковъ на сдачу и ихъ погубель. Касперъ Подвысоцкій.—Казнь Намивайса.

Жолкевскій твердо рѣшилъ добывать козаковъ, куда-бы они ни пошли. Теперь ему предстояло переправиться черезъ Днѣпръ, и тѣмъ скорѣе, что онъ опасался, какъ-бы козаки по лѣвой сторонѣ Днѣпра не бросились на Бѣлоруссію, гдѣ гоняться за ними было-бы очень затруднительно. Но переправа представляла громадныя трудности. Козаки сожгли или увели съ собою всѣ суда, годныя къ переправѣ. Гетманъ послалъ собирать лодки съ рр. Припяти и Тетерева и наложилъ повинность на кіевлянъ: они должны были приспособлять къ переправѣ пригоняемыя съ верху разповалиберныя суда и строить новыя лодки.

Какъ только козаки узнали о приготовленіяхъ къ переправѣ въ Кіевѣ, они тотчасъ поспѣшно двинулись туда, чтобы уничтожить приготовленныя лодки и наказать кіевлянъ за службу полявамъ; грозили обратить городъ въ пепель и развалины. Но Жолкевскому дали знать объ этомъ. Онъ тоже поспѣшилъ къ Кіеву и самъ лично ѣхалъ впереди войска, чтобы распорядиться работами. По дорогѣ къ Кіеву войско его продолжало пополняться; такъ въ Васильковѣ соединился съ нимъ возвратившійся изъ Молдавіи Потоцкій. Козаки хотѣли обмануть Жолкевскаго; чтобъ раньше подойти къ Кіеву, они завели съ нимъ переговоры. Но Жолкевскій черезъ шпионовъ зналъ всѣ намѣренія козаковъ и потому попытка ихъ не удалась. Поляки подошли къ Кіеву только двумя часами раньше козаковъ и городъ былъ спасенъ.

Жолкевскій расположилъ свое войско подъ монастыремъ, въ полумилѣ отъ Кіева (выходить—подъ Лаврою), а городъ окружилъ пикетами. Тутъ-же противъ него на лѣвой сторонѣ расположились козаки, подъ начальствомъ Лободы. Къ нимъ плыли съ низу запорожцы на 100 чайкахъ.

Еще изъ Бѣлой Церкви Жолкевскій отправлялъ въ Сѣчь посольство съ цѣлью удержать запорожцевъ въ вѣрности правитель-

ству и разными обѣщаніями отклонить ихъ отъ соединенія съ бунтовщиками. Часть запорожскаго товариства была съ Лободой, но около 500 человекъ оставалось въ Кошѣ. Здѣсь польскому посольству не посчастливилось: запорожцы заковали пословъ въ кандалы, а сами подъ начальствомъ Каспера Подвысоцкаго отправились въ Кіевъ на соединеніе съ козаками. Вѣтеръ къ ихъ несчастью былъ съ верху; надо было идти сплошь на веслахъ. Люди изморились; тутъ Жолкевскій, узнавъ объ ихъ приближеніи, велѣлъ установить на берегу пушки и всѣми мѣрами стараться не дать чайкамъ приблизиться.

Какъ только раздался звукъ котловъ и трубъ, которыми запорожцы давали знать о своемъ прибытіи, въ нихъ начали палить изъ пушекъ. Пальба при сильномъ противномъ вѣтрѣ не допустила запорожцевъ подойти къ козацкому лагерю и флотъ удалился. Самъ Подвысоцкій даже чуть не лишился жизни, такъ какъ въ его чайкѣ было пробито двѣ дыры.

То-же самое, что поляки продѣлали съ козацкой флотиліей, могли продѣлать и козаки съ Жолкевскимъ, когда онъ попытался бы переправиться. Надо было поэтому придумать Жолкевскому какойнибудь способъ безопасной переправы. Онъ прежде всего завелъ сношенія съ козаками и заключилъ перемиріе. Козаки тоже не прочь были переговорить, даже искренно, надѣясь, что гетманъ согласится уладить дѣло миромъ. Они пустили по Днѣпру колоду съ воткнутымъ въ нее листомъ, въ которомъ просили о помилованіи. На другой день въ польскій лагерь пріѣхалъ отъ козаковъ сотникъ Кузловскій, тоже прося о милосердіи и желая узнать, на какихъ условіяхъ гетманъ согласенъ помириться съ козаками. Гетманъ отъ себя отправилъ къ козакамъ посланца съ отвѣтомъ, что они должны выдать Наливайка и другихъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ, отдать артиллерію и хоругви иностранныхъ государей.

На слѣдующій день отъ козаковъ пріѣхали уполномоченными два асаула, которые повторили просьбу о милосердіи, но на требованія о выдачѣ дали отрицательный отвѣтъ. Переговоры очевидно не клеились. Жолкевскій и началъ ихъ только съ тѣмъ, чтобы за это время тѣмъ или другимъ способомъ приготовиться къ переправѣ. Онъ измыслилъ пріемъ, вполне удавшійся. Зная, что въ Печеславѣ козаки оставили семейства и все имущество, онъ распустилъ

слухъ, что отправилъ Потоцкаго съ частью войска къ Триполью, или къ какому-либо другому пункту ниже, съ цѣлью переправиться и напасть на Переяславъ. Для приданія большей вѣроятности слуху, онъ приказалъ Потоцкому дѣйствительно отойти отъ Кіева и, снарядивъ 24 воза съ лодками и другими предметами, необходимыми при переправѣ, отправилъ ихъ вслѣдъ за отрядомъ Потоцкаго. Это было сдѣлано тогда, когда асаулы еще не возвращались въ козацкій лагерь.

Въ это-же время изъ польскаго лагеря перебѣжали къ козакамъ два пахолка, вѣроятно нарочно посланные туда Жолкевскимъ. Они донесли козакамъ, что изъ Литвы приближается на помощь къ гетману войско и что Потоцкій уже двинулся къ Переяславу. Извѣстіе произвело сенсацію. Жолкевскій-же, чтобъ замаскировать подсылку, потребовалъ выдачи перебѣжчиковъ, грозя въ противномъ случаѣ задержать асауловъ. Козаки на глазахъ поляковъ отрубили головы бѣднымъ пахолкамъ, а Жолкевскому послали сказать, что не хорошо съ его стороны наружно вступать въ переговоры, а въ тылу тѣмъ временемъ строить засаду. Жолкевскій, чтобъ поддержать въ нихъ эту мысль, отвѣтилъ, что переговоры были начаты для того, чтобы каждая изъ сторонъ какъ можно лучше повела свое дѣло и что онъ не общалъ имъ бездѣйствовать. Тутъ козаки тотчасъ начали сгонять съ пастбищъ лошадей, сдѣлать и приготовить въ дорогу, и отступили, не медля ни минуты.

Но Лобода и Наливайко, въ количествѣ полутора ста коней, остались еще для послѣдней попытки переговоровъ. Лобода одинъ сѣлъ въ лодку и подѣхалъ къ кіевскому берегу. Для переговоровъ съ нимъ явился староста брацлавскій Юрій Струсь, лично съ нимъ знакомый. Переговоры однако ничѣмъ не кончились и Лобода съ Наливайкомъ уѣхали. Жолкевскій, убѣдившись, что нигдѣ нѣтъ засады, приступилъ къ переправѣ. Черезъ два дня все войско польское было уже на лѣвой сторонѣ¹⁾).

Козаки такъ спѣшили въ Переяславъ, что стали тамъ за одинъ день. По дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ они разставили чаты, слѣдить за движеніемъ польскаго войска. Когда стоявпіе на ча-

¹⁾ О переправѣ см. Гейденштейнъ, т. 2, стр. 371—374; Бѣльскій, стр. 264—266.

тахъ дали знать, что Жолкевскій двигается къ Переяславу, между козаками поднялось большое смятеніе; не знали, оставаться-ли въ Переяславѣ, или двигаться дальше въ степь. Движеніе было очень затруднительно, потому что въ Переяславѣ нельзя было оставить женъ и имуществъ; надо было брать ихъ съ собой. Но съ другой стороны и запереться въ Переяславѣ было очень неудобно: во первыхъ городъ былъ раскинутъ на большомъ пространствѣ,—валъ имѣлъ до мили въ окружности; во вторыхъ, съ козаками было до 10 тысячъ лошадей, прокормить которыхъ въ городѣ продолжительное время не было никакой возможности. Собирались безпрестанно на рады, шумѣли, раздѣлились на партіи. Между козаками всегда было довольно людей, предпочитавшихъ сдаться на какихъ угодно унижительныхъ условіяхъ, лишь-бы сохранить свои пожитки и самимъ остаться цѣлыми. Жолкевскій не переставалъ манить такихъ людей разными обѣщаніями и тѣмъ увеличивалъ раздоры. Между тѣмъ надо было спѣшить, потому что чаты доносили о движеніи гетмана къ Переяславу. Наконецъ рѣшено было пуститься въ степь, въ Лубнахъ перейти черезъ Сулу, уничтожить за собой переправу и отсидѣться въ степи такимъ-же образомъ, какъ Наливайко на Синихъ Водахъ. Жолкевскому было-бы очень опасно ихъ тамъ преслѣдовать. Козаки съ женщинами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ двинулись въ Лубны.

Но Жолкевскій и здѣсь ихъ перехитрилъ, и на этотъ разъ удача Жолкевскаго имѣла для козаковъ роковыя послѣдствія. Здѣсь встаетъ сказать нѣсколько словъ о личности самаго Жолкевскаго. Судя по его письмамъ и по установившемуся мнѣнію о немъ у поляковъ, это былъ человѣкъ выдающійся. Уступая нѣсколько знаменитому своему современнику Яну Замойскому въ обширности и всесторонности знаній, Жолкевскій тѣмъ не менѣе обладалъ значительнымъ для того времени образованіемъ, отличался природною смѣтливостью, открытымъ, твердымъ характеромъ и считался еще при жизни отличнымъ полководцемъ; онъ 46 лѣтъ провелъ въ лагерѣ или въ полѣ, и начальствовалъ въ 6 кампаніяхъ, совершенныхъ имъ съ успѣхомъ, за исключеніемъ послѣдней, въ которой онъ погибъ подъ Цецорой 7 октября 1620 года.

Козакамъ пришлось имѣть дѣло съ противникомъ, превосходившимъ ихъ вождей знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того на сто-

ронѣ Жолкевскаго было то удобство, что онъ могъ спокойно, независимо ни отъ кого, обсуждать свои дѣла или самъ, или еще лучше въ военномъ совѣтѣ, составленномъ изъ небольшого числа лицъ. Другое дѣло у козаковъ. Ихъ предводители были связаны по рукамъ и ногамъ всеобщимъ настроеніемъ. Обсуждать дѣла на многочисленныхъ сходкахъ хорошо только въ спокойное время, когда некуда спѣшить и когда всѣ участвующіе хладнокровно относятся къ дѣлу. Но въ минуты критическія толпа подхватываетъ большею частію какое-нибудь мѣткое мнѣніе, не отличающееся иногда основательностью, но удобное на первый взглядъ. Настроеніе толпы въ такихъ случаяхъ мѣняется очень рѣзко и часто, по мѣрѣ того, какъ того или другаго члена осѣняетъ какая-нибудь блестящая, хотя и нелѣпая мысль. Запорожцы отлично понимали это, когда облекали своего кошеваго на войнѣ неограниченную властью, въ то время, какъ у себя въ Сѣчи на радѣ его могли предать суду и даже казнить. Въ описываемую войну неустройство возбуждалось соперничествомъ Лободы и Наливайка, изъ которыхъ у каждаго были приверженцы, старавшіеся склонять массы въ сторону своихъ начальниковъ. Частыя перемѣны предводителей у козаковъ въ войнѣ 1596 года показываютъ, что первые были въ полной зависимости отъ паткаго настроенія толпы.

Жолкевскій съ войскомъ былъ еще въ 20 миляхъ отъ Лубенъ, когда козаки уже пришли туда. Лубны расположены на правомъ берегу (со стороны Переяслава) р. Сулы, на которой въ то время былъ очень длинный мостъ, по причинѣ примыкающихъ къ рѣкѣ болотъ. За Сулою начинались степи. Козаки расположились въ Лубенскомъ замкѣ, ожидая извѣстій отъ разставленныхъ вездѣ по дорогѣ чать и намѣреваясь, въ случаѣ близости гетмана, переправиться на другую сторону, разрушивъ за собою мостъ и перерѣзавъ такимъ образомъ путь польскому войску, потому что переправа другимъ способомъ была невозможна на далекомъ разстояніи по рѣкѣ.

Жолкевскому было извѣстно положеніе козаковъ и дѣло шло о томъ, какъ-бы помѣшать имъ переправиться, или отстоять мостъ. Онъ отправилъ къ козакамъ давняго ихъ знакомаго, галицкаго каштеляна Претвича, для переговоровъ, а самъ спѣшилъ къ Лубнамъ. На дорогѣ присоединился къ нему князь Богданъ Огинскій,

приведшій съ собою литовское войско. Между тѣмъ гетманъ узналъ, что за 5 миль отъ Лубенъ внизъ есть на Сулѣ еще другая переправа, въ Горошинѣ, гдѣ обыкновенно переправляются татары, идя на Украину, и гдѣ нѣкогда перешолъ съ войскомъ великій князь Витовтъ, потерпѣвъ пораженіе надъ Ворсклой отъ Эдигея. Жолкевскій отрядилъ брацлавскаго старосту Юрія Струся съ княземъ Рожинскимъ и Михаиломъ Вишневецкимъ, приказавъ имъ перейти Сулу въ Горошинѣ и зайти въ тылъ козакамъ; при чемъ, если козаки не замѣтятъ,—подойти къ нимъ съ другой стороны моста и не дать переправиться, если-же до тѣхъ поръ перейдутъ уже Сулу, то стараться сохранить мостъ и задержать ихъ на томъ берегу. Другой отрядъ въ 500 коней, подъ начальствомъ Бѣлецкаго, Жолкевскій двинулъ впереди себя прямо къ Лубнамъ, чтобъ въ случаѣ надобности съ этой стороны рѣки оказать помощь Струсию; самъ-же гетманъ, со всѣмъ остальнымъ войскомъ, не могъ-бы подойти такъ скоро.

Струсь съ большими предосторожностями двинулся въ путь: даже люди его отряда не знали, куда ихъ ведутъ. Пройдя милою дорогою на Лубны, Струсь повернулъ направо и шелъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ козаки вовсе не предполагали встрѣтить поляковъ, а потому не разставили чать. Подошедши къ Сулѣ въ Горошинѣ, поляки пустили лошадей вплавь, а сами переправились на связкахъ тростника.

Козаки, узнавъ о движеніи Бѣлецкаго съ отрядомъ, прервали переговоры съ галицкимъ каштеляномъ и переправились за Сулу. Они уже подожгли мостъ, какъ одновременно съ двухъ сторонъ подошли къ нимъ Бѣлецкій и Струсь. Люди Бѣлецкаго бросились вслѣдъ за козаками на мостъ и въ продолженіе часа потушили огонь и починили попорченныя части. Между тѣмъ подошелъ къ Лубнамъ и Жолкевскій. Зная о его приближеніи, но не зная о томъ, что въ тылу тоже стоятъ поляки, козаки еще не теряли надежды уйти отъ гетмана въ степь. Замѣтивъ за собою пыль, они думали, что это тянутъ татары. Но тутъ раздался пушечный выстрѣлъ, бывшій условнымъ знакомъ между Жолкевскимъ и Струсемъ, что этотъ послѣдній стоитъ уже на мѣстѣ. Козаки переполошились, не зная, что дѣлать. Опять пошли ссоры. Наконецъ видя, что такъ или иначе, а уходить поздно, такъ какъ ихъ обопли съ двухъ сторонъ, стали окапываться.

Козацкій лагерь находился въ полумили отъ города и былъ устроенъ такимъ образомъ. Сначала они окружили себя четырьмя рядами повозокъ, скованныхъ между собою, потомъ за повозками выкопали окопъ и насыпали валъ, выше повозокъ. Сдѣлавъ нѣсколько воротъ, насыпали въ таборѣ противъ каждаго изъ нихъ горки, на которыхъ поставили пушки. Горки эти дѣлались, очевидно, съ цѣлюю заполнить для непріятельскихъ выстрѣловъ отверстія въ стѣнѣ, за-нимаемыя воротами. Внутри табора подѣлали срубы, наполненные землею, по высотѣ выше вала; на нихъ тоже помѣстили пушки, такъ что можно было стрѣлять черезъ валъ. Въ такомъ видѣ козацкій лагерь представлялъ изъ себя укрѣпленіе, почти неодолимое для поляковъ, что они хорошо понимали, послѣ сраженія у Остраго Камня.

Поляки расположились вокругъ козацкаго лагеря слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны отрядъ Юрія Струся, съ князьями: Рожинскимъ и Вишневецкимъ; здѣсь-же были роты: Ходкевича, Язловецкаго, Фредра, Собѣскаго, Чарнковскаго, Бекеша, Горностая и остатки роты убитаго Вернека. Съ другой стороны самъ гетманъ съ ротами: Щенснаго Гербурта, Ковачевскаго, Гурскаго, Сладковскаго, Тарнавскаго и королевская пѣхота съ Лешеніемъ. При гетманѣ были и отряды Потоцкаго и Огинскаго, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ нѣсколькихъ ротъ. Съ третьей стороны стояла постоянная стража, а съ четвертой находились прилегавшія къ Сулѣ болота. Всего войска у Жолкевскаго было, по показанію Бѣльскаго, до 3 съ половиною тысячъ; но не надо забывать, что считались только „товарищи“, т. е. шляхта, составлявшая конницу, такъ что и счетъ велся по числу лошадей. Кромѣ того каждый панъ приводилъ съ своею ротою еще толпу слугъ, которая была гораздо многочисленнѣе самой роты и составляла пѣхоту. Козаковъ было до 8 тысячъ, по показанію Гейденштейна,—цифра, конечно, приблизительная, потому что посчитать вѣдь полякамъ нельзя было.

Это было въ срединѣ мая 1596 года. Лѣто было жаркое. Положеніе осажденных было очень печально. Они были отрѣзаны отъ воды и пастбищъ и ни откуда не могли рассчитывать на помощь. Къ полякамъ-же еще подъ Лубны прибыла рота князя Заславскаго, воеводы подляскаго, въ числѣ 300 коней. Воду еще козаки съ трудомъ добывали, но корму для лошадей рѣшительно не было;

каждый разъ, когда козаки хотѣли выгнать лошадей, имъ приходилось силой пробиваться сквозь непріятелей. Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, козаки безпрестанно заводили „гарцы“ и при этомъ обнаруживали неистощимый запасъ изобрѣтательности. Часто заманивали поляковъ къ самому табору и здѣсь поражали. Въ „гарцахъ“ погибли со стороны поляковъ Дениско, староста житомирскій, Тапицкій, Пеніовскій, Милковскій и другіе паны. Но не смотря на всю изобрѣтательность козаковъ, они даже урывками не могли кормить лошадей, которыя падали отъ голода въ громадномъ количествѣ. Открылись частые побѣги изъ козацкаго стана, начались распри. Жолкевскій искусно ихъ поддерживалъ. Онъ завелъ сношенія съ Лободой, что навлекло на послѣдняго подозрѣніе въ измѣнѣ. Отчаявшаяся толпа наконецъ въ досадѣ убила Лободу и выбрала начальникомъ Кремпскаго.

Поляки тоже были въ очень неудобномъ положеніи: запасовъ было мало, пили мутную, теплую воду. Кони были почти постоянно подъ сѣдломъ и покрылись ссадинами. Войско, не сходя почти съ лошадей, было страшно истомлено. „Имѣли наши съ ними довольно работы и днемъ и ночью“, говоритъ Бѣльскій. Козаки безпрестанно тревожили вылазками. Такъ 28 мая они, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, бросились на Струся; къ нему поспѣшили на помощь другія роты и отбили козаковъ съ большимъ урономъ для нихъ, но и изъ поляковъ многіе „dali tam gardło“. Штурмомъ нельзя было взять козацкаго стана, потому что у Жолкевскаго не было большихъ пушекъ, а маленькія полевыя причиняли имъ мало вреда. Видя это, гетманъ послалъ въ Кіевъ за большими пушками, а въ ожиданіи ихъ приказалъ днемъ и ночью всѣми силами сторожить козаковъ, чтобы они не пробились какъ нибудь силою. Наливайко, дѣломъ котораго была и смерть Лободы, видя, что его все таки обошли, нѣсколько разъ бросался со своимъ полкомъ изъ лагеря, но каждый разъ поляки отбивали его.

4 іюня привезли пушки изъ Кіева. Жолкевскій сталъ готовить войско къ штурму. Было мало пѣхоты, а потому полковники потребовали у своего рыцарства, чтобы оно слѣшилось и шло на штурмъ. Рыцарство, истомленное постояннымъ бдѣніемъ, съ удовольствіемъ согласилось, желая такъ или иначе покончить дѣло. Уже все было готово къ штурму, какъ вдругъ поляки услышали въ

лагерѣ козаковъ большой шумъ. Оказалось, что козаки рѣшили выдать Наливайка и прочихъ зачинщиковъ. Наливайко сталъ отбиваться, когда его хотѣли взять, почему и поднялась въ козацкомъ лагерѣ драка. Поляки хотѣли воспользоваться случаемъ и ударить въ это время на козаковъ; они сѣли на коней и тѣсно подступили къ табору, но тутъ козаки объявили, что выдадутъ зачинщиковъ. Дѣйствительно 8 іюня они привели Наливайка, схваченнаго уже во рву, когда тотъ собирался пробиться сквозь польскую цѣпь и убѣжать,—и на другой день обѣщали привести Савулу, Шостака и другихъ. Козаки кромѣ того соглашались исполнить всѣ раньше предложенныя имъ требованія, т. е. отдать армату, иностранныя хоругви, лишь-бы ихъ самихъ выпустили на свободу. Когда-же гетманъ сказалъ, что всякій панъ, находящійся въ войскѣ, имѣетъ право взять своего подданнаго, узнавъ его между козаками, они объявили, что лучше готовы защищаться до послѣдней капли крови. Тутъ поляки, воспользовавшись, тѣмъ, что козаки вышли для переговоровъ изъ табора, бросились на нихъ. Это было сдѣлано такъ внезапно, что козаки, по словамъ Бѣльскаго, „не успѣли ни сомкнуть въ строй, ни взяться за оружіе“. Они бросились, куда попало. Поляки рубили козаковъ на разстояніи мили, такъ что лежалъ трупъ на трупѣ. Только около полутора тысячъ ихъ съ самимъ Кремцкимъ успѣли спастись.

Въ козацкомъ лагерѣ поляки нашли два цесарскихъ знамени, подаренныхъ козакамъ императоромъ Рудольфомъ, одно эрцгерцога Максимилиана, серебрянные котлы, тоже присланные цесаремъ, 21 хорошую пушку и нѣсколько испорченныхъ и много всякаго другаго оружія. Казна войсковая была плоха; болѣе всего въ ней было турецкихъ вещей, оцѣненныхъ при раздѣлѣ въ 4 тысячи злотыхъ.

Въ то время, какъ козаки были въ осадѣ подъ Лубнами, Касперъ Подвысоцкій съ своей флотиліей стоялъ у устьевъ Сулы. Сначала онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ подойти на помощь осажденнымъ, но польскія чаты, разставленныя по рѣкѣ, мѣшали этому. Тогда онъ началъ жечь и опустошать окрестные города и села, вѣроятно маестности пановъ, находившихся въ войскѣ подъ Лубнами. Услышавъ о бѣдствіи, постигшемъ козаковъ, онъ ушелъ на низъ.

Очень вѣроятно, что съ нимъ уѣхали въ чайкахъ и запорожцы, спасшіеся съ Кремпскимъ ¹⁾).

Жолкевскій, послѣ разгрома козаковъ, уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда во Львовъ, гдѣ вручилъ Замойскому взятая у козаковъ хоругви, армату и нѣкоторыхъ плѣнниковъ; затѣмъ возвратился домой. Войско его расположилось въ украинскихъ городахъ и селахъ. Наливайка скованнаго, съ шестью другими вожаками, шляхтичъ Поревскій привезъ въ Варшаву. Здѣсь всѣ, кромѣ Наливайка, были тотчасъ казнены, а Наливайка „сохраняли“ до сейма, когда ему отрубили голову, тѣло разрубили на 4 части и развѣсили по разнымъ мѣстамъ.

Въ позднѣйшее время, вѣроятно въ періодъ наибольшаго ожесточенія и ненависти между двумя національностями, сложилось преданіе, что Наливайко былъ сожженъ поляками въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ.

Говоря о казни Наливайка, Бѣльскій замѣчаетъ: „Это былъ красивый мущина, личность къ тому-же не заурядная,—если-бы онъ на добро употреблялъ то, что ему далъ Богъ; кромѣ того онъ былъ отличнымъ пушкаремъ“ ²⁾).

Оканчивая этимъ описаніе козацкаго движенія 1596 года, сдѣлаемъ въ качествѣ заключенія одно замѣчаніе. Бунтъ Лободы и Наливайка, родившись на почвѣ общественной анархіи и не выходясь по своему существу надъ простымъ проявленіемъ ея, тѣмъ не менѣе обратилъ на себя вниманіе всего тогдашняго русскаго населенія Украйны. Онъ прокладывалъ дорогу оппозиціи и послужилъ, не смотря на всѣ свои неудачи, нагляднымъ образцемъ, по которому складывались послѣдующія оппозиціонныя движенія, какъ козацкія, такъ и крестьянскія. Не будь исходъ его такимъ печальнымъ для козаковъ, Хмельницина явилась-бы въ исторіи нѣсколькими десятилѣтіями раньше.

Ө. Николайчикъ.

¹⁾ Гейденштейнъ, у котораго разсказъ объ осадѣ подъ Лубнами оканчивается совсѣмъ иначе,—именно, что казаки будто-бы по заключеніи условій были отпущены съ Кремпскимъ,—говоритъ, что Каспера извѣстили о заключеніи мира, и онъ сейчасъ-же принесъ повинную. Но въ List'ахъ Жолкевскаго напечатано письмо Претвича къ Нечковскому отъ 10 іюля, гдѣ говорится: „Kasper niech się puc nie boy, ya go na szię biorę y ślubuję“. Это письмо даетъ основаніе думать, что никакого опредѣленнаго термина заключенія мира не было, а просто казаки на время затаили, ожидала, пока уляжется дѣло, а поляки тоже не хотѣли разжигать его.

²⁾ Отъ переправы черезъ Двѣпръ до конца—см. Гейденштейнъ, т. 2, стр. 373—377; Бѣльскій, стр. 275—281.

ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(ОКОНЧАНИЕ)¹⁾.

Во второй половинѣ XVII столѣтія главными врагами малоруссовъ были поляки и турки. Противъ этихъ угнетателей Украйны направлены главныя сочиненія Галятовскаго съ 1669 года. Воспользовавшись безопаснымъ положеніемъ елецкаго монастыря, до котораго не только туркамъ, но и полякамъ по дальности растоянія трудно было добраться, Галятовскій злымъ латинскимъ и униатскимъ писателямъ нанесъ нѣсколько ловкихъ полемическихъ ударовъ. Онъ удостоился съ ихъ стороны почти такой-же лютой ненависти, какую лѣтъ на восемьдесятъ ранѣе вызвалъ славный защитникъ православія, авторъ „Апокрисиса“ Христофоръ Бронскій.

Въ 1668 г. въ Вильнѣ вышло сочиненіе іезуита Павла Боймы, въ которомъ онъ старался доказать, что православная вѣра не есть древняя вѣра²⁾). Католики таѣъ высоко цѣнили это сочиненіе, что дали Боймѣ наименованіе „Benedictus“. „Спорный вопросъ, поднятый Боймой“, писалъ Барановичъ И. Гизелю, „не такой пустой, чтобы православные могли безъ вреда для себя не отвѣчать на него, потому что онъ явно упрекаетъ насъ, будто у насъ немного такихъ, которые умѣли бы разсуждать правильно“. Въ другомъ письмѣ къ И. Гизелю Барановичъ находить, что „Бойму

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., март. кн., стр. 371—390.

²⁾ Подлинное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Stara wiara, albo jasne pokazanie, iż ci, со w dyzuniej trwają, starey wiary nie mają“.

слѣдуетъ хорошо прошколить, чтобы онъ зналъ, что и въ непросвѣщенной Россіи есть свой разумъ“. Въ письмѣ къ Θεодосію Софоновичу 1670 г. Барановичъ признаетъ, что „Старая вѣра“ Боймы многихъ засушила въ Литвѣ ¹⁾). Архимандритъ московскаго Симонова, потомъ новгородскаго Юрѣва монастыря Гавріилъ Домецкій въ письмѣ своемъ къ новгородскому митрополиту Іову 1706 г. пишетъ, что на защиту православія отъ латино-уніатовъ „отъ малороссійскія церкви православныя были избраны извѣстные богословы, архіеп. черниг. Лазарь, да архимандритъ І. Галятовскій, которые и учинили имъ чиномъ философскимъ и богословскимъ отвѣтъ подобающій“ ²⁾). Ту роль, которую Домецкій приписываетъ малорусской церкви вообще, въ дѣйствительности разыгралъ одинъ Барановичъ. Онъ не только лично выступилъ противъ Боймы, но выдвинулъ противъ него Галятовскаго и Гизеля и хотѣлъ еще побудить къ полемикѣ съ Боймой Софоновича. Посылая въ 1670 г. Софоновичу первую часть своей „Новой Мѣры“, Барановичъ просилъ въ письмѣ Софоновича, Гизеля и всѣхъ игуменовъ „пересмотрѣть этотъ ночей стойвшій трудъ“ и „приложить своего огня; если у кого есть что-либо древнее, достопримѣчательное, то вынуть изъ ноженъ мечъ и сразиться съ Боймой..... Спасайте, спасайте! вопіетъ церковь къ сынамъ своимъ, — возражайте на „Старую Вѣру!“ ³⁾).

„Nowa miara starey wiary“ Барановича вышла въ 1676 г. въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Въ началѣ книжки находится изреченіе изъ Св. Писанія, предисловія къ Богородицѣ и читателю и обращеніе къ Боймѣ. „Новая Мѣра“ распадается на двѣ части; въ первой части говорится о власти римскихъ папъ, во второй объ исхожденіи св. Духа отъ Отца. Вся книжка въ 354 стран. пересыпана макаронизмами и пустыми виршами ⁴⁾).

Галятовскій принялся за составленіе возраженія Боймѣ почти одновременно съ Барановичемъ. „Моя Мѣра такъ плодovitа“, пи-

¹⁾ Письма Лаз. Барановича 104, 110, 107 и 103.

²⁾ Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ 1846. I. 37 и 69. Примѣч., цит. въ примѣч. къ Письмамъ Лаз. Барановича, 155 стр.

³⁾ Письма Лаз. Барановича, 104.

⁴⁾ Одинъ экз. „Новой Мѣры“ Барановича находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

саль Барановичъ Гизелю 13 авг. 1671 г., „что уже третьяго цыпленка вывела.... Я сколько желаю того, чтобы всѣ прочитали отвѣтъ вашъ Боймѣ, сколько и мое (сочиненіе), какъ Лазарево, хотя и гнило, но для меня мило. Къ намъ, слава Богу, летитъ со своими перушками архимандритъ мой черниговскій. Если свѣтъ ничего не увидитъ, то не избѣгнемъ посмѣянія. Изъ этой миги выйдутъ три фіги; пускай они достанутся противникамъ; другаго чего нибудь они не стоятъ, какъ только, сложивши имъ пальцы съ перьями ¹⁾, накормить ихъ такою фігою.... Вы нашъ Аристотель; почему же на ихъ вызовъ и намъ не отозваться; и они не снимаютъ звѣздъ съ неба; нужно только напередъ посогласоваться между собою“ ²⁾.

„Фига“ Галятовскаго произрастала цѣлыхъ семь лѣтъ. Лишь въ 1678 г. вышелъ его отвѣтъ Боймѣ подъ заглавіемъ: „Stary kosciół zachodni novemu kosciółowi rzymskiemu pochodzenie Duchu S. od Ojca samego, nie od Syna pokazuje (Древняя Западная церковь показываетъ новой римской церкви исхожденіе Св. Духа отъ одного Отца, а не отъ Сына) ³⁾. Сочиненіе Галятовскаго направлено не только противъ Боймы, но и противъ вышедшаго послѣ „Старой вѣры“ Боймы „Трибунала“ Николая Циховича. Прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе, Галятовскій сдѣлалъ попытку выпросить у московскаго царя денежное вспоможеніе. „Азъ хочу отвѣтъ дати о православной вѣрѣ нашей латинамъ,“—писалъ Галятовскій царю Ѳедору Алексѣевичу,—„клеветующимъ и злословящимъ насъ и глаголющимъ, же мы православные зле вѣримъ отъ Отца самого исходити Духа свята, не отъ Сына.... Тую книгу объ исхожденіи Духа Свята отъ Отца самого, не отъ Сына, освѣщающе я латинамъ, русскимъ языкомъ написалемъ и приписалемъ всея Россіи самодержцу, вашему пресв. царскому величеству.... Желаю отъ вашего царскаго величества, яко Ѳедора, Дара Божія, даровъ на друкованіе моей книги, которую хочу въ Новгородѣ-

¹⁾ Что касается выраженій: „летитъ съ своими перушками“, „пальцы съ перьями“, то въ объясненіе ихъ нужно допустить, что Галятовскій въ своемъ возраженіи католикамъ хотѣлъ опереться на сравненія перьевъ орла и коршуна, но потомъ отдумалъ, и немного поздѣе построилъ на этомъ сравненіи свои возраженія магометанамъ.

²⁾ Письма Лаз. Барановича, 154—156.

³⁾ Одинъ экз. „Старога костела“ находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

Сѣверскомъ друковати“. Далѣе Галятовскій просить прислать ему бумаги и 60 руб. денегъ или 40 соболей, чтобы продавши соболи, онъ могъ уплатить за наборъ и печатаніе книги ¹⁾. Просьба Галятовскаго не была исполнена, что видно изъ того, что Галятовскій издалъ книгу на польскомъ языкѣ и посвятилъ ее Барановичу, нигдѣ не упоминая о Дарѣ Божіемъ, царѣ Оедорѣ Алексѣевичѣ.

Посвященіе книги Барановичу любопытно съ двухъ сторонъ, во первыхъ, какъ краткая біографія Барановича, составленная лицомъ современнымъ и близкимъ Барановичу, во вторыхъ, какъ краткая автобіографія Галятовскаго. Въ „посвященіи“ говорится о благочестіи Барановича, о томъ, что онъ развилъ свой умъ въ разныхъ академіяхъ, въ Вильнѣ, Кіевѣ и Калишѣ, что съ учительской каѳедры онъ затѣмъ обучалъ въ кіевской коллегіи молодежь и съ церковной каѳедры въ разныхъ церквахъ говорилъ проповѣди, что онъ составилъ и издалъ много сочиненій, которыя при этомъ и перечисляются въ такомъ порядкѣ: „Мечъ“, „Трубы“, „Лютня“, „Мѣра“, „Житія святыхъ“, „Księgi rodzaju“ (?) и „Księgi śmierci“ (?), что онъ оказываетъ матеріальную помощь убогимъ, коллегамъ, невольникамъ, сиротамъ, наконецъ даетъ средства на возстановленіе обветшавшихъ церквей и монастырей и на постройку новыхъ, которые при этомъ и перечисляются: новгородъ-сѣверская церковь Преображенія Господня, черниговская церковь св. муч. Бориса и Глѣба, Троицкій монастырь на Болдинскихъ горахъ. „За эти добрыя дѣла, прибавляетъ Галятовскій, Богъ оказалъ Барановичу многія милости, давши ему игуменство кирилицкое, купятицкое и дятеловецкое, ректорство въ кіевскомъ коллегіумѣ, наконецъ черниговское архіерейство, причемъ Барановичъ, съ согласія царя Алексѣя Михайловича и восточныхъ патріарховъ, получилъ почетное наименованіе архіепископа“.—Въ виду крайней скудости біографическихъ свѣдѣній о Барановичѣ, нѣкогда игравшемъ въ южной Россіи весьма видную роль политическаго и литературнаго дѣятеля, чловѣкъ несомнѣнно умномъ, дѣятельномъ и предприимчивомъ, тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Галятовскій, представляютъ большую цѣнность въ научномъ отношеніи. Не менѣе важны сообщенія Галятовскаго о его собственной жизни, о тѣхъ благодѣянιάхъ, которыя

1) Рукопись въ библ. моск. общ. ист. и древа. № 98.

оказалъ ему Барановичъ. „Когда я, говоритъ Галятовскій, началъ мое ученіе въ кievской коллегіи, ваша милость, панъ былъ моимъ первымъ учителемъ въ классахъ инфимы и грамматики, а потомъ и въ классѣ реторики, и великую милость оказывалъ мнѣ не только когда я былъ свѣтскимъ, но и когда сталъ монахомъ. Когда я въ опасное военное время пріѣхалъ изъ Волыни въ купятицкій монастырь, ваша милость панъ, будучи тамъ игуменомъ, принялъ меня милостиво и истинно какъ отецъ; перейдя потомъ на ректорство въ Кіевѣ, ты и тамъ давалъ мнѣ ходъ; переселясь также въ Новгородъ-Сѣверскъ, когда я прибылъ изъ Литвы, ты и тамъ меня обласкалъ, какъ любящій пастырь заблудшую овцу, поддержалъ мое избраніе на черниговскую архимандрію, посвятилъ меня въ этотъ санъ въ церкви Преображенія Господня, доставилъ мнѣ принадлежащія этой архимандріи имѣнія Горбовъ и Авдѣевку съ документами на нихъ, и наконецъ писалъ и посылалъ на Москву ходатайственныя обо мнѣ письма блаженной памяти царю Алексѣю Михайловичу и своими письмами привлекъ на меня великую милость его пресвѣтлаго царскаго величества“. Галятовскій посвящаетъ Барановичу въ знакъ своей благодарности сочиненіе „Stary Kosciół“, или, употребляя иносказательное выраженіе автора, подносить ему голубя, огонь, вѣтеръ и облако (образы св. Духа),—голубя, чтобы св. Духъ даровалъ Барановичу спокойствіе,—огонь, чтобы св. Духъ спалилъ всѣхъ его враговъ, вѣтеръ, чтобы св. Духъ вошелъ въ пещеры сердца Барановича, облако, чтобы св. Духъ сокрылъ Барановича отъ враговъ.

Богословскій трактатъ Галятовскаго объ исхожденіи св. Духа отъ Отца раздѣляется на двѣ части: въ первой части (90 стр.) доказывается, что древняя западная церковь держалась древней вѣры, а во второй (105 стр.), что новая римская церковь выдумываетъ новую вѣру. Въ первой части въ пользу православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа исключительно отъ Отца приводятся доказательства изъ св. Писанія, восточныхъ и западныхъ писателей и доводы на основаніи разума. Во второй части опровергаются римскія доказательства „Filioque“, приводимыя изъ св. Писанія и учителей церкви. „Старый Костель“ Галятовскаго по силѣ доводовъ, по систематичности въ изложеніи доказательствъ, по простотѣ и ясности языка стоитъ несравненно выше „Новой Мѣры“

Барановича. Католики признали въ Галятовскомъ сильнаго противника. Съ латинской стороны послѣдовало три возраженія на „Старый Костель“: 1) неизвѣстнаго автора: „Квестійки, или краткіе вопросы по поводу сочиненія Галятовскаго: „Старый Костель“, 2) Вопросы къ разговору объ исхожденіи св. Духа, также неизвѣстнаго автора и 3) Голиаѡ своимъ мечемъ пораженный, уніата Рутки¹⁾. Послѣдняя книга наполнена богословскими разсужденіями о св. Духѣ. Тонъ полемики рѣзкій. Рутка обращается къ Галятовскому съ словами: „О вѣтрена голова!“ и въ другомъ мѣстѣ: „извиваешься какъ змѣя, а на истину попасть не можешь“. Лазаря Барановича. Рутка называетъ козломъ барановичемъ. Языкъ Рутки простой и сильный. Противъ Боймы выступилъ Иннокентій Гизель съ сочиненіемъ „О истинной вѣрѣ“, которое архіеп. Филаретъ называетъ „слабымъ“²⁾. Дѣйствительно, кievскій „Аристотель“ оказался неудачнымъ полемистомъ. Галятовскій не замаралъ себя личной перебранкой съ Боймой, но нашелъ вполне соотвѣтствующій ученому человѣку способъ отомстить противникамъ православія за ихъ клевету и брань. Въ 1683 г. онъ издалъ противъ католиковъ „Фундаменты, на которыхъ латинники утверждаютъ единство Руси съ Римомъ“³⁾. Въ южно-русской схоластической литературѣ второй половины XVII ст. „Фундаменты“ Галятовскаго составляютъ самое лучшее, наиболѣе выдающееся произведеніе. Въ этой небольшой книжкѣ (всего 100 страницъ) довольно удачно опровергаются поль-

¹⁾ Точныя и полныя заглавія этихъ книгъ слѣдующія:

1) „Na Stary Kosciół zachodni“ I. Galatowskiego, wydany r. 1678, Qwestyjki albo krótkie pytania zadane y rozwiązane. R. 1679. 8+48 str.

2) Quæstionculæ super Dialogum primum de Processione Spiritus s. a Solo Patre formatae et resolutæ a quodam Latino—romano. R. 1682. Typ. monast. Olivensis. 8+72 str. (Wiszniewski Hist. liter. polsk. VIII. 396).

3) Goliat swoim mieczem porażony, to jest I. Galatowski arch. Jelecki przeciw pochodzenia Ducha S... y kosciółowi rzymskiemu piszący p. X. Theophila Rutkę s. J. Theologa refutowany i swiatu chrześciańskiemu na widok podany. W Lublinie. 1689. 4+171. (Одинъ экз. Голиаѡа находится въ библ. харьк. д. ак.).

²⁾ Филаретъ, Обзоръ, I. 285.

³⁾ Fundamenta, na których łacinnicy jedność Rusi z Rzymem fundują, według rzymskiej terazniejszey wiary nowey, prawdziwemi odpowiedziami cerkwi wschodniej wywrócone y zniesione“. Одинъ экземпляръ „Фундаментовъ“ находится въ библ. харьк. духов. семинаріи.

ско-іезуитскія хитросплетенія и выдумки о бывшей будто-бы въ старое время „едности“ малороссіянь съ римскою церковью. Шагъ за шагомъ, страница за страницей, въ сильныхъ, простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ Галятовскій подкапываетъ и разрушаетъ мнимо-историческія основанія уніи и, никого не браня, не дѣлая никому личныхъ оскорбленій, раскрываетъ предъ своими противниками всю гнусность ихъ гоненія на православныхъ и безчеловѣчность ихъ относительно простого народа.

„Фундаменты“ распадаются на двѣ части. Первая часть начинается картинкой, изображающей сошествіе св. Духа на апостоловъ и Богородицу. За картинкой слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ говорится, что вышедшее въ 1678 г. во Львовѣ сочиненіе о соглашеніи восточной и западной церковей дурно было принято православными потому, что въ основу соглашенія положено признаніе главенства папы и „Filioque“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе и опроверженіе 30 фундаментовъ „едности“ Руси съ Римомъ. Фундаменты состоятъ въ томъ, что во время крещенія Руси (насчитывается 5 крещеній) греки находились будтобы въ единеніи съ римскою церковью, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ по единовѣрью, что князь галицкій Даниль принялъ титулъ короля отъ папы, что преподобные Антоній и Θεодосій, московскіе митрополиты Петръ и Алексій, кievскіе митрополиты Михаилъ, Иона Глезна, Макарій, Іосифъ Солтанъ, позднѣе Михаилъ Рогоза, приняли унію и проч. Галятовскій говоритъ, что во время крещенія Руси греки не признавали главенства папы, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ изъ политическихъ видовъ, а не по единовѣрью, что Даниль строго хранилъ православіе, что Антоній, Θεодосій, Петръ и Алексій никогда не были уніатами, что принявшихъ унію митрополитовъ: Исидора и Михаила Рагозу, русскіе не признавали владыками, считали ихъ измѣнниками и проч.

Вторая часть, заключающая въ себѣ объясненіе штурмовъ, которыми западная церковь насилуетъ восточную къ принятію уніи, начинается съ картинки, изображающей божественнаго Страдальца на колѣняхъ пресвятой Дѣвы Маріи, сидящей у подножія креста. Эта картинка немного ранѣе была приложена къ „Новой Мѣрѣ“ Барановича. Во второй части четыре главы, или штурма. *Первый штурмъ* со стороны духовныхъ лицъ римской церкви, на-

примѣръ, со стороны Ёомы Брюсельскаго, обвиняющаго православныхъ въ потворствѣ и одобреніи воровства, разврата, въ отрицаніи милостыни и молитвы за умершихъ и т. п. Указавъ на неосновательность этихъ обвиненій, Галатовскій говоритъ о притѣсненіи православныхъ католическимъ духовенствомъ. Такъ, іезуиты не допускають православныхъ въ философскій и богословскій классы своихъ коллегій, осмѣивають православное богослуженіе и духовенство, переманивають въ свою кіевскую коллегію студентовъ кіево-могилянскои коллегіи. Студентъ, провинившійся въ буйствѣ, уходилъ во избѣжаніе наказанія въ іезуитскій коллегіумъ и здѣсь принималъ католичество. Католики смѣются надъ кіево-печерскими мощами и объясняютъ нетлѣніе тѣлъ особенными свойствами кіево-печерскои почвы или тѣмъ, что монахи намазываютъ тѣла пахучими маслами.

Второй штурмъ на православныхъ производять уніаты. Галатовскій вспоминаетъ фанатика Кунцевича и, пользуясь сообщеніями изъ разныхъ городовъ, говоритъ о современныхъ гоненіяхъ со стороны уніатовъ. Такъ, пинскій уніатскій епископъ Бѣлзоръ освобождаетъ находящихся въ его владѣніяхъ православныхъ крестьянъ отъ податей, при условіи, что они подъ Свѣтлое Воскресеніе будутъ ходить въ уніатскую церковь. Жоховскій перешедшимъ въ унію разрѣшаетъ употреблять въ посту мясо. Въ концѣ втораго штурма Галатовскій говоритъ о мученической кончинѣ брестскаго православнаго игумена Аванасія Филиповича. Разсказъ Галатовскаго немного разнится отъ превосходнаго по простотѣ и задушевности описанія кончины Филиповича, описанія, составленнаго неизвестными брестскими братчиками¹⁾. У Галатовскаго ошибочно показано, что Филиповичъ въ тюрьмѣ просидѣлъ недѣлю. По достовѣрному свидѣтельству братчиковъ, тюремное заключеніе Филиповича длилось два мѣсяца (съ 1 іюля по 4 сент. 1648). Братчики не подтверждаютъ показанія Галатовскаго, что конь тащилъ Филиповича и что надъ его могилой горѣли свѣчи.

Третій штурмъ производится хамелеонами, т. е. лицами, перешедшими изъ православія въ латинство, напримѣръ, Касьяномъ Саковичемъ. Галатовскій опровергаетъ мнѣніе Саковича, высказанное въ „Епанортосисѣ“ или „Перспективѣ“, что православные склонны съ соглашенію съ

¹⁾ Русск. истор. библ., IV. Описаніе это помѣщено здѣсь при „Діаріюшѣ“ Филиповича.

кальвинистами. *Четвертый штурмъ* противъ православія производятъ паны католики. Галятовскій указываетъ на королевскіе универсалы, преграждашіе православнымъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и замѣчаетъ при этомъ, что Климентій Тризна не получилъ мѣста мстиславскаго епископа, которое получилъ униатъ Жоховскій, не смотря на то, что за Тризну ходатайствовали и просили православные. Паны отняли маестности у волынскаго зименскаго монастыря, буцацкій монастырь отдали доминиканамъ, православную церковь въ Константиновѣ обратили въ кладовую съѣстныхъ припасовъ, въ Минскѣ отдали православную церковь татарамъ, которые обратили церковь въ мечеть; виленскую церковь св. Параскевы католики обратили въ корчму. Въ Брестѣ паны католики запрещаютъ православнымъ священникамъ ходить къ больнымъ съ св. Дарами, рвутъ на священникахъ ризы, выливаютъ на землю св. Дары. Паны католическаго вѣроисповѣданія обращаютъ своихъ слугъ православнаго вѣроисповѣданія въ католицизмъ и запрещаютъ своимъ крестьянамъ ходить въ Кіевъ на богомолье, православныхъ священниковъ заставляютъ отбывать въ полѣ панщину или посылаютъ ихъ съ подводами въ далекія мѣста. Паны принуждаютъ православныхъ священниковъ участвовать въ католическихъ процессіяхъ и за отказъ или ослушаніе штрафуютъ ихъ или изгоняютъ изъ прихода. Мало того: паны католики своихъ собакъ отдаютъ православнымъ священникамъ на прокормленіе, угрожая священнику отнятіемъ послѣдняго его имущества, если онъ будетъ дурно кормить собакъ. Однажды православные священники просили пана католика быть милосерднымъ къ православнымъ и обѣщали молиться за него Богу. „Не нужно!“ отвѣтилъ панъ; „вашихъ схизматичскихъ молитвъ Богъ не слушаетъ. Вообще „Фундаменты“ Галятовскаго восполняютъ многочисленныя свидѣтельства актовъ, градскихъ книгъ, мемуаровъ и народныхъ пѣсенъ о притѣсненіи православныхъ латино-униатами и указываютъ въ то же время, какъ къ этимъ притѣсненіямъ относился Галятовскій.

На послѣдней страницѣ „Фундаментовъ“ находится небольшое замѣчаніе о Зоилѣ, который осмѣивалъ Гомера и за то былъ повѣшенъ Птоломеемъ. Предвида возраженія со стороны латинскихъ зоилонъ, Галятовскій утѣшаетъ себя тѣмъ, что и у апостола Павла были враги, зоилы. Заключительное замѣчаніе о Зоилѣ было до-

вольно обычно въ южно-русской литературѣ XVII в.; оно, напри- мѣръ, встрѣчается въ „Евхаристиріонѣ“ 1632 г. Сколько извѣстно, латино-уніаты не всражали противъ „Фундаментовъ“. Они навѣрно настрочили-бы цѣлый рядъ возраженій противъ Галятовскаго, если- бы онъ остановился на избитой и истоптанной почвѣ схоластическаго богословія; но Галятовскій зашелъ въ область современной ему бытовой жизни и выдвинулъ такіе вопіющіе факты латино-уніатской жестокости и несправедливости по отношенію къ православному, что трудно было его подкопать и одолѣть. Невозможно было опровергнуть такіе факты, которые были у всѣхъ на глазахъ или въ памяти. Пришлось молчать, и латино-уніаты на этотъ разъ смолчали. Можетъ быть этимъ молчаніемъ прійдется объяснить малую извѣстность и малую распространенность „Фундаментовъ“. По-видимому, эту книжку потому мало читали, что ее мало ругали.

Въ теченіи многихъ вѣковъ магометанскій міръ посредствомъ крымскихъ татаръ опустошалъ Малороссію. Во второй половинѣ XVII в. на Украину обрушился турецкій султанъ, воспользовавшійся слабостью польскаго государства. Въ августѣ 1672 г. турки овладѣли сильнѣйшей польской крѣпостью, Каменцомъ¹⁾. По Буджановскому миру 1672 г. поляки отдали туркамъ Подолію и обязались платить ежегодно дань въ 22,000 червонныхъ. Только военныя дарованія Яна Собѣскаго дали Польшѣ возможность не выполнить унизительныя условія мирнаго договора и возвратить Подолію. Въ августѣ 1674 г. турки занимали Чигиринъ, и въ самомъ Кіевѣ со страхомъ ожидали турецкаго намѣстника. Еще въ іюль 1674 г. печерскій архимандритъ И. Гизель просилъ у царя пушекъ, пороху и ядеръ для обороны монастыря изъ печерской крѣпости. Въ 1675 г. крымскій ханъ сдѣлалъ попытку уничтожить Запорожье. 15,000 янычаръ были введены въ Сѣчь ночью на праздникъ Рождества Христова, когда товариство „завше звыкло гуляти и подпи- вати“²⁾. Запорожцы разбили янычаръ, и ханъ бѣжалъ. Въ 1675 году турки разорили часть Галиціи и Волини³⁾. Въ 1678 г. московскія войска въ защиту отъ татаръ „верхній городъ Кіевъ, идѣ-

1) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, II. 211.

2) С. Величко, Лѣтоп. II. 357—364.

3) Ibid. II. 371.

же церковь св. Софіи и катедра митрополитовъ кіевскихъ, глубокими рвами и высокими валами обведоша и умоцниша, а войска козацкія за поводомъ гетманскимъ городъ Кіевъ печерскій рвами и крѣпкими валами обваровали и уфундовали" ¹⁾. Зимой 1681 г. татары подходили подъ Кіевъ и брали людей въ плѣнъ. Въ 1685 г. кіевляне исправляли городскіе валы для защиты отъ татаръ ²⁾. Въ 1687 г. „татары барзо великія шкody коло Кіева починили, коло самого города, замкомъ (близъ Златыхъ Воротъ), людей побрали, постынали и усе лѣто не давали отпочитку, же зъ города за Лыбедь трудно было выйти, не дбаючи на тое, що наши войска на Крымъ пошли" ³⁾. Слободская Украина въ XVII и XVIII ст. очень часто была опустошаема татарскими отрядами, и битвы съ татарами происходили подъ самимъ Харьвовомъ ⁴⁾. Татарскія и турецкія нашествія сопровождались жестокимъ избіеніемъ малороссіянъ и издѣвательствомъ надъ православными святынями. Побѣдители брали украинскихъ дѣвушекъ въ плѣнъ, обращали церкви въ мечети, иконами мостили улицы ⁵⁾. Въ эту тяжелую для Малороссіи эпоху турецкихъ и татарскихъ нашествій и набѣговъ сложились невольничкія думы, составляющія одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ отдѣловъ малорусской народной поэзіи. Въ пѣсняхъ и думахъ о борьбѣ съ татарами и турками вылилась многострадальная душа народа. Здѣсь народъ выплакалъ свое вѣковое горе; здѣсь онъ выразилъ чувство ненависти къ своимъ исконнымъ врагамъ магометанамъ; здѣсь прославлены народные герои, безстрашно пускавшіеся на утлыхъ чайкахъ въ Черное море и громившіе турокъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Въ пѣсняхъ и думахъ народъ съ замѣчательной точностью передалъ исторію своихъ страданій: какъ татары жгли села, топтали конями дѣтей, какъ мучили плѣнныхъ, какъ „турки білу челядь забирали“, какъ скрывались отъ татаръ въ водѣ, но боясь,

¹⁾ Ibid. II. 478.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтоп. повѣств. II. 173, 178.

³⁾ Лѣтопись Самовидца. Въ 1687 г. былъ первый походъ кн. В. В. Голицына на Крымъ.

⁴⁾ Филаретъ, Истор.-стат. Опис. Харьк. епархіи. I. 108, 109, 114, 117, 119—122; II 58—63, 198—206 и во мног. друг. мѣстахъ.

⁵⁾ Марквичъ, Исторія Малороссіи. II. 209.

чтобы тутъ не выдала чайка, пробирались въ лѣса съ маленькими дѣтьми ¹⁾).

Общественныя бѣдствія, проистекавшія отъ татарскихъ набѣговъ, усиливали въ народѣ вѣру въ чудеса, порождали сказанія о необыкновенныхъ явленіяхъ въ природѣ, предвѣщавшихъ турецкое нашествіе. Такъ, въ 1675 г., во время нашествія турокъ на Галицію и Волынь, „въ монастырѣ елецкомъ черниговскомъ, за архимандритства о. І. Галятовскаго, чрезъ двоихъ чеснихъ іеромонаховъ и иныхъ того монастыря законниковъ и людей свѣтскихъ мѣсяца августа, на отдане праздника Успенія пресвятой Дѣвы Богородицы, о полночи, близко того монастыря елецкаго на ясномъ небѣ два столпи зъ оболочку бѣлаго учиненіе, еденъ отъ стороны полуденной, а другій полунощной, видѣны бяху, которые зъ собою спедшись вдарилися ²⁾), презъ которыи столпи Дѣва пресвятая Богородица тимъ законникамъ елецкимъ тое ознаймила, же войско христіанское съ магометанскимъ войскомъ турецкимъ въ Малой тогобочной Россіи того власне часу, якъ столпи были видѣнни, потикало и войну чинило“ ³⁾).

Выдающіяся южно-русскія духовныя лица второй половины XVII в. Галятовскій и Гизель, особенно Барановичъ, раздѣляли народную ненависть къ туркамъ и татарамъ и дѣйствовали противъ нихъ всѣми возможными для духовныхъ лицъ средствами: взывали къ московскому царю о помощи, отклоняли малороссіянъ отъ мысли покориться султану, поддерживали мужество козаковъ, издавали сочиненія противъ магометанской вѣры.

Во время турецкаго нашествія на правобережную Украину въ 1677 г. Барановичъ, исполнявшій обязанности кievскаго митрополита за смертью Діонисія Балабана, созвалъ въ Кіевъ на соборъ настоятелей главныхъ южно-русскихъ православныхъ монастырей: монастыря печерскаго—И. Гизеля, монастыря елецкаго—Іоанникія Галятовскаго, монастыря новгородъ-сѣверскаго—Михаила Лежайскаго

¹⁾ Въ водѣ прятались иногда съ головой, имѣя во рту пустую въ серединѣ камышяну, черезъ которую дышали.

²⁾ Нужно думать, что рѣчь идетъ о сѣверномъ сіяніи, которое изрѣдка бываетъ видно въ Малороссіи.

³⁾ С. Величко Лѣтопись. II. 372.

и др. ¹⁾. По соборному опредѣленію, Барановичемъ во всѣ мѣста Малороссіи были разсланы двѣ граматы, сходныя по содержанію: одна грамата отъ 4 мая 1677 г., другая въ 1678 г. Предпославъ духовенству и мірянамъ свое пастырское благословеніе и замѣтивъ, что нашествіе турокъ „грѣховъ ради нашихъ стается“, Барановичъ предписываетъ духовнымъ лицамъ служить молебны о побѣдѣ надъ басурманами, а мірянамъ предписываетъ соблюдать постъ, воздерживаться отъ пѣнія, игры и музыки ²⁾.

Въ 1679 г. изъ новгородъ-сѣверской типографіи Барановича вышло небольшое сочиненіе (въ 66 стр.) Галятовскаго подъ заглавіемъ „Лебедь“ съ 5-ю перьями, или Христось съ 5-ю бож. дарами ³⁾;

Первое лебединое перо показываетъ причины продолжительнаго существованія магометанской вѣры. Богъ терпитъ магометанъ, потому что не наполнилась мѣра ихъ грѣховъ, терпитъ для испытанія христіанъ въ твердости вѣры, въ наказаніе христіанскихъ государей за ихъ раздоры и въ виду возможности обращенія магометанъ въ христіанство. Какъ-бы то ни было, магометанство должно погибнуть. По словамъ Баронія, Турція будетъ покорена французами; по словамъ Оомы Брюсельскаго—русскими.

Второе лебединое перо показываетъ причины, почему многіе народы приняли магометанство: повелѣніе Магомета распространять исламъ посредствомъ меча, разрѣшеніе разврата (многоженство), простота и общедоступность магометанскаго вѣроученія, обращеніе въ магометанство христіанскихъ дѣтей (янычары), пере-

¹⁾ Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. I. 43.

²⁾ Акты Западной Россіи. V. 141—144.

³⁾ Полное его заглавіе слѣдующее: *«Łabędz z piorami swemi, z дарами boskimi Christus prawowiernemu narodowi chrześciańskiemu łabędziowym piorem swej mądrości boskiej wypisuje przyczyny, dla których długo trwa na swiecie secta mahometañska i dla których wiele narodow przyęli zakon Mahometow i dla których na wojnie mahometani szczęście mają, chrzescian zwycięzają i miasta i panstwa chrzescianskie posiadają. Ten ze Łabędz Chrystus łabędziowym piorem swej nauki boskiej wypisuje fortele wojenne, ktorymi na wojnie Machometanow swoich przeciw chrześcian Mahomet pobudza, i fortele wojenne, ktoremi chrzescianie Machometanow i każdego nieprzyjciela swego na wojnie zwycięzyc mogą, albo się od nieprzyjciela obronic»*. Одинъ экземпляръ „Лебеда“ находится въ бібліотекѣ харьковской духовной семинаріи.

ходъ бѣглыхъ преступниковъ изъ христіанъ въ магометанство. Кромѣ того Галятовскій говоритъ, что въ аду, по Божьему произволенію, будетъ болѣе людей, чѣмъ въ раю, и вотъ для наполненія ада нужны магометане. Въ концѣ втораго „пера“ Галятовскій прибавляетъ еще два возможныхъ случая уничтоженія магометанъ: магометане погибнуть въ междоусобной войнѣ или будутъ обращены въ столбы.

Третье лебединое перо показываетъ причины, почему магометане на войнѣ побѣждаютъ христіанъ: грѣхи христіанъ, ссоры ихъ царей, небрежность на войнѣ. Въ концѣ главы о третьемъ лебединомъ перѣ находится весьма замѣчательное мнѣніе Галятовскаго о возможности союза православныхъ народовъ, которые могли бы освободиться отъ турецкаго ига, дѣйствуя единодушно. „Такъ и теперь, говоритъ Галятовскій, греки, болгаре, сербы, боснійцы, молдаване, валахи и иные христіанскіе народы, которые служатъ туркамъ, когда Богъ захочетъ, могутъ согласиться и уговориться между собою, выбиться изъ турецкой неволи и турукъ сдѣлать своими рабами, возвратить гробъ Христовъ и святыя мѣста.“

Если принять во вниманіе это любопытное замѣчаніе Галятовскаго и тѣ мысли о необходимости союза поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ, которыя высказаны Барановичемъ въ „Лютнѣ“, то можно съ увѣренностью утвердить, что среди малорусскаго духовенства второй половины XVII в., вполне созрѣла идея политическаго единенія народовъ православнаго вѣроисповѣданія и преимущественно славянскаго корня. Не исключались изъ этого союза даже поляки, непримиримые враги малороссовъ. Въ своей „Лютнѣ“, въ одной изъ виршъ Барановичъ говоритъ, что московскій и польскій орлы, соединившись, могли-бы повергнуть къ ногамъ своимъ магометанскую луну; другую виршу онъ посвятилъ на опроверженіе ходячаго мнѣнія (во времена Барановича), что „rokі swiat swiatem nie będzie rusin polakowi bratem.“ Такія тенденціи Барановича и Галятовскаго представляютъ довольно сознательное выраженіе внутренней связи малорусскаго народа съ южными и западными славянами въ XV—XVII столѣтіяхъ. Разгромомъ прибрежныхъ турецкихъ городовъ козаки мстили не только за несчастія своей родины, но и за угнетеніе всего южнаго славянства. Югославяне надѣялись, что Богданъ Хмельницкій освободитъ ихъ отъ

турокъ, и Хмельницкій дѣйствительно приготавлился „промышлять надъ турецкимъ царемъ.“ Есть основаніе думать, что Хмельницкій замышлялъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Украинѣ, сдумѣлъ даже склонить на свою сторону турецкаго султана; но тутъ подвернулись для Хмельницкаго крайне неблагопріятныя политическія обстоятельства, напоръ поляковъ, грабежи татаръ, опасность потерять въ московскомъ царѣ послѣднюю опору на случай крайности, и повернули мысли его въ другую сторону. Проблеснувшая мысль о союзѣ поработченныхъ славянскихъ народовъ, о взаимной ихъ другъ другу помощи для общаго дѣла славянской свободы, которая могла-бы организоваться въ такую или иную политическую комбинацію, оставлена въ самомъ началѣ, хотя самая идея славянства была тогда живѣе, связь славянъ между собою и въ частности съ Малороссією тѣснѣе и ближе и даже въ Румыніи славянской элементъ былъ весьма значителенъ. Гораздо ранѣе Хмельницкаго еще въ XV в. малорусскіе козаки, подъ предводительствомъ князей Острожскихъ и Сигизмунда Корибута, ходили въ Чехію помогать чехамъ въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами ¹⁾.

Четвертое лебединое перо описываетъ военныя уловки или фортели, которыми Магометъ поднимаетъ въ Коранѣ мусульманъ противъ христіанъ: замѣчаніе о распространеніи ислама мечемъ, замѣчаніе о томъ, что магометанину принадлежитъ земля, гдѣ ступила нога его коня, обѣщаніе райскаго блаженства борцамъ за вѣру и др.

Пятое лебединое перо изображаетъ военныя мѣры, посредствомъ которыхъ христіане могутъ побѣдить магометанъ. Изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, западно-европейскихъ и польскихъ историковъ Галатовскій выбралъ около 40 случаевъ, когда побѣда была одержана въ слѣдствіе хитрости, и онъ рекомендуетъ эти военныя хитрости христіанамъ. Тутъ встрѣчается рассказъ о деревянномъ конѣ, ввезенномъ въ Трою, о томъ, какъ турки завлекли въ ровъ Владислава III, какъ древляне убили великаго князя Игоря, какъ Владиміръ св. взялъ Херсонесъ, и друг.

Въ концѣ книги Галатовскій приводитъ нѣсколько примѣровъ наклонности магометанъ къ колдовству, при чемъ одинъ примѣръ

¹⁾ Первольфъ. Славянск. взаимность, 151, 277.

заимствованъ изъ польскаго перевода „Освобожденнаго Іерусалима“ Т. Тасса, Галятовскій серьёзно вѣрилъ, что Исмень былъ колдунъ и что татаре насылаютъ на христіанъ болѣзни, колдуя на сердцахъ убитыхъ людей. Магометъ у Галятовскаго не болѣе, какъ бѣсноватый, магометане—слуги дьявола и магометанское ученіе—дѣло дьявола.

Въ концѣ XVII ст. „Лебедь“ былъ переведенъ на русскій языкъ¹⁾. Противъ „Лебеда“ издано было злое сатирическое стихотвореніе „List do Galatowskiego“²⁾.

Вскорѣ послѣ выхода „Лебеда“ вышло другое сочиненіе Галятовскаго противъ магометанъ: „Alkoran Mahometa od (koheleta) Chrystusa zniszczony i w niwec obrocony“. Мѣсто изданія—Черниговъ. Время изданія у разныхъ библиографовъ и историковъ показано различно: у Вишневскаго въ 1683 г., у Костомарова въ 1687 г., у архіеп. Филарета въ 1688 г. По словамъ Н. И. Костомарова, въ „Алкоранѣ“ говорится о жизни и ученіи Магомета и повторяется преданіе о томъ, что турки будутъ побѣждены христіанами. „Алкоранъ“ раздѣленъ на 12 частей и изложенъ въ формѣ диспута между алкораномъ и когелетомъ. Сочиненіе посвящено царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ³⁾. Переводчикъ посольскаго приказа Годзеловскій перевелъ его на русскій языкъ⁴⁾.

Наряду съ Барановичемъ и Галятовскимъ, какъ дѣятельный членъ литературнаго и политическаго кружка Барановича, И. Гизель также писалъ противъ турокъ. Въ 1667 г. И. Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманъ и поворотиться православному московскому царю⁵⁾.

Въ XVI ст., въ золотое время польской свободы, въ Польшѣ и Литвѣ возникли разные расколы и ереси, проникшіе и въ южную Русь; въ особенности глубокіе корни пустило аріанство. Аріанство, отвергавшее божественность Христа, какъ извѣстно, возникло въ IV ст. и было осуждено на Нивейскомъ соборѣ 325 г. Время отъ времени оно возрождалось въ разныхъ концахъ христіанскаго

¹⁾ Филаретъ, Обзоръ дух. литер., I. 288 (у Толстаго, II. 26).

²⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polsk. VIII. 394.

³⁾ Костомаровъ, Русск. Исторія въ жизнеоп. II. 370.

⁴⁾ Филаретъ, Обзоръ, I. 288.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 15.

міра. Въ XVI ст. представителемъ аріанства на Западѣ былъ Серветъ, сожженный Кальвиномъ. Въ 1551 году послѣдователи Сервета, Лелій и Фаустъ Социны перенесли аріанство въ Польшу, гдѣ оно, по имени Социновъ, стало называться социніанствомъ. Въ короткое время возникло множество социніанскихъ толковъ. Фаустъ Социнъ примирилъ аріанскія партіи, утвердивъ между ними единство въ главныхъ вѣрованіяхъ. По изъясненію Фауста Социна, откровеніе есть главный источникъ и основаніе вѣры; но въ объясненіи словъ св. Писанія человѣческому разуму долженъ быть предоставленъ полный просторъ. Богъ Отецъ всесовершенъ, безначаленъ, несотворенъ, а самъ все сотворилъ. Іисусъ Христосъ, по ученію Социна, былъ смертный человѣкъ, но, зачатый во чревѣ св. Дѣвы безъ мужа наитіемъ св. Духа, онъ въ извѣстномъ смыслѣ сталъ сыномъ Божіимъ, присвоеннымъ или усыновленнымъ. Черезъ крестныя свои страданія и воскресеніе Іисусъ Христосъ сдѣлался Богомъ и потому Его нужно прославлять и призывать въ молитвахъ. Но Христосъ не есть Слово, черезъ которое все сотворено. Онъ всесовершеннѣйшій пророкъ, богодухновенный человѣкъ, человѣко-Богъ, но не Бого-человѣкъ. Своей крестной смертью Христосъ не искупилъ людей отъ грѣха и не ввелъ ихъ въ наслѣдіе вѣчной жизни, но лишь показалъ, какъ они могутъ умилостивить Бога. Св. Духъ есть даръ Божій, подаваемый вѣрующимъ и всей полнотой своей почивавшій во Христѣ. Социніане признавали только два таинства, причащеніе и крещеніе, не придавая однако имъ таинственнаго значенія. Нравственное ученіе социніанъ было строго. Въ церковныхъ учрежденіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ социніане не отличались отъ протестантовъ. Время отъ объединенія социніанскихъ партій въ 1585 г. до открытія гоненія на нихъ со стороны польскаго правительства и народа въ 1638 г. было самымъ цвѣтущимъ періодомъ въ исторіи польскаго социніанства. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи: въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Венгровѣ, Пинчовѣ, Кіевѣ. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ. Въ 1638 г., по случаю выхода въ свѣтъ одной богохульной книжки, въ Раковѣ была закрыта социніанская церковь, школа и типографія, и самый городъ вскорѣ былъ разрушенъ католиками. Въ 1644 г.

были закрыты соцініанскія церкви и школы на Волыни. По сеймовымъ постановленіямъ 1658, 1659, 1661 и 1662 годовъ соцініанскія общины были уничтожены, при чемъ одни соцініане вынуждены были принять католицизмъ, другіе были изгнаны, третьи казнены ¹⁾).

Можно думать, что религиозное броженіе умовъ въ Литвѣ и южной Россіи, вызванное соцініанствомъ, не смотря на драконовскія относительно соцініанъ постановленія сейма 1662 г., не совсѣмъ улеглось. Въ образованномъ южно-русскомъ обществѣ, вѣроятно, встрѣчалось еще не мало людей съ соцініанскими убѣжденіями и вѣрованіями, скрываемыми подъ личиной польско-католическаго благочестія. Іезуиты съ свойственной имъ ловкостью воспользовались религиозно-общественнымъ настроеніемъ, вызваннымъ соцініанствомъ. Они обвиняли православныхъ въ наклонности къ кальвинизму и соцініанству. Сдѣлавъ имя аріанъ ненавистнымъ въ Рѣчи Посполитой, они охотно стали примѣнять это имя къ православнымъ, направляя такимъ образомъ противъ нихъ фанатическое польско-латинское духовенство и шляхетство. Кипріанъ Жоховскій печатно называлъ Барановича и Галятовскаго аріанами ²⁾).

Издавая сочиненія противъ аріанъ, призывая на ихъ голову всѣ кары небесныя и земныя, Галятовскій тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ о лживости взводимыхъ іезуитами на православныхъ обвиненій въ наклонности къ аріанству. Южно-русскій ученый не замѣтилъ однако того, что, обѣлая себя и своихъ единовѣрцевъ передъ глазами католиковъ рѣзкимъ осужденіемъ еретиковъ, онъ по духу слишкомъ приблизился къ своимъ гонителямъ іезуитамъ, слишкомъ проникся ихъ злобой, нетерпимостью, ихъ ненавистью къ чловѣку.

Вообще противъ еретиковъ направлено сочиненіе Галятовскаго Алфавитъ („Alphabetum rozmaitym heretikom niewiernym dla ich nauczenia y nawrocenia do wiary katholicckiej).“ Напечатано въ Черниговѣ, въ типографіи Барановича, 23 іюня 1681 г., съ обозначеніемъ имени автора.

¹⁾ Левяцкій, О южнор. соцін., въ „Кіевской Старинѣ“, 1882 г.; Соколовъ, Отношеніе протестантовъ къ Россіи, стр. 259—262.

²⁾ Fundamenta, Галятовскаго, стр. 83.

Противъ аріанъ Галятовскій издалъ въ Черниговѣ въ 1686 г. „Софія мудрость“¹⁾.

„Алфавитъ“ посвященъ гетману Ивану Самойловичу въ знакъ благодарности за благодѣянія, оказанныя имъ автору книги и елецкому монастырю. За посвященіемъ слѣдуетъ краткая „Предмова до чительника,“ въ которой еретики сравниваются съ дымомъ, саранчой и прочимъ, упоминаемымъ въ 9 главѣ Апокалипсиса. За предмовой слѣдуетъ стихотвореніе въ 10 строкъ, обращенное къ еретику,—одна изъ рѣдкихъ виршей Галятовскаго.

Te xiege przy kłopotach, z kosztem, z pracą, chory

Napisałem, abym wszedł w niebieskie życ dwory,

Żadając niewiernych do wiary nawrocenia²⁾... и проч.

Въ самомъ „Алфавитѣ“ перечисляются въ алфавитномъ порядкѣ имена еретиковъ; въ двухъ-трехъ строкахъ говорится объ ихъ заблужденіяхъ, и затѣмъ слѣдуетъ возраженіе Галятовскаго, иногда въ нѣсколько страницъ. Пространныя возраженія изложены въ формѣ діалоговъ между православнымъ и еретикомъ. Сравнительно большая обширность нѣкоторыхъ возраженій и опроверженій Галятовскаго происходитъ отъ того, что въ нихъ вставлены богословскіе трактаты о св. Троицѣ, о божествѣ Христа (13—24), о пребываніи душъ на небѣ (43—57), о страшномъ судѣ (60—75), объ иконопочитаніи (97—102), о формѣ и значеніи таинствъ, о св. мощахъ и проч. Трактаты эти представляютъ повтореніе того, что говорилось уже въ „Ключѣ“ и „Мессіи“.

Галятовскій въ изложеніи еретическихъ мнѣній и въ опроверженіи ихъ обнаруживаетъ крайнее неумѣнье отличать важное отъ пустаго и большое смѣшеніе понятій. О Херинтѣ, Эолѣ, Флоринѣ говорится болѣе, чѣмъ о Лютерѣ и Кальвинѣ. Въ число ере-

¹⁾ „Sophia mądrość zbudowała sobie dom y wgruntowała siedm słupów y mieszkając w tym domu, rozmaite na świecie czyni cuda przeciw Arianow heretykow y już wczyniła y przez w. w. Bogu o. J. Galatowskiego, arch. czern. — jeleckiego, swiatu objawiła“. Въ фундамент. библиотекѣ харьковской духовной семинаріи находится „Alphabetum“ и „Sophia mądrość“, по одному экземпляру.

²⁾ „Въ хлопотахъ, съ большими издержками и трудомъ, больной, написалъ я эту книгу, чтобы войти въ небесное жилище, желая, чтобы невѣрующіе обратились къ вѣрѣ“ и пр.

тиковъ попали китайцы, японцы, мексиканцы, Зороастръ, Ксерксъ, греческіе философы, Маккиавели. Китайцы попали въ еретики за ношеніе косы, японцы за ученіе о богѣ Амидѣ, будто бы пострадавшемъ за человѣчество, мексиканцы за поклоненіе идолу, сдѣланному изъ муки, меда и разныхъ кореньевъ. Зороастру приписано изобрѣтеніе чародѣйства. Демократъ оказался въ числѣ еретиковъ на томъ основаніи, что училъ о происхожденіи міра изъ атомовъ, Диагоръ за ученіе о случайномъ происхожденіи міра и о господствѣ въ мірѣ случая, Зенонъ за ученіе, что душа человѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ, воздуха, воды, огня и земли, Гериллъ за то, что высшимъ благомъ человѣка считалъ мудрость, Платонъ за ученіе о существованіи душъ солнца, луны и звѣздъ, Ксенофонтъ за ученіе о вѣчности міра. Послѣдователи Маккиавели признаны еретиками за то, что ставятъ государство выше церкви. Галатовскій опровергаетъ древнихъ философовъ доводами изъ св. Писанія; наприм., Герилла халкедонскаго опровергаетъ словами ап. Павла, что земная мудрость—глупость передъ Богомъ. Магомету въ „Алфавитѣ“ отведено полъ-страницы; впрочемъ, сообщеніе о Магометѣ довольно вѣрно исторически и содержательно. Лютеру въ „Алфавитѣ“ посвящено еще менѣе мѣста, чѣмъ Магомету, причѣмъ обнаруживаются крайне скудныя свѣдѣнія Галатовскаго о протестантствѣ. Южнорусскій ученый могъ только замѣтить, что Лютеръ добрыя дѣла считалъ грѣхомъ и за это ночью былъ удушенъ чортомъ, который скрутилъ Лютеру шею. Повидимому, и наставникъ Галатовскаго Барановичъ весьма мало зналъ о протестантствѣ и лишь глумился надъ Лютеромъ. Въ „Лютнѣ“ находится вирша „Lutrowi—Юtrowi“, въ которой Лютеръ названъ волкомъ, а жена его, бывшая монахиня, волчицей. По словамъ Галатовскаго, Кальвинъ называлъ себя краеугольнымъ камнемъ, о которомъ говорится въ евангеліи. „За это богохульство“, грубо и злобно замѣчаетъ Галатовскій на основаніи какого нибудь человѣконенавистнаго іезуитскаго свидѣтельства, „Кальвина съѣли вши, которыя выходили изъ его тѣла и сыпались; отъ этой вшивой болѣзни происходилъ въ его тѣлѣ столь сильный смрадъ, что люди убѣгали отъ него и самъ онъ задохся отъ собственнаго смраду“. На Гуса Галатовскій смотритъ съ точки зрѣнія средневѣковыхъ католиковъ, осудившихъ великаго чеха на сожженіе. Галатовскій признаетъ за

духовными лицами право проклинать мірянъ. Говоря о томъ, что самаритяне впадали въ идолопоклонство, Галатовскій замѣчаетъ, что и русскіе не отрѣшились вполне отъ языческихъ вѣрованій въ Ладю, Купала, Леля-Полеля, Чура. „Наши христіане, говоритъ Галатовскій, „и теперь во время свадьбы или какого нибудь увеселенія упоминаютъ о Ладю; въ честь Купала надѣваютъ вѣнки на свою голову, опоясываются цвѣтами и травами, прыгаютъ черезъ огонь и танцуютъ вокругъ него, взявшись за руки и распѣвая купальскія пѣсни; вспоминаютъ въ пѣсняхъ Леля-Полеля¹⁾); подъ праздникъ Рождества Христова вспоминаютъ Чура и распѣваютъ по дворамъ развратныя пѣсни“. Подъ развратными пѣснями, очевидно, подразумѣваются колядки. Объ обычаѣ колядованія находится упоминаніе въ „Лицосѣ“ 1644 года. Любопытно не столько перечисленіе нѣкоторыхъ остатковъ языческихъ вѣрованій въ Малороссіи въ XVII в., сколько заключительное замѣчаніе Галатовскаго. „Духовныя лица, замѣчаетъ Галатовскій, искореняютъ эти суевѣрія своими наставленіями, но ихъ не слушаютъ; потому свѣтскимъ лицамъ слѣдуетъ силой изгнать эти суевѣрія“. Южнорусскій ученый, очевидно, желалъ приложенія къ малорусской народной жизни принудительныхъ и регламентирующихъ законодательныхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ правиламъ, которыя практиковались въ XVI—XVII ст. въ московскомъ государствѣ.

Заключительное обращеніе къ читателю состоитъ въ объясненіи того, что изъ Алфавита видно, т. е. что еретики хуже жидовъ и язычниковъ, по демонскому внушенію производятъ ложныя чудеса, хитры, развратны, вообще достойны смертной казни.

„Софія мудрость“ посвящена кievскому митрополиту Гедвону Святополку Четвертинскому (хиротонисанъ изъ луцк. еп. въ кiev. митр. 8 нояб. 1685 г., † 6 апр. 1690 г.). Въ предисловіи говорится о родѣ кн. Четвертинскихъ и приложено изображеніе Купятицкой иконы Богоматери. Въ книгѣ 25 листиковъ (50 стран.), на которыхъ изложены чудеса, свидѣтельствующія о преступности арианъ. Всѣхъ чудесъ 51. Чудеса заимствованы преимущественно изъ Баронія. Отличительная особенность чудесъ въ „Софіи“—жестокость. И въ

¹⁾ Свидѣтельство это заимствовано изъ Кромера, который о Лелѣ и Палелѣ упоминаетъ въ соч. „De origine et reb. gest. Polan.“ III. 30.—Прм. авт.

„Небѣ“ грѣшники терпятъ наказаніе отъ Богоматери; но иногда получаютъ прощеніе. Въ „Софіи“, этомъ жалкомъ исчадіи кіево-могилянскои науки, Богъ является исключительно грознымъ и карающимъ. Для еретиковъ нѣтъ другаго наказанія, какъ искалѣченіе и смерть; напр. во 2 чудѣ аріанинъ убитъ громомъ, въ 4—облить въ банѣ кипяткомъ, въ 5—убить конемъ, въ 6—у аріанск. еписк. Зосимы выльзъ языкъ, въ 23—самъ Аріій распухъ и умеръ скоропостижно мучительною смертью. Въ заключительномъ обращеніи къ „ядовитому Скорпіону зоилю“ Галятовскій говоритъ, что русскій народъ живетъ подѣ небеснымъ зодіакомъ Скорпіона. „Неласковый и гнѣвный Скорпіонъ своимъ небеснымъ вліяніемъ побуждаетъ народъ русскій къ войнамъ“.

Въ 1686 г. Галятовскій издалъ въ Черниговѣ на рускомъ языкѣ сочиненіе „Боги поганскіе“. Эта небольшая книжка (12+34) нынѣ представляетъ большую библиографическую рѣдкость. Въ библиотекѣ Хлудова (въ Москвѣ) находится одинъ экземпляръ. Сочиненіе посвящено царцѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Содержаніе сочиненія видно изъ заглавія. „Боги поганскіе въ болванахъ мѣшкаючіе духове злыи, тутъ же посполу ихъ розмаитыи злости написани, жебы христіане правовѣрные могли отъ себя злыхъ духовъ отогнати и подоптати и поплевати и силу ихъ зламати и надъ ними триумфовать“. Здѣсь говорится, что демоны, скрывающіеся въ статуяхъ языческихъ боговъ, обманываютъ христіанъ. ложными чудесами; иногда демоны являются въ тѣлесномъ видѣ, сдѣлавъ себѣ тѣло изъ воздуха или облака. Демоны болѣе всего боятся Богородицы, костей святыхъ и молитвы.

Послѣднее сочиненіе Галятовскаго, изданное имъ за годъ до кончины, носитъ названіе: „Души людей умерлыхъ зъ тѣла выходячіи отходятъ на три мѣсяца, иншіи до неба, иншіи до пекла, иншіи на мытарства“¹⁾. Книжка небольшая, написана на рускомъ языкѣ, издана въ Черниговѣ въ 1687 г. Это такое-же сухое и безсодержательное порожденіе кіево-могилянскои науки, какъ и два предъидущія сочиненія Галятовскаго. Въ „Душахъ“ много схоластическихъ пустяковъ; напр. въ концѣ предмовы въ формѣ прописныхъ буквъ показаны „оружія страстей Христовыхъ“: П—столбъ,

¹⁾ Одинъ экз. „Душъ“ находится въ библ. харьковск. духов. семинаріи.

у котораго бичевали Христа, X—клещи, которыми извлекали гвозди изъ его рукъ и ногъ и т. д.; къ каждой фигурѣ приложено риемованное двустипіе. Въ „Душахъ“ перечисляются 11 небесъ, говорится о 9 ангельскихъ чинахъ, о томъ, съ кѣмъ святыя ведутъ на небѣ дружбу, о раздѣленіи ада на отхлань и геенну, о разныхъ мукахъ грѣшниковъ, о мытарствахъ души и о борьбѣ святыхъ съ чертями за душу умершаго. „На повѣтрѣ, замѣчаетъ Галятовскій, полно есть злыхъ духовъ, которые съ нами войну точать, до грѣха насъ приводятъ и души людскія задерживаютъ“, — замѣчаніе, характерное для историка демонологіи, особенно при опредѣленіи темныхъ средневѣковыхъ вѣрованій и понятій, занесенныхъ въ южную Русь схоластической школой.

Іоанникій Галятовскій, „поживъ богоугодно, преставися въ старости въ 1688 году мѣсяца януарія 2 дня, положень есть въ храмѣ Успенія пр. Богородицы, подъ формою своею. Сія чтеши глаголи: сотвори ему, Господи, вѣчную память“. Слова эти найдутся въ елецкомъ помянникѣ¹⁾). Кончина Галятовскаго не была замѣчена современниками. Объ ней не упоминаетъ Барановичъ въ своихъ письмахъ. Не упоминаетъ о смерти Галятовскаго и св. Дмитрій Ростовскій, старательно отмѣчавшій въ своемъ Діаріушѣ время кончины южнорусскихъ духовныхъ лицъ, даже простыхъ монаховъ, чѣмъ либо отличавшихся, отмѣтившій, между прочимъ, время кончины одного благочестиваго постриженника Галятовскаго²⁾).

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кievской духовной академіи находится старинный портретъ Галятовскаго. Портретъ обгнилъ вокругъ, но лицо хорошо сохранилось, хотя нѣсколько закопчено.

Бросая послѣдній взглядъ на Галятовскаго, какъ человѣка и писателя, мы должны признать въ немъ человѣка благочестиваго, умнаго и образованнаго. Нельзя однако не замѣтить, что богатые дарованія Галятовскаго были въ значительной степени искалчены школой. Кіево-могилянская схоластика внесла въ его ученую и литературную дѣятельность нѣчто такое, что помѣшало ему вполне стать на народную точку зрѣнія и работать въ интересахъ народа.

1) Истор.-стат. Опис. черниг. епарх. III, 18.

2) Дмитрій Ростовскій. Сочиненія, I. 10.

Южнорусскія народныя нужды и стремленія подсказывали ему темы для сочиненій и наводили его на мысль писать противъ католиковъ, магометанъ и евреевъ; но лишь только Галятовскій брался за перо, какъ вмѣсто живаго сочетанія современныхъ ему фактовъ въ огромномъ большинствѣ его сочиненій выступаетъ искусственное сопоставленіе книжныхъ свѣдѣній, безъ соотвѣтствія ихъ съ дѣйствительностью. Если позволительно объ ученикѣ судить по учителю, о Галятовскомъ по Барановичу (а между ними, несомнѣнно, существовала самая тѣсная духовная связь), то можно допустить, что Галятовскій въ своей частной жизни, въ общественной и политической дѣятельности стоялъ въ родной землѣ гораздо ближе, чѣмъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. Вообще по сочиненіямъ южнорусскихъ писателей второй половины XVII в., преимущественно по сочиненіямъ Барановича и Галятовскаго, легко убѣдиться, что наука въ это время въ южной Россіи, при внѣшнемъ обманчивомъ богатствѣ, выразавшемся главнымъ образомъ толстотой книгъ и обиліемъ ссылокъ на пособія, была въ дѣйствительности явленіемъ почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни. Исторія южнорусской науки и литературы второй половины XVII вѣка свидѣтельствуетъ, что научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, общественнаго и народнаго, прогресса національнаго.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

12 декабря 1883 года.

ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СЪЧЕЙ.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи запорожской Сѣчи, распространено то общее убѣжденіе, что Сѣчь постоянно и по мѣрѣ надобности переносилась съ одного мѣста на другое и что, стало быть, существовало Сѣчей нѣсколько, а не одна. И это совершенно вѣрно. Является лишь вопросъ: каковъ былъ порядокъ запорожскихъ Сѣчей и что было причиною перенесенія ихъ съ одного мѣста на другое?

На первый изъ поставленныхъ вопросовъ между другими историками и лѣтописцами раньше всѣхъ даетъ отвѣтъ князь Мышецкій, авторъ „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“¹⁾. Такъ какъ отвѣтъ Мышецкаго, не смотря на всю его неполноту, отличается все таки большою подробностію, то мы и воспользуемся его показаніями, присовокупивъ къ этому и собственныя соображенія²⁾. Въ главѣ „о прежнемъ житіи казаковъ запорожскихъ, гдѣ оныя свои главныя жилища, а по ихъ званію, сѣчи имѣли“, авторъ говоритъ, что запорожцы сидѣли сѣчами въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ мѣстечкѣ Седневѣ, отстоявшемъ въ 30 верстахъ отъ г. Чернигова; 2) въ г. Каневѣ, который стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, ниже г. Кіева и считается однимъ изъ уѣздныхъ городовъ этого послѣдняго 3) въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, которое находилось въ полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра; 4) на островѣ Хортицѣ³⁾

¹⁾ „Исторія о казакахъ запорожскихъ“ издана въ Одессѣ, въ 1852 году.

²⁾ Къ указанію Мышецкаго мы добавляемъ и собственныя свѣдѣнія, добытыя лично во время поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ.

³⁾ Иначе островъ св. Григорія, Варяжскій, Хиртица, Хитрицкій, Хордецкой островъ.

который лежитъ противъ пристани г. Александровска екатеринославской губерніи, ниже послѣдняго днѣпровскаго порога Вильнаго или Гадючьяго, на восемь верстъ ¹⁾); 5) на островѣ Томаковѣ или Токомаковѣ ²⁾, который принадлежитъ теперь жителямъ села Красно-Григорьевки или Чернышовки, екатеринославскаго уѣзда и именуется островомъ Городищемъ; 6) на Микитиномъ рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой, но находившемся на 150 сажень ниже пристани теперешняго мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, противъ южнаго конца острова Орлова; 7) на рѣчкѣ Чортотмыкѣ, при самомъ устьѣ ея, тамъ гдѣ теперь деревня Капулинка или Капыловка, екатеринославскаго уѣзда; 8) на устьѣ рѣчки Каменки, гдѣ теперь деревня Консуловка или Разоровка, въ имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова, херсонскаго уѣзда; 9) въ урочищѣ Олешкахъ, по теперешнему въ г. Алешкахъ таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, прямо на востокъ отъ г. Херсона; 10) наконецъ на рѣчкѣ Подпольной въ дугообразной лукѣ или извиѣ ея, на правомъ берегу, въ урочищѣ, называвшемся у козаковъ Краснымъ-Кутомъ, или Базавлуцкимъ полуостровомъ ³⁾, гдѣ теперь село Покровское екатеринославскаго уѣзда.

Таковъ порядокъ запорожскихъ Съчей, представленный княземъ Мышецкимъ. Но тутъ является прежде всего вопросъ: можно ли три первыя, до-хортицкія Съчи, Съчь Седневскую, Каневскую и Переволочанскую считать запорожскими Съчами, въ собственномъ смыслѣ этого слова? Кажется, что на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. За это говорить прежде всего этимологія слова: *запорожець*. Запорожцами, запорожскими козаками въ собственномъ смыслѣ назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ-нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища, за порогами Днѣпра, начинавшимися, равнымъ счетомъ, на восемь

¹⁾ Мышецкій ошибочно показываетъ 15 верстъ вмѣсто восьми.

²⁾ По татарски Томаковка звучитъ „тумакъ“ что значить „шапка“; островъ по своей округлости дѣйствительно очень похожъ на шапку. Другія названія острова Днѣпровскій и Буцка. См. Памятн. кievской комм. для разбора древ. актовъ, I, отдѣлъ III, стр. 18. Кіевъ, 1845 г.

³⁾ Подвиленская Съчь отстояла отъ Базавлука прямо на востокъ, на разстояніи 12 верстъ.

версть ниже деревни Половицы, теперешняго губернскаго г. Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ козаковъ назывались и должны называться запорожскими козаками; тѣже изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ называемой Старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ кievской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ г. Черкасъ, кievской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, городовыхъ, реестровыхъ, или семейныхъ козаковъ. Но такъ какъ и Седневъ, и Каневъ, и Переволочна находились выше днѣпровскихъ пороговъ, то и считать ихъ *запорожскими Сѣчами* едва ли возможно. Если же пребываніе запорожскихъ козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и несомнѣнно, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ мѣсто зарожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали недавніе историки, а истинные сыны Малороссіи; плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Впрочемъ пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя бы то и не Сѣчами, могло относиться лишь къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они не обособлялись еще отъ малорусскихъ козаковъ и, живя въ Старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Но затѣмъ, кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седневъ, Каневъ и Переволочну Запорожскими Сѣчами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ—сѣчами. Документально извѣстною, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится только Хортицкая Сѣчь, съ которой мы и ведемъ счетъ всѣмъ запорожскимъ Сѣчамъ.

Но, кромѣ указанной неточности, у Мышецкаго замѣчается еще отсутствіе хронологическихъ датъ на счетъ времени возникновенія и паденія каждой изъ названныхъ запорожскихъ Сѣчей; также точно Мышецкій не даетъ намека и на то, что нѣкоторыя изъ названныхъ Сѣчей, какъ напримѣръ Хортицкая, Чортомлыцкая и Каменская, возникали и прекращались не одинъ, а два раза. Впрочемъ, выставя это на видъ, мы далеки отъ того, чтобы обвинять автора „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“, писавшаго болѣе, чѣмъ

сто лѣтъ тому назадъ (между 1736 и 1740 гг.). Только въ наше время, и то все-таки далеко не вполне, мы можемъ удовлетворить себя отвѣтомъ на заданный вопросъ. Такъ, что касается Хортицкой Сѣчи, то изъ лѣтописныхъ сказаній извѣстно, что начало ея положено въ 1557 году княземъ Д. И. Вишневецкимъ, человѣкомъ православной вѣры, родомъ изъ волынскихъ князей Гедиминовичей. „Тогожь мѣсяца (сентября 1557 года) приѣхалъ ко царю и великому князю Ивану Васильевичу (Грозному) всеа Русіи, отъ Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича, бити челомъ Михайло Есковичъ, чтобъ его (т. е. князя) государь пожаловалъ, а велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы от(ъ)ѣхалъ, и на Днепрѣ на Хортицкомъ острову городъ поставилъ, противъ Конскихъ водъ (рѣка), у крымскихъ кочевницъ“¹⁾. Вотъ время перваго возникновенія Хортицкой Сѣчи. Но уже два года спустя Сѣчь Хортицкая окончила это первое свое существованіе, вслѣдствіе того, что самъ предводитель запорожскихъ козаковъ, князь Д. И. Вишневецкій, подавленный нападеніемъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, удалился сперва „за Черкасы и Каневъ“, а потомъ въ отдаленный г. Бѣлевъ съ его волостями и селами; козаки-же, предоставленные собственной судьбѣ, искали себѣ другаго мѣста для своего поселенія. Впрочемъ, павшая такъ безвременно Хортицкая Сѣчь снова возобновлялась, но это было уже въ началѣ XVII столѣтія при кошевомъ атаманѣ запорожскихъ и гетманѣ малорусскихъ козаковъ, Петрѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ. „Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году“²⁾, тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ“³⁾. „Хортица одинъ изъ большихъ Днѣпровскихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки. Въ началѣ XVII с. гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести землянымъ окопомъ и деревяннымъ тыномъ или *застюкою*, отъ чего, мо-

¹⁾ По Максимовичу. См. Собр. сочин., т. I, стр. 284, Кіевъ, 1876 г.

²⁾ Здѣсь явная ошибка: дѣло было въ 1618 году; ибо самъ Сагайдачный умеръ въ 1622 г. См. Антоновичъ и Бець. Истор. дѣят. юго-зап. Руси. 1883 г., стр. 1—5.

³⁾ Мышецкій. Истор. о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

жетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе *Съчи*, сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ въ другія мѣста, до самаго окончательнаго ихъ разсѣянiя“¹⁾. „Островъ сей (Хортица) извѣстенъ былъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе Руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ къ началу XVI столѣтія запорожцы имѣли Съчъ свою, оставили ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули“²⁾.

За Хортицкой Съчью слѣдовала Томаковская; возникновеніе ея можно относить къ двумъ моментамъ: или къ тому времени, когда впервые основана была и Хортицкая Съчъ, или-же ко времени немного позже этого. Въ первомъ мнѣніи утверждаетъ насъ авторъ „Исторіи Малой Россіи“, когда говоритъ о князѣ Д. И. Вишневецкомъ, укрѣпившемъ не одинъ только островъ Хортицу, но и островъ Томаковку³⁾; второе предположеніе является само-собой, когда исключить первое: если Томаковская Съчъ основана не одновременно съ Хортицкой и не раньше ея, то, стало быть, позже. Но когда-же именно? На этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно мы не можемъ. Правда, г. Костомаровъ⁴⁾ говоритъ, что Томаковская Съчъ возникла въ 1568 году; но на чемъ онъ основываетъ свое утвержденіе? На такомъ актѣ, который рѣшительно ничего не говоритъ о Томаковской Съчи. Вотъ этотъ актъ, буква въ букву: „Подъданнымъ нашимъ козакомъ тымъ, которые зъ замьовъ и мечь нашихъ Украинныхъ, безъ росказаня и ведомости на тое господарское и старость нашихъ Украинныхъ, зъехавши, *на низу на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ* перемешкиваютъ: Маємъ того ведомость, ижъ вы на местцахъ помененныхъ, у входахъ разныхъ свовольне живучи, подданнымъ цара Турецкого, чабаномъ и татаромъ цара Перекопского, на улусы и кочовища ихъ находечи, великие шкody и луезства имъ чините, а тымъ границы панствъ

1) Книга, глаголемая Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 259.

2) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 150.

3) Бантышъ-Каменскій. Ист.-Мал. Рос., Москва. 1842 г., I, 113; тоже повторяетъ Маркевичъ въ своей „Исторіи Малороссіи“. Москва, 1842 г., I, 46.

4) Южная Русь и казачество. Отеч. Зап., т., CLXXXVIII, отд. I, стр. 39.

нашихъ отъ непріятели въ небезпечество приводите“¹⁾. Вотъ тотъ актъ, который, по словамъ г. Костомарова, указываетъ будто-бы годъ основанія томаковской Сѣчи. Но какое-же здѣсь указаніе на Томаковскую Сѣчь? Въ актѣ говорится только о томъ, что запорожскіе козаки „перемешкиваютъ“ на Днѣпрѣ, на низу и на поляхъ; но Днѣпръ великъ, а низъ и поле еще больше того; на Днѣпрѣ, кромѣ Томаковки острова, есть еще и множество другихъ острововъ.

Такимъ образомъ актъ, приведенный г. Костомаровымъ, ничего не говоритъ намъ о Томаковской Сѣчи, и годъ основанія ея для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ. Костомаровъ о Томаковкѣ даетъ другаго рода свѣдѣнія; такъ, онъ говоритъ, что на этомъ островѣ произошло свиданіе Богдана Хмельницкаго, гетмана малороссійскихъ козаковъ, съ Иваномъ Хмелецкимъ, посломъ короннаго гетмана Польши, Потоцкаго; посолъ убѣждалъ гетмана не поднимать войны противъ поляковъ, оставить всѣ свои мятежные замыслы и возвратиться изъ Сѣчи на родину: „увѣряю васъ честнымъ словомъ, говорилъ Хмелецкій Хмельницкому, что и волосъ на спадетъ съ вашей головы“²⁾. Впрочемъ, что касается самыхъ козаковъ, бывшихъ на островѣ Томаковкѣ, то они приняли Хмельницкаго далеко не такъ дружелюбно, какъ можно было-бы предполагать. Это зависѣло отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. „Нѣсколько лѣтъ ранѣе бѣгства Хмельницкаго на Запорожье, на Украинѣ атаманомъ Феодоромъ Линчаемъ былъ поднятъ довольно серьезный бунтъ противъ Барабаша и другихъ старшинъ реестроваго войска, какъ противъ сторонниковъ польскихъ пановъ и грабителей своихъ соотечественниковъ. Нѣсколько сотъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Феодора Линчая подняли мятежъ и требовали его (Барабаша) сверженія съ начальства. Пріятель полковника Барабаша, Богданъ Хмельницкій, какъ реестровый сотникъ, по долгу службы, очевидно долженъ былъ принять участіе въ потушеніи мятежа. Реестровые восторжествовали, а Феодоръ Линчай со своими сторонниками, которые получили прозваніе „линчаивцѣвъ“, принужденъ

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи. Кіевъ, 1863. Т. I, III, стр. 4, Актъ помѣченъ 1568 годомъ, 20 числомъ ноября.

²⁾ Богданъ Хмельницкій. Спб., 1870 г., т. I, стр. 84.

быль спастись бѣгствомъ на Запорожье, гдѣ онъ и поселился на островѣ Буцкѣ (Томаковѣ). Теперь когда линчаевцы увидѣли на своемъ островѣ Хмельницкаго, ихъ пржняго противника, то, хотя по долгу козацкаго гостепрїимства и дали ему убѣжище, однако относились къ нему съ подозрѣніемъ... Это недовѣріе заставило Хмельницкаго удалиться съ острова Буцка (Томаковки) на Никитинъ Рогъ¹⁾).

Заговоривъ о Томаковской Сѣчи, мы не можемъ при этомъ не указать на тѣ неточности, которыя допущены при описаніи ея въ недавно вышедшемъ сочиненіи „О Богданѣ Хмельницкомъ“ г. Буцинскаго¹⁾. Описывая островъ Томаковку, авторъ говоритъ, вопервыхъ, что островъ этотъ находится выше Микитина Рога на 25 верстѣ;— это невѣрно: не на 25, а на 18 верстѣ. Далѣе, авторъ говоритъ, что Томаковка—самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности;—и это невѣрно. Самый замѣчательный изъ всѣхъ днѣпровскихъ острововъ по своей величинѣ и недоступности есть островъ Хортицкій: онъ имѣетъ 24½ версты въ окружности, а вся площадь его равняется 2547 десятинамъ и 325 сажнямъ; тогда какъ Томаковка въ окружности имѣетъ шесть верстѣ, а площадь ея равняется 295 десятинамъ земли. Кромѣ того и самыя берега острова Томаковки менѣе возвышены, нежели берега острова Хортицы: Томаковка доступна со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ высота ея восходитъ до 7 сажень; тогда какъ Хортица недоступна съ трехъ сторонъ, особенно же съ западной, гдѣ высота ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 30 сажень и болѣе. Далѣе авторъ говоритъ, что Томаковка расположена въ томъ мѣстѣ Днѣпра, гдѣ онъ нѣсколькими (?) притоками соединяется съ рѣкою Базавлукомъ;—и это неправда: рѣка Базавлукъ находится болѣе, чѣмъ на 50 верстѣ ниже Томаковки; она впадаетъ въ Днѣпръ у Краснаго-Кута, выселка села Грушевки херсонскаго уѣзда, и служитъ здѣсь раздѣльною чертою между екатеринославскимъ и херсонскимъ уѣздомъ. О Базавлукѣ при Томаковской Сѣчи не можетъ быть и рѣчи; у Томаковки сливаются другія рѣчки: съ юга ее охватываетъ рѣчка Рѣчище²⁾, съ востока—Ревунъ и Ревунча; съ сѣвера—Ревугъ, а съ

1) Будинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ. 1882 г., стр. 38.

2) Рѣчище есть притокъ Бугая, а Бугай есть притокъ Днѣпра съ правой стороны.

запада—Гнилая, а всѣ онѣ впадаютъ въ лиманъ, начинающійся ниже села Красно-Григорьевки или Чернышевки и деревни Нечасовой, екатеринославскаго уѣзда, имѣющій семь верстъ длины и впадающій въ Днѣпръ съ правой стороны. Кромѣ того, къ острову Томаковѣ, прямо съ сѣвера бѣжитъ рѣчка Томаковка, которая, соединясь съ рѣчкою Ревуномъ, даетъ свое названіе и самому острову. Далѣе, авторъ говоритъ, что возлѣ Томаковки острова есть нѣсколько маленькихъ острововъ;—и это невѣрно: кромѣ самой Томаковки здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ острововъ; есть лишь сплошная, отъ острова до Днѣпра, плавня, имѣющая ширины до 7 верстъ и покрытая непролазной лозой, высокимъ камышомъ, толстыми вербами, осоками и шелковицами. Заклучая свое описаніе острова Томаковки, авторъ сочиненія „О Богданѣ Хмельницкомъ“, наконецъ, замѣчаетъ: „О *величинѣ* этого острова можно составить себѣ понятіе по донесенію одного польскаго начальника отъ 2 апрѣля 1648 года: „Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ,—отъ берега, на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки“. Здѣсь авторъ „Богдана Хмельницкаго“ совсѣмъ не понялъ замѣчанія поляка: приведенныя слова говорятъ не о величинѣ острова, а о томъ, что островъ отъ праваго берега Днѣпра („на которомъ мы стоимъ“), стоитъ на двѣ мили, а отъ лѣваго („отъ Крыму“) такъ далеко, что едва можно достать его изъ доброй пушки. Вотъ что хотѣлъ сказать полякъ¹⁾. И точно: островъ Томаковка стоитъ не среди самаго Днѣпра, а въ его низменности, удаленной отъ праваго берега рѣки на семь верстъ (но не на двѣ мили) вправо.

Еще меньшею опредѣленностію отличаются наши свѣдѣнія о Микитинской Сѣчи, находившейся съ правой стороны рѣки Днѣпра на такъ называемомъ Микитинѣ Рогѣ или мысѣ, теперь смытомъ водой; по неизмѣннѣю документовъ, мы не можемъ сказать даже приблизительно о томъ, когда основана эта Сѣчь; въ этомъ отношеніи намъ ничего не даетъ и самое названіе Сѣчи, такъ какъ оно заимствовано отъ имени какого-то Микиты, вышедшаго изъ ста-

¹⁾ Слова эти взяты изъ письма пана Потоцкаго къ королю Владиславу IV, напечатаннаго въ Пам. кievск. комм., т. I, отд. III, стр. 18.

рой Малороссіи, поселившася на днѣпровскомъ рогѣ и давшаго свое имя сперва рогу, а потомъ уже и самой Сѣчи, возникшей здѣсь. „Нѣкто Микита, предприимчивый малороссъ, плѣняясь разсказами своихъ собратьевъ, бывавшихъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ, о привольяхъ Днѣпра, изобилующаго рыбой и разнаго рода звѣрами, отъ оленя и дикой лошади до пугливаго зайца, плодившихся въ обширныхъ островахъ его, а можетъ быть и самъ участвовавшій въ походахъ противъ бусурманъ, съ которыми издревле Украина вела войны,—этотъ Микита поселился на мысъ у Днѣпра, который и получилъ названіе его именемъ „Микитинъ рогъ“¹⁾. Вотъ то, что мы знаемъ относительно названія Сѣчи. Кромѣ того намъ извѣстно, что на Микитинской Сѣчи нашель пристанище гонимый поляками Зиновій Богданъ Хмельницкій; здѣсь, изъ усть запорожскихъ козаковъ, Хмельницкій услышалъ первый откликъ на защиту всей Украины; здѣсь онъ увидѣлъ искреннее желаніе со стороны „добрыхъ лыцарей“ сражаться за униженіе предковской вѣры и за оскверненіе православныхъ храмовъ; здѣсь-же Хмельницкій, выбранный на общей козацкой радѣ гетманомъ всего запорожскаго и малорусскаго войска, самъ еще не сознавая, полагалъ начало осуществившемуся въ послѣдствіи слитію въ одно политическое тѣло Малороссіи и Великороссіи.

О времени уничтоженія Микитинской Сѣчи мы можемъ сказать лишь то, что оно должно совпадать со временемъ основанія слѣдующей за ней Сѣчи Чортомлыцкой, т. е. съ 1652 годомъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1669 году, въ Андрусовскомъ договорѣ русскихъ съ поляками, Микитинъ рогъ официально именуется уже не Сѣчью, а Микитинымъ перевозомъ, чрезъ который дозволено было малороссійскимъ козакамъ переходить въ Крымъ за солью²⁾.

За Микитинскою Сѣчью слѣдовала Сѣчь Чортомлыцкая. Какъ и Хортицкая, Чортомлыцкая Сѣчь возникала не одинъ, а два раза, при чемъ моментъ перваго возникновенія ея предшествовалъ моменту возникновенія Сѣчи Микитинской, а моментъ втораго возникновенія ея слѣдовалъ за моментомъ паденія этой-же Сѣчи. Въ первомъ убѣждаютъ насъ слова Эриха Ляссоты, посланника германскаго

¹⁾ Карелинъ. Зап. одес. общ. ист. и древ., т. VI. стр. 523.

²⁾ Карелинъ. Записки одесск. общ. ист. и древ., т. VI, стр. 525.

императора Рудольфа II; изъ „Путевыхъ записокъ“ Ляссоты мы узнаемъ, что Чортотмыцкая Сѣчь существовала уже въ 1594 году. Эрихъ Ляссота отправленъ былъ Рудольфомъ II-мъ къ запорожскимъ козакамъ съ тою цѣлю, чтобы привлечь ихъ къ задуманной императоромъ войнѣ противъ турокъ. Переправившись черезъ всѣ днѣпровскіе пороги, оставивъ за собою нѣсколько острововъ на Днѣпрѣ, Эрихъ Ляссота прибылъ наконецъ „до острова Базавлука ¹⁾“, при рукавѣ Днѣпра у Чортотмыка или, какъ они (запорожскіе козаки) выражаются, при Чортотмыцкомъ Днѣприщѣ ²⁾. Здѣсь находилась тогда Сѣчь козаковъ (1594 года, іюня 9-го), которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества (Gesellschaft) и привѣтствовали наше прибытіе большимъ числомъ выстрѣловъ изъ орудій“ ³⁾. Но этимъ наши свѣдѣнія о Чортотмыцкой Сѣчи и времени ея перваго возникновенія и паденія и оканчиваются; за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было указаній мы не можемъ ровно ничего сказать о томъ, когда оканчивается историческая роль Чортотмыцкой Сѣчи на первый разъ. Прошло много времени; уже померкла звѣзда Микитинской Сѣчи, и только тогда вторично возпла на историческомъ горизонтѣ Сѣчь Чортотмыцкая. Это было уже въ 1652 году; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, убѣждаетъ насъ слѣдующій актъ: „Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортотмыка и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ 6 сажень; съ поля, отъ Сумской стороны и отъ Базавлука, на валу строены пали и бойницы, а съ другой стороны, отъ устья Чортотмыка и отъ рѣки Скарбной до валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землею. А въ томъ городѣ башня съ поля,

¹⁾ Трудно съ точностію сказать, гдѣ находился названный Ляссотою островъ Базавлукъ; въ настоящее время на Днѣпрѣ, противъ бывшей Сѣчи, есть два острова: Холодный и Андрушкинъ; по первый, имѣющій въ окружности три версты, какъ говорятъ старожилы, очень недавняго происхожденія. Другой островъ, Андрушкинъ, получившій свое названіе отъ какого-то Андрушки, долгое время владѣвшаго имъ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ; но онъ едва замѣтенъ для путешественника, потому что очень низкій и выходитъ только однимъ юго-восточнымъ угломъ на Днѣпръ, такъ какъ находится между двумя рукавами Днѣпра, Павлюкомъ и Чортотмыцкимъ Днѣприщемъ; въ окружности имѣетъ до 8 верстъ.

²⁾ Чортотмыцкое Днѣприще существуетъ и до сихъ поръ; оно идетъ отъ Днѣпра къ мѣсту бывшей Сѣчи на разстояніи около 1½ версты.

³⁾ Путевыя записки. Одесса, 1852 г., стр. 30.

мѣрою кругомъ 20 сажень, да въ той башнѣ построены бойницы, а передъ тою башнею за ровомъ сдѣланъ земляной городокъ, кругомъ его мѣрою 100 сажень, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортотликъ и на Скарбную восемь фортковъ (пролазовъ); и надъ тѣми фортками бойницы; а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти, съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣчи съ поля отъ рѣчки Прогной до рѣчки Чортотлика сто жъ сажень; да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортотликъ, и впали тѣ рѣчки въ рѣку Скарбную, которая течеть позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 сажень. А строили этотъ городъ Сѣчю кошевой атаманъ Лугай съ козаками тому 20 лѣтъ. ¹⁾ То де тому городу Сѣчѣ и укрѣпленіе, что стоитъ въ устьяжъ надъ рѣкою Скарбною и Прогною и Чортотликомъ; а кругомъ его ровъ ²⁾.

Отъ Чортотлицкой Сѣчи въ настоящее время остался очень небольшой островокъ, имѣющій всего лишь 2 десятины и 2250 кв. сажень, песчаной формаци, съ сѣверной стороны возвышенный (до трехъ сажень высоты), съ южной отлогій, покрытый травой и деревьями. Съ разныхъ сторонъ островокъ охватывается разными рѣчками: съ сѣвера рѣкою Чортотликомъ, съ востока рѣчкой Гнилой (старинный Прогной) и Скарбною, съ юга большой рѣчкой, притокомъ Днѣпра, Павлюкомъ и небольшимъ протокомъ Бейкусомъ, съ запада—тѣмъ-же Павлюкомъ и рѣчкой Подпольной. Таковъ видъ Чортотлицкой Сѣчи въ настоящее время, но не таковъ онъ былъ во времена господства на немъ козачества. „Чувъ я, якъ козакувавъ у Новій Січі (последней по времени) отъ Отоминича та отъ Білицького (кошевые атаманы), що того острова (Чортотлицького) не було, а запорожци зробили ривъ и пропустили воду зъ Чортотлика, щобъ не даяця въ руки москалевіямъ (русскимъ солдатамъ). Бувъ тоді наказній отаманъ Богушъ Якимъ, гарный козакъ, на місто кошового Кости Гордіенка, що зъ Мазепою змінивъ руському цареві (Петру); вінъ *откопавъ* отъ берега, зробивъ на шпилі кріпость, поставивъ гармати и велівъ перенести туди

¹⁾ Актъ помѣченъ 1672 годомъ, вычитая отсюда 20 лѣтъ (1672—20), получимъ 1652 годъ, годъ возникновенія Сѣчи.

²⁾ Акты Южн. и Зап. Рос., т. XI, стр. 12, № 5.

увесь козацкій скарбъ“¹⁾). Такимъ образомъ, Сѣчь Чортотмыцкая представляла изъ себя въ старину не островъ, какъ можно было бы заключить отъ настоящаго, а большой мысъ или по малорусски *piig*, находившійся на рѣкѣ Чортотмыкѣ, при самомъ устьѣ ея; мысъ этотъ отдѣленъ былъ отъ материка ровомъ, ровъ наполненъ былъ водой и такимъ образомъ съ теченіемъ времени получился островъ. Дѣло происходило въ 1709 году, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ и въ союзѣ съ гетманомъ Иваномъ Мазепою, измѣнили русскому царю Петру первому и перешли на сторону шведскаго короля Карла XII. Тогда Петръ, для наказанія запорожцевъ, отправилъ противъ нихъ большой отрядъ солдатъ, подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана, которые, не смотря на сильное сопротивление со стороны запорожскихъ козаковъ и ихъ наказнаго атамана Якима Богуша, разорили до основанія всю Сѣчь, а самыхъ козаковъ заставили бѣжать за предѣлы Россіи, къ туркамъ. „Когда Россіане шведское войско подъ городомъ Полтавою на главу поразили (въ 1709 году) и въ полонъ людей побрали, то помянутый малороссійскій гетманъ Мазепа, запорожскій кошевой Костя Гордіанковъ, съ малою дружиною, съ королемъ швецкимъ, бѣжали въ турецкую область, въ провинцію Бендеры. А Россіане по той викторіи, послали войска, чтобы разорить запорожскую Сѣчь, за ихъ измѣну, гдѣ пришедъ, Россіане атаковали запорожскихъ козаковъ, и хотя тѣ козаки имѣли отъ Россіанъ жестокое обороненіе, но не могли своей Сѣчи удержать; многихъ ихъ Россіане порубили и многихъ въ полонъ взяли, за ихъ къ себѣ измѣну вѣшали на плахахъ, пушчали внизъ рѣки Днѣпра, и имѣющуюся у нихъ артилерію болѣе 100 пушекъ, взявъ въ Россію, а запорожскую ихъ Сѣчь до основанія разорили. А оставшіеся изъ нихъ нѣсколько тысячъ человекъ бѣгствомъ животь свой спасали, бѣжавъ отдались въ подданство крымскому хану, отъ котораго тамъ получили себѣ бунчукъ, булаву и прочее, и поселились при рѣкѣ *Каменкѣ*, гдѣ паки Россіане, съ войски пошедъ, изогнали ихъ изъ онаго мѣста Каменки, то

¹⁾ Разсказъ жителя Никополя, Михаила Решетняка, имѣвшего около 30 лѣтъ при уничтоженіи послѣдняго коша запорожскаго въ 1775 году. Зап. од. общ. ист. и древ., т. IX, стр. 441.

они ушедъ поселились при урочищѣ *Олешкахъ*, при рѣкѣ Днѣпрѣ, на крымской сторонѣ... А какъ запорожскіе козаки, подъ командою хана крымскаго, ходили въ Черкесы (т. е. на черкесовъ) въ нѣсколькихъ тысячахъ ¹⁾, то запорожскіе козаки-жъ, которые живутъ при рѣкѣ Самарѣ, собравшись во многой силѣ, и пошли военною рукою на запорожскую Сѣчу, въ урочище Олешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вѣшали, и потомъ оную всю выжгли; и за то они то чинили, что запорожцы подданными ихъ у себя имѣли, и многія имъ насильства и обиды чинили. И какъ кошевый, съ запорожскими козаками, изъ Черкесъ возвратился и увидѣлъ разореніе своей Сѣчи, собралъ всѣхъ запорожскихъ козаковъ и переселился изъ того урочища Олешекъ въ старую Сѣчу *Каменку*, о которой выше сего во многихъ пунктахъ упомянуто ²⁾. Итакъ, послѣ Чортотмыцкой Сѣчи запорожцы сидѣли въ Сѣчахъ: Каменской, Алешковской и снова Каменской. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуется князь Мышецкій. Изъ того же Мышецкаго (стр. 23—27) можно заключить, что запорожцы держались въ Каменкѣ до самаго того момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, вновь перешли въ предѣлы Россіи, что совершилось въ 1734 году, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны ³⁾. Съ этимъ свидѣтельствомъ автора „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ вполне совпадаетъ и свидѣтельство автора „Записокъ о запорожскихъ обычаяхъ“,—протоіерея Григорія Кремьянскаго, бывшаго свидѣтеля послѣдней запорожской Сѣчи на р. Подпольной. „По разореніи Петромъ I Старой Сѣчи (на рѣкѣ Чортотмыкѣ, гдѣ теперь деревня Капуливка),—писалъ Кремьянскій въ 1836 году, октября 17 дня,—запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы

¹⁾ „Во множественномъ числѣ“. Ригельманъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос. Москва, 1847, III, стр. 139.

²⁾ Мышецкій. Ист. о коз. запорож. Одесса. 1852, 18—20. Тоже у Ригельмана: Лѣт. повѣств. о Мал. Рос. Москва. 1847 г., III, 96.

³⁾ Ригельманъ по этому вопросу кривить душой: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что запорожцы имѣли свою Сѣчь въ Алешкахъ безпрепятственно до 1733 году, а въ другомъ онъ держится указанія Мышецкаго. Лѣт. повѣств., ч. III, стр. 96 и 139.

Анны Ивановны о принятіи ихъ опять подѣ Россійскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы и поселились выше Кизикермена (теперь г. Бериславъ, херсонской губерніи) *въ Омилуловѣ* и поживя тамъ, какъ говорятъ, семь годъ, переселились въ Красный-Куть, что нынѣ село Покровское, гдѣ устроя Сѣчь свою, жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II-ю¹⁾. Названное здѣсь урочище Омилово есть не что иное, какъ теперешнее село Мѣловое, херсонскаго уѣзда, расположенное на балкѣ Мѣловой, на сѣверъ отъ балки и рѣчки Каменки, на разстояніи всего лишь четырехъ верстъ. Такимъ образомъ, повторяю, свидѣтельство князя Мышецкаго о пребываніи запорожскихъ козаковъ въ Каменкѣ до 1734 года совершенно совпадаетъ съ свидѣтельствомъ и протоіерея Кремьянскаго, не смотря на то, что этотъ послѣдній вмѣсто Каменки называетъ Омилово, теперь степныя мѣста, въ ту пору, быть можетъ, едва различаемыя одно отъ другаго. Показанія достойны того, чтобы имъ скорѣе вѣрить, нежели Ригельману, Скальковскому²⁾ и г. Морковину³⁾. „Сочинитель Запорожской исторіи г. Скальковскій,—говоритъ Н. И. Вертильякъ,—полагаетъ, что въ Каменкѣ Сѣчь была только одинъ годъ; не раздѣлять его мнѣніе я имѣю много причинъ. Значительное пространство кладбища (запорожскаго) не могло никакъ составиться въ одинъ годъ⁴⁾; большое количество надгробныхъ надписей, указывающихъ годы смерти до 1736 г. многихъ кошевыхъ, войсковыхъ писарей и войсковыхъ судей, не было дѣломъ случайности; наконецъ, многія изустныя преданія, и эти записки (князя Мышецкаго) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи. Сила русскаго оружія, послѣ полтавской битвы, заставила трепетать измѣнниковъ запорожцевъ и вынудила переселиться на крымскую сторону, въ Олешки, но не-

1) Зап. одесс. общ. истор. и древн., т. VI, стр. 645.

2) Истор. новой Сѣчи. Одесса, 1846 г., II, 40—54.

3) Очеркъ истор. запорож. козач., Спб., 1878 г., стр. 68.

4) Н. П. Вертильякъ писалъ въ 1852 году, но тоже можно сказать и теперь. Кладбище запорожское и до сихъ поръ уцѣлѣло въ Каменкѣ; есть нѣсколько и намогильныхъ крестовъ, между коими кресты кошеваго атамана Константина Гордіенка и Василя Героѣева сохранились хорошо. Мѣсто самой Сѣчи сохранилось также превосходно, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ: можно пересчитать и число ямокъ отъ бывшихъ куреней, можно видѣть и площадь между куреней, и т. под.

счастнѣйшій прутскій миръ, по которому вся страна между Днѣпромъ и Бугомъ была уступлена туркамъ, служилъ достаточнымъ ручательствомъ безопасности вторичнаго водворенія запорожцевъ въ Каменкѣ; это мѣсто они предпочитали и потому, что оно охраняло ихъ, по своей мѣстности, отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, которымъ они всегда не довѣряли¹⁾.

Съ 1734 года запорожцы снова на родныхъ пепелищахъ. Выведенные изъ-подъ власти турокъ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ *) въ предѣлы Россіи, они осѣлись Сѣчью въ урочищѣ Красномъ-Кутѣ, надъ рѣкою Подпольной, въ томъ мѣстѣ ея праваго берега, гдѣ она извивается въ видѣ лука или залива, и между рр. Базалукомъ, съ западной стороны, и Чортомлыкомъ съ восточной. Сѣчь эта получила названіе Новой **) и существовала до 1775 года, роковаго въ исторіи запорожскихъ козаковъ: съ этого момента запорожскіе казаки потеряли свою политическую самостоятельность въ Россіи и должны были бѣжать вторично въ предѣлы турецкой имперіи, на устья р. Дуная, къ „прибѣжищу свѣта“ (титулъ султана), въ „высокій порогъ, блистательныя врата“ (титулъ Турціи).

Послѣ всего этого естественно спросить: что же было причиною перенесенія запорожскихъ Сѣчей съ одного мѣста на другое? Понятно, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить многими причинами. Но не вдаваясь въ различныя предположенія, мы отвѣтимъ на него однимъ изъ актовъ 1761 года (за № 1836), найденнымъ нами при разборѣ архива Малороссійской Коллегіи, помѣщающагося при харьковскомъ университетѣ. Вотъ этотъ актъ.

1) Мышецкій. Истор. о коз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 22, примѣчаніе 35.

*) У Ригельмана Милашевичъ называется Иванцемъ. Лѣт. пов. о Мал. Рос., т. III, стр. 141.

**) Обращаемъ вниманіе на неточность выраженія въ учебникѣ Русской Исторіи г. Иловайскаго (Москва, 1883 г., стр. 166): „На одномъ изъ острововъ (Днѣпра), говорятъ онъ, обыкновенно располагался главный притонъ запорожцевъ или Сѣчь, особенно на островѣ Хортица“... Нужно: сказать особенно на р. Чортомлыкѣ или р. Подпольной, а не на островѣ Хортицѣ, такъ какъ только Старая и Новая Сѣчи были мѣстами, откуда „разливалась слава по всей Украинѣ“, Сѣчь же хортицкая предъ этими двумя блѣднѣетъ.

„Ясне вельможному.... Графу Кириллѣ Григорьевичу Его сиятельству Разумовскому

нижайшее доношеніе.

О перенесеніи съчи запорожской з нинѣшняго мѣста ¹⁾ въ асигнованное мѣсто Никитино ²⁾, яко тутъ безъ води нужда и немалое по размноженію и поселенію утѣсненіе есть, и мертвыми гробами весь городъ почти обнять, и проходовъ нетъ и проездовъ водяныхъ свободныхъ часто не биваетъ, хотя къ вашей ясне вельможности доношеніемъ отъ насъ, с прописанными въ немъ таковыми резони, взнесенно и на то отъ вашей ясне вельможности, что представленно в правительствующій сенатъ, високий ордеръ в Кошѣ полученъ и тому асигнованному мѣсту планъ, по опредѣленію правительствующаго сената, чрезъ нарочно отъ вашей ясне вельможности присланного сочиненъ и доставленъ въ правительствующій сенатъ; однакъ потому и донинѣ никакой височайшей резолюции не послѣдовало, войско жъ запорожское низовое, какъ в томъ къ вашей ясне вельможности доношеніи прописано, вишеозначенно поносить и терпитъ немалую нужду и разнообразіе, по худому и нездоровому сему мѣсту, можетъ нести припадкы и наглие смерти; того ради вашей ясне вельможности, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ низовимъ, нижайше просимъ о перенесеніи з нинѣшняго въ асигнованное мѣсто Никитино Съчи запорожской, зъ пожалованнемъ просимимъ, по докладу височайше дозволеніе и повелѣніе чрезъ сего нарочно отъ Коша запорожского отправленного войскового писаря ³⁾ отчески исходатайствовать и резолюціею насъ снабдить и пожаловать и не оставить.

Атаманъ Кошевой Григорій Федоровъ.
Войсковой судья Петръ Калнишевскій.
Атамани куруней и все товариство.

1761 году июля 7 дня.

Просьба о перенесеніи Съчи подана запорожцами еще въ 1758 году, въ апрѣлѣ 27 числа, на имя императрицы Елизаветы Петровны, какъ это видно изъ слѣдующей „Выписки въ докладъ“,

¹⁾ На р. Подпольной, гдѣ теперь с. Покровское екатеринославскаго уѣзда.

²⁾ Гдѣ теперь мѣстечко Никополь, екатеринославскаго уѣзда, выше Покровскаго на 25 версть.

³⁾ Изъ послѣдующихъ словъ дѣла видно, что это былъ Иванъ Чугуевецъ.

приложенной при выписанномъ „нижайшемъ доношеніи“. „Прошло-го 1758 году априля 27 д. войска низового запорожского Атаманъ Кошевій Григорій Федоровъ со всѣмъ низовимъ войскомъ прислали къ вашей ясневельможности доношеніе съ представленіемъ о тѣснотѣ и крайней нужности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь залорожская положеніе свое имѣеть, какъ то по недостатку тамо въ нынѣшніе времена противъ прежнихъ воды, за умаленіемъ оной въ речки состоящей при ономъ мѣстѣ, и за неимѣніемъ притомъ нимаю источниковъ криничныхъ, зачемъ де принуждено войско довольствоваться водою, въ ямахъ бываемою, неподвижною, зацвѣлою и изъмешаною съ нужнымъ всемъ, отъчего приключаются болѣзненніе зарази и смерти безвременніе. А и кромѣ де того по нынѣшнему приумноженію противъ прежняго оного Запорожского войска, тамо въ Сѣчи такъ тѣсно, что между куренями проходъ, а въ басарахъ проездъ съ трудностію имѣть можно и въ случае пожара оборони подать не свободно; и по тѣмъ и прочимъ нужностямъ, именно въ томъ доношеніи прописаннымъ, Запорожской Сѣчи быть на томъ мѣстѣ, на коемъ она нынѣ состоитъ, неудобно, и что де къ переселенію той Запорожской Сѣчи отътоль избрано другое, удобное и не тѣсное, пристойное мѣсто въ російской границѣ, немного више над Днпромъ, при Никитинскомъ, гдѣ и застава отъ нынѣшней Сѣчи не больше, какъ въ двадцать верстъ въверхъ Днепра и въ равномъ почти пограничномъ состояніи, гдѣ положеніемъ какъ городу Сѣчи со всѣмъ посадомъ, такъ и крѣпости вмѣстится довольно обширно и весьма хорошо при водѣ можно будетъ; и съ прошеніемъ къ ея императорскому величеству представленія о всевысочайшемъ дозволеніи въ переносѣ туда Коша запорожского и учрежденіи Сѣчи расположеніемъ и состроеніемъ тамо пространнѣйшей противъ нынѣшней церкви каменной, тако жъ въ пожалованіи на постройку оной денежной казны и желѣза зъ днѣпровскихъ постовъ самарскихъ, съ котораго его Атамана и Кошевого доношенія отъ вашей ясневельможности къ ея императорскому величеству въ правительствующій сенатъ на высочайшее благоразсмотрѣніе вѣрная копія при листѣ представлена тогдажъ. Іюня 18 тогожъ году прислана къ вашей ясневельможности высочайшая ея имп. величества изъ правит. сената грамота, которою велѣно: оное запорожского войска доношеніе разсмотря, прислать въ правит. сенатъ вашей ясневельможности свое

мнѣніе, подлинноль то избранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно, а найпаче въ разсужденіи пограничности удобно-ль, и представленніе от того войска резони справедливо-ль: И съ оной высочайшей ея имп. величества грамоти і изъ доношенія Кошевого атамана отъ вашей ясневельможности, при ордерѣ въ генеральную войсковую канцелярію справочніе копіи прислани, съ повелѣніемъ послать къ тому мѣсту нарочныхъ полковника миргородского Остроградского (?), сына его Павла Остроградского, да изъ старшинъ полку полтавского надежного человѣка и велѣтъ имъ здѣлать планъ положенія мѣсту и притомъ вѣрно освидѣтельствовать, подлѣнно-ль то избранное запорожскимъ войскомъ новое мѣсто къ поселенію ихъ способно.....¹⁾. Для чего тотъ учиненный онимъ запорожскимъ мѣстамъ планъ 759 году марта къ вашей ясневельможности въ генеральной войсковой канцеляріи при доношеніи представленъ, съ таковымъ генеральной канцеляріи мнѣніемъ, что оному запорожскому войску переселиться для лучшей ихъ вигоди въ требуемомъ ими мѣстѣ при Никитиномъ способно, ибо нынѣшнее поселеніе Сѣчи запорожской отъ границы турецкой состоитъ отдаленнѣйше отъ оного новоизбираемого ими къ поселенію Сѣчи запорожской при Никитиномъ мѣста... А на то въ присланной къ вашей ясневельможности прошлаго 760 году генваря в высочайшей ея имп. величества грамотѣ изображено, что въ правит. сенатъ при листѣ вашей ясневельможности представленъ планъ тѣмъ обоимъ мѣстамъ Коша запорожского, на которомъ оной нынѣ имѣется и на которое ево перенестъ войско запорожское прѣсиль(ъ) о позволеніи, но притомъ де объявлено толко генеральной войсковой канцеляріи мнѣніе, что оному запорожскому войску переселится для лутшей ихъ вигоди на требуемое мѣсто при Никитиномъ способно, а вашей ясневельможности свое мнѣніе... прислать... И по мнѣнію вашей ясневельможности, поселеніе свое по причинѣ неудобности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь запорожская имѣеть, въ недостатке воды, за умаленіемъ оной въ рѣчке, имѣющейся въ томъ мѣстѣ, прозываемой Подполной, и что притомъ никакихъ криничныхъ источниковъ нѣтъ, и по протчимъ предъ симъ зъ доношенія отъ Сѣчи запорожской къ вашей ясневельможности присланныхъ донесеній резонамъ, для лутшей войску запорожскому вигоди

¹⁾ Дѣлаю пропускъ, потому что идетъ повтореніе одного и того же.

и отъ малороссійскихъ мѣстъ ближе переселится въ требуемомъ ими мѣстѣ при урочище Никитиномъ признается за способное. И тако какъ по прежнимъ представленіямъ, такъ и по оному вашей ясневельможности мнѣнію высочайшего ея имп. величест. разсмотренія и указу прошено. И на то съ правительствующаго сената и по нынѣ никакой резолюціи въ полученіи нѣтъ“.

Резолюція на это доношеніе получена лишь въ 1764 году, 29 мая, уже отъ имени императрицы Екатерины II-й. Вотъ она буква въ букву ¹⁾. „Секретная“. „Божією милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская... графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. Въ нашъ сенатъ генераль фелдцейхмейстеръ и кавалеръ Вилбоа при репорте представилъ прожектированной посланнымъ отъ него по указу изъ нашего сената въ Сечь запорожскую, для осмотра назначаемого мѣста при никитинскомъ перевозѣ и перенесенія сѣчеваго поселенія, инженеръ-полковникомъ Менцелиусомъ, крѣпости и цитадели съ должнымъ въ оныхъ быть строеніемъ и церквами, планъ, профили и сметы, съ объясненіемъ всехъ къ тому потребностей, с которыми онъ генераль фелдцейхмейстеръ, кроме некоторыхъ небольшихъ въ плане и профиляхъ отменъ, въ разсужденіи предвидящей оттого полезности согласенъ, донеся притомъ, что и вы, нашъ малороссійскій гетманъ и кавалеръ, разсматривая обще с нимъ помянутой планъ, во всемъ согласились же, о чемъ от васъ особо въ нашъ сенатъ и листъ полученъ. И по всему тому въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: какъ о вознамеренномъ, при перенесеніи Сечи запорожской на другое при никитинскомъ перевозѣ место, крепостномъ строеніи на подвижной намъ от коллегіи иностранныхъ дель доклад по поводу учиненныхъ отъ Порты отоманской резиденту Обрескову отзывовъ и въ разсужденіи, что, по нынѣшнему положенію политическихъ дель въ Полше, Порту весьма менажировать надобно, воспослѣдовала высочайшая наша конфирмація, чтобъ то крѣпостное строеніе отложено было до удобного времени, о чемъ изъ сената вамъ нашему гетману и кавалеру, такъ же и генералу фелдцейхмейстеру Вилбоа знать дано: при действительномъ же теперь перенесеніи Сечи на новое мѣсто отоманская Порта, надобно думать, въ новое безпокой-

1) Этотъ второй актъ доставленъ намъ П. С. Ефименкомъ.

ство придетъ и конечно не удовольствуется уверениемъ, что тамо крепости строено не будетъ: а при томъ когда нынѣ на то перенесеніе самымъ деломъ дозволить, то войско запорожское на долгое время въ томъ одномъ упражнено будетъ вместо того, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ высочайшей нашъ интересъ иногда потребуеть употребить ихъ къ нужнымъ предприятиямъ въ другомъ месте, къ тому-жъ какъ изъ писма кошеваго атамана къ инженеръ-полковнику Мерцелиусу усмотрено, они немалого казенного вспоможенія на то требуютъ; того ради повелеваемъ вамъ нашему гетману и самое той Сечи запорожской на новое место перенесеніе до будущаго удобнаго времени и пока настоящія польскія дѣла въ лучшее состояніе придуть, отложить, о чемъ изъ нашего сената и коллегіи иностранныхъ дѣлъ, равномѣрно-жъ и генералу фелдцейхмейстеру Вилбоа указами знать дано: в Санктъ-петербурге, мая 28 дня 764 года, по ея императорскаго величества указу“.

Сенаторъ Иванъ Неплюевъ
Сенаторъ и кавалеръ Шаховскій
Оберъ-секретарь Иванъ Ермолаевъ
Секретарь Иванъ Артемьевъ.

Д. И. Зварницкій.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)¹⁾.

VI. Поѣздка за границу.

Кратковременный переѣздъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ моремъ на небольшомъ пароходѣ былъ очень непріятенъ, морская болѣзнь мгновенно свалила меня съ ногъ. Въ Кронштадтѣ мы переѣхали на большой пароходъ „Владиміръ“, простояли часовъ пять въ гавани, и я нѣсколько было оправился отъ морской болѣзни.

Переѣздъ изъ Кронштадта до Любека совершался обыкновенно въ трое сутокъ, но по позднему времени года и бурному состоянію моря, мы употребили семь сутокъ на это путешествіе, самое непріятное въ моей жизни.

Отчалили; не успѣлъ я расположиться въ общей каютѣ 1-го класса, вмѣщавшей въ себѣ довольно много путешественниковъ и путешественницъ, какъ морская болѣзнь возобновилась и заставила меня искать убѣжища въ койкѣ. Мнѣ совѣтовали выпить рюмку рому, по-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1884 г., март. кн., стр. 443—464.

больше бѣсть: ничто не помогало, я изнемогъ, не могъ равнодушно смотрѣть на сѣѣтное, и все время путешествія находился почти въ безчувственномъ состояніи. Пробовалъ выходить на палубу: грустный видъ сѣраго свинцоваго неба, порывистый холодный вѣтеръ; мокрый снѣгъ, смѣнявшійся проливнымъ дождемъ, невыносимая качка и постоянное сотрясеніе парохода отъ дѣйствія машины, заставляли меня вскорѣ возвращаться въ койку, гдѣ по крайней мѣрѣ было тепло. Прибавимъ къ этому бессонницу, двѣ сильныя бури во время нашего плаванія, какъ-бы сквозь сонъ слышавшіеся крики дѣтей, стоны и вопли матерей, отрывистую команду капитана, постоянную бѣготню матросовъ, весьма серьезную опасность крушенія, и картина тогдашняго моего положенія будетъ полна; она часто возобновляется въ моей памяти. Сколько разъ раскаивался я, что рѣшился ѣхать моремъ, сколько разъ въ ожиданіи неминуемой, казалось, гибели, предавалъ духъ мой Богу, и не рѣдко, сознавая всю неотвратимость угрожавшей опасности, становился равнодушнымъ ко всѣмъ случайностямъ; въ эти тяжкія минуты смутно представлялся мнѣ образъ матери моея, и изъ глубины души вызывалъ сожалѣніе, но иногда озарялъ и проблескомъ надежды.

На пятый день намъ объявили, что колеса повреждены и мы не можемъ идти скоро; къ счастью бури не возобновлялись и мы кое-какъ доѣхали на восьмой день до Травемюнде, небольшого селенія на берегу недалеко отъ Любека.

Деревушка эта показалась мнѣ издали чѣмъ-то особенно призывательнымъ: изумрудная зелень ея пастбищъ ласкала взоръ, своеобразная архитектура домиковъ и сельской колокольни нравились новизной, материкъ, къ которому стремились мы съ такимъ нетерпѣніемъ, казался мнѣ обѣтованною землею.

Причалили; и на твердой почвѣ я почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человекомъ: всѣ симптомы морской болѣзни исчезли, я поздоровѣлъ и какъ-бы обновился. Первымъ движеніемъ моего сердца было принести благодареніе Провидѣнію за счастливый исходъ путешествія.

Въ Любекѣ, куда мы отправились въ дилижансѣ черезъ часъ послѣ прибытія въ Травемюнде, я пробылъ три дня. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города и отдохнувъ отъ непріятнаго переезда

моремъ, я направился въ Гамбургъ, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ пожара, опустошившаго большую часть города.

Не смотря на бѣдствіе, постигшее Гамбургъ въ недавнее время, тамъ веселились, жизнь кипѣла, торговля шла своимъ чередомъ и кромѣ обгорѣвшихъ развалинъ да временныхъ деревянныхъ балагановъ, устроенныхъ на улицахъ и площадяхъ, ничто не напоминало о страшномъ пожарѣ 1842 года. Необыкновенная для русскаго путешественника дешевизна, доступность развлеченій и удовольствій, полная свобода дѣйствій произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе; я остался въ Гамбургѣ десять дней и провелъ ихъ очень весело.

Въ вечеру, наканунѣ отъѣзда въ Берлинъ, отправился я въ почтамтъ, чтобы взять билетъ на мѣсто въ почтовой каратѣ. Подходить ко мнѣ въ почтамтъ какой-то господинъ, весьма пріятной наружности, прилично одѣтый, и спрашиваетъ: „вы ѣдете завтра утромъ въ Берлинъ?“ На утвердительный мой отвѣтъ, говоритъ: и я также. „Простите нескромный вопросъ: я иностранецъ, французъ, Алларъ, никого здѣсь не знаю, беру мѣсто до Берлина, но до отъѣзда, назначеннаго въ 9 часовъ,—въ 7 часовъ утра долженъ драться на дуэли съ однимъ англичаниномъ; ваша наружность внушаетъ мнѣ довѣріе и я покорнѣйше-бы васъ просилъ быть моимъ секундантомъ“.

Это предложеніе показалось мнѣ очень оригинальнымъ, симпатичная наружность незнакомца говорила въ его пользу. Не долго думая, я назвалъ себя, спросилъ о причинѣ дуэли, и узнавъ, что дѣло чести, изъ за женщины, согласился.

Взяли билеты и отправились въ гостиницу, гдѣ я квартировалъ; тамъ мы провели весь вечеръ и Алларъ разсказалъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни, а также подробности дѣла о дуэли.

Аллару, на видъ, можно было дать лѣтъ сорокъ; ему было не болѣе тридцати трехъ; ростъ средній, сложеніе крѣпкое, мускулистое, худощавъ, тонкія черты лица, особенно красиваго въ профиль, темно-русые волосы и такая-же борода, подстриженная и тщательно расчесанная, небольшіе каріе глаза, выразительные, живые,—вотъ наружность моего новаго знакомаго. Онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго

Наполеоновскаго генерала Аллара, поселившася въ 1815 году въ Лагоръ и командовавшаго тамъ войсками. Генераль умеръ бездѣтнымъ въ 1838 году, оставивъ значительное состояніе племяннику, воспитывавшемуся у него и отданному съ ранняго дѣтства родителями въ полное распоряженіе дяди. Племянникъ былъ очень образованъ, говорилъ превосходно, зналъ хорошо англійскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій и нѣкоторые восточные языки, много путешествовалъ въ южной Азіи, Африкѣ и Америкѣ и послѣ смерти дяди переѣхалъ въ Европу. Обѣздивъ всѣ страны Европы, онъ послѣднее время поселился въ Англіи, познакомился въ окрестностяхъ Лондона съ однимъ значительнымъ фабрикантомъ, увезъ его жену въ Гамбургъ, и здѣсь, наступившій мужемъ, долженъ былъ драться съ нимъ въ день нашего отъѣзда.

Алларъ былъ очень симпатиченъ, краткую исторію свою и знакомства съ англичанкой онъ мнѣ разсказалъ просто, безъ прикрасъ и увлеченій, свойственныхъ французамъ, и я нисколько не раскаявался въ данномъ ему согласіи быть его секундантомъ.

Мы разстались довольно поздно, условившись на другой день въ шесть часовъ утра сойтись въ отелѣ, гдѣ квартировалъ Алларъ, и оттуда отправиться за городъ на мѣсто, назначенное для дуэли.

Въ шесть часовъ я былъ уже у Аллара. Вещи его были уложены, онъ передалъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ друзей во Франціи и просилъ переслать его въ случаѣ несчастнаго для него исхода дуэли. Я предложилъ ему мои услуги, если будетъ раненъ; онъ съ благодарностію принялъ мое предложеніе.

Отправились въ крытомъ экипажѣ, и Алларъ дорогой сказалъ, что, по требованію оскорбленнаго мужа, онъ будетъ съ нимъ драться на шпагахъ до первой серьезной раны, и что англичанинъ привезетъ съ собой доктора.

Мы пріѣхали первые, но минутъ чрезъ десять явился англичанинъ съ секундантомъ и докторомъ.

Наружность оскорбленнаго мужа была въ высшей степени некрасива: высокій, полный, краснолицый и рыжій; звали его мистеръ Нормемби. Послѣ обычнаго другъ другу представленія, секундантъ англи-

чанина, весьма порядочный человекъ, принесъ двѣ шпаги и предложилъ выборъ Аллару.

Бойцы, снявъ верхнее платье, стали въ позицію. Англичанинъ наступалъ съ большой энергіей; съ перваго приема можно было видѣть, что онъ мастерски владѣетъ шпагой, но раздраженіе, свойственное оскорбленному супругу, лишало его должной сдержанности; Алларъ защищался недурно и парировалъ удачно; сохранивъ все свое хладнокровіе и утомивъ англичанина, онъ перешелъ въ наступленіе и вскорѣ вонзилъ свою шпагу въ грудь противника. Мы все бросились къ несчастному мужу и докторъ, осмотрѣвъ рану, объявилъ, что хотя она и не смертельна, но очень опасна. Англичанинъ лишился чувствъ, его бережно положили въ карету и повезли въ нанятый имъ домъ, недалеко отъ Гамбурга.

Я отправился къ нему съ Алларомъ. Тамъ мы нашли супругу мистера Нормемби. Она поразила меня своею красотою. Это была типъ блондинки чисто англійской крови. Узнавъ, что мужъ дерется съ Алларомъ, мистрисъ издала слѣдила за ходомъ дуэли и увидавъ, что мужа увезли раненаго, поспѣшила къ нему. Объявила Аллару, что между ними все кончено, и она остается ухаживать за мужемъ и постарается заслужить его прощеніе.

Все это произошло такъ быстро, что мы успѣли прибыть въ почтамтъ во время, сдать багажъ и занять свои мѣста. На третій день мы были уже въ Берлинѣ.

Дорогой я больше познакомился съ Алларомъ. Онъ мнѣ былъ очень благодаренъ за оказанную ему услугу; оба мы были права веселаго, скоро подружались и рѣшили поселиться въ Берлинѣ въ одной квартирѣ. Алларъ располагалъ пробыть тамъ зиму, а я до мая—университетскій семестръ. Онъ мнѣ говорилъ, что не очень сожалѣетъ о мистрисъ Нормемби, привязанность ея начинала его тяготить; что-же касается дуэли, то это была не первая и вѣроятно не послѣдняя въ его жизни; владѣлъ онъ шпагой хорошо и стрѣлялъ изъ пистолета еще лучше.

VII. Берлинъ.

Немедленно по приѣздѣ пріискали очень удобную квартиру въ меблированныхъ комнатахъ госпожи Гриппентрокъ, на Фридрихштрассе, недалеко отъ Унтеръ-денъ-Линденъ. У насъ были во второмъ этажѣ общая гостинная, весьма прилично меблированная, и двѣ спальни. На другой день я записался слушателемъ въ университетѣ, взялъ на прокатъ рояль и условился съ извѣстнымъ Морксомъ на счетъ уроковъ гармоніи, а съ Таубертомъ переговорилъ объ урокахъ на фортепяно.

Вскорѣ я убѣдился, что въ Берлинскомъ университетѣ по юридическому факультету я пріобрѣту немного новыхъ познаній. Знаменитыхъ профессоровъ Ганса и Савиньи не было въ университетѣ; первый скончался, а второй съ назначеніемъ министромъ юстиціи не читалъ лекцій. Новые-же профессора, мало извѣстные, не могли по всей справедливости сравниться съ Неволинымъ и Богородскимъ. Но преслѣдуя предположенную цѣль, я постоянно посѣщалъ университетъ, бывалъ на лекціяхъ Неандера, знаменитаго теолога, Мишелэ, читавшаго исторію философіи, послѣдователя Гегеля и противника Шеллинга; изложение превосходное, но я не вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія Мишелэ; несмотря на то, что лекціи Неволина и Богородскаго были также проникнуты гегелизмомъ, я склонялся скорѣе на сторону Шеллинга, примирителя философіи съ религіей; записался также на лекціи въ высшей степени занимательныя Риттера, извѣстнаго профессора географіи.

Моркъсъ тоже былъ мнѣ не по сердцу: его сухое изложение теоріи музыки, лишенное всякаго поэтическаго характера и артистическаго увлеченія, его холодная математичность цифръ и безпощадная послѣдовательность въ гармоніи часто выводила меня изъ терпѣнія. Еще студентомъ, и позже въ Одессѣ, я поверхностно занимался генераль-басомъ, въ импровизаціяхъ модулировалъ довольно удачно, написалъ и напечаталъ нѣсколько піесъ для фортепяно, что давало мнѣ право считать себя на столько свѣдущимъ, чтобы не начинать съ гармонической азбуки; не такъ смотрѣлъ Моркъсъ: началъ съ интервалловъ, остановился на терціяхъ и квинтахъ и на пятой только урокъ перешелъ къ аккордамъ. На нихъ продержалъ меня два мѣсяца, и не позволилъ идти далѣе, пока я не постигъ всей премудрости кварта-

сексты, уменьшенной септими и увеличенной ноны, не изучил отчетливо аккордной цифровки и не сталъ читать по ней, какъ по нотамъ. Модуляція не заняла много времени: въ ней я былъ довольно опытенъ, но долженъ былъ подчиниться неуклонной систематичности Моркса, которая впрочемъ открыла мнѣ новый міръ сочетанія звуковъ и познакомила съ болѣе правильными способами перехода изъ тона въ тонъ.

Окончивъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ музыкальную грамматику (генераль-басъ) и написавъ нѣсколько небольшихъ пьесъ для фортепьяно на бумагѣ, безъ помощи инструмента, я представилъ ихъ на судъ моего взыскательнаго профессора. Онъ остался доволенъ правильностью композиціи вообще, нашелъ двѣ ошибки въ нисходящихъ квинтахъ и замѣтилъ, что даю слишкомъ много значенія мелодіи и не разрабатываю ее, какъ слѣдуетъ.

Нужно было обратиться опять къ пособію науки и заняться контрапунктомъ.

Первые уроки доводили меня до отчаянія; мнѣ казалось, что никогда не преодолѣю трудностей контрапункта и не буду имѣть терпѣнія завершить мое музыкальное образованіе. И дѣйствительно съ Морксомъ далѣе фуги не пошеть.

Таубертомъ я былъ очень доволенъ и подъ его руководствомъ значительно улучшилъ технику фортепьянной игры.

Обжившись нѣсколько въ Берлинѣ, я представился нашему посланнику Мейендорфу и вручилъ ему рекомендательное письмо князя Лобанова-Ростовскаго. Былъ принятъ очень любезно. Баронъ спросилъ меня о цѣли моего пребыванія въ Берлинѣ, и не желаю-ли я познакомиться съ тамошнимъ обществомъ. На отвѣтъ, что я пріѣхалъ слушать лекціи въ университетъ и желалъ-бы познакомиться съ Берлинскимъ обществомъ, онъ сказалъ, что званіе студента не даетъ на это права, но что онъ готовъ представить меня въ нѣкоторые дома какъ русскаго путешественника. Вскорѣ я былъ представленъ супругѣ барона, урожденной О'геръ, приглашенъ на обѣдъ къ посланнику, на которомъ познакомился съ членами нашего посольства и нѣкоторыми особами высшаго круга въ Берлинѣ.

По случаю траура при прусскомъ дворѣ въ началѣ сезона не танцовали, давали рауты. Баронъ Мейендорфъ повезъ меня на рауть къ министру иностранныхъ дѣлъ Булову и потомъ пригласилъ на рауть же въ нашемъ посольствѣ 18-го декабря.

Разсчитанная сдержанность, отталкивающая холодность и натянутость Берлинскаго общества крайне мнѣ не понравились; я ограничилъ свои выѣзды одними необходимыми визитами вѣжливости, и очень радъ былъ, что избавилъ себя отъ невыносимой скуки, царствовавшей въ высшихъ сферахъ.

Мой новый другъ Алларъ посвящалъ большую часть своего времени ухаживанью за прекраснымъ поломъ въ скромной средѣ бюргеровъ, модистокъ и гувернантокъ разныхъ націй, посѣщенію театровъ, зимнихъ садовъ, публичныхъ баловъ, чтенію и взаимному обученію; онъ изучалъ со мною русскій языкъ, я занимался съ нимъ литературными упражненіями на французскомъ, которыя принесли мнѣ большую пользу, благодаря глубокимъ познаніямъ, необыкновенной правильности и легкости стиля Аллара.

Довелася, подобнаго Аллару, я не встрѣчалъ еще: въ короткое время онъ одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ, и нисколько не дорожилъ ими, гоняясь безпрестанно за новизною, вслѣдствіе пресыщенія, не привязывался серьезно ни къ одной женщинѣ, бросалъ ихъ также скоро, какъ и привлекалъ.

По вечерамъ Алларъ никогда не сидѣлъ дома, я же по большей части занимался музыкой и добросовѣстно трудился надъ изученіемъ гармоніи, но это продолжалось недолго: мало по малу Алларъ вовлекалъ меня въ свои похождения, сталъ приглашать къ намъ знакомыхъ ему женщинъ къ великому негодованію хозяйки г-жи Гриппентрокъ, и вскорѣ превратилъ нашу квартиру въ салонъ не слишкомъ разборчивыхъ дамъ. Неприхотливое угощеніе, моя музыка, болтовня Аллара, общая любезность и веселость привлекали многихъ посѣтительницъ.

Иногда Алларъ подъ конецъ вечера съ феской на головѣ танцовалъ съ одной изъ дамъ легонькій канканъ къ особенному удовольствію присутствовавшихъ. Къ намъ собирались раза два въ недѣлю, серіями

по національностямъ. Бывали нѣмки, которыя высоко цѣнили французскую любезность Аллара и мое русское гостепрѣимство, серія довольно скучная, хотя и очень красивая; потомъ слѣдовали швейцарки, — цѣлая плеяда гувернантокъ средней руки, довольно впрочемъ образованныхъ и недурныхъ собою; наконецъ французенки, по большей части изъ модныхъ магазиновъ, не очень красивыя, но въ высшей степени милыя и веселыя.

Изъ мужчинъ у насъ никто не бывалъ по вечерамъ, но я сошелся съ студентомъ юридическаго факультета Кранахомъ, который имѣлъ великолѣпный голосъ и пѣлъ теноромъ превосходно; въ свободное отъ занятій время, онъ часто приходилъ ко мнѣ передъ обѣдомъ. Другой пріятель мой изъ нѣмцевъ былъ Вальтеръ, недавно окончившій курсъ медицинскихъ наукъ и начинавшій заниматься практикой, которая впрочемъ не давалась ему въ Берлинѣ, и онъ вскорѣ переѣхалъ въ Дрезденъ.

Скромная жизнь моя въ Берлинѣ текла мирно и спокойно. Изъ полученныхъ денегъ на путешествіе въ теченіе перваго полугодія я много издержалъ въ Петербургѣ и на переѣзды, такъ что въ Берлинѣ у меня до марта оставалось немного средствъ; въ долги я не хотѣлъ входить, обѣщалъ не просить изъ дому болѣе положеннаго, и обходился ста талерами въ мѣсяцъ. Имѣя болѣе чѣмъ полный гардеробъ, большой запасъ гаванскихъ сигаръ, купленныхъ въ Гамбургѣ, и уплативъ за полугодіе впередъ за лекціи въ университетѣ, вотъ какъ я распорядился моими средствами: квартира 8 талеровъ, кофе 5 талеровъ, обѣдъ 5 талеровъ, прачка 4 талера, за чистку платья и уборку комнатъ штубемедхенъ 3 талера: итого 25 талеровъ въ мѣсяцъ необходимыхъ расходовъ. Сумма въ пять талеровъ на обѣдъ покажется очень малою, но въ Берлинѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ все было очень дешево, и существовали рестораны для студентовъ и офицеровъ, гдѣ, платя за тридцать обѣденныхъ карточекъ пять талеровъ, т. е. по пяти зильбергрошей за каждую, потребитель имѣлъ право спросить за 6½ грошей кушанья по картѣ; обыкновенно на эти деньги съѣдали три блюда, весьма недурно приготовленныхъ, хлѣба сколько угодно, выпивали кружку пива и оставалось еще кое что въ пользу кельнера.

Изъ остальныхъ 75 талеровъ я платилъ Морксу 15 за три урока въ недѣлю у него на квартирѣ, 10 Тауберту, а 50 оставалось на развлечения и удовольствія; разъ въ недѣлю мы позволяли себѣ обѣдать или ужинать у Трюшо, французскаго ресторана подъ липками, ходить въ театръ и посѣщать публичныя собранія.

Алларъ также не тратилъ много: онъ сталъ довольно разсчетливъ; истративъ въ два—три года большую часть капитала, доставшагося отъ дяди, и предполагая ѣхать въ Россію, гдѣ, какъ я ему сказалъ, жизнь и путешествія обходятся дорого, собиралъ средства и экономничалъ.

Зиму 1842—43 года Мейербееръ проводилъ въ Берлинѣ; съ нимъ я познакомился и довольно часто бывалъ у него; онъ интересовался моими музыкальными занятіями и нерѣдко удостоивалъ просмотромъ мои композиціи. На счетъ мелодіи, онъ былъ мнѣнія совершенно противоположнаго Морксу; что-же касается обработки и развитія музыкальныхъ идей, то въ нихъ онъ находилъ недостатки, свойственные начинающему. Смѣлая и своеобразная модуляція Мейербеера, пѣвучесть и оригинальность его мелодій, высокій драматизмъ его музыки, сила и богатство инструментовки ставили его выше всѣхъ современныхъ композиторовъ. Я благоговѣлъ предъ его геніальностью и поклонялся ей. Достаточно развитый въ музыкальномъ дѣлѣ, чтобы умѣть цѣнить его, я съ увлеченіемъ фанатика говорилъ Мейербееру о его произведеніяхъ и пользовался большимъ расположеніемъ знаменитаго маэстро. Два раза при мнѣ Мейербееръ дирижировалъ „Роберта“ въ Берлинѣ и опера эта, которую я такъ любилъ и часто слышалъ въ Петербургѣ, подъ волшебнымъ жезломъ композитора имѣла для меня особенную прелесть и поражала новыми достоинствами.

Я часто бывалъ на концертахъ, посѣщалъ квартетные вечера и не пропускалъ ни одного симфоническаго собранія. Въ декабрѣ, въ гарнизонкирхѣ давали ораторію Гайдена „Сотвореніе міра“. Это геніальное произведеніе было мнѣ знакомо по отрывкамъ и въ переложеніи на фортепіано; я хотѣлъ ближе съ нимъ познакомиться, болѣе въ него вслушаться, и досталъ билетъ на генеральную репетицію, запасшись заблаговременно мѣстомъ въ ложѣ на вечеръ исполненія ора-

торіи. Для репетиціи, церковь не была освѣщена, исключая мѣста занимаемаго хоромъ, пѣвцами и оркестромъ. Когда раздались величественные звуки ораторіи, я весь превратился въ слухъ и съ наслажденіемъ, котораго давно не испытывалъ, прослушалъ первый номеръ, безукоризненно исполненный. На второмъ хоры сбились и его нужно было повторить.

Въ то время, когда дирижеръ объяснялъ хористамъ, въ чемъ состояла ошибка, я услыхалъ говоръ въ ложѣ налѣво отъ моей. Въ полумракѣ я могъ различить двѣ женскія фигуры, и позади ихъ пожилаго господина. Дама, сидѣвшая съ правой стороны, взглянула на меня; взглядъ ея былъ блескомъ молніи. Вглядѣться въ черты ея лица я не могъ, она быстро повернулась къ своей собесѣдницѣ, мелькнулъ правильный овалъ брютетки, не ясно обозначился стройный ея станъ, на темномъ фонѣ ложи обрисовался темный туалетъ. Загремѣлъ второй номеръ ораторіи и отвлекъ мое вниманіе отъ незнакомки.

Въ непродолжительныхъ антрактахъ я напрягалъ свое зрѣніе, чтобы разсмотрѣть сосѣдку, изощрялъ свой слухъ, чтобы услышать ея голосъ и узнать, на какомъ языкѣ она объясняется. Тщетно. Почти ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Бываютъ мгновенія, когда вещь, самая обыкновенная въ существѣ и не представляющая ничего особеннаго, тревожитъ или ласкаетъ неопредѣленной надеждой, когда внутреннее чувство инстинктивно говорить въ васъ, возбуждаетъ любопытство и напрягаетъ вниманіе. Такъ было со мною: не одно простое любопытство руководило мною, необъяснимое влеченіе заставляло всматриваться и вслушиваться въ сосѣдную ложу.

Смокли звуки ораторіи; я поспѣшилъ къ выходу, но въ толпѣ, въ едва освѣщенномъ корридорѣ, потерялъ изъ виду моихъ незнакомокъ.

Цѣлую ночь, проведенную почти безъ сна, звучали въ музыкальной памяти моей величественные аккорды ораторіи, представлялась воображенію стройная черная дама, мелькалъ ея жгучій взглядъ.

На другой день я мечталъ цѣлое утро и разыгрывалъ на фортепьяно „Сотвореніе міра“. Вечера ждалъ я съ нетерпѣніемъ: не столько влекла меня въ гарнизонную церковь ораторія, какъ желаніе встрѣтить незнакомку.

По счастливой случайности или предопредѣленію, на исполненіе ораторіи мнѣ досталась та-же ложа, въ которой я помѣщался на репетиціи. Въ ней было четыре мѣста, изъ коихъ три были заняты мною, Алларомъ и Кранахомъ, а четвертое неизвѣстнымъ господиномъ.

Когда мы вошли, ложа налѣво не была еще занята. Церковь была такъ наполнена, что не было ни одного пустаго мѣста и я былъ вполне убѣжденъ, что и сосѣдняя ложа не останется безъ посѣтителей. И дѣйствительно незадолго до начала исполненія ораторіи, въ нее вошли три дамы и пожилой мужчина. Въ одной изъ дамъ, я тотчасъ узналъ мою вчерашнюю незнакомку, и долго не могъ отвести отъ нея глазъ моихъ.

Ростомъ она была выше средняго, стройна и граціозна; въ поступи и манерахъ проглядывала врожденная непринужденность, нелишенная достоинства; правильный овалъ ея лица, прямой носъ, маленький ротъ съ коралловыми губками, большіе выразительные томные, бархатистые черные глаза въ формѣ миндаины, осѣненные длинными рѣсницами, и черные съ синимъ отблескомъ вороньего крыла роскошные волосы, матовая бѣлизна лица,—вотъ наружность незнакомки; на видъ ей было лѣтъ семнадцать.

Долго не могъ я отвести глазъ моихъ отъ чуднаго видѣнія. Непонятное чувство овладѣло мною, непреодолимая сила влекла меня, необузданное стремленіе воли сказалось во мнѣ твердою рѣшимостью во что бы ни стало сдѣлаться обладателемъ прелестной незнакомки, и какая то смутная надежда, какое-то убѣжденіе нашептывали мнѣ: она будетъ твоею.

Незнакомка замѣтила мой пристальный испытующій взглядъ и отвѣтила мимолетнымъ, какъ мнѣ показалось, сочувственнымъ взглядомъ.

Подлѣ нея помѣстилась молодая дама, очень похожая на интересовавшую меня незнакомку, но постарше; за ними красивая женщина лѣтъ сорока, и пожилой мужчина съ типической еврейской фізіономіей.

Разсѣянно слушалъ я ораторію Гайдена, и часто, насколько позволяло приличіе, оборачивался къ сосѣдней ложѣ. При выходѣ я слѣдилъ за незнакомкой; она сѣла съ лицами, бывшими съ нею въ ложѣ, въ четырехмѣстную карету, дверцы затворилъ не ливрейный, но прилично

одѣтый лакей, и экипажъ быстро покатился. Нанять дрожки, обѣщать кучеру хорошее вознагражденіе, если не отстанеть отъ кареты, было дѣломъ одной минуты. Ѣхали мы долго, наконецъ карета остановилась предъ небольшимъ, но очень красивымъ домомъ въ Моабитѣ, отдаленной части Берлина, которая тогда начинала отстроиваться. По звону лакея отворились ворота и экипажъ съ незнакомкой исчезъ во дворѣ, обнесенномъ высокимъ каменнымъ заборомъ, изъ за котораго выглядывали небольшія деревья обширнаго сада, покрытыя инеемъ.

Въ позднее время невозможно было узнать, кому принадлежить домъ и кто въ немъ живетъ; замѣтивъ хорошо мѣстность, я приказалъ кучеру ѣхать въ Вильгельмштрассе.

Аллара не было дома, я сѣлъ за фортепьяно и импровизировалъ часа два на темы изъ „Сотворенія міра“. Возбужденное чувство одушевило меня и вылилось во всей полнотѣ въ такія мелодичныя сочетанія звуковъ, въ такіе удачныя аккорды, что я очень сожалѣлъ о невозможности воспроизвести ихъ на бумагѣ тогда-же.

Утро слѣдующаго дня я посвятилъ розыскамъ о моей незнакомкѣ и узналъ, что она дѣвица, дочь удалившагося отъ дѣлъ банкира еврея К.; похожая на нее дама—ея сестра, замужемъ за евреемъ негодіантомъ, живущимъ постоянно въ Малагѣ и пріѣхавшимъ погостить у тестя; четвертая особа сидѣвшая въ ложѣ—тетка этихъ дамъ, родная сестра покойной ихъ матери. Банкиръ К., былъ очень старъ, очень богатъ, почти никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ; лѣтомъ проводилъ все время въ новомъ саду, устроенномъ при принадлежавшемъ ему домѣ, зимою въ огромной теплицѣ, въ которую былъ ходъ изъ его кабинета; имѣлъ страсть къ садоводству и очень любилъ музыку. Кромѣ двухъ дочерей у него былъ сынъ, занимавшійся торговыми дѣлами въ Алжирѣ. Дамы имѣли обыкновеніе ѣздить въ хорошую погоду въ Тиргартенъ, часто бывали въ оперѣ и посѣщали концерты; знакомыхъ у нихъ было очень мало.

Получивъ эти свѣдѣнія, я началъ каждый день ходить въ Тиргартенъ, и былъ такъ счастливъ, что вскорѣ встрѣтилъ тамъ дѣвицу К. съ сестрой. Мы обмѣнялись выразительными взглядами. Потомъ я видѣлъ ее въ оперѣ, и не сводилъ своего бинокля съ ея ложи. Меня замѣтили.

Изъ концертистовъ наиболѣе привлекалъ публику мало еще тогда извѣстный скрипачъ Базини. Трудности для него не существовали; но вмѣстѣ съ необыкновенною ловкостью, силою и звучнымъ тономъ, скрипка его пѣла превосходно. Эта пѣвучесть одной изъ лучшихъ Амати, въ сочиненіяхъ концертанта по большей части на темы изъ италіянскихъ оперъ, и составила славу Базини. Особенно полюбили берлинцы его Е. мольный концертъ, *la ronde des lutius* изъ бравурныхъ пьесъ, его фантазіи изъ Пуританъ, Сомнамбулы, Пирата и другихъ. Я познакомился съ Базини и вскорѣ мы подружились. Славная, артистическая его натура была мнѣ по сердцу и мы съ нимъ видѣлись каждый день.

На третьемъ концертѣ Базини, на мою долю выпалъ счастливый жребій сидѣть рядомъ съ дѣвицей К.; она вблизи еще болѣе поразила меня своей красотой; но природная застѣнчивость, увеличенная чувствомъ необъяснимой привязанности, восторженнаго поклоненія прелестной наружности незнакомой особы, долго не позволяла мнѣ вступить съ нею въ разговоръ. Наконецъ я рѣшился и началъ похвалой игрѣ Базини. Мнѣ отвѣчали очень любезно, въ разговоръ вмѣшалась сестра К., я ободрился, говорилъ съ увлеченіемъ о музыкѣ и къ концу концерта вполне познакомился съ моими милыми собесѣдницами. Ихъ вѣрный взглядъ на игру и сочиненія Базини, свѣдѣнія, высказанныя о музыкѣ вообще, показывали, что онѣ очень развиты въ этомъ отношеніи; меткія замѣчанія, находчивость въ отвѣтахъ, приличный тонъ, превосходный нѣмецкій языкъ, на которомъ онѣ говорили, правильное произношеніе техническихъ музыкальныхъ терминовъ по италіянски вскорѣ убѣдили меня, что имѣю дѣло съ женщинами вполне образованными.

Съ ними не было кавалера; я предложилъ мои услуги, чтобы проводить до экипажа; предложеніе мое принято и, когда карета ихъ исчезла съ моихъ глазъ, долго стоялъ я въ раздумьи у подъѣзда.

— О чемъ задумался *Signor Pietro*? спросилъ меня подошедшій Базини. Я ему отвѣтилъ, что подъ впечатлѣніемъ его волшебнаго смычка и черныхъ глазъ сосѣдки я былъ на небесахъ.

— Спуститесь на землю, *shio saho*, и поидемъ ужинать къ Трюшо. Отправились; къ намъ присоединилось нѣсколько артистовъ и мы провели время очень пріятно. Базини находился въ хорошемъ расположеніи,

пиль много и подь конецъ былъ навеселѣ. Я его просиль написать мнѣ на память что нибудь въ мой музыкальный альбомъ, и онъ написалъ довольно нечетко первые такты его Е мольнаго концерта, къ подписи прибавиль *besofen, voir le dictionnaire Allemand-francais*. На другой день Базини уѣзжалъ въ Лейпцигъ, и мы съ нимъ простились. За ужиномъ я узналъ, что на дняхъ ждуть въ Берлинъ Франца Листа.

Алларъ продолжалъ свои донжуановскія занятія и былъ въ то время въ связи съ одной нѣмкой изъ Вѣны, весьма видной и красивой женщиной, въ которую влюбился лордъ Вестморландъ, англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ. Алларъ порядочно его дурачилъ, писалъ отвѣты на адресованныя къ его любезной посланникомъ письма, назначалъ свиданія, и посылалъ на нихъ другихъ женщинъ, къ немалому удивленію Вестморланда; заставлялъ его присылать билеты на ложи въ театръ и садилъ въ нихъ безобразныхъ старухъ. Однимъ словомъ потѣшался надъ бѣднымъ англичаниномъ и выводилъ его изъ терпѣнія. Кончилось впрочемъ тѣмъ, что Аллару нѣмка надоѣла и перешла къ Вестморланду: охлажденіе Аллара и гинеи играли въ этомъ значительную роль.

Съ Вестморландомъ я познакомился у Мейербеера. Посланникъ очень любилъ музыку, сочинялъ кое-что, но остался навсегда плохимъ и бездарнымъ композиторомъ.

Я постепенно отставалъ отъ алларовскихъ походовъ и вскорѣ пересталъ принимать въ нихъ всякое участіе. Въ приемные вечера Аллара я уходилъ изъ дому.

Серіозное чувство начинало овладѣвать мною: я любилъ, каждый день отпраиваясь въ Тиргартенъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ дѣвицу К., и на третій день послѣ прощальнаго концерта Базини надежда моя осуществилась.

Въ морозное январское утро знакомыя мнѣ сестры гуляли въ Тиргартенѣ, я подошелъ къ нимъ, и прогулка наша продолжалась часа полтора. Время прошло незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ; я просиль позволенія пріѣхать къ нимъ, но замужня сестра отвѣтила, что не смотря на все удовольствіе, которое доставилъ-бы имъ мой визитъ, онѣ не могутъ принять меня, потому что мужъ ея уѣхалъ въ Испанію, а

отецъ никого не принимаетъ и не любитъ, чтобы ѣздили къ нему въ домъ. Никого почти не видитъ изъ старыхъ знакомыхъ, а новыхъ знакомствъ по старости избѣгаетъ вовсе.

Мнѣ сочувственно пожали руку, выразительно на меня взглянули, какъ-бы извиняясь въ отказѣ, и уѣхали сказавъ ласково: au revoir.

Долго бродилъ я по широкимъ аллеямъ Тиргартена. Сначала уклончивый отвѣтъ беспокоилъ меня, тревожное сомнѣніе запало мнѣ въ душу, но ласковый тонъ при прощаніи, выразительный, симпатическій взглядъ, и любезное: au revoir вскорѣ изгладили непріятное впечатлѣніе; мысленно занялся я изысканіемъ возможности осуществить слова: „до свиданья“, которыя успокоительно звучали въ памяти моей.

Мокрый снѣгъ началъ падать большими хлопьями; я поспѣшилъ домой и засталъ тамъ Крапахъ. Крапахъ сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ Листа и просилъ меня представить его знаменитому виртуозу, когда познакомлюсь съ нимъ.

Сестры К. были очень дружны между собою, превосходно говорили по французски, по испански и по италіянски, держали себя безупречно, и въ нихъ рѣшительно не было ничего, что обличало-бы ихъ происхожденіе, къ которому привыкли болѣе или менѣе относиться, если не враждебно, то недовѣрчиво.

Совершенное презрѣніе къ евреямъ, вошедшее въ нравы большинства жителей южнаго края Россіи, предубѣжденія и предразсудки ставили это племя у насъ въ весьма невыгодное положеніе; къ нему никто, никогда не питалъ довѣрія и долго евреи считались народомъ отверженнымъ. Проживая иногда въ деревнѣ и сознавая пользу приносимую ими въ сбытѣ хозяйственныхъ произведеній и торговыхъ оборотахъ, я привыкъ смотрѣть на евреевъ довольно снисходительно. Въ Одессѣ, городѣ по преимуществу коммерческомъ, богатство играло значительную роль; большой капиталъ давалъ право на извѣстный почетъ и евреи въ массѣ другихъ разноплеменныхъ жителей занимали положеніе весьма сносное. На нихъ смотрѣли даже благосклонно, какъ на полезныхъ дѣятелей въ торговомъ мірѣ; нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ евреевъ съ семействами были приняты и въ высшемъ обществѣ. Но замкнутость ихъ религіознаго, нравственнаго и политическаго быта, обособленность, въ которую

они поставлены нашимъ законодательствомъ и укоренившимися обычаями, сохраняли за ними исключительное положеніе общества въ обществѣ, государства въ государствѣ.

За границей, въ Германіи, евреи пользовались въ полномъ объемѣ всеми гражданскими правами, особенность ихъ заключалась единственно въ религіи; въ общественномъ-же положеніи, равно какъ и во внѣшнемъ видѣ, между евреемъ и нѣмцемъ не было никакой разницы.

Пріятнѣе было-бы, быть можетъ, думалось мнѣ, если-бы особа, которою увлекся, принадлежала къ другой народности, легче можно-бы было избѣжать затрудненій и достигнуть своей цѣли, обыкновеннымъ путемъ; но еврейское происхожденіе дѣвицы К. нисколько впрочемъ меня не смущало. Напротивъ: таинственная обстановка, романтическое направленіе тогдашняго времени, непреодолимыя препятствія, предстояшія въ дальнѣйшемъ знакомствѣ, необыкновенная красота первобытнаго еврейскаго типа, вѣрованіе въ предопредѣленіе, въ неизбѣжность судьбы, еще болѣе увлекали и возбуждали меня.

Дѣвица К. носила имя Ноэмини, Ноэми; сестру звали Ліей. Эти библейскія имена были замѣняемы болѣе употребительными въ разговорѣ Наимы и Леи.

Леи я сказалъ, что звучное ея имя нисколько къ ней не идетъ, представляя рѣзкую противоположность между нею и первою некрасивою женою Іакова, а Наимѣ, что симпатичная личность ея библейской соименницы, вдовы Евимелеха, отражается въ ея характерѣ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что Наима не осталась-бы долго вдовою, поставленною въ необходимость посылать сноху, подобно Руей, подбирать колосья на чужихъ поляхъ, и, хотя по мѣсту жительства Ноэми и можетъ считать себя моавитянкой, врядъ-ли ей придется возвратиться въ Вилеємъ и называть себя Марою (горькою). Шутка моя была принята благосклонно съ замѣчаніемъ, что я изучилъ библію.

Лея была уже пять лѣтъ замужемъ, но не имѣла дѣтей; мужа она очень любила, проживала постоянно съ нимъ въ Малагѣ, пріѣзжала впрочемъ каждый годъ погостить у отца мѣсяца два—три, и когда дѣла мужа позволяли, путешествовала много.

Четырнадцать лѣтъ, Наима, по смерти матери, была взята сестрою изъ родительскаго дома, сопровождала ее въ ея путешествіяхъ; получила превосходное воспитаніе и въ зиму 1842 года возвратилась въ Берлинъ.

Обѣ сестры были большими любительницами музыки: Лея играла на фортепьяно и на арфѣ, Наима на фортепьяно и на цитрѣ. Пѣли также обѣ: у Леи былъ контръ-альтъ, у Наимы mezzo soprano.

Хотя разговоры наши по большей части были кратковременны и ограничивались областью музыки, тѣмъ не менѣ свѣдѣнія эти успѣла мнѣ сообщить Лея. Она была очень разговорчива и любезна, Наима говорила меньше, конфузилась, краснѣла, потупляла взоры, замѣтно было что она застѣнчива, но когда удавалось уловить ея робкій взглядъ, онъ приводилъ меня въ восхищеніе; такого задушевнаго, сочувственнаго взгляда, такого магнетическаго притяженія въ глазахъ я не встрѣчалъ никогда.

Я имъ мало говорилъ о себѣ, но скоро мы познакомились настолько, что знали главныя условія нашего общественнаго положенія, занятія, вкусы и привычки. Каждый почти день встрѣчались въ Тиргартенѣ, сговаривались, когда быть въ концертѣ или театрѣ, освоились. Нельзя было не замѣтить моей привязанности къ Наимѣ; я былъ почти увѣренъ, что и она раздѣляетъ мои чувства.

Но какъ проникнуть въ заколдованный домъ? Склонить старика на знакомство со мною не представлялось возможности; посѣщать домъ, не будучи знакомымъ съ отцемъ, было неприлично, да вѣроятно, послѣ перваго визита, дошедшаго до свѣдѣнія старика, двери его дома навсегда-бы затворились для меня. Положеніе было затруднительное. Чувство начинало говорить во мнѣ смѣлѣе и сильнѣе; я не могъ ограничиваться свиданіями въ Тиргартенѣ, въ концертахъ и театрахъ.

Судьба свела меня съ Листомъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ имѣлъ роковое вліяніе на два главныхъ момента моей жизни.

Узнавъ отъ Крауса о пріѣздѣ знаменитаго пѣвца, я вскорѣ отправился къ нему, засталъ дома въ гостинницѣ Мейнгардта и былъ принятъ. Листъ всегда обходился очень любезно съ молодыми людьми,

занимающимися музыкой. Когда я объяснилъ ему, что я дилетантъ и прошу позволенія приходить иногда къ нему, чтобы пользоваться его совѣтами, онъ отвѣтилъ, что уроковъ никому не даетъ, но очень радъ со мною познакомиться и, когда время позволитъ, быть мнѣ полезнымъ.

Черезъ день назначенъ былъ его первый концертъ. Я, конечно, запаса заблаговременно мѣстомъ и былъ пораженъ необыкновеннымъ механизмомъ игры Листа. Сила, звучность, отчетливость, бѣглость дѣлали фортепьяно подъ его руками совершенно другимъ инструментомъ. Пѣвучесть и рельефность мелодіи, выдѣлявшіяся постоянно въ его сочиненіяхъ изъ самыхъ затѣйливыхъ и ученыхъ комбинацій гармоніи, испещренной необыкновенными техническими трудностями, привели меня въ совершенный восторгъ. Восторгъ публики превзошелъ всякое ожиданіе; вызовамъ и оваціямъ не было конца.

Ноэми и Лея не были въ первомъ концертѣ; я имъ досталъ билетъ на второй, и онѣ не знали, какъ благодарить меня за наслажденіе, доставленное имъ игрою Листа.

Первые дни пребыванія Листа въ Берлинѣ я мало съ нимъ видѣлся, но послѣ втораго концерта онъ пригласилъ меня обѣдать. Мы сошлись, и я каждый день бывалъ у него по утрамъ. Вечера Листа были всѣ разобраны; его безпрестанно приглашали, и энтузіазмъ, который онъ производилъ въ Берлинѣ, превосходить всякое вѣроятіе. Первому пріѣзду его въ Берлинъ въ 1841 году предшествовала громкая извѣстность виртуоза и фантастическая, легендарная молва о его личности, похожденіяхъ и успѣхахъ.

Достаточно сказать, что Листъ въ одинъ сезонъ (1841 года) далъ въ Берлинѣ двадцать два концерта, на которыхъ никогда не было ни одного незанятаго мѣста, не смотря на высокую ихъ цѣну, что берлинскія дамы, обыкновенно сдержанныя и холодныя до нельзя, приходили въ такой восторгъ, что послѣ концерта цѣлой толпой осаждали Листа, стараясь одна передъ другой обратить на себя его вниманіе, разрывали на клочки его платки и перчатки и уносили обрывки, какъ святыню. Серенады и факель-цуги повторялись безпрестанно. Подобнаго увлеченія не бывало еще въ Берлинѣ.

Листъ родился 22 октября 1811 года и былъ венгерець, изъ

Рединга близъ Эденбурга, но всю свою молодость провелъ въ Парижѣ, гдѣ занимался музыкой и науками. Въ Парижѣ поселилась и мать Листа и вела его денежные дѣла.

Независимо отъ геніальнаго таланта, Листъ былъ человѣкомъ въ высшей степени замѣчательнымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Прекрасная наружность его обращала на себя вниманіе: лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій, худой, мускулистый; живые каріе глаза, свѣтящіеся умомъ и священнымъ пламенемъ искусства, длинный носъ, небольшой ротъ съ тонкими губами и саркастической улыбкой, высокій лобъ, густые каштановые волосы, зачесанные вверхъ и ниспадавшіе почти до плечъ, безукоризненный туалетъ, множество маленькихъ орденовъ на цѣпочкѣ въ петлицѣ чернаго фрака— вотъ наружность моего новаго пріятеля. Обширный умъ, стоящій выше обыкновеннаго уровня, отличное образованіе, ученость, начитанность, легкость краснорѣчиво объясняться и писать на вѣхъ европейскихъ языкахъ, сила характера, твердость убѣжденій, послѣдовательная логичность въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ— вотъ интеллектуальныя качества Листа. При этомъ богатый, щедрый до расточительности, откровенный и прямодушный, но разборчивый въ выборѣ своихъ друзей, онъ съ прошлаго года сдѣлался идоломъ берлинцевъ. Да и не могло быть иначе. Все существо Листа было проникнуто какимъ-то невыразимымъ очарованіемъ. Геній его таланта воплощался, олицетворялся во всей его особѣ. Игра его служила откровеніемъ какого-то невѣдомаго, непередаваемаго словами міра и мистическая прелесть этого откровенія дѣйствовала съ неотразимымъ обаяніемъ на душу человѣка, доступнаго возвышеннымъ впечатлѣніямъ. Изъ множества молодыхъ людей, окружавшихъ въ то время Листа, онъ особенно благоволилъ ко мнѣ. И говорить нечего, что я привязался къ нему искренно и полюбилъ всей душой. Началось съ откровеннаго объясненія на счетъ моей игры на фортепяно. Листъ заставилъ меня сыграть нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій, потомъ патетическую сонату Бетховена, и въ заключеніе его фантазію изъ „Гугенотовъ“.

Техника у васъ не дурна, сказалъ онъ, игра довольно чиста, и въ особенности пріятна, но по складу вашихъ маленькихъ и слишкомъ бѣлыхъ рукъ, по недостатку силы мускуловъ и бѣглости въ пальцахъ

вы никогда не сдѣлаетесь пьянистомъ виртуозомъ; въ вашей игрѣ слишкомъ много женственности и сентиментальности; если хотите, она не лишена поэзіи и приятно ласкаетъ слухъ; но въ ней нѣтъ увлеченія, энергіи, драматизма. Ваши сочиненія весьма не дурны, довольно оригинальны и правильно написаны, но извините, если я вамъ откровенно скажу, что музыка ваша походитъ на нѣжное воркованіе голубковъ, производитъ на слушателя дѣйствіе успокоительное въ родѣ лавровишневыхъ капель, и лишена способности возбуждать, волновать, потрясать и вызывать страстные порывы, сильныя ощущенія.

— Не будьте въ претензіи, если отъ музыки перейду къ вашему характеру, продолжалъ Листъ. Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ музыкѣ всегда проглядываютъ нѣкоторыя черты характера. Я полагаю, что вы спокойны, сдержанны, хладнокровны, что у васъ темпераментъ скорѣе меланхолическій, чѣмъ холерическій. Впрочемъ вы такъ еще молоды, что вашъ характеръ не вполне сформировался; вы вѣроятно такъ мало еще жили и чувствовали, что душевныя ваши силы не имѣли времени и случая окрѣпнуть. Не такъ-ли?

— Не совсѣмъ такъ; я началъ жить и чувствовать довольно рано, испыталъ разныя невзгоды и огорченія, не всегда былъ счастливъ.

— Но все это скользнуло и не оставило глубокихъ слѣдовъ. Я вѣрю въ возможность увлеченій въ ранніе годы, въ нѣкотораго рода разочарованье, которое въ большомъ ходу въ настоящее время у молодыхъ людей, въ маленькія неудачи и противудѣйствія. Имъ вы обязаны отгнѣкомъ грусти, который слышится въ вашихъ мелодіяхъ. Я впрочемъ твердо убѣжденъ, что судьба вамъ улыбалась и вы были ея баловнемъ, судя по вашему положенію, цвѣтущему здоровью и въ особенности по жизненной силѣ, которая едва сдерживается мягкостью характера. Расскажите мнѣ главныя черты вашей жизни и тогда мы убѣдимся, кто правъ.

Я не заставилъ долго ждать; бѣгло очертилъ мое прошедшее и долженъ былъ сознаться, что замѣчаніе Листа въ концѣ концовъ было совершенно вѣрно.

Поживете, сказалъ онъ, познакомитесь ближе съ тревоженіями, окрѣпнетъ вашъ характеръ, и въ музыкѣ вашей вмѣстѣ съ розовой водой появится бурный потокъ страсти; драматизмъ необходимъ какъ въ

жизни человѣка, такъ и въ его литературныхъ и музыкальныхъ произведеніяхъ.

За мою откровенность Листъ заплатилъ мнѣ тѣмъ-же и посвятилъ въ тайны многочисленныхъ своихъ интригъ въ Берлинѣ.

Очень скоро мы подружились; когда Листъ не имѣлъ приглашеній на обѣды, почти всегда обѣдали вмѣстѣ и сдѣлались неразлучны; не сопровождалъ я только Листа въ скучное Берлинское общество.

О привязанности моей къ Наимѣ я сообщилъ Листу, и онъ просилъ меня при случаѣ представить его сестрамъ К.

Листъ вель жизнь невоздержную: его связи съ берлинскими дамами были безчисленны; любилъ хорошій столъ и въ особенности много пилъ. Зачастую даже въ дни своихъ концертовъ онъ бывалъ подъ хмѣлькомъ, но по утрамъ, часа три, четыре всегда серьезно занимался дѣломъ. Пьянисть, какихъ не бывало, Листъ получилъ вдругъ убѣжденіе, что онъ призванъ быть знаменитымъ композиторомъ и началъ писать; испишетъ бывало нѣсколько большихъ листовъ нотной бумаги, попробуетъ на фортепяно свое произведеніе, поморщится, изорветъ въ клочки и броситъ въ каминъ. Его транскрипціи и фантазіи на извѣстные мотивы были превосходны, хотя и мало доступны большинству пьянистовъ по чрезмѣрной ихъ трудности; но оригинальнаго Листъ не могъ написать ничего; сколько ни бился, не могъ сочинить ни одной сносной мелодіи. Въ этомъ отношеніи онъ отличался совершенною бездарностью въ то время, сознавалъ это, сердился и говорилъ, что терпѣніемъ и трудомъ достигнетъ своей цѣли.

Въ исполненіи Листъ былъ неподражаемъ; всѣ восхищались его концертами, но по моему убѣжденію, онъ въ публикѣ никогда не игрывалъ такъ хорошо, какъ дома, въ особенности когда былъ расположенъ. Въ концертахъ онъ игралъ для эффекта, для публики; дома — для себя и очень немногочисленныхъ слушателей, удостоенныхъ его дружбы. Особенно хорошо было исполненіе имъ музыки Бетховена; Бетховеновскія увертюры, сонаты и симфоніи игралъ Листъ въ совершенствѣ. Онъ читалъ оркестровыя партитуры, какъ книгу, и *à prima vista* передавалъ на фортепяно самыя многосложныя сочиненія для оркестра.

Однажды въ вечеру сидѣли мы вдвоемъ въ номерѣ Листа; Листъ былъ въ ударѣ, игралъ много, игралъ превосходно, между прочимъ исполнилъ В-дурную сонату Бетховена ор. 106; уставъ отъ продолжительной игры, закурилъ сигару и съ стаканомъ абсента съ водою покойно расположился въ креслахъ у камина. Завязался оживленный разговоръ, который былъ прерванъ внезапнымъ появленіемъ камердинера Листа, принесшаго ему письмо. Листъ, пробѣжавъ письмо, передалъ мнѣ, прибавивъ съ неудовольствіемъ: опять приглашеніе, и приглашеніе играть, отъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, еще съ вознагражденіемъ по моему усмотрѣнію; какъ это вамъ нравится? Скажите посланному, обратился Листъ къ камердинеру, что я ни у кого не играю, если угодно меня слышать, пусть ѣдутъ въ концертъ.

Погодите, погодите любезный другъ, возразилъ я, прикажите посланному подождать, я тотчасъ вамъ объясню почему и для чего.

Листъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе и когда камердинеръ вышелъ, я ему объяснилъ, что письмо было отъ старика К., отца Наимы, и что если Листъ питаетъ ко мнѣ хоть нѣсколько дружбы, то не откажетъ принять на завтра приглашеніе бывшего банкира, возьметъ меня съ собою и дастъ возможность познакомиться въ домѣ Наимы.

Охотно для васъ сдѣлаю это, мой другъ, отвѣтилъ Листъ, располагайте мною; вы знаете, я всегда къ вашимъ услугамъ, а въ настоящемъ случаѣ мой долгъ повиноваться вамъ. Сію минуту напишу отвѣтъ.

Хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ г. К., написалъ Листъ, но услышавъ, что онъ по нездоровью никуда не выѣзжаетъ, я съ благодарностью принимаю любезное приглашеніе на завтрашній вечеръ въ 8 часовъ, съ условіемъ, что возьму смѣлость привезти съ собою неразлучнаго моего друга С., молодаго русскаго путешественника, отличнаго музыканта. Что касается вознагражденія, то нахожу болѣе чѣмъ достаточнымъ — удовольствіе провести вечеръ въ кругу милыхъ и любезныхъ дамъ семейства К.

Благодарю, отъ всей души благодарю за чисто дружеское одолженіе, сказалъ я Листу, принимая отъ него письмо, которое поспѣшилъ передать посланному Б.

Едва успѣлъ я передать Листу подробности моего знакомства съ Наимой и переговорить о моей привязанности къ ней, о счастливой случайности, представлявшей возможность проложить путь въ неприступный домъ К., какъ явился вновь камердинеръ Листа, и съ таинственнымъ видомъ началъ ему говорить что-то шопотомъ.

Скажите, отвѣтилъ ему громко Листъ, что я не могу принять.

Не стѣсняю-ли васъ? сказала я Листу. Сдѣлайте одолженіе, будь-то откровенны, я тотчасъ уйду.

— Не уходите. Какая-то незнакомая женщина желаетъ меня видѣть, но я не расположенъ принять ее; вѣроятно какая нибудь попрошайка или авантюристка.

Камердинеръ возвратился и доложилъ, что женщина не хочетъ уходить и желаетъ непременно видѣть Листа.

Молода-ли она и хороша-ли собою, по крайней мѣрѣ? спросилъ Листъ.

Не могу сказать, отвѣтилъ камердинеръ, дама подъ вуалемъ.

— Рѣшительно не принимаю.

Камердинеръ появляется вновь и говоритъ, что дама подъ вуалемъ объявила, что не уйдетъ, не увидѣвшись наединѣ съ Листомъ. Скажи твоему господину, добавила она, что когда Листъ меня увидитъ, не будетъ раскаиваться въ снисхожденіи меня принять.

— Право скучно, не хотятъ меня оставить въ покоѣ; какъ вы думаете?

— Я думаю, что вамъ слѣдуетъ принять назойливую незнакомку, а мнѣ пора домой; до завтра, въ половинѣ осьмого я зайду къ вамъ.

— Дѣлать нечего; если вы меня оставляете, долженъ подчиниться капризу этой дамы.

Я взявъ шляпу, пожалъ Листу руку, пожелалъ ему успѣха и вышелъ.

Проходя черезъ переднюю, увидѣлъ даму средняго роста, закутанную въ большую мантилью съ густымъ вуалемъ на головѣ.

Остальную часть вечера я провелъ дома, въ раздумьи о предстоявшемъ наслажденіи увидѣть Наиму въ домѣ ея отца. Мнѣ что-то нашептывало, что наступаетъ въ жизни моей важная, рѣшительная ми-

нута, и сколько разсудокъ ни представлялъ препятствій, затрудненій и сомнѣній, вѣрованье въ счастливую будущность ласкало меня; непреодолимая, безсознательная сила воли влекла меня къ Наимѣ. Наима не произнесла ни одного слова, которое могло-бы поощрить, обнадежить меня; привѣтливая вѣжливость, — вотъ все, что замѣчалось въ ея обращеніи со мною. Но краснорѣчивѣе, убѣдительнѣе всякихъ словъ былъ ея взглядъ; и внутреннее чувство неясной, смутной, но тѣмъ не менѣе твердой надежды такъ сильно заговорило во мнѣ, что я былъ почти убѣжденъ въ успѣхѣ.

Я заснулъ подь впечатленіемъ грезъ, навѣянныхъ Наимой. И снится мнѣ храмъ старинной архитектуры, освѣщенный множествомъ свѣчей желтаго воска въ золоченныхъ люстрахъ; раздается въ храмѣ громкое, величественное пѣніе, сопровождаемое звуками органа, духовыхъ и металлическихъ струнныхъ инструментовъ; посреди храма у большаго стола, покрытаго бѣлою атласною скатертью съ золотою бахрамою, стоялъ я, а направо подлѣ меня женщина въ бѣлой шерстяной одеждѣ съ густымъ покрываломъ на головѣ, ниспадавшимъ до колѣнъ; предъ нами жрецъ весь въ бѣломъ, въ плоской, съ двухъ сторонъ оканчивавшейся остроконечными закругленіями внутрь митрѣ; за поясомъ, на которомъ вышиты клиньями золотыя буквы, небольшой серпообразный ножъ; жрецъ, не смотря на длинные совершенно бѣлые волосы и такую-же окладистую бороду, былъ необыкновенно похожъ лицомъ на Листа. Смолкло пѣніе; жрецъ соединилъ мою руку съ рукой стоявшей около меня женщины и началъ что-то говорить на непонятномъ мнѣ языкѣ. Рѣчь его продолжалась недолго, въ храмѣ появились другіе жрецы безъ митръ съ длинными покрывалами, точь въ точь друиды въ „Нормѣ“ и начали трубить въ длинные рогообразныя трубы. Трубный звукъ составлялъ такіе негармоническіе аккорды, отзывался такими сильными диссонансами, что я невольно вздрогнулъ. Изъ подь земли выросъ предо мною уродливый старикъ въ одеждѣ, употребляемой евреями при совершеніи молитвъ, съ длиннымъ поземъ въ рукѣ, которымъ онъ замахнулся на меня. Грянулъ нестройный хоръ съ аккомпаниментомъ бряцавшихъ треугольниковъ и кимваловъ; дикая музыка эта оглушила меня. Мгновенно исчезли жрецы, исчезла женщина,

по храму вихремъ пронесся холодный, леденившій вѣтеръ, погасли свѣчи, въ глазахъ потемнѣло, безъ чувствъ упалъ я на мраморный полъ. Очнувшись, я чувствовалъ, какъ могильный холодъ проникалъ въ члены мои; оглядѣвшись, я увидѣлъ, что нахожусь на кладбищѣ, и колѣнопреклоненный на мраморной плитѣ у могилы усѣянной цвѣтами и молюсь, вознося взоры на чудное изваяніе Мадонны, поставленное въ нишѣ и освѣщенное тускло горѣвшей лампадой. Лишь Мадонны напоминалъ черты моей матери. Послышалось тихое, гармоническое, стройное пѣніе и съ послѣдними звуками, возносившимися къ небесамъ, я проснулся.

Бываютъ сны болѣе страшные, болѣе знаменательные, но не остаются долго въ памяти; сна же, видѣннаго мною наканунѣ вступленія въ домъ Наимы, я не могъ забыть: онъ такъ врѣзался въ мою память, что я помнилъ малѣйшія подробности; хоральное пѣніе и трубные звуки такъ часто повторялись въ моихъ ухахъ, что я безъ труда передалъ бумагѣ величественные аккорды хора, слышаннаго въ началѣ сна, но никакъ не могъ воспроизвести ни на бумагѣ, ни на фортепьяно звуковъ трубъ и послѣдовавшаго за ними дикаго, потрясавшаго хора. Сколько ни трудился, какъ ни призывалъ на помощь самые крайніе диссонансы нонъ и ундецимъ, ничто не помогало. Мелодію же тихаго и нѣжнаго пѣнія у могилы я безъ всякаго усилія сыгралъ на фортепьяно и написалъ.

Все утро провелъ я въ музыкальныхъ занятіяхъ и мечтахъ.

Предъ обѣдомъ влетѣлъ въ комнату Алларъ, блѣдный, разстроенный.

Что съ вами? спросилъ я.

— Что? несчастье, и одно изъ самыхъ большихъ. Вообразите, я встрѣтилъ подъ Липами мистрисъ Нормемби, англичанку, изъ-за которой имѣлъ дуэль въ Гамбургѣ. Ея мужъ выздоровѣлъ, она его опять бросила и приѣхала въ Берлинъ, чтобы розыскать меня. Двѣ недѣли прошли въ тщетныхъ поискахъ, и къ величайшей досадѣ, мы столкнулись сегодня. Слезамъ и упрекамъ, что не писалъ ей, не было конца; все еще любитъ меня, а я сталъ къ ней совершенно равнодушенъ. Придется спростетью бѣжать изъ Берлина.

— Успокойтесь, несчастіе еще не такъ велико, какъ думаете; притомъ англичанка право очень хороша и гораздо лучше всѣхъ вашихъ Берлинскихъ пріятельницъ.

— Правда, правда, да вѣдь надоѣла и такая страстная, что возобновивъ мои къ ней отношенія, невозможно будетъ отъ нея отдѣлаться.

— Признаюсь, я не мало удивляюсь, какъ вы не умѣете цѣнить искреннюю ея привязанность. Вторично оставить мужа, отказаться отъ извѣстнаго, недурнаго положенія для того, чтобы быть съ вами, это пожертвованія, которыя должны-бы возбудить въ васъ, если не прѣжнее увлеченіе, то глубокое сочувствіе и благодарность.

— Давно не слыхалъ я такой морали, впрочемъ вы правы; неприлично оставить ее на произволь судьбы.

— Не только неприлично, но было-бы жестоко, скажу больше, не совсѣмъ благородно.

— Позвольте обнять васъ за откровенность; вы затронули слабую струну, и то, чего я не сдѣлалъ-бы изъ сентиментальнаго сожалѣнія, я сдѣлаю по долгу чести.

Мы отправились къ мистрисъ Нормемби, которая была въ восторгѣ отъ любезности Аллара; въ этотъ день втроемъ обѣдали у Трюшо.

Въ половинѣ восьмага я былъ у Листа и засталъ его въ отличномъ расположеніи. Разговоръ начался объясненіемъ вчерашняго таинственнаго визита.

Когда вы ушли, говорилъ Листъ, я попросилъ незнакомку войти ко мнѣ и тутъ произошла сцена, которую трудно было предвидѣть; много приключеній бывало со мною въ разныхъ странахъ Европы, но подобнаго еще не случалось. Вообразите мое изумленіе, когда незнакомка, не подымая вуали, сказала мнѣ: ваша музыка произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, ваша наружность такъ мнѣ понравилась, что я пріѣхала просить васъ провести ночь со мною. Полагаю, не откажете. Приподняла вуаль, и я былъ пораженъ, я остолбенѣлъ отъ удовольствія: предо мною стояла красавица въ полномъ смыслѣ этого слова.

Я Лола Монтесь, танцовщица изъ Испаніи, надѣюсь, вы согласны, добавила она.

Безъ всякаго сомнѣнія, я согласился. Прелестная женщина, еще очень молодая, весьма не глупая, но кажется своенравная. Одно мнѣ въ ней не нравится: это чрезмѣрная увѣренность въ себя, или скорѣе въ могущество своей красоты, отсюда излишняя развязность, даже наглость. Я что-то слышалъ о ней въ Парижѣ, но не помню хорошо, кажется она тамъ дебютировала въ балетѣ и не совѣмъ удачно. Во всякомъ случаѣ это пріятное знакомство и я намѣренъ его поддержать.

Мы отправились въ Моабить. Дорогой я много говорилъ Листу о Наимѣ, и онъ къ удовольствію своему замѣтилъ, что я выходилъ изъ свойственной мнѣ сдержанности и сосредоточенности.

Домъ К. довольно помѣстительный, былъ содержанъ превосходно и отдѣланъ не роскошно, но съ большимъ вкусомъ. Насъ ожидали съ нетерпѣніемъ, дамы встрѣтили въ залѣ, я представилъ Листа, Листъ отрекомендовалъ меня хозяину, сидѣвшему въ гостиной съ теткой Наимы. Вглядѣвшись въ лице К., я былъ непріятно пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ съ сившимся старикомъ, который замахнулся на меня ножомъ. К. былъ очень старъ, едва двигался, страдая ревматизмомъ въ ногахъ, его типическое чисто еврейское некрасиваго склада лице, покрытое морщинами, было очень непривлекательно; бѣлые волосы съ желтоватымъ отливомъ, красноватыя потухшіе глаза, изъ подъ черныхъ, нависшихъ бровей тупо глядѣвшіе во все стороны, огромный носъ—вотъ особенности его наружности, имѣвшей въ себѣ что-то отталкивающее. Гнусливый голосъ, непривѣтливыя манеры, сухость и какая-то расчетливость въ обращеніи произвели на меня еще болѣе непріятное впечатлѣніе.

Тетка Наимы была пожилая, красивая, милая, разговорчивая женщина и съ перваго раза обворожила меня своею любезностью. Какъ она, такъ и сестра ея, мать Наимы, были уроженками Кадикса, гдѣ отецъ ихъ имѣлъ банкирскую контору и нажилъ большое состояніе, доставшееся по его смерти двумъ дочерямъ. Сыновей онъ не имѣлъ. Старшая вышла за мужъ за К., младшая осталась дѣвицей.

Съ трудомъ передвигая ноги, старикъ повелъ насъ въ свой ка-

бинетъ, не представлявшій ничего особеннаго, а оттуда въ оранжерею. Это былъ большой зимній садъ, наполненный самыми роскошными экзотическими растеніями, сгруппированными и разставленными со вкусомъ. — Я не былъ тогда любителемъ и знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, но долженъ былъ отдать полную справедливость искусству, съ какимъ былъ устроенъ зимній садъ К.

Поговоривъ, мы занялись музыкой.

Листъ пригласилъ меня сыграть что нибудь для начала, чтобы испробовать фортепьяно. Инструментъ оказался превосходнымъ брудвудомъ изъ Лондона; я исполнилъ на немъ одну изъ небольшихъ пьесъ, сочиненную мною подъ вдохновеніемъ мечтаній о Наимъ. Пьеса эта, носившая названіе: *gêverie*, просмотрѣнная и исправленная Листомъ, очень понравилась. Дамы наговорили мнѣ много любезностей, К. также сочувственно отнесся къ моему таланту. Потомъ игралъ Листъ; онъ игралъ много и игралъ превосходно. Слушатели были въ восхищеніи; старикъ такъ оживился и съ такимъ увлеченіемъ сталъ говорить объ игрѣ Листа и о музыкѣ вообще, что даже непріятное выраженіе его фізіономіи исчезло совершенно, и онъ казался симпатичнымъ. Листъ обратился къ Наимъ съ просьбой спѣтъ и она звучнымъ, чистымъ, необыкновенно пріятнымъ голосомъ исполнила „Путешественника“ Шуберта. Ей аккомпанировала Лея. Лея въ свою очередь съ аккомпаниментомъ Наимы пропѣла арію изъ Донъ-Жуана. Въ заключеніе онѣ исполнили извѣстный дуэтъ изъ Нормы, и исполнили его такъ хорошо, что привели насъ въ восторгъ; имъ аккомпанировала ихъ тетка.

Музыкальный вечеръ у К. кончился ужиномъ, сервированнымъ въ зимнемъ саду. Старикъ предложилъ тостъ за здоровье Листа, и обратился къ нему съ просьбой дать нѣсколько уроковъ Наимъ. Листъ очень вѣжливо отклонилъ это предложеніе и сказалъ, что не можетъ рекомендовать лучшаго учителя музыки для его дочери, какъ я, — что онъ очень уважаетъ мои познанія, даетъ часто совѣты и вполне ручается за успѣхъ, но предоставитъ себѣ удовольствіе заѣхать когда нибудь, чтобы провѣрить успѣхи моей ученицы. Все это было сказано такъ любезно и убѣдительно, что предложеніе Листа не могло не быть принято, и я

получилъ приглашеніе пожаловать завтра, чтобы условиться объ урокахъ. Наима не сказала ни слова, но взглядъ полный благодарности служилъ отвѣтомъ гениальной находчивости Листа.

Надѣюсь вы мною довольны, другъ мой,—говорилъ мнѣ Листъ, возвращаясь изъ Моабита; я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы быть вамъ пріятнымъ.

— Больше чѣмъ ожидалъ; вы такъ хорошо устроили мои дѣла, что не знаю, какъ васъ благодарить.

— Впрочемъ и я провелъ вечеръ очень пріятно: дамы очень милы, любезны, образованы и замѣчательно красивы; въ особенности ваша Наима какая великолѣпная представительница библейской красоты! я питаю глубокое уваженіе къ вашему вкусу.

— Да, она хороша, и, если не ошибаюсь, ея душевныя качества вполне соотвѣтствуютъ замѣчательной ея наружности. Я былъ-бы вполне счастливъ, если-бы могъ заслужить ея благосклонность.

— Повѣрьте, она не совсѣмъ къ вамъ равнодушна, судя по тѣмъ взглядамъ, которые мнѣ удалось подмѣтить; начало положено, остальное нужно предоставить времени. Вы теперь имѣете возможность часто ее видѣть, и исполняя осторожно роль Альмавивы, приобретете сердце новой Разины.

— Ваша выдумка не дурна, но я встрѣчаю маленькое затрудненіе. Завтра мнѣ предстоитъ условиться со старикомъ объ урокахъ: не могу-же я принять платы за мои уроки, —не смотря на то, что буду исполнять вполне добросовѣстно мое дѣло.

— Напротивъ, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ Барголо, вамъ слѣдуетъ согласиться на всѣ условія, которыя онъ вамъ предложить; если-же онъ спроситъ о вашихъ условіяхъ, то не обинуясь назначьте приличное вознагражденіе за ваши труды. Это будетъ и справедливо: вы по всей вѣроятности принесете большую пользу музыкальному развитію вашей ученицы,—и благоразумно: отказомъ въ вознагражденіи не поставите въ затрудненіе старика и не возбудите въ немъ никакого сомнѣнія на счетъ вашихъ отношеній къ его дочери.

— Вы правы, нельзя поступить иначе.

Мы разстались молча, пожавъ крѣпко руку другъ другу.

Утромъ на другой день я отправился къ К., быть принятъ старикомъ благосклонно; онъ показался мнѣ днѣмъ еще невзрачнѣе и безобразнѣе, чѣмъ въ вечеру. Условіе было сдѣлано: я обязался давать Наимѣ три урока въ недѣлю, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ полтора часа каждый, и въ вознагражденіе мнѣ предложено было по талеру за урокъ. Я просилъ Наиму сыграть что-нибудь, и она исполнила капризъ Мендельсона такъ хорошо, такъ отчетливо, что только для приданія себѣ большей важности въ присутствіи старика, я нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Музыкальныя занятія наши шли весьма успѣшно; изрѣдка старикъ приходилъ послушать Наиму, иногда тетка ея присутствовала при началѣ урока, но чаще мы оставались одни, и никто намъ не мѣшалъ. Дозвольно скучныесеансы фортепянной игры мы разнообразили пѣніемъ; я аккомпанировалъ Наимѣ на фортепяно и на віолончели, нерѣдко Лея присоединялась къ намъ и полтора часовые уроки вскорѣ превратились въ музыкальныя утра. Потомъ отправлялись гулять. Вечера также стали проводить по большей части вмѣстѣ въ театрахъ или на концертахъ. Натуры Наимы и Леи были чисто артистическія; онѣ пѣли и играли превосходно, имѣли тонкій, вѣрный слухъ и большія способности къ музыкѣ. Въ короткое время я такъ къ нимъ привязался, такъ полюбилъ Наиму, что сталъ ей посвящать все свое время.

Университетскія занятія мои отъ этого сильно пострадали: совсѣмъ почти пересталъ я посѣщать лекціи. Музыкальное образованіе мое также не двигалось: съ Марксомъ и Таубертомъ я разошелся, и на столько занимался музыкой дома, на сколько это могло быть пріятно и полезно Наимѣ. Но я приобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ ботаникѣ, выучилъ названія растений тепличныхъ и комнатной культуры, чтобы имѣть возможность говорить о нихъ съ К. и снискать его расположеніе.

Все шло какъ нельзя лучше; я сдѣлался въ домѣ К. домашнимъ человѣкомъ, и получилъ даже приглашеніе приходить иногда по вечерамъ, которые впрочемъ недолго продолжались: старикъ ложился въ

10-ть часовъ, и передъ отходомъ его ко сну всё должны были расхотиться.

Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе любилъ Наиму; съ ея стороны пользовался всегда большимъ сочувствіемъ. Вскорѣ сочувствіе обратилось въ сильную, глубокую привязанность, и мы полюбили другъ друга, какъ любятъ въ молодые годы: мнѣ наступилъ двадцать второй, ей было восемнадцать. Мы такъ увлеклись своимъ чувствомъ, что никогда не думали о препятствіяхъ, а къ несчастію препятствія были велики, непреодолимы.

Во всѣхъ отношеніяхъ Наима была-бы для меня хорошею партіей: въ глубокой взаимной привязанности мы вполнѣ убѣдились, сочувствіе, которымъ я пользовался въ семействѣ Наимы, не подлежало сомнѣнію, образованіе, полученное Наимой, ея прелестная наружность, высокія душевныя качества не оставляли желать ничего лучшаго, въ матеріальномъ отношеніи она была также совершенно обезпечена; независимо отъ части, причитавшейся ей отъ отца, у нея былъ значительный капиталъ, оставленный матерью; у бездѣтной тетки было сверхъ того хорошее состояніе. Мое положеніе было также вполнѣ удовлетворительно. Казалось, всё условія были въ высшей степени благопріятны для осуществленія нашихъ желаній принадлежать другъ другу. Но Наима была еврейка; въ этомъ заключался весь вопросъ.

Нашими законами бракъ православнаго съ нехристіанкою абсолютно воспрещался. Убѣдить Наиму перемѣнить религію не было возможности. Однажды я заговорилъ объ этомъ. Наима отвѣтила, что она готова принести въ жертву своей ко мнѣ привязанности все, и узы, связывающія ее съ семействомъ, и положеніе, и состояніе, но никогда не измѣнить Моисееву закону. „Я родилась еврейкой, еврейкой и умру“, — прибавила она съ твердостью, которой я не ожидалъ, потому что никогда не замѣчалъ въ ней и тѣни религіозной нетерпимости и свойственнаго евреямъ фанатизма.

Какъ ни было грустно убѣжденіе въ невозможности поколебать рѣшимость Наимы, я не могъ не отдать полной справедливости возвышенности ея чувствъ. Сомнѣніямъ въ ея глубокой привязанности ко

миѣ не было мѣста; не разъ повторялось чистосердечное признаніе; ничѣмъ неударжимая радость при моихъ посѣщеніяхъ, избытокъ счастья, одушевлявшій ее въ нашихъ интимныхъ объясненіяхъ, служили вѣрнымъ залогомъ искренности Наимы. И не смотря на горячую ко миѣ любовь, на полную увѣренность, что я сдѣлаю ее счастливою, Наима не согласалась на послѣдній, необходимый шагъ, не изъ религіознаго фанатизма, а по сознанію долга, по инстинктивному чувству достоинства.

Любя Наиму отъ всей глубины моего сердца, я питалъ къ ней и высокое уваженіе; весьма обыкновенное въ мои дѣта увлеченіе рѣдкой ея красотой перешло въ чувство болѣе возвышенное; я вполне умѣлъ оцѣнить ея душевныя качества и привязался къ ней всѣми силами моей души. Чувство чести громко заговорило во миѣ.

Получивъ убѣжденіе, что ничто не въ силахъ измѣнить рѣшенія Наимы на счетъ религіознаго вопроса, и сознавая неодолимость этого препятствія къ женитьбѣ, я рѣшился уѣхать изъ Берлина. Какъ ни тяжело, какъ ни грустно было принять такое рѣшеніе, я не могъ поступить иначе въ виду невозможности, оставаясь въ одномъ городѣ съ Наимой, отказать отъ счастья ее видѣть и прервать мои къ ней отношенія. Я чувствовалъ, что не имѣлъ для этого достаточной силы воли.

Листъ уѣхалъ изъ Берлина въ Петербургъ, не задолго до принятія мною этого рѣшенія. Онъ разстался съ Лоллой Монтесъ не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Началось съ того, что она выпросила у него довольно значительную сумму денегъ для уплаты своихъ долговъ; потомъ потребовала еще столько-же, Листъ заплатилъ; наконецъ требованія стали увеличиваться въ такомъ размѣрѣ и такъ часто, что Листъ поставленъ былъ въ необходимость отказывать, не смотря на всю неразсчетливость въ денежныхъ своихъ дѣлахъ. Лолла разсердилась; тѣмъ дѣло и кончилось.

Аларъ также оставилъ Берлинъ раньше предположеннаго срока.

Мистрисъ Нормемби такъ ему надоѣла своими нѣжностями, что бѣдный французъ, отличавшійся необыкновеннымъ непостоянствомъ, долженъ былъ бѣжать въ Россію. Я ему далъ нѣсколко рекомендательныхъ писемъ, въ Петербургъ, Москву, Полтаву, Кіевъ и Одессу къ

моимъ знакомымъ и роднымъ, заставилъ изучить географію имперіи и успѣлъ выучить его по русски нѣсколькимъ фразамъ, необходимымъ въ путешествіи. Жаль мнѣ было разставаться съ Алларомъ; вѣтренный и легонькій французикъ часто развлекалъ и смѣшилъ меня, а иногда бывалъ и очень полезенъ любезною готовностью служить, чѣмъ могъ.

Къ этому времени относится мое знакомство въ Берлинѣ съ Степаномъ Степановичемъ Джунковскимъ. Братъ его Петръ Степановичъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моего отца, носившей нашу фамилію, и Степанъ Степановичъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, счелъ долгомъ со мною познакомиться. Онъ кончилъ курсъ кандидатомъ въ петербургскомъ университетѣ и пріѣхалъ въ Берлинъ слушать лекціи.

Религіозныя православныя его убѣжденія были такъ сильны, что въ Берлинѣ онъ соблюдалъ всѣ посты, постился по средамъ и пятницамъ, посѣщалъ постоянно православную церковь и велъ жизнь чисто монашескую.

Весьма неглушій, съ очень добрымъ сердцемъ, онъ слылъ большимъ чудакомъ, вслѣдствіе религіознаго настроенія чуждался общества товарищей и ненавидѣлъ женщинъ. Тогда только что появилось въ продажѣ извѣстное сочиненіе Штрауса: „Жизнь Иисуса“. Джунковскій закупилъ всѣ экземпляры бывшіе въ двухъ книжныхъ магазинахъ подъ Липками, сжегъ ихъ и требовалъ отъ книгопродавцевъ, чтобы не выставяли этой книги въ своихъ окнахъ. Проходя мимо, нѣсколько дней спустя, онъ опять видитъ на выставкѣ ненавистнаго ему Штрауса, входитъ въ магазинъ, говоритъ множество непріятностей приказчикамъ и выбрасываетъ на улицу новые экземпляры „Жизни Иисуса“. Большой скандалъ, потомъ процессъ, наконецъ Джунковскій, уплативъ значительный штрафъ, долженъ былъ уѣхать въ Геттингенъ изъ негостеприимнаго ему Берлина.

И скучно и грустно мнѣ было въ Берлинѣ въ послѣдніе дни моего тамъ пребыванія. Я остался безъ друзей и безъ всякой надежды на переменъ обстоятельствъ къ лучшему, но не падалъ духомъ: мысль, что приношу себя въ жертву Наимъ, ободряла меня; я такъ искренно

и глубоко любилъ, что самоотверженіе въ этомъ случаѣ считалъ непреложнымъ долгомъ совѣсти и не придавалъ ему значенія героизма.

Я не считалъ возможнымъ объявить о моемъ рѣшеніи Наимѣ изъ боязни огорчить ее и вызвать, быть можетъ, какой-нибудь необдуманный, неосторожный поступокъ, тѣмъ болѣе, что мы тщательно скрывали отъ отца Наимы наши отношенія и онъ видѣлъ во мнѣ только усерднаго учителя музыки и любезнаго собесѣдника.

Написавъ къ Наимѣ письмо, я предположилъ отдать его Крапаху для доставленія на другой день послѣ моего отъѣзда. Въ письмѣ я выразилъ чувства руководившія мною, борьбу долга чести съ страстнымъ увлеченіемъ и твердою рѣшимостью проститься съ завѣтной мечтой счастья навсегда.

Наканунѣ моего отъѣзда я провелъ вечеръ у К.; много говорили, пѣли и играли, я старался казаться веселымъ и, возбужденный идеей самопожертвованія, я находился подъ вліяніемъ какого-то неестественнаго одушевленія. Въ концѣ вечера я просилъ Наиму спѣть мнѣ еще что-нибудь. Она пропѣла „Adieu“ и исполнила мою любимую мелодію Шуберта съ такимъ чувствомъ, такъ меня растрогала, что я расплакался, какъ дитя, не помню, какъ простился, и уѣхалъ домой.

На другой день, передавъ письмо къ Наимѣ Крапаху, я сидѣлъ уже въ вагонѣ по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ.

Изъ переписки Максимовича съ Шевченкомъ уцѣлѣло только *девять* писемъ, относящихся къ 1857—1860 гг. *Шесть* изъ нихъ уже были напечатаны въ книгѣ М. К. Чалаго „Жизнь и произведенія Шевченка“ (Кіевъ 1882), съ нѣкоторыми пропусками и грубыми опечатками ¹⁾. Помѣщаемъ остальные три письма съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ. Письма Максимовича, во всей полнотѣ своей, важны особенно для уясненія отношеній его къ Шевченку, по поводу которыхъ наброшена въ печати тѣнь на свѣтлое нравственное достоинство Максимовича. Біографъ Шевченка, г. Чалый опирается на „частныя бесѣды съ Максимовичемъ“... Но мало-ли чего не говорится въ „интимныхъ“ бесѣдахъ? Неужели всякое лыко въ строку? И вѣрно ли переданы самыя бесѣды, ихъ основанія? Намъ при этомъ вспоминаются слова Шевченка: „Чому не писати, коли руки сверблять, а друковать не годилось“. Между Максимовичемъ и Шевченкомъ дѣйствительно было подъ конецъ нѣкоторое охлажденіе во взаимныхъ отношеніяхъ; можно пожалѣть объ этомъ, но не бросать осужденія полною горстью. Максимовичъ человекъ скромный, мягкій, уступчивый, былъ такимъ въ своихъ отношеніяхъ даже къ литературнымъ противникамъ, напр. къ г. Кулишу, и даже въ заочныхъ сужденіяхъ о немъ, а въ Шевченкѣ онъ всегда признавалъ и талантъ по-

¹⁾ На стр. 137—138 книги г. Чалаго напечатано > доглядивъ < вмѣсто *доглядивъ*; напечатано > милость <, нужно—*мысочку*; > нахавивъ <—вм. *накоивъ*; ничемной вм. *несмачной*; > новая <вм. *твоя*. Есть и пропуски, которые характерны для Максимовича, какъ человека, напримѣръ: > Поглянь-же незлымъ своимъ окомъ на тую добру людину и посмѣйся той кумедіи... Така поворотка на добру стать стоить того, щобъ пересердіе змѣниты на милосердіе <... и пр.

эта, и способность художника, и яркое дарованіе пѣвца: онъ возставалъ только противъ слѣпаго поклоненія ему, какъ поэту и какъ человѣку; но и подобныя замѣчанія Максимовичъ позволилъ себѣ только въ дружеской бесѣдѣ, смягчая ихъ добродушною шуткою. А если случалось касаться дѣйствительно темныхъ сторонъ въ жизни Шевченка, Максимовичъ говорилъ о нихъ съ глубокою грустью, сѣтуя и о своемъ другѣ и о слабости человѣческой природы вообще. Въ печати-же, сколько намъ помнится, Максимовичъ сказалъ про Шевченка одно лишь, что онъ свободнѣе относился къ исторіи, чѣмъ напр. Пушкинъ въ своей „Полтавѣ“.

Но обратимся къ письмамъ Максимовича.

Письмо I.

1857 г. 20 дек. Москва.

Привѣтъ и поклѣнъ тобѣ, нашъ любый, нашъ славный Тарасе, одъ щирого сердца и новости душевной! Радѣвъ и туживъ я, чуючи про тебе, читаючи твои вирши красномовныи и вѣрпкодумныи, и на останку—и твои листы до Щепкина, сего дивно-милого чоловѣка, що и надзаходы вѣку свѣтитъ и грѣе душею своею, якъ вранцѣ свѣтитъ и грѣе яснее солнце. Полетивъ-бы и я отце изъ нямъ до Нижнего—да ба! Нужда не пуска зѣ Москвы... живи небоже, роби небоже, то й Богъ по-може!—якъ кажутъ на нашій Украинѣ. Такъ хочъ словцемъ сказаться, коли не въ воли повидаться!

Прійми отъ-си кнѣжици моей праці! Бачъ, и я на старости ставъ виршовникъ, и зъ письменного книжного Игоря зробивъ слѣваку—Украинця. На половину здається таки гарненъкій; дещо вже й самъ полагадивъ; а що тобѣ не сподобается, будь ласковъ, напиши менѣ, коли буде досужно! Да ще отъ яка прозѣба до тебе, нашъ вѣщій Бояне! Мы тутъ дуже бажаемъ твоихъ пѣсень и виршей, не тѣлько про себе, да щобъ и въ свѣтъ ихъ пустить черезъ *Молву* да *Руську Бєсьду*: такъ чи не можно одолжить ими и мене, и выдавцевъ помяненыхъ журналовъ, и всѣхъ земляковъ... якъ-то рады будуть, побачивши ихъ дружоваными! Знаю те по сличной *Найжичцѣ*! Бувай же здоровенъкій и ясненъкій, любый земляче! милый соловейку!... Помагай Богъ тобѣ, щобъ таки справдѣ побачила тебе Украина на своемъ роскошномъ лонѣ... бо вже вона все жде-не дожде тебе изъ дальної чужины, и якъ въ тѣй пѣснѣ слѣвається:

„Лети лети сокплу,
Я жду тебя зѣ тоскою,

Личко зъ пылу умыю
И обѣму за шію!“

Обнимаю жъ и я тебе, коханный земляче, мыслями моими и сердцемъ.

М. Максимовичъ

Кланяется тобѣ и моя жѣнка Маруся!

Поклонися отъ мене Вл. Ив. Далеву, коли вбачишся зъ нимъ.
То ще добра людина на свѣтѣ!

Письмо это было послано Максимовичемъ чрезъ М. С. Щепкина (1788—1863), который ѣздилъ тогда въ Нижній Новгородъ, какъ для спектаклей на тамошнемъ театрѣ, такъ и для свиданія съ Шевченкомъ. Къ письму была приложена „Пѣснь о полку Игоря, переведенная Максимовичемъ на украинское нарѣчіе“ (Кіевъ 1857 г.); впоследствии Максимовичъ исправилъ свой переводъ и напечаталъ его въ Украинцѣ 1859 года. Просьбу Максимовича „прислать пѣсень и виршей“ Шевченко исполнялъ въ Москвѣ, оставивъ ему нѣсколько своихъ стихотвореній, которыя и были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ. Вл. Ив. Даль (1801—1872 гг.) служилъ тогда въ Нижнемъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ.

Письмо II.

Шевченкови одъ Максимовича привѣтъ и поклонъ!

Лѣтъ ся себе маешь, любый земляче, и лѣтъ здравствуе твое розумне чоло и видюще око?... Сегодня на врядь чи побачимось; коли выѣду въ вечеру, то все таки не трапиться тебе одвѣдати. Тымъ часомъ посылаю тобѣ *Жабомышодраковку*, ты гекзаметры Думитрашкови, що я казавъ тобѣ; да ще й мои *псалмы*... будь ласковъ, подивися на си псалмы пильненько, и що въ ихъ не доладу, одмѣть менѣ все до послѣдняго словця: зъ твоей порады може и зможеться менѣ ихъ справити такъ, щобъ и въ люде зъ ними не соромъ було показаться коли небутъ.

Бувай-же здоровъ и свѣтлоясець!

Твой *М. Максимовичъ*.

15 марта, 1858 г. М.

Это письмо Максимовича относится къ пребыванію Шевченка въ Москвѣ, гдѣ оба писателя встрѣчались другъ съ другомъ почти ежедневно. „Жабомышодраковка“—переложеніе войны мышей съ лягушниками на малороссійскіе гекзаметры, чуть-ли не первые и весьма удачные. „Псалмы“, переложенные Максимовичемъ на украинское нарѣчіе, тогда еще приготавливались къ печати и вышли черезъ годъ (1859 г.),

не встрѣтивъ, къ сожалѣнію, того успѣха, котораго они вполне заслуживаютъ. Черезъ 10 дней послѣ этого письма Максимовичъ устроилъ у себя почетный обѣдъ Шевченку (во вторникъ на святой), пригласилъ нѣкоторыхъ писателей и привѣтствовалъ поэта теплымъ стихотвореніемъ на малороссійскомъ языкѣ ¹⁾).

Приводимъ любопытный *постскриптумъ* письма восьмого и цѣликомъ все девятое письмо,— послѣднее если не вообще, то въ ряду уцѣлѣвшихъ и въ нашихъ рукахъ находящихся писемъ Максимовича къ Шевченку.

Постскриптумъ VIII письма.

Нашъ любый и благонадежный панъ Костомаровъ заѣлся зо мною за *Яська*, и выводитъ противъ мене цѣлу громаду за его, запрохавши до неи и вашу мощь; выбачайтежь, що скажу вамъ: панове громада, чудна ваша рада! Якъ же вы *Яська* Яковомъ чи-то Йосипомъ назвали, а про *Ясона* и не згадали? (У васъ у Петербурзѣ бувъ и профессоръ *Ясонъ Василевичъ Петровъ*, звѣстный своею ботаникою и анекдотомъ, что, читаючи по книзѣ лекцію сперва о тростникѣ, перевернувши два листка вгѣсто одного, продолжавъ: зъ ёго строятся корабли... отъ, каже, яба натура у жаркихъ климатахъ, що й тростникъ якъ дерево виростае! А далѣ дивитися, что написано про дубови жолуди, перевернувъ назадъ одинъ листъ—да й поправився: „сказанное о тростникѣ надо разумѣть о дубѣ!“ Таки-то були колись профессори).

Прошу передать мой поклонъ Марку Вовчю и его подружю, а также панамъ Соколову и Трутовскому.

Письмо IX.

1860 г. 14 дек. Мих. Гора.

Вы зовѣмъ забули на насъ, коханий земляче, Тарасъ Григорьевичъ! Вы не отыкнулись даже и на мой мартовскій листикъ, котрымъ извѣщаль я васъ о рожденіи у меня сына Олексы. Что за немилость такая? А мы съ Марусею моею не мало тужимъ объ тымъ всякій разъ, какъ вспоминаемъ васъ, а это случается нерѣдко. Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ мною въ послѣднее время отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, я съ грустію и досадою вижу, что завелась какал-то мара, которая перехватываетъ, и чуть-ли не въ нашей Золотоношѣ, если не

¹⁾ См. въ „Основѣ“ 1861 г., № 6; въ книгѣ г. Чалаго оно перепечатано съ пропускомъ двухъ стиховъ (стр. 126); равно и другое съ пропускомъ (стр. 199).

въ Петербургѣ и Борзнѣ, наши письма—и мои къ нимъ, и ихъ ко мнѣ, особенно послѣднія, почему и подозрѣваю больше на Золотоношу... Грустное утѣшеніе себѣ сочиняю, что и ваше молчаніе къ намъ подходитъ подъ эту категорію. Озовитесь пожалуста къ намъ, и дайте о себѣ намъ знать: какъ вы поживаете и сподѣваться-ли намъ на Украйну въ слѣдующее лѣто?...

Наше житъе-бытѣе такое-же, какъ видѣли, кромѣ радостной прибавки въ хлопотѣхъ нашемъ, которымъ Господь взвеселилъ Михайлову Гору. Вы полюбовались-бы этимъ прекраснымъ младенцемъ. Въ немъ весь міръ мой теперь. Съ того дня, какъ мы разстались въ Мошнахъ, я совершенный отшельникъ и домосѣдъ, таеъ что и Золотоноши даже не вижу, цуръ ей! Ничего не писалъ—даже до сего мѣсяца; ничего почти и не читалъ нового, не выписывая ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, кромѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, изрѣдка и не вполне присылаемыхъ отъ сосѣда моего, вамъ извѣстнаго брата жены моей. Вотъ какъ живу я, малограмотно! Радъ душевно, что Бѣлозерскій успѣлъ устроить *Основу*: исполать ему! и помогай ему Богъ!

Ныѣшній годъ унесъ съ сего свѣта многихъ для меня дорогихъ людей. Къ числу отшедшихъ принадлежитъ и нашъ Золотоношскій Лукашъ, котораго называли вы придурковатымъ, бо ѣи справедъ таѣи бувъ и передъ смертью, что завѣщалъ бібліотеку свою, въ томъ числѣи и Маркевичевъ архивъ,—въ раздѣлъ между наслѣдниками, четырьмя дочками малолѣтними! Не стало и Маркевича: хорошо-бы извѣстить о немъ въ Основѣ, да при томъ случаѣ припечатать ваше посланіе къ нему, не вошедшее въ „Кобзаря“:

Бандуристе, сизый орле...

Не забудьте и не оставьте безъ исполненія моей просьбы: собрать для меня всѣ ваши гравюры новыя; вы намъ дали только двѣ, а мнѣ хочется имѣть всѣ ихъ.

За тѣмъ бывайте здорovenьки и вдохновенны! Кланяемось вамъ всѣ трое

М. Максимовичъ, Марья Максимовичева. Алексѣй.

С. Пономаревъ.

Библіографія.

Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ. Съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1884 г. (XXXII+ 271 стр.). Ц. 2 р. 50 к.

Это новый трудъ плодовитаго писателя, около полувѣка съ честью подвизающагося на поприщѣ исторіи, литературы, лингвистики, этнографіи и публицистики. Большая часть его учено-литературной дѣятельности принадлежитъ времени пребыванія его въ Галиціи, но и по переходѣ къ намъ онъ не перестаетъ обогащать русскую науку все новыми солидными трудами. Настоящій трудъ по замыслу, специальности и сложности выполненія не уступаетъ многимъ другимъ.

Цѣль онаго—привести въ извѣстность и, по возможности, ввести въ употребленіе всѣ сохранившіяся доселѣ славянскія названія географическихкихъ мѣстностей въ земляхъ западныхъ и южныхъ славянъ, которыя безпощадно въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ извращались иноземными ихъ обладателями, замѣняясь въ иностранныхъ книгахъ и картахъ названіями иноязычными, и въ такомъ видѣ переходя и къ намъ.

Немногомъ извѣстенъ весь вредъ, проистекающій отъ такихъ перемѣнъ въ славянской географической номенклатурѣ. Глядя на карту, испещренную нѣмецкими, венгерскими или турецкими названіями, мы и не подозреваемъ, что имѣемъ дѣло съ славянскими мѣстностями. Намъ поражаетъ ограниченность славянской территоріи; на самомъ дѣлѣ она гораздо шире. Авторъ «Словаря» приводитъ примѣры иноязычныхъ названій географическихкихъ, которыя не имѣютъ въ дѣйствительности соответствующихъ имъ мѣстностей, и на оборотъ мѣстности съ славянскими названіями, которыхъ нѣтъ на картахъ.

Въ обширномъ, живо и интересно написанномъ предисловіи многоученый изслѣдователь славящины выясняетъ всю необходимость воз-

становленія и сохраненія славянскихъ географическихъ названій и пользу этого дѣла въ самыхъ различныхъ примѣненіяхъ.

Историкамъ и археологамъ, говоритъ онъ, крайне затруднительно отрывать славянскія историческія мѣстности подъ новыми иноземными названіями, — и приводитъ такіе примѣры. > Въ XII и XIII вв., сочинители Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописей знали, гдѣ города *Глогова, Опава, Глубичичи, Особлава, Козлій, Бордусевъ, Пожиа, Изволенъ*, гдѣ рѣка *Солона*, гдѣ *Чешскій Лѣсъ*, а теперь ученые никакъ не могутъ открыть ихъ на нѣмецкихъ и мадьярскихъ картахъ подъ исковерканными названіями: Glogau, Troppau, Leobschutz, Hotzenplatz, Kosel, Bartfeld или Bartfalva, Pressburg или Pozsony, Altzohl или Zolyom, Sajo, Böhmerwald, не зная, что народъ до сихъ поръ употребляетъ первобытныя названія. Даже издатели Ипатской лѣтописи впали въ невольную ошибку при указаніи города *Середы*, укрывшагося отъ нихъ подъ нѣмецкимъ названіемъ Neumarkt.

Возстановленіе славянской географической номенклатуры, по мнѣнію почтеннаго автора, имѣло-бы немаловажное значеніе для лингвистики, помогая объясненію законовъ фонетики и словопроизводства и нагляднымъ образомъ выясняя взаимныя отношенія племенъ въ самой глубокой древности.

Самое достоинство географической науки, по его словамъ, требуетъ, чтобы были возстановлены чистыя, первоначальныя формы славянскихъ географическихъ именъ. Наши карты, въ большинствѣ составляемыя по нѣмецкимъ оригиналамъ, повторяютъ исковерканныя уже нѣмцами названія, но очень часто наши картографы и сами искажаютъ ихъ вслѣдствіе незнакомства на примѣръ съ мадьярскимъ или румынскимъ языками, имѣющими свои особенности въ орфографіи и произношеніи, и незнанія, какими правилами произношенія руководствоваться въ томъ или другомъ названіи и къ какому изъ нихъ, смотря по мѣстности, примѣнить нѣмецкое, къ какому мадьярское, чешское, хорватское, польское, или итальянское произношеніе... Географическіе учебники наши не менѣе картъ страдаютъ невѣжествомъ относительно славянщины, ибо составляются опять таки по иностраннымъ образцамъ: *Львовъ* въ нихъ неизвѣстенъ, а есть *Лембергъ*, *Бескиды* называются *Бескиденами*, *Лужицкія* горы — *Ляузицерскими* горами и проч. Наиболѣе употребительныя въ настоящее время учебники географіи — это Смирнова и Семенова: учебникъ перваго ходитъ теперь въ 22-мъ, втораго въ 9-мъ изданіи, но ни въ томъ, ни въ другомъ вы нигдѣ не найдете не только какого-нибудь Оломуца, Дубровника, Нового Сада, но даже Львова и Загреба. „Изъ школы за-

ученныя ошибки входятъ въ общественную жизнь и въ сочиненія даже самыхъ почтенныхъ авторовъ. Въ русскихъ газетахъ и книгахъ не рѣдкость встрѣтить поразительное невѣдѣніе по части географіи, отъ чего выходятъ иногда уморительные пассажи. *Современныя Извѣстія* 1872 году № 133 напечатали слѣдующую телеграмму: >Въ *Цолькиверъ*... явились аграрныя безпокойства< и проч. Мѣстности подъ названіемъ *Цолькиверъ* въ Галиціи вовсе нѣтъ, а есть городъ Жолковъ, польскій Żółkiew, который Нѣмцы по своему зовутъ Zolkiew; русскій переводчикъ, не зная этого, скопировалъ нѣмецкое: Im Zolkiewer (Gebiethe) — въ *Цолькиверъ*, и вышелъ абсурдъ“. Переводчикъ книги о *Черногоріи* называетъ крѣпость *Спужъ* — Спучомъ, *Зету* — Цетой, вм. *Жаблякъ* (Žabljak) пишетъ Цабльжахъ (!!)...“.

Мы опускаемъ болѣе мелкія подробности аргументаціи автора, полагая, что и приведеннаго вполне достаточно для убѣжденія публики въ важности и полезности его труда.

Позволимъ себѣ однако замѣтить, что этотъ кропотливый и весьма цѣнный трудъ г. Головацкаго не имѣетъ всей желательной полноты, не смотря на то, что авторъ пользовался источниками на нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ и нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Наиболѣе обработанъ имъ отдѣлъ географическихъ названій въ Галиціи и вообще въ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи, — здѣсь списаны не только города, мѣстечки, но и села; въ южной-же славянщинѣ приведены въ извѣстность славянскія названія только важнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ. Не надо впрочемъ забывать, что авторъ работалъ надъ предметомъ, если не совершенно не початымъ, то во всякомъ случаѣ очень мало обслѣдованнымъ.

Данныя, приводимыя авторомъ въ словарь, слѣдующія: при названіяхъ населенныхъ мѣстъ — число жителей, мѣстоположеніе и иногда ссылка на историческіе источники, гдѣ находится упоминаніе о данномъ мѣстѣ; при названіяхъ горъ и рѣкъ — высота первыхъ и истоки и устья вторыхъ. Собранный матеріалъ расположенъ въ книгѣ такимъ образомъ: крупнымъ шрифтомъ напечатаны названія славянскія, въ русскомъ произношеніи; рядомъ съ ними тѣ-же славянскія названія, но по мѣстному или сосѣднему славянскому выговору; затѣмъ тутъ-же термины, искаженные или окончательно замѣненные иностранцами; между названіями, напечатанными крупнымъ шрифтомъ, вставлены въ алфавитномъ порядкѣ мелкимъ шрифтомъ иностранные синонимы, съ ссылками на однозначущія русскія названія. Наконецъ къ книгѣ приложена карта, въ масштабѣ 1:2,000,000, напечатанная въ нѣсколько тоновъ, довольно отчетливо. На картѣ, при разныхъ географіи-

ческихъ единицахъ, напечатаны только славянскія названія въ русской транскрипціи. Если принять во вниманіе, что иностранные синонимы, поставленные тутъ-же, только излишне испещрили-бы карту и что каждое иностранное названіе въ „Словарѣ“ непременно сопровождается русское, напечатанное на картѣ, то надо согласиться, что способъ, принятый авторомъ, наиболѣе удобенъ.

Словарь достоуважаемаго Я. Ѳ. Головацкаго—дѣло многолѣтняго, кропотливаго труда и многосторонней эрудиціи автора. Предисловіе помѣчено 1877 г., самый Словарь, какъ намъ передавали, былъ отпечатанъ еще въ 1880 г., но появленіе его замедлилось въ слѣдствіе затрудненій при изготовленіи карты. Желая самага широкаго распространенія этому въ высокой степени цѣнному и полезному изданію, не можемъ не пожелать, чтобы основная его идея была примѣнена и къ нашей мѣстной географіи. Кто имѣлъ дѣло съ географіей и исторіей юго-западной Россіи, тотъ не знаетъ, чѣму болѣе удивляться: невѣжеству-ли лицъ, заносившихъ мѣстныя географическія имена на карты, или отсутствію патриотизма и полнѣйшему пренебреженію къ мѣстной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, откройте ходячую карту напримѣръ подольской губерніи: русскій народъ, живущій тамъ, не знаетъ этихъ Юзефполей, Юліамполей и проч.! Кого-же мы обманываемъ? Кстати сказать, у насъ и для производства прилагательныхъ отъ собственныхъ именъ законы не писаны.

Ѳ. Ни—къ.

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціею Е. Д. Фелицына, дѣйстви. члена К. О. С. Ком. Т. I, съ картою Кубанской Области. Екатеринодаръ. 1883 г.

Оффиціальной статистикѣ не безъ основанія дѣлается упрекъ въ томъ, что рутинна и формальность весьма часто замѣняютъ для нея самое существо дѣла. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ способа собиранія статистическихъ матеріаловъ, при посредствѣ низшихъ полицейскихъ инстанцій, а затѣмъ отъ недостатка обработки этихъ матеріаловъ и критической ихъ провѣрки. Притомъ наши статистическіе комитеты въ своихъ работахъ рѣдко выступаютъ изъ узкихъ рамокъ, начерченныхъ Положеніемъ о нихъ 1834 г., дополненнымъ отчасти въ 1860 г., и имѣя дѣло съ современнымъ состояніемъ населенія данной мѣстности, для уясненія онаго не обращаются къ изученію его этнографическихъ и историческихъ особенностей. Отъ этихъ

недостатковъ свободенъ, кажется, названный нами трудъ. Кубанскій областной статистическій комитетъ существуетъ весьма недавно; онъ основанъ лишь въ 1879 г. и теперь выпускаетъ первый томъ своихъ трудовъ. Тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему чести, что онъ сразу понялъ свою задачу и старался избѣжать общей многимъ другимъ его собратамъ рутини и пустаго формализма. Имѣя дѣло съ краемъ вовсе не изслѣдованнымъ, онъ поставилъ своею ближайшею задачею постепенную подготовку матеріаловъ для всесторонняго его изученія въ будущемъ, начиная съ отдѣльных мѣстностей. Не располагая ни ознакомленными съ дѣломъ статистич. сотрудниками, ни подготовленными для того матеріалами, не имѣя даже списковъ населенныхъ мѣстъ, Комитетъ не отступилъ предъ первыми трудностями предстоящей ему работы и на первый уже разъ далъ какъ описанія отдѣльных нѣкоторыхъ мѣстностей, такъ и гораздо болѣе цѣнные матеріалы для ознакомленія съ Кубанскою Областью въ различныхъ отношеніяхъ.

Въ составъ „Кубанскаго Сборника“, весьма объемистаго (свыше тысячи страницъ), вошло 11 статей: одна изъ нихъ, могущая сама по себѣ составить отдѣльную книгу, спеціально научная (это статья проф. Линдемана: „Вредныя насѣкомыя Куб. Обл.“), восемь статистическаго и статистико-этнографическаго содержанія и двѣ характера историческаго. Статья проф. Линдемана, трагуги о вредныхъ насѣкомыхъ Кубанской Области, какъ на одну изъ причинъ ихъ распространенія указываетъ на традиціонную земледѣльческую культуру малорусскаго ея населенія. Въ этомъ отношеніи она, вмѣстѣ съ другими статистико-этнограф. статьями, рисуетъ намъ знакомую по мѣстнымъ наблюденіямъ картину, показывающую, какъ цѣпко держится малороссъ своихъ звычаевъ и тамъ на далекой окраинѣ среди множества разноплеменныхъ вліяній и другихъ факторовъ бытовой жизни. Говорить объ этой статьѣ намъ не приходится; разборъ и оцѣнка оной дѣло спеціалистовъ; болѣе близкое отношеніе къ задачамъ нашего изданія имѣютъ другія статьи: статистико-этнографическія и особенно историческія. Объ нихъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Въ объемистыхъ и старательно составленныхъ статьяхъ: г. Ейскъ, Ейскій уѣздъ, Николаевская, Новоминская, Воронежская и Троицкая станицы, заключается немало цѣннаго статистическаго, этнографическаго и отчасти историческаго матеріала, распределеннаго по широкой программѣ Комитета; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особливо первой, третьей, пятой и шестой, разработка статистическаго матеріала не вполне удовлетворительна и, говоря словами редакціи Сборника, „новость дѣла и неподготовленность авторовъ къ самостоятельнымъ статистическимъ ра-

ботамъ“ обнаруживается сама собою. Мы, однако, не считаемъ себя въ правѣ дѣлать за это какой-либо упрекъ авторамъ, а тѣмъ болѣе редакціи Сборника, и обращаемъ лишь вниманіе на слѣдующее: изъ указанныхъ статей, между прочимъ, видно, что нѣкоторые вопросы программы выполнены какъ-бы потому, чтобы не вышли пробѣлы (напр. стр. 264); въ иныхъ мѣстахъ (стр. 572) замѣтна условная сдержанность, благодаря которой мы привыкли проходить мимо многихъ явленій, заслуживающихъ серьезнаго вниманія ¹⁾; наконецъ, въ основаніе нѣкоторыхъ статей (напр. „Ейскій уѣздъ“) уже теперь положены свѣдѣнія и данныя, добытыя не надежнымъ официальнымъ путемъ. Мы понимаемъ трудность внаго собиранія такихъ свѣдѣній; но было-бы вознагражденіе за трудъ, а работники найдутся. Нужны, конечно, денежные средства, а ихъ должно дать областное начальство, если не желаетъ, чтобы работа статистическая стала фантастическою. Необходимо заручиться сотрудничествомъ лицъ, близко стоящихъ къ изучаемымъ мѣстностямъ, каковы священники и сельскіе учителя. Къ послѣднимъ Комитетъ обращался съ приглашеніемъ, и если, по замѣчанію редакціи Сборника, на это приглашеніе отозвались весьма немногіе, то, конечно, всего болѣе потому, что предстоялъ трудъ безплатный. Вполнѣ сочувствуемъ редакціи въ ея сожалѣніи объ этомъ.

¹⁾ Авторъ описанія Николаевской ст., говоря о „кадушникахъ“ (шалопутахъ), замѣчаетъ, что послѣдніе, для вовлеченія въ свою секту, употребляютъ деньги, которыя, по заявленію шалопутовъ, будто-бы получаютъ свыше. На это редакція Сборника ставитъ въ выноску такое nota bene: „фактъ, конечно, говорящій самъ за себя не въ пользу своей достовѣрности“. Такимъ образомъ и авторъ и редакція оставляютъ фактъ въ невѣрномъ освѣщеніи. А дѣло вотъ въ чемъ: у шалопутовъ существуетъ въ широкихъ размѣрахъ взаимопомощь деньгами и трудомъ. Это одна изъ первостепенныхъ причинъ, почему секта быстро распространяется; всякому хочется лучше жить въ достаткѣ, нежели нужду терпѣть. Поэтому прозелиты шалопутства оказываются прежде всего среди бѣдноты. Вступая въ секту, новый членъ тотчасъ-же получаетъ денежное пособіе. Со стороны этотъ фактъ объясняютъ подкупомъ, вовлеченіемъ въ секту при помощи денежныхъ подачекъ,—тогда какъ подобныя пособія обязательны у шалопутовъ въ силу самого строя общины, основанной на нравственной солидарности и имущественной или хозяйственной взаимопомощи. Шалопуты, какъ и всѣ сектанты отячуются скрытностію и крайне неохотно даютъ какіе либо отвѣты на вопросы любопытствующихъ объ ихъ сектѣ; отсюда и такой, ничего не говорящій отвѣтъ, что деньги они получаютъ свыше. Авторъ не воспользовался готовыми свѣдѣніями съ этой сектѣ, а ихъ не мало: въ „Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1873 г., въ видѣ матеріаловъ, въ газетѣ „Кавказъ“ 1876 г. въ нашей статьѣ, „Кавказскіе шалопуты“, въ „Отечеств. Зап.“ 1882 г., №№ 9 и 10, въ обстоятельной статьѣ г. Абрамова и въ „Недѣль“ № 2, въ статьѣ г. Щербныя.

По личному опыту намъ извѣстно, что къ официальнымъ собирателямъ статистическихъ свѣдѣній народъ нашъ относится крайне недовѣрчиво, вида въ нихъ чиновниковъ—развѣдчиковъ съ задними мыслями, въ родѣ возвышенія налоговъ; поэтому такимъ собирателямъ обыкновенно трудно бываетъ добиться вѣрныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ знакомое лицо, какъ сельскій учитель, не встрѣтитъ подобнаго отношенія, притомъ-же ему болѣе или менѣе извѣстно уже хозяйственное положеніе, если не всѣхъ, то большинства односельчанъ. Вотъ почему мы считаемъ статистическое описаніе Новоминской станицы г. Кириллова (учителя, стр. 817) заслуживающимъ довѣрія и вниманія. Составленное на основаніи данныхъ, собранныхъ при подворной переписи (стр. 630) самимъ авторомъ, оно въ сжатомъ видѣ даетъ хорошіе матеріалы и такого характера матеріаловъ дай Богъ побольше Комитету. Впрочемъ, мы не считаемъ удобнымъ знакомить съ ними, такъ какъ не знаемъ, можетъ-ли быть ст. Новоминская признана типомъ кубанскихъ станицъ и какимъ именно: среднимъ, нисшимъ или высшимъ по экономическому положенію.

Въ числѣ восьми статей значится ст. (на 92 страницахъ) д—ра Ланда: «Движеніе населенія въ г. Темрюкъ». Сама по себѣ она хотя и хороша, но по нашему мнѣнію слѣдовало-бы повременить съ приѣмомъ подобныхъ статей и оставить мѣсто работамъ, наиболѣе необходимымъ въ данное время. Комитетъ прежде всего долженъ заняться изученіемъ мелкихъ населенныхъ единицъ, такъ какъ тамъ, по свидѣтельству самой-же редакціи Сборника, совершается что-то такое, окончательныя формы чего теперь трудно даже предъугадать. Подъ наплывомъ новыхъ факторовъ, обуславливающихъ экономическія отношенія, жизнь указанныхъ единицъ находится въ переходномъ состояніи;—въ сферу ея врываються такіе элементы, которые могутъ надѣлать не мало вреда впослѣдствіи. Чтобы помочь тутъ населенію, нужно знать его положеніе, нужно теперь-же, немедленно заняться изученіемъ его быта: вѣдь не для того-же учрежденъ Комитетъ, чтобы отъ времени до времени печатать свои труды. Надо полагать, что работы его должны имѣть значеніе въ глазахъ людей, власть имущихъ.

Комитетъ уже теперь далъ одну статью („Исторія земельной собственности у кубанскихъ козаковъ“) высоко-поучительнаго характера, которую положительно нельзя оставить безъ вниманія. Принадлежитъ она перу г. Щербинны, лучшаго знатока Кубанской Области, основательно изучившаго и прошлыя судьбы ея и современное положеніе.

Борьба обычныхъ понятій народа въ области общинно-земельнаго устройства съ эксплуататорскими поюзновеніями отдѣльныхъ лицъ, желающихъ насадить, въ виду личныхъ своихъ интересовъ, форму част-

наго землевладѣнія и всѣми правдами и неправдами захватить общинныя земли, а затѣмъ оформить это закономъ—вотъ чего касается названная статья. Серьезные изслѣдователи, какъ напр. кн. Васильчиковъ («Землевл. и Землед.», т. I, стр. XI, изд. 1881 г.), настаиваютъ на необходимости немедленно приступить къ урегулированію поземельныхъ отношеній, чтобы не впасть въ ту же ошибку, какъ другіе народы, которые припились писать и разсуждать о соціально-аграрныхъ устройствахъ, когда уже всѣ земли были разобраны, всѣ общественныя отношенія установлены; указываютъ также на необходимость такой земельной организаціи, которая предотвращала-бы чрезмѣрное развитіе крупнаго землевладѣнія, а мы, наоборотъ, насаждаемъ крупное частное землевладѣніе въ экономической жизни козачества (стр. 118 сборника), т. е. такую форму, которая вовсе не находитъ оправданія въ обычаяхъ козака и притомъ идетъ въ разрѣзъ съ основными, законными правами на владѣніе его областною землею.

Статья г. Щербинны представляетъ и другой интересъ.

Такъ какъ козачество Запорожской Сѣчи перешло въ кубанскую область, то, такъ сказать, послѣдніи страницы исторіи внутренняго быта и земельного устройства ея, изслѣдованіе причинъ и путей, которыми шло видоизмѣненіе старыхъ формъ жизни, нужно искать въ исторіи теперешнихъ черноморскихъ козаковъ.

Авторъ говоритъ, что тѣ формы земельныхъ отношеній, которыя выработаны были въ Запорожьи, оказались непригодными въ Черноморьи. «Запорожскій Кошъ, какъ однородная, нераздѣльная община, состоявшая изъ 38 куреней или подъобщинъ, сразу-же распался на свои составныя части при поселеніи черноморцевъ на новомъ мѣстожителствѣ. Для занятія этими частями общей войсковой территоріи были заранѣе намѣчены разные пункты, а жребій указалъ потомъ, гдѣ и какому куреню или подъобщинѣ слѣдовало селиться. Такимъ образомъ, благодаря такому возникновенію отдѣльныхъ поселеній, рано или поздно, но непременно должно было произойти извѣстное обособленіе этихъ поселеній въ земельномъ отношеніи. Такъ оно въ дѣйствительности и было» (стр. 119). Но рядомъ съ этимъ, вслѣдствіе измѣнившихся внутреннихъ распорядковъ, привитыхъ извнѣ, и внутри этихъ поселеній также постепенно зарождалась, росли и видоизмѣнялись новыя экономическія теченія. Властные козацкіе старшины, уже не общиною избиравшіеся, какъ прежде, а назначавшіеся начальствомъ, и вообще весь козацкій чиновный людъ захватывали въ исключительное владѣніе лучшія общинныя земли и уголья и вмѣстѣ съ тѣмъ, обособляясь отъ рядоваго козачества, стремились выдѣлиться въ особый, своего рода помѣстный классъ. Съ нимъ и поднесъ козачество ведетъ земельную борьбу, полагая даже, что при-

надлежація этому классу земли, права на которыя установлены закономъ, по существу есть ничто иное, какъ пай козачій и часть земель общинныхъ (стр. 122). Идетъ такая-же борьба у козака съ козакомъ хуторникомъ, который пытается давность владѣнія обширными хуторскими угодьями превратить въ право (стр. 379 и далѣе).

Не можемъ не остановиться также на ст. г. Бентковскаго, помѣщенной въ Сборникѣ на первомъ планѣ: «Заселеніе западныхъ предгорій главнаго кавказскаго хребта» (матеріалы для исторіи колонизаціи западнаго Кавказа).

При колонизаціи Кавказа всегда пмѣлись въ виду военно-стратегическія соображенія,—поэтому заботы объ экономическомъ положеніи колонистовъ (военнаго или гражданскаго вѣдомства) отступали на задній планъ, а то и вовсе не входили въ расчетъ. Мѣста для заселенія, по необходимости, выбирались только такіе, которыя нужно было сдѣлать опорными пунктами военныхъ дѣйствій, не разбирая: годны-ли они подъ поселенія или нѣтъ, есть-ли тамъ какія-либо земледѣльческія угодья и т. п. Мало этого: поселенные въ одной мѣстности колонисты не могли рассчитывать, что останутся здѣсь навсегда; нерѣдко ихъ передвигали съ одного мѣста на другое. При подобныхъ передвиженіяхъ колонисты несли громадныя убытки, хозяйства ихъ разстраивались и приходили въ упадокъ. Но военныя требованія были строги, хотя нельзя сказать, чтобы колонисты всегда безропотно подчинялись этимъ требованіямъ. Примѣръ этого и представленъ въ матеріалахъ г. Бентковскаго въ проектѣ князя Барятинскаго 1860 г.—заселить горное и подгорное пространство западнаго Кавказа вооруженнымъ козачьимъ поселеніемъ по обѣимъ сторонамъ хребта (стр. 4), выселивъ горцевъ западной части на богатые равнины, лежащія на лѣвомъ берегу Кубани.

Въ заключеніе остается еще упомянуть о картѣ кубанской области, приложенной къ сборнику. Составлена она самимъ редакторомъ Сборника г. Фелъцынымъ; труда на нее потрачено, вѣроятно, не мало; но зато выполненіе превосходно и новая карта вышла гораздо полнѣе старыхъ.

А. А. Потебня. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. Варшава 1883. (отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“).—8-ю стр. 268+ VIII.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору содержанія книги г. Потебни, прошу позволенія у читателя сдѣлать маленькую замѣтку о той отличительной особености его изложенія, которая способна поразить чита-

теля непривычнаго, если-бы онъ захотѣлъ ознакомиться ближе съ замѣчательнымъ трудомъ г. Потебни. Дѣло въ томъ, что этотъ трудъ, подобно другимъ его трудамъ, неудобочитаемъ; да, просто неудобочитаемъ, и не въ переносномъ какомъ-либо, а въ прямомъ смыслѣ этого слова. Замѣчательный польскій историкъ Лелевель очень плохо владѣлъ перомъ; стиль его былъ до того тяжелый, построение предложеній, наизвѣстныхъ при помощи разныхъ союзовъ въ громадныя періоды, было до того странно, что читатель тщетно искалъ въ нихъ общей связи и частенько не доискивался либо подлежащаго, либо сказуемаго, и надъ каждой фразой приходилось ему задумываться и догадываться, что авторъ хотѣлъ сказать. Но онъ былъ словоохотливъ, и хотя именно эта словоохотливость и была главною причиною запутанности его рѣчи, но она-же и помогала читателю уразумѣть мысль автора. Г. Потебня представляетъ въ способѣ изложенія своихъ мыслей совершенно противоположную крайность. Онъ до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній, — что тоже затрудняетъ чтеніе, — но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою.

Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія г. Потебни много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды не привлекательными, недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно, съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. Зависитъ-ли это отъ склада его ума, тонкости анализа, глубины соображеній и выводовъ, или вмѣстѣ отъ невниманія къ читателю и пренебреженія къ требованіямъ правильно построенной и ясной рѣчи, — положеніе дѣла отъ того не вмѣняется. А жаль, потому что всѣ работы г. Потебни отличаются большою содержательностію, мѣткостію сопоставленій, оригинальнію выводовъ. Я не знаю другаго автора, который-бы въ такой степени соединялъ въ себѣ и замѣчательную эрудицію и удивительную память, сохраняющую неувидимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть весьма богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ.

Но перейдемъ къ содержанію книжки г. Потебни.

Состоитъ она изъ четырехъ статей. Первые двѣ небольшія: 1) Малорусскія пѣсенныя выраженія мыслей: «что къ чему идетъ», «что

къ чему пристало» и 2) «Лелю-полелю, диди-ладо», вызваны ошибочными взглядами Н. О. Сумцова въ его сочиненіи «о свадебныхъ обрядахъ». Остальныя двѣ: 3) Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и 4) Веснянки размѣра (5+4) составляютъ, преимущественно первая, самостоятельныя цѣльныя и главныя въ этой книгѣ изслѣдованія.

Первая статья написана въ разъясненіе символическаго выраженія пѣсни: «Сосновое вѣдеречко, дубовое денечко», въ сопоставленіи съ словами: «ходимъ, повінчаймось, мое сердечко». Приведенныя слова навели г. Сумцова на мысль, что здѣсь проглядываетъ древній обычай совершать бракосочетаніе при водѣ.—Г. Потебни, указавъ на ошибку г. Сумцова, выясняетъ, что «сосновое вѣдеречко, дубовое денечко» есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню *ровнѣ*, и затѣмъ приводитъ цѣлый рядъ подобныхъ-же образовъ (нить свивается съ чѣмъ нибудь, паутина повилась по «тыну», виноградъ вьется по дереву). Затѣмъ авторъ довольно удачно выясняетъ разные символы взаимности любви; такъ: невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, и при этомъ пить означаетъ любить. Въ этомъ-же смыслѣ онъ выясняетъ символическія выраженія: *кола і розвога*, сопилка и денце, скрипка и струны. Всѣ выясненія автора основаны на массѣ весьма удачныхъ сближеній пѣсеннаго матеріала разныхъ славянскихъ и даже не славянскихъ народовъ.—Такимъ образомъ мы видимъ, что авторъ по поводу ошибочнаго толкованія Сумцовымъ одного пѣсеннаго образа, выясняетъ намъ цѣлый рядъ похожихъ на него образовъ, выражающихъ любовь къ подходящему парню или дѣвицѣ, словомъ къ *ровнѣ* и озаглавилъ вслѣдствіе этого свой этюдъ: Пѣсенныя выраженія мысли: „что къ чему идетъ“.

Въ слѣдующей, полной эрудиціи, статьѣ, опровергается мнѣніе г. Сумцова, который въ пѣсенныхъ словахъ: „*Lelum-Polelum*“ усматриваетъ указаніе на существованіе этихъ божествъ въ славянской мифологіи. Массой подобранаго и выслымаемаго матеріала, относящагося къ этому вопросу, г. Потебни убѣждаетъ читателя, что «Лель и Лада», въ смыслѣ именъ божествъ, остаются не болѣе, какъ пустой, очень шаткой и ни на чемъ не основанной догадкой. Выраженія-же „Лелю-полелю и диди ладо“, давшія поводъ къ фантастическимъ выводамъ въ области мифологіи, являясь въ настоящее время въ видѣ пригѣва, были когда-то обыкновенными словами, утратившими нынѣ прежнее свое значеніе.

Изслѣдованія г. Потебни о «веснянкахъ» вносятъ очень много новаго въ науку.—Я не буду останавливаться на подробностяхъ, такъ какъ это было-бы пересказомъ содержанія статей, а обращу вниманіе читателя на основную мысль автора и методъ изслѣдованія.—Авторъ, исходя изъ прежде высказанной имъ мысли, «что распредѣленіемъ пѣсенъ по раз-

мѣрамъ опредѣлились-бы самыя широкіе потоки пѣсеннаго преданія (стр. 45), старается выяснитъ тѣ древніе образы, быть можетъ мноы, которые выразились въ пѣсняхъ размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4) и находитъ, что размѣры эти приурочены только къ мнѣическимъ образамъ культа весенняго и лѣтняго (Весняныя игры, веснянки, петровочныя и купальскія). Что въ извѣстныхъ разрядахъ пѣсень, даже при выраженіи извѣстныхъ образовъ и представленій, замѣчается присутствіе извѣстныхъ опредѣленныхъ пѣсенныхъ размѣровъ, это отчасти вѣрно, но я не думаю, чтобы размѣръ самъ по себѣ могъ быть принятъ за основаніе для распредѣленія пѣсень и служилъ пригоднымъ признакомъ для сведенія матеріала съ цѣлью раскрыть всѣ подробности и значеніе древнихъ мнѣическихъ образовъ. — Дѣло въ томъ, что размѣръ самъ по себѣ не составляетъ существенной черты пѣсенныхъ формъ; онъ есть не болѣе, какъ результатъ построенія словъ въ извѣстной мелодіи и находится въ подлѣйшей отъ нея зависимости. Авторъ самъ признаетъ, что многія пѣсни въ разныхъ вариантахъ одного и многихъ племенъ представляютъ такъ называемое *стяженіе* и *растяженіе* размѣра, такъ что пѣсни съ размѣромъ, положимъ, (5+4) могутъ въ другихъ вариантахъ являться съ размѣромъ (4+4), или (5+5) и даже (5+6) и т. п. (стр. 244, 245); тѣмъ болѣе странно, что только на основаніи сходства содержанія пѣсень онъ признаетъ одинъ размѣръ ихъ генетически развившимся изъ другаго (*ibidem*). Это легко быть можетъ, но можетъ быть и то, что содержаніе совершенно тождественное могло быть парафразировано подъ вліяніемъ совершенно другаго мотива и для другой пѣсни въ размѣръ совершенно самостоятельный, что видно изъ примѣровъ, приведенныхъ самимъ авторомъ.

Я думаю, что далеко болѣе существенной чертой пѣсенной формы, признакомъ далеко болѣе вѣрнымъ, можетъ служить напѣвъ. Вѣдь прототипъ пѣсни, положимъ солнечнаго культа, заключавшій въ себѣ въ оное время опредѣленный мнѣъ, разложившійся нынѣ въ осколки символическихъ и мнѣическихъ образовъ народной поэзіи, не слагался по извѣстному размѣру, а выливался въ опредѣленной мелодіи, послѣдствіемъ которой уже и явился размѣръ. Но такой-же самый размѣръ могъ вполнѣ случайно явиться результатомъ совершенно другаго по характеру и жанру напѣва. Обрядныхъ мотивовъ очень немного и они весьма оригинальны, причемъ они замѣчательно сильно приурочены къ извѣстнымъ обрядамъ; во всякомъ случаѣ далеко сильнѣе приурочены они, чѣмъ размѣры, такъ что на мотивъ веснянки никогда не будутъ пѣть щедрівки, хотя-бы эти пѣсни и сложились по одному размѣру (4+4).

Говоря о купальныхъ пѣсняхъ размѣра (5+4), г. Потебня замѣ-

часть: «До чего этотъ размѣръ принадлежитъ весеннимъ и лѣтнимъ пѣснямъ, видно и изъ того, до какой степени онъ необыченъ въ пѣсняхъ другого содержанія, неприуроченныхъ къ веснѣ и лѣту» (стр. 234). Онъ находитъ въ V т. Сборника Чубинскаго только около десятка пѣсенъ этого размѣра, «притомъ исключительно такихъ, которыя суть веснянки, петривочныя и проч., или ведутъ отъ нихъ свое начало» (ibidem). Все это случайно почти вѣрно; я говорю «случайно» потому, что древній купальскій напѣвъ, создавшій этотъ размѣръ, весьма оригиналенъ и среди другихъ мотивовъ, болѣе новыхъ, мало нашлось такихъ, которые требовали отъ стиха такого-же склада; но они есть однако не только среди новыхъ, но даже и среди обридныхъ древнихъ. Укажу на пѣсню «Маланка» изъ древняго обряда, не имѣющаго ничего общаго съ весеннимъ и лѣтнимъ культомъ.

Наша Маланка не лнива,

На ополонци ложки мыла и т. д.

Напѣвъ этой пѣсни, со многими вариантами мелодіи, въ существѣ одинъ и тотъ-же повсемѣстно (См. Kolb. Rokucie I.), хотя ничего общаго не имѣетъ съ характеромъ мелодій купальныхъ пѣсенъ размѣра (5+4); онъ даже другаго музыкальнаго лада.

Вопросъ *стяженія* и *растяженія* размѣра (сокращенія и распространенія частей стиха), по моему, тоже не можетъ быть опредѣленъ, какъ я выше замѣтилъ, по сходству содержанія пѣсни, но онъ могъ-бы быть опредѣленъ стяженіемъ и растяженіемъ самого мотива. Для изслѣдованія этого вопроса до сихъ поръ нѣтъ достаточнаго количества музыкальнаго матеріала. Мнѣ удалось между прочимъ сдѣлать слѣдующее наблюденіе въ извѣстной купальской пѣснѣ:

Три мѣсяца ясны,

Три зироньки красны!

Ой яворе, явороньку, зелененькій!

Третій стихъ составляетъ припѣвъ, повторяющійся послѣ каждаго куплета, и имѣетъ оригинальный напѣвъ. Но тотъ-же самый напѣвъ распространяется на припѣвъ двустопный, при чемъ первый стихъ оканчивается въ доминантѣ, второй въ тоникѣ. Это мы находимъ въ припѣвѣ слѣдующей купальской пѣсни:

Поставлю сторожу,

Тай посію розу!

(Припѣвъ) (Стороною дощи йдуть, стороною
 (Надъ моею розою повною.

Далѣ тотъ-же самый мотивъ, въ новомъ вариантѣ, составляетъ часть напѣва третьей купальской пѣсни:

Ой, на городи катранъ, катранъ,
 Стоить Захарко, якъ панъ, якъ панъ.
 Ой, на городи петрушечка,
 Стоить Оксана, якъ душечка.
 Катранъ петрушку покрывае,
 Захаръ Оксану обіймае.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что одна и таже мелодія, вслѣдствіе стяженія и распространенія, а также и сочетанія съ другою, вылилась въ пѣсняхъ въ трехъ разныхъ размѣрахъ: $(4+4+4)$, ${}^1(4+3+4)$ и ${}^2(5+4)$.

Итакъ одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнообразнымъ пѣснямъ и напѣвамъ, а одинъ и тотъ-же напѣвъ можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь приуроченнымъ къ одному содержанию. Этого, мнѣ кажется, вполне достаточно для убѣжденія, что надежды г. Потебни на размѣръ, какъ мѣрило при классификаціи пѣсень, легко могутъ не оправдаться.

Съ мыслию, что размѣръ пѣсень приуроченъ къ определенному содержанию, я мирюсь до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о пѣсняхъ обрядныхъ, такъ какъ во всей этой группѣ своеобразные древніе мотивы сохранили весьма характерные размѣры, мало повторяющіеся въ другихъ родахъ пѣсень съ новою мелодіею. — Въ виду именно этого обстоятельства положеніе, высказанное г. Потебнею въ обоихъ его очеркахъ, а въ особенности въ послѣднемъ, повидимому оправдывается. Но если примѣнить это положеніе къ пѣснямъ бытовымъ и распределить ихъ по размѣрамъ, то увидимъ, что оно совсѣмъ не вѣрно, такъ какъ новая музыка, при всемъ своемъ разнообразіи, дала куплетные размѣры общіе для самыхъ разнохарактерныхъ типовъ.

Вся цѣнность работы г. Потебни заключается главнымъ образомъ въ самомъ разъясненіи символики веснянокъ, которое какъ-то странно идетъ параллельно съ выше разсмотрѣннымъ положеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно самостоятельно, такъ что вопросъ о размѣрѣ повидимому совсѣмъ не связанъ съ главнымъ содержаніемъ работы, а вводится на каждомъ шагѣ эпизодично. Разъясненія основаны на весьма тонкихъ и удачныхъ сближеніяхъ разныхъ символическихъ выраженій въ громадномъ количествѣ собраннаго матеріала. Авторъ весьма удачно въ частности освѣщаетъ символическіе запѣвы и выраженія, смыслъ которыхъ, на первый взглядъ, совершенно не вяжется съ содержаніемъ пѣсни; въ дѣйствительности-же оказывается, что символика обрядовыхъ пѣсень до сихъ поръ остается вѣрною, такою-же, какою она была издревле, и пѣснь удержала ее понинѣ, не разложивъ и не исказивъ.

Авторъ дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы съ помощію самого

тщательнаго собранія всѣхъ обломковъ, напоминающихъ о культѣ, посредствомъ сближеній и предположеній возстановить представленіе о культѣ весны и лѣта, давшемъ начало этимъ обряднымъ пѣснямъ. Средства для этого у автора значительны, какъ въ обиліи матеріала, такъ и въ замѣчательной его способности къ комбинаціямъ.

Но какъ ни поразительны его сближенія, какъ ни полны составляемые имъ изъ мелкихъ осколковъ образы, похожіе на мозаики изъ разноцвѣтныхъ камней, собранныхъ съ разныхъ розсыпей славянскихъ преданій, какъ ни убѣдительно все это, но, сѣрѣя сердце, приходится сказать словами самого-же автора, высказанными имъ по поводу догадокъ о богинѣ Ладо: *„все бы это ничего, еслибы только добратся, что дѣйствительно было“* такой культъ солнца (стр. 38).

Еще одно замѣчаніе по поводу матеріаловъ, разсматриваемыхъ авторомъ. Какъ я выше замѣтилъ, богатство его просто поражаетъ. Кажется нѣтъ такихъ славянскихъ сборниковъ, которыми-бы авторъ не пользовался, и то весьма щедро; кромѣ того на каждомъ шагѣ вы встрѣтите скандинавскія, латышскія, итальянскія, индійскія и т. п. цитаты. Сближеніе этихъ матеріаловъ хотя и подходящее, но не всегда убѣдительно; подычасъ волей неволей закрадывается сомнѣніе: такъ ли это? Не случайное ли это подобіе однихъ только выраженій и есть ли дѣйствительно между сближаемыми матеріалами связь внутренняя?

Къ такимъ сближеніямъ, ровно ничего не доказывающимъ, можно отнести напр. латышскій заговоръ отъ таракановъ и великороссійскій по рукописи XVII в. отъ болѣзни (умолвити червь въ человекѣ) (стр. 28). Въ нихъ авторъ видитъ соотвѣтствіе съ отсыланіемъ болѣзней за море на свободу, съ оставшимся будто обломкомъ мнѣческаго представленія о закатѣ солнца, отправляющагося на свадьбу. Рядъ сближеній, употребленный авторомъ для выясненія этого соотвѣтствія, положительно не убѣждаетъ меня въ томъ, чтобы эти заговоры имѣли внутреннюю генетическую связь съ солнечнымъ мѣномъ.

Можетъ быть и я ошибаюсь, можетъ быть я не сумѣлъ уловить связывающую эти цитаты нить,—но въ такомъ случаѣ вина не моя, если у меня не достаточно остроумія для отгадыванія загадокъ, которыхъ исполненъ трудъ г. Потебни.

Во всякомъ случаѣ книга эта составляетъ очень цѣнный вкладъ въ науку уже по одному богатому сопоставленію матеріаловъ, выясняющихъ связь символическихъ образовъ съ содержаніемъ пѣсни, во многихъ пѣсняхъ неуволвимую и непонятную для обыкновеннаго взгляда.

Ц. Нейманъ.

Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія.—Н. И. Петрова. Кіевъ 1884 г.

Почтенный трудъ профессора Петрова заслуживаетъ особеннаго вниманія уже какъ первое самостоятельное изслѣдованіе, посвященное судьбамъ малорусской литературы. Полнота и обстоятельность его,—плодъ нѣсколькихъ лѣтъ работы,—дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ выдающихся явленій провинціальной печати послѣдняго времени. Въ отдѣльномъ изданіи устранены тѣ натянутыя сближенія, которыя промелькнули въ работѣ, когда она печаталась по частямъ въ журналѣ. Спокойное, объективное изученіе украинской словесности, само собою разумѣется, не допускало никакой тенденціозности и какъ истина, такъ и историческая точка зрѣнія, принятая авторомъ, отъ отсутствія этого элемента, безъ сомнѣнія, только выиграли.

Эту точку зрѣнія г. Петровъ справедливо считалъ необходимою. „Историческое изученіе украинской литературы, говоритъ онъ, показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало-бы ту почву, на которой она прозябаетъ и опредѣлило-бы, насколько устойчива и питательна эта почва, и потому имѣеть-ли свою будущность украинская литература или не имѣеть ея“. Руководясь этимъ, онъ предпринялъ обзоръ дѣятельности украинскихъ писателей XIX вѣка, не исключая и второстепенныхъ и незначительныхъ, чтобъ анализомъ этой дѣятельности уяснить сущность украинскаго литературнаго движенія, его приемы, задачъ и теченій.

Въ какой же мѣрѣ примѣненъ составителемъ историческій методъ къ его труду? Изслѣдованы-ли всѣ факторы, вліявшіе на образованіе и развитіе письменной украинской литературы, прослѣжена-ли ея двойственная роль:—помощницы литературы обще-русской и создательницы самостоятельнаго литературно-національнаго типа?

Едва-ли возможно изученіе творчества какого либо народа безъ уясненія его національно-духовныхъ особенностей, какъ онѣ выразились въ его исторіи, во всемъ его нравственномъ типѣ и болѣе всего въ народной поэзіи. Такого изученія не было, нѣтъ его и въ книгѣ г. Петрова. Поэтому малорусская литература является у него чѣмъ-то оторваннымъ отъ почвы, дѣломъ нѣсколькихъ человѣкъ писателей. При такомъ взглядѣ упускаются изъ виду тѣ внутренніи силы, которыя ее порождаютъ, та, не проявляющаяся внѣшнимъ образомъ, жизнь народности, которая есть и существуетъ, пока эта народность не утратила особенностей своего духа, и показателемъ которой служить литература. На цѣлой литературѣ не могутъ отражаться, какъ на безформенной массѣ, только постороннія

влияніи. Такая литература не заслуживала-бы ни малѣйшаго вниманія наблюдателя и ея творческая производительность не имѣла-бы никакой жизненной силы. То, къ чему фатально клонится человѣчество, отражается, конечно и на ней, такъ какъ ей не чуждо ничто человѣческое. Но у нея свои звуки, объявляющіеся своимъ организмомъ, своей духовной природой. На малорусской литературѣ не могло не отразиться влияніе общерусской. Общая политическая жизнь обѣихъ народностей, совмѣстное созданіе общерусской словесности, въ которую привнесены многія южно-русскія черты, все это дѣлало такія влияніи необходимыми и неизбѣжными. Но эти влияніи были взаимны и анализъ ихъ требуетъ особенной тщательности. Прошла-ли безслѣдно для русской литературы дѣятельность украинцевъ Хераскова, Богдановича, Кавнина, Гидича, Нарѣжнаго—цѣлой плеяды писателей до Гоголи включительно, повернувшего силою великаго и глубоко національнаго гѣнія всю литературу на иной путь? Какія стороны внесены одною народностью, какія другою? Какія превозобладали, оставили слѣдъ, создали новое направленіе? Можно-ли назвать „влияніемъ“ черты, вынесенныя съ юга и вернувшіеся опять въ его литературу? Все это важно рѣшить не въ смыслѣ вопроса о какомъ нибудь первенствѣ или розни, но въ смыслѣ культурно-историческомъ. Какимъ „влияніемъ“ объяснить тѣ или нныя особенности народной лирики, эпоса, глубокой политической смыслъ историческихъ пѣсень, своеобразность народныхъ разказовъ, представленій? Наконецъ что за двигатели, что за мотивы заставляли писателей большого таланта идти въ своей дѣятельности своимъ самостоятельно-народнымъ путемъ?

Безъ анализа этихъ національныхъ чертъ, безъ изслѣдованія того, какъ, при всѣхъ влияніяхъ и воздѣйствіяхъ, выражался въ развитіи литературы этотъ процессъ самовыраженія и самоуясненія какой-то своеобразной духовной особи, въ чемъ онъ выразился и къ чему привелъ, не уяснится ни вопросъ „о свойствахъ почвы украинской литературы“, ни вопросъ о ея жизненности“.

Объяснивши всѣ стадіи развитія украинской литературы параллельнымъ влияніемъ общерусской, г. Петровъ раздѣлялъ весь ея ходъ въ XIX вѣкѣ на шесть періодовъ, къ которымъ и приурочиваетъ тѣхъ или иныхъ писателей. Это общая точка зрѣнія постоянно опровергается самыми монографіями дѣятельности писателей, составленнымъ съ большою тщательностью и добросовѣстностью. Бѣглый обзоръ содержанія книги покажетъ намъ произвольность каждаго изъ такихъ дѣленій.

Первый періодъ называется: „псевдоклассическая литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдо-классицизму“ и открывается Котлярев-

скимъ. Гдѣ въ украинской литературѣ эти псевдо-классическія произведенія? Украинская муза, съ первыхъ словъ, сказанныхъ на родномъ языкѣ устами полтавскаго поэта, начала со сдергиванья псевдоклассической ветоши въ изображеніи жизни, осмѣяла фальшь этого рода литературнаго творчества, господствовавшего въ литературѣ сосѣдней, напомнила о живой жизни, о дѣйствительности, которая должна служить матеріаломъ для искусства. По признанію г. Петрова, это сдѣлано было Котляревскимъ гораздо болѣе жизненно и умѣло, чѣмъ одновременно появившимися съ нимъ въ великорусской литературѣ Котельницкимъ и Осиповымъ. Въ своихъ драматическихъ попыткахъ Котляревскій не свободенъ отъ вліянія сентиментализма и резонерства, но въ нихъ обѣихъ, въ особенности въ „Наталѣ“, есть типы вполне реальныя, живыя (Выборный, Терпелиха, Микола), что и сообщаетъ такую жизненность его пьесамъ, не устарѣвающимъ до сихъ поръ. Громадность задачи помѣшала Котляревскому, обладавшему большимъ талантомъ, ставши творцомъ письменной украинской литературы, сдѣлаться въ ней и насадителемъ реализма, присущаго народному украинскому творчеству.

Вслѣдъ за Котляревскимъ въ этой группѣ поставленъ Белецкій-Носенко и ему отведено почти столько же мѣста, какъ первому. Вѣроятно неизданные источники, которыми пользовался составитель „Очерковъ“, невольно подкупили его къ такому, далеко превосходящему заслуги писателя развитію этой монографіи. Въ общей картинѣ литературнаго украинскаго развитія Белецкій-Носенко необходимо долженъ ступеваться совсѣмъ. Это типъ литератора-обывателя. О значеніи его говоритъ едва ли стоитъ и дѣятельностью его нельзя характеризовать литературный періодъ, прежде всего потому, что это писатель, не издававшійся при жизни, слѣдовательно не имѣвшій публики и не читавшійся никѣмъ изъ своего поколѣнія. Онъ литературный диллетантъ. Его опыты въ стихахъ—подражаніи, поддѣлки, этнографическіе и историческіе труды не выдерживаютъ даже свисходительной научной критики, разсужденія на общественныя тѣмы обличаютъ неустойчивость мысли, а иногда и нѣчто худшее. Часть сочиненій его потеряна, а >Горпинида<, блѣдное подражаніе >Энеидѣ<, и >Гостинець землякамъ< отводятъ ему въ литературной исторіи совсѣмъ дальнее мѣсто. Гулакъ-Артемовскій отнесенъ сюда-же за два-три стихотворенія, приемъ или первая форма которыхъ взята изъ Гораціи. Анализомъ этихъ стиховъ самъ г. Петровъ убѣждается, что Артемовскій былъ не пародистъ, а сатирикъ. Онъ ищетъ слѣды сближенія поэзіи Артемовскаго съ произведеніями польскаго поэта Красицкаго и, основываясь на единственномъ переводѣ изъ Гете пьесы *Der Fischer*, заставляетъ Гулака примыкать къ романтикамъ. Ко-

роче, разсмотрѣвъ произведенія Гулака, авторъ самъ видитъ невозможность причислить этого образованнаго, расширившаго сферу украинскаго литературнаго творчества, писателя къ какому-бы то ни было опредѣленному циклу, но не сознается въ этомъ и присоединяетъ его къ псевдоклассикамъ, въ угоду принятой раньше системѣ. Точно также »подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ и Дмитрашевъ, по одному переводу изъ Гете, напечатанному въ первый разъ въ книгѣ г. Петрова. Его передѣлка гомеровской »Войны мышей съ лягушками« толкуется иносказательно, въ видѣ изображенія прошедшей судьбы Малороссіи. Не думаемъ, чтобъ такое толкованіе прибавило цѣны этой попыткѣ малорусскаго гекзаметра, которая, скажемъ встати, по преданію, нравилась Шевченку. Въ концѣ отдѣла совѣмъ бѣлыми нитками пришиты Гоголь-отецъ и Кухаренко. Особенно странно въ періодѣ »псевдоклассицизма и реакціи ему« встрѣтить послѣдняго. »Черноморскій Побить«—вещь совѣмъ реалистическая, болѣе того, почти »натуралистическая« въ новѣйшемъ значеніи этого слова. Она имѣетъ цѣну по вѣрной рисовкѣ чертъ промежуточной, колонизаціонной эпохи въ Черноморіи и по сохраненію для исторіи, въ рельефныхъ обливахъ, живыхъ людей того времени. Остальныя работы Кухаренка—чистѣйшая этнографія. И по характеру, и по времени появленія все это нимало не относится къ тому періоду, къ какому присоединено составителемъ »Очерковъ«.

Вторымъ періодомъ является сентиментальная литература, а родоначальникомъ и главнымъ представителемъ ея—Квитка. Нужды нѣтъ, что значительная часть его произведеній принадлежитъ къ юмористическому роду, плохо уживающемуся съ представленіемъ о сентиментализмѣ во вкусѣ повѣстей Карамзина и первыхъ произведеній Жуковскаго, къ которымъ приурочиваются свойства квитковскаго дарованія. »Украинская литература въ своемъ развитіи шла бокомъ о бокомъ съ сосѣдними литературами польскою и русскою и отражала въ себѣ всѣ ихъ направленія, въ томъ числѣ и сентиментальное«,—вотъ тезисъ, поставленный во главѣ отдѣла, и въ угоду ему разсматривается и дѣятельность харьковскаго беллетриста. Сентиментальныя потки »Щирою любви«, »Добре роби, добре и буде«—подчеркиваются, а перлъ квитковскаго творчества »Маруся« подвергается перекрестному огню разнообразныхъ критическихъ отзывовъ. Эта поэма любви, гдѣ въ правдѣ изображенія характеровъ Квитка поднялся до эпического ве-

личія, одна выкупаєть сентиментальныя слабости нѣкоторыхъ квитковскихъ вещей и глубоко справедливы слова Костомарова, что тотъ, кто не чувствуетъ правды этого произведенія, не знаетъ народной жизни. »Сердешна Оксана« сходна по сюжету съ »Катериной« Шевченка, а потому почти свободна отъ упрековъ въ сентиментальности; иначе къ этому періоду пришлось-бы присоединить и Шевченка. Но сближенія и параллели заманчивы, а потому »Салдацький Патреть« ставится въ родственныя отношенія къ дѣятельности Артемовскаго-Гулака. Разсказъ основанъ будто-бы »на латинскихъ источникахъ«. Догадки объ этихъ источникахъ мало вѣрны. Эта вещица написана въ отвѣтъ сѣвернымъ критикамъ, учившимъ Квитку вѣрности въ изображеніи украинской жизни. Исходной чертой завязки взять школьный разсказъ объ Апеллесѣ и сапожникѣ. Вотъ все классическое вліяніе. По свойству-же живаго таланта Квитки, вмѣсто сухой дидактики, получилась яркая картинка, полная юмору и красокъ. Фантастическія произведенія Квитки взяты изъ народныхъ преданій, а потому совсѣмъ напрасно ставится ему въ счетъ, съ упрекомъ въ подражательности тѣмъ же сентиментальнымъ образцамъ. Къ школѣ Квитки причислены братья Писаревскіе, С. Александровъ, Макаровскій и Тополя. Первые три, приставленные къ имени Квитка, несомнѣнной единицы, не измѣняютъ чрезъ то своего значенія пулей. Спмятничная поэма Макаровскаго »Натали« — вещь очень правдивая, а »Чари« Тополи — слишкомъ отрывочное и безформенное произведеніе, съ трудомъ укладывающееся въ какія бы то ни было рамки.

Собраніе именъ А. и С. Метлинскихъ, Корсуна, Л. Боровиковскаго, Забѣлы, Дмитрашка-Раича, Петренка и Афанасьева - Чужбинскаго — создаетъ »романтико-художественную« украинскую литературу. Всѣ поминутые писатели, кромѣ Амвросія Метлинскаго, — силы слабыя, подражательныя, гнувшіяся во всевозможныя направленія, и изъ шеренги, въ которую они поставлены г. Петровымъ, они выдвигаются постоянно то въ ту, то въ другую сторону. Коренищій, Петренко и въ особенности Дмитрашко-Раичъ, съ его »Бандурой«, едва ли заслуживали особыхъ этюдовъ, а для характеристики Забѣлы составитель не воспользовался мастерскимъ, хотя, можетъ быть, одностороннимъ портретомъ этого писателя, набросаннымъ Кулишомъ, въ вступленіи къ »Хуторной Поэзіи«. Отмѣтимъ тутъ нѣсколько маленькыхъ погрѣшностей. Подтверженіемъ подражанія Корсуна Пушкину и Лермонтову, приводится стихотвореніе его:

» Видчого«. Пьеса эта оказывается переводомъ стиховъ Марлинскаго: *Скажіте мнѣ, зачѣмъ пылають розы...* Сходное по темѣ съ одной изъ пьесъ Боровиковскаго извѣстное стихотвореніе Некрасова: „Внимал ужасамъ войны“ озаглавлено вмѣсто перваго вторымъ стихомъ, къ тому же искаженнымъ. Афанасьевъ — Чужбинскій, по г. Петрову, родившійся въ лебединскомъ уѣздѣ *полтавской губерніи*, конечно не Гомеръ и мѣсто его рожденія не возбудитъ спора, но полтавская губернія и такъ велика и можетъ обойтись безъ расширения на счетъ харьковской.

Въ тотъ періодъ, который названъ г. Петровымъ смутнымъ именемъ »украинскаго націонализма«, совмѣщены такія имена, какъ Максимовичъ, Бодянский, Гоголь, Гребенка, Стороженко и... Петръ Раевскій. Первые два—дѣятели чистой науки, принесшіе огромную пользу украинскому самосознанію кабинетными, учеными трудами и чрезъ то дѣйствительно ставшіе живыми народными людьми. Дѣятельность Гоголя по отношенію къ южной Руси была лишена такой научной основы и потому его гений позволилъ ему только уловить общій поэтическій тонъ Украйны. И Гребенка и въ особенности Стороженко, съ его цвѣтистою фантазіей и неяснымъ міросозерцаніемъ, могли-бы съ такимъ-же удобствомъ быть причислены къ романтикамъ, какъ къ націоналамъ, а Петръ Раевскій, болѣе чѣмъ посредственный рассказчикъ и дешевый балагуръ, могъ-бы смѣло быть опущенъ не только въ этомъ періодѣ, но вообще въ литературной украинской исторіи, въ которую его имени попасть не суждено. Глава, озаглавленная »Украинское славянофильство«, посвящена дѣятельности Костомарова, Кулиша и Шевченка. Въ краткой общей характеристикѣ этого періода не достаточно ясно опредѣлена генетическая связь, которую предполагаетъ авторъ между украинскимъ славянофильствомъ и славянофильствомъ московскимъ. Такой связи ему, безъ сомнѣнія, и невозможно было бы установить. Какъ южное, такъ и сѣверное направленіе возникли параллельно, въ періодъ возникновенія общей идеи славянскаго возрожденія, обозначившейся въ австрійскихъ земляхъ реальными фактами. И отразились и развились эти идеи на югѣ и сѣверѣ—своеобразно. По признанію самого г. Петрова, южно-русское славянофильство никогда не замыкалось въ исключительность московскаго и никогда не вдавалось въ его крайности. Первые проблески его, — благородные идеалы кievскаго кружка конца 40-хъ годовъ, — были шире идеаловъ московскихъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи оно шло своими пу-

тами. Отстаивая свою самостоятельность, индивидуальность духа, творчество, языкъ своего народа, украинскіе писатели стояли всегда на почвѣ широкаго просвѣщенія и никогда не думали изъ своихъ народныхъ особенностей, изъ своихъ историческихъ >завѣтовъ« создавать китайскія стѣны, въ которыхъ задыхался - бы жизнь и духъ родного племени. Европейская цивилизація не представлялась имъ чѣмъ-то ненавистнымъ, какъ для московскихъ славянофиловъ, которые объявили западъ гнилымъ и изобрѣли какое-то русское возрѣніе на науку и искусство. Все, что выработано другими обществами и народностями, должно было, по ихъ мнѣнію, изучаться дружески; но блага для своего народа они ждали отъ своеобразнаго развитія его собственныхъ силъ и отъ увеличенія средствъ къ жизни на его собственной почвѣ. Литературная дѣятельность трехъ названныхъ великихъ представителей украинскаго славянофильства выходила далеко за предѣлы нанславизма и обняла такія стороны жизни, такіе вопросы исторіи и социологіи, въ примѣненіи къ Украинѣ, которые какъ дали работу слѣдующему литературному поколѣнію, такъ и ждуть еще разрѣшенія. Историческое значеніе этой группы писателей, въ особенности Шевченка, не выступаетъ въ книгѣ Петрова въ надлежащемъ значеніи. За этими оговорками слѣдуетъ признать обширныя о нихъ монографіи составленными со всей возможной обстоятельностью и съ полнымъ знаніемъ источниковъ. Къ мелкимъ промахамъ надо причислить сближеніе поэмы Шевченка >Наймичка« съ однимъ слабѣйшимъ изъ стихотвореній Пушкина. Въ прозаическомъ этюдѣ этой піесы, который намъ довелось прочесть, означенная бытовая драма обставлена житейскими подробностями, списанными съ натуры, да и самая фабула поэмы такъ несложна, содержаніе ея настолько общечеловѣческое, что въ заимствованіи у Пушкина, котораго, безъ сомнѣнія, Шевченко зналъ и цѣнилъ чрезвычайно высоко, не было никакой надобности. Ошибочнопоявленіе этой-же поэмы тнесено къ 1840 г. (стр. 308). Не иначе, какъ ошибкой, и еще болѣе, можно назвать также включеніе въ этотъ отдѣлъ А. Навроцеаго, подобно Белецкому-Носенку, извѣстнаго скорѣе автору >Очерковъ«, чѣмъ публикѣ. Эти писатели, произведенія которыхъ остались въ портфеляхъ и не вошли въ общее литературное теченіе не что иное, какъ растенія, выросшія гдѣ то въ воздухѣ, и келейная дѣятельность ихъ, ихъ взгляды, симпатіи и антипатіи не доказываютъ и не объясняютъ ровно ничего.

Послѣдній періодъ охарактеризованъ у г. Петрова слишкомъ общимъ названіемъ „новѣйшей украинской литературы“. Ея теченія намѣчены только въ самыхъ общихъ чертахъ. Кромѣ того здѣсь сведены писатели двухъ литературныхъ поколѣній — шестидесятыхъ годовъ, какъ Марко Вовчокъ, Глѣбовъ и Руданскій, закончившіе свою литературную дѣятельность, и современные — Левицкій, Мирный и Кропивницкій, появившіеся въ эпоху иныхъ требованій, иныхъ общественныхъ теченій и задачъ. Дѣятельность ихъ, подверженная всякимъ случайностямъ, правда, не опредѣлилась еще съ достаточной полнотой и менѣе доступна для изученія, чѣмъ закончившаяся литературная карьера писателей прежнихъ лѣтъ. Внѣшнія условія этой дѣятельности менѣе благоприятны, чѣмъ въ 60-хъ годахъ, когда существовалъ южно-русскій журналъ или въ 40-хъ, когда малорусская литературная производительность проявлялась безпрятственно. Нельзя поэтому ставить въ вину составителю „Очерковъ“ отрывочность характеристики писателей этого періода ¹⁾).

Мы видѣли изъ предъидущаго, что искусственные рамки, принятые г. Петровымъ для изложенія историческаго хода развитія украинской литературы, вносятъ противорѣчія въ оцѣнку явленій, изслѣдованныхъ имъ

¹⁾ Нѣсколько мелкихъ поправокъ къ этому періоду мы вносимъ, только принимая въ соображеніе педантическую точность составителя » Очерковъ «. Кромѣ указанного уже пропуска Номиса, нельзя не отмѣтить отсутствія замѣтки о дѣятельности Мордовцева. Издатель сборника, первый переводчикъ повѣстей Гоголя, авторъ рассказовъ и брошюръ, онъ заслуживалъ особой характеристики, никакъ не меньше, чѣмъ Кореницкій или Думитрашко-Раичъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Чубинскомъ. Въ то время, какъ ничтожная пьеса Шерепери «Купало на Ивана» подвергнута обстоятельному разбору, а выдающееся произведеніе новаго малорусскаго театра, замѣчательная по реализму драма Стеценка »Доля « осталась въ тѣни. Не обращено вниманія на пьесы Цися. Не упомянуты, въ числѣ драматическихъ писателей Дмитренко и Велесовскій, авторы популярныхъ водевилей. Пропущенъ послѣдній литературный трудъ Марка Вовчка, относящійся къ южной Россіи, повѣсть »Маруся«, переведенная и на французскій языкъ. Псевдонимъ Митрофана Александровича — Митро Одельковичъ — приписать его брату, а одинъ изъ многочисленныхъ псевдонимовъ Куляша — Забоцень сочтеть особымъ писателемъ. Кропивницкій показанъ уроженцемъ скатеринославской губерніи, вмѣсто херсонской, а Свидницкій писателемъ исключительно русскимъ, хотя малорусскіе этнографическіе очерки его, напр. »Великдень у подолянъ«, принадлежатъ къ числу самыхъ замѣтныхъ работъ, какія появлялись въ »Основѣ«.

съ добросовѣстной полнотой. Эту сбивчивость представлений могло-бы устранить разсмотрѣніе украинской литературной исторіи, какъ проявленія, роста и видоизмѣненій культурно-національнаго типа въ историческомъ его развитіи. Въ настоящемъ видѣ книга г. Петрова не болѣе, какъ очень полный и точный сводъ литературныхъ фактовъ и въ этомъ смыслѣ она принесетъ существенную пользу и долго не утратить своего значенія.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ГРЕКИ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ.

(Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи)¹⁾.

1754—1777 гг.

На территоріи нынѣшняго Елисаветграда греки начали селиться одновременно съ появленіемъ крѣпости св. Елисаветы; слухи о льготахъ, даруемыхъ переселенцамъ въ Новой Сербіи, молва о построеніи крѣпости и послужили приманкою для подвижныхъ и промышленныхъ потомковъ Улиса. Въ царствованіе Екатерины, особенно ласкавшей грековъ, греческая колонизація усилилась и въ Елисаветградѣ; въ это время они сооружаютъ здѣсь свою церковь, получаютъ автономію какъ въ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Впрочемъ численность колоніи никогда не была

¹⁾ Въ такъ называемой греческой церкви гор. Елисаветграда хранится связка документовъ, помѣченныхъ разными годами второй половины прошлаго столѣтія (ранній 1754 года); почти всѣ они писаны порусски, за исключеніемъ немногихъ на ново-греческомъ языкѣ; послѣдніе не представляютъ интереса (какое-то витіеватое, безсодержательное письмо, счетъ бакалейныхъ товаровъ и т. п.); русская половина коллекціи важнѣе, рисуя намъ бытъ греческой колоніи въ старомъ Елисаветградѣ. Правда, немного слѣда оставили по себѣ здѣсь греки и скорѣе исчезли, чѣмъ пришли, но для характеристики иностранной колонизаціи нашъ матеріалъ не лишенъ, думаемъ, интереса и мы рѣшаемся познакомить съ нимъ любителей старины. Дѣла греческой общины уцѣлѣли не всѣ, чѣмъ объясняется неполнота и нашего очерка.—В. Я.

велика: въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы грековъ считалось немного болѣе 50 душъ, съ женами и дѣтьми, а въ концѣ столѣтія, кажется, не болѣе 100 чел. ¹⁾. Но большая часть ихъ имѣла свои дома и лавки, нѣкоторые—по двѣ лавки. Значительнѣйшее число грековъ переселилось изъ Македоніи, другіе явились изъ Константинополя и съ острововъ, двое вышли изъ Сѣчи запорожской, были выходцы изъ Австро-Венгріи, Бессарабіи, изъ Нѣжина и наконецъ одинъ прибылъ изъ Венеціи.

Получивъ мѣста для построекъ, обзаведясь и устроившись на новомъ мѣстѣ, почти всѣ переселенцы греки занялись торговлей и весьма немногіе ремесломъ. Изъ разныхъ отраслей коммерческой дѣятельности предпочтеніе осталось за бакалейной; слѣдующее по числу представителей мѣсто принадлежитъ торговлѣ „горячимъ виномъ“, т. е. водкой и волошскимъ (бессарабскимъ) виномъ; послѣднія мѣста заняты табакомъ и хлѣбомъ. Промышленныя операціи елисаветградскихъ грековъ не ограничивались райономъ Новой Сербіи: изъ паспортовъ ихъ видно, что по торговымъ дѣламъ они отлучались въ Малороссію, Сѣчь, Польшу и Великороссію, но всего чаще навѣдывались въ Турцію. Замѣтно, что греки-колонисты не желали оставлять національныхъ своихъ особенностей и не всегда прочно сидѣли на почвѣ, хотя она была, или, по меньшей мѣрѣ, могла быть для нихъ благодатною во многихъ отношеніяхъ: значительное число паспортовъ выдано на годичный срокъ, многіе на 6 и на 4 мѣс.

Тѣмъ не менѣе на первыхъ-же порахъ проявляется у новопоселившихся грековъ стремленіе зажить своимъ міркомъ, какъ дома. Въ 1760 году, подъ предводительствомъ венеціанскаго выходца Ефима Темелея, они выступаютъ съ ходатайствомъ о сооруженіи своей особой церкви и просятъ разрѣшенія совершать богослуженіе на греческомъ языкѣ; въ просьбѣ о содѣйствіи по этому дѣлу, поданной коменданту крѣпости св. Елисаветы Толстому, указавъ на свою ревность къ русскому престолу и греко-россійской церкви и сославшись на существованіе греческихъ церквей въ Москвѣ, Кіевѣ и Нѣжинѣ, они утверждаютъ, что переселеніе грековъ въ Елисаветградъ усилится, если у нихъ будетъ здѣсь своя церковь; при

¹⁾ Въ этотъ счетъ однако не входятъ работники.

этомъ заранѣе указываютъ и кандидата на священническое мѣсто—отставнаго нѣжинскаго іеромонаха Игнатія Папазовлу. Въ прошеніи къ преосвященному Гервасію, епископу переяславскому, въ епархію котораго входила также и Новая Сербія, греки просятъ кромѣ того разрѣшить открытіе при церкви „страннопріимнаго дома“ для „убогихъ и безъязычныхъ“ изъ ихъ братіи ¹⁾). Ходатайство грековъ уважено, и въ началѣ 1761 года они приступили къ заготовленію матеріала для постройки храма и къ подысканію мастеровъ для работъ живописныхъ и рѣзныхъ. Мастера выписаны изъ Нѣжина, конечно греки-же ²⁾).

Въ 1765 г., когда постройка приходила уже къ концу, преосвященный Гервасій разрѣшилъ іеромонаху Папазовлу совершать въ новомъ храмѣ часы, панихиды и т. п. службы, не требующія освященнаго престола, а 25 сентября 1766 года далъ благословеніе освятить средній престолъ во имя Владимірской Божіей Маріи; придѣлы не были еще окончены и въ это время ³⁾). Іеромонахъ Папазовлу, прослуживъ годъ въ неосвященной еще церкви, оставилъ мѣсто по болѣзни,—вѣроятно отъ старости, и грекамъ пришлось искать новаго священника, а найти хорошаго священнослужителя—грека было не легко. Здѣсь заслуживаетъ упоминанія одинъ документъ, помѣченный 9 числомъ января 1766 г. и заключающій условіе вышедшаго изъ Константинополя іеродіакона Θεона съ Ефимомъ Темелеемъ и греческимъ братствомъ при крѣпости св. Елисаветы: оно рисуется намъ церковно-общественные порядки и отношенія общества. Θεона обязывается, получивъ посвященіе и заручившись утвержденіемъ епархіальнаго начальства, священствовать въ греческой церкви 6 лѣтъ, получаетъ на содержаніе 1¹/₂ части церковныхъ доходовъ, а 2 части отдаетъ ктитору „для всякихъ потребностей“; на содержаніе остальныхъ членовъ клира шла, вѣроятно, половинная доля.

¹⁾ Устройство его, кажется, не состоялось.

²⁾ Почтенный изслѣдователь мѣстной старины, покойный архіепископъ Гавріиль ошибся, отнесъ начало греческой церкви въ Елисаветградъ къ 1757 году. См. его ст. > Хрон.-истор. описаніе церковей губерніи херсонской. < въ Зап. Одесск. Общ. Ист. п. Др., т. II, 1848 г., стр. 146.

³⁾ Въ бумагахъ греческой церкви сохранилось условіе съ жителемъ слободы Злынки, Алексѣемъ Гурьевымъ, обязавшимся нарубить въ казенномъ Черномъ лѣсу и доставить 600 деревьевъ за 27 р.

По неизвѣстной причинѣ Феона не получилъ прихода и послѣдній достался въ 1767 г. вышедшему „изъ за границы“ Видалиду. Однако, проживъ всего нѣсколько мѣсяцевъ при елисаветинской крѣпости, Видалидъ этотъ стосковался по родинѣ и тайно бѣжалъ, при помощи подкупленнаго имъ отставнаго солдата, за что тотъ былъ наказанъ плетьюми.

Тогда греки заключили временное условіе съ бѣжавшимъ „отъ уніатскаго гоненія“ изъ польскаго мѣстечка Медвѣдовки священникомъ Аванасіемъ Борисовымъ, до пріисканія священника—грека¹⁾. Условіе заключено на 3 года, по 40 р. въ годъ, выплачиваемыхъ по третямъ; священникъ обязывался брать за обряды, „по силѣ указа Его Преосвященства“, безъ вымогательства; обязывался доставлять на собственный счетъ просфоры для обыкновенныхъ литургій, на сорокоусты же самъ заказчикъ расходуетъ на просфоры, вино, свѣчи и ладонь. Таково условіе, заключенное греками съ Борисовымъ. Но епископъ Гervasій не утвердилъ сего на приходѣ и на основаніи указовъ синода велѣлъ препроводить, какъ бѣлаго, на прежній приходъ, а грекамъ предложилъ поискать себѣ другого пастыря. Тѣмъ не менѣе, короткое время Борисовъ служилъ въ греческой церкви; служили также и священники русскихъ церквей при елисаветинской крѣпости, и грекамъ все не удавалось найти себѣ настоящаго священника.

Къ этому времени, когда духовное стадо елисаветградскихъ грековъ оставалось безъ пастыря, относится одинъ эпизодъ, представляющій особенный интересъ. Въ началѣ 1769 года елисаветградская провинція подверглась нападенію крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ хана Керимъ-Гирея. Въ числѣ многихъ поселеній, сожженныхъ непріятелями, такая участь постигла и многолюдное село Аджамку²⁾, съ церковью. Населеніе Аджамки разбре-

¹⁾ Въ архивѣ греческой церкви сохранилось еще одно свидѣтельство о православномъ священникѣ, бѣжавшемъ отъ преслѣдовацій изъ польскихъ владѣній (просьба о мѣстѣ свящ. Іоанна Дитанскаго). Оно напечатано въ »Херсонск. Епарх. Вѣд. < 1883 г. № 15.

²⁾ Теперь село александровскаго уѣзда, на рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Ингуль. Баронъ Тоттъ полагаетъ въ ней 800—900 домовъ. См. переводъ его мемуаровъ объ этомъ нашествіи въ »Кіевской Старинѣ < т. VII, 1883 г.

лось, куда кто могъ: священникъ-же, Василій Логовикъ съ семействомъ поселился въ недалней отъ Аджамки крѣпости св. Елисаветы. Лишившись прихода и средствъ къ существованію съ семьей, онъ обратился къ старостѣ греческой церкви Темелею съ предложеніемъ исправлять должность священника и съ просьбою пріютить себя до мая мѣсяца въ церковномъ домѣ. Темелей и греки приняли Логовика и отвели ему временную квартиру въ церковной хатѣ, служившей помѣщеніемъ дьячку, пономарю и сторожамъ. Пришелъ май мѣсяць, а Логовикъ не оставлялъ церковной квартиры и не искалъ другаго мѣста; съ своей стороны и греки не успѣли еще найти иного священника: такъ, по взаимному соглашенію, вѣроятно болѣе или менѣе молчаливому, священствованіе бывшаго аджамскаго батюшки затянулось. Но одно не нравилось ему у грековъ: это то, что всѣми матеріальными дѣлами церкви распоряжаются у нихъ ктиторы, а священникъ не только не имѣетъ доступа къ нимъ, но и служить наемникомъ. И вотъ, протянувъ свое замѣстительство до осени, онъ рѣшается произвести общественно-церковный переворотъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ подаетъ Логовикъ прошеніе епископу Гервасію объ утвержденіи его, Логовика, въ должности священника греческой церкви и о дозволеніи остаться жить въ церковномъ домѣ. Предшествовало-ли подачѣ прошенія какое либо условіе Логовика съ греками, и если было заключено условіе, то какое именно,—не знаемъ; вѣроятнѣе, что такого условія не было: иначе зачѣмъ-бы было просить у преосвященнаго разрѣшенія жить въ церковномъ домѣ? Какъ-бы то ни было, епископъ Гервасій изъявилъ согласіе на оба пункта просьбы Логовика. Забравшись архипастырскимъ утвержденіемъ въ должности и водвореніемъ въ церковномъ домѣ, Логовикъ черезъ мѣсяць подаетъ въ переяславскую консисторію „доношеніе“ слѣдующаго содержания: бывший у грековъ священникомъ и потомъ сбѣжавшій Видалидъ „нанятой всегда находился и ни къ какому тоя церкви церковному добру дела не имель, но они сами отъ себя вино, ладанъ, свѣчи и просфиры отпускали, почему и свечи церковныя, а не поповскіе въ продажу отпускаются, такожъ и ключъ церковный у себя содержать“. Логовикъ признаетъ такіе порядки неудобными и противными русскимъ церковнымъ преданіямъ; онъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: „1-е, просфиры они (греки) отпуска-

ють развѣ въ праздничные и воскресные дни, а въ рядовые хотя бы и желалъ священникъ литургисать, но просфоръ и другихъ потребностей не отпускають; 2-е, чрезъ содержаніе ключевъ церковныхъ у себе (у ктитора) часто бывають священнику въ преподаваніи требъ препятствія и остановки; 3-е, по таковымъ отъ нихъ слѣдующимъ происходствамъ и по малому тамо (въ Елисаветградѣ) ихъ числу дьяка при той церкви содержать не съ чего, а онъ де..... отъ нихъ грековъ найму не требуетъ (sic) и просфоры съ виномъ отпускать з своего кошту, такожь и дьяка на собственномъ препитаніи содержать одолажается“. Вслѣдствіе изложеннаго, Логовикъ просить: „не поволеноль будетъ отъ духовной консисторіи въ оной греческой церкви свечи ему правителю¹⁾ въ продажу производить, какъ де оны греки и уговорились было з священникомъ Аванасіемъ (Борисовымъ²⁾), и ключи церковныя содержать у себя....“.

Должно полагать, Логовику хорошо извѣстны были ходы въ въ переяславской консисторіи, не даромъ онъ занималъ должность правителя; иначе трудно объяснить, при наличныхъ условіяхъ, опредѣленіе консисторіи, положенное вслѣдствіе его „доношенія“. Резолюція была такова: „въ согласіе учиненнаго на просителевомъ доношеніи..... Его Преосвященства опредѣленія о бытіи при греческой прописанной церкви и о поступаніи такъ, какъ надлежитъ приходскому священнику по здѣшнимъ порядкамъ за силу правилъ святыхъ отецъ, въ коихъ изображено: души поручены въ наблюденіе, колыми паче церковное добро поручити надлежитъ“. Объ этомъ рѣшеніи сообщено елисаветградскому духовному правленію, т. е. тому-же Логовику, и предложено „вѣдать и чинить по сему“.

Греческое общество протестовало. Оно ссылалось на нѣжинскую и кievскую греческія церкви, гдѣ церковное добро находилось въ вѣдѣніи ктиторовъ; указывало на то, что и въ Елисаветградѣ доселѣ преосвященнымъ разрѣшалось то же, по примѣру тѣхъ церквей; наконецъ утверждало, что никогда никакихъ неудобствъ отъ этого не выходило: просфоры и вино выдавались безпрепятственно, по требованію священника, ключи—также; ктиторъ жи-

¹⁾ Логовикъ занималъ должность правителя елисаветградскаго духовнаго правленія еще съ того времени, когда служилъ въ Аджамкѣ. Документъ за его подписью, съ датой 1764 г., см. въ »Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.«, т. VI, стр. 602.

²⁾ Мы видѣли, что объ этомъ договора заключено не было.

веть въ церковной оградѣ... На этомъ, къ сожалѣнію, обрывается это дѣло и мы не знаемъ: кто побѣдилъ въ борьбѣ? Правдоподобно,—Договникъ.

Выше мы видѣли, что половина церковныхъ доходовъ, по условію съ іеродіакономъ Θεοною, должна была поступать къ церковному старостѣ „на всякія потребности“. Но Θεонъ не удалось занять прихода, и условіе, заключенное съ нимъ, не получило дѣйствія. Однако, изъ добротныхъ-ли даяній, или изъ другихъ источниковъ, не знаемъ, — при греческой церкви составилъ капиталъ; неизвѣстно также, великъ-ли былъ онъ, но несомнѣнно то, что онъ пускался въ оборотъ. Сохранилось „доношеніе“ купца Михаила Николаева, помѣченное 1766 годомъ (слѣдовательно годомъ освященія средняго престола церкви), съ просьбою выдать ему изъ церковной суммы на годъ 300 р., такъ какъ ему, Николаеву, „небезызвѣстно“, что „желающимъ“ выдаются деньги изъ церковной суммы на проценты; на оборотѣ „доношенія“ набросано вчернѣ „одобреніе“ купеческаго правленія (о купеческомъ правленіи будетъ сказано ниже). Кромѣ этого, есть еще два указанія на такіе займы, одинъ 230 р., другой—200 р., причемъ въ послѣднемъ случаѣ деньги выданы изъ „казны“ какого-то капитана Кочаргана, находящейся при церковной суммѣ (вкладъ?); за просрочку 21 дня должникъ уплатилъ 70 к.

Итакъ, елисаветградскіе греки имѣютъ свою церковь, завѣдуютъ черезъ ктиторовъ матеріальными ея дѣлами, увеличиваютъ церковную казну отдачей на проценты, имѣютъ избраннаго и договореннаго священника, совершающаго богослуженіе на греческомъ языкѣ. Но еще ранѣе освященія церкви они дѣлаютъ другой, еще болѣе важный шагъ къ устройству своей самостоятельности. Въ началѣ 1764 г. знакомый намъ венеціанецъ Ефимъ Темелей „съ товарищи“ подали новороссійскому военному губернатору Мельгунову слѣдующаго содержанія „всенижайшее доношеніе“. „Намъ нижайшимъ—писали греки—по бытности въ Нѣжинѣ извѣстно, что на основаніи Всевысочайшихъ жалованныхъ грамотъ, находящіяся въ Нѣжинѣ греки купеческое братство имѣютъ и между собою по купечеству судъ и расправу чинять, то и мы нижайшіе (продолжаютъ просители—греки), смѣлость возымѣли чрезъ сіе Вашего Высокопревосходительства, яко главнаго здѣсь командира и ко всѣмъ

ищущимъ милостиваго патрона рабски просить, дабы поданную отъ насъ низжайшихъ на Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя челобитную представить, куда Ваше Высокопревосходительство заблагоразсудитъ изволите, чтобы мы низжайшіе Вашею неизреченною милостію въ семъ прошеніи оставлены не были, и за то подвергаемъ себя вѣчно имя Вашего Высокопревосходительства прославлять, а чтобы намъ низжайшимъ подъ магистрацкой старшиною въ командѣ не быть, понеже отъ оной старшины всегдашнее гоненіе и безчестіе претерпѣваемъ, и въ томъ, яко иностранныхъ людей, зацитить и повелительнымъ Вашего Высокопревосходительства ордеромъ снабдить, чтобы до пріѣзда Вашего Высокопревосходительства моглибъ по купеческому промыслу судъ и расправу межъ собой имѣть и для лучшаго порядка быть при томъ находящемся здѣсь переводчику Константину Юрьеву, понеже и напередъ сего былъ въ таковыхъ распорядкахъ переводчикъ“.

Ходатайство грековъ уважено и на этотъ разъ. Съ слѣдующаго 1765 года они выбираютъ изъ своей среды двухъ старшинъ, которые служатъ исполнительнымъ органомъ самоуправленія общины. Для характеристики выборовъ любопытенъ рапортъ командиру крѣпостнаго магистрата, поданный въ 1769 г. бывшими старшинами Юріемъ Фундуклеемъ ¹⁾ и Павломъ Дмитріевымъ о сдачѣ ими должности вновь выбраннымъ Савѣ Петрову и Николаю Иванову; изъ рапорта видно, что сдавались не только письменныя дѣла по описи, но и сами греки—купцы и цеховые, по списку; любопытно также, что новымъ старшинамъ переданы ружья и патроны съ пулями. Видно, должность старшины не отличалась спокойствіемъ, а сами греки не могли считаться вполне осѣдлыми.

Кромѣ старшинъ, часто упоминается въ дѣлахъ „купеческое правленіе“, но по всему судя, такое названіе присвоено было никому иному, какъ тѣмъ же старшинамъ, и въ документахъ замѣтнаго различія между ними не полагается.

Разсмотримъ же кругъ дѣятельности купеческаго правленія, насколько позволяютъ это матеріалы.

Во первыхъ, оно даетъ одобреніе на пріемъ въ свою общину новыхъ пришельцевъ; предварительно посылается человѣка 2—4

¹⁾ Выходецъ изъ мѣстечка Патина (?) на Бѣломъ морѣ (Архипелагъ).

изъ купцовъ для осмотра товара будущаго братчика и повѣрки объявленнаго имъ капитала; послы, освидѣтельствовавъ его имущество, подаютъ правленію рапортъ, въ коемъ указывается, какой товаръ и въ какой суммѣ капиталъ имѣется у новоприбывшаго; затѣмъ уже купеческое правленіе подаетъ „одобреніе“ командиру крѣпостнаго магистрата для распоряженія.

Далѣе, купеческое правленіе выдаетъ членамъ общины увольнительныя свидѣтельства на отъѣздъ изъ крѣпости въ разныя мѣста, но дѣлаетъ это не иначе, какъ за поручительствомъ остающихся нѣсколькихъ грековъ (иногда одного), которые даютъ правленію подписку въ томъ, что отлучающійся вернется къ сроку.

Старшины собираютъ съ грековъ—купцовъ и цеховыхъ окладныя деньги, взыскиваютъ недоимки и собранное доставляютъ командиру крѣпостнаго магистрата.

Наконецъ, правленіе чинитъ грекамъ судъ. Немногочисленные слѣды этого суда, сохранившіеся въ дѣлахъ, интересны для характеристики нравовъ елисаветградскихъ грековъ.

1765 г. сентября 15 дня купецъ Яковъ Петровъ даетъ купеческому правленію подписку: въ пьяномъ видѣ, находясь „въ азартѣ“, какъ онъ выражается, онъ „назвалъ“ купца Леонтьева и жену его „безчестными словами“, которыя признаетъ теперь напрасливой, и обѣщается никогда впередъ не порочить его, уплачиваетъ 5 р. пени „на братскіе расходы“, а въ случаѣ повторенія проступка обязуется уплатить въ правленіе 50 р. и получить 100 ударовъ плети.

Другое дѣло. Жилъ при крѣпости одинъ грекъ Павелъ Дмитріевъ; его выбрали однажды старшиною, какъ мы видѣли выше, но онъ отличался нравомъ чрезвычайно горячимъ и, какъ говорится, вреднымъ. Вотъ, для примѣра, образчикъ его поведенія. Беретъ онъ въ долгъ у купца Фундуклея бессарабскаго вина и принимается торговать имъ во дворѣ, нанятомъ тѣмъ-же Фундуклеемъ; по окончаніи срока уплачиваетъ, вмѣсто полной суммы долга, часть ея; и всего-то оставалось доплатить 8 р. 50 к., но Павелъ Дмитріевъ не только отказался отъ уплаты, но въ собственномъ-же дворѣ Фундуклея въ рѣзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ коснулся интимныхъ дѣлъ своего благодѣтеля и потомъ вызывалъ даже его на поединокъ, показывая изъ подъ плаща саблю. Обиженный жа-

ловался командиру крѣпостного магистрата и просилъ удовлетворенія ¹⁾).

А вотъ другая жалоба на того-же Дмитріева, поданная въ правленіе какой-то молдованкой вдовой Марьей Григорьевой. Суть дѣла слѣдующая. Прослышавъ отъ кого-то, что Григорьева—знахарка, Дмитріевъ призвалъ ее къ себѣ на домъ и спросилъ, „не знаетъ-ли какихъ волхованій, чтобы греческимъ старшинамъ Ефиму Темелею и Константину Бургазлію, да купцу Юрію Фундуклею такимъ образомъ учинить, чтобы они несмысленны и совсѣмъ въ разумѣ помѣшательны были“; такое желаніе онъ объяснилъ расчетомъ получить наслѣдство умершаго тогда купца Яна Муранта, на дорогѣ къ чему стояли названныя лица; въ вознагражденіе за трудъ онъ предложилъ Григорьевой купить сподницу и кафтанъ. Но она отвѣчала, что не можетъ исполнить просьбы и что волхованій не знаетъ. Оставивъ домъ его, Григорьева въ тотъ-же день явилась къ Фундуклею, на котораго передъ тѣмъ злоумышлялъ Павелъ Дмитріевъ, и рассказала о разговорѣ. Узнавъ объ этомъ, Дмитріевъ начинаетъ преслѣдовать бабу: гдѣ ни увидитъ, бранитъ разными „непотребными и уворительными словами“ и наконецъ прибилъ „кулачемъ и сапогами до угодности“, по документальному выраженію,—при чемъ показывалъ изъ подъ плаща шпагу и стращаль, что голову ей отрубить. Однако услышавъ, что оскорбленная сторона подала жалобу на него, Дмитріевъ бѣжалъ. Спустя четыре мѣсяца, явился онъ снова въ крѣпости, пришелъ въ домъ своего противника, старшины Темелея, бранилъ его разными „скверными словами“ и при томъ, „произнося похвалки, искалъ случая его, Темелея, умертвить, на что и ножа просилъ у грека Павла Кушнера“; Темелей кривнулъ о помощи и приказалъ взять Дмитріева подъ стражу; тотъ схватилъ старшину за волосы и „дралъ довольно“, такъ что едва розняли. Заковали буяна, но онъ снова бѣжалъ, „и съ цѣпью“. Тогда Темелею не оставалось ничего больше, какъ обратиться за помощью и удовлетвореніемъ къ крѣпостному начальству, что онъ и сдѣлалъ; разузнавъ, что преступникъ скрывается въ Новомиргородѣ, онъ просилъ водворить его на мѣсто по-

¹⁾ Фундуклей занималъ должность старшины и поэтому дѣло не было направлено въ правленіе, а въ крѣпостной магистратъ.

стоянной осѣдлости, указывая на то между прочимъ, что Дмитріевъ долженъ многимъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла и финаль его не извѣстенъ намъ.

Изложеннымъ выше исчерпываются свѣдѣнія о купеческомъ правленіи. Ованчивая наше повѣствованіе, передадимъ еще для полноты содержаніе одной росписки о покупкѣ съ торговъ дома съ дворомъ извѣстнымъ намъ Темелеемъ: она знакомитъ насъ съ матеріальной обстановкой и цѣнностью жизни въ крѣпости св. Елисаветы середины прошлаго столѣтія (1757 г.). Темелею достались: изба рубленая съ печью, сѣни съ чуланомъ, оставленни (оставленные) тыномъ, ледникъ съ погребицею рубленые, погребъ выходной, въ срединѣ оставленна половина досками; близъ онаго погребя чуланъ, оставленный досками; другой погребъ выходной, противъ ево комора, оставленна досками, дворъ и все строеніе (?). Цѣна всему этому 20 рублей.

Свѣдѣнія о купеческомъ греческомъ правленіи въ Елисаветградѣ заключаются 1777 годомъ. Въ настоящее время въ приходѣ елисаветградской греческой церкви грековъ уже нѣтъ, и едва сохранилась память о нихъ: говорятъ, они переселились въ Мариуполь; въ ревизской сказкѣ 1811 г. показаны только двѣ семьи, уцѣлѣвшія отъ греческой колоніи прошлаго вѣка: Фундулеи и Петровы¹⁾. Въ настоящее время единственнымъ напоминаніемъ о грекахъ въ Елисаветградѣ служитъ т. н. греческая церковь, находящаяся на правомъ берегу Ингула, на базарной площади, на подолѣ остатковъ крѣпости. Но это не та церковь, которая выстроена греками въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Старая церковь была деревянная, двуглавая, выкрашенная снаружи, выбѣленная внутри. По описи 1793 г. иконостасы въ ней были гладкіе, посеребренные, съ рѣзными, вызолоченными на двухъ, посеребренными на одномъ, рамами для иконъ; тогда въ церкви довольно было, серебряныхъ сосудовъ и лампадъ, парчевыхъ, бархатныхъ и иныхъ ризъ, серебряная рака для плащаницы и т. п.

Въ 1784 г. въ приходѣ считалось 208 дворовъ и 1040 душъ

¹⁾ Изъ этой семьи Петровыхъ происходятъ знаменитый впоследствии пѣвецъ-артистъ Ос. Ав. Петровъ (род. 1805 г.).

прихожанъ; въ 1793 г. 144 двора и 815 прихожанъ,—меньше, можетъ быть, вслѣдствіе бывшей въ этотъ промежутокъ чумы.

Нынѣшняя каменная Греческая церковь выстроена близъ того мѣста, гдѣ стояла старая, обветшавшая; новая сооружена на добротныя пожертвованія прихожанъ и освящена въ 1812 г. Немного позже пристроена каменная-же колокольня.

В. Ястребовъ.

Елисаветградъ,
10 марта 1884 года.

МАЛОИЗВѢСТНЫЕ И НЕИЗВѢСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ СВѢДѢНІЙ О МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ПОЛТАВЩИНЫ.

Богатѣйшимъ, неисчерпаемымъ такъ сказать источникомъ свѣдѣній для исторіи Полтавщины XVIII ст. могла-бы служить такъ называемая Румянцевская Опись Малороссіи. Къ сожалѣнію, доселѣ не розыскана та именно половина оной, которая относится къ мѣстностямъ нынѣшней полтавской губерніи. Гдѣ-то было заявлено, что профессоръ Лучицкій нашелъ въ Полтавѣ недостающія части и между прочимъ ту часть оной, въ которой описана перво-пирятинская сотня Лубенскаго полка; но до сихъ поръ объ этомъ открытіи мы не имѣемъ ничего, кромѣ одного голаго извѣстія, и мы лишены возможности составить себѣ представленіе о прошломъ этого уголка лѣвобережной Украины.

Недостатокъ данныхъ Румянцевской Описи въ одномъ отношеніи и въ нѣкоторой степени могутъ замѣнить намъ, кромѣ архивовъ частныхъ, церковныя архивы. Въ нихъ можемъ найти исповѣдныя росписи, приходо-расходныя книги, брачныя обыски, клировыя вѣдомости, описи церковнаго имущества, копии съ Высочайшихъ манифестовъ, консисторскихъ указовъ, бумаги изъ канцелярій полковыхъ и сотенныхъ; въ нѣкоторыхъ церковныхъ архивахъ попадаются замѣтки священно-служителей, нѣчто въ родѣ мѣстныхъ лѣтописей. Намъ извѣстно по крайней мѣрѣ, что такого рода матеріалы находятся въ церковныхъ архивахъ тѣхъ сель, которыя входили въ составъ перво-пирятинской сотни¹⁾; но изъ этихъ ар-

¹⁾ По вычисленію Н. А. Маркевича всѣхъ сель и деревень въ этой сотнѣ было 29, хуторовъ 72. Ист. Малор. Т. 5 стр. 118.

живовъ пока разобраны только бумаги, хранившіяся при Іоанно-Богословской церкви въ с. Великой Кручѣ (Пирятинскаго уѣзда), и на основаніи ихъ составлена статья А. Стороженка, помѣщенная въ № 9 Полтавскихъ Епарх. Вѣд. за 1883 г., подъ заглавіемъ: „Село Великая Круча и ея церковь“. Намъ пришлось случайно въ томъ-же архивѣ наткнуться на двѣ публикаціи второй половины XVIII ст. о разысканіи и поимкѣ бѣглыхъ преступниковъ. Такими публикаціями переполнены архивы наши, особливо же за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія и далѣе, когда надвигавшееся и потомъ налегшее на сельское населеніе крѣпостное право побуждало оное брести, куда попало, ища вольныхъ мѣстъ и вольной жизни. Въ изобиліи находимъ такія публикаціи и въ церковныхъ архивахъ.

Въ прежнее время, при слабости административной власти и отсутствіи въ ней правильной организаціи, церковь во многихъ отношеніяхъ служила ея цѣлямъ и между прочимъ цѣлямъ правосудія. Въ случаѣ побѣга колодниковъ, городскіе суды и полковыя канцеляріи посылали приказы о поимкѣ скрывшихся сотникамъ, какъ низшимъ представителямъ уряда, совмѣщавшимъ въ своемъ лицѣ всю нынѣшнюю уѣздную администрацію. Въ сотенныхъ канцеляріяхъ писались „публикаціи“ въ сельскія церкви съ обозначеніемъ примѣтъ преступниковъ и приказаніемъ прибить эти „публикаціи“ къ церковнымъ стѣнамъ „къ общему всехъ навсегда знанію“, а атаманамъ, приказчикамъ, войтамъ снять съ нихъ копіи, стараться о возможно скорѣйшей поимкѣ бѣжавшихъ и доносить въ канцелярію о принятыхъ для этого мѣрахъ и ихъ результатахъ.

При всей мелочности и однообразіи такого рода бумагъ, въ нихъ разбросаны подъ часъ такія мелкія черты, которыя въ общей группировкѣ могутъ представлять немаловажный интересъ для мѣстной бытовой исторіи. Обѣ упомянутыя нами публикаціи выпущены изъ перво-пирятинской сотенной канцеляріи, первая 16 мая 1767 г., вторая 18 ноября 1768 года. Первою розыскивались „злодѣи, причинившіеся къ напоенію нѣякимъ вредительнымъ зѣлямъ жителей с. Костобобра Василя Килимонова и Ефима Лицера, посполитыхъ, бунчуковаго товарища Павла Максимовскаго, жители с. Демьянокъ Халимонъ и Грицко Билоножки“, давалась предосторожность населенію отъ таковыхъ зѣлій и за поимку виновныхъ обѣщалась награда въ 20 р.; второю преслѣдовался бѣ-

жавшій изъ подъ караула колодникъ Петро Курѣльный съ такими примѣтами: „росту среднего, волосовъ темнорусихъ, голится по чуприну, глазовъ карихъ, носа довгого, лица сухощавого, вусы толко що начали висипатися, лѣтъ отъ роду двадцати двохъ, одежи на немъ: свита сѣра стара, шита по донску, юпка с китайки гранатовой стара, чересь полотняной старой, шапка круглая, околиця черна смушева, з вершкомъ, сукна вишневого стара...“.

Мимоходомъ указываемъ на самыя ничтожныя въ ряду архивныхъ бумагъ; найдутся, конечно, гораздо важнѣе и интереснѣе, а сводя все, можно, хотя по мелкимъ частямъ, достигнуть въ послѣдствіи цѣльнаго воспроизведенія минувшаго быта нашей Украины.

Не можемъ не указать при этомъ на нѣкоторыя готовыя, добытыя и разработанныя свѣдѣнія и матеріалы, которые могутъ быть весьма пригодны для занимающихся исторіею Полтавщины, но нашли себѣ мѣсто въ изданіи, принадлежащемъ къ числу наименѣе извѣстныхъ даже записнымъ исторіографамъ, именно въ Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ.

Сколько намъ извѣстно, въ предѣлахъ нынѣшней полтавской епархіи болѣе или менѣе разработаны архивы слѣдующихъ церквей. Перечислимъ по уѣздамъ, съ полными заглавіями статей, тѣ приходы и церкви, о которыхъ на страницахъ названнаго изданія даны иногда очень обстоятельныя свѣдѣнія на основаніи мѣстныхъ церковныхъ архивовъ.

Полтавскій уѣздъ.—Историко-статистическія церковныя свѣдѣнія о с. Чутово, Полт. Епарх. Вѣд. 1871. №№ 23, 24 (св. Григ. Коломенскаго).—Срѣтенская приходская церковь въ г. Полтавѣ, П. Е. В. 1875. №№ 10, 11.—Приходъ села Локоцины, П. Е. В. 1876. № 10.—Церковь св. Василя Великаго въ селѣ Камянеѣ, П. Е. В. 1877. № 4; и статья, составленная на основаніи бумагъ, взятыхъ изъ архивовъ разныхъ церквей: Начало духовно-учебнаго дѣла въ Полтавѣ. П. Е. В. 1876. № 16 (Павловскаго).

Константиноградскій уѣздъ.—Церковь святыхъ Захаріи и Елисаветы въ д. Шляховой, П. Е. В. 1876. № 6 (Павловскаго).—Приходъ села Циглеровки, П. Е. В. 1877. № 6 (Павловскаго) и очеркъ изъ Константиноградской старины: „Киченіе“ при богослуженіи.

Кременчугскій уѣздъ.—М. Глобино и его церкви, П. Е. В. 1871. №№ 4, 5 и 6 (Зеньковскаго).—Бывшій Пивогорскій мона-

стырь и нынѣшняя кладбищенская Николаевская церковь въ г. Градижскѣ, П. Е. В. 1877. № 1 (Матченка).

Збѣньковскій уѣздъ.—С. Малыя Будищи, П. Е. В. 1873. № 24.—Свято-Троицкая церковь въ мѣстечкѣ Великихъ Будищахъ, П. Е. В. 1881. № 9.

Хорольскій уѣздъ—Мѣстечко Бѣлоцерковка и его приходъ, П. Е. В. 1881. № 8.

Лохвицкій уѣздъ.—С. Козловка, П. Е. В. 1880. № 11.

Прилуцкій уѣздъ.—С. Сорочинцы, П. Е. В. 1874. № 23, 24. (Яковлева).

Переяславскій уѣздъ—Похвала Барышевеѣ, П. Е. В. 1881. № 23. Городъ Переяславъ—Переяславская Варваринская церковь, П. Е. В. 1874. № 18.—Описаніе Петро-Павловской церкви, П. Е. В. 1875. №№ 15, 16 (Крамаренка).—Къ свѣдѣніямъ о Покровской церкви, П. Е. В. 1879. № 11.—Успенская церковь, П. Е. В. 1879. № 19.—Судьба царскаго дара въ Успенскую церковь, П. Е. В. 1880. № 24.—Село Студеники, П. Е. В. 1874. № 23.

Кобелякскій уѣздъ.—Мѣстечко Голтва, П. Е. В. 1871. №№ 16, 17. (Яснопольскаго).

Миргородскій уѣздъ.—Мѣстечко Погачка, П. Е. В. 1871. №№ 8 и 9 (Соколовскаго).

Пирятинскій уѣздъ.—Село Великая Круча и его церковь, П. Е. В. 1883. № 9 (Стороженка).

Весьма важно для исторіи культуры лѣвобережной Украины изученіе съ большими подробностями переяславской старины и въ частности прошлаго переяславской бурсы; пока посвящено этому не такъ много статей. Сдѣлаемъ перечень извѣстныхъ намъ:

а) Архіереи.—Арсеній Берло, Б. М. православный епископъ переяславскій и бориспольскій, П. Е. В. 1880. № 5.

б) Бытъ духовенства.—Остатки братствъ въ приходахъ переяславскаго уѣзда, П. Е. В. 1876. № 15 (Павловскаго).—Изъ хроники переяславскаго дьяконства, П. Е. В. 1880. № 12.—Конское тягло со священства, П. Е. В. 1880. № 21.—Пребываніе преосвящ. Іереміи въ Переяславѣ, П. Е. В. 1881. № 5.

в) Семинарскій бытъ.—Кое-что изъ переяславскаго семинарскаго быта послѣдней четверти прошлаго вѣка, П. Е. В. 1876. № 11 (по воспоминаніямъ И. Ѳ. Тимковскаго сост. Демидовскій).—

Нѣчто изъ переяславскаго семинарскаго быта первой четверти текущаго столѣтія, П. Е. В. 1777. № 3 (Крамаренка).—Изъ воспоминаній объ учителяхъ, бывшихъ въ полтав.-переясл. семинаріи въ первой четверти текущаго столѣтія, П. Е. В. 1880. № 9. (Крамаренка).

Мы считали не бесполезнымъ сдѣлать перечень извѣстныхъ намъ статей, составленныхъ по матеріаламъ, хранящимся въ церковныхъ сельскихъ архивахъ, помѣщенныхъ въ Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ въ виду отсутствія указателя къ этому изданію. Думаемъ, что предварительное ознакомленіе съ указанными статьями значительно облегчитъ будущимъ изслѣдователямъ полтавской церковной старины ихъ трудъ.

Н. С.

КІЕВСКІЯ ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ XVIII И XIX СТ.

1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василя Григоровича Барскаго.

Въ бібліотекѣ графа Уварова есть подлинная рукопись путешествія Василя Григоровича Барскаго; къ ней приложено много рисунковъ не упомянутыхъ Рубаномъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны портреты и разные этюды, которые по работѣ сдѣлали-бы честь и не Барскому, видимо рисовавшему ихъ въ свободные минуты своего долгаго странничества. Въ концѣ рукописи нѣсколько замѣтокъ о братѣ нашего паломника Иванѣ Барскомъ, кіевскомъ строителѣ прошлаго столѣтія, а также другія приписки, календарнаго такъ сказать характера. Приводимъ ихъ по давней случайной выпискѣ. Сначала идетъ или черновая эпитафія, или списокъ съ нея.

„Зде положено тѣло кіевского мѣщанина, райци, Ивана Григоровича Барскаго, брата родного монаха Василя Григоровича Барскаго, странствовавшаго по различнымъ землямъ и святымъ мѣстамъ и описавшаго въ книгу все видѣнное. Сей-же братъ его, трудившейся въ разныхъ строеніяхъ, воду привелъ въ различные мѣста въ городѣ семь (Кіевѣ) отъ различныхъ источниковъ съ подъ горъ, а потомъ строилъ каменныя церкви, колоколнѣ и покон. Первую церковь здѣлавъ у Кирилловскомъ монастырѣ, зъ звоницею и брамою и погребами, церковь

покровскую и набрежно-никольскую; у Козельцѣ церковь штукатурнею украшалъ и тинковалъ, и колоколню вновь построилъ, у золотоношскомъ красногорскомъ монастырѣ церковь, колоколню у петропавловскомъ монастырѣ, у соборноуспенскомъ соборѣ съ церковью. Еще магазинъ городской и гостинной домъ, жилие покои греческому монастырю и Юрию Дранчеву, реперовавъ церкви воскресенскую и успенскую, у Межигорскомъ монастырѣ келіи. А сего 1785 г. и зде погребенъ мая числа. Которому да будетъ вѣчное упокоеніе.

Послѣ этого по годамъ заносятся разнаго рода замѣтки, начинающіяся свѣдѣніями о городской службѣ строителя Барскаго.

1749 г. былъ Иванъ Барскій урядникомъ до полгода, а отъ полгода до оконченія на инстигаторскомъ званіи за бурмистерства Герасима Холявки и раецтва Михаила Воронковича и п. Василія Жука. Тогожъ року хлѣбъ былъ дорогъ; до полтора рубля была дойница, за сушею.

1750. Хлѣбъ дешевый, по 20 к. дойница жита и овса по 13 к.

1751. Вода превелика была у Днѣпрѣ и у рѣкахъ средѣ лѣта; прибывало до іюля 12 числа; того-жъ года хлѣбъ дешевъ былъ: жита дойница по 18 к., овса по 13 к., пшено по 50 к. Того-жъ года представился панъ войтъ Павелъ Войничъ октября числа.

1753. Хлѣбъ по 25 к. жито, а по 20 гречка, а овесъ по 15 к.

1754. Весма било сухое лѣто и вода въ рѣкахъ весма была малая. Тогожъ года жито по 55 к. и 60; овесъ по 32 к. и више.

1755. Вначалѣ нового года тарифъ и пошлина великороссійская переведена на новороссійскіе границы.

1756. Приехалъ у Киевъ войтомъ Иванъ Стефановичъ Сичевскій, февр. 3 ч. Въ тотъ-же годъ зима была мало снѣжна и легка. Жито продавалось по 32 к., а овесъ по 26 к., пшеница по 50 к. и мало више, киевской мѣри.

1757. Зима была весьма люта морозами. Пашня: жито по 28 к., овесъ по 15 и 16 к., пшеница 55 к.

1758. Зима была также люта. Пашня была до новини дорога: жито 1 р. 20 к. четверть; пшеница 1 р. 60 к. четверть; овесъ по 50 к. четверть, пшено до двухъ рублей. Лѣто было мокрое и холод-

ное; на хлѣбъ и овощи урожай. Въ началѣ тогожь года отдано тарифъ на откупъ.

За тѣмъ замѣтки домашнія о дняхъ рожденія дѣтей и пр.

2) Изъ записной книжки кievскаго гражданина Миславскаго.

1808 года, 21 ноября, по полудни въ 8 часовъ, сдѣлался на Подолѣ пожаръ, который превратилъ въ пепель всѣ лавки деревянныя торговныя; вмѣстѣ съ ними сгорѣла и церковь Успенская съ колокольной, только иконостасъ остался цѣль, безъ поврежденія.

1811 года, 9 іюля случился въ Кіевѣ столь ужасный пожаръ по полудни, въ первомъ часу, и въ 9 или 10 часовъ превращено въ пепель болѣе двухъ тысячъ домовъ каменныхъ и магистратъ, церковей каменныхъ 8, деревянныхъ 4, монастырей 3—братскій, петропавловскій и флоровскій, съ множествомъ имущества какъ церковнаго, такъ и обывательскаго. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ Кіевѣ было всѣхъ вообще зажигательствъ около 20.

1811 г. въ августѣ началась ревизская перепись.

1812 г. 30 января было открытіе гимназіи публичное. Съ церемоніальными цеховыми и регистровыми пушечными выстрѣлами препровождали грамоту отъ дворца въ Лавру и по окончаніи молебствія въ кловскій дворецъ.

1816 года 7-го сентября, въ 7 часовъ по полудни, прибылъ въ Кіевъ императоръ Александръ I-й безъ всякихъ встрѣчъ, заѣхалъ въ Лавру, гдѣ привѣтствованъ былъ рѣчью митрополита Серапіона; отсюда поѣхалъ въ назначенный для его пребыванія домъ *Оболонскаго*. Въ пятницу, 8 сентября слушалъ литургію въ софійскомъ соборѣ, гдѣ по осмотру ризницы былъ въ покояхъ митрополита; въ субботу былъ въ пещерахъ и осматривалъ арсеналь и прочія казенныя мѣста, и въ вечеру былъ во дворцѣ у корпуснаго генерала Раевскаго на балу, причемъ садъ былъ иллюминированъ и въ саду играла музыка. Въ недѣлю былъ смотръ двумъ полкамъ за Золотыми воротами, и послѣ оного императоръ слушалъ литургію въ соборѣ; послѣ того былъ въ Андреевской церкви и въ Михайловскомъ монастырѣ, и ввечеру посѣдилъ балъ, являнный дворянствомъ въ домѣ дворянской комисіи. Въ понедѣльникъ

государь посѣтилъ кievскую духовную академію, а во вторникъ, въ 9 часовъ выѣхалъ изъ Кіева на Бѣлую Церковь. Во всѣ дни пребыванія государя была великолѣпная иллюминація, въ особенности были иллюминированы лаврская колокольня, михайловская и другія.

1817 г. въ іюнѣ государь императоръ Александръ I-й прислалъ въ михайловскій монастырь драгоценный образъ Архистратига Михахаила, осыпанный брилліантами, и несенъ этотъ образъ изъ софійскаго собора въ михайловскій монастырь митрополитомъ Сераціономъ со всѣмъ духовнымъ соборомъ.

1817 года, 6 сентября, въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Кіевъ императоръ Александръ I-й, заѣхалъ въ Лавру, и оттуда во дворецъ, гдѣ 7 числа былъ обѣденный столъ. 8 числа слушалъ литургію въ софіевскомъ соборѣ, и послѣ обѣденнаго стола въ 3 часа выѣхалъ въ Бѣлую Церковь, откуда на обратномъ пути, по пріѣздѣ въ Кіевъ 11-го числа, въ 12 часу былъ обѣденный столъ во дворцѣ, а во 2 часу выѣхалъ изъ Кіева въ Кременчугъ.

1824 года, 16 февраля сгорѣли на Печерскомъ деревянныя лавки всѣ въ гостиномъ дворѣ.

1824 г. 14 сентября скончался митрополитъ Сераціонъ.

1825 г. 19 ноября преставился государь императоръ Александръ I-й въ Таганрогѣ.

— 6 декабря приведены въ Кіевѣ всѣ сословія къ присягѣ на вѣрно-подданство императору Константину Павловичу.

— 25 декабря, въ день Рождества Христова дали присягу вѣрно-подданническую императору Николаю Павловичу всѣ военныя и гражданскіе чины Кіева. При чемъ читаны были всѣ акты отреченія Константина Павловича отъ престола.

1826 г. 23 февраля преставился войтъ Михайло Григоренко. Сильныя наводненія отъ разлитія р. Днѣпра были въ 1820 ¹⁾, 1826 и 1845 годахъ.

1829 года, 23 іюня въ воскресенье, въ 8 ч. прибылъ въ Кіевъ императоръ Николай Павловичъ, а на другой день великій князь Михайлъ Павловичъ.

¹⁾ Подобнаго наводненія не помнили за 32 года предъ тѣмъ.

— 25 іюня, въ день рожденія императора, получено извѣстіе о взятіи крѣпости Силистріи; по сему случаю въ 2 часа по полудни было въ софійскомъ соборѣ молебствіе съ пушечною пальбою, и изъ числа взятыхъ трофеевъ Государь, въ память сего извѣстія, пожаловалъ городу Кіеву 3 знамени и ключъ отъ крѣпости Силистріи, которыя 6 августа, въ день Преображенія, церемоніально были возимы по всему городу городскою реестровою гвардією, взявши оныя изъ крѣпости, и доставлены въ соборъ, гдѣ послѣ молебствія, совершеннаго предъ началомъ литургіи съ пушечною и ружейною пальбою отъ войскъ разставленныхъ по валамъ, оставлены въ соборѣ.

1830 г. 31 мая послѣдовалъ пріѣздъ въ Кіевъ государя императора Николая Павловича изъ Варшавы чрезъ Козелець; прибылъ въ 5 часу по полудни; 1-го іюня слушалъ обѣдню въ софійскомъ соборѣ, вечеромъ посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ и гражданами въ контрактномъ домѣ; на другой день 2 іюня государь выѣхалъ. Въ этотъ пріѣздъ государь повелѣлъ гражданамъ переимѣнить польскіе мундиры на обыкновенныя статскіе гражданскіе, присвоенныя дворянскимъ чиновникамъ.

1833 года 14 іюня кіевскій лавникъ Миславскій съ Иваномъ Ивановичемъ Ходуновымъ выѣхали въ С.-Петербургъ отъ имени кіевскаго общества ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о недозволении евреямъ селиться въ г. Кіевѣ на жительство по силѣ указа. Прибыли 22 іюня, выѣхали 4-го, а прибыли 14 августа съ приятнымъ окончаніемъ въ пользу общества.

1834 г. 15 іюля открытъ университетъ св. Владиміра.

1837 г. 10 апрѣля, въ вербную субботу, происходило погребеніе фельдмаршала Сакена.

1853 г. 28 сентября посвященіе, а 28 октября открытіе цѣпнаго моста въ Кіевѣ чрезъ Двѣпръ.

— Въ то же время поставленъ памятникъ св. Владиміру на уступѣ Михайловой горы.

1857 г. 21 декабря скончался въ лаврѣ митрополитъ кіевскій Филаретъ, погребенъ 29 декабря.

1858 г. 10 іюня произошелъ пожаръ въ Липкахъ, во время котораго сгорѣло зданіе бывшей кievской гимназіи и до 10 сосѣднихъ съ нею домовъ.

1861 г. 10 марта происходило въ Кіевѣ обнародованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

— 15 іюля совершенъ торжественный ходъ на крещатицкій источникъ и послѣ онаго происходила закладка владимірскаго собора.

МОГИЛА ГЕТМАНЦЕВЪ ВЪ Г. ЛЕБЕДИНЬ.

Въ исторіи Руссовъ, приписываемой архіепископу Георгію Конисскому, передается, что въ концѣ 1708 г. во время пребыванія Петра I въ мѣстечкѣ Лебединѣ въ Слободской Украинѣ, Меншиковъ творилъ судъ и расправу надъ тѣми изъ малороссіянъ, которые заподозрѣны были въ усердіи къ Мазепѣ, потому что они не явились въ общее собраніе для выбора новаго гетмана. Сознанія заподозрѣнныхъ добывались пытками, при помощи батожья, кнутовъ и раскаленнаго желѣза; кто не выдерживалъ положеннаго числа пытокъ, того казнили, смотря по винѣ, повѣшеніемъ, отсѣченіемъ головы, колесованіемъ, четвертованіемъ или-же сажаніемъ на коль. Погибло такимъ образомъ до 900 человекъ. „Число сіе можетъ быть увеличено (преувеличено), но судя по кладбищу, отлученному отъ христіанскаго и извѣстному подъ именемъ *Гетманцовъ*, должно заключать, что зарыто ихъ здѣсь очень не мало“ (Истор. Рус. стр. 212).

По поводу приведеннаго извѣстія, Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ: „Мазепинцы“, помѣщенной въ 1-й книжкѣ „Русской Мысли“ за настоящей годъ, говоритъ, что это извѣстіе принадлежитъ къ разряду такихъ, о которыхъ можно сказать, что хотя они вѣроятны, но невѣрны. Сомнительно-же оно потому, что встрѣчается въ одномъ только источникѣ, не современномъ и чрезвычайно мутномъ (разумѣется исторія Руссовъ), и не подтверждается никакими другими, болѣе достовѣрными источниками.

Что судъ съ пытками и казнями дѣйствительно совершился въ Лебединѣ надъ лицами, сочувствовавшими Мазепѣ, подтверждается самой статьей Н. И. Костомарова, составленной, между прочимъ, на основаніи отрывковъ изъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ

и сохранившихся въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи и въ дѣлахъ архива иностранныхъ дѣлъ. „Къ большому сожалѣнію, говоритъ Н. И., мы не имѣемъ всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ; можетъ быть они гдѣ нибудь и сохранились, но ожидаютъ счастливецъ, которому суждено будетъ открыть этотъ кладъ“. Изъ статьи многоуважаемаго историка видно, что онъ нисколько не отвергаетъ производства суда и расправы въ Лебединѣ надъ сторонниками Мазепы, а лишь ограничиваетъ размѣръ казней. Умалая число жертвъ суда, Н. И. отрицаетъ существованіе особаго кладбища, гдѣ погребены казненные. „Если-бы тутъ была какая-нибудь правда, продолжаетъ онъ, и если-бы въ народной памяти мѣстность, гдѣ погребены были казненные, носила такое названіе, то оно-бы удержалось въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, между тѣмъ въ этихъ именно годахъ мы встрѣчали старожиловъ лебединскихъ и спрашивали о томъ, что читали въ знакомой намъ тогда еще по рукописи исторіи Руссовъ. Если старики 30-хъ годовъ XIX столѣтія, проведеншіе юность свою въ концѣ XVIII, не слышали о томъ, что выдается намъ за народное преданіе о событіяхъ, совершившихся не ранѣе начала XVIII вѣка, то какъ не усомниться въ существованіи когда-либо такого воспоминанія у народа“.

Мы не знаемъ, почему старики лебединскіе ничего не сообщили Н. И. о казни гетманцевъ, хотя она несомнѣнно и производилась, по крайней мѣрѣ, надъ нѣкоторыми лицами,—и о мѣстѣ погребенія казненныхъ. Но въ другомъ источникѣ находимъ свѣдѣнія о существованіи подобнаго преданія. Преосвященный Филаретъ въ своемъ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи сообщаетъ „по мѣстнымъ свѣдѣніямъ“, что дѣйствительно въ Лебединѣ существуетъ особая могила гетманцевъ; она, по его словамъ, находится въ саду одного изъ прихожанъ Вознесенской церкви въ 300 саженьяхъ отъ бывшаго городскаго вала; возвышенная насыпь простирается болѣе, чѣмъ на 10 сажень въ длину и ширину; мѣстами на этой насыпи оказываются провалы и по временамъ, во время построекъ, выкапывались человѣческія кости. Общимъ кладбищемъ эта могила не могла быть потому, что она по прежнему стоитъ вдали отъ храма. А какъ извѣстно, въ прежнее время умершихъ естественною смертію хоронили въ церковныхъ оградахъ. Отдѣль-

ное-же кладбище въ Лебединѣ заведено лишь съ 1771 года (Отдѣл. III, стр. 463).

Зная, что преосвященный Филаретъ при составленіи своего замѣчательнаго труда пользовался главнымъ образомъ свѣдѣніями, добытыми на мѣстѣ, т. е. доставленными мѣстнымъ духовенствомъ, нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности сообщаемого имъ. Да мы и сами слышали здѣсь, въ Харьковѣ, о существованіи упомянутой могилы. Теперешніе мѣстные жители передаютъ, что въ указанной могилѣ погребены люди, казненные за поддѣлку фальшивой монеты. Для того, кто знаетъ, какъ народъ забываетъ прошлое своего края, нисколько не удивительна замѣна гетманцевъ, память о которыхъ вообще ступевалась въ здѣшнемъ населеніи, фальшивыми монетчиками.

Итакъ, надобно полагать, что исторія Руссовъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ передаваемому событію, не въ той мѣрѣ невѣрна, въ какой предполагаетъ Н. И. Костомаровъ.

П. Ефименко.

ДВА СООБЩЕНІЯ ПО ЧАСТИ НАРОДНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ.

1) *Криница*—богиня плодородія у сѣверянъ.

Слово *криница*, или по подольскому говору „кирныця“, означающее обыкновенно обрамленный источникъ ключевой воды, не глубокой колодезь, въ вѣрованіяхъ малорусскаго племени, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, имѣетъ особое значеніе—божества, или особаго рода духовъ, сходныхъ съ русалками, но и отличающихся отъ нихъ.

Авторъ „Исторіи Сѣверской Земли до половины XIV вѣка“, въ главѣ III „Внутренній бытъ Сѣверской Земли“ (стр. 89—90), въ подтвержденіе вѣрованія Сѣверянъ въ подземную жизнь умершихъ, приводитъ повѣрье, сохранившееся въ черниговской губерніи—центрѣ Сѣверянской области, о „существованіи *Криницъ*“. „Въ Новгородъ-Сѣверскѣ, говоритъ онъ, и теперь еще есть *родникъ* ¹⁾, носящій названіе *Заручайской криницы*, на срубѣ

¹⁾ Слово *родникъ* тождественно съ употребляющимися и доселѣ въ Черниговщинѣ словами: *рудникъ*, *руда*, *рудка*, означающими вообще потокъ, почему

котораго по народному повѣрью сидятъ *криницы*, прекрасныя дѣвы съ русыми волосами“... и т. д.

Въ виду недостаточныхъ свѣдѣній объ этнографическомъ распространеніи *вьрваній* и легендъ, немудрено смѣшать *русалокъ* съ *криницами*. Но достаточно знать главнѣйшіе признаки этихъ двухъ родовъ *духовъ*, чтобы съумѣть отличить *русалку* отъ *криницы*. О *русалкахъ* мы имѣемъ болѣе свѣдѣній и прямо имѣемъ возможность причислить ихъ къ разряду *нимфъ*, какъ нѣмецкія *Ундины*. Волоса они имѣютъ *зеленоватыя*, живутъ въ *водѣ*—рѣкѣ, прудѣ, даже болотѣ, однимъ словомъ вездѣ, откуда возможно проникнуть въ подземное царство, гдѣ онѣ имѣютъ великолѣпныя чертоги и куда заманиваютъ людей. Для соблазна этихъ послѣднихъ онѣ выходятъ, въ извѣстные дни года, въ лѣсъ и прячутся между вѣтвями на деревьяхъ. Происхожденіе ихъ едва-ли не исключительно изъ *утопленницъ*.

Совсѣмъ иное мы должны видѣть въ *криницахъ*: жилища ихъ исключительно только въ самыхъ водяныхъ *ключахъ*, будь они въ колодцахъ или въ рѣкѣ. Гдѣ нѣтъ ключей, тамъ нѣтъ и *криницъ*, хотя могутъ быть *русалки*. Происхожденіе криницъ мнѣ не случилось до сихъ поръ узнать, хотя я слыхала одну легенду, объ одной криницѣ, но врядъ-ли ее можно приспособить къ криницамъ вообще. Вотъ эта легенда: „Гуляли дѣвчата по берегу болота и подъ берегомъ увидѣли блестящей бѣлизны цвѣтокъ¹⁾, которымъ залюбовались. Одна изъ нихъ залюбовавшись сорвала цвѣтокъ и въ тотъ-же мигъ обратилась въ *криницу* и потекла *рудюю* (потокомъ). Съ той поры ежегодно въ тотъ-же день и часъ въ той криницѣ разцвѣтаетъ тотъ-же бѣлоснѣжный цвѣтокъ и рѣдко кто его видитъ, потому что онъ цвѣтетъ одно мгновеніе и сорвать не дается. А если-бы кто тотъ цвѣтокъ сорвалъ, то и криница-ключъ закрылась-бы въ тотъ мигъ“.

небольшія рѣчки и до сихъ поръ носятъ безымянное названіе *рудъ* и *рудокъ*. Г. Багалъй, описывая лѣтописный *Носовъ на Рудѣ* (Истор. Сѣв. Земли, стр. 150), не хочетъ признать его въ *Носовкѣ* нѣжинскаго уѣзда, потому что рѣчка при ней называется Носовкой, а ищетъ такого мѣста гдѣ-нибудь на Рудѣ или Руднѣ, но нигдѣ другого *Носова* не находитъ. Другая *Носовка* возлѣ *Рудни* на старинныхъ картахъ показана близъ р. Сновки, городнянскаго уѣзда, невдалекѣ отъ Бѣлоуса и др. мѣстъ, упоминавшихся въ лѣтописяхъ сраженій.

1) Кринь сельный.

Назначеніе *криницы* совсѣмъ иное, чѣмъ назначеніе русалокъ. *Криница*—это славянская, *сѣверянская* богиня плодородія, обилія. Криничная вода считается благотворной во всевозможныхъ критическихъ случаяхъ. Слѣдующій *наговоръ* даетъ понятіе о той роли, какую играетъ *Криница* въ числѣ *сѣверянскихъ божествъ*.

„Добрывечоръ *Кринице*,

Красная дѣвице!

Вода—дочко Ульяно,

Земле—мати Тетяно,

Камне—брате Петро ¹⁾,

Поздоровляю васъ изъ понедилкомъ

Пріймайте хлѣбъ-силь,

Давайте намъ водици на добро,

Давайте (скотины, птицы и т. п.) плидъ, спиртъ“.

Въ этомъ *наговорѣ* криница олицетворяется въ образѣ *красной дѣвицы*, дочь ея—вода, мать—земля, братъ—камень.

Я не берусь дѣлать изъ этого *наговора* какіе либо выводы; укажу только, въ какихъ случаяхъ прибѣгаютъ въ народѣ къ *криницѣ*, какъ *богинѣ плодородія*. Если желаютъ, чтобы корова давала больше молока (спиртъ), то хозяйка, отрѣзавъ кусокъ хлѣба, несетъ его *вечерней зарей* къ криницѣ, чтобы никто не видѣлъ, кланяется *криницѣ* и опустивъ въ ея ключъ „краецъ“, произноситъ вышенаписанный *наговоръ*, и оставивъ хлѣбъ на ночь въ водѣ, возвращается домой. На утро на зарѣ хозяйка снова идетъ къ *криницѣ*, стараясь, чтобы никто ее не увидалъ, кланяется ей, повторяетъ свой *наговоръ*, вынимаетъ опущенный съ вечера въ воду хлѣбъ и вмѣстѣ съ зачерпнутою *криничною водою* несетъ домой. На порогѣ хаты кладетъ вверхъ дномъ ведро, на ведро вѣко (крышку) изъ хлѣбной дѣжи, а на вѣко хлѣбъ бывшій въ *криницѣ* и выпускаетъ скотину съѣсть его, а затѣмъ выпить и воду, зачерпнутую хозяйкою изъ криницы. Народъ вѣритъ, что послѣ этого скотина получить приплодъ и будетъ давать больше молока. Здѣсь прямо указывается на зависимость плодородія, обилія отъ *криницы*, какъ божества.

Сообщ. П. Литвинова.

¹⁾ Ульяна съ греческаго значить волнистая, Тетяна—повелительница, а Петръ—камень.

2) *Поль неодушевленныхъ предметовъ.*

Кто-бы могъ подумать, что народная фантазія не только дѣлать неодушевленные предметы по родамъ или поламъ, но сообразно ихъ полу усволяетъ имъ тѣ или иныя свойства? — Такое повѣрье случилось мнѣ встрѣтить въ той-же Черниговщинѣ, центрѣ Сѣверской области, въ примѣненіи къ деревянной посудѣ, употребляемой для заквашиванія тѣста, а также капусты, буряковъ и пр. Народъ здѣсь строго отличаетъ „дѣжку“ отъ „дѣжуна“ не только по грамматическому ихъ роду и устройству, но и по нѣкоторымъ особымъ ихъ свойствамъ. Бураки, капусты, огурцы требуютъ, чтобы ихъ заготавливали въ прокъ непременно въ „дѣжкѣ“; если-же положить ихъ въ дѣжунѣ“, то они этимъ оскорбляются и отъ того не удаются. Въ „дѣжкѣ“ и хлѣбъ удается хорошій, а въ „дѣжунѣ“ никогда. Рассказывала баба изъ с. Переходова (нѣжинскаго уѣзда): „поихавъ чоловікъ у ярмарокъ и купивъ дѣжку, я ѣ поклала въ ѣи капусты. Неудалась моя капуста! Я ѣ на другій годъ—поклала—неудалась! Роздивились, ажъ то „дѣжунѣ“.

Этотъ-же самый „дѣжунѣ“ былъ проданъ за такую „не хозяйливость“ въ руки одной барышни и сдѣлался „дѣжкой“ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ повѣрье, приписывающее особыя свойства „дѣжкѣ“ и „дѣжунѣ“, заставляетъ не только продавать „дѣжуна“, за меньшую конечно цѣну, но и передѣлывать его на „дѣжку“, вставляя или выбрасывая одну клепку.

„Дѣжка“ имѣетъ четное число клепокъ, „дѣжунѣ“ не четное. На этомъ основана народная примѣта и связанное съ нею повѣрье.

Доселѣ ни въ одномъ этнографическомъ сборникѣ мнѣ не случалось встрѣчать такого повѣрья. Любопытно знать, существуетъ-ли оно въ другихъ мѣстностяхъ.

Сообщ. М. Г—овъ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О КАРМЕЛЮКѢ.

Секретарь Кармелюка—поповичъ. Въ м. Деражнѣ жилъ старикъ—священникъ; одинъ изъ его сыновей учился въ духовной школѣ, въ м. Шаргородѣ; въ одни изъ каникулъ онъ увидѣлъ у отца старый шелковый платъ и забралъ съ собой въ Шаргородъ. Великовозрастный школяръ не могъ придумать лучшаго ему наз-

наченія, какъ спитъ жилетъ. Одинъ изъ учителей присмотрѣлся случайно къ оригинальному жилету и нашель, что онъ спитъ изъ стараго уніатскаго антими́нса. Школяра немедленно исключили съ надлежащей аттестаціей и отправили къ отцу. Такое несчастье глубоко поразило старика-отца и онъ выгналъ изъ дому постылаго сына. Дѣло было весной; школяръ шатался по окрестностямъ и только тайкомъ отъ отца кормила иногда заходившее злосчастное чадушко его мать-попадья. Пришла Пасха и не примирила отца съ сыномъ. Послѣдній брель однажды лѣсомъ, голодный и утомленный, и набрель на группу людей, спокойно подкрѣплявшихся „свяченымъ“. Послѣ обмѣна привѣтствій пригласили и его покушать. За нежданной трапезой школяръ на распросы незнакомецъ откровенно разсказалъ имъ свою исторію. „Знаешь что?“ предложилъ ему человекъ, съ которымъ почтительно обращались прочіе: „Оставайся при мнѣ, письменнаго человекъ мнѣ нужно. Ты уже, должно быть, слышалъ достаточно обо мнѣ: я Кармелюкъ!“ Безвыходное положеніе школяра, а можетъ быть и молва о странныхъ подвигахъ Кармелюка, палочно примирившаго богача съ бѣднымъ, расположили скитальца принять неожиданное предложеніе. Прошло довольно времени. Безпріютный школяръ освоился съ товариществомъ Кармелюка. И, когда однажды потребовалась Кармелюку бричка, чтобы вѣхать въ городъ (?) офицеромъ, для освобожденія товарищей, попавшихъ въ острогъ, новый секретарь посоветовалъ отправиться къ его отцу и взять бричку съ лошадьми. Явились ночью, разбудили хозяевъ и объяснили, что требуется. Заплакали отецъ и мать, увидѣвъ сына въ такой компаніи; компанія между тѣмъ распорядилась ужиномъ,—натаскала изъ коморы колбасъ, сала, огурцевъ и принялась улетать. День былъ постный. Набожный священникъ, увидѣвъ сына съ колбасой въ рукѣ, горько упрекнулъ его, напоминая ему о постѣ.—„То жъ нічого, батюшка, замѣтилъ Кармелюкъ: онъ закусываетъ колбасу огурцомъ!“ Поѣхалъ въ городъ переряженный Кармелюкъ, разставилъ переряженный караулъ на мѣсто споенныхъ инвалидовъ и освободилъ своихъ сподвижниковъ. Отцу секретаря тотчасъ же была возвращена бричка съ лошадьми.

Добродушная шутка. Въ каменецкомъ уѣздѣ въ селѣ Мукшѣ священствовалъ старикъ—іерей Стопнѣвичъ. Ъхалъ онъ съ мельницы. Въ лѣсу останавливаетъ его неизвѣстный человекъ.

— Что везешь, отче?—Муку.—Гм! муку. Славные у тебя конята. А знаешь, кто я?—смѣется незнакомецъ. Старикъ выражаетъ полнѣйшее изумленіе. — Я—Кармелюкъ. Безпомощный пастыръ затрясся и молить о пощадѣ;—заливается, хохочетъ Кармелюкъ. „Старъ ты, отче, да неразумень, на кой чортъ мнѣ твои клячи? На, да молись обо мнѣ грѣшномъ“, сказалъ Кармелюкъ, и далъ ему нѣсколько червонцевъ.

Самозащита. У Кармелюка гдѣ-то около села Бершади летишевскаго уѣзда была фаворитка. Тамъ Кармелюкъ любилъ отдыхать отъ своихъ странствованій. Разъ въ лѣтній жаркій день плотный Кармелюкъ, чтобы лучше всхрапнуть, раздѣлся до нага и забрался на сѣноваль. Одинъ изъ сосѣднихъ пановъ шляхтичей напалъ на его слѣдъ и отрядилъ эконома съ дворней схватить его. Не сумѣли подойти тихо, разбудили Кармелюка; во время спохватился онъ, мигомъ вырвалъ бревно изъ стѣнки сарая и, голый, металъ имъ направо и налево удары, пока назойливые гости не разбѣжались.

Въ бѣгахъ. Публиковали розыскъ Кармелюка, а онъ пустился бѣжать въ Бессарабію, хотя и не очень, видно, боялся поимки: не сбросилъ своего обычнаго синяго кафтана и синихъ широкихъ шароваръ. На самомъ рубежѣ Бессарабіи, въ какомъ-то тамъ селѣ, зашелъ онъ въ хату къ мужику воды напиться, а тамъ крестины: сидитъ батюшка, и кумовья, и много гостей. Ну, извѣстное дѣло: на крестинахъ, какъ и на свадьбѣ, всякому рады. Усадили Кармелюка, пошла вновь попойка и бесѣда, а притомъ распросы. Кармелюкъ назвался не то прикащикомъ, не то экономомъ какого-то богатаго пана, рѣшившимся оставить службу и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, для чего подыскиваетъ подходящій уголокъ. Судилъ онъ о хозяйственныхъ дѣлахъ съ видомъ рѣдкаго знатока и несомнѣнно умнаго и бывалаго человѣка, проговаривался какъ-бы невзначай, что располагаетъ завести пасѣку, виноградникъ, а если Богъ поможетъ, то и *шпанку*. Его смѣлыя, толковыя рѣчи о хозяйствѣ удивили простыхъ и забытыхъ селянъ. Особенно былъ удивленъ батюшка и пригласилъ къ себѣ Кармелюка. Ему хотѣлось заранѣе расположить къ себѣ будущаго своего прихожанина, а если возможно, то принять участіе въ его необычныхъ хозяйственно-промышленныхъ предпріятіяхъ. Кармелюкъ радъ былъ, что

нашелъ безопасный уголь и пріятнаго собесѣдника. Дѣло было осенью, дни свободные, толковали долго и рѣшили кое-что изъ хозяйства вести по-поламъ. Въ одно утро батюшка пошелъ въ приходъ; сотскій на улицѣ вручилъ ему бумагу—публикацію о Кармелюкѣ. Прочиталъ батюшка и идетъ домой отвѣтить: не слышали моль и не видали. Приходить, перечитываетъ примѣты и Кармелюкъ тутъ въ горениѣ; прочиталъ, подумалъ, да и ахнулъ. Ахнулъ и Кармелюкъ, передразнивая его: »Спасибо, батюшка, за хлѣбъ-за соль, за тихій отдыхъ; примите на память«, сказалъ онъ, подавая ему горсть червонцевъ.

Е. Маковскій.

ХУДОЖНИКЪ В. Л. БОРОВИКОВСКІЙ.

1758 (?)—1825 г.

О жизни Боровиковскаго въ печати можно найдти лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія. Правда, что книги по исторіи искусства въ Россіи можно сосчитать по пальцамъ. Но нѣкоторые художники прежняго времени удостоились монографій (Брюловъ, Ивановъ). О другихъ говоритъ литература мемуаровъ. Боровиковскому посвящены три замѣтки въ справочныхъ книгахъ и одна неоконченная статья¹⁾ Немудрено, что большая часть изъ тѣхъ, кто останавливается въ музеяхъ и церквяхъ передъ удивительными холстами Боровиковскаго, ничего не знаетъ о немъ самомъ.

Владиміръ Лукичъ Боровиковскій—самый крупный талантъ, какой дала Малороссія русской школѣ живописи. Явясь, подобно пѣвчему Лосенку, глуховскому уроженцу, на зарѣ развитія этой школы, онъ долженъ считаться однимъ изъ ея создателей. Работы его высоко цѣнятся и теперь. Но достойная слава ждетъ его въ будущемъ, когда, съ поднятіемъ гроссѣщенія и развитіемъ художественнаго вкуса, найдутъ справедливую оцѣнку таланты, работавшіе въ дальнюю пору. Тогда картины стараго украинскаго

¹⁾ »Каталогъ произведеній русской живописи« Сомова, »Живопись и живописцы«—Андреева, »Школа рисованія« 1861 г., № 4 и »Художественный Сборникъ, издаваемый московскимъ обществомъ любителей художествъ« подъ редакціей гр. Уварова. М. 1866. Выпускъ I. (Больше не выходило). Здѣсь неоконченная статья о Боровиковскомъ П. Н. Петрова.

мастера будутъ оспариваться музеями другъ у друга и цѣниться на вѣсь золота.

Небогатый дворянинъ¹⁾, прослуживъ въ войскѣ до чина поручика, онъ почувствовалъ утомленіе и поселился въ родномъ Миргородѣ. Онъ рисовалъ самоучкой и, какъ видно, пользовался уже нѣкоторой репутаціей, такъ какъ, во время столь извѣстнаго путешествія Екатерины II въ Тавриду (1787 года), кievскій губернский предводитель дворянства Капнистъ заказалъ ему написать нѣсколько картинъ для одного изъ домовъ, гдѣ должна была остановиться царица. Требовались аллегоріи во вкусѣ того времени, съ примѣсю лести. Заказъ былъ исполненъ и въ аллегоріяхъ оказалось достаточно еиміаму. Екатерина объясняла тутъ свой наказъ семи греческимъ мудрецамъ. Петръ I вспахивалъ землю, на которой Екатерина сѣяла сѣмена и всходы посѣвовъ виднѣлись ужъ вдали... Картины понравились и судьба художника была рѣшена. Онъ мѣняетъ скромный Миргородъ на сѣверную столицу, отправляясь учиться живописи на казенный счетъ. Кто былъ его первымъ учителемъ? По однимъ свѣдѣніямъ — „Лампій старшій“. Но г. Петровъ, въ своей замѣткѣ, не принимаетъ этого — прежде всего потому, что оба Лампи, отецъ и сынъ пріѣхали въ Петербургъ только въ 1791 г., а въ 1789 г. Лампи—отецъ только вызванъ былъ королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ изъ Вѣны въ Варшаву. Первымъ учителемъ Боровиковскаго Петровъ считаетъ поэту Левницкаго, написавшаго еще въ 1782 г. очаровательный портретъ государыни, послужившій поводомъ оды Державина „Видѣніе Мирзы“. Достоверно то, что даровитый лѣвша (Боровиковскій рисовалъ лѣвою рукою) учился у обоихъ художниковъ и усвоилъ себѣ вполнѣ техническую ловкость и утонченную изысканность своихъ учителей, этихъ истинныхъ дѣтей XVIII вѣка.

²⁾ По справкѣ въ генеалогіи дворянскихъ родовъ полтавской губерніи, хранящейся у полтавскаго предводителя дворянства, оказалось, что потомственное дворянство получено Боровиковскими только въ 1845 г. Ранѣе 1845 г. не записанъ ни одинъ Боровиковскій. Впрочемъ въ бумагахъ упоминается, что Левъ Ивановичъ (писатель) былъ уже ранѣе дворяниномъ, личнымъ, хорольскаго уѣзда. Владиміръ Лукачъ былъ братомъ отца писателя—Ивана Лувича. Онъ умеръ бездѣтнымъ.

Оставаясь оригинальнымъ, онъ взялъ у Левицкаго легкость и силу и строгость и обдуманность рисунка у Лампи.

Неподражаемый портретистъ онъ въ тоже время—вдохновенный религіозный живописецъ. Его картины на библейскіе сюжеты дышатъ глубокой и наивной вѣрой, переходящей, къ концу его жизни, въ мистическій восторгъ. Въ обоихъ родахъ, религіозномъ и портретномъ, благодаря замѣчательному трудолюбію, онъ произвелъ много. Небольшая часть его работъ сдѣлалась пока достояніемъ музеевъ. Остальное, напр. портреты, хранится въ частныхъ домахъ, какъ фамиліная драгоценность или украшаетъ стѣны храмовъ. Изъ религіозныхъ вещей картонъ „Богъ Саваоѳъ, созерцающій Списителя въ страдальческой его кончинѣ“, находится въ Румянцевскомъ музеѣ. Передъ Богомъ-отцомъ, на облакахъ, лежитъ безжизненное тѣло Христа, на которое онъ смотритъ съ глубокой скорбью. Въ заброшенномъ Густынскомъ монастырѣ мнѣ случилось видѣть, наивную по живописи, подобную же фреску въ куполѣ храма. Можетъ быть художникъ вспомнилъ что нибудь подобное, видѣнное на родинѣ? Изъ работъ, находящихся въ церквяхъ Петербурга, „Благовѣщеніе“—два медальона на царскихъ вратахъ Казанскаго собора—справедливо считается однимъ изъ лучшихъ вдохновеній миргородскаго мастера. Отличительныя черты этой композиціи—красота и грація. Послѣднее качество у русскихъ художниковъ особенно рѣдко.

Непорочная Дѣва, сложивъ руки на груди, склонилась надъ книгой, внимая словамъ небесной воли. Снѣжно-бѣлая ткань окутала ея плечи. Вѣнецъ изъ блѣдныхъ звѣздъ мерцаетъ надъ головой. Фигура Архангела—вся движеніе и свѣтъ. За плечомъ его дрожитъ крыло. Легкій, какъ видѣнье, предсталъ онъ предъ нею и, повѣдавъ благую вѣсть, утонетъ опять въ волнахъ свѣта. Все дышетъ здѣсь инымъ, чудеснымъ міромъ и о землѣ говоритъ только покрытый цвѣтами, гибкій стебель лиліи въ рукѣ Гавріила.

Горельефъ изъ литаго серебра, съ головками ангеловъ по сторонамъ, окаймляетъ эти дивную живопись. Когда царскіе врата открываются и восой лучъ свѣта падаетъ на ихъ колеблющіеся стѣнки, въ синеватой дымкѣ ладана, и Дѣва и Ангелъ кажутся по истинѣ небеснымъ видѣніемъ.

Въ петербургскомъ Эрмитажѣ выставленъ только одинъ холстъ Боровиковскаго, это—портретъ Мурзы-Кули-Хана, брата персидскаго шаха, прїѣзжавшаго посломъ ко двору Екатерины. Портретъ писанъ по заказу царицы. Онъ виситъ въ той залѣ, гдѣ скучныя полотна Угрюмова, противъ „Париса“ Кановы.

Принцъ писанъ во весь ростъ, въ высокой шапкѣ, обвитой пестрою шалью, въ темнозеленомъ халатѣ и парчевой шубѣ на собольемъ мѣху. Матово-блѣдное лицо красиваго типа носить характеръ восточной нѣги. Узкая, черная, холенная борода спускается до пояса. Правая рука лежитъ на кушакѣ, а лѣвая на рукояткѣ сабли. Это восточный властитель и воинъ.

Въ золотисто-голубоватой дымѣ задняго плана художникъ, помѣстивъ куны кустовъ, палатки военнаго лагеря и дальше, совсѣмъ вдали, дворецъ у подножія горъ. Желанье-ли принца или капризъ художника,—эта обворожительная ложь вскрываетъ предъ нами тайникъ изящнаго воображенія артиста и своими едва уловимыми контурами дорисовываетъ характерный обликъ изображеннаго лица, гдѣ въ гармоническомъ сочетаніи слились двѣ коренныя черты: мужество и изнѣженность.

Нѣжная плотность шелка, мягкіе отливы бархата, игра и блескъ самоцвѣтныхъ камней, иглистый пухъ соболя—все это покорно висти мастера и является какъ бы естественнымъ дополненіемъ у того, кто съ такимъ высокимъ искусствомъ умѣетъ изображать *человѣка*. А великихъ портретистовъ и характеризуетъ именно *это* умѣнье. Такіе портреты, какъ портретъ Екатерины II въ царско-сельскомъ паркѣ, въ пожиломъ возрастѣ и съ собачкой на рукахъ, или Павла I, во весь ростъ, въ далматикѣ и коронѣ, болѣе чѣмъ хорошая живопись. Это запечатлѣнный художникомъ живой образъ, который говоритъ больше, чѣмъ иной кропотливый историческій трудъ.

Счастливыя случаи соединили однажды значительное число портретныхъ работъ Боровиковскаго: болѣе двадцати. Это было на исторической выставѣ портретовъ лицъ XVI—XVII вѣковъ, въ Петербургѣ. Опѣнить его, какъ портретиста, можно было только тамъ, предъ этой галлереей типовъ минувшаго, гдѣ каждое лицо выходило вновь изъ прошлаго мрака, во всей своей индивидуальности, схваченной художникомъ.

Эти сановники былыхъ временъ, красавицы, блиставшія нѣкогда, чопорные аристократы и церковные іерархи, проходили вереницей передъ воображеніемъ, оживая вновь подъ кистью несравненнаго мастера. Уста, шептавшія слова любви и уста, произносившія проклятія крѣпостнаго вѣка, очи, за которыя жертвовали жизнью, и грозныя очи, предъ которыми трепетали подвластные люди,—все было здѣсь живое. Какъ портретистъ, Боровиковскій имѣетъ немного равныхъ. Рисуетъ-ли онъ задумчиваго старца („Зима“ въ Румянцевскомъ музеѣ) или пышнаго „Экзарха Грузіи“ (въ собраніи Третьякова), молодую красавицу или умудреннаго опытомъ мужа,—вездѣ, подъ вѣшнимъ обликомъ, силою таланта, раскрываетъ онъ обликъ нравственный, духовный, внутреннюю жизнь человѣка и даетъ не только вѣшне-схожій портретъ, но художественно-постигнутый, глубокой образъ.

О петербургской жизни Боровиковскаго извѣстно не много. Старый Лампи, умирая, оставилъ ему свою мастерскую, на Мильонной улицѣ, гдѣ художникъ и работалъ впоследствии. Оставлялъ ему свою „практику“ Лампи не было надобности, такъ какъ въ то время Боровиковскій и безъ того имѣлъ массу заказовъ. Повидимому однако онъ не былъ богатъ. Неискательный, преданный одному своему искусству, заключившись въ стѣнахъ мастерской, онъ ничего не просилъ у своихъ современниковъ и рѣдко показывался даже въ публику.

Мистическое увлеченіе, охватившее общество во вторую половину царствованія Александра I, нашло въ настроеніи Боровиковскаго вполне подготовленную почву. Съ мечтательной натурой, съ умомъ старавшимся проникнуть въ таинственныя области неизвѣстнаго, онъ примкнулъ къ духовному союзу Татариновой и сталъ однимъ изъ ревностныхъ его членовъ. Сохранились листки изъ его записной книжки, относящейся къ этому времени¹⁾. Въ нихъ, на ряду съ отъликами страстныхъ религіозныхъ порывовъ, проглядываетъ и тяжелое и скорбное чувство неудовлетворенности. Этотъ „союзъ“, состоявшій изъ людей родовитыхъ, повидимому смотрѣлъ свысока на скромнаго и искренняго художника, хотя и эксплуатировалъ его талантъ для своихъ цѣлей. Общество Татариновой существо-

¹⁾ Напечатаны въ изданіи Бартевева >Деятнадцатый вѣкъ<. М. 1871 г.

вало до 1837 г. Боровиковскій умеръ въ апрѣлѣ 1825 г. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ аллегорій („Зима“ въ румянцевскомъ музее) онъ, кажется, изобразилъ самого себя. Среди безжизненнаго пейзажа старшій крестьянинъ въ зипунѣ грѣеть руки надъ горящими угольями. Взглядъ этого одинокаго, стараго человѣка полонъ глубокой тоски.

Чрезвычайно желательно было-бы опубликованіе біографическаго матеріала, касающагося славнаго миргородскаго уроженца. Мы слышали, что собираніемъ такого матеріала занятъ одинъ изъ потомковъ художника по линіи его брата. Интересно было-бы видѣть добытые имъ данныя въ печати; что касается списка произведеній Боровиковскаго, то быть можетъ онъ не будетъ лишнимъ для поклонниковъ художника, такъ какъ произведенія эти разбросаны по разнымъ мѣстамъ и свѣдѣнія о нихъ не всѣмъ доступны. Отъ тѣхъ-же цѣнителей зависитъ сдѣлать прилагаемый ниже списокъ обстоятельнѣе и полнѣе.

В. Горленко.

Списокъ извѣстныхъ работъ Боровиковскаго.

Въ Эрмитажѣ.

Портретъ персидскаго принца Мурзы-Кули-Хана.

Въ Академіи Художествъ.

1. Портретъ Торсуковой (ноасной).
2. Повтореніе портрета персидскаго принца, въ маленькомъ видѣ.

Въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

1. Портретъ президента академіи художествъ А. Ѳ. Лабзина (маленькаго размѣра).
2. Святое Семейство (копія съ эрмитажной картины Корреджіо).
3. Зима (аллегорія).
4. Портретъ Амвросія, митрополита новгородскаго и петербургскаго. Въ митрѣ, епископскомъ облаченіи и съ посохомъ (Даръ Третьякова).
5. Богъ Саваоѣ (маленькій картонъ).
6. Портретъ Михаила Десницкаго, внослѣдствіи митрополита петербургскаго, въ бытность его епископомъ старорусскимъ.

Въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

1. Благовѣщеніе (два медальона на Царскихъ вратахъ).
2. Евангелисты (id).
3. Образъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія печерскихъ, въ иконостасѣ лѣваго придѣла (вышина 2½ аршина, ширина 1 арш. 5¼ вершка. Цокеръ серебряной ризой, видны одни лица).
- 4 и 5. Тамъ-же: два образа равноапостольныхъ Константина и Елены (изображены въ далматикахъ, въ ростъ. Св. Константинъ держитъ осьмимѣсечный

крестъ. Надъ нимъ, на небѣ, знаменіе креста, слившееся изъ звѣздъ. Съ Елены съ обрѣтеннымъ на Голгофѣ крестомъ. Вышина 2¹/₂ арш., ширина 1 арш. 3 вершка).

Въ церкви Троицы, на смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, идѣ портретъ Боровиковскій.

Иконостасъ верхней церкви.

Въ церкви села Романовки, мѣлисскаго уѣзда, черниговской губерніи.

Иконостасъ (свѣдѣніе о немъ въ письмѣ Чижова къ Максимовичу, «Кіевская Старица, 1883 г., стр. 851).

Въ галлерей Третьякова (Москва, Замоскворѣчье, Большая Ордынка, Лаврушинскій переулокъ).

1. Портретъ эзарха Грузіи (изъ петербургскаго собранія Н. Д. Вькова). Въ полномъ облаченіи, съ посохомъ и регаліями, въ клобуцѣ. На клобуцѣ алмазный крестъ жемчужные ангелы на оллечіяхъ. Подписано: писалъ В. Боровиковскій, 1811 г.
2. Портретъ стараго сановника, въ лиловомъ бархатномъ кафтанѣ, красной лентѣ и звѣздѣ.
3. Поясной портретъ молодой дѣвушки, въ кисейномъ бѣломъ платьи, съ пейзажемъ сада позади.
4. Портретъ пожилаго человѣка въ военномъ сюртуцѣ.
5. Повтореніе маленькаго портрета персидскаго принца безъ пейзажа.
6. Портретъ дамы среднихъ лѣтъ, восточнаго типа, въ желтой шали (Каталога третьяковской галлерей не существуетъ, а потому имена оригиналовъ неизвѣстны).

Портреты, бывшіе на » Исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ « въ Петербургѣ въ 1870 году (Номера означены по каталогу выставки, изд. подѣ редакціей П. Н. Петрова).

1. Екатерина II въ царскосельскомъ саду, № 351 (принадлежитъ П. И. Кузнецову).
2. Графъ Самойловъ (съ оригинала Лампи, приписывается Боровиковскому) № 454 (прип. А. Яблочкину).
3. Лачинова (овальный, маленькаго размѣра) № 606 (Охочинскаго).
4. Великая княгиня Анна Федоровна, № 623 (музея Эрмитажа, № 1280. Взять изъ Гатчинскаго дворца).
5. Вели. кн. Екатерина Павловна, № 637 (П. Л. Кузьмина).
6. Вели. кн. Елена Павловна (поясной портретъ 1796 г. Музея Эрмитажа № 1272. Взять изъ Гатчинскаго дворца).
7. Павелъ I въ натуральній ростъ, № 640 (Департамента удѣловъ).
8. Великій князь Александръ Павловичъ (ниже пояса. 1796 г. № 644. Муз. Эрмт. № 1273 изъ Гатчинскаго дворца).
9. Дежневъ, № 653.
10. Графъ Васильевъ, № 654.
11. Дмитр. Прокофъ Трещинскій, № 738 (Шлихтинга. Была копія подѣ № 678).
12. Графиня Мусина-Пушкина (маленьк. портр.) № 687 (князя А. И. Шаховскаго).
13. Графъ Андрей Ильичъ Белбородко, № 697 (граф. Е. Д. Куселевой).
14. Ардал. Алекс. Торсуковъ (Портр. по колыби) № 700 (кн. Волконскаго).
15. Граф. Анна Иван. Безбородко, № 720 (гр. Е. Д. Куселевой).

16. Дарья Алекс. Валужева, № 703 (графа П. А. Валужева).
17. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (поясной) № 723. С. А. Гедеонова).
18. Еватор. Алекс. Архарова (поясной портр. въ чепцѣ) № 750 (А. А. Васильчикова).
19. Ольга Кузм. Филиппова (поясное изображ. 1790 г.) № 759 (А. Н. Филиппова)
20. Павелъ Степ. Филипповъ (старшій архитекторъ при сооруженіи казанскаго собора. Поясной портр. 1790 г.) id.
21. Княжна Ал. Ник. Волконская (дочь фельдмаршала Репнина, держитъ медальонъ съ изображеніемъ своего отца) № 762.
22. Княгиня Наст. Ив. Куракина (поясной портр. 1790 г.) № 754 (вн. А. Б. Куракина).
23. Вѣра Ив. Арсеньева, № 763 (В. И. Ламанскаго).

Въ » Указатель собранія картинъ и рѣдкихъ художественныхъ произведеній, принадлежащихъ членамъ Императорскаго дома и частнымъ лицамъ въ Петербургѣ (Сиб. 1861 г.) указаны слѣдующія работы Боровиковскаго:

1. Портретъ митрополита Михаила. Принадлежитъ Прянишникову. Безъ сомнѣнія это портретъ Мих. Десницкаго, находящійся въ румянцевскомъ музеѣ. Большая часть галереи Прянишникова перешла туда.
2. Портретъ гр. Кутайсова (принадл. И. М. Смирнову).
- 3—5. Три семейныхъ портрета (принадлежать Ѳ. О. Львову); одинъ изъ нихъ (портретъ молодой, улыбающейся женщины, въ красномъ платьи) весной 1883 г. продавался въ Петербургѣ въ художественномъ магазинѣ Семенова (Гороховая д. 56).

Извѣстны еще у частныхъ лицъ.

1. Портретъ А. Лопухина (гдѣ-то на югѣ).
2. Портретъ Д. П. Трошинскаго, поясной « въ креслѣ, съ видомъ въ окно на с. Кагарлыкь кievской губерніи, купленъ былъ въ м. Кагарлыкѣ, на аукціонѣ, покойнымъ кievскимъ коллекционеромъ И. П. Нововымъ. Нынѣ находится въ Одессѣ у г. Далькевичъ.
3. Нерукотворенный образъ, писанный по заказу Трошинскаго въ 1823 г. Купленъ, при распродажѣ галереи послѣдняго, И. П. Нововымъ.
4. Святое Семейство. Картина эта найдена извѣстнымъ писателемъ Н. С. Лѣсковымъ въ Малороссіи, заброшенною въ какомъ-то помѣщицкомъ домѣ. О своей находкѣ г. Лѣсковъ тогда сообщалъ въ газетахъ.

Гравюры съ Боровиковскаго мнѣ извѣстны двѣ: » Екатерина II въ паркосельскомъ саду « Уткина и » Поясной портретъ Трошинскаго « работы Ухтомскаго.

Портретъ самого художника хранится въ Румянцевскомъ музеѣ, въ тагъ называемомъ Дашковскомъ собраніи.

ГРЕЧЕСКІЯ МУЗЫ ВЪ МАЛУРУССКОМЪ ИЗОВРАЖЕНІИ.

(Рисунокъ и объясненіе къ нему).

Въ богатомъ собраніи рѣдкихъ книгъ и рукописей Н. М. Бѣлозерскаго нашлась давно сообщенная намъ рукописная книга первой половины XVIII ст., изъ которой и заимствовано прилагаемое къ настоящей книжкѣ изображеніе девяти греческихъ музъ въ малорусскомъ такъ сказать перекладѣ.

Чтобы яснѣе представить всѣ особенности этого рисунка и его внутренній смыслъ, изложимъ прежде его историческое происхожденіе.

Въ 1700 г., въ Черниговѣ, архіепископомъ черниговскимъ Іоанномъ Максимовичемъ учреждено было училище подъ названіемъ „Коллегіумъ“, иначе „Олимпъ“, тоже, что впоследствии „Школа славянско-латинскаго языка“, а нынѣ черниговская духовная семинарія. Коллегіумъ устроенъ былъ по образцу кievской академіи, подобно ей открытъ былъ для лицъ всякаго званія, а содержался преимущественно на средства разныхъ ревнителѣй просвѣщенія. Въ числѣ ихъ былъ родственникъ основателя „Олимпа“, Тимофей Максимовичъ, съ 1727—1749 г. занимавшій почетный постъ архимандрита богатаго и древняго черниговскаго елецкаго монастыря¹⁾. До поступленія на это мѣсто, онъ три года пребывалъ на „Олимпѣ“, просвѣщая юношество реторикою, пѣтикою и прочими науками; но и перейдя съ Олимпа на „Болдины горы“, не оставлялъ помогать его питомцамъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ содержалъ на свой счетъ. Эти-то, по тогдашнему названію, кліенты его, а можетъ быть и прочіе питомцы „Олимпа“, движимые чувствами признательности къ своему патрону и меценату, 1730 г., въ день его именинъ вздумали поднести ему, по обычаю того времени, *панегрику*. Панегрикъ этотъ представляетъ собою рукописную книгу изъ 20-ти листовъ писчей бумаги, мелко исписанной отъ начала до конца похвальными рѣчами имениннику отъ преданныхъ ему „спудеевъ“. Всѣхъ рѣчей четыре: двѣ на латинскомъ языкѣ,—одна въ прозѣ, другая въ стихахъ, и двѣ на польскомъ, обѣ въ стихахъ. Каждая рѣчь имѣетъ

¹⁾ Историко-стат. Опис. черн. еп. архіеп. Филарета, т. III, стр. 24.

длинное, во всю страницу, вычурнаго письма и еще болѣе вычурнаго слога заглавіе или посвященіе. Сущность всѣхъ заглавій можетъ быть передана въ переводѣ слѣдующими главными словами перваго изъ нихъ: „сокровищница неисчислимыхъ добродѣтелей... архимандрита... Тимофея Максимовича... открытая предъ нимъ... инфимистомъ Андреемъ Максимовичемъ“.

Авторы другихъ рѣчей своихъ фамилій не выставили. Годъ поднесенія панегирика обозначенъ съ свойственною старинѣ замысловатостію: въ двухъ латинскихъ стихахъ, заканчивающихъ первое посвященіе, тѣ буквы, которыми можно обозначить число 1730, поставлены въ видѣ заглавныхъ и притомъ курсивомъ; только съ приведеніемъ ихъ въ порядокъ по величинѣ означаемыхъ ими чиселъ и сложеніемъ сихъ послѣднихъ получился годъ посвященія. Рисунокъ, въ которомъ составители панегирика полагали, конечно, все достоинство именинаго подарка, помѣщенъ между рѣчами польскими и снабженъ особыми польскими-же стихами въ полторы страницы, смутно поясняющими искусственную композицію рисунка. Самый рисунокъ занимаетъ полъстраницы; онъ начерченъ съ помощью пера—чернилами и тушью и представляетъ собою Олимпъ съ его божествами, далеко не въ полномъ сборѣ, а только тѣми, которыя имѣли отношеніе къ наукамъ и искусствамъ. У подошвы горы расположены музы—всѣ девять. Одна изъ нихъ, занимающая середину, играетъ на *цымбалахъ* и по роду инструмента находится въ положеніи сидячемъ; стояція справа двѣ держатъ въ рукахъ военныя казачія трубы и какъ-бы оспариваютъ что-то другъ у друга; стояція съ лѣвой стороны играютъ—первая на сопилкѣ, замѣняющей флейту, вторая на скрипкѣ, третья на кобзѣ, четвертая на басѣ и только двѣ при двухъ послѣднихъ, вѣроятно предназначенныя восхвалять одну и ту-же добродѣтель мецената, не имѣютъ особыхъ инструментовъ. По приводимому здѣсь въ подстрочномъ примѣчаніи переводу сопровождающихъ рисунокъ польскихъ стиховъ¹⁾, досужій и любопытный читатель можетъ опредѣлить не только роли музъ съ ихъ названіями, но и мѣсто каждой, т. е. на какомъ инстру-

¹⁾ > Кого такъ славно воспѣваете, музы? Кому до самаго неба гремите: *святить*? Тому-ли, что въ блестящей коронѣ вѣнчаетъ главу свою кипарисомъ? Или тому, что на Парнассѣ, въ прекрасномъ Геликонѣ играетъ на цитрѣ? Тому-ли, который вѣкогда съ дочерью Орфея распивалъ кастальскіе ликеры? Знаю

ментѣ какая муза играетъ и какую добродѣтель патрона восхваляетъ. Кромѣ малорусскихъ инструментовъ, данныхъ въ руки греческимъ богинямъ, и одѣты онѣ несомнѣнно по малорусски, хотя по несовершенству рисунка и поблеклости чернилъ трудно съ точностію опредѣлить родъ и названія одежды, какая дана музамъ. Въ рисунокѣ допущены нѣкоторыя отступленія отъ національныхъ костюмовъ того времени, но нѣкоторымъ мелкимъ чертамъ фигуръ и едва примѣтнымъ тѣнямъ волосъ на головахъ нельзя не признать и фигуры и костюмы женскими: верхняя одежда—кунтуши, а широкія на нихъ полосы спереди означаютъ передники, какіе видимъ на рисункахъ женскихъ нарядовъ, приложенныхъ къ Лѣтописи Ригельмана. На двухъ классическихъ холмахъ Олимпа помѣщены два высія божества: справа, на Парнасѣ, Аѣина, богиня мудрости, слѣва на Геликопѣ Аполлонъ, покровитель просвѣщенія. Одѣяніе Аѣины фантастическое—сорочка, приподнятая выше колѣнъ, и какое-то покрывало, перекинутое черезъ плечи; богиня играетъ на лютнѣ или лирѣ. Аполлонъ представленъ просто хлопцемъ въ сорочкѣ, съ сильно подкатанными штанами и шапкой, какую видимъ на изображеніи козака на картѣ у Боцлана; играетъ онъ на бандурѣ, какъ прямо сказано въ текстѣ одной изъ приложенныхъ рѣчей. Надъ Олимпомъ въ облакахъ самъ Юпитеръ съ приподнятой лѣвой, опущенной правой рукой и распростертымъ свиткомъ отъ головы, а на свиткѣ обращенныя къ играющимъ слѣд. слова: *Ludite virtutem carae et pulchrae soboles*, т. е. восхваляйте добродѣтель (разумѣется Максимовича), дорогое и прекрасное товарищество. Надъ головами музъ справа надпись: *Ludimus mirando virtutem* (восхваляемъ въ изумленіи добродѣтель), а слѣва: *Hic probitatis honos* (здѣсь, т. е. въ славѣ, награда добродѣтели).

Такова композиція рисунка и составъ всего панегирика. Прибавимъ къ этому, что края листовъ украшены тщательно сдѣлан-

хорошо, что это тебѣ, честный аримандрить, приносятъ онѣ дань хвалы—прекрасно играя на лютнѣ Калліона, воспѣвая твою доброту Тельксіона, Клію между тѣмъ славу, — она давно научилась восхвалять истинно добродѣтельныхъ,—Эрато всегда и каждому охотно указываетъ истинную любовь къ ближнему, Мельпомена и Талія щедроты, Полигимнія съ Терпсихирою цноты (добродѣтели), а прекрасная Уранія, восхваляя тебя. произываетъ голосомъ своимъ самый Олимпъ с.

ными перомъ виньетками, а мѣста между рѣчей—цвѣтами; на обложкѣ книги изъ плотной (альбомной) бумаги краснаго цвѣта вытиснуты на лицевой сторонѣ священныя изображенія, въ числѣ 8-ми, а на задней какія-то аллегорическія картины въ числѣ 12-ти. Тѣ и другія очень тонкой работы; но, къ сожалѣнію, рельефъ обложки значительно сгладился отъ времени, а потому невозможно разгадать содержанія и значенія изображеній, кромѣ явственно видимой картины Благовѣщенія.

Панегирики, подобные настоящему, въ печатномъ видѣ встрѣчаются еще въ XVI ст.; ими въ особенности богатъ былъ вѣкъ XVII; въ XVIII вѣкѣ мода на нихъ постепенно исчезаетъ и они замѣняются отдѣльными одами и похвальными рѣчами, изустно произносимыми. Панегирики, посвящавшіеся знатнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе великимъ историческимъ дѣятелямъ, напр. Петру Могилю, на смерть Сагайдачнаго и пр., имѣютъ значеніе историческихъ памятниковъ: въ нихъ разбросаны біографическія, генеалогическія и вообще историческія свѣдѣнія, встрѣчаются гербы и другія изображенія, да и сами они служатъ отголоскомъ понятій, обычаевъ и вкуса даннаго времени. Но что, спросить читатель, можетъ представить и какое историческое значеніе имѣтъ панегирикъ лицу, ничѣмъ себя не заявившему въ исторіи, какъ въ настоящемъ случаѣ?—Въ сферѣ жизни прежней, какъ и современной, нѣтъ столь малаго лица и факта, которые не служили-бы изображеніемъ даннаго времени. Такъ и въ этомъ случаѣ. Любопытно это изображеніе Олимпа, съ его обитателями, на малорусскій ладъ, это низведеніе божествъ въ среду будничной жизни, въ которомъ черниговскіе спудеи опередили оригинальнаго перелицовщика Энеиды—Котляревскаго,—даже самая мысль ихъ поставить древнихъ боговъ въ положеніе служащихъ ихъ цѣли—прославленію своего патрона и мецената. А путь къ этой мысли для составителей панегирика былъ самый простой и естественный: ихъ коллегіумъ носилъ названіе Олимпа,—какъ представить этотъ Олимпъ, если не въ видѣ древняго? Но съ другой стороны какъ представить его мифическихъ обитателей, если не въ современныхъ близкихъ образахъ? И вотъ передъ нами богини въ сорочкахъ и жупанахъ „рѣжутъ“ на кобзахъ и цымбалахъ, трубятъ въ козачія трубы, и самъ

Аполлонъ, *закачавши холоми*, отдираетъ на бандурѣ. Музы и музыки—одно созвучіе давало поводъ къ такому сопоставленію и перелицовкѣ греческаго на свое родное. И это былъ единственный моментъ, когда составители панегирика сходили съ высоты одуряющей схоластики на свою родную почву, оживали и отдыхали на ней. Все остальное въ панегирикѣ,—длиннѣйшія рѣчи въ прозѣ и стихахъ, на латинскомъ и польскомъ языкахъ, не что иное, какъ непроходимая дебрь и невообразимая гиль, которыя показываютъ, какъ далеко отъ жизни стояло тогдашнее образованіе и какъ мало общаго имѣло оно съ нею. Пройдя лишь такъ сказать по верхамъ эти 20 листовъ убійственной латыни и польщизны, не вынесешь изъ нихъ ни одной живой мысли, никакого представленія о чествуемомъ лицѣ, его качествахъ и дѣлахъ, ни о самихъ панегиристахъ, ни о заведеніи, къ которому приурочено торжество и ни малѣйшаго указанія на тогдашнюю жизнь и ея обстановку. Рѣчи панегиристовъ держатся на отвлеченной мысли о добродѣтеляхъ и славѣ ихъ патрона, которымъ удивляются якобы всѣ боги, но каковы эти добродѣтели и въ чемъ они проявлялись, объ этомъ ни слова. Мысль и воображеніе поздравителей ни на минуту не выступаютъ изъ заколдованнаго классическаго міра, оттуда черпаютъ свои вдохновенія, самыя представленія, образы, сравненія, постоянно переходя отъ Юпитера къ Посидону, изъ Колхиды на Циприду, отъ Тезея и Менелая къ Ксерксу, Александру Македонскому и т. д. Для насъ—людей иного склада мысли не понятно даже, какъ люди, не потерявъ здраваго разсудка, могли отдаваться такой бесплодной и бездушной работѣ. И если нѣтъ въ ней ни одного родного, жизненнаго образа, то нѣтъ и ни одного родного слова или звука. Намъ не удивляетъ господство латыни на черниговскомъ „Олимпѣ“,—она царила тогда во всѣхъ школахъ Европы; но насъ поражаетъ господство здѣсь польской рѣчи. Малороссія, потоками крови смывшая слѣды польскаго панованья, находясь около ста лѣтъ подъ русскимъ владычествомъ, не могла сбросить съ себя ярма польской культуры. И это по ту сторону Днѣпра, въ центрѣ Сѣверской земли, въ стѣнахъ новооткрытаго вдали отъ Польши учебнаго заведенія! Шло третье, нарождалось четвертое поколѣніе, а духъ жизни удерживался прежній. Свидѣтелемъ живучести этого

духа тамъ, гдѣ, казалось, онъ давно долженъ былъ испариться, памятникомъ вообще нашего тогдашняго образованія, нашей замершей среди политическихъ невзгодъ жизни и служить очерченный нами панегирикъ съ его оригинальнымъ рисункомъ, приближающимъ паряція въ отдаленномъ полумракѣ существа и низводящимъ въ служебную роль то, что царило въ древнемъ классическомъ мірѣ.

Aut. J. F. Karpovsk. Litograf. Mos.

пуздерковая круглая, чтобъ такихъ еще три придѣлано. Послано колесо до пана Василя Борозни въ Куршановичи, при писмѣ чрезъ войта хороминского, которому и о оставленномъ копѣ приказъ отданъ. Врученъ листъ Марку для пересылки въ Глуховъ, до брата Андрея Хаценка⁶⁶⁾.

23. Дать молитвенникъ пану Мануилу Збневичу, дозорци ронскому. Розышлося копѣекъ 8. По обѣдѣ зъ Рощека вѣехали и едучи чрезъ Плавню, видѣли тамъ камень панъ оставленный. Почовали сами въ Курозновѣ, а возки въ Нижніомъ.

24. Прибылисмо рано въ Нижнее, гдѣ снѣдали; и писаны два листи, еденъ до атамана городского погарского о висилцѣ въ Стародубѣ Мойсея швеця зъ 10 белками или зъ двома черными козлами; другій до старосты перегонского о присилцѣ въ дворъ стародубовскій овса осмачокъ двохъ, чоботы сафьяновыя, которіе шилъ Мойсей швецъ, ювовую одну шкуру, которая женная, індиковъ 2 старихъ, гусей 2, курей 6, утокъ 4, кашуновъ тогорочныхъ 6, оцту, варива, которое висло, а именно сѣчепой капусты и бураковъ по дежцѣ.—Прибыль въ Стародубъ передъ вечеромъ.

25. Обѣдали у пана Андрея Миклашевского купно зъ калитаномъ Явовомъ Гавриловичемъ Лебедевымъ, зъ Глухова присланнымъ зъ грамотою милостивою о оставцѣ иѣкоторыхъ сборовъ.

26. Таяжъ грамота церемовіально опубликована и благодарственный былъ молебень съ пушечною стрелбою, а потомъ гуляли у папа наказного (полковника) до ночи. Сего жъ числа, въ время обѣда, подаць указъ отъ иесвѣтможного, чтобъ прислать старшину полковую и сотниковъ въ Глуховъ для вислушанія грамоты, присланной чрезъ новоопредѣленного въ стародубскій полкъ г. Александра Ивановича Дурова. Да сего жъ числа прибыла и панѣя Турковская зъ Мглина въ Стародубъ.

27. Обѣдали и гуляли весь день у пана Федора Ширая⁶⁷⁾ ради приезде панѣи Турковской⁶⁸⁾. Качановскому на чоботы дано 20 копѣекъ.

⁶⁶⁾ Андрей Федоровичъ Хаценко.

⁶⁷⁾ Федоръ Степановичъ Ширай, вдуць извѣстнаго войта стародубскаго Спиридова Ширая, основавшаго своєю пеньковою торговлею богатство Шираевъ.

⁶⁸⁾ Жена Михаила Турковского, впоследствии генеральнаго писаря.

28. Обѣдали и весь день гуляли у пана наказного.

29. Пошло на желѣзо 20 копѣекъ, ковало 15 копѣекъ. Приговала паню Турковскую съ прочими у себе пани Скорупина⁶⁹⁾.

30. Писанъ листъ въ инстанцію за парохіанами пиколскими о остроеніи имъ кавлицы, до отца писаря катедры черніговской. Публикованы указы о невзятаню впредь полушокъ и малыхъ копѣекъ съ 1728 году дѣланныхъ. Данъ 1 рубль полушками панее— 1 рубль полушками прощаль. Алексію на рукавици 15 коп.

31. Вручены 67 копѣекъ полушками Навлику для расхода. Выехали съ Стародуба къ Глухову и на дорогѣ встрѣтились съ паномъ Маркомъ Андріевичомъ Марковичомъ, подскарбія егеральтаго синомъ, который того дня выехали до Стародуба для отправленія веселья съ дочерью пани Березовской Марою. Мы прибыли на ночь до Кистра; тутъ за направу колеса ковалели даны 4 копѣйки и почовали у отца Кламентія Боярского, бывшего погарского протопона, священника свято-троицкого востерского.

Декабрь.

7. Въ Погарѣ Алексію данъ 1 рубль, да ему-жь на рукавици 15 коп. и за его-жь заплачено 20 коп.; за его-жь перецѣлся заплатилъ Осодору, Козми Іахимовича служъ, 5 рублей; и заплачено 1731 августа 4 дня. въ Глуховѣ, 6 рублей 35 коп. У Александра Левицкого 4 червоныи куфа горѣлки. На провозъ оной за подводу 3 рубля, на пошлину 1 рубль. Два червоныхъ на позолоту шаблѣ; на желѣзо 2 рубля. Миѣ опъ же для жены дѣлалъ шанку съ пудломъ.

— — — — —

Журналъ 1731 году.

Генварь.

1. Выехалъ рано съ Чергоноу, обѣдалъ въ Чаусахъ, почовалъ въ Мехедовцѣ; одесля въ вечеру писаны писма.... о посвѣцѣ тушъ свинихъ къ Николаю Навловичу и до Лисского о разныхъ господарскихъ дѣлахъ; розшилось 2 коп.

⁶⁹⁾ Жена стародубскаго полковаго писаря Григорія Скорупы—Настасья Степановна, рожденная Шрай.

2. Прибыль на обѣдъ въ Шатрицы; одтолѣ присхалъ позно въ Глуховъ и тутъ сталъ квартирою въ дворѣ его милости пана Андрія Миклашевскаго.

3. За сѣно 28 коп., за овесъ 16 коп., барабанщикамъ 10 коп. Ясневелможному впаляся зъ хлѣбомъ; по обѣдѣ былъ у доктора Боба и у Александра Левицкаго. Цилпурниковѣ 5 коп.

Май.

19. Подана суплика ясневелможному на пана Івана Гамалѣю, що въ Шѣскахъ, о 26 руб., да на Алексія Михайловича, пѣжинскаго полку, о 20-ти рубляхъ.

Іюнь.

18. Иванъ Коцстантинъ Романовскій, въ Яремниѣ мешкающій, обѣщаль пять осмачокъ жита стародубеской мѣры вывничти, и далъ.

23. Посланы 5 руб. денегъ Козмѣ Іахимовичу въ Глуховъ, чрезъ согника новгородскаго пана Христиневича.

Взяль коня бѣлаго, торгома, до пробы, въ 8 рублей, у войта новгородскаго Доморки.

25. Мойсею Шевцю, комиссару погарскому, данъ конь глѣдїи въ семи ковахъ.

28. Взяль у пана господара двору рейментарскаго присланиаго Денвса Морозенка пару кониковъ глѣденкихъ ad interim въ 14 руб. и о томъ до пана господара писалемъ. Алексію дапо 1 р., да за шапку его-жь дошлачено 15 коп. Цѣвнѣ.

Іюля.

9. Взято въ позыку жита 5 осмачокъ у урядниковъ майстратовихъ стародубскихъ и одослапо въ Черегопъ 4^{1/2} и въ Стародубѣ на росходъ змолото ^{1/2} осмачки.

15. Д. Pilatovich ⁷⁰⁾ promiscit брусомъ дубовыхъ 60.

23. За полотна 21 лопоть взятого будто—по 2 осмачки. Тарасу Довлѣтову, насичку жителя стародубскаго, дано ad interim 10 к.

⁷⁰⁾ Леонъ Пилатовичъ, выходець «възъ заграницы», женился на дочери Спиридона Ширая, получаль отъ Мазены въ 1708 г. универсалъ на увольненїе его «отъ войсковыхъ походовъ и всякихъ исполнителъ повинностей и подачекъ». Обзорїе Руянецкаго Описи, 518.

25. Подрядилъ маляра погарского Овикія змаліовать коляску для дитины, да въ большой избѣ подмаліовать подъ ишалерами, также коло окопъ и дверей и въ противной маліованой издѣцѣ попоправлять, где попортилось, и за тее все давать ему 1 рубль денегъ да четвертку жита.

27. Зоставленъ Стефану въ Перегонѣ 1 рубль, для расхода папек.

При письмѣ до сотника щентаковского послано 14 флянокъ и 5½ шрубки, да золотий грошей, чтобъ приправлено въ машевской гутѣ шрубки.

29. Прибыль въ Глуховъ и кланялся ясновельможному, где засталъ въ домѣ реймаптарскомъ чрезвычайного посланника, до солтана турецкого отправленного, князя Івана Андріевича Щербатова, мѣдистерскихъ дѣлъ канцелярїи правителя, полковника Романа Семеновича Тургенева.

30. Нополднм привезъ подъ карауломъ зъ Москви Василїя Танского, полковника переясловского, капитанъ лейбъ гвардіи преобразенского полку, Петръ Петровичъ Восейковъ, которому и слѣдовать о обидахъ полку переясловского, обще зъ господиномъ полковникомъ Тургеньевымъ, поручено и зъ секретаремъ сенатскимъ Иваномъ Ивановичемъ Топѣльскимъ⁷¹⁾.

31. Тотже капитанъ зъ полковникомъ господиномъ Тургеньевымъ былъ у ясновельможного и подалъ о Танскомъ грамоту.

Августа.

2. Одправленъ Качановскій въ домъ и чрезъ негожь послана стадвина и писма до домашнихъ писаны.

3. Одправлены писма въ Москву и наши челобитніе по почтѣ чрезъ козака глуховского Юценка.

Пану господару двору рейментарского заплачены 14 р. въ Глуховѣ за пару коней гиѣденкихъ.

4. Алексію даць рубль, Федору служѣ Козми Іакимовича за егожь Алексія заплатилъ пять рублей въ Глуховѣ.

⁷¹⁾ Василїй Михайловичъ Танскій, слѣдствие надъ которымъ кончалось тѣмъ, что въ 1735 г. оль былъ «наказанъ публично и сосланъ въ сибирскіе города». Въ 1742 г. Танскій былъ прощенъ и получилъ переяславское полковничество отъ Марк. I, 436 и II, 179 и 184.

7. Василю Вишняцкому старостѣ семіоновскому даны 2 руб.

8. Писалъ въ Москву къ Дмитрію Даниловичу Гурчину, обрѣтающемуся при домѣ ея высочества, государыни цесаревны и в. кн. Екатерины Іоанновны о тожъ съ комплементомъ, и до Петра Василіевича Курбатова въ дѣлѣ моемъ о Перегонѣ, а вручилъ оніе писма пану Петру Искрицкому.⁷²⁾

Віехалъ я зъ Глухова.

12. Прибылъ въ Луку.

13. Въ монастырь Мгарскій, въ которомъ confess. communicavi

14. Тутъ намістникъ отецъ Іоакимъ Литвишко пріймывалъ мене зъ економомъ. Datum est augeum meum in monasterio.

Того-жь 14 числа предъ вечеромъ прибылъ въ Лубнѣ, где послѣ прибылъ и его милость панъ полковникъ лубенскій⁷³⁾ и обослалъ мене на кварталѣ хлѣбомъ и проч.

15. Купалъ у наиа полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ, медомъ и бараномъ. Вечералъ у наиа Кулябки⁷⁴⁾.

16. Панъ Федоръ Василенко прислалъ коня сивого по давней своей обѣтницѣ.

17. Подано прошеніе пану полковнику лубенскому о млинѣ лучанскомъ и съ крѣпостей кошіи.

18. Одехалъ въ Сорочинцѣ.

20. Захоровалъ. Сотникъ Хорольскій Стефанъ Родзянка прислалъ корову съ телямъ.

22. Віехалъ одголь и прибылъ въ Миргородъ, где въ домѣ наиа Якова Николаевича Дуніна пролежалъ 23 и 24 число и заледво по поднѣ собрался ехать въ Лубнѣ, куда и прибылъ коло заходу слонца, боленъ.

25. Принималъ лекарство проносное.

26. Принималъ лекарство крѣпительное. Сего-жь числа вручилъ его милости пану Стефану Савіцкому, писарю полковому лубенскому, 24 р. денегъ для отсылки къ господину Славую Трѣбинскому, а 20 р. денегже тому-жь пану Савіцкому доправить на папу Івалу

⁷²⁾ Племянникъ гетманши Ульяны Апостоль и зять Григорія Демьяновича Скоруны.

⁷³⁾ Петръ Апостоль.

⁷⁴⁾ Зять гетмана Апостола, жепатый на его дочери Аниѣ.

Гамаліи, до котораго и листъ рейментарскій о томъ одослать, поручилемъ, а доправа тіе 26 руб., к томужь господину Славую одослать, жебы уплачены сполна 50 р. просилемъ, о чемъ подь симъ челомъ писмо зъ цедулою до нана Славую написано въ Лубнахъ и отдано для пересылки къ нему...

27. Его милость панъ полковникъ лубенскій прислать коня карого подарунку чрезъ своего конюшого, которому данъ 1 р. отузного, а мангалѣру золотій 1.

28. Віехалъ зъ Лубень.

29. Прибыль въ Луку.

31. Купилъ у нана Александра Саковича 4 коней гиѣдыхъ за 60 р. и далъ ему рублей 20, а рублей сорокъ надлежить одослати до ярмарку борзенского. Онъ же панъ Саковичъ прислать и гатзасъ алій.

Мѣсяць Септеврій.

1. Сторговаль футоръ на Артополотѣ у Івана, Ігната и Василя и Зѣнця Снодинейковъ козаковъ, жителей брисевскихъ, за 60 руб. и далъ онымъ задатку два червонныхъ золотныхъ, а былъ торгъ при Якову Манку, при дяку Данилу, при Александрѣ Крячковѣ внуку и при другихъ.

2. Прибыль въ Ромень и обѣдалъ у нана Марковичевой, а почоваль въ Смѣломъ.

3. На обѣдъ прибыль въ Семіоновку ⁷⁵⁾, где доставлены два коне, гиѣдній и воронній, да вручено писмо Роману Мостовенку, до сотника новомлинского писанное о облігѣ Алексія Михайловского на останніе 20 р. отъ него должпіе и оному Роману приказаль зъ тимъ писмомъ ехать въ Новыя Млины и требовать у сотника резолюціи.

4. Прибыль въ 2 часѣ по полуднѣ въ Мутинь, на почъ въ Крелевецъ.

5. Въ 12-мъ пополуденномъ часу превеликій въ Крелевцѣ учинился пожаръ, отъ котораго многіе дома въ мѣстѣ и по-за мѣстомъ, также товары купческіе, конѣ, возы и прочее, да и нѣсколко человекъ и одна жонка згорѣли. Почоваль у нана Стефана Бутовича.

⁷⁵⁾ С. конопотскаго уѣзда, принадлежавшее Гамалѣямъ.

6. Рано вѣхавши зъ Кролевца, прибыль въ Глуховъ въ 3-мъ часу пополудни.

8. Грамота прислана къ ясновѣстному о вступленіи въ походъ.

9. Iterum febricitabam. 10. Ideo pastus.

11. Рано передъ службами имѣль входъ свой церемоніальный его преосвященство, отецъ Рафаиль архіепископъ кіевскій въ Глуховъ. Сегожъ числа коло вечерень вѣхаль зъ Глухова.

12. Прибыль хорій въ Новгородокъ.

13. Въ Перегонъ ночью.

14. Получель леть одъ полковника зъ полѣццемъ команди полковой, на которой учинель отвѣтъ. Сего числа взати у Ноздри, шинкаря чаусовского, девять рублей.

15, 16, 17, 18 и 19 прожилъ въ Перегонѣ, да 19 одтолъ вѣхавши, прибыль на ночь въ Левенку.

20. По обѣдѣ зъ Левенки прибыль въ Стародубъ. Сегожъ числа на ночь перешель въ дворъ, купленный у Самусенна на черныговской улицѣ за 280 р.

21. За покупленную въ тотъ дворъ разную посуду дано 1 р.

22. Позвчена будва блажитная наду Григорію Скорумѣ, для отвезенія дѣтей его Івана и Павла за границу, къ Полцу, для наукъ⁷⁶⁾.

23. Отправлены въ Глуховъ три шемѣ, одно до пана Скоропадского, другое до пана подскарбія енер. Марковича, третье до Пантелимона Юркевича зъ посланою рубля для отдачи оногъ дѣгарю Вѣттиху, чрезъ воеводу Мих. Гришевича, жителя стародубского. Тогожъ числа посланы писма до его благородія, г. полковника стародубского, Александра Івановича Дурева въ походъ, въ разнихъ дѣлахъ, о чемъ въ канцеляріи полковой имѣются черныше ошуеки, чрезъ воеводу Александра Луцка, жителя лицницкого.

24. Оные шема отправлены къ полковнику. Сего числа едучимъ зъ двора паней тенди ночью былъ случай жестокой, что носили конѣ и на силу отъ бѣды чрезъ милосердіе Божіе спаслися.

25. За два возухи 2 р., за сафьятъ 1 р. 10 к., шевцю ad rationem 20 к.

⁷⁶⁾ См. вѣдѣн. 69.

26. Алексію за черевки 15 к. Дань Алексію кожухъ въ 1 р., за овчину емухъ 25, за рукавици 20, за 3 бруся, доски и проч. 54 к. далъ Янченкоу.

27. За семнадцать тертицъ 63 к., еще за нѣкоторую дворовую посуду 23 к.

30. Посланъ чайникъ мѣдный въ 5 фунтовъ, которій дѣланъ Карпомъ Котляромъ, въ Глуховъ до доктора Юка, чрезъ капрала Дмитрія Мивина, сына Чиркова, осмой роты капитана Неплюева полку гваріѣзонного глуховского. Сегожь числа прислано отъ городничего лицницкого Патермуфія стекло, шибы, глеки и проч. п двѣ гуски. Рапо посѣщаль мене графъ Гаврило Владиславичъ.⁷⁷⁾ За бочку соли Федору Янченку 3 р. 25 к., за шовкъ 10 к.

Октоврій.

1. Подрядили видрать драпѣ коуъ 50, коуу полторпой по гривнѣ, двосаженной по 15 к.; а подрядившихся челоуѣкъ зъ Лищичъ — одинъ Василь, прозиваемый Рошица, другій Федоръ Шведченкоу, котормъ дано житной муки полусмакъ, безмѣлъ сала, безмѣлъ соли, крупъ ячныхъ два безмѣна, риби вялой чотыри ляци, и что они видеруть, должны о томъ давать зпать, жебы тое списывать за погоды.

2. Пришло извѣстіе, что полковникъ имѣеть бытъ 5 числа сего октября въ Стародубъ.

3. Отець городничій лицницкій прислаль шибъ прозрачистыхъ шестдесятъ. Получено извѣстіе, что полковникъ зъ полкомъ почують коло Мишковки⁷⁸⁾.

4. Прибыль господиць полковникъ зъ полкомъ и зъ 4-мя сотнями въ Стародубъ зъ походу, въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, на которого пріездъ зъ 5-ти пушокъ и козаки тихъ сотень бѣглимъ огнемъ палили.

⁷⁷⁾ Рагузинскій — племянникъ извѣстнаго серба Саввы Владиславича Рагузинскаго, вызваннаго Петромъ В. въ 1703 г., какъ челоуѣка хорошо знакомаго съ торговлею, съ цѣлію воспользоваться его знаніями для развитія вяѣшней русской торговли. Савва Рагузинскій получилъ въ 1710 г., въ Малороссіи, богатая вяѣнія, котормя умарая оставилъ племяннику Гаврилу. Послѣдній былъ жепать въ дочери гепер. бунчучи. Пвана Борозды Аничъ, а умарая оставилъ 1066 крест. дворовъ.

⁷⁸⁾ Село стародубскаго уѣзда.

5. Ісакъ Пузирь оженился на Сависѣ, да у Тищепка на веселѣ, которій жепилъ сына на дочерѣ Соболевскаго, сотника погарскаго былисмо. За бервена до двора 36 к.

7. Прибыль панъ обозный въ Стародубъ. Сынъ пана Григорія Скоруни Петръ, лѣтъ 15 отъ роду, умеръ. Прибыли служители отъ пана Саковича за денгами. Господинъ полковникъ хлѣбомъ и солю обослать на новоселя.

8. За драшь, лотоки и проч. 50 коп.

9. Прислать миѣ господинъ полковникъ зъ коней злодѣйскихъ клячонну рижую и коніонка вороного. Сего числа взяти у Радіона Япченка 40 р. денегъ въ отдачу папу Саковичу за конѣ, которіе деньги, также дзгарокъ и атласъ, сегожь числа отиравлены чрезъ людей пана Саковича, парочно за тымъ присланныхъ.

10. Посланъ Іванъ Кошка въ Переговъ и чрезъ него посланы помянутіе конѣ.

11. Извѣстили подрядчики на драшь, что видрали 20 копъ, а 30 копъ еще имѣють драть, кошу по 15 к., которымъ дано въ задатокъ 1 р. 50 к. да хлѣба четверку, соли безмѣнъ, сала безмѣнъ, два безмѣна крупъ.

12. Присланы зъ Перегону 15 р., взятіе у Поздри, шишкаря чаусовскаго.

14. Расплатился за все̄ преждніе покумки зъ Федоромъ Явченкомъ, которому даны 5 р. 98 к. Маляру умовленному маліовать издебку зъ комнаткою, Сопронсику, перве дано 65 к., а сего числа 40 к., и того 1 р. 5 к., а еще ему доводится отъ издебки 1 р., вромѣ великой хати. На желѣзо и проч. 25 к. Зоставлены у Івана Кошки на расходъ дворовый 2 р.

15. Шельярамъ даны за роботу 8-ми оконъ золот. 4.

16. Степану Римару за роботу коло старой кулбаки, и до новой за послиска и что направоваль де що золот. 1, а шаговъ 5. Семену слюсару въ отработокъ напередъ дано золот. 1. Золотарю Антону Ирцевскому при расплатѣ за 12 гузіковъ сръбныхъ до дано решти золот. 1.

17. Теслямъ перегонскимъ, Палашу зъ товарищемъ, даны на дорогу 10 к. Сегожь числа віехалъ зъ Стародуба до Глухова и ночоваль въ Мишковцѣ, откуда послано писмо и яблоки чрезъ Косовича.

18. Обѣдалъ въ Бучкахъ ⁷⁹⁾, а на ночь прибылъ въ Новгородъ.

19. Обѣдалъ въ Новгородку; прибылъ на ночь въ Собичъ и почовалъ у Вѣлика; на перевозѣ даны 3 к.

20. Передъ обѣдомъ въ Глуховъ прибылъ, а обѣдалъ у ясновельможного. Челяди даны на харчъ 3 к.

21. За колпакъ спальный 55 к. Посланы письма чрезъ козака новгородского до полковника, до пана тестя, до жени и до Иванця и до хоружого Данченка. На харчъ людямъ 5 к.

22. За канцубъ 8 к., за две носкови 8 к., за возъ дровъ 7 к., за овесъ 10 к., на харчъ 6 к., Алексѣю на рукавицы 20 к., венграмъ 50 к. *Dix aegrotare caerit de noctu.*

23. На харчъ людямъ 4 к. Купали у пана обозного еперального ⁸⁰⁾, ради тезоименитства его. На свѣчки 1 к.

24. Одравлены письма вчера писанные до полковника, до пана тестя, до пана Стефана Миклашевского и до сотника новгородского зъ урядомъ, о козаку середнобудлянскомъ Федору Соколиву.

24. Посланы письма въ Москву *sub data 22 praesentis*, писанные до Петра Васілевича Курбатова, до Василія Маркелловича Леонтева, до Урила, до и. и. Холодовича и Данченка, такожъ до полковницы нашей стародубовской, на почтѣ чрезъ курьера отъ капитана преображенского полку Петра Петровича Восейкова одравленного. Сегожъ числа пришла вѣдомость въ Глуховъ о преставленіи государниці царевни Нараскеви Івановни, сего октоврія 9 дни. Розыплось на харчъ 20 к. Подъ сѣмъ числомъ писано письмо до полковника о той печальной вѣсти.

25. Подала панѣ Лозиковская ⁸¹⁾ челобитную на пана тестя въ судъ еперальный. На харчъ, дрова и овесъ пошло 24; за шкурку жовтую на митюкъ 30; за стощечомъ шесть локоть 22.

Маленная дочь Анастасія панѣ Скоропадской ⁸²⁾ умерла на оспу и похована въ церквѣ святого Николая.

⁷⁹⁾ Село новгородсьверского уѣзда.

⁸⁰⁾ Яковъ Ефимовичъ Лязгубъ, генер. бунчужный 1717—29, генер. обозный 1729.—49. Въ 1749 г. онъ умеръ въ Петербургѣ и похороненъ въ Невской Лаврѣ. Сл. о немъ Кіевск. Стар. 1882, I, 115—119.

⁸¹⁾ Должно быть дочь Мисестла Татьяна, бывшая замужемъ за старшимъ сыномъ генер. обозн. Лозиковскаго, Иваномъ.

⁸²⁾ Жены Мих. Вас. Скоропадскаго. Сл. архивн. 40.

26. За двѣ желѣзные жаровнѣ данъ 1 р. 10 к., на харчъ пошло и проч. 28 к.

27. Писаны письма въ Москву до госпожи Толстой ⁸³⁾, до пана Холодовича, до пана Борговского и до пана Данченка, чрезъ пана Андрея Горленка. Сегожъ числа подписана грамота въ коллегію іностранную, подъ датою нынешнего мѣсяца 29 числа, о удостоеніи, а удостоеніе вчера закрѣплено ⁸⁴⁾. Розшлося на розницу 18. Взяти у доктора лекарства для себе и для хлопца, а ему надобно будетъ зъ Стародуба прислать оробковъ ⁸⁵⁾.

28. Рано вѣхалъ зъ Глухова и прибылъ на обѣдъ въ Локотви, оттамъ писалъ до пана Юркевича и до пана Стефана Косача. На яло и на перевозъ дано 8 к. На ночь прибылъ въ Новгородокъ.

29. Въ Новгородку за 4 лица даны 30 к., на діоготь 5 к. Обѣдалъ въ Смячи у сотника шестаковского, прибылъ на ночь въ Андрійковичи ⁸⁶⁾.

30. Прибылъ въ Стародубъ о 12-й годичѣ полуденной.

31. Въ домѣ пана Андрея Миклашевского было веселя, од-
правованное дочерѣ его паннѣ Еленѣ, за полковниченка кіевского пана Михаила Танского выдавальной ⁸⁷⁾.

Ноеврій.

1. Тоежъ веселле продолжалося.

2. Гуляли вѣѣ на веселіи званіи переоны, зъ перевозомъ ходячи, и въ домѣ пана Миклашевского.

3. Розехались зъ веселя прѣжжіе гостѣ и молодіе до Козелца отехали. Сего числа бывшымъ на кварталѣ мосѣ музикамъ кіевскимъ даны 20 к., трубачамъ кіевскимъ же 40 к., капеллѣ пана Косака червоній золотій ⁸⁸⁾.

⁸³⁾ Ульяна Ивановна, дочь гетмана Скоропадскаго.

⁸⁴⁾ Разумѣется „удостоеніе“ маєвостями, селами Чубаровымъ и Куровымъ.

⁸⁵⁾ Ряблпковъ.

⁸⁶⁾ Село стародубскаго уѣзда.

⁸⁷⁾ Михаилъ Антоновичъ Танскій, послѣ смерти своего отца былъ, постав-
ленъ на его мѣсто—кіевскимъ полковникомъ.

⁸⁸⁾ Говорится о Максимѣ Михайловичѣ Косакѣ, одномъ изъ первыхъ старо-
дубеклѣхъ богатей. Отець его, смоленскій вліяхтичъ Михаилъ Богдановичъ Косакъ,
жепавшлсь на дочері гетманпца Семіова Самойловича, успѣлъ при Петрѣ В. полу-

4 и 5. Розышлося на розницу 40 к. Малярамъ ad interim 10 к.

6. За футерце ⁹⁹⁾ бѣлее дано 80 к., за кожухъ бѣлій для пемого 1 р., за мамсу Стефану 1 р. 10 к. Малярамъ за образъ 50 к. На розницу пошло 7 к.

7. Писаны письма: одно до сотника повгородского о присылцѣ пивачи Макрины, другое до Ивана Степанова, старости Серединой Буды ⁹⁰⁾, о покупке сто четвертей жита. Пивовару за зварене пива и за хмѣль дапы 30 к. На розницу розышлося 11 к. Боддару 9 к.

8. Получена вѣдомость въ Стародубѣ о преставленіи въ Глуховѣ, зъ 1-го противъ 2-го числа сего мѣсяца, ся м. папци Михайловой Скоропадской Параскевин Апостоловни гетмановны ⁹¹⁾. Заказано Могилевцю шевцю сдѣлать для панци туфлѣ и для Василя молодика чоботи нѣмецкіе, которому шевцю дано ad interim 40 к.

9. Господниъ полковникъ принималъ насъ полчанъ у себе кушанемъ за воспоминаніе рочинъ ⁹²⁾ сего полковничества. Панъ Искрицкій ⁹³⁾ прибылъ въ Стародубъ. Розышлося 4 к.

10. Заплачено Мочоповнѣ за давній долгъ 2 р. 85 к., а осталось еще на насъ 2 р. Дано за овчину для Василя 22 к. За поясъ члвѣ царскую грамоту на вѣв тествскія нѣвнія, въ ушербъ другому сонастѣднику Григорію Гамалѣю (см. Русск. Арх. 1875 г., 445). Нѣвнія Макс. Корсака перенія сначала къ двумъ его сыновьямъ Василю и Мизанлу, которые стали уже писаться Римскими-Корсаковыми, а по смерти ихъ за бездѣтствомъ, — къ ихъ сестрачъ Дарѣ и Евдокии, которые нѣвнія эти, какъ обремененныя долгами, продали въ 1793 г., родственнику своему генералу Ивану Нпк. Римскому-Корсакову, за 200,000 р. Затѣмъ корсаковскія нѣвнія перешли къ Ладомірскія.

⁹⁹⁾ Бѣличій жѣзъ.

⁹⁰⁾ Мѣст. новгородсѣверскаго уѣзда.

⁹¹⁾ Дочь гетмана Апостола, бывшая замужемъ первымъ бракомъ за Мпх. Вас. Дупинскимъ-Борковскимъ. Ея портретъ хранится у П. И. Скоропадскаго.

⁹²⁾ Годовщици. Полковникомъ былъ въ это время Александръ Ивановичъ Дуровъ. См. прилѣч. 25.

⁹³⁾ Петръ Григорьевичъ Искрицкій родной племянникъ гетманши Ульяны Васильевны Апостоль. Отецъ Петра Искрицкаго, будучи сотникомъ Сумскаго полка, убитъ въ походѣ противъ Булавина. По смерти отца, Петръ Искрицкій переѣхалъ къ теткѣ, которая въ 1731 г. женила его на дочери стародубскаго богача Григорія Скорупы — Еленѣ, а затѣмъ съ помощью мужа, надѣлила и нѣвнїями въ настоящемъ Суражскомъ уѣздѣ. Въ 1732 г. Апостоль отдалъ ему свои земли въ с. Дроковѣ (Ст.) и слободу Даласичи, около которыхъ самъ Искрицкій поселялъ нѣсколько новыхъ слободъ: Пив. Дроковъ, Сляще, Росль, Искрицу и друг. Умряя въ 1771 г., онъ оставилъ своимъ наследникамъ около 2,500 крест. об. поля.

Гвапу 60 к. Розышлося на розницю 9 к. Писано къ атаману новгородскому о присылцѣ Макривы и отсиацѣ листа до сотника ново-млинского пана Івана Шинкевича, до которого писалемъ о долгу на Михайловскомъ Алексію имѣючомся. Подъ симъ же числомъ писалъ до его м. пана Скоропадского consolaterias. До варистой печи желѣза 16 к.

11. Чиненъ порухунокъ зъ мѣщаниномъ старод. Шагою о заборѣ разныхъ у него крапныхъ вещей, за которіе довелось ему 3 р. 97 к. Запложено теды сего числа 1 р. 97 к., а остались виновати 2 р. За Савву Кожомяку перенялся заплатитъ рѣзникъ стародубовскій Михайло Федоровъ 3 р. 10 к., а братъ у него имѣемъ лосмъ и мясоъ отъ сего числа; бондару за набште кухни на медь 8 к. Розышлося на розницю 8 к. Послапы письма до пана Скоропадского и пана Юркевича зъ посилюю листа Лисаневтчового до сотника лохвидкого.

12. Еще дано въ заплату 1 р. тимъ лицидымъ людямъ, которіи драць драли, а доводится имъ рещти 2 р. Сиѣцару⁹¹⁾ за рямки 10 к., за зроблене свѣчь восковихъ 29-ти дано 12 к. За двѣ тертици 7 к. Розышлося на розницю 11 к. За свѣчу 7 к.

13. Дано кравцамъ 10 к. Господинъ полковникъ прислалъ два зайци своего полу, а панъ Іванъ Миклашевскій одного зайца жъ. Малаграмъ еще дано 50 к., на мясо 7 к., за замочокъ 4 к.

14. Шевцю, що вѣмецкіе чоботи пивъ и пошилъ Василю, дано еще 18 к., за мясо и проч. 9 к.

15. Томужъ шевцю дано 13 к., малагу 50 к.

16. Алексію кухару дано 20 к., сиѣцару за дви стойки 12 к. У Савки Кожомяки взята шкура яловичая въ 8-ми гривнахъ.

17. Взялъ чернецъ до направи стѣнный дзегарь⁹²⁾, которому даны денгами 50 к., въ задатокъ; емужъ знову на свѣчки 10 к.

18 На розницю розышлося 15 к.

19. Даны въ дѣло ножи и вѣделки Кліованого сину и опому на желѣзо дано 6 к., на уголье 3 к., на сталь 10 к., золотарю 4 к., за тертицѣ 20 к.

22. Алексію даны на заплату шевцю за чоботи 20 к. Кравцю,

⁹¹⁾ Столяръ.

⁹²⁾ Часы.

що ковдры ⁹⁶⁾ перешиваль, 12 к., на питки 4 к., за вибойку до ковдеръ 88 к., за крашенину до ковдеръ же 24 к. За перебите баволны ⁹⁷⁾ 3 к. Полковникъ позавчера обославъ рыбою.

23. Далъ Алексію 1 р. 50 к., а прежде забралъ оны же на слѣдующій службы его рокъ 50 к., и того стало 2 р. сполна, а рокъ начался отъ 8. Чубѣ даны 5 к. за чинбу лисиць. На молебствіе у Вознесенія 40 к., на молоко для дѣтей 3 к. Сего числа въ 3-мъ часу пополудни даровалъ миѣ Богъ сына, которому дано имя Петръ по числу сего мѣсяца 25-му. Священнику за молитву 30 к., паламару 3 к.

24. За зроблене пѣрниковъ ⁹⁸⁾ 90 к. Писаны пнема зъ посылкою родинного хлѣба ⁹⁹⁾.

25. Получилъ листъ отъ генерала де-Вейсбаха.

26. Васант.

27. За сѣвъ щукъ рыбы 55 к.

28. Одправлено прещеніе сину палему Петру, которому воспріемникомъ былъ господинъ полковникъ стародуб. Александръ Ивановичъ Дуровъ и ея м. пацѣя Андриева Миклашевская ¹⁰⁰⁾.

29. Трактованы были повчора гостѣ, для которыхъ вчора и сегодня пошло вина: у пана Івана Данченка взятого 11 гарцесъ за 6 р. 60 к.

30. Карцу кухару ¹⁰¹⁾ за трудъ его данъ сафянь.

Декаврій.

1. Писано писмо до его сіятелства, господина генерала кавалера, графа фонъ Вейсбаха о царуспой пробѣ.

2. Отправлено оное писмо въ Полтаву чрезъ козака сотиѣ полковой.

⁹⁶⁾ Одѣла.

⁹⁷⁾ Шерсть.

⁹⁸⁾ Одинъ изъ видовъ старинныхъ закусокъ.

⁹⁹⁾ При рожденіи ребенка въ семействѣ родители его, извѣщая объ этомъ своихъ близкихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ посылали и хлѣбъ, называвшійся «родиннымъ».

¹⁰⁰⁾ Андрей Миклашевскій, старшій сынъ стародубскаго полковника, первымъ бракомъ былъ женатъ на вѣнжигѣ Маринѣ Юрьевнѣ Четвертинской, а вторымъ — на вдовѣ Андрея Жураковскаго. Здѣсь говорится, кажется, о Четвертинской.

¹⁰¹⁾ Повару.

3. Сви́дзару дано задатку на шафу 20 к., чернецу переходному 20 к., на розницу пошло 8 к. Писано писмо до полковника чернѣговскаго за паномъ Булавкою; да писанъ же отвѣтъ до пана сотника варвинскаго стороны коней, къ нему послатись имѣючихъ.

4. Сего числа умовили мамку до Петруся на рокъ, а давать ей грошии пять кошъ, запаску штаметовую, три четвертки житной муки, а четвертка крутъ. Сего жъ числа приѣздили ко мнѣ въ домъ панъ Дублянскій ¹⁰²⁾ и Ромаповичъ, привезя вино свою въ томъ всемъ, чымъ мене поносили предлюдне.

5. Прииоль указъ отъ асневельможного о приготовленюся въ походъ. За инбиру фунтъ дано 12 к., на розницу розышлоеъ 8 к.

6. Розышлоеъ на розницу 16 к. Съ Стародуба віехали и почо- вать въ Борщевѣ.

7. Прибыль въ Погаръ и сталъ квартирою у Круковского.

8. На покунку кореній пошло 2 р. 27 к., за полотно 95 к., дѣвциъ 90 к., за стѣнжии два локтѣ зъ четверкою 1 р. 10 к., за сковороду и бублики 28 к. Взято у Пуховича въ Погарѣ 14 локоть гарифтури пенелястой, по 6-ти гривень 5 к. за локоть, и того чинить 9 р. 10 к. на долгъ, за фляну вина 50 к. Запаченъ сей долгъ и еще лишку всего 13 р., 1734 г. іюня 28.

9. Быль въ Перегонѣ у мене панъ тестъ и отехаль тогожъ дня ввечерѣ.

10. Дѣйоваль тамъ же въ Перегонѣ.

11. Прибыль въ Стародубъ.

12. Быль у мене въ домѣ па кушавю паяъ Леонтій Галецкій зъ женою. Сегожъ числа привезли въ Стародубъ славныхъ двоухъ разбойниковъ, родныхъ братовъ Гришу и Тимошку Соколовыхъ, пойманыхъ въ описной слободѣ Зибкой ¹⁰³⁾ 8 числа сего мѣсяца.

13. Отданъ камень хоружому пану Данченку млиновий.

14. По прибытіи въ Стародубъ по се число розышлоеъ на розницу 72 к. Взято сукна на колеску для Петруся 3¼ локти за 1 р. 17 к., крашеницы 3 аршины зъ четверто за 16 к.

¹⁰²⁾ Павелъ Дублянскій, сначала стародубскій полковой писарь, а потомъ съ 1714 г. сотникъ новозыбковскій.

¹⁰³⁾ Настоящій уѣздный г. Новозыбковъ. Слобода Зибкая, изъ которой воз- никъ теперешній Новозыбковъ, поселена въ 1701 г. по позволенію Мнѣславскаго, около с. Людкова, на земляхъ с. Тросгана.

15. Прислалъ мнѣ въ подарокъ меделянную суку молодую павъ Игнатъ Данченко, приведеную зъ Москвы. Помирилась наша панѣ matka и другіе прстенсори зъ п. п. Миклашевскими въ претенсіи о рубаповскомъ добрѣ¹⁰⁴⁾ и въ проч. Писалъ листъ до отца намѣстника Чолнсого въ отвѣтъ противъ сего письма, такожь до папа Леонтія Галецкого, что перенилъ ся я за него платитъ Дробязцѣ 17 осмачокъ жита старод. мѣри, да и до пана Кондзеровского¹⁰⁵⁾ писалемъ отвѣтъ, что денги ему должніе па Пузиру доправлены.

16. Взялъ у мене въ долгъ швецъ 50 к., а емужь даны за роботу 15 к., еще томужь швицю дано 5 к. въ долгъ.

17. Въ сей день тезоименитства ясновѣлможного правили за его здорове молебствіе. Розышлося на разную до двора покупку 40 к.

18. За сѣчку семи часы заллатилъ 21 к.

19. Взялъ у пана тестя 1 р. мелкими денгами.

20. Положилъ у Федора Яиченка 2 червонныхъ, а взялъ 4 р. дробною монетою. Куплено до двора то дерево, то другое де що, за 47 к. Заплатилъ останніе два рубли тымъ лиццкимъ мужикамъ, которіе подрядились драпъ выпускаи, а осталось на насъ чвертка хлѣба, а на нихъ коло десятка копъ драцѣ. Привезено зъ стеспу возовъ 14 сѣна. Гармашу даво 6 к. Взято у Пузиря 10 попопокъ, по золотому, да 40 фунтовъ желѣза, пара фунтовъ по 3 к.

21. Взялъ Яиченко 74^{1/2} фунта и полчвертки сахару канарского, фунтъ по золотому, до порахунку¹⁰⁶⁾.

22. За пошите рисіого куптуша Чубѣ 30 к., на нитки, крохмаль, гвоздя и проч. 9 к. За сито густее 26 к. Кравцямъ 18 к.

23. За вичинку медведи и пошите медвежого одѣяла 21 к. За кецу для Васенка 30 к. За напругу чугунного казана 30 к.; на розницю въ расходъ дворовій 12 к. Сего числа получилъ письма зъ Кіева отъ Козмы Іахимовича, отъ Рогоуцкого зъ солянками, зъ Козелца

¹⁰⁴⁾ Рѣчь идетъ о глуховскыхъ иябнѣяхъ, оставшихся послѣ глух. сотника Данила Рубана, на дочери котораго отецъ Настаси Коренной женатъ былъ первымъ бракомъ.

¹⁰⁵⁾ Андрей Кондзеровскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ его «господаремъ», т. е. домоправителемъ. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ гетманши Скоропадской.

¹⁰⁶⁾ Разсчитать.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VII томѣ «Кіевской Старины»¹⁾.

А.

- Ааронъ, господарь Молдавскій конца XVI в., 530—531, 537.
Адабашъ, первый начальникъ казач. Новосерб. полка, 116.
Адамовичъ, Симеонъ, протопопъ пѣ-жвинскій (XVII ст.), 388—399.
Аджамка, с. ал-дров. у., 676—678.
Аксаковъ, С. Т., изв. рус. пис., 391.
Александровичъ, Митрофанъ, малорус. пис., 671.
Александровъ, С., малорус. писатель, 668.
Александръ I Павловичъ, имп.; отно-шенія его къ Черномор. козакамъ, 231—232; пребываніе его въ Кіевѣ въ 1816—1817 г.г., 690—691.
Алексѣй Александровичъ, в. князь, 345.
Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ (сынъ царя Алексѣя Мих.), 376.
Алексѣй I Михайловичъ, царь, 18, 314, 353.
Алешки, вынѣ у. г. Таврич. губ., прежде урочище и мѣсто 9-ой по времени Сѣчи, 590, 601—602.
Альваръ, уч., авт. латинской грам., 4.
Амвросій. архіеп., авт. „Россійской іерархіи“, 386.
Амвросій, Келембетъ, префектъ Кіев. д. акад., влосаѣд. архіеп. тобольскій, 300.
Ангелевскій хуторъ, имѣніе Маркови-чей, 64.

- Андрушкинъ островъ на Днѣпрѣ, 598.
Анна Іоанновна, имп-ца, 144, 212, 601.
Антоновичъ, Влад. Бон, пзв. ученый, проф. у-та св. Влад., авт. ст. „Зміевы валы въ пред. Кіев. земли“, 355—370; уном., 425.
Апостоль, Даниилъ, гетманъ, 56—57, 60, 61, 63, 74, 75, 81, 182, 211—212, 216.
Апостоль, Петръ Дан., 211.
Апраксинъ, Ѳ. М., 60.
Артополотскій хуторъ, имѣніе Маркови-чей, 55, 64.
Аоанасьевъ - Чужбинскій, пзв. пис., 668—669.

В.

- Багалъй, Дм. Ив., доц. харьк. у-та; его рецензіи книгъ Гурова и Бродскаго, Чижевскаго и Харьков. Календаря, 305—321; уном. 695—697.
Базавлукъ, р., 590, 595, 598, 603.
Базини, изв. скрипачъ; воспоминаія о немъ П. Д. Селецкаго, 622—623.
Балабанъ, Діонисій, митр. Кіев., 331, 576.
Барановичъ, Лазарь, архіеп. черниг., изв. ученый XVII ст., 1, 3, 5, 8, 10, 17—20, 186—187, 191, 196, 201, 204, 376, 384—389, 565—571, 576—578, 580, 582, 584, 587—588.

¹⁾ Цифры означаютъ стр. тома.

- Барановскій, Ник. Яков.; см. его „Школьные воспом. о Кіевѣ, 498—505.
- Барвинскій, Влад., галицкій публицистъ († 1883 г.), 489—491.
- Бароній, зап. ученый, XVII ст., 12—13.
- Барскій (Григоровичъ), Василій, изв. путеш. по св. мѣстамъ, 577, 585, 688.
- Барскій (Григоровичъ), Иванъ, братъ Василія, кiev. архитекторъ, 688—690.
- Баторій, Сигизмундъ, князь Седмиградскій, 538.
- Баша, Федоръ, лирникъ, 24.
- Беервицъ, (въ текстѣ опечатка; напечатано: Бефвицъ), баронъ, гер.-поручикъ временъ Екат. II, 122.
- Безоновъ, изв. собиратель рус. нар. пѣс., 45, 47.
- Белецкій-Носенко, малорус. пис. XIX в., 666, 670.
- Бериславль, г. Херсон. губ., 602.
- Бецъ, проф. у-та св. Влад., 41.
- Бешко, кобзарь, стр. 42—44.
- Библиковъ, Д. Г., кiev. ген.-губ., 285, 287, 294, 505.
- Бирковскій, польск. пропов. половины XVII ст., 184, 195.
- Благодатное, хуторъ купян. у.; вертепъ въ немъ, 512—515.
- Блакитный, полков. Кодацкій, (1770 г.), 159.
- Блудова, граф. Антон. Дмитр., 167—168.
- Боговитиць, Вацлавъ, хорунжій волынскій, 440.
- Богородскій, С. О., проф. у-та св. Влад., 286, 292, 503—504.
- Богуславъ, м. Кіев. губ., 356.
- Богущъ, Якимъ, атаманъ запорожскій, 599—600.
- Бодянский, О. М. изв. славистъ, проф. моск. у-та, 206, 352, 669.
- Бойма, Павелъ, іезуитъ XVII ст. 384, 565—567, 570.
- Болдинскія подъ Черниговомъ горы, 386.
- Бона, гора у Кременца; посѣщеніе ея Н.-И. Костомаровымъ въ 1845 г., 325—326.
- Боровиковскій, В. Л., изв. художникъ начала XIX ст., 701—708.
- Боровиковскій, Л., малорус. пис. XIX в., 668—669, 702.
- Боровицкій, Жданъ, староста острожскій, 541.
- Борозна, Иванъ, ген. хорунжій (1729 г.), 212.
- Боромля, с. ахтыр. у., 493—498.
- Боярка, с. кiev. губ., 357.
- Брадке-фонъ, Е. Ф., попеч. кiev. уч. округа, 283, 285, 288, 460.
- Бразоль, Григ. Евг., сообщ. записки Ш. Д. Селецкаго, 294—296, 443—465.
- Браницкій, графъ; письмо его къ кiev. губ. Ш. П. Панкратьеву, 179—180.
- Братиця, кобзарь; его думы и пѣсни, 41—50.
- Бродскій, прис. пов.; разборъ его книги о старозаим. землевлад. въ харьков. губ., 305—316.
- Брожка (Броциусъ), проф. математ. крак. у-та въ XVII ст., 4.
- Бронскій, Христофоръ, изв. уч. XVI ст., авт. «Апокрисиса», 8, 565.
- Брунонь, архіеп. мерзбург.; письмо его къ имп. Генриху II. (1008 г.), 367—369.
- Брыково, с. волын. губ., 167—168.
- Брюховецкій, гетманъ, 19, 61, 376.
- Брянскъ, г., 205.
- Бугай, р., притокъ Днѣпра, 595.
- Бурлѣв. полков. сердюцкій, 74.
- Бутаковъ, ген., 392.
- Буциньскій, доц. харьков. у-та, авт. соч. «Богданъ Хмельня», 595—596.
- Буцка, см. Томаковка.
- Буцкій (около Полтавы) бродъ, 73—75.
- Бышевъ, м. кiev. губ., 357, 368.
- Б.-Церковь, м. кiev. губ., 356.
- Бѣлгородъ, г., 357.
- Бѣлый, Сидоръ, атаманъ кошевой черноморскаго войска, 224—232.
- Бѣльскій, польск. истор. нач. XVII ст., 426, 432, 437—438, 562—564.

В.

- Вакуленко, лирникъ изъ Прилукъ; его думы и пѣсни, 30—34.
- Валки, с. кiev. губ., 357.
- Валькевичъ, Петръ, ген. асаулъ, 214.

Васильковъ, г., 357, 366, 368.
 Величко, Самуэль, лѣтописецъ, 380.
 Вельяминовъ, Степ. Лукьячъ, президентъ малорос. коллегіи, 61, 68—69, 72—78.
 Вексовскій, малорус. пис., 671.
 Вересай, Остапъ, кобзарь, 25.
 Верлооко, с. кiev. губ., 357.
 Веселовскій, А. Н., акад., ученый, 351.
 Вишенскій, южнорус. Иоаннъ, ученый XVII ст., 1, 183.
 Вишневскій, князь Ал-дръ, староста черкасскій, 439—440.
 — князь Дм. Ив.; основаніе имъ Хортицкой сѣчи, 592.
 Владиміръ св., в. князь кievскій, 368.
 Владиміръ Мономахъ, вел. кн. кiev., 365—369.
 Владиміръ Мстиславичъ, кн., внукъ Мономаха, 367.
 Влодекъ, Ел. Мих., жена графа Вас. Петр. Завадовскаго, 255—256.
 Внучки, с. черниг. губ., 218.
 Волянскій, А. П., кабинетъ-министръ Анны Иоанновны, 60.
 Воронцовъ, князь Мих. Сем., новорос. ген.-губ., 448, 453, 461—462, 502.
 Воронцовъ, кн. Сем. Мих., 448.
 Воропановъ, подполк., 133.
 Вукаловичъ, М. Д., мать П. Д. Селецкого, 250—256, 260, 274, 275.
 Выдыборъ, с. волын. губ., 357.
 Вышгородъ, с., 357, 367.
 Вяземскій, Ал-дръ Алекс., ген.-прокуроръ, 141.

Г.

Галаганъ, Григ. Павл., членъ госуд. совѣта, 261.
 — Григорій, полков. прилуцкій, 143—146, 214.
 — Игнатій, 209—210.
 Галецкіе, дворяне, 64.
 Гаятовскій, Иоанникій, извѣст. ученый XVII ст.; монографія о немъ Н. О. Сумцова, 1—20, 183—204, 371—390, 565—588.
 Гамалѣвскій (въ Полтавщинѣ) монастырь, 59, 71.
 Гедеонъ Святополкъ - Четвертинскій, митроп. кievскій, 585.

Гейденштейнъ, польск. историкъ нач. XVII ст., 426, 432, 437, 534, 545, 552—553, 561, 564.
 Гербель, Н. В., изв. поэтъ и переводчикъ († 1883 г.), 501.
 Гервасій, еписк. переяслав. XVIII ст., 675—677.
 Гизель, Иннокентій, архим. кievо-печ. лавры, изв. уч. XVII ст., 1, 17, 191, 201, 384—386, 565, 567, 500, 574, 576, 580, 582.
 Гильдебрандтъ, П. А., уч., пис., 346.
 Глинекъ, ново-серб. коловія, 114.
 Глубоарскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
 Глѣбовъ, малорус. поэтъ, 176, 151.
 Глѣбовъ, ген., основатель крѣпости св. Елисаветы (Елисаветграда), 114.
 Гнилая, р., 596, 598—599.
 Гвилоубъ, тестъ Андр. Ив. Стороженка, 209—210.
 Гоголь, Н. В., знам. пис., 665, 669, 671.
 Гоголь, В., (отецъ) пис., 667.
 Голицынъ, кн. Михаль, 60, 72—76, 80, 81.
 — кн. Петръ, ген., 209.
 Головатый, кошевой атаманъ войска черномор., 224, 227, 232.
 Головацкій, Я. О., изв. ученый; разборъ его «Географ. словаря слав. земель», 649—652.
 Головкинъ, графъ и канцлеръ, 60—63.
 Головчичъ, ректоръ к. д. акад. XVII ст., 466—467.
 Голубцовъ, Сергій Плат., попечитель кiev. уч. окр., 290.
 Голубъ, Константинъ, генер. бунчужный при гетманѣ Самойловичѣ, 52, 54.
 Гордонъ, полякъ-эмигрантъ, 286—287.
 Гордѣенко, Конст., атаманъ запорож., 599—600.
 Горленко, Вас. Петр., авторъ статей: «Кобзаря и Лирники», 21—50; «О трудахъ П. П. Чубинскаго», 349—351; «107 лѣтъ южнорус. этнографія», 505—507; «В. Л. Боровиковскій» 701—708; разборъ книгъ Щоголева и Жуковскаго, 149—155, біографіи Барвинскаго, 489—491, и «Обзора ист. укр. литер.» Петрова.

Горленко, Дмитрій, полков. прилуцкій, 59, 208.

Городище, с., см. Томаковка.

Грабовскій, авт. соч. «Ukraina dawna i terazniejsza», 356, 359, 360.

Гребенка, малорус. пис., 669.

Грибоѣдовъ, А. С., изв. рус. пис., 254.

Грушевка, с. херсон. у., 515.

Гугуревичъ, ректоръ к. д. акад. XVII ст., 466—467.

Гулакъ-Артемовскій, малорусскій пис., 666—668.

Гулевичъ, Вас., войскій владимірскій, 440.

Гуликъ, Мокій, асаулъ войсковой, 226.

Гуровъ; разборъ его книги о старозаимоч. землевлад., 305—306.

Гурьевъ, мин. фпнаисовъ при имп. Александрѣ I, 316.

Гусятинъ, г., 526.

Д.

Давыдовъ, кн. С. И., попеч. кiev. уч. округа, 288—289, 502.

Даль, Вл. Ив., писат. ученый, авторъ «Толковаго Словаря», 44, 647.

Данияловичъ, проф. у-та св. Влад., 291.

Дашевъ, м. кiev. губ., 357.

Дворецкій, Вас. Фед., полковникъ кiev., 18.

Дворянская (въ Новорос.) колонія; рассказъ объ ея основаніи, 132—133.

Девлетъ-Гирей, ханъ Крымскій, 592.

Демидовъ-Санъ-Донатъ, князь; разборъ его книги „Еврейскій вопросъ въ Россіи“, 155—158.

Десна, р., 368.

Димитрій св., митроп. Ростовскій, 587.

Дмитренко, малорус. пис. XIX ст., 671.

Довжикъ, с. чернигов. у., 218.

Долгорукій, кн. Ив. Мих., пис., 249—250.

Долгоруковъ, кн. Ал-дръ Григ., 60.

Домецкій, Гавріилъ, архим. новгород. Юрьева мон. (1706 г.), 566.

Донецъ, Григорій, полков. харьковскій, (1684 г.), 310—311, 314.

Дорошенко, гетманъ, 174, 331, 580.

Дубъ, Прокопъ, кобзарь, 49.

Думитрашко-Раичъ, малорус. пис. XIX в., 668, 671.

Дѣвида, Великая и Малая, с. прилуцкаго полка, имѣнія Марковичей, 52.

Е.

Евгеній (Болховитиновъ), митр. кievскій; письма его къ архим. Мелетію Леонтовичу, 297—304; упом. 289.

Евдоконье, с., имѣніе Марковичей, 55, 58, 64.

Евфимій, инокъ, уч. XVII ст., 191.

Езуполь, см. Чешыбисы.

Екатерина II, имп-ца, 117—118, 177, 295, 702—704.

Екатериновдаръ, г. Куб. обл.; рассказъ объ его основаніи, 228.

Елена Павловна, в. княгиня, 496.

Елизавета I Петровна, имп-ца; ея отношенія къ запорожцамъ, 604—607; упом., 112—113, 315.

Елизаветы св. крѣпость; (Елизаветградъ); Греки въ немъ (1754—1777 г.), 673—684.

Емченко, Кондрать, лирникъ, 27—29.

Епифаній, еписк. Бѣлгород. конца XVII ст., 467.

Есмонтовскій, Мих., товарищъ бунчуковый (1744 г.), 471—476.

Ефименко, Петръ Саввичъ, авт. замѣтокъ: „Попытка околдовать вол. судъ“, 508—509; „Послѣдствія клятвопреступленія“, 510—511, и „Могла гетманцевъ въ г. Лебединѣ“, 693—695; разборъ изд. подъ его редакціей Харьк. календаря, 317—321.

Ж.

Жванецъ, м., 488—489.

Ждановъ, членъ малорос. коллегіи (1723 г.), 71.

Желяборскій, Арсеній, еписк. львовскій, 185—186.

Желѣзо, Іовъ, игум. почаевскій, 331.

Жолкъвскій, гетманъ, 425, 431—432, 538; борьба его съ Лободой и Налвайкомъ, 544—564.

Жоравка, Иванъ, ген.-асаулъ, 216.

Жоховскій, Кипріявъ, епископъ мстилавскій XVII ст., 572—573, 582.

Жуковскій, В. П.; разборъ его „сценъ изъ малорус. нар. быта“, 154—155.

Жуковъ, с., 528.
Жураковский, ген. асаулъ, 73—77.

З.

Забѣла, Михаилъ, судья генеральный (1739 г.), 215.
— , малорус. пис. XIX ст., 668.
Завадовскій, графъ Ал-дръ Петр., 252—255.
— , графъ Вас. Петр., 252, 256.
Залескій, Брониславъ Францовичъ, другъ Шевченка, 391—392.
Замойскій, Янъ, гетманъ коронный; 527—529, 537—538, 542—548, 558.
Запорожье, см. Сѣчь.
Заславскій, кн., воевода подляскій, 561.
Засулье, предмѣстье Ромень, см. Ромны.
Зборовъ, мѣсто изв. побѣды Хмельницкаго, 206.
Звенигородка, г., 366, 372.
Звѣревъ, Вас. Степ., маіоръ, 176.
Згуровка, с. прилуцкаго у., 209.
Здвижь, р., притокъ Тетерева, 356, 357, 368.
Зимовскій, дир. немиров. гимназія, 500.
Золотаревскіе лѣса (херсон. губ.); разбойничество въ нихъ, 133—134.
Зоричъ, Сем. Гавр., ген.-маіоръ, любимецъ и-цы Екатерины II, 117—118.

И.

Ивановъ, ассессоръ иностр. кол., 61.
Ивахники, с., житіе Марковичей, 80.
Иващенко, собират. нар. пѣсень, 41—48.
Ивовія, господарь молдавскій конца XVI ст., 429.
Изяславъ Мстиславичъ, в. кн. кievскій, 366.
Ингуль, р., 124.
Ингулецъ, р., 124.
Иннокентій, архіен. херсонскій, 289, 297.
Ирпень, р., притокъ Днѣпра, 356—357, 366.
Исаія, монахъ, уч. XVI ст., 198.
Исаковъ, ген.-маіоръ, одинокъ изъ разсѣд. дѣла ген. Хорвата, 115.
Искра, Андрей, полковникъ.

Истомина, изв. танцовщица 20 хъ гг. нын. ст., 254.

Итиляръ, ханъ половекій, 365—366.
Ичня, и. Борзен. у., 206—208, 213.

К.

Керопесь, испек. кiev. I гимназіи (1840 г.), 500—501.
Иоакимъ, патріархъ москов., 191.
Иоаннъ IV Васильевичъ, царь и в. князь московскій, 592.
Ювъ, митр. новгородскій, 566.

К.

Казиміръ-Янъ, кор. польскій, 202, 206.
Калиновскій, Григорій, авт. „Опис. свад. обрядовъ въ Малороссіи“, 505—507.
Калишевскій, Петръ Иван., послѣдній кошевой запорож., 163—164; 604.
Калышъ, Григорій, кошевой запорож., 128.
Каменка, р.; при устьѣ ея мѣсто 8-й по времени Сѣчи, 356, 590, 601—602.
Капарскій, польскій эмигрантъ и революціонер, 287—289.
Каневъ, г., мѣсто 2-й по времени Сѣчи, 589.
Каппиель, графъ, Кiev. губ. предводитель дворянства (1787 г.), 702.
Капыловка, с. екат. у., 590, 601.
Каразинъ, Вас. Зах., одинъ изъ основат. харьк. у-та, 318.
Карль XII, кор. шведскій, 53, 175.
Кармелюкъ, изв. разбойникъ; разсказы о немъ, 698—701.
Карповичъ, Леонтій, южно-рус. пропов. XVII ст., 185.
Квитка-Основьяненко, украин. писатель, 667—668.
Келлеръ, графъ, 501.
Кизикермень, см. Бериславль.
Кисилевичъ, Лука, прот., авт. статьи „Вымирающіе типы украин. дер.“, 515—522.
Кистяковскій, А. Ѳ., проф. у-та св. Влад.; некрологъ и. П. Чубинскаго, 343—349.
Киятъвъ, ханъ полонецкій, 365—366.
Кievъ; его населеніе въ прошломъ ст. 352—354; Кievъ 40-хъ гг. наст. ст.

- въ воспоминавіяхъ Н. Я. Барановскаго, 498—505; воспоминавія о Кіевѣ П. Д. Селецкаго, Княжевичъ, попеч. одес. уч. окр., 446, 456—457.
- Кодякъ, мѣсто битвы татаръ и козаковъ въ 1693 г., 210.
- Коломакъ, р., 74, 75.
- Кольбергъ, Оскаръ, польск. этнографъ; разб. его соч. „Покутье“, 482—487.
- Кондратьевъ, сумской полковникъ XVIII ст., 310, 311, 314.
- Конисскій, Георгій, архіеп. бѣлорус., предполог. авт. „Исторіи Руссовъ“, 171.
- Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 691.
- Копыстенскій, Захарія, кiev. ученый XVII ст. 2, 8, 12.
- Кореницкій, малорус. пис. 1, 668, 671.
- Коровай, с., имѣніе Марковичей, 64.
- Корсунъ, малорус. пис. 1, 668—669.
- Корсунъ, м. кiev. губ., 356.
- Косыяскій, гетманъ, 426—442, 506, 550.
- Космодемьянскій, перев. „Мессія“ Галлатоскаго на рус. языкъ, 377.
- Коссовъ, Сильвестръ, митр. кievскій, 5, 18.
- Костомаровъ, Ник. Ив., изв. историкъ; Н. И. какъ учит. исторіи въ кiev. I гимназіи, 502—505; статья его: „изъ прожитыхъ на Волыни дней“, 325—332; упом. 346, 351, 425, 432, 525—526, 533, 580, 593—594, 648, 668—669, 693—695.
- Костюринъ, одинъ изъ основ. Ново-Сербіи, 114.
- Котельня, с. актыр. у., 493—498.
- Котляревскій, Т. Т., атаманъ кошевой запорож., 230—232.
- Котляревскій, изв. малорус. пис., 665—666.
- Коцулѣвскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.
- Кочубей, Вас. Леонт. полк., 351, 352.
- , кн. Сергій Викт., 351.
- Кошеватое. с., 359.
- Кошелевъ, членъ малорос. коллегіи, (1723 г.), 71, 77, 80.
- Краевскій, А. А., изв. публик.; письмо къ нему Т. Г. Шевченка, 391.
- Красная, р., 356, 358, 365.
- Красногригорьевка, см. Чернышевка.
- Красный-Куть, с. херсон. у., 590, 595, 603.
- Крашановскій, М. сообщ. нар. пѣсню объ униі, 181—182.
- Крашевскій, І. И., изв. польск. пис.; разборъ его повѣсти „Четь или не четь“, 487—489.
- Кремянскій, протоіерей, авт. „записокъ о запорож. обычаяхъ“, 601—602.
- Кремпискій, козацкій полковникъ конца XVI ст., 554, 562—564.
- Кречевичъ, Иванъ, войсковою писарь, 440.
- Кролевспъ, г., нынѣ м. черниг. губ., 54, 64.
- Кропивницкій, малорус. актеръ и пис., 671.
- Круча, (Великая и Малая) с. пирятин. у., 685.
- Крыловъ, сербская колонія въ Новороссіи, 114.
- Крымъ-Гирей, ханъ крымскій, 159, 676.
- Крюковскій, Иванъ, кобзарь, 6, 34.
- Крюковъ, нынѣ пос., сербская колонія въ Новороссіи, 114.
- Кубанскіе козаки; исторію ихъ самоуправленія см. въ статьѣ Ѳ. А. Щербяны, 223—246.
- Кузьменко, малорус. поэтъ, 151.
- Кулажинцы, с., имѣніе Марковичей, 58, 64.
- Кулишъ, малорус. поэтъ, 151.
- Кулишъ, П. А., пис., 391, 425, 646, 668, 669.
- Кулябка, бунчуковый товарищъ, 213.
- Кунцевичъ, Иосафатъ, изв. уніатск. епископъ XVII ст., 572.
- Купятяцкій (близъ г. Минска) монастырь, 17, 384.
- Курбатовъ, Петръ Вас., совѣтникъ кол. иностр. дѣлъ, 60.
- Курень, с., имѣніе Марковичей, 64.
- Курцевичъ-Булыга, князь, польск. магнатъ конца XVI ст., 433.
- Кухаренко, малорус. пис. XIX в., 667.

Кушелевъ, графъ, директоръ артил. департамента, 460.

Л.

- Лабза, Остапъ, кобзарь, 24.
 Лазаревскій, А. М., пис., авт. изслѣд. о родѣ Марковичей, 51—82; сообщ. документъ о постройкѣ церкви въ XVII ст., 522—524; упом. 217.
 Лебедевъ, первый форшмейстеръ въ Новороссіи, 120.
 Лебединъ, г. харьков. губ.; могила гетманцевъ въ немъ, 693—695.
 Левандовскій, Г., свящ., сообщ. письма митроп. Евгенія къ архим. Мелетію, 297—304.
 Левашевъ, графъ, кiev. ген.-губ., 290.
 Левицкій (Нечуй), Ив. Сем., изв. пис., авт. повѣсти »Старосвѣт. бабюшки и матушки«, 82—110; упом., 671.
 Лелевель, изв. польск. историкъ, 658.
 Леонтьевъ, кiev. ген.-губ., 213.
 Лжедмитрій I, царь и в. князь моск.; 205.
 Лизогубъ, Семень, 79, 212.
 Линія (Старая и Новая—на Кубани) 239—245.
 Линчай, Фодоръ, атаманъ запорож., 594—595.
 Липоманъ, польск. мемуаристъ XVIII ст., 356, 360—361.
 Листъ, Францъ, знам. пианистъ; воспомин. о немъ П. Д. Селецкого, 626—641.
 Литвинова, П., авт., »сообщ. о народ. вѣрованіяхъ«, 695—697.
 Лобановъ-Ростовскій, князь, ген.-адъютантъ, 460, 462.
 Лобода, изв. предв. козаковъ въ XI ст., 525—564.
 Лукашевичъ, Плат. Яковл., 276, 277, 290, 294.
 Лучицкій, Ив. Вас., проф. у-та св. Влад., 684.
 Любовицкій, маршалъ посольской палаты въ Варшавѣ, 200.
 Любовичъ, Н. И., доп. варшав. у-та; разб. его соч.: »Ист. реформаціи въ Польшѣ«, 477—482.
 Ляссота, Эрихъ, посолъ имп. Рудольфа II къ запорожцамъ въ 1594 г., 528—529, 597—598.

М.

- Мазепа, Иванъ, гетманъ, 53—54, 174, 206—207, 599—600, 693—494.
 Макаровскій, малорус. пис. XIX в., 668.
 Маковскій, Е., сообщ. рассказы о Кармелюкѣ, 698—701.
 —, кролевецкій сотникъ нач. XVIII вѣка, 53.
 Максимовичъ, Іоаннъ, архіеп. черниг., 709.
 Максимовичъ, М. А., изв. ист.; письма его къ Шевченку 643—648; упом., 278, 358, 361, 669.
 Манштейнъ, авт. изв. »Записокъ« о Россіи, 112.
 Марко Аврамовичъ, родонач. Марковичей († 1712 г.), 51—53.
 Марковичи, малорус. двор. родъ; изслѣд. о нихъ Лазаревского въ статьѣ »Люди Старой Малороссіи«, 51—82.
 Марковичъ, Ал. М., ввукъ Якова Андреевича, черн. губ. предв. дворянства, 65, 82.
 —, Андрей Андр.; биографія его 53, 65; письмо къ нему гетмана Скоропадскаго въ 1712 г., 52—53; упом., 64, 215.
 — Иванъ Андр., 58, 64.
 Марковичъ, Ив. Марк., 64.
 —, П. А., правнукъ Якова Андр., 65.
 —, Сем. Андр., 65.
 —, Фодоръ Марковичъ, 53.
 —, Яковъ, авт. »Дневныхъ записокъ«, 58—82, 211—212.
 Марко-Вовчокъ, изв. пис. псевдонимъ, 661.
 Мартосъ, лубен. полковой обозный, 63, 73.
 Матвѣевъ, Артамовъ, бояринъ, 388.
 Медвѣдевъ, Сильвестръ, изв. уч. XVII ст., 191.
 Мейербереръ, изв. композиторъ; воспом. о немъ П. Д. Селецкого, 618, 623.
 Мелетій, Леонтовичъ, архим., ректоръ к. д. акад.; письма къ нему митр. Евгенія (Болховитинова), 297—304.
 Мельгуновъ, новорос. губерн., 115, 679—680.
 Меньшиковъ, кн. Ал-дръ Дан., изв. временщикъ, 56—57, 693.

- Метлинскіе, А. и С., братья, пис. малорус. XIX в., 668.
- Мещерскій, кн. Платонъ, бригадиръ, 216.
- Меодій, епископъ мстиславскій XVII в., 19, 388.
- Микитинъ рогъ (мысь), мѣсто 6-ой по времени Сѣчи, 590, 595—597.
- Милашевичъ, кiev. губернаторъ, 353.
— Иванъ, кошевой атаманъ, 603.
- Милорадовичъ, графъ Григ. Ал.; зам. его »Неузнанная рукопись«, 351, 352.
— графъ Мих. Андр., 218.
- Миклашевскій, Богданъ, гетманъ, 528.
- Мирный, соврем. малоруск. пис., 671.
- Мироградъ, (Миргородъ) одна изъ первыхъ ново-серб. колоній, 113—114.
- Миславскій, гражданинъ кievскій; извлечение изъ его дневника, 690—693.
- Мицкевичъ, проф. кiev. у-та, 291, 291.
- Млодяновскій, Оома, польск. пропов. XVII в., 372, 381—382.
- Многогрѣшный, Вас., братъ Демьяна, 390.
— , Демьянъ, гетманъ, 376, 386, 387.
- Могила, Іеремія, господарь молдав., 538.
- Могилянскій, Мат. Матв., инсп. училищъ кiev. уч. окр., 498—500.
- Моисеевка, с., имѣніе Марковичей, 58.
- Мордовцевъ, Дан. Лукичъ, изв. пис., 671.
- Морксъ, изв. контрапунктистъ 40-хъ гг. XIX в., 614, 615, 618.
- Мышецкій, князь, авт. »Исторія о козакахъ запорож.«, 589—591, 601.
- Мытница, с. кiev. губ., 368.
- Мѣловое, с. Херсон. у., 602.

И.

- Навроцкій, малорус. пис. XIX в., 670.
- Надаржянскій, Тимофей, духовникъ имп. Петра I и II, 59, 60.
- Наливайко, Семеринъ, гетманъ; его войны съ Польшей, 525, 564.
— , Демьянъ, его братъ, 526, 540—542.
- Нарожье, с., имѣніе Марковичей, 58.
- Настасья Марковна, жена гетмана Скоропадскаго, 52, 53, 60, 63, 66—67, 71—72.

- Наумовъ, сенаторъ временъ имп. Петра I, 56, 57, 59 и слѣд.
- Неволинъ, К. А., проф. у-та св. Влад., 292, 295—296, 445—446.
- Нейманъ, Ц. Г.; см. разборъ имъ книгъ Кольберга, (»,Покутье«) 482—487, и Потевни (»,Малорус. и срод. пѣсни«), 657—663.
- Некрасовъ, знам. поэтъ, 669.
- Нелюбовичъ-Тукальскій, Іосифъ, митроп. кievскій, 378, 386.
- Нечаева, с. екат. у., 596.
- Николай I Павловичъ, имп.; его отношенія къ черномор. козакамъ, 233—237; посѣщеніе имъ кiev. у-та въ 1837 и 1839 г., 285—287, 293—294; упом. 691—692.
- Николаѣвичкъ, Ѳ., авт. статьи »Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой«, 426—442, 525—564; его рецензія на »,географич. словарь слав. земель«, Я. Ѳ. Головацкаго, 649—652.
- Никшичъ-Требашиничъ, кн. черногорскій; пріѣздъ его въ Россію, 130—131.
- Новая Сербія; основаніе въ ней колоній, см. въ запискахъ Пянчевича, 111—134, 333—336, и въ зам. Ястребова »Греки въ Елисаветградѣ«, 673—675.
- Новицкій, О. И., проф. у-та св. Влад., 285.
- Нордманъ, проф. Ришельев. лицея, 448.
- Носъ, полков. прилуц., начала XVIII в., 53, 209.

О.

- Обресковъ, рус. резид. въ Стамбулѣ, 607.
- Одесса 40-хъ годовъ нын. ст. въ воспоминаніяхъ П. Д. Селецкаго, 443—457.
- Ольгердъ Гедиминовичъ, в. кн. литовскій, 321—322.
- Ольденбургскій, принцъ Петръ Георг. († 2 мая 1881 г.), 270—273.
- Омилевое урочище, см. Мѣловое.
- Орловъ, островъ на Днѣпрѣ, 590.
- Орнатскій, проф. у-та св. Влад., 285, 292.

- Остерманъ, канцлеръ, 60, 62.
 Остеръ, р., 368.
 Островъ, с. кiev. губ., 356.
 Острожскій, кн. Конст. Конст., изв.
 ревнитель православія на
 Руси, 183, 427, 429,
 432, 435—442, 526—
 527, 529, 532—537.
 — кн. Янушъ Конст., 433,
 436.
 Острополь, м., 437.

II.

- Павель I. Петровичъ, имп.; его от-
 ношенія къ черноморск. козакамъ,
 230—232; упом., 353.
 Падрень-де Карне, надзир. кiev. 1 гим-
 назіи, вполсѣд. пом. попеч. одес.
 учеб. окр., 501.
 Палій, Семень, изв. козацк. предв., 210.
 Панивъ, графъ, 162.
 Панкратьевъ, Петръ Прокоф., кiev.
 губ., 177—187.
 Пашковский, Романъ, козац. полк., 160,
 210—211.
 Пащенко, авторъ «описанія черниг.
 намѣстничества», 217.
 Пекарскій, Адрианъ, іезуитъ XVII ст.;
 споръ его съ Галатовскимъ о главен-
 ствѣ папы, 202—203.
 Переволочна, м. полтав. губ., мѣсто
 3 ей по времени Сѣчи, 589—591.
 Перепелица, Ефимъ, лярникъ, 30.
 Перепетово поле, 366.
 Перервинцы, с., имѣніе Марковичей, 58.
 Переяславль, г., 359, 366.
 Пешровцы, с. кiev. губ., 357.
 Песковка, с. кiev. губ., 357.
 Петренко, малорус. пис., 668.
 Петровцы, с., 367.
 Петровъ, Н. Ив., проф. кiev. дух.
 акад.; разборъ его «очерковъ изъ
 ист. украин. лит. XIX в., 664—
 672; упом., 512.
 Петръ Могила, митроп. кievскій, 2—3,
 12, 186, 373.
 Петръ I, имп., 59, 69, 211, 599—
 601, 693.
 Петръ II, имп., 59, 211, 212.
 Пиминъ, Евсей, см. Петръ Могила.
 Пироговъ, Н. И., изв. ученый, попеч.
 кiev. учебного округа, 499.
 Писаревскіе, братья, малорусскіе пис.
 XIX в., 668.
 Пишчевичъ, Алдръ Семеновичъ, авт.
 «Примѣчаній на Новорос.
 край», 111—134 и до-
 полненій къ нимъ, 333—
 336.
 — Екат. Дмитр., его мать,
 111.
 — Семень Степановичъ, его
 отецъ, 111.
 Плаховъ, А., изд. послѣд. рус. пере-
 вода «Неба» Галатовскаго, 373.
 Плетенецкій, архим. к.-печ. лавры,
 изв. уч. XVII ст., 2.
 Повстинъ, с. пират. у., 214.
 Погарщина, с. имѣніе Марковичей,
 64.
 Подасы, с. бердичев. у., 169—171.
 Подвысоцкій, Касперъ, предв. козацкій
 XVI ст., 556, 563—564.
 Подпольная, р., въ извивѣ ея, на Ба-
 завлуцкомъ полуостровѣ, мѣсто 10 й
 по времени Сѣчи, 590—603.
 Полоцкій, Симеонъ, южнорус. ученый
 XVII ст., 17, 191, 196, 198,
 384.
 Полуботокъ, полковникъ черниговскій,
 67—78, 217.
 — Андрей, 212.
 — Семень, 80, 81, 217.
 Пономаревъ, С. И., изв. библиографъ,
 сообщ. письма Максимовича къ Шев-
 ченку, 643—648.
 Попельня, с. кiev. губ., 356.
 Попко, А., ген.-лейт., 232.
 Поповичъ, Гавриилъ, козацкій полков.,
 164.
 Поповщина, с., имѣніе Марковичей, 64.
 Посьеть, адм., нынѣ мп. путей сообщ.,
 347.
 Потєбня, А. А., проф. харьк. у-та;
 разборъ его книги «объясненія ма-
 лорус. и сродныхъ пѣсенъ», 657—
 663; упом., 321.
 Потємкинъ, кн. Григ. Алдровичъ,
 117, 120, 225.
 Потоцкая, Анна, двоюродная сестра
 митр. Петра Могила, 373.
 Потоцкій, графъ, староста каневскій;
 рассказы о его жизни, 326—
 329.

- Поцѣй, Ипатій, єпископъ влад., изв. пропагаторъ уніи, 183, 539.
 Пошманъ, ген.-маіоръ, первый директоръ учил. правовѣдѣнія, въ воспом. П. Д. Селецкого, 261—271, 460.
 Пражмовскій, єписк. и канцлеръ коронный XVII ст., 202.
 Претвичъ, Яковъ, каштелянъ галицкій, 440.
 Прилуки, г., 51.
 Припеть, р., 357.
 Прогой, р., см. Гнилая.
 Проскуры-Сушанскіе, дворяне, 186.
 Пугачевъ, Е. И., 219.
 Пущкинъ, Ал-дръ Сергѣевичъ, знам. поэтъ, 445, 668—670.
 Пятка, м., 437, 438.

Р.

- Радзивиллъ, Криштофъ, воевода виленскій и гетманъ литов., 535—537.
 Радвилловскій, Антоній, южнорс. ученый XVII ст., 1, 8.
 Радомысль, г., 356.
 Раевскій, П., авт. разск. пис., 670.
 Раздоровка, с., 590.
 Разумовскій, графъ Кириллъ Григ., гетманъ, 216, 511, 604, 607—608.
 — Петръ, вѣжинскій полк., 216.
 Ракушка, Романъ, первый ген. подскарбий (ок. 1665 г.), 61.
 Раставица, р., притокъ Роси, 356.
 Рафаиль Заборовскій, архієп. кievскій; письмо къ нему Теофана Прокоповича, 465—470.
 Рахмановъ, м. волын губ., 165—167.
 Ревунча, р., 595.
 Ревунъ, р., 595, 596.
 Ревиня, малорос. ген.-губерн., 316.
 Ржавецъ, с. прилуцкого у., 206—210, 213, 215—217.
 Ржевусскій, графъ Адамъ; письмо его къ П. П. Пянкратеву, кiev. губернатору, (1809 г.) 180—181.
 Ригельманы, А. А. и Н. А., 261.
 Ришелье, герцогъ, основатель Одессы, 131.
 Рожинскій, кн.; борьба его съ Савулой, 550—554; 561.

- Рожновка, с. Борзен. у., 212.
 Ромны, г., 58, 62—64, 70—71, 80—81.
 Ромодановскій, князь, 376.
 Рославичи, с. кiev. губ., 357.
 Ростиславъ II Изяславичъ, в. кн. кievскій, 365.
 Рось, р., 356—358, 369.
 Ротъ, Максимъ, кушовскій атаманъ, 160.
 Руда, (Тальская) с. кiev. губ., 357.
 Руданскій, д-ръ, малорус. поэтъ, 151, 671.
 Рудня Новая, с. черниг. губ., 217.
 Рудольфъ II., имп. германскій; его сношенія съ козаками, 597—598.
 Румянцевъ Ал-дръ, президентъ малороссійской коллегіи, 76—81.
 — графъ Петръ Ал-дровичъ, 136, 159—165, 171, 215, 216, 219.
 Рѣчица, р., притокъ Бугая, 595.

С.

- Сабатей-Цви, (Сабефа) Лже-Мессія смирскій, (1666 г.) 379—380.
 Савицкій, лубенскій полковой пис., 75.
 Савичъ, Василій, лубенскій полковникъ начала XVII ст., 55.
 Савула, гетманъ, 544, 550—554.
 Сагайдачный, (Конашевичъ) Петръ, гетманъ, 592—593.
 Самара, р., 601.
 Самойловичъ, Иванъ, гетманъ, 52, 387, 389, 583.
 Самоковасовъ, изв. рус. археологъ, 319.
 Сапѣга, Левъ, канцлеръ литовскій, 205.
 Сербѣвскій, нольскій пропов. XVII ст., 195.
 Сасько, полковникъ козацкій конца XVI ст., 550—554.
 Сатановскій, Арсеній, ученый XVII ст., 198.
 Сафоновичъ, Теоодосій, ученый XVII ст., 384.
 Сварково, с., имѣніе Марковичей, 65, 67, 70, 82.
 Свидницкій, малорус. пис. XIX в., 671.
 Святополкъ II Михайль, вел. князь кievскій, 365.
 Святославъ Владиміровичъ Мономахичъ, кн., 366.

- Седневъ, м. въ 30 верстахъ отъ Чернигова, мѣсто 1-й по времени Сѣчи, 589—591.
- Селецкіе, Андрей и Максимъ Петровичи, 250.
- Петръ, Василій и Яковъ Лаврентьевичи, 249—257.
- Дмитр. Лаврентьевичъ, отецъ П. Д., 250—256, 261, 270—276, 296, 446, 458.
- Ив. Яковл., новорос. ген.-губ., 248—249.
- Лаврентій Яковл., малорос. почтъ-директоръ, 248—250.
- Петръ Дмитриевичъ, гофмейстеръ, кiev. губ. предвод. дворянства; «записки» его; 247—296, 443—464, 609—644.
- Селивановъ, А., авт. зам. «Вертепъ въ купянскомъ у.», 512—515.
- Семашко, Ал—дръ, староста луцкій и каштелянъ брацлавскій, 541, 542, 598.
- Сенявинъ, Иванъ, полковникъ, 215.
- Серапионъ, митр. кievскій, 690—691.
- Серафимъ, митроп. петерб., 303.
- Сигизмундъ I, кор. польскій, 205, 428—429, 434, 525—564.
- Сигоній, польскій ученый XVI ст., 12.
- Синица, с. кiev. губ., 356.
- Синюха, р., 357.
- Скалевое, с. ал—дрійскаго у., имѣніе Пашчевичей, 111.
- Скальковскій, Ал., историкъ новой Сѣчи, 126.
- Скарбная, р., 598—599.
- Скарга, іезуитъ, польскій проповѣдникъ XVII ст., 184.
- Скворцовъ, И. М., прот., профес. у-та св. Влад., 289.
- Скворода, Григ. Савичъ, изв. пис. и мыслитель, 318.
- Скоропадскій, Иванъ, гетманъ; письмо его къ Андрею Марковичу, 52—53; упом. 52—57, 67, 146—147, 209—210.
- Михайль, ген. подскарбій, 59, 214.
- Скоруппа, Григорій, бунчуковый товарищъ, 471—476.
- Славинецкій, Елифаній, изв. ученый XVII ст., 191, 195—198.
- Слободзея, с. мѣсто Зап. Коша въ 1790 г., 225.
- Смагдагъ Крыжановскій, архіепископъ Рязан., 298.
- Смотрицкій, Мелетій, извѣст. ученый XVII ст., 1, 8, 10, 184.
- Святѣнь, с., 528.
- Соколовъ, Никодимъ, свящ.; разборъ его книги объ Остробрамской иконѣ Божьей Матери, 321—324.
- Соломерецкій, кн. Богданъ, староста кричевскій и олущицкій, 537.
- Софья Алексѣевна, царевна, 586.
- Сочины, Лелій и Фаустъ, первые представители соцініанства въ Польшѣ, 581—582.
- Срезневскій, изв. ученый, 309, 311, 319.
- Ставровецкій, ученый XVII ст., 196.
- Старовольскій, польскій проповѣдникъ XVII ст., 195.
- Стеблинъ-Каменскій, Е. П. надзир. въ кiev. I гимна, впослѣд. вилевскій губ., († 1882 г.) 501.
- Степанки, с. бердичев. у., 169.
- Степановъ, Вас. Петр., членъ иностр. коллегіи при Петрѣ I, 60.
- Стороженки, дворян. родъ; изслѣд. о нихъ, 205—222.
- Алексѣй Петр., извѣст. малор. пис., 219—221, 669, 685.
- Андрей, старшій полковникъ запорожскій; біографія его, 205.
- Андрей Иван., сотникъ иваноцкій, 207—209.
- Данило, Андрей, Петръ, Степанъ, Григорій и Ал—дръ, сыновья Григ. Андр., 214—219.
- Григорій, сотникъ иваноцкій, 209—210.
- Григ. Андр., бунчуковый товарищъ, 211—213.
- Иванъ, полков. прилуцкій, 206—207.
- Ив. Андр., сотникъ иваноцкій, 214.
- Михайло, сотникъ тувчинскій, 205—206.

- Стороженки, Мих. Ив., тов. бунчуков-
ный, 215—216.
— Мих. Мих., тов. бунчу-
ковый, 216—218.
— Мих. и Иванъ, сыновья
Степана Григор., 219.
— Н., авт. предисл. къ «3
докум. къ ист. Малорос-
сін», 143—144, и изсл.
о родѣ Стороженковъ,
205—222
— Ник. Мих., черниг. губ.
предв. двор., 218.
— Петръ и Павелъ, сыновья
Даніида Григ., 219.
— Яцько, козакъ брацлав.
полка, 206.
Строкова, с. полтав. губ., 358.
Струсь, Юрій, староста брацлавскій,
530, 549, 557, 560—562.
Стугна, р., 356—358, 361, 365—369.
Суворовъ, свѣт. кн. Италійскій, А. В.,
166.
Сулакъ, р., 211.
Сумцовъ, Н. Ѳ., доц. харьк. у-та, авт.
слѣд. статей и зам.: «Іоанникій Га-
лятовскій», 1—20, 183—204,
371—390, 565—588; «Къ ист.
малорус. нравовъ XVII ст.», 332—
333, и «Къ ист. слаб.-укр. чума-
чества, 493—498; упом., 321, 659.
Суражъ, с. волын. губ., 165 и слѣд.
Сухоносовка, с., имѣніе Марковичей,
58, 68.
Сухооржицкій хуторъ, имѣніе Марко-
вичей, 64.
Сѣровъ, А., изв. рус. композиторъ, 264.
Сѣчь, въ статьѣ «Число и порядокъ
запорож. сѣчей», 589—608; въ
статьѣ «Первыя козацкія движенія
въ Рѣчи-Посп.», 423—442, 525—
564; «Еврейскій плѣнь въ Запо-
рожьи, 159—165; рассказъ объ ея
уничтоженіи, 121; внутреннее управл.
Сѣчи, 126—128; упом. 223, 224,
229 и слѣд.
- Т.**
- Тарнавскій, А. И., 325.
Тарнополь, г., 437.
Таубертъ, изв. піанистъ; воспом. о немъ
П. Д. Селецкого, 614—615, 618.
Текели, Савва, ген.-поручикъ, 116.

- Терещенко, эгнографъ, 507.
Терлецкій, Кирилль, еписк. луцкій,
383—384, 539, 591.
Тетеревъ, р., 356, 357, 368.
Токари, с., имѣніе Марковичей, 55,
64, 79.
Толстой, графъ Л. Н., знам. пис., 31.
— Петръ Андр., изв. сподвиж-
викъ Петра I, 56.
— елисаветградскій комендантъ,
674.
Томаковка или Токомаковка, иначе Го-
родише, островъ противъ с. Красно-
григорьевки или Чернышевки, екат.
у., мѣсто 5-й по времени Сѣчи,
590, 593—596.
Томара, полков. переяславскій, 53.
Тополя, малорус. пис. XIX в., 668.
Торческъ, г., 365.
Тоттъ, бар., мемуаристъ прошлаго вѣка,
676.
Траскинъ, ген.-маіоръ, попечит. кiev.
учебнаго округа, 498, 502—505.
Третьякъ, Данило, войсковою старшина
(1770 г.), 159—160.
Триполье, м. кiev. губ., 356, 365,
368.
Тролицкій въ г. Вильнѣ мон., 322—
323.
Тростянець, с. харьков. губ., 59.
Троцкій, Кирилль, бунчуковый тов.,
212.
Трошинскій, Дмитрій Прок., сенаторъ
и мин., 178.
Трубейжъ, р., 368.
Тулиголовъ, с., 71.
Туманскій, Вас., пис. генеральн., 216.
Тысьменица, г., 528.
Тяпкннъ, резид. москов. во Львовѣ
(ок. 1675 г.), 201.
Тясьминя, р., 357.

У.

- Убеды, г., 64.
Уваровъ, Сергій Семеновичъ, мин.
нар. просвѣщенія, 460—461.
Уздипа, с., имѣніе Марковичей, 70.
Увава, р., притокъ Ирпеня, 356, 366.
Усвятъ, валаш. колонія въ Новороссіи,
132.
Ушаковъ, членъ малорос. коллегіи, 71.
Ушгъ, р., 357.

Фелицынъ, Е. Д.; разборъ изд. подъ его ред. «Кубанскаго сборника», 652—657.

Филаретъ, архіеп. смоленскій, 19.

— Гумилевскій, архіеп. черниговскій, изв. ученый, авт. «Стат. опис. чернигов. и харьков. епархій», 309—314; 318—319; 695.

— митроп. кіевскій, 289, 692.

Филипповичъ, Аванасій, игумень брестскій XVII ст., 572.

Фомбергъ, проф. у-та св. Влад., 503.

Френъ, академикъ, 301, 303.

Фундуклей, авт. «опис. кіев. губ.», 356, 357, 359.

Х.

Ханенко, Николай, 212.

Хвостовъ, Осипъ, полковникъ, (1765г.)

Херсонъ, г.; основаніе его, 117.

Хмелецкій, Ив., посоль гетмана Потоцкаго къ Хмѣльницкому, 594.

Хмельницкій, Богданъ-Зиновій, гетманъ, 206, 489, 578—579; 594—597.

— Гедеонъ-Юрій Богдановичъ, 202.

Ходкевичъ, Геронимъ, каштелянъ краковскій, 536, 554, 561.

Ходоновичъ, Іосифъ, игумень минскаго монастыря, 378.

Ходосовка, с. кіев. губ., 357.

Холодный, островъ на Дѣпрѣ, 598.

Хоружовщина, имѣніе Марковичей, 64.

Хорватъ, Ив. Сам., осн. Новосербіи, 111—117, 119.

— Н. И., помѣщикъ ал-дрійскаго у., 334.

Хортица, островъ на Дѣпрѣ противъ г. Ал-дровска, екат. губ., мѣсто 4-й по времени Сѣчи, 589—593, 595.

Хруцовъ, Мих. Сем., прокуроръ малорос. коллегіи при Петрѣ I, 71, 77.

Ц.

Цась, малорос. пис. XIX в., 671.

Ч.

Чаговъ, с. кіев. губ., 515—522.

Чалый, М. К., авт. книги «Жизнь и произв. Т. Г. Шевченка», 645.

Челышевъ, полковникъ (1749 г.), 214.
Чепѣга, атаманъ кошевой черноморскій, 224, 225, 232.

Черневъ, см. Черногородка.

Чернобыль, м. радомысльскаго уѣзда; разборъ описанія его, сдѣланнаго г. Л. П., 149—151.

Черногородка, с. кіев. губ., 357.

Черноморскіе козаки, см. Кубанскіе.

Чернышевка, с. екат. у., 590, 596.

Чешибисы, пунѣ Езуполь, с., 528.

Чижевскій, Николай; разборъ его книги «Старозаимочныя земли», 305—316.

Чортотмыкъ, р.; при устьѣ ея мѣсто 7-й по времени Сѣчи, 590, 597—600, 603.

Чубинскій, Пав. Плат., изв. этнографъ; некрологъ его, 343—349; оцѣнка его трудовъ, 349—351; упом., 483, 486, 661.

Чуйкевичъ, Ал-дръ, тов. войсковою, 143—148, 209.

— Андрей, 147.

Ш.

Шабалиновъ, с., имѣніе Марковичей, 54, 64.

Шамовка, с. ал-дрійскаго у., 334.

Шафонскій, авт. топографич. опис. черниг. намѣстн., 217.

Шевичъ, ген.-маіоръ, одинъ изъ основ. ново-серб. колоній, 112—114.

Шевченко, Т. Г., знам. поэтъ; повѣсть его «Княгиня», 391—422; письма къ нему Максимовича, 645—650; упом. 505, 668—670.

Шепетовскій хуторъ, имѣніе Марковичей, 64.

Шереметевъ, Вас. Ал-дровичъ, 254.

— воев. кіев. (1666 г.), 19.

Шулакъ, м. волын. губ., 105.

Шутъ, Андрей, кобзарь, 42—44.

Щ.

Щепкынъ, М. С., изв. трагикъ, 646—647.

Щепотьевъ, членъ малор. коллегіи, 71.

Щербяна, Ѳ. А.; его статья «Исторія самоуправленія у кубан. козаковъ», 223—246; отзывъ о его трудахъ, 654—657.

Щоголевъ, малорус. поэтъ; разборъ его стихотвореній, 151—154.

З.

Эварницкій, Дм. Ив., доц. харьков. у-та, авт. статьи «Число и порядок запорож. съчей», 589—608.
Эрдели, Павелъ, майоръ ново-сербскаго полка, 165.

Ю.

Юзефовичъ, Мих. Влад., помощникъ попеч. кiev. учебнаго округа, 503.
Юрій Владиміровичъ (Долгорукій), в. князь суздальскій, 366—367.

Я.

Яворскій, Стефанъ, извѣстный ученый XVII ст., 196—198.
Язловецкій, Николай, староста снятынскій, 427—429, 434, 435, 529—530, 534, 561.
Язловець, м. въ Галиціи, 488.
Яковлевъ, В. А., бібліотекаръ одес. публ. библ., 491—492.
Якубовичъ, полковникъ вѣжинскій (1774 г.), 218.

Ямполь, м. волын. губ., 168.

Янчиво, с., 366.

Янъ Собѣсскій, кор. польскій, 487—488.

Ярославъ Великій, в. князь кievскій, 369.

Ястребовъ, В., авт. зам. «Греки въ Елисаветградѣ», (1754—1777 г.), 673—684; сообщ. «Примѣчанія А. Пишчевича на Новорос. край» и дополненія къ нимъ, 111—134, 333—336.

Ө.

Өедоровъ, Григ., атаманъ кошевой, 604—607.

Өедоръ Алексѣевичъ, царь и в. князь, 567—568.

Өедоръ Іоанновичъ, царь и в. князь, 431.

Өедотовъ-Чеховской, проф. у-та св. Влад., 291.

Өеофанъ Прокоповичъ, изв. пропов., архіеп. псковской; письмо его къ Якову Марковичу, 65—66; письмо къ архіеп. кiev. Рафаилу Заборовскому, 465—470.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА VIII. 1883 г.

Январь, 1884 г.

	СТР.
I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). Н. Ѳ. Сумцова	1
II. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. (<i>Очерки I—III</i>). В. Горленна	21
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Марковичи). Ал. Лазаревскаго	50
IV. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). И. Левицкаго	83
V. ПРИМѢЧАНІЯ АЛЕКСАНДРА ПИЩЕВИЧА НА НОВОРОССІЙСКІЙ КРАЙ. Съ предисл. и примѣч. В. Ястребова	111
VI. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНАГО СУДЬИ АКИМА СЕМЕНОВИЧА СУЛИМЫ.	135
VII. ТРИ ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ МАЛОРОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ. Н. С—ко	143
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Городъ Чернобыль (кіевской губерніи), описанный отставнымъ военнымъ Л. П. Кіевъ , 1883 г.— <i>В. Г—ко</i> .—б) Ворскло, лірна поэзія Я. Щоголева , Харьковъ. 1883 г.— <i>Ело-же</i> .—в) Юмористическіе рассказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта В. П. Жукowska . Кіевъ, 1883 г.— <i>Ело-же</i> .—в) Демидовъ Санъ-Донатъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г.	149
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Еврейскій плѣвъ въ Запорожьѣ 1770—1772 гг.— <i>А. Скальковскаго</i> .—б) Волынская бывальщина.— <i>И. О.</i> —в) Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями.— <i>Е. Кошовика</i> .—г) Образчикъ малорусской «покормежной».—д) Высшіе женскіе курсы въ бывшей гетманщинѣ.—е) Последнія домогательства малороссійскаго шляхетства.—ж) Изъ писемъ помѣщиковъ кіевской губерніи къ кіев. гражд. губернатору Пократъеву.—Сообщ. <i>А. А—скій</i> .—з) Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уни.—Сообщ. <i>М. Крашановскій</i> ;	159

ОБЪЯВЛЕНІЯ.
БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

II

Февраль, 1884 г.

	СТР.
I. ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (<i>Продолженіе</i>). Н. Θ. Сумцова	183
II. СТОРОЖЕНКИ. (Фамилная лѣтопись). Н. В. С—но.	205
III. ИСТОРИЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ. Ф. Шербины	223
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г.	247
V. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВ. АКАД., АРХИМ. МЕЛЕТІЮ. Сообщ. свящ. І. Левандовскій.	297
VI. БИБЛИОГРАФІЯ: а) 1) Старозаимочная земля. Судебныя по искамъ объ нихъ рѣшенія. Изданіе Николая Чижевскаго. Харьковъ. 1883 г.— б) 2) Гурова и Бродскаго. Запѣтки и матеріалы по вопросу о старо-заимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. Харьковъ. 1883 года).— <i>Дж. Багалъя</i> .—в) Харьковский календарь на 1884 года. Харьковъ. 1883 года.— <i>В. Г.</i> —г) Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.— <i>К. Ц.</i>	305
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прожитыхъ на Волыни дней.— <i>Н. Костомарова</i> .—б) Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія.— <i>Н. С.</i> —в) Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія.— <i>В. Ястребова</i> .—г) Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и нравовъ старыхъ кievскихъ «студеевъ»).— <i>Кс. Цыбульскаго</i> .—д) П. П. Чубинскій. (Некрологъ).— <i>А. Θ. Кистяковскаго</i> .—е) «Труды этнографическо-статистической экспедиціи Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными.— <i>В. Г.</i> —ж) Не узанная рукопись. (По поводу статьи: В. Л. Кочубей въ дек. кн. «Русской Старины» 1883 г.)—Графа <i>Милорадовича</i> .—з) Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи.— <i>Д. Т.</i>	325
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.	

Мартъ, 1884 г.

	СТР.
I. ЗМІЕВЫ ВАЛЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ. В. Антоновича	253
II. ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (<i>Продолженіе</i>). Н. Θ. Сумцова	271
III. КВЯГИНЯ. (Разсказъ Т. Г. Шевченка)	391
IV. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). Θ. Николайчика	423

III

V. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. (<i>Продолженіе</i>).	443
VI. ПИСЬМО АРХ. НОВГ. ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА КЪ АРХ. КІЕВ. РАФАИЛУ ЗАБОРОВСКОМУ. (О способахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія кіев. академіи)	465
VII. РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 1-й ПОЛОВИНЫ XVIII В.	471
IX. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варшава. 1883 г.—б) Покутье. Этнографическій этюдъ. Сост. Оскаръ Кольбергъ. Краковъ. I. 1882. II. 1883. <i>Ц.</i> — <i>Неймана</i> .—в) Четь, или не четь? Историческая новѣсть конца XVII в. I. Крашевскаго. Варшава. 1884. Т. 1 и 2. <i>С.</i> —г) Споминки про жите и дѣяльность Володимира Барвѣвскаго. Львовъ. 1884 г.— <i>В. Г—ка</i> —д) Къ новоселю городской публичной библиотеки въ Одессѣ (1829—1883 г.). Одесса. 1883 г.	478
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи слободско-украинскаго чумачества.— <i>Н. Сумцова</i> .—б) Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ.— <i>Н. Я. Бар—вскаю</i> .—в) Сто семь лѣтъ южно-русской этнографіи.— <i>В. Г—ка</i> .—г) Попытка околдовать волостной судъ.— <i>П. Еф.</i> —д) Послѣдствія клятвопреступленія. <i>П. Еф.</i> —е) Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи.— <i>А. Семьянова</i> .—ж) Вымирающіе типы украинской деревни. Прот. <i>Луки Киселевича</i> .—з) Контрактъ на постройку церкви конца XVII в.	493
XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями <i>А. М. Лазаревскаю</i> . (Приложеніе).	1—16

Апрѣль, 1884 г.

	СТР.
I. ПЕРВЫЯ КОЗАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. (1591—1596 г.). (<i>Окончаніе</i>). Ө. Николайчика	525
II. ЮАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка. (<i>Окончаніе</i>)). Н. Ө. Сумцова	565
III. ЧИСЛО И ПОРЯДОКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СЪЧЕЙ. Д. И. Эварницкаго	599
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. (<i>Продолженіе</i>)	609
V. ИЗЪ ПИСЕМЪ МАКСИМОВИЧА КЪ ШЕВЧЕНКУ. С. Пономарева	634
VI. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Географическій словарь западно и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ сгранъ, сост. Я. Головацкишъ. Съ приложеніемъ географ. карты. Вильна. 1884 г.— Ө. Ни—ка .—б) Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Област. Статистическаго Комитета, издаваемые подъ	

IV

редакцію Е. Д. Фелицына: Т. I., съ картою Кубан. Области. Екатеринодаръ. 1883 г.—в) А. А. Потѣбни. Объясненія малорусскихъ и сред-ныхъ народныхъ пѣсень. Варшава 1883.—*Ц. Неймана*—г) Очерки исторія украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884 г.—*В. Г.* 621

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Греки въ Елисаветградѣ (Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи)—*В. Ястребова.*—б) Малоизвѣстные и неизвѣстные источники свѣдѣній о минувшей жизни Полтавщины.—*Н. С.*—в) Кіевскія лѣтописныя замѣтки XVIII и XIX ст. 1) Изъ приписокъ къ подлиннику путешествія Василя Григоровича Барскаго. 2) Изъ записной книжки кіевского гражданина Миславскаго.—г) Могила гетманцевъ въ г. Лебеданѣ.—*П. Ефименка.*—д) Два сообщенія по части народныхъ вѣрованій: 1) Криница—богиня плодородія у сѣверянъ.—Сообщ. *П. Литвинова.*—2) Поля неодушевленныхъ предтѣтовъ.—Сообщ. *М. Г—овъ.*—е) Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ.—*Маковская.*—ж) Художникъ В. Л. Боровиковскій. 1768 (?)—1825 г.—*В. Горленка*—з) Греческія музы въ малорусскомъ изображеніи (Рисункъ и поясненіе къ нему). 673

VI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 17—32
VII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.